

8

БЫЛИНЫ

ЗИМНИЙ БЕРЕГ
БЕЛОГО МОРЯ

СВОД
РУССКОГО
ФОЛЬКЛОРА

БЫЛИНЫ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

СВОД
РУССКОГО
ФОЛЬКЛОРА

БЫЛИНЫ

В 25 ТОМАХ

ТОМ ВОСЬМОЙ

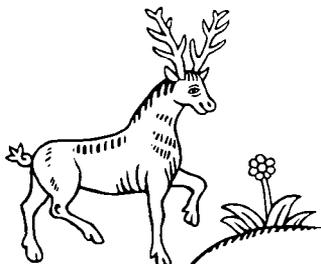

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»

МОСКВА
Редакционно-издательский центр
«КЛАССИКА»

2018

СЕВЕР
ЕВРОПЕЙСКОЙ
РОССИИ

БЫЛИНЫ
ЗИМНЕГО БЕРЕГА
БЕЛОГО МОРЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»

МОСКВА
Редакционно-издательский центр
«КЛАССИКА»

2018

УДК 82

ББК 82.3(2Рос=Рус)

Б95

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СВОДА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

В. Е. Багно, А. Н. Власов (главный редактор), Ю. Л. Воротников,
А. А. Горелов, В. И. Еремина, А. А. Зализняк,
Т. Г. Иванова, Н. Н. Казанский, А. В. Лавров, Ю. И. Марченко,
С. И. Николаев, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Н. Н. Скотов,
С. М. Слонимский, И. М. Стеблин-Каменский, С. М. Толстая,
А. Л. Топорков, Е. П. Чельшев, В. А. Чернушенко

Авторский коллектив: редакционная коллегия серии «Былины в 25 томах»

А. Н. Власов, В. И. Еремина, Т. Г. Иванова, Ю. И. Марченко,
Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, И. Я. Фроянов

Издание подготовили:

А. Н. Власов, С. А. Жадовская, Н. Г. Комелина,
Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков

Рецензенты:

Т. С. Канева, В. А. Поздеев

Ответственный редактор тома

А. Н. ВЛАСОВ

Издательская программа Международного Пушкинского фонда «Классика»
При поддержке ОАО Нефтяная Компания «ЛУКОЙЛ»

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 18-112-00080, не подлежит продаже

ISBN 978-5-02-038245-9 (Т. 8)
ISBN 5-02-028366-5 («Наука»)
ISBN 978-5-91325-020-9 (Т. 8)
ISBN 5-7735-01-20-1 (РИЦ «Классика»)

© Российская Академия наук, 2018
© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
составление, подготовка текстов, комментарии, 2018
© Редакционно-издательское оформление. Издательство
«Наука», 2018

**СОСТАВ 25 ТОМОВ
СЕРИИ «БЫЛИНЫ»
СВОДА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА**

Томы 1—10. Былины Севера. Архангельско-беломорские традиции

Томы 1—2. Печора

Томы 3—5. Мезень

Том 6. Кулой

Том 7. Пинега

Томы 8—9. Зимний берег Белого моря

Том 10. Западное Поморье

Томы 11—20. Былины Севера. Обонежско-каргопольская традиция

Том 11. Северное Обонежье

Томы 12—15. Западное Обонежье

Томы 16—18. Восточное Обонежье (Пудога)

Том 19. Кенозеро

Том 20. Каргополье

Томы 21—23. Былины центральных районов Европейской России, Поволжья, Урала и Сибири

Том 21. Центр европейской части России

Том 22. Урал, Сибирь, Дальний Восток

Том 23. Казачьи области (Дон, Нижняя Волга, Северный Кавказ и др.)

Том 24. Непаспортизованные записи XVII—XX вв.

Том 25. Приложения. Сводные указатели

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Масштабность записей русского былинного эпоса, сохранившихся со времени его первых фиксаций в XVII—XIX вв. и вплоть до настоящего времени, объективно подсказала основной принцип публикации Свода русского фольклора и первой его серии «Былины» — региональный. Этот принцип наиболее полно соответствует критерию экологии истории и позволяет видеть в конкретно областном, локальном материале общенациональное начало русского фольклора. Сегодня уже вышли в свет 11 томов Свода («Былины Печоры»,¹ «Былины Мезени»,² «Былины Кулоя»,³ «Былины Пинеги»,⁴ «Былины Пудоги»⁵). В 8-м и 9-м томах настоящего издания публикуются тексты былин Зимнего берега Белого моря.

Принятые принципы расположения материала (по сюжетам в порядке хронологии записи текстов) позволяют увидеть изменчивость сюжетной канвы текста во времени, а также индивидуальные особенности каждого исполнителя. В подготовке томов, помимо филологов и музыковедо-фольклористов, принимают участие историки, этнографы, археографы, что по сути является реализацией комплексного подхода. В ходе работы над Сводом составители сталкиваются с рядом серьезных научных проблем, зачастую требующих пересмотра устойчивых положений в фольклористике, возникают новые перспективы для интерпретации текстов русского былинного эпоса.

Одна из таких сложных проблем — источниковедческая — возникает уже при начальной подготовке текстов к изданию, когда исследователи обращаются к нескольким типам источников: к изданным ранее текстам, полевым рукописным записям собирателей и редким фонограммам. Составители, конечно, зависят от тех, кто имел отношение к текстам до них, невольно повторяя осознанные исправления текстов или их ошибки, сделанные при записи.

Что касается былинного репертуара сказительницы Аграфены Матвеевны Крюковой, то составители сочли целесообразным объединить все записи как собственно золотицкие, терские, так и стаины, усвоенные от разных неместных сказителей, на том основании, что все записи были сде-

¹ Былины Печоры. СПб., 2001. Т. 1—2 (Свод русского фольклора. Былины в 25 томах).

² Былины Мезени. СПб., 2003—2006. Т. 3—5 (Свод русского фольклора. Былины в 25 томах).

³ Былины Кулоя. СПб., 2011. Т. 6 (Свод русского фольклора. Былины в 25 томах).

⁴ Былины Пинеги. СПб., 2012. Т. 7 (Свод русского фольклора. Былины в 25 томах).

⁵ Былины Пудоги. СПб., 2013—2016. Т. 16—18 (Свод русского фольклора. Былины в 25 томах).

ланы тогда, когда она после замужества стала жительницей Нижней Золотицы и в свою очередь оказала заметное влияние на местную традицию, особенно на репертуар своих дочерей.

Источниковую базу эпического наследия Зимнего берега Белого моря в этом отношении можно отнести к сложной категории.

Том 8-й серии «Былины в 25 томах» Свода русского фольклора — Былины Зимнего берега Белого моря» подготовлен коллективом авторов.

Авторы вступительных статей: «Эпическая традиция Зимнего берега Белого моря» — А. Н. Власов, «К истории Зимнего берега» — Т. Г. Иванова, «История собирания былин Зимнего берега Белого моря» и «Проблемы текстологии былин Зимнего берега Белого моря» — Н. Г. Комелина, «Напевы былин Зимнего берега Белого моря» — Ю. И. Марченко, «О рукописно-книжной традиции Зимнего берега Белого моря» — А. Б. Бильдюг и Н. Г. Комелина.

Тексты подготовлены А. Н. Власовым, Н. Г. Комелиной и С. А. Жадовской.

Комментарии к текстам (текстологические, паспортные, кроме сюжетных) написаны А. Н. Власовым, С. А. Жадовской, Н. Г. Комелиной, А. В. Никитиной.

Сюжетный комментарий составлен А. Н. Власовым и Ю. А. Новиковым.

Музыковедческую часть тома подготовил Ю. И. Марченко.

Подбор иллюстраций — А. Н. Власов, Н. Г. Комелина.

В Приложении вошли разделы из вступительных статей, посвященные описанию традиции Зимнего берега, к изданиям А. В. Маркова и А. М. Астаховой; статья Л. Васильева «Язык „Беломорских былин“»; впервые публикуется статья В. П. Чужимова.

Коллектив составителей тома выражает самую искреннюю благодарность за участие в подготовке текстов и комментариев к изданию А. В. Никитиной, О. В. Макаревич, Д. А. Морозовой и Л. И. Петровой.

А. Н. ВЛАСОВ

ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ЗИМНЕГО БЕРЕГА БЕЛОГО МОРЯ

В состав эпического репертуара Зимнего берега входят достаточно известные и распространенные на Русском Севере сюжеты (общее их количество — 34). Особым предпочтением у золотицких сказителей, судя по числу зафиксированных вариантов, пользовались следующие: «Дунай Иванович — сват» (СБ 8. № 72—80); «Дюк Степанович и Чурила Пленкович» (СБ 8. № 82—89); «Сорок калик» (СБ 8. № 98—103); «Поединок Добрыни Никитича с Ильей Муромцем» (СБ 8. № 8—15); «Добрыня Никитич и Змей» (СБ 8. № 3—6); «Добрыня и Алёша» (СБ 8. № 19—25); «Исцеление Ильи Муромца» (СБ 8. № 25—32); «Чурила Пленкович и Катерина» (СБ 8. № 90—97); «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (СБ 8. № 33—37); «Илья Муромец и Идолище» (СБ 8. № 38—40); «Козарин» (СБ 8. № 127—132); «Камское побоище» (СБ 8. № 48—53); «Илья Муромец и Сокольник» (СБ 8. № 41—44); «Алеша Попович и сестра Петровицей-Збродовичей» (СБ 8. № 64—67); «Михайло Потык» (СБ 8. № 68—71); «Иван Гоудинович» (СБ 8. № 104—108).

К редким и единичным записям относятся: «Волх Всеславьевич» (СБ 8. № 1); «Святогор и Илья Муромец» (СБ 8. № 2); «Добрыня Никитич и Василий Казимирович» (СБ 8. № 7); «Данило Ловчанин» (СБ 8. № 109); «Хотен Блудович» (СБ 8. № 110—111); «Василий Буслаев и новгородцы» (СБ 8. № 120).

Еще одна группа текстов в общем перечне занимает промежуточное положение, в нее можно включить: «Илья Муромец и Калин-царь» (СБ 8. № 45—47); «Бунт Ильи Муромца против князя Владимира» (СБ 8. № 54—55); «Три поездки Ильи Муромца» (СБ 8. № 59—61); «Идолище сватает племянницу князя Владимира» (СБ 8. № 16—18); «Алёша Попович убивает татарина» (СБ 8. № 62—63); «Сухман» (СБ 8. № 112—113); «Михайло Данилович» (СБ 8. № 114—116); «Василий Игнатьевич и Батыга» (СБ 8. № 117—119); «Садко состязается» (СБ 8. № 121—123); «Глеб Володьевич» (СБ 8. № 124—126); «Соломан и Василий Окулович» (СБ 8. № 133—135).

Кроме классических былинных сюжетов в репертуар золотицких исполнителей входило несколько былинных песенных переложений: «Про Ивана Грозного» (ББ. № 73), «Взятие Казани и смерть царя Симеона» (ББ. № 74), «Про Петра Первого» (ББ. № 75), «Осада Соловецкого монастыря» (ББ. № 76), «Похороны Сеньки Разина» (ББ. № 77), «Встреча двух купцов в кабаке» (ББ. № 78), небылицы (СБ 8. № 135—139; ББ. № 79—81), былинные переложения книжных сюжетов: Еруслан Лазаревич (ББ. № 82), «Рында» (ББ. № 83).

По мнению А. В. Маркова, «первым необходимым условием процветания былевой поэтики является досуг. Для того чтобы пропеть только одну былинку, требуется нередко час, два и более времени, но ведь запоминается она не сразу, нужно ее прослушать раза 3; между тем хорошие сказатели знают по несколько десятков старин. Сколько же надо потратить времени, чтобы овладеть таким обширным репертуаром? Действительно, у золотицких крестьян много свободного времени и притом такого, которое нечем заполнить. На лето многие крестьяне уезжают ловить семгу в промысловые избушки, рассеянные по берегу моря в нескольких верстах одна от другой, и живут совершенно изолированно по трое, иногда даже без женщин. Сидя по несколько часов сряду в ожидании улова, промышленники имеют возможность перенять друг у друга громадный запас старин, „сказывание“ которых разнообразит их невольный скучный досуг. Лучшие три сказателя, прослушанные мною: Крюков, Пономарев и Чекалев, с детских лет занимаются ловлею семги на море; последний прямо говорил, что он перенял старины на тонях. На тонях же А. М. Крюкова слушала старины у своего двоюродного брата. Зимние промыслы также оставляют свободное время для пения старин. Крюков большую часть своего репертуара заучил в то время, когда он, сначала в качестве работника, а потом — самостоятельного члена артели, промыслял морских зверей. Сами крестьяне говорили мне, что старины чаще всего услышишь на промыслах, причем к указанным выше занятиям они прибавляли охоту на зверей, когда охотники, обыкновенно двое, отправляются на неделю или на две в лес и там живут в избушках. Дома же старины можно услышать только от женщин, и то большею частью постом. Как выше было упомянуто, течение Мезени в Золотице считается главным центром былинного местонахождения. На мой вопрос, чем объяснить такое богатство старин в этой глухой стороне, один старик сказал, что там население редкое, а мест для рыбной ловли очень много, и промышленникам приходится проводить долгое время вдали от дома, в избах, разбросанных на большом расстоянии одна от другой по берегу моря и около озер.

Уже Гильфердинг указал, что занятия некоторыми ремеслами способствуют распространению былин, так как дают время для их пения. Это мнение подтверждается и моими наблюдениями. Правда, из опрошенных мною сказателей только один, Чекалев, серьезно занимается сапожным ремеслом; но что касается сказательниц, то они все рукодельничают: большинство из них работает на ткацком станке (дочери Крюковой, Точилова и др.), а самая лучшая сказательница А. М. Крюкова (прим.: ее 60 старин заключают в себе, по моему счету, около 10 300 стихов) постоянно занимается сучением бичевки и плетением из них сетей. Впрочем, она не пренебрегает и хозяйством, а также рыбной ловлей, которой вообще золотицкие женщины занимаются наряду с мужчинами».

И далее А. В. Марков продолжает: «Вторым условием сохранения былин в населении является малое развитие в нем грамотности, которая, расширяя умственный горизонт и возбуждая новые интересы, отвлекает внимание от несложных эпических памятников старины. Действительно, в Золотице до сих пор обучение в школах очень мало распространено, а в старину, когда не было еще школ, единственными проводниками грамотности были два скита: Игнатьевский и Онуфриевский, находящиеся в 60 и 100 верстах от Золотицы и разоренные в конце царствования Николая I. В этих скитах училось очень немного народа, так как учившиеся должны были жить там несколько лет подряд. Из 11 лиц, прослушанных мною, грамотными оказались плохие сказатель и сказательница — Седунов и Лыткина, и только одна порядочная певица Марфа Крюкова, внучка покойного знаменитого сказателя Василия Леонтьевича Крюкова, который также умел читать и писать, выучившись грамоте в Онуфриевском скиту».

Собиратель также отмечает: «Третьим важным условием сохранения былин должно быть присутствие интереса к этим памятникам старины, не заглушенного животрепещущими событиями или распространением более интересных форм поэтического творчества. И в этом отношении посещенная мною местность соединяет в себе все элементы, благоприятные для сохранения традиционного эпоса. Занесенное судьбою на крайний север, население беломорского побережья всегда жило вдали от политических и культурных центров и, конечно, не могло принимать близко к сердцу их жизнь, отголоски которой доходили до него медленно и в слабой степени (особенно это относится к Зимнему и Терскому берегу, население которых не ездит на Мурман, откуда обыкновенно идут новые песни и новые моды). Даже теперь, с улучшением путей сообщения, с устройством почты и телеграфа, на значительной части пространства, отделяющего Зимний и Терский берег от Москвы и Петербурга, даже теперь всероссийские новости доносятся до Белого моря нескоро и не производят большого впечатления на крестьян; прежде северяне, очевидно, были отчуждены от центров еще в большей степени. В центральной России Москва, задавая тон поэтическому творчеству, выработала исторические песни, которые могли заменить собою старые былины; на Дону и на Урале казачья жизнь, полная тревожений, также давала пищу для новых форм эпоса. Но на крайний север из этих новинок проникла самая незначительная часть (количество записанных мною московских и казачьих песен (10 пересказов) сравнительно с количеством других старин совершенно ничтожно), и население довольствовалось старым, вынесенным из Новгородской земли эпосом, только слегка применяя его к своей природе и своему быту».

Вслед за Гильфердингом А. В. Марков считает: «Наконец, четвертым условием сохранения былевой поэзии должно быть сочувствие ее идеалам и пониманием ее типов. В этом отношении северный крестьянин был поставлен в особенно благоприятные условия. Живя вдали от крепостного права, он, по прекрасному выражению Гильфердинга (с. 7), „не терял сочувствия к идеалам свободной силы, воспеваемым в старинных рапсодиях. Напротив того, — продолжает тот же исследователь, — что могло бы остаться сродного в типе эпического богатыря человеку, чувствовавшему себя рабом?» Если обратиться к крестьянину Зимнего берега, то окажется, что ему должен быть понятен тип независимого „эпического богатыря“, так как он ни перед кем не „чувствует себя рабом“».¹

Интересный вопрос, который затрагивает Марков, это половозрастная стратификация эпической традиции начала XX в.: «Старины здесь поются как мужчинами, так и женщинами: насколько я мог узнать, в обоих селах можно найти 11 сказателей и 13 сказательниц, так что число женщин-певец превышает число мужчин, мне пришлось записывать старины также более у крестьянок, чем у крестьян: первых оказывается 6, а последних — 5, причем первые знают не менее старин, чем вторые. Самый обширный репертуар оказался также у женщины, правда, родом с Терского берега, А. М. Крюковой. В распределении сюжетов трудно указать какую-нибудь разницу между полами: скорее, разница в этом отношении существует между лицами, обладающими более и менее обширным репертуаром, а именно: первые не любят коротких, а также общеизвестных старин. Старины поются большею частью пожилыми людьми от 40 до 60 лет, но заучивают их обыкновенно еще в детском возрасте. Так, обе Крюковы, мать и дочь, начали перенимать старины с 8—9 лет; А. М. Крюкова до 18 лет, когда жила она на Терском берегу, заучила 41 старину, а с 18 до 45 лет — только 19; Васильева заучивала старины девочкой лет 10, в молодости, именно, лет 17, перенимал старины и замечательный сказатель Гаврило Крюков».²

¹ БСДС. С. 1002—1003.

² Там же. С. 1004.

Учитывая условия массового заселения Мезенского, Терского и Зимнего берегов в конце XVII—XVIII в.,³ можно предположить, что эпическая традиция («очаг») Зимнего берега сложилась не ранее XVIII в. и пережила свой расцвет в конце XVIII—начале XIX в.⁴ А. В. Марков, как и Н.Е. Ончуков на Печоре, застал состояние традиции в заключительной фазе ее бытования. При этом следует отметить, что среди известных фамилий и имен местных сказителей Зимней Золотицы Крюковы не занимали особого положения, они появились в числе сказителей трех последних поколений лишь на закате традиции. То же можно сказать и о Пономаревых из Верхней Золотицы. (Правда, мы не знаем, находились ли в родственных отношениях сказитель Доримендонт Иоилевич Пономарев, старик 80 лет, отказавшийся петь старины А. В. Маркову,⁵ и Федор Тимофеевич Пономарев.⁶) Более устойчивой в этом отношении является династия Точиловых (хотя и не по прямой линии), можно также отметить и местных сказителей Седуновых и Прыгуновых. Но говорить о существовании семейных школ в Зимней Золотице, как, согласно А. М. Астаховой о семейной школе Чупровых на Пижме,⁷ на наш взгляд, не актуально.

В контексте предпринятого изучения былинной традиции Зимнего берега, очевидно, требуют пересмотра и некоторые сложившиеся в науке основные положения о ней.

Репертуар былинных сюжетов, зафиксированных собирателями в период с 60-х гг. XIX в. по 30—40-е гг. XX в. от исполнителей Зимнего берега Белого моря, констатирует состояние этой традиции в завершающей стадии ее живого бытования, и поэтому вряд ли позволяет нам восстановить в полной мере картину реальной жизни эпических памятников в более ранний период.

Чрезвычайно важным нам представляется в реконструкции былинного репертуара Зимнего берега обратить внимание на то, какую роль в местной традиции сыграли мезенский репертуар и репертуар Терского берега. Ю. А. Новиков по этому поводу высказывает весьма аргументирован-

³ *Леонтьев А. И.* Зимний берег. Архангельск, 1999; *Окладников Н. А.* 1) История Ануфриевского старообрядческого скита (XVIII—начало XX в.) // Старообрядчество : История, культура, современность : Материалы VII Междунар. науч. конф. М., 2005. С. 32—42; 2) История Игнатъевского старообрядческого скита (середина XVII—XX вв.) // ИНТЕРНЕТ: <http://www.starover.religare.ru/article7767.html> — 03.09.2010.

⁴ Подобные процессы мы наблюдаем и на Печоре. Причины этого были обусловлены сравнительно поздним культурным освоением русскими Печорского региона. Речь идет не о первых засельщиках края («Ивашка Ластка со товарищи») в XVI в., а о массовом заселении нижней и средней Печоры в XVIII в. Переселенцы этого времени, состоящие в основном из старообрядческого населения западных и южных областей Русского Севера, явились основными носителями и трансляторами эпической традиции. Поздняя миграционная волна и породила самобытный феномен печорской культурной традиции. Относительная «молодость» традиции и ее автохтонность в силу различных факторов обусловили сохранность фольклорного фонда на длительный период, вплоть до последних десятилетий XX в. Ярким примером тому может служить игровой комплекс «Горка», традиционная лирика и другие жанры крестьянского фольклора, записи которых до последнего времени поражают собирателей. Вместе с тем, говоря об особенностях печорского фольклора, необходимо иметь в виду, что исторически устная культура устьицелюв основывалась уже на иных мировоззренческих устоях: традиционные сюжеты, темы, мотивы, образная система во многом были деформированы в условиях идеологии и эстетики Нового времени. Архаические модели традиционной культуры, составляющие основу печорской традиции, оказались под глубоким воздействием старообрядчества с его идеологической установкой на «память традиции». Этим, в частности, объясняется их относительная устойчивость во времени. Достаточно, например, привести факт устойчивости и полноты текстов песенного фольклора в записях 1929 г. и 1980—1990 гг. Подробнее см.: *Власов А. Н.* Реч. на кн.: Былины Печоры. СПб.; М., 2001. Т. 1—2 (Свод русского фольклора. Былины в 25 томах) // Традиционная культура. М., 2004. № 1. С. 92—94.

⁵ БСДС. С. 1010.

⁶ Там же. С. 410.

⁷ *Астахова А. М.* Былины : Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 200.

ную точку зрения, замечая, что следует «настороженно относиться к получившему широкое распространение мнению о большой близости эпических традиций Зимнего берега, Мезени и Кулоя (особенно двух последних районов) и известной обособленности традиции печорской. (...) Констатируя многочисленные переключки и буквальные совпадения в былинах Мезени, Кулоя и Зимнего берега, исследователи объясняют их двумя причинами: общностью корней (сказители всех районов — потомки новгородских переселенцев) и сходством хозяйственно-бытового уклада, постоянными контактами жителей этих районов на рыболовных и зверобойных промыслах (особенно на знаменитых Кедах и Конушском мысу)».⁸ Весьма заметно такое влияние в творчестве Аграфены Крюковой, которая была родом терчанка, и первые навыки сказительского искусства и первые сюжеты ею были усвоены именно на Терском берегу в семье родителей (от матери, дяди Ефима). Однако остается открытым вопрос, насколько соответствует истине предпринятое А. В. Марковым разделение репертуара сказительницы А. М. Крюковой на золотицкие и терские сюжеты. Ответ на этот вопрос требует основательной текстологической проверки всего корпуса былинных текстов этих эпических «очагов».

В эпической традиции Зимнего берега Белого моря существуют общие сюжеты с традицией Терского берега (см. ниже), в равной мере можно говорить об общности репертуара ее с мезенской традицией. Более того, можно даже предполагать, что именно мезенская традиция оказала заметное влияние на золотицких мастеров. О такой зависимости золотицких сказителей от мезенских говорят примеры из репертуара представителей крюковской династии и М. С. Точиловой.

От Г. Л. Крюкова были записаны и, как можно предполагать, усвоены им от золотицких сказителей старшего поколения следующие сюжеты: «Святогор и Илья Муромец» (пересказ), «Добрыня и Змей», «Исцеление Ильи Муромца» (пересказ), «Первая поездка Ильи Муромца», «Илья Муромец, разбойники и Идолище», «Бой Ильи Муромца с сыном», «Камское побоище», «Дунай Иванович» («Василий Казимирович»), «Потык», «Сорок калик», «Князь Глеб Володьевич», «Василий пьяница», небылица. Тексты, записанные от Г. Л. Крюкова, тесно связаны с местной эпической традицией в отличие от записей, сделанных от младших представителей этой фамилии.⁹

Из указаний самой А. М. Крюковой следует, что от своего свекра В. Л. Крюкова она усвоила следующие сюжеты: «Исцеление Ильи Муромца», «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром», «Алеша, переодевшись каликою, убивает Тугарина», «Князь Глеб Володьевич», «Князь Борис Романович» («Данило Ловчанин»), «Семейная жизнь Петра I», «Встреча двух купцов в кабаке», «Похороны Сеньки Разина». Из приведенных сюжетов, по словам исполнительницы, непосредственно от золотицких сказителей (главным образом от своего свекра), она усвоила всего 6 старин. Кроме того, подобную реконструкцию репертуара старшего поколения можно было бы пополнить за счет некоторых текстов из раннего репертуара М. С. Крюковой. По мнению Ю. А. Новикова, среди пяти старин золотицкой сказительницы одна («Алеша Попович освобождает сестру» — ББ. № 64) «по содержанию вполне традиционна и представляет собой индивидуальную переделку былины о Козарине».¹⁰

⁸ Новиков Ю. А. IV. Обзор былин мезенской традиции // СБ 3. С. 37—38.

⁹ Новиков-2009. С. 347.

¹⁰ Там же. С. 352.

На основании анализа репертуара М. С. Крюковой можно утверждать, что он ограничивается известным кругом сюжетов из репертуара старшего поколения золотицких сказителей. При этом стоит отметить, что большинство известных версий былин устного происхождения у нее восходит прежде всего к мезенской традиции, а не к местной.

Как можно предположить, несколько сюжетов из репертуара старшего поколения золотицких сказителей сохранила в своей памяти и Марья Сергеевна Точилова (60 лет), которая переняла их от своего отца Сергея Точилова. К ним относятся известные сюжеты из местного репертуара: «Дунай», «Козарушко». Кроме этих она знает многие другие, но перечислены только два: «Первая поездка Ильи Муромца» и «Как Алеша отнял жену у Добрыни». Позднее текст старины с этим сюжетом был послан А. М. Астаховой Титом Егоровичем Точиловым, последним сказителем из этого рода. Восполнить недостающие сюжеты из репертуара М. С. Точиловой можно благодаря записям от ее племянницы Анны Пудовны Бурой, которая прямо указала, что переняла их от своей тетки. Это «Неудавшаяся женитьба Алеши», «Дюк», «Небылица». Таким образом, к уже известным сюжетам из репертуара старшего поколения можно присоединить сюжет «Неудавшаяся женитьба Алеши».

А. В. Марков выделял золотицкую эпическую традицию, рассматривая ее бытование на карте огромного северного эпического региона в районе, который он обозначил как «Задвинский», и полагал, что репертуар Задвинского района занимает промежуточное место по сравнению с олонечским и сибирским репертуарами. На этом основании он считал Задвинский район особой самостоятельной областью,¹¹ что обусловлено целым рядом объективных закономерностей развития традиции в целом и внутренними причинами в трансмиссии эпического наследия местных певцов. Золотицкую эпическую традицию сложно обозначить понятием «школа», общность ее сюжетного репертуара с мезенской и терской (а также кулойской) указывает на ее эклектичность и заставляет признать ее как достаточно поздний вариант более ранней и общей для этих районов традиции, основными условиями сложения которой стали Онуфриевский и Игнатьевский старообрядческие скиты, а также особенности промысловой артельной деятельности носителей эпического знания.

Еще несколько важных замечаний. Среди золотицких сказителей, как известно, в скитах обучались Василий и Гаврила Крюковы, М. С. Точилова.¹² Марков отмечал: «Некоторые сведения, собранные мною, позволяют предполагать, что старинные скиты также играли роль в хранении и распространении нашего эпоса; но говорить об этом положительно я не решаюсь, так сам я не был ни в одном из таких скитов. Документально мне известно, что в Онуфриевском скиту пели много духовных стихов, между прочим и Голубиную книгу, которая считается за старину. Одна учившаяся там старуха, среди рукописей которой я нашел несколько стихов, а также старину об осаде Соловецкого монастыря, писанную около 1814 г., говорила мне, что в кельях пели и про князя Владимира. Покойный сказатель Василий Крюков и хорошая сказательница Точилова выучили некоторые старины в том же скиту; к сожалению, мне неизвестно, какие именно старины и от кого они переняли. Может быть, серьезные и благочестивые сюжеты действительно пользовались популярностью в некоторых северных чисто национальных скитах, которые допускали в свои кельи народные стихи и старины, в противоположность официальной церковности, бывшей большею частью суровой гонительницей как христианских легенд, признанных ею апокрифическими, так в особенности и народной поэзии».¹³

¹¹ БСДС. С. 1001.

¹² Там же. С. 1003—1004.

¹³ Там же.

Несмотря на постоянные притеснения со стороны церковных и светских губернских властей, через скиты осуществлялся мощный информационный обмен с другими старообрядческими центрами России, сюда постоянно прибывали новые люди, старообрядческие наставники активно участвовали в старообрядческих съездах и прениях с единоверцами вплоть до начала XX в. Интересно и то, что скиты были расположены недалеко от тех мест, где пролегли «пути» мезенских, золотицких рыбаков.¹⁴ Исследователи свидетельствуют, что «ранней весной, осенью и зимой взрослые мужчины почти все время проводили в путях, вдали от родных деревень. Мезенцы и кулюяне отправлялись бить тюленей в восточную часть Абрамовского (Мезенского) берега, на Зимний берег, остров Моржовец, западное побережье Канина полуострова. Но самым привлекательным издавна считался путь на Кеды (северо-западная часть Абрамовского берега — напротив острова Моржовец, к северу от села Койда). В иные годы здесь собиралось до 1000 промысловиков из разных регионов — от Зимнего берега до верховий Кулюя и средней Мезени».¹⁵

Следует заметить, что распространение былинных «очагов» в непосредственной близости от старообрядческих скитов характерно не только для Беломорского поморья. Достаточно указать на широкое распространение эпических песен на р. Пижме в непосредственной близости от известного на Печоре Великопоженского скита.

Здесь же важно подчеркнуть, что знание эпических песен культивировалось преимущественно в среде мужского населения. Однако А. В. Марков отмечал, что на Зимнем берегу эпическое знание довольно широко распространено и в женской среде. Правда, он никак не попытался объяснить это наблюдение. На наш взгляд, появление среди певцов представителей женского пола можно напрямую связывать с разрушением и затуханием эпической традиции. Об этом же пишет исследователь, характеризуя эпическую традицию Терского берега: «Кроме того, на Терском берегу мы совсем не встретили мужчин, поющих былины, что в связи с другими фактами указывает уже не на свежесть былинной традиции, а, скорее, на упадок ее на Терском берегу»; «Можно почти наверное сказать, что былинная традиция Терского берега переживает кризис».¹⁶

Сохранившиеся тексты эпической традиции Зимнего берега, напомним, представлены тремя поколениями золотицких сказителей. У нас нет точных данных, от кого именно были сделаны записи И. Розановым в 60—70-е гг. XIX в., но можно предполагать, что запись зафиксирована от сказителей поколения свекра Аграфены Матвеевны Крюковой Василия Леонтьевича Крюкова (1817—1895). К более молодым представителям этого поколения, которых успел еще застать живыми А. В. Марков, относятся Гаврила Леонтьевич Крюков (1824—1913) и Федор Тимофеевич Пономарев, или «дед Почошкин».¹⁷ При сопоставлении текстов в записи Розанова и Маркова

¹⁴ Игнатъевский старообрядческий скит находился на Зимнем берегу Белого моря, на острове большого озера, расположенного в 10 верстах от устья р. Ручьи, в Архангельской губернии. Земли по берегам р. Ручьи до 1866 г. входили в состав Золотицкой волости Архангельского уезда, образованного в 1780 г. из Двинского уезда, после чего они вошли в состав Майденской, а с 1868 г. Койденской волости Мезенского уезда. Сельбища Ануфриевского скита находились в верховьях р. Койды и Майды, вокруг Койдозера на Зимнем берегу и Мезенском берегу Белого моря (Окладников Н. История Игнатъевского старообрядческого скита).

¹⁵ Новиков Ю. А. Реконструкция репертуаров сказителей-предшественников: (На материале сборника А. Д. Григорьева) // Новиков-2009. С. 307—308.

¹⁶ Марков А. В., Маслов А. Л. Предисловие (к первой части «Материалов, собранных в Архангельской губернии летом 1901 года») // БСДС. С. 1014, 1015.

¹⁷ Брат отца Ф. Т. Пономарева сильно картавил и звал Тимофея Пономарева вместо Тимошка — Почошка. Прозвище это утвердилось за Тимофеем Пономаревым, вследствие чего и его сын Федор стал прозываться Почошкиным. См.: БСДС. С. 410 (примеч. 1).

можно полагать, что собиратели встречались, очевидно, с двумя поколениями одного и того же круга сказителей (за исключением М. С. Крюковой, дочери Аграфены Крюковой). Так, судя по времени записи, ранний фиксатор мог встречаться с В. Л. Крюковым, которого уже не застал в живых Марков, с Г. Л. Крюковым, но главным образом с Ф. Т. Пономаревым, который работал церковным старостой в период службы в Золотице священника Иоанна (Розанова).¹⁸ Таким образом, записи старин Розановым и Марковым были сделаны от поколения Г. Л. Крюкова и Ф. Т. Пономарева, последних представителей золотицкой эпической школы, о которых можно сказать, что они являлись носителями «живого» эпического знания. Утверждение Маркова о том, что он встретил еще самое живое бытование эпоса в повседневной жизни золотичан,¹⁹ на самом деле не совсем соответствует истинному положению вещей.

Кроме 11(10) золотицких сказителей, среди которых к старшему поколению можно отнести только двух (Г. Л. Крюков и Ф. Т. Пономарев), Марков называет еще нескольких потенциальных исполнителей старин (14), но и они по большей части были представителями молодого поколения, за исключением Д. И. Пономарева (80 лет), Г. С. Прыгунова (72 лет), М. В. Точилова, Марьи Степановны (?), которые по каким-либо причинам не смогли или отказались петь.²⁰

На этом основании мы имеем возможность упомянуть имена известных местных мастеров, по воспоминаниям их земляков, как представителей живой золотицкой эпической традиции и частично реконструировать их эпический репертуар по записям последующих поколений. Как можно предполагать, в памяти сказителей остались имена золотицких мастеров, к ним кроме В. Г. Крюкова относились Андрей Тимофеевич Ярый, Алексей Алексеевич Голубин, хромой Григорий Грибой, от которых Г. Л. Крюков (и, очевидно, его старший брат В. Л.) переняли старины, когда ходили на промысел.²¹

Источниковую базу эпического наследия Зимнего берега Белого моря можно отнести к сложной категории. Поэтому проблема аутентичности публикуемых текстов является наиболее острой.

Прежде всего это касается текстов в записи священника Иоанна Розанова в 1860-е гг.²² К сожалению, И. Розанов не оставил никаких сведений о своих информантах. А. В. Марков, ссылаясь на слова одного из своих исполнителей (Ф. Т. Пономарев) при первой поездке в 1898 г., писал, что тот знает не только все опубликованные сюжеты, но и утверждает, что «розановские» записи были сделаны только от него. И все же кто мог быть кроме Ф. Т. Пономарева корреспондентом И. Розанова?²³

¹⁸ См.: Там же. В примечании С. Н. Азбелева утверждается, что свои записи Розанов делал только от Пономарева.

¹⁹ Там же. С. 1009—1010 (ББ. № 8—23).

²⁰ Там же. С. 1010—1011.

²¹ Там же. С. 292.

²² О фольклористической деятельности И. Розанова см.: *Комелина Н. Г.* «История собирания былин Зимнего берега Белого моря» в наст. изд., а также: *Комелина Н. Г.* 1) Эпическая традиция Зимнего берега Белого моря: История собирания и проблемы текстологии: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009 (Рукопись); 2) О первых записях былин на Зимнем берегу Белого моря: Иоанн Розанов как собиратель фольклора // *Рябининские чтения-2007: Материалы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера.* Петрозаводск, 2007. С. 313—317.

²³ Специально этому вопросу была посвящена также статья Ю. А. Новикова «Архангельские былины в записях И. Ф. Розанова» (Новиков-2013. С. 212—222).

В репертуаре Пономарева из 6 записанных И. Розановым текстов оказываются всего лишь 2 старины, похожие на записи А. В. Маркова: «Бой Добрыни с Ильей Муромцем» (БСДС. № 150. С. 436—439) и «Первая поездка Ильи Муромца» (БСДС. № 149. С. 431—436).²⁴

При этом сюжет «Бой Добрыни с Ильей Муромцем» (СБ 8. № 3) И. Розановым явно был записан с пересказа:²⁵ собиратель сохраняет по возможности устойчивые фразеологические обороты и отчасти ритмический строй текста, однако по сравнению с записью «с голоса» была разрушена система мело-ритмической былинной строфы; количество слогов в строке варьируется достаточно произвольно от 6 до 17, например:

По всём землям, по всём украинам;
Дошла эта слава до славного города до Мурома...
(Ефименко. С. 11)²⁶

Ср.:

Велика эта славушка немалая
По всим городам, по всим украинам,
По тем-то ордам по татаровям;
Доходила эта славушка великая
Ай до славного города до Мурома...
(БСДС. № 150. С. 436)²⁷

Также произвольно варьируются и ударные слоги, например:

Жыл, был торговый гость
Никитушка Романович.
Живучись-то Никитушка приставились...
(Ефименко. С. 11)

²⁴ Н. Г. Комелина также считает, что «былины, присланные И. Ф. Розановым в ОЛЕАиЭ, были записаны от Ф.Т. Пономарева» (Комелина Н. Г. Проблемы текстологии... С. 72), но при этом уточняет, что подобное утверждение касается непосредственно только текста былины «Бой Добрыни с Ильей Муромцем» (Ефименко. С. 10—11); относительно же текста «Первая поездка Ильи Муромца» (Ефименко. С. 19) остаются некоторые сомнения. Ю. А. Новиков относительно первого текста, напротив, на основании текстологического анализа полагает, что «гораздо больше оснований считать сказителем, от которого эту былинку записал И. Ф. Розанов, не от кого-то из предшественников И. Прыгунова, а его односельчанина Ф. Пономарева или его „учителя“» (Новиков-2013. С. 217).

²⁵ С подобным явлением мы встречаемся в ранних записях былинных сюжетов. А. М. Астахова и В. В. Митрофанова характеризуют такие тексты как запись с пересказа с разрушением былинного стиха (Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1960. С. 14).

²⁶ Ударения в тексте восстановлены мной.

²⁷ Н. Г. Комелина (с. 72 наст. изд.) указывает на близость этого фрагмента к тексту И. П. Прыгунова. Ср.:

Да прошла жа про его-то слава великая,
Да велика эта славушка, немалая,
Да немала та славушка по всей земли,
Да по всей-то земли по всей украинки,
Да дошла эта славушка до Мурома
Да до сильня казака-та Ильи Муромца...
(ББ. № 108. С. 536)

Ср.:

Во той во Резанюшки во гóроди
 Жил-был Микитушка Романович,
 Живучись, братцы, Микитушка состарилсэ,
 Состарилсэ Микитушка, сам преставилсэ...

(БСДС. № 150. С. 436)²⁸

При попытке восстановить стихотворную строку И. Розанов ориентируется на известный книжный силлабический размер 10—12 слогов в строке, но при этом отсутствует рифма. В текстах практически нет характерных эпических ритмообразующих повторов.

В опубликованной записи текста сглажены диалектные черты, возможные попытки отступления от литературных норм следует воспринимать как стилизацию просторечия (например, употребление слова «Осударь» вместо встречающихся «восударь», «государь»). Книжный характер обработки проявляется в употреблении окончания *-аго*, и др. Кроме того, собиратель упускает в тексте такие важные детали, как имя матери Добрыни — Омельфы Тимофеевны. Что касается сюжетной канвы «ритмического пересказа» (или «попытки книжно-стихотворного переложения» былины) И. Розанова, то она совпадает с сюжетом известных «марковских» вариантов даже в некоторых деталях (например, в сцене выезда Ильи в чисто поле в поисках Добрыни: *Поехал из города, выехал на шеломя окатисто* (Ефименко. С. 13); ср.: *Да поехал восударь тогды во чисто полё / Он выехал на шеломя на окатисто, / На окатисто-то шоломя на угористо* (БСДС. № 150. С. 438)). Кстати, этой формулы нет в варианте И. П. Прыгунова (ББ. № 108. С. 536), А. М. Крюковой (ББ. № 46. С. 230—234) и в варианте Е. В. Субботиной (БПЗБ. № 133), но зафиксирована в варианте сюжета «Первая поездка Ильи Муромца» Ф. П. Седунова в несколько усеченном виде: *Ён выехал на шóломя окатисто, / Да здрил-то, смотрел на все четыре стóроны* (БСДС. № 107. С. 483).

Все четыре записи представляют разные варианты, но восходящие к одному сюжетному прототипу. Поэтому у нас нет достаточных оснований запись, сделанную И. Розановым, непосредственно относить к версии Ф. Т. Пономарева (как полагает Ю. А. Новиков) или И. П. Прыгунова (как думает Н. Г. Комелина) и тем более считать ее аутентичной.

Текст сюжета «Илья Муромец и Соловей-разбойник» в записи И. Розанова (Ефименко. С. 19) и вариант этого же сюжета, записанный А. В. Марковым от Ф. Т. Пономарева («Первая поездка Ильи Муромца» (БСДС. № 149. С. 431—436)), также восходят к одной сюжетной редакции, однако они не совпадают в деталях.²⁹ Зачины:

Перва поездка Ильи Муромца
 Из славнаго из города из Мурома.
 Клал-то он заповедь великую,
 Клал на палицу тяжелую:

²⁸ Н. Г. Комелина указывает также на близость этого фрагмента к тексту И. П. Прыгунова. Ср.:

Ишше был жил Микитушка Романович
 Живучись-то Романович состарилсэ,
 Да состарилсэ Романович, преставилсэ.

(ББ. № 108. С. 536)

²⁹ См. подробнее коммент. к тексту (СБ 8. № 36).

- ⁵ До славнаго до города до Киева
 Не отковывать от стремени булатнаго,
 Еще клал он заповедь великую
 На сабельку на вострую:
 Не отковывать от стремени булатнаго
- ¹⁰ До славнаго города до Киева.
 Еще клал он заповедь великую
 На копье бурсоменское:
 Не отковывать от стремени булатнаго
 До славнаго города до Киева.

(Ефименко. С. 19)

Ср.:

А зьбирайтце Илеюшка, собруняйтце:
 Он седлат-то, уздаё коня доброго,
 Он накладывал уздицю всё тисьмянную,
 Ай намётывал седёлышко чиркальской,
 Да застёгивал двенадцеть вси подпружины,
 Ишше те же подпружини чистого серебра,
 Ай засьтегивал двенадцеть вси съпенёчки,
 Ишше те же шпенёчки красна золота,
 Да не для-ради красы, ради крепосъти,
 Ишше для ради приправушки молодецкия,
 Ай булат-от-железо не потритце,
 Самохиньской-о шелк да у меня да не порвитце,
 Красно золото в грезе не поржавеёт.
 Ишше клал перьву заповедь великую...

(БСДС. № 149. С. 431)

«Розановский» вариант представляет собой, скорее всего, сокращённую книжную стилизацию сюжета (см.: окончание *-аго*, отсутствие диалектных словоформ и фонетических особенностей) по сравнению с записью А. В. Маркова. Вариант Г. Л. Крюкова (БСДС. № 68. С. 295—299) — это несколько иная версия сюжета, в которой Илья убивает Соловья на княжеском дворе в отличие от «розановской» концовки, где богатырь отпускает своего противника, взяв с него выкуп и клятву не заниматься больше разбоем.

Вариант Ф. П. Седунова (БСДС. № 107. С. 483) ближе к редакции Ф. Т. Пономарева и к варианту, записанному И. Розановым, но зачин (*Нам не дорого не злато да чисто серебро...*) и концовка (заканчивается сценой: Владимир винится перед Ильёй за недоверие) расходятся. Марков считает, что зачин — «весьма распространённая прибаутка,³⁰ в которой певцы, выражая почтение своим слушателям, говорят, что им не дорого угощение, а дорога беседа, состоящая из добрых и умных людей, — в северной переделке совершенно изменяет смысл комплимента слушателям и в бытине о первой поездке Ильи Муромца (№ 107) является в таком виде:

Нам не дорого ни злато да чисто серебро,
 Дорога наша любовь да молодецкая:

³⁰ Ею начинаются одна белорусская колядка (ЭО. 1885. № 2. С. 28), несколько былин (Кир. I. С. 19, 20, 31) и песня о московском пожаре (Кир. VII. С. 31, Прилож. С. 126—127; СМОМПК. 1893. Вып. 15. С. 82; ПРН-1899. С. 171).

Да как золото-то, серебро минуется —
Дорога наша любовь не позабудется.³¹

И эту прибаутку прибавляют к былине посредственный сказатель Ф. Седунов (VIII) и Н. А. Лыткина (см. список сказателей, 7)». ³² Поздний песенный вариант Т. Е. Точилова (БПЗБ. № 161) представляет собой сокращенную третью версию сюжета (без боя с неверной силой и с другой концовкой), которая, по всей видимости, восходит к известным книжным образцам этого былинного сюжета. ³³ Прозаический пересказ представлен в варианте А. В. Бронникова (БПЗБ. № 145), который расходится с предыдущими и также зависит от книжных версий. ³⁴

Напомним, что два варианта этого сюжета, которые зафиксировал И. Розанов, А. В. Марков записал от Ф. Т. Пономарева во время экспедиции 1901 г., т. е. уже после выхода книги «Беломорские былины». Во вступительной статье к публикации он предположил, что и другие сюжеты были зафиксированы от него же (см. выше).

Записанные тексты от одного исполнителя в разное время двумя собирателями, надо признать, существенно различаются между собой, но восходят к одной версии сюжета, и, скорее, демонстрируют разную методику записи и степень профессиональности собирателей.

Кроме того, четыре сюжета, зафиксированные И. Ф. Розановым, отсутствуют в записанном А. В. Марковым репертуаре Ф. Т. Пономарева, несмотря на утверждение самого исполнителя о том, что он их знает. Они действительно встречаются в местной золотицкой былинной традиции, но у других сказателей.

Старина «Дунай» (Ефименко. С. 11—14) входит в репертуар сказателей Г. Л. Крюкова (ББ. № 75. С. 389—401), М. С. Точиловой (ББ. № 109. С. 540—547), Н. Ф. Поповой (БПЗБ. № 150). Ритмизованный пересказ И. Розанова довольно точно передает сюжет варианта Г. Л. Крюкова. Но текст И. Розанова передан в сокращенном виде, как и в предыдущих записях. Зачин:

Заводился у Владимира почестен пир.
Все на пиру пьяны, веселы,
Все на пиру напивались,
Уж как все на пиру наедались.
⁵ Уж как все на пиру приразхвастались:
Иной-то хвастает широким двором,
Иной-то хвастает золотой казной,
Иной хвастает добрым конем,
Глупой-то хвастает молодой женой,
А неразумной похваляется родной сестрой...
(Ефименко. С. 11)

Ср.:

Как во славном было городи во Киеви,
А у ласкова-то князя у Владимира

³¹ Подобная прибаутка встречается в двух песнях из Архангельской губернии: в одном отрывке из якобы свадебной песни у Истомина и Ляпунова (ПРН-1899. С. 126) и в рождественской обрядовой песне у Ефименко (Вып. 2. С. 95. № 2).

³² Марков А. В. Былинная традиция Зимнего берега // БСДС. С. 1005.

³³ Новиков-2001. № 49. С. 98.

³⁴ Там же. № 6. С. 84.

- А заводилосе пиrowаньё-столованьицё, почёсной пир
 А на всех своих-то князей, бояр жа,
 5 А на всех-то на русских могучих на богатырей,
 На купцей-то, гостей торговья,
 А на тих-то гостей, калик да переходя.
 А как светел день-от идёт на ёсени,
 Красно солнышко идёт на всей вьшины,
 10 А почёсен-от-то пир идёт навёсели;
 А как вси-то на пиру сидят да пьяны, вёсели,
 А как вси-то на честном сидят пьют-то, едят, хвастают:
 Как богат-от хвастат золотой казной 'судáревой,
 А иной-от фастаёт да широким двором,
 15 А как сильней-от хвастат да своей силою,
 А иной-от хвастат всё добрым конём;
 А как глупой-от хфастат молодой жоной,
 Неразумной-от хфастат всё родной сестрой;
 А как умной-от всё хфастат родным батюшкой,
 20 А разумной-от хфастат родной матушкой.

(ББ. № 75. С. 389)

Текст И. Розанова заканчивается тем, что Дунай привозит Настасью в Киев — без дальнейшей трагической развязки сюжета, как это дано у Г. Л. Крюкова. Вариант М. С. Точиловой предлагает другую версию развития сюжета: с Дунаем едут не только Добрыня и Алеша Попович, но и Илья Муромец; отсутствует балладный сюжетный ход Дунай и Настасья; присутствуют такие формульные выражения, которых нет в других местных текстах (типа: *Невеста ты была мне да Богом сужона, / Ише сужена ты Богом была, ряжона*; или: *А не сужонной ты был мне-ка Богом, ряжонной, / Ише Восподом-Богом да приналажонной*; или: *Покатил свою невесту во Божью церкву* (ББ. № 109. С. 540—547)). Поздняя запись от Н. Ф. Поповой представляет собой фрагмент былины, в котором даже не упоминается имя Дуная. Нам представляется, что ближе всего он к крюковской версии сюжета, судя по употреблению формульных выражений, указывающих на время проведения пира у князя Владимира (у Г. Л. Крюкова: *А как светел день-от идёт на ёсени, / Красно солнышко идёт на всей вьшины* (ББ. № 75. С. 389); ср. у Н. Ф. Поповой: *Красно солнышко катится да ко западу, / Ай да што ко западу солнышко да за́кату* (БПЗБ. № 150. С. 471)).

Таким образом, ни один из известных нам поздних «золотицких» вариантов записи этой былины в полной мере не совпадает с записью И. Розанова, однако в сюжетном отношении его (возможно, претерпевшего редакторскую правку собирателя) можно с определенной долей погрешности отнести к местному типу версии сюжета.

По мнению Ю. А. Новикова, запись Розанова все же принадлежит Ф. Пономареву, так как сказитель знал ее, как утверждает Марков («старину он знает не всю и прежде не знал до конца»). «Это послужило для Маркова одним из аргументов в пользу того, что Розанов-собиратель работал именно с Пономаревым» (ББ. С. 410).³⁵

³⁵ «В 1937 году от дочери этого певца Н. Поповой, переселившейся в Нижнюю Золотицу, были записаны начало былины о Дунае и полный текст „Чурилы и Катерины“ (БПЗБ. № 150, 151). Оба варианта по всем параметрам чрезвычайно близки к старинам Пономарева и, вероятнее всего, генетически восходят именно к ним. В „розанов-

Старина про Дюка (у И. Розанова про Дюка Степанова) также не зафиксирована в позднем репертуаре Ф.Т. Пономарева (среди записанных А. В. Марковым), но встречается у других золотических певцов: Г. Л. Крюкова (БСДС. № 140. С. 394—399), А. М. Крюковой (БСДС. № 130. С. 250—254), А. П. Бурой (БСДС. № 113. С. 500—502), В. И. Чекалева (ББ. № 101. С. 515—518), П. С. Пахоловой (БПЗБ. № 105), Г. М. Плакуева (БПЗБ. № 147).

Вариант Г. Л. Крюкова принадлежит к другой сюжетной версии, весьма далекой от пересказа И. Розанова. Вариант А. М. Крюковой дает нам третью версию сюжета, вернее, совершенно другой сюжет — «Сватовство Дюка к племяннице князя Владимира». Вариант В. И. Чекалева представляет только фрагмент целого текста, но очень близок к пересказу И. Розанова. См. зачины:

Нету на силу Самсонову
 Что того же Самсона Колюбанова,
 Нет на счастье Осударя Ильи Муромца,
 На вежество Добрынюшки Никитича,
⁵ На ярость Олешеньки Поповича,
 На именье Садка — купца богатого,
 На злату казну Дюка сына Степанова...
 (Ефименко. С. 17)

Ср.:

Уж как не было на силу-ту на Самсонову,
 Да на сильнёго Самсона-та Колюбанова,
 Да на сцьястьё государя Ильи Муромця,
 Да на вёчъво Добрынюшки Никитичя,
⁵ Да на ярость-ту Олешеньки Поповичя,
 На злату казну Сатка́, купця богатого,
 На строеньице́ Дюка сына Стёпанова...
 (ББ. № 101. С. 515)

См. также сцену приезда Дюка в Киев:

Заезжает во город во Киев,
 Едет Дюк к Божьей церкви,
⁸⁰ Соходит со добра коня,
 Привязывает ко злату кольцу.
 Пошел-то Дюк, сын Степанович
 Во ту церковь Воскресенскую.
 Служат там, читают
⁸⁵ Службу воскресенскую.
 Зашел-то Дюк сын Степанович
 Во ту церковь во Божию.
 Крест-то кладет по писаному,
 Поклон-то ведет по ученому.
⁹⁰ Кланяется чудным образам,

ской" былине „Дунай” много текстуальных совпадений, в том числе и механических перенесений из „Ивана Годиновича” {...} (см. коммент. к № 77 наст. изд.). Это еще одно свидетельство принадлежности обеих эпических песен одному исполнителю» (Новиков-2013. С. 219—220).

Еще кланяется на все четыре стороны.
 Ставился во место во удаленное;
 Никто Дюка не может признать.
 Служат, поют попы церковные.
 95 Отслужили обедню воскресенскую,
 Пошли-то от обедни воскресенския;
 Пошел Владимир стольно-киевский...

(Ефименко. С. 17—19)

Ср.:

Да поехал тогды Дюк-от в крашон Киев град.
 Приехал тогды Дюк-от в крашон Киев град,
 Да ко той же приехал да ко Божьей церквьи;
 Да заходит ведь Дюк-от да во Божью церкву;
 45 Он ведь крест-от кладёт да по писаному,
 Как поклон-от ведёт тогды по учёному;
 Он ведь кланеитце чудным образам.
 Огледелнсь попы-ти вси, как дяконы
 На того же на дороднёго на молодца,
 50 Они петь-то, читать да помешалисе.
 Отслужили тогды-то да во Божьей церквы,
 Ише вон-то пошли да из Божьей церквы.
 Ише звал его государь-от на почёсной пир...

(ББ. № 101. С. 515)

При этом отметим, что фрагмент В. И. Чекалева расходится с текстом И. Розанова в некоторых деталях и по количеству упоминаемых там персонажей.

Вариант А. П. Бурой близок к варианту В. И. Чекалева, но между ними также существуют расхождения (например, в зачине: *Уж как не было на силу-ту на Самсонову...* (ББ. № 101. С. 515). Ср.: *Да у Дюка-та двор-то да на семи вёрстах...* (ББ. № 113. С. 556—559)). Вариант П. С. Пахоловой отталкивается от варианта А. М. Крюковой в начальной части:

Ай ведь было-жило во дальнем славном городе,
 Шьто во той было Корелы во богатя,
 Там-то жил-был ведь дородней доброй молодець,
 Ише тот ли боярин Дюк Степановиць...

(ББ. № 15. С. 10)

Ср.:

Подошла Корела-та река под Индею богатою,
 Под богатую Индию да именитую.
 Ише жил-то был боярин Дюк да сын Степанович...

(БПЗБ. № 105)

Затем, когда к исполнению присоединяется Марфа Семеновна, сюжет изменяет традиционный ход развития событий и приобретает за счет включения книжных реминисценций об Индии богатой черты былинного «новообразования». Вариант Г. М. Плакуева представляет собой прозаический пересказ сюжета о Дюке.

В результате сопоставительного анализа можно сделать заключение, что былина «Дюк Степанович» существовала в репертуаре золотицких сказителей в нескольких сюжетных редакциях и не тяготела к образованию «местного» вида на всем протяжении бытования традиции. Однако можно предположить, что текст И. Розанова ближе к вариантам сюжета старины, которые были записаны в Верхней Зимней Золотице.

Старина о Соломоне и Василии Окульевиче в записи И. Розанова (Ефименко. С. 21—25) представляет собой пересказ (хоть и разделенного на стихотворные строки текста) позднего новеллистического сюжета о похищении чужой жены неким Васьюкой Пустоволосовичем Таракановым, о женском коварстве, женской измене и с развязкой, в которой справедливо наказываются виновные участники истории. Зачин былины имеет типологическое сходство с зачином старины о Дюке:

Во Царьграде служил Соломон царь,
 В Новеграде служил прекрасный царь Василий Окулович.
 Не было на силу Самсона Колыбанова,
 Не было на сметку Осударя Ильи Муромца,
⁵ На вежество Добрынюшки Никитича,
 На ярость Олеси Поповича,
 На золоту казну Дюка Степанова,
 На богатство Садка купца богатаго,
 На хитрость, на мудрость Соломона Окульева,
¹⁰ На красоту Василья царя Окульева...

(Ефименко. С. 21)

Есть основания предполагать, что И. Розанов записывал по памяти былины о Дюке и о Василии Окульевиче из одного источника (возможно, от одного певца). Отметим, что второй вариант старины был записан от Г. Л. Крюкова А. В. Марковым, но он представляет иную редакцию этого сюжета и сложен весьма неумело с многочисленными нарушениями склада эпического стиха.

Подобный же зачин, как и в тексте И. Розанова, мы встречаем только у одного золотицкого певца — у Власа Ивановича Чекалева, однако утверждать, что именно он был информантом И. Розанова преждевременно. А. В. Марков записывал этого исполнителя в возрасте 59 лет, значит, во время записи И. Розановым ему было около 30 лет (т. е. возраст еще вполне «младенческий» для былинщика тех мест). Отметим, что В. И. Чекалев был свидетелем аутентичного исполнения старин «на тонях» от стариков (имен этих сказителей А. В. Марков не указывает) и, возможно, успел от них перенять некоторые тексты. В. И. Чекалевым было усвоено 10 сюжетов, которые, очевидно, и составляли местный (верхнезолотицкий) репертуар, и 6 сюжетов старин, которые, очевидно, были наиболее распространенными в этой традиции. Репертуар В. И. Чекалева в отличие от репертуара Г. Л. Крюкова и Ф. Т. Пономарева состоит только из следующих сюжетов: «Илья Муромец и разбойники», «Илья Муромец на заставе», «Бой Добрыни с Дунаем», «Потык», «Дюк», «Козарин», «Чурило и неверная жена», «Камское побоище», «Сорок калик со каликою», «Иван Грозный». По указанию А. В. Маркова, он знает также сюжеты, входящие в состав местной традиции: «Первая поездка Ильи Муромца», «Бой Добрыни с Ильей», «Добрыня на Пучай-реке» (см. также незаписанную старину в репертуаре Ф. Т. Пономарева), «Добрыня и Алеша», «Дунай», «Иванушко Гордёнвич». Одним словом, В. И. Чекалев владел так называемым

мым общим кругом сюжетов, характерных для местной эпической традиции в целом. Укажем, что в репертуаре этого певца не зафиксировано старины о Василии Окульевиче.

Вместе с тем В. И. Чекалев знал еще один сюжет, записанный И. Розановым: «Про Ивана Гоудиновича» (Ефименко. С. 14—17). Сюжет был записан А. В. Марковым в двух разных «обработках» — от Г. Л. Крюкова (БСДС. № 78. С. 343—349), А. М. Крюковой (ББ. № 14. С. 96—101). О двух разных версиях сюжета писал А. Д. Григорьев, отмечая традиционность варианта Г. Л. Крюкова. Вариант же А. М. Крюковой он относил «к особой версии, явно более поздней, возникшей в процессе забывания исконного смысла сюжета».³⁶ К этой же версии принадлежат, по мнению А. М. Астаховой, записи, сделанные от ее дочерей Марфы Семеновны Крюковой и Павлы Семеновны Пахоловой.³⁷ Данный сюжет мы встречаем и в двух поздних записях этого текста от А. В. Бронниковой (БПЗБ. № 144) и П. В. Онуфриевой (БПЗБ. № 139) в 30-х гг. XX в. Вариант А. В. Бронниковой — это явно контаминированная версия сюжета «Дунай» и мотивов жестокого романса о наказании за измену.

Варианты Г. Л. Крюкова и П. В. Онуфриевой представляют собой более полную в деталях и заимствовании формульных песенных мотивов именно местную нижнезолотицкую версию сюжета: в концовке неверная невеста Ивана наказывается. У И. Розанова мы встречаем близкую, но все же отличную от крюковской версию: в ее концовке нет излишней натурализации сцены убийства неверной невесты:

Сходит и Иванушко Годенович.
Махнул-то Иванушко саблей вострой по белой шее,
Он отсек у Овдотьи буйну голову,
Разметал он Овдотью по чисту полю...
(БСДС. № 78. С. 349)

Таким образом, необходимо поставить под сомнение утверждение А. В. Маркова, что исполнителем записей И. Розанова был только Ф. Т. Пономарев, но то, что И. Розанов слышал от этого сказителя два первых сюжета об Илье Муромце («Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Бой Добрыни с Ильей Муромцем»), вполне вероятно. Можно предполагать, что некоторые сюжеты он слышал от певца, от которого усвоили свои тексты В. И. Чекалев и И. П. Прыгунов, и что все они были записаны от верхнезолотицких сказителей.

На наш взгляд, уместно привести наблюдение, сделанное Ю. А. Новиковым, что «ближе других к анализируемым текстам варианты П. Онуфриевой и Г. Крюкова из Нижней Зимней Золотицы. Первая сказительница родом из Верхней Золотицы, по ее словам, „старины ⟨...⟩ переняла от ⟨...⟩ Ф. Т. Пономарева и от своей матери Марфы Ивановны Субботиной” (БПЗБ. С. 447). Часть репертуара Г. Крюкова генетически тоже связана с традицией соседнего села. Как и большинство поморов, он усваивал былины на промыслах. „Особенно много он обязан (Андрею Тимофеевичу. — Ю. Н.) Ярому, крестьянину Верхней Золотицы, который в качестве хозяина лодки сидел на корме и хотя был плохим промышленником, зато дни и ночи сказывал старины. ⟨...⟩ Садка он слышал лишь от Пономарева”, — писал А. В. Марков (ББ. С. 292—293)».³⁸

³⁶ Гр. I. № 170.

³⁷ Подробный разбор см.: БПЗБ. № 104.

³⁸ См.: Новиков-2013. С. 221. Здесь и далее в цитатах из работ Ю. А. Новикова ссылки даются в соответствии с принятыми в наст. томе сокращениями.

Тексты И. Розанова скорее можно называть «записью пересказа по памяти» с элементами книжной силлабической обработки источника. Однако следует признать, что именно И. Розанов явился тем настоящим свидетелем еще живой традиции эпического наследия Зимнего берега, только остатки которой застал А. В. Марков.³⁹

Важным представляется показать динамику эпической традиции Зимнего берега во времени, точнее изменение ее в последующих поколениях золотидских сказителей.

Среди представителей второго поколения Влас Иванович Чекалев (уличное прозвище Блинов) (59 лет) еще был свидетелем аутентичного исполнения старин «на тонях» от стариков (имен этих сказителей Марков не указывает) и успел от них усвоить некоторые сюжеты. Репертуар его заметно беднее, чем у Г. Л. Крюкова и Ф. Т. Пономарева, и состоит из следующих сюжетов: «Илья Муромец и разбойники» (СБ 8. № 56), «Илья Муромец и Сокольник» (СБ 8. № 43), «Бой Добрыни с Дунаем» (СБ 8. № 81), «Михайло Потык» (СБ 8. № 70), «Дюк Степанович и Чурила Пленкович» (СБ 8. № 83), «Козарин» (СБ 8. № 128), «Чурила Пленкович и Катерина» (СБ 8. № 91), «Камское побоище» (СБ 8. № 50), «Сорок калик» (СБ 8. № 101), «Иван Грозный» (СБ 8. № 74а).⁴⁰ Всего 10 сюжетов. По указанию Маркова, Чекалев знал еще следующие сюжеты, входившие в состав местной традиции: «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (СБ 8. № 35), «Поединок Добрыни Никитича с Ильей Муромцем» (СБ 8. № 10), «Добрыня на Пучай-реке» (см. также незаписанную старину в репертуаре Ф. Т. Пономарева), «Добрыня Никитич и Эмей» (СБ 8. № 3), «Дунай Иванович-сват» (СБ 8. № 72—80), «Иван Годиневич» (СБ 8. № 104—108).⁴¹ Таким образом, Чекалевым было усвоено 10 сюжетов, очевидно составлявших местный репертуар, и 6 сюжетов старин, которые также являлись общими для местной традиции.

Еще одним из потенциальных представителей эпических певцов старшего поколения мог быть Парфен Седунов. Маркову удалось записать от его сына Федора Парфеновича всего одну старину «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (СБ 8. № 35),⁴² которая также входит в репертуар Г. Л. Крюкова (СБ 8. № 34) и Ф. Т. Пономарева (СБ 8. № 36). Кроме этого сюжета Седунов уверял, что знает еще старину «Сорок калик» (СБ 8. № 98—103), занимающую прочное место в местном репертуаре.

Знание некоторых сюжетов старин из местного репертуара показал Иван Прокопьевич Прыгунов (неграмотный крестьянин 57 лет), от которого была записана былина «Бой Добрыни с Ильей Муромцем» (СБ 8. № 10). Певец назвал имена стариков, уже покойных, от которых слышал старины: «Аверьяна, Андрея Викуловича Седунова, Олина. Последнего сказателя вспоминают в обоих селах Зимней Золотицы, хотя он давно уже умер».⁴³

³⁹ Следует согласиться с выводом Ю. А. Новикова относительно записей Розанова: «Однако учитывая длительное пребывание собирателя-любителя в Верхней Зимней Золотице и его интерес к народной поэзии, нельзя исключать, что он слышал старины не только в исполнении Пономарева. И когда возникла необходимость „официально“ зафиксировать местный эпический репертуар, священник мог предпочесть своему молодому приятелю более „авторитетного“ певца старшего поколения, у которого Пономарев учился сказительскому мастерству. В таком случае все сомнения по поводу указанных выше расхождений в анализируемых текстах получают вполне естественное объяснение» (Новиков-2012. С. 222).

⁴⁰ Марков пишет: «Из былинных героев он никогда не слышал имен Соловья Будимировича, Ставра, Ивана Гостиного, Сухмана, Вольги и Микулы, Василия Буслаевича, не знает он и старин про Садко и о том, как Идолице сватался за племянницу князя Владимира» (БСДС. С. 461).

⁴¹ См.: БСДС. С. 461.

⁴² Ф. П. Седунову в 1898 г. было 60 лет (БСДС. С. 482).

⁴³ БСДС. С. 486. Из записи неясно, кого конкретно имел в виду собиратель, полагаем, Андрея Викуловича Седунова с родовым прозвищем Олин.

Как можно предположить, несколько сюжетов из репертуара старшего поколения золотицких сказителей сохранила в своей памяти Марья Сергеевна Точилова (60 лет), которая переняла их от своего отца Сергея Точилова.⁴⁴ К ним относятся известные сюжеты из местного репертуара: «Дунай Иванович-сват» (СБ 8. № 74; см. также: СБ 8. № 73, 75, 76), «Козарин» (СБ 8. № 130; см. также: СБ 8. № 26, 27). Кроме этих она знает многие другие, но названы «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (СБ 8. № 33, 34) и «Добрыня и Алёша» (СБ 8. № 29⁴⁵ и № 21). Восполнить недостающие сюжеты из репертуара М. С. Точиловой можно благодаря записям от ее племянницы Анны Пудовны Бурой, которая прямо указала, что переняла их от своей тетки. К ним относятся «Добрыня и Алёша» (СБ 8. № 21; см. также: СБ 8. № 29), «Дюк Степанович и Чурила Пленкович» (СБ 8. № 84), «Небылица» (СБ 8. № 136). Таким образом, к уже известным сюжетам из репертуара старшего поколения можно присоединить сюжет «Неудавшаяся женитьба Алёши».

Особое место и наиболее заметное среди золотицких сказителей занимают представители семейной династии сказителей Крюковых.

Большинство эпических произведений разнородного характера (примерно около трех четвертей) было записано в семье сказителей Крюковых. Для записи пели: Гаврила Леонтьевич Крюков (1824—1913), невестка его покойного брата Аграфена Матвеевна Крюкова (1855—1921) и ее старшая дочь Марфа Семеновна Крюкова (1876—1952) (БСДС. С. 36). А. В. Марков также отметил, что свекор Аграфены Матвеевны, Василий Леонтьевич Крюков (1817—1895), знал былины, но его Марков уже не застал в живых. Память об этом сказителе сохранилась и через пятьдесят лет после его смерти. Г. М. Плакуев из Нижней Золотицы (1868—1945) вспоминал о Василии Леонтьевиче, как о самом замечательном сказителе, которого он слышал в дни своей молодости. «Все они хорошо пели, — говорил он о Крюковых, — и Гаврило, и Василий, и сын его Семен Васильевич» (БСДС. С. 37).

Здесь уместно отметить, что сами сказители Крюковы (исключая Аграфену Матвеевну) среди учителей не называют своих ближайших родственников из старшего поколения. Более того, в воспоминаниях М. С. Крюковой, записанных Э. В. Бородиной-Морозовой в 1938 г., нет даже намека на знание ими былин.⁴⁶ Поэтому следует подтвердить мнение А. В. Маркова, который, характеризуя в целом эпический «очаг» Зимнего берега Белого моря, писал: «Передача старин от одного поколения другому в Золотице, как везде, где сохранились былины, совершенно случайна. Не только нет людей, которые специально занимались бы сказыванием старин и этим снискивали себе пропитание, но и в записанных мною текстах нет следов, указывающих на профессиональных певцов».⁴⁷

Кроме 6 текстов («Поединок Добрыни Никитича с Ильей Муромцем» (СБ 8. № 9), «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (СБ 8. № 34), «Дунай Иванович-сват» (СБ 8. № 73), «Дюк Степанович и Чурила Пленкович» (СБ 8. № 86), «Соломан и Василий Окульевич» (СБ 8. № 134), «Иван Годинович» (СБ 8. № 105) собирателем были записаны от Г. Л. Крюкова старины, усвоенные им от золотицких сказителей старшего поколения: «Святогор и Илья Муромец» (СБ 8. № 2) (пересказ), «Добрыня Никитич и Змей» (СБ 8. № 3, 5), «Илья Муромец»

⁴⁴ Там же. С. 488—489.

⁴⁵ Позднее текст старины с этим сюжетом был послан Астаховой Титом Егоровичем Точиловым. См.: коммент. к № 9.

⁴⁶ ГЛМ. Фольклорный архив, инв. 55/27, ед. хр. 27.

⁴⁷ БСДС. С. 1005.

(СБ 8. № 35) (пересказ), «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (СБ 8. № 34), «Илья Муромец и Сокольник» (СБ 8. № 41), «Камское побоище» (СБ 8. № 48), «Добрыня Никитич и Василий Казимирович» (СБ 8. № 7), «Михайло Потык» (СБ 8. № 68), «Сорок калик» (СБ 8. № 98), «Глеб Володьевич» (СБ 8. № 134), «Василий пьяница» (СБ 8. № 117—118), небылица (СБ 8. № 139). «Из былинных героев он никогда не слышал имен: Соловья Будимировича (или Соловьевича), Ставра, Ивана Гостиного, Сухмана, Волги и Микулы, Волхва Святославьевича, Чурилы Пленковича и Василия Буслаевича; Садка он слышал лишь от Пономарева (VII). Кроме предлагаемых старин, он знает: 1) „Неудавшаяся женитьба Алеши“, 2) „Дюк“, 3) „Козарушко“, 4) „Девять разбойников и их сестра“, 5) „Небылица“, а может быть, и некоторые другие».⁴⁸

Но только некоторые из названных сюжетов с большей или меньшей вероятностью принадлежали к старшему поколению сказителей Зимнего берега.⁴⁹

По мнению Новикова, старина «„Женитьба Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши“» компилятивна по характеру и восходит не к хрестоматии А. Оксенова, где с незначительными изменениями перепечатывались аутентичные фольклорные тексты, а к другому источнику. По нашим данным, это могла быть книга „Русские народные былины. Добрыня Никитич“ (Вильде). К этому же изданию восходят варианты „Добрыни и Алеши“ Аграфены Крюковой и Павлы Пахоловой и ряд других былин, записанных позднее от младших представителей этой сказительской династии».⁵⁰ Примечательна отсылка самих сказителей, М. С. Крюкова утверждала, что она слышала ее от деда В. Л., а Г. Л. Крюков эту старину называл «мезенской» и говорил, что он слышал ее от прохожего.

Былина «Добрыня и Маринка», как считает Новиков, «органично вписывается в архангельско-беломорскую традицию и не содержит близких параллелей к записям из других регионов».⁵¹ Что касается былины «Глеб Володьевич», то «исконность старины о Глебе Володьевиче, устные ее источники подтверждаются прекрасным вариантом мезенского сказителя М. Антонова (СБ 1. № 15), а также тем, что она записана и от Гаврилы Леонтьевича Крюкова (ББ. № 80), репертуар которого свободен от книжного влияния».⁵²

Кроме названных сюжетов, восходящих к старшим поколениям, Ю. А. Новиков полагает, что «от М. С. Крюковой записано еще 12 эпических песен, в которых доминируют или по крайней мере широко представлены традиционные мотивы и образы: „Бой Добрыни с Ильей Муромцем“,⁵³ „Добрыня и баба Латынгорка“ (близких сюжетов у других исполнителей нет. — А. В.), „Алеша и сестра братьев Петровичей“,⁵⁴ „Сватовство Идолица“ (близких сюжетов у других исполнителей не обнаружено. — А. В.), „Иван Гоудинович“,⁵⁵ „Чурила и Катерина“,⁵⁶ „Хотен“,⁵⁷

⁴⁸ Там же. С. 293.

⁴⁹ Новиков-2009. С. 347 (24. Книга в семье сказителей Крюковых).

⁵⁰ Там же. С. 352.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 353.

⁵³ Ср.: БСДС. № 46, 71, 108, 150.

⁵⁴ Ср.: Там же. № 7, 93.

⁵⁵ Ср.: Там же. № 14, 78, 197, 218, 226, 230, 231, 253.

⁵⁶ Ср.: Там же. № 19, 87, 103, 145, 154.

⁵⁷ Ср.: Там же. № 20, 247.

две версии „Козарина”,⁵⁸ „Данило Ловчанин”,⁵⁹ „Туры златорогие”,⁶⁰ „Соломан и Василий Окулович”⁶¹ (Крюк. I. № 17, 25, 33, 48, 51, 58—61; II. № 62, 74, 81). Все остальные тексты Марфы Крюковой, соотносимые с традиционными былинами, восходят к печатным источникам».⁶²

17 книжных сюжетов, как утверждала сказительница, она переняла от своей матери, однако в деталях повествование ближе к печатным прототекстам, нежели у Аграфены Крюковой. Многие сюжеты были дополнены новыми. В своих выводах Новиков не учел комментариев Маркова: «„Святогор и Илья Муромец”,⁶³ „Добрыня и Настасья”, „Алеша убивает татарина”,⁶⁴ „Вольга и Микула”,⁶⁵ „Сорок калик”, „Соловей Будимирович”,⁶⁶ „Василий Игнатьевич и Батыга” (Крюк. I. № 8, 26, 3, 40, 46, 47; II. № 75), а также „Камское побоище” (Крюк. I. № 34), в котором элементы архангельско-беломорской версии сюжета занимают примерно такое же место, что и заимствования из сибирской записи Л. Мея „С каких пор перевелись витязи на Святой Руси” (Кир. IV. С. 108). Таким образом, с книгой тесно связаны 25 из 39 традиционных былинных сюжетов М. Крюковой».⁶⁷

При анализе репертуара М. С. Крюковой можно, следовательно, утверждать, что он ограничивается известным кругом сюжетов из репертуара старшего поколения золотицких сказителей. При этом стоит отметить, что большинство известных версий устного происхождения былин у нее восходят прежде всего к мезенской традиции, а не к местной.

То же самое можно сказать и о других представителях младшего поколения Крюковых, в репертуаре которых отразились сюжеты старших поколений.

Основу репертуара Павлы Семеновны Пахоловой, второй дочери Аграфены Крюковой, составляли классические сюжеты, частично усвоенные от матери, Гаврилы и Василия Крюковых,⁶⁸ частично восходящие к печатным источникам. (Далее приведем довольно пространную выписку из книги Ю. А. Новикова.) «Остановимся на тех случаях заимствований из книги, которые ранее не были отмечены исследователями либо интерпретировались не совсем точно. В сюжете „Илья Муромец и Соловей-разбойник” (контаминация с «Исцелением Ильи» (БПЗБ. № 92)) чувствуется влияние текста из сборника Кириши Данилова (нет рассказа об освобождении осажденного города, формулы наговора на стрелу, обычных в золотицких вариантах, и в то же время включена не характерная для них просьба жены Соловья к детям выкупить плененного отца). Эти особенности есть и в былине А. Крюковой (ББ. № 1), однако в деталях вариант Пахоловой ближе к сборнику

⁵⁸ Ср.: Там же. № 16, 17, 102, 110, 137, 144, 165, 199, 219, 233, 260, 275, 284.

⁵⁹ Ср.: Там же. № 48.

⁶⁰ Ср.: Там же. № 13, 211, 225, 322.

⁶¹ Ср.: Там же. № 23, 83, 266.

⁶² Новиков-2009. С. 353.

⁶³ Хотя в комментариях мы находим следующие замечания исполнительницы (ББ. С. 309—311) : «...узнала от покойного деда Василия Леонтьевича; слышала также от мезенцев, но иначе».

⁶⁴ Ср.: «Алеша Попович и Тугарин» (СБ 8. № 62). В комментариях читаем: «Переняла у покрученников с р. Мезени 1899 г.» (ББ. С. 324—329).

⁶⁵ По утверждению Маркова, таких былинных персонажей не знали золотицкие сказители Г. Л. Крюков и Ф. Т. Пономарев.

⁶⁶ См. коммент. Маркова: «Переняла у деда Василия Леонтьевича» (ББ. № 65. С. 335—342).

⁶⁷ Новиков-2009. С. 353.

⁶⁸ У Новикова, очевидно, опечатка «от Гаврилы и Леонтия», так как вряд ли она могла застать в живых своего прадеда (Там же).

XVIII. Некоторые подробности певича позаимствовала из варианта пудожанина Н. Прохорова, перепечатанного в хрестоматии А. Оксенова (угощение вином Соловья-разбойника <...>), причем и здесь она точнее матери воспроизвела печатный прототекст. Видимо, былина о первой поездке Ильи Муромца сложилась в семье Крюковых на основе нескольких книжных источников, элементы которых Павла Семеновна сохранила почти без изменений, Аграфена Крюкова свободно трансформировала в процессе импровизации, а ее внучка Пелагея Негадова с трудом удержала в памяти лишь общую схему сюжета (БПЗБ. № 121).

Аналогичная картина обнаруживается и в былине „Илья Муромец и Сокольник” (БПЗБ. № 93). Связь варианта А. Крюковой с хрестоматией Оксенова почти не улавливается, лишь отсутствие рассказа о временном поражении Ильи и формула *забавляйтце боярским забавами* сближает его с текстом из Архангельского уезда (Оксенов, 48), а отдельные образы и словосочетания переключаются с шенкурским вариантом (Оксенов, 38) из сборника Киреевского (*Сыра мать-земля да потрясалася, из озер вода выливалася; Ездил в поле тридцать лет, этого чуда не наезживал* — в хрестоматии; *Мать сыра-та земля да потрясалася, <...> из озер, из рек да проливалася; Уж я сколько по цисту полю не еживал, уж эдакого богатыря не выдывал* — у Крюковой). У Пахоловой гораздо больше переключек и совпадений с обеими былинами из „Народной поэзии” (см. стихи 37—39, 61—67 и др.). Очевидно, знаком был певиче и текст из сборника Авенариуса (Авенариус, № 22) в котором, вопреки общерусской традиции и предварительному отводу Алеши Поповича, этот богатырь выезжает на бой с Сокольником сразу после Добрыни. С этим источником переключаются также стихи 140—142, 171.

Былина Павлы Пахоловой „Камское побоище” в целом традиционна для Зимнего берега, но ее финал зависим от варианта Л. Мея, перепечатанного Оксеновым. Об этом свидетельствуют и трагическая развязка, довольно редкая в народных эпических песнях, и текстуальные совпадения.

Пахолова:

Испугалисе от страха от великого <...>
И они вси-то же из сил да все повыбились <...>
Как подъезжали-то ко стенам да ко каменным,
А какой — от тут да тут же все окаменеет.

Запись Л. Мея:

Испугались могучие витязи
Побежали в каменные горы <...>
Как подбежит витязь к горе,
Так и окаменеет...

В основу сводной былины о Добрыне (БПЗБ. № 98) положены варианты А. Чукова, помещенные в той же хрестоматии Оксенова. Но Пахолова явно была знакома и с другими печатными изданиями. Она использовала почти все не принадлежащие Чукову редкие мотивы и формулы, отмеченные нами при анализе былины ее матери, кроме того, включила в свой текст немало других оригинальных элементов. Так, стихи 281—299, 326—346, 423 восходят к варианту П. Калинина (земля расступается и принимает змеиную кровь; Забава предлагает Добрыне взять ее замуж, богатырь отказывается; Настасья-великанша кладет Добрыню вместе с конем в *кожаной мешок*); стих 559—566 — к былине Т. Рябинина (Добрыня предпочел бы быть деревом и стоять без ш-

велимости, чтобы к нему съезжались русские богатыри); стихи 517—521 — к сборнику Кириши Данилова (поручение князя *очистить от чуди белоглазой, долгополой дорогу к его тестю любимому*). С пудожскими редакциями сюжета связаны стихи 761—780, 820—844 (конь будит Добрыню и сообщает о готовящейся свадьбе его жены, диалог неузнанного богатыря с матерью). Не характерны для северо-восточных районов формулы в стихах 651 (Алеша Попович — бабий прошмешник), 659—662, 720—724 (поэтическое описание быстротекущего времени) и т. д. И лишь одна деталь в пространной былине Пахоловой навеяна вариантами золотицких сказителей (стихи 316—317 — змееныши сосут груди Забавы (ср. ББ. № 73 и др.)). Обилие и широкая „география” указанных схождения позволяют считать, что Павла Семеновна пользовалась несколькими популярными изданиями былин, в том числе и сборником В. П. Авенариуса, составитель которого объединял в одном тексте элементы разных областных традиций.

Книжное влияние ощущается и в былине о Дюке Степановиче (БПЗБ. № 105). К отмеченным в комментарии А. М. Астаховой прионежским элементам («эпизод трех застав и отвод, который Дюк дает Алеше Поповичу как оценщику (БПЗБ. № 561)), можно добавить еще несколько: упоминание *„быстрой реченьки”* с золочеными и серебряными берегами (ср. Гильф. I. № 9) и бочек-сороковочек с вином, висящих на цепях (Гильф. II. № 85), заключение Дюка в темницу (Гильф. III. № 213). К печатным источникам восходят также старины П. Пахоловой „Три поездки Ильи Муромца”, „Никита Заолешанин”, „Сухман” (БПЗБ. № 94, 95, 101); остальные 8 былин в основном связаны с устной эпической традицией.

Серафима Семеновна Крюкова. В отличие от старших сестер, она была типичным сказителем-передатчиком с более чем скромным репертуаром. Не случайно Марфа Семеновна, ревниво относившаяся к творчеству Павлы Пахоловой, Серафиму „как сказительницу всерьез не принимала” (БПЗБ. № 41). От С. Крюковой записана единственная былина, в которой второй эпизод „Трех поездок Ильи Муромца” оформлен как самостоятельное произведение (БПЗБ. № 117). Певица сохранила почти все указанные выше книжные по происхождению элементы варианта своей матери, добавив некоторые детали, позаимствованные у старших сестер.

Пелагея Васильевна Негадова. Внучка Аграфены Крюковой восприняла всего 4 былины из богатого репертуара своих старших родственников. В „Добрыне и Алеше” и „Дюке” (БПЗБ. № 122, 123) сохранены некоторые книжные по происхождению детали и подробности, отсутствующие в текстах А. Крюковой, но известные по записям от М. Крюковой и П. Пахоловой (князь Владимир отправляет Добрыню в богатырскую поездку по совету Алешы Поповича; Добрыня называет своего соперника *бабьим просмешничком*, Алеша просит у него прощения за то, что *посидел рядом с Настасьей*; в Киеве Дюка заключают в темницу). Нетрадиционная развязка обеих былин (Добрыня убивает Алешу Поповича, князь Владимир выдает за Дюка свою племянницу), видимо, принадлежит П. Негадовой. Былины „Илья Муромец и Соловей-разбойник” (в контаминации с «Исцелением Ильи») и „Алеша и сестра братьев Петровичей” (БПЗБ. № 121, 124) восходят к местной эпической традиции». ⁶⁹

«Приведенные наблюдения позволяют значительно расширить список былин, полностью или частично воспринятых Крюковыми из печатных источников. С полной убежденностью можно утверждать, что кроме хрестоматии А. Оксенова в доме сказителей были и другие популярные издания русских эпических песен, в частности сборник В. П. Авенариуса. Об этом свидетельствуют

⁶⁹ Новиков-2009. С. 353—356.

и воспоминания односельчан Крюковых. Г. М. Плакуев, владевший целым собранием популярных изданий былин, в конце концов отказался давать их Марфе Семеновне. „Она много у меня похитила книг про богатырей. Унесет и ничего боле”, — сетовал он собирателям (БПЗБ. № 42). Книгами активно пользовались старшие дочери Аграфены Матвеевны, Серафима Крюкова и Пелагея Негадова восприняли книжные по происхождению тексты от старших членов семьи. Явно не соответствуют действительности многочисленные указания Аграфены и Марфы Крюковых и Пахоловой на конкретные устные источники их старин». ⁷⁰

Подчеркнем, что в преемственности эпического наследия семьи Крюковых и передаче богатого репертуара старшего поколения к младшему посредницей выступила книга. Что несомненно способствовало и разрушению непосредственной, естественной связи между сказителями и в конечном счете ее угасанию или появлению совершенно новых тенденций и жанровых образований в развитии эпической традиции. Ярким примером является творчество М. С. Крюковой и появление нового жанрового образования — «новины». Кстати, предпосылки такой деформации традиционных устоев русского эпоса уже наметились в творчестве ее матери Аграфены Матвеевны.

Кроме указаний на то, что сказитель слышал или перенял былинку от кого-либо из Крюковых, постоянно приходилось слышать имя сказителя Федора Тимофеевича Пономарева, или «деда Почошкина». Сказитель Г. М. Плакуев вспоминал: «А у Почошкина тоже голос хороший был. Я раньше всё в лес ходил охотником, и зайдешь к нему на тонь. У него керосинник горит, не лампа, а он лежит на лавке в избушке и поет. Всё поет старины... Как Гаврило Крюков или Почошкин пели, так любо слушать». ⁷¹

Но влияние Почошкина выходило далеко за пределы его семьи. Марфа Семеновна, чутко отнормившаяся к стилевым особенностям исполнявшихся былин, противопоставляла «школу» Пономарева крюковской «школе». Когда Пахолова пела старину «Как женился Добрынюшка Микитич млад», соединив в одну былинку три («Добрыня и Змей», «Женитьба Добрыни» и «Неудавшаяся женитьба Алеши»), М. С. Крюкова возмутилась и упрекала младшую сестру в том, что та поет «по-почошкински»: «Никто в нашей природы так не пропевал», — говорила она.

В сюжетном составе эпического репертуара Зимней Золотицы в промежутки между собирательскими работами 1900-х гг. и последнего 25-летия произошли заметные изменения. Круг сюжетов сильно сузился (репертуар Марфы Крюковой, конечно, в счет не идет). Из 54 сюжетов, зарегистрированных записями Маркова, у сказителей окружения М. С. Крюковой сохранилось лишь 26. Забылись такие былины классического репертуара, как «Илья Муромец и Калин-царь», «Илья и Идолище», «Потык», «Соловей Будимирович», «Василий Игнатьев», «Садко», «Василий Буслаев» и некоторые другие. Наиболее устойчивыми оказались: «Илья Муромец» и «Соловей-разбойник», «Камское побоище», «Иван Гоудинович», а из баллад — «Братья-разбойники и сестра» (по-золотицкому «Моряночка»). Но появилось и несколько новых сюжетов, не записанных ранее (5 былин и 2 отрывка). Некоторые из них явно идут от М. С. Крюковой. Таковы у Пахоловой «Про царя Кудрянка», «Васька да горька пьяница», «Марута Богуслаевна» (Крюк. I. № 97, 100, 116), с некоторыми изменениями, внесенными самой исполнительницей (см. наст. изд., комментарий к этим былинам), другие представляют или новообразование, принадлежащее определенному сказителю или его учителям (№ 129 «Про Еруслана Лазаревича» — А. В. Стрел-

⁷⁰ См. подробнее: Там же. С. 356—357.

⁷¹ Астахова А. М. Былинная традиция Печоры и Зимнего берега в последнее двадцатилетие // Аст. 1. С. 41.

ковой), или сюжет, усвоенный из какого-то книжного источника, если не самой исполнительницей, то кем-либо в семье Крюковых уже после Маркова (№ 115 «Про петуха и лисицу» — П. С. Пахоловой).

В состав текстов, представляющих былинную традицию Зимнего берега, также не вошли некоторые записи былинных сюжетов из репертуара А. М. Крюковой, а именно те из них, которые она усвоила до переселения в Золотицу (до замужества) от своих родственников на Терском берегу (БСДС. № 1, 6, 12, 15 и др.).

В связи с этим встает более фундаментальный вопрос о взаимодействии и взаимовлиянии традиций.

Особенно заметно такое влияние в творчестве Аграфены Крюковой, которая была родом терчанка, и первые навыки сказительского искусства и первые сюжеты ею были усвоены именно на Терском берегу в семье родителей (от матери, дяди Ефима). Однако остается открытым вопрос, насколько соответствует истине предпринятое Марковым разделение репертуара сказительницы А. М. Крюковой на золотицкие и терские сюжеты. Ответ на этот вопрос требует основательной текстологической проверки всего корпуса былинных текстов этих эпических «очагов». К ним относятся прежде всего сюжеты, которые отсутствуют в репертуаре собственно золотицких сказителей: «Три поездки Ильи Муромца»;⁷² «Неудавшаяся женитьба Алеши»;⁷³ «Михайло Данилович»;⁷⁴ «Настасья Митреяновна» («Иван Гоудинович»);⁷⁵ «Дюк»;⁷⁶ «Михайло Петрович» («Козарин»);⁷⁷ «Чурило и Авдотья» («Чурило и неверная жена»);⁷⁸ «Сорок калик со каликою»;⁷⁹ «Соломан и Иван Никульевич» (Окульевич).⁸⁰ Ю. А. Новиков считает, что эти былины испытали книжное влияние: «Многие ее тексты напоминают мозаику: в них использованы оригинальные детали и подробности, нестандартные имена собственные, известные по единичным записям XVIII—XIX веков, сделанным в разных районах России от разных исполнителей. Для эпической традиции Поморья они не характерны, а порой и вообще уникальны, поэтому устные источники практически исключены — Крюкова наверняка усвоила их из книги при посредничестве грамотных членов семьи».⁸¹

В былине «Три поездки Ильи Муромца» (ББ. № 1), показывает исследователь, певица объединила сюжет баллады «Молодец и казна монастырская» с рассказом о второй поездке Ильи (эпизод с королевичной) и о его победе над Соловьем-разбойником. Во второй части произведе-

⁷² БСДС. 1; ББ. № 31—36 (переняла у дяди Ефима).

⁷³ БСДС. 6. 9/2, л. 19—20 об., без загл.; ББ. № 63—68 (переняла у матери и дяди Ефима; ср.: ББ. № 376, 9; БСДС. № 62 коммент., 135 коммент., 151 коммент., 182, 208, 209, 224, 235, 236).

⁷⁴ БСДС. № 12; ББ. № 90—95 (переняла у матери; ср.: БСДС. № 76, 136, 183, 193, 210, 246).

⁷⁵ БСДС. № 12; ББ. № 96—101 (переняла у старика-соседа Ефрема, умершего, когда еще А. М. Крюкова была девочкой; ср.: № 56, 57; БСДС. № 14, 78, 197, 218, 226, 230, 231, 253).

⁷⁶ БСДС. № 15; ББ. С. 101—109 (переняла у матери, которая «век пела» эту старину; ср.: ББ. № 45—49; БСДС. № 15, 101, 113, 140, 198, 212).

⁷⁷ БСДС. № 17; ББ. С. 114—119 (переняла у матери; ср.: ББ. № 69—71; БСДС. № 16, 17, 102, 110, 137, 144, 165, 199, 219, 233, 260, 275, 284).

⁷⁸ БСДС. № 19; ББ. № 126—129 (переняла у матери, дяди Ефима и крестного отца; ср.: ББ. № 50, 52; БСДС. № 87, 103, 145, 154).

⁷⁹ БСДС. № 22. 9/2, л. 8—8 об., 10—13, без загл. (переняла у матери и дяди Ефима; ср.: ББ. № 58—62; БСДС. № 220).

⁸⁰ БСДС. № 23; ББ. № 144—151 (переняла у дяди Ефима; ср.: ББ. № 67; БСДС. № 83, 266).

⁸¹ См. подробнее: Новиков-2009. С. 348—351.

ния обнаруживаются близкие параллели к варианту «Трех поездок Ильи» Ф. Никитина с Выгозера (Гильф. II. № 171) (все три дорожки именуются *прямоезжими*, когда королева-обманщица проваливается в погреб, Илья Муромец или пострадавшие от ее коварства молодцы кричат: «*Имай, хватай, вот и сама идет!*»). В третьей, заключительной части текста некоторые детали перекликаются с былинной пудожанина Н. Прохорова (Рыбн. II. № 116) (у раненого Соловья *запеклись уста кровью горючею*; его дочь с такой силой ударила Илью, что он едва усидел на коне).

Еще более мозаична, по наблюдениям Ю. А. Новикова, былина «Илья Муромец и Калин-царь» (ББ. № 2). Эпизод с подаренной князем шубой, которую Илья *волочит за один рукав*, текстуально близок к одному из алтайских вариантов в сборнике С. И. Гуляева (Гул. № 36), а само наименование шубы «кошулею» в старых записях встречается только в пудожском варианте «Трех поездок Ильи» (Гильф. I. № 58). С другой пудожской записью (Рыбн. II. № 141) совпадает имя татарского царя (Каин вместо традиционного Калин) и многократно повторяющийся эпитет «собака». Некоторые детали (отчество татарского царя — Каин Калинович, описание вражеского войска в ст. 118—122) восходят к тексту из сборника Кириши Данилова (КД. № 25), перепечатанному Оксеновым. Из былины о Сокольнике в этой же хрестоматии позаимствовано упоминание о «дворянских забавах» героя (восходит к архангельскому варианту из сборника П. В. Киреевского (Кир. IV. С. 12).

Книжное влияние, полагает Ю. А. Новиков, прослеживается и в былинке «Добрыня и Змей» (ББ. № 5). Сравнение летящего Змея с грозной тучей (ст. 80—84), видимо, навеяно вариантом А. Чукова, помещенным в хрестоматии Оксенова; в жалобе богатыря на свою участь использован редкий поэтический образ (Добрыня предпочел бы быть деревом, у которого съезжаются русские богатыри), встречающийся лишь у нескольких заонежских сказителей, в частности у Т. Рябинина (Рыбн. I. № 8). Старина «Неудавшаяся женитьба Алеши» (ББ. № 6) в композиционном плане повторяет былинку А. Чукова, воспроизведенную в книге Оксенова без существенных отклонений от оригинала. Вместе с тем Крюкова использовала ряд деталей и формул других сказителей, не всегда согласуя их между собой. О предстоящей свадьбе Настасьи Добрыня узнает от своего коня, который *забил ножкой правую* и разбудил спящего богатыря. Такие подробности обычны в пудожских записях былины. К ним же восходит диалог Добрыни с матерью о платье, износившемся во время похода. А упоминание родимого пятна на ноге, по которому мать узнает сына, — оригинальная деталь двух поволжских вариантов (Кир. II. № 4, 14). Стремление богатыря быть узнанным матерью не вяжется с его первоначальным заявлением: *Мы недавно с Добрынюшкой прирозъехались*. (В былинке Чукова, откуда позаимствована эта фраза, герой называет себя другом Добрыни.)

«Если отвлечься от индивидуальных новаций исполнительницы, в частности, от сказочных мотивов в конце былины „Садко“ (ББ. № 21), то выявить несомненное генетическое родство этого текста с классическим вариантом пудожанина А. Сорокина, который также перепечатан в хрестоматии Оксенова. Зависимость от сорокинского извода особенно заметна в первой части текста: Садко — бедный гусяр, зарабатывающий на жизнь своим искусством; его обогащение мотивируется чудесным даром *царицы Белорыбицы*, заменившей традиционного Водяного царя. Подобная мотивировка крайне редка. К тексту пудожского певца восходит ряд других развернутых описаний и сюжетообразующих мотивов (ст. 41—45, 56—57, 75—89)».

«Крюковская „Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром“ (ББ. № 44) представляет собой соединение двух былин из хрестоматии Оксенова: „Ссора Ильи с Владимиром“ (Оксенов,

44—47) и „Илья и Идолище” (Оксенов. № 36—38). Первый прототекст в свою очередь составлен Оксеновым из двух фольклорных вариантов — оригинальной архангельской версии сюжета, известной под названием „Никита Заолешанин” (Кир. IV. № 46) и прионежской версии (вариант Прохорова — (Рыбн. II. № 119)); второй прототекст — перепечатка былины Т. Рябинина об Илье и Идолище (Рыбн. I. № 6). Перечисление всех сходжений заняло бы слишком много места, поэтому ограничимся указанием на близость ключевых мотивов и формул. Стихи 10—12, 32—40, 61—63, 76—79 текста А. Крюковой восходят к былине о Никите Заолешанине, стихи 103—109 — к варианту Н. Прохорова, стихи 165, 189—209 — к варианту Т. Рябинина».⁸²

По мнению Ю. А. Новикова, «с прионежской традицией связана былина А. Крюковой „Дунай сватает невесту князю Владимиру” (ББ. № 9). Сюжетная схема этой эпической песни довольно устойчива, но в деталях повествования обнаруживаются региональные различия. В большинстве северо-восточных записей, в том числе в лучших золотицких вариантах (ББ № 75, 109), главный герой поначалу остается „за кадром” — он посажен князем в темницу, поручить ему сватовство предлагает Добрыня. У Крюковой, как и у прионежских певцов, Дунай присутствует на пиру и сам вызывается выполнить поручение князя. Нет у Крюковой и другого устойчивого в северо-восточной традиции мотива — укора невесты своему отцу (*Умел меня батюшко вспоить, вскормить, не умел отдать в замужество без драки все да кроволитныя*). Зато в монологе князя имеются типично прионежские детали, не свойственные былинной традиции Поморья, Мезени и Кулоя:

Шьчобы было бы кому да поклонятисе,
Шьчобы было бы кому да покорятисе,
Шьчобы было бы кого мне-ка кнегиной звать.

(Ср.: Гильф. II. № 81, 94 и др.). С эпическими песнями Онего-Каргопольского края связана былина о Дюке (ББ. № 15), а старина о бое Ильи Муромца с Сокольников (ББ. № 4) зависима от знаменитого шенкурского варианта (Кир. I. № 46). (Подробнее см.: Указатель, сюжет 33, № 5; сюжет 15, № 9). Таким образом, 17 былин Аграфены Крюковой в значительной степени зависимы от книги, основной их источник — хрестоматия А. Оксенова „Народная поэзия”. По ней сказительница усвоила и духовный стих „Голубиная книга” (ББ. № 53; ср.: Оксенов, № 212—219). Примечательно, что в репертуаре Крюковой сосуществовали две разные версии „Ильи и Калина”, „Ссоры Ильи с Владимиром” и „Ильи и Идолища”; все они связаны с печатными источниками. В устной эпической традиции старая модификация сюжета обычно заменяется новой («Илья и Калин» Т. Рябинина, «Чурила и Катерина» Ф. Конашкова и др.)».⁸³

Сюжеты старин, которые усвоила А. М. Крюкова от своих родственников и земляков с Терского берега, также имеют прямые аналогии с золотицкими сюжетами, некоторые через книгу, как было отмечено выше: «Алеша и сестра Бродовичей», «Добрыня и Змея», «Дунай сватает невесту князю Владимиру», «Бой Ильи Муромца с сыном», «Козарушка» («Козарин»), «Потык», «Садко».

А. В. Марков отмечал: «Репертуар первого района (Терского. — А. В.) примыкает ближайшим образом к репертуару Поморья. И там, и здесь мы находим: 1) Три поездки Ильи Муромца;

⁸² Там же. С. 350.

⁸³ Там же. С. 350—351.

2) Бой Ильи Муромца с сыном; 3) Неудавшуюся женитьбу Алеши; 4) Дуная; 5) Туров; 6) Козарина (...); 8) Михайлу Даниловича; 9) Хотена; 10) Садка (...); 18) Смерть царицы (Настасьи Романовны); 19) Кострюка; 20) Ивана Грозного с его сыном; особенно сильно связывает эти два района присутствие и в том и в другом 5 редких старин, неизвестных в Олонецкой губернии». ⁸⁴

Кроме названных сюжетов, имеющих в репертуаре золотицких сказителей, и тех, которые испытали книжное влияние, в репертуаре А. М. Крюковой мы находим сюжеты, отсутствующие у золотичан: «Женитьба Дуная», «Илья Муромец и Бадан (Батый)», «Илья Муромец и Калин», «Сухмантий» («Сухан»), «Турь и турица», «Хотен», «Кострюк», «Иван Грозный и его сын», «Смерть Ивана Грозного», «Горе».

Кроме общих сюжетов из репертуара Терского берега, как наглядно это видно в творчестве Аргафены Крюковой, много общих сюжетов можно обнаружить в мезенской традиции. Еще раз подчеркнем, что мезенская традиция оказала заметное влияние на золотицких мастеров.

Так, по указанию собирателя, текст сюжета «Святогор и Илья Муромец» ⁸⁵ является почти дословной передачей рассказа Г. Л. Крюкова, который говорил, что в Койде о Святогоре пели длинную старину, слышал лет 60 тому назад (1839); но в его памяти уцелел лишь один эпизод. От старика Мухи, родом с верхнего течения Мезени, умершего более 20 лет тому назад, он же перенял старину «Василий (Игнатъевич), пьяница». ⁸⁶ Там же Г. Л. Крюков слышал две старины о Сеньке Разине, но теперь спеть их не смог: 1) как астраханский губернатор засадил Разинова сына в тюрьму; 2) как Разин в темнице рисовал на стене лодку, приглашал своих товарищей в нее сесть и уезжал из тюрьмы, ловил руками и бросал назад пули, которыми в него стреляли; долго его не могли поймать, он убивал только начальство, а простых людей не трогал.

А. М. Крюкова указывала, что старины «Василий Богуславъевич» и «Волх Святославъевич (Всеславъевич)» она переняла от покрученников, приходивших в Золотицу с Мезенского берега; а сюжеты «Алеша Попович убивает татарина», «Женитьба Дюка Степановича» переняла от дочери Марфы, которая в свою очередь заучила их от работника Ортемия, родом из Мезенского края.

Марков писал: «От терско-поморского репертуара былин весьма отличается былинный репертуар местностей, лежащих на восток от Белого моря, — на Зимнем берегу, на побережье, прилегающем к Мезенскому заливу, и по течению Мезени. Все эти места объединяются в один былинный район благодаря постоянному сношению их жителей между собой. Нередко крестьяне Зимнего берега, промышляя морских зверей, встречаются с мезенскими промышленниками у о-ва Моржовца и на западном берегу полуострова Канина; в Золотицу приходят работники с р. Мезени, а золотицкая молодежь ходит в покруты на Мезенский берег. Отсюда является обмен былинами. Так, золотицкий сказатель Крюков несколько былин выучил, когда нанимался покрученником в с. Койду, на Мезенском берегу, а некоторые былины перенял у крестьян, приходивших покрученниками в Золотицу с верхнего течения Мезени; от других „мезенцев“ перенимали старины покойный брат Крюкова и его внука». ⁸⁷

Исследователи неоднократно отмечали особое место творчества Аргафены Крюковой в золотицкой традиции. И действительно, репертуар ее состоял из некоторых старин, которые она успела усвоить в детстве на Терском берегу, при этом треть от общего количества она закрепила в памя-

⁸⁴ БСДС. С. 1000—1001.

⁸⁵ Там же. № 66; ББ. С. 343—344.

⁸⁶ БСДС. № 77; ББ. С. 409—414.

⁸⁷ БСДС. С. 1001.

ти, обращаясь к книжным источникам. Следует отметить, что репертуар Аграфены Крюковой в золотицкой традиции был усвоен только ее дочерьми и не был зафиксирован от других певцов. Аграфена Крюкова — явление в эпической традиции Зимнего берега, конечно, яркое и самобытное, но явление, которое завершает традицию и находится на стадии ее затухания. Она исполняла и заучивала старины уже при других обстоятельствах и с другими целями, которые были несовместимы с традиционными. Она более индивидуальна в своем стремлении к исполнительству, чем другие представители традиции, это стремление она передала своей дочери Марфе, талант которой в полной мере раскрылся позднее.

Подведем некоторые итоги.

Благодаря основательному обзору собранного материала, предпринятому А. В. Марковым в начале 1900-х гг., проведенным А. М. Астаховой исследованиям записей 1930-х гг., фундаментальному изучению севернорусской эпической традиции, в том числе и Зимнего берега, наблюдениям и выводам Ю. А. Новикова и многих других (см. статью Н. Г. Комелиной «История собирания былин Зимнего берега Белого моря» в наст. изд.), мы пришли к следующим выводам.

Эпическая традиция Зимнего берега Белого моря, локализованная территориально в основном в селах Нижняя и Верхняя Золотица, занимает промежуточное место в ряду других традиций Беломорья: мезенской, кулойской, терской. Выделяя ее на общем фоне, необходимо подчеркнуть эклектичность и зависимость от соседних традиций.

Время возникновения локальной эпической традиции следует относить к периоду массового заселения территории Зимнего берега, появлению здесь старообрядческих скитов во второй половине XVIII в., а активный период ее развития считать до конца XIX в.

Эпическое наследие, зафиксированное собирателями с 1860-х по 1930-е гг., было записано от трех поколений золотицких сказителей. Носителями живого бытования эпоса в его естественных условиях («на тонях») были сказители первого поколения, от представителей которого были сделаны записи И. Розанова и Г. Л. Крюкова, последнего еще застал в живых А. В. Марков. Второе поколение — Аграфена Крюкова, М. С. Точилова, Г. М. Плакуев, В. И. Чекалев и другие исполнители Маркова — было свидетелем живого бытования, но пассивно усваивало от зрелых певцов некоторые сюжеты из их репертуара. Изменились привычные условия и обстоятельства исполнения старин. Они «пришли» в крестьянские дома, семьи и стали функционально близки к исполнению лирических песен или приобрели явно назидательный и развлекательный подтекст. Видимо, эти новые обстоятельства явились причиной того, что активными исполнителями становятся женщины, число которых на Зимнем берегу превышает число сказителей мужчин, а их репертуар гораздо богаче (Аграфена Крюкова, М. С. Точилова и др.).

Третье поколение — дочери Аграфены Крюковой, А. П. Бурая, Точилон — практически не владело уже эпическим знанием (исключая М. С. Крюкову). Представители его — потомки сказителей, и, скорее всего, остатки эпического знания у них находились в пассивной памяти и оказались невостребованными в новых обстоятельствах и условиях крестьянской жизни. Одной из причин актуализации памяти, вероятно, явился интерес извне, в частности собирателей фольклора (поездки В. П. Чужимова, экспедиция А. М. Астаховой, Э. Г. Бородиной-Морозовой, Р. С. Липец и др.). На этой волне интереса и возникает феномен творчества М. С. Крюковой.

Эпический репертуар золотицких сказителей не отличается большим разнообразием и представляет собой в основном общий фонд сюжетов, характерных для Беломорско-Архангельского

региона. Особенно близко он сопоставим с мезенской и терской традициями. Реконструкция репертуара старшего поколения золотицких сказителей показала, что он оказывается по количеству сюжетов беднее, чем репертуар второго поколения. Очевидно, такую ситуацию следует объяснять тем, что среди представителей этого второго поколения находилась одна из самых ярких сказительниц Поморья — Аграфена Крюкова, родом с Терского берега. Другим обстоятельством увеличения репертуара стало усвоение певцами книжных сюжетов.

Популярные издания русских былин, в особенности хрестоматия А. Оксенова, существенно повлияли на эпический репертуар Зимнего берега в 1900-х гг. Книги были в домах сказителей и, очевидно, пользовались большим спросом, особенно в семье Крюковых. Такой интерес к книге создает уже иную мотивацию обращения к эпическим текстам нового поколения — это стремление к занимательности повествования. Поэтому многие сюжеты претерпевают изменения в этом плане, о чем свидетельствует присутствие балладного конфликта. Книга, с одной стороны, способствовала увеличению сюжетного репертуара, а с другой — явилась инструментом унификации традиции в целом.

Наиболее яркими сказителями Зимнего берега являются представители семьи Крюковых. Однако назвать их «семейной школой» сказителей можно весьма условно, так как нет возможности обнаружить не только прямую преемственность между поколениями в передаче определенного круга сюжетов, но и четкое осознание самими певцами, что их учителями являются старшие родственники.

В семье Крюковых и в целом в золотицком эпическом «очаге» сформировался новый тип эпического певца — Аграфена и Марфа Крюковы.

Т. Г. ИВАНОВА

К ИСТОРИИ ЗИМНЕГО БЕРЕГА

Побережье Белого моря делится на берега — территории, объединенные единой историей и особенностями хозяйственной деятельности. Границы берегов в разных источниках определяются по-разному. В авторитетном исследовании Т. А. Бернштам «Поморы: Формирование группы и система хозяйства»¹ пределы берегов очерчены следующим образом (с запада на восток): от мыса Святой Нос на Кольском полуострове до р. Умбы (южная часть Кольского полуострова) — Терский берег; от р. Умбы до р. Керети — Кандалакшский; от р. Керети до р. Кеми — Карельский; от р. Кеми до р. Онеги — Поморский; от устья Онеги до мыса Ухт-Наволок на Онежском полуострове — Онежский. Западный берег Двинского залива (Двинской губы) вплоть до самого Архангельска называется Летним берегом. Восточный берег Двинского залива и побережье горла Белого моря до мыса Воронов — это Зимний берег. Далее следует Мезенская губа, западная часть которой называется Абрамовским берегом. Здесь стоит с. Койда, основанная, как мы покажем, зимнебережцами, и Долгощелье (в устье р. Кулой), связанные с Зимним берегом промыслово-хозяйственными отношениями.

Все поселения на Зимнем берегу, как и в Западном Поморье, расположены в устьях рек или чуть выше по их течению: Патракеевка и другие деревни на р. Мудьюге; Куя — на р. Куе; Малая и Большая Козлы — на р. Малая и Большая Козла; Нижняя и Верхняя Зимние Золотицы — на р. Зимней Золотице; Инцы — на р. Большой Инце; Ручьи — на р. Ручьи; Мегра — на р. Мегре; Майда — на р. Майде; абрамовская Койда — на р. Койде. В настоящее время территория Зимнего берега в административном плане входит в два района Архангельской области: в Приморский (Патракеевка—Зимняя Золотица) и в Мезенский (Инцы—Майда).

Археологические данные свидетельствуют, что первые люди на Зимнем берегу появились в середине II—I тысячелетия до н. э. Осколки первобытной керамики были обнаружены на р. Зимней Золотице в 1876 г. шведским географом Г. Г. Сандбергом. Следующим летом по заданию Комитета по устройству Антропологической выставки в Москве на Золотице побывали Н. К. Зенгер и А. И. Кельсиев, собравшие наконечники копий, стрел, скребки и пр. Зимнезолотицкие предметы первобытной эпохи были представлены на Антропологической выставке в 1879 г.² На то время это было самое значительное собрание первобытных материалов. «Из числа предметов каменного века в России, конечно, первое место принадлежит зимнезолотицкой коллекции», — констатирует В. Н. Майнов.³ Сейчас эта коллекция находится в Государственном историческом музее.

В дальнейшем археологические поиски на Зимнем берегу были продолжены разными исследователями. Среди них в 1901 г. был известный этномузыковед А. Л. Маслов (1876—1914), участник третьей фольклорной экспедиции на Зимний берег А. В. Маркова (1877—1917), за которым закрепились все приоритеты в собирании былин в Поморье. Археологические находки, переданные в Исторический музей, отражены в работе А. Л. Маслова «К археологии Летнего и

¹ Бернштам Т. А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.

² Антропологическая выставка 1879 года: Описание предметов выставки. М., 1879. Вып. 2: Отдел доисторический / Сост. Д. Н. Анучин. С. 6.

³ Майнов В. Н. Первая антропологическая выставка и конгресс в Москве // Слово. 1879. № 10. С. 99.

Зимнего берега Белого моря».⁴ Исследователь сравнивает найденные предметы с материалами раскопок в других регионах и приходит к выводу, что культура в Беломорье шла со стороны Волжско-Камского бассейна, при этом: «...беломорская культура каменных орудий была синхронна бронзовой Волжско-Камской» и «должна считаться пережитком неолитической эпохи».⁵

Среди археологов Зимнего берега был также костромской краевед и фольклорист В. И. Смирнов (1882—1941), оказавшийся в 1930-е гг. в Архангельске на положении ссыльного. В 1934 и 1936 гг. он провел археологические раскопки в районе Зимней Золотицы.⁶ Обнаруженные им стоянки у тоней «Катериниха—Могилка», позволили сделать вывод: «...население Зимнего берега Белого моря в то далекое прошлое жило здесь оседло, о чем свидетельствует масса остатков глиняной посуды, которая могла изготавливаться только на месте. Оно вело рыболовное и охотничье хозяйство. Следов занятия земледелием совершенно не замечено. Орудия труда изготавливались тоже на месте. Дифференцированные формы орудий говорят за высокую развитую технику камня, а вместе с тем кости и дерева. Начинает входить в употребление бронза. Это время приурочивается ко 2-му тысячелетию до нашей эры».⁷ Определенные результаты археологических работ отражены в каталоге А. А. Куратова «Археологические памятники Архангельской области».⁸ Здесь к Зимнему берегу относятся находки № 127.5—130.8 (Мезенский район) и № 188.1—193.6 (Приморский район).

Дославянским населением Зимнего берега в исторически обозримом времени, в конце I—начале II тысячелетия н. э., были представители угро-финских племен — чудь заволоцкая русских летописей. Угро-финская этимология прочитывается практически во всех названных выше гидронимах региона. Так, например, этимологию топонима 'Мегра' исследователи видят или в прибалтийско-финском 'барсук', или в коми-зырянском 'дуга, шпангоут лодки'. Топоним 'Козла' связывают с коми-зырянским 'ель'; 'Това' — 'зима'.⁹ Многочисленные «лахты», имеющиеся в названиях Зимнего берега (Еловая лахта и Ушенемская лахта у Куи), также связываются с финно-угорским корнем, обозначающим, как известно, 'небольшой залив'.¹⁰

Освоение Зимнего берега славянами вследствие его удаленности произошло, что вполне естественно, много позднее других территорий Заволочья. Новгородцы, напомним, в XIII в. закрепились на Ваге (левый приток Северной Двины) и в нижнем течении Северной Двины (Двинская земля с центром в Колмогорах / Холмогорах). К этому времени здесь свои вотчины имели новгородские бояре, а в XIV—XV вв. сформировался класс двинских бояр. Управлялась Двинская земля новгородским посадником. Двинская земля и стала метрополией для Зимнего берега. Новгород → Двинская земля → Зимний берег — такие ступени прочитываются в освоении рассматриваемой территории.

⁴ Маслов А. Л. К археологии Летнего и Зимнего берега Белого моря. Архангельск, 1913; на тит. л.: М. Маслов; подпись под статьей: А. Маслов; первоначально: Изв. Архангельского общества изучения Русского Севера. 1913. № 19.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ Смирнов В. И. Обзор археологических памятников Беломорского побережья Северной области // Советская археология. 1937. № 4. С. 169—210.

⁷ Смирнов В. И. Древнейшие поселения Зимнего берега Белого моря // Новый север. 1937. № 4. С. 92.

⁸ Куратов А. А. Археологические памятники Архангельской области. Архангельск, 1978.

⁹ Кабанина Н. В. Пермское топонимическое наследие Архангельского Поморья // Вестн. Пермского ун-та. 2011. Вып. 2 (14). С. 9—10.

¹⁰ Ефименко П. С. Заволоцкая чудь. Архангельск, 1869. С. 105.

Новгородский вектор колонизации Зимнего берега сказывается и в лексике региона. Так, среди названий зимнезолотицких ветров (север, побережник, запад и др.) имеется и шелоник / шолоник,¹¹ который, как известно, указывает на новгородскую колонизацию той или иной севернорусской территории. Слово «ушкуйники», обозначающее на Зимнем берегу охотников на медведей, также указывает на Новгород.¹² Специально подчеркнем, что никаких следов присутствия ростовской (поволжской) колонизации, сыгравшей большую роль в освоении будущего Русского Севера, на Зимнем берегу не обнаружено.

Основной механизм освоения Зимнего берега, как и всего побережья Белого моря, запускался через устройство на данной территории рыбных тоней и ловищ (а следовательно, постройка избушек на тонях). Люди приходили в эти края прежде всего за рыбой и морским зверем. Позднее (иногда много позднее) на месте тоней возникали постоянные селения.

Согласно карте, представленной в монографии Т. А. Бернштам,¹³ Куя и Зимняя Золотица значатся как деревни, возникшие в XVI—первой половине XVII в.; Малая и Большая Козлы, Инцы, Ручьи, Мегра, Майда, Койда — во второй половине XVII—первой четверти XVIII в. Время возникновения Патракеевки, по данным Т. А. Бернштам, остается неизвестным. Более полные и основательные сведения приведены в обстоятельной монографии А. И. Леонтьева «Зимняя сторона».¹⁴

Зимний берег можно разделить на две части: берег Двинского залива (от Архангельска до Малой и Большой Козлы) и берег горла Белого моря (от Зимней Золотицы до Майды). Самыми первыми поселениями на Зимнем берегу были деревни, расположенные на восточном побережье Двинской губы — близлежащие к средневековой Двинской земле (на реках Мудьюге, Кади и Куе). Имеются также свидетельства о раннем освоении Зимней Золотицы. Рассмотрим историю появления сел на Зимнем берегу; о Зимней Золотице — единственном селе (вернее, двух селах), где были записаны былины, — будет сказано отдельно.

1. Села на Мудьюге, Кади и Куе и поселения, основанные их жителями в восточной части Зимнего берега. В устной памяти жителей р. Мудьюги, где стоит с. *Патракеевка* (в 60 верстах от Архангельска, в 12 верстах от устья Северной Двины), можно отметить два топонима, характерных для многих территорий Русского Севера: чудь и Новгород. В описании Мудьюжского прихода (Патракеевская волость) 1894 г., подготовленном священником Авениром Рожинным, утверждается, что «первыми поселенцами этой местности был, вероятно, чудский народ, впоследствии вытесненный отсюда новгородцами».¹⁵

Новгородцы, согласно устной памяти мудьюжан, бежали в эти земли «от справедливо заслуженного ими царского гнева царя и великого князя Иоанна Васильевича III»,¹⁶ т. е. в 1478 г., когда Иван III (1440—1505; правил: 1462—1505) присоединил к Москве после долгого противостоя-

¹¹ Дранникова Н. В. Фольклорная экспедиция Поморского университета в село Зимняя Золотица // Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология : Материалы V Междунар. школы молодого фольклориста (6—8 июня 2001 г.). Архангельск, 2002. С. 89.

¹² Там же. С. 90.

¹³ Бернштам Т. А. Поморы. С. 41.

¹⁴ Леонтьев А. И. Зимняя сторона. Архангельск, 1999.

¹⁵ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1894. Вып. 1: Уезды Архангельский и Холмогорский. С. 130.

¹⁶ Там же.

ния Новгород. Согласно преданию, на Мудьюгу пришли три брата, прозванные Безбородый, Морозов и Негодяев. У Безбородого было шесть сыновей; у Негодяева — пять дочерей. После неудачных лет Негодяев, взяв в церковной казне (непонятно, в какой церкви) деньги и не имея возможности их вернуть, потерял свои земли и уехал в Вологду. На землях Негодяева впоследствии была построена церковь Николая Чудотворца.

В этом предании просматриваются константные мотивы топонимических сказаний: три брата — основатели селения; шесть братьев и пять сестер, которые в других легендах становятся родоначальниками племени или поселения (в данном случае мотив оказался в свернутом виде); построение церкви как знак освоения местности.

Новгородский топоним сохраняется и в памяти современных мудьюжан. Н. В. Дранникова, работавшая в наше время в с. Патракеевка, отмечает: «Наши респонденты гордятся своим „новгородским“ происхождением. Они наделяют предков-новгородцев такими чертами характера, как предприимчивость и свободолюбие».¹⁷ Название главного села Мудьюги — Патракеевка — местные жители связывают с неким Патракеем — «жадным, хитрым, льстивым» купцом, по одной из версий, пришедшим на берега Белого моря во времена Софьи-посадницы (явно испорченное — Марфы-посадницы), по другой — бежавшего из Новгорода после разгрома города Иваном Грозным (т. е. в 1570 г.).¹⁸ В современной исторической памяти патракеевцев имеется другое предание, согласно которому, первые жители пришли на Мудьюгу из с. Орлецы — средневекового поселения на Северной Двине в 125 км от Архангельска.¹⁹ Таким образом, устная память Патракеевки удерживает связку «Новгород—Двинская земля».

Первые письменные документы, касающиеся Мудьюги, относятся к началу XVI в. В «данной» (дарительной) грамоте, датированной 1517—1518 гг., Микула Иванов сын Рычков передавал Мудьюжской церкви («великому Николе в Мудьюгу в дом») «деревне в Мудьюгу реке верховье двор и дворище, и (о)рамые земли, пожни и всякие угодыя, где х той деревне ни есть».²⁰ Полагаем, что речь идет о деревне на Мудьюге, которая сейчас известна как Верховье. К 1517—1518 гг. относится еще один документ — купчая грамота на «деревенку в Мудьюге реке на наволоке» со всеми ловищами между Максимом Андреевичем Поповым (Смышляевым) (продавец) и Анфалом Никитиным сыном (покупатель).²¹

Существование в начале XVI в. «деревенок» «орамых», т. е. пахотных земель, и «Мудьюжской церкви» позволяет отнести освоение Мудьюги русскими людьми — основательное освоение, с образованием деревень, а не только с устройством тоней — по крайней мере к концу XV в., а, может быть, и ранее.

Мудьюжская церковь стала на Зимнем берегу первым духовным феодалом, сосредоточивавшим в своих руках земли и угодыя. Сохранилась «данная» грамота Василия, Артемия и Михаила Леонтьевых детей Кузьмина и их дяди все той же Никольской Мудьюжской церкви. Дарители в 1523/24 г. передавали церкви часть деревни на р. Кади — соседней (в трех верстах) с Мудьюгой: «што у нас деревня на Каде в усть-Курьи с Матьфеевыми детьми <...> и мы свой жеребей дали

¹⁷ Дранникова Н. В. «Капитанская деревня»: К вопросу о локальной идентичности жителей села Патракеевки Приморского района Архангельской области // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2016. № 5(158). С. 71.

¹⁸ Там же. С. 72.

¹⁹ Там же.

²⁰ Акты Холмогорской и Устюжской епархии. СПб., 1894. Кн. 2. Стб. 4. № 4.

²¹ Там же. Стб. 4—5. № 5.

великому Николе в дом Мудьюжскому».²² Через десять лет, в 1533/34 г., Остафей Анофреев сын купил у Ивана Матфеева сына Есипова его вотчину на р. Кади, а через четыре года, в 1538/39 г., дети Остафея по завещанию отца передали эти земли Никольской Мудьюжской церкви.²³ Владения Мудьюжской церкви приросли также частью деревни на р. Кади («шестую долю в полудеревни») и угодьями 25 мая 1539 г. по «данной» грамоте Никифора, Ивана и Александра Михайловых детей Кузмина.²⁴ Сохранилась грамота от 2 августа 1596 г., по которой «портной мастер» Борис Стефанов сын передавал церкви «треть Николиной деревенки» в верхней Кади в Куткуш-Курьи.²⁵

Некоторые «данные» грамоты содержат формулу поминовения умерших родственников. 7 декабря 1555 г. Григорий Ефимьев сын Кузмин подписал «данную» грамоту Мудьюжской церкви на земли на р. Кади, принадлежавшие некогда его отцу и дяде: «...дал Николу чудотворцю Мудьюскому в дом по отца своего души и по дядинове по Матвееве и по сестры по своей по Марфы».²⁶ Мудьюжская церковь получала дары и в денежной форме. 23 октября 1608 г. некая Анна Игнатъева дочь Зелениных, богатая жена (вдова?) Первого Якимова сына Ле(о)нтъева, по-видимому жившая в бывшей Двинской земле, т. е. на Северной Двине, по своей духовной грамоте (завещанию) оставляла целому ряду двинских и поморских церквей деньги на свечи и поминание души ее по смерти. Среди храмов названа и Никольская церковь на Мудьюге, которой завещалась «в казну гривна, 5 алтын попу».²⁷

История Мудьюжской церкви Николы Чудотворца очерчена в уже упомянутом издании конца XIX в. «Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии».²⁸ Согласно приведенным сведениям, первый храм здесь был поставлен в конце XV—начале XVI в. Второй храм (видимо, по обветшанию первого) построили по благословению Варлаама, митрополита Великого Новгорода и Великих Лук (ум. 1601 г.; поставлен на митрополию в 1592 г.). Эта церковь сгорела в 1597 г., после чего в 1599 г. был поставлен третий храм, простоявший до 1764 г., когда был разобран за ветхостью. На момент описания архангельских приходов на Мудьюге стояла четвертая церковь Николая Чудотворца — деревянная, шатровая. В Мудьюжском приходе на 1894 г. имелась также каменная Успенская церковь в д. Верховье, освященная в 1884 г.; этому храму предшествовали три деревянные церкви, история которых уходит в XVII в.

Со второй половины XVII в. в Мудьюге служили четыре поколения священников Нечаяевых. На 1894 г. священником был 77-летний Авенир Иванович Рожин, автор очерка о Мудьюжском приходе. Специально укажем, что при нем очень короткое время, в 1855—апреле 1856 г., состоял еще один молодой священнослужитель — Иоанн Федорович Розанов (1830/1831—1894), первый собиратель фольклорно-этнографических материалов, в том числе и былин, в Зимней Золотице.

²² Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI в. : Акты Соловецкого монастыря 1479—1571 гг. / Сост. И. З. Либерзон. Л., 1988. С. 38. № 49.

²³ Там же. С. 46. № 66.

²⁴ Там же. С. 51. № 77.

²⁵ Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 2. Стб. 149. № 79.

²⁶ Там же. Стб. 60. № 37.

²⁷ Там же. Стб. 119. № 100.

²⁸ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 1. С. 130—137.

В XVI—XVII вв. в районе Мудьюги и соседней Кади проходили уже активные процессы купли-продажи земель. К 1526—1527 гг. относится купчая грамота между родственниками (двоюродными братьями) Федором Онцифоровым (покупатель) и Иваном Гавриловым Некрасой (продавец) на земли на р. Кади. Речь идет не только об угодьях, но и дворах и дворищах и пахотных землях: «Се яз Федор Онцифоров сын купил есми у Ивана у Гаврилова сына у Некраса два жеребья деревни в Кади реки, что ему досталось от батка моего от Арсенья в делу, а от его дяди, двор и дворищо, и горние земли, и орамые, и с луговыми земля(ми) с орамыми, и с пожнями, и с претребы, и с рыбными ловлею, и со всеми угодии, и что к той деревни ис старины потягло, где что ни есь тое деревни дву жеребья, и за морскими тонями...».²⁹ 25 сентября 1526 г. тот же Федор Онцифоров приобрел земли на р. Кади у Тимофея Шеина.³⁰

К началу XVII в. относятся три купчие грамоты братьев Сухановых, родом мудьюжан. Омельян Осипов сын Суханов 24 января 1603 г. продал Мудьюжской церкви и всем крестьянам Мудьюжской волости свою тоню; Агапит Осипов сын Суханов 22 декабря 1620 г. тем же покупателям также уступил свою тоню. 3 января 1620 г. Григорий Осипов сын продал своему брату Агапиту «отца своего владенье на Зимней стороне на Керецком берегу».³¹

Реки Мудьюга и соседняя Кадь, повторим еще раз, стали первыми зимнебережными территориями, освоенными славянами. По ревизии 1782 г. на р. Мудьюге стояли деревни Патракеевская, Кушкушарская, Горская, Наволоцкая, Прилуцкая, Верховская; на соседней р. Кади — Шубинская, Негодяевская, Васильевская. Всего в Мудьюжской волости насчитывалось 173 двора (519 муж., 563 жен.). С 1842 г. Мудьюжская волость, включающая деревни по рекам Мудьюге и Кади, а также Кую и Козлы, именовалась Патракеевская волость. Во всей волости перед 1917 г. проживало более 2000 человек. Патракеевка вплоть до конца XIX—начала XX в. была селом судостроителей и судовладельцев.³²

Жители зимнебережных деревень, как и в других регионах, нередко получали локально-групповые прозвища. По данным Н. В. Дранниковой, патракеевцы признают за собой прозвище «трескоеды», которое прикрепились к архангелогородцам и солонбальцам.³³ Патракеевцы имели также два других прозвища: «ревчаеды» и «турки». «Есть рыба ре́вча, на вид она очень страшная, вся в бугорках. Жители деревни ее ловят и едят».³⁴ Второе прозвище патракеевцев уроженка Нижней Золотицы А. А. Голубина объясняет следующим мотивом, константным для Русского Севера: «А еще их называют „турками“, так как, когда к ним приехал Петр I, приветствуя его, народ начал кричать „Ура!“, а несколько человек крикнули „Караул!“ И Петр I назвал их „турками“».³⁵

С Мудьюжской волостью (еще раз напомним — западная часть Зимнего берега) связано становление с. *Майда* — последнего на Зимнем берегу, расположенного на самом востоке горла Белого моря, — далее уже начинается Абрамовский берег (27 км от Койды; 125 км от г. Мезе-

²⁹ Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 2. Стб. 15. № 12.

³⁰ Там же. Стб. 16. № 13.

³¹ Там же. Стб. 164. № 87.

³² См. ведомости о судах, принадлежавших патракеевским крестьянам в 1858, 1888 и 1901—1915 гг.: Бурков Г. Д. Патракеевка — село поморское, родина капитанов. СПб.; М., 2005. Табл. № 5—7.

³³ Дранникова Н. В. «Капитанская деревня». С. 70.

³⁴ Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера: Функциональность, жанровая система, этнопоэтика. Архангельск, 2004. С. 330. № 102.

³⁵ Там же.

ни). Известно, что в 1622 г. рыбные места на Майде и ее окрестностях брали на оброк крестьяне Куростровской волости Холмогорского уезда (Куростров, родина М. В. Ломоносова, находится на Северной Двине напротив Холмогор). В 1632 г. по челобитной Спасского Козьеручьевского монастыря царь Михаил Федорович (1596—1645; правил: 1613—1645) отдал обители земли: «...на Зимней стороне пустои морской берег, промысл красной, рыбная ловля, от красных озер от логовых в морской конец до речки Маиды, а от речки Маиды до Кедовки».³⁶ Монастырь, напомним, был основан в 1617 г. старцем Иоасафом из Антониево-Сийского монастыря на правом берегу Двины, в 57 верстах от Архангельска. Через двенадцать лет, в 1646 г., обитель по челобитной от царя Алексея Михайловича получила на Зимнем берегу новые тони — «в Горах Травной ручьи, а другая тоня в Закошенье».³⁷ Упразднен монастырь был в 1764 г. в ходе секуляризационной реформы Екатерины II.

В Майде в 1772 г. побывал естествоиспытатель Николай Яковлевич Озерецковский (1750—1827), путешествовавший по Русскому Северу в составе экспедиции академика И. И. Лепехина. Здесь он застал всего 4 двора: «Подъехав к устью Майды, вышел я на берег и шел оным до деревушки Майды, из 4 дворов состоящей, до которой от устья версты три полагать можно».³⁸ Майда, свидетельствует Н. Я. Озерецковский, была приписана к Мудьюжской волости. Следовательно, логично предположить, что первые поселенцы пришли сюда с Мудьюги. Впоследствии Майда была приписана к территориально более близкой ей Золотицкой волости. Деревня росла медленно: в 1850 г. здесь стояло 9 дворов (45 муж., 45 жен.).³⁹ В 2012 г. насчитывался 121 человек.⁴⁰

Интересна история с *Куя* — следующего к востоку за Мудьюгой (Патракеевкой). Впервые земли Куи в документах упомянуты в конце XV в. Начало Куе положило усолье — одна из солончарен (варниц), разбросанных по всем берегам Белого моря. В 1491/92 г. великий князь Иван III дал Гриде Иванову и его братьям Мишке и Никулке детям Рычковым льготную грамоту на устройство соляного промысла: «...на Зимней стороне в реке Куе кладяз старой ключа соляного искати. И проявит ему Бог ключ соляной, и они себе у того кладезя варници поставят, начнут соль варити, ино им с тех варниц не давати великого князя оброку и иных никоторых пошлин семь лет».⁴¹ Упоминание «старого ключа» позволяет предположить, что варницы на Куе существовали до 1491 г.; возможно, солеварением здесь занималось аборигенное угро-финские население (чудь).

Через 50 лет, 1 апреля 1543 г., грамотой Ивана IV Грозного (1530—1584; правил: 1533—1584) двинянин Федка Микулин сын Рычков, т. е. сын Микулы (Никулки) из предыдущей грамоты, был пожалован «солеварными месты и рыбными ловлями у моря на Зимней стороне от Меньшой до Большой Куи реки и до Ниского Мошку». В грамоте было подчеркнuto, что «в тех местех пашенных земель, и солеварных мест, и рыбных ловель ничьих сторонных людей нет».⁴²

³⁶ Сборник грамот коллегии экономии. Пб., 1922. Т. 1: Грамоты Двинского уезда. Стб. 701. № 562.

³⁷ Там же. Стб. 810. № 617.

³⁸ [Проезд Озерецковского от Архангельска до Святого Носа] // Лепехин И. Дневные записки путешествия. СПб., 1805. Ч. 4: Путешествия академика Ивана Лепехина: В 1772 году. С. 95.

³⁹ Леонтьев А. И. Зимняя сторона. С. 155—157.

⁴⁰ Окладников Н. А. Майда // Мезенский район: Люди. События. Факты: Энциклопедический словарь. Архангельск, 2012. С. 105.

⁴¹ Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI в. С. 21. № 12.

⁴² Там же. С. 61. № 94.

20 декабря 1545 г. «Офимья Иванова дочи, а Микулисная жена Рычкова», т. е. Евфимья Ивановна Рычкова, жена (вдова?) Микулы, продала вотчину своего мужа на Куе-реке некоему Константину Прокофьевичу Житкому.⁴³ Через шесть лет 21 ноября 1551 г. двинские писцы Иван Петрович Заболоцкий и Дмитрий Иванович Темирев дали Житкому льготную грамоту на поиски солевых мест на Куе: «...дал льготную грамоту в Двинском уезде в Нижней половине на Зимней стороне у моря от Меншей Куи да до Большой реки Куи и до Нижнего Мошку Косте Прокофьеву сыну Житкому ключа соляного искати. И как в тех местех Костя Житкой соляной ключ найдет, и ему в тех местех трубы пущати, и колодези копати, и црен и варницы ставити, и соль варити».⁴⁴ По льготной грамоте, в случае начала производства соли, Житкой освобождался от оброка на пять лет.

Следующим хозяином куйских земель стал Соловецкий монастырь. Житкой 10 августа 1562 г. оформил купчую на продажу своих куйских земель за 50 р. «московским числом» обители: «...на Зимней стороне реку Кую от Меньшей до Большой реки и до Ниского Мошку и до Великого Камени тони, и пожни, и полешие путики, и цренные места, и черные лесы».⁴⁵ Одновременно, как это ни странно, в тот же день 10 августа 1562 г. была составлена «отводная» («данная») грамота на эти же земли: «А поминали б есте, государи, Прокофья, Еуфимию, Корнилия скимника, Февронью, Селивана, Матрену, Марфу, Семиона, Семиона утопшего, Павла, Клементья».⁴⁶ Не столь важно, по купчей или по «данной» грамоте Соловецкий монастырь стал владельцем куйских земель, принадлежавших Косте Житкому. Важно то, что монастырь стал одним из землевладельцев на Зимнем берегу. За Соловецким монастырем Куя оставалась на протяжении двух столетий. Обитель скрупулезно следила за тем, чтобы все куйские оброки приходили к ней сполна. Сохранилась «отпись» (расписка) «данного» старосты Кирилы Михайлова сына Офутина о получении 29 ноября 1569 г. у приказчика Соловецкого монастыря холмогорца Мины Леонтьева оброка с монастырских владений на р. Куе: «Лета 7070 осмага ноября в 29 день данной староста Кирило Михайлов со товарищи взяли у прикащика Соловецкого монастыря у Мины у Леонтьева у колмогорца с Куи реки оброку гривну. Отпись писал данной дяк Ивашко Дудоров».⁴⁷ Другая «отпись» относится к тому же году: «тонный» сборщик (т. е. сборщик с тоней) Третьячко Стефанов сын у приказчика Соловецкого монастыря Мины Левонтьева получил с четырех тоней, которыми владел Костя Житкой, «полтретиа алтыны с тони да по денги зборчегю».⁴⁸ Передача денег шла по цепочке: Зимний берег (Куя)—колмогорец (холмогорец) приказчик Соловецкого монастыря Мина Леонтьев сын—«данные» и «тонные» старосты Соловецкого монастыря.

Отметим, что в названных документах речь идет только об угодьях, села же и деревни не упоминаются. Позднее, в первой половине XVII в., Куя являлась уже слободкой с тремя монастырскими варницами. В 1669 г. здесь числился 31 постоянный работник с членами семей; по найму работало еще 40 «прихожих» людей.

Двинские переписные книги 1684 г., составленные стольником Афанасием Фанвисиным и подьячим Федором Замятыным, свидетельствуют о том, что в Куе стоял монастырский двор,

⁴³ Там же. С. 71. № 114.

⁴⁴ Там же. С. 108. № 173.

⁴⁵ Там же. С. 170. № 257.

⁴⁶ Там же. № 258.

⁴⁷ Там же. С. 213. № 334.

⁴⁸ Там же. С. 215. № 338. См. также подобные расписки от 2 и 4 декабря 1570 г., 20 и 22 декабря 1571 г.: С. 224. № 356, 357, 418, 420.

17 крестьянских дворов и 7 бобыльских. Бобылями назывались крестьяне, не имеющие земельных наделов. Бобыли работали на землях владельца и платили им определенный оброк. Поначалу они относились к нетяглым, т. е. не несущим государственных повинностей; с 1631—1632 гг. на бобылей накладывалось тягло в половинном размере. Перечислив всех мужчин — крестьян и бобылей, с их сыновьями, братьями и племянниками, писцовая книга подводит итог: «...всего семнадцать дворов крестьянских, людей в них осмнатцать человек, у них дети и братья и сосед сорок четыре человека; семь дворов бобыльских, людей в них тож, у них детии восем человек, да двор монастырской».⁴⁹

Куя в XVII в., подчеркнем, была крупным поселением (напомним, что севернорусские деревни в это время были в основном малодворными: 1—3 двора). Однако в начале XVIII в. произошло событие, изменившее судьбу Куи: летом 1701 г., после неудачной попытки захвата Новодвинской крепости в устье Северной Двины, шведы пограбили и сожгли Куйскую слободку. Село возродилось, но в дальнейшем росло очень медленно. В 1782 г., по данным ревизии, в Куе числилось 31 мужская и 31 женская ревизские души; по переписи 1858 г. здесь стояло 23 двора (80 муж. и 96 жен.).⁵⁰

Однако Куя — так распорядилась история — стала своеобразной локальной метрополией для целого ряда деревень Зимнего берега, возникших в начале XVIII в. Близлежащее к востоку от Куи с. *Козлы (Большие и Малые Козлы)*, полагает А. И. Леонтьев, было основано куйскими погорельцами после шведского набега 1701 г. Летом 1772 г. Н. Я. Озерецковский в устье р. Больших Козлы нашел всего два дома. Путешественник так описывает местность: «Около речки Больших Козел, от жила к ее верховью, множество растет смородины красной и черной, черемухи и малины. Полянки около реки оной служат жителям пашнею для посева ячменя, которого, однако ж, за недостатком удобных земель сеют весьма мало».⁵¹ Несколько домов стояло в Малых Козлах: «В Малых Козлах дворов и жителей больше, нежели в Больших; но речка, при которой они лежат, так мала, что по ней и деревню назвали Малыми Козлами».⁵² По данным ревизии 1858 г., в Козленской деревне насчитывалось 6 дворов (25 муж., 30 жен.).⁵³

Деревня *Инцы*, расположенная на берегу горла Белого моря (в 20 верстах от Зимней Золотицы, восточнее в сторону Мезени; 221 км от г. Мезени), была основана еще позднее — в 1752 г. Тихоном Ивановичем Жаравовым, жителем Куи. В 1772 г., как свидетельствует Н. Я. Озерецковский, здесь стоял всего один дом: «При устье Большой Инцы жил один только крестьянин, который, испужавшись ночного моего приезда, в клети своей, за одну только от меня перегородкою, вслух советуется с женою своею, чем меня подарить. По окончании совета, который весь я слышал, приносит он мне рублевик с боязнию, со страхом, чтоб я малым его подарком не огорчился».⁵⁴ В 1859 г. здесь проживало три семьи (14 человек): 2 семьи Жаравовых; 1 семья Ладкина.

⁴⁹ Сборник грамот коллегии экономии. Л., 1929. Т. 2: Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольско-Мезенского и Важского уездов. Стб. 158. № 75.

⁵⁰ Леонтьев А. И. Зимняя сторона. С. 135—141.

⁵¹ [Проезд Озерецковского от Архангельска до Святого Носа] // Лепехин И. Дневные записки путешествия. С. 88.

⁵² Там же. С. 86.

⁵³ Леонтьев А. И. Зимняя сторона. С. 141—143.

⁵⁴ [Проезд Озерецковского от Архангельска до Святого Носа] // Лепехин И. Дневные записки путешествия. С. 93.

В 1928 г. в селе стояло 28 дворов. В настоящее время в Инцах проживают лишь 4 человека, обслуживающие Инецкий маяк.⁵⁵

С Куей связано становление с. *Ручьи* (70 верст к востоку от Зимней Золотицы; 240 верст от Архангельска; 193 км от г. Мезени) — следующей за Инцами деревни на побережье горла Белого моря. По данным «сотной» выписи 1627 г. из писцовых книг Мирона Андреевича Вельяминова (Вильяминова) на вотчины Антониево-Сийского монастыря, земли принадлежали этой обители. В это время там проживал старец Исайя: «...на Зимней стороне за Сухим морем река в Ручьях на наволоке сенные покосы и с озерки, с лешими и с лесами и с тем, что дано под монастырь безместному старцу Исаю две десятины, да от того места вверх по реке на версту, а вниз на версту ж (...). От усть реки ж Ручьев пустое место по обе стороны реки по морскому берегу по версте рыбные ловли».⁵⁶ Сухим морем, поясним, называется мелководный плес, составляющий часть Двинской губы (район острова Мудьюг). Ручьи располагаются далеко за Сухим морем, если точкой отсчета брать устье Северной Двины.

Таким образом, Антониев-Сийский монастырь — это еще один (наряду с Мудьюжской церковью, Козьмеручьевским и Соловецким монастырями) духовный феодал Зимнего берега.⁵⁷ Свято-Троицкий Антониево-Сийский монастырь, напомним, был основан в 1520 г. Антонием преподобным на Большом Михайловском озере, из которого вытекает р. Сия, впадающая в Северную Двину (ныне Холмогорский район, территория, близкая к Емецку). Монастырь примыкал к древней Двинской земле. С середины XVI в. обитель активно скупала и получала в дар земли на Русском Севере. У монастыря были владения в Варзуге на Терском берегу, на р. Сюзьме, протекающей по Онежскому полуострову и впадающей в Двинскую губу (Летний берег), в Долгощелье (устье р. Кулой). Ему, о чем мы скажем далее, принадлежали рыбные тони и ловища и на Зимней Золотице.

Однако на р. Ручьи, где сидел в 1627 г. сийский старец Исайя, деревни еще не было. В 1690-х гг., когда на Зимнем берегу развернулось преследование раскольников, в документах называется чернец Ефросин — «прежний Ручьевский житель», что, впрочем, можно толковать как то, что Ефросин (монах Антониево-Сийского монастыря?), склонный к расколу, сидел на тонях на р. Ручьи (как и старец Исайя), т. е. делать вывод о существовании постоянного поселения в конце XVII в. твердых оснований нет.

А. И. Леонтьев полагает, что возникновение села на Ручьях опять-таки связано с драматическими событиями 1701 г. в Куе. В 1772 г., когда здесь побывал Н. Я. Озерецковский, в Ручьях стояло всего четыре дома. Путешественник встретился в Ручьях с 90-летним стариком, который сказал, что когда-то он жил в Куе: «В Ручьях нашел я престарелого человека, который считал себе от роду до 90 лет и сказывал, что он помнит то время, в которое шведы, с неприятельскими намерениями, приходили на кораблях к городу Архангельскому и выжгли деревню Кую, на Зимнем берегу Белого моря лежащую, из которой один крестьянин, укрывшись с винтовкою в лес, залег под кустом, и

⁵⁵ Об Инцах см.: Зимнегорские берега : Лыжная эколого-этнографическая экспедиция Мезень—Архангельск, 2009. Северодвинск, 2011. С. 25—28 (в библиотеках Петербурга отсутствует); *Окладников Н.* Инцы // Мезенский район : Люди. События. Факты. С. 70—71.

⁵⁶ Сборник грамот коллегии экономии. Т. 1. Стб. 640. № 533.

⁵⁷ О владениях Антониево-Сийского монастыря см.: *Окладников Н. А.* Владения Антониево-Сийского монастыря на Мезени и Зимнем берегу Белого моря : Вторая половина XVI—начало XVIII в.) // *Окладников Н. А.* Край родной Мезенский : Очерки о прошлом Мезенского края. Архангельск, 2009. С. 158—178.

когда начальники шведских судов забавлялись, сидя на лугу против моря, крестьянин из-под куста в одного из них выстрелил и убил. Другие шведы, подхватя убитого, бросились на лодки и уехали с ним на свои корабли. Таким образом отплатил крестьянин за сожженный шведами его дом».⁵⁸

Ручьи образовались, как считает А. И. Леонтьев, между 1717 и 1745 гг.: в ревизии 1717 г. деревня не упоминается, а в 1745 г. она уже стояла, причем проживала там всего одна семья Андрея Семеновича Юрьева. В 1850 г. в Ручьях стояло 8 дворов (50 муж., 51 жен.); 7 семей Юрьевых, 1 семья — Ушаковых.⁵⁹

По церковному административному делению Ручьи первоначально относились к Долгощельскому приходу; с 1850 г., когда был учрежден самостоятельный Койденский приход, — соответственно к новообразованному приходу. В марте 1894 г. Ручьи вместе с Мегрой и Майдой сформировали самостоятельный приход. Церковь в честь Николая Чудотворца здесь была построена на средства крестьян еще в 1872 г. В приходе на 1 января 1895 г. число мужчин составляло 272 и женщин — 288.⁶⁰ В 2011 г. здесь проживало 212 человек.⁶¹

Соседи к жителям Ручьев относились иронически. Так, от Е. М. Малыгиной из Койды было записано: «Жителей деревни Ручьи поморы называют „непарны катанцы” (валенки). Очень много лет назад жил здесь один старичок — Иван Никифорович, добродушный и смешной человек. И любил он ходить по деревне „лясы точить” да бабьи сплетни собирать — своим человеком среди них был. А на ноги он, знаешь, постоянно надевал разные валенки. Народ постоянно потешался над ним. С тех пор прошло уж много лет, а жителей Ручьев до сих пор так зовут».⁶²

С сожжением в 1701 г. шведами Куи связано, по мнению А. И. Леонтьева, становление с. *Койда* (400 верст от Архангельска, 100 верст от г. Мезени), относящегося уже к Абрамовскому берегу. Начало селу, как и другим поселениям побережья Белого моря, положили промысловые избушки. В 1623 г. крестьяне из Малонемежской волости Кеврольского уезда получили на оброк от царя Михаила Федоровича земли на р. Койде. Поясним, что Малая Немнюга (Совполье) находится на р. Немнюге — правом притоке р. Кулой (ныне Мезенский район). В писцовой книге Осипа Яковлевича Прончищева говорится, что «крестьянам Васку Клементьеву сыну Вершинину, Тимоше Гаврилову сыну Гальшеву, Ивашке Григорьеву сыну Ушакову, Максимке Лукину, Степанке Кононову дали на оброк вновь пустое место у моря на Зимнем берегу в Койде речке и с источника да и Зимний берег в Койде речке до Боранья носу рыбные ловли».⁶³ В дальнейшем на протяжении более чем ста лет малонемнюжские крестьяне неоднократно вступали в споры по поводу земель на Койде с Антониево-Сийским монастырем, а затем и с появившимися там куйскими крестьянами.

⁵⁸ [Проезд Озерецковского от Архангельска до Святого Носа] // Лепехин И. Дневные записки путешествия. С. 94.

⁵⁹ Леонтьев А. И. Зимняя сторона. С. 153—154.

⁶⁰ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1895. Вып. 2. С. 303—304.

⁶¹ О Ручьях см.: Худовеков А. В. Ручьевской приход и церковные постройки в Ручьях, Мегре, Вазице: 1894—1918 годы. Архангельск, 2006 (в библиотеках Петербурга отсутствует); Ручьевское общество: Страницы истории: Альманах. Архангельск, 2007—2009. Вып. 1—3 (в библиотеках Петербурга отсутствует); *Окладников Н. А., Тихонова Н. В.* Ручьи // Мезенский район: Люди. События. Факты. С. 155—156.

⁶² Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. С. 319. № 48.

⁶³ Леонтьев А. И. Зимняя сторона. С. 150.

В конце XVIII в. малонемножские крестьяне, обратившись к властям, потребовали, чтобы куйские поселенцы освободили их земли и вернулись в Кую. Куеляне ссылались на то, что их деды Иван Малыгин и Семен Корельский пришли на Койду еще в 1719 или 1720 г. и попросили у крестьян Малонемножской волости разрешения поселиться в здешнем крае, заплатив так называемые празговые (откупные) деньги. А. И. Леонтьев считает, что дата 1719 или 1720 г. ошибочна: Иван Малыгин и его товарищ могли переселиться на Койду вскоре после разорения Куи шведами в 1701 г. Потомки Ивана Малыгина по решению властей в конце XVIII в. остались жить на Койде, причем по ревизии 1811 г. Койда, расположенная на Абрамовском берегу, была приписана к Куйской волости, находящейся на западе Зимнего берега. В 1834 г. Койду приписали к Золотницкой волости. В 1858 г. в Койде проживало 136 мужчин и 149 женщин.⁶⁴ В 2012 г. — 380 человек.⁶⁵

По церковному делению Койда, как и Ручьи, Мегра и Майда, первоначально входила в Долгощельский приход, но в 1850 г., построив собственную церковь, освященную во имя Николая Чудотворца, образовала самостоятельный приход. Среди особо почитаемых икон здесь были иконы преподобной Евдокии, празднуемой 1 марта, когда начинались промыслы на Зимнем берегу, и Иоанна Богослова, день памяти которого отмечается 8 мая, когда промыслы заканчивались.⁶⁶ Церковный иконостас отражал промысловый характер хозяйственной жизни Койды.

Койда в XIX—первой половине XX в. была большим селом, славившимся своими широкими гуляниями: «Жителей нашей деревни называют „гуляшами”, так как на каждый праздник люди устраивали огромные гуляния со смехом, с танцами под гармонь, с пением частушек, запевалок, с переодеванием. Не проходило ни одного праздника, чтобы народ не гулял».⁶⁷ Второе прозвище Койды входит в кулинарный код локально-групповых прозвищ: «...а еще жителей до сих пор называют „куропы”, так любит народ куроптей стрелять и ловить да суп варить, или еще, как у нас говорят, трескать».⁶⁸

Таким образом, три зимнебережных села (Козлы, Инцы, Ручьи) и абрамовская Койда были основаны выходцами из Куи в самом начале XVIII в., т. е. очень поздно.

К поздним поселениям относится и д. *Мегра*, находящаяся на побережье горла Белого моря между селами Ручьи и Майда (167 км от г. Мезени). Механизм возникновения этого села все тот же: сначала тони и ловища, а затем постоянное село. История Мегры связана с еще одним монастырем, владевшим землями на Зимнем берегу. В Платежной книге Двинского уезда 1560 г. называются рыбные ловища на р. Мегре, где промыслом занимались крестьяне из Матигор. Это село расположено в нижнем течении Северной Двины (близ Холмогор). Матигорские крестьяне

⁶⁴ Там же. С. 150—153.

⁶⁵ О Койде см.: Доморощенов С. 1) Койда, любовь моя // Полярный круг. М., 1984. С. 64—71 (в библиотеках Петербурга отсутствует); 2) У светлого моря // Доморощенов С. Неоконченный спор. Мезень; Архангельск, 1995. С. 11—37 (в библиотеках Петербурга отсутствует); Окладников Н. А. Койда // Мезенский район: Люди. События. Факты. С. 84.

⁶⁶ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 2. С. 301—303.

⁶⁷ Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. С. 318. № 41.

⁶⁸ Там же. О Койде см. также: Дранникова Н. В. 1) Роль фольклорно-речевых материалов в изучении локальной идентичности жителей Зимнего берега // Традиционная культура. 2003. № 2. С. 40—46; 2) Локальная идентификация в фольклорно-речевой практике жителей Зимнего берега Белого моря (Мезенский район Архангельской области) // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2011. № 7 (120). Т. 2. С. 31—35.

были приписаны к монастырю святого Ивана, «что в Великом Новгороде на Роскине улице».⁶⁹ Считается, что новгородский Росткин-Ивановский женский монастырь был основан в XII в., упразднен в 1764 г. Земли Мегры принадлежали этому монастырю и в XVIII в. — вплоть до 1764 г., т. е. до секуляризационной реформы Екатерины II.

Постоянное поселение в устье Мегры появилось, как полагает А. И. Леонтьев, в конце XVII—начале XVIII в. Н. Я. Озерецковский в 1772 г. застал здесь 6 дворов, причем приписаны они были к Мариловскому стану Холмогорской округи,⁷⁰ т. е. матигорские корни оставались актуальными для Мегры и во второй половине XVIII в. Лишь в 1805 г. Мегра была причислена к Золотицкой волости.⁷¹ В 1920 г. в Мегре стояло 25 дворов (137 человек). В 2012 г. здесь проживало 39 человек.⁷²

Семужьями тонями в районе рек Мегры и соседней Товы в самом конце XVII в. помимо Росткина-Ивановского монастыря владел также Архиерейский дом. Холмогорская епископия, напомним, была учреждена в 1682 г., и первым архиепископом стал Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важский (1641—1702), известный сподвижник Петра I. Архиерейский дом отдавал свои тони на Мегре в оброк крестьянам Ухтоостровской, Курейской, Ровдогорской волостей Холмогорского уезда.⁷³

Ручьи, Мегра, Майда и Койда в сознании зимнебережцев составляли некое единство. Зафиксировано присловье: «Койда, Майда и Ручьи — три портовых городка».⁷⁴ В восприятии соседями этих селений отражается, как мы полагаем, их удаленность не только от Архангельска, но и от Зимней Золотицы и Мудьюги. Экспедиция 2009—2010 гг. Поморского государственного университета записала следующий текст:

В Койду не зйду,
Майду проеду,
В Ручьи не влезть...⁷⁵

Скорее всего, это фрагмент так называемой «географической» песни, которая осмысляет некое региональное единство. Возможно, данный фольклорный текст отражает брачные предпочтения (вернее, непредпочтения) жительниц западных сел Зимнего берега. Другой вариант этой «прибаутки» актуализирует представление о Майде и Койде как селениях, тяготеющих к землям, расположенным далеко к востоку от Зимнего берега:

В Койду не пойду,
Майду не найду,

⁶⁹ Копанев А. И. Платежная книга Двинского уезда 1560 г. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 524.

⁷⁰ [Проезд Озерецковского от Архангельска до Святого Носа] // Лепехин И. Дневные записки путешествия. С. 95.

⁷¹ Леонтьев А. И. Зимняя сторона. С. 155.

⁷² О Мегре см.: Ручьевское общество : Страницы истории. Архангельск, 2008. Вып. 2. С. 1—39, 78—79 (в библиотеках Петербурга отсутствует); Окладников Н. А. Мегра // Мезенский район : Люди. События. Факты. С. 111—112.

⁷³ Леонтьев А. И. Зимняя сторона. С. 316.

⁷⁴ Дранникова Н. В. Роль фольклорно-речевых материалов в изучении локальной идентичности... С. 42.

⁷⁵ Там же.

Нижу не вижу,
В Несь не влезть...⁷⁶

Нижа располагается на Абрамовском берегу между Койдой и Долгощельем; Несь находится у основания западного берега Канинского полуострова (ныне Ненецкий автономный округ в составе Архангельской обл.).

В истории Зимнего берега важной является страница, связанная с церковным расколом. После того как в 1656 г. церковный собор утвердил реформы патриарха Никона, значительная часть паствы и церковнослужителей не приняла нововведений, воплотившихся для них прежде всего в ненавистой «щепоти» (троеперстие при крещении). Среди раскольников оказался Соловецкий монастырь, противостоявший правительственным войскам в 1668—1676 гг. На Зимнем берегу центром религиозного сопротивления стала Зимняя Золотица, о которой мы еще скажем. Местный поп Самсон и еще несколько крестьян около 1675 г. ушли в леса. К ним позднее примкнули раскольники Мудьюжской и Куйской волостей. Поддерживаемые крестьянами, большинство из которых были скрытыми раскольниками, беглецы смогли продержаться в лесах, постоянно меняя местонахождение, полтора десятка лет.

Ярым борцом со старообрядцами, как известно, стал архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий. В 1690 г. поп Самсон был схвачен, но по дороге в Антониево-Сийский монастырь, куда его должны были доставить, бежал. Дальнейшая судьба Самсона неизвестна. Раскольников по приказу архиепископа Афанасия неоднократно ловили, привозили в Холмогоры, подвергали жестким допросам, увещевали, после раскаяния (чаще всего неискреннего) отправляли первоначально в места поселения, а позже — на покаяние в Антониево-Сийский монастырь.

Позднее, в начале XVIII в., на Зимнем берегу появились два старообрядческих скита. Игнатъевский скит был создан жителем Зимней Золотицы Игнатием Лазаревым (скончался в 1739 г.) в верховьях р. Ручьи. Известно, что в 1763 г. из Нижней Зимней Золотицы в скит удалились 5 мужчин и 6 женщин. Согласно ревизии 1782 г., из 369 человек, проживавших в Верхней Зимней Золотице, 11 человек ушли в раскольничьи скиты. Н. Я. Озерецковский в 1772 г. писал: «Выше деревушки Ручьев по той же реке находится Игнатъев скит, в котором живут раскольники, числом до 30 человек. У них есть мощи своих святых, которым поклоняются и которых никому не сказывают; впрочем, они такие же христиане, как я и всяк мне подобной; но думают, что особливими своими обрядами в богослужении лучше угождают Богу».⁷⁷ По мнению А. И. Леонтьева, в скиту в это время находилось гораздо больше человек. Мужское население скита занималось охотой и рыболовством, ходило с зимнезолотичанами на промыслы на Мурман, делало деревянную посуду (ложки, ковши и пр.), которую продавали в Архангельске и Мезени. Скит начал угасать в начале XIX столетия. К 1811 г. здесь проживало всего двое мужчин и несколько женщин. В 1847 г. скит был переименован в хутор Майденский. В 1840—1870-е гг. здесь проживало 2—3 человека, а затем скит прекратил свое существование.⁷⁸

Вторым скитом на Зимнем берегу был Ануфриевский, расположенный на Койдозере, через которое протекает р. Койда. Раскольничьи избушки здесь располагались на расстоянии од-

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ [Проезд Озерецковского от Архангельска до Святого Носа] // Лепехин И. Дневные записки путешествия. С. 93.

⁷⁸ Об Игнатъевском ските см.: *Окладников Н. А. История Игнатъевского старообрядческого скита : (Середина XVII—XIX в.)* // Окладников Н. А. Край родной Мезенский. С. 212—219.

ной-двух верст друг от друга. Без сомнения, первые раскольнические поселения были созданы зимнебережцами, скорее всего, в конце XVII—начале XVIII в. После 1717 г. сюда пришел бежавший от преследований старец Ануфрий, один из лидеров керженецкого (в Поволжье) старообрядчества. Затем керженцы и раскольники из других регионов неоднократно пополняли население скита. Однако основными насельниками скита были жители Зимнего и Абрамовского берегов. Родом из Зимней Золотицы была, например, монахиня Марфа, дочь бобыля Василия Пахомова, которую в 1733 г. старцы уговорили уйти в скит.⁷⁹ В 1802 г. население скита состояло из 23 мужчин и 143 женщин. С 1847 г. в документах Ануфриевский скит назывался селением Ануфриевским. В 1856 г. здесь зарегистрировано 73 человека (20 муж., 53 жен., 11 детей); в 1862 г. — 59 человек (16 муж., 43 жен.).⁸⁰

Старицы Ануфриевского скита брали в учение детей из окрестных сел. По сведениям А. В. Маркова, Василий Леонтьевич Крюков, родной дед знаменитой былинщицы Марфы Семеновны Крюковой, выучился грамоте в Онуфриевом (Ануфриевом) скиту.⁸¹ В скиту же он, славившийся «как замечательный сказитель»,⁸² перенял отдельные былины. О верхнезолотицкой сказительнице М. С. Точиловой, девице 60 лет, А. В. Марков замечал: «Если не ошибаюсь, в молодости она жила в одном из скитов: Онуфриевском или Игнатьевском {...}, и там выучила некоторые старины».⁸³

Имеются исторические свидетельства о самосожжениях старообрядцев на Зимнем берегу.⁸⁴ Эта тема сохранилась в устной памяти зимнебережцев, причем современные информанты осуждают тех, кто подвигал раскольников к такой страшной смерти. Организатором «гарей» в преданиях выступает некий Васья Козел,⁸⁵ уроженец с. Козлы; сам он каждый раз огненной смерти избегал. В прозвище героя преданий, происходившего из с. Козлы, как указывает Н. В. Дранникова, заложена пейоративная оценка: «козлом» в современном языке называют людей с отрицательными нравственными характеристиками.⁸⁶

Таким образом, в славянской колонизации Зимнего берега и в истории этого края можно отметить несколько аспектов. Во-первых, это ведущая роль Новгорода в заселении края. Повторим еще раз: рассматриваемая территория находится в связке Новгород—Двинская земля—Зимний берег.

Во-вторых, все зимнебережные деревни вырастали из тоней и ловищ, т. е. сначала появлялись промысловые избышки, пустовавшие вне промысловых периодов, а затем постоянные селения. Примечательной чертой региона является позднее происхождение большинства сел — XVIII в. (Большая и Малая Козлы, Инцы, Ручьи, Мегра, Майда, Койда). Еще раз укажем на роль с. Куи как локальной метрополии в становлении деревень в XVIII в.

⁷⁹ Леонтьев А. И. Зимняя сторона. С. 457.

⁸⁰ Об Ануфриевском ските см.: Окладников Н. А. История Ануфриевского старообрядческого скита (XVIII—начало XX в.) // Окладников Н. А. Край родной Мезенский. С. 193—206.

⁸¹ Марков А. В. Былинная традиция на Зимнем берегу Белого моря // Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. СПб., 2002. С. 1002.

⁸² Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова. С. 254.

⁸³ Там же. С. 489.

⁸⁴ Леонтьев А. И. Зимняя сторона. С. 445.

⁸⁵ В документах — Ивашка Козел. См.: Там же. С. 447.

⁸⁶ Дранникова Н. В. «Капитанская деревня». С. 72.

В-третьих, подчеркнем, что важную роль в землепользовании Зимнего берега играли духовные феодалы: Мудьюжская церковь, Соловецкий, Антониево-Сийский, Росткин-Ивановский новгородский женский, Спасский Козьмеручьевский монастыри и Архиерейский дом.

И наконец, в-четвертых, в духовной жизни поморов Зимнего берега существенное место занимала старая вера. Значительная часть населения края были раскольниками; другая, вероятно, еще бо́льшая часть — скрытыми старообрядцами. Упомянутый Василий Леонтьевич Крюков, как уже было сказано, с девяти лет учился в Ануфриевом скиту. «Там он выучил духовные стихи и некоторые старины; там же он научился петь церковные службы, — пишет А. В. Марков, — но, несмотря на хороший голос, не соглашался петь на клиросе в золотицкой церкви, потому что, как он говорил (передаю со слов А. М. Крюковой), там служат не по-старому, на клирос нельзя взойти — так разит табачищем от дьячка; а пуще всего он боялся щепоти».⁸⁷

Особо заметим, что во всех селах, историю которых мы обозрели, былины никогда не фиксировались. И. Ф. Розанов, первым записавший песенный эпос в 1856—1867 гг. на Зимнем берегу, был священником Зимнезолотицкого прихода. А. В. Марков, побывавший в этом крае в 1898—1899 гг. и в 1901 г., работал только в Нижней и Верхней Золотице. Советские фольклористы в первой половине XX в., когда еще можно было зарегистрировать былины, также обошли стороной все зимнебережные села, сосредоточившись исключительно на Нижней и Верхней Зимней Золотице. Естественно задаться вопросом, существовала ли эпическая традиция в селах Зимнего берега, помимо Зимней Золотицы.

Думается, подвергать сомнению предположение, что былины пелись и в других точках региона, нет оснований. Гаврило Леонтьевич Крюков — сказитель, с которым работал А. В. Марков, — некоторые из своих былин выучил, когда покрученником работал в с. Койда.⁸⁸ Тот факт, что песенно-эпическая традиция Зимнего берега науке известна только по материалам Зимней Золотицы, обусловлен исключительно историей собирательской работы.

2. Зимняя Золотица. Обратимся к истории **Зимней Золотицы. Нижняя Зимняя Золотица и Верхняя Зимняя Золотица** — главные для былиноведения зимнебережные села. Река Зимняя Золотица, имеющая также названия Большая Золотица, или Золотница, вытекает из озер и впадает в горло Белого моря. Длина ее 177 км. Двусоставное название реки отграничивает ее от р. Летней Золотицы, протекающей по Летнему берегу Белого моря. Н. Я. Озерецковский следующим образом описывает местность Зимней Золотицы: «Река Золотица нарочито широка, и всякое судно войти в нее может, когда ветры с моря дуют в ее устье и пригоняют в оную воду, а может быть, и останавливают в ней ее собственную. С водою заходит в нее из моря разная рыба, и выметываются на берега ее некоторые морские произведения. Но когда ветер задует с вершины сей реки, то с ним уходит в море и вся река, так что самое дно ее открывается».⁸⁹ На реке, как уже неоднократно было сказано, стоят два села: Нижняя Зимняя Золотица — в устье; Верхняя Зимняя Золотица, расположенная на левом берегу реки в 12 км выше. О Верхней Золотице Н. Я. Озерецковский писал: «Местоположение сей Золотицы очень красиво и покойно, по причине высоких гор, по обеим сторонам реки грядою лежащих, которые защищают селение сие от сильных с моря ветров, кои часто свирепствуют на Нижнюю Золотицу».⁹⁰

⁸⁷ Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова. С. 254.

⁸⁸ Марков А. В. Былинная традиция на Зимнем берегу Белого моря. С. 1001.

⁸⁹ [Проезд Озерецковского от Архангельска до Святого Носа] // Лепехин И. Дневные записки путешествия. С. 90.

⁹⁰ Там же. С. 90—91.

В фольклорной традиции Зимней Золотицы зафиксировано предание, объясняющее происхождение названия села, которое связывается с темой рыбных промыслов: первопоселенцы поймали семгу, «у которой около хвоста было червое золото», поэтому село и названо Золотицей.⁹¹

Устная историческая память зимнезолотичан хранит два устойчивых топоса, на которые мы уже указывали в связи с Мудьюгой: образ чуди и тема Новгорода. Возникновение Зимней Золотицы в местных преданиях связывается с чудью. Как уже говорилось, И. Ф. Розанов передал в Архангельский губернский статистический комитет рукопись (1856—1867) о своем приходе. Материалами о Иоанна воспользовался П. С. Ефименко в своей монографии «Заволоцкая чудь»: «До сих пор на правом берегу реки Золотицы, впадающей в море, повыше деревни, есть местность, называемая *Чудская яма*. На этом именно месте первоначально поселилась и жила чудь. Показывают и место чудского кладбища на левом берегу реки, повыше Савина ручья».⁹² В описании Зимней Золотицы И. Ф. Розанова присутствует и новгородский топос: «Нынешние жители Золотицы (...) считают себя потомками новгородцев, которые будто бы бежали туда, во время перемены веры».⁹³ В данном случае новгородская тема перекрещивается с другой важной темой исторического сознания жителей Зимнего берега в целом и Зимней Золотицы в частности — с церковным расколом XVII в.

А. В. Марков подтверждает наличие новгородского топоса в сознании жителей Зимнего берега: «По преданиям крестьян, Золотицу основали „новгородци“, которые переселились туда „отовсюль“; некоторые семьи выводят своих родоначальников из Новгорода и с берегов Двины».⁹⁴ Экспедиции последних лет свидетельствуют, что новгородский топос продолжает оставаться актуальным для устной памяти Зимней Золотицы (с. Нижняя Зимняя Золотица).⁹⁵

Новгородский топос заявлен не только в устной памяти жителей села, но и в ранних исследованиях о Зимней Золотице. П. С. Ефименко пишет о Верхней Золотице: «Нынешние жители Золотицы, потомки новгородцев (...) поселились сюда или 1) сами для промыслов дорогих пушных и морских зверей, или 2) переселены сюда для той же цели новгородскими боярами, как крепостные, или 3) всего вероятнее, предки золотичан убежали из Новгорода на Зимний берег потому, что не хотели покориться власти князей московских. Можно полагать, что некоторые из беженцев приговорены были к казни даже и тогда, как поселились уже в Золотицу. Ибо и до сих пор осталось в памяти народа название места Вешальная яма или на Вешальной, находящейся пониже деревни на правом берегу Золотицы».⁹⁶ И хотя тезис о том, что предки золотичан могли быть переселены сюда как крепостные новгородских бояр, весьма сомнителен, а топоним Вешальная яма вряд ли связан с какими-то карательными действиями московских властей после 1478 г. (присоединение Новгорода к Москве), связь Зимней Золотицы с Новгородом (Новгород—Двинская земля—Зимняя Золотица) представляется более чем вероятной.

Первое упоминание в средневековых письменных документах о землях Зимней Золотицы относится ориентировочно к 1450—1460 гг. В середине XV в. земли принадлежали новгород-

⁹¹ Дранникова Н. В. Фольклорная экспедиция Поморского университета в село Зимняя Золотица. С. 90.

⁹² Ефименко П. С. Заволоцкая чудь. С. 19.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Марков А. В. Былинная традиция на Зимнем берегу Белого моря. С. 1001, примеч. 23.

⁹⁵ Дранникова Н. В. Фольклорная экспедиция Поморского университета в село Зимняя Золотица. С. 90.

⁹⁶ Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1877. Ч. 1: Описание внешнего и внутреннего быта. С. 10.

ской боярыне Настасье Степановой дочери (дочери боярина Степана Есиповича, крупного феодала в Двинской земле), которую, кажется, можно идентифицировать как известную вдову боярина Ивана Григорьевича. В 1476 г., за два года до присоединения Новгорода к Москве, она принимала у себя в Новгороде великого князя Ивана III, милостиво одарившего ее. Однако в 1481 (или 1484) г. Настасья была «поймана» и «пограблена» московскими властями и сослана в заточение.

Настасья владела большими землями в Заволочье («Степановщина»), в том числе и на Зимнем берегу. В «рядной» грамоте (составлена до 1472 г.) она и ее дети договариваются (рядятся) с Яковом Олександровым сыном и его родственниками о размежевании Заволочских владений, причем за Настасьей закрепляются «и в Золотице земля и вода (курсив мой. — Т. И.) по Степанову владению...».⁹⁷

Золотица упомянута также в купчей грамоте XV в.: Обросим Исаков ориентировочно в 1472—1490 гг. покупает земли у Вежицкого (Вяжецкого) монастыря, располагавшегося недалеко от Новгорода. Среди покупаемых земель бывшего Степанова владенья (Степана Есиповича) названа и Золотица: «...и в Золотице земли и села и пожни и ловища и полеший лес и путики».⁹⁸ Отметим, что здесь названы не только угодья, но и села. Таким образом, постоянное поселение на р. Золотице, кажется, появилось во второй половине XV в., однако подчеркнем, в последующих документах в связи с Зимней Золотицей называются только «земли и пожни».

Имеется документ 1491 г., относящийся к Зимней Золотице. 16 февраля Амос, правнук новгородского боярина Степана Есиповича, сам крупнейший землевладелец в Двинских землях, разделил владения со своими родичами Мартемьяновыми и Федоровыми. Среди прочих земель в «дельной» грамоте опять называется Золотица: «в Золотице земли и пожни, на Зимней стороне пожни, в Летней стороне тони, на Двине тони...».⁹⁹ После смерти Амоса в 1527 г. сыновья в свою очередь по «жеребью» разделили его владения. Андрей получил «на Зимней стороне тоня усть Золотицы».¹⁰⁰ В коллективном пользовании братьев («то Алексею, Ондрию да Олександрю да Степану вместе») оказались среди прочих другие земли «в Золотице в реке на Зимней стороне в землях и в водах и во всяких угодьях четверть».¹⁰¹

Через 20 лет золотицкие земли начинают сосредотачиваться в руках Антониево-Сийского монастыря. 25 марта 1547 г. Алексей, сын Амоса, свою часть угодий в Зимней Золотице передал монастырю: «Се яз Олексве Омосов сын отдал есми в дом живоначалное Троицы и Благовещение пречистые и преподобному Сергею чудотворцу Игумену Антонию и в Сии брате вотчину свою что мя досталось делу от брата своею на Зимной стороне в Золотице реке свой жеребей {...} по дельной грамоте земли и воды и рыбные ловища и пожни и бобровые ловища с соколе гнезда и дворы и дворища и лешевные леса и всякие угодья...».¹⁰² Матвей, брат Алексея, также свой участок на Зимней Золотице отдал Антониево-Сийскому монастырю, равным образом поступил и еще один брат — Андрей.¹⁰³ Владельцами золотицких угодий и тоней были и другие лица из потомков Сте-

⁹⁷ Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903. С. 152. № 6 (Прилож. I).

⁹⁸ Там же. С. 154. № 7 (Прилож. I).

⁹⁹ Леонтьев А. И. Зимняя сторона. С. 491.

¹⁰⁰ Сборник грамот коллегии экономии. Т. 1. Стб. 52. № 60.

¹⁰¹ Там же. Стб. 54. № 60; Леонтьев А. И. Зимняя сторона. С. 115.

¹⁰² Леонтьев А. И. Зимняя сторона. С. 116.

¹⁰³ Там же. С. 117.

пана Есиповича, которые также становились дарителями. Так, свои угодья Антониево-Сийскому монастырю передал Никифор Никифоров сын.¹⁰⁴

Зимнезолотицкие земли представляли ценность прежде всего как место рыбных и зверобойных промыслов. Использование их нередко порождало конфликты между промысловиками. Сохранилась, например, поздняя грамота: в 1685 г. Антониево-Сийский монастырь приносит жалобу царям Ивану Алексеевичу (1666—1696; правил: 1682—1696) и Петру Алексеевичу (т. е. Петр I; 1672—1725; правил: 1682—1725) на незаконное пользование промысловыми избушками, построенными монастырем, другими лицами: «...в монастырских-де их вотчинах по морскому берегу в Золотицкой волости и в Долгощельской слободке строят они (т. е. монастырь. — Т. И.) для рыбного промысла избы и ямы копают, и под теми-де их берегами на море всяких чинов люди промышляют звериною ворванью, кожею, и в тех-де их стоят и кожи в ямы кладут, и тою-де они стоикою изб их гноят, и ямы пустошат, а в монастырь де они с того промысла своего ничего не платят; а они-де (т. е. монастырь. — Т. И.) с тех промыслов в нашу великих государей казну оброк платят».¹⁰⁵ Государь повелели монастырю с промышленников брать оброк.

Делались на Зимней Золотице и попытки солеварения. В «сотной» А. И. Толстого на Антониево-Сийский монастырь, составленной в 1593 г. по материалам писцовых книг 1587—1588 гг. князя Василия Звенигородского, называется солеварница, ставящаяся близ Зимней Золотицы крестьянами Антониево-Сийского монастыря: «Троецкого ж монастыря крестьяне Нечайко Микифоров с товарищи ставят варницу ново на Золотицею в реке в Тови».¹⁰⁶

Названная «сотная» 1593 г. дает достаточно полные сведения о владениях Антониево-Сийского монастыря в Зимней Золотице: «Троецкого ж Сийского монастыря на Зимней стороне за Сухим морем нареке на Золотицы слоботка Золотицкая, а в ней церковь Рождество Пречистыя, древяна клетцки, а в церкви образы и книги, и свечи, и ризы, и колокола, и все церковное строенье монастырское. В слоботке ж д(вор) монастырской на приезд, приезжают от монастыря старцы и детеныши для рыбные ловли».¹⁰⁷ Важно заметить, что в 1580-е гг. в Зимней Золотице уже стояла церковь — значит, место было обжитым.

Далее в «сотной» перечисляются жители Зимней Золотицы: «В слободке ж: в. (двор. — Т. И.) поп Потапей, в. дячок Тимошка, да бобыли: в. Иванко Григорьев сын Кривой, в. Михалко Непряха, в. Микитка Гаврилов, в. Ивашко Микифоров сын Негодяев, в. Давытко Ухтостровец, в. Худячко Савельев сын Еметцкой, в. Нечайко да Юшко Кореляне». В Зимней Золотице, таким образом, в 1587—1588 гг. стояло 8 дворов (вместе с церковным причтом). Обратим внимание на имена бобылей, проживавших на золотицких землях Антониево-Сийского монастыря. Они свидетельствуют о географических связях монастыря и позволяют предположить, откуда прибыли первые поселенцы Зимней Золотицы: Давытко Ухтостровец родом был с Ухтострова (остров на Северной Двине, расположенный недалеко от Курострова); родиной Худячко Савельева сына Еметцкого были Емецкие земли на Северной Двине, близлежащие к монастырю. Среди монастырских бобылей в Зимней Золотице работали и карелы (Нечайко да Юшко Кореляне).

¹⁰⁴ Там же. С. 119.

¹⁰⁵ Сборник грамот коллегии экономии. Т. 2. Стб. 168. № 79.

¹⁰⁶ Сотные грамоты Антониево-Сийскому монастырю 1578 и 1593 гг. / Подгот. к печати А. А. Амосов // Северный археографический сборник. Вологда, 1972. Вып. 2: Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XV в. С. 231.

¹⁰⁷ Там же.

«Сотная» описывает рыбные промыслы на Зимней Золотице. Здесь ловили сига и другую белую речную и озерную, а также морскую рыбу: «А рыбу ловят в реке в Золотице и на море на монастырь. А ез на реке Золотице монастырской, а ловят сизи и всякую белую рыбу на монастырский обиход. Да у них же тони на море: тоня в Залудье, тоня Глинка, тоня Конь-Камень, тоня Поплавная, что была Олексея Омосова».¹⁰⁸ Ез (или яз) — частокол или забор, устраиваемый поперек всей реки, чтобы не дать рыбе пройти вверх по течению.

Остается неясным, Нижняя или Верхняя Зимняя Золотица понимается под названием «слоботка Золотицкая» в рассмотренной «сотной». Речь может идти о Нижней Зимней Золотице. Логика понятна: устье реки должно было бы, кажется, быть освоено ранее берегов вверх по течению реки. Однако А. И. Леонтьев в «слоботке Золотицкой» видит Верхнюю Зимнюю Золотицу, расположенную в более мягком в климатическом отношении месте. Следующий по времени документ, по нашему мнению, подтверждает эту точку зрения.

Имеется в виду «сотная» 1627 г., составленная двинским писцом Мироном Андреевичем Вельяминовым и дьяком Баженом Степановым по данным писцовых книг 1622—1624 гг. на владения Антониево-Сийского монастыря. В этом документе уже описываются две Золотицы — Верхняя и Нижняя, причем описание первого поселения является «калькой» с описания «сотной» 1593 г.: «На Зимней стороне за Сухим морем на реке на Золотице слоботка Золотицкая, а в ней церковь Рождество ж Пречистые Богородицы древяна клецки, а в церкви образы и свечи и книги и колокола и всякое церковное строение монастырское...».¹⁰⁹ Вторая церковь, также во имя Рождества Богородицы, на это время стояла «ветха без пения». Существенно вырос причт действующего верхнезолотицкого храма: «во дв. (двор. — Т. И.) поп Клементеи Антамонов; во дв. вдовой поп Фока Фефилов; во дв. церковной дьячок Ивашко Фокин; во дв. пономарь Федотко Иванов; во дв. проскурница Ненилка; во дв. трапезник Ивашко Седун...».¹¹⁰ Перечисляются дворы уже не 6, а 12 монастырских бобылей. Среди них Макарко Мартемьянов сын Пинежанин, Гришка Иванов сын Пинежанин, Еремка Сидоров сын Пинежанин, Марфица Олексеева жена Двиненова. Этот ряд имен позволяет предположить, что Зимняя Золотица заселялась выходцами из Двинской земли (низовья Северной Двины) и с Пинеги.

О Нижней Зимней Золотице «сотная» 1627 г., обозначая ее местоположение, говорит несколько иначе: «На Зимней стороне за Сухим морем слоботка усть реки Золотицы на Голои кошке...».¹¹¹ Голой кошкой, поясним, называется отмель к северу от острова Мудьюг. Обратим внимание на то, что в отличие от описания предыдущей Золотицы здесь не значится церковь. Имеется только двор монастырский: «...а в ней двор монастырской, а в нем живет старец Аркадеи». Следовательно, Нижняя Зимняя Золотица была менее значимым селением, чем Верхняя.

«Сотная» 1627 г. в Нижней Зимней Золотице перечисляет 16 бобыльских дворов. Среди бобылей имеются лица, чьи имена указывают, откуда, возможно, заселялась Нижняя Зимняя Золотица. Здесь называются выходцы с далекого Заонежья (Титко Семенов сын Заонежанин, Карпунка Зиновьев сын Заонежанин, Томилко Микитин сын Заонежанин), с р. Ваги — левого притока Северной Двины (Сенка Кондратьев сын Важенин). Монастырскими бобылями, жившими на Зимней Золотице, были крестьяне из соседней зимнебережной Мудьюги (Конон-

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Сборник грамот коллегии экономии. Т. 1. Стб. 625. № 533.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же. Стб. 639. № 533.

ко Иванов сын Мудюженин, Суботка Иванов сын Мудюженин). Имя Михалка Васильева сына Золотиченина позволяет предположить, что этот бобыль происходил из Верхней Зимней Золотицы. И, наконец, укажем еще раз, что среди монастырских бобылей числятся карелы (Логико Юрьев сын Корела, Гаврилко Филипов сын Корелялин, Гришка Исаков сын Корелялин). Полагаем, карельская составляющая сыграла достаточно ощутимую роль в сложении населения Зимнего берега.

А. И. Леонтьев опубликовал еще один очень важный документ второй половины XVII в. — «Опись Золотицкой волости» (Нижняя и Верхняя Зимняя Золотицы), составленную монастырскими старцами Иосифом и Силуяном в 1670 г.¹¹² В Верхней Золотице перечислены 4 двора церковного причта — попа, дьячка, пономаря и просвирни. Описываются также 23 бобыльских двора, причем в описании дворов называются не только хозяева, но указаны, правда, только количественно, без имен, члены семьи: «Во дв. Федор Шестаков, у него женского полу шестеро, да брат двоюродный, да зять втроем, скота жеребенок, три коровы, четыре нетели, да четыре бычка, пятнадцать овец».¹¹³ Как видим, семьи были сложными, включающими двоюродных братьев, зятьев и т. д. В семье Федора Шестакова было 11 человек; на дворе Давыда Поликарпова — только трое: «Во дв. Давыд Поликарпов сам третей, скота у него кобыла з жеребенком, корова с теленком, две овцы».¹¹⁴ Всего в Верхней Золотице в 1670 г. проживало вместе с церковным причтом 168 человек. В Нижней Золотице в «Описи Золотицкой волости» 1670 г. указано 16 дворов. В общей сложности там числилось 119 человек.

В 1772 г., когда в Нижней Золотице побывал Н. Я. Озерецковский, здесь проживало 195 человек.¹¹⁵ У Зимней Золотицы путешественник наблюдал промысел белух (вид зубатых китов из семейства навраловых): «Жители Золотицы промышляли белуг (белух. — Т. И.) в море расстоянием на полверсты от берега. Белуги шли близ берега со стороны города Архангельского; промышленники, отъехав в море подалее от берега, нежели как близки были к оному белуги, стояли на карауле, и когда звери оные против них стали равняться, весьма проворно начали выкидывать из двух лодок веревочные свои неводы, связав концы обоих неводов, в которых длины было 400 сажень. Одна лодка гребла в правую, а другая в левую сторону; и когда, растянув таким образом невод, увидели, что белуги идут против одного, с обеих лодок начали кричать во многие горлы; испуженные криком белуги бросились от берега в море прямо к растянутому неводу, который стоял в воде стеною и досязал до самого дна. У него никакой матни или рукава не было, а только с крыльями оного немедленно съехались обе лодки, и обтянули оными пять белуг, которых били в неводе кутилами; убитых привязали за хвост и за голову к лодкам и повезли на берег...».¹¹⁶

С 1708 г. монастырские слободки (Куйская — Соловецкого монастыря, Золотицкая и Долгощельская в устье Кулоя — Сийского монастыря) указом Петра I были переведены в государственную собственность: монастырские крестьяне стали экономическими. Однако память о связях Зимней Золотицы с Антониево-Сийском монастырем сохранилась в устной традиции. Существует

¹¹² Леонтьев А. И. Зимняя сторона. С. 129—131.

¹¹³ Там же. С. 129.

¹¹⁴ Там же. С. 130.

¹¹⁵ [Проезд Озерецковского от Архангельска до Святого Носа] // Лепехин И. Дневные записки путешествия. С. 90.

¹¹⁶ Там же. С. 91—92.

предание, согласно которому зимнезолотичане не пустили в избу преподобного Антония, и ему пришлось провести ночь в овине. Уходя из Зимней Золотицы, он проклял село: «За то, что вы не пустили меня ночевать, всегда будете ездить с погодю по зимнему пути».¹¹⁷ С тех пор, как только зимнезолотичане отправлялись в путь, поднималась непогода. Их соседи мудьюжане при непогоде говорили: «Золотичане в город поехали».

Золотицкие поселения наряду с кустом деревень Мудьюги и Кади были самыми крупными на Зимнем берегу. А. И. Леонтьев приводит данные некоторых «ревизских сказок» за XVIII—XIX вв. В 1795 г. в Нижней Золотице числилось 116 мужских и 140 женских душ. В Верхнезолотицкой волости в том же 1795 г. насчитывалось 213 мужских и 210 женских душ. В 1858 г. в Верхней Золотице было зарегистрировано 262 мужчины и 311 женщин. В 1917 г. по Всероссийской сельскохозяйственной поземельной переписи в Верхней Золотице в 168 хозяйствах проживало 374 мужчины, 406 женщин; 55 мужчин находились в войсках. В Нижней Золотице было 77 хозяйств (204 мужчины, 252 женщины, 28 человек были призваны в армию).¹¹⁸

Золотица в поморском мире воспринимается в комплиментарном контексте. Так, В. В. Ружникова из мезенского с. Койнас указала на прозвище жителей Зимней Золотицы: «Золотица — „умолёны”. Когда к ним кто-нибудь приезжает издалека, они говорят: „Вот приехал мой умолённый, желанный”. Это значит, что они очень рады видеть гостя, долго его ждали».¹¹⁹

3. Корни зимнезолотицких сказительских родов. Рассмотренные исторические документы позволяют поставить вопрос о корнях родословия некоторых сказителей Зимнего берега.

В «сотной» 1593 г., напомним, назывался трапезник Верхнезолотицкой церкви Ивашко Седун.¹²⁰ Полагаем, его можно считать родоначальником **Седуновых**. В Верхней Золотице в 1795 г. А. И. Леонтьев называет 6 семей Седуновых.¹²¹ В 1792 г., как указывает А. И. Леонтьев, Яков Седунов на мурманских промыслах заработал 29 р. 30 к., а другой представитель рода Седуновых, Василий Седунов, — всего лишь 5 р. 60 к.

Среди сказителей, с которыми работал А. В. Марков, был Федор Парфенович Седунов из Верхней Зимней Золотицы.¹²² В 1937 г. фольклористы записывали былины и баллады от сказительниц из Нижней Золотицы: Ирины Захаровны Седуновой (собиратели И. М. Колесницкая и М. А. Шнеерсон),¹²³ Авдотьи Ивановны Седуновой (собиратель А. М. Астахова).¹²⁴ В 1939 и 1945 гг. с Серафимой Яковлевной Седуновой работала Э. Г. Бородина-Морозова.¹²⁵

В документах XVII в. находим фамилию **Бурых**. В 1622 г. Андрей Бурый, крестьянин Куростровской волости Холмогорского уезда, вместе с товарищами ловил рыбу на Майде. Через десять лет, как мы указывали выше, в 1632 г. эти уголья царь Михаил Федорович передал Козьмеручь-

¹¹⁷ Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1. С. 10.

¹¹⁸ Леонтьев А. И. Зимняя сторона. С. 133—134.

¹¹⁹ Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. С. 329. № 94.

¹²⁰ Сборник грамот коллегии экономии. Т. 1. Стб. 625. № 533.

¹²¹ Леонтьев А. И. Зимняя сторона. С. 134.

¹²² Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова. № 107.

¹²³ Былины Печоры и Зимнего берега: (Новые записи) / Изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л., 1961. № 153—154.

¹²⁴ Там же. № 156.

¹²⁵ Там же. № 157—158.

евскому монастырю. В 1795 г. в Верхней Золотице числилось 4 семьи Бурых и 3 семьи Лыткиных.¹²⁶ А. В. Марков в Верхней Золотице от Анны Пудовны Бурой, певшей вместе с Анной Ивановной Лыткиной, записал 5 эпических песен.¹²⁷

Можно предположить и корни рода **Субботинных**. В «сотной» 1627 г. на владения Антонијево-Сийского монастыря в Зимней Золотице, напомним, назван Суботка Иванов сын Мудюжеин. А. И. Леонтьев полагает, что Суботка является родоначальником нижнезимнезолотицких Суботинных (Субботинных). В 1943—1944 гг. от Елизаветы Васильевны Субботиной в Нижней Зимней Золотице Э. Г. Бородина-Морозова записала несколько старин.¹²⁸

Стрелковы в документах упоминаются с 1728 г.: Андрей Стрелков из Нижней Золотицы продал коммерческой компании 477 пудов «сала ворванного тюленного».¹²⁹ В 1939 г. Э. Г. Бородина-Морозова работала с нижнезолотицкой сказительницей Анной Васильевной Стрелковой.¹³⁰

Имеются ранние сведения о роде **Васильевых**. 21 января 1739 г. Алексей Тимофеевич Васильев из Устьенской слободки Нижнезолотицкой волости (т. е. из Нижней Золотицы) подал челобитную императрице Анне Иоанновне с просьбой отдать ему на оброк «рыбные ловли званием две Казариновы, да за Золотицей Анфимов ручей, тони Бутуринская, да Косичиха, которые были во владении и оброку с 1735 года по нынешний 1739 год» у Федора Мамаева.¹³¹ В 1790 г. Василий и Иван Васильевы из Нижней Золотицы ходили вместе с другими нижнезолотичанами на Мурман.¹³² Среди сказителей, с которыми работал А. В. Марков, была нижнезолотицкая сказительница Анна Ивановна Васильева.¹³³

В Верхней Золотице на 1795 г. А. И. Леонтьев, помимо 6 семей Седуновых, называет также 6 семей **Прыгуновых**, 4 семьи **Чекалевых**, 8 семей **Точиловых**, 4 семьи **Пономаревых**, 4 семьи **Бурых**, 3 семьи **Лыткиных**.¹³⁴ Очевидно, что разветвленность названных семей свидетельствует об их давнем, много ранее конца XVIII в., поселении в Верхней Золотице.

Прыгуновы, как и Седуновы, в конце XVIII в. ходили на Мурман. Например, в 1790 г.: из одной семьи, по-видимому, были Иван и Дмитрий Прыгуновы; из другой — Евдоким, Герасим, Иван Матвеевич Прыгуновы; отдельно назван Федор Прыгунов.¹³⁵ В 1791 г. Иван и Дмитрий Прыгуновы на судне своего земляка Федора Пономарева опять ходили на мурманские промыслы.¹³⁶ А. В. Марков встречался со сказителем Иваном Прокопьевичем Прыгуновым из Верхней Зимней Золотицы.¹³⁷ Судовладелец Федор Пономарев мог быть предком сказителя Федора Тимофеевича Пономарева из Верхней Золотицы.¹³⁸

¹²⁶ Леонтьев А. И. Зимняя сторона. С. 134.

¹²⁷ Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова. № 112—116.

¹²⁸ Былины Печоры и Зимнего берега. № 133—138.

¹²⁹ Леонтьев А. И. Зимняя сторона. С. 366.

¹³⁰ Былины Печоры и Зимнего берега. № 126—132.

¹³¹ Леонтьев А. И. Зимняя сторона. С. 319.

¹³² Там же. С. 365.

¹³³ Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова. № 87—89.

¹³⁴ Леонтьев А. И. Зимняя сторона. С. 134.

¹³⁵ Там же. С. 366.

¹³⁶ Там же. С. 368.

¹³⁷ Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова. № 108.

¹³⁸ Там же. № 91—154.

Среди верхнезолотицких промышленников, ходивших в 1790 г. на Мурман, называются Максим и Андрей Тимофеевичи Чекалевы. К этому же роду относится и сказитель Влас Иванов-внук Чекалев из Верхней Зимней Золотицы, с которым работал А. В. Марков.¹³⁹

Песенный эпос записывался от представителей верхнезолотицкого рода Точиловых: Мария Сергеевна Точилова,¹⁴⁰ Иван Егорович Точилов (записи 1934 г. В. П. Чужимова),¹⁴¹ Тит Егорович Точилов (самозаписи 1938 г., присланные А. М. Астаховой).¹⁴² Имена их предков называются в документах конца XVIII в.: в 1791 г. Илья Точилов на судне Андрея Шумилова ходил на мурманские промыслы; в 1792 г. Егор Точилов на Мурмане получил доход в 15 р. 50 к.¹⁴³

А. И. Леонтьев называет по документам конца XVIII в. многочисленных промышленников Поповых, ходивших на мурманский берег.¹⁴⁴ В 1790 г. нижнезолотицане Василий, Тимофей, Максим и Кирилл Поповы участвовали в мурманских промыслах. В 1791 г. на Мурман на своем судне ходил Михаил Попов, житель Нижней Золотицы, а Дмитрий Попов из Верхней Золотицы — на судне Андрея Шумилова. Кто-то из этих Поповых мог быть предком Дарьи Андреевны Поповой из Нижней Золотицы, с которой встречался А. В. Марков,¹⁴⁵ или Натальи Федоровны Поповой из того же села (запись И. М. Колесницкой и М. А. Шнеерсон 1937 г.).¹⁴⁶

Как известно, самой знаменитой сказительской семьей в Нижней Зимней Золотице была семья **Крюковых**. Напомним, А. В. Марков в 1898—1899 гг. записывал песенный эпос от Гаврилы Леонтьевича Крюкова (дед; 1824—1913). Брат Гаврилы, Василий (1817—1895), умерший за три года до приезда фольклориста на Зимний берег, по сведениям собирателя, также был известным былинщиком. Ко второму поколению старинщиков принадлежит Аграфена Матвеевна Крюкова (1855—1921), невестка Василия Крюкова, жена его сына Семена, уроженка Терского берега. Ее богатейший былинный материал А. В. Марков разделил на старины Терского и Зимнего берега. Семен Васильевич Крюков, ее муж, также был сказителем. «Все они хорошо пели, — вспоминал житель Нижней Золотицы Г. М. Плакуев, — и Гаврило, и Василий, и сын его Семен Васильевич».¹⁴⁷ От С. В. Крюкова, к сожалению, песенный эпос записан не был. К третьему поколению Крюковых принадлежит культовая сказительница советского времени Марфа Семеновна Крюкова (1876—1954) и ее сестры Павла Семеновна Пахолова (1879—1946) и Серафима Семеновна Крюкова.

М. С. Крюкова родоначальником своей семьи называет прапрадедушку Михайла, пришедшего якобы из Новгорода в Зимнюю Золотицу с артелью зверобойщиков. В автобиографической новине «На Зимнем берегу: У моря Белого» сказительница повествует:

А и мой правдед был же всё, по рассказам, что из Нова-града,
Он ведь сюда же послан-то с артелью он с новгородскою,

¹³⁹ Там же. № 97—106.

¹⁴⁰ Там же. № 109—111.

¹⁴¹ Былины Печоры и Зимнего берега. № 141—142.

¹⁴² Там же. № 159—161.

¹⁴³ Леонтьев А. И. Зимняя сторона. С. 365, 366, 368.

¹⁴⁴ Там же. С. 365, 368.

¹⁴⁵ Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова. № 144—146.

¹⁴⁶ Былины Печоры и Зимнего берега. № 150—152.

¹⁴⁷ Былинная традиция Печоры и Зимнего берега в последнее двадцатипятилетие // Былины Печоры и Зимнего берега. С. 37.

⟨...⟩

И ходили новгородцы в морюшко,
Они в морюшко, да в море Белое
Промышлять да тюлений-зверей...¹⁴⁸

Женился Михайло на Катерине Федуловне, которая вместе с семьей на время переселилась в Зимнюю Золотицу с Терского берега (Федул затем вернулся в д. Пялицу). Михайло якобы возил жену в Новгород, но затем молодая семья вернулась в Нижнюю Зимнюю Золотицу. Михайло, по семейным преданиям, скончался «тридцати же трех годочиков»,¹⁴⁹ оставив вдову с пятью детьми. Когда дети выросли, старший брат, Михайла, несправедливо отделил Левушку (Леонтия), оставив ему престарелую мать. Левушка смог все-таки подняться и в старости, когда Михайла потерял всех своих детей и жену, кормил брата. Сыновьями Левушки были Гаврила Леонтьевич (деда Ганя, двоюродный дед Марфы) и Василий Леонтьевич (ее родной дед), которым сказительница посвятила отдельные главы своей поэтической автобиографии. Если поверить семейному преданию, то можно предположить, что основоположник рода появился на Зимнем берегу в 1740-е гг.

Фамилия Крюковых в документах Зимнего берега фиксируется с конца XVIII в. Напомним еще раз, что в ведомости о жителях Архангельской губернии, участвовавших в промыслах на Мурманском берегу в 1790 г., называется имя крестьянина из Нижней Золотицы Корнилы Крюкова.¹⁵⁰ Корнила Крюков не был судовладельцем, он нанимался на суда богатых хозяев. В 1791 г. Корнила вместе с нижнезолотичанином Федором Голубиным ходил на Мурман на судне архангельского купца Андрея Латышева.¹⁵¹ В 1792 г. Крюков был в ряду тех жителей Зимней Золотицы, кто на мурманском промысле получил доход в 12 р. 30 к.¹⁵²

Имя сказителя Гаврилы Крюкова упоминается в документах, связанных с Крымской войной 1853—1856 гг. Военные события, как известно, происходили не только на Черном, но и на Белом море. Корабли Англии и Франции заходили в Белое море, обстреливали деревни Терского и Кандакшского берегов, а также Соловецкий монастырь. 12 сентября 1855 г. неприятель подошел к Зимней Золотице и, испытывая недостаток в продуктах, потребовал у поморов 50 овец. Получив отказ, фрегат обстрелял Нижнюю Зимнюю Золотицу, не причинив ей, впрочем, почти никакого вреда. Увидев на берегу вооруженных крестьян, корабль вскоре вынужден был уйти. Описав этот инцидент, А. И. Леонтьев назвал некоторые имена зимнезолотичан, вставших на защиту своей земли. Среди них был Гаврила Крюков — двоюродный дед Марфы Крюковой.¹⁵³

Крюковы в конце XIX в. были судовладельцами. Известно, что Василий Гаврилович Крюков в 1889 г. приобрел шхуну.¹⁵⁴ В списке судовладельцев Зимнего берега на 1901—1915 гг. А. И. Леонтьев вновь называет имена Василия Гавриловича Крюкова — владельца яхты «Благодать» и гафельной шхуны «Василий Великий». Михаил Васильевич Крюков, по-видимому, его

¹⁴⁸ Крюкова М. С. На Зимнем берегу: У моря Белого / Записала летом 1939 года Э. Бородина-Морозова. Архангельск, 1940. С. 21.

¹⁴⁹ Там же. С. 24.

¹⁵⁰ Леонтьев А. И. Зимняя сторона. С. 365.

¹⁵¹ Там же. С. 368.

¹⁵² Там же. С. 143.

¹⁵³ Там же. С. 174.

¹⁵⁴ Там же. С. 276.

сын, был хозяином яхты «Святой Иоанн Предтеча» и гафельной шхуны «Сириус».¹⁵⁵ В этом же списке судовладельцев мы находим имена Ивана и Зосимы Семеновичей Крюковых; полагаем, это братья Марфы Крюковой.¹⁵⁶ Известно, что после революции Изосим (Зосима) Семенович Крюков работал лоцманом в мурманском порту. Еще один представитель семьи Крюковых, Василий Васильевич, в 1930-х гг. погиб во время катастрофы самолета на подлете к Зимней Золотице: он летал на разведку морского зверя.

4. Промыслы в хозяйственной жизни зимнебережцев. Как мы уже неоднократно подчеркивали, освоение Зимнего берега начиналось как устройство тоней, из которых впоследствии вырастали постоянные селения. Рыбные и зверобойные промыслы — это основа хозяйственной жизни зимнебережцев.

Интересный материал о тонях дает Платежная книга 1560 г. Двинского уезда, на материалы которой мы уже ссылались. Платежная книга представляет результаты двух описей уезда — 1552—1553 гг. (Иван Заболоцкий) и 1559 г. (Василий Гагин). О Зимнем берегу читаем: «На Зимней стороне. Тони по морскому ж берегу от Двинского устья от Лаподнеского наволока. От Железных ворот в морской конец на Мудьюжском острове три тони Мудьюжские волости. На Голой Кошке да Подмошком две тони Микифорка Шеина з братьею. На Куйском берегу, промеж дву Куй, четыре тони Кости (Жит)кова с Ухтострова, за Малою Куицею тоня Тимошки Максимова. В Оиловой Лахте тоня Василья Неверова, тоня Ескинская Истомы Бачюрина. В Ушемсой Лахте четыре тони Марка Григорьева з братьею, тоня Емельянка Иванова да Вахромейка Иванова с Лисострова, тоня Рыжкова с Листострова, тоня Мелкая Пашка Исакова».¹⁵⁷ Далее описываются близлежащие тони, прилегающие к Козлице (Козлам), Керече, Чакову ручью, Егре, а также в Ывовике, в Закошечье, на Волоке в усть Торжмы, на Казаринове. Тони были и на Зимней Золотице: «Усть Золотицы тоня Ондreja Амосова. На другой стороне Золотицы тоня Глубокая Леонтья з братьею молодых бояр...».¹⁵⁸ Затем перечисляются еще 9 тоней в районе Зимней Золотицы. Далее начинаются тони у Малой Товицы, над Малыми Инцами, в Ручьях, в Мегре.

Владельцами (арендаторами) тоней являлись крестьяне из бывшей Двинской земли: из Ухтострова, Курострова, Лисострова, Княжострова, Моржегорской, Емецкой, Терпиловской и Матигорской волостей. В Керецком (две тони) и на Мегре (одна тоня) принадлежали Никольской Мудьюжской церкви.

Подводя итоги зимнебережной переписи, Платежная книга 1560 г. резюмирует: «И всего на Зимней стороне 100 тонь, а оброку с них имати з году на год за рыбную ловлю семь рублей и десять алтын з деньгою. А розводити им тот оброк самим промеж собою по рыбной ловле, а держати им те тони промеж собою самым по своим крепостем».¹⁵⁹

Отдельно описывались тони Антониево-Сийского монастыря, с которых оброк не взимался: «Да на Зимней стороне Троецкие Сийского монастыря в Залудье тоня, Конь Камень, тоня Глин. И всего три тони, а оброку с них помечено шесть алтын и две деньги. И с тех Троецких тонь царь и великий князь оброку имати не велел».¹⁶⁰

¹⁵⁵ Там же. С. 285.

¹⁵⁶ Там же. С. 286.

¹⁵⁷ Копанев А. И. Платежная книга Двинского уезда 1560 г. С. 520.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же. С. 521.

¹⁶⁰ Там же.

В другом месте Платежной книги исчисляются оброки с рек, которые впадают в Белое море: «На Зимней стороне.

С реки с Мегры оброку з году на год за рыбную ловлю пятнадцать алтын. А ловят ее из Матигорские луки монастырские крестьяне Ивана святого, что в Великом Новеграде на Роскине улице с Марилова Острову.

С реки з Золотицы оброку помечено з году на год за рыбную ловлю пятнадцать алтын. А ловят ее Сийского монастыря старцы на монастырь. И царь князь велики того оброку на них имати не велел.

С реки с Куи оброку з году на год за рыбную ловлю гривна. А ловит ее Костя Житков с Ухтострова.

З дву рек с Мудьюги да с Кади оброку з году на год за рыбную ловлю пол полтины. А ловят те реки Мудьюжские волости крестьяне».¹⁶¹

Платежная книга 1560 г. свидетельствует, что тони, принадлежавшие непосредственно зимнебережцам, в это время находились здесь только на Мудьюге и Кади. Хозяевами (арендаторами) большинства тоней были двинские жители, включая Костю Житкова с Ухтострова, имя которого мы уже упоминали в связи с купчими. На тонях, владельцами которых были монастыри (Антониево-Сийский и новгородский Свято-Ивановский на Росткине улице), также сидели двинские крестьяне. Постепенно на протяжении конца XVI—XVII в. большое количество тоней отошло во владение монастырей — Соловецкого, Антониево-Сийского, Козьмеручьевского, а также Архирейского дома.

Промысловый характер хозяйствования в традиционном быту Зимнего берега продолжал оставаться актуальным вплоть до второй половины XX в. Важное место в жизни зимнебережцев занимал промысел семги — близкий к побережью. Промысел подчинялся «походам семги», т. е. цикличности хода рыбы в море. «Походы» имели названия, связанные с календарными праздниками. Один из современных информантов сообщает: «Так были походы-то. Вот на Ивановский поход (24 июня/7 июля, день Ивана Купалы. — Т. И.). Потом на Петровский (29 июня/12 июля, день Петра и Павла. — Т. И.), потом в Ильинский (20 июля/2 августа, день Ильи-пророка. — Т. И.), потом на Маковой поход 14 июля (правильно: 14 августа; 1 августа/14 августа, день мучеников Маккавеев. — Т. И.), потом на Преображение 19 августа (6 августа/19 августа, день Преображения Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа. — Т. И.). А потом к Третьему Спасу будет поход (16 августа/29 августа, день Перенесения из Едессы в Константинополь Нерукотворного Образа Господа Иисуса Христа, по-народному, Третий Спас. — Т. И.), потом на Богородицу (26 августа/8 сентября, день Рождества Богородицы. — Т. И.), Сдвиженский (14 сентября/27 сентября, день Воздвиженья Честного и Животворящего Креста Господня. — Т. И.), на Ивана Богослова (26 сентября/9 октября, день преставления апостола и евангелиста Иоанна Богослова. — Т. И.), потом Покров Пресвятой Богородицы (1 октября/14 октября, день Покрова Богородицы. — Т. И.), Михайловский поход (8 ноября/21 ноября, день Собора Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных. — Т. И.), последний поход — Митреевский на 9 ноября».¹⁶² В последней дате информант ошибся: день великомученика Дмитрия Солунского от-

¹⁶¹ Там же. С. 524—525.

¹⁶² Дранникова Н. В. Фольклорная экспедиция Поморского университета в село Зимняя Золотица. С. 88; О промысловом календаре Поморья см. также: Дранникова Н. В., Морозова Т. Н. 1) Специфика промыслового календаря Зимнего берега // Язык и культура Русского Севера: К вопросу о региональной языковой картине мира.

мечается 26 октября (8 ноября). Таким образом, семужьи промыслы на протяжении нескольких месяцев шли непрерывно.

У поморов Зимнего берега имеется система специальных названий разных типов семги: «за-ледка (крупная семга, идущая на нерест вслед за вскрытием реки), межень (крупная летняя семга), лох (отошавшая после нереста семга), черная рыба (крупная августовская семга), ильинка, богословка».¹⁶³ В традиционном сознании жителей Зимнего берега существовали приметы, связанные с семгой: «Там, где темно в море на Пасху, будет много сёмги»; «Там, где больше льда у берега, будет много сёмги».¹⁶⁴

С конца октября—середины ноября начинался осенний подледный лов сельди и наваги, который заканчивали в феврале. Можно отметить разную степень участия в промысле этих пород рыбы. Жители Патракеевки, например, сельдяным промыслом занимались активно; зимнезолотичане, напротив, сельдь почти не ловили. Наважий промысел был актуален для Патракеевки и Койды. Практически все зимнебережные деревни ловили речную и озерную рыбу.

А. В. Марков указывал на роль рыбных тоней в формировании былинной традиции. «Сидя по несколько часов сряду в ожидании улова, — замечал собиратель, — промышленники имеют возможность перенять друг у друга громадный запас старин, „сказывание“ которых разнообразит их невольный скучный досуг. Лучшие три сказителя, прослушанные мною: Крюков, Пономарев и Чекалев, с детских лет занимаются ловлею семги на море; последний прямо говорил, что он перенял старины на тонях».¹⁶⁵

В XVIII—XIX вв. крестьяне с Зимнего берега ходили на далекий тресковый промысел на Мурман. По данным 1790 г., в мурманском промысле участвовали крестьяне из Мудьюги, Нижней и Верхней Золотицы. Из Мудьюжской волости на Мурман в этот год отправились 23 человека из д. Горка; 26 — из д. Кушкушары; 22 — из д. Верховской; 11 — из д. Никитинский Наволок; 12 — из д. Никулинский Наволок; 8 — из д. Даниловский Прилук; 35 — из д. Патракеевской; 7 — из д. Васильевской; 1 — из д. Негодяевской; 20 — из д. Шубинской. Из Нижней Зимней Золотицы на мурманский промысел ходили Федор и Филипп Голубины, Корнило Крюков, Василий и Иван Васильевы, Иван Корельский, Михаил, Матвей и Андрей Тарабарины, Михаил Попов, Леонтий Пономарев, Иван Матвеев; из Верхней Зимней Золотицы — Иван и Дмитрий Прыгуновы, Никита и Дмитрий Поповы, Илья Точилов, Петр Звягин, Иван Таратин, Поликарп Шумилов, Матвей Бабин, Иван, Тимофей и Илья Точилковы, Федор Прыгунов, Семен, Калина, Григорий, Иван, Прокопий и Андреян Поповы, Евдаким, Герасим, Иван Матвеевич Прыгуновы, Василий, Тимофей, Максим и Кирилл Поповы, Матвей Тархович Таратин,

Архангельск, 2013. С. 299—304; 2) Промысловый календарь Зимнего берега Белого моря // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2014. № 5 (142). С. 56—60. Магические практики, направленные на обеспечение улова, рассмотрены в статьях: Морозова Т. Н. 1) Современное состояние промыслового фольклора Зимнего берега Белого моря // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2015. № 7(152). С. 81—84; 2) Запреты и предписания в среде рыболовов и зверобоев Зимнего берега Белого моря // Stephanos. 2016. № 1(15). С. 118—123.

¹⁶³ Морозова Т. Н., Дранникова Н. В. Промысловый календарь поморов Зимнего берега Белого моря: (По материалам экспедиций в д. Сояна, с. Койда и с. Ручьи Мезенского района Архангельской области в 2009—2011 гг.) // Народные культуры Баренцева Евро-Арктического региона: Новые методы исследования: Материалы Междунар. молодежной науч. школы по фольклористике (г. Архангельск, 8—11 ноября 2012 г.). Архангельск, 2013. С. 117.

¹⁶⁴ Дранникова Н. В. Фольклорная экспедиция Поморского университета в село Зимняя Золотица. С. 89.

¹⁶⁵ Марков А. В. Былинная традиция на Зимнем берегу Белого моря. С. 1002.

Максим и Андрей Тимофеевич Чекалевы, Иван, Михаил и Григорий Точилоры. Для зимнезолотичан промысел в 1790 г. оказался неудачным и они понесли убытки.¹⁶⁶

В 1792 г. в мурманских промыслах участвовали жители Мудьюги (Бурковы, Безбородовы, Морозовы, Антуфьевы, Копытины, Корконосовы, Чухтины, Селяниновы, Замятины, Леонтьевы) и Куи (Замятины, Селивановы, Власов, Орехов). Крестьяне Нижней Зимней Золотицы (Крюковы, Стрелковы, Голубины, Тарабарины) в этом году получили доход в 12 р. 30 к. на человека. Из Верхней Золотицы на Мурмане промышленяли Егор Точилор (15 р. 50 к.), Яков Седунов (29 р. 30 к.), Василий Седунов и Григорий Маракушин (по 5 р. 60 к.), Петр и Осип Шибаевы (по 10 р. 20 к.), Григорий Пычкин (20 р. 5 к.).

Важное место в хозяйственной жизни Зимнего берега занимал зверобойный промысел (тюлени, белуха, моржи, нерпа). Сало, мех и кожа использовались поморами в хозяйстве и обменивались на промышленные товары. Зверинными промыслами занимались с января по май. «Пути», «путины» — промысловые экспедиции — имели свои названия, образованные от мест промысла. Для жителей Зимнего берега главными были Зимний, или Зимнебережный (проходил непосредственно у Зимнего берега), и Кедровский «пути» (у Кедровского мыса).

Зимний «путь» был местом, где встречались промышленники Зимнего берега и Кулоя. А. Д. Григорьев, описывая кулойскую былинную традицию, писал: «Первый путь — Зимной, происходящий на Зимнем берегу Белого моря. К половине января (раньше Сретенья дня (2/15 февраля. — Т. И.) за полмесяца) молодые крестьяне деревень с р. Кулоя, а также приморских (Нижи, Койды и т. д. до Зимней Золотицы) собираются на Зимний берег. С р. Кулоя каждый идет врозь на конях (раньше ходили на лыжах). Идут сюда с р. Кулоя через д. Сояну, Щелью (Долгую Щель) и Койду, не заходя в Нижу. Поселившись в избах на Зимнем берегу, они промышленяют кожу подле деревень Майды, Мегры, Ручьев, Еньцей (Инцы. — Т. И.) и Золотицы».¹⁶⁷

«С Зимнего берега, — пишет далее А. Д. Григорьев, — промышленники переходят на Кеды».¹⁶⁸ Кеды — это берег севернее с. Койда, лежащий против острова Моржовец. Н. Я. Озерцовский, побывавший летом 1772 г. на Кедах, описывал это место следующим образом: «...в Кедах много находится промышленничьих пустых избушек. В них весною собираются промышленники из разных жительство, числом иногда до двухсот человек, для добывания тюленей, которые приплывают туда на льдинах, когда морской прилив льдины оныя придвигает к берегу. Ходя по льдинам, бьют они сих зверей, но в море на карбасах стрелять их не ездят».¹⁶⁹ Промысловый сезон на Кедах начинается «за неделю до Евдокеи (1/14 марта. — Т. И.), т. е. около 20-го февраля. Здесь промышленяют неделю, а иногда больше, даже до четырех».¹⁷⁰

Дальнейшие «пути» (Нернецкий путь — на Нернецком носу между р. Нижей и Кулоем; Конушин путь — Конушин мыс на западном берегу Канинского полуострова; Моржовский путь — на остров Моржовец) для зимнебережцев не были столь актуальными. Но тем не менее

¹⁶⁶ Леонтьев А. И. Зимняя сторона. С. 365.

¹⁶⁷ Григорьев А. Д. Кулойский и Мезенский края и былинная традиция в них // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. СПб., 2003. Т. 2. С. 16.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ [Проезд Озерцовского от Архангельска до Святого Носа] // Лепехин И. Дневные записки путешествия. С. 98.

¹⁷⁰ Григорьев А. Д. Кулойский и Мезенский края и былинная традиция в них. С. 16.

они, хотя и нерегулярно, участвовали в названных «путях». На «зверобойке», повторим еще раз, встречались жители Зимнего берега, с одной стороны, и Кулоя и Мезени — с другой. Здесь, как неоднократно отмечали этнографы, происходил обмен былинными знаниями между сказителями разных регионов. А. В. Марков писал: «Нередко крестьяне Зимнего берега, промысля морских зверей, встречаются с мезенскими промышленниками у о. Моржовца и на западном берегу полуострова Канина; в Золотицу приходят работники с р. Мезени, а золотицкая молодежь ходит в покруты на Мезенский берег. Отсюда является обмен былинами. Так, золотицкий сказитель Крюков (...) несколько былин выучил, когда нанимался покрученником в с. Койду, на Мезенском берегу, а некоторые былины перенял у крестьян, приходивших покрученниками в Золотицу с верхнего течения Мезени».¹⁷¹

Промыслы, таким образом, являются важнейшим фактором в формировании былинной традиции Зимнего берега Белого моря.

---

¹⁷¹ Марков А. В. Былинная традиция на Зимнем берегу Белого моря. С. 1001.

Н. Г. КОМЕЛИНА

**ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ БЫЛИН ЗИМНЕГО БЕРЕГА
БЕЛОГО МОРЯ¹**

Под текстологией мы понимаем историко-фольклористическую текстологию (один из разделов фольклористической текстологии по определению К. В. Чистова), которая изучает, какими методами пользовались собиратели при записи и как готовились к публикации фольклорные тексты.

В употреблении термина «практическая текстология» в отношении былин мы следуем за определением, данным В. И. Ереминой и В. И. Жекулиной: «Практическая текстология — тщательный анализ текстов, прежде всего ранее опубликованных, с целью максимального их приближения к первоисточнику».² Первоисточниками для эпических текстов, записанных на Зимнем берегу Белого моря, служат полевые записи, беловые автографы, машинопись. Если все эти документы не сохранились, то источником для сравнения разновременных публикаций становится первая публикация текста.

В середине XIX в. одной из главных собирательских стратегий был сбор сведений по программам и опросникам, рассылаемым в виде брошюр в губернии или помещенным на страницах местных изданий (как правило, губернских ведомостей). Одной из первых наряду с созданной в 1838 г. программой по этнографии Русского географического общества была так называемая «песенная прокламация» П. Киреевского, опубликованная в «Симбирских губернских ведомостях» в 1838 г.

П. Киреевский, Н. Языков и А. Хомяков в ней впервые перечислили основные правила фиксации фольклорного текста: «Записывать должно сначала со слов, потом поверять с голоса, ибо люди, привыкшие петь Песни, обыкновенно лучше вспоминают их, когда поют, нежели когда скажут. Песни, которые поются в народе, должны быть записываемы слово в слово, все без изъята и разбора, не обращая внимания на их содержание, краткость, нескладность и даже кажущееся бессмыслие».³ Был провозглашен принцип записи фольклорного произведения со слов с последующей проверкой с голоса, при этом давалась установка на запись текста «слово в слово».

В «Программе этнографии», по которой были составлены «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии»,⁴ «Былины и старины» упоминаются в разделе «песен»: среди «обрядных свадебных, поминальных, причитаний, хороводных» и «бытовых: колыбельных, любовных, шуточных, рекрутских, песен во время страды»,⁵ что отражает классификацию жанров народной словесности, принятую в середине XIX в.

¹ Частично эта статья опубликована: Комелина Н. Г. Текстологические замечания к записям былин Зимнего берега Белого моря 1930-х гг. // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 2011. Т. 34. С. 92—111.

² Еремина В. И., Жекулина В. И. Практическая текстология былин // Русский фольклор. Т. 26: Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991. С. 54.

³ Киреевский П., Языков Н., Хомяков А. О собирании русских народных песен и стихов // Симбирские губернские ведомости. 1838. 14 апр. № 15. Прибавления; № 14. Частные извещения, II.

⁴ Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 2: Народная словесность. М., 1878.

⁵ Программа этнографии // Архангельские губернские ведомости. 1864. Часть неофиц. 13 июня. № 24. С. 207—208.

Впервые опубликованные П. С. Ефименко в «Материалах по этнографии русского населения Архангельской губернии» былины, записанные И. Ф. Розановым⁶ на Зимнем берегу Белого моря, были перепечатаны в книге «Русские былины старой и новой записи».⁷

В «Материалах по этнографии русского населения Архангельской губернии» не указано, от кого записаны былины. Сопоставление их с былинами, собранными А. В. Марковым, позволит выявить, к какой сказительской традиции принадлежат записанные И. Ф. Розановым тексты, т. е. атрибутировать их.⁸

В биографической заметке, посвященной сказителю Федору Тимофеевичу Пономареву, А. В. Марков предполагает, что все былины были записаны И. Розановым от него, «п(отому) ч(то) Пономарев знает все шесть старин, записанных в Зимней Золотице и напечатанных у Ефименка: Первая поездка Ильи Муромца, Бой Добрыни с Ильей Муромцем, Дюк, Соломан (а не Соломон), Иван Годенович, Дунай; последнюю старину он знает не всю, и прежде не знал до конца; действительно, в записи Розанова рассказ о встрече Дуная с Настасьей очень скомкан, а конца былины совсем нет».⁹ А. В. Марков в свою вторую поездку в Зимнюю Золотицу не записал сюжеты, которые, по его мнению, Ф. Т. Пономарев пропел И. Ф. Розанову. Однако в комментарии к былине «Исцеление Ильи Муромца» молодой ученый отмечает мотив обета-заповеди — не вынимать на дороге оружия, который встречается в былине о первой поездке Ильи Муромца в сборнике П. С. Ефименко.

В экспедиции 1901 г. А. В. Марков повторно записал от Ф. Т. Пономарева такие сюжеты, как «Первая поездка Ильи Муромца» и «Бой Добрыни с Ильей Муромцем».¹⁰

Вариант «Первой поездки Ильи Муромца», записанный А. В. Марковым, более развернут (274 строки; в публикации П. С. Ефименко объем текста составляет 184 строки). В связи с этим в тексте А. В. Маркова есть некоторые мотивы, которых нет в записи И. Ф. Розанова, как-то: седлания коня, посещение церкви в Киеве, кроме того, многие мотивы существенно развернуты (например, диалог Ильи и князя Владимира). Но порядок их следования одинаков в обоих текстах.

При сравнении вариантов этой былины очевидно, что дословно повторяющихся элементов строк или словесных вариаций не так уж много:

И. Ф. Розанов № 5

*Клал-то он заповедь великую, —
Клал на палицу тяжелую:
До славного до города до Киева
Не отковывать от стремени булатного,
Еще клал он заповедь великую
На сабельку на вострую:
Не отковывать от стремени булатного
До славного города до Киева.
Еще клал он заповедь великую
На копье бурсоменское:*

А. В. Марков № 10

*Иише клал перьву заповедь великую:
«Прикавать мне-ка палеца боёвая
Ай во том же во городи во Муроми,
Не отковывать до города до Киева».
Иише клал втору заповедь великую:
Приковал-то он свою сабью вострую
Ай во том же во городи во Муроми, —
Не отковывать до города до Киева.
Иише клал третью заповедь великую:
Приковал-то он всю сброду богатырскую*

⁶ Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 2.

⁷ Т.—М.

⁸ См. статью, посвященную этому вопросу: Новиков Ю. А. Архангельские былины в записях И. Ф. Розанова // Новиков-2013. С. 212—222.

⁹ ББ. С. 473—474.

¹⁰ ММБ-1. Былины записи Ф. Т. Пономарева: Первая поездка Ильи Муромца. С. 57—62; Бой Добрыни с Ильей Муромцем. С. 63—66.

*Не отковывать от стремени булатного,
До славного города до Киева*

*Говорят мужики города Чиженца:
«Прямоезжая дорожка, нечиста крепко,
Есть три заставушки великия:
Первая застава — грязи черные,
Втора заставушка — дремучи леса,
Третья заставушка есть речинька, —
Речинька, Смородинка.*

*Ко тому-то ко стремени ко булатному
Ай во том-то во городи во Муроми, —
Не отковывать до города до Киева.*

*Говорили мужики-ти города Чижена: {...}
Ишше есь только три заставушки великия:
Ишше перва-та заставушка — лесы темныя,
Ай втора-та ведь заставушка — грязи черныя;
Ишше третья есь заставушка очунь великая:
Ишше есь только реченька Смородина.*

Мы привели не все параллельные места, но из приведенного сравнения видно, что мотивы, повторяясь в конкретных деталях, имеют все же разное словесное выражение. Возможно, что за тридцать пять лет, которые прошли после записи И. Ф. Розанова, Ф. Т. Пономарев частично переосмыслил и переработал известный ему сюжет.

А. В. Марков, прослушивая старину повторно, отмечает расхождения в тексте «Первой поездки Ильи Муромца» лишь в одном случае. При первом исполнении сказитель пропел: «А у реченьки есь Соловьюшко Рахманистой», при втором: «Дальше есь Соловюшко да Рохманистой». В остальном второй акт исполнения, по-видимому, идентичен первому. Во всяком случае А. В. Марков не отмечал никаких расхождений.

Можно предположить, что разночтения связаны с тем, что былина была записана И. Ф. Розановым со слов или пересказа, а А. В. Марковым — с голоса. Другой причиной таких расхождений могла быть правка текста, опубликованного в «Материалах по этнографии русского населения Архангельской губернии», сделанная И. Ф. Розановым или редактором. О следах непрофессиональной фиксации текста или редакторской правки свидетельствует «олитературивание» первого текста: отсутствие / пропуск многих частиц, в том числе и начальных (*ай, ка, же, то*), отражение слова в его литературном варианте (*еще—ишше, палица—палеця, есть—есь* и пр.).

Второй текст «Бой Добрыни с Ильей Муромцем» подтверждает предположение А. В. Маркова о том, что тексты, записанные И. Ф. Розановым, принадлежат Ф. Т. Пономареву.

Во-первых, совпадают мотивы и их последовательность, за исключением того, что в записи А. В. Маркова некоторые мотивы более детализированы. Текст дополнен описанием седлания Ильей Муромцем коня, просьбой Омельфы Тимофеевны к Илье Муромцу не рубить Добрыне буйну голову (собственно, как и именем матери богатыря), по-другому оформлен диалог богатырей перед боем и заключительная формула пира у вдовы Омельфы Тимофеевны.

Во-вторых, в этих двух текстах много дословных совпадений:

И. Ф. Розанов № 1

*Жил, был торговый гость
Никитушка Романович.
Живучись-то Никитушка приставилси.
Оставалась у Никиты любимá семья, —
Любимá семья, молодá жена;
Еще оставалось чадо милое, —
Еще милое чадышко, любимое,
На имя Добрынюшка Никитич.*

А. В. Марков № 10

*Жил был Микитушка Романович.
Живучись, братцы, Микитушка состарилсэ,
Состарилсэ Микитушка, сам представилсэ.
Оставалась у Микиты любимá семья,
Ай любимá семья-та, молода жена,
Молодыя Омельфа Тимофеевна;
Оставалось у Микиты чадо милое.
Милоё чадышко любимое,
Молодыя Добрынюшка Никитич сын.*

Прошла про него слава великая
По всем землям, по всем украинам.
Дошла эта слава да славного города до Мурома, —
До старá казака до Ильи до Муромца.

По Добрынюшкину было по счастьюцу
У осударя права ножка подвернулася, —
Лева ручька оскользнулася.
Мастер был Добрынюшка бороться,
Сшиб осударя Илью Муромца на сыру землю,
Сел осударю на белы груди,
Вымает из цынгалища булатен нож,
Сам сидит-то Добрыня прираздумался,
Сам говорит таковы речи

Шьто пошла про ёго слава великая,
Великая эта славушка немалая
По всим городам, по всим украинам,
По тем-то ордам по татаровям;
Доходила эта славушка великая
Ай до славного города до Мурома,
До стары казака-та Ильи Муромца.

По Добрынюшкиной было да по учесьти:
Подвернулася у Илеюшки права ножочка,
Ослабла у Илеюшки лева ручушка;
Ишше пал-то Илеюшка на сыру землю;
Ишше сел тогда Добрыня на белы груди,
Сам он говорил ёму таково слово.

Таким образом, можно прийти к выводу, что былины, присланные И. Ф. Розановым в ОЛЕАиЭ, были записаны от Ф. Т. Пономарева.

Записанные А. В. Марковым старины составили сборник «Беломорские былины»,¹¹ куда вошли материалы его экспедиций на Зимний берег 1898 и 1899 гг. Результаты совместной экспедиции с А. Л. Масловым и Б. А. Богословским 1901 г. отражены в Трудах музыкально-этнографической комиссии¹² и в сборнике «Былины новой и недавней записи из разных местностей России».¹³ Кроме того, некоторые записи эпических текстов были опубликованы в других изданиях.¹⁴

В ходе экспедиций А. В. Марков познакомился с выдающимися сказителями А. М. Крюковой,¹⁵ Г. Л. Крюковым,¹⁶ 23-летней девушкой М. С. Крюковой¹⁷ и Ф. Т. Пономаре-

¹¹ ББ.

¹² ММБ-1. С. 11—158.

¹³ БННЗ. № 29, 43, 67, 68, 81. Запись текстов была выполнена Б. А. Богословским.

¹⁴ Марков А. В. Из истории русского былевого эпоса // Этнографическое обозрение. 1906. № 3—4. С. 44; Миллер В. Ф. Исторические песни русского народа XVI—XVII веков. Пг., 1915; Кадлубовский А. П. К истории русских духовных стихов о преподобном Варлааме и Иосафе // Русский филологический вестник. Варшава, 1915. № 2. С. 224—248. Мы перечислили прижизненные публикации А. В. Маркова и не указывали перепечатки былин в других изданиях. О поздних публикациях записей Маркова см. подробнее в работе: Азбелев С. Н. А. В. Марков и его Беломорское собрание // БСДС. С. 14—15.

¹⁵ В ББ тексты былин, исторических песен и духовных стихов, записанные от А. М. Крюковой и перенятые ей на Зимнем берегу, — это № 42—60. В «Трудах Музыкально-этнографической комиссии» ей принадлежат № 3 («Алексей, человек Божий»), а также № 6 («Алеша Попович убивает татарина») и № 7 («Женитьба Дюка Степановича»), № 21—33 представляют собой перепечатку начальных строк (10—15) из «Беломорских былин» (№ 62—65). К этим былинам А. Л. Масловым были записаны напевы. Духовный стих о Варлааме и Иосафе, опубликованный А. П. Кадлубовским, также был записан от А. М. Крюковой.

¹⁶ Г. Л. Крюкову принадлежат в ББ тексты под № 66—86, в ММБ-1 — № 16—20 и № 37 и 38, причем № 37 («Василий (Игнатъевич) Пьяница») — перепечатка № 77 из ББ, а № 38 — вновь сделанная запись того же сюжета, но, к сожалению, выполненная не до конца (40 стихов), затем следует помета: «Далее певец пел близко к записи, напечатанной в „Беломорских былинах“». Этот случай был проанализирован Т. Г. Ивановой в статье: Классические собрания былин в свете текстологии // Русская литература. 1982. №1. С. 141.

¹⁷ От М. С. Крюковой записаны тексты ББ под № 61—65. В ММБ-1 ей принадлежат № 3 («Алексей, человек Божий»), а также № 8 («Женитьба Пересмякина племянника») и № 9 («Рында»), № 34—36 представляют собой перепечатку из ББ (№ 62—65).

вым.¹⁸ А. В. Марков также записал былины от Анны Ивановны Васильевой,¹⁹ Дарьи Андреевны Поповой,²⁰ Власа Ивановича Чекалева,²¹ Федора Парфеновича Седунова,²² Ивана Прокопьевича Прыгунова,²³ Марьи Сергеевны Точиловой,²⁴ а также от Анны Пудовны Бурой и Анны Ивановны Лыткиной.²⁵

Собирателем отмечалось знание былин и у других сказителей. В полевых записях А. В. Маркова упоминается, например: «Жонка Настасья Андреевна Лыткина знает Дуная с Добрыней в черном шатре; Чурилушку; старой как жениться собирался; сер горяч камень; чудо чудное; нам не дорого не золото (Соловей-разбойник); Иван Годенович, 90 лет Андрей, Дюк»,²⁶ но записей от нее опубликовано не было.

В. Ф. Миллер, сравнивая записи А. В. Маркова и его предшественника И. Ф. Розанова, отмечал высокий профессионализм своего ученика. В предисловии к публикации материалов экспедиции 1898 г. В. Ф. Миллер писал, что «запись велась с голоса и с соблюдением всех особенностей местного говора».²⁷

Текстологический аспект полевой работы А. В. Маркова нашел отражение в статьях Т. Г. Ивановой «Классические собрания былин в свете текстологии»,²⁸ Ю. И. Смирнова «Эпические песни Карельского берега Белого моря по записям А. В. Маркова»,²⁹ а также был рассмотрен С. Н. Азбелевым в предисловии к подготовленному им переизданию «Беломорских былин» А. В. Маркова.³⁰

Исследователи выделяют следующие особенности записи и публикации текстов, собранных А. В. Марковым.³¹

Во-первых, это — фиксация одного акта исполнения в отличие от практики П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, которые делали запись фольклорного текста «со слов», а потом проверяли ее правильность «с голоса». С. Н. Азбелев замечает, что «собирает почти всегда записывал однократно — очевидно, в одних случаях с замедленного пения, в других — под диктовку; затем,

¹⁸ Федор Тимофеевич Пономарев: 6 текстов, записанных от него, были опубликованы в ББ № 91—96, в ММБ-1 два духовных стиха — «Василий Кесарийский» (№ 1) и «Встреча инока со Христом» (№ 2), былины и исторические песни № 10—15. В нумерации перепечатанных из ББ текстов произошла ошибка: в оглавлении сказано, что № 39 принадлежит Ф. Т. Пономареву и ему дается соответствие в ББ — № 85, который принадлежит Г. Л. Крюкову. А № 40, приписываемый А. И. Лыткиной в ММБ-1, соответствует № 95 ББ, принадлежащему Ф. Т. Пономареву. Следовательно, текст № 40 «Садко» записан от Ф. Т. Пономарева.

¹⁹ В ББ ей принадлежат № 87—89.

²⁰ В БСДС С. Н. Азбелевым опубликованы три текста, записанные Б. А. Богословским: № 144—146.

²¹ В ББ ему принадлежат № 97—106.

²² В ББ ему принадлежит № 107.

²³ В ББ ему принадлежит № 108.

²⁴ В ББ ей принадлежат № 109—111.

²⁵ В ББ им принадлежат № 112—116.

²⁶ ОР РГБ, ф. 160 (Марков А. В.), п. 9.3, л. 1 об.

²⁷ Миллер В. Ф. Новые записи былин в Архангельской губернии // Изв. Отд-ния рус. языка и словесности Имп. Академии наук. 1899. Т. 4, кн. 2. С. 661.

²⁸ Иванова Т. Г. Классические собрания былин в свете текстологии. С. 135—148.

²⁹ Смирнов Ю. И. Эпические песни Карельского берега Белого моря по записям А. В. Маркова // Русский фольклор. Л., 1976. Т. 16: Историческая жизнь народной поэзии. С. 115—135.

³⁰ Азбелев С. Н. А. В. Марков и его Беломорское собрание. С. 5—20.

³¹ Фонд ученого: ОР РГБ, ф. 160 (А. В. Марков). Характеристика фонда изложена в названной выше работе С. Н. Азбелева (Азбелев С. Н. А. В. Марков и его Беломорское собрание. С. 7—8).

если позволяло время, прочитывал свою запись исполнителю и с его слов вносил мелкие поправки, дописывая иногда строки, которые исполнитель случайно пропустил».³² Единственный случай сводного текста, отмеченный С. Н. Азбелевым, это былина «Михайло Игнатьевич» (ББ. № 76), принадлежащая Г. Л. Крюкову, который пропел ее дважды, а следовательно, и публикуемый вариант представляет собой «монтаж из двух фиксаций».

Во-вторых, отмечается выборочная, а не сплошная запись текстов. Кроме того, А. В. Марков не ставил целью исчерпать весь репертуар отдельного сказителя, а фиксировал только редкие, ранее не встречавшиеся варианты. Также он не практиковал повторную запись от того же исполнителя, хотя у него была такая возможность. Описывая метод работы собирателя в Карельском Поморье, Ю. И. Смирнов говорит: «Задача сплошного обследования его не интересовала. Ему нужен был не массовый, а самый интересный материал. Сталкиваясь с тем, что люди предлагали ему варианты уже записанных или не записанных им теперь, но „тривиальных“ для него песен, А. В. Марков сам отказывался от записи вариантов».³³ Т. Г. Иванова, отмечая прогрессивность методики записи собирателя, тем не менее ставит ему в вину тот факт, что «фольклорист не смог оценить всю текстологическую значимость повторных записей одного и того же сюжета от одного и того же исполнителя».³⁴ В ходе экспедиции 1901 г. А. В. Марков имел возможность произвести повторные записи от лучших сказителей Зимнего берега, но он лишь зафиксировал несколько первых строк былин, указав, что далее тексты близки к опубликованным вариантам в «Беломорских былинах».

Кроме того, Т. Г. Иванова, сравнивая полевые записи с опубликованными текстами, отмечает случаи редактуры, призванные «улучшить» текст: перестановка строк, не оговоренная в комментариях и связанная с восстановлением логики развития сюжета, пропуск рядом стоящих повторяющихся строк, унификация повторяющихся в одном тексте однотипных эпизодов, а также разнотипной в постановке ударений. С. Н. Азбелев предполагает, что не все случаи правки текста сделаны собирателем сознательно. Он пишет: «Среди рукописей А. В. Маркова не нашлось белых текстов, с которых производился набор записей, опубликованных собирателем. Это не позволяет определить, являются ли отличия от публикации полевых текстов только результатом редакторских правок самого собирателя или отчасти — результатом не выявленных им неточностей переписчиков».³⁵ Кроме того, исследователь указывает, что «общее <...> количество расхождений нередко достигает нескольких десятков в одном тексте».³⁶

Также исследователи отмечали различные способы сокращений слов и фиксации повторов. Т. Г. Иванова в качестве достоинств записи А. В. Маркова называет отсутствие «механического переноса повторяющихся эпизодов»,³⁷ замеченного ею в работе П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга.

³² Азбелев С. Н. А. В. Марков и его Беломорское собрание. С. 16. То же самое ранее отмечала и Т. Г. Иванова: «Полевые рукописи А. В. Маркова <...> фиксируют только один слой текста: собиратель не прибегал к методике повторного прослушивания былин, как это делали П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг. В отношении былин Маркова совершенно исключено наложение друг на друга текстов двух разных актов исполнения» (Иванова Т. Г. Классические собрания былин в свете текстологии. С. 141).

³³ Смирнов Ю. И. Эпические песни Карельского берега Белого моря по записям А. В. Маркова. С. 118.

³⁴ Иванова Т. Г. Классические собрания былин в свете текстологии. С. 141.

³⁵ Азбелев С. Н. А. В. Марков и его Беломорское собрание. С. 16.

³⁶ Там же.

³⁷ Иванова Т. Г. Классические собрания былин в свете текстологии. С. 141.

С. Н. Азбелев в преамбуле к републикации «Беломорских былин», перечисляя принципы его издания, указывает на то, что «собственные имена, некоторые слова и обороты, которые встречаются в одном тексте неоднократно, А. В. Марков первый раз приводил полностью, далее обычно — в сокращении (с опущением части слова, обозначением его одной буквой и т. д.)».³⁸ Этот же исследователь отмечает, что в былине Г. Л. Крюкова «Михайло Игнатьевич», напечатанной в «Былинах новой и недавней записи» под № 43, «из 273 строк более 60 имеют опущения начальных частиц и предлогов. (...) Это все тексты Г. Л. Крюкова, отображавшие его сказительскую манеру, которая была, очевидно, с меньшей точностью зафиксирована более ранними записями А. В. Маркова».³⁹ В полевых записях собирателя имеется сравнительное описание сказительской манеры верхнезолотицких исполнителей в отличие от манеры Г. Л. Крюкова: «В приеме пения верхнезолотицких сказа(те)лей и Крюкова замечена та разница, что первые начинают напев прелюдией, долго тянут „М“, а второй прямо приступает к стиху; он не употребляет частиц „тогда, де“, зато часто — „же“».⁴⁰

В ходе экспедиции 1934 г., предпринятой с целью проверки состояния эпической традиции в регионе, где до этого записывал былины А. В. Марков, В. П. Чужимов отмечал знание былин у потомков Ф. Т. Пономарева (Натали Федоровны Поповой и Дениса Павловича Бурого), Крюковых (М. С. Крюковой и Павлы Семеновны Пахоловой), а также у сказителей Тита Егоровича и Ивана Егоровича Точиловых, выучивших былины от лиц, не зафиксированных Марковым.

Согласно дневнику записей в Зимней Золотице, наиболее продолжительное время собиратель работал с М. С. Крюковой (с 7 по 20 августа), затем он совершил поездку в Верхнюю Золотицу (20—25 августа), а с 26 августа и по 5 сентября вновь вел записи от Марфы Семеновны Крюковой. Всего им было записано 39 былин и 4 духовных стиха. Из материалов В. П. Чужимова, записанных им на Зимнем берегу Белого моря, опубликовано было четыре текста, два из них были записаны от М. С. Крюковой («Князь Михайло» и «Гарвес»),⁴¹ остальные — от И. Е. Точилова («Камско побоище» и «Добрыня и Илья»).⁴²

В Рукописном отделе ИРЛИ хранятся присланные В. П. Чужимовым в Фольклорную секцию Института антропологии и этнографии 13 текстов, записанных от Марфы Семеновны Крюковой («Три поездки Ильи Муромца», «Алеша и сестра», «Алеша и Сбродовичи», «Женитьба Владимира», «Садко», «Орсенко», «Гарвес», «Князь Михайло», «Турицы», «Моряночка», «Оника и смерть», «Осада Соловецкого монастыря», «Иван, крестьянский сын», а также сведения о погребальных обычаях, образцы бытовой стилизации речи М. С. Крюковой под былины и фрагменты из «Александрии»), и, кроме того, 4 текста, записанные от Ивана Егоровича Точилова («Здунай», «Добрыня и Илья», «Соловецкий монастырь», «Камское побоище»), и биографическая справка о нем. Сохранился также дневник записей собирателя.⁴³

Эти материалы представлены как в рукописях, так и в машинописи. Машинописных копий нет для текстов, опубликованных в 1935 г., — «Князь Михайло» и «Гарвес», для духовного стиха «Оника и смерть» и исторической песни «Осада Соловецкого монастыря».

³⁸ Азбелев С. Н. А. В. Марков и его Беломорское собрание. С. 13.

³⁹ Там же. С. 14.

⁴⁰ ОР РГБ, ф. 160, п. 9.3, л. 1 об.

⁴¹ Чужимов В. П. Новые записи былин в Поморье // Советский фольклор. 1935. № 2—3. С. 119—151.

⁴² БПЗБ. № 141, 142. С. 455—461.

⁴³ РО ИРЛИ, р. V, кол. 72, п. 1, 2, 2d.

Автографы В. П. Чужимова представляют собой перебеленные тексты в тетрадах с правкой чернилами. Полевых записей В. П. Чужимова в фондах РО ИРЛИ не имеется.

В Государственном литературном музее также существует фонд В. П. Чужимова. В нем хранятся беловые автографы тех же записей, что и в РО ИРЛИ, за исключением записанных от М. С. Крюковой былины «Соломан», сказки «Ногай-птица» и исторической песни «Отбитие англичан от Соловецкого монастыря».⁴⁴

В. П. Чужимов отмечал манеру исполнения и степень устойчивости и владения текстом у сказителей. Например, о Денисе Павловиче Буром собиратель пишет: «...былин никогда до записи не исполнял в широком кругу, а лишь слушал и пропевал про себя. (...) Он пытался петь былины, но не смог. Текста былин полностью не знает, от стихов скоро переходит к устному рассказу, который преобладает над стихами»,⁴⁵ в отношении Ивана Егоровича Точилова фольклорист замечает: «...текст былин забывает, но не в такой мере, как Денис Павлович Бурый. Прозанческие отрывки по количеству гораздо меньше стиховых. Стих Ив(Ан) Ег(орович) вспоминает с трудом, но обязательно добивается точной его передачи, как слышал, т. е. относится к нему приблизительно так же, как мы относимся к тексту короткой хоровой песни или романса, избегая импровизации. Тексты он довольно хорошо исполняет в пении. К былине он относится с любовью и интересом, но петь стесняется».⁴⁶ Об исполнении «Моряночки» Натальей Федоровной Поповой он сообщает, что «сохранность текста хорошая, исполнение совершенно свободное».⁴⁷

В. П. Чужимов записывал былины и с голоса и со слов, но непонятно, просил ли он сказителя повторить былинку еще раз, как это делала А. М. Астахова. Опыта записи эпических текстов у молодого фольклориста до этого не было, хотя он и совершил самостоятельно несколько экспедиций.

Находясь в Воронеже, В. П. Чужимов получил от А. М. Астаховой авторский экземпляр «Советского фольклора» (1935. № 2—3) со своей публикацией. В ответном письме он пишет: «Уважаемая Анна Михайловна, высылаю еще список опечаток, закраившихся в текст былин, опубликованных в „Советском фольклоре“. Значительная часть, вероятно, является следствием моей неряшливости, т(ак) к(ак) я торопился и писать приходилось в трудных условиях. Находясь сейчас дома, я спешу сделать все максимально возможное, чтобы сохранить или исправить ранее произведенные записи. Вообще особенно точной с фонетической стороны мою запись признать нельзя. Я и не стремился к точной передаче, однако главнейшие черты говора М. С. Крюковой — отмечены. Особенности его: напластование черт мещанского книжного говора на севернорусской основе, заглушение исходно крестьянских северных черт. Так, у нее почти не ощущается цоканье. Оно довольно сильно, напр(имер), у Ив(ана) Ег(оровича) Точилова; особенно у женщин, у которых я записывал песни, несмотря на их связь с городом, цоканье выражено резко. Шепелявое С (я отмечаю его С(Щ)) встречается редко и, б(ыть) м(ожет), является плодом манерности произношения, т(ак) н(азываемого) сюсюканья. Фрикативное Г (h) также редко, и у М(арфы) С(еменовны), по-моему, тоже литературно-мещанская черта (имею в виду Г фрикативное в отдельных словах литературного происхождения, а не всюду в языке, где у М(арфы) С(еменовны) последовательно Г взрывное). Есть и черты аканья, гл(авным) обр(азом) в заударных слогах.

⁴⁴ ОР ГЛМ, ф. 9 (В. П. Чужимов), кп 50715/9, ед. хр. 1—9.

⁴⁵ Там же, ед. хр. 9, л. 8—8 об.

⁴⁶ Там же, л. 9.

⁴⁷ Там же.

Черты говора, т<аким> обр<азом>, находятся в полном соответствии со стилем мещанско-лубочной трактовки былинного наследства, что характерно для М<арфы> С<еменовны>. Добавлю, что они выявлены мною в первой же записи, когда весь репертуар еще не был известен и о следах о предвзятости не м<огло> б<ыть> и речи». ⁴⁸ К письму был приложен «Список главнейших опечаток и неправильностей в текстах былин, опубликованных в „Советском фольклоре“ № 2—3».

В «Гарвесе» В. П. Чужимов исправляет 68 строк (всего в тексте 2164 строки), в «Князе Михайло» 32 строки (из 923). Исправления касаются, как правило, ударений, пунктуации и ошибок в написании отдельных слов («Вгленул» вместо «взгленул», «тебя» вместо «тибя», «со другим» вместо «со драгим», «што иранский князь» вместо «што арапский князь», «князь отъедёт» вместо «Князь-от едёт»), пропусков строк собиратель не отмечает, пропуски слов незначительны.

Напечатано:

На семи верстах на семидесяти... («Гарвес»)
Пересмякин он и племянник («Князь Михайло»)

Следует:

На семи верстах,
Пересмякин он племянник

Так как автографы В. П. Чужимова в обоих архивах представляют собой беловые записи, при переписывании черновиков возникали трудности с прочтением текста. В этих случаях переписчик (а это мог быть сам собиратель или его жена) ставил точки, а потом вписывал вместо пропусков возможное прочтение слова другими чернилами.

При сопоставлении текстов можно сделать следующие наблюдения.

1) В копии текста, хранящейся в РО ИРЛИ, есть строки, пропущенные в экземпляре, poslanном в ГЛМ:

РО ИРЛИ

Не могли то моей да головы сказнить,
А разреши ты мне да слово вымолвить».
«Говори ка ты, Илеюшка да Муромец,
Говори ка тебе да што надобно».
«Не сдали мы проклятому Идолишшу
Своей земли да святоруськие.
Тогда выехали они из орды силы неверные:
Она лежит то всё орда сила неверная.
Они раскинули свои шатры полотнены,
Повалились отдыхать тогда уж.
Тут поехали они стали....

ГЛМ

Не могли то моей де головы сказнить,
А разреши ты мне де слово вымолвить:
«Говори-ка ты Илеюшка добрый молодец»
«Не сдали [?] то мы проклятому Идолишшу
Своей земли да святоруськие.
Тогда выехали они из орды-силы неверные:
Они раскинули свои шатры полóтнены,
Повалились отдыхать тогда уже.
Строки, с которой сказитель перешел на прозу,
в рукописи ГЛМ нет.

В одном случае В. П. Чужимов в копии былины из РО ИРЛИ отмечал пропуск строки, которую не смог восстановить. В тексте рукописи ГЛМ этот пропуск не отмечен:

РО ИРЛИ

Приезжает то ко князю ко Владимиру,
Он всходит то во гриню княженевскую без докладиду,
(забыл строку)
Просит то войну немедленно.

ГЛМ

Приезжает то ко князю ко Владимиру,
Он восходит то во гриню княженевскую без
докладина
Просит то войну немедленно.

⁴⁸ РО ИРЛИ, р. V, кол. 72, п. 1, № 21, л. 1—1 об. (Письмо от 23 апр. 1936 г.).

2) Различное прочтение полевых записей вызывает разное написание соответствующих слов:

РО ИРЛИ

Ко славну князю Владимиру.
Сильнии могущии бохатыри,
Вы да полённицы преудальные.
Говорил то князь Владимир во Зей разок,
А от младшего то *малого*⁴⁹ и ответу нет.
«Говори ка ты, Илеюшка да Муромец,
Его лошадушка очунь ретивая,
Посылает князь Владимир послов своих *скорых*⁵⁰

ГЛМ

Ко ласкову князю ко Владимиру.
Славные могучие бохатыри,
Все вы поленницы преудалые,
Говорил то князь Владимир во *третий канон*
А от младшего то *лицина* и ответа нет.
«Говори-ка ты Илеюшка *добрый молодец*»
Его лошадушка очень легкая,
Посылает князь Владимир послов своих

Различное написание слов или их пропуск связаны с трудностью прочтения полевой рукописи, как в случае со словом «малого/лицина», на месте которого в тексте РО ИРЛИ стояли точки, а поверх был написан вариант прочтения слова.

3) Текст, посланный к А. М. Астаховой, более точно и последовательно отражает диалектные особенности местного говора: отражается употребление *z* фрикативного, обозначенного у В. П. Чужимова буквой *h* (бохатыри, Уж ты *хой* еси), на месте которого в тексте рукописи ГЛМ стоит *z*, цоканье (поцестен пир, могущии бохатыри), энклитические частицы, принимающие на себя ту же гласную, которая стоит в окончании существительного (городу *ту*, дары *ти*).

В целом вариант былины из РО ИРЛИ точнее отражает фонетические особенности речи; запись текста из ГЛМ более упрощена и приближена к литературным нормам; приведем соответствия: Идóлишом — Идолишем, приежжает — приезжает, козака — казака, скорописцята — скоропищеты, денько — дёнечка.

Некоторые разночтения кардинально меняют смысл текста:

РО ИРЛИ

Мне не жалко то вора князя Владимира
Со бледью с Апраксией королевисной,
Мне *не* жалко-то в Киеви божьих церквей

ГЛМ

Мне не жалко-то вора князя Владимира
Со б..... со Апраксией-королевисной,
Мне-ка жалко-то во Киеви божьих церквей

Несмотря на то что беловая копия из архива ИРЛИ сделана более качественно, публикация двух былин, принадлежащих И. Е. Точилову, в сборнике «Былины Печоры и Зимнего берега» была выполнена по рукописи ГЛМ. При этом публикаторами не была произведена сверка текстов с имеющимися в их распоряжении записями В. П. Чужимова из РО ИРЛИ, не были восполнены пропуски строк и слов:

РО ИРЛИ

Говори ка ты, Илеюшка да Муромец,
Говори ка тебе да што надобно.

БПЗБ. № 141

«Говори-ка ты, Илеюшка *добрый молодец*»
(пропущена строка)

В комментариях не были даны шифры второй беловой рукописи. Разночтения с беловой записью ГЛМ незначительны и не касаются стилистической правки текста: Он пушшай то пишет

⁴⁹ Было многоточие, слово вставлено позднее.

⁵⁰ Пропущено слово — отточие, вместо которого этими же чернилами написано «скорых». В рукописи ГЛМ слова нет.

ярлыки да скорописцяты—Он пушшай то пишет ярлыки да скоропищеты, Со бледью с Апраксией королевисной, Со б..... со Апраксей-королевисной.

В архиве ГЛМ хранится список репертуара М. С. Крюковой, где обозначено местонахождение той или иной записи, утерянные тексты также отмечены.⁵¹ Напротив былины «Волга» стоит «пересылается Н. П. Андрееву».

В архиве Н. П. Андреева⁵² в первой описи за № 110 значится: «Черновые наброски, выписки, библиографические справки о песнях и былинах». Среди этих бумаг мной была обнаружена былина «Волга́ Светославьевич», не имеющая паспорта, однако в конце ее текста есть указание: «Слыхала от своего покрутчика Александра Ивановича Назарова, 22 лет, грамотного. А. И. Назаров убит „в германскую войну“». ⁵³ Почерк и сопоставление с сюжетом «Волга» № 40 из «Былин Крюковой»⁵⁴ подтверждают предположение, что это былина М. С. Крюковой, записанная В. П. Чужимовым. Но если в архиве Н. П. Андреева былина сравнительно небольшого объема — 157 строк, то в записи Э. Г. Бородиной-Морозовой и Р. С. Липец 1938 г. она разрастается до 745 строк.

Материалы экспедиции А. М. Астаховой, И. М. Колесницкой и М. А. Шнеерсон 1937 г. хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы.⁵⁵ Хотя экспедиция и задумывалась с целью произвести запись былин М. С. Крюковой, публикация этих текстов не была осуществлена. Былины, записанные в ходе этой поездки от других сказителей, вошли в сборник «Былины Печоры и Зимнего берега».⁵⁶

Текстологические вопросы в отношении собирательской и публикаторской деятельности А. М. Астаховой рассмотрены в статьях Т. Г. Ивановой «Классические собрания былин в свете текстологии»,⁵⁷ С. Н. Азбелева «О переиздании былин в записях А. М. Астаховой»⁵⁸ и В. И. Ереминой и В. И. Жекулиной «Практическая текстология былин».⁵⁹ Эти статьи посвящены анализу былин, содержащихся в сборнике «Былины Севера».⁶⁰

⁵¹ ОР ГЛМ, ФА, инв. 9/9, № 8. Арх 6422/2/11211, кп 50715/9/8 (Чужимов В. П. Список былин, духовных стихов, сказок, записанных в с. Зимняя Золотица в августе 1934 г. от М. С. Крюковой).

⁵² ОР РНБ, ф. 20 (Н. П. Андреев), № 110 (Черновые наброски, выписки, библиографические справки о песнях и былинах), л. 23—29 (Волга́ Светославьевич).

⁵³ Там же.

⁵⁴ Крюк. 1. С. 399—413.

⁵⁵ РО ИРЛИ, р. V, кол. 90 (Материалы беломорской экспедиции Фольклорной комиссии при Институте этнографии АН СССР 1937 г.), п. 1—3 — машинопись и дублеты машинописи; п. 4, № 1—17 — полевые записи (586 л.); п. 5, № 1—10 — тексты былин (30), записанных в приморском районе Арахгельской области (259 л.); п. 6, № 1—37 (А. М. Астахова, И. М. Колесницкая, М. А. Шнеерсон. Былин 8, плачей 7, сказок 39, частушек 29, заговоров 14, сказ, баллада, свадебный обряд).

⁵⁶ БПЗБ. По записям А. М. Астаховой были опубликованы тексты № 143—146 (от Анны Васильевны Бронниковой); № 151—152 (от Натальи Федоровны Поповой), № 156 (от Авдотьи Ивановны Седуновой); № 159—161 (от Тита Егоровича Точилова — эти тексты являются самозаписью исполнителя); кроме того, в сборнике опубликованы записи других участников экспедиции И. М. Колесницкой и М. А. Шнеерсон: № 139—140 (от Парасковьи Васильевны Онуфриевой); № 150 (от Натальи Федоровны Поповой); № 153—154 (от Ирины Захаровны Седуновой); № 155 (от Ульяны Михайловны Онуфриевой).

⁵⁷ Иванова Т. Г. Классические собрания былин в свете текстологии. С. 135—148.

⁵⁸ Азбелев С. Н. О переиздании былин в записях А. М. Астаховой // Русский фольклор. Л., 1991. Т. 26: Проблемы текстологии фольклора. С. 39—54.

⁵⁹ Еремина В. И., Жекулина В. И. Практическая текстология былин. С. 58—60.

⁶⁰ Аст. 1, 2.

Т. Г. Иванова сделала наблюдение, что из-за несовершенства техники записи в полевых материалах А. М. Астаховой имеются пропуски слов, в ряде случаев в публикации они отмечены, в других же случаях встречается «домысливание стиха». Кроме того, А. М. Астахова, как и А. В. Марков, исправляла нелогично изложенные сказителями фрагменты.

С. Н. Азбелев также отмечал «редакционные поправки, как бы „улучшающие“ былинные тексты, — в противоречии с тем, что было документировано полевыми записями».⁶¹

Одной из особенностей фиксации былин собирательницей было то, что «нередко Астахова работала с исполнителями двукратно: сначала записывала былинку со слов, а затем просила спеть ее, и в произведенной только что записи фиксировала отличия пропетого варианта от сказанного».⁶² Эту же двухслойность полевой записи А. М. Астаховой отмечала Т. Г. Иванова для былин П. И. Дидяевой, опубликованных в сборнике «Былины Севера».⁶³

А. М. Астахова в полевом дневнике Беломорской экспедиции 1937 г. в записи от 21 июля рассказывает о своей работе с М. С. Крюковой: «Когда после окончания ⟨нрзб 1 слово⟩ былины о Добрыне и Алеше, причем по моей просьбе конец был пропет дважды, я сказала: „Ну, М⟨арфа⟩ С⟨еменовна⟩, я совсем замучила тебя“, она сказала:

„Меня мучаешь ты мученьями великими,
Вот великими мученьями не малыма,
На то думаешь скорей старушку всё замучити,
Ты ведь хочешь меня скорей укончить то“».⁶⁴

Так как былины в исполнении М. С. Крюковой отличались растянутостью и нередко достигали нескольких тысяч строк, повторное прослушивание их было утомительно и для собирателя, и для исполнителя.

Былины от М. С. Крюковой А. М. Астахова записывала с пения («Илья Муромец поехал на заставы бохатырьской» в белой рукописи сопровождается примечанием собирателя: «Былина вся от начала до конца была спета. Записана сразу с голоса»⁶⁵) и со слов (например, текст «Про реку про Дарию» имеет комментарий собирателя: «...старину эту Крюкова не пела, а говорила, так как охрипла, и болело горло»;⁶⁶ былинку «Про отца Ильи Муромца» М. С. Крюкова «сказывала словами»⁶⁷). Случаи, когда сказительница меняла напев, переходила с пения на прозу или пересказывала сюжет, также фиксировались.

Иногда А. М. Астахова практиковала такой метод записи былины, при котором М. С. Крюкова пропевала текст, а потом собирательница прочитывала его и со слов исполнительницы вносила поправки:

⁶¹ Азбелев С. Н. О переиздании былин в записях А. М. Астаховой. С. 39—54.

⁶² Там же. С. 40.

⁶³ Иванова Т. Г. Классические собрания былин в свете текстологии. «В публикации два акта исполнения накладывались и получался сводный текст. Издание (речь идет о «Былинах Севера». — Н. К.) дает в принципе всегда спетый вариант. Но нет ни одного случая, где бы этот принцип оказался повсюду выдержан. В спетые варианты оказались введены (как правило, без оговорок) строки из вариантов сказанных, что дает в сущности „сводные“ тексты, далеко не во всем совпадающие с реально звучавшими» (С. 144).

⁶⁴ РО ИРЛИ, р. V, кол. 90, п. 6, № 34, л. 2—2 об.

⁶⁵ Там же, п. 5, № 1, л. 8 (Былины М. С. Крюковой (беловые записи)).

⁶⁶ Там же, л. 17 об.

⁶⁷ Там же, л. 20.

РО ИРЛИ, р. V, кол. 90, п. 5, № 1
Илья Муромец поехал на заставы бохатырьской
(беловая запись)

Мы не знаем про то не знам не ведаем,
Он куда куда поехал с лесов со брыньских,
Он ко реченьке ли к Муравленке.
Он к Дунай реке (глубокия),
Он на горы ли славны сорочински всё,
Он увез ли обратно в землю неверную,
Все ведь думал — он вернется с чиста поля
Во чисто поле
(Он приедет ко) заставы заставы славной
бохатырьской.

Как за⁶⁸

Как вернется (на заставу) бохатырь всё

РО ИРЛИ, р. V, кол. 90, п. 4, № 4
Илья Муромец поехал на заставы бохатырьской
(черновая запись)

Мы не знаем про то не знам не ведаем,
Он куда куда поеха с лесов со брыньских,
Он ко реченьке ли к Муравле.
Он к Дунай реч идет (глубокия), к из
Он на горы ли славны сороч все,
Он увез ли обратно в земл неверную,
Всё ведь думал он вернется с чиста поле
Во чисто поле
(Он приедет ко)⁶⁹ заставы заставы славной бохаты.

Как за см её г. ср. р. б.

Как вернется (на заставу)⁷⁰ бох в

А. М. Астахова так комментирует запись: «Былина вся от начала до конца была спета. Записана сразу с голоса. Слова в скобках вставлены исполнительницей при прочитке текста в места пропусков».⁷¹ Но, несмотря на то что восстановлены отдельные слова, имеются пропуски почти целых строк, по-разному оформленные в беловой рукописи, — прочерком или знаком вопроса на полях листа (118 и 107 в цитируемой былине). В полевой записи вставки не обозначены, имеются пропущенные или недописанные строки, непонятные слова подчеркнуты чернилами. Недописанные в полевой записи слова восстановлены в беловой рукописи без оговорок.

Такой способ записи был применен, кроме названного текста, также для былины «Никита Зелешанин»:⁷²

У реки (стоял да) призадумался,
А и сам с собой (растреложилса).⁷³

Но кроме восстановления пропусков по правке сказителя А. М. Астахова также и сама реконструировала недостающие фрагменты по памяти,⁷⁴ отмечая вставки квадратными скобками: «На пиру же он невежа не сидел [бы всё]»,⁷⁵ «Мой-от батюшко дарил [ее]»⁷⁶ — в былине «Никита Зелешанин», записанной от М. С. Крюковой.⁷⁷

⁶⁸ Перед строкой карандашом поставлен знак вопроса.

⁶⁹ В полевой записи надписано над строкой без скобок.

⁷⁰ В полевой записи непонятно, что слово вставлено, нет отличия ни в цвете карандаша, ни в выделении скобками.

⁷¹ РО ИРЛИ, р. V, кол. 90, п. 5, № 1, л. 8 (Былины М. С. Крюковой (беловые записи)).

⁷² Там же, л. 8—17.

⁷³ Там же, л. 10.

⁷⁴ В сноске к одному из текстов былин М. С. Крюковой Астахова замечает: «Былина вся от начала до конца была спета. Записана сразу с голоса. Слова в скобках вставлены исполнительницей при проверке. В скобках квадратных — реконструкция собирателем по памяти» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 90, п. 5, № 1, л. 17).

⁷⁵ Там же, л. 13.

⁷⁶ Там же, л. 15.

⁷⁷ С. Н. Азбелев, писал о системе скобок у А. М. Астаховой: «...в круглых скобках — все, что присутствовало только в спетом варианте, в квадратных скобках — отличия сказанного варианта» (Азбелев С. Н. О переиздании былин в записи А. М. Астаховой. С. 41).

Иногда, прослушав полностью весь текст, А. М. Астахова просила М. С. Крюкову пропеть еще раз начало или конец былины, отмечая при записи расхождения:

РО ИРЛИ, р. V, кол. 90, п. 5, № 1,
л. 8—17 («Никита Зелешанин»)

Ездил у нас Илья Муромець
А он ездил всё по дальним странам,
Ай по иным странам по чужим землям,
А и он ездил по всем городам иностранным

Сноска А. М. Астаховой:
«Вариант начала»

Поехал он из чиста поля,
По всем странам по иностранным

Так как текст былин у М. С. Крюковой был неустойчив (в записанном А. М. Астаховой варианте начала былины не повторяется ни одна строчка и появляется «чисто поле», которого не было в первом), то при повторном исполнении было невозможно внести правку в ранее записанный текст.

В полевых записях от Анны Васильевны Бронниковой, достаточно небольшого объема, также не отразился второй акт исполнения. Покажем это на примере былины «Иван Горденович»:

РО ИРЛИ, р. V, кол. 90, п. 4, № 17, л. 2—7

К-о солнышко ко западу и ко з́акату
Тогда у В-ера пир собираетця,
Вси бояра и хрестьяна н́а пир съехалисе,
Все садились за дубовыя столы,
Все хр-на и бояра повь́пили,
Повыпили, приросхвасталис.
Умной-от хвастат до-ым к-ём,
А безу-от " м. женой.
А В-ер-к. по гривенке похаживает,
А тросточкой по полу побрякивае,
А русыма кудрями принатряживае.
А сидел один Иванушко Гордёнвич,
Он не пьет, не ест, ничем не хвастает.
А В-ер-от поднялся к И-ушко:
«Что же ты, И-ушко, не пьешь, не ешь,
Не п., не ешь, ничем не хвастаешь?»
Разве тебе, И-ушко, место не по вотчины,
Старой над тобой надсмехаитце,
А младой " " наругаетце?»
— «Блаослови-ко-тко, дядюшка, слово молвити.
Место-то мне по вотчины,
С-ой надо мной не над-це,
А м-ой " " не нар-це,
А все-то у нас во городе поженены,
А кр-ы-ти девушки у нас повьданы».
— «А ты женись-ко, И-ушко, где те хочетце,
Ты бери-тко з-ой к-ы, сколько надобно».
— «Мне не надо-тко, дядюшка, твоя з-а к-а,
А женитьця я буду у ц-ща В-иша
На душечке Ов-тье б-ой л-ди.
Грозностью возьму я княжецкою,

БПЗБ. № 144

Красно солнышко ко западу и ко з́акату,
Тогда у Владимира пир собираетця,
Вси бояра и хрестьяна н́а пир съехалисе,
Все садились за дубовыя столы,
Все хрестьяна и бояра повь́пили,
Повыпили, приросхвасталис.
Умной-от хвастат добрым конём,
А безумной хвастат молодой женой.
А Владимир-князь по гривенке похаживает,
А тросточкой по полу побрякивае,
А русыма кудрями принатряживае.
А сидел один Иванушко Гордёнвич,
Он не пьет, не ест, ничем не хвастает.
А Владимир-от подходит к Иванушко:
«Что же ты, Иванушко, не пьешь, не ешь,
Не пьешь, не ешь, ничем не хвастаешь?»
Разве тебе, Иванушко, место не по вотчины,
Старой над тобой надсмехаитце,
А младой над тобой наругаетце?»
— «Блаослови-ко-тко, дядюшка, слово молвити.
Место-то мне по вотчины,
Старой надо мной не надсмехаитце,
А младой надо мной не наругаетце,
А все-то у нас во городе поженены,
А красны-ти девушки у нас повьданы».
— «А ты женись-ко, Иванушко, где те хочетце,
Ты бери-тко золотой казны, сколько надобно».
— «Мне не надо-тко, дядюшка, твоя золота казна,
А женитьця я буду у цариша Вахрамеишиша
На душечке Овдотье белой лебеди.
Грозностью возьму я княжецкою,

А силоцькой возьму бог-ою».
Только видели И-ушка как собираетце,
А не " " овой поездочки,
Во ч-ом поле курева стоит.
Приезжат И-ушко к царицу В-щу,
А входит " в по-ты белок-ы,
Кланяетце И-ушко н-о о землю.

А силоцькой возьму богатырскою».
Только видели Иванушка как собираетце,
А не видели Иванушковой поездочки,
Во чистом поле куревá стоит.
Приезжает Иванушко к царицу Вахрамешцу,
А входит Иванушко в полаты белокаменны,
Кланяетце Иванушко низко ó землю.

В полевой записи А. М. Астахова пользовалась системой сокращений («Красно» — «К-о», «Владимер» — «В-ер», «п.» — «пъет» в вышестоящей строке) и отражения повторов (под повторяющимися словами она ставила знак повтора). В публикации по сравнению с полевой записью имеются такие различия. Во-первых, пропущена частица «от» («А безумной-от хвастат молодой женой»), как редакторскую правку можно рассматривать исправление слова, улучшающее смысл: в полевой записи: «Хотела зарубить у И-ушка б-у г-у», опубликовано: «Хотела срубить у Иванушка буйну голову». Во-вторых, наблюдается упрощенное отражение диалектных особенностей, которое оговаривается публикаторами в предисловии: не отражено *z* фрикативное «тогда — тогда», отмечается литературное написание личных окончаний глаголов («приезжат—приезжает», «садилса—садился», «женилсе—женился», «пришол—пришел», не отражено прогрессивное смягчение согласных («во-перьвых—во-первых»).

В экспедиции 1937 г. А. М. Астахову сопровождали две студентки ЛИФЛИ и участницы фольклорного кружка — Ирина Михайловна Колесницкая и Мария Анатольевна Шнеерсон. Былины в их записи вошли в издание «Былины Печоры и Зимнего берега». ⁷⁸ В Рукописном отделе ИРЛИ хранятся только машинописные тексты былин, по которым нами проводилась сверка с опубликованными текстами.

В 30-е гг. XX в. практика индивидуальных экспедиций сменяется групповой работой. Техника записи, применяемая в это время, описана Ю. М. Соколовым в «Заметках о фольклорной экспедиции 1926—1928 гг.», она «была обычно такова: в первой поездке двое писали первую половину строки, немного переходя за цезуру, двое других — вторую половину, начиная немного раньше цезуры». ⁷⁹

Поэтому за неимением полевых рукописей можно предположить, что студентки использовали такую технику записи.

Однако заметим, что Ю. М. Соколов представлял московскую школу фольклористов, а М. К. Азадовский — ленинградскую, к тому же И. Колесницкая и М. Шнеерсон, будучи студентками ЛИФЛИ, посещали его семинар. В методическом указании «Беседы фольклориста» М. К. Азадовский так говорит о коллективной работе: «При такой поездке вполне возможно планомерное разделение труда: один, гл(авным) обр(азом), записывает песни, другой — сказки, третий обращает внимание на обрядовую поэзию и т. д.». ⁸⁰ Кроме того, он указывает, что «некоторые сказочники совершенно не умеют рассказывать „под запись“ и ведут рассказ чрезвычайно

⁷⁸ БПЗБ. В их записи были опубликованы 6 текстов, перечисленные выше.

⁷⁹ Соколов Ю. М. Заметки о фольклорной экспедиции 1926—1928 гг. // Онежские былины / Под ред. Ю. М. Соколова, В. И. Чичерова. М., 1948. С. 7—8.

⁸⁰ Азадовский М. Беседы собирателя: О собирании и записывании памятников устного творчества применительно к Сибири. Иркутск, 1924. С. 42.

быстрым темпом и тогда само собой целый ряд особенностей произношения останется неотмеченным. В таких случаях (...) лучше пользоваться общепринятой орфографией».⁸¹

Текстологические особенности подготовки издания записей И. М. Колесницкой и М. А. Шнеерсон показаны на примере баллады «Моряночка», записанной от Ульяны Михайловны Онуфриевой.

По разночтениям, отмеченным в текстах машинописи и опубликованном варианте, можно сказать, что общая тенденция правки заключается в добавлении диалектных черт, которых нет в машинописи в отличие от записей А. М. Астаховой: детишша—дйтишша, осенняя—осённяя, вси-то—вси-ти, стрещай-ко-се—стрещей-ко-се, зятелка—зётелка, родиму-тут—родиму-то, пуще тут—пуще-ту.

В других случаях, более редких, диалектные черты в опубликованном тексте по сравнению с машинописным сняты: поедим—поедем, плачёт—плачет, взростела—взростила. Это может быть связано с принятыми в издании нормами.

Пропуск слов в 71-й строке отмечен, но не восполнен ни в машинописи, ни в публикации. Авторская пунктуация не соблюдается, в одном случае знак, поставленный в публикации, несколько изменяет смысл первоначального текста:

РО ИРЛИ, р. V, кол. 90, п. 2, № 89
«Моряночка», запись от У. М. Онуфриевой.
И. М. Колесницкая и М. А. Шнеерсон

БПЗБ. № 155

Только нет у нас любимого-то как зятелка,
Только зятелка любимого племенничка.

Только нет у нас любимого-то как зётелка,
Только зётелка, любимого племенничка.

«Только зётелка, любимого племенничка», в машинописном тексте запятая не стоит, и подхват можно интерпретировать как «зятелка любимого (смотри вышестоящую строку) племянничка».

В поездке 1934 г. В. П. Чужимов записал от сказителя Тита Егоровича Точилова две былины: «Женитьба Владимира» («Дунай») и «Добрыня и Алеша» («Добрыня на свадьбе жены»).⁸² Кроме того, собиратель отмечал у него знание таких текстов, как «Бой Ильи Муромца с Соловьем-разбойником», «Святогор и Илья Муромец» и «Садко». В очерке «Народнопоэтическое творчество в с. Зимняя Золотица» В. П. Чужимов отмечал, что Т. Е. Точилон «былинныи тексты (...) записывает, но записей своих он не показал».⁸³

Во время экспедиции 1937 г. в Зимнюю Золотицу под руководством А. М. Астаховой Т. Е. Точилон уезжал по делам из деревни и обещал прислать собирательнице свои записи. А. М. Астахова в биографической заметке о сказителе замечает: «С 1938 г. стали (...) поступать письма с записями былин. Всего переслал он 4 текста былин в следующем порядке: „Илья Муромец и Соловей-разбойник“, „Калин-царь“, „Исцеление Ильи Муромца“ и уже в середине 1939 г. — „Добрыня в отъезде“».⁸⁴ А. М. Астахова говорит о книжном происхождении первых двух былин — «они оказались воспроизведением, но не точным, текстов сборника Кирши Данилова (Кирша Данилов, № 49 и 25)»,⁸⁵ остальные два текста исследовательница относит к устной

⁸¹ Там же. С. 48.

⁸² Записи не были опубликованы и не сохранились.

⁸³ ОР ГЛМ, ф. 9 (В. П. Чужимов), кп 50715/9, № 9, л. 9 об.

⁸⁴ БПЗБ. С. 485.

⁸⁵ Там же.

традиции.⁸⁶ В издании «Былины Печоры и Зимнего берега» представлены три текста, присланные Т. Е. Точиловым: «Илья Муромец, исцеление и выезд на подвиги» (№ 159), «Добрыня Никитич и Алеша Попович» (№ 160) и «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (№ 161). Последняя былина происходит из сборника Кириши Данилова, но А. М. Астахова помещает ее с оговоркой, что в этот текст «внесены более значительные изменения по сравнению с источником».⁸⁷

Об особенностях явления самозаписи сказителя рассуждает Т. Г. Иванова: «Точность фиксации фольклорного текста в таких случаях свидетельствуется самим народным певцом. Самозаписи исполнителей интересны также тем, что сказители — в подавляющем большинстве своем полуграмотные крестьяне, — руководствуясь фонетикой, а не правилами орфографии, неизбежно отражали диалектные формы речи данного региона. Однако не следует забывать, что всякая самозапись сказителя есть результат его внутренней диктовки. (...) В такой ситуации естественный процесс звучания фольклорного произведения, присутствующий лишь в сознании записывающего словесный текст исполнителя, претерпевает некоторые изменения».⁸⁸ При этом не существует никаких правил в отношении публикации текстов, записанных самими носителями традиции, хотя в фольклористике активно изучаются парафольклорные явления, используются термины, такие как «письменный фольклор», «наивная литература», «бытовая письменность» и пр. При этом публикаторские принципы в издании подобного рода текстов зачастую не оговариваются.⁸⁹

Покажем особенности публикации самозаписи былин Т. Е. Точилова на примере былины «Добрыня Никитич и Алеша Попович».

Недостаточная грамотность автора проявляется в непоследовательном, а зачастую неправильном употреблении *ь* после шипящих (плечь, не воротишса, Никитичь, поедеш) и в окончаниях глаголов (Оживит-то вместо оживить-то), в неумении отличить приставку от предлога и частицы (гости на пивалисе, содного), в неправильном использовании *й* (Отмыкаи-ко мой да золоты ларцы). Кроме того, имеют место недописанные слова и пропущенные буквы. В издании такого рода ошибки отражены в виде восстановленной буквы в квадратных скобках (По наигрышкам Добрынюшк[и] Никитич[а]), но не во всех случаях (не укол—не уколол, чесых гостей—чесных гостей, втчины—вотчины и др.).

Из серьезных упущений стоит отметить пропуск строк, сделанный, видимо, случайно:

ИРЛИ, р. V, кол. 90, п. 6, № 30, л. 2—3 об.

БПЗБ. № 160

Прошло тому да уж три года

Прошло тому да уже три года —

Нет Добрынюшки из чиста поля,

Нет Добрынюшки из чиста поля,

Вот прошло тому да уж и шесть годов

⁸⁶ В. П. Чужимов в экспедиции 1934 г. записывал от Т. Е. Точилова былины и отмечал его свободное владение текстом и их устную трансляцию; в статье о народнопоэтическом творчестве с. Зимняя Золотица он писал: «От него записаны № 1 „Добрыня и Алеша“ («Добрыня на свадьбе жены» № 2), „Женитьба Владимира“. Исполняет он их в пении совершенно свободно, сохранность стиха такая же, как у Натальи Федоровны Поповой, тексты былины несколько укорочены и психологизированы по содержанию. Исполняет он былины самому себе, как лирическую песню, б(ольшей) ч(астью) во время рыбной ловли. Перенял былины от Лыткина Дмитрия Федоровича из Инцов, у которого был работником. Былинные тексты он записывает, но записей своих он не показал. Кроме сказанных мне знает еще: 3) „Бой Ильи Муромца с Соловьем-разбойником“, 4) „Святогор и Илья Муромец“, 5) „Садко“» (ГЛМ, ф. 9 (В. П. Чужимов), кп 50715/9, № 9, л. 9 об.).

⁸⁷ БПЗБ. С. 485.

⁸⁸ Иванова Т. Г. Специфика фольклористической текстологии. С. 19.

⁸⁹ «Наивная литература»: Исследования и тексты / Сост. С. Ю. Неклюдов. М., 2001.

Нет Добрыни из чиста поля

Вот прошло тому да уж двенадцать лет

Нет Добрыни из чиста поля.

Вот прошло тому да уже двенадцать лет —

Нет Добрыни из чиста поля.

Разночтения, кроме того, наблюдаются в отдельных словах, что также не связано с редакторской правкой, а с ошибками переписчика или наборщика:

ИРЛИ, кол. 90, п. 6, № 30, л. 2—3 об.

БПЗБ. № 160

Ты сыграй-ко-се, калика перехожая,
По наигрышкам, калека перехожая,
По насвистышкам Добрынюшк Никитичь».

Ты сыграй-ко-се, калика перехожая,
По наигрышкам, калека перехожая,
По наигрышкам Добрынюшк[и] Никитич[а]».

К редакторской правке можно отнести пропуск при публикации частиц, предлогов и местоимений, а также их варьирование: *А* как во славном *во* городе во *Киеве*—*Как* во славном *в* городе во *Киеве*; *Оживит-то* нам князя *да* со княгинею—*Оживить-то* нам князя со княгинею; *Он* свою *ли* буйну голову повесил—*Он* свою буйну голову повесил; *Та* пошла да принесла *ему* полтретьяста стрел—*Та* пошла да принесла полтретьяста стрел; *Прошло* тому да *уж* три года—*Прошло* тому да *уже* три года; *Вот* прошло тому да *уж* двенадцать лет—*Вот* прошло тому да *уже* двенадцать лет.

Таким образом, во время экспедиции 1937 г. А. М. Астахова не применяла способ фиксации текста, при котором записанный со слов вариант поверялся по пению, в связи с этим и уровень публикации в «Былинах Печоры и Зимнего берега» стал значительно выше, чем в «Былинах Севера».

А. М. Астахова тщательно фиксировала особенности произношения, часть которых была снята при публикации, но при этом студенческие записи И. М. Колесницкой и М. А. Шнеерсон, напротив, в издании восполнены диалектными чертами, не отразившимися в записи, что недопустимо в научной публикации текстов. Кроме того, А. М. Астаховой были опубликованы самозаписи былин Т. Е. Точилова, но исследователь при этом не оговаривает, каким образом эти тексты были подготовлены к печати и приведены в соответствие с нормами, принятыми в издании.

Тексты, записанные Э. Г. Бородиной-Морозовой и Р. С. Липец на Зимнем берегу Белого моря, можно разделить на два типа. К первому типу относятся материалы Северной экспедиции Государственного литературного музея 1937 г. и записи былин от М. С. Крюковой в Москве в 1938 г., они представляют собой совместные записи двух собирателей, сделанные по методике, практикуемой Ю. М. Соколовым в экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга» в Заонежье.

Особенности такой записи отмечены самим Ю. М. Соколовым,⁹⁰ а также Т. Г. Ивановой,⁹¹ В. И. Ереминой и В. И. Жекулиной⁹² на материале Онежских былин. Рукописей, отражающих

⁹⁰ Совместная запись двумя или тремя участниками экспедиции имела ряд преимуществ. Ю. М. Соколов отмечал, что при такой записи не надо было останавливать исполнителя или просить петь помедленнее, «точный и хороший текст можно получить от сказителя только тогда, когда сохранены условия привычного, естественного исполнения». «Коллективная запись сама по себе, конечно, тоже более надежная, чем единоличная. Только по коллективной записи убеждаешься в том, как индивидуально субъективно бывает иногда восприятие собирателя. Нередко у нас возникали горячие споры относительно отдельных звуков и даже слов» (Соколов Ю. М. Заметки о фольклорной экспедиции 1926—1928 гг. С. 7—8).

⁹¹ Иванова Т. Г. Классические собрания былин в свете текстологии. Текстологию записей Заонежской экспедиции автор рассматривает на материале записей В. И. Чичерова (см. с. 143—144).

⁹² Еремина В. И., Жекулина В. И. Практическая текстология былин. С. 60—68.

совместную запись Э. Г. Бородиной-Морозовой и Р. С. Липец былин Зимнего берега, не было обнаружено. В архиве ГЛМ хранятся машинописные тексты с правкой, частично опубликованные в «Былинах М. С. Крюковой».⁹³

Ко второму типу относятся индивидуальные записи, выполненные теми же собирателями (Р. С. Липец 1937 г.,⁹⁴ Э. Г. Бородиной-Морозовой 1938 г. и последующих лет⁹⁵).

«Былины М. С. Крюковой», куда вошли тексты, записанные в 1937 и 1938 гг. (совместно и индивидуально), снабжены текстологической заметкой, в которой говорится, что «при записи текстов былин мы пользовались умеренной фонетической транскрипцией, т. е. отмечали только особенности, не совпадающие с литературным произношением; при подготовке же былин к печати нами были сделаны по указанию редакции дополнительные упрощения транскрипции для того, чтобы облегчить читателю усвоение текста. В печатных текстах не отмечается бóльшая, чем в литературном языке, мягкость обеих согласных перед смягчающей гласной (например, «спустьил», «радосъти»), за исключением „вьсе“, „вьсѣ“, „кньязь“, так как эти слова сказительница произносит двояко: начальная согласная звучит то твердо, то мягко. Не отмечается также бóльшая твердость шипящих (например, «жив», «шытый»), но долгое *ш* вместо *щ* отмечено; *г* фрикативное в начале слова, которое принято обозначать через *г*, обозначается для удобства чтения обычным *г* (например, «готец», «гони», «гочи»). Не отмечена краткость гласных».⁹⁶ Кроме того, «в былинах, записанных совместно, начало каждой строки записано Р. Липец, а конец строки Э. Бородиной».⁹⁷

Среди былин, собранных в ходе Северной экспедиции ГЛМ на Зимнем берегу в 1937 г., рукопись сохранилась для былины «Садко Новгородский», записанной Р. С. Липец⁹⁸ от М. С. Крюковой. Текст был опубликован во втором томе «Былин М. С. Крюковой» (№ 78).⁹⁹ Это объясняется с тем, что былина находилась среди материалов Р. С. Липец, связанных с рыболовным и морским промыслами.

При сравнении автографа Р. С. Липец с опубликованным текстом наблюдаются следующие особенности. Прежде всего стоит отметить, что некоторые недописанные или пропеты неправильно, а затем поправленные М. С. Крюковой строки Р. С. Липец соединяла с последующей строкой, т. е. позволяла себе правку текста, не оговаривая ее в комментариях:

⁹³ ОР ГЛМ, ф. 240, № 46—61 (Былины М. С. Крюковой, записи Э. Г. Бородиной-Морозовой и Р. С. Липец, 1937 г.); ф. 238 (Былины М. С. Крюковой, записи Э. Г. Бородиной-Морозовой и Р. С. Липец, март 1938 г. Машинопись с правкой).

⁹⁴ РГАЛИ, ф. 1477, оп. 1, № 74 («Садко»).

⁹⁵ РО ИРЛИ, р. V, кол. 146. Полевые записи былин в основном сосредоточены в папке № 19.

⁹⁶ Крюк. 1. С. 707.

⁹⁷ Там же. С. 718. В отношении Онежской экспедиции В. И. Еремина и В. И. Жекулина отмечают, что Э. Г. Бородина записывала последнюю часть стихов и «записывала текст былин целиком с неизбежными при такой методике записи пропусками» (Еремина В. И., Жекулина В. И. Практическая текстология былин. С. 62, 64, 67).

⁹⁸ Датировка былины по «Дневнику записей от М. С. Крюковой» и по комментарию к былине — 31 августа 1937 г., в рукописи проставлена дата 30 августа.

⁹⁹ Кроме былин М. С. Крюковой Р. С. Липец осуществила публикацию текстов, записанных от П. В. Ануфриевой («Иван Горденович» и «Княгиня девяти годов»), а также былин «Садко», записанную от М. С. Крюковой В. П. Чужимовым (см.: Неопубликованные тексты северных былин / Публ. под ред. Р. С. Липец // Славянский фольклор: Материалы и исследования по истории народной поэзии славян. М., 1951. С. 211—241).

РГАЛИ, ф. 1477, оп. 1, № 74 «Садко»

Все в Нове городе
 Призаслушались народ да люди добрые
 Как тогда цариця то белорыбиця,
 Она с ним то спрошталасе
 Распришталасе с ним не
 Снимала с руки правой да золотой перстень,
 Вы спускайте ко во чисто син
 Морюшко боцьку то чиста серебра

Крюк. II № 78 «Садко Новгородский»

Все в Нове городе призаслушались народ да люди добрые
 Как тогда цариця-то Белорыбиця,
 Она с ним-то спрошишталасе
 Снимала с руки правой да золотой перстень,
 Вы спускайте-ко во морюшко боцьку-то
 чиста сѣребра

Также к редакторской правке, недопустимой в научном издании, можно отнести пропуски слов или их замену с целью улучшить текст:

РГАЛИ, ф. 1477, оп. 1, № 74 «Садко»

Вдовиныч сын он был непочетный жа был
 Как пошел тогда ко свои чернёны кáрабли,
 Как пошел тогда да во сини моря

Крюк. II. № 78 «Садко Новгородский»

Вдовиныч сын он был непочетный жа
 Как пошел тогда на свои чернёны кáрабли,
 Он пошел тогда да во сини моря

Недописанные слова в рукописи встречаются нечасто (как не наблюдаются сокращения и переносы повторяющихся фрагментов, поэтому, скорее всего, Р. С. Липец записывала былинку со слов), но при этом в публикации окончания слов восстановлены без оговорок: «горю» (в полевой записи)—«горюч» (в публикации), «Говорила ту цариця» (в полевой записи)—«Говорила тут цариця» (в публикации).

В отношении написания отдельных слов стоит отметить случаи упрощения фонетики и снятия некоторых диалектных черт, которые были отмечены в полевой записи: богастъвеца (полевая запись)—богаствица (публикация), тебе (полевая запись)—тебе (публикация), посад/тьских-то (полевая запись) — посадьских-то (публикация), Они/ы (полевая запись)—оны (публикация).

Также при сравнении обоих текстов заметна унификация орфографии, когда по-разному произнесенные слова (что фиксирует полевая запись) в публикации пишутся одинаково: «посадьцким», «посацьким» — в рукописи, «посадыцким» — в обоих случаях в публикации; «Вдовинович», «Вдовиныч» — в рукописи, «Вдовинович» — в публикации.

Но кроме упрощения фонетики наблюдается и обратный процесс — ее усложнение по сравнению с рукописью:

РГАЛИ, ф. 1477, оп. 1, № 74 «Садко»

Как в одну пору-то в одно времечко
 На пированьици у князя у новгородского
 Распрошался, приростужился

Крюк. II № 78 «Садко Новгородский»

Как в одну пору-то, в одно времечко
 На пированьици у князя у новгородского
 Распрошишался, приростужилсе

Отмеченное в опубликованном тексте цоканье, не отраженное в автографе Р. С. Липец, может быть связано с тем, что в записях Э. Г. Бородинной-Морозовой, также вошедших в сборник «Былины М. С. Крюковой», эта диалектная черта произношения М. С. Крюковой отмечается последовательно.

Однако крупных изменений, перестановок или пропуска строк в приведенном нами тексте мы не заметили. Правка, внесенная при публикации, по всей видимости, была призвана облегчить восприятие текста читателями, о чем говорилось в текстологической заметке к былинам.

Как уже отмечалось выше, совместные записи Э. Г. Бородиной-Морозовой и Р. С. Липец вошли в два тома «Былин М. С. Крюковой». За неимением полевых записей можно отметить только разночтения в машинописном тексте (сводном варианте совместной записи двух собирателей) и в публикации.

Для примера возьмем былинку «Женитьба Добрыни Никитича»,¹⁰⁰ опубликованную в первом томе «Былин М. С. Крюковой» под № 26.

Архивный документ из рукописного отдела ГЛМ представляет собой машинопись (иногда машинопись под копировальную бумагу) с правкой. Текст «Женитьбы Добрыни Никитича» исправлен Э. Г. Бородиной-Морозовой, ею были расставлены знаки препинания и ударения, вписаны пропуски слов и исправлены опечатки.

С полной уверенностью можно сказать, что в «Былинах М. С. Крюковой» текст публиковался с учетом правки Э. Г. Бородиной, отмеченной в машинописи.

Публикация выполнена добросовестно, восстановленные по смыслу слова помещены публикаторами в круглые скобки («(У) короля-то всё пошло же у Никулина»), не отмечается пропуск или перестановка строк. Есть не связанные с правкой с целью улучшить текст пропуски отдельных слов, предлогов и частиц:

ГЛМ, 66—17, п. 47, № 240

А мне не надобна невеста *не* из Резанюшки
Я поеду ей искать *ише* во чистом поли
А и становил-то тут Добрынюшка *белой* шатёр
Вот левой рукой ведь *и* палицю похдватыват
А и вот во Киеви *живи* тогда с Добрынёю
Вот как *жили* короля-то тут Никулина

Крюк. I. № 26

А мне не надобна невеста из Резанюшки
Я поеду ей искать *ее* во чистом поли
А и становил-то тут Добрынюшка шатёр
Вот левой рукой ведь палицю похдватыват
А и вот во Киеви тогда с Добрынёю
Вот как *жил* у короля-то тут Никулина

Разночтения в написании отдельных слов отмечаются в случаях нивелировки диалектных особенностей (ездыть—ездить, госьти—гости, горьницы—горницы, съмелосьти—смелости, землю-ту—землю-то, смотрял—смотрел).

Записи Э. Г. Бородиной-Морозовой выполнены профессионально. Полевые записи традиционных текстов могут быть использованы (и использовались) в академических изданиях произведений фольклора. Черновики «новин», «пропеваний», «плачей» и мемуаров М. С. Крюковой также точно фиксируют устную речь сказительницы, но при публикации эти тексты подвергались сильной редакторской правке.

Произведения эпических жанров фольклора были записаны Э. Г. Бородиной-Морозовой также от других зимнезолотицких сказителей,¹⁰¹ но во время исполнения былин односельчанами всегда присутствовала М. С. Крюкова. Ее влияние и известность подавляли сказителей: она пере-

¹⁰⁰ ОР ГЛМ, 66—17, п. 47, № 240 (Былина. Женитьба Добрыни Никитича. Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец. 12 сент. 1937 г.). См. полевые записи в тетр. № 36. Обложка к папке подписана Бородиной, пометы, в каких тетрадах искать полевые записи, есть на всех машинописных копиях текстов. Но, к сожалению, в ОР ГЛМ и в РГАЛИ, куда была передана часть материалов Литературного музея, разыскать полевые записи мы не смогли.

¹⁰¹ Э. Г. Бородиной-Морозовой удалось записать былины от Павли Семеновны Пахоловой, сестры М. С. Крюковой, знание былин у которой отмечали А. В. Марков и В. П. Чужимов, а также от другой сестры Серафимы Семеновны Крюковой и от племянницы М. С. Крюковой — Пелагеи Васильевны Негадовой. Кроме того, были записаны тексты от сказителей, не принадлежащих к роду Крюковых — от Анны Васильевны Стрелковой, Елизаветы Васильевны Субботиной, Григория Михайловича Плакуева и Серафимы Яковлевны Седуновой.

бывала исполнение, делала замечания, а после того как информант прекращал петь, пропевала тот же текст по-своему. Вот как об этом сказано в предисловии к «Былинам Печоры и Зимнего берега»: «В 1937 г. нельзя было при ней (М. С. Крюковой. — Н. К.) и заикнуться о знании былин кем-либо из золотичан. Записывать былины от других сказителей приходилось украдкой от нее. (...) В 1938 г. началась запись от Пахоловой, М. С. Крюкова, постоянно присутствуя при записи, настороженно и даже, можно сказать, ревниво внимала тому, что пела ее сестра. (...) Когда в 1939 г. производилась запись от А. В. Стрелковой, Марфа Семеновна не отходила от сказительницы, когда та пела былины. (...) Во время исполнения былин Павлой Семеновной не раз затевался спор между сестрами, как правильнее спеть то или иное место былины. При этом Пахолова, хоть и признавала авторитет старшей сестры в былинном сказительстве, отстаивала свое право на самостоятельность».¹⁰² При публикации текстов споры между М. С. Крюковой и сказителями по поводу исполнения былины отмечены не всегда: «М(арфа) С(еменовна): „Эрна Георгиев[на] у ей не выйдет по-моему”. П(авла) С(еменовна): „У тебя своё, а меня своё”».¹⁰³

В сборник «Былины Печоры и Зимнего берега» были включены тексты, записанные от жителей Зимней Золотицы, былины М. С. Крюковой, повторно зафиксированные Э. Г. Бородиной-Морозовой, в академическое издание не вошли. Редакторы тома так обосновывают это: «Былины М. С. Крюковой в том не вошли, так как основная часть ее эпического творчества напечатана».¹⁰⁴

Полевые записи Э. Г. Бородиной-Морозовой не отражают повторной фиксации текста, замеченные исправления и вставки сделаны по ходу записи. Собирательница не использовала сокращения, в рукописи нет недописанных и пропущенных слов, также отсутствуют механические переносы, и повторяющиеся рядом стоящие слова она записывала заново. Но при этом почерк собирательницы часто трудночитаем.

При сравнении полевых записей Э. Г. Бородиной-Морозовой с опубликованными текстами в «Былинах Печоры и Зимнего берега» наблюдаются значительные расхождения. В первую очередь это относится к пропускам и перестановкам фрагментов.

В былине П. С. Пахоловой «Глеб Володьевич» есть перестановка фрагмента, который сказительница вспомнила и исполнила позднее. В опубликованном варианте — это строки 103—115. Но так как былины к публикации готовила Э. Г. Бородина-Морозова, а комментарии писала А. М. Астахова, то эта особенность не была отмечена. Причем вставка была сделана после ремарки М. С. Крюковой, которая присутствовала во время исполнения былины сестрой: «Что ты, что ты, неужели же сразу ругаться стал. Разве князь не знал, каки обычи были у кнезьей? Ничего ты не знаешь, а поёшь. Она со стены подавала, а не из терема. Он еще с ней разговаривал как с барышней, ише замуж хотел брать, а только потом <нрзб 1 слово>, как <нрзб 1 слово> ему подала». Далее в рукописи читаем: «П(авла) С(еменовна) вспомнила, когда князь поехал, то говорит дружиночке»¹⁰⁵ и следует вставка.

Второй случай пропуска фрагмента былины при публикации, на наш взгляд, связан с редакторской правкой, проясняющей смысл эпизода:

¹⁰² Былинная традиция Печоры и Зимнего берега в последнее двадцатипятилетие // БПЗБ. С. 41.

¹⁰³ РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 321 («Глеб Володьевич», зап. от П. С. Пахоловой). Вставка при исполнении отражена в полевой записи.

¹⁰⁴ Предисловие // БПЗБ. С. 7.

¹⁰⁵ РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 320.

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 311—321, 322—332

(П. С. Пахолова «Глеб Володьевич»)

А что же чашше лесу-ту?

*А что же чашше лесу-ту?**А у нас во славной матушке да в каменной Москве*

Светет светёл месяць млад от чашше лесу да часты звездочки

А чаше лесу часты звездочки.

БПЗБ. № 107

(П. С. Пахолова «Глеб Володьевич»)

А что же чашше лесу-ту?

А чаше лесу часты звездочки.

Третий пропуск сделан, видимо, по невнимательности,¹⁰⁶ так как представляет собой традиционную формулу, встречающуюся в других вариантах этого сюжета:

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19,

л. 407—453—452 об.

(П. С. Пахолова «Про Дюка Степановича»)

Как у Елены у Косьтентиновны, улицы всё хорошия,

*Иише мосты-ти у её паланы очунь пречудныя**А и как обиды-ти сукнами отрочима заморьскимя**И не замарашь не то сапожечок нигде сафьянных**М-м замарошь негде ж шубочки соболиною*

А и как у вас-то всё во городе во Киеви

БПЗБ. № 105

(П. С. Пахолова «Про Дюка Степановича»)

Как у Елены у Костентиновны, улицы всё хорошие,

А и как у вас-то всё во городе во Киеви

Во многих случаях наблюдаются случайные на первый взгляд пропуски строк. Можно отметить, что не вошедшие в опубликованный текст стихи зачастую повторяют по смыслу предшествующую строку, в чем можно заподозрить редакторскую правку:

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 903—919

(П. С. Пахолова «Петровици-Сбродовици»)

А правой рученькой Алешенька помахивал:

*А правой ноженькой Алешенька потаптывал:**«Ах вы Петровици, братья Сбродовици**«Уж вы ой еси, да вы братьца всё Петровици,**Вы Петровици братьца Сбродовици*

Не губите-ко вы своей рódной сéстрицы

БПЗБ. № 108

(П. С. Пахолова «Петровици-Сбродовици»)

А правой рученькой Алешенька помахивал:

*«Ах вы Петровици, братья Сбродовици**Уж вы ой еси, да вы братьца всё Петровици,*

Не губите-ко вы своей рódной сéстрицы

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19,

л. 815—822 об.—812 об.

(П. С. Пахолова «Козарушко Петровиць»)

Брал Козарушко коня за повód правой реченькой,

*Ы-ы да подавали ему платьё да богатырьское**Подавали ему да латы богатырьские*

М-м тут садилсе Козарушко Петровиць млад.

БПЗБ. № 110

(П. С. Пахолова «Козарушко Петровиць»)

Брал Козарушко коня за повод правой реченькой,

Да подавали ему платьё да богатырьское

Тут садилсе Козарушко Петровиць млад.

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 939—975

(П. С. Пахолова «Марута Богуслаевна»)

А и уж ты ой еси, мой ты премладой ты царевиць же!

БПЗБ. № 116

(П. С. Пахолова «Марута Богуслаевна»)

А и уж ты ой еси, мой ты премладой ты царевиць же!

¹⁰⁶ Случайно пропущены строки также в прозаическом пересказе былины Г. М. Плакуева «Дюк Степанович»: «Приезжает он во Индигу богатую. А надоехал он до Индиги богатою» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 16, л. 569—575 «Дюк Степанович», зап. от Г. М. Плакуева, 1940 г.).

писи было: „И дай мне людей *ратных*” (ИРЛИ, к. 6, п. 8, ед. хр. 9, л. 38). В чистовом варианте: „И дай мне людей *ратных (разных?)*” (ед. хр. 4, л. 15). Собирательница сомневалась в последнем слове. В печатном тексте возникла такая версия стиха: „И дай мне людей *рабочих*”». ¹⁰⁸ Также на примере записей А. М. Астаховой С. Н. Азбелев приводит такой факт: «В ⟨...⟩ тексте № 33 (Былин Севера. — Н. К.) стих 87 в полевой записи содержал слово, переданное сокращенно: „прав-ую”; такой способ сокращения применялся А. М. Астаховой в ее полевых записях при фиксации былин с пения повсеместно, в белой рукописи все сокращенные этим способом слова написаны полностью, с добавлением опущенных в середине букв. В данном случае раскрытие сокращения из контекста, казалось бы, достаточно ясно: „за веру православную”. Однако обозначенные в полевой записи прочерком буквы оказались ничем не восполнены в белой рукописи: здесь читается „правую”, так же как в издании». ¹⁰⁹ Возможно, такую сознательную или бессознательную правку текста, связанную с идеологическими причинами, отражает и запись былины Э. Г. Бородиной-Морозовой.

Как указывалось выше, на записи былин от других сказителей часто присутствовала М. С. Крюкова. В издании ее ремарки отмечены только при исполнении былин сестры сказительницы — С. С. Крюковой. Но в полевых записях можно найти не указанные в публикации комментарии и споры исполняющей былины П. С. Пахоловой с критикующей ее М. С. Крюковой. Например, в былине «Петровичи-Сбродовичи» после пропеты Павлой Семеновной строки «И пресильней Алешенька премудрой-от» Марфа Семеновна заметила: «Ты хошь богатыря [нрзб 1 слово из 5 букв], был Алеша славно русьской богатырь». ¹¹⁰ В былине «Про Илью Муромца, как он был, жил и родился» П. С. Пахолова пропела: «Ише жил-то был боярин Иван да свет Тимофеевич-свет», после чего М. С. Крюкова вставила замечание: «„Не ладно, бабушка, поёшь, не боярин, а хресьян”. Пахолова ответила: „Нет боярин”». В той же былине не отмечены другие ремарки Марфы и ответы Павлы: «М⟨арфа⟩ С⟨еменовна⟩: „Я пою да по-простому, а ты по-сложному”; М⟨арфа⟩ С⟨еменовна⟩: „Они [калики] не пива пришли просить, а милостины”. П⟨авла⟩ С⟨еменовна⟩: „Нет пива. У каждого попа свой устав. Я так пою, а ты по-другому”». ¹¹¹

Кроме пропусков стихов в опубликованных в БПЗБ текстах золотицких былин, записанных Э. Г. Бородиной-Морозовой, отмечается пропуск или неправильное написание слов:

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 340—345
(П. С. Пахолова «Про царя Кудряенка»)

И подходил-то тут царь да Кудряенко-то,
Кудряенко царь *подходил* да всё немилосьливой

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 936—938
(П. С. Пахолова «Про петуха и лисицу»)

А услыхала-то *лесицька*, што *петушок* сидел

БПЗБ. № 97

(П. С. Пахолова «Про царя Кудряенка»)

И подходил-то тут царь да Кудряенко-то,
Кудряенко царь да всё немилосьливой

БПЗБ. № 115

(П. С. Пахолова «Про петуха и лисицу»)

А услыхала-то *лесицинька*, што *петух* сидел

¹⁰⁸ Иванова Т. Г. Классические собрания былин в свете текстологии. С. 145.

¹⁰⁹ Азбелев С. Н. О переиздании былин в записях А. М. Астаховой. С. 48—49.

¹¹⁰ РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 903—919 («Петровичи-Сбродовичи», зап. от П. С. Пахоловой, 1940 г.).

¹¹¹ Там же, л. 856 об.—853 об. («Про Илью Муромца, как он был жил и родился», зап. от П. С. Пахоловой, 1939 г.).

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 939—975
(П. С. Пахолова «Марута Богуслаевна»)

А уж я дам строку я вам *только* на три денёчика

БПЗБ. № 116
(П. С. Пахолова «Марута Богуслаевна»)

А уж я дам строку я вам *ровно* на три денёчика

Часто встречаются пропуски слов «всё», «ведь», «же», «то», таких случаев очень много, поэтому не будем приводить их. Указанные выше разночтения не связаны с умыслом редактора, а сделаны по недосмотру и из-за торопливости в подготовке тома.

Из других отличий полевой записи от опубликованных текстов можно назвать случаи, связанные с принятыми в издании нормами публикации. Э. Г. Бородина-Морозова в полевой записи фиксировала начальные «М-м», «Э-э», «Ы-ы». В издании обозначение этих звуков часто снималось:

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 923—935
(П. С. Пахолова «Про царя Кудреянка»)

А он ко князю-ту шел да ко Владимиру,
М-м ко Владимиру ко князю Святослаевичу.
М-м ше сам-то он, собака царь Кудреянко-то.

БПЗБ. № 97
(П. С. Пахолова «Про царя Кудреянка»)

Он ко князю-ту шел да ко Владимиру,
Ко Владимиру ко князю Святослаевичу.
Ешше сам-то он, собака царь Кудреянко-то.

Ударения в публикации текстов не всегда отражают полевую запись и часто проставлены в тех словах, где в рукописи их нет, но в основном сохранены знаки препинания. Кроме того, наблюдается унифицирующая правка орфографии и снятие диалектных особенностей, которые нами уже отмечались для записей А. М. Астаховой, опубликованных в сборнике БПЗБ.

Можно отметить и такой недостаток подготовки издания: имея в распоряжении несколько вариантов былины от одного сказителя, публиковался, на взгляд редактора сборника (А. М. Астаховой в первую очередь), лучший или более ранний вариант.¹¹² Как уже указывалось выше, не были учтены беловые записи В. П. Чужимова, хранящиеся в РО ИРЛИ. Былины П. В. Ануфриевой были изданы по записям И. М. Колесницкой и М. А. Шнеерсон 1937 г., хотя существовали более поздние варианты 1944 г., зафиксированные Э. Г. Бородиной-Морозовой.¹¹³

В комментариях к сборнику не было отмечено существование более ранней записи былин от А. В. Стрелковой. Публикация производилась по материалам экспедиции Э. Г. Бородиной-Морозовой 1939 г. Однако раньше личного знакомства сказительница прислала фольклористке несколько былин, которые были записаны ее сыном. В письме Э. Г. Бородина-Морозова просит А. В. Стрелкову: «Попросите кого-нибудь написать мне письмо и укажите, пожалуйста, всех богатырей, кого вспомните».¹¹⁴ В ответном письме А. В. Стрелкова благодарит собирательницу: «...Вы меня не забываете и считаете, как нужно от меня получить старинной талант старых песен. (...) Посылаю в этом письме песенку про Моряночку».¹¹⁵ Кроме «Моряночки», Стрелкова прислала текст баллады «Князь 90 лет» («Князь, княгиня и старицы»).

Самозапись исполнителя ярко проявилась в попытках М. С. Крюковой записать свои произведения. В архиве Э. Г. Бородиной-Морозовой находится несколько вариантов новины, а также сказка «Царевна-лебедушка».

¹¹² Хотя как преимущество издания публикаторы отмечают: «Из былинных же записей включаем в настоящий том, помимо целостных текстов, все записанные фрагменты, хотя бы состоящие всего из нескольких стихов: для общей картины состояния былинной традиции они представляют определенный интерес» (БПЗБ. С. 7).

¹¹³ РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 787 об.—798 об.

¹¹⁴ Там же, п. 14.4, л. 22.

¹¹⁵ Там же, п. 14.5, л. 18—21.

Н. Г. КОМЕЛИНА

ИСТОРИЯ СОБИРАНИЯ БЫЛИН ЗИМНЕГО БЕРЕГА
БЕЛОГО МОРЯ

С созданием Русского географического общества и Губернских статистических комитетов в середине XIX в. происходит активизация краеведческой деятельности в провинции и возрастает роль местных периодических изданий. Фольклорно-этнографические материалы из Архангельской губернии появляются на страницах местных «Архангельских губернских ведомостей», а также в столичной периодике: в «Отечественных записках», «Москвитяине», «Северной пчеле» и в «Московских ведомостях». В 1840—1850-е гг. публикуются первые записи эпических текстов из Онежского и Шенкурского уездов Архангельской губернии.¹

Песенно-эпические записи И. Ф. Розанова. Первые записи былин на Зимнем берегу Белого моря относятся к 1860-м гг. Они вошли в состав второй части «Материалов по этнографии русского населения Архангельской губернии» П. С. Ефименко.² В сборнике П. С. Ефименко напечатано 10 былин: 4 текста записаны в Мезени политическим ссыльным Александром Маркеловичем Никольским;³ 6 текстов получены от священника Нижней Зимней Золотицы «Владимерца Розанова» («Вл. Розанова»). В докладе на заседании Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете 22 декабря 1874 г. и в предисловии ко второй части «Материалов» Н. Д. Квашнин-Самарин отмечает, что опубликованные П. С. Ефименко былины «довольно близки по складу к олонецким, представляя, однако, легкие отличия в языке и некоторые особенные выражения. Самый рассказ иногда уклоняется от общепринятых олонецких преданий, но разница выходит только в частностях».⁴

В «Материалах по этнографии русского населения Архангельской губернии» помещены следующие старины, записанные священником Розановым в с. Зимняя Золотица: про Добрыню Никитича и Илью Муромца (сюжет «Поединок Ильи Муромца с Добрыней Никитичем»), про Владимирову свадьбу («Дунай-сват»), про Иванушку Годинова («Иван Годинович»), про Дюка Степанова («Дюк Степанович»), про Илью Муромца («Илья Муромец и Соловей-разбойник»), про Василья Окульева («Царь Соломан и Василий Окулович»). Былины были впоследствии перепечатаны В. Ф. Миллером и Н. С. Тихонравовым в книге «Русские былины старой и новой записи».⁵

¹ Илья Муромец : Народная сказка // Москвитянин. 1843. № 11. С. 7—16 (текст былины, записанной Н. Борисовым в Шенкурском уезде); Былина про Владимировых богатырей Данилу Игнатьевича и сына его Михайлу // Памятники и образцы народного языка и словесности : Прибавления к Изв. Имп. Академии наук по Отд-нию рус. языка и словесности. СПб., 1854. (Тетр. 3). Стб. 273—279 (запись А. Верецагина в Онежском уезде).

² Ефименко. С. 10—25. См. рецензию на 2-ю часть «Материалов»: *Розанов Н.* [Рец.] // Архангельские губернские ведомости. 1878. 21 июня (3 июля). № 49. С. 5.

³ О нем см.: *Разумова А. П.* Из истории русской фольклористики. М.; Л., 1954. С. 102—108; *Дранникова Н. В., Иванова Т. Г.* Никольский Александр Маркелович // Русские фольклористы : Биобиблиогр. словарь. Пробный выпуск / Отв. ред. Т. Г. Иванова, А. Л. Топорков. М., 2010. С. 194—196.

⁴ *Квашнин-Самарин Н. Д.* О былинах, содержащихся в сборнике П. С. Ефименка // Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 2. С. 1. Автор сравнивает архангельские былины с записями П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга в Олонекской губернии.

⁵ Т.—М. С. 9—14, 60—63, 115—121, 172—176, 246—254, 283—289.

Несколько слов скажем об Иоанне Федоровиче Розанове (именно таково его имя) — первом собирателе фольклорно-этнографических материалов на Зимнем берегу Белого моря.⁶ Известно, что он прислал в Архангельский губернский статистический комитет рукописное описание Зимнего берега. П. С. Ефименко воспользовался этими материалами в разных своих работах. В первой части сборника «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии»⁷ по рукописи И. Ф. Розанова перечислены все населенные пункты Зимнего берега с указанием их местоположения, происхождения названий и ходом заселения местности; дана информация о сельских постройках, утвари и посуде, одежде и обуви; приведено описание свадебного обряда жителей Зимней Золотицы. Отметим, что И. Ф. Розанов не отмечает невежества и суеверия своих прихожан, не говорит о предрасположенности населения к старообрядчеству, как это делают другие собиратели-священники, рукописями которых воспользовался П. С. Ефименко. В записках И. Ф. Розанова нет оценок, они фактографичны и описательны.

Материалы И. Ф. Розанова, собранные на Зимнем берегу, вошли и в другие труды П. С. Ефименко: в «Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии»⁸ и в его работу «Заволоцкая чужь».⁹ К сожалению, напечатанные отрывочно в разных разделах книг П. С. Ефименко богатые сведения И. Ф. Розанова теряются среди информации по другим уездам Архангельской губернии.

Биография И. Ф. Розанова воссоздана нами по периодическим изданиям Архангельской губернии, при этом учтены «Архангельские губернские ведомости» (1850—1890-е гг.), «Архангельские епархиальные ведомости» (1888—1890-е гг.), а также издания Архангельской епархии.

Наиболее подробную информацию предоставляет некролог духовника Архангельской духовной семинарии священника Иоанна Федоровича Розанова, опубликованный в неофициальной части «Архангельских епархиальных ведомостей» в 1894 г., фрагмент из которого приводим ниже:

«В субботу 23 апреля около 2-х часов дня скончался духовник Архангельской духовной семинарии, свящ. И. Ф. Розанов. Покойный был уроженец Владимирской губ., сын священника. Воспитание получил во Владимирской Духовной Семинарии, где и кончил курс в 1852 г. По вызову духовного начальства Архангельской епархии был определен в 1855 г. Преосвященным Антонием в Мудьюжский приход Арх(ангельского) у. Перемещенный в 1856 г. в Зимнезолотицкий приход, покойный был вместе назначен учителем и законоучителем Золотицкого сельского училища Министерства Государственных имуществ, каковую должность проходил почти до конца 1867 г. В конце этого года о(тец) Иоанн был переведен в Хаврогорский приход Холмогорского у., где и оставался до 15 января 1891 г., когда Преосвященным Александром был перемещен на должность духовника Семинарии. С 1874 г. покойный состоял законоучителем Хаврогорского училища Министерства народного просвещения, а с 1876 г. — Благочинным 3-го Холмогорского благочиния. В последнее же время жизни о(тец) Иоанн состоял членом Епархиального

⁶ О И. Ф. Розанове см.: *Комелина Н. Г.* 1) О первых записях былин на Зимнем берегу Белого моря : Иоанн Розанов как собиратель фольклора // *Рябининские чтения-2007. Материалы V Междунар. науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера.* Петрозаводск, 2007. С. 313—317; 2) Розанов (псевд. Владимирец Розанов) Иван (Иоанн) Федорович // *Русские фольклористы.* С. 200—202.

⁷ *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1877. Ч. 1.

⁸ Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии / Сост. П. С. Ефименко. Архангельск, 1869. Кн. 1.

⁹ *Ефименко П. С.* Заволоцкая чужь. Архангельск, 1869. С. 15.

свечного завода и членом совета женского Епархиального училища. За ревностное прохождение пастырского служения покойный был награжден, кроме камилавки и наперсного креста, орденом св. Анны 3-й степени».¹⁰

Другим документом, проливающим свет на биографию И. Ф. Розанова, служит «Формулярный список о службе духовника Архангельской духовной семинарии священника Иоанна Розанова»,¹¹ обнаруженный в Государственном архиве Архангельской области. Список был составлен в мае месяце 1894 г. протоиереем Александром Орловым:

«Духовник Архангельской духовной семинарии, священник Иоанн Федорович Розанов, шестидесяти трех лет от роду, состоит кавалером ордена Св. Анны 3-й степени. Жалованья получает 500 р. в год.

Воспитание получил во Владимирской духовной семинарии и окончил полный курс наук с аттестатом 2-го разряда — в 1852 году июля 15 дня. В 1855 году сентября 17 дня Антонием, епископом Архангельским и Холмогорским, рукоположен в сан священника в Мудьюжский приход Архангельского уезда. 1856 г(ода) марта 7-го по распоряжению Епархиального начальства переведен в Зимнезолотицкий приход того же уезда. Того же года 17 декабря определен учителем и законоучителем Золотицкого сельского училища М(инистерства) Г(осударственных) Имуществ, каковую должность и проходил до 17 ноября 1867 года. 1858 года 17 ноября в память войны 1853—1856 гг. награжден светлою бронзовою медалью на Андреевской ленте и бронзовым наперсным крестом на Владимирской ленте. 1867 года ноября 17 дня, по своему прошению, переведен в Хаврогорский приход Холмогорского уезда. 1863 года 25 марта, за отличное поведение и примерную ревность в прохождении своих обязанностей, награжден набедренником. 1868 года 14 мая получил благословение Святейшего Синода. 1870 года 11 апреля, за ревностную и усердную службу, при весьма хорошем поведении, Высочайше награжден скуфьею. 1874 года 5-го ок-

¹⁰ Духовник семинарии, священник Иоанн Федорович Розанов : (Некролог) // Архангельские епархиальные ведомости. Ч. неофиц. 1894. 15 мая. № 9. С. 244—246. Из других источников по биографии И. Ф. Розанова можно назвать следующие.

1) Список приходов и церквей Архангельской епархии с подразделением их на благочиния, и благочинных и священно-церковно-служителей, с указанием адреса их местожительства. Приложение к «Архангельским епархиальным ведомостям» за 1888 г. Архангельск, 1889. Из списка следует, что священник по фамилии Розанов к 1888 г. был переведен из Зимнезолотицкого прихода (на 1888 г. здесь значится Андрей Дмитриев) на должность благочинного 3-го благочиния Холмогорского у., одновременно являясь священником Предтеченской и Михайло-Архангельской (в д. Пескогорской) церквей (С. 14).

2) Обзорение Архангельской епархии в 1888 г. // Архангельские епархиальные ведомости. Ч. офиц. 1888. № 9—10. С. 98—104. В описании Хаврогорского прихода Холмогорского у. указано, что законоучителем при сельском одноклассном министерском училище состоит «приходской священник Розанов, с вознаграждением за законоучительство по 100 р. в год. Книг по преподаванию Закона Божия при училище достаточно. Классный журнал занятиям законоучитель ведет исправно» (С. 104).

3) Список сельских, министерских и общественных училищ Архангельской губ. (составленный в марте 1889 г.) // Архангельские епархиальные ведомости. 1889. 1 апр. № 7. С. 121—124. По списку законоучителем в Пескогорском училище Холмогорского у. значится свящ. Розанов.

4) Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1894. Вып. 1: Уезды Архангельский и Холмогорский. И. Розанов к 1894 г. уже является духовником в церкви Архангельской духовной семинарии во имя св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова: «С 15 января 1891 г. (...) место предоставлено священнику Хаврогорского прихода Холмогорского уезда Иоанну Розанову (из воспитанников Владимирской духовной семинарии вып. 1852 г.), состоящему в должности и по настоящее время» (С. 112).

¹¹ Государственный архив Архангельской области, ф. 7, оп. 1, № 764.

тября — определен законоучителем Пескагорского сельского училища М(инистерства) Н(ародного) Просвещения. За отлично усердную службу Всемилостливейше награжден орденом Св. Анны 3-й степени. Резолюцией его Преосвященства, от 15 января 1891 года за № 195, определен на должность духовника семинарии. По избранию Архангельского Епархиального съезда духовенства, бывшего в январе 1891 года, состоял в течение трехлетия членом комитета Архангельского Епархиального свечного завода. По избранию Архангельским Епархиальным съездом духовенства, бывшим в январе 1891 года и декабре 1893 г. состоял членом Совета женского Епархиального училища.

Женат на дочери Протоиерея Анне Васильевой». ¹² В этом же документе названа дата смерти И. Ф. Розанова — 23 апреля 1894 г.

Следовательно, исходя из приведенных документов, можно исправить неточности, допущенные авторами вступительной статьи к сборнику «Былины Печоры и Зимнего берега»: ¹³ записи былины были произведены не в 1870-е, как указано в издании, а в 1860-е гг., так как И. Ф. Розанов был переведен из Зимнезолотицкого в Хаврогорский приход в 1867 г. По документам уточняется имя и отчество собирателя — Иоанн Федорович Розанов. Подпись «Владимирец Розанов», помещенная под былинами в сборнике П. С. Ефименко, связана с происхождением собирателя (он был уроженцем Владимирской губернии). Документы устанавливают годы жизни И. Ф. Розанова. Некролог датирует его смерть 23 апреля 1894 г. «Формулярный список о службе духовника Архангельской духовной семинарии священника Иоанна Розанова», составленный в год его смерти, позволяет назвать и примерную дату его рождения. В списке говорится, что он «шестидесяти трех лет от роду», следовательно, год его рождения — 1831.

Сведения об образовании и семье И. Ф. Розанова можно найти в «Истории Владимирской духовной семинарии» Н. Малицкого. В списке выпускников значится: «Розанов Иван, 1852 (год окончания семинарии — *Н. К.*) Федорович, II (разряд. — *Н. К.*), 32 (номер в общем разрядном списке. — *Н. К.*), П. (первое отделение. — *Н. К.*)». ¹⁴ Среди выпускников 1822 г. находим Федора Розанова (возможно, это отец И. Розанова): с 1824 г. он назначен священником с. Кинобола, с 1829 г. переведен в с. Бережка Юрьевского у., а в 1862 г. уволен за штат. ¹⁵

Будучи священником в зимнезолотицком приходе, И. Ф. Розанов собирал по программе, распространенной Архангельским губернским статистическим комитетом, материалы по этнографии и народной словесности у своих прихожан. А. В. Марков в биографической заметке о Верхнезолотицком сказителе Федоре Тимофеевиче Пономареве пишет: «Лет 25 тому назад он служил старостой при Верхнезолотицкой церкви и, будучи большим приятелем покойному священнику Ивану Розанову, нередко пел ему „былины“». ¹⁶ Если верить А. В. Маркову, то былины были записаны в 1874 г. Тогда священником, которому пел старины Ф. Т. Пономарев, не мог быть И. Ф. Розанов, переведенный в Хаврогорский приход в 1867 г. Скорее всего, указание на «25 лет» дано приблизительно с погрешностью в десять лет. По всей вероятности, деятельность И. Ф. Розанова по сбору этнографических материалов на Зимнем берегу продолжалась до перевода его в 1867 г. в другой приход.

¹² Там же.

¹³ Былинная традиция Печоры и Зимнего берега в последнее двадцатипятилетие // БПЗБ. С. 35.

¹⁴ Малицкий Н. История Владимирской духовной семинарии : В 3 вып. М., 1902. Вып. 3. С. 226.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ББ. С. 473.

И. Ф. Розанов был деятельным и активным пастырем. За время его службы в Зимнезолотском приходе была построена (и через несколько лет сгорела) церковь в Верхней Золотице: «...однопрестольная (церковь. — Н. К.) во имя Рождества Богородицы, была построена в виде креста в 1857 году на казенную сумму с небольшим вспомоществованием от прихожан и сгорела в ночь с 19 на 20 июля 1864 г.»¹⁷ «Иждивением прихожан» в 1855—1859 гг. в Нижней Зимней Золотице была построена вторая церковь. «Освящение церкви совершено 1860 г. 5 июля (...) при участии местного священника Иоанна Розанова».¹⁸ В период, когда священником Зимнезолотского прихода был И. Ф. Розанов, литургия проводилась регулярно.

В 1867 г. по собственному желанию, напомним, он был переведен в Хаврогорский приход, а затем и в Архангельск. После перевода в губернский город имя И. Ф. Розанова все чаще упоминается на страницах «Архангельских епархиальных ведомостей» (1892—1894): он вносил пожертвования на различные нужды,¹⁹ произносил проповеди (в качестве духовника семинарии).²⁰ В № 12 «Архангельских епархиальных ведомостей» за 1893 г. помещена речь И. Ф. Розанова, приуроченная к посещению семинарии епископом Архангельским и Холмогорским Никанором.²¹

Таковым был первый собиратель былин на Зимнем берегу Белого моря.

Зимнезолотские экспедиции А. В. Маркова. Вторая страница в истории собирания былин на Зимнем берегу Белого моря связана с именем Алексея Владимировича Маркова (1877—1917) — ученика В. Ф. Миллера, представителя исторической школы в былинноведении и автора классического сборника «Беломорские былины».²² Он представляет собой «новый тип фольклориста первой половины XX в.»²³ в котором соединились «кабинетный ученый-теоретик с практиком-наблюдателем».²⁴

В 1898 г., во время своей первой экспедиции, студент Московского университета А. В. Марков записал в Зимней Золотице от Гаврилы Крюкова былины «Добрыня Никитич и Илья Муромец», «Женитьба Добрыни», «Бой Добрыни со змеей», «Иван Годинович» и «Игнатий Данилович с сыном». В. Ф. Миллер, анализируя исполнительскую манеру Г. Л. Крюкова, отмечает:

¹⁷ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. С. 146.

¹⁸ Там же. С. 151.

¹⁹ Архангельские епархиальные ведомости. Ч. офиц. 1895. 30 сент. № 18. И. Ф. Розанов упомянут в «Списке жертвователей на возобновление Михайло-Архангельского монастыря» (С. 308—313).

²⁰ Архангельские епархиальные ведомости. Ч. неофиц. 1892. 15 мая. № 10. В разделе «Епархиальная хроника» (С. 166—168) говорится, что «29 апреля Преполовение Пятидесятницы. (...) Очередную проповедь произнесил духовник Семинарии свящ. Иоанн Розанов» (С. 166), и т. д.

²¹ Добровольский И. Посещение его преосвященством, преосвященнейшим Никанором, епископом Архангельским и Холмогорским Духовной семинарии // Архангельские епархиальные ведомости. Ч. неофиц. 1893. 15 июня. № 12. С. 262—265.

²² ББ.

²³ Иванова Т. Г. Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. СПб., 1993. С. 36.

²⁴ Соколов Ю. М. А. В. Марков // БСДС. С. 1047. О А. В. Маркове см.: Аникин В. П. Историко-фольклорная концепция А. В. Маркова // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1963. Вып. 2. С. 156—175; Смирнов Ю. И. Эпические песни Карельского берега Белого моря по записям А. В. Маркова // Русский фольклор. Л., 1976. Т. 16: Историческая жизнь народной поэзии. С. 115—135; Иванова Т. Г. Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. С. 36—60; Астафьева Л. А. Неизвестные записи А. В. Маркова с побережья Белого моря // Живая старина. 1994. № 3. С. 31—32; БСДС; Ковпик В. А. Первые собирательские опыты А. В. Маркова // Традиционная культура. 2007. № 3. С. 48—50.

«Перенял ли он свои былины в таком виде от других лиц в молодости, или продуманность его текста объясняется его личными свойствами, во всяком случае, сказанные им старины не уступают по достоинству лучшим в сборниках Рыбникова и Гильфердинга».²⁵

Вторая экспедиция А. В. Маркова на Зимний берег (1899) опровергла первоначальное мнение В. Ф. Миллера о неразвитости эпического жанра в этом регионе и позволила говорить о существовании полноценной былинной традиции в Архангельской губернии. В предисловии к «Беломорским былинам» А. В. Марков пишет: «По обилию сказателей²⁶ и разнообразию былинных сюжетов обследованная мною местность принадлежит к выдающимся. Кажется, нигде не было найдено такого множества старин на сравнительно небольшом пространстве поселений. В двух селах Зимней Золотицы, заключающих в себе около 170 дворов, можно найти ⟨...⟩ не менее 24 сказателей и сказательниц; таким образом, одно из таких лиц приходится дворов на 7».²⁷ «В 24 дня я успел записать 109 старин, среди которых оказалось около 75 — собственно былин, за вычетом исторических и так называемых низших эпических песен», — отмечает А. В. Марков.²⁸

О первоначальном плане поездки 1899 г. говорится в отчете А. В. Маркова: «В июне 1899 года, отправляясь на север, я думал начать свои разыскания в двух селах Зимней Золотицы (Нижняя и Верхняя), а затем съездить на Терский берег и в Мезень, так как я располагал временем около месяца. Но в Золотице оказалась такая богатая жатва по части собирания былин, что я принужден был ограничить район своей поездки одной Золотицкой волостью».²⁹

В письмах А. В. Маркова к матери с Зимнего берега Белого моря содержатся живые впечатления от поездки, описание местности и быта золотичан, сведения о сказителях: «Один старик хочет пропеть поздравительную песню, на Рождестве; записал 6 песен от девок и баб; нашел еще 2 баб, умеющих петь былины; все это в Нижней Золотице, а в Верхней имеются в виду еще 2—3 сказателя. Туда я отправлюсь дня через 4, а затем, если найдется торговый пароход, думаю отправиться в Мезень дня на 3, на 4; п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ мне сказали здесь, что ни в Поное, ни на Мурмане былин не поют, а Мезень — былинный центр. Крестьяне привыкли ко мне, и сами предлагают записывать у них былины».³⁰

Многие из этих наблюдений были использованы во вступительной статье к «Беломорским былинам» и в биографических заметках об исполнителях. Приведем по рукописи А. В. Маркова те из них, которые касаются исполнения старин. Собиратель отмечает, что отношение крестьян к содержанию былин «двоякого рода: с одной стороны, они хотят показать вам как образованному человеку, что не верят всему, что поется в старинах, и самый процесс пения называют „враньем“: „он много тебе наврет!“; но, с другой стороны, во время пения у них с языка срываются замеча-

²⁵ Миллер В. Ф. Новые записи былин в Архангельской губернии // Изв. Отд-ния рус. языка и словесности Имп. Академии наук. 1899. Т. 4, кн. 2. С. 725.

²⁶ А. В. Марков приводит различные названия исполнителей былин. Золотицкое название «сказатели» собиратель связывает со старинным названием проповедников, приводя в пример начало Слова Кирилла Туровского: «Велика учителя и мудра сказателя требует церкви на украшение праздника» (Марков А. В. Былинная традиция на Зимнем берегу Белого моря // ББ. С. 4).

²⁷ Там же. С. 14.

²⁸ Марков А. В., Григорьев А. Д. Былинная традиция на Белом море: Из отчетов о поездках А. В. Маркова и А. Д. Григорьева // Изв. Отд-ния рус. языка и словесности Имп. Академии наук. 1900. Т. 5, кн. 2. С. 641.

²⁹ Там же.

³⁰ ОР РГБ, ф. 160, п. 4, № 91.

ния, показывающие, с каким доверием они относятся к содержанию старин, напр⟨имер⟩, что богатыри выпили, небось, ведра два вина, что они были не такой народ, как теперешние люди, гораздо сильнее; ели, пили, спали не по-нашему, и т. п.». А. В. Марков отмечает контекст и условия бытования эпоса: «Старины поют обык⟨овенно⟩ великим постом, когда песни петь нельзя», «поют всегда на промыслах: на тонях, когда собирается несколько человек; в лесу, когда охотятся на зверей и дожидаются их в избушках; мезенцы потому так много знают старин, что они в избах на берегу моря ждут, пока в невод попадет рыба; также и около озер приходится проводить долгое время вдали от дома; а дома старин почти не поют». По словам Гаврилы Крюкова, «в старину больше было сказателей; только и забавы было, что слушать старины, да биться кулачным боем; нередко убивали дó смерти». ³¹

А. В. Марков, по-видимому, обладал неплохим слухом и сумел запомнить эпические напевы, передав их в Москве музыкантам. В одном из отзывов о публичном докладе А. В. Маркова, посвященном его поездке, говорится: «Нужно ценить внимание к ним (былинам. — Н. К.) г. Маркова, записавшего слова и запомнившего мотивы. Всего записано Марковым 30 былин, частью гармонизированных г.г. Масловым и Пасхаловым и исполненных на вечере г-жой Трейтер и Лосевым». ³² Следовательно, уже в первых экспедициях А. В. Марков, будучи студентом-словесником, уделял внимание и музыкальной стороне записываемых им произведений. ³³ Хранящийся в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН фоновалик с записью былины Зимнего берега, как предполагается, может содержать запись голоса А. В. Маркова, напевшего былинку В. В. Пасхалову или А. Л. Маслову. ³⁴

В ходе экспедиции молодым ученым были получены сведения из области этнографии, диалектологии и археологии. В «Отчете о деятельности Этнографического отдела за 1899—1900 гг.» говорится, что А. В. Марковым «собраны материалы по быту и диалектологии русских крестьян»: «Кроме того, г. Марковым было приобретено у местных крестьян свыше 100 орудий каменного века, найденных близ устья р. Золотицы; вся коллекция орудий передана в распоряжение Московского Исторического музея». ³⁵ Археологические разыскания студента нашли отражение в письме к матери: «Дорогая мамаша, я остаюсь еще на неделю в Золотице, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ здесь еще много осталось матерьялов; я записал более 70 былин, несколько стихов и песен, сделал 23 снимка, видел сёмужий забор в Верхней Золотице, накупил чудских изделий; каменных орудий, нашел гвоздей, зубы чудские и пр⟨очее⟩». ³⁶

³¹ Там же, п. 9/2.

³² *Липав И.* Из Москвы : Еврейские песни и русские былины по докладам г.г. Марека, Энгеля и Маркова // Русская музыкальная газета. 1900. 24 дек. № 52. Стб. 1314. Пересказ доклада А. В. Маркова помещен в отчете: Торжественное заседание Императорской Академии наук // Исторический вестник. 1901. № 2. С. 837—838.

³³ А. В. Марков вскоре после поездки 1899 г. стал членом Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе ОЛЕАиЭ. См.: Протоколы заседаний Музыкально-этнографической комиссии за 1901—1906 гг. и приложения к ним // Тр. Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе ОЛЕАиЭ. М., 1906. Т. 1 (разд. III. Протоколы заседаний. С. 8).

³⁴ См.: *Марченко Ю. И.* Ранние звукозаписи в собрании Фонограммархива Пушкинского Дома : (По материалам экспедиций в районы Обонежья, Поморья, на Мезень, Пинегу и Печору) // Рябининские чтения-2007: Материалы V Междунар. науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 356—359.

³⁵ Отчет о деятельности Этнографического отдела ОЛЕАиЭ за 1899—1900 гг. // Этнографическое обозрение. 1900. № 1. С. 184.

³⁶ ОР РГБ, ф. 160, п. 4, № 92.

Экспедиция 1899 г., напомним, готовилась А. В. Марковым совместно с А. Д. Григорьевым:³⁷ отчеты об их поездках (А. Д. Григорьев в 1899 г. ездил в Западное Поморье) были помещены под одним заглавием «Былинная традиция на Белом море».³⁸ Первоначально предполагалось совместное издание записанных ими былин. Во втором номере «Этнографического обозрения» за 1900 г. помещен проспект будущего сборника: «Печатается и в непродолжительном времени выйдет в свет „Сборник Беломорских былин, собранных летом 1899 года г.г. А. В. Марковым и А. Д. Григорьевым“. Сборник будет объемом до 40 печатных листов».³⁹ Но уже в четвертом номере журнала появляется сообщение о том, что «печатается отдельным изданием сборник „Беломорские былины, собранные А. В. Марковым“, и готовится к печати „Сборник исторических народных песен“».⁴⁰

В результате итоги поездок А. В. Маркова в 1898—1899 гг. на Зимний берег нашли место в его сборнике «Беломорские былины» (1901). Издание получило положительные рецензии⁴¹ и вызвало большой интерес в научных кругах. В. В. Каллаш в одном из писем просит А. В. Маркова: «Ускорьте, насколько возможно, высылку Вашего сборника А. Н. Веселовскому (Академия наук, 2-е отделение) в листах или сброшюрованным: ему очень нужно, и он все напоминает».⁴²

Возможно, заинтересованность А. Н. Веселовского в работе А. В. Маркова привела к тому, что последующие экспедиции были организованы при участии Академии наук. В письме Академии от 1 мая 1901 г. говорится: «Милостивый государь Алексей Владимирович. Имею честь уведомить Вас, что Отделение русского языка и словесности Императорской академии наук, во внимание к ходатайству члена-корреспондента, профессора В. Ф. Миллера, постановило выдать Вам из своих сумм триста рублей на поездку предстоящим летом в Архангельскую губернию для собирания текстов русских былин и исторических песен, а также для воспроизведения музыкальных записей с помощью фонографа».⁴³ Кроме того, финансирование экспедиции осуществлялось и за счет Музыкально-этнографической комиссии ОЛЕАиЭ.

В экспедиции 1901 г. помимо А. В. Маркова участвовали его двоюродный брат Б. А. Богословский⁴⁴ и музыковед А. Л. Маслов. Подробную информацию об экспедиции предоставляет отчет А. В. Маркова: «Поездка в Архангельскую губернию летом 1901 года для собирания текстов русских былин и исторических песен, а также для воспроизведения народных мелодий с помощью фонографа, была предпринята мною в сопровождении окончившего курс Московского Филармо-

³⁷ Об Александре Дмитриевиче Григорьеве (1874—1945) см.: *Иванова Т. Г.* Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. С. 86—120.

³⁸ *Марков А. В., Григорьев А. Д.* Былинная традиция на Белом море. С. 641—647.

³⁹ Этнографическое обозрение. 1900. № 2. [С. 188].

⁴⁰ Отчет о деятельности Этнографического отдела ОЛЕАиЭ за 1899—1900 гг. // Этнографическое обозрение. 1900. № 4. С. 163.

⁴¹ [Пыпин А. Н.] // Вестник Европы. 1901. № 6. С. 833—838; *Васильев Н. В.* [Рец.] Беломорские былины, записанные А. Марковым / С предисл. проф. В. Ф. Миллера. М., 1901 // Этнографическое обозрение. 1901. № 4. С. 138—144.

⁴² ОР РГБ, ф. 160, п. 4, № 39.

⁴³ Там же, п. 20, № 48—52, л. 3. Имеется также письмо из канцелярии Правления Академии наук, посланное 30 апреля 1901 г., в котором говорится, что А. В. Маркову была выслана сумма в 300 р. «на поездку с ученой целью» (Там же, л. 1).

⁴⁴ См.: *Маркова Н. А.* Некоторые страницы из истории семьи // Традиционная культура. 2007. № 3 (27). С. 46.

нического училища А. Л. Маслова и г. Б. А. Богословского. Участники экспедиции разделили между собой труды следующим образом: я взял на себя запись текстов произведений народной поэзии; г. Маслов принял в свое ведение воспроизведение мелодий посредством нотных записей и фонографа, г. Богословский занялся сниманием фотографий, причем он также помогал мне записывать тексты.

Мы выехали на Север из Москвы 13 июня, а вернулись в Москву же 28 июля; таким образом, наша поездка продолжалась 1.5 месяца. Маршрут наш обнимает северный и восточный берега Белого моря, а также захватывает среднее течение рек Онеги и Северной Двины; но записи сделаны не во всех местах, где нам удалось побывать. В деревне Княжой, лежащей на западном берегу Кандалакшской губы; в Умбе, селе, находящемся на Терском берегу; в селениях, расположенных по течению Онеги между устьями рек Моши и Мелексы (Каргопольского и Онежского у.), в селе Верхней Тойме и в окрестных деревнях, лежащих на правом берегу Северной Двины (Сольвычегодский у. Вологодской губ.) не нашлось интересного материала. Поэтому записи были произведены лишь в следующих трех пунктах Беломорского побережья: 1) В вершине Кандалакшской губы, в с. Кандалакше и соседней деревне Федосееве; 2) На Терском берегу, в селах Кузомени и Варзуге; 3) На Зимнем берегу, в двух селах Зимней Золотицы (Нижней и Верхней). Текстов различных произведений народной поэзии записано всего 132 (номера) 70 старин (былин, исторических песен и так называемых низших эпических песен), 27 духовных стихов, 4 сказки, 7 протяжных песен, 5 святочных, 3 хороводных, 2 плясовых и 1 заговор. Старины заключают в себе 48 собственно былин, 6 исторических песен и 16 низших эпических песен. (...) Фотографических снимков сделано 35. Сняты портреты былинных певцов и певиц, типы местных крестьянских построек, общие виды селений, хороводные игры и т. п. Кроме того, близ с. Нижняя Зимняя Золотица найдено несколько каменных орудий, преимущественно наконечников стрел.⁴⁵

Материалы, записанные на Зимнем берегу Белого моря в 1901 г. (с нотными расшифровками), были опубликованы в «Трудах Музыкально-этнографической комиссии».⁴⁶ Здесь представлены пять духовных стихов (записанных от Ф. Т. Пономарева, А. М. и М. С. Крюковых), 21 былина и историческая песня (от А. М. Крюковой, М. С. Крюковой, Ф. Т. Пономарева, Г. Л. Крюкова, А. И. Лыткина), 20 текстов были перепечатаны из «Беломорских былин». Эти тексты даны в отрывках в 10—15 строк, к ним были записаны напевы. Пять былин от Г. Л. Крюкова записал Б. А. Богословский. Сборник включает также тексты свадебных причитаний и песен.

Из протоколов заседаний Музыкально-этнографической комиссии становится известно, что материалы А. В. Маркова, А. Л. Маслова, Б. А. Богословского — «беломорские записи» (150 номеров) — были переданы из Этнографического отдела ОЛЕАиЭ в архив Музыкально-этнографической комиссии.⁴⁷

На заседаниях Этнографического отдела ОЛЕАиЭ в 1901 г. участники экспедиции выступали с докладами об ее итогах. А. Л. Маслов сделал сообщения «Предварительные сведения о результатах музыкальных записей в Архангельской губернии летом 1901 года с демонстрацией в исполнении фонографом» и «О музыкально-этнографической экспедиции в Архангельскую губер-

⁴⁵ Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук за 1901 год, составленный академиком А. И. Соболевским. СПб., 1902. С. 30.

⁴⁶ ММБ-1. С. 11—158.

⁴⁷ Протоколы заседаний Музыкально-этнографической комиссии... С. 9.

нию (с демонстрациями в исполнении голосом)». Доклады А. В. Маркова: «Характер былин и их исполнение (с демонстрациями голосом)» и «О летней поездке в Архангельскую губернию (с демонстрациями фонографом)».

Зимний берег Белого моря, благодаря заслуге дореволюционных собирателей, занял достойное место в ряду наиболее крупных былинных центров Русского Севера — наравне с Олонецкой губернией, Мезенью и Печорой, а сборник «Беломорские былины» А. В. Маркова, как и сборники П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга и А. Д. Григорьева, стал классическим.

Экспедиции В. П. Чужимова. В 1926—1929 гг., как известно, состоялись знаменитые севернорусские экспедиции Российского (Государственного) института истории искусств (Ленинград) в Заонежье, на Пинегу, Мезень и Печору (записи былин осуществляла А. М. Астахова) и Государственной академии художественных наук (Москва) в Заонежье, Кенозеро и Пудожье («По следам Рыбникова и Гильфердинга»; записи Ю. М. и Б. М. Соколовых, В. И. Чичерова и др.). В этом же русле повторного обследования севернорусских территорий в 1934 г. была запланирована и экспедиция В. П. Чужимова на Зимний берег Белого моря. О повторном характере своей экспедиции собиратель писал в предисловии к публикации своих записей: «Пункт обследования был мною избран по совету секретаря И〈нститута〉 а〈нтропологии〉 и э〈тнографии〉 А. М. Астаховой, так как этот район не подвергался после Октябрьской революции вторичным обследованиям, как это было уже сделано по отношению почти ко всем остальным районам прежнего собирания былин на Севере: Карелия (Рыбников, Гильфердинг, Григорьев), Терский берег (Марков), Мезень и Пинега (Григорьев), Печора (Ончуков)». ⁴⁸

Имя В. П. Чужимова мало известно в фольклористике. Единственной работой о собирателе можно назвать главу «Тайна Владислава Чужимова» из книги Е. М. Нелаевой «Здравствуй, морюшко Белое! : Сказители Крюковы из Зимней Золотицы». ⁴⁹ Архив ученого находится в ГЛМ (записи былин и заметка о фольклоре Зимнего берега). ⁵⁰ Из архивных материалов известны также переписка В. Д. Бонч-Бруевича с Р. С. Липец, где упоминается В. П. Чужимов (РГБ), ⁵¹ и письмо В. П. Чужимова к А. М. Астаховой (РО ИРЛИ). ⁵² Работы начинающего фольклориста печатались на страницах «Воронежской литературной беседы», ⁵³ «Известий Курского губернского общества краеведения», ⁵⁴ позднее в «Советской этнографии», ⁵⁵ «Бюллетене фоль-

⁴⁸ Чужимов В. П. Новые записи былин в Поморье // Советский фольклор. 1935. № 2—3. С. 119.

⁴⁹ Нелаева Е. М. 1) Здравствуй, морюшко Белое! : Сказители Крюковы из Зимней Золотицы. Архангельск, 2001. С. 145—153; 2) В Золотицу за былинами // Правда Севера. 1998. 16 июля. С. 10, 16. Нелаева Елена Михайловна (1927—1999) — кандидат педагогических наук, принадлежала к роду Крюковых.

⁵⁰ ГЛМ, ф. 9 (В. П. Чужимов), кп 50715/9. Коллекция поступила в ГЛМ от собирателя 7 июня 1939 г. Содержит 11 былин, 4 исторические песни, 2 сказки, а также «Список былин, духовных стихов, сказок, записанных в Зимней Золотице в августе 1934 г. от М. С. Крюковой» и статью о фольклоре в селе Зимняя Золотица.

⁵¹ ОР РГБ, ф. 369 (В. Д. Бонч-Бруевич), п. 296, № 7—9 (Письма Р. С. Липец к В. Д. Бонч-Бруевичу); № 10 (Письма в издательство ГЛМ); п. 168, № 40 (Письма В. Д. Бонч-Бруевича к Р. С. Липец).

⁵² РО ИРЛИ, ф. 724 (А. М. Астахова), оп. 1, № 387 (Письмо В. П. Чужимова к А. М. Астаховой от 24 мая 1937 г.).

⁵³ Чужимов В. Из воронежских песен / Записал и снабдил примечаниями В. Чужимов // Воронежская литературная беседа. Воронеж, 1925. С. 15—18.

⁵⁴ Чужимов В. П. С. Донецкая Семица, Сазоновской волости, Курского уезда // Изв. Курского губернского общества краеведения. Курск, 1927/1928. № 6. Ноябрь—декабрь. С. 52—63.

⁵⁵ Чужимов В. Материалы по фольклору ЦЧО : (Фольклор предколхозной деревни) // Советская этнография. 1934. № 1—3. С. 193—200.

кларной секции Института антропологии и этнографии АН СССР»⁵⁶ и в «Советском фольклоре».⁵⁷

Уточним расшифровку инициалов собирателя: В. П. Чужимов — это Всеволод Павлович, а не Владислав Петрович, как полагала Е. М. Нелаева.⁵⁸ Он приехал из Воронежа в 1930-е гг. и прожил в Ленинграде всего один-два года. Еще до переезда в Ленинград, как следует из его трудов, ученый занимался собирательской деятельностью в Курской и Воронежской губерниях с 1922 по 1926 г. Возможно, он был студентом Воронежского университета, где в это время работал профессор А. М. Путинцев,⁵⁹ который руководил фольклорно-собирательской деятельностью студентов.

В 1933 г. В. П. Чужимов поступил в аспирантуру при Ленинградском историко-лингвистическом институте (ЛИЛИ; ЛИФЛИ), но уже в 1935 г., по болезни, он покинул Ленинград.

В 1934 г. В. П. Чужимов по совету А. М. Астаховой, как уже было сказано, едет в экспедицию на Зимний берег Белого моря. В письме к В. Д. Бонч-Бруевичу он сообщает о целях своей поездки следующее: «Командировка, данная мне от Ленинградского историко-лингвистического института, была использована мною в целях проверки записей А. В. Маркова и нового с методической точки зрения обследования района в социально-историческом и фольклористическом отношении».⁶⁰

В неопубликованной статье «Народнопоэтическое творчество в с. Зимняя Золотица» собиратель так характеризует задачи экспедиции: «1) Произвести запись преимущественно былин, проверив сохранность и видоизменения их у сказителей. 2) Составить представление о жизни других видов народного творчества и 3) Отыскать новые виды фольклора советской тематики и оформления, причем предполагалось, что подобные произведения всего легче найти в качестве устных рассказов, преданий, легенд, частушек и т. п.».⁶¹ Автор статьи сожалеет, что не смог выполнить «самой главной задачи — отыскание новых видов фольклора, советского фольклора и стимулирование к созданию таковых».⁶² Кроме того, во вступительной заметке к публикации былин он замечает: «Я ставил своей задачей главным образом произвести возможно широкую разведку среди разнообразных социальных слоев, не вдаваясь вглубь бытования того или иного жанра и не пытаясь исчерпать до конца репертуар какого-либо отдельного исполнителя».⁶³

В. П. Чужимов пробыл на Зимнем берегу один месяц. С 6 августа по 6 сентября им было опрошено 47 лиц и записаны от 20 человек 39 былин, 21 сказка, 8 свадебных причитаний, 55 частушек, 62 песни, 4 духовных стиха.⁶⁴

⁵⁶ Чужимов В. Материалы по фольклору ЦЧО: (Фольклор предколхозной деревни) // Фольклор: Бюллетень фольклорной секции Института антропологии и этнографии АН СССР. Л., 1934. С. 5—12.

⁵⁷ Чужимов В. П. Новые записи былин в Поморье // Советский фольклор. 1935. № 2—3. С. 119—151.

⁵⁸ РО ИРЛИ, р. V, кол. 72, п. 1, № 21 (Письмо жены В. П. Чужимова (А. Чужимовой) к А. М. Астаховой, б/д).

⁵⁹ Путинцев Алексей Михайлович (1880—1937) — этнограф и фольклорист. С 1920 г. — профессор кафедры русской литературы Воронежского гос. ун-та, с 1924 г. — директор Дома-музея И. С. Никитина. Был приговорен к пяти годам лагерей по «делу краеведов».

⁶⁰ Цит. по: Нелаева Е. М. Здравствуй, морюшко Белое! С. 150.

⁶¹ ОР ГЛМ, ФА, инв. № 9/9 6422/1, л. 1 об. (Народнопоэтическое творчество в с. Зимняя Золотица).

⁶² Там же, л. 2.

⁶³ Чужимов В. П. Новые записи былин в Поморье. С. 121.

⁶⁴ ОР ГЛМ, ФА, инв. № 9/9 6422/1, л. 2 об.; Чужимов В. П. Новые записи былин в Поморье. С. 120.

Спустя 33 года после экспедиции А. В. Маркова В. П. Чужимов заново открывает для науки беломорскую сказительницу М. С. Крюкову. Он пишет: «О творческих способностях Марфы Семеновны я услышал еще на пароходе, на пути из Архангельска в Зимнюю Золотицу. На нее же все указывали в один голос как на прекрасную сочинительницу, но при этом подчеркивалось, гл(авным) обр(азом), ее умение выступать с плачами и мастерство сказочницы. Былинами ее местное население, видимо, мало интересовалось; такое же отношение я встретил и в семье. Творческие возможности М. С. Крюковой в области традиционного былевого эпоса открывались мне постепенно, поэтому, быть может, мною и не было сделано попыток к стимулированию у нее былинного творчества на советскую тематику, что выпало на долю уже позднейшим собирателям. Надо сказать, что в то время, в 1934 г. главная популярность М. С. Крюковой строилась именно на ее сказочном репертуаре, который пользовался вниманием в обеих деревнях, на тонях, на ночевках на тракте».⁶⁵

Кроме Марфы Семеновны Крюковой былины были записаны от Натальи Федоровны Поповой, Дениса Павловича Бурого, Ивана Егоровича и Тита Егоровича Точиловых. «Степень сохранности текста у них различная от забвения и распада его в побывальщину до творческого переформирования и разрастания», — отмечал собиратель.⁶⁶

По материалам экспедиции самим В. П. Чужимовым были опубликованы только два текста М. С. Крюковой в «Советском фольклоре» за 1935 г.: «Князь Михайло» и «Гарвес». К публикации было написано два предисловия: собирателя и А. М. Астаховой. Вступительная заметка В. П. Чужимова, писавшаяся им во время болезни, не была закончена. В небольшом предисловии явно видна связь с прежними исследованиями автора: собирая материал, Чужимов прежде всего интересовался социальной дифференциацией исполнителей: «Классовое строение населения до революции, судя по опросам местного населения, представляло следующую картину. В основном главная масса трудящихся жила преимущественно рыболовством (...) и зверобойным промыслом (...). Другие источники существования — скотоводство; земледелие было „не в почете“. Беднота служила в качестве сельскохозяйственных рабочих у местных богачей, купцов и т. п.».⁶⁷ В заключении очерка он говорит: «Собранный материал еще не удалось детально проанализировать со стороны его классового генезиса и социальной направленности его стиля».⁶⁸

После отъезда В. П. Чужимова из Ленинграда в 1935 г. его материалами интересовались А. М. Астахова и В. Д. Бонч-Бруевич. В. П. Чужимов переслал в Фольклорную секцию Института антропологии и этнографии (с начала 1939 г. Фольклорная секция стала структурой Пушкинского Дома — тогда Института литературы АН СССР) материалы экспедиции 1934 г.: это 11 текстов, записанных от М. С. Крюковой (среди которых былины, духовные стихи, баллады и сказка), а также 4 былины — от И. Е. Точилова, две из которых («Камское побоище» и «Добрыня и Илья») были позднее опубликованы в пушкинодомском издании «Былины Печоры и Зимнего берега».⁶⁹

Экспедиция 1937 г. А. М. Астаховой, И. М. Колесницкой, М. А. Шнеерсон. В 1937 г. в Зимней Золотице, прославленной именем ставшей к этому времени культовой скази-

⁶⁵ ОР ГЛМ, ФА, инв. № 9/9 6422/1, л. 10.

⁶⁶ Там же, л. 8.

⁶⁷ Чужимов В. П. Новые записи былин в Поморье. С. 119.

⁶⁸ Там же. С. 221.

⁶⁹ БПЗБ. С. 455—459.

тельницей М. С. Крюковой, работали две экспедиции: ленинградская (А. М. Астахова, И. М. Колесницкая и М. А. Шнеерсон) и московская (Р. С. Липец и Э. Г. Бородина-Морозова).

Анна Михайловна Астахова (1886—1971) к 1937 г. являлась ведущим былиноведом страны. На ее счету были экспедиции Государственного института истории искусств (ГИИИ) в Заонежье (1926), на Пинегу (1927), Мезень (1928) и Печору (1929), в которых она специализировалась на записи песенно-эпического фольклора. После реорганизации ГИИИ (1930) А. М. Астахова входила в Фольклорную секцию (комиссию), во главе которой стоял М. К. Азадовский; А. М. Астахова выполняла обязанности секретаря секции, последовательно состоявшей при Институте по изучению народов СССР (ИПИН; 1931—1933), Институте антропологии и этнографии АН СССР (ИАиЭ; 1933—1938), а затем при Пушкинском Доме (с начала 1939 г.). В 1932 г. по заданию ИПИНа А. М. Астахова собирала фольклор в Западном Поморье — на Карельском берегу Белого моря. К 1937 г. А. М. Астахова была уже составителем антологии «Эпическая поэзия» (Л., 1935), изданной в «Малой серии Библиотеки поэта», и автором нескольких статей о былинах. Скорого выхода из печати ожидал первый том знаменитых «Былин Севера». ⁷⁰

Ирина Михайловна Колесницкая (1917—1994), в будущем известный фольклорист, доцент Ленинградского государственного университета, ⁷¹ на 1937 г. была студенткой университета. Она еще только начинала свой путь в фольклористике. Также студенткой была и Мария Анатольевна Шнеерсон (1916—2008), в 1950-е гг. вплоть до 1978 г. (отъезд в эмиграцию в США) являлась методистом Ленинградского областного института усовершенствования учителей.

Источниками для описания ленинградской экспедиции 1937 г. послужили отчет «Беломорская фольклорная экспедиция» за подписью А. А. (очевидно А. М. Астаховой) ⁷² и материалы этой экспедиции, хранящиеся в настоящее время в РО ИРЛИ. ⁷³

В заметке «Фольклорная комиссия при Институте этнографии Академии наук СССР в 1937—1938 гг.» А. М. Астахова пишет: «Задачей экспедиции явилось изучение фольклорного творчества известной сказительницы с. Зимней Золотицы М. С. Крюковой на фоне зимнезолотических фольклорных традиций». ⁷⁴ Перед исследователями уже не стояла цель сплошного обследования местности (как в экспедиции В. П. Чужимова), а приоритетной стала индивидуальная работа с выдающимся исполнителем.

Экспедиция в Нижнюю и Верхнюю Золотицу и на хутор Това состоялась в июле—начале августа 1937 г. Кроме того, как указывает А. М. Астахова, «начало экспедиции совпало с областной олимпиадой народного творчества и самодеятельного искусства, организованной в Архангельске в первых числах июля», ⁷⁵ во время которой были записаны песни, причеты и частушки от Пинежского хора и от хора Верхней Пёши.

⁷⁰ Аст. 1.

⁷¹ О И. М. Колесницкой см.: *Иванова Т. Г.* Ирина Михайловна Колесницкая : (Отдавая долги нашим учителям) // Этнографическое обозрение. 1996. № 6. С. 132—138.

⁷² А[стахова] А. Беломорская фольклорная экспедиция // Советский фольклор. № 6. С. 219—220.

⁷³ РО ИРЛИ, р. V, кол. 90.

⁷⁴ Астахова А. М. Фольклорная комиссия при Институте этнографии Академии наук СССР в 1937—1938 гг. // Советский фольклор. 1941. № 7. С. 270. В отчете «Беломорская фольклорная экспедиция» эта задача еще раз проговаривается А. М. Астаховой: «...выдвинута была задача специального изучения фольклорного творчества известной северной сказительницы Марфы Семеновны Крюковой» (А[стахова] А. Беломорская фольклорная экспедиция. С. 219).

⁷⁵ А[стахова] А. Беломорская фольклорная экспедиция. С. 220.

В отчете говорится, что «за время экспедиции от М. С. Крюковой записаны 40 былин (составляющих по объему 50 печатных листов), сказ о ее поездке в Москву⁷⁶ и ряд образцов других фольклорных жанров — сказок, старинных песен, плачей и пословиц. Собраны также сведения об источниках фольклорного знания М. С. Крюковой и об особенностях былевого творчества тех сказителей, от которых воспринимала материал сама Крюкова».⁷⁷ Собиратели записали интересные образцы разговорной речи сказительницы, стилизованной под былины.

В рамках предполагавшегося сотрудничества с московскими фольклористами записанные в ходе экспедиции А. М. Астаховой тексты былин М. С. Крюковой предполагалось включить в издание «Былины М. С. Крюковой», над которым работали московские ученые.⁷⁸ В резолюции конференции, состоявшейся в Ленинграде при Институте этнографии АН СССР 7—11 июня 1938 г., сказано, что необходимо «осуществить силами ленинградских и московских фольклористов издание академического собрания былин известной беломорской сказительницы М. С. Крюковой».⁷⁹ Тем не менее былины М. С. Крюковой, записанные экспедицией А. М. Астаховой, не были включены в издание, подготовленное Государственным литературным музеем. До настоящего времени записи ленинградской экспедиции остаются неопубликованными.

В полевом дневнике А. М. Астаховой говорится о людях, от которых сказительница перенимала старины. В нем речь идет как о приезжих (например, запись от 19 июля 1937 г.: «Уверяла, что от мужика-покрутченника, молодого парня, кот(орый) пел былину о Волхе, слышала о детях Волха. Из какой он был местности, она не знает»⁸⁰), так и об односельчанах («Когда старик Акинфий Иванович Стрелков пропевал, он вязал невода или каку одежду починал, бахилы или что. М(арфе) С(еменовне) было 15 лет, всё бегала к нему»⁸¹).

А. М. Астахова произвела повторные записи сюжетов, зафиксированных от М. С. Крюковой ранее: «Кроме впервые записанных былин, произведены повторные записи былин, известных от той же исполнительницы (М. С. Крюковой. — Н. К.) по записям А. В. Маркова 1899—1901 гг. Повторно также записано несколько былин из числа записанных В. П. Чужимовым в 1934 г.»⁸² Кроме того, она проверяла и сохранность былин у других информантов В. П. Чужимова. В полевых тетрадях, характеризуя сказителя Д. П. Бурого, собирательница замечает: «Денис Павлович Бурый (...) сказывал Всев(олоду) Пав(ловичу) Про Добрыню Никитич(а) (как Добр(ыня) сраж(ался) с Ильей Муромцем). Рассказывал как сказку. Сейчас уже позабыл. (Перенимал старины) от „старика“ от Гаврилы Бурого, здеш(него) жит(еля), с ним на одном судне ходил».⁸³

Общая характеристика записанного в Зимней Золотице материала дана в отчете А. М. Астаховой: «...от других исполнителей собрано: 14 былин, 48 сказок, 74 плача (свадебных, похоронных, рекрутских и плач о жизни в «казачихах»), полностью записан старинный свадебный обряд Зимней Золотицы и отмечены его пережитки в современной свадьбе; записан основной круг похо-

⁷⁶ Сказ о поездке М. С. Крюковой в Москву был опубл.: Астахова А. М. Беломорская сказительница М. С. Крюкова // Советский фольклор. 1939. № 6. С. 206—210.

⁷⁷ А[стахова] А. Беломорская фольклорная экспедиция. С. 219.

⁷⁸ Крюк. I—II.

⁷⁹ Материалы фольклорной конференции 7—11 июня 1938 г. // Советский фольклор. 1941. № 7. С. 250.

⁸⁰ РО ИРЛИ, р. V, кол. 90, п. 6, № 34, л. 3 об.

⁸¹ Там же, л. 4.

⁸² А[стахова] А. Беломорская фольклорная экспедиция. С. 219.

⁸³ РО ИРЛИ, р. V, кол. 90, п. 6, № 34, л. 6 об.

ронных обрядов. Песенных текстов (почти исключительно из состава старинной художественной песни) записано 138, частушек 145. Кроме того, собраны образцы заговоров, загадок, пословиц, баек, различных видов детского фольклора и несколько стихотворений местных поэтов, а также сведения о бытовании фольклора в прежнее время и теперь».⁸⁴

Во время экспедиции обязанности между А. М. Астаховой и студентками И. М. Колесницкой и М. А. Шнеерсон распределялись, по-видимому, следующим образом: А. М. Астахова работала с М. С. Крюковой (в воспоминаниях сказительницы говорится только об А. М. Астаховой⁸⁵), ее помощницы — с другими информантами. И. М. Колесницкой и М. А. Шнеерсон было записано 45 сказок от 11 сказителей (двух детей, трех мужчин и шести женщин), 8 былин от пяти сказительниц и 120 песен. А. М. Астахова записала один духовный стих (о котором она не упоминает в отчете), 38 былин, 8 сказок, 18 песен и другие жанры.⁸⁶

Материалы ленинградской экспедиции 1937 г. вошли в пушкинодомский сборник «Былины Печоры и Зимнего берега»,⁸⁷ увидевший свет в 1961 г. Это 16 былин и баллад, записанных от односельчан М. С. Крюковой. Произведения самой знаменитой золотицкой сказительницы издание не включает.

Для сборника «Былины Печоры и Зимнего берега» А. М. Астаховой совместно с Э. Г. Бородиной-Морозовой была написана вступительная статья и заметки об исполнителях. Комментарии и указатели были составлены А. М. Астаховой; Э. Г. Бородина-Морозова принимала участие в составлении словаря.

К сожалению, в издание не вошли разновременные записи одного и того же сюжета от одного исполнителя, хотя такие записи имелись в распоряжении публикаторов. Так, например, былины от П. В. Онуфриевой публикуются только по записям 1937 г. И. М. Колесницкой и М. А. Шнеерсон, хотя в архиве Э. Г. Бородиной-Морозовой имелись эти же сюжеты былин записи 1944 г.⁸⁸

В 1950-е гг. в ходе подготовки «Былин Печоры и Зимнего берега» Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР планировалась новая поездка на Зимний берег. В ней должна была участвовать Э. Г. Бородина-Морозова. В архиве собирательницы сохранилось официальное письмо от Пушкинского Дома в Ленинградское отделение Союза советских писателей (от 23 мая 1956 г. за подписью В. Г. Базанова).⁸⁹ В 1956 г., напомним, сотрудниками ИРЛИ была совершена экспедиция в низовья Печоры, материалы этой поездки также были использованы для сборника «Былины Печоры и Зимнего берега». Экспедиция на Зимний берег не состоялась.

Собирательская работа Э. Г. Бородиной-Морозовой. Как уже было сказано, в 1937 г. с М. С. Крюковой в Зимней Золотице работали не только ленинградские фольклористы, но и москвичи. Совместная экспедиционная работа Э. Г. Бородиной-Морозовой и Р. С. Липец на Зимнем берегу Белого моря, повторим еще раз, привела к созданию двухтомного собрания «Былины М. С. Крюковой».⁹⁰

⁸⁴ А[стахова] А. Беломорская фольклорная экспедиция. С. 219.

⁸⁵ РО ИРЛИ, р. V, кол. 146 (Э. Г. Бородина-Морозова), п. 13, л. 274—280.

⁸⁶ Там же, р. V, кол. 90, п. 6, № 2.

⁸⁷ БПЗБ.

⁸⁸ РО ИРЛИ, р. V, кол. 146. В папке 19 имеются рукописи: «Иванушко Горденович» и «Князь, княгиня и старицы», записанные Э. Г. Бородиной-Морозовой от П. В. Онуфриевой в 1944 г.

⁸⁹ РО ИРЛИ, р. V, кол. 146 (Э. Г. Бородина-Морозова), п. 14.4, л. 174.

⁹⁰ Крюк. 1—2.

Рахиль Соломоновна Липец (1910—1998), в будущем известный эпосовед, автор монографий «Эпос и древняя Русь» (М., 1969) и «Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе» (М., 1984),⁹¹ с М. С. Крюковой в Зимней Золотице работала в 1937 г., а затем весной 1938 г. записывала от сказительницы песенный эпос во время ее пребывания в Москве. Э. Г. Бородина-Морозова продолжала работу по записи фольклора Зимнего берега на протяжении 1940-х гг.

Краткие сведения об Эрне Георгиевне Бородиной-Морозовой (1904—1974)⁹² содержатся в библиографическом справочнике «Писатели Ленинграда»⁹³ и «Краткой литературной энциклопедии».⁹⁴ Различным юбилеям фольклористики посвящены заметка в областной газете «Правда Севера»⁹⁵ и публикация М. Я. Мельц в «Русском фольклоре».⁹⁶

Э. Г. Бородина-Морозова⁹⁷ в своей автобиографии пишет: «Родилась в Москве в 1904 г. Предки мои немецкого происхождения. Приехали в Россию в XVIII веке. Отец — преподаватель коммерческого училища (умер в 1931 г.). Воспитывалась дедом — ветеринарным врачом».⁹⁸ В 1930 г. Э. Г. Бородина-Морозова окончила литературное отделение факультета литературы и искусства по творческому циклу и специальности литературного перевода 1-го Московского государственного университета.⁹⁹ Во время учебы она проходила практику в качестве переводчика в «Литературной газете».¹⁰⁰ Известны ее переводы Б. Келлермана,¹⁰¹ Ф. Верфеля,¹⁰² Т. А. Гофмана,¹⁰³ Я. Я. Стрейса¹⁰⁴ и др.

⁹¹ Архивные фонды Р. С. Липец находятся в РГАЛИ и ГЛМ.

⁹² Укажем, что в литературе имеются расхождения по некоторым деталям биографии Э. Г. Бородиной-Морозовой. В известных публикациях год рождения указан как 1904, но в описи РГАЛИ — 1909. Чаще всего отчество собирательницы дается как «Георгиевна», однако в архиве ГЛМ на папках стоит «Григорьевна», как и в архиве РГАЛИ. Интересно, что в аттестате о высшем образовании зачеркнуто «Григорьевна», а сверху написано другим почерком «Георгиевна». М. С. Крюкова, обращаясь к фольклористке в письмах, называла ее и «Егорьевна», и «Григорьевна». При всех разночтениях, полагаем, отчество «Георгиевна» наиболее вероятно.

⁹³ Абрамкин В. М., Лурье А. Н. Писатели Ленинграда: Библиографический указатель. Л., 1964. С. 36—37. Представленная справка очень краткая, нет списка трудов собирателя. В переиздании указателя (Писатели Ленинграда: Библиографический справочник / Авт.-сост. В. С. Бахтин, А. Н. Лурье. Л., 1982. С. 40) статья значительно дополнена.

⁹⁴ Бельчиков Н. Ф. Морозова (Бородина-Морозова) Э. Г. // Краткая литературная энциклопедия. М., 1978. Т. 9 (доп.): А—Я. Стб. 542. Более полный вариант словарной статьи (РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 14.2, л. 43) представляет собой машинопись с подписью Н. Бельчикова и датой 12. X. 1975.

⁹⁵ Чирков А. Собирательница былин: Двадцать лет фольклористической деятельности Э. Г. Бородиной-Морозовой // Правда Севера. 1945. № 150. 1 авг. С. 4.

⁹⁶ Мельц М. Я. [К 70-летию Э. Г. Бородиной-Морозовой] // Русский фольклор. Л., 1975. Т. 15: Социальный протест в народной поэзии. С. 287—288.

⁹⁷ Мы не знаем ее девичьей фамилии: Бородина — фамилия по ее первому мужу. Сергей Бородин (1902—1974) (до 1941 г. псевдоним — Амир Саргиджан) — русский писатель. Участвовал вместе с женой в фольклорных экспедициях в Карелию. Второй муж Э. Г. Бородиной-Морозовой — Александр Антонович Морозов (1906—1992) — литературовед, автор книги «М. В. Ломоносов» (М., 1950), удостоенной в 1952 г. Государственной премии СССР.

⁹⁸ РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 14.2, л. 39.

⁹⁹ Там же, л. 29 (Удостоверение).

¹⁰⁰ Там же, л. 28 (Справка о студенческих годах Э. Г. Бородиной-Морозовой).

¹⁰¹ Келлерман Б. Клоун / Пер. Э. Бородиной. М., 1926.

¹⁰² Верфель Ф. Дом печали / Пер. с нем. Э. Бородиной. М., 1928.

¹⁰³ Гофман Т. А. Королевская невеста / Пер. Э. Бородиной-Морозовой // Гофман Э. Т. Щелкунчик и мышинный король. Королевская невеста. М.; Л., 1937. С. 117—211.

¹⁰⁴ Стрейс Я. Я. Три путешествия / Пер. Э. Бородиной; Под ред. А. Морозова. [М.], 1935.

В студенческие годы Э. Г. Бородина-Морозова участвовала в ряде экспедиций: «С 1924 года работаю по фольклору. <...> Свою фольклористическую деятельность начала под руководством академика Ю. М. Соколова в экспедиции „По следам Рыбникова и Гильфердинга“ в Заонежье.¹⁰⁵ Работала над собиранием фольклора в Переславле-Залесском,¹⁰⁶ Дмитровском¹⁰⁷ и др.<угих> районах Московской области под руководством ак<адемика> Ю. М. Соколова. Совершила несколько индивидуальных поездок, в том числе в 1936 году по поручению редакции издания „Творчество народов СССР“».¹⁰⁸

Поездка 1936 г., организованная редакцией «Две пятилетки» с целью собирания материалов для книги «Творчество народов СССР», является одной из экспедиций, предпринятых с целью фиксации советского фольклора.¹⁰⁹ Э. Г. Бородина-Морозова была командирована «в Кузбасс для сбора фольклора (песен, сказов, сказок, частушек, пословиц, поговорок, загадок и др.) сроком на 1 месяц»¹¹⁰ — со 2 июля по 2 августа 1936 г. Записи производились в Кемерове и в Прокопьевске. Выбор района обследования, скорее всего, был связан с основной задачей — записать рабочий фольклор. Э. Г. Бородина-Морозова не ограничивалась поисками произведений о советской действительности, а фиксировала весь имеющийся у исполнителей репертуар: ею были записаны тюремные песни, жестокие романсы, частушки, поговорки и загадки.

В 1937 г., как отмечалось, состоялась Северная экспедиция Государственного литературного музея. В истории науки эта экспедиция известна тем, что в ходе поездки были записаны былины от М. С. Крюковой, а также от других золотницких сказителей. Однако первоначально в предполагаемый маршрут посещение Зимнего берега не входило.¹¹¹ В командировочном удостоверении от 5 июля 1937 г. о цели экспедиции говорится следующим образом: «Специальным заданием является выявление былин (старин) в районах Вельска, Великого Устюга и Сольвычегодска и соседних с ними районах, где еще ни разу не была проведена научная работа в этой области».¹¹² Э. Г. Бородин

¹⁰⁵ Экспедиции Государственной академии художественных наук «По следам Рыбникова и Гильфердинга», как было сказано, проходили в Заонежье (1926), Кенозере (1927), Пудожье (1928) (см.: Бахтина В. А. Фольклористическая школа братьев Соколовых: (Достоинства и превратности научного знания). М., 2000. С. 134—169).

¹⁰⁶ Экспедиция в Переславль-Залесский район Московской области 1924 г. под руководством Ю. М. Соколова (об этой экспедиции см.: Смолицкий В. Г. Русская деревня: 1924 год: Фольклорная экспедиция в Переславль-Залесский под руководством Ю. М. Соколова // Славянская традиционная культура и современный мир. М., 2006. Вып. 9. С. 141—158). В этой экспедиции кроме Э. Г. Бородиной участвовали М. И. Кострова, С. П. Бородин и Е. Б. Тагер.

¹⁰⁷ Дмитровская экспедиция 1927 г. под руководством Ю. М. Соколова.

¹⁰⁸ РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 14.4, л. 5 (Командировочное удостоверение от 29 июля 1936 г.).

¹⁰⁹ Фрэнк Миллер пишет о том, что «по указанию секретаря ЦК Л. М. Кагановича Исполнительный комитет Московского областного Совета организовал в 1934—1935 гг. широкомасштабную кампанию по сбору „политически выдержанного“ фольклора» (Миллер Ф. Сталинский фольклор. СПб., 2006. С. 14). Под «советским фольклором» понимаются произведения сказителей о советской действительности и о вождах.

¹¹⁰ РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 14.4, л. 5 (Командировочное удостоверение от 29 июня 1936 г. на бланке редакции газеты «Две пятилетки»).

¹¹¹ Т. Г. Иванова рассматривает вологодские материалы этой экспедиции, хранящиеся в фондах ГЛМ. Но она также считает, что поездка на Зимний берег входила в планы собирателей изначально. «Летом 1937 г. она (Э. Г. Бородина-Морозова. — Н. К.) побывала в экспедиции в Вологодской, Архангельской и Северной (позднее упраздненной) областях. Результатом этой поездки стали записи от Марфы Крюковой на Зимнем берегу Белого моря, а также интересующие нас материалы с территории Вологодчины» (Иванова Т. Г. «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: Исследования и тексты. СПб., 2001. С. 125—126).

¹¹² РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 14.4, л. 10.

на-Морозова работала в Вельске (11—23 июля), в селах Вельцы Коношевского района Северной области (23—26 июля), Усть-Паденге Ровдинского района (28—31 июля), в Шенкурске, Березниковском (2—3 августа) и Верхнетоймском районах Северной области (4—6 августа), Красноборске (6—9 августа), Верхней¹¹³ Уфтюге Красноборского района (9—14 августа), Сольвыгодске (14—17 августа), Великом Устюге (19—22 августа), в Архангельске (25—28 августа) и Зимней Золотице (29 августа—15 сентября).¹¹⁴

Маршрут, рекомендованный Э. Г. Бородиной-Морозовой архангельским краеведом М. И. Романовым,¹¹⁵ не включал в себя Зимнюю Золотицу. Это же подтверждает и письмо Ю. М. Соколова к собирательнице от 19 июля 1937 г.¹¹⁶ Северная экспедиция ГЛМ 1937 г. не предполагала поездку в Зимнюю Золотицу, так как в это время там работала ленинградская экспедиция Фольклорной секции Академии наук. Тем не менее в конце августа московские фольклористки оказались в Зимней Золотице, где они пробыли до середины сентября.

В «Дневнике записей от М. С. Крюковой, произведенных Э. Бородиной и Р. Липец», помещенном в приложении к первому тому «Былин М. С. Крюковой», говорится, что с 30 августа по 13 сентября было записано 49 эпических текстов, в том числе названы былины, исторические песни, духовные стихи и баллады.¹¹⁷ В архиве ГЛМ хранятся 17 текстов былин, записанных в этой экспедиции в Зимней Золотице, среди которых кроме записей от М. С. Крюковой имеются также былина и баллада, полученные от А. В. Ануфриевой.¹¹⁸

Среди полевых записей второй участницы экспедиции Р. С. Липец, хранящихся в РГАЛИ, также есть материалы Северной экспедиции 1937 г. — из Архангельска, Шенкурска, Котласа, Коношского, Верхнетоймского, Красноборского и Ровдинского районов Северной области. Записи с Зимнего берега из Нижней Зимней Золотицы — это приметы, поверья, заговоры, обряды, легенды, предания.¹¹⁹

По итогам экспедиции Государственный литературный музей требовал предоставления былинного материала. Уже в 1937 г., по-видимому, было запланировано издание былин, в связи с чем Ю. М. Соколов торопил фольклористок с перепечаткой материалов.¹²⁰

Две поездки в один 1937 г., к М. С. Крюковой (ГЛМ и Фольклорной секции АН СССР), направленные на фиксацию всего репертуара сказительницы, были связаны с популярностью сказительницы как автора новин. В марте 1938 г. М. С. Крюкова была приглашена в Москву.

¹¹³ В описи РГАЛИ — «Великая Уфтюга».

¹¹⁴ РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 14.4, л. 10.

¹¹⁵ Романов Михаил Иванович (1886—1956) — краевед, вел собирательскую деятельность на территории Архангельской области (по р. Устье, в Вельском районе и пр.). Его материалы хранятся в РО ИМЛИ, РО ИРЛИ и в краеведческом музее Вельска (о нем см.: Устьянские сказки, бывальщины и легенды: (К 120-летию краеведа М. И. Романова) / Публ. В. И. Щипина // Живая старина. 2007. № 1. С. 42. См. в этой публикации в приложении № 1 рис. 2 — «схема первоначального маршрута экспедиции».

¹¹⁶ РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 14.1, л. 42—42 об. (Письмо Ю. М. Соколова к Э. Г. Бородиной-Морозовой от 19 июля 1937 г.).

¹¹⁷ Крюк. I. С. 118—119.

¹¹⁸ ОР ГЛМ, ф. 240, № 46—61 (Былины М. С. Крюковой, записи Э. Г. Бородиной-Морозовой и Р. С. Липец, 1937 г.).

¹¹⁹ РГАЛИ, ф. 1477, оп. 1, № 73—79. Среди примет, легенд и поверий есть также записи от М. С. Крюковой.

¹²⁰ РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 14.1, л. 38—38 об. (Письмо (почтовая карточка) Ю. М. Соколова к Э. Г. Бородиной-Морозовой от 19 декабря 1937 г. Москва).

16 марта в газете «Известия» был помещен репортаж, в котором говорилось, что «в Москву приехала талантливая сказительница былин и сказок М. С. Крюкова из деревни Нижняя Золотица на берегу Белого моря».¹²¹ Согласно договору с Государственным литературным музеем от 12 марта 1938 г. о записи былин в Москве от М. С. Крюковой, Э. Г. Бородина-Морозова и Р. С. Липец должны были записать от сказительницы в течение двух месяцев около 50 былин.¹²² Запись былин от М. С. Крюковой в Москве производилась с 14 марта по 15 апреля, а также 31 мая и 1 июня. Всего было записано 67 эпических текстов разных жанров.

В июне 1938 г. в Кабинете по изучению музыки народов СССР Московской государственной консерватории с голоса сказительницы было записано на магнитофонную пленку полное исполнение трех былин, нотные расшифровки которых вошли в приложение к «Былинам М. С. Крюковой». В том же 1938 г. записи былин М. С. Крюковой были переданы в музей.¹²³

В рамках дальнейшего сотрудничества с ГЛМ летом 1938 г. Э. Г. Бородина-Морозова совершила новую экспедицию на Зимний берег Белого моря.¹²⁴ В отчете собирательницы излагаются итоги поездки: «Во время экспедиции в Золотицу летом 1938 г. от М. С. Крюковой было записано 39 былин, 2 духовных стиха, 15 песен, из них 8 исторических, 2 сказки, 4 сказа, 142 пословицы, поговорки, скороговорки, прибаутки и пр. Удалось также уточнить репертуар сказок, песен и духовных стихов М. С. Крюковой. Кроме того, впервые записаны 10 былин от сестры М. С. Крюковой, Павлы Семеновны Пахоловой. (...) В Архангельске записано пять былин от Пелагеи Васильевны Негадовой, перенявшей их от бабки Аграфены Матвеевны Крюковой и от тетки Марфы Семеновны Крюковой».¹²⁵

Несомненным успехом этой поездки стали записи эпических текстов от П. С. Пахоловой и П. В. Негадовой. Знание былин Павлой Пахоловой отмечал еще А. В. Марков, а впоследствии и В. П. Чужимов, но в письме к А. М. Астаховой последний собиратель сообщал, что «Павла петь былины отказалась наотрез».¹²⁶

Материалы, собранные в ходе этих двух поездок (1937 и 1938 гг.) и при вызове сказительницы в Москву (март—май 1938 г.), вошли в двухтомное издание серии «Летописей Государственного литературного музея» — «Былины М. С. Крюковой».¹²⁷ Издание предполагалось осуществить в рамках юбилейных мероприятий, которые проводились в 1940 г., когда торжественно отмечалось 65-летие сказительницы и 50-летие ее творческой деятельности.¹²⁸ В газете «Правда» в статье, посвященной юбилею М. С. Крюковой, говорится: «Литературный музей СССР заканчивает выпуск 3 томов былин Марфы Семеновны».¹²⁹ По-видимому, предполагалось, что издание будет включать три тома, в которые войдут все тексты сказительницы, пропетые как былины. Как известно, увидели свет только две книги былин. О составе третьего тома можно судить по письму

¹²¹ Известия. 1938. 16 марта. № 65. В газете была помещена также фотография с подписью «Марфа Семеновна рассказывает старинную сказку». Этот же снимок был перепечатан в «Былинах М. С. Крюковой».

¹²² РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 14.4, л. 38.

¹²³ ОР ГЛМ, ф. 238, № 1—42 (Машинопись с правкой).

¹²⁴ РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 14.4, л. 11 (Командировочное удостоверение от 25 июля 1938 г.).

¹²⁵ Там же, л. 34—36.

¹²⁶ Там же, кол. 72, п. 1, № 21, л. 14 (Письмо В. П. Чужимова к А. М. Астаховой от 19 апреля 1936 г.).

¹²⁷ Крюк. I—II.

¹²⁸ О юбилее см.: *Иванова Т. Г.* Юбилей Марфы Крюковой в 1940 году: (По материалам периодических изданий) // Русская литература. 2016. № 3. С. 238—243.

¹²⁹ Юбилей сказительницы Крюковой // Правда. 1940. 13 февр. № 43. С. 4.

1940 г. Э. Г. Бородиной-Морозовой к В. Д. Бонч-Бруевичу: «Летом 1939 года мною были записаны от М. С. Крюковой следующие былины-сказки: „Про Ногай-птицу” (нрзб), „Как помор ходил на Новую Землю”, „Крысье и мышье платя”, „Безрукая царевна”, „Фея-садовница”, „Про Ивана крестьянского сына”, „Про Григория Тарту и Лису Патрикеевну”.

Предлагаю редакции включить эти тексты в III (последний) том былин М. С. Крюковой, тем более что *III том состоит из легенд и сказок, пропетых как былины* (курсив мой. — Н. К.)».¹³⁰

Как следует из приведенного письма, в 1939 г. Э. Г. Бородин-Морозова совершила еще одну поездку в Зимнюю Золотицу к М. С. Крюковой — на этот раз при поддержке Секции народного творчества Союза советских писателей, председателем которой был Ю. М. Соколов, и Литературного фонда. Фольклористка провела в экспедиции два с половиной месяца. Об итогах работы сообщается в отчете: «Летом 1939 года от нее (М. С. Крюковой. — Н. К.) удалось записать в дополнение к ранее записанным 153 былинам — 12 былин, в том числе былин-сказку про Ногай-птицу, объемом в 8 печатных листов; кроме того, 13 духовных стихов, 21 песню, в основном это исторические и рекрутские, 6 сказок, свадебный обряд старинной золотицкой свадьбы в 166 номеров, 5 заговоров, 412 пословиц, поговорок, скороговорок, прибауток и пр. Особняком стоят — запись истории рода Крюковых <...>, а также запись жизнеописания Марфы Семеновны Крюковой. Каждая отдельная глава пропета сказительницей как былина. От сестры М. С. Крюковой Павлы Семеновны Пахоловой записано 13 былин и 10 былин от сказительницы Анны Васильевны Стрелковой, от покойного мужа которой перенимала былины Марфа Семеновна Крюкова».¹³¹ Записанные былины, повторим еще раз, должны были войти в третий (неизданный) том «Былин М. С. Крюковой».

Характер работы Э. Г. Бородиной-Морозовой со сказительницей описан в полевом дневнике собирательницы 1939 г., где отмечены такие особенности работы с М. С. Крюковой, как затягивание на несколько дней исполнения одной былины, «тоталитарная» власть сказительницы над выбором сюжета для исполнения.

Дневниковая запись от 13 августа: «Изредка сижу в избе, а тетрадь в другой комнате, или уйдем к морю без тетради. М<арфа> С<еменовна> всегда что-нибудь рассказывает о людях, живших в Золотице в третьих-четвертых поколениях. Обо всем подробно. Или начнет сказывать сказку или: „Эрна Егорьевна, а Вы слышали такую песню?” И запоет что-нибудь неожиданное и новое. Иногда заслушаешься и не сходишь за тетрадь, а другой раз скажешь: „Погоди ты, М<арфа> С<еменовна>, я принесу тетрадь?” — „Нет, не нать. Ты так послушай. Не все петь для работы, ты так послушай для удовольствия отдохну”. Она ни минуты не сидит молча, за чаем ли, за столом. Всё рассказывает — темы бытовые и фольклорные».

Запись от 14 августа: «Мы записываем с 11/VIII старину „Про Ивана Хресьянского сына”. Дело идет вяло. М<арфа> С<еменовна> то и дело вспоминает другие тексты, записала про „Добрыню Никитича и Маринку красавицу”, а сегодня говорит: „Ну, пиши песню «Жил был во Францы богатый король»”. — „А начатая старина?” — „Ну, бывает, ту потом допишем”. Так прошлым летом тянулся 5 дней „Ермак”. <...> Павла Семеновна, от которой я накануне записала две были-

¹³⁰ РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 14.4, л. 81 (Письмо Э. Г. Бородиной-Морозовой в редакцию «Летописей» ГЛМ 1939 г.).

¹³¹ Там же, л. 19 об.—20.

ны, жаловалась соседу Евдокиму Плакуеву: „Как Ерна Егорьевна в Москве мои старины пондравятся. Не могу долго петь. У меня всё как частушки, Марфа грает, выходят”». ¹³²

Летом 1940 г. Государственный литературный музей не смог организовать экспедицию на Зимний берег Белого моря, хотя Э. Г. Бородина-Морозова в своих отчетах настаивала на продолжении записи репертуара М. С. Крюковой. ¹³³ Тем не менее поездка состоялась. Осенью 1940 г. Э. Г. Бородина-Морозова по приглашению архангельского Дома народного творчества выехала в Зимнюю Золотицу. ¹³⁴ Задачей исследовательницы было произвести «запись фольклорных текстов в связи с изданием книги „Избранное” М. С. Крюковой»: «В основном должна быть произведена запись всех жанров (ранее не записанных) для помещения в сборнике. В частности, запись сказания о гибели Седова, ¹³⁵ задуманного Марфой Семеновной еще в марте 1940 г., довести до конца автобиографию сказительницы и историю рода Крюковых, начатую в 1939 г.» ¹³⁶ По мысли Дома народного творчества, в задачу экспедиции не должна была входить запись традиционного фольклора.

В отчете об экспедиции говорится: «Осенью 1940 г. мною было записано 10 былин — куда вошли произведения народной истории в изложении М. С. Крюковой: „Про Дмитрия Донского”, „Про Александра Невского”, „Про Петра Алексеевича”, „Старина про смерть Петра I-го”, „Про Суворова Александра Васильевича”. Две былины-сказки (жанр, характерный для золотицких сказителей): „Про Бобу-королевича” и „Про Тулу и Беталду” и новые варианты „Петровичей-Сбродовичей”, „Никитушки Залешанина” и „Садко”. <...> Была записана „с голоса” вторая часть автобиографии М. С. Крюковой — относящаяся к годам послереволюционным. <...> Попутно были записаны также 13 сказок, в основном про зверей и птиц. <...> Особняком стоит запись новин о гибели Седова и о дрейфе ледокола „Георгий Седов” <...>. Мною были произведены записи былин (7 номеров <...>) у сестры М. С. Крюковой Павлы Семеновны Пахоловой». ¹³⁷ Подобный отчет характеризует многоплановость Э. Г. Бородиной-Морозовой как собирателя: ею были записаны как традиционные жанры (былины и сказки), так и новообразования. «Былины» про А. В. Суворова, Дмитрия Донского и Александра Невского и пр., поэтическая автобиография сказительницы являют собой индивидуальное творчество М. С. Крюковой, в меньшей степени ориентированное на политический заказ, нежели заявленная в командировочном удостоверении новина про «Георгия Седова».

В военные годы (1942—1945) Э. Г. Бородина-Морозова вместе со своим мужем А. А. Морозовым во время эвакуации поселилась в Зимней Золотице, где продолжила работу с М. С. Крюковой. ¹³⁸ За 1944—1945 гг. в самых различных газетах и журналах, в том числе в газете «Правда», было напечатано свыше сорока «новин» Крюковой.

¹³² Там же, п. 13, л. 205.

¹³³ Там же, п. 14.4, л. 45 (Письмо В. Д. Бонч-Бруевича к Э. Г. Бородиной-Морозовой от 22 июля 1940 г.).

¹³⁴ Узнав о том, что Э. Г. Бородиной-Морозовой удалось найти средства на экспедицию, Ю. М. Соколов пишет: «Очень рад, что Вы достигли цели. Молодец, что не отступаете перед трудностями. Только, действительно, не замучайте Марфу Семеновну: она все же постарше Вас, и ей за Вами не угнаться» (Там же, л. 37).

¹³⁵ «Георгий Седов» — пароход ледокольного типа. Был назван в честь Георгия Яковлевича Седова (1877—1914) — русского гидрографа и полярного исследователя. Имеется в виду дрейф каравана ледоколов, застрявших во льдах в море Лаптевых в 1937 г. 3 февраля 1940 г. «Георгий Седов» награжден орденом Ленина. В связи с этим событием и была создана новина.

¹³⁶ Там же, л. 60—61.

¹³⁷ Там же, л. 69—71.

¹³⁸ Там же, л. 163. Информацию об этом дают: 1) телеграмма от А. А. Фадеева, находящаяся в архиве Э. Г. Бородиной-Морозовой, о том, что в порядке эвакуации Э. Г. Бородину-Морозову и А. А. Морозова необхо-

В 1943 г. предполагалось издать сборник новин М. С. Крюковой в записи Э. Г. Бородин-Морозовой — «Сказы об Отечественной войне». В архиве собирательницы находятся две внутренние рецензии (В. Александрова и В. Жилина) на этот сборник. В первой из них сказы рассматриваются как литературные произведения, в которых «кое-что можно и должно подправить»: «Например, „очи ясные” у Гришки Отрепьева <...>. И подсократить можно и нужно — много длиннот. По другим соображениям, не из-за длинноты, а по существу — стоило бы, как мне кажется, снять строки <...> о том, что эти свои сказы М. С. Крюкова запомнила от своих прадедов <...>. А между тем — сказы эти в значительной степени композиции самой М. С. Крюковой».¹³⁹ Во второй рецензии, напротив, подчеркивается фольклорная природа текстов. В. Жилин замечает, что в исторических сказах М. С. Крюковой «важно проследить, как эти важнейшие даты истории отложились в народном сознании (курсив мой. — Н. К.), о чем история как наука обычно умалчивает».¹⁴⁰ Сборник не состоялся, но в 1946 г. некоторые из сказов М. С. Крюковой вошли в книгу «О богатырях старопрежних и нынешних».¹⁴¹

В 1944 г. Архангельским отделением Союза советских писателей было принято «решение произвести повторную запись былин М. С. Крюковой в связи с тем, что имеющиеся многотомные научные записи Э. Г. Морозовой не могут быть доступны читателю»: «Создание популярных, доступных сказаний об Илье Муромце и других богатырях имеет художественное и воспитательное значение».¹⁴²

В 1945 г. Э. Г. Бородина-Морозова производила повторную запись некоторых наиболее интересных былинных сюжетов для изучения процесса варьирования былинных текстов.¹⁴³ В письме к председателю Архангельского областного исполнительного комитета П. В. Минину собирательница говорит о том, что новое издание традиционных былин М. С. Крюковой задерживается. «Беломорские былины» М. С. Крюковой вышли в свет в 1953 г.¹⁴⁴ К сожалению, в издании не была

димо отправить в Архангельск; 2) Удостоверение от Архангельского областного отделения Союза советских писателей от 1 октября 1942 г. о командировке семьи Морозовых в Зимнюю Золотицу Приморского района сроком на 60 дней — по 1 декабря 1942 г. Но в документе сведений об убытии нет (Там же, л. 87). В письме от 7 июня 1943 г. в Архангельское отделение Союза советских писателей собирательница просит продлить командировку и рассказывает о том, какую работу ведет со сказительницей: «М. С. Крюкова вынимает из огромного запаса своей памяти древние былины и просит записать их теперь „иначе, не по досельному, чтобы любо было читать Красной армии, нашим советским богатырям”» (Там же, л. 105—105 об.). В своей автобиографии собирательница отмечает: «В сентябре 1942 года по предложению архангельского Обкома ВКП(Б) и Союза советских писателей выехала в Архангельск, где работала с М. С. Крюковой в деревне Нижняя Зимняя Золотица на Белом море. В период Великой Отечественной войны занималась организацией фольклорных вечеров с участием М. С. Крюковой у краснофлотцев и воинских частей <...>. Мои записи сказов Крюковой, посвященные отечественной войне, печатались свыше 20 раз в местной и центральной печати (журналы «Звезда», «Краснофлотец», «Пограничник», газеты «Правда», «Правда Севера», «Северная вахта», «Пограничник Севера», в сборниках московского и архангельского Домов народного творчества и др.) и передавались по радио» (Там же, п. 14.2, л. 39).

¹³⁹ Там же, п. 14.4, л. 113 (Александров В. Крюкова М. Сказы об Отечественной войне : В записях Э. Г. и А. А. Морозовых. Архангельск, 1943).

¹⁴⁰ РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 14.4, л. 111 (Жилин Вл. [Рец.] Сказы об отечественной войне).

¹⁴¹ Крюкова М. С. О богатырях старопрежних и нынешних / В записях Э. Г. Бородин-Морозовой и А. А. Морозова. Архангельск, 1946.

¹⁴² РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 14.4, л. 94.

¹⁴³ Там же, л. 94.

¹⁴⁴ Крюкова М. С. Беломорские былины / Зап. Э. Г. Бородин-Морозовой; Предисл. А. А. Морозова. Архангельск, 1953.

реализована идея Э. Г. Бородиной-Морозовой о публикации научных записей былин и тех же вариантов в литературной обработке. Были опубликованы лишь отредактированные А. Морозовым тексты.

По окончании Великой Отечественной войны Э. Г. Бородин-Морозова неоднократно выступала с докладами о зимнебережной эпической традиции. Площадкой для выступлений стало Северное отделение Всесоюзного географического общества, организованное в конце 1944 г. в Архангельске. На заседаниях Этнографической секции Общества Э. Г. Бородин-Морозова прочитала доклады «Беломорская сказительница Аграфена Крюкова (1855—1921)» и «Песни и сказки о Груманте». Одной из задач Сев. отделения ВГО являлось снаряжение фольклорных экспедиций. Таким образом, в 1946—1947 гг. деятельность собирательницы осуществлялась при поддержке этой организации.

В отчете о командировке в Нижнюю Зимнюю Золотицу к М. С. Крюковой 9 августа 1946 г. подробно перечисляются произведения советского эпоса: «За время этого пребывания в Золотице мною записано от М. С. Крюковой около пятидесяти фольклорных текстов, из них по заданию СОВГО: Победное славословие Красной Армии, благодареньице тов. Сталину и партии за орден Ленина, которым М. С. Крюкова награждена 17 июля 1946 г., вариант того же благодареньица, плач о Михаиле Ивановиче Калининe, плач о погибшем в борьбе с фашистами племяннике М. С. Крюковой лейтенанте Николае Зосимовиче Крюкове, а также: полупрозаический пересказ былины о Даниле Ловчанине.

Также за время экспедиции продолжалась запись автобиографии М. С. Крюковой, детский фольклор (байки и сказки). В 1946 г. записано свыше десяти местных легенд и преданий, связанных с возникновением селения на реке Золотице».¹⁴⁵

В ходе экспедиций, организованных Сев. отделением ВГО и Архангельским отделением Союза советских писателей, Э. Г. Бородин-Морозова записывала сказочный репертуар М. С. Крюковой. Собирательница так объясняет переключение внимания на сказки: «Если в прежние мои поездки на Беломорье я обращала главным образом внимание на запись былин (всего мною записано свыше 200 былевых текстов от сказительниц М. С. Крюковой, П. С. Пахоловой, П. В. Негадовой и др.), то в настоящее время я занималась изучением сказочного репертуара Крюковой, очень значительного по объему. (...) Сказки Крюковой мало известны и по большей части оставались незаписанными, т(ак) к(ак) все приезжающие к ней фольклористы (в том числе и я), по вполне понятным причинам, прежде всего устремлялись на запись былевого материала».¹⁴⁶ Такое изменение приоритетов было связано не с пониманием ценности фиксации жанра в его живом бытовании, каким являлись сказки на Зимнем берегу в 1930—1940-е гг., а с прагматическими причинами — с нежеланием местного издательства печатать былины: «Сборник избранных сказок Марфы Крюковой вполне возможен. (...) Издавать же былины М. Крюковой нет надобности, так как они уже изданы Гослитмузеем».¹⁴⁷

¹⁴⁵ РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 14.4, л. 100.

¹⁴⁶ Там же, л. 168 (Отчет по творческой командировке в Ленинградское отделение ССП. [1947]). См. также: Там же, л. 148 (Отчет по фольклорной экспедиции Северного отделения Всесоюзного Географического общества в деревню Нижняя Зимняя Золотица Приморского района Архангельской области. 1947 г.); Там же, л. 149 (Перечень сдаваемых записей от сказительницы М. С. Крюковой).

¹⁴⁷ Там же, л. 166 (Выписка из протокола № 1 заседания фольклорной комиссии ССП СССР от 29 июня 1947 г.).

Другой стороной собирательской деятельности Э. Г. Бородиной-Морозовой во время ее сотрудничества с Сев. отделением ВГО были диалектологические исследования. В статье «Сбор словарных материалов Архангельской области» Э. Г. Бородина-Морозова сообщает о том, что в рукописное хранилище Сев. отделения ВГО несколькими собирателями были переданы диалектные материалы из разных районов Архангельской области.¹⁴⁸ В рамках этой работы в 1946—1947 гг. Э. Г. Бородина-Морозова записала свыше тысячи местных слов и выражений. Фольклористка послала образцы своих записей Р. И. Аванесову¹⁴⁹ с просьбой приобрести их. Ученый отметил качество проделанной работы, но в покупке материалов отказал: «Наши финансовые дела резко ухудшились, поэтому я не уверен, что Филин¹⁵⁰ сумеет приобрести сейчас ваши материалы. Но они безусловно представляют ценность для Ин(ститу)та».¹⁵¹ С проектом диалектологического словаря Э. Г. Бородина-Морозова обращалась и в Географическое общество, о чем говорится в одном из ее писем от 6 декабря 1951 г.¹⁵²

Другим нереализованным проектом Э. Г. Бородиной-Морозовой было написание книги о Марфе Крюковой. Для этой цели в 1948 г. она проводила архивные разыскания, в отчете указывала, что были «собраны материалы начала 19-го века о семье Крюковых и о других золотицких сказителях».¹⁵³ Очередная поездка Э. Г. Бородиной-Морозовой на Зимний берег была связана со сбором материалов для исследования. В ходе поездки производились записи автобиографических сказаний и были записаны былины от Серафимы Семеновны Крюковой.¹⁵⁴

Среди бумаг фольклористики отложились нереализованные проекты сборников и книг. Издательству «Советский писатель» Э. Г. Бородина-Морозова предлагала проект работы о сказителях Беломорья, написанной в жанре художественной биографии. В издание планировалось включить биографии А. М., М. С. и С. С. Крюковых, П. С. Пахоловой, Г. М. Плакуева и С. В. Седуновой, а также очерки об экспедициях, в которых участвовала собирательница.¹⁵⁵

Следует сказать, что М. С. Крюкова, со своей стороны, также проявляет активность. В конце 1940-х гг. она неоднократно обращается в Союз советских писателей с просьбой о том, чтобы к ней прислали Э. Г. Бородину-Морозову. В письме от 2 мая 1950 г. сказительница пишет: «Мне 74 года, и я не могу работать одна. Прошу вас сердечно не оставьте моей просьбе без внимания пришлите ко мне в Зимнюю Золотицу на мою родину для творческой работы писательницу Ерну Георьевну Морозову, с которой я работала уже много лет. Из Золотицы я не выезжаю уже десять лет некуда, потому что здоровье у меня слабое. Охота вам на память оставить свою творческую работу».¹⁵⁶ Подобные письма поступают и в 1951 г.: «В течение последних месяцев в Союз советских писателей поступили несколько заявлений и от Крюковой и от Арх(ангельского) отделения

¹⁴⁸ Бородина-Морозова Э. Г. Сбор словарных материалов Архангельской области // Правда Севера. 1948. № 162. 15 авг. С. 4.

¹⁴⁹ Аванесов Рубен Иванович (1902—1982) — российский языковед, диалектолог, профессор Московского гос. ун-та, сотрудник Института русского языка АН СССР (Москва).

¹⁵⁰ Филин Федот Петрович (1908—1982) — филолог-славист, сотрудник Института русского языка, позже — инициатор издания «Словаря русских народных говоров».

¹⁵¹ РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 14.1, л. 77.

¹⁵² Там же, п. 14.4, л. 173 (Письмо Э. Г. Бородиной-Морозовой к П. В. Минину от 6 дек. 1951 г.).

¹⁵³ Там же, л. 169 (Отчет по творческой командировке в Союз советских писателей от 18 ноября 1948 г.).

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же, л. 169, 183.

¹⁵⁶ Там же, п. 14.3, л. 3 (Письмо М. С. Крюковой в Правление Союза советских писателей от 2 мая 1950 г.).

ССП о необходимости помочь сказительнице в ее творчестве (прикрепив к ней какого-либо товарища, м(ожет) б(ыть), секретаря) и материально».¹⁵⁷ Но в архиве Э. Г. Бородиной-Морозовой отсутствуют сведения об экспедиции 1951 г. По-видимому, более на Зимний берег она не приехала.

Э. Г. Бородина-Морозова известна в первую очередь как собиратель фольклора. Как публикатор своих записей она выступила в сборниках «Былины М. С. Крюковой» и «Былины Печоры и Зимнего берега». Кроме того, тексты в ее записи были опубликованы в книге В. И. Малышева «Повесть о Сухане»¹⁵⁸ и в вышедших в 1950-е гг. сборниках былин: в «Большой серии Библиотеки поэта»,¹⁵⁹ в двухтомнике «Былины», подготовленном В. Я. Проппом и Б. Н. Путиловым¹⁶⁰ и в сборнике «Илья Муромец» серии «Литературные памятники».¹⁶¹

Э. Г. Бородина-Морозова выступала как соавтор М. С. Крюковой в создании ее индивидуальных произведений — сказов и новин (сборник автобиографических сказов «На Зимнем берегу у моря Белого»¹⁶² и отдельные тексты, напечатанные в различных журналах и газетах¹⁶³).

Из исследовательских работ Э. Г. Бородиной-Морозовой можно назвать несколько статей, вышедших в архангельском альманахе «Север»: две из них посвящены беломорским сказительницам А. М. Крюковой¹⁶⁴ и П. С. Пахоловой¹⁶⁵ и одна — сказаниям и песням о Груманте.¹⁶⁶

¹⁵⁷ Там же, п. 14.4, л. 48.

¹⁵⁸ Малышев В. И. Повесть о Сухане. М.; Л., 1956. Былины «Долман Долманович», «Сухмантий», «Сохматей сын Сохматьевич» (1937), «Сохматей сын Сохматьевич» (1944) напечатаны в записи Э. Г. Бородиной-Морозовой; «Старина про Сухмана сына Сухматьевича» (С. 171—177) опубликована впервые.

¹⁵⁹ Былины / Под ред. Б. Н. Путилова. Л., 1957 (Б-ка поэта; Большая сер.). Былины «Святогор и гроб», «Добрыня и Змей» и «Бунт Ильи Муромца против Владимира» записаны Э. Г. Бородиной-Морозовой.

¹⁶⁰ Былины : В 2 т. / Под ред. В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова. М., 1958. Т. 2. Напечатаны впервые две былины П. С. Пахоловой в записи Э. Г. Бородиной-Морозовой — «Соломан и Иван Микульевич» (С. 67—76) и «Глеб Володьевич» (С. 90—97).

¹⁶¹ Илья Муромец / Подгот. текстов, статьи, коммент. А. М. Астаховой. Л., 1958 (Сер. «Литературные памятники»). Былина «Илья Муромец и голи кабацкие» напечатана в записи Э. Г. Бородиной-Морозовой.

¹⁶² Крюкова М. На Зимнем берегу у моря Белого.

¹⁶³ Крюкова М. 1) Как я ездила по земле Советской // Резец. 1939. № 23—24. С. 1 (новина имеет подзаголовок «Народный певец — вождю народов : Из сказания «Жизнь Марфы Семеновны Крюковой, рассказанная ею самою»); 2) Про брата Ивана / Зап. Э. Бородина-Морозова // Звезда. 1940. № 7. С. 114—121; 3) Слово при получении ордена / Зап. Э. Бородина-Морозова // Ленинград. 1940. № 5. С. 2 обл.; 4) Марфа Крюкова и столичный Киев-град // Советская Украина. 1941. 6 февр. № 30; 5) На Зимнем берегу у моря Белого : Отрывки из автобиографии сказительницы / Зап. Э. Бородина-Морозова // Звезда. 1941. № 6. С. 249—273 (публикация включает в себя главы «Как новгородец Михайло Крюков поселился в Золотице, и про вдову его Катерину Федуловну», «Про двух братьев — Михаила и Леонтия», «Про Михаила Михайловича Крюкова», «Про деда Ганю»); 6) Растревожилась да вся земелюшка / Записали и обработали Э. Бородина-Морозова, А. Морозов // Звезда. 1943. № 1. С. 12—15; 6) Едут русские богатыри / Записала и обработала Э. Бородина-Морозова // Правда Севера. 1943. 7 янв. № 5. С. 2; 7) Здравница Красной армии / Записала и обработала Э. Бородина-Морозова // Звезда. 1943. № 2. С. 5; 8) Великая слава / Записала и обработала Э. Бородина-Морозова // Победная весна. Киров, 1945. С. 38—39; 9) Во Архангельском да славном городе / Записал и обработал А. Морозов // Север. 1946. С. 173—177.

¹⁶⁴ Морозова (Бородина) Э. Г. 1) Аграфена Крюкова // Правда Севера. 1945. № 241. 8 дек. С. 2; 2) Беломорская сказительница Аграфена Крюкова (1855—1921) // Север. 1946. С. 178—192.

¹⁶⁵ Бородина-Морозова Э. 1) Сказительница Павла Пахолова (1879—1946) // Север. 1952. С. 166—178; 2) Памяти сказительницы П. С. Пахоловой // Правда Севера. 1946. № 99. 15 мая. С. 4.

¹⁶⁶ Бородина-Морозова Э. Г. Сказания и песни о Груманте // Север. 1947. С. 154—172.

Основная часть собранных Э. Г. Бородиной-Морозовой материалов оставалась в рукописи и не была использована ни в публикациях, ни в научных работах: «Огромная часть моих записей от Крюковой до сих пор лежит в карандаше (...). В том виде, в каком находятся сейчас эти тексты, даже я не могу ими пользоваться для своей писательской работы».¹⁶⁷

* * *

Песенно-эпические материалы, собранные на Зимнем берегу Белого моря, позволяют выявить некоторые общие тенденции в собирательской деятельности отечественных фольклористов. Ранние записи, выполненные по программе, предложенной Архангельским губернским статистическим комитетом (И. Ф. Розанов), отличаются непрофессионализмом и имеют случайный характер. Открытие А. В. Марковым эпической традиции Зимнего берега (и шире — Архангельской губернии) совпадает с расцветом собирательской деятельности рубежа XIX—XX вв. Повторное обследование В. П. Чужимовым местной традиции соответствует традиции экспедиций «по следам» предыдущих собирателей, характерным для послереволюционных лет.

Советский период изучения фольклора Зимнего берега характеризуется политической ангажированностью, которая еще не была реализована в экспедиции В. П. Чужимова, но была заявлена в поездке Фольклорной секции АН СССР, а позднее проявилась в работе Р. С. Липец и Э. Г. Бородиной-Морозовой.

---

¹⁶⁷ РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, л. 14.4, л. 20 (Заявление в Ленинградское отделение ССП). См. также: л. 14.4, л. 165 (Письмо Э. Г. Бородиной-Морозовой к А. А. Фадееву с просьбой помочь в перепечатке рукописного материала).

Ю. И. МАРЧЕНКО

НАПЕВЫ БЫЛИН ЗИМНЕГО БЕРЕГА БЕЛОГО МОРЯ

Источники напевов былин Зимнего берега Белого моря, к сожалению, немногочисленны. Первые записи текстов эпических произведений выполнил еще в 1860-х гг. священник И. Ф. Розанов. Во время работы в Зимней Золотице И. Ф. Розанова интересовала краеведческая проблематика и каких-либо задач изучения музыкальных особенностей местного эпоса он перед собой ставить не мог.

Филолог А. В. Марков в экспедициях 1898—1899 гг. разучил два былинных напева от Г. Л. Крюкова и М. С. Крюковой. Обе мелодии он пропел В. В. Пасхалову с просьбой переложить на ноты. Образцы двух записанных В. В. Пасхаловым мелостихов были включены в собрание беломорских былин как первые, хотя и косвенные музыкальные источники.¹

Интересы А. В. Маркова не только как собирателя и исследователя поморского эпоса, но и как исполнителя некоторых произведений местного былинного репертуара несколько позже были отражены в звукозаписи. В собрании Фонограммархива Института русской литературы (Пушкинский Дом) хранятся отдельные фонографические цилиндры А. В. Маркова. Судя по содержанию, цилиндры записаны в экспедициях 1903 и 1909 гг.² На одном из них содержится короткий фрагмент былины «Дунай Иванович» (четыре мелостиха), усвоенный А. В. Марковым от Г. Л. Крюкова и затем напетый им на фонограф.³ Скромная паспортизация цилиндра не позволяет точно установить автора фонограммы.⁴ Однако эта фонограмма является важным документом, засвидетельствовавшим факт осторожного освоения поморского былинного репертуара самим собирателем.

Новым этапом в изучении песенной культуры поморов стала экспедиция 1901 г., охватившая своими маршрутами населенные пункты Терского и Зимнего берегов Белого моря.

К этому времени российская фольклористика уже вступила в эпоху звукозаписи. Начиналось активное применение фонографа в практике фольклористов-собираателей. На рубеже XIX—XX вв. наибольшим размахом отличалась деятельность Е. Э. Линевой. Ее публикации, вышедшие в свет в начале прошлого столетия, демонстрируют серьезные преимущества, которые получает музыковед-исследователь при обработке фонографических материалов.⁵

А. В. Марков также принадлежал к числу сторонников использования звукозаписывающей аппаратуры. Он обеспечил свою экспедицию фонографом и при этом включил в рабочую группу музыковеда А. Л. Маслова и фотографа Б. А. Богословского.

В том же 1901 г. в Архангельскую губернию с фонографом отправился еще один собиратель — филолог А. Д. Григорьев. Накапливая материалы для своего знаменитого собрания,⁶ А. Д. Григорьев все же предпочитал действовать в одиночку.

¹ ББ (ноты: «Дунай Иванович» (к № 75), «Бой Добрыни и Алеши с татаринном» (к № 63)).

² БСДС. С. 28—30, 967—992 (№ 1—32).

³ ФА ФВ 3046.01; БСДС. С. 992 (№ 33). См. № 736 наст. изд. и коммент. к нему.

⁴ Н. Г. Комелина полагает, что фонографическую запись мог выполнить кто-либо из музыковедов, с которыми сотрудничал А. В. Марков, указывая на А. Л. Маслова и В. В. Пасхалова (наст. изд., с. 101). Но нельзя исключать и самозапись, технически вполне осуществимую.

⁵ [Линева Е. Э.] Великорусские песни в народной гармонизации / Зап. Е. Линевой; Текст под ред. акад. Ф. Е. Корша. СПб., 1904. Вып. 1; Вып. 2: Песни новгородские. СПб., 1909.

⁶ См.: Гр. I, II, III. При подготовке издания нотировку записанных на фонограф образцов осуществил музыковед И. С. Тезавровский (см.: СБ 3. С. 78—79; СБ 6. С. 66; СБ 7. С. 56).

Экспедиция А. В. Маркова, судя по составу участников, уже не могла быть одноцелевой.⁷ Работа начиналась с обследования традиций Терского берега Белого моря. Причем задачи, поставленные перед собирателями в процессе этого обследования, серьезно отличались от тех, которые им предстояло решать на втором этапе маршрута, при общении с исполнителями Зимнего берега.⁸

Вначале участники экспедиции 1901 г. обследовали населенные пункты Терского берега Белого моря. Свои дальнейшие задачи они охарактеризовали так: «Собрав (...) значительное количество записей, мы отправились с Терского берега в село Зимнюю Золотицу, лежащую на Зимнем берегу Белого моря, противоположном Терскому. А. В. Маркову в этом селе пришлось быть уже два раза; здесь он записал „Беломорские былины“, в настоящее время уже изданные отдельной книгой. На этот раз предстояло прежде всего записать напевы к собранным раньше текстам, а затем произвести новые записи былин и духовных стихов. Музыкальные записи выполнены А. Л. Масловым».

Наличие в рабочей группе музыковеда, осуществлявшего самостоятельные наблюдения, выполнявшего слуховые записи напевов непосредственно с голосов народных исполнителей, вместе с А. В. Марковым фиксировавшего напевы на фонограф, а в дальнейшем выполнившего работу по

⁷ Обследование севернорусских фольклорных традиций, начатое А. В. Марковым в 1898 г. на Зимнем берегу Белого моря (вол. Зимняя Золотица) и А. Д. Григорьевым в 1899 г. в районах Западного Поморья, осуществлялось фактически параллельно и вначале продвигалось только в филологическом направлении. Постепенно А. В. Марков и А. Д. Григорьев охватили своим обследованием обширную территорию, включающую районы Зимнего и Терского берегов Белого моря, районы Пинежья, Кулоя и Мезени. Появление у обоих собирателей в экспедициях 1901 г. фонографов, вызванное стремлением документировать материалы записями голосов исполнителей, неизбежно привело к кооперации с музыковедами-фольклористами. Музыковед И. С. Тезавровский, которому А. Д. Григорьев предложил нотировать записанные на Пинеге, Кулое и Мезени фонограммы, блестяще справился с далеко не простой ролью «переводчика напевов». Что же касается А. Л. Маслова, то он предпочел лично увидеть конкретных людей, лично услышать и записать от них те образцы поющего фольклора, которые ему в дальнейшем предлагалось подготовить к изданию.

⁸ ММБ-1. С. 14.

Когда в 1906 г. вышла в свет работа, содержащая материалы по Зимнему берегу Белого моря, она с учетом ссылок на собрание «Беломорские былины» рассматривалась самими составителями как дополнение с иллюстрациями. Это нашло отражение и в самой публикации: «В настоящем I выпуске „Трудов Музыкально-этнографической комиссии“, — сообщают авторы, — печатается только часть материала, собранного в экспедицию 1901 года, а именно то, что записано на Зимнем берегу Белого моря, в двух селах, в Нижней и Верхней Зимней Золотице, остальные же записи войдут во II выпуск „Трудов“. Здесь печатаются, во-первых, вновь собранные в эту поездку тексты духовных стихов, былин и причитаний вместе с относящимися к ним напевами, во-вторых, некоторые мелодии к тем былинным текстам, которые уже ранее изданы Этнографическим Отделом в (...) в сборнике „Беломорские былины, записанные А. Марковым“ (Москва, 1901 г.). Для читателей, не имеющих под руками этого издания, здесь, вслед за вновь записанными текстами, перепечатываются из названного издания начальные стихи этих былин, к которым теперь записаны мелодии. При этой перепечатке особенности местного говора не сохранены, кроме тех случаев, когда этого требует напев. (...)»

К музыкально-этнографическим материалам прилагаются снимки, сделанные Б. А. Богословским в Зимней Золотице и ее окрестностях, а именно: вид с. Нижней Золотицы, типы построек и судов местной работы, наряд невесты, а также фотографии выдающихся певцов и певиц.

Подробные биографические данные о золотицких сказителях и сказительницах читатель найдет в „Беломорских былинах“ А. В. Маркова. Здесь же сообщаем краткие сведения о трех главнейших исполнителях былин (такими, по мнению составителей, являются А. М. Крюкова, Г. Л. Крюков и Ф. Т. Пономарев — Ю. М.)» (ММБ-1. С. 18).

расшифровке экспедиционных фонограмм, — все это вывело изучение песенных традиций Поморья на более высокий научный уровень.⁹

По сведениям собирателей всего удалось собрать 113 напевов, из них 55 мелодий были зафиксированы на фонографических цилиндрах.¹⁰ При составлении нотных приложений к итоговым собраниям А. Л. Маслов включил в них как слуховые записи, так и нотировки.¹¹ Публикации, с одной стороны, все еще сохраняли связь с традицией фольклорных изданий второй половины XIX столетия, а с другой — соответствовали новым научным требованиям, которые предполагали обработку документальных звукозаписей.

В нотном приложении к материалам Зимнего берега Белого моря содержится 47 образцов.¹² Из них 13 напевов представляют собой слуховые записи А. Л. Маслова,¹³ 34 мелодии расшифрованы с фонограмм.¹⁴ Девятнадцать былинных напевов и один музыкальный образец комического эпоса записаны в двух населенных пунктах от пяти сказителей.¹⁵

К сожалению, никаких фонографических цилиндров, записанных участниками экспедиции 1901 г., найти не удалось. Также не удалось обнаружить и каких-либо рукописных материалов А. Л. Маслова, отражающих его работу. Поэтому наиболее ранний источник былинных напевов Зимнего берега Белого моря не подкреплен ни звукозаписями, ни архивными рукописями и пока остается только печатным.

После выхода в свет в 1906 г. публикации А. В. Маркова, А. Л. Маслова и Б. А. Богословского в изучении местной музыкально-эпической традиции наступил длительный перерыв. Для возобновления интереса к этой культуре понадобилось более трех десятилетий. В 1938 г., во время гастрольной поездки в Москву М. С. Крюковой, от нее был записан на магнитофон довольно обширный репертуар, в том числе две былины, исполненные на один напев. Оба произведения М. С. Крюкова пропела целиком. Материалы не вносят дополнений в музыкально-типологическую картину местного эпоса, представленную в публикации 1906 г., но оказываются аудио-документами, отражающими процесс исполнения былин Зимнего берега Белого моря аутентичным и к

⁹ Подробнее см.: БСДС. С. 21—23.

¹⁰ ММБ-1. С. 18.

¹¹ НЗБ, НТБ.

¹² Среди мелодий: 9 напевов духовных стихов (НЗБ. № 1, 2а, 2б, 3, 4, 5а, 5б, 22, 32), 19 напевов былин (Там же. № 6—9, 11, 13—16, 18а, 18б, 21, 34—38, 40—41), 1 напев комического эпоса (Там же. № 42), 7 напевов старших баллад (Там же. № 23—27, 30, 33), 5 напевов исторических песен (Там же. № 28, 29, 31а, 31б, 39), 2 напева обрядовых песен (Там же. № 43а, 43б), 2 напева свадебных групповых причитаний (Там же. К № 44—47; К № 48—54), один напев свадебного сольного причитания (Там же. К № 44—47), 1 напев похоронного причитания (Там же. К № 58—61). Каждый из четырех типовых напевов причитаний в публикации обозначен номерами поэтических текстов, которым он соответствует. К сожалению, в публикации оба напева свадебных групповых причитаний неверно атрибутированы как напевы сольных причитаний невесты, а напев невесты — как напев группового причитания плачей. Подробнее см.: БСДС. С. 25.

¹³ НЗБ. № 2а, 4, 6—9, 15, 16, 18а, 31б, 38, к № 44—47 — напев свадебного группового причитания, к № 44—47 — напев свадебного сольного причитания.

¹⁴ Там же. № 1, 2б, 3, 5а, 5б, 11, 13, 14, 18б, 21—30, 31а, 32—37, 39—42, 43а, 43б, к № 48—54 — напев свадебного группового причитания, к № 58—61 — напев похоронного причитания.

¹⁵ С. Нижняя Зимняя Золотица: НЗБ. № 6, 7, 21 — исп. А. М. Крюкова; № 8, 9, 34, 35, 36 — исп. М. С. Крюкова; № 16, 18а, 18б, 37, 38 — исп. Г. Л. Крюков. С. Верхняя Зимняя Золотица: Там же. № 11, 13, 14, 15, 40 — исп. Ф. Т. Пономарев; № 41, 42 — исп. А. И. Лыткина.

тому же выдающимся носителем традиции.¹⁶ При дальнейшем обследовании местных фольклорных традиций былинные напевы собирателями больше не фиксировались.

Публикация А. В. Маркова, А. Л. Маслова и Б. А. Богословского — единственный источник, в котором содержатся образцы напевов местного поющего эпоса, записанные от нескольких сказителей в вариантной разнообразии мелодий. В свою очередь А. Л. Маслов оказывается единственным музыковедом, которому удалось наблюдать эпическую традицию Зимнего берега в условиях живого бытования и работать с различными ее носителями. Благодаря его участию, исследование музыкально-этнографической проблематики как в экспедиции, так и в дальнейшей работе при подготовке материалов к публикации, смогло опереться на профессиональную основу.

В сообщении о результатах работы в Золотицкой волости авторы публикации, опираясь на весь собранный материал, предлагают сравнительную характеристику двух поморских традиций: «Село Золотица представляет собою уголок, удаленный от культурного центра и населенный довольно богатыми рыбопромышленниками, и заключает в себе богатый источник эпического народного творчества. Здесь живут такие певцы, как А. М. Крюкова, знающая более 60 „старин” (более 10 000 стихов), Г. Л. Крюков, Ф. Т. Пономарев, он же Почошкин, и другие. Эти певцы называются здесь *сказителями* и *сказительницами*, тогда как на Терском берегу для поющих старины нет особого прозвища; точно так же на Терском берегу нет и профессиональных сказителей, каких мы знаем в Олонецкой губернии, напр<имер>, подобно Рябинину и др<угим>. Кроме того, на Терском берегу мы совсем не встретили мужчин, поющих былины, что в связи с другими фактами указывает уже не на свежесть былинной традиции, а скорее на упадок ее на Терском берегу.

Во время нашего пребывания на Зимнем и Терском берегах нам приходилось записывать не только былины и духовные стихи, но и другие виды музыкального творчества — различные песни и заплачки (причитания), — всего более ста номеров. По отделам наши записи распределяются так: былины и исторические песни (записано 67 напевов), духовные стихи (22 напева), наконец, песни и причитания (всего 24). Первые два отдела у поморов считаются серьезными произведениями и поются не только в обыкновенное время, но и Великим постом, когда пение других песен считается предосудительным. На Терском берегу собственно былины, исторические песни и духовные стихи одинаково называются „стихами”, изредка лишь различаются божественные стихи от „старин”. В музыкальном отношении и со стороны собственно мелодической характеристики их можно разделить на три вида: во-<перв>ых, былины полуречитативного характера, напев которых не простирается далее сексты; во-<втор>ых, исторические песни, которые несколько приближаются к обыкновенной песне и имеют уже больший объем в звукоряде напева, и, наконец, в-<треть>их, духовные стихи, с явным отпечатком церковности, по звукоряду тоже незначительного объема.

Встречаются исторические песни, которые поются на мотивы былин, и былины, поющиеся на мотивы духовных стихов и обратно, в зависимости от того, к какому роду поющих причисляет данный текст — к „старине” или к „стиху”. Однако большинство исторических песен по напеву часто тождественны с былинами, а потому все сказанное о былинах, за редким лишь исключением, может относиться и к историческим песням.

¹⁶ Некоторые результаты музыковедческой работы отражены в публикациях: Гуменик А. З., Кривоносов В. М. Марфа Семеновна Крюкова и северные былины // Советская музыка. 1939. № 1. С. 49—55; Крюк. I (ноты — С. 725—730); Неласва Е. М. Здравствуй, морюшко Белое! : Сказители Крюковы из Зимней Золотицы. Архангельск, 2001 (ноты — С. 166—167).

Былины Терского берега, как по содержанию, так и со стороны музыкальной, весьма отличаются от былин Зимнего берега. Прежде всего обращает на себя внимание их ритмическое строение.

В этом отношении записанные нами былины делятся на два вида: с ритмом (в элементарном смысле этого слова) двухдольным и трехдольным. Первый на Терском берегу встречается как исключение (у сказительниц У. <Е.> Вопиящиной, М. Ф. Кожинной, И. Ф. Кореховой),¹⁷ а трехдольный является господствующим;¹⁸ на Зимнем берегу двухдольный ритм встречается чаще. В мотивах на всем Терском берегу легко усмотреть одну общую основу и близкое родство, на Зимнем — мы встречаем разнородные напевы, и это разнообразие объясняется, вероятно, частыми сношениями золотицких жителей с жителями северо-восточной части Архангельской губернии.

Обращаясь к отдельным певцам, мы должны заметить, что каждый сказитель поет большую часть своих былин на один излюбленный напев, лишь некоторые старины из его репертуара поются им на другие „голоса”. За выдающегося исполнителя былин в Зимней Золотице нужно признать Ф. Т. Пономарева-Почошкина. Музыкальный репертуар его, правда, исчерпывается тремя-четырьмя напевами, но это настоящий художник, мастер своего дела. Напев у него, в противоположность другим сказителям, выработался в некоторую определенную форму, и он принадлежит к числу тех сказителей, которые точно соблюдают размер стиха, лишь изредка допуская расширения или сокращения, что очень часто случается у других, напр<имер>, у Г. Л. Крюкова. Индивидуальную особенность в музыкальном отношении представляет молодая сказительница М. С. Крюкова; старины, которые пришлось у нее слышать, она поет на особые напевы, из которых одни, как она утверждает, переняты ею у деда, другие у мезенских калик. Но напевы ее, как и самый текст, страдают какой-то неустойчивостью и отсутствием определенного размера. Подчас казалось, что в данный момент она сочиняет старину и укладывает ее в первый попавшийся напев, быть может, ею сочиненный или заимствованный из другой былины.¹⁹

Достоин замечания тот факт, что сказители часто меняют напевы былин и при повторении в другой раз нередко поют их совершенно на другой голос, не говоря уже о перемене тональности, в зависимости, например, от усталости певца.²⁰

Из всех напевов обращает на себя внимание своеобразный стиль „Кострюка” в исполнении Г. Л. Крюкова.²¹ Только прослушав подлинное исполнение, можно иметь понятие о таком пении: это не мелодическое пение и не речитатив, а, пожалуй, если можно так выразиться, скороговорка в пределах музыкальности, напоминающая скоморошью манеру, очень распространенную еще в селениях бассейна реки Пинеги; отсюда-то через мезенцев, вероятно, этот стиль попал и на Зимний берег.

¹⁷ Судя по аналитической таблице, которую А. Л. Маслов поместил в итоговой работе (Маслов. С. 320), он имел в виду напевы определенного типа, записанные в с. Кузомень от М. Ф. Кожинной и П. Ф. Конёвой: НТБ. № 28, 30, 43. Ср.: НЗБ. № 11, 13, 15, 21, 27, 31а, 31б, 32, 41. Несогласованность ссылки могла быть вызвана тем, что корпус материалов по Терскому берегу еще находился в стадии формирования. Как известно, вторая публикация вышла в свет пять лет спустя после первой.

¹⁸ НТБ. № 21—25, 27, 29, 32, 36—38, 40—42, 44—46, 48—50. Ср.: НЗБ. № 14, 18а, 18б, 34.

¹⁹ Ср.: НЗБ. № 4, 5а, 5б, 35, 36.

²⁰ Там же. № 7.

²¹ Там же. № 39.

Не меньший интерес представляют напевы духовных стихов. В мелодическом отношении они разделяются на три вида: во-первых, напевы, заимствованные из обиходной церковной музыки или носящие сильный отпечаток таковой, как напр⟨имер⟩, „Преподобный Макарий”, записанный на Терском берегу;²² во-вторых, на голос былин (напр⟨имер⟩, „Царь Агапий»,²³ «Непростительный грех»,²⁴ «Василий Кесарийский»²⁵), и в-третьих, собственные напевы стихов чисто народного склада, с выработавшимися для подобных стихов характерными заключениями (кадансами).

Исполняются духовные стихи, как и былины, solo, лишь изредка певцы соединяются в группы.

Приемы вокализации при исполнении былин и стихов на Терском и Зимнем берегах одинаковы; так, при встрече двух различной высоты нот под одним слогом с двумя согласными в нем делается растяжение, свойственное вообще русской народной песне: напр⟨имер⟩, вместо „двенадцать лет” поется „дивенадыцать лет” и т. п.

Совершенно иной род музыкального творчества представляет светская песня, и главную роль здесь играет песня обрядовая, традиционно соблюдаемая с религиозным благоговением и вследствие этого сохраняющая свой архаический склад. Песни эти, как остаток глубокой старины, в музыкальном отношении представляют также интересный материал для уяснения основ древнерусской народной музыки. К таким относятся записанные нами на Терском берегу песни: свадебные, весенние, круговые, причитания свадебные и похоронные».²⁶

Попытка характеристики всего собранного материала с музыкально-жанровых позиций — безусловная заслуга А. Л. Маслова. Поскольку главная задача собирателей сводилась все-таки к изучению местной эпической традиции, наблюдения А. Л. Маслова в первую очередь касались музыкальных особенностей былин, баллад, исторических песен, духовных стихов, а также репертуара сказителей, исполнительской манеры каждого из них.

По техническим причинам на фонограф могли быть зафиксированы лишь краткие фрагменты зачинов. Поэтому слуховым записям напевов во время исполнения произведений по-прежнему придавалось особое значение. Слуховая запись оставалась основной, и она предшествовала записи на фонограф.

В итоговой публикации помещены все материалы, благодаря которым краткость нотных образцов отчасти компенсируется вариантным представлением некоторых типовых напевов в различных эпических произведениях у конкретных сказителей.²⁷

Особого внимания заслуживает напев былины «Дюк Степанович», записанный от Г. Л. Крюкова. В публикации напев представлен дважды: слуховой записью и нотировкой фоно-

²² НТБ. № 16.

²³ Там же. № 40. Напев былины «Шесть калик со каликою». По указанию составителей так же поется духовный стих «Молодец и царевна (Егорий и змея)» (ММБ-2. С. 30—32. № 7), записанный в д. Федосеево от М. С. Лопинцевой. Традиционный сюжет «Святой Егорий и царь иноверный», в тексте — царь Огафей (Агафей).

²⁴ НТБ. № 40. Напев былины «Шесть калик со каликою». По указанию составителей так же поется духовный стих «Непрощаемый грех» (ММБ-2. С. 42. № 20), записанный в д. Федосеево от М. С. Лопинцевой; НТБ. № 45. Напев баллады «Мать продает своего сына». По указанию составителей так же поются духовный стих «Непрощаемый грех» (ММБ-2. С. 41—42, № 19) и баллада «Князь Дмитрий и его невеста Домна» (Там же. С. 96—98. № 53), записанные в Кузомени от А. Д. Полежаевой.

²⁵ НЗБ. № 1.

²⁶ ММБ-1. С. 16—17.

²⁷ НЗБ. № 11, 13, 15. Записаны от Ф. Т. Пономарева; Там же. № 21, 31а, 31б (ср. также: № 27, 32). Записаны от А. М. Крюковой.

граммы. Мелодия сопровождается комментарием, согласно которому на тот же мотив Г. Л. Крюков исполнил еще по крайней мере три произведения: «Садко», «Шутову старину» и «Небылицу».²⁸

Интересны два напева былины «Василий пьяница», записанные также от Г. Л. Крюкова. Один напев Г. Л. Крюков исполнил на фонограф,²⁹ другой А. Л. Маслов записал от него на слух.³⁰ Сравнение образцов показывает, что две мелодии, предназначенные для исполнения одной былины, оказываются на полюсах музыкально-типологического диапазона.

С позиций научной достоверности нотировки фонограмм предпочтительнее слуховых записей. Но следует учитывать, что зафиксированные на фонограф короткие фрагменты не были застрахованы от случайных искажений, в том числе технического характера. Это безусловно сказывалось на качестве материала и отмечено собирателями.³¹

Достаточно сложными для прочтения оказываются и слуховые записи. При их выполнении А. Л. Маслов стремился зафиксировать наиболее контрастные мелости, хотя бы в «конспективной» форме отразить диапазон варьирования напевов. Для «скорописи» А. Л. Маслов прибегал к условным обозначениям, не везде подтекстовывал ноты. Такие записи предназначались для специалистов с теоретической подготовкой, без которой вероятность неверного представления о напевах по нотному тексту значительно возростала.

При изучении севернорусской напевной декламации у А. Л. Маслова постепенно сложилась теоретическая концепция, касающаяся музыкальной структуры севернорусских былинных мелодий. Эту концепцию он изложил в отдельной публикации «Былины, их происхождение, ритмический и мелодический склад». В работе содержатся основы аналитического метода и принципы, которыми А. Л. Маслов руководствовался при окончательном редактировании материалов.

Признавая в эпосе ведущую роль повествовательного начала, А. Л. Маслов рассматривал напевы как средство музыкальной декламации, тесно связанное со слово- и слогопроизнесением. Для характеристики таких музыкальных форм особенно важными он считал их метроритмические и слогоритмические структуры. Поскольку в русском народном стихосложении отсутствует стопное построение, то в качестве самой мелкой ритмической единицы предлагается ритмический период — структура с одним ударением, приходящимся всегда на ее начало: «...ритмические периоды, — писал А. Л. Маслов, — суть главные ритмические единицы в народном стихе, которые, соединяясь между собою, образуют строку или стих, вместе с тем и музыкальный мотив, имеющий одно главное логическое ударение и несколько второстепенных».³² Также он указывал, что «в музыкальном отношении можно отыскать еще группы, как бы соответствующие стопам, это части

²⁸ НЗБ. № 18а, 186.

²⁹ Там же. № 37 (117а).

³⁰ Там же. № 38 (117б).

³¹ А. Л. Маслов в «Замечаниях к напевам с. Нижней Золотицы» сообщает: «К сожалению, некоторые записи, сделанные фонографом, вышли недостаточно отчетливо, особенно при начале пения, когда певец еще не успел распеться, или же вообще когда он пел слишком тихо. Некоторые из таких неясных мест восстановлены на основании дальнейших повторений мелодии. Но надо заметить, что такое воспроизведение, быть может, не всегда точно соответствует действительности, потому что начальные такты иногда представляют из себя запев, который дальше не повторяется. Кажется иной раз, что певец приступает к пению, представляя себе только содержание „старины“, а мелодию начинает как бы подбирать, и затем уже во втором или третьем стихе она устанавливается в нечто определенное и повторяется, только слегка варьируясь» (ММБ-1. С. 145).

³² Маслов. С. 311.

ритмических периодов, содержащие в себе 2, 3 неделимые доли ⟨...⟩. Таким образом, можно подразделить ритмический период на несколько мелких групп, преимущественно двух- и трехдольных, часто перемешанных между собой». В севернорусской напевной декламации встречаются напевы сложные (двух- и трехстрочные) и однострочные. «Величина же строчного напева, — по мнению А. Л. Маслова, — зависит от характера напева, его образования и древности как склада напева, так и текста, вследствие чего былины приходится разделить на: 1) имеющие свой полный эпический размер строки, 2) имеющие сокращенный эпический размер, 4) имеющие склад духовного стиха и 5) имеющие позднейший одномерный размер». ³³ Три размера (полный, сокращенный и скомороший) характеризуются наличием дактилической клаузулы и зеркально симметричной (анapestической) анакрузы. Полный эпический размер соответствует трехакцентному тоническому стиху с колебанием слогов от двенадцати до четырнадцати. При этом напев имеет три ритмических периода. Особенностью скоморошьего размера является пропуск второго ритмического периода (напев и строка текста состоят только из двух ритмических периодов). Что же касается сокращенного эпического размера, то это размер «мало отличается от полного; разница состоит во втором ритмическом периоде, который короче, чем в полном размере, именно по величине равен протяжению преимущественно двух слогов. ⟨...⟩ Следует заметить, что оба этих размера (полный и сокращенный. — Ю. М.) в сущности так мало различаются, что сказители часто в одной и той же старине пользуются обоими размерами...». ³⁴ Размер духовного стиха имеет три или два ритмических периода, но отличается двусложной клаузулой. «Последним, пятым одномерным размером, поются исторические песни позднейшего творчества, которые нельзя разделить на два или три периода, с типичным эпическим окончанием; они уже имеют как будто метрическую основу; строка напева разделяется на полустишия, в свою очередь на полустишие приходится несколько акцентов...». ³⁵ Особое внимание А. Л. Маслов уделил завершающей части напева и принципу соединения мелостихов: «Окончание напева определяет лучше всего характер напева и ⟨...⟩ даже ритмический склад стиха. Былины выработали особые, только им свойственные заключения (каденции), составляющие собственно третий ритмический период в полном и сокращенном эпических размерах... Каждый напев русской песни заканчивается так, что требует после себя возвращения к началу напева, поэтому музыкальная сторона каденций делается с расчетом, чтобы затем можно было плавно перейти к повторению, для чего в каденции существует *придаток*, названный мною ⟨...⟩ *переводом*. В то время как по всему музыкальному содержанию *перевод* относится к каденции, по литературному содержанию слоги текста под переводом логически примыкают к следующему стиху ⟨...⟩. Таким образом начало каждого напева, за редким исключением, в начале былины, имеет как бы затакт, выражаясь термином нашей „элементарной теории музыки“. По музыкальному содержанию затакт имеет более родства с окончанием напева, по смыслу же текста ближе подходит к началу нового стиха, вследствие чего в общей музыке по фразировке такие затакты и относят к последующей мелодии или мотиву». ³⁶ А. Л. Маслов включает перевод, соответствующий анакрузе нового мелостиха, в последний (третий) ритмический период. Фактически он определяет еще один элемент музыкальной структуры, требующий специального нотографического оформления. Этот элемент захватывает последний слог мелостиха и анакрузу мелостиха последующего.

³³ Там же. С. 315.

³⁴ Там же. С. 316.

³⁵ Там же. С. 317.

³⁶ Там же. С. 321—322.

Опираясь на особенности метроритмического строения напевов связанных с полным эпическим размером, А. Л. Маслов подразделяет композиции на две группы: напевы с ритмическими периодами «строения как бы двухдольного» и «как бы трехдольного». В исследовании он поместил таблицу с двумя образцами контрастных мелодий. Из этой таблицы следует, что мера музыкального времени в напевах с «двухдольным» строением периодов вдвое продолжительнее, чем в напевах с «трехдольным». Время произнесения одного слога в напевах «двухдольных» распространяется на $1/4$, в напевах «трехдольных» пара слогов охватывает $3/8$. А. Л. Маслов подчеркнул, что «и то и другое строение одинаково употребительно в разных районах, где сохранились остатки эпической старины».³⁷

В текстологическом отношении нотный корпус публикации 1906 г. оказывается достаточно сложным.³⁸ Все же, несмотря на фрагментарность образцов и определенные сложности, возникаю-

³⁷ Там же. С. 320. Составители антологии «Былины» предложили уточнение: «...для напевно-декламационных форм сказительского стиля весьма типично наличие постоянного повествовательного пульса, одномерного, не допускающего ненормативных стяжений метрического времени (дуолей, триолей и т. п.). На этой ритмической канве сказитель интонационно выделяет простейшие четные и нечетные ритмические группы, образующие своего рода музыкальные стопы. В одних случаях они представляют собой простейшие метры: $2/8$, $3/8$, в других образуют пульс из сдвоенных единиц: $2/4 = 2/8 + 2/8$, $3/4 = 2/8 + 2/8 + 2/8$. И в том и в другом случае могут появляться соединения данных метров в сложные метрические композиции, например: $11/8 = 2/8 + 3/8 + 3/8 + 3/8$ или $7/4 = 3/4 (2/8 + 2/8 + 2/8) + 4/4 (2/8 + 2/8 + 2/8 + 2/8)$. Наличие единой меры пульса дает сказителю возможность плавно переходить от одного метроритмического принципа к другому и смешивать их, не нарушая мерности стиха при любом его изменении» (БРМЭ. С. 27—28).

Особого внимания заслуживает исследование Е. Е. Васильевой, в котором однострочные напевы, связанные с полным эпическим размером, подразделяются на два типа: 1) напевы с переменной моры, 2) напевы с обособленным кадансом (Васильева. С. 155—162). Напевы с переменной моры соответствуют композициям с простейшими метрами (А. Л. Маслов их включил во вторую группу). Напевы с обособленным кадансом — композиции с пульсом из сдвоенных единиц (по А. Л. Маслову — напевы первой группы). Заметим, что в напевах с переменной моры преобладает декламационное начало с уклоном в сторону слоговой мелодики. Напевы с обособленным кадансом отличаются внутрислоговыми распевами и мелодикой с некоторыми признаками песенного интонирования.

³⁸ Публикацию нотного материала А. Л. Маслов предварил следующими замечаниями: «Расширения или сокращения стиха в некоторых былинах не дают мелодии уложиться в определенную форму; эти изменения в ритмике мелодии обозначены нотами, помещенными в скобках, или же вариантами, выписанными в отдельную строку.

Разделение на такты, допущенное для большей части напевов, надо заметить, не всегда может быть признано бесспорным ввиду той же неустойчивости стиха: одна и та же нота у сказителя являлась то сильно, то слабо акцентированной. Исключением могут служить разве только стихи и старины Ф. Т. Пономарева-Почошкина и А. М. Крюковой, отличающиеся большей правильностью стихотворного размера.

Ноты средней высоты, не укладывавшиеся в современную нотную систему, обозначены случайными знаками в скобках.

Две звездочки перед нотой обозначают маленькое понижение звука (около $1/4$ тона сравнительно с $\langle o \rangle$ звуком, выраженным этой нотой в общепринятой системе.

Одна звездочка, наоборот, обозначает звук несколько высший, чем какой обыкновенно выражается этой нотой.

Скобки квадратные означают: 1) расширение или сокращение напева в зависимости от текста, 2) вариант напева.

Скобки полукруглые заключают в себе те места напева или текста, запись которых сомнительна (особенно в начале фонографических записей) и восстановлена приблизительно, большей частью на основании дальнейших стихов.

Маленькие ноты означают незначительные варианты, а не двухголосные мелодии, какового в золотицких былинах не встречалось» (ММБ-1. С. 145—146).

В корпусе настоящего издания напевы представлены в редакциях, принятых для серии «Былины», и помещаются под литературными номерами после соответствующих поэтических текстов. Мелостиhi, записанные по сокращенной методике, восстанавливаются, предлагается допустимая подтекстовка. В комментариях с небольшой конъектурной правкой приводятся нотные образцы в редакции А. Л. Маслова с сохранением его условных обозначений. При этом

шие при ознакомлении с ними по публикации, некоторые напевы из собрания А. Л. Маслова, А. В. Маркова и Б. А. Богословского по Зимнему берегу были неоднократно востребованы специалистами.

Две мелодии с комментариями вошли в былинные собрания академической серии «Литературные памятники»,³⁹ семь — в музыкально-поэтическую антологию «Былины»,⁴⁰ шесть — в собрания академической серии «Исторические песни».⁴¹ Заметим, что среди образцов оказалась лишь одна из слуховых записей А. Л. Маслова. К ней обратились составители антологии «Былины».⁴² Остальные напевы представлены нотировками фонограмм.

Прежде чем приступить к характеристике былинных напевов Зимнего берега, заметим, что из опубликованных книг серии «Былины», посвященных архангельско-беломорским традициям (былины Печоры, Мезени, Кулоя и Пинеги), самым скромным по объему нотных материалов оказывается том былин Кулоя. Тем не менее этот том по количеству представленных в нем мелодий более чем в два раза превышает корпус напевов Зимнего берега.⁴³ В нотном корпусе материалов былинного эпоса Зимнего берега счет идет не столько на общее количество напевов, сколько на количество мелостихов во всех напевах в целом. Поэтому особое значение приобретает каждый нотный образец, аналитические характеристики которого должны учитывать собирательский и исследовательский опыт А. Л. Маслова.

Музыкальный репертуар былин Зимнего берега представлен записями, выполненными всего лишь от пяти сказителей, хотя, судя по количеству зафиксированных поэтических текстов, знатоков былинного эпоса, владевших традицией напева, могло быть значительно больше.

Напевы, составляющие нотный корпус, можно подразделить на три группы: 1) напевы с обособленным кадансом (№ 12а, 20а, 63а, 69а, 93а, 99а наст. изд.); 2) напевы с переменной моры (№ 18а, 86а,б наст. изд.); 3) напев с постоянным четырехдольным метром (№ 122а наст. изд.). Наряду с ними в собрании представлены композиции, требующие специального комментария (№ 7а, 117а,б, 136а, 141а наст. изд.). В качестве дополнительных материалов приводятся мелодии, записанные от А. В. Маркова (№ 73а,б наст. изд.).

В былинах Зимнего берега напевы с обособленным кадансом получили распространение в двух тесно связанных между собой структурных версиях.

Первая версия характеризуется шестимерным музыкально-временным объемом ритмических периодов в инициальной части (3/4+3/4) и долгой последнего (третьего) акцентного слога тонического стиха. Наиболее разнообразно напевы представлены записями от А. М. Крюковой, которая их использовала для исполнения былин, исторических баллад и духовных стихов. Самым показательным образцом является записанный от нее на фонограф и затем нотированный А. Л. Масловым начальный фрагмент духовного стиха «Голубиная книга».⁴⁴

точки под нотами, обозначающие незначительное повышение или понижение тона, заменяются стрелкой над нотой, направленной вверх или вниз.

³⁹ ДиА. С. 369 (№ 12); НБ. С. 351 (№ 12). Ср.: НЗБ. № 41, 40.

⁴⁰ БРМЭ. № 27, 28, 31—34, 112. Ср.: НЗБ. № 186, 14, 40, 7, 41, 13, 21.

⁴¹ ИП XIII—XVI вв. № 4 (С. 561), 26 (С. 577), 27 (С. 578), 49 (С. 604). Ср.: НЗБ. № 33, 28, 39, 27); ИП XVII в. № 9 (С. 295), 23 (С. 305); НЗБ. № 29, 33.

⁴² БРМЭ. № 32. Ср.: НЗБ. № 7 — напев былины «Женитьба Дюка Степановича» в записи от А. М. Крюковой (см. № 141а наст. изд. и коммент. к нему).

⁴³ СБ 6—60 напевов.

⁴⁴ НЗБ. № 32. Такая форма и у напева былины «Алёша Попович убивает татарина» (№ 63а наст. изд., см. коммент. к нему), но устанавливается она, вероятно, с четвертого мелостиха.

1. НЗБ. № 32. А. М. Крюкова (Нижняя Зимняя Золотица)

♩=84

1. Иш - ше бы - ло в Е - ру - са - ли - ми, сла - в(ы) - нё - м(ы) го - ро - де,

2. Что на той ли на свя - той да на Э - фо - р(ы) - го - ры:

3. Да и на - хо - ди - ла, на - ка - та - лась ту - ця тё - м(ы) - на - я,

4. Ту - ця тё - мна на - ка - та - лась, ту - ча гро - з(ы) - на - я.

Композиция содержит признак смысловой тирады, возникающий в результате мелодической связки при соединении третьего и четвертого мелостихов. Но варьирование типовой музыкальной структуры без контрастного сопоставления музыкальных фраз указывает на форму повторного строения.

В музыкально-поэтической антологии «Былины» такие напевы, к сожалению, не представлены. Тем не менее они типичны для эпических мелодий Зимнего берега и обнаруживают структурные параллели с некоторыми напевами пинежских былин.⁴⁵

Вторая версия в отличие от первой характеризуется семимерным объемом ритмических периодов инициальной части (3/4+4/4). Наиболее интересен богатый по мелодическому содержанию напев былины «Сорок калик со каликою», записанный от А. М. Крюковой.

⁴⁵ Шестимерный объем первых ритмических периодов (3+3) имеет один из напевов знаменитой пинежской сказительницы М. Д. Кривополеновой, но у него другая форма каданса-клаузулы (БРМЭ. № 20; СБ 7. № 2а, 3а, 5а, б).

2. НЗБ. № 21 (99а). А. М. Крюкова (Нижняя Зимняя Золотица)

♩ = 84

1. Бы - ло со - ро - к(ы) ка - лик, бы - ло со ка - ли - ко - ю.

2. Со - би - ра - ли - се ка - ли - ки да во е - ди - ной круг,

3. Во е - ди - ной круг ка - ли - ки да на зе - лё - ной луг.

Судя по опубликованным материалам, напев представлен также в репертуаре некоторых сказительниц с Терского берега.⁴⁶

При сравнении двух записанных от А. М. Крюковой композиций прежде всего следует обратить внимание на музыкальное содержание кадансов, в которых проявляются некоторые черты мелодической формульности (укажем на два мелодически контрастных оборота; одним из них характеризуются все четыре мелостиха первой композиции, другим — первые два мелостиха второй композиции; при этом каданс третьего мелостиха второй композиции хорошо согласуется с кадансами мелостихов первой композиции).

А. М. Крюкова, судя по записанным от нее образцам, свободно владела навыками сказительского интонирования и в процессе исполнения конкретного произведения могла опираться на музыкальные формы, восходящие как к одной, так и к другой структурной версии. Примером может быть напев исторической баллады «Смерть царицы», в котором первый мелостих опирается на вторую структурную версию, второй — на первую.

⁴⁶ НТБ. № 28, 43.

3. НЗБ. № 27. А. М. Крюкова (Нижняя Зимняя Золотица)

♩ = 84

1. При - у - тих - ло, при - у - ны - ло - то мо - рё си - нё - ё,

2. При - у - тих - ли, при - у - ны - ли ре - ки бы - с(ы) - тры - я.

Вероятно, в процессе исполнения сказительницей эпических произведений могли возникать свободно-строфовые формы. Но из-за краткости записей это, к сожалению, остается лишь предположением. Все же некоторая информация о том, как именно А. М. Крюкова использовала напевы обеих структурных версий, содержится в пяти небольших фрагментах, четыре из которых были записаны на фонограф, один — на слух.⁴⁷

Особое значение для характеристики музыкального репертуара былин Зимнего берега имеют напевы второй версии с долготой на последнем слоге стиха. Этот признак подчеркивает завершенность музыкальной фразы и косвенным образом указывает на преобладание одностиховых структур в композиции произведения. Показательным может быть записанный от А. И. Лыткиной напев былины «Неудавшаяся женитьба Алёши».

4. НЗБ. № 41 (20а). А. И. Лыткина (Верхняя Зимняя Золотица)

♩ = 96

1. Ай у лас - ко - ва кня - зя - та у Вла - ди - ме - ра

2. За - во - ди - лось пи - ро - ва - ны - цё, по - че - сён пир.

⁴⁷ НЗБ. № 21, 27, 31а, б (слуховая запись), 32. Затрагивая проблему мелодической формульности в сказительском искусстве А. М. Крюковой, заметим, что по нашим наблюдениям наиболее вероятными образцами двух напевов с обособленным кадансом, которые были исполнены ею без использования компилятивной техники и отступлений от структурных норм, могут быть, вероятнее всего, два мелостиха исторической баллады «Смерть царицы».

Разнообразные по музыкальному содержанию напевы второй версии, большинство которых составляют мелости с долготой на последнем слоге, зафиксированы у многих сказителей на обширной территории северо-востока Архангельской области. Такие напевы преобладают в былинах Мезени⁴⁸ и Куляя,⁴⁹ два образца содержатся в собрании былин Пинежья.⁵⁰

Для того чтобы подчеркнуть некоторые особенности структурной организации в мелодиях с обособленным кадансом, необходимо вновь возвратиться к записям, выполненным от А. М. Крюковой. Сфера ее творческих контактов связана с жизненными обстоятельствами, на которые указали собиратели: «Аграфена Матвеевна Крюкова — родилась в 1854 г. в с. Чаваньге, на Терском берегу; 18 лет была взята замуж в Нижнюю Золотицу. Старины свои, которых у нее записано всего 62, она переняла у матери, дяди, соседей и подруг на Терском берегу, а также у своего свекра, покойного Василия Леонтьевича, который славился как хороший сказитель».⁵¹ Из этого следует, что связь репертуара А. М. Крюковой с эпической культурой Терского берега, по крайней мере на сюжетно-поэтическом уровне, бесспорна. Эта связь получает подтверждение и на уровне музыкальном.

Например, напев быliny «Дунай Иванович», записанный от М. Ф. Кожиной с Терского берега, согласуется с композицией, представленной в исторической балладе «Смерть царицы».

5. НТБ. № 28. М. Ф. Кожина (Кузомень)

♩ = 76

1. Хо - дил-гу-лял Ду-на - ю - шко из ор - ды в ор - ду,

2. За - гу - лял мо-ло - дец да к ко - ро - лю в Ли - тву.

⁴⁸ СБ 3—5. № 8а, 10а, 15, 16, 16к, 17к, 20, 21а, 22а, 24а, 28а, 43, 44, 45, 46, 47, 49к, 50к, 51, 55, 56, 57, 58, 66а, 69а, 74а, 75а, 81а, 89а, 95а, 98а, 107а, 112а, 113а, 114а, 117а, 133а, 134, 135, 137, 140а, 160а, 162, 163, 167а, 168а, 169а, 172а, 175а, 176а, 177а, 181, 183, 184, 185, 186а, 193а, 198а, 208а, 209а, 210а, 218, 220, 223, 224, 226, 242, 244, 246, 248, 252, 295, 303, 326, 329, 330, 333, 334, 336, 337, 340, 345, 346, 347, 348, 350, 351.

⁴⁹ СБ 6. № 5а, 7а, 9а, 13а, 14а, 15, 19, 20а, 22а, 23а, 24, 27а, 31а, 34а, 35а, 38, 41а, 43а, 46а, 47, 48а, 49а, 52а, 55а, 59, 60а, 61а, 66, 69а, 70а, 71а, 72а, 74а, 75а, 79а, 80, 86а, 89а, 93а, 94а, 97а, 99а, 100а, 101а, 106а, 108а, 109а.

⁵⁰ СБ 7. № 48а, 59б.

⁵¹ ММБ-1. С. 18—19.

Первый мелостих композиции восходит ко второй структурной версии, второй опирается на первую. Но оба ритмических периода инициальной части второго мелостиха характеризуются другим музыкально-временным объемом (2/4+4/4).⁵²

Казалось бы, подобные мелостихи должны восприниматься как производные, возникающие в результате сокращения музыкально-временного объема первого ритмического периода в напевах второй версии, тем более что в некоторых мелодиях наблюдается не только сокращение, но и незначительное расширение объема первого периода до четырех единиц.⁵³ Однако это не совсем так.

В 1901 г. при обследовании эпических традиций на северо-востоке бывшей Архангельской губернии А. Д. Григорьев записал на фонограф от кулойского сказителя И. Д. Сычова напев былины «Потык», восходящий к первой структурной версии, но с долготой на последнем слоге мелостиха и таким же, как и у сказительницы М. Ф. Кожинной, музыкально-временным объемом ритмических периодов инициальной части (2/4+4/4).⁵⁴

6. СБ 6. № 36а. И. Д. Сычов (Сояна)

♩=80

1. А

как на том где-ка бы - ло да на чо-с(ы) - ном пи - ру

2. Там си - дит бы По - ты-к(ы), он, он не пьёт, не ест...

Заметим, что И. Д. Сычов исполнил на фонограф шесть мелодий, пять из которых оказались типологически контрастными,⁵⁵ причем дважды от него записан напев, восходящий ко второй структурной версии.⁵⁶

Таким образом, в репертуаре И. Д. Сычова напев былины «Потык» оказывается самостоятельной композицией с характерным музыкально-временным объемом ритмических периодов иници-

⁵² Такая же особенность у четвертого мелостиха «Голубиной книги» (пример 1). Эту деталь А. Л. Маслов уловил и отразил в нотировке.

⁵³ НЗБ. № 31а; НТБ. № 30.

⁵⁴ Гр. II. Нотный раздел, № 34; БРМЭ. № 43. С. 542, коммент. 43.

⁵⁵ Гр. II. Нотный раздел, № 30—35; СБ 6. № 11а, 27а, 36а, 47, 68а, 102а.

⁵⁶ Гр. II. Нотный раздел, № 30, 35.

циальной части, долготой акцентного слога в кадансе-клаузуле и долготой последнего слога мелости. С одной стороны, это аргумент в пользу еще одного музыкального канона, который мог оказывать влияние на соотношение слоговых и фразовых ударений в напевной декламации архангельского сказительского стиля, с другой — одна из причин вариантного разнообразия, которым представлены мелости с обособленным кадансом в репертуаре А. М. Крюковой и некоторых сказительниц Терского берега.

Записанные от сказителей Зимнего берега одностиховые напевы с обособленным кадансом принадлежат к музыкальным формам, типичным для былин архангельского сказительского стиля. В них обнаруживаются многочисленные параллели с напевами других местных традиций. Наиболее очевидны эти параллели в метроритмической организации мелодий, которая отражена на схеме.

7. Схема метроритмических характеристик одностиховых напевов с обособленным кадансом

К примеру 6

Как на том де - ка бы - ло да на чёс - ном пи - ру...

К примеру 5 (второй мелости)

За - гу - лял мо - ло - дец да к ко - ро - лю в Ли - тву...

К примеру 1

На - хо - ди - ла, на - ка - та - лась ту - ця тём - на - я...

К примеру 2

Бы - ло со - рок ка - лик, бы - ло со ка - ли - ко - ю...

К примеру 4

Ай у лас - ко - ва кня - зя - та у Вла - ди - ме - ра...

В вариантном разнообразии напевы с обособленным кадансом представлены записями, выполненными от А. М. Крюковой (Нижняя Золотица) и Ф. Т. Пономарева (Верхняя Золотица). А. М. Крюкова использовала напевы обеих структурных версий, а также композиции с достаточно свободным сопоставлением контрастных мелостихов. Напевы Ф. Т. Пономарева опираются только на вторую версию, но их мелодическое содержание указывает на мастерское применение сказителем ранообразных навыков песенного интонирования (№ 12а, 69а, 93а наст. изд.).

Напевы с переменной моры в былинах Зимнего берега представлены двумя структурными версиями. Обе версии характеризуются одиннадцатимерным музыкально-временным объемом ритмических периодов инициальной части ($5/8+6/8$); но различаются по слогоритмической форме каданса.

Для первой версии типична семи-девятимерная структура третьего ритмического периода ($2/8+2/8+3/8$ с расширением до $2/8+2/8+5/8$). Таков напев былины «Дюк Степанович», записанный от Г. Л. Крюкова.

8. НЗБ. № 186 (866). Г. Л. Крюков (Нижняя Зимняя Золотица)

[$\text{♩} = 140$]

1. Как во той во Ко - ре - луш - ки бо - га - ты - я

2. Как жил тут бо - га - та - я бо - га - ти - на

3. И - ше тот жо Дюк - от сын Стё - па - но - вич.

В этом напеве мелодическая связка, объединяющая первый и второй мелостихи, наделяет композицию признаком тирадного строения. Эффект смысловой тирады усиливается благодаря переходу на «сокращенный эпический размер» в третьем мелостихе. Особую роль в структуре напева играют мелкие ритмические образования (по А. Л. Маслову, «группы, как бы соответствующие стопам <...> части ритмических периодов, содержащие в себе 2, 3 неделимые доли»), каждое из которых приходится на пару слогов текста. По существу эти звенья составляют музыкально-ритмическую основу инициальной части напева.⁵⁷

⁵⁷ В напевах, связанных с «полным эпическим размером», первый и второй ритмические периоды содержат четыре таких звена (по два в каждом). При изменении в мелостихах количественно-слогового объема как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения число звеньев может колебаться от двух до пяти. В записи напева былины

Согласно замечаниям собирателей, мелодия использовалась Г. Л. Крюковым при исполнении, как минимум, еще четырех произведений, среди которых две былины («Садко», «Дунай») и два образца комического эпоса («Шутова старина», «Небылица»).⁵⁸

Напев Г. Л. Крюкова принадлежит к структурной версии, которая получила распространение также в былинах Мезени и Кулоя.⁵⁹ Однако мелостихи мезенско-кулойских композиций везде опираются на стабильную музыкально-ритмическую форму (11/8+9/8). У Г. Л. Крюкова же, напротив, инициальная часть напева постоянно варьируется в зависимости от количественно-слового объема стиха.⁶⁰ Заметим, что такой же особенностью отличаются мелодии с переменной моры, записанные от некоторых сказительниц Терского берега Белого моря.⁶¹

Вторая структурная версия представлена напевом былины «Идолище сватается за племянницу князя Владимира», записанным от Ф. Т. Пономарева.

9. НЗБ. № 14 (18а). Ф. Т. Пономарев (Верхняя Зимняя Золотица)

 =168

1. А из - за Ка - рьско - го, из - за А - ра - п(и) - ско - го

2. При - хо - ди - ло три ка - раб - ля, три че - р(и) - ля - ны,

3. При - хо - ди - л(ы) де по - га - но - е И - до - лиш - шо.

«Дюк Степанович», выполненной на слух от Г. Л. Крюкова, одно из дополнительных звеньев, судя по слуховой записи А. Л. Маслова, указывает на расширение элемента, охарактеризованного как «перевод» (№ 86а наст. изд.). Кроме того, типичная для первого ритмического периода пятидольная структура (2/8+3/8) появляется лишь в первом мелостихе, после чего преобладающими в композиции становятся «трехдольные» сегменты (3/8+3/8). То же самое относится к напеву, исполненному на фонограф А. В. Марковым (№ 736 наст. изд.) и к мелодии, записанной от него В. В. Пасхаловым (№ 73а наст. изд.). Но это все-таки косвенные материалы вспомогательного характера.

⁵⁸ См. НЗБ, коммент. к № 18а.

⁵⁹ СБ 3. № 68а; СБ 4. № 147а, 153а, 180а; СБ 6. № 10а, 21а, 68а.

⁶⁰ В публикации А. В. Маркова, А. Л. Маслова и Б. А. Богословского содержится краткий фрагмент начала былины «Женитьба Добрыни» (два мелостиха), зафиксированный от М. С. Крюковой (НЗБ. № 34) — напев с переменной моры, который согласуется с композицией Г. Л. Крюкова. При повторной работе со знаменитой сказительницей его зафиксировать не удалось. Ср. № 73а, б наст. изд. — мелодии, усвоенные А. В. Марковым от Г. Л. Крюкова.

⁶¹ См., например: НТБ. № 21, 22, 24, 27, 29, 32, 36—38, 40, 42, 45, 46, 49.

11. НЗБ. № 40 (122а). Ф. Т. Пономарев (Верхняя Зимняя Золотица)

♩ = 66

1. А как хва - лит - це Сот - ко, да по - хва - ля - ит - це Сот - ко

2. Во и - ни гра - ди то - ва - ры все по - вы - ку - пить...

Составители антологии «Былины» определяют напев как «одностиховой краткий, декламационного характера, постоянной метрической структуры». ⁶⁴ Ф. А. Рубцов, обратившись к этой мелодии в одной из своих работ, подчеркнул ее позднее происхождение: «Нельзя полагать, что всякий былинный напев столь же древен, как и сама былина. В частности, данный напев представляется нам новым, относящимся ко второй половине прошлого (XIX. — Ю. М.) века. Он легко укладывается на „гармонический“ аккомпанемент и мог бы служить музыкальной формулой для интонирования частушек». ⁶⁵

Важной особенностью напевов с постоянным четырехдольным метром является их связь с песенным жанром. Прежде всего — с празднично-поздравительными песнями, получившими у фольклористов название «виноградья» ⁶⁶ (смыслонесущие фразы многих напевов виноградий опираются на аналогичную метrorитмическую основу, но при этом оказываются составными частями более сложных композиций ⁶⁷).

В труде Т. А. Бернштам и В. А. Лапина «Виноградье — песня и обряд», разносторонне освещающему проблематику, содержится следующий вывод: «Песенная форма виноградья на определенном этапе развития традиции (традиций) превращается для носителей этой традиции в порождающую модель». ⁶⁸ Т. С. Шенталинская, опирающаяся на собственный опыт изучения русских эпических напевов Северо-Запада и районов позднего заселения (Сибирь), справедливо ука-

⁶⁴ БРМЭ. С. 538, коммент. 31 (см.: Там же. С. 537, коммент. 30).

⁶⁵ Рубцов Ф. А. Основы ладового строения русских народных песен // Рубцов Ф. А. Статьи по музыкальному фольклору. Л.; М., 1973. С. 65.

⁶⁶ Бернштам—Лапин. С. 3—7, 30—47, 72—100. См. также: НЗБ. № 43а, б; НТБ. № 56—58, 68—70; БСДС. С. 991—992. № 32.

⁶⁷ В таких песнях, согласно В. А. Лапину, «ритмические структуры запева (смысловая часть строфы) и припева различны и в достаточной мере контрастны. В самом общем смысле можно сказать, что виноградья объединили два разных ритмических типа — условно говоря, плясовой (запев) и слоговой (припев). Песенно-ритмический тип определяется для нас тем, как организованы отношения текста и напева. Отношения эти в обеих частях строфы имеют разные основания: метр как главный организующий момент — в запеве, определенная слогоритмическая форма — в припеве; отсюда в запеве структурная основа равно значима как для напева, так и для текста, в припеве же основной формой является слогоритм» (Бернштам—Лапин. С. 30—31).

⁶⁸ Бернштам—Лапин. С. 99.

зывает на перспективность выдвинутого Т. А. Бернштам и В. А. Лапиным положения при изучении русского музыкального эпоса в целом: «Исследователи подчеркивают огромное влияние этой модели на формирование северных свадебных, плясовых и иных песен. К этим иным песням, вероятно, следует отнести и эпические образцы».⁶⁹

Замечание Т. С. Шенталинской подтверждается и напевами Зимнего берега. В частности, после анализа поморских мелодий исторической песни о Скопине,⁷⁰ В. А. Лапин уточняет исходный музыкальный источник одной из напевно-декламационных форм из репертуара А. М. Крюковой:⁷¹ «Уяснение общей ситуации позволяет понять и вариант „Скопина“, записанный на Зимнем берегу от известной сказительницы А. М. Крюковой, уроженки Терского берега. Напев А. Крюковой производил обычно странное впечатление на исследователей, рассматривавших его в ряду былинных напевов Зимнего и Терского берегов. Если же иметь в виду „отпечаток“ винограда на беломорских напевах „Скопина“, тогда становится ясно, что А. Крюкова сохранила в своем варианте именно ритмическую форму зачина винограда, что еще раз подтверждает историческое взаимодействие этого сюжета с музыкальной формой винограда».⁷²

Мелостих без анакрузы представлен в записанной от А. М. Крюковой балладе «Иван Дордорович».

12. НЗБ. № 26. А. М. Крюкова (Нижняя Зимняя Золотица)

♩=112

1. Бы - ло во го - ро - ди во Ки - е - ви,

2. Был - жил И - ва - н(ы) До - ро - до - ро - вич, 3. Бы -

- ла иш - ше Со - фья - та ца - ре - в(ы) - на.

⁶⁹ Шенталинская Т. С. Один из типов былинных напевов Сибири // Вопросы этномузыкознания. М., 2015. Вып. 2(11). С. 33.

⁷⁰ Бернштам—Лапин. С. 80—83.

⁷¹ НЗБ. № 29.

⁷² Бернштам—Лапин. С. 83.

Сюжетно-тематический диапазон эпических произведений, в которых встречаются напевы, достаточно широкий. Помимо былин и исторических песен⁷³ они зафиксированы в балладах,⁷⁴ встречаются в духовных стихах.⁷⁵

Мелостихи с постоянным четырехдольным метром получили широкое распространение в напевно-декламационных формах. Они типичны для определенной группы свободно-строфовых композиций заонежских былин, встречаются среди мелодий знаменитого собрания Кириши Данилова, в былинном эпосе Сибири.⁷⁶ Как в географическом, так и в музыкально-типологическом отношении материал оказывается весьма отдаленным от былинных мелодий Поморья, но косвенные связи дают некоторое объяснение особенностям напевного репертуара сказителей Зимнего берега.

Е. В. Гиппиус в статье «Былинные напевы семьи Рябининых» (завершенной еще 1947 г., но вышедшей в свет лишь 66 лет спустя)⁷⁷ особое внимание уделяет сравнительному анализу напевов севернорусских былин и напевов различных песенных жанров. В результате сопоставления образцов напевной декламации Русского Севера и Северо-Запада, известных как по поздним записям, так и по классическим собраниям русского фольклора, Е. В. Гиппиус обращает внимание на определенную группу эпических напевов, которые тесно связаны с напевами хороводных и плясовых песен. В частности, об одном из так называемых «рябининских» напевов (речь идет о знаменитом напеве былины «Вольга и Микула», записанном от Трофима Григорьевича Рябинина), он замечает: «...если оставить в стороне все случаи аналогий к музыкально-ритмической формуле старшего Рябинина в русском былинном эпосе и искать формулу только в песенном фольклоре (за исключением лирических песен с мелодическими разводами), имеющийся материал показывает четкую линию исторического развития в направлении от аграрно-календарной и хороводной песни (со следами скоморошьей традиции) к поздней скоморошьей плясовой песне XVIII века» (свои положения Е. В. Гиппиус подкрепляет ссылкой на самую раннюю публикацию нотных образцов русских эпических напевов — на собрание Кириши Данилова).⁷⁸

Изучив материал, Е. В. Гиппиус предложил гипотезу о распространении «определенного эпического стиля, спецификой которого являлось теснейшее интонационное скрещивание и переплетение универсализованных плясовых и эпических напевов. Этот эпический музыкальный стиль культивировался в XVIII в., по-видимому, не столько в деревне <...> сколько в городских и заводских поселках со смешанным населением, так как стиль этот одинаков в разных областях России.

⁷³ НЗБ. № 28, 29.

⁷⁴ Эпические баллады и духовные стихи Обонежья в записях 1926—1934 годов / Публ. А. Ю. Кастрова // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. Вып. 4—5. № 1—3, 6, 7.

⁷⁵ НТБ. № 6 (напев духовного стиха «Егорий Храбрый»; БРМЭ. № 126—128 — три варианта духовного стиха «Братья Лазари — богатый и бедный», записанные в конце XIX в. в Костромской, Вологодской и Архангельской губ.; ср.: Кастров А. Ю. Эпические баллады и духовные стихи Обонежья... № 9, 10; Духовные стихи Русского Севера / Сост. В. П. Кузнецова; Сост. нотн. прилож. Г. В. Лобкова, М. Н. Шейченко. Петрозаводск, 2015. С. 686—698 (№ 13—19).

⁷⁶ БРМЭ. № 15, 15а, 16, 17, 66—68; Шенталинская Т. С. Один из типов былинных напевов Сибири. С. 30, 36—37.

⁷⁷ Гиппиус. С. 13—39.

⁷⁸ Там же. С. 32—33.

Его главными носителями и пропагандистами и следует, по-видимому, считать позднейших, осевших в городах скоморохов».⁷⁹

Анализ рябининского напева Е. В. Гиппиус сопровождается указанием на предполагаемые музыкально-этнографические и структурно-композиционные источники раннего происхождения, но делает это без каких-либо уступок искусственной архаизации материала.⁸⁰

Сопоставим рябининский напев былины «Вольга и Микула» с четырехдольными мелостихами постоянного метра в записях от сказителей Зимнего берега.

13. Таблица напевов с постоянным четырехдольным метром

а) ритмическая формула, предложенная Е. В. Гиппиусом
(в расшифровке Т. С. Шенталинской)

б) напев былины «Вольга и Микула» в записи от И. Т. Рябинина (БРМЭ. № 15)

♩=84

Жил Свя - то - слав де - вя - но - сто лет,

Жил свя - то - слав да - й пе - ре - ста - вил - ся.

⁷⁹ Там же. С. 33—34. Заметим, что еще Ф. Е. Корш пытался связать рябининский напев былины «Вольга и Микула» с плясовой песней «Ах вы, сени» (*Корш Ф. Е. О русском народном стихосложении // Былины. СПб., 1897. Вып. 1. С. 8*). А. В. Марков возводит записанный от Ф. Т. Пономарева напев былины «Садко» к тому же источнику (ББ. С. 491). Отметим справедливое замечание В. В. Коргузалова: «Навязанная былинам „плясовость“ послужила в дальнейшем толчком к „оскоморошиванию“ кратких напевно-декламационных эпических форм в терминологии исследователей» (*ДиА. С. 340—341*). С позиций, изложенных Е. В. Гиппиусом, наиболее уместными оказываются осторожные замечания Ф. А. Рубцова, который связывал напев Ф. Т. Пономарева не с конкретной песней или структурной формулой, а с определенным музыкальным стилем (*Рубцов Ф. А. Основы ладового строения русских народных песен. С. 65*).

⁸⁰ По мнению Е. В. Гиппиуса, «наиболее древним элементом музыкально-ритмической формулы семьи Рябининных является ее разновидность в зачинной интонации напева былины „Вольга и Микула“ (без анакрузы). Этот наиболее древний элемент формулы, имеющий аналоги в календарной хороводной песне, должен быть отнесен к древнейшим, общим восточнославянским музыкально-ритмическим элементам русского музыкального фольклора. В ее основе лежит одна из древнейших общеславянских ритмических формул: формула из шести равных кратких музыкальных времен с конечным долгим (соответствующая семисложному стиху), второе и четвертое краткое музыкальное время которых получило постоянное устойчивое раздробление в результате скрещивания этой формулы с другой, столь же древней общей восточнославянской формулой, сохранившейся у всех восточнославянских народов в напеве „Мы просо сеяли“» (Гиппиус. С. 35). Свои положения Е. В. Гиппиус подкрепляет ссылками на показательные образцы из авторитетных собраний русского фольклора (Там же. С. 35—37). Подробный комментарий позиции Е. В. Гиппиуса с демонстрацией предложенных им исходных музыкальных структур содержится в работе Т. С. Шенталинской (*Шенталинская Т. С. Один из типов былинных напевов Сибири. С. 32*).

в) мелостих старины «Иван Дородорович» (без анакрузы)
в записи от А. М. Крюковой (НЗБ. № 26)

♩ = 112

г) мелостих былины «Садко» (с анакрузой) в исполнении Ф. Т. Пономарева
(НЗБ. № 40—122а)

♩ = 66

д) мелостих исторической песни «Смерть Михайла Скопина» (с анакрузой)
в записи от А. М. Крюковой (НЗБ. № 29)

♩ = 84

Каждый из четырех мелостихов рябининского напева по мелодическому содержанию резко контрастирует с любым из одностиховых напевов Зимнего берега.⁸¹ Однако все напевы характеризуются постоянным четырехдольным метром в четных составляющих ($4/4 = 2/4 + 2/4$). В этом

⁸¹ Для заонежского сказительского стиля характерны свободно-строфовые композиции, в основе которых различные по протяженности мелострофы, содержащие от двух до четырех мелостихов. «Наиболее локальным „онежским” видом строфики, — по мнению составителей антологии «Былины», — является подвижная структура — смысловые напевные строфы (или тирады). В других районах такая форма — исключение, что указывает на монополию индивидуального музыкального языка онежских сказителей» (БРМЭ. С. 41, 529, коммент. 15).

их коренное отличие от музыкальных форм, которые опираются на ритмические периоды. Заметим, что метроритмическая структура напевов типична также для хороводных, хороводно-плясовых и плясовых песен.

Рассматривая музыкально-жанровые истоки севернорусской напевной декламации, Е. В. Гиппиус фактически указал на особую группу композиций, основу которых составляют мелостиhi с постоянным четырехдольным метром. Согласно опубликованным материалам, для эпических произведений Зимнего берега наиболее типичны композиции с одностиховой структурой.⁸² В былинах Заонежья, Урала и Сибири преобладают свободно-строфовые композиции, а также напевы с признаками парного объединения мелостихов.

В музыкальном эпосе Зимнего берега мелодии с постоянным четырехдольным метром записаны от А. М. Крюковой и Ф. Т. Пономарева — от сказителей с весьма убедительными исполнительскими навыками и богатым репертуаром.

Опираясь на материалы вышедших в свет собраний серии «Былины» Свода русского фольклора, заметим, что такое же распространение напевов на территории бывшей Архангельской губернии наблюдается и в других традициях (на Печоре, на Мезени, на Кулое и на Пинеге).⁸³

Таким образом, в эпических произведениях архангельско-беломорских традиций напевы зафиксированы лишь у отдельных и, как правило, очень мастеровитых сказителей. Не исключено, что напевы с постоянным четырехдольным метром являются поздними редакциями тех музыкально-жанровых явлений, которые Е. В. Гиппиус связывал с культурой «особого эпического стиля».

Среди былинных напевов Зимнего берега встречается строфовая композиция с признаками парного объединения ритмически контрастных мелостихов (контраст возникает за счет различной слоговой ритмики в кадансе-клаузуле). Таков записанный от Г. Л. Крюкова напев былины «Дунай».

⁸² Исключение составляет лишь напев исторической песни «Кострюк», записанный на фонограф от А. М. Крюковой (НЗБ. № 28). По двум первым мелостихам устанавливается строфовая форма, которая в дальнейшем изложении утрачивается. Все же в нотировке А. Л. Маслова представлен зачин из пяти мелостихов, по которому можно предположить, что музыкальная композиция произведения могла иметь признаки свободно-строфовой.

⁸³ В былинах Печоры напев с постоянным четырехдольным метром представлен единственным вариантом, записанным в 1955 г. в д. Кривожевной Ф. В. Соколовым и Н. П. Колпаковой от замечательного сказителя Л. М. Носова (СБ 2. № 189; доп.: БРМЭ. № 63). На Мезени напев в былинах был зафиксирован лишь дважды с интервалом в 83 года. Первый раз его записал в 1901 г. А. Д. Григорьев в с. Дорогая Гора от выдающегося знатока местной эпической традиции В. Я. Тяросова (СБ 4. № 206а), второй раз он записан в 1984 г. М. А. Енговатовой, О. А. Пашиной и Е. Б. Резниченко в д. Малые Нисогоры от В. С. Позднякова (СБ 5. № 348). Два образца комического эпоса («Проделки Васьки Шишка», «Усы») были записаны в 1901 г. А. Д. Григорьевым в д. Карьполе от известного сказителя Е. Д. Садкова, уроженца с. Немнюга (д. Верхний Конец) Совпольской вол. (СБ 6. № 107а, 110а). Связь с напевами постоянного четырехдольного метра можно обнаружить и в мелодиях пинежских былин. Е. В. Гиппиус указал на соответствие музыкально-поэтической формулы первого мелостиха былины «Илья Муромец и Чудище проклятое», записанной в 1901 г. А. Д. Григорьевым от знаменитой М. Д. Кривополеновой в д. Шотогорке, формуле зачина рябининского напева (Гиппиус. С. 37; см.: СБ 7. № 15а; ср.: № 16а, записала в 1916 г. О. Э. Озаровская). Отметим произведения комического эпоса: «Усы» — четыре записи от М. Д. Кривополеновой (СБ 7. № 99а, записал в 1901 г. А. Д. Григорьев; № 100а, б, записали в 1916 г. О. Э. Озаровская и В. Г. Каратыгин; № 100в, записала в 1916 г. О. Э. Озаровская), «Ловля филина» — четыре записи от Н. П. Патракеевой из д. Немнюги (СБ 7. № 184, 185, записали в 1983 г. А. Ю. Кастров и Г. В. Матвеев; № 186, 187, записал в 1985 г. А. Ю. Кастров).

14. НЗБ. № 16 (7а). Г. Л. Крюков (Нижняя Зимняя Золотица)

♩=112

1. Да как у лас - ко - ва у кня - зя у Вла - ди - ме - ра

2. А за - во - ди - лось пи - ро - вань - и - цо, по - че - сен пир...

Нотное содержание слуховой записи А. Л. Маслова свидетельствует о том, что композиция всего произведения могла быть, вероятнее всего, свободно-строфовой (см. коммент. к № 7а наст. изд.).

Музыкальные фразы напева восходят к одностиховым структурам с простейшим ритмом, что наиболее отчетливо проявляется во втором мелостихе.⁸⁴

В репертуаре Г. Л. Крюкова есть еще один напев, который по мелодике согласуется с напевом былины «Дунай» — напев былины «Василий пьяница» (№ 1176 наст. изд.), заимствованный Г. Л. Крюковым у мезенского сказителя и охарактеризованный самим исполнителем как «мезеньской голос».⁸⁵ Действительно, второй и третий мелостихи композиции опираются на вторую структурную версию напевов с обособленным кадансом, в чем согласуются с напевами мезенских былин. Однако, судя по слуховой записи А. Л. Маслова, Г. Л. Крюков при исполнении

⁸⁴ Имеются в виду одностиховые напевы с равномерным слогопроизнесением, долготой на последнем слоге и варьированием инициальной части в зависимости от количественно-слогового объема стиха — музыкальные структуры подчеркнуто декламационного склада, восходящие, по-видимому, к традиции речевого повествовательного интонирования. Напевы встречаются в репертуаре некоторых сказителей на Мезени (СБ 4. № 111а, 151а, 171а, 196а; СБ 5. № 256, 321). Отметим свободно-строфовую композицию, основу которой составляют мелодически контрастные музыкальные фразы с простейшим ритмом и различными опорными тонами (СБ 7. № 175). Такая композиция совершенно не типична для архангельского сказительского стиля. Некоторые структурные параллели обнаруживаются в напевно-декламационных формах северо-западных традиций. См.: Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых : 1926—1928 : По следам Рыбникова и Гильфердинга : В 2 т. / Вступ. статья, подгот. текстов, науч. коммент., справоч. аппарата В. А. Бахтиной; Подгот. к печати нотировок и пояснений к ним Т. С. Шенталинской. М., 2007. Т. 1: Эпическая поэзия. С. 382—383 (№ 9), 388—389 (№ 17). Слогоритмическая форма, характеризующая первую музыкальную фразу мелостиха (равномерное слогопроизнесение с долготой на предпоследнем слоге) в былинных напевах архангельского эпоса в целом, по опубликованным материалам не выявлена.

⁸⁵ НЗБ. № 38 и примеч. к нему. О том, как формировалось сказительское искусство Г. Л. Крюкова, становится понятно из замечаний собирателей: «Старины он стал заучивать еще мальчиком, когда ему приходилось сиживать со стариками на тонях. Лет 17 он нанимался работником к одному крестьянину села Койды (на Мезенском берегу) и там слышал много старин. Большую же часть своего репертуара он перенял, когда промышлял морских зверей вместе с золотицкими крестьянами. Несколько былин Крюков заучил у крестьян, пришедших в Золотицу покрученниками с верхней Мезени» (ММБ-1. С. 19).

былины «Василий пьяница» наряду с мелостихами «мезеньского голоса» использовал и мелостихи с простейшим ритмом (см. коммент. к № 1176 наст. изд.). В результате один из структурных элементов в музыкальном складе обеих композиций (мелостих с простейшим ритмом) оказывается общим.⁸⁶ Связь напевов как на мелодическом уровне, так и на структурном можно объяснить тем, что Г. Л. Крюков по просьбе А. Л. Маслова исполнил обе былины, вероятнее всего, одну за другой.

Помимо слуховой записи собиратели зафиксировали напев былины «Василий пьяница» и на фонограф (№ 117а наст. изд.).⁸⁷

Нотировка А. Л. Маслова содержит три мелостиха, в которых инициальная часть варьируется в зависимости от количественно-слогового объема. Заметим, что варьирование охватывает главным образом первый ритмический период и так называемый «перевод» (по терминологии А. Л. Маслова). Мелодико-ритмическая формула каданса-клаузулы третьего мелостиха противопоставляется кадансам первых двух мелостихов. Весь напев представляет собой мелострофу-тираду контрастного строения. Такая музыкальная форма в былинах Зимнего берега представлена единственной записью. По материалу, ограниченному кратким фрагментом начала былины, можно высказать лишь предположение о том, что композиция произведения была, по всей видимости, свободно-строфовой.⁸⁸

Очень редким образцом представлен напев «Небылицы», записанный от А. И. Лыткиной (№ 136а наст. изд.). Это комбинированная композиция, оба мелостиха которой содержат структурные элементы, восходящие как к напевам с переменной моры, так и к напевам с обособленным кадансом. Наиболее ярко смешение интонационных канонов выражено в первом мелостихе. Возможно, необычная форма зачина связана с несколько неуверенным исполнением начала произведения, пока во втором мелостихе с первого ритмического периода сказительница не перешла на более привычный для нее напев с обособленным кадансом (№ 20а наст. изд.). Тем не менее по краткому фрагменту «Небылицы» можно предположить, что напев с переменной моры все-таки был знаком А. И. Лыткиной, возможно, входил в ее музыкальный репертуар, но типологически завершенного варианта собирателям по какой-то причине зафиксировать не удалось.

Как образец использования различных интонационных канонов при исполнении одного произведения показательна записанная от А. М. Крюковой составная композиция былины «Женитьба Дюка Степановича» (№ 141а наст. изд.). Публикацию нотного образца собиратели сопроводили следующим комментарием: «Напев этой былины — из Чаванги (на Терском берегу), как сообщила сказительница; вторую половину былины сказительница пела на другой напев, который, как она говорила, больше растягается».⁸⁹

⁸⁶ Типологическая связь напевов былин «Дунай» и «Василий пьяница» подчеркнута А. Л. Масловым в нотных образцах единой мерой музыкального времени, равной четвертной длительности (НЗБ. № 16, 38).

⁸⁷ В публикации нотировка фонограммы помещена перед слуховой записью. При этом образец напева, зафиксированный на слух, отмечен как «новая запись» (ср.: НТБ. № 37, 38). Повторная запись напева былины «Василий пьяница» — результат самостоятельного изучения А. Л. Масловым музыкального репертуара сказителя.

⁸⁸ Остается только сожалеть, что искусство незаурядного сказителя представлено лишь публикацией семи образцов, в которых содержится двадцать одна нотная строка. Отдавая должное кропотливой работе А. Л. Маслова, заметим, что пять из семи образцов — это все-таки напевы былин (см. сн. 15), дополненные напевами исторической песни «Кострюк» (см. сн. 21) и винограда — обрядовой песни «Здунай» (НЗБ. № 436).

⁸⁹ НЗБ. № 7 и сноски к нему.

Первые два мелостиха композиции соответствуют напевам с постоянным четырехдольным метром, четвертый мелостих опирается на структуру напевов с простейшим ритмом. Судя по сокращенной записи А. Л. Маслова, начиная с 68-го мелостиха сказительница использовала напев с обособленным кадансом. Кроме того, в нотной записи представлены связующие музыкальные фразы, благодаря которым переход сказительницы с одного интонационного канона на другой представляется совершенно логичным и хорошо подготовленным.

Былинная традиция Зимнего берега Белого моря как традиция музыкальная оказывается вполне богатой и разнообразной, даже несмотря на сравнительно небольшое количество записей и ограниченный круг ее носителей. По разнообразию напевно-декламационных форм былины Зимнего берега сопоставимы с былинами других местных традиций архангельского сказительского стиля.

К сожалению, для более подробной характеристики традиций Нижней и Верхней Золотицы с позиций их сходства и отличия материала недостаточно. Но его достаточно для того, чтобы обратить внимание по крайней мере на трех крупных сказителей (А. М. Крюкову, Г. Л. Крюкова и Ф. Т. Пономарева) с контрастным репертуаром и яркой индивидуальной манерой.

А. Б. БИЛЬДЮГ, Н. Г. КОМЕЛИНА

РУКОПИСНАЯ КНИЖНОСТЬ ЗИМНЕГО БЕРЕГА БЕЛОГО МОРЯ

О рукописной книжности Зимнего берега Белого моря до сих пор известно немного, а география направленных и случайных поисков в этой части Поморья ограничивается лишь несколькими населенными пунктами. Две деревни в низовьях р. Золотицы¹ стали известны исследователям в конце XIX в. благодаря записанным от местных сказителей былинам. Впоследствии именно фольклористы внесли существенный вклад в изучение книжности золотицких крестьян. Археографам же и любителям книжной старины ближе оказалось село Койда и его окрестности, куда удобно было попадать из низовьев р. Мезени. Так, еще в 1885 г. собиратель рукописей П. Д. Богданов отправился на Мезень, а потом в Койду и «на оленях в Онуфриевские скиты», находившиеся недалеко от села.²

Возникновение Ануфриевского скита, или «койденских келий», связывают с переселением на Зимний берег нижегородских старообрядцев после разгрома скитов на р. Керженец в 10-е гг. XVIII в. Однако, по всей видимости, еще раньше здесь существовали так называемые «зимносторонские пустыни».³ Всего через несколько десятилетий после основания Ануфриевский скит был razорен. Это произошло во время карательной — «ради искоренения староверства»⁴ — экспедиции по рекам Пижме, Оме, Вижасу, Койде и Майде, инициированной доносом мезенского крестьянина Артемия Ванюкова. Кельи все же не прекратили своего существования: через сто лет по берегам Койдозера и р. Койды насчитывалось одиннадцать сельбищ. Закончилась история скита в начале XX в. Сначала он превратился в выселок Коптяковский, названный так по фамилии большинства его жителей,⁵ а потом и вовсе исчез. Память о нем как о святом месте хранится среди жителей Койды до сих пор.

Истории Ануфриевского скита в той или иной мере посвящены исследования В. М. Верюжского, А. В. Маркова, А. И. Леонтьева, Л. Н. Хрушкой, Н. А. Окладникова, С. В. Сироткина, А. Н. Старицына и др.⁶ Известно, что «койденские кельи» духовно окормляли села в низовьях

¹ Деревни Верхняя Зимняя Золотица и Нижняя Зимняя Золотица.

² Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова / Сост. И. А. Бычков. СПб., 1891. Вып. 1. С. 5.

³ Леонтьев А. И. Зимняя сторона. Архангельск, 1999. С. 455. Об истории старообрядчества на Зимнем берегу Белого моря в конце XVII в. см. также: Старицын А. Н. Зимний берег в истории староверия // Третьи Мяндинские чтения. Сыктывкар, 2016. С. 130—134.

⁴ Малышев В. И. Повесть о самосожжении в Мезенском уезде в 1743—1744 гг. // Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960. С. 186.

⁵ Окладников Н. А. Край родной Мезенский: Очерки о прошлом Мезенского края. Архангельск, 2009. С. 193—206.

⁶ Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые двадцать лет ее существования и вообще Русской Церкви в конце XVII века. СПб., 1908; Леонтьев А. И. Зимняя сторона. С. 439—464; Хрушка Л. Н. История старообрядческих скитов на Зимнем берегу Белого моря в XVII—XVIII вв. // Русский Север и архиепископ Афанасий. Архангельск, 2003. С. 102—115; Окладников Н. А. История Ануфриевского старообрядческого скита (XVIII—начало XX в.) // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы. М., 2005. Т. 1. С. 32—42; Сироткин С. В. Старообрядческие скиты «что на Зимних горах Белого моря» в 30—40-е гг. XVIII в. // Старообрядчество: История, культура, современность: Материалы. М., 2007. Т. 1. С. 74—83; Старицын А. Н. Зимний берег в истории староверия... С. 130—134, и др.

Мезени и по Зимнему берегу Белого моря и были, по словам А.В. Маркова, «единственными проводниками грамотности» в старину.⁷ Старицы учили детей из близлежащих сел, а в центральном сельбище была школа.⁸ Тем не менее о рукописной книжности скита до сих пор известно немного.⁹

П. Д. Богданов привез из своей поездки в скит три рукописи: сборник конца XV—начала XVI в.,¹⁰ сборник второй половины XVII в., содержащий «Слова» Симеона Нового Богослова, Житие Антония Великого, «Слово в неделю мясопустную Кирилла, архиепископа Александрийского, о исходе души от тела и о втором пришествии» и другие сочинения,¹¹ а также сборник XVIII в., в состав которого входят молитвы поучения о посте и молитве, нравоучительные слова из Пролога и многое другое.¹² А из Койды — один сборник начала XVIII в., с сочинениями нравоучительной и эсхатологической направленности, молитвами, выписками о крестном знамении, текстом «Послания о сложении перстов» Герасима Фирсова и др.¹³

Остальные рукописи, имеющие отношение к книжности скита, находятся в собраниях Дрехранилища им. В. И. Малышева Пушкинского Дома.¹⁴

Две рукописи XVIII в., с большой долей вероятности происходящие из «койденских келий», содержат в основном каноны и чины из Потребника (ИРЛИ, Мезенское собр. (далее — Мез.), № 178, 179).¹⁵ Книги хранились в семье наследников старообрядцев Малыгиных, проживавших в с. Койда в конце XIX—первой половине XX в. и имевших «тесную связь» с иноками Ануфриевского скита. Братья Малыгины и их отец были грамотными, по-видимому, переписывали книги, а «умение писать книги по-славянски (<...>) передавали и своим детям». Так, одна из рукописей была переписана Иваном Акимовичем Малыгиным в 1930 г. Тогда писцу было шестнадцать лет.¹⁶

Один из сборников семьи Малыгиных (Мез., № 179), содержащий в числе прочего «Чин исповедания иноком, инокиням, священникам и дяконам», указывает на вероятную принадлежность его создателей и читателей к старообрядческому поповскому согласию. Здесь же может быть упомянуто и «Последование погребению священническому и дьяконьскому чину и мирским человеком, повнегда скончатися кому от священник и от дьякон и мирских человек» 60-х гг. XVIII в., найденное также в Койде (Мез., № 163). До сих пор, несмотря на разные точки зрения исследователей на этот вопрос, неизвестно, к какому согласию принадлежали старообрядцы,

⁷ Марков А. В. Былинная традиция на Зимнем берегу Белого моря // ББ. С. 10. «Проводником грамотности» был и Игнатъевский скит, находившийся также на Зимнем берегу в 10 верстах от устья р. Ручьи (о ските см., например: Окладников Н. А. История Игнатъевского старообрядческого скита (середина XVII—XIX в.) // Окладников Н. А. Край родной Мезенский. С. 212—219).

⁸ Речь идет о середине XIX в., когда Архангельская духовная консистория издала указ, по которому стариц обязывали давать подписки, запрещающие их педагогическую деятельность. См.: Окладников Н. А. Край родной Мезенский. С. 202.

⁹ Рукописи из Игнатъевского скита до сих пор не обнаружены.

¹⁰ Каталог собрания славяно-русских рукописей... Вып. 1. С. 83—88.

¹¹ Там же. С. 160—161.

¹² Каталог собрания славяно-русских рукописей... СПб., 1893. Вып. 2. С. 304—308.

¹³ Там же. С. 70—74.

¹⁴ Семь рукописей находятся в Мезенском и Пинежском собраниях ИРЛИ РАН.

¹⁵ Савельев А. А., Шухтина Н. В. Экспедиция на Мезень 1989 г. // ТОДРА. СПб., 1993. Т. 46. С. 493—494.

¹⁶ Там же. С. 492—493.

населявшие скит в разные периоды его существования. Как резюмирует Л. Н. Хрушкая, «в официальных документах нет сведений о направлениях и толках, которых придерживались жители скитов».¹⁷

Особый интерес для исследователя представляют листы из синодиков конца XVIII—XIX в. (Мез., № 84) и помянник Ануфриевского скита в составе сборника XVIII в. (Мез., № 178). Кроме имен (в том числе основателей «келий» Ануфрия и Пахомия) и фамилий старообрядцев в этих рукописях есть указания на поминание «родителей» «московских», «рыбленских», «рост(овских)», «пусто(зерских?)», «ром(ановских)»,¹⁸ что дает дополнительные по сравнению с другими архивными материалами сведения по истории заселения скита и связях старообрядцев Зимнего берега с другими общинами.

О связях старообрядцев скита свидетельствует и остальная часть «ануфриевских» рукописей, обнаруженных на Мезени и Кулое. Так, один из сборников начала XX в., по самоназванию «Цветничек» (*так!*) (Мез., № 31), был найден в д. Защелье Лешуконского района среди старообрядцев страннического согласия.¹⁹ В рукопись вошли такие тексты, как Житие Корнилия Выговского в сопровождении повестей о патриархе Никоне, «Повесть о царе Аггее», «Прение живота и смерти», выписки из «Великого Зерцала», «Пчелы» и многое другое. Двум сочинениям сборника предпосланы следующие замечания переписчика: «...выписано из древлеписьменной книжицы, которая куплена или вынесена из Койденских келий»; «из тогоже древлеписьменного житейника выписал сице». За этими комментариями следуют «Послание Василия Новгородского Феодору Тверскому о рае» и Житие Ануфрия Великого. Можно было бы предположить, что житие этого святого имело особое распространение в рукописной книжности келий, однако имя святого попадает в койденских рукописях еще только один раз — в более чем кратком молитвенном обращении к Ануфрию, Мине, Екатерине и другим святым (Мез., № 187, 60-е гг. XX в.).

Три сборника были обнаружены в д. Сояна на Кулое (ИРЛИ РАН, Пинежское собр., № 186, 188, 189). По словам владелицы рукописей, каноны за умерших и единоумершего XVIII—XIX вв. были привезены ею из «Ануфриевских келий»²⁰ на Койдозере.

Вероятно, в скиту существовала еще одна рукопись — «Круг Миротворный». Она не сохранилась, а рассказы жителей Койды носят характер достаточно традиционных преданий о книге, в которой «было написано от сотворения мира и до конца (...) дней» и которая была в конце концов предана земле своим владельцем. Однако, судя по точному описанию листов рукописи: «на одной странице был круг, а на другой странице была рука...»,²¹ — «Круг Миротворный» действительно входил в состав библиотеки Ануфриевского скита.

Среди койденских рукописей есть поздние тетрадоочки, содержащие духовные стихи «Стих Алексея, человека Божьего», «О Ноевом страшном потопе», «О умилении» (нач.: «Уже пророче-

¹⁷ Хрушкая Л. Н. История старообрядческих скитов на Зимнем берегу... С. 113.

¹⁸ О роли старообрядцев г. Романова в истории скитов Зимнего берега см.: Сироткин С. В. Старообрядческие скиты «что на Зимних горах Белого моря»... С. 74—83.

¹⁹ Дробленкова Н. Ф. Поиски рукописей на Мезени // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 530.

²⁰ Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Археографическая экспедиция Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР 1966 г. // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 328—329.

²¹ ФА ИРЛИ. Зап. А. Ю. Балакиным, А. И. Васкул в с. Койда Мезенского р-на Архангельской обл. 28.07.2014 от МКМ, 1933 г. р. Благодарим А. И. Васкул за указание на этот сюжет.

ство совершился пророка Исаяи...»), «Кончина матери» (нач.: «Умоляла мать родная свое милое дитя...») (Мез., № 186, 187, посл. треть XX в.). Они были переписаны во время поездки их владельца в старообрядческую общину г. Орехово-Зуево и вряд ли могут быть отнесены к местной традиции духовных стихов.

Рукописная книжность Койды и Ануфриевского скита не исчерпывается представленными материалами. В отчете о поездке на Мезень за 1950 г. В. И. Малышев указывает: «Поездка в села Семжа и Койда (на побережье Белого моря)полнила наше собрание еще 26 рукописями».²² Обнаружить среди них койденские книги — кроме упомянутых выше листов из синодиков скита — не удалось, так как уже в отчете рукописи представлены в хронологическом порядке, без указания названия деревень и имен дарителей. Еще около пятидесяти книг были изъяты при разгроме скитов в 40-е гг. XVIII в.²³

Несмотря на скудость сведений о рукописной книжности Ануфриевского скита и тесно связанной с ним Койды, можно утверждать, что книги здесь хранились, читались и переписывались, а влияние местной старообрядческой общины, как уже было упомянуто выше, распространялось и на другие поселения побережья.

Кроме того, А. В. Марков высказывает предположение об особой роли скита «в хранении и распространении (...) эпоса»: «Документально мне известно, что в Онуфриевском скиту пели много духовных стихов, между прочим, и Голубиную книгу, которая считается за старину. Одна (...) старуха (...) говорила мне, что в кельях пели и про князя Владимира. Покойный сказатель Василий Крюков и хорошая сказательница Точилова выучили некоторые старины в том же скиту, к сожалению, мне неизвестно, какие именно старины и от кого они переняли. Может быть, серьезные и благочестивые сюжеты действительно пользовались популярностью в некоторых северных чисто национальных скитах, которые допускали в свои кельи народные стихи и старины, в противоположность официальной церковности».²⁴

По сведениям того же А. В. Маркова, золотицкие жители В. Л. Крюков и Устинья Крюкова выучились грамоте в Ануфриевском скиту.²⁵ У последней среди рукописей со статьями богослужебного содержания и духовными стихами «об Иоасафе-царевиче, о кончине и о грешной душе» А. В. Марков обнаружил «листок со стариною об осаде Соловецкого монастыря».²⁶

Экспедицией Пушкинского Дома в 2010 г. из Золотиц были привезены четыре рукописи: чин панихиды конца XIX в., фрагмент крюкового Ирмология последней четверти XVII в., фрагмент службы общей преподобным начала XIX в., выписки из глав «О осуждении» и «О смирении» из «Альфы и Омеги» во фрагменте XIX в. Первая из них попала в Золотицу из д. Ручьи. Остальные три рукописи — малопредставительные в силу своей фрагментарности — тем не менее особенно важны, так как они были подарены в Древлехранилище родственниками сказительницы М. С. Крюковой.

²² Малышев В. И. Отчет об археографической командировке 1950 г. // ТОДРА. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 364.

²³ Малышев В. И. Повесть о самосожжении в Мезенском уезде в 1743—1744 гг. // Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVII—XX вв. Сыктывкар, 1960. С. 168—169, 175—176.

²⁴ Марков А. В. Былинная традиция на Зимнем берегу Белого моря. С. 12.

²⁵ Там же.

²⁶ ББ. С. 469.

Восемнадцать книг с Зимнего берега, в числе которых есть и рукописи из библиотеки Крюковых, еще в 1948 г. были переданы в фонды Библиотеки Академии наук председателем секции этнографии Северного отделения Всесоюзного географического общества А. А. Морозовым.²⁷

На листах рукописей сохранились многочисленные записи семьи Крюковых. Так, например, Василий Леонтьевич читал книгу, принадлежавшую «крестьянину Золотецкой деревни Михаилу Степановичу Суботину или жене его Аксиньи Ивановне Суботиной» (Текущ. поступл., № 418; см. л. 556 и записи на верхнем форзаце листа).²⁸ Рукопись конца XVII—начала XVIII в. содержит тексты эсхатологической направленности, входящие в «Соборник» и старообрядческие сочинения «Послание о сложении перстов» Герасима Фирсова, «Пятая соловецкая челобитная» и др.

Сборник учительного и богослужебного характера XVIII—XIX вв., судя по записи принадлежавший Аксинье (?) Прокопьевой Коптяковой (Текущ. поступл., № 419), также сохранил записи «церковного старосты Василия Леонтьева Крюкова» (л. 123 об.).

Две книги несомненно принадлежали Крюковым. Одна из них — сборник духовных стихов конца XVIII в., куда вошли «Плач Иосифа Прекрасного» и «Песнь покаянная Иоасафа царевича в пустыню входяша» (Текущ. поступл., № 421). Духовные стихи на второй сюжет были записаны от зимнезолотицких сказительниц Анны Васильевны Стрелковой («Иосаф-царевич и пустыня») и Марфы Семеновны Крюковой («Асаф и пустыня») в 1930—1940-е гг.²⁹

Вторая рукопись — «Повесть о царице и львице» в списке XVIII в. (Текущ. поступл., № 422). На листах книги рукой В. Л. Крюкова записано о преставлении его супруги Татьяны Степановны Крюковой (л. 42) и — рукой Ивана Крюкова — о преставлении его деда В. Л. Крюкова 27 мая 1895 г. (л. 1).

Две рукописи из библиотеки Крюковых находятся в одном из личных собраний. Сборник XVIII в. содержит в основном каноны и тропари, а также тексты нравоучительного характера; на одном из листов рукописи выписаны заглавие и начальная строка «Повести о царе Аггее», для повести было оставлено место.

Книга сохранила большое число записей: «Читал сию книгу Архангельской округи Золотицкого волосного правления Нижно-Золотицкой деревни крестьянин Василей Леонтьев Крюков 1847 года апреля 3 дня», «и своеручно подписал, а ничего не сказал, хорошо ли или погрешительно писано. Священник...» (далее следует подпись, вероятно, Гавриила Богоявленского); «Читал священник Гавриил Богоявленский 1853 году»; «Читал Иван Семенович Крюков»; «Парасковьи Лукиничны Тарасовых». Книга сохранила и сведения о преставлении В. Л. Крюкова и его жены, Семена Васильевича, Сергея Васильевича, Ирины Васильевны, Дарьи Васильевны Крюковых, Аграфены Матвеевны Крюковой: «Погребено тело рабы Божией Аграфены Матвеевны Крюковой в

²⁷ В одном из писем А. А. Морозов сообщает, что его супруга Э. Г. Бородина-Морозова, изучавшая в середине XX в. фольклор на Зимнем берегу, привезла двадцать местных рукописей XVII—XIX вв., «среди которых попадаются интересные древнерусские повести («О царице и львице» и др.), произведения местного „житийного” жанра («Житие Андрея Ушельского-Холмогорского» <так!> и др.)» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 14.4, л. 177—178; письмо А. А. Морозова 1948 г.).

²⁸ См. описание рукописи: Сочинения писателей-старообрядцев XVIII в. / Сост. Н. Ю. Бубнов; Ред. А. И. Копанев. Л., 1984. С. 55—59.

²⁹ Комелина Н. Г. Духовные стихи Зимнего берега Белого моря в записях советского времени : (По материалам фольклорного собрания РО ИРЛИ) // Русская литература. 2018. № 4 (в печати).

верхней *〈так!〉* зимнезолотицком кладбище за рекой. Кто будет читать, того прошу помянуть рабу Божию. Пометил (?) сын ея И. Крюков».³⁰

Другой сборник XVIII в. содержит выписки из Кормчей, Потребника, подборку выписок о «римской ереси», тексты нравоучительного характера о добродетелях и спасении, выписки о вере, крещении, мытарствах, «Пророчество Исаино, сына Амосова, иже пророчествова рыданием о последних днях», «Беседу трех святителей», «Последование отца Мефодия, епископа Патръскаго острова. Сказание о житии человечестем, се бо разумеем».

Среди фольклорных жанров и сюжетов, восходящих к книжной традиции, на Зимнем берегу Белого моря были зафиксированы «сказки» про Александра Македонского³¹ и пересказы «Александрии»,³² в состав которых входит и сюжет о народах, заточенных в горах. Источником сюжета могли послужить как лубочные картинки, так и текст «Александрии» или «Откровения Мефодия Патарского».³³ Этот вопрос требует дальнейшего изучения, так как текст «Откровения» оказался в библиотеке Крюковых. Любопытно, что лист рукописи, на котором повествуется о народах, заточенных Александром Македонским, оторвался или был вырван нарочно и ошибочно вложен в другое место книги.

Из остальных четырнадцати рукописей, переданных А. А. Морозовым в Рукописный отдел БАН, еще четыре имеют несомненное зимнезолотицкое происхождение.

Житие Андрея Юродивого в списке первой половины XVII в. (Текущ. поступл., № 420) принадлежало крестьянину Михаилу Николаевичу Стрелкову и было вложено им «в церковь Антонию *〈так!〉* Сийскому чудотворцу» (л. 4) в 30-е гг. XIX в. Эту книгу читали, судя по записям, «крестьянин Архангельской губернии Солотицкаго (?) волоснаго правления Нижния Золотицы Яков Евдокимов Голубин» (л. IV об.), «крестьянин Соломбальскаго волостнаго правления первой Соломбальской деревни Михайло Григорьев Володин» (л. IV об.), «кр*〈естьянин〉* Иосиф А. Широкий» (л. IV), «государственный крестьянин Нижнозолотицкой деревни Михайло Суботин» (л. I об.).

Гадательная книга XVIII в. (Текущ. поступл., № 423) была «своеручно подписана» дочерью «*〈...〉* Широких», проживавшей у своей тетушки Пелагеи (?) Дмитриевны Плотниковой в скиту, название которого, к сожалению, не читается (л. 12 об.). Кроме того, с Золотицей связаны заемные записи 1819—1833 гг. (Текущ. поступл., № 431) и квитанция о сборе продуктов на содержание рекрутов 1742 г. (Текущ. поступл., № 432).

Оставшиеся рукописи с большой долей вероятности были привезены Э. Г. Бородиной-Морозовой также с Зимнего берега Белого моря. В их числе Житие Иова Ущельского (Текущ. поступл., № 424), переписанное в 1861 г. четырнадцатилетним отроком Феодором Ситниковым из д. Верхние Березники, — памятник, встречающийся в рукописно-книжной традиции в единичных списках.³⁴

³⁰ Записи приводятся без указания листов, так как рукопись не имеет фолиации.

³¹ РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 1.4, л. 166—173 (Сказка «Про Александра Македонского» от М. С. Крюковой); л. 1333—1336 (сказка «Александр Македонский ходил в ад» от М. С. Крюковой. 19 января 1944 г.).

³² РО ИРЛИ, р. V, кол. 72 (Чужимов В. П.), п. 2, № 11 («Александрия» от М. С. Крюковой. Сент. 1934 г.).

³³ Комелина Н. Г. Сказки об Александре Македонском на Русском Севере // Русский фольклор : Материалы и исследования. СПб., 2012. С. 507.

³⁴ Подробнее об этой рукописи см.: Рыжова Е. А. Житие Иова Ущельского в рукописно-книжной традиции Русского Севера (вторая редакция) // Книжные центры Древней Руси : Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010 С. 545—573.

А также — фрагмент «Сна Богородицы» (Текущ. поступл., № 425) в списке XIX в.; настенный лист «Сказания о двенадцати добрых друзьях» XVIII в. (Текущ. поступл., № 426); фрагмент тетради с виршами, переписанными в XX в. (Текущ. поступл., № 427); «Печать царя Соломона» XVIII в. (Текущ. поступл., № 435) и богослужебные рукописи XVIII—середины XIX в. (Текущ. поступл., № 428—430, 433—434).

Кроме уже перечисленных имен на листах золотицких рукописных и печатных книг упоминаются Петр Васильевич Пономарев, Григорий Попов, Петр Андреев Лыткин, Андриян Григорьевич Попов, Иван Федоров Лыткин и др. В одном из сборников есть записи о строительстве дома и о покупке корабля в Кеми.³⁵

Рукописная книжность Зимнего берега на данный момент представлена практически только рукописями Койды и Золотиц. Лишь одна из книг принадлежала Григорию Гаврилову сыну Стрелкову из Мудьюжской волости Архангельской губернии (Мез., № 15). Сборник XIX в. содержит Сказание Ивана Пересветова о Магомете, Повесть об Антонии Галичанине,³⁶ «Сказание о двенадцати добрых друзьях», повести из «Великого Зерцала», выписки из «Звезды Пресветлой», «Измарагда», о Или и Енохе из «Книги о вере», «Диоптры» Филиппа Монотропа и др. В этом же сборнике находятся жития Артемия Веркольского и киево-печерских святых Никона Сухого, св. Тита и Иоанна Многострадального.

Никак не отразилось в рукописной книжности Зимнего берега почитание местных святых Исайи и Никанора Ручьевских.³⁷ Повесть «О пришествии преподобного Исайи Ручьевского» была обнаружена Л. Б. Беловой в единственном списке — в составе сборника 70-х гг. XVII в. из библиотеки Антониево-Сийского монастыря (БАН, Арханг., д. 390).³⁸ Повесть рассказывает о том, как в 1615 г. Исайя пришел к жителю Зимней Золотицы Антону Федорову и просил довести его до реки Ручьи, где лежит «человек, от того сияет Божия благодать».³⁹ Человек тот приплыл «не в велике судне», а потом был ограблен и убит. Исайя не остался на Зимнем берегу в этот год и вернулся «во второе лето». Не успев построить келью, «выкопа великую себе в земли яму» и, живя в ней, «претерпе чад и мраз великий». В третье лето он построил келью и часовню над лежащим безымянным человеком и по смерти был похоронен в ней же. В Повести описаны два чуда. Одно связано с видением, бывшим священнику золотицкой церкви Самсону. Ему явился муж «в светлом образе», который сообщил ему, что в Ручьях почивают Исайя и Никанор. После этого видения поп Самсон излечился от мучивших его головных болей.

Второе чудо рассказывает о помощи святых на море. В 1666 г. житель Зимней Золотицы Федор Федотов был на удачном для него промысле. Но сильный ветер «нача от судна промысел морскими волнами отимать» (а за судном Федор «плавил» «кожный промысел» — «четыреста зверей»). Федор дал обет Исайе и Никанору. И «поде судно с морской добычей кожей к земли

³⁵ Сочинения писателей-старообрядцев XVIII в. С. 56.

³⁶ Пигин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006. С. 58, 101, 117, 138.

³⁷ См. также: Рыжова Е. А., Кольцова Т. М. Исайя и Никанор // Православная энциклопедия. <http://www.pravenc.ru/text/674852.html> (дата обращения: 12.06.2018).

³⁸ Белова Л. Б. Список повести «О пришествии преподобного Исайи Ручьевского» из библиотеки Антониево-Сийского монастыря // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 384—389.

³⁹ Текст здесь и далее цит. по: Белова Л. Б. Список повести «О пришествии преподобного Исайи Ручьевского». С. 388—389.

противо ветра, аки парусом». Позже Федору в видении явился «старец от Ручьев, возрастом невелик, сутул, брадою сед» и сказал проверить добытое. Оказалось, что порвались веревки, но «морская добыча кожа Божиим изволением и преподобных отец молитвами удержася и вся в целости сохранися».

В Повести отмечена особая роль святых в помощи на море: «И хто от православных христиан помолится сим отцем с верою, по акияну морю идучи, и от бури ветрены и от морских волн утопачи избавляют, и в морских промыслех великая чудеса бывають».

Как пишет Л. Б. Белова, «почитание Исайи и Никанора было, видимо, широко распространено, и в феврале 1677 г. игумен Феодосий обратился к новгородскому митрополиту Корнилию с просьбой разрешить перенести их мощи в Антониево-Сийский монастырь». Л. Б. Белова связывает создание повести с перенесением мощей и датирует его промежутком между событиями повести 1666 г. и перенесением мощей в 1677 г. Исследовательница замечает, что список повести, возможно, является копией с подлинника, отправленного новгородскому митрополиту в связи с ходатайством о перенесении мощей, и что повесть в дальнейшем предполагалось дополнить чудесами от мощей и подготовить материалы для канонизации Исайи и Никанора Ручьевских.⁴⁰

Круг чтения поморов Зимнего берега был, безусловно, шире, чем он может быть очерчен на данный момент. Поиски книг, связанных своей историей с этой частью Поморья, должны быть продолжены в собраниях библиотек и музеев Архангельской области, частных коллекциях. В любом случае обнаруженные рукописи представляют нам читателя, интересующегося разнообразными по своему характеру текстами. Это и богослужбные сборники, часть которых, вероятно, была переписана здесь же, на Зимнем берегу, эсхатологические и нравоучительные сочинения, жития, назидательные повести, духовные стихи, видения, апокрифы и др. Кажется, одни и те же книги читались как старообрядцами, так и прихожанами церквей, находившихся в ведении епархии.⁴¹

* * *

О ПРИНЦИПАХ ИЗДАНИЯ ЗОЛОТИЦКИХ БЫЛИН

Основные текстологические принципы издания памятников в «Своде русского фольклора» изложены в первом томе серии «Былины» (СБ 1, с. 152—153). Однако, в связи с тем что в каждый том включены записи от разных собирателей, с разными принципами и подходами, в каждом конкретном случае требуются уточнения.

Как и во всей серии, в настоящем томе за основу при публикации взята полевая запись (п.з.). В случае, когда полевая запись не сохранилась, составители обращались к машинописи или первой публикации (как правило, подготовленной самим собирателем или его корреспондентом — например, Т. Е. Точиловым). Этим объясняется некоторая разнородность передачи былинных текстов: при подготовке записей к публикации собиратели находили необходимым вносить исправления в

⁴⁰ Там же. С. 387—388.

⁴¹ Благодарим Н. В. Савельеву, указавшую на еще одну рукопись из д. Нижней Зимней Золотицы — Часовник второй половины XVII в. (Арханг. Гос. музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы», КП 9446).

полевую запись, руководствуясь, по всей видимости, в том числе и манерой исполнения, которую они запомнили.

Пропуски слов, явные ошибки в чтении полевой записи, опечатки, встречающиеся в опубликованных текстах, в настоящем издании восстановлены. То же касается явных описок в полевой записи, которые, однако, отмечаются в текстологическом комментарии.

Во всех случаях без дополнительных оговорок применяются принципы современной орфографии (снятие «ѵ» на конце слов, замена «ѣ», «і») и пунктуации (например, дефисы — у А. В. Маркова: *посоловьиному, позвериному* и т. п. — в настоящем издании: *по-соловьиному, по-звериному*; у А. В. Маркова: *Шьто куда-к-ли мне ехать да в красён Киев-град* (ст. 55, № 29) — в настоящем издании: *Шьто куда-к ли мне ехать да в красён Киев-град*). Составители не сочли целесообразным воспроизводить также обозначение мягкого «ц», передаваемого А. В. Марковым как «ц̣». Для передачи интонации исполняемого текста сохранены ударения и буква «ё», обозначенные собирателями.

Во всех случаях сняты дополнительные указания оригинальной записи на твердость «ж», «ш» и мягкость «ч», соответствующие литеры в текстах отмечены подчеркиванием (*выежж-ет — выезжает; ручки — руцки, по личю — по личу*). Фрикативное «г» (обозначаемое собирателями чаще всего как *h*) передано как «г̣»; особенности произношения, зафиксированные как *ц* (*ч*) или *ч* (*ц*), переданы как *ц̣* и *ч̣* соответственно.

В былинных памятниках, опубликованных П. С. Ефименко, отсутствует нумерация строк (это сделано в настоящем издании). Слово «осударь» (в таких сочетаниях, как *осударь Илья Муромец*) пишется издателем с прописной буквы, в настоящем издании заменено на строчную.

Фрагменты слов или текстов, восстановленные собирателем, даны в квадратных скобках. Фрагменты, восстановленные составителями настоящего тома, — в угловых. Комментарии исполнителя даются внутри текста и отделены курсивом и круглыми скобками.

Составители сочли необходимым включить в том некоторые тексты, имеющие явные книжные источники, так как в них прослеживается связь с устной традицией Зимнего берега. «Книжное» происхождение былин отмечается в сюжетном комментарии.

ТЕКСТЫ БЫЛИН

ВОЛХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ (№ 1)

№ 1

- Ай ведь было во городи в Цѣрнигови,
Ишше был тут ведь жил Светослав-то свет,
Не простого-то он был роду — боярского.
Ай родилось у ево-то¹ молодой жоны,
⁵ Молодой жоны боярины-то все большой-от ей,
(Богатыриця [была])
Да родилсэ у ей да цядо милоё,
Молодой-то у ей Волх да Светославъевич.
Он родивши-то у ей, как будто гром сгремел.
Говорит-то тут Волх да таковы слова:
¹⁰ «Ай родима моя матушка любимая,
Ай не пелёнай ты в пелёны меня в шолкóвья,
Ай не овивай ты миня в пояса² все золочонья,
Надевай ты лучше на меня же, моя матушка родимая,
Надевай-ко на меня все латы богатырьския,
¹⁵ Надевай-ко на миня-то все ведь шляпу-ту всё богатырьскую,
Не малú-ту, не велику шляпу все во стó пудов,
Ты клади-ко, моя матушка родимая,
Ты клади-ко мне-ка в руку ту в правú мне паличу цязолюю,
Мне тяжолу клади палицю, все девяносто пуд,
²⁰ Да клади ты во левú мне руку, матушка, да плётку шолкову,
Ай клади ты мне-ка, матушка, да во мои-ти во резвú ноги,
Ты клади мне-ка все зелó да копье востроё,
Ай клади ты, матушка, седёлышко клади чиркальское,
Ты клади-ко мне всю принадлежность богатырьскую.
²⁵ Я родилсэ от боярина, скажу-то, матушка, я не боярской сын,
Я родилсэ от боярина — я богатырь сильней,
Ише тот ли я Волх да Светославъевич».³
Тут ведь матушка родима ужახнуласе.
Ише стал у ей Волх-от Светославъевич,
³⁰ Ише стал тут у ей да все осьмú годов,
Ёго стала уцить грамоти сама да рóдна матушка,

- Научила хорошо ево все к святой грамоты.
 Ищѣ тут-то славной Волх да Светославьѣвич
 Он ведь пал-то на свети-то как всих хитрей,
 35 Он-то всех ведь пал-то хитрѣ да изо всех мудрей
 Ише тот ли ведь Волх да Светославьѣвич.
 Овернулсэ-то он пѣрьво все серьым волком,
 Во второй раз овернулсэ черным вороном,
 Он ише же овернулсэ ясным соколом,
 40 Он ише же овернулсэ-то олѣнѣм⁴ золоты рога,
 Он ише же обернулсэ горнасталюшком,
 Как ише Волх овернулсэ мурашом малым.
 Шьчо приходит ко родимой своей матушки
 Ише тот ли свет Волх да Святославьѣвич,
 45 Говорил-то рѣдной матушки да таковы речи:
 «Уж ты зой еси, матушка моя родимая!
 Как гремит-то про меня слава великая,
 Ай велика-та славушка, немалая».
 Ишше стал у нас Волх-свет Светославьѣвич
 50 Подьбиратьъце стал годами, стал⁵ побольше тут,
 Говорит-то тут Волх да Святославьѣвич:
 «Уж ты вой еси, родима моя матушка!
 Мне-ка шьто-то ведь, братцы, как придумалось
 Собирать мне разьве силушку великую,
 55 Собирать-то мне-ка силу надоть с трех земель:
 Мне-ка с трех надоть земель да съ трех все гáродов».
 Собирал-то он как силушку три годицька,
 Насьбирал-то он ведь силушки да десеть тысецей.
 Прогремела-то, прошла слава великая
 60 Про того ли шьчо про Волха Святославьѣвича,
 Шьчо родилсэ-то когда, то ведь взошол, скажут, светѣл мѣсець,
 Розошлись турки, олени по темным лесам,
 Шьчо во том ли славном городе в Цернигови
 Зародилсэ-то во ту пору, во то время
 65 Как богатырь-то родилсэ-то могуць-сильней
 Ише тот ли славной Волх да Святославьѣвич,⁶
 Ай родилсэ — на родинах будто гром съгремел.
 Как хотела пеленать ево родима-та все матушка
 В пелены-ти пеленать да все в шолковыя,
 70 Не дозволил пеленать да в пелены себя,
 Не дозволил овивать-то поясами золочонима,
 Как дозволил славной Волх наш Светославьѣвич
 Одевать ёму родимому — тут латы богатырьския,
 Приказал полѣжить маменьки родимую

- 75 На головушку-ту шляпочку все двести пуд,⁷
 Ише палицю⁸ велел он класъть да девеносто пуд.
 Мне-ка шьчо во ту велел во рученьку во правую,
 Во леву руку ведь плётоцьку шолковуую,
 Он ведь в ноги-то велел ведь класъть да как зело востро копье,
- 80 Он велел-то как нагалишшо с вострым ножом,
 Он велел положи-то седельшко черкальскоё,
 Он велел всю принадлежность богатырьскую.
 Прогремела, прошла славушка по всей земли
 Про того ли про славного могучого богатыря,
- 85 Про того прошла слава про Волха Святославьевича.
 Докатилась-то, дошла слава великая
 До тово ли до Индейска славна города,
 До тово ли царя, царя Индейсково.
⁹Говорил-то ведь⁹ тут да царь Индейския:
- 90 «Нам ведь надоть наладить оружья-ти все военныя,
 Приготовить надоть нам ведь все стрелы каленыя,
¹⁰Ай не¹⁰ подошел шьтоб под нас богатырь-от пресильня,
 Ише сильней-от, могуцей Святославьевич».
 Отправляйтце Волх да Светославьевич
- 95 Со своей-то он со силушкой великою
 Он под тот ли под город под¹¹ Индейской-от,
 Ко тому ли ко князю ко Индейскому.
 Вот пошли-то они да тут отправились,
 Остоялись они да тут во темных лесах,
- 100 Их состыгла-то тут все ночка темная,
 Заспала-то все его сила великая.
 Тут не спит-то ведь Волх да Святославьевич,
 Овернулсэ он ночью волком серым-то,
 Овернулсэ он оленем заторогиим,¹²
- 105 Он ведь стал-то тут по лесу побегивать,
 Он ведь стал-то имать да черных соболей,
 Он ведь стал-то имать все куньи и лисицы-ти,
 Он розьвертывалсэ опять сильным могудим все богатырем.
 Он как стал-то ведь шить да все куньи шубы,
- 110 Он куньи-ти шубы шить, все соболинныя,
 На свою-ту все на силу на великую,
 Шьтобы в стужу-ту было им тепле ходить —
 Да носят пушшай¹³ все куньи шубы-то,
 Ишше носят пушшай все шубы соболинныя.
- 115 Тут они пошли, поехали с того места,
 Приехали недалеко тут к богатому ко городу,
 Ко тому-ли к богатому, к Индей-то,

- Ко тому-ту к царю все ко Индейському,
 Ай ко той ли царици-то к Елены Олѣксандровны.
- 120 Тут овертывалсэ все Волх-от Светославьевич,
 Овернулсэ-то он да черным вороном,
 Полѣтал-то он да по тѣмным лесам,
 Увидал-то он богатой город все Индѣю-ту,
 Розъвернулсэ он тут да добрым молодцем,
 125 Ише сильным могуцим все богатырем.
 Говорит-то ведь Волх да Святославьевич:
 «Вы ведь стойте-тко, моя сила великая,
 Вы останьтес-ко, моя вы силушка великая.
 Овернусь-то я теперь да ясным соколом,
- 130 Полечу, сяду к царю я на окошоцько,
 Я ведь все-то у царя буду выслушивать».
 Овернулсэ¹⁴ славной Волх да Святославьевич,
 Овернулсэ-то он да ясным соколом,
 Полетел прямо к царю да на окошоцько.
- 135 Говорит-то ведь тут да царь Индейския
 Со своей-то он с молодой же со царицою,
 Как со той со Еленой, с Олѣксандровной,
 Говорит-то царь про Волха Святославьевича:
 «Нам не надоть ли, царица, запирацьце-то на крѣпки крепосьти?»
- 140 Говорит-то царица-та Елена Олѣксандровна:
 «Не поминай-косе ты, царь, да царь Индейския,
 Ты того ли ведь Волха Святославьевича:
 Говорить-то про ево да думать страшно всё,
 Он родилсэ на святой Руси, тебе будѣт противницьк».
- 145 Тут сказал-то молодой да царь Индейския:
 «Ты не бойсе, не страшись, молода моя царица ты,
 Елена ты все Олѣксандровна!
 Приналяжоно¹⁵ у нас-то для ево, всё приготовлѣно
 Для того ли у нас Волха Святославьевича,
- 150 Оружьѣ у нас да со стрелами со каленыма».
 Тут ведь выслушал прехитрой-от богатырь наш,
 Ише тот ли славной Волх все Святославьевич.
 Он овернулсэ тут скоренько горносталюшком,
 Вырывал-то он ведь матушку сыру землю,
- 155 Попадал он ко военным славным к оружьям,
 Вынимал-то все у их стрелки каленя,
 Закопал, зарыл во матушку в сыру землю,
 Иступил-то, приломал востры¹⁶ штыки железныя,
 Все зарыл-то у их, спрятал в матушку в сыру землю.
- 160 Увидали тут народ да люди добрыя,

- Шьчо идет-то силушка великая
 Шьчо ко тому-ли царю, царю Индейському,
 Шьто ко той ли ко стени все городовую.
 Они стали запираць ту¹⁷ стену городовую
 165 Ай на те ли на предметы, крепки крепостьи —
 Не попастьт будёт некакому сильнѣму могучому богатырю,
 Не пролезтьт-то будёт Волху горносталяшком!
 Овернулсэ он скоренько ясным соколом,
 Вылѣтэл он цѣрез стѣну городовую,
 170 Прилетел-то он к своей силы великою.
 Говорит-то все ведь Волх да Святославьевич,
 Говорит-то он скорѣ да все росказыват:
 «Заперьлись-то они в стѣну городовую.
 Выходи-тко, моя сила, из белѣх шатров,
 175 Отыскал только в стѣнѣ¹⁸ я место пѣлого,
 Ещѣ только было тою¹⁹ шшолкой мурашѣ пройти».
 Овернулсэ²⁰ он да ²¹-мурашѣм скоро,²¹
 Овернул-то он силы десеть тысяцѣй,
 Он ведь всех-то их ведь малыма да мурашѣчками.
 180 Он во сѣтену-ту зашел да сам ведь всих провел,
 Розьвернул тогды свою силу великую,
 Ишше сам-то розьвернулсэ славной Волх Святославьевич,
 Розьвернулсэ он да могуцѣм сильним богатырѣм,
 Надевал-то на себя он платьѣ богатырьскоѣ,
 185 Надевал он на себя латы железныя,
 Принималсэ за цѣжѣлу свою палицу,
 Он за ту свою за сабельку за вострую,
 Он ведь зацѣял тут да все помахивать
 Со своеи-то со силушкой сь великою.
 190 Как избили-то ведь всю силу Индейскую.
 Он оставил только тысячу²² да красных девишюк,
 Ише тот ли наш ведь Волх да Святославьевич.
 Как замкнулсэ царь с царицѣй на крепкѣ замки.
 Он стоптал-то,²³ росыпинал да розьбивал у их крепкѣ замки,
 195 Он ведь брал-то все царя, царя Индейского,
 Он ведь брал-то все царя да за жолтѣ кудри,
 Он кинал-то ведь царя все о кирпичной мос<т>.
 Тут славы царю поют да в старинах скажут.
 Сам ведь брал-то за себя да все в замужесство,
 200 Молодую брал царицу-ту,
 Ищѣ ту ли Елену Олександровну.
 Он женил-то всих дородных этих молодцов —
 Досталось-то на кажного по красной все по девишки.

- Населилсэ он в Индеюшку богатую
205 Ише тот ли славной Волх да Святославъевич.
Он на место-то настáл да стал царем царить.
Свою силушку заставил тоже в городе Индейском жить,
Со своим-ти им жить с жонами с молодыма все.
Завладел-то славной Волх все Святославъевич,
210 Завладел он всей Индеюшкой богатою.

СВЯТОГОР И ИЛЬЯ МУРОМЕЦ (№ 2)

№ 2

Святогор с Ильей Муромцем ездили по полю и наехали гроб во чистом поли. «Илья Муромец — говорит Святогор, — повались в этот гроб». Илья Муромец повалилсэ — гроб ему широкой, долгой и высокой. Святогор повалилсэ — как есть по ём; стал ставать — стать не может: «Илья Муромец, росшиби гроб, сшиби крышу». Илья Муромец стегнул саблей по гробу, а на крыше сделалсэ обруч железной; он другой раз стегнул и третьей раз, — гроб в трёх обручах и сделалсэ. «Видно, — говорит Святогор, — судьба моя помереть в чистом поли».

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ЗМЕЙ (№ 3—6)

№ 3

- Как во славном городе во Киеви,
Да у ласкова-то князя у Владимира
Заводилось пируваньцо, почесен пир,
Ай на князей [всех],¹ на бóяр жа,
5 А на руських-то могучих на богатырей.
А как красно солнышко идет на есени,
А почесен-от пир идет навéсели.
А как вси-то при пиру, вси пьют-едят да веселы,
А как вси-то на честном, вси хвастают.
10 Как Владимир-от князь ходит по горнице,
С ножки на ножку переступыват,
А² он белыма руками³ всё розмахиват,
Золотыма-ти перстнями принашшалкиват,
А русыма-ти кудрями принатряхиват,
15 А как сам он говорит да таковы слова:
«Уж вы гой еси, мои князья, вы бóяра!
Уж вы руськии мои сильни богатыри!
Ишше хто жа из вас съездит на Пучай-реку

- За свежой-то водой ключёвою,
 20 А как мне, князю, с княгиною умытисе, помолодитисе?»
 Как большой-от от князя хорониться за среднёго,
 А как средней-от хорониться за меньшого,
 Как от меньшого, от бóльшого ответу нет.
 Говорил-то князь Владимир во второй након,
 25 Говорил-то князь Владимир во третей након.
 Как от бóльшого, от меньшого ответу нет.
 Как из-за того стола, стола окольного,
 Из-за той-то скатерки из-за бранья,
 Да из-за той есвы все сахарныя
 30 Говорил тут дородней доброй молодець,
 А как мóлодый Добрыня всё Никитич млад:
 «Уж ты гой еси, ты красно солнышко Владимир-князь!
 Уж я съезжу тебе на Пучай-реку,
 Привезу-ту я тебе свежой воды ключевою,
 35 Как тебе, князю, с княгиной умытисе, помолодитисе».
 Говорил-то Владимир-князь да таковы речи:
 «Уж ты гой еси, Олешенька Попович!
 Ты бери-ко все чернил, бумаг,
 Ты пиши-тко с Добрыней записи великия,
 40 Во хмелинушки Добрыни захлыснулосе,
 (Похвастал)
 4Чтобы заўтра Добрыня не попетилсэ». 4
 А² тому Олешенька не вослышилсэ.
 Уж как брал чернил, бумаг,⁵ писал он пописи великия
 Промежду собой с Добрынюшкой Микитичем,
 45 Пописали они пописи великия.
 А как стал-то Добрыня на резвы ноги,
 А как брал-то Добрыня со спички пухову шляпу,
 Надевал-то Добрыня на буйну главу,
 А нахмурил чёрну шляпу на яснби очи,
 50 А пошел-то Добрыня ко своему да широку двору,
 А повесил буйну голову с могучих плеч,
 А потупил очи в матушку-сыру землю.
 А идёт-то Добрыня к своему-то широку двору,
 Он идёт-то, все шатайтсэ.
 55 Увидала⁶ Добрыня молода жона,
 А как та жа Настасья дочь Никуличня,
 А побежала к своей матушки,
 К Добрыниной да к родной маменьки,
 Да сказала она своей маменьки:
 60 «Уж ты гой еси, Добрынина родна матушка!

- Как идёт-то у нас Добрыня с чесна пира,
 А идёт-то он да всё шатайтсье,
 А повесил-то буйну голову ниже своих могучих плеч».
- А стречала Добрыню молода жона,
 65 А как та жа Настасья дочь Никуличня,
 А стречала его да родна матушка,
 А как та жа вдова Омельфа⁷ Тимофеёвна,
 А стречели его среди ёго да широка двора,
 А как брали его да за белы руки.
- 70 Говорила ёму⁸ родна матушка да таковы речи:
 «А как шьто же идешь, мое-то чадо милое, мое любимое,
 Не по-старому идешь, да не по-прежнему:
 Повесил буйну голову с могучих плеч,
 А потупил очи в матушку сырú землю?»
- 75 Шьто тебе на пиру было не по разуму:
 Или князь-от тебя местом обсадил,
 Или винной чарой тебя обнесли,
 А² питья, есвы тебе разе не по души?»
- 80 Шьто над твоей жа молодой жоной,
 Эли, муть, над рóдной твоей матушкой?» —
 «Уж ты гой еси, моя родна матушка,
 Как Амельфа ты, сударь, да Тимофеевна!
 Меня местом князь он все не обсадил,
- 85 А да винной чарой меня все не обнесли,
 А нехто⁹ надо мной не насмехалса жа,
 Не тобою, родной матушкой,
 Не моей да молодой жоной.
- ¹⁰Самому мне доброму молодцу во хмелю-ту захлыснулося,⁻¹⁰
- 90 А как съездить мне-ка князю на Пучай-реку
 За свежой водой да всё ключевою,
 Привезти князю воды ключёвыя
 Шьто умытисе тут со княгинёю,
 А умытисе, помолодитисе».
- 95 Говорит-то ёму рóдна ёго матушка,
 Молода вдова Омельфа Тимофеёвна:
 «А как жил твой батюшко шестьдесят годов,
 А ничим жо он, жил, не хвастал жа.
 Ты¹¹ ни малу себе шуточку нашúтил жо:
- 100 Там много дородных добрых молодцов приезживало,
 А как руських-то сильних, могучих все богатырей,
 А назад¹² ни один⁻¹² не приезживал:
- ¹³Уносит всё Змея лютая,⁻¹³

- Змея лютая да Сорочинская
 105 Своим-то змеёнышам на съеденьицѣ.
 А тебе будѣт назад не бывати во славном городе во Киеви,
 А да нам тебя будѣт не видати жо!
 Ты послуша-ко моёго назаканьиця:
 Ты когда приедѣшь на Пучай-реку,
 110 Почерпни ты скоро свежой воды ключёвою,
 Поезжай ты скоро ко городу ко Киеву».
 От хмелины ¹⁴с утра ¹⁴да просыпайтесе,
 На Пучай-реку Добрыня собирайтесе.
 А² приходит Добрыня на широкой двор,
 115 Оседлал Добрыня, уздал добра коня,
 Наседил он седёлышко черкальское,
 Застёгивал-то он двенадцать пряжечёк,
 А затёгивал двенадцать отужинок.
 Пряжечки-ти были красна золота,
 120 А шпёнушки-ти были булатныя,
 Отужинки-ти были шелкóвыя,
 То не ради красы, ради крепости,
 Приправы богатырскою.
 Красно золото-то не ржавеет,
 125 А булат-от гнётьсе — не сломитьсе,
 А шелк-от подтянетьсе — не сёрветьсе.
 Провожаёт ёго да рóдна ёго маменька,
 Провожаёт ёго да молода жона,
 Провожают они, слёзно плачутьсе.
 130 А да он скоро скакал на добра коня.
 А столько видели добра молодца, когда сряжаючись,
 А не видели, когда да на добра коня сряжаючись.
 Он из города поехал не воротами,
 Не воротами он ехал не широкима,
 135 А скакал он через стену городовую,
 Через башню-ту да наугольную.
 Только видели — в чистóm поле курева стоит,
 Курева стоит да один столб стоит.
 А приехал скоро на Пучай-реку,
 140 Почерпнул-то он свежой воды ключёвою,¹⁵
 Настрелял-то он гусей, лёбедей,
 А пернастых малых¹⁶ серых уточёк.
 Как пороспекло ёго да соньчѣ красное,
 Прираздули ёго да ветры буйныя;
 145 Захотелось ёму во Пучай-реки окупатисе.
 А да скинывал с себя платьѣ чъветно богатырское,

- А нырат-то он во Пучай-реку́.
 А как¹⁷ плават Добрыня по Пучай-реки,
 Как увидяла Добрыню Змея лютая,
¹⁵⁰ Змея-та лютая да Сорочиньская,
 Налетела она на Добрынюшку Никитича,
 Да сама она ёму говорила таковы речи:
 «Как писи́-ти, писали — описалисе,
 Как волхвы-ти волховали¹⁸ — проволховалисе:
¹⁵⁵ А как хошь ли ты, Добрыня, я тебя водой залью,
 Ишше хошь ли ты, Добрыня, я тебя огнем залью,
 Ишше хошь ли ты, Добрыня, я схвачу тебя
 В свои-те двенадцать больши хоботы,
 Унесу ты в свои горы Сорочинськия,
¹⁶⁰ Своим детям на съеденьице?»
 А как мастёр был Добрынюшка нырком ходить,
 Как горазд-от был Микитич всё понырывать.
 А нырнул тут Добрыня во Пучай-реку,
 Выставал-то Добрыня у крутого жёлта бёрежка.
¹⁶⁵ А² да выскочил Добрыня на желто́й-от крутой бёрежок,
 Прибежал Добрыня ко своёму цвѣтну платьицу,
 Он схватил свою востру сабельку.
 Налетела тут на Добрыню Змея лютая,
 А хотела схватить Добрыню в двенадцать больши хоботы.
¹⁷⁰ А отсек-то Добрыня Змеи двенадцать больших хоботов,
 А как падала Змея да на сыру землю,
 А как мать сыра земля да потрясаласе,
 Во Пучай-реки вода да сколыбаласе.
 А одел-то Добрыня своё платьѣ цвѣтноѣ,
¹⁷⁵ А надел он свои латы богатырськия,
 А пришол-то он к Змее-то лютою,¹⁹
 Захотел Змеи отсеки буйну голову.
 А как ту Змея ёму всё взмолиласе,
 Она клятву кляла всё ёму великую:
¹⁸⁰ «Уж ты го́й еси, Добрыня сын Никитич млад!
 Не моги меня казнить, моги помиловать.
 А да назади лиха тебе не делала,
 Ишше впредь тебе лиха не сделаю:
 Я наложу на собя-то заповедь великую,
¹⁸⁵ Шьтобы не лѣтать мне-ка да на святую Русь,
 Не носить²⁰-с Руси²⁰ народу православного
 А на ти жа на горы Сорочинськия
 А своим-то детям да на съеденьице».
 Он послушал...²¹

- 190 А спустил живу Добрыня Змею лютую,
 Как прилѳжил вси двенадцать больши хоботы,
 Как вспорхнула Змея со сырой земли,
 Полетела Змея по-под небеса,
 А да полетела она не на горы Сорочинския,
 195 А полетела она на святую Русь.
 А как сел-то Добрыня на добра коня,
 Поехал ко городу ко Киеву,
 Ко ласкову князю Владимиру.
 А сречала²² Змея, лѳтит со святой Руси,
 200 Со святой Руси, из города из Киева,
 В хоботах-то несет душу красну девицю.
 Сам поехал он ко городу ко Киеву,
 Заезжает он во красен Киѳв-град,
 А он едѳт по городу по Киеву,
 205 А во Киеви все да не по-старому, не по-прежнему,
 Как народ-от ходят не по-прежнему,
 Оне ходят в платьѳ чѳрном, во печальнѳм жо.
 Как и едѳт он по городу по Киеву,
 А играют туто малыя робятка жо.
 210 А спросил-то он у малых у робяточок:
 «Что ж народ²³ ходят не по-старому, не по-прежнему,
 Они ходят в черном платьѳе, во печальнем жо.
 А завесили свои да лица белыя?» —
 «После твоѳго-то бываньиця
 215 Налетела-то Змея лютая
 А на тот жа на зѳленой сад ко князю ко Владимиру,
 А во ту пору, во то время,
 А гуляла-то в саду душа Марфа Дмитревна,
 А любима-то князя племянница.
 220 Да во то время налетела на ей Змея лютая Сорочинская,
 Ухватила ей в двенадцать своих хоботы,
 Унесла она на горы Сорочинския».
 А сидит Добрыня на добрѳм кони да призадумалсѳ,
 Призадумалсѳ да прикручинилсѳ:
 225 «А шьто омманила меня да Змея лютая!
 Мне не чесь будѳт, похвала да богатырская,
 А не выслуга мне будѳт да молодецкая».
 А он скоро поворачивал добра коня,
 А добру коню да приговаривал:
 230 «Уж ты гой еси, мой доброй конь, да Воронеюшко!
 Побежи-ко ты скоро как стрела калѳная,
 А подымайсе ты выше лесу стоечего,

- А пониже облака ходечего,
 Ты скачи-тко, горы-долы промеж ног бери,
 235 Ты скачи-тко с горы на гору,
 Реки, озёра перескакивай,
 Да ты бежи прямо на те горы Сорочиньския,
 Ишше где живёт да Змея-та лютая».
- Приезжат Добрыня к горам Сорочиньским,
 240 Соходил-то Добрыня со добра коня,
 Во праву руку берёт востро копьё,
 Во леву руку да повод лошадиныя,
 А вострым копьём закопыват ступени жа,
 А левой рукой коня ведёт на горы Сорочиньския.
- 245 А залез-то он на горы Сорочиньския,
 А садилсэ он скоро да на добра коня,
 А как брал-то он трубочку подзорную,
 А смотрил он на все четыре стороны,
 Он смотрил змеиноного жилишша жа,
- 250 А увидал тут Добрынюшка у Змеи высок терем.
 А стёгал коня по крутым бёдрам.
 Как приезжал ко змеиному высокоу терему,
 А соскакивал скоро со добра коня,
 Забегал-то он к Змеи да всё в высок терем.
- 255 А сидит-то Марфа Митрёвна в высоком тереме, на матушки сырой земли,
 На коленях дёржит два змеиныша.
 А как ссут у неё да груди белья,
 Высысают из ей да кровь горячую,
 А как чуть-то в ей душа полуднуёт.
- 260 Отрывал-то он от грудей-то он да белья,
 Отрывал-то он двух детёнышов,
 Розрывал-то он их на́двое,
 А вымётывал вон из терема.
 Выносил-то он Марфу Дмитрёвну ²⁴из высока терема,²⁴
- 265 А садил-то ей ко добру коню.
 А как тут Добрыня зажог Змеи высок терем.
 Загорелсэ змеин высок терем.
 А увидала Змея со святой Руси,
 Полетела ко высокоу терему,
- 270 Надлетела на Добрынюшку Никитича,
 А хотела Добрынюшку огнём зажечь,
 А хотела убить своима большима хоботы.
 А² отсек-то он Змеи двенадцать больших хоботов.
 Она падала да на сыру землю;
- 275 А как ту<т> Змея да замолиласе.

А тому Добрыня не поварывал,²⁵
 Розъерилосе его сердце ретивое,
 Он отсек ей²⁶ да буйну голову.
 А садилсэ да он да на добра коня,
²⁸⁰ А садил-то Мѳрфушку да позади себя,
 Привезал он Марфушку позади себя,
 Шьтобы не пала она да со добра коня.
 Он поехал ко городу ко Киеву,
 А ко ласкову-ту князю ко Владимиру.
²⁸⁵ Как сречает ёго князь да среди двора,
 Среди двора его со княгиною,
 Со своима няньками, кухарками,
 Со всема́-то своима придворныма,
 Со князьями и с бо́ры.
²⁹⁰ Пошел-то у них пир навёсели, на радости.

№ 4

Ишше был-жил Никитушка, не славилсэ,
 Да не славилсэ, Никитушка, состарилсэ,
 Да состарилсэ, Никитушка, представилсэ.
 Оставалась у Никитушки любá семья,
⁵ Да любá-та семья, да молода жена.
 Оставалось у Микитушки цядо милоё,
 Ишше милоё цядышко, любимое,
 Как ведь мóлодой Добрынюшка Никитиць млад.
 Ишше стал-то Добрынюшка двенадцети лет,
¹⁰ Ишше стал-то просить благословленьица:
 «Ишше матушка ты моя родимая,
 Ишше дай-ко се мне благословленьицо,
 Мне-ка съездить-то разве во цистó полё,
 Поискать мне во цистóm поли поединшицька?»
¹⁵ Да услышил про эту большу¹ похвальбу
 Да услышил про то да православной-от царь,
 Православной царь да Пётр-от Первой жо.
 Он ведь скоро собирал да все поцесен-от пир.
 Он ведь скоро звал Добрынюшку Никитицьця:
²⁰ «Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитиць млад,
 Я пошлю тебе съездить во Почай-реки,
 Привезти-то с Почай-реки свежой воды,
 А свежой-то воды, да все ключёвою,
 Да умытьце мне ведь все аньператору,

- 25 Приумьтисе ведь да Петру Перьвому,
 Приумьтъце мне-ка со кнегиною,
 Со кнегиной-то мне да с Катериной-то,
 Нам помьтъце охвота, помолодитисе».
 Тут Добрынюшка все да не отслышилсэ,
 30 А Никитиць-от все да отговариват.
 Он приходит к собе да на широкой двор,
 Он седлат-то своёго Воронеюшка.
 Как выходит к ёму матушка родимая:
 «Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитиць млад!»
- 35 Как заходит к ёму матушка с право́й руки,
 Говорит к ёму матушка родима потихошеньку:
 «Ты куды, моё дитетко, срежаисьсе,
 Ты куды, моё дитетко, отправляисьсе?»
 Говорит-то Добрынюшка таковы реци:
 40 «Уж ты лучше бы миня, матушка, не спороди́ла,
 Спородила бы миня в темном лесу березоцькой,
 Да стояла берёзка бы во тёмно́м она лесу,
 Во тёмно́м она лесу да во чисто́м поли,
 Ише ко той бы березки съезжались все,²
- 45 Ише вси сильни могу́ции богатыри.
 Я скажу тебе, матушка, поведаю,
 Ты ведь матушка моя да все родимая,
 Ты честна́ вдова Амельфа Тимофеевна!
 Ты бы лучше спороди́ла миня, Добрынюшку Микитиця,
 50 Во синё-то бы морё серым камешком,
 Да лёжал бы этот камешек веки-по́веки!
 Посылаёт теперь миня Петр-от Перьвой, царь,
 Посылает миня он за свежой водой,
 За свежо́й-то водой за ключовою:
- 55 Приумьтъ-то ведь хоцёт лице́ белоё,
 Со кнегиной-то хоцёт с Катериною,
 Приумьтъце хотят, помолодитисе».
 А тут скоро-то матушка благословлят его.
 Как ни белинька березоцька к земли клонитце,
 60 Ише кланяйтце дородной доброй молодець,
 Как по имени Добрынюшка Микитиць млад:
 «Благослови-тко миня, матушка, мне-ка съездить-то». —
 «Тибe Бог благословит, моё цядо милоё,
 Ты приедёшь когда ведь ко Почай-реки,
 65 Ростоснетце твое ведь все бело́ тело,
 Ты ведь сдумашь-то купатьце во Почай-реки,
 Перьву-ту ты струёчку заплывай,

- А вторую-ту ты струёчку всё ведь заплывай,
Ищё третьей-то струёчки не заплывай».
- 70 Ищё скоро Добрынюшка приезжает-то,
Приезжает Добрынюшка ко Почай-реки.
Да придумалось Добрынюшки попутатисе
Да во той ли во матушки во Почай-реки.
Он ведь пёрвву-ту струёчку скоро заплывал,
- 75 Он втору-ту ведь струёчку скоро заплывал,
Он ведь третью-то ведь скоро призаплывал.
Не послушал наказу рódной матушки.
Выходил он на серой горюць камешок.
Он глядел-смотрел в чётые во вси стороны,
- 80 Как с той стороны было с восточнюю
Тут ведь грозная туця подымайтце,
Ише сам тому Добрынюшка удивляйтце:
«Кабы туця³ тўцилась, то бы гром гремел,
Кабы гром-от гремел, то бы цястой дожжик шол».
- 85 Не успел-то Добрынюшка слова вымолвить,
Слова вымолвить, Добрынюшка, реци выполнить.
Прилитела злодеюшка Змия лютая:
«Уж ты хоцёшь ли, Добрынюшка, я тебе водой залью,
Ишше хоцёшь ли, Добрынюшка, я огнём сожгу,
- 90 Я огнём сожгу, дымом затушу,⁴
Дымом затушу, подхвацю в свои во хоботы зминныя?
Унесу-ту я тибя-то в пещеры дальния
К малым детушкам своим тибя на сиденъицо».
Говорит-то Добрыня таковы реци:
- 95 «Ты хотела бы злодейка Змея лютая,
Змея лютая да как ведь тебе Бог ведь даст,
Как ведь Бог тебе даст, да Христос выдаёт».
Ишше мастёр был Добрынюшка нырком ходить,
Он нырком ходить да по-сёмужью:
- 100 Он у серого у камешку уныриват,
У крутого у бёрежку выныриват.
Он ведь скоро надевал своё платье цветноё,
Он почерьпнул два кувшина-то свежоё воды,
Он же поехал во чисто полё.
- 105 Налетела злодейка Змея лютая,
Да брала ёго на хоботы всё зминныя,
Вызнимала ёго вдвоём со добрым конём,
Вызнимала ево на⁵ высокохонько:
Да пониже-то облака ходёцёго,
- 110 Да повыше она лесу стояцёго.

- Ён ведь стал скоро плёточкой шолкóвою,
 Ён ведь стал етой плётóцькой постягивать,⁶
 Ён ведь стал пушке ведь⁷ плётóцькой пошевэливать —
 Отлетели у ей хоботы всё змеинныя.
- 115 Ише падат Змея-та на сыру́ землю,
 Ишке стала говорить ему Змея лютая:
 «Ты не бей миня, Добрынюшка Никитиць млад,
 Не розори-ко ты моих-то дитей малых!
 Мы положим с тобой заповедь мы великую:
- 120 Ищё ты ведь как⁸ будешь мне⁹ большо́й-то брат,
 А ведь я тебе буду всё меньша́ сестра.
 При какой-нибудь мы будем всё при горяшки,
 Уж мы будём друг¹⁰ дружки помогать мы всё,
 Я не буду летать-то к вам в красен Киев-град,
- 125 Я не буду губить ваших людей добрых».
 Тут Добрыня скоро да испускал-то всё,
 Как спускал-то Змею на волю вольнюю.
 Полетела Змея да скорó захвастала:
 «Уж ты сам молóд, Добрыня, у те ум ведь глуп!
- 130 А ведь будёшь ты тепереце мне меньшо́й-от брат,
 Уж я буду теперь-то тебе больша сестра.
 Я всецяс же полецю теперь на святую Русь,
 На святу-ту я Русь, ише в красен Киев-град,
 Унесу-ту я у князя Петра Перьвого,
- 135 Унесу-ту я у него племёнку
 Ишке ту же Забаву дочь Путятисьню».
 А приехал Добрыня от Почай-реки.
 Ишке ходят во Киеви в платъи цёрном всё,
 Да во цёрном-то платъици во печальнём жо.
- 140 Приезжает-то он к двору¹¹ ко царьскому,
 Как ведь скоро приходит со свежо́й водой.
 Говорит ёму царь всё таковы реци:
 «Как у нас ведь во городи ведь несчастьицё:
 После твоёго, Добрыня, после бываньица
- 145 Унесла Змея любиму мою племяненку
 Ише ту у нас Забаву дочь Путятичню.
 Поезжай скоро, Добрыня, за Забавой за Путятичней».
 Поворачивал Добрыня всё добра́ коня,
 Не приворотил он своей-то рóдной матушки.
- 150 Он приехал в пешероцьку к Змеи лютою,
 Он прибил, притоптал взял всех змеёнышов,
 Он отсек-то у Змеи взял буйну голову,
 Он привёз всё Забаву-ту дочь Путячисню,

Он привёз к своёму-ту к родному дядюшки,
 155 Ко тому ли к царю-ту да к Петру Перьвому.
 Полуцал сибѣ наградушку он великую:
 Собирал-то для ёго да царь поцѣсѣн пир,
 Собирал он для ёго князей, бóяров,
 Собирал он на пир-от купцѣй-гостей торговых,
 160 Он ведь всех собирал многих из простых людей.
 Он дарил ведь всё Добрынюшку Никитиця,
 Он дарил дорогима всё подарками.

№ 5

Как не белая берёзка она к земли клонитце,
 Как не сырой дуб да погибаитце,
 А просил-то своей-то родной матушки благословеньиця:
 «Уж ты гой еси, моя родна маменька,
 5 А как молода вдова Омельфа Тимофеёвна!
 А уж ты дай же мне благословеньицо съездить во чисто¹ полѣ,
 Ай во чисто полѣ съездить тольке на двенадцеть лет,
 А да што мне съездить по Святой земли
 Ай да што мне съездить в прокляту Литву».
 10 Давала ёму благословеньицо да на двенадцеть лет
 Ай как ехать во чисто поле,
 А говорила ёму родна матушка:
 «Уж ты гой еси, да чадо милоё!
 А ты уедёшь во чисто полѣ подалече,
 15 А ты уедёшь в прокляту Литву поганую,
 А уедёшь ты да на Дунай-реку,
 А как там тебя да распекёт да красно солнышко,
 Прираздуют тя да ветры буйныя —
 А не купайсе ты да во Дунай-реки:
 20 А Дунай-река весьма быстра,
 А как вывалит тебя да на синё морё».
 А да как тут поехал Добрыня на Почай-реку.
 А распекло Добрынюшку красно солнышко,
 А роздули ёго ветры буйныя.
 25 А от того жару захотелось Добрыни закупатисе
 А во той ли во Дунай-реки.
 А как скинывал с себя платьѣ цъветноё,
 А как купался во Дунай-реки —
 Отвалило² Добрыню на перьвú струю,
 30 А нырнул как Добрыня во второй након —

- Отвалил⟨о⟩³ Добрыню на втору струю,
 А как нырнул Добрыня во третей након —
 Отвалило Добрыня да на синё морё,
 А как начал Добрыня плавати.
- 35 А как с тих-то гор увидела Змея-та лютая,
 Она с тих же со Пещер-горы,
 Налетела она на Добрынюшку Микитича,
 А сама она говорит да таковы речи:
 «Как писи-ти писали — описалисе,
- 40 А волхи-то волховали — проволховалисе:
 А да шьто сказали-ти, убьет меня⁴ Добрынюшка;
 А топерь Добрынюшка у ме⟨н⟩я в кохтях.
 А да хошь ли ты, Добрынюшка, я тебя огнём сожгу,
 И хошь ли ты, Добрынюшка, водой залью,
- 45 Ише хошь ли ты, Добрыня, схвачу во двенацать больших хоботов,
 А как хошь ли то, Добрыня, унёсу ты на Пещор-гору,
 А да как во свой всё высок терем,
 А да ко своим-то малым детоцькам тибя да на съеденьице?»
 Говорил Добрыня таковы речи Змеи лютыя:
- 50 «А да на воды человека взеть — ведь как мертвого!
 А дай ты мне-ка выплыть на сыру землю —
 Тогда миня убей, хошь ты живьём неси,
 А тогды, шьто хошь, то делай-то».
- А да как спустила Змея Добрыню на сыру землю,
- 55 Выплывал-то Добрыня на кротои-от жёлтой песок,
 Как пошёл-то Добрыня по матушки сырой земли.
 А как нету у Добрыни платья цветного,
 Ише нету ни доброго коня, лошади,
 Нету у ёго да сабли вострыя.
- 60 Как по Божьей было милосъти,
 По Добрыниной-то было учесьти:
 А как лёжал-то тут да серой камешок.
 А как увидела с Пешшер-горы Змея та лютая,
 А да хочёт несьти, схватить двенацать больших хоботов.
- 65 Схватил-то Добрыня этот серой камешок,
 Э как бил-то он Змею лютую по хоботам,
 А отшиб у ей-то вси двенацать больши хоботы.
 А как падала Змея да на сыру землю,
 Как у ей отшиб вси буйны головы.
- 70 А как Змея всё взмолиласе:
 «А для моих-то младых деточёк!
 Когда дам ему платье цветное,
 Цветно платье богатырьскоё,

- Отдам-то я свою паличу чяжолую,
 75 Отдам-то я тебе свою саблю вострую,
 Отдам вдосталі своёго коня да Воронеюшка.
 А да приложь ты ко мне вси двенацеть хоботов».

А да притянул, приложил двенацеть хоботов,
 И полетела Змея на Пещер-горы,
 80 А пошел-то Добрыня за Змеей за лютою.
 Как приходит тут Добрыня к высокому ко терёму,
 А как выходит тут Змея всё из терёма,
 Выносит Добрыни платьё чветное.⁵
 А одевалсэ, снаряжалсэ Добрыня в платьё чветное,
 85 А во чветное платьё, богатырьскоё.
 Отдала она своё платьё богатырьскоё,
 А как одел-то Добрынюшка Микитич млад.
 А как выводила она коня, лошадь добрую,
 А да своёго любимого да Воронеюшка,
 90 А говорила она ёму ко́ню доброму:
 «А уж ты конь, ты конь, да Воронеюшко!
 Как мне⁶ служил, так и Добрынюшки служи».

Выносила⁷ она саблю вострую,
 А как взял Добрыня у ей саблю вострую,
 95 А отсек-то Добрыня у Змеи да буйну голову,
 А как зажег-то Добрыня зьмеин высок терём.
 А да ⁸он скакал⁸ скорó да на добра коня,
 А как начал добра коня постёгивать
 А как той жа плёточкой шолковою.
 100 А подымалси его доброй конь выше леса стоячого,
 А выше леса стоячого, ниже облака ходячого,
 А как скачёт он с горы на гору,
 А как рúцейки,⁹ озеры мелкі перескакиват.
 А как приехал-ту Добрыня во свои села.
 105 А как ездил тут Добрыня по чисту полю,
 А как розгуливал-то он на добром кони зьмеином жа.
 А как наступала тут ёму да ночка тёмная,
 А тогда сходил с добра коня,
 А разоставил себе бел шатёр полóтьняной,
 110 А как сам он в шатёр спать лёг.
 А как по утру, утру ранному,
 А по восходу-то было сонча красного,
 А как бьёт ёго конь сільнё во сыру землю,
 А как мать сыра земля потрясаитце,
 115 А от сна Добрыня пробужаитсе.
 А как выходил Добрыня из бела шатра,

- А как брал он себе трубочку подзорную,
 Как смотрил-то во вси чытыри стóроны,
 А некогó-то он не ўсмотрил.
- 120 А как сам взошел в белой шатёр, ведь спать лег.
 А как забил-то ёго доброй конь да во второй након.
 Выходил-то Добрыня из белá шатра,
 А как смотрил-то здрил во ту же трубочку подзорную,
 А зашёл-то он опеть в бел шатер, спать ведь лег.
- 125 А забил-то конь да во третей након.
 А выходил-то Добрынюшка да из белá шатра,
 А как смотрил-то во трубочку по⟨д⟩зорную
 А по чисту полю да во вси чытыри стороны.
 А как говорил-то ёго доброй конь:
- 130 «Уж ты гой еси, Добрынюшка Микитич млад!
 А поежай ты, заставай скоро домовь.¹⁰
 А как твоя-та молода жёна идёт в замужесьво».
 А как тут Добрыня крутёхонько собирайтсе,
 А как скоро обирал свой белой шатер полóтняной,
- 135 А да скоро, лёкко скакал да на добра коня,
 А да он добру коню да приговариват:
 «А бежи ты, мой доброй конь Воронеюшко,
 А уж ты так бежи, как стрела лётит калёная,
 А скачи-тко ты да с горы на гору».
- 140 А да как побежал ёго добрый конь как стрела каленая,
 А да как скачёт с горы на гору,
 Как озёра, мелки реки перескакиват.
 А как скоро-то приехал в красён Киев-град
 Ко своёму широку двору.
- 145 А заехал он к собе всё во широкой двор.
 А никто добра моло⟨д⟩ца не стретил жа:
 А не стречаёт ёго матушка родна ёго
 А как та жо Омельфа Тимофеёвна,
 А не стречат ёго молода жона Настасья-королевисьня,
- 150 Королевишьня она да дочь Микулишня.
 А как заходит весь в новы горьници,
 Во свои полаты белокаменны,
 А как молитсе Спасу Пречистому,
 Поклоняйтце-то Матери Божью-то Богородици.
- 155 Как сидит-то ёго родна матушка
 А на том-то на стули рыта бархата.
 А не узнала-то она своёго чада милого,
 А как милого чада, любимого,
 А того жа всё Добрынюшку Микитича.

- 160 А говорит-то Добрыня таковы слова:
 «Уж ты здрастуй-ка, Добрынина родна матушка!»
 А да говорила Добрынина родна матушка:
 «А уж ты где видал, ты ведь где слыхал
 Как про моёго чада милого?» —
- 165 «А мы вчёрашнёго-то дни с ним розъехались:
 Как поехал всё ведь направо,
 А как он поехал всё ведь налево.
 А он велел тебе да низко кланитце,
 А сегодняшней день наедёт к вечеру.
- 170 А да где же ёго да молода жона?»
 А говорила Добрынина-то ёго родна матушка:
 «А как ёго жена всё заму́ж идёт
 А за того за Алёшеньку Поповича,
 А да¹¹ за того за бабьёго просьмешника,
- 175 А как которого не любило моё чадо милоё.
 А да он ей наказывал, крепко да наговаривал:
 „А как пройдет-то мне ровно двенацать лет,
 А хошь за князя поди, хошь за боярина,
 А за купча ты пойди, госьтя торгового,
- 180 А хошь за хресьянина подь прожитосьна,
 А не ходи только за Олёшеньку Поповица.
 А как я ведь не люблю роду всё попольского.
 А как он был охочь хвастать красныма девушкам по-напрасному,
 Да он охочь был смееться молодыма жонами мужьными,
- 185 А он всё ведь хвастал все молодыма вдовами всё¹² безмужными ”».
 А да говорил-то Добрыня таковы речи:
 «Уж ты гой еси, ты Добрынина родна мамушка,
 А как та же молода вдова Омельфа Тимофеёвна!
 А как дай жа ты Добрынине да платьё цвѣтнёе
- 190 А пойду-то я смотреть Олёшеньки ко князю ко Владимиру».
 А да приносила она платьё чѣветнёе.
 А как обувал Добрынюшка сапожоцьки-обролочки,
 А надевал на себя шубу черных соболей,
 А да надевал шляпу Добрынюшка пуховую.
- 195 «А уж ты гой еси, Омельфа Тимофеёвна!
 Уж ты дай Добрынины и гусельци».
 А как подала она со спички ёго гусьлицы.
 А как пошёл Добрыня ко князю-ту Владимиру.
 А приходил-то он к ёму да на широкой двор,
- 200 А со широка двора да на красно крыльчѣ косисьчато,
 А со красна крыльча да на новы сени,
 А с новых сеней в полаты княженейськия.

- А как заходил-то он в полаты княженейския,
 А как молитце он Спасу всё Пречистому,
 205 А поклоняйтце-то Матери-то¹³ Божию-то Богородици,
 А как бьёт челом князю да со кнэгиною
 А о ту жа о рученьку о правую:
 «А уж ты здрастуй-ка, Владимир князь да стольнѣ-киевськой!
 А уж ты здрастуй-ка, старый казак да Илья Мурамец!»
 210 А уж вы здрастуйте, вси руськи богатыри!
 Ай уж ты здрастуй-ка, Олѣшенька Попович жа!»
 А как при пиру Добрыни не признали жа.
 А стал-то Добрыня к той печки-муравлѣнки,
 А говорил Добрыня таковы речі да таковы слова:
 215 «А ты позволь-ка, князь Владимир, поиграть на звоньчаты на гусьли,
 А потешить тибя, князя со кнэгиною,
 Да потешить тут Олѣшеньку Поповича
 А со той жо с Настасьѣй всё с Микулисьнѣй».
 Говорил тут князь Владимир жа:
 220 «Ты играй-то, молодець, скольке тибѣ хочитсе».
 А зачал играть Добрыня в звоньчаты гусьли;
 Как играт он, в гуслях выговариват,
 Молодой жоны да наговариват,
 А как тут выговаривать да наговаривать:
 225 «А уж ты гой еси, Настасья дочь Микулисьня!
 Не исполнила моѣго наказаньица».
 А как тут Настасья догодаласе,
 А как признала она Добрынюшку Микитича,
 А выходила она и⟨э⟩-за того стола, стола околнѣго,
 230 А да брала она Добрыню да за белы руки,
 А как чѣловала ёго в уста сахарныя,
 А сама она говорила таковы речи:
 «А здорово ты, Олѣшенько, женился, — тибѣ не с кем спать!»
 А как тут розъерилось Олѣшеньки да ёго ретиво серьцо,
 235 Как схватил-то тут свою-ту саблю вострую,
 А хотел всё Добрыни отсечь буйну голову.
 А захватил ёго праву руку старый казак да Илья Мурамец:
 «Уж ты гой еси, Олѣшенька Попович млад!
 А ты серьди, ни груби Добрынинава ретива серьця».
 240 Да как я был не тебе чѣта, не тебе равна,
 А сидел-то у меня Добрыня на белѣх грудях,
 А хотел-то спороть мои да груди белыя,
 А досмотрить-то моѣго ретива серьця».
 А как полóжил-то Олѣшенька да саблю вострую.
 245 Как пошол-то Добрыня от князя от Владимира,

А как брал жону да за праву руку
 Да ведёт-то к широку́ двору.
 А как увидела-та Добрынина та родна матушка,
 А как идёт тут приежой гос(т)ь, ведёт Добрынину жону да за праву́ руку,
²⁵⁰ А как тут Омельфа догадаласе-от:
 «А как не гос(т)ь был у мя, было моё чадо милое!»
 А как то Добрынюшки конець пришёл,
 Про ёго писанье коньчилось.

№ 6

Да во славном во городи во Киеви,
 Э у ласкова князя у Владимёра
 Заводилась пирушочка, почесён пир,
 Што на многих князьей, на думных бóяров,
⁵ Што на руських могучих на богáтырей,
 Што на тех полени́ц на приудáлья,
 Ай на тех на каза́ков на задонския,
 Ай на тех на бурла́ков на москофския,
 Да на тех хресьянушок прожитосьних.
¹⁰ Красно солнышко катитце ко западу,
 Ай ко западу солнышко, ко закату,
 Ёу Владимёра пир идёт на радости.
 И все на пиру, братцы, сидя, пьют, едя(т),
 И все, на пиру-ту сидя, кушают,
¹⁵ Ище беленьку лебедушку они рушают.
 И все на пиру сидя приросхвастались:
 Иной сидит хвастат золотой казной,
 А иной сидит хвастат широким двором,
 А иной сидит хвастает добрым конём,
²⁰ Сидит глупой-о(т) хвастат молодой женой,
 Неразумной-о(т) хвастает родной сестрой.
 Што Владимир-князь по гирнюшки похаживат,
 Он жолтыма кудёрцеми натрясыват,
 Ишше сам говорил он таково́ слово:
²⁵ «Уж и вой еси, вы князи, думныя бóяра!
 Эли руськи могучия богáтыри,
 И те полени́ци преудáлья,
 И те же вы каза́ки все задоньския,
 И те же вы бурла́ки все московския,
³⁰ Ишше те же вы хресьянушки прожитосьни!
 Ишше съездили бы хто мине-ка на Пучай-реку,

- Ай привёз бы хто съвежой воды ключовыя
Ишше мне-ка со княгиною да умытисе».
- От большого боярина отъвету нет.
- 35 Говорил-то Владимёр во второй након,
Говорил-то князь Владимёр во третей након.
Всё как бóльшой хоронитце за среднього,
И средняй хоронитце за мёньшого,
От меньшого боёрина отъвету нет.
- 40 Из-за то́го ли стола из-за окольнево,
Ай со той со скамейки белодубою
Ай выходит дороднёй доброй молодець,
Молодыя Добрынюшка Микитиць сын.
Подъвигаитце Добрынюшка близёшенько,
- 45 Поклоняйтце Микитиць сам низёшенько,
И реци говорил сам потихошеньку:
«Уж и красное солнышко, Владимёр-князь!
Благослови мне-ка, Владимёр, слово вымолвить,
Не моги-тко за слово головы сказнить,
- 50 Ты моги-тко-се миня же всё помиловать».
Говорил ёму Владимёр стольней киевской:
«Говори-тко, Добрыня, што те надобно».
Говорил тогда Добрынюшка да Микитиць сын:
«Уж и съезжу ведь я верно на Пучай-реку́,
- 55 Привезу тебе съвежой воды ключовыя
Ай тебе со кнегиною да умытисе».
Ище эти речи Владимёру во любви пришли,
Во любви ёму пришли, очунь поглянулисе.
Записали они записи великия,
- 60 Закрепили они князём-то Владимиром.
Да немного де Добрыня стал разговаривать;
Он и крест-о〈т〉 кладё〈т〉 по-писа́ному,
Ай поклон ведё〈т〉 Добрынюшка по-учёному,
Ише кланеитце Спасу Пречистому,
- 65 Ище тут-де как Божьею Богородицы,
Ишше сам говорил тогда таково слово:
«Ты прошшай-ко-се, Владимёр стольней киевской,
Ты прошшай же Опраксея-королевисьня,
Ай прошшайте, весь народ, люди православныя!
- 70 Хорошу я себе шуточку нашучивал:
Ишше ета шуточка мене-ка с рук сойдёт?»
Да пошол-де Добрынюшка к широку́ двору,
Ай заходит он во задню свою горьницу,
Ай сидит-то Добрынюшка на ременьцят стул,

- 75 Посвесил он свою буйну головушку,
 Ай потупил он свои тогды очи ясныя
 Ай во ту же де во сѣреду во кирпичьную.
 Да приходит-де к ёму родная матушка,
 Молодбья де Омельфа Тимофеевна,
- 80 Да сама же говорила таково слово:
 «Уж ты вой еси, Добрынюшка Микитиц сын!
 Ишше што же ты съ пиру пришол нерадосен?
 Разъве место на пиру было не по родины,
 Разъве старой кто над тобой изъезжайтце,
- 85 Эли млад хто над тобой насъмехаитце,
 Или винной чарой-чашой тебя обнесьли?»
 Говорил тогды Добрынюшка Микитиц сын:
 «Ишше место на пиру было по родины,
 Не старой надо мной изъезжаитце,
- 90 Ай не млад надо мной не насъмехаитце,
 Ай не винною чарой-чашой миня не обнесьли.
 Хорошу-ту я ведь шуточку нашучивал,
 Ишше как ета шуточка мње-ка с рук сойдѣт?
 Похфалилсэ я ведь князю-ту Владимѣру
- 95 Уж и съездить-то я всё на Пучай-реку,
 Привесьти ему съвежой воды ключовою —
 „Ишше мње-ка со кнегиною умытисе”».
 Говорила-де Омельфа Тимофеевна:
 «На речах у мня, Добрынюшка, ты зашибчивой,
- 100 На делах ты, Добрыня, неуступчивой.
 Ишше был-то у тебя отець, родной батюшко,
 Ай не смел-то он ведь ехать на Пучай-реку:
 Ай на той жо ведь на речиньки, на Пучай-реки
 Ай летат Зьмея-бьлед Сорочиньская,
- 105 Ай берѣт она народ да православныя
 Да уносит на горы Сорочиньския,
 Она корьмит своим малым зьмеёнышам».
 Говорил тогды Добрынюшка Микитиц сын:
 «Уж ты гой еси, моя да родна матушка!
- 110 Ай уеду я, Добрынюшка, на Пучай-реку,
 Не пройдѣт-то мње, Добрыни, ровно шесть годов,
 Ай минутце Микитичу двенадцеть лет —
 Што пеките вы поминки вековесьня,
 Посылайте по церьквам да по манастырям,
- 115 Поминайте вы Добрынюшку вековесьнего».
 Говорила-де Омельфа Тимофеевна:
 «Ай приедѣшь, Добрынюшка, на Пучай-реку,

- Не плавай ты, Добрынюшка, на Пучай-реки —
 Прилетит тогда Змея-бyleть Сорочиньская,
 120 Заберё<т> тебя, Добрынюшку, в больши хоботы,
 Унесё<т> тебя на горы Сорочиньския,
 То как скорьмит своим малым змеёнышам».
 Говорил тогда Добрынюшка Микитиць сын:
 «Уж ты вой еси, моя ты молода жена!
 125 Уж и буду я топерь тебе наказывать,
 Ай исполни моё всё приказаньицо:
 Не приеду я, Добрынюшка, во двенадцеть лет,
 Ишше станут на тебе женихи-ти свататце —
 Не ходи-тко-се ты не за кого замуж,
 130 Не за князя не ходи, не за боярина,
 Не за руського могучого богатыря,
 Не за купчика нейди, госьтя торгового.
 Как посватаитце Олешенька Поповиць сын —
 Ты поди-тко за Олёшу-ту за ёво замуж».
 135 Ишше стал тогда Добрынюшка собиратисе,
 Он седлат-де, уздат тогда коня доброво.
 Только видели Добрыню собираючись,
 Ай не видели поездочки Микитица,
 Только видели — во полюшки курёвúшка вьёт.
 140 Да ка<к> здраво-то он ехал полё чистое,
 Ишше здраво-то он ехал лёсы тёмныя,
 Ишше здраво-то он ехал грёзи чёрныя,
 Ишше здраво он стал тогда на Пучай-реку,
 Розоставил он белóй шатёр полóтьняной.
 145 Ай живет тогда Добрынюшка во белóм шатри,
 Ай стрелят-то он гусей да белых лёбедей,
 Ишше тех жа пернастых серых утицей.
 Захотелосе Добрынюшки покупатисе,
 Ай забыл-то материньское наkáзанье.
 150 Скинываёт он своё да платьё чвётное,
 Ай кладёт да свою збрудушку богатырскую,
 Ай кладёт тогда Добрынюшка под сýрой дуб.
 Ишше стал тогда Добрынюшка да купатисе,
 Ишше пóплыл Добрынюшка на перьвú струю,
 155 Показалосе Добрынюшки — струя мелка,
 Ай струя ёму мелка-та и вода легка.
 Да как выплыл Добрынюшка на шесту струю,
 Показалосе Добрынюшки — струя мелка,
 Ай струя ёму мелка-та да как вода легка.
 160 Да как выплыл Добрынюшка на двенадцеть струй,

- Ай тогды-то ведь, во ту пору да во то время
 Налетела-де Зьмея-та Сорочиньская,
 Ай сама жа говорила таково слово:
 «Уж ты зой еси, Добрынюшка Микитиц сын!
- 165 Заберу тебя, Добрыня, в свои хоботы,
 Унесу тебя, Добрыню, на горы Сорочиньския
 Да скормлю тебя своим малым змееньшам».
 Да Добрынюшки пришло тогды делать нечево.
 Ишше масьтёр Добрынюшка был нырком ходить.
- 170 Унырнул тогды Добрынюшка на двенадцеть струй,
 Ишше вынырнул Добрынюшка на шестой струи,
 Унырнул тогды Добрынюшка на шестой струи,
 Ишше вынырнул Добрынюшка платья у четново,
 Ишше выскочил Добрынюшка на крутехонько,
- 175 Одевал-то ведь своё платье четное,
 Да берё〈т〉 тогды Добрыня саблю вострую.
 Налетела-де Зьмея-бьлед Сорочиньская,
 Ишше хочё〈т〉 забрать в свои больши хоботы.
 Ишше стал тогды Добрыня саблей помахивать,
- 180 Ай отьсек-то у Зьмеи шес〈т〉ь больших хоботов.
 Ишше пала-де Зьмея тогды на сыру землю,
 Ай сама же говорила таково слово:
 «Ты спусьти миня, Добрынюшка Микитиц сын,
 Ай не стану я летать больше на съвятую Русь,
- 185 Ай не стану я носить народу православного».
 Да спусьтил тогды Добрыня Зьмею-безбожницу.
 Улетела-де Зьмея на горы Сорочиньския.
 Да живее〈т〉 тогды Добрынюшка во белом шатри.
 И прошло тогды Добрынюшки верно шес〈т〉ь годов,
- 190 Миновалосе Добрынюшки двенадцеть лет.
 Ишше стал тогды Добрынюшка собиратисе:
 Он берё〈т〉 тогды съвежой воды ключовья,
 Отправляйтце во город он во Киев-град,
 Лёкко, скоро сам он скачет на добра коня,
- 195 Ай поехал-де Добрынюшка в красён Киев-град.
 Он едё〈т〉 с утра день весь до вечера,
 Состыгала-де Добрынюшку темная ночь,
 Розоставливал Добрынюшка белой шатёр,
 Ай лёжилсэ Добрынюшка опочив держать.
- 200 Восподь ноць тогды пронес, да Восподь дёнй даёт.
 Да выходит Добрынюшка изь бела шатра.
 По восходу-ту как было соньча красного,
 Ай не бела тогды лебёдушка воскикала,

- Ишше красна тогды девушка да восплакала:
 205 «Охъте мьне-чки, хъте мьне-чки тошнѣхонько!
 Ты коса же, ты моя да коса русая!
 Не досталась ты, моя же коса русая,
 Не за князя ты досталась, не за боярина,
 Не за руського могучого за богатыря,
 210 Не за добра купьча, госьтя торговоѳо,
 Ты досталась жа, моя да коса русая,
 Ишше тем жа малым-малым зьмеёнышам,
 Доставалась ты, моя коса, на ростарзанье.
 Кабы был у мня брателко названья,
 215 Ай названья ведь брателко крестовья,
 Молоды, братцы, Добрынюшка Микитиц сын,
 То бы не дал бы миня всё на ростарзанье».
 Услыхал тогды Добрынюшка Микитиц сын,
 Да ретиво ёго серцо тогды розъерилосе,
 220 Ай гореча-та въ ём кровь всё роскипеласе,
 Лепета-та во лици перемениласе.
 Лёкко, скоро он-де скачет на добра коня,
 Ай поехал-де Добрыня к горам Сорочиньским,
 Да приехал он к горы Сорочиньския,
 225 Привязал-то он своего коня доброво,
 Ай полез тогды на горы Сорочиньския,
 Он и вылез-де на горы Сорочиньския,
 Да идё(т)-де ко зьмеину тёплу гнездышку.
 Во гнезди сидит как красна девушка,
 230 Молодья Олёнушка как Митревна,
 Ай любима де Владимёра племянница.
 Да как пьют да зьмеёныши ею да горячу кровь,
 Да едва у ей душа в тели полуднуёт.
 Ише в те поры вынимал из гнездышка зьмеиново,
 235 Да берё(т) тогды свою да саблю вострую,
 Он отсек у Зьмеи двенадцеть хоботы,
 Вдостали отсек у ей буйну головушку,
 Да зажог тогды зьмеино тёпло гнездышко,
 Ай сожог тогды всех зьмееньшов до единого,
 240 Не оставил он их не единого на сёмьяна.
 Да берё(т) тогды Олёнушку за белы руки,
 Ай понёс-то-де со горы со Сорочиньския.
 Ай приходит-де Добрынюшка ко добру коню,
 Лёкко, скоро де он скаче(т) на добра коня,
 245 Ай Олёнушку садил он позади себя,
 Да поехал-де Добрыня в красён Киев-град.

- Не доехал он до города до Киева —
 Ишше стретилась калика перехожая.
 Говорил тогды Добрынюшка Микитиць сын:
 250 «Уж и здрасвуй, калика перехожая!
 Ты откуль идёшь, калика, куда путь лежит?»
 Говорила-де калика перехожая:
 «Да иду ли я из города из Киева,
 Ай пошла-де я ко кресту Клядовидову».
- 255 Говорил тогды Добрынюшка Микитиць сын:
 «Ишше што де во Киеви теперь деитце?»
 Говорила-де калика перехожая:
 «Ай топерече во Киеви не по-старому,
 Не по-старому во Киеви, не по-прежнему:
- 260 Ай не стало-де во Киёви сильных богатырей,
 Да которы де богатыри повымерли,
 Ай повымерли-де богатыри, поскимились,
 Да к Онтонью, к Федосью ушли в Пешшор-манастырь,
 Да не стало-де во Киеви Добрынюшки,
- 265 Да пекут по ём поминки вековесьня,
 Посылают по церквам да по манастырям,
 Поминают-де Добрыню-ту вековесьнё жа».
- Говорил тогды Добрынюшка Микитиць сын:
 «Уж ты вой еси, калика перехожая!
- 270 Ты сними-тко-се съ себя платьё каличесько,
 Ай надень-ко-се мое платьё богатырьское,
 Да бери-тко-се мою ты лошадь добрую.
 Ай пойду-то я каликой перехожая,
 Ай во тот ли я во город, в красен Киев-град».
- 275 Скинывала-де калика платьё каличесько,
 Одевала она платьё богатырьское,
 Да Добрынюшка надел платьё каличесько,
 Да пошел тогды каликой перехожая,
 Да идё(т) тогды во город-от во Киев-град.
- 280 Ай идет-де как Добрынюшка к св(оём)у широку двору,
 Да как прósил-от милóсьтины спасёня
 Ише для-ради Христа, царя небёсново.
 Услыхала-де Омельфа Тимофеевна,
 Отыпирала-де окошечко косисьцато,
- 285 Ай сама же говорила таково слово:
 «Уж и здрас(т)вуй, калика перехожая!
 Ты откуль идёшь, калика, куды у тя путь лежит?»
 Говорил тогды Добрынюшка родной матушки:
 «Я иду ли от креста от Клядовитова,

- 290 Да иду ли я во город-от во Киев-град
Ишше Восподу Бо́гу да помолитисе,
Ко Восподьнёму ко гробу приложитисе,
Во Ердань во реки хочу покупатисе».
Говорила-де Омельфа Тимофеевна:
- 295 «Уж ты вой еси, калика перехожая!
Не слыхал ли про Добрынюшку про Микитица?»
Говорил тогда Добрынюшка родной своей матушки:
«Уж жили мы с Добрынюшкой в одном месяти,
Ишше пили мы сь им, ели с одного блюда,
- 300 Ишше платьичё носили с одного плеча.
Оставил вам Добрынюшка ведь долгой век,
Ишше долгой ведь век, белой вам съвет:
Да преставилсэ Добрынюшка Микитиц сын».
Говорил тогда Добрынюшка родной матушки:
- 305 «Ишше где жа у Добрыни молода жена,
Молоды́, братцы, Катерина дочь Микулисьня?»
Говорила жо Омельфа Тимофеевна:
«Ишше теперице ей в доми не случилось:
Ай походит Катеринушка ведь замуж-от
- 310 За того жо за Олёшу за Поповица,
Да вцярась ведь у ей было смотреньицо,
Ай сегодьне ведь у ей будёт венчаньицо».
Говорил тогда Добрынюшка родной матушки:
«Уж ты зой еси, вдова благочесьтивая!
- 315 Ай оставил мне Добрынюшка да останочки:
Ай велел ведь вам отдать мьне-ка звончатый гусли,
Ай велел-то вам отдать да свой злачён перьстень —
Ишше перьстень у ево был обручёныя».
Отдала тогда Омельфа Тимофеевна,
- 320 Отдала тогда калики звончатый гусли,
Отдала ёму-то ведь злачён перьстень.
Да пошел тогда Добрынюшка Микитиц сын,
Ай пошел тогда к Олёши к широку двору.
Ай приходит-де к Олёши на широкой двор,
- 325 Он идё(т) тогда в гирню-ту во Олёшину,
Станови́тце во место-то во каличесько,
Во каличесько, к приступки ко предворныя.
Да стоит тогда за столами Олёша белодубыма,
Катеринушка-та ходит 'на со чарочкой,
- 330 Ай подносит она чару зелёна вина
Ко тому жо ко народу православному.
Говорил тогда Добрынюшка Микитиц сын:

- «Уж ты вой еси, Олёшинька Поповиць сын!
 Благослови-тко поиграть мьне-ка в звончаты гусьли,
 335 Ишше вас со кнегиною приутешити».
 Говорил тогды Олёшенька Поповиць сын:
 «Ты играй-ко-се, калика, колько тебе хочитце».
 Заиграл тогды Добрыня в звончаты гусьли —
 Ишше масьтёр Добрыня-та в гусьли играть —
 340 И стал на гусьях всё выговаривать
 Ай про свою-де, свою поездку богатырскую.
 Услыхала Катериноушка дочь Микулисьня,
 По найгрышшам Добрынюшку замечать стала,
 По играм-то Добрынюшку узнавала же,
 345 Ай сама же говорила таково слово:
 «Уж ты вой еси, Олёшенька Поповиць сын!
 Ты налей-ко-се чару зелёна вина,
 Да не малу, не велику — в полтора ведра,
 Поднесьти мьне-ка калики перехожия».
 350 Ишше в те поры Олёша не ослышилсэ,
 Наливал-то он чару зелёнá вина.
 Подносила Катерина доць Микулисьня
 Ишше той она калики перехожия.
 Да берё⟨т⟩ тогды калика единой рукой,
 355 Выпивае⟨т⟩-де Добрынюшка на единой дух,
 Ишше в цярку он кладёт свой злачён персьтень,
 Ишше персьтень-от кладет как обручённой-эт.
 Да кладет Катерина чашу на дубовой стол,
 Да берё⟨т⟩ тогды калику за белы руки,
 360 Да челуёт во уста-то во сахárныя,
 Да сама жо говорила таково слово:
 «Да не грело красно солнышко дьвенадцетъ лет,
 Да тепере праведимо высокó взошло,
 Обогрело вьсю как землю съвяторуськую,
 365 Обогрело-де вдовиной подворьцо».
 Говорила Катерина доць Микулисьня:
 «Уж ты зой еси, Олёшенька да Поповиць сын!
 Ишше ты мьне-ка, Олёшенька, ты не веньчан муж:
 Да пришол ко мьне-ка верно веньчан муж».
 370 Говорил тогды Добрынюшка да Микитиц сын:
 «Уж ты вой еси, Олёшенька Поповиць сын!
 Ты здорово жо женилсэ — тебе будё не с ким спать!
 Да как свадёбка тебе стала во петьсот рублей,
 Ай столы, пиры-ти стали в челу тысячю».
 375 Ай берё⟨т⟩ тогды Добрынюшка молоду жону,
 Ай пошол тогды к своёю рódной матушки.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ (№ 7—7а)

№ 7

- Да как у ласкова у князя у Владимира
 А заводилось пираваньицо, почесен пир
 Да на всех жа князёй, на бояр жа,
 На могучих руських сильных богатырей.
⁵ А как красно солнышко идет на есени,
 Да почесен пир идет на весели,
 А как вси при пиру сидят пьяны, веселы,
 А как вси-то они пьют, едят, хвастяют.
 А как князь Владимир по гридьне своей похаживат,
¹⁰ Как сафьяны-ти¹ ёго сапожоцьки поскрипывают,
 Он и русыма кудрямы прирастяхиват,
 А белыма ручкима всё размахиват,
 А златыма-ти перстнямы принащалкиват.
 А как сам он говорит да таковы речи:
¹⁵ «Уж ты гой еси, Сдунай да сын Иванович!
 А как съезди-ка да в прокляту Литву
 Да отъезди-ка царю Батью пошлину,
 А как пошлины-то сорок тысячей
 Да ти же за три годика,
²⁰ Да сведи-ка триста удалых добрых моло<д>цов,
 А петьсот съведи красных девушек».
- А говорил-то Сдунай сын Иванович:
 «Я не пойду² покоретци Батью-царю поганому,
 Не веду-тко я триста 'у>далых добрых моло<д>цов,
²⁵ Да не дам-то я петьсот красных девушек
 На поруганье их красы³ девичей,
 Да не буду ёму платить дани-пошлины,
 Да как могу ему сечь да буйну голову». —
 «А поежай-ко-се, Сдунай да сын Иванович». —
³⁰ «Уж ты только дай мне двух брателков названья:
 Как перьвого брата — Добрынюшку Микитича,
 А второго брата — Михайлушка Игнатёва».
- «А ты бери-то,⁴ кто тебе надобно,
 Ты бери-тко моей силы, сколько надобно».
- ³⁵ «А уж ты вой еси, красно солнышко Владимир-князь!
 А и шьто жа мне губить народ по-напрасному?
 А погубим-то ёго троима,
 А розорим ёго всё царь<т>во жа,
 Что навеку не вспомянут нашей дани-пошлины».

- 40 А как ставали богатыри на резвы ноги,
⁵А и брали⁵ они шапочьки-мўрванки,
 А надевали на свои-ти буйны головы,
 А пошли они по своим домам,
 По своим домам да по своим дворам.
- 45 Да седлали, уздали они добрых коней.
 Только видели богатырь ^(и), как сбиралисе,
 Да сбиралисе да одевалисе:
 А оне оседлали, обуздали коней добрыя,
 А оне скоро лёкко скакали на добрых коней,
- 50 Да из города поехали воротами —
 Не⁶ воротами поехали, не широкима,
 Они скакали через стену городовую,
 А через башню ту наугольную.
 А да тольке видели — в чистом поли курева стоит,
- 55 Курева стоит, да тольке три столба столбит.
 А они скоро поехали в царьс ^(т)во батырьскоё,
 А батырьско царьс ^(т)во всё к царю Батыю.
 А как приехали к ёму на широкой двор,
 Они не⁷ спрашиваютьце у дверей придьверьников,
- 60 А заежают прямо на широкой двор
 Да сходят со добрых коней.
 А становят он ^(и) коней среди двора,
 Среди двора у дубовá столба,
 А вязали они за златы кольча.
- 65 А как говорит Здунай таковы речи:
 «Уж ты гой еси, брат мой крестовыя,
 Тот же молодой Михайлушко Игнатъевич!
 Карауль ты своих добрых коней,
 Щ^ьтобы не отвзяли у нас всё добрых коней.
- 70 Да как послушай ты моёго наказаньиця:
 „Неровно закрипят наши плечи богатырьския,
 А зазьвенят-то наши сабли вострыя —
 А да секи на двори и старого, и малого,
 Не оставлей ты ни единого татарина”».
- 75 А заходят оне да на красно крыльчѣ,
 А со красна крыльча да на новы сени,
 Да заходили они в полаты кололевськия,⁸
 Как бьют челом царю Ба(л)тырину,⁹
 Ай бьют челом не лисно кланяйтце.
- 80 А да как ¹⁰-сам-от¹⁰ сидит на стули рыта бархата:
 «Уж вы здрастуйте, приезжы добры молодцы!
 А вы пошто ко мне пришли, приехали:

- Али¹¹ вы пришли послом посланы,
Или служить мне-ка пришли верой-правдою,
85 А верой-правдою, не изъменою?»
«А мы пришли к тебе не служить не верою, ни правдою,
Мы пришли-то от князя от Владимира:
А не хочёт-от Владимир платить тебе¹² дани-пошлины.
А мы пришли за ¹³старо(й) год¹³ получить дань-пошлину,
90 А не так — разобьём, розóрим всё твоё ведь царьс(т)виё». —
«Ай уж вы гой еси, удалы добры молодцы!
Ой не дам-то вам я дани-пошлины.
А да соберу я свою силу-множество,
А пошлю я своих сильних богатырей —
95 А да как ведь тут розорять всё славён Киев-град,
А да созову на чисто¹⁴ полё своих богатырей».
А как¹⁵ говорил Эдунай да сын Иванович:
«А да поезжай-ка, Добрынюшка, с Михайлушком да во чисто полё,
А убейте у ёго двенацать всих богатырей».
100 А как тут пошел Добрыня на широкой двор к Михайлушку:
«А отвязай, Михайлушко, своего добра коня».
А да они скоро лёкко скакали на добрых коней,
Ай да как поехали они да во чисто¹⁶ полё,
А да как наехали в чистом поли всих Батыина богатыри,
105 А да кричали они зысьним голосом:
«А вам полно-то спать, богатыри, в чистом поли!»
А как услышали богатыри да таковы слова,
Ото сна они да пробужалисе,
А да как от хмелинушки да просыпалисе;
110 А как увидели руських-то двух богатырей,
А как тут богатыри Батыина¹⁷ да испугалисе,
А на уес поехали ко городу к Батыину.
А как состыг Добрынюшка с Михайлушком,
А состыгли их да на чистом поли,
115 А осекли им по плеч да буйны головы.
А да как приехали к Батыю на широкой двор,
А да говорят они да таковы речи:
«Государь ты, всё Батырин царь!
Мы побили твоих сильних богатырей».
120 А как угорел тут царь Батый,
А закрычал тотарин во всю голову,
А как полата ёго да потрясаласе.
А заревел-то тут тотарин по-зверёному:
«А вы скоро идите ко мне, бежите с голову на голову,
125 И хватайте трех-то руських могучих богатырей».

- Как набежала та́ сила бес⟨с⟩четная.
 Они скоро скакали на добрых коней,
 А как зачели они рубить-то всё тотаровой
 Да широку́ двору поеживать.
- ¹³⁰ Как закрычали тут тотаровя-улановя,
 А как царь-от сам-от на убег бёжит,
 И крычит он таковы речи:
 «Уж вы руськии могучии богатыри!
 А да вы оставьте хоть на семена,
- ¹³⁵ Не рубите-ка их да до единого».
- А как прибили-прирубили многи тысячи,
 А говорил-то царь Батырин так⟨овы⟩ речи:
 «Не рубите моего народу по-напрасному,
 Как я о⟨т⟩дам назадъ князю¹⁸ дань ведь пошлину,
- ¹⁴⁰ А как буду платить дань князю, всё ведь пошлину,
 А вы берите у мя злата, сколько вам ведь надобно,
 А да отвезите князю Владимиру».
- А получили они дань да за вси годики,
 А как прощались с царем Батыриным.
- ¹⁴⁵ «Вы прошшайте, добры молодци!
 Я не буду находить веком на князя на Владимира».
- Как приехали богатыри да в красен Киев-град,
 А да привезли они много дани-пошлины,
 А привезли они золотой казны бес⟨с⟩четной жа.
- ¹⁵⁰ А как говорит князь таковы речи:
 «Уж вы гой еси, мои руськи богатыри!
 А как чим ведь буду я вас жаловать?
 А подарю-то вам¹⁹ по шубоцьки да соболиныя,
 А да наложу на шубовки да по три пуговики:
- ¹⁵⁵ А как перьва-та пуговка будёт в петьсот рублей,
 А втора-то пуговка в целу тысячу,
 А да¹⁸ третьей пуговики — цены ей нет.
 А подарю вам по шапочки по му́рванки;
 А как в тих²⁰-то шапочках по перышку
- ¹⁶⁰ Того жа Орла Орловича:
 Сидит-то он среди моря на сером камешки,
 А как шиплёт-рвьёт из себя эти перышка,
 А как кажно перо сто́ит пе"тьсот рублей».

(Шабáш.)

№ 7а

♩ = 112

1. Да как у лас - ко - ва у кня - зя у Вла - ди - ме - ра

2. А за - во - ди - лось пи - ро - вань - и - цо, по - че - сен пир

< 3. Да [как] на вси - х(ы) жа кня - зе - й(и), на бо - яр жа,

4. На мо - гу - чих русь - ких силь - ни - [их] бо - га - ты - рей. >

< 93. А да со - бе - ру я сво - ю си - лу мно - жст - во... >

< 136. А как при - ру - би - ли - при - би - ли мно - ги ты - се - чи... >

ПОЕДИНОК ДОБРЫНИ НИКИТИЧА С ИЛЬЕЙ МУРОМЦЕМ (№ 8—15)

№ 8

- ¹ Жил-был торговый гость
 Никитушка Романович.¹
 Живучись-то Никитушка приставилси.
 Оставалась у Никиты любимá семья —
- ⁵ Любимá семья, молодá жена,
 Еще оставалось чадо милое,
 Еще милое чадышко, любимое,
 На имя Добрынюшка Никитич.
 Стал-то Добрынюшка на возрасте,
- ¹⁰ Как ясной сокол на возлете.
 Изучил Добрынюшка боротися,
 Изучился он с крутой, с носкá спущать.
 Прошла про него слава великая
 По всем землям, по всем украинам.
- ¹⁵ Дошла эта слава да славнаго города до Мурома,
 До старá казакá до Ильи до Муромца.
 Собирался осударь наш Илья Муромец
 На ту на славу на великую.
 Поехал Илья ко славному городу ко Рязани.
- ²⁰ ² Едет осударь Илья Муромец ко славному городу ко Рязани,²
 Сам своим умом размышляет:
 «Досель Рязань-город слободой слыла,
 Нониче Рязань слывет городом».
 Заехал Илья Муромец
- ²⁵ Во славный город во Рязань.
 Едет осударь по Рязани,
 Спрашивает у малых ребяточек:
 «Скажите про Добрынин про широкий двор».
 Доводили тут малы ребяточки
- ³⁰ До Добрынина широка двора.
 Сидит осударь на добром коне,
 Кричит-то осударь зычным голосом —
 Сыра-то земля потрясалася,
 С боку на бок палата сколыбалася.
- ³⁵ Отпирала Добрынюшкина матушка
 Окошечка немножечко,
 Говорила с осударем потихошеньку:
 «Уж ты здравствуй, старый козак³ Илья Муромец!»
 Говорит осударь Илья Муромец:

- 40 «Уж ты как меня знаешь, именем зовешь?»
 Говорит вдова благочестивая:
 «Я была у вас в Муроме,
 Я видала тебя из молодчества.
 Еще знать молодца по поступке,
 45 Еще знать сокола по полету».
 Говорит:⁴ ⁵ «Добро жаловать ко мне
 Хлеба-соли есть».⁵
 Говорит осударь Илья Муромец:
 «У тея где чадо милое?»
- 50 Говорит вдова благочестивая:
 «Уехал у меня чадо милое
 На те ли на тихи вешни заводи
 Стрелять гусей и серых уток,
 И пернастых малых утят».
- 55 Немного богатырь наговори́л,
 Поехал из города, выехал на шéломя окáтисто.
 Смотрит осударь Илья Муромец —
 Смотрит по чисту полю —
 Завидел во чистом поле,
 60 Богáтырь потешается:
 Высоко он мечет палицу по поднебесью,
 На белиньки ручки подхватывает.
 Поехал осударь Илья Муромец,
 Приехал ко Добрынюшке Никитичу.
- 65 Кричит-то, зычит крычным голосом:⁶
 «Тебе полно, богáтырь, потешатися,
 Нам пора с тобой потягатися!»
 Снимает Добрыня со правá плеча ясна сокола,
 Посылает ко матери ко родимья:
- 70 «Скажит-ко, ясный сокол: „Наехал на меня богáтырь”».
 Разъехались богáтыри по чисту полю,
 Съехались богáтыри в одно место,
 Ударились палицами тяжелыми —
 Они друг друга не ранили.
- 75 Разъехались братаны во второй након,
 Ударились сабельками востыми,
 Сабли у них пощербалися —
 Друг друга богáтыри не ранили.
 Разъехались братаны во третей након,
- 80 Копьями они ударились —
 Друг друга богáтыри не ранили.
 Скакали через гривы лошадиныя,
 Брали за ремень за подбрудное,

- По колен-то в сыру землю втопталися.
⁸⁵ По Добрынюшкину было по счастьюцу
 У осударя права ножка подвернулася,
 Лева ручка оскользнулася.
 Мастер был Добрынюшка боротися,
 Сшиб осударя Илью Муромца на сыру землю,
⁹⁰ Сел осударю на белы груди,
 Вымает из цынгалища булатен нож,⁷
 Сам сидит-то Добрыня прираздумался,
 Сам говорит таковы речи:
 «Ты коего города, коей земли,
⁹⁵ Как ты, молодца, именем зовут?»
 Говорит осударь Илья Муромец:
 «Кабы был я у ты на белых грудях,
 Не спросил я у ты ни про родину,
 Спорол бы у ты белы груди».
¹⁰⁰ Спрашивает Добрыня во второй након,
 Говорит осударь Илья Муромец:
 «Кабы сидел я у ты на белых грудях,
 Спорол бы я у тебя белы груди,
 Посмотрел бы у тебя ретивá сердца».
¹⁰⁵ Говорит Добрыня во третей након:
 «Ты коегó города, коей земли,
 Тебя как, мóлодца, именём зовут?»
 Говорит осударь Илья Муромец:
 «Я из славнаго города из Мурома,
¹¹⁰ Старый козак,³ Илья Муромец».
 Соскачет Добрыня со белых грудей,
 Берет его за ручку за правую,
 Подымает осударя на резвы ноги,
 Падаат осударю во резвы ноги:
¹¹⁵ «Прости меня в таковой вине!»
 Говорит осударь Илья Муромец:
 «Тебя Бог простит, Добрынюшка Никитич».
 Уж тут братаны побратались,
 Побратались, покрестовались:
¹²⁰ «Ты будь, Добрынюшка, мальй брат,
 А я, осударь, старший брат».
 Поехали они ко родимой матушке Добрыниной.
 Въехали в город во Рязань
 Ко тому ко Добрынюшке на широкой двор.
¹²⁵ Встречает их вдова благочестивая,
 Встречает со чести, с радости.
 Тут Добрыня стал пир пировать.

№ 9

- Как доселева Рязань слободой слыла,
 А как нонече Рязань славен город стал.
 А живет-то в той Рязани князь Никита¹ сын Романович.
 Жил-то Никитушка шестьдесят годов.
- ⁵ Как состарилсэ Романович — преставилсэ,
 Ай осталась у него малá семья,
 Ай мала семья, молода жона,
 Молода жона Омельфа Тимофеёвна,
² Ай осталось у нёго чадо милое,
- ¹⁰ Милое чадо, любимое,²
 А как мóлодый Добрынюшка Никитич млад.
 Как от роду Добрынюшка³ был пяти годов,
 Стал ходить по улочки,
 Стал с робятками боротися,
- ¹⁵ Как⁴ не стало Добрынюшки да поединшычка,
 А как малы-ти ребята двадцати пяти годов.
 А как мастёр был Микитич со крутой (скоро)⁵ с носка спускать.
 А как стал-то Добрынюшка на возрости,
 Как ясён-то сокол стал на вóзлети.
- ²⁰ А как стало Добрынюшки двенадцать лет,
 Он начáл в чистó поле поезживать,
 А поезживать, всё стал погуливать,
 А ездить всё на тихия на заводи,
 А стрелить всё гусей, белых лёбедей.
- ²⁵ А как стал Добрыня⁶ во чистóм поли поляковать,
 А не стало Добрынюшки поединшычка,
 А как начал он метать сильных могучих всё богатырей,
 Ай прошла про молодца слава великая.
 А дошла туто слава до города до Мурома,
- ³⁰ А до того жа села до Карачёева,
 А до старóго до казака Ильи Муромца.
 Услыхал тут старой казак Илья Муромца
 Про сильного могучего богáтыря.
 Его серьдьце было неуступчиво.
- ³⁵ Пошел он скоро на конюшей двор
 Седлать, уздать своего да коня доброго.⁷
 Ай⁸ накладывал он⁹ уздицю тесмяную,
 А на спину лошадину войлучёк,
 Ай на войлучёк накладывал седёлышко черкальское,
- ⁴⁰ Затёгивал двенадцать сутужинок,¹⁰
 А сутужинки-потужинки-ти были шолковы,

- А застѣгивал-то он двенадцать пряжочѣк,
 А пряжечки-ти были красна золота,
 А спенушки-ти были булатные,
 45 Крепкого булата всё заморського —
 То не ради красы — ради крепости.
 Илья-то был сын Иванович,
 Одевалсэ он в платьѣ богатырьскоѣ,
 Богатырьско платьицѣ, военное.
 50 У¹¹ него ведь конь-от¹² был как снегу белого,
 Ишше хвост-грива у него была чёрная.
 Он скоро, легко скакал на добра коня,
 И он скоро поехал по чисту полю.
 А как по чисту полю тольке курева стоит,
 55 Курева стоит, да тольке столб столбит.
 А он скоро приехал ко Рязани, славну городу.
 Едет он по Рязани, славну городу,
 А играют туто маленьки ребятка жа.
 А спрашаёт он у маленьких ребяток жа:
 60 «Уж вы гой еси, маленьки ребятка жа!
 Где это Добрыньино подворьицѣ, широкой двор?
 Вы скажите-ко мне¹³ про Добрынин про широкой двор».
 Как отводят робятка ⟨на⟩ Добрынино подворьицѣ.
 Подъезжаёт он под окошечко,
 65 А кричит он зычным голосом:
 «Дома ли Добрынюшка Никитич млад или в доме нет?»¹⁴
 Услыхала тут Добрынина да рѣдна матушка,
 Подбегала она все к окошечку,
 Отпирала ⟨о⟩на окошечка немножечко.
 70 Как увидяла она старого казака Илья Муромця —
 А сидит-то он на своём добром коні —
 Говорила Добрынина да рѣдна матушка:
 «Уж и здравствуй-ко, казак Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ да сын Иванович!»
 75 Говорит тут Илья сын Иванов таковы речи:
 «Уж ты гой еси, Добрынина родна матушка!
 Ты как меня-то знаёшь, именём зовешь,
 Величаёшь ты меня по отечесьву?» —
 «Ише как-то я тебя не знаю, Илья Муромецъ?»
 80 Уж мы пили из одной чаши;
 А когда я училасе у твоей-то родной матушки,
 Ты тогда не мог ходить на резвых ногах,
 А сидел ты всё на печки на кирпичятой.
 Ты добро пожаловать ко мне хлеба, соли покушати!

- 85 Накормлю ведь я тебя досыти,
 Напою ведь я тебя допьяна».
 Говорит-то Илья сын Иванович:
 «Я не пить приехал, ни исть хлеба, соли жа.
 Ты скажи-ко мне про своего чада милого,
- 90 Он и¹⁵ в доме или его нет?»
 Отвечает Добрынина родна матушка:
 «У мя Добрыни топере в доме не случилось:
 Он уехал все на тихия на заводи
 А стрелеть гусей, белых лебедей,
- 95 А пернастых серых малых уточёк.
 Уж ты гой еси, ты старой казак Илья Муромець,
 Илья Муромець да сын Иванович!
 Ты наедёшь моёго чада во чистом поли —
 Не моги ёго убить, моги помиловать,
- 100 Хошь не ради ёго, да ради меня вдовы:
 Ишше хто меня будет под старость поить-кормить?»
 Как поехал старой казак во чисто полё,
 Ишше едёт он скоро по чисту полю —
 Как увидял молодого в чистом поли богатыря:
- 105 Да он ездит на добром кони, розъизжаитесь,
 Всё дворяньскима утехами да забавляйтесь:
 Высоко-то он паличу-ту мечёт по-под небеса,
 Подъезжаёт на добром кони,
 Подхватыват ей да во праву руку,
- 110 А не допускает он до сырой земли.
 Подъезжаёт тут старой казак Илья Муромець:
 «Здрастуй-ко, дородней доброй молодець!
 Скажи-ко-се ты про родину и про отчину».
 Говорил тут Добрыня таковы речи:
- 115 «А как скажот тебя моя палича тяжелая,
 А когды тебе ссеку да буйну голову».
 Тут розъерилось у Ильи да ретиво сердьцо,
 А стегал он коня по крутым бёдрам.
 Розъезжалисе богатыри по чисту полю,
- 120 Соезжалисе богатыри всё в одно место.
 Как ударились они паличеми тяжелыма,¹⁶
 У их паличи пошербалисе —
 Ише друг дружки они не ранили,
 Не дали на собя раны кровавья.
- 125 А розъехалисе богатыри во второй након,
 Ай ударились они саблями-ти вострыма,
 Как по рук да сабельки сломилисе —

- Ише друг друга они не ранили.
 А розъехались богатыри¹⁷ во-в третей након,
 130 Как ударились они копьеми ворзомецкима,
 У их копья согнулись, свернулись —
 Не дали на себя раны кровавыя.
 Они соскочили да со добрых коней,
 Они схватились во схваточку боротисе.
- 135 Они первья суточки борются с утра до вечера
 И други-ти суточки борются с утра до вечера.
 А на третьи-ти суточки у Добрыни порвалось платье цветное,
 Окатилась у Ильи всё права рука,
 Подвернулась у его всё лева нога.
- 140 А как падал старый казак на мать сыру землю,
 Ише мать сыра земля да потрясаласе.
 Уж как сел-то Добрыня¹⁸ на белы груди,
 А он вынул-выдернул из кинжалища булатной нож,
 Иш(е) хочёт досмотрить ретива сердья.
- 145 А как тут старой казак да Илья Муромец
 Возмолилсэ он Спасу пречистому,
 Ише матери Божьей Богородици:
 «Уж ты Господи, Господи, уже¹⁹ мне в чистом поли смерть не писана,
 А ужели я помру на сём месте?»
- 150 У его да силы вдвое-второе прибыло,
 А мётал-то он Добрыню со белых грудей,
 А как скочил старый казак на резвы ноги,
 А как шел-то Добрыни на белы груди,
 Хочёт спороть Добрынюшки белы груди,
- 155 Досмотрить Добрынина ретива сердья.
 А как вспомнил он Омельфино прошеньице,
 Ише спрашиват Добрынино отечесьво:
 «Ты скажи-ка мне про своё отечесьво».
 Говорит-то Добрыня таковы речи:
- 160 «А когды сидел у тя да на белых грудях,
 Я не спрашивал, коей²⁰ земли, какого города,
 Какого отья да какой матери?
 Я спорол бы у тя всё белы груди».
 Вынимал Илья из кинжалища свой булатён нож,
- 165 А хочёт пороть Добрынюшки, ²¹спороть да все⁻²¹ белы груди,
 Досмотрить²² Добрынина ретива сердья.
 А как тут Добрыня испугалсэ жа,
 Ухватил у Ильи Муромця булатён нож:
 «Я скажу тебе про родину-отечесьво,
- 170 Я скажу тебе про своего родна батюшка,

- Я скажу тебе про свою родну матушку:
 У меня родной батюшко был Никита сын Романович,
 Он княжил в Рязани ровно шестьдесят годов,
 А родна-то моя матушка — Омельфа Тимофеёвна.
- 175 Не моги меня казнить, моги помиловать.
 Назывёмьсе-ко мы братьями крестовыма,
 Покрестоемсе мы своима крестами золочёныма.
 А как будет: ты — большійя брат,
 А я буду меньшія брат.
- 180 А мы будём ²³ездить по чисту полю, ²³поляковать,
 Приставать будем друг за друга,
 Друг за друга, за брата крестоваго²⁴». ²⁵
 А ставал-то он да на резвыи ноги,
 Подымал он Добрыню за белыи руки,
- 185 Чёловал он Добрынюшку во уста сахарныя.
 А сымали оны с голов да золотыи кресты,
 Одевали друг на дружку золотыи кресты,
 Да садилсь они на добрых коней,
 Поехали они к Рязани, славну городу
- 190 Ко Добрыниной да родной матушки.
 Как приехали Добрыни к широкую двору,
 Увидала Добрынина родна матушка,
 Стречала их среди двора,
 Среди двора со красна крыльця,
- 195 Да брала она старого казака за белыи руки,
 Повела в Добрынины да светлы светлицы,
 Посадила она за дубовыи столы,
 За дубовыи столы, за есьвы сахарныя.
 У их пошел всё навесели.
- 200 Они пили, веселились трои суточьки.
 Богатыри спать полегли,
 С того спали они трои суточьки.
 Тут богатыри просыпались
 Ото сна-то пробуждались.

№ 10

Да доселёва Резанюшка слободой слыла,
 Ишше нынеце Резань словёт городом.
 Ишше был-жил Микитушка Романович,
 Живучись-то Романович состарилсэ,

- ⁵ Да состарилсэ Романович, преставилсэ.
 Оставалась у Микитушки велика́ семья,
 Да вели́ка-та семья его молода жена,
 Да ише́-то оставалосе чадо милоё,
 Ише маленько чадышко любимое,
- ¹⁰ Да любимо ёго чадышко одинакоё,
 Ише на́ имя Добрынюшка Микитичь млад.
 Ише стал-то Добрынюшка пети-шти лет,
 Ише стал-то на улочку похаживать,
 Ише с малыма робятками поигрывать:
- ¹⁵ Да которого хватит за праву́ руку —
 Оторвёт он у того да праву́ ручушку;
 Да которого хватит да за леву́ ножку —
 Оторвёт он у того да леву ножечку.
 Изучилсэ Добрынюшка боротисе,
- ²⁰ Да горас-то Добрыня со крутой метать.
 Да прошла жа про его-то слава великая,
 Да вели́ка ета славушка, немалая,
 Да немала́ та славушка по всей земли,
 Да по всей-то земли, по всей укра́инки,
- ²⁵ Да дошла эта славушка до Мурома
 Да до сильня каза́ка-та Ильи Муромца:
 Ише нет-то такого борца по всей земли,
 Да по всей-то земли, по всей укра́ины.
 Да немного тут богатырь розговаривал,
- ³⁰ Да бежал-то Илеюшка на конюшей двор,
 Он брал-то себе да коня доброго.
 Ише видели богатыря сряжаючи —
 Да не видели поездочки богатырьския —
 Тольке видели в чистом поли курева́ стоит,
- ³⁵ Курева-та стоит да тольки дым валит.
 Ишше едет Илеюшка не дорошкою,
 Да ко городу приезжаёт да не воротами,
 Ише скачёт через стенушку городовую,
 Через ту жа-то башню наугольную.
- ⁴⁰ Он увидял во городи ребятушок:
 «Уж вы вой еси, ребятушка малёшеньки!
 Вы скажите-ко, ребятушка, которой Добрынюшки широкой дом,
 Да широкой-от дом, да он высок терём?»
 Отвечают робятушка малёшеньки:
- ⁴⁵ «Не высокой-от дом, да не широкой двор».
 Услыхала-то Добрынина родна матушка,
 Отпирает окошочка немножечко,

- Да сама-то говорила потихошеньку:
 «Уж ты здрастуй, дороднёй доброй молодець,
 50 Уж ты на́ имя Илеюшка, ты Илья Муромець!
 Уж ты милосъти ко мьне хлеба ис(т)ь,
 Ко мьне хлеба ты ис(т)ь, да вина с мёдом пить!»
 Отвещят-то Илеюшка, Илья Муромець:
 «Ише как миня знаёшь, именём зовёшь,
 55 Именём миня зовешь ты, из отечесьва?» —
 «Ише знать-то ясного сокола по полету,
 Ише знать-то уда́лого молодца по пёезду».
 Говорит-то Илеюшка таковы речи:
 «Уж ты вой еси, Омельфа Тимофевичня!
 60 У тя в доми ли твоё-то чадо милоё,
 Ише мило твоё чадышко одинакое,
 Ише на́ имя Добрынюшка Микитичь млад?» —
 «Не случилосе у миня в доми чада милого,
 Ише милого чадышка, любимого:
 65 Да уехал у миня чадышко во чистó полё,
 Да на ти же на тихи вёшны заводи
 Да стрелётъ-то гусей да белых лёбедей,
 Ише тих же пернастых серых уточёк». —
 «Уж ты врёшь ты, Омельфа, миня оманивашь,
 70 Уж ты сушшой-то правды мине не сказывашь». —
¹«Охте те-мне-чко¹ тошнёшенько порато же!
 Уж ты вой еси, Илеюшка, Илья Муромець!
 Ты наедешь моего да чада милого,
 Ты наедешь ты его да во чистóм поли —
 75 Не моги его убить, моги помиловать,
 Ты моги-тко-се ёго помиловать,
 Не розори-тко-се вдовиного подворьяца».
 Тут немного богатырь розговаривал,
 Да поехал Илеюшка во чистó полё,
 80 Он увидял-то, в чистóм поли курева́ стоит,
 Курева-та стоит, да тольки дым валит:
 Там ездит Добрыня по чисту́ полю,
 По чисту-ту полю ездит, похваляйтца:
 «Ише нету-ту мне-ка поединшичка!»
 85 Услыхал-то Илеюшка, Илья Муромець,
 Ише тут-то Илеюшки не подравилось.
 Они съехались,² богатыри, во чистóм поли
 Да ударились богатыри пальчёми-ти —
 Ише друг дружки богатыри не ранили.
 90 Да во второй-от раз они да съехались,²

- Да ударились они сабелькеми-ти вострыма —
 Ише друг друга богатыри не ранили,
 Пошербались у богатырей востры сабельки.
 Ише съехались² богатыри во третей након,
⁹⁵ Да скакали богатыри через коничков,
 Да схватились богатыри боротисе,
 По коленям³-то в землю-ту втопталисe.
 Да по Божьей-то всё было по милосости,
 По Добрыниной-то было всё по учесйти:
¹⁰⁰ Да сдала у Илеюшки лева ножечка,
 Да сдала у Илеюшки права ручушка,
 Ише пал-то Илеюшка на сыру землю,
 А Добрынюшка пал да на белы груди.
 Говорил-то Добрыня таковы речи:
¹⁰⁵ «Уж ты вой еси, дородней доброй молодець!
 Уж ты коего города, коей земли,
 Ты какого отца да какой матери?»
 Отвечат ему да Илья Муромець:
 «Я сидел бы у тебя да на белых грудях —
¹¹⁰ Я не спрашивал у тебя бы да роду-племени,
 Я спорол бы у тебя да груди беляя,
 Досмотрил бы у тебя да ретиво сердца».
 Говорил-то Добрынюшка во второй након:
 «Уж ты коего города, коей земли,
¹¹⁵ Ты какого отца да какой матери?»
 Отвечат-то Илеюшка, Илья Муромець:
 «Я сидел бы у тебя да на белых грудях,
 Я не спрашивал бы у тебя да роду-племени,
 Я спорол бы у тебя да груди беляя,
¹²⁰ Досмотрил бы у тебя да ретиво сердце».
 Говорил-то Добрыня во третей након:
 «Уж ты коего города, коей земли,
 Ты какого отца да какой матери?»
 Отвечат-то Илеюшка, Илья Муромець:
¹²⁵ «Я того жо города-та Муроме,
 Ише сильни казака да Илья Муромець».
 Да скакат-то Добрыня со белых грудей,
 Да берёт-то Добрыня да за белы руки
 Ише падат Добрыня во резвы ноги:
¹³⁰ «Ты просыти миня, Илеюшка, в таковой вины!
 Кабы знал-то ише, ведал, Илеюшка,
 Не сидел бы у тебя да на белых грудях».
 Тут побратались братаны да покрестовались:

- «Уж ты будь-ко мне-ка, Илеюшка, да вторый отец».
- 135 Тут поехали братанушки в красён Киев-град
 Да ко славному Владимиру ко киеську.
 Приезжает к Владимиру на широкой двор,
 Да стречат-то Владимир стойно-киеськой:
 «Уж ты здрастуй, Илеюшка, Илья Муромець!
 140 Уж ты здрастуй, дородней доброй молодець!⁴
 Я тибя-то, доброй молодець, не знай, как зовут».
 Говорит-то Илеюшка, Илья Муромець:
 «Ише на́ имя — Добрынюшка Микитичь млад».

№ 11

- Во Резани-то было, славном городи,
 Да во Муроми, во Качарови.
 Там ведь жил-то Никита сын Ивановиць,
 Ище жил-то князь, князь пребогатой был,
 5 Со своей-то он жил с молодой женой,
 Да со той ли с Амельфой Тимофеевной.
 Ай ведь не́ было у них да малых детоцёк —
 Они жили немало, немного — пять годов;
 На шестом-то было́ у их на годицьку,
 10 Да родилось у их да цядо милоё,
 Ище мило-то цядышко, всё любимое,¹
 Молодой-то Добрынюшка всё Никитиць млад.
 Они скоро Добрынюшку всё возрбсьтили.
 Да Никита-та, князь-от, скоро представилсэ.
 15 Оставалсэ Добрынюшка с одной с матушкой.
 Ишше стал у нас Добрынюшка двадцети годов,
 Да прошла ета славушка по вьсей земли,
 Как по всей-то земли слава пошла великая,
 До того дошла до города до Мурама,
 20 До того дошла села, села до Качарова.
 А услышил старой-от казак всё Илья Муромець,
 Он поехал узнать-то всё богатыря.
 Как Илья-та тогда ишше он не силён был,
 Ище Муромець тогда-то не имел себе.²
 25 Стретились Ильи два юноши,
 Воротили Илью с пути-дорожоцьки:
 «Воротись-ко, Илеюшко, из дорожоцьки,
 Ты пойдём-ко-се с нами ише в дом к тебе».
 Принесли-то ему всё цяшу серебряну,

- 30 Всё серебряну цюшу, всё позолощёну,
Ище дали испить ёму пива пьяного,
А другой наливал ёму юноша мёду сладкого.
Ише сами говорят ёму таковы реци:
«Уж ты слышишь ли, Илья, в себе силу великую?» —
- 35 «Уж я слышу в себе-то силу великую:
Кабы было тепереце кольцо в земли,
Поворотил бы всю землю-ту святоруськую». —
Наливали ёму-ту только полцяши-то,
Выпивал-то Илья-то скоро Мурамецъ.
- 40 «Ты велику ли тепере слышишь силушку?» —
«Да теперь во мне силушки половинушка». —
А во ту ведь пору скоро, во то время
Отправляли ёго юноши во чисто поле,
Подписали всё на ёго могущих плечах,
- 45 Шьчо Ильи-то во чистом поли смерть была не писана.
Как давают ёму всё саблю вострую,
Всё дают ёму седельшко черкальской,
Всё дают ёму копьё брузаменьской,
Всё дают ёму палицю тяжолую,
- 50 Да тяжолу ёму палицю — девяносто пуд.
Да поехал наш Илеюшка во чисто поле,
С руки на руку палицю всё побрасывал.
Он не мог найти Добрынюшки во чистом поли:
Как во ту пор было — Добрынюшка ездил по тихим заводям.
- 55 Приезжает ведь он-то³ всё ко матушки,
Ко Добрынину приехал к широку двору,
Ко окошоцьку приехал ко косиццётому.
Отпират-то вдова-то скоро окошоцько,
Ишше та вдова Омельфа Тимофеевна,
- 60 Она кланялась ёму-ту до низкой земли:
«Уж ты здрастуй, двоюродной милой братёлко,
Уж ты старой казак свет Илья Мурамецъ,
Илья Мурамецъ ты же свет Ивановичь!
Ты не бойсе моего двора сиротского,
- 65 Заежай-ко-се добрым конём на широкой двор
Ты попить-то, поес(т)ь ко мне, покушати.
Ище ты-то когда у мня был малехонёк,
Я жила-то ведь у твоего родного батюшка,
У своего-то жила у двоюродницька,
- 70 У того же жила у Ивана Тимофеевича,
Я у матушки твоей жила у родимую,
У Елены я жила у Олксандровны.

- Я водилась с малёхоньким с тобой, с глупёхоньким,
За водню-ту подарил твой родной батюшко,
75 Двоюродной-от мой всё милой братёлко,
Со твоей-то со родимой милой матушкой,
Как со той ли с Еленой Олёксандровной,
Не пожалели, подарили золотой персьтёнъ.
А тепере — у Добрынюшки на право́й руки,
80 У Никитиця на перьстецьку безымяном-то.
Уж ты гой еси, казак да Илья Мурамець,
Илья Мурамець ты да сын Иванович!
Ты не бойсе моёго всё двора вдовьёго,
Заходи ко мне попить, поесть, покушати.
85 Ты нейдёшь-то ко мне, да всё боисьсе ты!
Ты помилуй хоть моёго цяда милого,
Цяда милого моёго ты, всё любимого,
Да того ли Добрынюшку всё Никитича:
Ише цядышко у мя-то неуступциво,
90 Он ведь силой не силен, всё напúском смел».
Поворачивал Илья да коня доброго,
Он поехал Добрынюшку искать во чистом поли.
Он наехал Добрынюшку во чистом поли,
Они съехались с ним, всё приударились,
95 Востры сабельки у их скоро потупились,
Востры копыця у их всё поломались,
Они стали — боем всё рукопашным.
Как садилсэ Илья к ёму на белы груди,
Увидал у ево на руки злацён перьстёнъ,
100 Он спросил у ёго про род, про племя тут.
Говорил-то Добрынюшка все Микитич млад:
«Я сидел бы у тибя теперь на белых грудях,
Не спросил бы не роду я, не племени,
Не спросил бы природы твоей сердёсьнёю».
105 Ише тут-то Илья скоро усъмехайтьце,
Он берёт его за рученьку за правую,
Он челует его в уста сахарныя,
Ише сам он говорит ёму таковы реци:
«Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитиць млад!
110 Ты глупёхонёк — стало быть, молодёхонёк.
Верно храбрось в тебе богатырьская:
Не напрасно прошла-то слава великая.
Ты поедём со мной лучше к родной к матушки,
Да ко той вдовы к Омельфы к Тимофеевны».
115 Тут ведь скоро Добрынюшка догадаитьце,

- Он ведь падал ёму скоро во резвьѣ ноги:
 «Ты просьти, просьти миня, просьти виноватого!
 Говорила мне матушка родимая,
 Шьто чесна вдова Омельфа Тимофеевна:
 120 „Да увидишь в чистом поли Илью Мурамця —
 Не дошод ты ёго, да низко кланейсе,
 Называй ты ёго дядюшкой всё двоюродным,
 Ты зови ёво к себе на широкой двор”».
- Тут ведь скоро они тут поехали
 125 Шьто во тот они славной во Резань-город
 Как ко той вдовы Омельфы Тимофеевны.
 Тут ведь пили, проклаждались ровно три-то дня,
 Всё побратались крестами однозолотными,
 Назвались они братьями крестовыма,
 130 Шьчо крестовыма братицями, названыма.
 Как оттуль они поехали в красен Киев-град
 Посмотрять-то они князя Владимира
 Со кнегиной с Опраксеей с королевисьней,
 Познакомитьце с руськими с могущима с богатыреми.
 135 Принимал-то Владимир их с цести, с радости,
 Собираёт для богатырей поцесён пир,
 Отовсюль он собирает-то всё богатырей.
 Во перьвѣх познакомились Илья всё со Добрынюшкой,
 Во вторых-то покрестовались со Олешенькой,
 140 Да ишше с Дунаём сыном Ивановичем,
 Да ише они с Цюрилушком со Пленковичём,
 Да ише же со Самсоном всё со Сильним-то,
 Да ише-то Перетьсьмяка тут со племянницьком,
 Ишше был съ има Ванюша, всё боярской сын,
 145 Ишше был с има Ванька, енеральской сын.
 Ишше те же богатыря всё сильния
 Записались всё в заповедь великую:
 «Шьчобы стоять нам за князя за Владимира,
 Шьчобы стоять нам за веру християньскую,
 150 Шьчо за матушку Россию за православную,
 Шьчо за землю-ту нам шьчобы святоруськую».

№ 12

Ай во том во городи во Резанюшки.
 Доселева Резань-то слободой слыла,
 Нонече Резань-то словѣ<т> городом.

- Во той во Резанюшки во городи
5 Жил-был Микитушка Романович.
Живучійсь, братцы, Микитушка состарилсэ,
Состарилсэ Микитушка, сам представилсэ.
Ище жил-то Микита шестьдесят годов,
Снёс-де Микита шестьдесят боёв,
10 Ишше срывосьних, урывосьних цисла-смёту нет.
Оставалась у Микиты любима́ семья,
Ай любима́ семья-та — молода жена,
Молодыя Омельфа Тимофеевна,
Оставалось у Микиты чадо милое,
15 Милоё чадышко любимое,
Молодыя Добрынюшка Никитиць сын.
Осталсэ Добрыня не на возросьти,
Ка-быть ясной-от сокол не на възлети,
И осталсэ Добрынюшка пети-шти лет.
20 Да возрос-де Добрыня-та двенадцеть лет,
Изучилсэ Добрынюшка вострой грамоте,
Научилсэ Добрынюшка да боротисе,
Ишшо масьтёр Микитич а крутой метать,
На белы-ти ручки не прихватывать.
25 Шьто пошла про ёго слава великая,
Великая эта славушка немалая
По всим городам, по всим украинам,
По тем-то ордам по татаровям.
Доходила эта славушка великая
30 Ай до славного города до Мурома,
До старбы казака-та Ильи Муромца,
Што масьтёр Добрынюшка боротисе,
А крутой де метать на сыру землю,
Ишше нету такова́ борца по всей земли.
35 Стал тогда Илеюшка собиратисе,
Ишше стал тогда Илеюшка собрунятисе
Ай на ту-эту славушку великую,
На того же на борца на приудáлово.
Он седлал, уздал тогда коня добраго,
40 Ай накладывал узди́цю-ту тесьмяную,
Ай намётывал седельшко чиркальскоё,
Да засьтёгивал двенадцеть вси подпружины,
Засьтёгивал двенадцеть вси съпенёчки.
Ай подпружяны-ти были ц̣'иста сэребра,
45 Да съпенёчки-ти были красного золота.
И сам тогда стал збруды приговаривать:

- «Булат-железо не погнитце,
 Самохіньской-о⟨т⟩ шолк сам не порвитце,
 Ише красно-то золото в грязи не ржавеёт».
- 50 Только видели Илеюшку собираючись —
 Не видели поездочки Ильи Муромца,
 Только видели — во поли куревушка вьёт.
 Он здорово-то ехал полё чистое,
 И здорово-то ехал лесы тёмныя,
- 55 И здорово-то ехал грязи чёрныя.
 Ишше еде ко Резанюшки ко городу,
 Ко городу ехал не дорогою,
 Во город заезжаё⟨т⟩ не воротами —
 Конь скакал же чере⟨э⟩ сътену городовую,
- 60 Мимо ту же круглу башню наугольную.
 Ишше сам жа говорил тогда таково слово:
 «Ай доселева Резань-то слободой слыла,
 И нонече Резань-то слывет городом».
 Увидал-то он маленьких рибятушок
- 65 И сам говорил им таково слово:
 «И скажите вы, живёт где-ка Добрынюшка?»
 Доводили до Добрынина широка двора:
 У Добрынюшки двор был неогрёмистой,
 Ай подворьицо-то было необширное.
- 70 Да кричал-то он, зычал зычним голосом
 Ай во всю жа богатырску буйну головушку —
 Ишше мать сыра земля под им потрясаласе,
 Ай Добрынина избушка пошатиласе,
 Ставники в его окошках помитусились,¹
- 75 Стёколенки в окошках пошорбалисе:
 «Эли в доми Добрынюшка Микитиц сын?»
 Услыхала-де Омельфа Тимофеевна,
 Отпирала-де окошечко косишчато
 И рець говорила потихошеньку,
- 80 Да сама жа говорила таково слово:
 «Уж и здраслуй, восударь ты да Илья Муромець!
 Добро жаловать ко мне-ка хлеба-соли ес⟨т⟩ь,
 Хлеба-соли ко мне ис⟨т⟩ь, вина с мёдом пить».
 Говорил восударь тогда Илья Муромець:
- 85 «Ише как меня знашь, вдова, ты именём зовёшь,
 Почому же ты меня знашь из отечества?»
 Говорила Омельфа Тимофеевна:
 «И знать-то ведь сокола по вылету —
 Ише знать-то богатыря по выезде,

- 90 Ише знать молодца ли по поступочки».
 Да немного де Илеюшка розговаривал,
 Ишше речь говорит — коня поворачиват.
 Говорила-де Омельфа Тимофеевна:
 «Уж ты гой есь, восударь ты Илья Муромець!
- 95 Ты не буди ты спальчив, буди милосьлив.
 Ты наедёшь как Добрынюшку на чистом поли,
 Не сруби-тко у Добрынюшки буйной головушки:
 Добрынюшка у миня ведь молодёшенёк,
 На речах у мня Добрынюшка зашибчивой,
- 100 На делах у мня Добрыня неуступчивой».
 Да поехал восударь тогда во чистом полё,
 Он выехал на шоломя на окатисто,²
 На окатисто-то шоломя на угористо,
 Да увидел под восточней под стороночкой —
- 105 Ише ездит дородней доброй молодець,
 Потеханце потехами весёлыма:
 Ише мечот свою палецю боёвую,
 Да на белы-ти рученьки прихватывал,
 Ай ко палеци своей сам приговаривал:
- 110 «Уж ты палеця, палеця боёвая!
 Ишше нету мне тепере поединника,
 Ишше руського могучого бога́тыря».
 Говорил восударь тогда Илья Муромець:
 «Уж ты полно, молодёць, ездить, потехатисе,
- 115 Небылыма словами похвалятисе!
 Уж мы съедимсе с тобой на поли, побратаимсе,
 Ай кому-то де на поли будё Божья помошш».
 Услыхал во Добрынюшка Микитиць сын,
 Ото сна будто Добрынюшка пробуждаитце,
- 120 Поворачивал своёго коня доброво.
 А как съехались бога́тыри во чистом поли,
 Ай ударились они палецьми боёвыма —
 И друг дружки сами они не ранили
 И не дали раны к ретиву сердцу.
- 125 Как тут съехались во второй након,
 Ай ударились они саблеми-ти вострыма —
 Они друг дружки сами не ранили,
 Ишше не дали раны к ретиву сердцу.
 А как съехались бога́тыри во третьей након,
- 130 Ударились ведь копьеми бурземецькима —
 Ише друг-то дружки сами не ранили,
 Ишше не дали раны к ретиву сердцу,

- Только сабли у их в руках поломались.³
 Да скакали через гривы-ти лошадиныя,
 135 Ай схватилисе бо́гатыри бо́льшим боём,
 Ай бо́льшим-то боём да рукопашосьним,
 Да водилисе бо́гатыри по перьвой час,
 Да водилисе бо́гатыри по вто́рой час,
 Ай водилисе бо́гатыри ровно три часа.
 140 Да по Божью было всё по милости,
 По Добрынюшкиной было да по учесьти:
 Подвернулась у Илеюшки права ножочка,
 Ослабла у Илеюшки лева ручушка,
 Ишше пал-то Илеюшка на сыру землю.
 145 Ишше сел тогда Добрыня на белы́ груди,
 Сам он говорил ёму таково слово:
 «Уж ты вой еси, дороднёй добрый молодец!»
 Уж ты коёго города, какой земли,
 Какого сын отца ты, какой матери,
 150 И как молодца тибя именём зовут,
 Ишше как зьвеличают из отечества?»
 Говорит восударь-о(т) Илья Муромец:
 «Ай сидел-от кабы я у тя на белы́х грудях,
 Не спросил бы я не родины, не вотчины,
 155 А спорол бы я твои да груди белыя,
 Досмотрил бы я твоёго ретива́ сердца».
 Говорил-де Добрынюшка во второй након,
 Говорил тогда Микитич во третей након.
 Говорил же восударь тогда Илья Муромец:
 160 «Уж как ежду я из города из Киева,
 Ай стары́й-де я казак тот Илья Муромец,
 Илья Муромец я ведь сын Иванович».
 Да скакал тогда Добрынюшка со белы́х грудей,
 Берё(т)-де Илеюшку за белы́ руки,
 165 Ай чёлуё(т) в уста-ти во сахарныя:
 «Ты просьти миня, Илеюшка, в таковой вины,
 Шьто сидел у тебя да на белы́х грудях!»
 Ишше тут де братаны-ти поназванелись,
 Ай крестами-ти сами они покрестовались,
 170 Ай Илеюшка-то был тогда ведь бо́льший брат,
 Ай Добрынюшка-то был тогда а ме́ньший брат.
 Да скакали ведь они на добрых коней,
 Ай поехали братаны они в Резань-город
 Ай ко той они ко Добрыниной родной матушки.
 175 Да стречёт их Омельфа Тимофеевна.

Приехали братаны из чиста поля,
 Они пьют-то тогда сами, проклаждаютце.
 Говорил жа восударь тогды Илья Муромецъ:
 «Уж ты вой еси, Омельфа Тимофеевна!
 180 Ты спусьти-тко-се Добрынюшку Микитица,
 Ты спусьти-тко ёго ты да в красен Киев-град».
 Да поехали братаны в красён Киев-град,
 А к тому же де князю ко Владимёру.

№ 12а

♩ = 84

1. Как до - се - ле - ва Ре - за - н(и) - то да сло - бо - дой слы - ла,

2. Иш - ше но - не - че Ре - за - нюш - ка сло - ве го - ро - дом.

3. Да - й во той ли во Ре - за - нюш - ки, во го - ро - ди...

№ 13

Прежде Резанюшка слободою слыла,
 Ишо ныне Резанюшка словоет городом.
 А во той-то во Резани, славном городе,
 Ишо был-то жил Никитушка Романович.
 5 Живуцись-то Никитушка престарилсе,
 А пристарилсе Никитушка приставилсе.
 А осталась у Никитушка любима семья,
 А любимая семеюшка молода жена,
 Молода жена, дитя малое.
 10 Ишо на́ имя Добрынюшка Никитич сын.
 Не по дням растет Добрынюшка, по минуточкам.

- Совершилось-то Добрынюшки ровно восемь лет,
 Стал-то ходить Добрынюшка во школочку.
 Он учит-то себе востру грамоту,
 15 Он ведь грамоту идёт, как водой бредет.
 Научился Добрынюшка вострой грамотки,
 Совершилось-то Добрынюшки двенадцати лет,
 Он-то стал-то ходить, гулять на улочку,
 А играть-то, шутить со ребятами.
 20 Он ведь шуточки шутить стал немалые:¹
 Он и за руку дитя хватит, дак и рука-то прочь,
 Он и за ногу-ту хватит, и нога прочь,
 Он и за голову хватит, и голову прочь.
 Стали доходить до его жалобы
 25 Своей-то родимой маменьки.
 Заворцяла-ка его да родимая мать.
 Тут возговорил-промóлвил Добрынюшка Никитич сын:
 «Ты сошей-ка мне, маменька, сумочку ременчату,
 Я поеду-то, маменька, на Пучай-реку
 30 Стрелять-то палить да серых уток».
 Видели Добрынюшку сряжаючи:
 Он намётывал седельшко черкасское,
 Он затягиват пружины все двенадцати,
 А застёгиват спинётики серебряны,
 35 А не для-ради красы-басы,
 А ради окрѣпушки богатырьские.
 И выехал Добрынюшко во чисто поле.
 Приехали ко столбу да богатырьскому.
 Тут написано было на столбе:
 40 В первую дорожечку стать — женату быть,
 А во другу ехать дорожечку — богату быть,
 А в третью дорогу ехать — убиту быть.
 Первая заставушка — темны леса,
 А вторая заставушка — черны грязи,
 45 А третья заставушка — сидит Соловей на девяти дубах.
 Тут подступал добрый молодец:
 «Женитися мне рано ишшэ,
 А богасьтва у мя своего довольно,
 А поеду я в ту дорожечку, где убиту быть».
 50 Выехал Добрынюшка во чисто поле,
 Ездит-то Добрынюшка по чисту полю.
 Он палицю мецет по поднебесью,
 А примаёт он да на белы руки.
 На столбах богатыри росписывались,

⁵⁵ Добрынюшка росписался и поехал.

Поездил по полю и повалился отдохнуть.

Илья Муромец и увидел по столбу, што проезжал Добрыня. Вдруг наехал Илейка Муромец к белу шатру и пустил коня своего к пшеницы белояровой, а сам раздумалсе: сонного убить, все равно¹ што мертвого. А лучше я его разбуду. Разбудил. Добрынюшка вскочил на добра коня. И ⁶⁰ съехались с Илеюшкой, сразились.

Добрынюшка ударил палицами тяжелыми,

Вылетел Илеюшка из седельшка черкасского,

А упал-то он да на сыру землю.

А всплыл-то Добрынюшка на белы груди Илеюшки молодцу,

⁶⁵ Хочет спороть да белы груди,

Посмотрить-то у Илеюшки ретива серьца.

Да по Божьей-то было милости,

Да по Илеюшкиной было учести,

Тут скочил-то Илеюшка на резвы ноги,¹

⁷⁰ Тут взвалил-то Добрынюшку на сыру землю:

«Уж ты вой еси, Добрынюшка же Никитин сын,

А младой Ильевич,

Когда был твой татенька родимые,

А тогда я был у твоей маменьки и сделал тебя,

⁷⁵ Теперь будь ты мне брателко названный,

И будем жить с тобой да в дружелюбии». —

«Я не поверю этому ишо, я поеду

Спрошу у матери».

Он по городу-то едет не дорогою,

⁸⁰ А во город заезжат да не воробатами,

Он скачет через стены городовые,

Мимо те-то башни наугольные.²

.....

А скричал да он да громким голосом,

⁸⁵ Стекла вылетели и ставники полопались:

«Скажи-ка, мать, я Никитич или младой Ильевич». Мать сказала, што правда молодой Ильевич. «Поеду, — говорит, — убью все равно Илеюшку Муромца, штоб не смеялся надо мною». Поехал, увидел во чистом поле, съехались, опять ударились. Дак Добрынюшка как (выпал) из седельшка черкасского. Тогда взмолился Добрынюшка Никитич: «Не буду больше на тебя напа- ⁹⁰ дать, оставь меня в живности». Тогда сделались друзьями. Больше уж друг с другом ходили вместе и выручали друг дружку.

№ 14

- Как был-жил во славном городе во Рязани-то,
 А и ишше жил да был князь Никита сын Иванович.
 А э как была у его любя семья — молода жона,
 А молода жона Амельфа Тимофеёвна,
⁵ Было чадо у его да чадо милое,
 А э как Добрынюшка Никитич млад.
 И как жил-то князь Никита не состарилсе,
 И не состарилсе же, не скорó преставилсе,
 Вон оставил своего да чада милово,
¹⁰ А как того ли он Добрынюшку Микитича,
 Оставил-то свою да молоду жону,
 Ишше ту ли жа Амельфу Тимофеёвну.
 Э и ка шла-то шла же славушка по всей да по святой Руси,
 А и как до того-то дошла до города до Мурома,
¹⁵ И до того ли до села да до Качарова,
 А и как до того ли до с(ы)тарого до седатого,
 А как до русьского могучево славна богатыря,
 А и до Ильи-то до Ильи сына Ивановича.
 Как сидел-то старой-седатой за столом же он,
²⁰ Э как за тим он сидел столом за дубóвым,
 Э и за тимá ли он за скатертеми за браныма,
 Он за тимá ли всё за ёствами сахáрныма,
 Э как он сидел-то кушал старой-седатой-от,
 Ишше тот ли всё богатырь Илья Мурамецъ,
²⁵ Ишше Илья Мурамецъ сидел да сын Иванович,
 А со отцом-то со родителём своим-то батюшкой,
 Со Иваном-то он сидел кушал с Тимофеёвичом,
 Со родимой-то со своей же всё матушкой,
 Как со той ли со Пестеньей-то со Яковлевной,
³⁰ Как дошла-ти слава-та вся великая,
 Што во том ли в славном городе во Рязани,
 Как ведь есть славной руськой богатырь-от,
 Как по имени Добрынюшка Микитич млад.
 Э и недосуг тут старому да всё седатому,
³⁵ Недосуг-то ему сидеть за столом дообедывать,
 И-и он ставал скорó выходил из столичка дубóвого,
 Из-за тех-то из-за скатертей за браные,
 Из-за тех-то он еств сахáрных-то,
 Из-за тех ли из-за пива, пива сладково.
⁴⁰ И он крест-то клал же он да-писáнному,
 Он поклон-от вёл же всё да по-ученому,

- А и он родителю-то батюшку бил челом, низко кланялсе:
 «Уж как свет Иван Тимофеев сын,
 Э и как со своею восударыни родной матушки,
 45 Епистеньей-то же он да всё же Яковлевной».
 И он же кланялся им низёхонько во резвьы ногы,
 Как пошел он скоро-то да на широкой двор,
 И ище брал старой-седатой узду серебряную,
 Ище одевал он на своего коня на богатырьского,
 50 На богатырьского коня да на Белеюшка,
 Он накладывал на коня двенадцать тугих подпругов,
 Он клал же на него серебряных,
 А и он тринадцато он клал ременное,
 Не для красы он клал — ради крепости.
 55 И как заходил старой-седатой в светлы свётлыци,
 Скинывал он со себя дорого же пла́тьё цветное,
 Одевал же он пла́тьё да богатырьское,
 И надевал он на себя латы богатырьския.
 И как пошел скоро он да на широкой двор,
 60 Он простилсе со родителём-отцом-батюшком,
 Со Иваном-то простилсе с Тимофеёвичом,
 Со родимой-то своей да он же матушкой,
 С Епистеньей он же всё со Яковлевной.
 Тут садилсе скоро он да на своего добра коня,
 65 А и только видели старого да всё седатого,
 Э и как садилсе он на своёго коня богатырьского —
 Э и во чистом поли курева́ скурилсе, только дым стоит,
 Только пыль стоит, дыма столб стоял до́ неба.
 И тогда ехал старый-седатый до того ли города до Рязани-то,
 70 И тут ли до Добрынюшки Никитичу,
 Ко широкому его да княжеському подворьюцу.
 Приезжал-то он старой-от седатой-от,
 Ише тот ли всё богатырь Илья же Мурамецъ,
 Илья Мурамецъ же сын же всё Иванович,
 75 Ко Добрынюшки Никитичу,
 К широкому-ту его да ко подворьюцу,
 И он к окошечку подъезжал да ко косисцяту,
 Он кричал-зычал старой-седатый да зычным голосом,
 Зычным голосом кричал да богатырьским всё:
 80 «А ишше дома ли Добрынюшка Никитич млад?»
 А и услышала тут Добрынюшкина родна матушка,
 Как чесна вдова Омельфа Тимофеевна,
 Отпирала она окошечко косисцято,
 И она кланялась старому-седатому во всю спину:

- 85 «Уж ты здрастуй ты, старой всё седатой всё,
И как по имени Илья да Илья Мурамецъ,
По отечесъву тебя звать да сын Иванович,
И заходи-ко, залезай ко мне на моё вдовиное подворьицо,
Как попить ко мне, покушати».
- 90 И говорил тогда и старой ей седатой всё:
«Э уж ты ой еси, чесна вдова Омельфа Тимофеевна,
Ище как ты знашь меня старого-седатого?
Ты по имени называшь меня, по отечесъву?» —
«Как же не знать мне тебя да добра мо́лодца,
- 95 Я жила-то у твоёго-то рódна батюшки,
А и у свет у Ивана-то сына я Тимофеевича,
У твоей-то я жила да у родной матушки,
У Епестеньи жила ведь с ней же с Яковлевной,
Я с тобой-то с маленьким водиласе,
- 100 Я водиласе с тобой да всё же с малым-то.
Э как-то твой-то родной батюшко да мне же всё,
За водню-то он дарил да золотой перстёнъ,
Э и он со ставочками дарил мне драгоценныма.
И как у моёго-то чада милого, любимого,
- 105 Э как у Добрынюшки Микитича на правой руке́,
На правой руке́ у его же всё,
Как подписана на перстни́ всё да фамилья его,
У моёго-то у чада милого, любимого,
У Добрынюшки у мя да у Никитича,
- 110 Э и на белой груди́ у его да золотой висит крест
Со цеподькой он да золотою-то.
А и етот крест-от мне достал твой родной батюшка,
Как Иван дарил свет Тимофевич-то,
Етот крест у моего чада на белой груди.
- 115 Э как и нету моего да чада милого,
Как Добрынюшки нету у мя да всё Микитича.
Э и он уехал у меня по утру ранному,
А и как до сходу-ту уехал соньця красного,
А и он далеце-далеко да во чистó полé,
- 120 Во чистó поле уехал, во широкоё роздольицо,
И он стрелять уехал-то да на Пучай-реку́,
И на Пучай-ту реку́ ехал всё на быстрю,
А и он стрелять-то всё гусей да белых лёбедей,
Перелетных-то он да серых уточок.
- 125 И заходи ты ко мне, старой ты, седатой же,
Э посидеть-то ты ко мне да со мною попить-покушати». —
«Уж как нет у те Добрынюшки Никитица,

- Я поеду-то к нему да во чисто́ поле,
Во чисто́ поле поеду, во широко роздолыцо,
130 Стречу его на пути его же дорожечки».
Э тут кланялась чесна́ вдова Омельфа Тимофеевна,
Э и она старому-седатому низко же кланялась:
«Э и пожалей ты меня, старой же седатой же,
Э и ты чесной вдовы Омельфы Тимофеевны,
135 Уж как стретитце тебе моё чадо милоё,
Э и как премладой-от Добрынюшка Никитич млад,
Э и как оно неуступчиво у мя да неуважливо,
Э и пожалей-ко ты меня, молодой вдовы,
Молодой вдовы меня, Омельфы Тимофеевны,
140 Не губи его премлада у мя Добрынюшки Никитица,
Он у мя-то не в полном ище уми-разуми,
Що он у мя же в молодых летах, не в полных же».
Вот отворотил старой-седатой да своего коня да богатырского,
Э и поехал старой-от седатой далеце во чисто́ поле.
145 Э и как ехал старой-седатой Илья Муромец,
А постречалсе-то Добрынюшка Микитиць млад,
И постречалсе ему настречу да во чистом поли,
Э и тут да постречалсе Добрынюшка Никитич млад,
И он ехал, отворачивал своего-то он да добра́ коня,
150 Своего коня да богатырского,
А и он на старого да на седатого,
На Илью-то он да всё на Мурамца,
А и он на сына же всё да на Ивановича.
И вынимал Добрынюшка да саблю вострую,
155 Эй он ехал на старого-седатого,
Они добрыма конями тут съезжалисе,
Ихни сабли вострыя да всё помялисе,
И тут они скакали со добрых коней,
А и на матушку скакали на сыру́ землю́,
160 Они билисе-боролись рукопашным боём,
И они друг друга да всё не можот всё побороть же всё,
Ишше тут старой-седатой Илья Муромец
Он умел правой ножечкой да подкорючивати,
А и подкорючил взял да ножкой правою,
165 Э и тогда падал Добрынюшка да на сыру́ зёмлю,
И садилсе старой-седатой да на белы́ груди́,
И вон хотел спороть у его да груди белые,
И говорил-то старой-седатой таковы слова:
«Ты скажи-ко, скажи, да удалой да доброй мóлодець,
170 Уж ты руськой, я вижу, могучей да есть богатырь же,

- И какого роду, какого ты же племени,
 Ты какого отца да какой матери?» —
 «Я бы был на твоих грудях,
 Не спросил бы у тя роду и не племени,
 175 Я спорол бы у тя груди белыя».
 Говорил старой-седатой да Илья Мурамецъ,
 Говорил ему во второй же раз,
 Говорил он ему старой-седатой да во третей же раз,
 Он не сказывал ему же всё.
- 180 Он увидал у его на белой груди,
 Увидал он на правой груди золотой же крест,
 И он увидал на белой груди была раковинка родимая,
 И он увидал-то на правой руки золотой перстень,
 И он со ставками увидел драгоценныма,
 185 И подписано на перс(т)ни имя-та,
 Уж отечесво было написано,
 Как говорила ему Добрынина родна матушка,
 Как его Омелфа Тимофеевна.
 Он тогда подымал старой-седатой-то,
 190 Подымал Добрынюшку же всё Никитича
 Он своей-то правой рученькой его же всё,
 Человал его в уста жа да он сахарные,
 И обнимал его-же старой-от седатой-от,
 Называл-то его крестовым же брателком,
 195 Как по имени Добрынюшкой Никитичом.
 (О)ни крестами-ти золоченыма менялисе,
 Надели на свои да на белы шей.
 И говорил тогда старой ему седатой-от,
 Ише тот ли могучой русьской богатырь же,
 200 Ише тот ли Илья да Илья же Мурамецъ,
 Илья Мурамецъ же свет да он Иванович:
 «Мы положим-то с тобой, брателко крестовой мой,
 Ты крестовой брателко же мой названной же,
 Ты Добрынюшка Никитич млад,
 205 И мы положим с тобой заповедь великую:
 Уж нам слушать старшему же младшого,
 А младшому с(ы)лушать братá же старшего,
 Мы положим таку клятву с тобой великую».
 Тут говорил же Добрынюшка да всё Микитич млад:
 210 «Ты поедем-ко, мой же брателко крестовой мой,
 Ко моей-то к родной матушки к родимую,
 Ко Амелфы-то поедем к Тимофеевны,
 Мы попить-то к ей, покушати».

- Тут поехали два могучи руськи богатыри,
215 <О>ни поехали скоро к Добрынюшкину подворьцу.
И тут встречала-то Добрынюшкина рódна матушка,
Как чесна вдова Амельфа-то Тимофеевна,
Выходила она выбегала на красное крылечушко,
Она низко кланялась старому-седатому,
220 Как тому ли Ильи, Ильи Ивановичу:
«Приходи ко мне, ты гось дорогой, небывалой мой,
Небывалой мой, крестóво ты мое дитятко,
И тут же приходи-ко-се, дорогой мой гось».
И повела-то его же Омельфа Тимофеёвна
225 А и во высокие вела его новы горници,
Э и она садила-то гостя старого-седатого:
«И ты садись-ко-се, садись, мое чадо милоё,
Чадо милоё мое да ты крестовоё,
А и ты Илья ты мой же всё да ты же Мурамецъ,
230 Сын же ты садись да всё Иванович,
А и ты садись-ко-се, садись, мое чадо милоё,
И ты премладенький мое ты да чадо милоё,
А и ты Добрынюшка у мя да всё Микитич же.
А и вы за столячок садитесь за дубовый же,
235 А и вы за скатерти всё за бранные,
Вы за ествы-ти садитесь за сахарные,
Уж попейте напитокки медовы же всё».
А тут жил-то гостил старой-седатой-от,
А она стала тогда распрощать про своего же
240 И она про брателка родимого,
А про Ивана-то же она да про Тимофеевича,
И про его-то рódну матушку Апистеню Яковлевну.
И тут же она подносила-то мёды сладкие,
И тут подносила Амельфа-то Тимофеёвна
245 Дорого-то питья да мёду сладкого,
А дорогому она гостю да небывалому,
Она крестовому своему да всё же дитятку,
Как она старому-седатому Ильи Мурамцу сыну Ивановичу,
<О>на своему-ту чаду милому премладому,
250 Она Добрынюшки же всё Микитичу.
А и подносила она же им да низко кланялась:
«Уж вы кушайте, дороги мои гости милые».
И тут жил-гостил старый-седатой он челою месяць у них,
И он гостил у их жил-то у его во доми же,
255 У Добрынюшки же он да у Микитича,
Как у брателка у крестового,

Обучал старой-седдатою Илья же Мурамецъ
 Как по силам поез(д)кам всё богатырьским его,
 Как ездить ему в чистом полѣ,
 260 Как боротисе да не с приятелеми.

№ 15

Раньше-то Рязань да слободой была,
 А нонче-то Рязань сливѣт целым городом.
 В том городи было Рязани
 Жил старой козак Микитушка Микулич млад.
 5 А Микиты-то сроду было шестьдесят лет, —
 А снарядов-то снёс шестьдесят,
 (Снарядов — ударов больших)
 А срывочных-то, срывочных числа-смѣту нет.
 Никита стал престаростый,
 А Микулич млад преставилсе.
 10 Оставалась у Микиты велика семья,
 Велика семья да молода жена,
 Оставалсе сын-от ясной сокол,
 Ясной сокол Добрынюшка Микитич млад.
 Был пяти годов, стал шести,
 15 Выучилсе Добрынюшка вострой грамоты,
 Запоезживал Добрынюшка во чисто полѣ,
 Стал он палицю-ту бросать по поднёбесью,
 Стрелочку-то стрелкал он под облака.
 Проходила про Добрынюшку вес(т)ь до Киева,
 20 От Киева прошла до Чернигова,
 От Чернигова прошла до Мурова,
 Проходила-то вес(т)ь до старого козака до Ильи Муровца:
 «Некой-то богатырь — поеду узнаю,
 На леву долонь я посажу, правою прихлопну,
 25 Только сок пойдет!»
 Приезжал в тот город во Рязань
 А ко бедному вдовьему домишшочку,
 Он крычал своим да громким голосом:
 «Где Добрынюшка Микитич млад?»
 30 Тут выходила Амельфа Тимофеевна
 На ветробуесто крылечушко,
 Она била челом да слёзно плакалась:
 «Уж ты здрастуй, старой козак да Илья Муровиць!» —
 «Уж ты как меня знашь, именём называшь?» —

- 35 «Уж я как-то не знаю, а земля слыхом полнитсе». —
«Ты скажи-ко, где Добрынюшка Микитич млад?» —
«У мя Добрынюшка уехал да на Дунай-реку
Он стрелять-то, палить да белых утицей.
Может быть, постречашь Добрыню-ту Микитича —
- 40 Ты моги-ко Добрыню помиловать,
Ты Добрынюшку помиловать.
Не моги-ко у Добрынюшки головы сказнить». —
Тут не конь-то бежал, курева-то одна осталасе,
Уехал старый козак Илья Муровець.
- 45 Уезжал старый козак во чисто поле,
Увидал он вот далече во чистом поли,
Как Добрынюшка ездит по чисту полю:
Он палицю-ту бросат по поднёбесью,
Стрелочку-ту стрекат он под облака.
- 50 Тут съехались богатыри могучие,
Как ударились, в седлах пошаталисе.
Во второй раз съехались богатыри,
Во второй и во третьей раз.
Как третьей раз съехались богатыри,
- 55 Сильне ударились, из седлов они посыпались.
А Добрынюшка на́ тело был силен, только был он увёртнóй,
Сел он старому козаку да на белы груди,
Стал у старого козака спрашивать:
«Ты скажи-ко, сильней богатырь,
- 60 Ты с какой земли, какого роду-племени?»
От старого козака ответу не было,
Во второй раз спросил — не было.
«Ты старой козак, скажи, какого роду-племени,
Хто у тебя отець, хто у тебя мать?»
- 65 Во третьей раз спросил Добрынюшка Микитич млад:
«Ты скажи, из какой земли, какого роду-племени,
Кто у тебя отець и мать?» —
«Я такой же земли, такой же ты,
Я отца с матерью не помню;
- 70 Я из города из Мурова,
Старой козак Илья Муровець». —
Тут соскочил крутёшенько со белых грудей:
«Ты прости меня виноватого,
Что сидел у тебя на белых грудях!
- 75 Хошь я сидел у тя на белых грудях,
Ты пушшай мой старшой брат,
Я буду младшой твой».

Тут богатыри побраталися,
 Они побратались, покрестовались:
⁸⁰ «Мы тимá крестами животворящима».
 Тогда поехали богатыри во Киев-град.

ИДОЛИЩЕ СВАТАЕТ ПЛЕМЯННИЦУ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА
(№ 16—18а)

№ 16

Из-за моря-то, моря, братцы, синего,
 А из-за́ синего моря из-за Карьского,
 Из-за Карьского моря, Арапського
 А приходило три чернёных три-то кáрабля,
⁵ А (в) тих-то караблях пришло поганое Идóлишшо
 Как ко ласковому князю ко Владимиру.
 Он пришол ведь к ёму сватом свататьсье
 На любимыё всё ёго племянньници
 Как на душочки всё Марфы Дмитрёвны.
¹⁰ Говорил-то он да таковы речи:
 «Уж вы гой еси, мои да три тотарина,
 Уж вы млáдые мои всё карабельшички!
 Вы подите-ко ко городу ко Киеву,
 А ко ласкову-то князю ко Владимиру,
¹⁵ А как сватайтесь на ёго любимой на племянньници,
 Штобы с чести он отдал за меня, с радости,
 А без драки ведь да кроволитныя.
 А рос(с)кажите про меня, про Идолишша:
 А как руки мои по трёх сажóн,
²⁰ А как тулово моё как сильной бугор,
 Голова моя да как пивной котёл,
 Глаза-ти у меня да как пивны́ чаши.
 А как прýдите ко князю ко Владимиру,
 А да станете вы да свататьсье,
²⁵ А как будёт просить сроку на три годика —
 Не давайте-ко да сроку на три годика.
 А как будёт просить да на три месеця —
 Не давайте сроку на три месеця.
 Будёт просить да на два месеця —
³⁰ Не давайте ёму сроку на два месеця.
 А как станёт просить на три неделёчки —
 Не давайте ёму на три неделёчки.

- А как станёт просить на три суточки —
 А бессрочнёго времёни на свети нет».
- 35 А приходят три-то карабельшичка ко князю ко Владимиру да в светлы свѣтлицы,
 А не кстят они лица поганого,
 Не молятсэ да чудным образом,
 Как бьют они челом князю Владимиру,
 А князьям, боярам не бьют челом, не кланятсэ:
- 40 «Уж ты здрастуй-ко, Владимир стольне-киеськой!» —
 «Уж вы здрастуйте, дородни добры молодци,
 А да три-то млáдых вас да карабельшичков!
 А ведь разе пришли вы торговать товарами да розноличныма?³
 Вы торгуйте у мя безданно и беспошлино».
- 45 Говорят тут три тотарина:
 «Не товарами пошли торговать да розноличнима,
 Мы пришли к тебе да сватом¹ свататьсе
 На твоею на любимой на племянници
 За того жо за поганого Идолишша.
- 50 Ты отдай за ёго да с чести, с радости,
 А без драки отдай да кроволитныя.
 А ты с чести не отдашь, мы боём возьмём.
 Руки, ноги у Идолишша по трёх сажон,
 А как тулово ёго как сильной бугор,
- 55 Голова ёго да как пивной котёл». —
 «Уж вы гой еси, млáды три да карабельшички!
 Уж вы дайте мне-ка сроку на три годика подумати». —
 «Не дайм мы те сроку на три годика,
 Не дайм-то мы те сроку на два годика,
- 60 Не даим тебе строку на единой год,
 Не даим тебе строку и на три месеця,
 Не даим тебе строку на три неделёчки». —
 «Ах отдайте мне-ка строку на три суточки!»
 Говорят тут три тотарина, да три мурина: ²
 (*Татара, мура — арапа.*)
- 65 «А бессрочнёго, братцы, времёни на свети нет».
 А давали князю сроку на три суточки.
 А да как пошли они на чёрны карабли,
 Да приходят они на чёрны карабли.
 Говорит поганое Идолишшо:
- 70 «Уж вы гой еси, мои млáды да карабельшички!
 А я дам ему-то строку на три месеця».
 А во ту пору, во то время
 Собирал-то Владимир-князь почесен пир
 А на кнезей своих, на ббяр жа,

- 75 А как вси на пиру сидят, пьют, едят да проклажаются.
 Говорил-то Владимир таковы речи:
 «Как ведь вси да князя, бóяра!
 А пришло ко мне-ка свататься поганое Идолишшо
 На любимой-то моей племеннице
- 80 Как на душички на Марфы всё да Дмитревны.
 Заступите-ко за ей, за мою племенницу».
 А как говорили князи, бóяра:
 «Мы не будём губить народу православнёго
 За твою-ту рóдную племянницу,
- 85 А не будём проливать крови по-напрасному».
 Как пошел-то Владимир-князь да со чесна пиру,
 А повесил буйну голову с могучих плеч,
 Он пошел прямо к Марфы Дмитревны в светлу свётлицю.
 А как увидала Марфа Митревна,
- 90 Как идёт её-то дядюшка не по-старому, да не по-прежнему,
 Не по-прежнему да не по-досельнёму,
 А да как спросала Марфа Дмитревна:
 «Ише што жо ты, дедюшка Владимир-князь,
 А придёшь³ ты ко мне не по-старому, не по-прежнему:
 Ты повесил буйну голову с могучих плеч?» —
 «Уж ты гой еси, моя родна, любимая племянница!
 А как подошло туто поганое Идолишшо,
 А как сватайтсе на тебе, всё на Марфы Дмитревны,
 А как сам он говорил да таковы речи:
- 100 Ише с чести не отдам, дак „мы боём возьмём”.
 Как ёго-то руки, ноги по трёх сажон,
 А ведь тулово как сильной бугор,
 Голова ёго да как пивной котёл,
 Очи ясны у ёго да как пивны чаши,
- 105 А как нос его как палка дровокольная».
 Говорит тут Марфа Дмитревна:
 «Уж ты гой еси, дедюшка мой родимья!
 Не губи народу по-напрасному,
 А не проливай крови горечею,
- 110 А отдавай меня да с чести, с радости,
 Без драки отдай да кроволитныя.
 А тольке дай придано — три черных три кáрабля:
 А перьвой-от кáрабель грузи ты зеленым вином,
 А второй-от кáраб⟨л⟩ь нагрузи да пивом хмельным жа,
- 115 А третей-от кáраб⟨л⟩ь нагрузи да мёдом сладким жо.
 Провожатых дай моих братьев крестовых, всё названых жа:
 А перьвого-то брата да-й Добрынюшку Микитиця,

- А второго-то брата да-й Михайлушка Игнатьёва,
 А третьёго брата Олëshеньку Поповичя».
- 120 А как дават ей князь три чёрных кáрабля,
 Нагружат напитками розноличнима.
 Повелась у князя тут ведь свадьба жа.
 Посылали звать Добрынюшку с Михайлушком душей-то красных девицей,
 А пошли они-то звать к Марфы Дмитревны на дэвью плачъ.
- 125 Они ходят, зовут да красных девицей,
 А зовут они молодых-то вдов,
 А зовут-то они жон ведь мужния:
 «Уж вы милости просим, души красны девици,
 К Марфы Дмитревны на дэвью плачь!
- 130 Вас зазвала-то Марфа Дмитревна на дэвью плачь».
- А как тут скоро сбирались красны девици,
 А как белья лебёдушки на заводи слеталисе.
 А как не белá тут на заводи белá лебедь воскíкала,
 А как слéзно Марфа Дмитревна восплакала.
- 135 Тут заплакали да слéзно красны девици,
 А да тут пушке заплакали по ей молоды вдовы,
 Ишке пушке тут заплачут жоны мужния.
 А да как отплакали тут да красны девици,
 А пошла у Владимира свадьба навéсели.
- 140 Как пришол-то тут поганое Идóлишшо,
 А садилсэ он за столы да белодубовы,
 За питья, за есвы сахáрныя.
 А как ест он, тотарин, по-звериному,
 А как пьёт-он да по-скотиному.
- 145 А как пили, ели, напивалисе,
 А пошли они, повели Марфушку на чёрны кáрабли,
 А как провожают ей народ да православныя,
 Провожают ей да слéзно плачутсэ.
 А как приходила Марфушка на свой чернён карабъ,
- 150 А заходит она в каюту карабельную,
 А при ёю тут Добрынюшка Микитич млад.
 Потянула пóветерь тихá способная,
 А пошли тут карабли да во синё морё,
 Во синё морё да во свое село.
- 155 А как Руськая земля да потаиласе,
 Как поганая земля да замениласе.
 А как по Божьей-то былó по милости,
 По Марфушкиной было учести:
 А как пала тут ведь тíха тíшина,
- 160 Не несёт-то некуда да чёрных кáраблей.

- А как выходила из каюты всё ведь Марфа Дмитревна на палубу,
 А сама она ведь говорит да таковы речи:
 «Уж ты гой еси, да брат крестовья!
 Постарайсе-ко ты избó всех жа,
 165 Подорожи моей да буйной гóловóй:
 А кричи поганому Идолишшу во всю голову,
 А штобы он стянулсэ всíма карабли да во едно место,
 Уж вы пойте-ко тотарове всех дóпьяна,
 А я сама пойду поить поганого Идолишша».
- 170 А да как закрычал Добрыня громким голосом:
 «Уж ты гой еси, поганое Идолишшо!
 А зовёт тибя Марфа-та Дмитревна стегатисе да черныма кáрабли:
 Она хочет сделать пир на радости,
 Шьто своя земля да потаиласе,
 175 А как ваша земля да сремениласе».
- Как услышал тут поганое Идолишшо,
 А весьма он сделал весьма радостён,
 Приказал он во едно место свезатисе.
 Повела ли тут Марфа Митревна поганого Идолишша в свою каюту карабельную,
- 180 А садила ёго на стул на ременчат жа,
 А садила за ти есвы за сахáрныя,
 Она стала наливать-то чары зеленá вина,
 А как стала наливать да чары пива хмёлнёго,
 На закуску, на запивку мёду сладкого.
- 185 А как начал тут Идолишшо пить-есть да без опасности,
 А он пьёт-то вино дóсуха,
 Запиват да пивом хмельниим,
 Закусыват да мёдом сладкиим.
 Вдосталí зашаталасе ёго да буйна гóлова,
- 190 А валила ёго да на кроваточку тисовую,
 На меккú перину на пуховую.
 Захватил-то он Марфу в охапochку,
 А как зáспал он сном да богатырськиям,
 А со сна на ей накинул руку правую,
- 195 А накинул на ей да ногу правую.
 А да чуть под им жива лежит, душа в тели полúднуёт.
 Закрычала она громким голосом:
 «Уж ты гой еси, ты брат мой крестовья!
 А сойми с миня руку Идолишша,
- 200 А скинь с миня ногу поганого».
- Прибежал Добрынюшка в каюту карабельную.
 А как смётыват с ей правú руку,
 А как скидыват он с ей всё левú ногу.

Как соскакивала Марфа с кроваточки,
 205 А выскакивала она на палубу-ту карабельною.
 Как хватил Добрыня востру саблю жо,
 А отсека Идолишшу да буйну голову.
 Заскакало тут поганое Идолишшо,
 А как он присек ёго ведь намелко,
 210 А сметали ёго да во синё морё,
 Как рубили тотаровей да до единого.
 Потянула им-то по́ветерь да всё способная —
 А да как ко городу ко Киеву,
 А ко ласкову князю-ту ко Владимиру.
 215 Как приходят они в красён Киев-град,
 Услыхал тут всё Владимир князь да со кнегиною,
 Как стречели со всего города со Киева,
 А как собиралисе наро⟨д⟩ да православныя.
 Тут пошел у князя пир навёсели, на радости.

№ 17

Ай во славном было городи во Киеви,
 Ай у ласкового князя у Владимира,
 Ай была-то у ево взята к себе любимая,
 Ай любима у ево была племянёнка
 5 Ище та ли у ево да Марфа Митрёвна.
 Он возрósьтил ей дедюшка, пови́корьмил,
 Он пови́корьмил дедюшка, пови́росьтил,
 Посадил свою любимую племянёнку
 Он во те ли во высóки ей во тёремы,
 10 Посадил ей на диван да ры́та бархата,
 Ай того ли дорогого красна золота.
 Он поставил-то к ей-то верных каравульшицьков,
 Кроме мамушок ише да кроме нянюшок,
 Ай замкнул-то за многі замки заморьския,
 15 Ай заморьских замков, сказать за трёхдеветь,
 Ей не знали шьчобы многі да люди добрыя,
 Не розпустили шьчобы про ей, про красну девицю,
 Про её-то красоту, красу великую,
 Ей по всем шьчобы землям по всем неверным.
 20 Не прошла бы шьчобы вес⟨т⟩ь скорá-скорёшенька
 Шьчо до тех ли до царей, царей неверных,
 Шьчо до тех же королей бы, королевичей,
 Ай до тех ли шьчобы идолов поганых.

- Посещчал часто, ходил к ей роден дядюшка
 25 Ишше тот ли Владимир-свет да стольне-киевської.
 Тут прошло-то как то время, всё повбінёслось
 Ай про ту ли про любиму про племёнёнку
 Шьчо того ли вся нашего князя Владимира,
 Тут услышели многі цари, царици,
 30 Все тут многи короли да королевичи.
 Й услышает погано-то Идóлишшо,
 Ишше то ли царишшо всё неверноё,
 Услыхал он про ту всё её красу великую.
 Вот задумал поганоё Идолишшо,
 35 Ище то ли царишшо всё неверноё.
 Он грузил скорó три чорново три кáрабля
 Дорогима он товарами заморьскима,
 Он ведь вез-то всё камёнё дровоценноё,
 Дравоценно камёнё, самоцьветноё
 40 В подареньицё князю со кнегиною,
 Со кнегиной с Опраксей-королевисьнёй.
 Он ведь скоро подходит-то под красен Киев-град,
 Под того ли к нам под красного под солнышка,
 Щьчо под ласкового князя под Владимира.
 45 Ён приходит во гавань, в красен Киев-град,
 Он во ту-ту гавань, всё ко князю ко Владимиру.
 Он берёт-то булатны свои якоря,
 Он спускат-то он в воду свои якоря,
 Он мосьтит-то свои мосты дубовыя,
 50 Росьтилает дорогó сукно заморьскоё,
 Посылает своих скорó тотар к ему:
 «Отнесите, тотара, скóру грамоту,
 Отдавайте вы в руки всё князю Владимиру,
 Подавайте от миня князю подароцьки,
 55 И ведь князю-ту дайте со кнегиною
 По тому ли им по камню самоцьветному».
 Тут приходят скоро всё тотара-ти,
 Ай заходят они всё на краснó крыльцё,
 Их проводят, пропускают до князя до Владимира.
 60 Ай не ксьтят-то, не кресьтят лица поганого,
 Шьчо не молятце они Спасу Пречистому,
 Не поминают Царици всё Небесною,
 Как столбы будто идут, столбы отёсаны,
 Подают скоро грамоту тотарьскую,
 65 У их писана грамота тотарьцькая
 Не пером же у их да не цернилами,

- Не по белой по гербóвой бумажоцьки —
 Ай по рыту у их да всё по бархату
 Дорогим же сухим да красным золотом.
 70 Подают подароцьки да дорогí свои,
 Подают ведь князю со кнегиною,
 Ай со той ли с Опраксеей с королевисьнёй,
 По самоцветному по камению.
 Принимает у их да князь подароцьки,
 75 Ай садит-то он их всё за дубовы́ столы —
 Ише тут же тотара не сadyтьце-то,
 Не сadyтьце они, да сами всё стоят.
 Подаёт им стульё рыта бархата —
 Ишше тут тотара не сadyтьце всё.
 80 Ай он гóворит он скоро всё таки речи:
 «Ай ишите-ко Добрынюшку Никитича,
 Ай ишите-ко Алёшеньку Поповиця
 И ишите-ко Дунаюшка Иванова,
 Они скоро россмотрят скору грамотку.
 85 Мы ведь скоро отпишём им самим ответ.
 Ведь писать-то Дунаюшко всё мастёр он,
 Ай леккó-то он держит в своей правой руки
 Он ведь то ли перо да лебединноё.
 Ай Добрынюшка с Алёшенькой с Поповичом
 90 Они скоро прочитают тут, рос⟨с⟩мотрют эту грамоту».
- Ай ведь скоро собирались три богатыря,
 Прочитали скоро грамоту тотарьскую.
 Ише пишот поганое Идолишо,
 Ише тот ли царишшо всё неверное,
 95 Он уписыват всё князю Владимиру:
 «Я пришол-то, князь Владимир, да не госьтить к тебе,
 Во твою пришол во гавань княженеськую —
 Я пришол-то к тебе да сватом свататься
 На твоей-то на любимой на племянёнки,
 100 Ай на той ли на молодой на Марфы Митрёвны.
 Ты отдай-ко, право, Марфушку всё за миня замуж,
 Не отдашь ты ей замуж без драки кроволитною —
 Приступлю скорó ко городу ко Киеву,
 Розорю-ту я у тя, да всё Владимир-князь,
 105 Ише те ли у тебя всё церьквы Божья,
 Я прибью у тя во Киеви многих да людей добрых,
 Ай останутце только у тя во Киеви
 Ай вдовы-ти вдоветь, сиротки, малы детоцьки». —
 «Не давайте князю строку вы неко́льки тут,¹

- 110 Вы не на́ год ёму, вы не на по́лгода,
 Не на месець ёму, не пол на месеця,
 Вы не на неделёцьку ёму, не на един денёк —
 Тольке дайте ёму времени на три цяса».
 Говорит-то князь Владимир стольнѣ-киевской:
- 115 «Мне-ка дайте, дайте строку на три дѣницька
 Посидеть моеѣ невесты, красной девици,
 Ише той моеѣ любимой всё племянѣнки,
 Посидеть-то на(ть) ей со красныма девицеми».
 Собирает-то князь Владимир всё почѣсѣн пир
- 120 Он на тех ли на князей да на бояр ли он,
 На многѣх-то на всех да людей добрых,
 Приказал-то им зьбиратьце всё в один им цяс,
 Шьчобы друг они о(т) дружки тут не оставалисе.
 Ише скоро собралисѣ, скорб скоплялисѣ.
- 125 Говорит-то князь Владимир таковы слова:
 «Собирая же я пир вам не на радосьти,
 Не на радосьти вам пир, не на весельици,
 Ай подумайте вы со мной думу крепкую,
 Заступите за любиму за племянѣнку,
- 130 Ай за ту ли за Марфу, Марфу Митрѣвну».
 Говорят-то ёму все люди добрыя,
 Ай просты-ти вси хресьяна православныи:
 «Мы не будѣм стоять-то за твою любимую племянницу,
 Да не будут сирѣтовать у нас ведь жоны с дѣтьми с малыма».
- 135 Ишше тут-то князь Владимир приросплакалсѣ:
 «Уж вы гой еси, народ, вси люди добрыя!
 У ей нету ведь, красной всё у девици,
 У ей нету родителя всё батюшка
 Со родимой-то сь еѣ да всё со матушкой,
- 140 У ей нету ведь брѣтьей, ясных соколов —
 Пожалеть-то ведь ей теперь всё некому,
 Пожалею тольки я-то, всё един я ей,
 А ли тот ли родимой всё я дядюшка».
 Он пошел скоро в еѣ да всё высок терѣм,
- 145 Отмыкаѣт он скорб у ей крепкѣ замки,
 Он приходит-то к ей да во высок терѣм,
 Он ведь крест-о(т) кладѣт всё по-писанному,
 Ай поклон-от ведѣт всё по-уцѣному,
 Ай ведь молитце всё Спасу Пречистому,
- 150 Ай ведь Божьѣй-то Матери всё Богородицы.
 Ай скакала тут ёго любимая племянѣнка
 На свои-ти она на ножки резвья,

- Обнимала ёго да за белу шею,
 Прижимала ёго-то руку ко ретиву серью:
- 155 «Уж ты шьчо же так, родимой милой дядюшка,
 Не по-старому пришол, всё не по-прежнему,
 Ише всё-то ты пришол ко мне не по-досельнёму,
 Во сълёзах ко мне пришол, в сълёзах горючих?»
 Говорит-то ево² дядюшка родимой-от,
- 160 А родимой ево дяденька любимой-от:
 «Уж ты гой еси, племянёнка моя любимая,
 Ай безотна ты моя да красна девица!
 Нечеве, сидишь, про то топерь не знаёшь ты:
 Ай пришол-то ведь как к нам поганой Идолишшо,
- 165 Ишше тот пришол царишшо всё неверной.
 Он ведь всё-то на тебе да он ведь сватайтёце,
 Не даёт он мне строку не на год-от мне,
 Не дават он мне-ка строку не на полгода,
 Не дават мне-ка строку на неделёцку —
- 170 Тольке дал он мне-ка строку на три часика.
 Сбирал я в три часа да я почесён пир,
 Приказал я всем скоплатёце всем в единой час.
 Отперлись они у мя, вси отказалисе».
 Тут заплакала душа да красна девица,
- 175 Ишше та ли ведь Марфа, Марфа Митрёвна:
 «Уж ты гой еси, дядюшка любимой мой,
 А любимой мой дядюшка, родимой мой!
 Отдавай-ко ты меня хошь с цести, с радосты
 Всё без драки меня без кроволитною.
- 180 Ты проси-ко, проси строку на неделёцку —
 Посидеть мне-ка с подружками с любимыма,
 Посидеть-то мне-ка всё да красной девици,
 Мне поплакать-то при их-то, красной девици».
 Вот заплакал, пошол, дедюшка да пуше старого.
- 185 Посылаёт он Идолишшу ведь скору весьть,
 Шьчо идёт замуж любимая племянёнка,
 Тольке просит она строку на неделёцку:
 «Посидеть-то мне с подружками любимыма».
 Говорит тут погано всё Идолишшо:
- 190 «Ай бесстроцьнёго-то времени на съвети нет,
 Я ведь дам-то ей строку на неделёцку».
 Сбираёт скоро князь всех красных девишок,
 Он садил-то всё любимую племянёнку.
 Ише вси-ти красны девишки скоплялись тут
- 195 На её-то всё на свадьбу на сълезливую.

- Она села-то тут да всё выплакивать:
 «Уж вы гой еси, вы девицы души красныя!
 Вы ведь вси вы живите да с отцём, с матушкой,
 Уж я-то живу, да красна девица —
 200 Не отца-та у мяя нет да рóдной матушки,
 Ише некому ведь за миня пристать да заступить теперь,
 Заступить-то за миня да пожалеть мяя,
 А мяя нету родимых моих братицей,
 А тепере за миня не заступают вси кресьянушки,
 205 Отдавать миня велят да всё просватывать
 За того ли за Идолишша поганого.
 Вы уж всё-таки да вы останитесь
 У своих-то вы отцей, своих у матушок,
 Ай ведь надоть мне ити во землю во поганую,
 210 Во погану-ту мне землю во тотарскую,
 Да оставить нать своя вера крешшоная,
 Мне крешшона своя вера богомольная,
 Богомольная мне своя вера спасёная,
 Нать ити мне за поганого Идолишша,
 215 За того ли за царишша за неверного».
 Говорит-то ведь Марфа Митрёвна
 Своему-ту она дядюшки любимому:
 «Ты поди-ко ко мне, дядюшка любимой мой.
 Мы ведь всё-таки с тобой да прироссудим-ко,
 220 Прироссудим мы с тобой да мы подумаём».
 Ай приходит к ей ведь дядюшка скорёхонько,
 Он горяцима сьлёзами уливайтце,
 Говорит-то ведь тут да таковы слова:
 «Уж ты гой еси, ты Марфа Митрёвна,
 225 Ай любима ты моя да всё племянёнка!
 Ты скажи-ко мне-ка, шьчо да ты всё сдумала,
 Шьчо ты сдумала, в уме щёго Господь принёс?» —
 «Вразумил мне-ка <Г>осподь, мой милой дядюшка:
 Нагрузи мне-ка черьнёных два-та карабля
 230 С дорогима ты с напитками со разныма:
 Ай первой-от караб<л>ь с пивом пьяньим,
 Ай другой-от караб<л>ь да с разныма-ти водками со сладкима,
 А да дай мне-ка два братёлка крестового,
 Ай крестового, два братёлка названого:
 235 Ай в первьих-то дай Добрынюшку Никитиця,
 Ай второго — Олешенька Поповиць млад».
 Тут ведь скоро грузил он чёрны карабли,
 Грузил-то он да приготовил-то.

- Ай приходит Идолишшо поганое,
240 Ай приносит ко князю всё подароцьки —
По тому ли он по каменю драгоценному,
Драваџенному, по дорогомому-ту.
Ишше-то он говорил поганое Идолишшо:
«Я в сани сажусь-то³ к тебе я, всё Владимир-князь».
- 245 Ай прошло-то тому времецьку неделёцька.
Говорит-то он да всё князю Владимиру:
«Я пришол-то к тебе за твоей любимой-то племянёной,
Я за той ли пришол да Марфой Митрѣвной,
А отдай мне-ка племёнёнку-ту с цесьти, с радости».
- 250 Тут приходит князь Владимир стольнё-киевської:
«Ай поди, моя любима ты племянёнка,
А безотна ты ведь наша красна девица,
Ише та ли ты Марфа, Марфа Митрѣвна!
Кабы брал у мня тотарин красно золото,
- 255 Ай мою бы да многу золоту казну,
Ай тогды-то я тебе бы взял-повыкупил,
Не пожалел бы своего я красна золота».
Вот ведь плацёт Владимир, уливайтце,
Ай ведь Марфа, Марфушка-та тоже уливайтце,
- 260 За белу ёго за шею обнимат ёго
Ай цѣлует дедюшку в уста сахарныя,
Сама бѣет цѣлом, кланентце во резвы ноги:
«Ай спасибо тебе, дядюшка любимой мой,
Ай на хлеби-то тебе, на соли-то,
- 265 Ай на всяких твоих да словах ласковых!
Я осталась-то от батюшка малёшенька,
От родимой своей матушки глупёшенька,
Воспоил ты, воскорьмил миня, повыросьтил,
Ай держал миня — сидела во високом новом тѣреми,
- 270 У мня были всё мамушки, всё нянюшки,
Для весельица ведь были санны девушки,
Ты во сад ходил гулять да для меня ты всё,
Ты водил меня, красну девицю, по зелёным садам.
Как пришло теперь у нас время, всё прикатилосе,
- 275 Ай жива с тобой розлука у нас скорая:
Не от ⟨Г⟩оспода пришла эта розлукушка,
Ай от злого всё пришла нам от тотарина,
От того нам от Идóлишша поганого!»
Ай увидял Идолишшо-то скоро Марфу Митрѣвну,
- 280 Ишше тут ли он сам да веселехонѣк,
Веселехонѣк Идолишшо, сам рад тому.

- Говорит-то тут Марфа, Марфа Митрёвна:
 «Уж ты гой еси, Идолишшо поганое,
 Уж ты тот ли царишшѣ всё неверное!
- 285 Буду, заповедь положим межѣ собой,
 Не заходить шьчобы на твой да мне цёрнѣн караб(л)ь,
 Ай тебе шьчобы не сойти-то со своих цёрнѣных больших караблей,
 Мы докаме⁴ уж не придѣм до твоѣго города —
 Мы тогда с тобой в одно место будѣм съобшшатисе».
- 290 Тут царишшо-то неверной тому рад он был.
 Отошли они от города от Киева,
 Отошли они да далѣкохонько,
 Приутихла-то им поветерь тихим-тихо,
 Не понѣсло у их чернѣны ихны карабли.
- 295 Тут роздумалась Марфа, Марфа Митрёвна,
 Говорила своим-то двум могуциим богатырям,
 Ишше двум-то своим братѣлкам крестовым тут:
 Ай первьому-ту Добрынюшки Никитичу,
 Ай второму-ту Алѣшеньки Поповичу.
- 300 Говорила она, да им розсказыват:
 «Вы съвяжитесь-ко с Идолишшевым караблям,
 Я ведь сдумала дельшко немалоѣ:
 Позови ко мне Идолишша поганого,
 Ай ко мне-то ведь в госьти, погосьтить ему.
- 305 Сам и придѣт-то ко мне Идолишшо —
 Я ведь буду его сама поить,
 Я поить-то буду всё я пивом пьяным-то,
 Я тогда буду поить его напитками.
 Вы ведь в ту-ту пору пойте всих матросиков,
- 310 Ведь миня-то, красну девицю, один да ишше этта стой,
 Ай ты стой у дверей да всё розсматривай:
 Пообидит, бывает, ведь цим поганое Идолишшо —
 Ты бежи, бежи ко мне да ты мне поможь дай,
 Мне-ка помошш(ь), бежи, дай да посматривай».
- 315 Он ведь скоро тут бежит погано к ей Идолишшо,
 Ото всей-то он бежит, тотарин, радосьти.
 Говорит-то он сам да всё таки реци:
 «Уж ты здрастуй-ко, душенька ты Марфа Митрёвна!»
 Тут садила она Идолишша всё за дубовой стол,
- 320 Наливала она Идолишшу-ту цярощку
 Ай того ли она да пива пьяного,
 Немалá-та была цяра — полтора ведра.
 Принимает Идолишшо от радосьти,
 Выпивает Идолишшо крутѣшенько,

- 325 Она всё-то наливат, да он тут скоро пьёт.
 Они вы́поили тут караб(л)ь им пива пьяного.
 Все матросицьки у его да все повыпали,
 Ай повыпали матросы, обнемели все.
 Тут Идолишшо поганой росьпёненёшенок,
- 330 Он хотел обнеть своей рукой тотарьскою,
 Он накинул ише руку на белú шею.
 Ай она-та ведь, Марфа, цють жива сидит.
 Ай увидял Добрынюшка Никитиць млад,
 Ай увидял Алёшенька Поповиць млад;
- 335 Они скоро к ей бежат в каюту всё хрустальную,
 Ай берут они Идолишша всё за чорны́ кудри,
 За черны́ они кудри да всё за тотарьскии,
 Ай спускают они по шеи саблю вострую,
 Отсекают тотарьску ёго голову,
- 340 Тут спусьтили тотарина ведь скоро тут,
 Да секут они ево всё на мелки́ часьти
 Да бросают ёго да во синё морё;
 Прирубил-прибил всех матросиков,
 Ай сьмётáли тотар-то в морё до единого,
- 345 Они взяли ихны кáрабли черьнёныя.
 Ай приходят ко князю ко Владимиру;
 Ай стрецят их князь Владимир с цести, с радости:
 Зазвонили у каждой у Божьёй церкви,
 Заслужили в каждой во Божьёй церкви.

№ 18

- Из-за Карьского, из-за Арапского
 Приходило три кáрабля, три чёрьяны,
 Приходил-де поганое Идолишшо,
 Приходил-то ведь он да сватом свататце.
- 5 Говорил тогда поганое Идолишшо:
 «Уж ты вой еси, Владимёр стольнёй киевской!
 Я пришол-то к тебе да сватом свататце
 Што на душецьки Олёнушки на Митревны.
 Ай отдай ты Олёну за меня замуж.
- 10 Уж ты чесью не дашь — за боём возьму,
 Уж я силой-то возьму да бо́гатырскою,
 Ай тебя ли я, князя, всё под мець склоню».
 Собирал тогда Владимёр-от почесен пир
 Што на многие князья и на думных бо́яров,

- 15 Што на руських могучих на богатырей,
 Што на тих на полениць на приудалыя,
 Што на тех жа на казаков на задоньския,
 Што на тех на бурлаков на московския,
 Што на тех хресьянушок прожитосьних.
- 20 Красно солнышко катитце ко западу,
 Ай ко западу солнышко, ко закату —
 У Владимёра ведь пир идет не на радость,
 Да не пьют, не едят, ничого не кушают,
 Они беленькой лебедушки не рушают.
- 25 Говорил тогда Владимёр стольней киевской:
 «Уж вы вой еси, вы князи, думны бояра
 Или руськия могучии богатыри,
 Ише те вы как казаки как задоньския,
 Ише те вы бурлаки как московския,
- 30 Ише те же вы хресьянушки прожитосьни!
 Да пришло ко мне из Карьского, Арапьского,
 Ай пришло ко мне поганое Идолишшо,
 Ай пришло ведь ко мне да сватом свататьце
 Што на душочки Оленушки на Митревны».
- 35 Ише большой хоронитце за среднево,
 Ише средней хоронитце за меньшово,
 А от меньшого боерина отъвету нет.
 Говорил-то кнезь Владимёр во перьвой након,
 Говорил-то кнезь Владимёр во второй након,
- 40 Говорил-то Владимёр во третей након.
 Все как большой хоронитце за среднево,
 Ише средней хоронитце за меньшово,
 А от меньшого боерина отъвету нет.
 Говорила-де Оленушка-та Митревна:
- 45 «Уж ты гой еси, дядюшка родимья!
 Отдавай миня со чести и со радости,
 Не проливай ты ведь крови все горячия,
 Не губи-тко-се народу православново.
 Только дай-ко-се приданым мне черлен караб(л)ь,
- 50 Уж ты дай-ко-се три брателка названья,
 Ай названных мне-ка братицей, крестовья:
 Во перьвых ты дай Добрынюшку Микитица,
 Во вторых Переметушку Васильева,
 Во третьих ты дай Олешеньку Поповица».
- 55 Ише эти князю речи во любви пришли,
 Во любви ему пришли да поглянулесе.
 Повелась-то ведь у их да тогда свадебка.
 Ише дал-то Оленушки черлен караб(л)ь,

- Ишше дал-то ей три брателка названыи,
 60 И названных три братицей крестовыя:
 Во первых дал Добрынюшку Микитица,
 Во вторых Перемётушку Васильева,
 Во третьих дал Олешеньку Поповица.
 Да пошли они тогда да во синё морё,
 65 Ишше пала им ведь поветерь способная.
 Ишше Руська-та земля да потаиласе,
 Ай неверна земля возремениласе.
 Ишше пала-то ведь сътиль да тихохонько —
 Не несёт их не в котору сторону.
- 70 Говорила-де Олёнушка-та Митревна:
 «Уж ты го́й еси, Добрынюшка Микитиц сын!
 Ты спушшай-ко-се шлюпку карабельною,
 Поезжай-ко ко царишшу на черьлён караб⟨л⟩ь,
 Ты зови-тко-се ко мне да во чесны́ госьти».
- 75 Ишше в те поры Добрыня не ослышилсэ,
 А спускал-де ка шлюпку карабельною,
 Ай поехал ко царишшу на черьлён караб⟨л⟩ь,
 Ишше сам он говорил да таково слово:
 «Уж ты го́й есь, царишшо Вахрамеишшо!
- 80 Добро жаловать к Олёнушки ко Митревны,
 Да звала тебя Олёна во чесны госьти».
 Ишше эти речи как царишшу во любви пришли,
 Да как сам он говорил да таково слово:
 «Уж как еду я ведь к ей да на черьлён караб⟨л⟩ь».
- 85 Ай приехал Добрынюшка Микитиц сын,
 Ишше еде⟨т⟩-де царишшо Вахрамеишшо.
 Он приехал ко Олёны на черьлён караб⟨л⟩ь,
 Да стречаёт-де Олёнушка-та Митревна,
 А приходит-де царишшё на черьлён караб⟨л⟩ь,
- 90 Ишше с боку на́ бок он да пошатаитце,
 А стречаёт-де Олёнушка-та Митревна,
 Ай заводит во каюту карабельною.
 Ай сидя во каюты, угошшаютьце,
 Ишше сладкима напитками да напиваютьце.
- 95 Напоила-де поганого Идолишша
 Ай тимá-де напитками-ти забудушшима,
 Ишше за́спал поганоё Идолишшо
 Ай во той же во каюты карабельния.
 Говорила-де Олёнушка-та Митревна:
- 100 «Уж ты го́й еси, Добрынюшка Микитиц сын!
 Ты поди-тко во каюту в карабельною,
 Ты бери-тко-се свою да сабью вострую,

- Отруби-тко-сь у Идолишша ты буйну голову».
 Ишше в те поры Добрыня не ослышилсэ,
 105 Он берёт де свою да сабью вострую,
 Ай махнул-де царишша по буйной главы,
 Ай не мог прочь отрубить буйной головы.
 Ай Добрынюшка был очунь ухватистой,
 Ай прискочил Добрыня на ременьчат стул,
 110 Повторил ёго Добрыня во второй након —
 Отлетела голова, как будто пугвица.
 Говорила-де Олёнушка-та Митревна:
 «Уж ты гой есь, Перемётушка Васильевичь,
 Уж ты гой еси, Олёшенька Поповичь сын!
 115 Вы подите во каюту карабельнюю,
 Вы ташшите-то царишша вы на палубу,
 Вы мечите-тко царишша во синё морё».
 Ишше в те поры Олёша не ослышились,
 Ай идут во каюту карабельнюю,
 120 Да берут-де ёво да за резвы ноги,
 Ишше стянут-де ёво ко палубы карабельнюю
 И метали-де ёво да во синё морё.
 Только пала им ведь поветерь способная,
 Ай пошли они-то в красён Киев-град.
 125 Да стречаёт их Владимир стольней киевской.
 А'шше пьют-то-де они со радосты,
 Ай пируют-де они да во весельца.
 Ай тогды верно у их прошла ведь свадебка.

№ 18а

=168

1. А из за Ка-рьско-го, из-за А-ра-п(и)-ско-го

2. При-хо-ди-ло три ка-раб-ля, три че-р(и)-ля-ны,

3. При-хо-ди-л(ы) де по-га-но-е И-до-лиш-шо.

ДОБРЫНЯ И АЛЁША (№ 19—24)

№ 19

Поезжает Добрынюшка во чисто поле
 Ко тому он ко каменю ко Латырю,
 Ко тому ли ко кружалу всё осудареву.
 Как ведь сказывает Добрынюшка рódной матушки:
⁵ «Уж ты гой еси, матушка родимая!
 Как пройдёт тому времецьку три годика,
 Да пройдёт-то тому времецьку ведь шесть годов,
 Да пройдёт-то тому времецьку всё деветь лет,
 Да пройдёт-то тому времени двенадцэт лет —
¹⁰ Ты бери-тко, моя матушка, золоты ключи,
 Отмыкай-ко, моя матушка, кóваны ларьци,
 Ты бери-ко-се мою-ту ведь золотú казну,
 Ты клади-тко по церьквам,¹ всё по манáстырям,
 Уж ты пой-ко панафиды по мне великия,
¹⁵ Ты служи по мне обедни да всё помíнальны.
 А тебе-то, моя да ведь молода жона,
 Ищé душоцька Настасья-королевисьня!
 Ай тебе-то, Настасьюшка, воля вольня:
 Хоть вдовой ты сиди да хоть замúж поди,
²⁰ Хошь за князя поди ты, хоть за боярина,
 За купця-гостя поди хоть за торгового,
 За хрисьянина поди ты хоть за прожиточнёго —
 Не ходи же за Олëshеньку за Поповиця,
 За того ли за братёлка за крестового,
²⁵ У нас заповедь с им-то была положина:
 Шьчо не делать-то нам шьчобы на зло-то нам,
 Не ёму шьчобы нá зло-то, не мне ёму».
 Ай прошло тому времени три годицька,
 Да прошло тому времецьку ведь шесть годов,
³⁰ Да прошло тому времени ведь ишше деветь годов,
 Да прошло тому времени двенадцать лет.
 Тут не соболина шубоцька прошумела,
 Как сафьяны-ти сапóжицьки проскрýпели,
 Как заходит во полатушки всё Владимир-князь,
³⁵ Он заходит в полаты-ти, стал ведь свататце:
 «Ты поди, поди, Настасьюшка, за Олëshеньку Поповиця!»
 Говорит-то Настасья всё таковы речи:
 «Я не йду за Олëshеньку за Поповиця,
 Подожду ишшé Добрынюшки из цистá поля,

- 40 Подожду ишше Добрынюшки хошь два месеца:
 Отпою ишше обедни да с панахидами,
 Помяну ишше Добрынюшку всё Никитиця». —
 Шьчо прошло того времецька два месеця,
 Отслужили обедни всё с панахидами.
- 45 Как приходит опеть да всё Владимир-князь:
 «Ты поди, поди, Настасьюшка-королевисьня,
 Королевисьня Настасья, ты дочь Никулишьна!
 Ты поди, поди, Настасьюшка,² все в замужество
 За того ли Олешеньку за Поповиця:
- 50 Уж я сам ездил, Настасья, во чистом поли,
 Я разведывал, вести переведывал —
 Ишше нету Добрынюшки Микитиця:
 Он ведь всё убит лёжит во чистом поли.
 Ёво бело-то тело всё прибитоё,
- 55 Всё прибитоё, всё-то лёжит пристреляно,³
 Ишше буйна головушка всё лёжит отсецёна,
 Я ведь сам яво предал всё ко сырой земли». —
 Тут поверила Настасья-королевисьня,
 Тут поверила враки всё князя Владимира,
- 60 Тут пошла-то Настасьюшка всё замуж она.
 А ведь ехал Добрынюшка из циста поля,
 Повалилса отдохнуть-то он во бел шатёр,
 Не успел он заснуть-то да ишше крепким сном —
 Да забил-то ево-то тут ведь доброй конь,
- 65 Он забил-то ведь тут да ножкой правою:
 «Тебе полно спать, любимой ты мой хозяин же,
 Ишше на имя Добрынюшка ты Никитиць млад!
 У тебя-то в доми-то есь нешчасьицо:
 Молода-та жона у тебя замуж пошла,
- 70 Не за князя пошла, всё не за боярина,
 Не за гостя-купця пошла за торгового,
 Не за бедново-нужного за хресьянина —
 За твоёго за брателка за крестового,
 За крестового братёлка за названого
- 75 За тово ли за Олешеньку за Поповиця». —
 Недосут тут Добрынюшки долго спать-лежать,
 Он ведь скоро ставал же, пробужалсэ тут,
 Он ведь скоро поехал-то в красен в Киев-град,
 Он ведь прямо приежаёт к матушки на подворьице.
- 80 Да выходит-то матушка на красно крыльце.
 Он заходит Добрынюшка в ишно всё подворьицо,
 Не здоровайтце он-то с родной матушкой.

- Ише матушка тут всё приросплакалась:
 «И какой-то невежа приехал на сирóцько моё подворьице!»
- 85 Он ведь смело идёт ко мне без доклада всё.
 Кабы было у мя бы да цядо милоё,
 Как бы мо́лодой Добрынюшка⁴ Никитиць млад,
 Не завёл бы он⁵ на двор-то ко мне добра́ коня».
- Как сказал тогда Добрынюшка родной матушки:
 90 «Ты не плаць, цёсна вдова Омельфа Тимофеёвна!⁶
 Не моци-ко ты своёго-то лица белого,
 Лица белого своёго ты пристарелого.
 Уж ты спрашивай ты лучше про Добрынюшку:
 Мы недавно с Добрынюшкой прирозъехались —
- 95 Ай Добрынюшка поехал да во чистó полё,
 Ише я-то поехал в красён Киев-град.
 Уж ты дай-ко-се моё да платье цвѣтнóе,
 Наряжусь-то я ведь, маменька, скоморошиной». —
 «Я не верю у тя, да доброй молодець:
- 100 Шьчо Добрынюшка у мя-то да был хорошенькой,
 Ише лицеко было как снежку белого». —
 «Уж ты шьто же ты, матушка родимая,
 Как двенадцать-то лет как я ездил по чисту́ полю —
 Загорело от солнышка лице́ белоё,
- 105 Прирвалось у мя от лесу ведь платье цвѣтнóе.
 Посмотри-тко, моя матушка родимая:
 На правóй-то у мя-то было на ножоцьки,
 Ише всё было пятóнышко родимóе».
- По тому ево признала-то рóдна матушка.
 110 «Ты неси-ко-се мне-ка звонцяты́ гусли». —
 «Молода-та жона, всё Добрынюшка Никитиць млад,
 Шьчо пошла у мя Настасьюшка всё как зámуж-от,
 Ише скоро они пойдут во Божью́ церковь,
 Ише скоро держать будут по злату веньцу».
- 115 А пошел-то Добрынюшка крутёшенько.
 Он заходит в полаты всё княженеськия,
 Он садилса Добрынюшка всё на пецьку-ту,
 Ён ведь стал-то во гусельци всё поигрывать,
 Он утешил всё князя со кнегиною.
- 120 Ише сам он играт-то, сам приговариват:
 «Не пёклó-то красно солнышко у вас трй годá,
 Не пёкло-то красно солнышко оно шес<т> годов,
 Не пёкло-то красно солнышко оно деветь лет,
 Не пёкло-то красно солнышко двенадцеть лет»;
- 125 (Молодой-то жены своей наговариват):

- «Росьпекло-то красно солнышко всё росвьётило
 На тринадцэтом, Настасья, у тя годицики».
 Говорил-то ведь князь-от да всё Владимир-свет:
 «Ты подвиньсе поближе хоть, скоморошина,
 130 Приутешь жениха у мня со невестою».
 Тут узнала Настасья-та-королевисьня,
 Говорила она всё князю Владимиру:
 «Уж ты гой еси, красно ты наше солнышко,
 Уж ты гой еси, свет ты Владимир же стольнѣ-киевськой!»
- 135 Ты позволь, князь, налить-то мне-ка рюмоцьку,
 Поднести мне-ка этому скоморошины».
 Говорил-то Настасьи-то всё Владимир-князь:
 «Наливай-ко, Настасья, ты сколько тебе надобно».
 Подносила Настасья всё скоморошины.
- 140 Принимает же он-то всё единой рукой,
 Поздравляет ведь всё-то князя Владимира,
 Проздравляёт жениха-та всё со невестою,
 Выпивает ведь цяроцьку эту всю до дна.
 Заговорил-то ведь эта да скоморошина:
- 145 «Уж ты гой еси, Владимир князь ты стольнѣ-киевськой!
 Уж ты дай мне налить-то эту цяроцьку,
 Вы дозвольте налить мне-ка мѣду сладкого,
 Поднести мне невесты всё заручѣною».
 Приказал-то ему-то да князь дозволил-то.
- 150 Подносил он Настасьи всё королевисьни:
 «Уж ты пей-ко, Настасьюшка, цяру всю до дна,
 Ты найдѣшь в этой цяроцьки, бывать, добра».
 Выпивает Настасьюшка мѣду сладкого,
 Прикатилса к Настасьюшки золотой перстень.
- 155 Как брала-то она перстень-от во праву руку —
 Ише перстень — Добрынюшки всё Никитиця.
 Ише тут ведь Настасьюшка обрадѣла же,
 Как скакала она цѣрез дубовой стол,
 Обняла она Добрынюшку за белу шею,
- 160 Цѣловала его в уста сахарныя:
 «Как не тот-от мой жених-от за столом сидит —
 Ише тот-от мой муж-от, где у стола стоит».
 Говорит-то Добрынюшка таковы реци:
 «Не дивлю-ту, Настасьюшка, твоей глупости».
- 165 Она пала Добрынюшки во резвы ноги:
 «Ты просьти меня <в> вины, просьти виноватую!» —
 «Я дивлю-ту только князю-ту со кнегиною:
 Ише князь-от Владимир-от у мня сватом был,

- Да кнегина-та Опраксея-то была свахою,
 170 Не прошу тебя, брателка крестового:
 Ты хотел же у жива́ мужа жону отнять,
 Ты пецелил мою-ту да рódну матушку,
 Проливала она-то да горю́щí слёзы».
 Он ведь взял-то Настасьюшку за белú руку,
 175 Он кинал-то в Олёшеньку всё булатён нож
 (*Взял из нагáлишиша.*)
 Ишше отнял Илья-та Олёшеньку Поповиця:
 «Помиритесь-ко, братьиця крестовыя,
 Вы крестовы, вы братьиця назвáнья!
 Ты поди домой, Добрынюшка, с молодой жоной,
 180 Ты поди-ко к своей матушки к родимыя,
 Ко цесной вдовы Омельфы Тимофеевны».

№ 20

- У ласкового князя у Владимёра
 Заводилось пированьицё, поцёсён пир
 Да на многих князей, на многих бóяров,
 Да на сильних могуция богáтыри,
 5 Да на всех полениць да преудáлыя.
 (*Бабы сильния, храбрыя, воевались.*)
 Они все-то на пиру да напивалисе,
 Они все на цёснóм да¹ наедалисе.
 Говорил-то восударь да Илья Муромець:
 «Нам кого, братцы, послать да на Пуцьяй-реку
 10 Принести-то холодной ключёвой воды,
 Ише тих принести да младых яблуков?»
 Говорил-то Олёшенька Поповиць млад:
 «Мы пошлём, братцы, за холодной ключёвой водой,
 Мы пошлёмте Добрынюшку Микитиця.
 15 Принесёт он холодной да ключёвой воды,
 Уж он тех принесёт да младых яблуков».
 Да пошел у нас Добрыня к своёму двору,
 Да невёсёл, повесил буйну голову,
 Уж он ниже повесил своих могущих плечь.
 20 Да стречат-то ёго да рódна маменька
 Да со той со Добрыниной молодой жоной,
 Да уж спрашиват у Добрынюшки рódна маменька:
 «Уж и шьто ты, мое да цядо милоё,
 Шьто невёсёл, повесил буйну голову?»

- 25 Разве место тебе пало² не по вотчины,
 Ели тебя хто обнесли да винной цярою,
 Разве хто тя укорил да молодой жоной,
 Разве хто тя попрекнул своей³ рódной матерью?»
 Говорил-то Добрынюшка Микитиць млад:
- 30 «Да нехто не укорил миня молодой жоной,
 Да нехто не попрекнул миня рódной матерью.
 Посылают миня да на Поцяй-реку
 Принести мне холодной да ключёвой воды,
 Ише тех принести да младых яблуков».
- 35 Да расплакалась Добрынина рódна маменька:
 «Охте, тёмнецько, тёмнецько тошнёхонько!
 На Пуцяй-то на реки да Эмия лютая
 Да сьсекёт у тя, срубит по плець голову.
 Да ⁴тебе-то⁴ дитетко, шьто же я скажу:
- 40 А не пей, мое цядо, ключёвой воды».
 Говорил в те пór Добрыня молодой жоны:
 «Ты поди-тко, моя да молода жона,
 Принеси-тко поди мне-ка триста стрел».
 Да жона-та принесла ёму четыреста.
- 45 Да заплакал Добрынюшка Микитиць млад:
 «Да не стал миня Господи-то миловать,
 Молода миня жона не стала слушати!»
 Говорила Добрынина молода жона:
 «Уж ты вой еси, моя да лада милая!
- 50 Да при времени понадобится каленá стрела —
 Ты за стрелку бы дал всё петьсот рублей,
 Ты петьсот-то рублей дал, да тебе нэгде взеть».
 Говорил ише Добрынюшка молодой жоны:
 «Уж ты вой еси, моя да молода жона!
- 55 Когда выйдёт-то мне разве шес<т> годов
 Да ише-то истекут да все двенадцеть лет,
 Ты бери тогды мой да золоты ключи,
 Ты мою-ту бери тогды золоту казну,
 Розсылай по черьквám-то, по манáстырям,
- 60 Поминай-ко тогды да душу грешную.
 Да ише те накажу, да молода жона:
 Тогды розойдет-то слава великая
 Да по всем-то по гóродам, по вьсей земли,
 Да по вьсей-то земли, по вьсей украинки,
- 65 Да засватаютьце на тебе-ка князи, бóяра,
 Уж как сильни, могуция богáтыри,
 Да засватаютьце Илья да славной Муромець —

- Не ходи ты за Илёюшку славна Муромця,
 Да посватаитьце Олёшенька Поповиць млад —
 70 Да поди за Олексеюшка Поповиця». ⁵
 Во цистом-то во поли да там шатаитьце,
 С боку на бок калика-та лягаитьце,
 Ко Добрынину дому подвигаитьце.
 Да увидяла Добрынина рódна маменька,
 75 Да отворила косисцято окошоцько:
 «Уж ты вой еси, калика перехожая!
 Не видал ли моёго цяда милого,
 Уж ты вой еси⁶ Добрынюшка Микитиця?» —
 «Уж мы пели-то, ели со одна́ блюда,
 80 Уж мы платье носили со одна плеча.
 Да преставилсэ Добрынюшка, престáрелсэ.
 Ише где-то у Добрыни молода жона?» —
 «Да сёгдне у Добрыни ето⁷ девей стол,⁸
 Да уж завтро у бедненькой смотреньицё,
 85 После завтре у ей-то будёт венценьицё». —
 «Уж ты вой еси, Добрынина рódна маменька!
 Пригласи-ко калику перехожую».
 Ноцёвала калика перехожая.
 Говорил он Добрыниной рódной маменьки:
 90 «У тя где-то Добрынины звоньцяты́ гусли?
 Мне велел поиграть он в звоньцяты́ гусли,
 Мне-ка хотьце утешить князя со кнегиною.⁹
 Доведи-тко до ихного смотреньиця».
 Да пришла-то калика перехожая,
 95 Ише села калика на песьнёй-от столб,
 Говорила калика перехожая:
 «Благослови-ко, Олексей, зыграть в звонцяты́ гусли,
 Мне утешить-то князя со кнегиною». —
 «Ты играй-ко-се, калика перехожея».
 100 По найгрышкам калика перехожея,
 По насвистышкам Добрынюшка Микитиць млад.
 «Благослови-ко Олексеюшко Поповиць млад,
 Поднести мне калики винну цяру-й-у».
 Не благословят-то Олёшенька Поповиць млад.
 105 Не глядела Добрынина молода жона,
 Подошла она к калики перехожою,
 Наливала калики цяру зелёнá вина.
 Да калика-та берет да единой рукой,
 Проздравлят Олексеюшка Поповиця
 110 Да со всем пр(оздравлят) с убранным столом,

Со всема его князми, со кнегинами,
 Выпивае(т) калика зелёнú цяру
 Да кладёт-то калика свой злацён персьтень.
 Тогда взял свою Добрынюшка молоду жону,
 115 Молоду-ту жону-то за правú руку.
 Во глаза-ти вси Олешеньки насмеялисэ:
 «Ты здорово женилсэ — тебе нé с ким спатъ!
 Тебе свадёбка стала во семсот рублей.
 Ты здорово женилсэ — тебе нé с ким спатъ!»
 120 Да не кажному жонитьба издавайтъце.

№ 20а

♩ = 96

1. Ай у лас - ко - ва кня - зя - та у Вла - ди - ме - ра

2. За - во - дилось пи - ро - ва - ны - цё, по - че - сён пир.

№ 21

А как во славном во городе во Киеве,
 Как у ласкова у князя у Владимира
 Заводилось пированьице, почесен пир
 Как на многих-то на князей, многих бояров,
 5 Как на сильних, могучих на богатырей.
 А ишо все на пиру гости напивалисе,
 А ишо все на чесном да наедалисе.
 А тут возговорил Владимир славно-киевской:
 «Нам кого послать, братцы, на Пучай-реку
 10 Привести-то живой воды, младых яблоков
 Оживит-то нам князя да со княгиною?»
 А тут возговорил Алешенька Попович:
 «Мы пошломте-ко, братцы, Добрынюшку Никитича,

- Пус<т>ь-от сходит у нас да на Пучай-реку,
 15 Пус<т>ь принесет он живой воды, младых яблоков,
 Оживим-то мы князя да со княгиною».
 А тут пошел-то Добрынюшка к широку двору,
 А тут пошел-то Никитичь очунь невеселой,
 Он свою ли буйну голову повесил
 20 Ниже тех ли он своих могучих плеч.
 Выходила к нему маменька родимая,
 А что стречала его да молода жена,
 Говорили они ему таковы слова:
 «Уж ты что же, Добрынюшка, очень невеселой,
 25 Ты свою ли буину голову повесил
 Ниже тех ли ты своих могучих плеч?
 Тебя кто укорил да молодой женой,
 Или кто попрекнул да родной матерью?
 Или место пало тебе не по вотчины,
 30 Или винной чарой тебя поприобнесли?» —
 «Меня некто не укол[ол] да молодой женой,
 Меня некто не попрекнул да родной матерью,
 А иша место пало мне по в[о]тчины,
 А ишо винной чарой меня не пообнесли,
 35 Во глаза-то мне некто не насмехался,
 А посылает меня Владимир на Пучай-реку,
 Привести-то живой воды, младых яблоков
 Оживить-то нам князя да со княгиною».
 А тут заплакала его да молода жена,
 40 Зарыдала его маменька родимая:
 «Охте-хте мне тошнехонько порато —
 На Пучай-реке Змея есть семиглавая,
 Она срубит тебе да по плеч голову.
 Ты поедешь, Добрынюшка, на Пучай-реку,
 45 Не купаися, Добрынюшка, во Пучай-реке,
 Искупаишься, Никитичь, не воротишься
 К своему ли широку двору».
 А тут говорил-то Добрыня молодой жене:
 «Ты поди-ко принеси, жена, полтора ста стрел».
 50 Та пошла да принесла ему полтретьяста стрел.
 Говорил-то Добрыня таковы слова:
 «А ишо что же это, Господи,
 Вот не стал-то Бог меня миловать,
 Молода-то жена не стала слушати,
 55 А я уиду и не буду ровно три года,
 А я ишо-то побольше да ровно шес<т>ь годов,

- А я ишо-то побольше — двенацать лет,
Тогда бери-ко ключи, моя молода жена,
Отмыкаи-ко мой да золоты ларцы,
60 Доставаи-ко-се несчетну мою золоту казну
И розсылаи-ко по церьквам да по монастырям,
Пус(т)ь поминают мою да душу грешную,
А прогремит тогда про тибя славушка великая,
1По вси земли, по всей окраины,¹
- 65 Тогда станут на тебе да сваты сватаце,
Вот засватаются на тебе князья все бояра,
Засватаются на тебе все гости, гости торговые,
И засватаются на тебе купцы новгородные,
И засватается на тебе Алёшенька Попович,
- 70 Не ходи ты не за князей, не за бояров,
Не за тех ли гостей торговых,
И не за тех ли купцей новгоро(д)ных,
А ты поди-ко за Алёшеньку Поповича».
И вот тут стал-то Добрынюшка собиратися,
- 75 Он во чистое поле отправлятися,
Снарядился он каликой перехожею,
И отправи(л)ся Добрыня во чисто поле.
Прошло тому да уж три года —
Нет Добрынюшки из чиста поля.
- 80 Вот прошло тому да уж и шесть годов —
Нет Добрыни из чиста поля.
Вот прошло тому да уже двенацать лет —
Нет Добрыни из чиста поля.
Вот идет-то Добрыня к широку двору.
- 85 Увидала его маменька родимая,
Отпирала-то окошочко косисчато,
Говорила она да таковы слова:
«Добро пожаловать, калика перехожая,
Ко мне хлеба-соли есть да вина с медом пить,
- 90 Не видал ли ты, калика перехожая,
Не видал ли моего чада милого?
Что мое-то чадо милое было несхватчиво,
Что несхватчиво было, неуступчиво».² —
«Уж мы пили-то, ели с одного блюда,
- 95 Уж мы платьце носили с одного плеча,
Хоронил я Добрынюшку Никитича,
Он оставил за то мне звончаты гусли,
А ишо где-то его да молода жена?» —
«А что его-то молода жена за Алёшеньку взамуж пошла,

- 100 Вот сегодня у Добрынихи девичь вечер,
А ишо завтра у Добрынихи будет рукобитыче,
А после завтра у Добрынихи будет венчаньице». —
«А ишо где-то его да мне о(с)таночки,
Что его-то да звончаты гусли?»
- 105 А та пошла-то да принесла ему звончаты гусли.
И пошол-то Добрынюшка на почесен пир,
И уселся Добрынюшка на печной на столб.
А что его-то молода жена сидит не весела,
Что буйную голову сидит повесила.
- 110 Говорил-то Добрыня таково слово:
«Что-то пир идет да не навесели,
Благослови-тко-се мне, князь да со княгинюеу,
Мне сыграть-то, сыграть да в звончаты гусли,
Звеселить на пиру да всех чесных гостей». —
- 115 «Ты сыграи-ко-се, калика перехожая,
По наигрышкам, калека перехожая,
По насвистышкам Добрынюшк(и) Никитич(а)».
Говорила тут его да молода жена:
«Благослови-ка мне, Алёшенька Попович,
- 120 Подать чарочку калеки зелена вина».
Наливали ему чару зелена вина,
Не великую, не малу — в полтора ведра.
А ишо брал-то Добрыня единой рукой,
Выпивал-то Никитич единым духом,
- 125 И спустил-то он ей в чарочку злачён перстень.
Тогда брал он ей да за праву руку.
Тогда вел он ей из пира богатырского,
Говорил-то Добрыня таковы слова:
«Отсмеял я насмешочку поболе всех,
- 130 Вот не каждому жени́тба да издаваласе,
И не каждая жена да мужу правду сказыват».

№ 22

- Как не белая березёнька к земле клонитце,
Единородной-от доброй молодец перед матушкой низко кланяется,
Как могучой наш руськой богатырь-от,
Как Добрынюшка Микитич млад,
5 Говорил тогда Добрынюшка рódной матушки:
«И благослови-ко меня, рódна матушка,
Ты чесна вдова Амельфа Тимофеевна,

- Мне-ка съездить-то далече во чисто полё,
 Во чисто полё, в широкоё роздольцо,
 10 На Пучай мене речку быструю,
 Мне-ка съездить, млáдому, да покупатисе».
 Говорила тогда Добрынюшки рóдна матушка,
 Как чесна вдова Омельфа Тимофеевна:
 «(И)а да чадо ты моё млáдоё,
 15 Уж ты млáдоё моё же всё любимое,
 Ишше как Пучай-от речка быстрая,
 И то есть у ней да три струёчки:
 Как перьвая-то же струечка очунь быстрая,
 Ишше как-то огненно пламя пышет-то,
 20 А как вторая-та же струйка всё ровно как столб огненной,
 Как третья-то струйка очунь быстрая,
 Не купайсе ты же, Добрынюшка Микитич млад,
 Ты послушай своей же да родной матушки:
 Не купайсе ты, Добрынюшка, нагím телом».
 25 Благословила тут Добрынюшку рóдна матушка,
 Провожала его Микитича далёшенько.
 Как поехал скоро Добрынюшка Микитич млад,
 Он поехал-то на Пучай да речку быструю,
 Приезжал скорó Добрынюшка Микитич млад,
 30 На Пучай же он на реченьку быструю,
 Ишше скоро он розделсе же нагím телом,
 Он спускалсе скоро-то да во Пучай-реку́,
 Он купалсе-то Добрынюшка он долгёшенько,
 Ишше же захотелосе Добрынюшки,
 35 Захотелосе всё же Микитичу
 На серóй камешочик посидеть же ему,
 Посидеть же, отдохнуть да дóбру мóлодцу,
 Всё могучему же русьскому богáтырю,
 Ишше смотрил же тут Добрынюшка Микитич млад
 40 Он на все-то четыре же всё на стороны,
 Он во летную смотрял да всё, во северну,
 Он в восточную смотрел стороночку, во западную.
 Как со западной сторонюшки туча тучилась,
 Туча грозная же всё да подымаласе,
 45 И не дождь дождил, не всё погодушка же великая падала,
 Налетела тут-то Змея да Змея лютая,
 Змея лютая же, всё же она проклятая.
 Она говорила Добрынюшки Микитичу:
 «Я летаю ишшу Добрынюшку Микитича,
 50 Я теперь тебя, Добрынюшка, водой затоплю,

- Я теперь тебя, Микитича, во свои возьму хоботы змеинья,
 Унесу я тебя на съеденьицо на те ли горы Сарачиньские
 Я к своим же всё малым тебя змеёнышам».
- Говорил тогда Добрынюшка Микитич млад:
- ⁵⁵ «Ах ты Змея, ты же да всё проклятая,
 Ты не хвастай-ко, Змея да всё же лютая,
 Ишше как же мне тебе да Осподь вьдаёт».
- Как укурнул-то Добрынюшка Никитич-то,
 Он укурнул взял на доньшко,
- ⁶⁰ Ко бережку крутому же выкурнул,
 Выбегал скороб, выскакивал на добра коня,
 Одевал скороб на себя платёе богатырьскоё,
 А ишше надевал-то Добрынюшка
 На себя скоро он же латы богатырьские.
- ⁶⁵ Он скакал скороб на своего коня на богатырьсково,
 Он поехал-то скороб далече да во чьсто полё,
 Он стегал-то своего добра коня же всё,
 Он своего шелковой всё же плётчккой,
 Настыгла-то Добрынюшку Никитича,
- ⁷⁰ Как настыгла-то его жадна Змея лютая,
 Змея лютая проклятая:
 «Ты теперь у мня, Добрынюшка, в моих в руках,
 Я теперь тебя, Добрыня, в хоботы возьму в змеинья,
 Я теперь тебя, Добрынюшка, на раз сголону».
- ⁷⁵ Унесу я тебя, Добрыня, на ти ли горы Сарачиньския,
 Ко своим-то я ко малым-то ко деточкам,
 Я ко малым ко змеёвишам».
- Ишше тут-то Добрыня Микитич брал,
 Уж он брал-то в руки плётчку семишолкову,
- ⁸⁰ Ишше ахнул-то взял он Змею же лютую,
 Он ушиб ей, взял-то три крыла змеёных-то,
 Они тут-то взяли друг с другом съезжалисье.
 Как Добрынюшка Микитич млад
 Он скакал скороб же со своёго с добра коня,
- ⁸⁵ Со добра коня да с богатырьского,
 Они бой держали с Змеєю,
 С Змеёй проклятою,
 Они боролись с Змеёю, всё же браталисье.
 Как свалил-то-взял Добрынюшка Никитич млад,
- ⁹⁰ Он свалил-то-взял же Змею да всё проклятую
 Он на матушку её да на сыру землю,
 Он садилсе-то скакал на чёрны груди,
 Он хотел у ей пороть да груди чёрные,

- Вынимать-то же хотел у ей да ретивó серцо́.
- 95 Ишше лютая Змея тогда змолиласе,
Она змолиласе Добрынюшки Микитичу:
«Ты не губи-ко-се меня, Добрынюшка Микитич млад,
Мы положим-ко, Добрынюшка, с тобой заповедь,
Уж мы заповедь с тобой да всё великую:
- 100 Тебе, Добрынюшка, не ездить на ти горы да Сарачийския,
Не губить-то моих же да малых деточек,
Ишше тех ли всё моих змеёнышей,
Мне не лететь-то же боле на святую Русь,
Не носить-то мне боле руських людей.
- 105 Назову я тебя, Добрыня, старшим братом-то,
Я тебе теперь, Добрыня, младшою сестрой».
Тогда Добрынюшка Никитич млад
Он поверил-то Зме́й лютою,
Зме́й лютою проклятою.
- 110 Ишше Добрынюшка же был да очунь же мла́дой он,
И Микитич же ума-разума не крепкого,
Он поверил Змеи лютою,
Думат: «Ладно ето б́удёт же».
Он спускал-то её скоро же,
- 115 Подымаласе Зме́й да Зме́я лютая,
Змея лютая проклятая,
Высоко да подняласе всё под нёбеса,
Выше лесу-то она стоячего,
Выше облако ходячего,
- 120 Полетела она, сама похвастала:
«Я полечу теперь в славной Киёв-град,
Унесу я князя Владимирера
Я любиму-ту его племянницу,
Ишше мо́лоду Забаву доць Путятисьню».
- 125 Полетела тогда Змея проклятая
Она во славной-то во Киев-град.
Во ту пору, во то времечко
Как ходила молодая-то
Как Забава дочь Путятисьня,
- 130 Она со нянюшками, со мамушками,
Она гуляла-то в зеленóм саду.
Она схватила ей Зме́й лютая,
Зме́я лютая проклятая,
Ишшу мо́лоду Забаву доць Путятисьню
- 135 Во свои же крылья змеинья,
Унесла же на горы Сарачийския

- Ко своим она к маленьким змеенышам.
 Во ту же пору, в то же времечка
 Красно солнышко Владимир-князь
 140 Стал ыскать-то он свою любимую племянницу,
 Ишше мóлоду Забаву дочь Путятисьню,
 Он негде не мог ей не найти же всё.
 Ише зачал Владимир клікать-кликати,
 Призывать-то стал волшебницей —
 145 И те-то не могли сыскать ее.
 Сбирал тогда князь же Владимир же,
 Сбирал же он почесен пир,
 Зазывал-то всех богатырей могучих-то:
 Ишше кто можот достать его любимую племянницу,
 150 Ишше мóлоду Забаву доць Путятисьню?
 И тут на пиру-ту у князя у Владимира
 И нехтó-то не мог зыскать, сказать.
 Как на том-то пиру сидел же тут,
 Как сидел-то Алёшенька Попович млад,
 155 Говорил-то он ко князю Владимиру:
 «Уж ты ой еси, князь Владимир же,
 Ты Владимир-князь же Святослаевич,
 У Добрынюшки с Змеей да была заповедь у его полóжена:
 Ишшо не летать-то Змеи лютой на святую Русь,
 160 Не носить-то боле людей да всё русьских же,
 А Добрынюшке не ездить на те горы Сарачийския,
 Не топтать-то ее змеенышей малых деточёк».
 Э тогда говорил-то князь Владимир-от:
 «Уж ты ой еси, Добрыня Микитич млад,
 165 Уж ты съезди, достань мою племянницу любимую,
 Ишше мóлоду Забаву дочь Путятисьню».
 Тут ставал Добрынюшка Микитич млад,
 И ставал скорó из-за тех ли столичков окольних же,
 Выходил же скорó из-за столов же вон,
 170 Ишше князя-то Владимира благодарил его,
 Ишше за́ хлеб его, за́ соль,
 И пошел домой Добрыня Никитич нерадосьнёй,
 Он нерадосьнёй пошел да всё невёселой
 Ко своей же он да к рóдной матушки,
 175 Ко чеснóй вдовы Амельфы Тимофеевны.
 А как стречала его да рóдна матушка,
 И как Амельфа Тимофеевна,
 И говорил тогда Добрынюшка Никитич млад,
 И говорил-то он своей-то рóдной матушки:

- 180 «И ты пошто меня, родима моя матушка,
И мяя бессчастного Добрынюшку спородила?
А и мне накинуп он службу великую,
А и мне накинуп он службы великую,
А и мне-ка съездить-то на те горы Сарачийския,
- 185 И к проклятой-то мне съездить Змеи проклятоу,
К как достать-то, привезти от ей его любимую племянницу,
Ишше ту ли-то Забаву-ту дочь Путятисьню».
И тут заплакала Добрынюшкина да родна матушка.
И как чесна-то всё вдова Амелфа Тимофеевна вот говорила,
- 190 А во слезах-то она речь ему говорила:
«Уж мой мило ты моё чадо милоё,
А и чадо милоё моё же ты любимое,
А и ты Добрынюшка у мяя да всё Микитич млад,
А и я спородила тебя да млада Добрынюшку,
- 195 Э и без родителя-то я возростила тебя, батюшка,
А я без князя-то Никиты-то Ивановича,
Э и я скажу тебе, Добрынюшка Микитич млад,
Э и ты поди-ко-се во конюшенку стоялоу,
И где стоит-то твоёго-то дедушка родимого конь,
- 200 Он стоит у мяя зарошшен полуколен в назиму,
А и как насыпано у него пшеници белояровой,
И ты бери, бери его, коня же дедушкова,
А и как дедушков же конь да очунь бойкой был,
Вот и он можот-то он съездить на ти горы Сарачийския,
- 205 Притоптать-то может у Змеи проклятой всех змеёнышей.
И тут пошел скоро Добрынюшка Никитич млад,
И ишше брал скоро со спички узду серебрянную,
И надевал-то на коня да всё дедушкова,
И выводил-то он коня добра из конюшонки,
- 210 И надевал на его узду да повод-от шолковой-от,
И вон насыпал-то к добру коню пшеници белояровой,
И сам заходил-то в конюшенки княженеские,
И ко родимой ко своей же он ко матушки,
И ко чесной вдовы к Омельфи Тимофеевны.
- 215 И говорила тогда Добрынюшки родна матушка:
«Уж ты ой еси, моё да чадо милоё,
А и чадо милоё моё да ты любимое,
А и што скажу тебе я да всё поведаю:
А и ты возьми, возьми-ко-се да семишолковую,
- 220 А и семишолкову возьми да ты же плеточку,
А и твой родной-от батюшка без плеточки не еживал,
А она можот-то тебя выручить от лютой Змеи».

- И ишше брал-то же Добрыня от рódной матушки,
Ишше брал-то он плёточку шелкóвую.
- 225 И говорила-то Добрынюшки,
Говорила ему да рódна матушка:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Никитич млад,
Уж ты будёшь на тих горах да Сарачиньских же,
Ишше будёшь бой держать да всё с лютой Змеёй,
- 230 Ишше будёшь со Змеёй же ты же боротисе,
И боротисе будёшь с Змеёю да воеватисе,
И победишь же ты да Змею лютую,
И Змею лютую да всё проклятую,
Вот от крови-то будёт всё от змеиною,
- 235 И мать сыра земля да всё наполнитсе,
Не подымать-то ее крови будет всё змеиною
Ишше матушка да всё сырá земля,
И ты ударь-ко, ударь же мать сырú землú,
Ишше три же раз ударь да проговори же ей:
- 240 „Ты роздайсе, росступись, да мать сырá земля,
И прими-ко, прими да кровь змеиную”».
И тогда Добрынюшка Микитич млад,
Он же падал рódной матушки да во резв́и ноги,
Как чесной вдовы Омельфы Тимофеевны,
- 245 Благословляла его да рódна матушка,
А она сама же всё слезно плакала,
И провожала его да рódна матушка
В путь-дорожочку же всё во дальнюю,
И провожала она да слезно плакала.
- 250 И вот поехал-то Добрынюшка Микитич млад.
Ехал Добрынюшка да по чистú полю,
По широкому он ехал всё роздольицу,
Повстречаласе с Добрынюшкой да Змея лютая,
Змея лютая да всё проклятая:
- 255 «А и Добрынюшка да ты Никитич млад,
У нас была-то с тобой заповедь же клáдэна,
Что те не ездить боле-то на те горы да Сарачийския,
Не топтать-то, не бить моих да малых деточёк,
И ты не по слову, Добрыня, всё же делаёшь». —
- 260 «Ах ты Змея, ты Змея да лютая,
Змея лютая да ты проклятая,
Ты зачем, проклята Змея ты лютая,
Не по слóву ты сама сделала?
А улетела же ты да в славной Киёв-град,
- 265 Унесла у князя ты да у Владимира

- И унесла у его любиму племянницу,
 Ишше молодую Забаву доць Путятисьню!»
 И тут Добрынюшка да всё Никитич млад,
 Он же брал-то брал в руки да саблю вострую,
 270 Саблю вострую да богатырьскую,
 Он махнул-то же саблей вострою,
 Он отшиб у ей-то шесть хоботов змеиных-то.
 Ишше тут Змея лютая,
 И тут лютая Змея да всё проклятая,
 275 Она падала на матушку да на сырú землю.
 Он скакал, Добрынюшка, скорó да на сырú землю,
 И тут брал он же хотел пороть у ей да груди черные,
 Вынимать-то хотел у ей ретивó серыцó.
 И как он у ей не верил сушши правды-то,
 280 И он порол у ей скорó да груди черныя,
 И тут не спрашивал ее он мóлья-та.
 (Она к нему взмолилась, чтобы оставил в живых.)
 И вот спорол у ей же да груди черныя,
 И от крови-то было змеиною
 И мать сыра́ земля наполнилесе,
 285 Ишше тут-то его добрóй конь,
 И стоял-то он полуколен в крови,
 И так не может Добрынюшка кровью убраться.
 Ишше тут она Добрынюшке наказывала,
 Ему наказывала его да рóдна матушка:
 290 «Ишше хто бóдет-то убьёшь-то ты Змею проклятою,
 И ударь, ударь ты плёточкой шелкóвою,
 Ишше три-то раз во матушку сырую землю».
 И проговорил Добрынюшка да змеиным голосом,
 Ударил в землю он да сам возгóворил:
 295 «Ты росступись-ко-се, ты мать да ты сыра́ земля,
 Ты прими, прими же кровь же ты змеиную,
 Што змеиную кровь же проклятую!»
 И тут три-то раз-то Добрынюшка хлопнул же
 Он по матушки да по сырой земле,
 300 Тут убралась скоро же кровь змеиная
 И как во матушку да всё да во сырú землю.
 И тут Добрынюшка скоро всё Никитич млад
 Он скакал скоро на своего добра́ коня,
 На добра́ коня скакал да богатырьсково,
 305 Он поехал скорó на те горы да Сарачийские,
 Он к малым-то да всё змеенышам,
 Ишше стал-то он приезжать да к нóрам ко змеиным-то,

- Ишше стал-то он топтать да всех змеенышей,
 А ишше топтать стал своим да всё добрым конем,
 310 Ишше топчѣт-то его доброй конь,
 Ишше от шшоточок-от с ног да всё их стряхиват,
 И вон перебил их, штоптал да до единого.
 Заходил-то же он да скоро в ти норы да змеинные,
 Он шел-то, увидел-то же в той пешшеры,
 315 А и пешшеры-то же всё змеиною
 Как стоит-то князева любима племянница,
 Ишше та ли Забава дочь Путятисьня.
 У ей у белых грудей всё да по змеёнышу,
 Ишше ссут у ей ея груди белыя.
- 320 А ишше тут Добрынюшка Микитич млад,
 Ишше брал он Забаву дочь Путятисьню
 За белы руки всё ей из норы да всё змеиною,
 И садил-то ей на добра коня ее,
 На добра коня садил да на богатырьского,
 325 И повез-то ей в славной Киев-град,
 Ишше князю-то повез да ко Владимиру,
 Ишше вез-то же ей да молоду Забаву доць Путятисьню,
 И говорила тогда Забава доць Путятисьня:
 «Уж ты ой еси, удалой да доброй мóлодецъ,
 330 Я не знай тебя же как назвать по имени,
 По имени назвать же, по отечесьву».
 Ишше говорил Добрынюшка Микитич млад:
 «Уж ты ой еси, молода Забава дочь Путятисьня,
 Меня зовут-то же Добрынюшкой,
 335 Меня Добрынюшкой зовут же всё Микитицем». —
 «Э и как я за твою заслугу за великую,
 Назову тебя, Добрынюшка, да родным брателком,
 За твою ли услугу я, Добрынюшка,
 А я, Микитич млад, иду за тебя в замужесьво».
- 340 Говорил тогда Добрынюшка Микитич млад
 Ишше мóлодой Забавы дочери Путятисьни:
 «Уж ты ой еси, Забава доць Путятисьня,
 Ты же роду ты всё да княженеськово,
 Ишше князя Владимира племянница,
 345 Ишше брать-то мне тебя да всё не под линию,
 И я привезу тебя к родимому дядюшки,
 Я ко князю ко Владимиру да Святослаевичу.
 И ты я сдам тебя к ему на руки!»
 Ишше тут-то же приезжал Добрынюшка,
 350 Приезжал же да всё Микитич млад,

- И он привозил ко князю ко Владимиру.
 И стречал-то их Владимир-князь же Святослаёвич,
 Он стречал-то их же с радости, с весельица.
 И сдал Добрынюшка Микитич млад,
 355 Он же сдал-то князю Владимиру на́ руки,
 А сам поехал же он далече во чистое́ полё,
 Во чистó полё, в широкоё в роздольцо.
 Увидал Добрыня во чистом полí
 Ишше проехано у богáтыря могучого,
 360 А проехано, да земля вся же выворочона,
 Ишше поехал Добрынюшка доганивать,
 И поехал Микитич настыгать скорé —
 Ишше какой ето ездит же богáтырь же,
 По чисту́ полю́ да ездит, полякуёт?
 365 Он настиг скорó же он богáтыря.
 Во чистом полí ездит богáтырь-от,
 И то не богáтырь-от сидел на кони, да как сenná куча,
 Вертел-то свою палицу булатною,
 Выше лесу кинал-то он стоячего,
 370 Ишше сам же он всё да приговаривал:
 «Я кинаю свою же палицу булатную,
 Ес(т)ь ли супротив меня силой, богáтыря,
 Ишше ежду я да по чисту́ полю́!»
 И не богáтырь тут же был да не могучей же,
 375 Поленица-та была же всё да преудáлая,
 Э преудáлая поленица-то Настасья-та,
 Шо Настасья была да дочь Никулисьня.
 Она ездит-то по чисту́ полю́,
 Она ишшот себе да суженого-ряженого,
 380 И суженого-ряженого да себе же жениха она,
 И он(а) не можот негдé розыскать же себе.
 Подъезжал-то Добрынюшка Микитич млад
 Ко Настасьи-то же он да ко Микулисьни,
 Он же хлопнул своей палицею булатною
 385 Во ту шляпу на головы же у ей.
 Эта шляпа-то была ей да Земли Греческой,
 И весом-то у ей шляпа да девяносто пудов.
 Ишше хлопнул, ударил Добрынюшка
 Он Настасью-ту же доць Микулисьню,
 390 И сидит Настасья-та доць Микулисьня,
 С буйной головы колпак да не своротитсе.
 Э ишше тут-то Добрынюшка Микитич млад
 И призадумалсе же он да призаплакалсе:

- «Видно у мя, Добрынюшки, силы стало да не по-старому,
 395 Не по-старому сталó всё, не по-прежнему».
 Тут стоял сырой-от дуб да всё же он,
 Он ударял в дуб во всей же мах,
 Он росшиб этот дуб на мелки части весь,
 Ишше тут-то взял опеть да на второй же раз,
 400 Он поехал на Настасью же Никулисьню,
 На поленицю-ту поехал на преудалую,
 Он изо всей силы хлопнул, сколько надобно,
 Она сидит же всё да на добра коня,
 Она сидит же всё да не ворóхнется,
 405 Не ворóхнется, назадь не оглянется.
 А и тут-то Добрынюшка да призадумалсе,
 Призадумалсе Никитич, призаплакалсе:
 «Видно, у мя, Добрынюшка, силы сталó да не по-старому,
 Не по-старому сталó силы, да не по-прежнему».
 410 Тут стоял, лёжал во чистом поли,
 А лёжал-то серой белой камешок
 Ишше век-то по веку да без шевелимости.
 Он ударил серой камешок же всё,
 Он росшиб-то его да ишше всё.
 415 Тут же сделал же напуск во третей же раз,
 Он поехал опять на поленицу преудалую,
 Он же хлопнул своей палицой булатною,
 А сидит поленица на добром кони,
 Она-то сидит-то на кони да не ворóхнется,
 420 Она назадь-то же всё оглянитсе:
 «Я думала, што лютыя комарики покусывают,
 Но же так же руськия богатыри пошалкивают».
 Она скакала скоро да со добра коня,
 Она хватала Добрынюшку да за жолты кудри,
 425 Она кинала Микитича в кожаной мешок
 И привязывала да ко своему копыю да богатырьскому.
 Как повез-то ее же всё доброй конь
 И как саму-ту Настасью всё Никитишну
 И богатыря Добрынюшку Никитича с конем.
 430 Проговорил-то ей да всё же доброй конь:
 «Уж ты ой еси, моя хозяйюшка любимая,
 А поленица же ты да преудалая,
 А ты Настасья же доць да всё Микулисьня,
 Не могу я тянуть всё по чисту полю,
 435 Ишше двух-то вас я же всё богатырей».
 И тогда Настасья всё же тут Микулисьня

- Говорила же тут да таковы слова:
 «Как против меня богатырь же всё силою,
 Я спушшу тогда его да всё на белой свет,
 440 А как красотой-то же богатырь супротив меня,
 А я тогда же полениця преудáлая,
 А и я тогда за его да я замуж пойду,
 А как не супротив меня богатырь —
 Я на долонь положу́,
 445 На долонь-то положу, другой сверьху прижму,
 Не оставлю я его да на овсяной блин».
 И тут выпускала-то Настасья доць Микулисьня
 И выпускала из кожанá мешка,
 И тогда-то ей понравился Добрынюшка,
 450 А и как Добрынюшка же ей да всё Никитич млад.
 «И уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич млад,
 И я же ежжу-то по чисту полю поленица же,
 И я же ежжу-то я сколько-то годичков,
 Я ишшу-то себе сужоного-ряжоного,
 455 А и не могу-то негде да отыскать же себе.
 И отыскала я тебя да всё Добрынюшку,
 А отыскала я тебя да всё Микитича,
 А и красотой-то ты же со мной же парной же,
 А уж ты силой-то со мной да очунь сильней же,
 460 Я теперь-то за тебя за Добрынюшку взамуж иду!»
 И как повез Добрынюшка да всё Микитич млад,
 Он повез Настасью дочь да всё Микулисьню
 Ко своей-то он же да к родной матушки,
 И ко честной вдовы Омельфы Тимофеевны.
 465 И тут стречала-то Добрынюшкина родна матушка
 Она с радости-то стречала его, с весельица
 Со Настасьей со Никулисной,
 И проводила их во высокия новы горницы.
 И тут на радости-то было у честной вдовы,
 470 Как у Амельфы Тимофеевны,
 Тогда скоро-то Добрынюшка Микитич млад
 Он пошел скорó ко князю ко Владимиру,
 И он пошел ему сказать: «Да всё же я, же я».
 Он сказать, штобы шел он к ему же тысяцким,
 475 А княгину Апраксенью-королевисьню же свакою.
 Ишше тут-то князь Владимир Святослаевич
 Он стречал Добрынюшку Микитича,
 Он стречал-то, ему да низко кланялсе:
 «Проходи-ко-се, едиородной доброй мóлодец,

- 480 Ты по имени Добрынюшка Никитич млад,
И ты ко мне же в полати в княженеськия
Посидеть попить у мя же всё, покушати,
Ишше сладких же водочок попить же всё».
А ишшу тут-то князь и собиралсе же он да одевалсе же
- 485 В дорогоу пла́тье да княженеськоё,
Со княгиней с Апраксеньей-королевисьной
Они скоро да одевалисе,
А пошли к Добрынюшки да всё Никитичу,
А заходили к Добрынюшки да на широкой двор,
- 490 На ты ли на высоки нóвы горницы.
Тут Добрынюшку же всё Никитиця,
Повезли же их да во Божью церкóвь,
Ишше Богу-ту их да всё помолитисе,
Золотые венцы да держати им,
- 495 И чудной крест да им же да человати же.
И скоро Добрынюшку Микитича
Зáчали попы-отцы же всё духовные,
Все причетники же всё церковныя
А они венчать-то стали Добрынюшку Микитича да со Настасьёю,
- 500 А ишше тут-то они скоро повезли же их
А ко Добрынюшкиной рóдной матушке,
Пречесна-чесна Амельфа Тимофеевна.
Ище шли у Добрынюшки да пиры весёлыя,
Ишше тут же пировали они же чинно-то.
- 505 И проздравлял-то Добрынюшку Никитича
Ишше князь Владимир его со княгинею,
Ишше тут-то Добрынюшка Микитич млад,
Оне немного-то же сидели кушали,
Ишше кушали сидели, веселилисе,
- 510 Ишше все они с пиру с веселого розъехались.
Ишше тут Добрынюшка Никитич млад
Он же жил со Настасьей со Никуличной,
И три денёчка с нею только прожил-то.
И тогда князь Владимир собирал почесной пир,
- 515 Зазывал-то всех могучих руських всё богатырей:
Ишше же съездить-то же кто можот во Чахово, во Ляхову?
Ишше в ту же прокляту Литву,
И в прокляту Литву да всё поганую,
Ко тому ли ко его тестю к любимому,
- 520 Ишше тому ли королю да Верьхоминскому,
А очистить чудь да белоглазую же всё,
А и белоглазую чудь да долгополюю,

- И очистить да у его короля да Верьхоминьского?
 Ишше все на пиру призагунули,
 525 Ишше призагунули все, братцы, да призамолкнули,
 Ишше от старшого ответу не было,
 А от средней-от тулилсе за младшого,
 А и как от младшого же ответу всё князю не было.
 А ишше тут-то за столами-то сидел же всё
 530 А единойродной доброй мóлодец Алёшенька,
 А шшо Левонтъевич Алёшенька Попович он,
 Он сказал-то всё князю-ту Владимиру,
 А и Владимиру-ту князю Святослаёвичу:
 «Как и можот-то ведь съездить-то во Чахово,
 535 А как во Чахово, во Ляхово,
 А и ко его-то ко любимому ко тестю-то,
 А как ко тому королю да Верхоминьскому
 А и как Добрынюшка Никитич млад».
 Ишше-то накинывал нашо красно солнышко,
 540 Как Владимир-от князь да Святослаёвич
 Службу великую Добрынюшке, немалую,
 А и как съездить-то к ему-то к шурина любимому,
 А и ко тому ли королю да Верхоминьскому,
 А как очистить-то чудь да белоглазую,
 545 А ишше белоглазую чудь да долгополую.
 А тут накинывал князь на Добрынюшку службу великую.
 А как Микитич-от Добрынюшка не мог усидеть,
 А и он не мог-то за столами-ти за окольными,
 И он повесил буйну голову с могучих плеч,
 550 А покатались у его да из очей ясных-то
 А горячи слезы из глаз его — заплакал же.
 И он пошел скоро да к своей к рóдной матушки,
 Ко чесной вдовы ко Омельфы Тимофеёвны.
 И приходил-то Добрынюшка к рóдной матушки,
 555 А ко чесной вдовы к Амельфы Тимофеёвны,
 И говорил тогда Добрынюшка Микитич млад:
 «Уж ты ой еси, моя да рóдна матушка,
 Ты чесна вдова Амельфа Тимофеевна,
 Ты пошто меня несчастного спорóдила,
 560 А на белой-от свет да всё порóстила?
 Лучше спородила меня ты, рóдна матушка,
 А чесна вдова Амельфа Тимофеёвна,
 Во чистом поли меня же всё прекрасным чистым деревом,
 Я стоял бы, прекрасное да деревцо,
 565 Уж я век бы по веки да без шевелимости.

- А и к етому деревцу съезжаютце
 Все могучия же русьския богатыри,
 Я стоял бы век по веки без шевелимости.
 Ишше тут бы меня, родна матушка,
 570 Ты чесна вдова Амельфа ты же Тимофеёвна,
 Ты спородила да меня да во Пучай-реки,
 На Пучай-то реки лежит серой же камешок,
 Он же век лежит да без шевелимости.
 И лучше бы, моя матушка меня родимая,
 575 А несчастного на сём светі не спородила!»
 Тут заплакала его да родна матушка,
 Как чесна вдова Амельфа Тимофеёвна:
 «Я же рада тебя, дитяtko, спородити
 Уж я учасью-таланью в Илью Муромца,
 580 Уж я рада тебя, дитяtko, спородити
 Я-то как хитросью в царя в Солóмана,
 А как я рада тебя же, дитяtko, спородити
 Я богасьвом-ту в Садка да Новгородского,
 Ишше рада я тя, дитяtko, спородити
 585 Уж я смелосью в Алёшеньку Поповиця,
 Я же тебя же, дитяtko же, всё спородила
 Вежоством-то тебя в самого-то Добрынюшку Никитича,
 А боле мне-то во статьяx да Господь дити не дал же,
 Мне-ка не дал Осподь, боле да не пожаловал».
 590 И тогда побежала ёго родна матушка,
 Побежала она скоро во высоки свои новы горьницы,
 А и ко богоданному своёму она дитяtko,
 И ко Настасьи-то она до ко Микулисьни:
 «А и ты богоданно моё любимо ты дитяtko,
 595 Ты Настасья у мня да свет Никулисьня,
 А и ты што во высоких новых горницах,
 А и во подвальшах сидишь-то во широких же,
 А над собой ты невзгодушки не ведаёшь, —
 И уезжат-то укатитсе нашó да красно солнышко
 600 За крутыя горбы высокия,
 А за темны-ти леса да всё дремучие,
 А и он во неверны-ти земли поганья,
 А и он ко тому ли королю да Вельхоминьскому.
 Ты бежи скорее ко моему да чаду милому,
 605 Ты ко милому моёму любимому.
 А как к Добрынюшке бежи скорé Микитичу,
 И он у нас же всё же на широкóм дворі.
 И ты говори Добрынюшки да со упадкою,

- Со упадкою да со великою,
 610 И садись-ко-се, Добрынюшки, да с права стремяшка,
 И так садись к ему же ты близёшенько,
 Говори же ему да же ты жалёшенько,
 И ты спреси в его, его же всё же то,
 А ко́гда домой б́удёт да когда путь дёржа́ть?
 615 Э и ты спреси у его да у Добрынюшки Микитиця».
 Скоро Настасья-та доць Никулисьня
 <О>на ставала скоро да на резвы́ ножки,
 Недосуг-то Настасьи-то Микулишни
 Одеватисе же ей да оболокатисе,
 620 Побежала она в одных беленьких чулочках без башмачок-то,
 В о́дной беленькой рубашочки без пояса
 Тогда ко своему-ту да Добрынюшки Микитичу,
 Ко своему-ту супругу она верному,
 Она верному да неизменному.
 625 <О>на заходила-то же всё да со правá стремечка,
 Как научала ее да ро́дна матушка,
 Как чесна вдова Амельфа Тимофеёвна,
 Говорила она ему да со упадкою,
 Со упадкою да со весёлою:¹
 630 «Уж ты ой еси ты, мой супруг ты верной же,
 Уж ты верной супруг мой неизменной же,
 И ты куда б́удёшь домой, когда путь дёржа́ть,
 Когда велишь же мне тебя да дожидатисе?»
 Говорил тогда Добрынюшка Микитич млад
 635 Он своей-то же всё да молодой жоне,
 А и Настасьи-то всё же он Никулисьни:
 «Уж я жив будú, я назадь буду,
 А не жив будú — да ждать меня нечего.
 И тут же подожди меня, Настасья дочь Микулисьня,
 640 Подожди меня, Добрынюшку, ты три годá,
 А три года я не приеду, ишше жди еще три годá,
 А через шесть годов не буду, жди еще три годá,
 А через девять годичков я не буду да из чистá поля,
 Не ожидай тогда меня, Настасья дочь Никулисьня,
 645 И тогда живого меня не б́удёт же.
 А тогда тебе, Настасья, воля вольня,
 Воля вольня да хоть вдовой сиди,
 Хоть вдовой сиди да хоть взамúж поди,
 Хоть за князя поди да хоть за боярина,
 650 Хоть за купца поди гостя́ торгового,
 Хоть за хресьянина поди да за прожитосьнего,

- А не ходи взамуж только за Алёшеньку Поповиця,
А за бабьёго не ходи просмешницька,
Ты послушай своего супруга милого,
655 Ты Добрынюшки послушай всё Микитича».
И прошшале Добрынюшка да с молодой женой,
С молодой женой Настасьей со Микулисней,
И прошшале Настасья дочь Микулисня
Она беленьким платочком-то Добрынюшки Микитичу,
660 Горючима-ти слезами обливаласе.
И тут скоро ли далёко время катитсе,
Всё равно как речка же всё же быстрая,
И как зеленá трава растёт шелкóвая,
И год за годом скоро же катитсе.
665 Тут наехал Алешенька да из чистá поля,
Он скорбím гонцом да и сказоват
И ишше князю-ту же всё Владимиру,
Што нету Добрынюшки во живности:
«Я же видел Добрынюшку,
670 Лёжит да во чистóm полí убит,
А буйна голова у ёго вся пристрёлёна,
А воронá-ти тело бело всё его разносили по чистú полóу».
Э и тут прошла-ка весть по всему же городу Киеву,
И дошла-то весть до его до рóдной матушки,
675 А и до чеснóй вдовы Амельфы Тимофеевны.
И тут заплакала его рóдна матушка,
Она плакала, ревела о чаде миленьком,
А о Добрынюшки она же всё Микитичи.
И тогда Алёшенька Поповиць млад
680 Говорил-то же он князю Владимиру:
«Уж ты ой еси же, красно нашо солнышко,
Ты великий князь Владимир Святослаёвич,
И ты поди-ко же сватайсе на Настасьи же Микулисни,
Я желаю ее взять за себя взамуж».
685 Тут же красно солнышко Владимир-князь
А не ослышилсе, скорó да стал сбиратисе,
Одевал на себя же шубочку да соболиную,
Одевал он же шляпочку пуховую,
Одевал же сапожечки сафьянныя,
690 И пошел же он ко чеснóй вдовы Амельфе Тимофеевне.
Заходил-то к ей скорó во комнаты,
Говорил-то же ей он таковы слова:
«Уж ты ой еси, чеснá вдова Амельфа Тимофеевна,
Я пришел к тебе, к твоей любой снохи,

- 695 А ко богоданному твоему же дитятку,
 А ты отдай, отдай же ей взамуж за Олёшеньку Поповиця.
 А и уж как нету Добрынюшки во живности,
 А как наехал Алёшенька Попович млад,
 Из чиста поля наехал он скорым гоньцем,
- 700 А и привез-то мне же весточку нерадостну:
 Ишше нету Добрынюшки во живности,
 И лёжит-то Добрыня во чистом поли,
 Во чистом поли да под ракивов куст,
 А-й буйна голова у Добрынюшки пристрелёна,
- 705 У Микитича же всё белó тело у воронов розношено».
 Э тут заплакала чесна вдова Амельфа Тимофеевна:
 «Я не знай того, князь Владимир, дёла же,
 Я не могу дёржать ей,
 А сама про то знает и про то ведаёт,
- 710 Ище пусть она сама тебе скажот же».
 Тут пошел же ко Настасьюшки Микулисни,
 Заходил-то к ей во горницы высокия,
 Во подвальши заходил всё же он широкие
 И говорил-то Настасьи-то Микулисне:
- 715 «Уж ты ой еси, Настасья дочь Микулисня,
 А поди-ко замуж за Алёшеньку Поповиця».
 И говорила Настасья дочь Микулисня,
 Говорила же князю всё Владимиру:
 «Уж ты ой еси же, князь Владимир красно солнышко,
- 720 Подожду еще же я Добрынюшку же три годá,
 Мне тогда што будёт, тогда подумаю».
 Тут пошел же князь Владимир скорó домой.
 Ишше год за годом всё равно как речка текёт,
 Ишше как река текёт да как же трава растёт,
- 725 И прошло тóму времени да три же годичка,
 И как у всёго исполнилось да шесть же годичков,
 Приезжал скорó Алёшинька да из чиста поля,
 Привозил óпять весточку нерадосьню.
 «Уж я проведал, нашо красно солнышко,
- 730 Я, Владимир-князь да Святослаёвич,
 Ишше нет Добрынюшки в живых негдé.
 И ты поди скорé же, красно солнышко,
 Ты Владимир же князь да Святослаёвич,
 Ты засватайсе на Настасьи на Микулисни,
- 735 И нет Добрынюшки да нет Микитича,
 И нет Добрынюшки да нет во живности,
 А лёжит Добрыня во чистом поли.

- Я достовер узнал тепере — нет его.
 А ты поди, поди, князь же всё Владимир же,
 740 Ты засватывай Настасью дочь Микулиснию».
 А тут пошел же князь же Святослаёвич
 Он ко чесной вдовы к Омельфы Тимофеевны,
 Заходил-то в ее терём в высокие,
 А во те ли во горницы во новыя
 745 А ко той ли к Настасьи ко Микулисни,
 Говорил-то ей же князь да всё Владимир-от:
 «Ты же всё, Настасья же Микулисня,
 Ты надумалась взамуж итти за Алёшеньку да за Поповиця?»
 А и как прошло тому времечка да девять годицьков,
 750 Она исполнила наказаньице Добрынино,
 И она же спомнила же всё Микитича,
 Она пошла взамуж да не за князя, не за боярина,
 Не за купца пошла она за богатого,
 Не за хресьянина пошла да за прожитосньёго,
 755 Она пошла взамуж за Алёшеньку Поповиця,
 Она за бабьёго пошла же всё просмешшицька.
 И пошли пиры у их да всё навесели
 У князя в дому да всё Владимира.
 Ишше в ту пору, во то же времечка
 760 Ехал Добрынюшка во чистом поли.
 Он поставлен был белой шатёр полотненой,
 Как он спал крепко же сном же богатырьским же.
 И тут забил Добрынюшки его же доброй конь
 Он своею-то же ножкой правою,
 765 И загремел-то же сильне же,
 Розбудил от сна Добрынюшку Микитича.
 Скоцил Добрынюшка Никитич скоро на резвыи ноги,
 Ишше брал-то скоро он плеточку шелковую,
 Ишше бил коня своего он богатырьского:
 770 «Ах ты волчья сыть да травяной мешок,
 Ты зачем мене не даёшь да всё же пролежатисе,
 А мне поспать-то же всё да отдохнуть же мне».
 Тут говорил Добрынюшки его же добрый конь,
 Ишше доброй конь его да богатырьской он:
 775 «А и ты не бей меня же, мой хозяин мой любимой же,
 А и Добрынюшка же тогда всё Микитич млад,
 А как у тебя любя да молода жона,
 Как любя семья да молода жона,
 Настасья-то доць да всё Микулисня,
 780 Она взамуж пошла да за Олёшеньку,

- И за Олёшиньку пошла да за Поповица,
 А за бабьего пошла да за просмешничка».
 Тут скакал скорó Добрынюшка да на резвѣ ноги,
 Он же кланялсе добру коню да во праву ногу:
- 785 «Уж ты конь ты мой, да лошадь добрая,
 Ты вези-ко скорé меня же домой».
 И тут живо садилсе Добрынюшка Никитич млад
 На своёго-то же он да на добра коня,
 А и поехал скорó да лошадь добрая,
- 790 Ишше стал реки-озёра перескакивати.
 И приехал Добрынюшка да к рóдной матушки,
 Ко чеснóй вдовы ко Амельфы Тимофеевне.
 Он стучал стоял да у крылечушка,
 У крылечушка стоял у крашóново,
- 795 И не отпираёт ему двери рóдна матушка.
 Он не спрашивал у двери не караульшичков,
 Проходил же мимо их да не долаживался,
 Открывала двери ему да рóдна матушка,
 Открывала она да слезно плакала:
- 800 «Ище ой еси, удалой доброй мóлодец,
 А и ты наехал же из чистá поля, да скоморошина,
 Не спросил ты моих же всё придворничков,
 Ты придворничков да караульшичков,
 А надо мной, чеснóй вдовой Амельфой Тимофеевной,
- 805 А ты посмеиваешьсе же всё надо мной.
 У мя было бы моё живó да чадо милоё,
 Чадо мило моё любимоё,
 У мя Добрынюшка же был у мне Никитич млад,
 Недосут бы тебе надо мной сиротиною смеяться».
- 810 И заплакала Амельфа Тимофеёвна.
 Говорил тогда Добрынюшка Микитич млад,
 Говорил-то же он да рóдной матушки,
 Всё чеснóй вдовы Омельфы Тимофеевны:
 «Уж ты ой еси, моя ты рóдна матушка,
- 815 Ты чеснá вдова Амельфа Тимофеевна,
 А ишше я твоё да чадо милоё,
 Я, Добрынюшка, приехал всё Микитич млад,
 Я из той земли неверною, из поганю,
 От того ли короля да от Верхоминьского,
- 820 Я очистил-то же всё да чудь да белоглазую,
 Белоглазую чудь да долгополую».
 Тут не верила да рóдна матушка,
 Как чесна вдова Омельфа Тимофеевна:

- «Моё-то чадо мило было очу́нь красивой,
 825 А у меня у Добрынюшки ли́цко было очу́нь белоё,
 У его шшочки-ти же были как же маков цвет!»
 Говорила Добрынюшки да рódна матушка,
 А как чесна вдова Амельфа Тимофеевна:
 «На моём-то дитятки была одежда-плáтьё цвётноё,
 830 А у тебя же одежда всё же рваная.
 У моёго-то чада милого Добрынюшки Никитича
 А была у его на головы-то шапочка пуховая,
 А у тебя же она да всё рваная.
 У моёго-то чада милого любимого
 835 И были сапожечки на ножечках сафья́ныя,
 А у тя сапожки на ножочках всё рваныя».
 А как говорил Добрынюшка да рódной матушки,
 Как чесной вдовы Амельфы Тимофеевне:
 «Уж ты ой еси, моя да рódна матушка,
 840 У меня бело лицо да красным солнышком да опекло же всё,
 А частым дожжичком да всё смочило же,
 Ветрами буйныма у меня да всё завеяло,
 Цвётно платьицо о сучьё да всё повырвало,
 Ишше всё частым дóжждем смóчило,
 845 Ишше всё оно у меня истлело же —
 Девять годочков же пóры тóму времечка!» —
 «Я не верю, скоморошина, что ты моё чадо,
 Чадо милоё Добрынюшка Микитич млад!» —
 «Уж ты ой еси, моя же рódна матушка,
 850 Ты неси мене же, матушка родимая,
 Мне умыть-то же всё да ли́це белоё,
 Учесать же мне да рúсы кудри же,
 Ты неси мене же, татушка родимая,
 А и дорогого же мне-ка всё да плáтьё цвётноё,
 855 Одеться мне да посредитисе».
 И возговóрила тут Добрынина же рódна матушка,
 Как чесна́ вдова Амельфа Тимофеевна:
 «А у моёго-то же дитятка былó родимого
 А как у Добрынюшки у меня былó Микитича
 860 А и на правóй груди же у его приметочка,
 А и как предметочка была у его рако́винка,
 А и как рако́винка была у его родимо пятно».
 И тут показал-то же Добрынюшка рódной матушки,
 Как чесной вдовы Амельфы Тимофеевне,
 865 А и тут поверила тогда его да рódна матушка,
 Как чесна вдова Амельфа Тимофеевна,

- А она поплакала-то горючимá слезами же.
 «Уж ты гой еси, родима моя матушка,
 А ты чесна́ вдова Амельфа Тимофеевна,
 870 Где моя да молода жона,
 А молода жона моя Настасья-то дочь Никулисна?» —
 «А твоя-то молода жона замуж пошла,
 А она за Алёшеньку пошла да за Поповицзя,
 А она за бабьёго пошла да за просмешницъка.
 875 Ишше сватал-то же ей ходил князь Владимир-от,
 А ишше сватом-то же был да князь Владимир же,
 Ишше свахою Апраксенья-королевисня.
 А у них идут-то теперь свадьба-та веселая,
 А у них ко венцю скорó итти им во Божьи церквы́».
- 880 А говорил тогда Добрынюшка Микитич млад,
 Говорил-то же он да рóдной матушки:
 «Уж ты ой еси, моя да рóдна матушка,
 Ты чесна́ вдова Омельфа Тимофеёвна,
 А неси-ко ко мне-ко плáтьё скомороцкоё,
 885 Я оденусь-оболокусь скоморошиной,
 Ты неси мои гусли́ веселые,
 Э весёлы гусли́ же всё, игромья,
 А ты неси-ко скорé же мне сюда».
- Приносила Добрынина да рóдна матушка,
 890 Ишше пошел Добрынюшка Микитич млад
 Он ко князю-то пошел да ко Владимиру
 На почесен пир же всё да на веселый-от,
 Заходил же во грины княженеськие,
 Где сидел-то князь Владимир со обручёныма,
 895 А и за столами-ти сидели да за окольными,
 А и за скатертями-ти сидели всё браныма,
 А за ёствами сидели всё за сахарныма,
 Они пили-то сладки же водочки,
 А и сладки водочки сидели пили заморские.
- 900 Заходил тогда Добрынюшка всё во кнёжеськи во грины,
 Он крест-то клал да по-писáнному,
 Он же поклон-то вел Добрынюшка да по-ученому,
 А к(ы)нязю со княгиней низко кланялсе.
 Говорил-то Добрынюшка Никитич млад,
 905 А и как же тут-то говорил он же да таковы слова:
 «Уж ты князь Владимир свет да Святослаевич,
 Ишше где нашó местó скомороцкоё?» —
 «Вашо место же скомороцкоё, —
 Говорил тогда князь ему Владимир-от, —

- 910 А и как на пецьки же всё да на муравленки».
 Заскочил Добрынюшка Микитич-от
 Он скорó на печеньку да на муравлену,
 Заиграл-то же во весёлы гусли,
 Э ишше играл-то же он да всё выигрывал,
- 915 Он выигрывал да наговаривал
 Ишше князю-то Владимиру да со княгиною
 Со Апраксеньей да всё же королевисней:
 «Вам не стыдно ли, князь Владимир-от,
 Ты Владимир-князь же всё да Святослаевич,
- 920 А княгиня Апраксея-королевисня,
 У живá мужа всё жону отнять
 А как за Алёшиньку отдать да за Поповиця,
 И за бабьёго же всё же всё просмешничка!»
 И князь Владимир не знат, не понимал нецего́,
- 925 Поняла его да молода жона,
 Ишше та ли Настасья дочь Никулисня:
 «Ета игра — играют как Добрынюшка Микитич млад!»
 И она поняла же всё же, всё выглядывала,
 Она поглядывала да всё посматривала,
- 930 Она слушала игрý же всё веселья,
 Поняла-то всё, шшо он да выговаривал.
 Она умом своим да всё подумыват:
 «У мне прежде так ыграл мой супруг любимой он,
 Как Добрынюшка же у мня Микитич млад,
- 935 Ты позволь-ко, нашо красно солнышко,
 Мне подать-то скоморошины же чарочку да меду сладкого!»
 И дозволил ей же князь Владимир Святослаевич,
 Подавала Настасья дочь Никулисня,
 Подавала-подносила своему-ту мужу милому,
- 940 Мужу милому, Добрынюшки Микитичу,
 Подносила ему да низко кланялась.
 Ишше брал Добрынюшка-то чарочку-ту золоченую,
 Выпивал эту чарочку до дна же всю,
 Он во чарочку клал да золотой перстень,
- 945 А и которым он же с ей да обручались,
 А как со именём былó да со отечесьвом,
 И говорил-то Добрынюшка Микитич млад,
 Он же князю-ту же всё Владимиру:
 «Уж ты ой еси, красно солнышко,
- 950 Ты Владимир же князь же Святослаевич,
 Мне дозволь-ко налить же чарочку да золочёную,
 Мне подать-то же всё Настасьи-то Микулисни».

- Говорил-то Владимир Святослаевич:
 «Уж те полная воля, скоморошина,
 955 Наливай-ко чарочку ты ей да золочёную».
 Наливал Добрынюшка Никитич млад,
 Подносил-то чарочку да золочёную
 Он своей-то же к молодой жоны,
 А и к Настасьи же да все Микулисни:
 960 «Уж ты ой еси, Настасья дочь Микулисня,
 Уж ты выпей чарочку дóсуха,
 А ты выпьёшь — и найдёшь добро,
 А не выпьёшь чарочки — да не видать добра».
 Тут брала Настасья дочь Никулисня
 965 Она брала от Добрынюшки да чарочку да золоченую,
 Она меду-то брала сладкого,
 Выпивала же чарочку дóсуха она,
 Она же увидела да золотой перстень,
 Он, которой с нею обручались,
 970 Тогда надевала Настасья дочь Никулисня,
 Одевала на свою да руку правую,
 Выходила из столичков окольных же,
 Ко своему мужу любимому,
 Ко Добрынюшки же она Микитичу,
 975 Она падала ему во праву ножечку,
 Она прошшалась ему да со слезами же:
 «Ты прости, прости меня, моя ты лада милая,
 Лада милая моя, любимая,
 Ты Добрынюшка же всё Микитич млад,
 980 Я по твоёму же слову я не сделала,
 Не по твоёго приказаньицу же не исполнила,
 Я пошла взамуж за Алёшеньку Поповиця,
 Я за бабьёго пошла да всё насмешницька,
 А прости меня да виноватую,
 985 Пред тобой я дела да не исполнила».
 Говорил тогда Добрынюшка Микитич млад:
 «Я не дивлю-то умú да умú бабьёму,
 У бабы волос долгой, да же ум короткой-от,
 А куды бабú ведут, туда баба́ идёт,
 990 А куды бабú везут, туды она ёдёт.
 А дивлю-то князя Владимиру,
 Со княгыной дивлю Апраксеньёй же да королевиснёй,
 Они у жива́ мужа да жону́ отняли,
 Жону́ отняли же ей, засватали
 995 За Алёшеньку же всё Поповиця,

- И за бабьёго же всё просмешницька!»
 Тут же князь Владимир со княгиней сидят молчат.
 Выходил тогда Алёшенька <и>з-за стола же вон,
 Он же падал-то Добрыни во резвы́ ноги:
- 1000 «А и ты прости, прости меня, да крестовой брателко,
 Ты, Добрынюшка, прости меня, Микитич млад,
 А-й посидел я возле любу твою семью же всё,
 А и возле любу посидел да молоду жону,
 А и возле ту ли я Настасью дочь Микулиснию».
- 1005 И говорил тогда Добрынюшка Микитич млад:
 «А я прошшаю за то тебя, брателка крестового,
 Я Алёшенька тебе да всё Поповиця,
 Я не прошшаю тя за то, што ты ездил-то,
 Уж ты ездил далече во чисто́ полé,
- 1010 А и привозил-то всё же весточку нерадостну
 А иише князю-то Владимиру да со княгиною.
 А моя матушка родима об мя же плакала,
 А и как чесна́ моя вдова Амельфа Тимофеевна,
 А она слезила-то своё да лице́ белоё,
- 1015 А она портила свои да очи ясныя,
 А и обо мне-то она же моя да́ родна матушка!»

№ 23

- И во городи во Киеви
 Ище жил-то был могуч русьской богатырь-от,
 Ище на́ имя Добрынюшка Никитич млад.
 Ище была-то у Добрыни-то родна матушка.
- 5 А ище во ту по́ру, да во то времячко
 Ище красно нашо солнышко Владимир-князь
 Сбирал же князь Владимир всё почесен пир,
 Сбирал же он князьей-бояр московских он,
 Сбирал же он ведь могучих руських богатырей.
- 10 Он ведь всех-то он усаживал за дубовы столы,
 Он за скатерти усаживал за браные,
 Он поил же их ведь и всех ведь до́пяна.
 Сам ведь красно-то солнышко Владимир-князь
 Он по полатам белокаменным похаживал,
- 15 С ноги на ногу манежно переступывал,
 Золотыма-ти он шпорами набрякивал,
 Светлорусима-ти кудрями он отряхивал.
 Говорил же князь Владимир таковы слова:

- «Уж вы князья-та бояре да всё московские,
 20 Ише сильныя могучия всё богатыри,
 Сослужите мне-ка службу да службу верную,
 Службу верную же мне да неизменную:
 Ише хто ведь съездит из вас да в прокляту в Литву,
 В прокляту Литву же съездит, да в неверну землю,
 25 Ко тому ли ко поганому Идолищу
 И отрубит-то ему да буйну голову».
 Ише все тут на пиру да призадумались,
 Ише все тут на почётном призагнули,
 Ише средней-то ведь прячется за старшого,
 30 А старшой-то прячется за младшого,
 А от малого ответу во всё не было.
 Ише с того из стола да из-за дубового
 Поднималсе тут ведь и руськой могучой богатырь-от,
 Ише молодой Алёшенька Попович млад:
 35 «Уж ты гой еси, нашо красно солнышко любимый князь,
 Я скажу тебе ведь и правду, да правду сущую:
 Только сможет съездить туда дородней да доброй молодец,
 Ише руськой-от могучий богатырь-от,
 Ише младый-от Добрынюшка Никитич млад». —
 40 «Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитич млад,
 Сослужи-ко ты мне службу, да службу верную,
 Службу верную ты да неизменную».
 Тут пошел у нас дородней да добрый молодец,
 Ише младенький Добрынюшка Микитич млад,
 45 Он пошел же к своей маменьки родимою,
 Он подвесил буйну голову с могучих плеч,
 Его стречала ведь тогда да родна маменька,
 Говорила ведь ему да таковы слова:
 «Уж ты ой еси, ты мое да чадо милоё,
 50 Чадо милоё мое да всё любимое,
 Ишше молодой Добрынюшка Никитич млад,
 Ишше што же ты с пиру пришел не веселой всё?
 Ты повесил буйну голову с могучих плеч?
 Или кто тебе на пиру да насмеялсе же,
 55 Или место на почётном очень низко было?» —
 «Ише ой еси ты, ты маменька родимая,
 Мне нехто на пиру не насмеялсе же,
 Ише место-то на пиру было высокое,
 Только наложил на меня да красно солнышко
 60 Красно солнышко Владимир-князь,
 Он наложил на меня да службу тяжелую,

- Надо съездить да мне-ка, мѳлодцу, в прокляту Литву,
 В прокляту Литву мне ехать, в неверну землю,
 Ко тому ли ехать ко поганому Идолицу».
- 65 Тут собиpалсе наш дородней доброй мѳлодец
 Ище млáденькой Добрынюшка Никитич млад,
 Снаряжал ведь он коня да богатырьсково,
 Ище брал же он седельшко церкальскоѳ,
 Ище брал он себе да саблю вострую,
- 70 Ище брал же он кѳпье да брасуменское,
 Ище брал он себе палицу буѳвую.
 Роспрошшалсе он тогда да с рѳдной маменькой,
 Роспрошшалсе-то он тогда да с молодой женой,
 С молодой женой с Настасьей да со Микулишной.
- 75 Тогда сказала-то ему да молода жена:
 «Уж ты ой еси, Добрынюшка Никитич млад,
 Ты когда велишь мне дожидаться да из чистá поля?» —
 «Ты ведь жди меня, Настасья да дочь Микулишня,
 Ты ведь жди-ко меня ровно да ровно три гѳда́,
- 80 Через три гѳда́ не приеду, жди ровно шесть-то лет,
 Через шесть лет не приеду, тогда тебе да воля вольная:
 Ты вдовой сиди тогда, хошь ты взамуж пойти,
 Ты за пахаря иди, хошь за кресьянина,
 Хошь за князя ты иди, хошь за боярина,
- 85 Хошь за руськово могучего богатыря.
 Токо не ходи взамуж ты, Настасья да дочь Микулишня,
 Ты за бабьево не ходи-ко за просмешшичка,
 Как за молода за Алёшу за Поповица».
 Тут ведь не видели дѳбра мѳлодца собираючи[сь] —
- 90 Только видели дѳбра мѳлодца поезжаючи,
 Во чистѳм-то поли́ ведь только да куревá скутилá.
 Как прошло-то тѳму времени ровно три гѳда́,
 Приезжает тогда Олѳша из чистá поля,
 Он привозит тогда весточку нерадостну,
- 95 Будто убит лежит Добрынюшка во чистѳм пѳле:
 Ёго косточки дождѳм-дождѳм повывыло,
 Ёго тело ветры буйныя завейли.
 Тут посылает он ведь и князя-та Владимира,
 Тут посылает он за себя да князя-та Владимира
- 100 Засватать за себя да молоду жену,
 Молоду жену Настасью да дочь Микулишню.
 Тут пошел, пошел ведь нашо-то красно солнышко,
 Ище красно солнышко Владимир-князь,
 Он пошел же ведь ко Добрыниной рѳдной матушки:

- 105 «Уж ты здрастуй, здрастуй, Добрынина рódна матушка,
Я пришел к тебе ведь с весточкой нерадошной:
Как приехал у нас Алёша да из чистá поля,
Он ведь видел, лежит убитым, нашего могучого богáтыря,
Еще мóлода Добрынюшку Никитича.
- 110 Пришел свататься к тебе да на твоей да на любимую,
На любимой на твоей да на невестки-то,
Ише на молодой Настасьи да на Никулишне,
Ты отдай, отдай ее во замужество
Как за руського могучево богáтыря,
- 115 За Алёшеньку отдай да за Поповича». —
«Я даю ведь же я же ей волю вольною,
Пускай идет она за пахаря, за кресьянина,
За князя пускай идет, хоть за боярина,
Хоть за руськово могучево богáтыря».
- 120 Тут говорила ведь Настасья да дочь Никулисьня:
«Не пойду я взамúж ровно да ровно девять лет,
Через девять лет, если не придет Добрынюшка Никитич млад,
Я пойду тогда ведь взамúж да за Алёшеньку».
Ведь прошло тому же времени ровно девять лет,
- 125 Тогда пошел у них ведь и пир да всё на радости,
Пошел тогда ведь и пир у них на вёсели,
Ише князь-от был Владимир ведь сватом же,
Апраксенья-та и княгиня да бýла свахою.
Во ту порú да во то времячко
- 130 Ишше ехал наш дородней да доброй мóлодец,
Ишше руськой-от могучой-то богáтырь-эт,
Ишше молодой Добрынюшка Никитич млад.
Захотелосе Добрынюшке отдохнуть тогда,
Разбивал же тут Добрынюшка белóй шатер,
- 135 Он ложился тогда спать да во белóй шатер,
Тогда его-то ведь же конь да богатырьской же,
Он забил ведь копытом да во сырú землú,
Говорил он тогда да голосом человеческим:
«Вот ставай теперь, ставай, Добрынюшка Микитич млад,
- 140 Ты у себя-то ведь невзгодушки не знаешь себе,
Как твоя-то ведь же дома-ти любá семья,
Ише любá твоя семья да молода жена,
Ише молода Настасья-та Микулисьня,
Она выходит у тебя да во замужество
- 145 За того ли она за бабьего за просмешничка,
За того ли за Олёшу да за Поповиця».
Тут скакал ведь всё Добрынюшка на резвú ноги,

- Он садилсе же тогда да на добра коня,
 Он поехал ведь ко городу ко Киеву,
 150 Он поехал ко своей да родной матушке.
 Уж приехал тут Добрыня да к родной маменьки,
 Стала спрашивать тогда да ёго маменька:
 «Ты скажи-ко-се, скажи, да доброй мо́лодец,
 Ты ведь едешь-то, наверно, да из чиста поля,
 155 Не видал ли где моёго да чада милого,
 Чада милово моёго да всё любимого,
 Ишше молода Добрынюшки Никитича?» —
 «Уж ты ой еси, моя маменька родимая,
 Ето я ведь сам Добрынюшка Никитич млад».
- 160 Тут возговорила тогда да родна маменька:
 «У моёго-то у Добрынюшки Никитича
 На право́й груди была да всё ведь родинка». —
 «Ишше ой еси, ты маменька родимая,
 Дай умытьсе мне скорёшенько ключевой водой,
 165 Дай же мне ты ведь и платя да скомороцково,
 Дай-ко, дай-ко мне ты гуселки огромые,
 Я пойду ведь всё на свадьбу да ко Олешеньки к Поповицю».
- Тут пошел же Добрынюшка Никитич млад,
 Тут пошел же ведь Добрынюшка Никитич млад,
 170 Он садилсе да Добрынюшка на печку да на муравлену,
 Он заиграл тогда Добрынюшка в гусли огромые.
 Тогда Настасья ведь дочь да всё Микулисьня,
 Она узнала ведь, што тут играет Добрынюшка Никитич млад,
 Тогда говорила она да таковы слова:
- 175 «Уж ты ой еси, да наше красно солнышко,
 Ише красно солнышко Владимир-князь,
 Ишше дай же мне испить да чару меду сладково,
 Поднести-ко мне калики да пережоого».
- Тут возговорил князь Владимир да стольнё-киевской:
 180 «Уж ты ой еси, Настасья да дочь Микулисьня,
 Я позволю тебе испить да меду сладково,
 Поднести тебе калики да пережоую».
- Подносила тогда Настасья да дочь Микулисьня,
 Подносила тогда к Добрынюшке чару меду сладково,
 185 Ише брал тогда Добрынюшка одной рукой,
 Выпивал тогда Добрынюшка за единой дух,
 Он спустил тогда во чару да свой златой перстень.
 Тогда увидела Настасья да дочь Никулисьня,
 Ишо етим перстнем обручились они с Добрынюшкой Никитичем.
- 190 Она брала тогда Добрынюшку за белы руки,

- Целовала она в уста его сахарныя,
 Говорила она князю да таковы слова:
 «Уж ты ой еси, нашо красно солнышко Владимир-князь,
 Ишше не тот мой жених, который за столом сидит,
 195 Ишше тот ли мой жених, который со мной стоит,
 Ише молодой Добрынюшка Никитич млад.
 Проговорила ведь Настасья да дочь Микулисьня:
 «Ты прости, прости, Добрынюшка Микитич млад,
 Што не исполнила твоёго я приказаньица,
 200 Я пошла-то всё взамуж за бабьего просмешшицька,
 За того ли за Алёшу да за Поповича». —
 «Я прощаю тебя, Настасья да дочь Микулисьня,
 Ведь у бабы-то ум же корóток всё,
 Как у бабы-то волос длинной, ум корóток.
 205 Токо дивую ведь я князю-ту Владимиру,
 Ведь дивую я княгины да Апраксении,
 Как не стыдно им у жива мужа жену же всё отнять».
 Тогда скакал ведь тут Алёша да на резвьи ноги,
 Он ведь кланялся тогда Добрынюшке Никитичу:
 210 «Ты прости, прости меня, Добрынюшка Никитич млад,
 Што посидел я рядом с твоей да ведь с любóй семьёй,
 Што посидел с любóй семьёй, с твоей же я да с молодой женой». —
 «Я прощаю тебя за это, Алёшенька Попович млад,
 Токо не прощаю тебе, што ты говорил-то моей родной маменьки».
 215 Отрубил он тогда Алёши да буйну голову.

№ 24

- У князя у Владимира все-от на пиру да наедалисе,
 Ишше все напивалисе.
 Князь-от Владимир ходил по горницам,
 Он русыма кудрями принатряхивал,
 5 А белыма руками принамахивал,
 Тросточкой в пол приколачивал,
 Сам говорил да таковы слова:
 «Уж вы ой еси, князья-бóяра,
 Вы могучие богатыри,
 10 Поляници вы все преудáлы,
 Вы съездите ко мне да на Пучай-реку
 За холодной ключевой водой
 Нам да со княгинушкой умытисе».
 Во второй раз сказал и во третьей раз:

- 15 «Уж вы ой, князья-бояра,
Вы могучие богатыри,
Съездите-ко вы да на Пучай-реку
За холодной-то ключевой водой
Нам да со княгинушкой умытисе».
- 20 Старшой-от князь хорóнитсе за среднего,
Средней хоронитсе за меньшего,
А от меньшего ответа нет.
Тут сидел Добрынюшка Микитич млад
На белодубовой скамеечки,
- 25 Он сказал тут да таковы слова:
«Уж ты ой еси, князь Владимир стольно-киевской,
Ты позволь-ко словó сказать,
За словó-то миня помиловать». —
«Говори¹-ко-се, что тебе надобно». —
- 30 «Уж я съезжу-то на Пучай-реку
За холодной-то ключевой водой
Вам-то со княгинушкой умытисе».
Тогда пир разошелсе у князя у Владимира.
Домой приходил Добрынюшка невесёлой,
- 35 Тут спросила его да родна матушка
Амельфа же Тимофевисьня:
«Што ты, дитятко моё сердесьнёе,
А с пиру-то у мня пришел невесёлой?
Уж на² пиру ты сидел
- 40 Разве не по роду, не по племени,
Не по чеснým своим родителям?
Разве³ над тобой насмехалсе младой,
Или старой над тобой надругалсе?» —
«Я по роду сидел, по племени,
- 45 По чесным-то своим родитёлям,
Младой надо мной не насмехалсе,
Старой-от меня некто не ругал.
Только-то ес(т)ь у мня великая
Путь-то-дорожечка дальная.
- 50 Я похвалилсе-то князю, сказал —
Съезжу-то на Пучай-реку
За холодной я ключевой водой
Со княгинушкой им умытисе». —
«Што ты, дитятко моё сердесьнёе!
- 55 Твой ли был отець-то родитель не воин,
Он не сильней был богатырь,
Он туда не проезживал⁴

- Через три заставушки великия.
 Перва-та заставушка — горы высокия,
 60 Вто́ра ес(т)ь заставушка — леса дремучия,
 Третья-та ес(т)ь застава — некто там не прохаживал, не проезживал». —
 «Што я сказал князю Владимиру —
 Слово моё больше не вернётся».
 Заплакала матушка горючима слезами,
 65 Она пошла да в заднюю горьницу,
 Там спала его молода жена,
 Молода жена Апраксея-королевисьня:
 «Уж ты стань-ко-се, пробудисе —
 У нас сегодня несчасьецо,
 70 А несчасьецо в доми, невзгодушка!
 Поезжат у нас Добрынюшка-то всё Микитич млад
 В ту путь-ту-дорожечку во дальнюю,
 Где заставушка там великая —
 Никто не прохаживал, не проезживал».
 75 Тут скочила молода жена,
 Набежала без башмачиков в одних чулочиках,
 А без платица — в одной рубашочки,
 Забросалася ёму да на белу шею:
 «Уж ты ой, Добрынюшка Микитич млад,
 80 Уж ты не езд-ко ты в ту путь дальню дорожечку,
 Не мечи⁵ нас бедных сиротинушек!»
 Тут не слушал Добрынюшка Микитич млад,
 Он седлал-то коня да лошадь добрую,
 Он садилсе тут на добра коня,⁶
 85 Он сказал Добрынюшка Микитич млад:
 «Есьли год-от не приеду,
 Я два не буду, если три года не приеду,
 То поди в замужесьво, за кого тебе хочется,
 Хоть за князей-то поди-ко, за боярина,
 90 Только не поди за Алёшу за Поповича».
 Тут садилсе да на добра коня,
 Уезжал Добрыня Микитич млад.
 Там не конь-то бежал, только пыль одна,
 Уезжал Добрыня Микитич млад.
 95 И год-от нету, и два нету Добрыни Микитича.
 Тут стали-то сваты сватати,
 Короли на ей, князья, бояра,
 Сваталсе Алёшенька Поповиць млад.
 Она сказала: «Я выдержу же свою крепку заповедь,
 100 Не поду я взамуж целой год».

- А потом опять прошел год.
Засватались опять на Апраксеи-королевисьни
Князьё, бóяре и могучие богатыри.
Сваталсе тут Алёшенька Попович млад.
- 105 <О>на сказала: «Не пойду я взамужья,
Целой год прожду Добрынюшку Микитича».
Три годá прошло, четвёртой год,
Всё сидела она, дóждатьсе не могла.
Опять да на ей сватались
- 110 Кынязья и бояре, могучия славныя богатыри.
Сваталсе Алёшенька Попович млад,
Тут подсватывал ей князь Владимир-от.
Приезжал Алёшька из чистá поля:
«Уж я видел Добрынюшку во чистóм полí,
- 115 Голова-та его изломана,
Могучи-ти плечи росстрелены,
Тúда проростала мурава трава,
Конь-то лёжал да во ёго ногах».
Тут поверила молода жена,
- 120 Что живого-то нет Добрынюшки Микитича.
Она пошла взамúж за Алёшеньку за Поповиця.
Пíры-ти шли у йих на вёсели.
На пиру все напивалисе,
Ишшо все-то на пиру да наедалисе.
- 125 Во ту порú, во то время
Ехал Добрынюшка Микитич млад,
Приподъезжал ко городу ко Киеву.
Конь у его да потыкается.
«Уж ты что же, мой конь да лошадь добрая,
- 130 Уж ты что же идешь да потыкаишьсе?»
Ему-то отвечат:
«У нас в домí несчасьцо,
А несчасьцо ес<т>ь, невзгодушка —
Твоя да молода жена пошла в замужество».
- 135 Тут Добрынюшка Микитич млад
Он заехал к бабушки-задворёнки:
«Уж ты ой еси, бабушка-задворенка,
Я вставляю у тибя коня да лошадь добрую,
Я уйду во город, во Киев-град,
- 140 Если мой конь, лошадь добрая,
Он соржет, открой ему ворота широкия».
Пошел тут Добрынюшка Микитич млад
Ко своёмu домú ко вдовы ко бедною,

- Выходил под косицята окошечко:
 145 «Уж ты ой еси, Амельфа Тимофевисьня,
 Ты подай-ко мне милóстынку спасёную,
 Ты не ради меня подай, а ради своего сына,
 Ради своего сына Добрынюшки Микитича».
 Тут отвечала Амельфа Тимофевисьня:
 150 «Уж ты как знашь моего сына Добрынюшку Микитича?» —
 «Уж как я-то не знай, как мы жили в пустыни ровно три годá,
 Хлеб-от соль кушали с одного блюда,
 Платьице-то носили с одного плечá,
 А тогда мы с Добрынюшкой побрáтались,
 155 Мы побрáтались, покрестóвались
 Мы тимá крестами животворящими».
 Тут заплакала рóдна матушка,
 Завела калику переходжую,
 Напоила, накормила калику переходжую.
 160 Тогда заплакала, рассказала про своё несчасьицо,
 Про несчасьицо, невзгодушку:
 «Ты скажи-ко Добрынюшки Микитичу,
 Што его молода жона пошла в замужесьво
 А за Алёшу-ту за Поповиця». —
 165 «Уж ты ой еси, Амельфа Тимофевисьня,
 Уж ты дай-ко-се мне да звончатых гуслей,
 На которых играл Добрынюшка Микитич млад.
 Я пойду схожу да на почесен пир,
 Поиграю да звончаты гусли». —
 170 «Я не дам, не смею дать,
 Унесешь ты звончаты гусли, не принесешь». —
 «Я оставлю тебе крес<т> животворящий».
 Тогда дала ему да звончатых гуслей
 Поиграть-то на почесном пиру.
 175 Тут ушел калика переходжая
 Он-то к Олешеньку к Поповицю.
 Становилась калика во дверной угóл,
 Становили калику во песьнёй,
 Тут смотрял, как сидела ёго жона да за убрáныма столами,
 180 Говорил да таковы слова:
 «Вы позвольте-тко мне поиграть да в звончаты гусли,
 Ты позволь, Алешенька Поповиця млад!»
 Они дозволили поиграть калики переходжею,
 Перехожею-переброжею.
 185 Заиграла калика переходжая
 В те да звончаты гусли.

- Тут сидела его молода жена,
Она думушку думала крепкую —
Будто по наигрышкам Добрынюшка Микитич млад,
190 По насвистышке Добрынюшка Микитич млад.
Тут она попросила Алёшеньку Поповича:
«Ты позволь-ко мне налить чарочку не малую,
Ты не малую — великую, не великую — да полтора ведра».
Тут дозволил Алёшенька Попович млад
195 Налить чару не малую — полтора ведра.
А примала калика одной рукой,
Выпивала перехожа на единой дух —
Язык оммочило, серье не облило.
Тут задумалась да молода жена.
200 А стоял да говорил таковы слова:
«Уж ты ой еси, Алёшенька Попович млад,
Ты позволь-ко-се мне поиграть звончатых гуслей».
Не хотелосе Алёшеньки Поповичу,
Но он дозволил ради своей да молодой жоны.
205 Заиграл Добрынюшка Микитич млад
Он во те-то да звончатый гусль.
Она тогды-то сидит, догадаласе,
Она крепку-ту думу думала,
Что по наигрышкам будто Добрынюшка Микитич млад,
210 По насвистышкам Добрынюшка Микитич млад.
<О>на сказала ише Алёшеньки Поповичу:
«Ты позволь мне еще чару налить немалую».
Наливала чарочку ту немалую — полтора ведра,
Подавала калики перехожою.
215 Примала⁷ калика одной рукою,
Выпивала калика перехожа на единой дух:
«Вот сейчас у мя⁸ язык-от оммочило, серье облило».
Тут клал он свой злачен перстень:
«Вот которым, помнишь, мы с тобой венчалисье,
220 Етим перстнем с тобой мы обручалисье».
Брал за руку ей за правую,
А Алёшеньки-то сказал:
«Ты здорово-то, брат, женилсе,
Тибe не с ким спать!
225 Если ты мне не крестовой бы брат,
То отсек бы у тибя я буйну голову!»

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА (№ 25—32)

№ 25

Как во городи было во Муроми, во селѣ-то Карачееви, а жил-то Иван да Тимофеевич. Родилось у его да чадо милое, чадо милое Илеюшка. Рос-то Илеюшка тридцеть лет — некакой отцю-родители помощи не было, не пособлял — всё на печи сидел. Мать-та у ёго ушла садов полоть. Вдруг пришло под окошочко две калики перехожая, перехожи две калики, переброжая, сами

⁵ говорят да таковы слова, таковы слова да таковы речи: «Уж ты гой еси, Илеюшка сын Ивановичь! сойди-ко-се со печки с кирпичня». — «Уж вы гой еси, калики перехожая! Не могу-то я сойти с пецьки-муравленки: не служат мои ножки резвья; сижу-то я равно тридцеть лет». — «А где твой-от отець-батюшко?» — «Мой отець-батюшко да полё чистить, а ломать дубье с кореньем из матушки из сырой земли». — «А пойди, — говорят, — запустыти нас в дом свой, отворь нам да

¹⁰ краснó крыльце». — «А куды я, братцы, пойду, коль не могу я на ноги стать?» — «Спустыти-ко ты резвыи ноги с пецьки». Стал-то он ногами пошевелявать, стал он ноги поздынывать — у его ноги не по-старому, не по-прежнему. Стал-то Илеюшка на резвыи ноги, пошол-то Илеюшка на новыи сени, отворил им крыльчѣ, запустыл-то калик да перехожих. Заходили-то калики к Ильи Муромцю в светлы светлицы, во столовы новы горьници. Говорят-то калики таковы речи: «Уж ты

¹⁵ гой еси, стара ты старыньшина! Нет ли у тебя пивця да нам напитисе?» Взял-то он пивнү чашу, шол он на погреб, чедил-то пива хмельнёго; нацедил-то он пива хмельнёго, принес-то каликам перехожима. Как попробовали калики пива хмельнёго. — «На-тко, выпей, Илеюшка, от нас да пива хмельнёго». Взял-то Илеюшко братыню с пивом хмельниим, выпивал-то братыню на единой дух. Спросили: «Шьто в себе чуюшь?» — «Чую я силушку велику в себе». — «Начеди-ко нам вторү чашу».

²⁰ Принёс он втору чашу; дали ему калики выпить второй раз. Выпил втору чашу: «Чую я, — говорит, — в себе силу велику весьма». — «Принеси-ко, — говорят, — третью чашу». Принёс-то третью чашу; зачал пить Илеюшко третью чашу — не дали ему выпить чашу: «Не будет тебя подымать матушка сыра земля. Велику ли ты можешь силу?» — «Кабы в сыру землю был ввёрнут столб и укреплен в тверди небесной, взял бы я всю землю бы перевернул». —

²⁵ «Да, — сказали тут калики перехожая. — Будь ты богатырь — в чистом поли стоеть за веру православную». И затужил, заходил Илья Муромець: «Нет-то у меня добра коня, добра коня по моёму по личу!» Вдруг идёт человек, ведёт жеребеночка — как снегу белого, хвост, грива у ёго чёрная, весь-от в шолудях. «Как я эти буду шолуди сживать?» — «А катай, — говорит, — в трёх зорях в трёх росах утряных, вси сойдут». Приходит его родна матушка из того саду. Он сидит на печи опеть. Сама говорит таковы речи: «Надо итти нести, Ивану Тимофеевичу нести паужинать. Послать-то некого, а самой итти — недосуг». Говорит-то Илья: «Уж ты гой еси, родна матушка! Дай-ко я снесу родну батюшку». — «Как же ты хочешь нести? Нет у тебя резвых ног». Он скочил с печи кирпичня; увидала тут его родна матушка. Понёс-то в чисто полё, отцю понес паужину (он там с робочима робит). Приходит к батюшку на чишшенье; увидел

³⁵ его родной батюшко, весьма-то он обрадовалсэ, Бога тут прославил, Пречисту-ту Матерь Богородицу. Сел-то его батюшко закусывать, а пошол-то Илья Муромець дубье чистить; дубье-то рвёт из матушки сырой земли совсим с коренем. Говорит-то родной батюшко: «Этот, видно, сын у меня будет ездить во чистом поли, во чистом поли будет поляковать, и не будет ему поединщика».

№ 26

Илья Муромец тридцать лет был больной, сидел на гнобище. Однажды пришли к нему две калики (Святым Духом) и попросили напиться. Илья Муромец сказал им, что не может встать; калики велели ему попробовать. Он встал с печки и налил воды. Калики приказали ему испить самому и спросили, велику ли силу он чувствует. «Если бы было в земле кольцо, я повернул бы всю землю». Калики дали ему испить в другой раз, и силы у него убавилось наполовину. Они приказали ему стоять за веру православную и за землю святорусскую и обещали, что ему на поле смерть не писана. «Только молись Спасу и Божьей Матери», — прибавили они. Когда ушли калики, он вышел на улицу; а за дверьми лежит огромный камень; он его выворотил и отнес на сторону. Конечек-жеребчик ему из облака выпал. Тогда он поехал в Киев и дал обет-заповедь — не вынимать по дороге оружия.¹

Илья получил смерть в Киеве, в пещерах; мощи его есть за то, что за святую веру стоял.

№ 27

Ай во славном было городи во Муроми,
 Ай во том было сели да во Качарови,
 Там ведь жил-то был богатой-от хресьянин-от,
 Ай богатой-от хресьянин-от Иван да Тимофеевич.
⁵ Ему дал-то Господь сына единого,
 Ай единого сына-та любимого
 Ай по имени — Илэйко сын Ивановиць.
 Ише стал-то Илья у их пети годов —
 Шьто сидит-то он, да всё не ходит он,
¹⁰ Ише стал-то Илья да десети годов —
 А не служат у ево всё ножки резвья,
 Ище стал-то Илья и двадцети годов —
 Не несут-то ево всё ножки резвья,
 Ище стал-то Илья и тридцети годов —
¹⁵ Не несут-то всё, не служат ножки резвья.
 На печаль-то пали ево родители:
 «Шьто едино у нас цядышко убогоё,
 Да убого мое цядышко, безногоё!»
 Как пошли-то Иван свет Тимофеевиць,
²⁰ Со своей-то пошел да с молодой жоной,
 На цяжолу-ту пошли да на роботушку,
 Ай на ту ли на цежолу — хлебопашество.
 Посадили своево цяда любимого,
 Ай любимого цядышка, всё милого
²⁵ Ай того ли Илью да свет Ивановиця,
 Посадили на кирпичну всё на печоцьку.

- Говорили они ёму таки слова:
 «Ай сиди ты до нас, нешевелёмой будь,
 Не пади-ко-се ты, да не убейсе ты».
- 30 Он немного посидел-то посьле батюшка,
 Да пришли к ёму калики под окошоцько:
 «Уж ты гоё еси, ты цядышко единоеё,
 Ты едино, ты цадышко любимоеё,
 А по имени ты всё Илья ты всё,
- 35 По очётесьву да всё Ивановиць!
 Ты подай-ко ты милосътину спасёную,
 Ай напой-ко-се нас да пивом хмельниим,
 Хмельниим да пивом сладкиим».
- Говорит-то Илья, скорó ответ держал,
 40 Отвечает скорёшенько Иванович:
 «Уж вы гоё еси, мои милы́ калики вы,
 Перехожая спасёны, переброжая!
 Вы зайдите-ко, подите вы ведь в дом ко мне».
- Заходили калики ише в дом к ёму.
 45 Говорил-то Илья да он таки реци,
 Шьчо Ивановиць-от да со сълёзáми он:
 «Перехожи вы калики, переброжая,
 Я бы рад-то вам подать я милосътинку всё спасёную:
 У моёго-то у рóдного у батюшка
- 50 Ес<т>ь дово́льнэ у ево всё золотой казны,
 Шьчо прискóплэна казна, всё присодвигнута —
 Не могу сойти со печки со кирпичьнёю».
- Говорили калики перехожая:
 «Ты как дай хошь нам напитокце пива сладкого». —
- 55 «Ес<т>ь у батюшка-та пива всё ведь боцьками —
 Не могу сойти со пецьки со кирпичьнёю».
- Говорят-то всё калики перехожая,
 Перехожи калики, переброжи:
 «Ты сойди, сойди, Илья, со печки со кирпичьнёю». —
- 60 «Я сижу, братци, на пецьки я единой день,
 Не могу ходить на ножоцьках я тридцетъ лет».
- Говорят ёму калики перехожая:
 «Росътени-ко ты, расправь свои-ти ножки резвья,
 Ты сойди теперь со пецьки — они понесут тебя,
- 65 Понесут тебя, удёржат ножки резвья».
- Он расправил на печки ножки резвья —
 У ево ведь резвы ножоцьки всё росътенулисе,
 Соходил же он со печки со кирпичьнёю,
 У ево ведь резвы ножоцьки — как век ходил.

- 70 Он пошел-то скоро сам за золотой казной,
 Подают-то каликам перехожим.
 Говорят ему калики, всё ответ держат:
 «Не возьмём-то мы твоей всё золотой казны,
 Принеси ты нам напиток пива сладкого».
- 75 Нацидил, сходил в погреб, цышу пива сладкого,
 Подаёт всё каликам перехожим,
 Перехожим каликам, перебродим тут,
 Подаёт ведь он отó всей радости,
 Он ведь кланеитце им всё до сырой земли,
- 80 До сырой ли до земли, до ихних резвых ног.
 Они попили-то тут да пива сладкого,
 И немного они цышы оставляли тут,
 Оставляли они цышы, подают ему:
 «Ты возьми у нас испей, да ты Илья же свет.
- 85 После нашего питья — да мы скажём тебе —
 Топерь будь-ко ты Илья да ты по имени,
 Ишше будь-ко ты свет да Мурамець,
 Илья Мурамець да свет Ивановичь.
 Каковó ты во себе слышишь здоровьице?» —
- 90 «Я ведь слышу по себе — да теперь здрав совсим,
 Теперь здрав-то совсем, всё здоровёшенёк». —
 «Мы скажём теперь про то, тебе поведаём:
 Принеси-ко ты ише пива другú цышу».
 Он всё рад бежать за пивом Илья Мурамець,
- 95 Илья Мурамець бежать да сын Ивановичь,
 Нацидил-то он другú да пива сладкого,
 Он принёс-то всё каликам перехожим.
 Испивали калики во другой након,
 Оставляли ему да тут пол-цышы всё:
- 100 «Пей-ко ты, Илья, да Илья Мурамець.
 Потому мы тебя назвали, щьчо — Мурамець,
 Мы по-вашому зовём да всё по городу:
 Ты живёшь всё во городи во Муроми».
 Выпивал-то Илья да всё ись цышы тут.
- 105 Говорят ёму калики перехожиа,
 Перехожи калики, переброджиа:
 «Ты ведь слышишь ли в себе теперь какú силу?»
 Отвечает Илья, да Илья Мурамець,
 Илья Мурамець да сын Ивановичь:
- 110 «Я ведь слышу-ту силушку в себе великую,
 Кабы было кольце в матушки в сырой земли,
 Я бы взял-то я сам бы единой рукой,

- Поворотил бы всю матушку сыру землю».
- Ишше тут-то калики говорят да промеж́у собой:
- 115 «Как мы ведь силы-то тебе много́ дали —
Ай не будет носить-то тебя матушка сыра земля».
- Говорят калики переходя́: «Принеси-ко нам пива во третей́ након».
- Он принёс-то ходил да во третей́ након.
- 120 Ай ведь по́пили они, немного́ этот раз оставили.
«Допивай, — ёму сказали, — пиво сладко́е».
- Он ведь до́пил у их да пиво сладко́е.
- Говорят они ему́ всё таковы́ слова:
«Ты ведь много ли собе теперь́ имешь всё силушки,
- 125 Ай ты слышишь по своим-то могучи́м плечам?» —
«Я ведь цюю в себе, слышу́ силы в половиночку:
В половины у миня всё силы сбавилось».
- Говорят они ему́ всё таковы́ слова:
«Вели батюшку купить себе ты жеребеноц́ька,
- 130 Жеребёноц́ька купить да шьчобы серого,
Шьчобы серого купить да на манер всё белого.
Ты ведь пой-ко-се своёго жеребеноц́ька,
Ты ведь пой его да на реки Мура́венки,
Ай корьми-ко ты пшеницей белояровой,
- 135 Ты води-тко-се своёго жеребёноц́ька,
Ай кататьце давай ты ему́ в трёх роса́х,
Как ты в трёх его росах: да во перьво́й росы,
Во перьво́й росы катай всё во Иваньско́ю,
Во второй росы катай ты во Петровско́ю,
- 140 Во третей́ росы катай коня в Ильиньско́ю.
Ты давай ему́ кататьце в зелёных лугах —
Тебе будёт ведь конь-от служить правдой-верою:
Победять-то будёшь на кони́, всё бить много́их богатырей».
- Ишше конь-от будёт всё товаришь твой
- 145 И топтать будёт ногами силу́ всё неверную,
Пособлять будёт тебе, любимому хозяину».
- Ай ишше́ ёму калики-ти гово́рят тут,
Шьчо говорят-то тут да ёму всё рассказываю́т:
«Ты теперь́, посьле того-то заведи ты себе латы богатырьския,
- 150 По своей силы иметь ты палицю́ тяжоло́ю,
На коня-та ты наложь седельшко́ да кипарисно́е,
Ты ишше́-то возьми купи да плётку шолкову́,
Плётку шолкову́ да всё копье́-то брузаменьско́е,
Не забудь ты ише́ да сабли востро́ю,
- 155 Ты тово ишше́ ножа да всё булатного.

- Ты возьми теперь себе положи какого-нибудь кушанья.
 Отправляйся ко батюшку всё на полё,
 Ко своей-то ко родимой милой матушки,
 Ты сънеси-ко поди им пообедать-то,
 160 Расскажи-ко-се им, да мы тебе сказали шьто».
 Он ведь рад тому Илья-та был всё Мурамець,
 Илья Мурамець рад да сын Ивановиць.
 Походят-то калики, собираютце,
 Говорили Ильи, да Ильи Мурамцю:
 165 «Ты ише-то будёшь ездить во чистом поли,
 Во чистом-то поли тебе да смерть не писана —
 Ты не бойсе, езди по чисту полю».
 Ишше тут-то калики-ти стали всё невидимо,
 Он негде-то больше не завидял тут,
 170 Не завидял тут, да они проць ушли.
 Он скоро собирал да питьё, кушаньё,
 Он понёс-то к родителю ко батюшку,
 Ко тому ли к Ивану Тимофеевичу,
 К родной матушки да к Епесьтёньи к Олёксандровны.
 175 Подошол-то он скорёхонько ко батюшку,
 Увидал-то ево всё родной батюшко,
 Ишше тут они да обрадели же,
 Обрадели, тому да были рады-ти —
 Он принёс-то им обед, да принёс кушаньё.
 180 Он ведь сказыват своему отцю-батюшку,
 Он тому ли Ивану Тимофеевичу:
 «Как пришли ко мне калики под окошоцько,
 Закрычали у меня да под окошоцьком,
 Запросили они милосътины всё спасёною,
 185 Я ведь так им отвечал, смелó ответ держал:
 „Не сойти, калики, с печки со кирпичною”.
 Попросил-то их скорёшенько к себе я в дом.
 Запросили напитокце у меня ведь пива тут,
 Они пива-та хмельнёго всё сладкого,
 190 Я принёс-то цяшу-ту полнёхоньку.
 Не могли они допить, всё мне оставили:
 „Допивай-ко ты, — сказали, — из цяшы — и здоров будешь”.
 Я повыпил всё из цяшы-то и здрав тут стал,
 Я ведь здрав тут стал да здоровёшенёк.
 195 Наливал-то, приносил да я другу цяшу,
 Выпивали-то из той цяшы да полавиночку,
 Допивал-то я у их да цяшу всю до дна.
 Говорят калики мне да всё выпрашивают:

- „Уж ты слышишь ли в собе силу великую?»”
- 200 Я сказал-то им, скорбó ответ держал:
 „Я тут слышу в собе силушку великую —
 Кабы было кольцё в земли великоё,
 Я принялсэ бы своей всё единойó рукой,
 Поворотил бы я матушку сыру землю”.
- 205 Говорили мне они да извешшáли тут:
 „Не заносит тебя матушка сыра земля.
 Принеси, — мне говорят, — пива третьюó цяшу”.
 Выпивали-то из цяшы полавиночку,
 Допивал-то я ведь цяроцьку ведь всю до дна.
- 210 Говорят-то мне калики, всё ответ держат:
 „А велику ли ты силушку слышишь в собе теперече?»”
 Говорил-то я им да всё рассказывал:
 „Я тепере силу слышу в полавину всё”.
 Говорили они да мне-ка всё про то:
- 215 „Ты пойдёшь к своему к рóдну батюшку, —
 Ты скажи ему про то да всё поведай-ко,
 Ай купил шьчобьы тебе он жеребёночка,
 Ай не серого шьчобьы, да он не белого;
 Ай под старось-ту он будёт-то как белой-от”.
- 220 Ай поить они велели ключевой водой,
 Ай корьмить они пшеницёй белояровой,
 Ай катать они велели, водить в трёх росах:
 Во перьвой-то во росы они в Иваньчкою,
 Во второй они в росы ево в Петровською,
- 225 Во третьюó они росы ево в Ильиньскою.
 „Ай тогда у тя будёт жеребёночок”.
 Они велели мне-ка завесьти-то латы богатырьския,
 Они палицю тяжóлу по своим рукам,
 На головушку мне шляпу сарачиньскую,
- 230 И велели мне-ка завесьти всё плёточку шолкóвую,
 Да ишшэ мне-ка велели саблю вострую,
 Да ишшэ мне-ка велели всё булатен нож,
 Да ишшэ мне-ка велели-то вострó копьё да брузаменькóе,
 Ай седельшко велели кипарисного всё деревця».
- 235 Ай тут батюшко ево да тому рад он был,
 Тому рад-то он был, весьма радешенёк.
 Он бежал-то скорешенько тут, скоро из цистá поля,
 Он хвалу-ту приносил Богу Небесному,
 Во вторых-то он Царицы, Бóжьейó Матери,
- 240 Во третьих-то всё калик да перехожиих:
 «Они были у меня да не просты́ люди,

- Не просты́ были люди, да всё съвяты́ отцы:
Исыцелили у меня сына́ единого,
Заслужили у ёго ведь ноги резвья».
- 245 Ай купил он ведь жеребёноцька,
Выбирал он по-велёному да как по-писаному,
По росказаному-то всё да дело делал тут,
Дело делал он да коня́ росьтил-то,
Он ведь дал за жеребёнка петьдесят рублей,
- 250 Он поил ево свежо́й всё ключовой́ водой,
Как ведь он корьмил пшенице́й белояровой,
Он водил ево да по но́цям в луга,
Он катал ево да всё во трёх росах:
Во перьво́й-то во росы катал Иваньскою,
255 Во второ́й-то во росы да во Петроською,
Во третёй-то во росы да во Ильиньскою.
Тут ведь ко́нище́к у их да стал побегивать,
На шолко́вой на узды да стал поскакивать.
Ище стал-то Илья Мурамець-то коницька объезживать.
- 260 Тут скакал-то ево всё как доброй конь,
Он повыше-то выскакивал лесу стоящего,
Он пониже-то облака ходёчого,
Церез стены, церез башни перескакивал,
Он ведь речки-ти, озёра небольши-ти промеж ног скакал,
- 265 Ай большы́-ти такы́ реки перескакивал.
Тут купил ведь Илья Мурамець да сын Иванович,
Он себе же завёл латы богатырьския,
По рукам-то купил палицю́ тяжолую,
Надевал-то на конёчек седёлышко всё капарисноё,
- 270 Он ведь брал-то тут себе да копьё востроё,
Копьё востроё всё брузаменьчкоё,
Надевал-то он шляпу сарачиньскую,
Прибирал-то он в леву́ руку да плётку шолкову,
Он молилсэ на востошну съвату сторону,
- 275 Поклонялсэ рóдну батюшку во резвы́ ноги,
Рóдной матушки да во резвы́ ноги:
«Дай-ко, батюшка, мне всё благословленьице́,
Со родимой со мое́й да рóдной матушкой —
Назову я вас, родители, по имени:
- 280 Уж ты батюшко Иван свет Тимофеёвич,
Родна матушка Епестемия свет да Олёксандровна!
Пожелайте, порадейте всего доброго,
Всево доброго мне, всёго хорошого».
Говорили ёго цясны́ родители:

- 285 «Поежай-ко ты, нашо цядо милоё,
Тебя Бог благословит, цядо любимое!
Тебе надоть уж ехать, тебе вёлёно
Шьчо у тех тебе калик да перехожиих,
Перехожи'〈х〉 всё калик да переброжиих.
- 290 Поежай, наше родимо мило дитяtko,
Поежай-ко-се теперь да во чистó полё,
Ись цистá поля приедь-ко в красён Киев-град,
Ко своему ты ко красному ко солнышку,
Всё ко ласкову князю ко Владимиру,
- 295 Шьчо ко той ли ко кнегины к Опраксеи-королевисьни.
Приежай-ко ты всё к им по-уцёному,
Уж ты крес〈т〉-то клади да по-писáнному,
Ты поклон-от веди да по-уцёному,
Ты ведь кланейсе своёму красну солнышку,
- 300 Ише ласковому князю всё Владимиру
Со кнегиной с Опраксей-королевисьней,
Князьям, боярам всем ты низко кланейсе,
Всем солдатушкам, полкам ты новобраныим,
Всем своим-то ты богатырям, всё поединьшицькам.
- 305 Обойдись-ко ты сь имá всё по-ученому,
Ознакомляй-ко-се ты сь имá всё по-хорошому».
Он поехал-то в славен Киев-град,
Приехал-то всё ко князю ко Владимиру —
Не приворачивал он всё да во чистó полё.
- 310 Сам приехал-то ко князю на широкой двор,
Соходил-то со добра коня скорёшенько,
Он ведь шол-то всё да по-ученому,
Всем тут кланелсэ на сёнях-то низёшенько:
«Пропусьтите, доведите-ко миня до красна солнышка,
- 315 До того миня до князя до Владимира».
Доводили ёго да тут близёхонько.
Он ведь крес кладет да по-писáному,
Он поклон-от ведет всё по-учоному,
Он ведь молитце всё Спасу Пречистому,
- 320 Он творит-то всё молитву-ту Иусову,
Поклоняйтце царицы Божьей Матери;
Бьёт целом всё князю-ту Владимиру,
Он ведь той же кнегины Опраксеи-королевисьни,
Поклоняйтце князьям, боярам тут
- 325 На четьре на вси да на стороноцьки.
Говорит-то он сам да он таки слова:
«Уж ты гой еси, красно моё солнышко,

- А ведь ласковой князь да ты Владимир-свет!
 Мне-ка съездить-то благослови-ко во чисто полё,
 330 Мне прибрать в чистом поли себе дружиночку хоробрую —
 Послужить-то мне тебе да верой-правдою,
 Верой-праводою тебе-ка неизменною —
 Шьчо за те ли за Божьи церьквы соборныя,
 Шьчо за те мне за манастыри спасёныя,
 335 Шьчо за тебя-то за князя со кнегиною». —
 Всё слова-ти таки хорóши князю прилюбилесе,
 Прилюбилесе слова ёму, пондравились.
 Говорит-то князь Владимир стольнё-киевської:
 «Ты ведь цей такой учоной доброй молодець?»
 340 Ты скажи-ко, скажи про то, поведай мне:
 Ишше как тебе ведь, доброй молодець, да звать по имени,
 Зьвеличать тебя я буду из очетесьва,
 Какого ты села, какого города,
 Ай какого отца, какой ты матушки?»
 345 Отвечает ёму скоро доброй молодець:
 «Ай я города-та всё да я ведь Мурома,
 Я села-та всё да я Качарова,
 Ай по имени зовут миня да Илья Мурамець,
 По отьци-то зьвеличают сын Ивановиць,
 350 Ишше тот ли я богатырь сильней-от, могуцей-от.
 Благослови мне съездить во чисто полё —
 Сь неприятелём мне да поборотисе,
 Ай со руськими богатырями мне да поздороватьце,
 Поздороватьце мне да познакомитьце,
 355 Мне прибрать себе дружиночку мне храбрую,
 Мне крестами-ти всё с има побрататьце». —
 Говорит-то князь Владимир таковы слова:
 «Ай тибе-то, доброй молодець, да воля вольняя,
 Воля вольняя тебе да путь широкая!
 360 Поежай-ко во чотыре во вси стороны,
 Поежай-ко ты ведь с Богом во чисто полё,
 Находи-ко ты могуцих богатырей,
 Приежай ко мне из поля на поцесён пир.
 Уж те быть надо всима во поли над богатырьми,
 365 Надо всема-то быть да атаманами,
 Роспоредителём быть, ты Илья Мурамець,
 Казаком ты надь има, да сын Ивановиць». —
 Он поехал тут да во чисто полё,
 Он наехал богатырей в белых шатрах:
 370 Во перьвых нашол Добрынюшку Никитича,

- Во вторых нашол Алёшеньку Поповиця;
 Он ведь тут сь има скоро всё знакомитьце,
 Он побр́аталсэ крестами золотыма тут,
 Называет их крестовыма всё бр́атёлками.
- 375 Он нашол ише Дунаюшка Ивановича,
 Называет-то крестовым он всё брателком,
 Он ише нашол Самсона Сильнёго,
 А нашол ведь он да Пересьмяку со племянньником,
 Он нашол ише Чурила съвета Плёнкова,
- 380 Он нашол ишше Ваньку всё боярьского
 По фамилеи его — да всё Залёшанин,
 Он нашол ише Ваньку генеральского.
 Надо всіма он был да атаман большой,
 Потому был атаман большой — силушкой был он сильнее всех,
- 385 По другому ише был, шьчо не написана-то сьмерть да во чистом поли.
 Говорят ему богатыри да всё выпрашивают:
 «Мы ведь как тебя теперь будём да звать по имени,
 Зьвеличать-то как теперь мы из очетесьва?» —
 «Вы зовите миня да Илья Мурамецъ,
- 390 Хошь и так ише зовите: старой-от казак да Илья Мурамецъ,
 Из очетесьва вы зьвеличайте сын Ивановичъ».
 Они стали по чисту полю да все поезживатьъ,
 Всю покорность-ту держат да Ильи Мурамцю,
 Ильи Мурамцю да сыну всё Ивановичу.
- 395 Ише тем старина-ли вся и коньцилась.

№ 28

¹В городе Муроме в селе Карачарове жил-был Иван, а звали сына Ильей. И сидел Илеюшко седуюм тридцать лет.¹ Тогда пришли к Илеюшке калики перехожии и попросили у Илеюшки милостыни.

⁵ «Подать-то у нас есть чего у батюшка, да подать некому». — «А ну-ка, Илеюшко, встань да поди!» — «Как я, — говорит, — пойду, как ноги не носят». То́гда Илеюшко встал на ноги.

«Поди-ко, Илеюшко, принеси чару зеленá вина». Он стал им подавать. Калики сказали: «Выпей-ко сам». Илеюшко выпил. «Что, — говорят, — Илеюшко, теперь слышишь в себе?» — «А было бы, — говорит, — кольцо в сырой земле, так перевернул бы землю». — «А поди-ко принеси другую [чару] пива пьяного!» Илеюшко принес. «Выпей сам», — говорят.

¹⁰ То́гда как Илеюшко выпил пива пьяного, его калики спросили: «Чёго ты теперь, Илеюшко, в себе чувствуешь?» — «А чувствую силушку наполовинушку». — «Той, — говорят, — тебе будет довольнё. А есть у отца конь, то́гда ты этого коня веди по зорьям».

То́гда Илеюшко пошел к отцу-матери на пожню. Отец говорит: «Илеюшко идет, наш Илейка идет» (*Илейкой звали*). А [мать] говорит: «А откуда взялся, как сидит не шевелится?» То́гда

¹⁵ Илеюшко подошел к отцу-матери. И зачал просить у отца-матери благословения: «Отец-матерь, дайте, — говорит, — мне благословение ехать во Киев-град самого себя показать да людей посмотреть». — «Поезжай, наше дитятко». ²Срядилса Илеюшко² и поехал. И отецъ с матерью ему сказали: «Поедешь, нико́го не обижай на пути, не проливай крови напрасно».

То́гда Илеюшко поехал во чисто полё. Наехал Илеюшко на двадцать пять человек. ²⁰Двадцать пять человек на Илеюшку стало напускать. То́гда Илеюшко с себя снимает туго́й лук и накладывает калену́ стрелу и спускает по чисту полю. Стала рвать стрела на косую сажень землю. То́гда разбойники испугались, пали на колени. Стали просить Илью себе царем. «Я, — говорит, — не царём еду, а сам себя показать и людей посмотреть».

Под городом Муромом стояла сила неверная. Он эту силу всю прибил Илеюшко, город очистил. ²⁵Поехал то́гда прямой дорогой, на которой был заложон Соловей-разбойник. Ехал по тем грязям топучим, по тем мостам калиновым и по тем лесам Брянским. Приезжал к реки Смородинке. В реки Смородинке было гнездо заложено Соловьиное. Сидел Соловей на двенадцати дубах.

Подъехал Илеюшко под самое гнездо Соловьиное. Соловей свистал во весь соловьиный свис(т). Под Ильёй конь подпнулся. Илеюшко сказал коню: «Волчья ты пасть, травяной мешок! ³⁰Не слышал ли ты во чистом поле крыку богатырского, а во темном лесу свисту соловьиного?» То́гда сказал Соловей, что крепкое богатырское сердце. То́гда Илеюшко снимат с себя ту́гой лук, накладывает каленую стрелу и спускает на Соловьиное гнездо. И попал в правой глаз и вышиб ево вон. А Соловей-разбойник свалился с гнезда, что овсяный сноп. То́гда Илеюшка берет Соловья-разбойника и приковывает к стременам булатным.

³⁵ То́гда ехал Илеюшко по той дороге, на которой стояли Соловьевы полаты. Увидала Соловья дочь, закричала, что «едет наш батюшко с добычею, везет нам мужика». А вторая дочь посмотрела и увидала: «Не батюшко наш едет, а едет какой-то мужик и везёт нашего батюшка». А третья дочь закричала своим мужьям: «Мужья наши милые, поезжайте к мужику навстречу и отбейте у него нашего батюшка». А большая дочь подняла железную подворотину, хотела прижмить воротинной. ⁴⁰Илья Муромец усмотрял, копьём ударил и со стеной прошиб. Увидал Соловей-разбойник своих зятей. «Зятыя, — говорит, — мои милые, не дразните таково святорусьского бо́гатыря. Лучше покорно просите в полаты мои, в дом выпить чару зеленá вина». Илеюшко проехал мимо Соловьиных полат. Ехал прямо в Киев-град.

Заезжал на широкой двор. Заходил в полаты белокаменные. «Здравствуй, — говорит, — ⁴⁵Владимер стольно-киевской!» Владимер не знал, какой, откуль. «Я, — говорит, — из города Муррома, из села Карачарова, а зовут меня Илеюшкой, а по отчеству Иванович». — «А которой дорогой ехал?» — «А ехал прямо на Чернигов-град. А под Черниговом стояло войско бусурманское, я, — говорит, — город очистил. Ехал прямой дорогой, на которой заложон Соловей-разбойник. Я, — говорит, — е́го привёз с собой». То́гда бо́гатыри уверять(?) побежали смотреть, что «правильнё ли привез». ⁵⁰То́гда сказали бо́гатыри, что правильнё привезён.

То́гда Владимиру захотелось послушать свисту Соловьиного. Князя с княгинею овернул [Илья] в шубы соболия. То́гды выходили на двор слушать свисту Соловьиного. Илеюшко велел Соловью: «Посвистай на полсвиста!» А Соловей засвистал во весь свист. Поглушил всех бо́гатырей. То́гда Илеюшко Соловья убил столетним дубом.

⁵⁵ То́гда назвались крестовыми братьями названными с Добрыней Никитичем. Ехали искать себе поединшика во чистом полё. Наехали только на калику переходжего. И стали на его напускать. А калика переходжий говорит: «Помнишь, Илеюшко, мы с тобой в одной школе учились грамоте, а

теперь ты на меня напускать стал! А во Киеве неприятеля не знаешь. Приехал Идолишшо во Киев-град. Ест по быку, а пьет по котлу».

⁶⁰ Тогда Илеюшко с калики снимат платье. Шапка в сорок пуд, а костыль в руке — девять. Тогда Илеюшко идет во Киев-град, к полаты белокаменной, просит милостыню. Идолишшо сказал: «Позавон не подам, а иди в полату». Илеюшко зашел в полату и стал к печке. Тогда запросил Идолишшо ись. Принесли быка челога важенного. И он его с костями съел. Запросил Идолишшо пить. Принесли котёл пива. А несли двадцать пять человек. И он за уши взял и выпил. А Илеюшко не стерпел и сказал: «Была у меня у батюшка кобыла обжорлива. И обжиралась ходила, на захлавьи издохла». Тогда Идолишшо сказал: «Каков из вас есть Илья Муромец? Я бы, — говорит, — на одну долонь посадил, другой притяпнул. Только меж долонями мокро бы осталось». А Илеюшко шляпу снял, по Идолишшу ударил и со всем с простенком вышиб. И сказал: «Вот таков он и есть!» Убил Идолишша.

№ 29

А как во славном во городе во Муроме,
 Во селе-то было да Корочаеве,
 А у Ивана-то было Тимофевича,
 А что росло-то его да чадо милое,
⁵ А чадо милое его, любимое,
 Ишо был-то Илеюшка-наседуха.
 Он лежал-то на постели да ровно тридцать лет,
 А отец-то его да все и с матерью
 Они готовилис(ь) ко дню на праз(д)ник Троицы,
¹⁰ Наварено-то было да пива пьяного.
 А сами-то они уходили на работушку на тяжелую
 А оставляли Илью-носедуку одинокого.
 Вот лежит-то Илеюшка одинешенек,
 А вот пришло к нему три калики перехожие.
¹⁵ Говорила тут калика перехожая:
 «А уж ты стань-ко, Илеюшка со постелюшке,
 Да уж ты дай-ко нам милостину спасеную».
 А говорил-то Илеюшк(а) таковы слова:
 «Не могу я, братцы, да со постели встать
²⁰ И не могу вам да милостину дать,
 А вот придет-то отец с матерью
 И подадут-то вам милостину они».¹
 Говорила тут калика да перехожая:
 «Не обманывай, Илеюшка-наседуха,
²⁵ А стань-ко-се ты да на резвы ножечки».
 И вот тут стал-то Илеюшка на резвы ножечки,
 И вот тут-то он да все шатается,

- А резвых ногах да спотыкается.
 Говорила тут калека да перехожая:
- 30 «Ты поди-ка принеси чару зелена вина,
 Мери(й) чарочку, Илеюшка, в полтора ведра,
 А весо(м) чарочку, Илеюшка, полтора пуда».
 А вот принес-то он чару да зелена вина,
 Весо(м) чарочку Илею в полтора пуда,
- 35 А тут оворачиват калека перехожая:
 «А уж ты выпей, Илеюшка, чарочку да зелена вина».
 А когда выпил Илеюшка чарочку зелена вина,
 Тогда спрашиват калека перехожая:
 «Уж ты что же, Илеюшка, себе чувствуешь?» —
- 40 «А уж я чувствую силушку великую:
 Если был бы столб во матушке сырой земле,
 То повернул бы я святую Русь на кромочку».
 А говорила тут калека перехожая:
 «Ты принеси-ко нам чару зелена вина,
- 45 Мери(й) чарочку, Илеюшка, в полтора ведра,
 Весо(м) чарочку, Илеюшка, в полтора пуда».
 А вот приносит Илеюшка чару да зелена вина,
 Мери(й) чарочку Илеюшка в полтора ведра,
 А весо(м) чарочку Илеюшка в полтора пуда.
- 50 Оворачиват калека перехожая,
 Говорит-то Илье да таково слово:
 «А уж ты выпей, Илеюшка, вторую чарочку».
 А тогда брал-то Илеюшка единой рукой,
 А выпивал-то наш Муромец да единым духом.
- 55 А тогда спрашиват калека перехожая:
 «А ише что ж, Илеюшка, себе чувствуешь?» —
 «А уж я чувствую силушку только половинную».
 А говорила тут калека перехожая:
 «Ты поди-ка, Илеюшка, да во чисто поле,
- 60 А ты купи себе добра коня в чистом поле,
 Не велика и не мала жеребеночка,
 А ты пой-корми его да трои суточки,
 Тогда будет тот конь тебе да слуга верная,
 А когда поедешь, Илеюшка, да во чисто поле,
- 65 Не наезжай ты, Илеюшка, на храмы да на монастыри,
 А ишо на чистом поле смерть тебе будет не писана».
 А тогда скрыласе калика перехожая.
 А тут остался Илеюшка один и удивляется:
 «Ишо что же то чудышко случилось,
- 70 А ишо что же со мной да сотворилосе?»

- А вот отец его да и со матерью
 Вот идут-то они да к широку двору,
 Что-то видят чудышко великое,
 Что Илейко-седун да под окном сидит.
- ⁷⁵ А вот пошел-то Илеюшка в чисто поле,
 Он купил себе добра коня,
 Не велика и не мала, а жеребеночка,
 Он пои<т>-кормит его да трои суточки.
 Тогда берет он благословение у отца с матерью,
- ⁸⁰ Чтoб ехать ему да во чисто поле.
 А вот пошел-то Илеюшка на широкой двор,
 И садился он да на добра коня,
 И ударял он коня копьем промеж уши,
 Пробивал-то он кожу да до черна мяса.
- ⁸⁵ А тут конь-то под ним да рассержается,
 От земли-то он да отделяется,
 Так что мать сыра земля да сколыбаласе,
 Из озер вода да выливаласе.
 Быстры реченьки он перескакивал,
- ⁹⁰ А темны-то леса да впромеж ног все брал.
 Вот тут выехал Илеюшка в чисто поле,
 Что он видит во чистом поле богатыря,
 Что он шутит-то шуточку немалую,
 Он выметывает палицу в подоблачье,
- ⁹⁵ А небылыма словами похваляется:
 «А ишо нету мне на поле противничка,
 А ишо нету мне на чистеньком соперничка,
 И ишо не с кем мне на поле сразиться,
 А ише не с кем мне силушке попробовать».
- ¹⁰⁰ А говорит-то Илеюшка таково слово:
 «Уж ты го<й> еси, удалой доброй молодец,
 Ты напрасно да похваляишься,
 Ишо есть у нас на поле посильней тебя,
 Ише есть у нас на чисто<м> помогучее».
- ¹⁰⁵ А вот ту<т> с<ъ>ехались богатыри во первой раз,
 У них копыя булатные помялисе,
 А ише с<ъ>ехались богатыри по другой раз,
 У них копыя булатные поломалис<е>...

№ 30

- Ише был-то Илья Муромец.
 Как лёжал-то Илья Муромец во гноишши,
 И лёжал-то он, Илья, да ровно тридцать лет,
 Не владел-то ведь Илья да не руками, не ногами-то.
- ⁵ И настал-то ведь как праз(д)ник-от Владысьней-от.
 И ушли-то ёго родители во Божью церькву,
 И молились-то они да ведь как Богу-ту,
 И просили-то ему они здоровьица.
 И приходит-то к Ильи да нишшой странничок,
- ¹⁰ Попросил-то у его да он ведь милостинки:
 «Уж ты ой еси, да ведь и ты Муромец,
 Уж ты стань-ко-се, поди да ты со гноишши,
 Ише стань-ко-се,¹ Илья, да на резвы ноги
 И подай-ко-се мне милостинку для праздника».
- ¹⁵ Отвещает-то ему да ведь Илья Муромец:
 «Уж ты ой еси, нишша братия,
 Не могу-то я ведь стать да как со гноишши,
 И не носят-то у мя да ножки резвыя,
 И не служат-то мои да руки белыя».
- ²⁰ ²Как сказал-то² Ильи да нишша братия во второй након:
 «Попытайсе-ко-се ты, да Илья Муромец,
 Уж ты стань-ко-се пройди да по полам бёлым.
 Ише стань-ко, наш Илья, да на резвы ноги».
 И пошел-то наш Илья да по бёлым полам,
- ²⁵ И берёт-то он ведь милостинку-ту спасённую,
 Подал-то он нишшой братии.
 Ише тут-то ему нишшой низко кланялсе.
 И приходят-то его чесны родители.
 И сидит-то ведь Илья да под окошечком.
- ³⁰ Ише тут ведь они да срадовалисе,
 Обнимали-то они да своего сына,
 Прижимали-то его да ко бёлым грудям,
 Цёловали во уста да во сахарныя.
 А со радости они да со великою
- ³⁵ Собирали-то они да ведь почесён пир,
 Зазывали-то ведь всех они своих родных
 И поили-то их винами заморскима,
 А кормили-то ведь кушаньём сахарным их.

№ 31

А в одной деревне было во Качарове,
 А во городи-то было всё во Муроме,
 Ише жил-то был боярин Иван да свет Тимофевич-свет.
 (М⟨арфа⟩ С⟨еменовна⟩: «Не ладно бабушка поешь, не боярин, а хресьян».)
 П⟨авла⟩ С⟨еменовна⟩: «Нет, боярин».)

А и была у его молода жона,
 5 Молода жена Епестенья Яковлевна,
 У их было да чадо милоё,
 Чадо милоё да всё любимое,
 И как по имени Илья да сын Иванович.
 И не ходил-то он на своих на резвых ножечках,
 10 Не владели в его да ножки резвыи,
 (М⟨арфа⟩ С⟨еменовна⟩: «Я пою да по-прóстому, а ты по-сложному».)

И не служили у его да ручки белые,
 И он сидел-то ровно тридцать три годичка
 У его же родна батюшка,
 У Ивана да Тимофевича.
 15 И уходили его да родной батюшка
 Да со родимой да со своей же с матушкой
 На чисто-то полё на работушку,
 Убирали хлебы они да годовы́ запасы,
 И тут оставляли они да своего да чада милого,

20 И как оставляли чада милого,
 Как того ли они да Илью Ивановича
 В своем они в доми одиноченького.
 И сидел-то Илья да свет Иванович.
 Подходили ко его ко терему высокому
 25 Как же три-то калики перехожая,
 А не калики же были — три же ангела,
 И три же ангела да три архангела.
 Говорили да Ильи же Мурамцу,
 Ише Муромцу сынú Ивановичу:
 30 «Ты подай-ко нам, Илья, да пива сладкого».

Говорил же Илья им да таковы слова:
 «Уж вы ой еси, калики перехожая,
 Уж я рад бы вам подать да пиво сладкого,
 (М⟨арфа⟩ С⟨еменовна⟩: «Они не пива пришли просить, а милостины».)
 П⟨авла⟩ С⟨еменовна⟩: «Нет, пива. У каждого попа свой устав.
 Я так пою, а ты по-другому».)

У мне не служат-то ножки резвые,
 35 Не ходят-то у мя да ножки же резвые».

- И говорили Ильи калики перехожая:
 «Ты бери-ко, Илья, брагу ты да поди скорé
 Во глубокие во погреба скорé».
- И тут ставал Илья скорó да на резвѣи ноги,
 40 Он же брал скоро брагу во свои белѣи руки,
 И как пошóл-то Илья да сын Иванович
 На своих же он скоро на резвѣих ногах,
 И как пошел скорó он, спускалсе в погреба глубокия,
 Начерпывал скорó брагú да пива сладкого,
- 45 И вот наливал скоро да подносил же он,
 Ко тем ли каликам перехожим-то.
 И тут же брали калики перехожая
 Во свои рукí брагу, пиво сладко же.
 «Ише», — подавали брагу Ильи Муромцу,
- 50 И сынú же всё Ивановичу.
 И брал Илья же брагú да единойú рукой,
 Выпивал же он да за единойú дух.
 И тут говорили-то калики перехожая:
 «Ты поди-ко, Илья да Илья Муромец,
- 55 Уж ты Муромец да сын Иванович,
 Ты носи вторую брагу пива сладкого».
 И тут пошел Илья да на бегу же он
 (Вот видишь, силушки-то ему прибавилось.)
 И во те ли погреба да во глубокия,
 Почерпывал пивá всё же сладкого,
- 60 Он же сладкого пива да всё похмельнёго,
 Подносил он чарочку да каликам перехожим-то,
 Они брали-то чарочку и подавали Ильи.
 Брал Илья да единойú рукой,
 Выпивал же чарочку да за единойú дух.
- 65 Тóгда стали калики же да у его же спрашивать:
 «Ише много ли, Илья, ты Илья Мурамецъ,
 Ише много ли в себе да силы слышишь-то?» —
 «Уж вы ой еси, калики перехожая,
 Кабы был бы стоял столб иже дó небá,
- 70 У того столба бы было кольцо бы всё —
 И поворотил бы я матушку всю Россиюшку».
 Говорили тогда калики перехожая:
 «Ты поди, Илья, сходи да во третейú же раз,
 Принеси же нам же пива сладкого».
- 75 Тут пошел Илья скорó во погреба глубокия,
 И почерпал-то он чарушку да пива сладкого,
 Подносил же он каликам перехожим-то.

- Ише брали калики перехоžia
 И подавали калики Ильи Муромцу,
 80 И выпивал Илья же чарочку же до дна же.
 И тут спрашивали Ильи калики перехоžia:
 «Ише много ли, Илья Мурамецъ,
 Илья Мурамецъ да сын Иванович,
 Ише много ли в себе силушки да слышишь же?»
 85 И тут говорил же Илья да Илья Муромецъ:
 «Уж вы ой еси, калиги перехоžia,
 У мя силушки да палавинушка убавилась».
 Тут не стало-то калик да перехожих-то,
 А тут Илья-то стал по комнаты похаживать.
 90 А в ту же пору же в то же времечка
 Приходил-то его да рóдной батюшка
 Со родимой его да с рóдной матушкой
 Со работушки да со тяжелою,
 И увидели они да чада милого,
 95 Чада милого да всё любимого,
 Своего-то они да Илью Муромца,
 Ише ходит-то он да на своих ногах.
 И возрадовалсе да óтець с матушкой,
 И от радости же были очунь рады они,
 100 Ише ходит ёго чадо милоё да на ногах же всё.
 Ише с радости же с той да со великою
 Сбирал его да рóдной батюшка
 Как почесён пир да он на радости,
 Ише заходило на ногах да его чадо милоё.
 105 И тут же Илья да Илья Мурамецъ
 Говорил же он да своему да рóдну батюшку,
 Как Ивану-ту же свет да Тимофевичу:
 «Уж ты ой еси, ты мой рóдной батюшка,
 Ты-й Иван же да свет да Тимофевич же,
 110 Ты купи-ко мне-ка всё же коничка,
 Мне-ка коничка купи да из-под матушки,
 И жеребёнышка купи да из-под матушки».
 Тут пошел Иван да Тимофевич-свет,
 Он пошел-то по городу по Мураму,
 115 Он купил ему да жеребеночка,
 Жеребёночка купил да из-под матушки,
 Он платил только за его да один рублик-от,
 И не велик же был да всё да жеребеночёк,
 Он малёхонёк же был очунь же всё.
 120 И он покатал его да в трех росах,

- А пёрвву рóсу-ту катал да всё Иваньскую,
А вторую росу катал Петроськую,
А третью рóсу-ту катал Ильиньскую.
Он кормил его пшеницей белояровой,
125 Он кормил-то его да всё досьгта же,
Он поил его свежой водой ключевою,
И этот жеребёнок стал очунь хорошей,
И очунь бойкой стал, да очунь быстрой стал,
Ише стал же походить на коничка.
- 130 Ише говорил Илья, да Илья Мурамецъ,
Говорил же он своему да отцу-батюшку,
Как Ивану-ту же свет да Тимофевичу:
«Уж ты ой еси же, мой да родной батюшко,
Мне-ка надо же коничку же всё поезживатьъ,
135 Во чисто полё же мне надó проедыватьъ,
Во широкоё же мне да всё да во роздольице,
Мне-ка надо-то сбруда да лошадиная,
Лошадиная сбруда мне же надо крепкая,
Мне-ка узда же всё же делати».
- 140 И говорил тогда Ильи родной батюшко,
И Иван же всё да Тимофевич же:
«Уж ты ой еси, моё да чадо милоё,
У мя есь, да чадо милоё,
У мя сбруда же тебе да лошадиная,
- 145 Запасёная висит же всё она да она новая,
И узда висит у мя да всё серебряна,
А повод-от у мя да всё шелкóвой есь,
И седёлышко у мя есь всё церкальскоё,
Церкальско седёлышко да красна дерева,
- 150 И бери-ко-се да ты да поезжай же всё».
И тут Илья-то да Илья Мурамецъ,
И он пошел-то скорó да на широкой двор,
Он же брал узду со спицьку-ту серебрянну,
Ише брал он сброду-ту да лошадиную,
- 155 И запрягал коня скоро он да быстро же,
И сам заскакивал же на коня быстро,
И он поехал попроведать во чýсто полё,
Во чýсто полё да во широкое роздольицо,
И он ездил во чýстóм поли, поезживал,
- 160 Он во все-то четыре-то сторонушки посматривал.
Приезжал Илья да Илья Мурамецъ
Ко своёму же он да к родну батюшку,
И к Ивану-ту же он да Тимофевичу,

- И он к родимой же своей матушки,
 165 И ко Епестеньи же он да ко Яковлевны,
 И говорил же он ей да таковы слова:
 «Уж ты ой еси, мой да родной батюшка,
 Уж ты Иван же да Тимофевич же,
 Ты родима же мѡя родна матушка,
 170 Ты <Е>пи<с>тенья же всё Яковлевна,
 О чём я вас да попрошу же всё,
 Уж вы дайте-ко же мне да благословленьица,
 Мне-ка ехать ко славну городу ко Киеву
 И ко ласкову князю да ко Владимиру,
 175 Посмотрять-то мне-ка да хочитце да города же Киева,
 И посмотреть-то мне-ка хочетсе князя Владимира,
 Как Владимира да Святослаёвича».
 Говорил-то Ильи, Ильи Мурамуцу,
 И говорил-то ему да рѡдной батюшко:
 180 «Уж ты ой еси, моё да чадо милоё,
 Ты любимое да ты любимое,
 Ты Илья у мне да всё ты Мурамецъ,
 Уж ты Мурамецъ да сын Иванович,
 Я не держу тибя же ехать в красной Киѡв-град,
 185 Не проехать-то тебе будёт путём-дорожечкой
 Как во славной же да город Киѡв-от,
 Эта дорожка залѡгла равно тридцать три годá,
 Как на тех-то горах да всё лесах на Брыньских же
 Как сидит-то Соловей да сын Рохматьѡвич,
 190 Он сидит-то же всё да на семи дубах,
 Он кричит-то же всё да по-звериному,
 Он свистит же всё да по-соловьиному,
 Он своим криком да всих да перепуживат,
 Некогѡ же он да не пропускат же всё,
 195 Он днём сам сидит да караул дѡржит,
 Не пропускат он не конного, не пешего же,
 Убиват-то всех да он да до единого,
 И некто не ходит той дорожкой и не ездит же».
 А как же тут Илья сидел да всё Мурамецъ,
 200 Илья Мурамецъ да всё Иванович,
 И говорил же он да своему да отцу-батюшку:
 «Уж ты ой еси, да мой да родной батюшко,
 Уж ты дай-ко мне своё родительско да благословленьицо,
 Ты родима моя да родна матушка,
 205 Я поеду же всё да во чисто пѡлѡ,
 Я ко славному ко городу ко Киеву,

- Я очишу дорожечку да прямоезжую».
И тут благословил-то Илью да Илью Мурамца
Как его-то же всё да родной батюшко,
210 И Иван-от же свет да Тимофевич же,
И родима его да родна матушка.
И тут Илья-та да Илья Мурамец
Одевал он на сибя платьё да богатырьское,
Одевал на сибя латы да богатырьские,
215 Ише брал же он копьё да копьё востроё,
Ише брал же он скоро да палицю булатную,
Ише брал-то скорó да он поехал же.
Он проехал прямо путём-дорогою,
Он ко тем лесам да всё ко Брыньским же,
220 Где сидел-то Соловей да сын Рохматьёвич,
Он сидел-то да на семи дубах,
На семи дубах да на семи верстах.
Услыхал Соловей-разбойник сын Рохматьёвич,
Што ёдёт-то Илья Мурамецъ,
225 Закрýчал он да по-звериному,
Засвистел же он да по-соловьиному,
Мать сырая земля да потрясалася,
У Ильи-то да Ильи Мурамца
Ёго доброй конь да испугалсе же,
230 На колени падал скоро на матушку сырú зёмлю.
Брал-то Илья-та, Илья да Илья Мурамецъ,
Он скорó-то брал же плёточку шелковую,
Он хвостал коня да своего Белеюшка:
«Ах ты волчья сыть да травяной мешок,
235 Не слышал развё ты свисту соловьиного,
Не слышал развё ты крыку всё звериного?»
И тут же ехал скоро он да ко семи дубам,
Где сидел разбойник Соловей же всё,
И Соловей же сын да всё Рохматьёвич.
240 Ише брал Илья скорó да всё тугой же лук,
И тугой же лук же брал в ручки свои белые,
Он же клал скоро стрелочки калёныя,
Он стрелял-то скорó да во сырой же дуб,
Во сырой же дуб да всё стрелочка летела же,
245 Из сырá дубú да Соловью-разбойничку
Во правой же глаз прямо́ ему же розлетеласе,
Тут же падал Соловей да со дубу на матушку сыру зёмлю,
И тут скакал Илья скоро да со добра коня,
Со добра коня скакал да богатырьского,

- 250 Ише брал он Соловья да приковал к своему же стремечку булатному
И привязывал его крепко-накрепко,
И повёз же его ко городу ко Киеву,
А ко ласковому князю Владимиру.
Уж как ехал Илья да Илья Мурамец
- 255 Ко Соловью-ту ко разбойнику, к его ко терему.
Увидала Соловья да сына Рохматёвича
Как его-то же всё да молода жона,
Говорила она своим же дочерям любимым же:
«Уж вы ой еси, мои вы дочери любимые,
- 260 Вы подите-ко же вы скорехонько
И посмотрите-ко едёт ваш да родной батюшко,
Ише тот ли разбойник Соловей да сын Рохматёвич,
Он везёт какого-то да мужичонка-то».
Тут пошли скорó ее три дочери любимыя,
- 265 Они смотрять-то пошли скорó да всё рассматривать.
Россмотрили дочери любимыя:
«Ой ты матушка же наша всё родимая,
Не наш же едёт родной батюшко,
А едёт какой-то мужик, везет нашего да рódна батюшка,
- 270 А как Соловья сына да всё Рохматёвича,
У коня же он да всё привязан же».
Говорила-то тогда им рódна матушка:
«Уж вы ой еси, мои вы дочери любимые,
Вы берите-ко со спицьки же ключи же всё,
- 275 Отмыкайте-ко-се вы глубокия же по́греба,
Вы берите миски золотыя же,
И насыпайте миску вы да чиста сéребра,
А вторую миску дорогого красна золота,
А третью миску дорогого скатна жемчуга,
- 280 Вы несите-ко да мужичонку всё ударивайте,
Вы ударивайте его да низко кланяйтесь,
И откупите же вы да рódна батюшка,
А Соловья-та вы сына всё Рохматёвича».
Подъезжал Илья да ко ихному ко терему,
- 285 Выходили Соловья да рódны дочери
Со подарками да с дорогима же,
Они низко ему да всё же кланялись:
«Ты прими, прими, богатырь всё же русьские,
Дорогí нашí подарочки же всё от нас,
- 290 Ты отдай же нам да рódна батюшка,
Уж ты разбойника Соловья сына Рохматёвича».
Говорил-то им да Илья Мурамец:

- «Мне не надо ваши дороги подарочки,
Не отдам же я вам да рódна батюшка,
295 Уж как то ли разбойника да Соловья Рохматьёвича».
И тут же стояла его да дочь любимая,
Ише та же была у его немая-тя,
Она брала она да всё же стрелочку брала калёную,
Натегивала лук, она брала в рукú,
300 <О>на стреляла прямо же да в Илью Муромца,
Мимо стрелочка да мимо пролетела Илью,
Нехватила Ильи да Ильи Муромца
И его-то коня да богатырьского.
Тут скакал Илья скорó да со добра коня,
305 Он тут стрелял-натегивал да свой тут калёной лук,
Он стрелял-то в его дочь любимую,
Он подстрелил-то всех, и взял свою палицу булатную,
И отрубил же у их да буйны головы,
И он зажог взял ихнó же всё подворьицо,
310 Сам поехал ко славну городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Приезжал скоро да он во красной Киев-град,
Ко терему-ту приезжал да княженеському,
И ко тому ли ко столбу да ко точеному,
315 Ко тому же колечушку золочёному,
И он пошел-то скоро во грини княженеськия.
Он заходил-то скоро во грини княженеськие,
Он же клал-то кресс<т> да по-писанному
И поклон-от вёл же всё да по-учоному,
320 Он во все четыре стóроны да низко кланялсе,
Он могучим всё руськím богáтырям,
Ише князю-ту Владимиру челом же бил да в праву рученьку:
«Уж здрастуй, здрастуй, князь Владимир Святослаёвич». —
«Уж ты здрастуй, здрастуй, доброй молодець».
325 Говорил же князь Владимир Святослаевич:
«Я не знай же, как тибя назвать по ймянну,
Я не знай, как назвать вас по отечесьву». —
«А мя звать-то, красно солнышко Владимир-князь,
Я же еду из города из Мурома,
330 Из села-та еду я да из Качарова,
Уж я же сын же да всё хресьяньской же!»
Говорили князю да всё Владимиру,
Што его-то бояре же любимые:
«Уж ты ой, ты князь Владимир Святослаёвич,
335 Э тот наехал же да скоморошина,

- Он неправду тебе, князь, сказывают,
 Ише как мог из города из Мурома приехать:
 Ише та дорога была — некто наезживал,
 Она залёгла ровно на тридцать три же годичка,
 340 И некто не мог той дорогою проехать.
 И как сидел-то Соловей да на семи вёрстах,
 Соловей-разбойник сын же всё Рохматьёвич,
 На семи верстах да на семи дубах,
 Некого он же не пропускал же всё,
 345 Не проезжого да не прохожего,
 Не перелётного же да ясна сокола,
 Он своим криком звериным да всех сгонял же он,
 Он соловьиным свистом да умертвлял же всех,
 Ише как же он же мог да всё проехать?»
 350 Тогда говорил да Илья Мурамецъ,
 Илья Мурамецъ да сын же всё Иванович:
 «Уж ты ой еси, ты князь Владимир Святослаёвич,
 Ты не веришь моим речам да всё же вы,
 Подём-ко-се же всё да на широкой двор,
 355 Посмотри же ты у меня да Соловья сына Рохматьёвича,
 Привезён он у меня, у добра коня же всё.
 И ты подём». Скоро князь стал да походить же всё
 На широкой двор да одеватися.
 Они пошли скоро смотреть да Соловья сына Рохматьёвича.
 360 Говорил-то князю Илья Мурамецъ,
 Илья Мурамецъ же всё Иванович:
 «Уж ты ой еси же, князь Владимир Святослаёвич,
 Уж ты дай-ко мне да зелена вина,
 Зелена вина да полтора ведра,
 365 У Соловья-разбойника да запеклись уста же кровью у его,
 И што у его запеклись, да всё дай ему напитисе».
 Тут же князь Владимир велел скоро же подать Ильи.
 И брал Илья наливал скоро да зелена вина,
 Выливал разбойничку Соловью сыну Рохматьёвичу,
 370 Выпивал же он всё да за единой дух,
 Приказал Илья ему кричать да по-звериному,
 И приказал ему свистеть да по-соловьиному.
 Закрычал-то Соловей-то разбойничок да сын Рохматьёвич,
 Закрычал же он да по-звериному,
 375 Зашипел же он да по-змеиному,
 И тут-то князь Владимир-от да испугалсе же,
 И тут же подломились у его ноги же резвые,
 Не слышал-то он такого страху великого,

- И он крыку-ту не слышал же всё звериного,
 380 Шипотку-ту не слышал змеиного.
 Он не слышал-то свисту-ту да соловьиного,
 Тут стояли-то бояре княженеския,
 Они держали-то князя Владимира за рученьку за правую,
 И держали-то князя да всё под левую,
 385 Ише стали унимать да Илью Мурамца,
 Э што же унес он Соловья сына Рохматьевича.
 И тут уж зачал унимать его да Илья Мурамец,
 А он униманьца да всё не слушает,
 Он ведаёт его да всё не слушает,
 390 И тут никак не мог Илья его унять же всё.
 Он хватал Илья свою-ту палицу булатную,
 Он отсек у Соловья сына Рохматьевича,
 Он отсек у его взял да всё буйну голову,
 И тут же ему-то смерть да всё ему случилася.
 395 И тогда повел-то князь Владимир его во грины кнеженеския,
 Он садил его за те ли за столички за дубовые,
 Он за те ли то за скатерти за бранные,
 А как за те ли всё за ества-ти всё сахарные,
 И как попить, поисть, покушати.

№ 32

- Во городи было во Муроме,
 Во селе-то Качарове
 Жил крестьянин Иван Тимофеевич.
 Было у них да чадо милое,
 5 Чадо милое, любимое,
 Молод Илья свет Иванович,
 Ровно было Илье Муромцу от роду тридцать лет.
 Во ту пору, в то времечко
 Приходили к нему калики перехожая,
 10 Попросили у Ильи Муромца
 Попить студеной воды холодною.
 Говорил Илья Муромец таковы речи:
 «Уж ты ой еси, калика перехожая,
 Я бы рад тебе подать воды холодною,
 15 У меня нету, — говорит, — ног,
 Не могу ходить».
 Говорит калика перехожая:
 «Ты ставай, Илья Муромец, на резвы ноги,

Выпивай-ко ковш да воды холодною».

(Я уж забыла чего — пива, воды или меду.)

- ²⁰ Тут выпил Илья Муромец,
Он чувствует силушки прибавилось.
Тут калики перехожого не очудилось.
Как приехал тогда батюшка родимый,
Ишше тот ли Иван да Тимофеевич,
²⁵ С полевой с тяжелой работушки,
Его да чадо милое,
Ише молод Илья да свет Иванович,
Около домику он-то всё похаживает,
Говорил он батюшку таковы слова:
³⁰ «Ты купи-ко мне, батюшка, коня да богатырьского,
Я буду ездить поляковать да во чистó полé».
Тут ему батюшка Иван да Тимофеевич,
Он купил ему да жеребеночка,
Ише стал рóстить он жеребеночка,
³⁵ Он стал его валять в зорях в Иванской,
А во второй заре в Ильинской,
А в третьёй заре в Петровской,
И сделался тогда жеребеночек
Добрým конем да богатырьским,
⁴⁰ Богатырьским же всё Сереюшком.

(Я еще забыла, когда тот, что давал ему выпить воду, что ли,
сказал: «Во чистом поли тебе да смерть не писана».)

Тогда захотелось Илье Муромцу
Съездить во город ко Киев ко славному князю ко Владимиру.
Он поехал ко князю ко Владимиру,
Он увидел в чистóм полé,

- ⁴⁵ Он увидел три дороги, написано:
«Если вправо ехать — убитому быть,
Если влево ехать — коню мёртвому быть,
Если прямо ехать...»

(Не знаю.)

«Если коню убиту быть, — говорит, —

- ⁵⁰ Так это не надо.
Поеду я лучше, где самому убиту быть.
Мне, — говорит, — старому-седатому жизнь не надобно».
Он поехал этой дорожкой самоезжею,
Некто́ этой дорожкой не езживал ровно тридцать лет,
⁵⁵ Вся эта дорожка заросла ельничком-березничком.
Ише стал тут Сереюшко поскакивать,
Стал ельничек-березничек поламывать.

- Тут видит Илья Мурамец,
Илья Мурамец да сын Иванович:
60 Как на семи дубах да на семи столбах сидит змей.
(Змей ли он или Идолище поганое — не помню, только не Идолище.)
Как увидел он да Илью Мурамца,
Засвистел он по-соловьиному,
Зашипел он по-змеиному —
Вся мать сыра земля да потрясалася.
65 Говорил он Илье да таковы слова:
«Захотелось, — говорит, — тебе да добру мѳлодцу,
Быть тебе да всё убитому».
Говорил да Илья Мурамец,
Говорил да таковы слова:
70 «Ише мне старому-седатому
Во чистѳм полѳ да смерть не писана».
Он стрелял-то в змея.
(Я вот не помню, как того змея называли.)
Он падал на сыру землѳю.
Тут вязал да Илья Мурамец,
75 Он вязал его к хвосту да ко Сереюшку,
Он повез его ко городу ко Киеву,
Ко славному ко князю ко Владимиру.
Приезжал он ко городу, ко Киеву,
Оставлял он коня своѳго богатырьского,
80 Заводил в конюшенку в дубовую,
Сам пошел он во полаты в белокаменны.
Говорил тогда князь да таковы речѳ:
«Ты откуда, добрый мѳлодец, приехал к нам?» —
«Я приехал-то из города из Мурома,
85 Из села-то я приехал из Качарова,
Я от той семьи да от крестьянской,
От того ли от Ивана Тимофеевича,
Я его да чадо милое,
Ише тот ли я да Илья Мурамец,
90 Я приехал служить да верой-правдою». —
«Ише как же ты, доброй мѳлодец да Илья Мурамец,
Ише как же ты приехал к городу ко Киеву?
Залегла наша дорожка да ровно тридцать лет,
Не было ни конного, ни пешего,
95 Ни конного, ни пешего, ни проезжего». —
«Уж ты Владимир свет да стольно-киевской,
Как поганой змей привезѳн к тебе да на широкой двор».
Пошли они смотреть да на поганого змеѳньша.

Тут приказал да Илья Муромец
 100 По-змеиному да шипеть ему,
 По-соловьиному свистеть ему.
 Ещё мать сыра земля да потрясаласе,
 В реках, в озёрах вода да колыбаласе,
 Весь народ да люди ужасалисе,
 105 А князь Владимир полумёртвым был,
 Тогда приказал поганому змеёнышу
 Замолчать да Илья Муромец.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК (№ 33—37)

№ 33

Перва поездка Ильи Муромца
 Из славнаго из города из Мурома.
 Клал-то он заповедь великую,
 Клал на палицу тяжелую:
 5 До славнаго до города до¹ Киева
 Не отковывать от стремени булатнаго,
 Ещё клал он заповедь великую
 На сабельку на вострую:
 Не отковывать от стремени булатнаго
 10 До славнаго города до Киева.
 Ещё клал он заповедь великую
 На копье бурсоменское:
 Не отковывать от стремени булатнаго
 До славнаго города до Киева.
 15 Собирался Илья Муромец
 Из города Мурома.
 Зазвонили честну раннюю заутреню,
 Читали третью кафизму воскресенскую.
 Ещё едет осударь по чисту полю,
 20 Завидел под градом под Чиженцем:
 Обступила кругом сила неверная.
 Ещё едет осударь Илья Муромец
 Ко той силе да неверной,
 Сам говорит таковы речи:
 25 «Прости меня, Господь, в таковых грехах,
 Что клал я заповедь великую
 На ту же сабельку на вострую».
 Поехал осударь Илья Муромец
 В ту же силу да неверную,

- 30 Секет он старого и малаго,
Не покидает ни единого на семена.
Присек-то всю силу неверную.
Выходят мужики из Чиженца,
Отпирают ворота, стены городовья,
- 35 Выносят чашу красна золота,
Сами говорят таковы речи:
«Уже ли нам послал Господь ангела,
Не уж-то послал архангела,
Или русского могучаго богатыря?»
- 40 Говорят мужики города Чиженца:
«Земли русской сильный богатырь!
Поди к нам, хоть царем служи,
Хоть королем слыви,
Бери злата, сколько тебе надобно».
- 45 Говорит осударь Илья Муромец:
«Мне не надо ваша золота казна,
Скажите про дорожку прямоезжую —
Куда ездят во красен Киев-град?»
- Говорят мужики города Чиженца:
50 «Прямоезжая дорожка нечиста крепко,
Есть три заставушки великия:
Первая застава — грязи черныя,
Втора заставушка — дремучи леса,
Третья заставушка есть речинька,
- 55 Речинька Смородинка.
У той речиньки Смородинки
Нет перескоку лошадинаго —
Есть-то у речинки каленый² мост,
У того же мосту у каленаго
- 60 Сидит Соловей на семи дубах.
Ни конному, ни пешему проезду нет,
Ни ясному соколу проезду³ нет.
Окольной дорожкой ехать три года».
- Поехал осударь Илья Муромец
- 65 По той дорожке прямоезжия.
Приехал к первой заставушке — грязи черныя.
Он левой рукой коня ведет,
А правой рукой мост мостит,
Проехал заставу — грязи черныя.
- 70 Приехал к заставе — дремучим лесам.
Он левой рукой коня ведет,
А правой рукой дубы рвет.

- Приехал к третьей заставушке —
 Ко той речке Смородинке,
 75 Ко тому мосту каленуму:
 Сидит Соловей на семи дубах.
 Заревел Соловей по-звериному,
 Засвистел по-соловьиному,
 Под богатырем конь спотыкается,
 80 Спотыкается конь, ужахается.
 Уж как бьет осударь добра коня,
 Бьет по тучным бедрам:
 «Не слышал ли ты крику богатырского,
 Не слышал ли ты свисту соловьиного?»
 85 Затягивает осударь лук разрывистой,
 Кладет стрелочку каленую.
 Стрельнул стрелочкой каленую.
 Пала стрелочка Соловью во правый глаз,
 Пал Соловей со семи дубов,
 90 Пал Соловей на сыру землю.
 Берет осударь Илья Муромец,
 Берет-то его на добра коня,
 Поехал осударь Илья Муромец.
 Случилось ехать мимо Соловьина гнездышка,⁴
 95 Увидели Соловьины деточки.
 Большая дочь говорит:
 «Вот батюшко едет, мужика везет».
 Средняя дочь говорила таковы речи:
 «Батюшко едет, мужика везет
 100 На съеденье малым деточкам».
 Меньшая дочь говорила таковы речи:
 «Мужик-то едет везет батюшка,
 Приковал он ко стремени булатному».
 Большая дочьхватила подворотенку,
 105 А середняхватила коромысельце,
 Меньшаяхватила помельшко.
 Говорит Соловеюшко Рахманович:
 «Не гневите-тко сердца богатырского,
 Насыпайте телеги красна золота,
 110 Возите ко городу ко Киеву,
 Выкупайте родимаго батюшка».
 Поехали осударь Илья Муромец
 Ко славному ко городу ко Киеву,
 Заезжает во город во Киев.
 115 Разъехался осударь Илья Муромец

- Ко тому ко князю ко Владимиру
На широкий двор.
Он мечет коня среди двора,
Оставляет Соловеюшка у стремени,
120 У стремени булатнаго.
Пошел Илья Муромец
Во гридню княженецкую.
Крестом⁷ кладет по-писаному,
Поклон-от ведет по-ученому,
125 Кланяется чудным образам,
Бьет челом князю Владимиру
И всем русским могучим богатырям,
И всем боярам по обычаю.
Понесли перву яству — лебедь белую,
130 Садил осударя во больши места,
Наливали чару зелена вина,
Немалу чару — полтора ведра.
Принимает осударь единой рукой,
Выпивает единым духом.
135 Хмелина в голове появилась.
Сам говорит таковы речи:
«Я ехал дорожкойю прямоезжею,
Очистил дорожкую прямоезжую,
Я привез Соловьюшка Рахманова».
140 Говорят-то ему князи-бояри:
«Наехал мужик-засельщина,
Засельщина, деревеньщина,
Пустым-то мужик похваляется».
Говорит-то осударь Илья Муромец:
145 «Пойдемте на широкий двор».
Пошли все бояра на широкий двор —
Сидит Соловей у стремени булатнаго.
Говорит-то Владимир стольно-киевский:
«Засвисти, Соловей, по-соловьиному».
150 Говорит Соловеюшко Рахманович:
«Не твое я пью, кушаю, не тебя и слушаю».
Говорит осударь Илья Муромец:
«Уж ты гой еси, Соловеюшко Рахманович!
Засвисти, Соловеюшко, по-соловьиному,
155 Зареви, Соловей, по-звериному».
Засвистел Соловей по-соловьиному,
Заревел Соловей по-звериному.
С боку на бок палата сколыбалася,

- Ужасается Владимир стольно-киевский,
 160 Сам говорит таковы речи:
 «Не могу я слышать свисту Соловьинаго».

Под праву руку подхватывал
 Добрынюшка Никитич,
 Под леву — Олёшенька Попович.
- 165 Все-то князи-бояра испопадали
 От того свисту Соловьинаго,
 От того реву зверинаго.
 Говорит-то Владимир стольно-киевский:
 «Ты гой еси, осударь Илья Муромец!
 170 Закличь Соловеюшка Рахманова».

Закликал осударь Илья Муромец.
 Натянули его деточки роженные,
 Натянули злата-серебра,
 Выкупать батюшка родимаго.
- 175 Берет осударь Илья Муромец злата-серебра.
 Первую ношу кладет во Божью церковь,
 Другую сиротам православным,
 Третью во красен Киев-град.
 Выпускает Соловеюшка Рахманова,
- 180 Берет с него роту великую:
 «Не сидеть-то тебе на семи дубах».

Пошел Соловеюшко Рахманович,
 Пошел ко своему широку двору.
 Остался осударь Илья Муромец
- 185 Жить во городе во Киеве.

№ 34

- А как перьвая была поездка Ильи Муромця
 А из Мурома до Киева.
 А как клал-то он да промеж собой ведь заповедь
 Межь заутреней поспеть к обедни воскресеньския.
- 5 А пошол-то он да на широкой двор,
 А седлал, уздал своёго коня да лошадь добрую:
 Шьто накладывал на спину лошадиную-ту войлучок,
 А на войлучок накладывал седельшко черкальскоё,
 Вот затёгивал-то он двенадцеть отужинок,
- 10 А застегивал-то он двенадцеть пряжочок,
 ⟨И⟩'шше отужинки были шелкóвья,
 А как пряжочки былі да золочёнья,

- А как шпёнышки были булатныя,
 А того-то белого булата заморьского —
- 15 Шьто не ради-то красы, да ради крепости,
 Ради тэх-то пришпехов богатырскихя.
 Он приковывал-то палицю ко стремену булатному.
 А ка(к) клал-то он к палици заповедь великую,
 Шьтобы от Мурума до Киева-то палици-то не отковывать.
- 20 А как одевалсэ доброй молодець да в платьё богатырское,
 А прошшалсэ он с отцём да с рóдной матушкой:
 «Ты прошшай-ко-се, да мой рóдной батюшко!»
 Он ведь лёкко скакал да на добра коня.
 А как видели тут молодца сряжающись,
- 25 А не видели-то ёго поездки богатырскихя.
 Он поехал из города из Мурома,
 Из того жо села да Карачаёва.
 А как подъезжаёт к городу к Черни-городу —
 Тут стоит-то под Черни-городом сила великая,
- 30 А хотят-то розбить, розорить-то город Чйженец,
 А Божьи церкви хочут да под конюшни взеть.
 А сидит-то старой на добром кони да призадумалсэ:
 «А шьто клал-то я себе-то заповедь великую,
 Шьто от Мурома до Киева да палечи-ты не отковывать,
- 35 Как прости меня Господь да в таковой вины!
 Я не буду боле-то класть заповеди великия».
 Отковал-то он ведь паличу тяжолою,
 Он ведь постёгал коня да по крутым бедрам,
 А заехал во ту силу великую.
- 40 А да вперед махнет — дак сделат улицей,
 А назад махнет — дак переулками,
 Коё бьет, больше конём всё мнет.
 Он прибил, притоптал всю силу великую.
 Говорят-то мужики чернигорци,
- 45 Они говорят да таковы речи:
 «Уж как с нёба нам послал Господь-от аньгела».
 А други-ти: «Нет, не аньгела Господь послал,
 А нам по́слал Бог-то руського могучего богатыря».
 А как стречают, мужики-ти города Черни-города,
- 50 А стречают, отпирают ёму ворóта городóвья,
 А стречают, ёму низко кланетьсе:
 «А приди ты к нам хошь князём живи в Черни-городи, хошь боярином,
 Хошь купцём у нас слови, гостем торговыма.
 Мы ведь много дайм тебе золотой казны несчётныя».
- 55 Говорит-то старой таковы речи:

- «Не хочу-то у вас-то жить не князём, не боярином,
 Не купцём, гостем торговым жа.
 Мне не надобно-то ваша золота казна несчётная:
 Золотой казной мне ведь не откупатисе!
- 60 Только вы скажите в красен-от Киев-град дорожку прямоезжую:
 Кольке времени ехать какой дорогою?» —
 «Прямоезжей дорогой надоть ехать три месеца,
 А окольную дорогой надоть ехать три года.
 Заросла-то прямоезжая дорожка равно тридцать лет,
- 65 Заросла-то она лесым темным жа,
 А как ес(т)ь на ей три заставушки великия:
 А как перьва-та застава — лёсы тёмныя,
 А втора-та застава — грэзи чёрныя,
 А как третья-та застава есть ведь реченька Смородинка,
- 70 А у той-то у речки есть калинов мост,
 А тут есть-то, тут Солóвьёшко живет Рохманьёвич,
 А сидит-то Соловьёшко да на девети дубах,
 А как ревёт-то Соловёюшко да по-звериному,
 А свистит Соловейко по-соловьиному,
- 75 А сидит-то собака, шипит он по-змеиному.
 А не конному, не пешому проходу нет,
 А не серому волку прорыску нет,
 А не ясному соколу пролёту нет». —
 «Ну, спасибо-те, мужики, за дорожку прямоезжую!»
- 80 Он поехал по той дороги прямоезжою.
 А как он приехал к лесу тёмному,
 Соходил-то он да со добра коня,
 А левой рукой-то он коня ведет,
 А правой рукой дубье рвет да ведь с коринём,
- 85 С коринём рвет да ведь мост мостит:
 Он проехал-то лесы тёмныя,
 А проехал-то он да грэзи чёрныя,
 А доехал до той жа речиньки Смородинки.
 Как увидал ёго Соловьёшко Рахманьевич,
- 90 Зашипел-то¹ Соловьёшко по-соловьиному.
 Заревел-то Соловьёшко да по-звериному,
 Как ведь зашипел он, Соловьёшко, по-змеиному,
 Ише мать сыра земля да потрёсаласе,
 А сырó дубьё да пошаталосе.
- 95 Как потнулсэ ёго конь, на колени пал
 А от того от свисту соловьиного,
 А от рёву-ту он от звериного.
 А как бил он коня да по крутым бедрам:

- «Уж ты волчья пасть² да травяной мешок!
 100 Не слышал ты разе свисту соловьиного,
 Не слышал ли ты реву звериного,
 А не слышал шипотку-ту всё змеиног³?»
 А как брал-то он да свой розрывчат лук,
 Натягал-то он тетивоньку шолкóвую,
 105 А накладывал-то он стрелочку калёную,
 Сам ко стрелочки да приговаривал:
 «А лети моя стрела да по-под небёса,
 А не падай не на воду, не на землю, не в сýрой дуб,
 А пади-тко-се Солóвьешку во правой глаз».
 110 А как полетела стрелочка да по-под нёбеса,
 А как падала стрела не на воду, не на землю, не в сýрой дуб,
 Она падала стрелочка Соловьешку во правой глаз.
 А как падал Соловьешко да на сыру землю.
 Подъезжал тут старая стариньшина да под Соловьешка,
 115 А приковывал-то Соловьешка да за белы́ руки,
 Подымал Соловьешка да на добра́ коня,
 А приковывал ёго ко стремену булатному,
 А подымал он Соловьешка-то на добра́ коня,
 А поехали они ко городу ко Киеву.
 120 А как мимо ехали Соловьево высокое подворьицё,
 А высокое-то дворицё, высок терем,
 Как увидели Соловьешка да рóдны дочери,
 А больша-то говорит: «Как батюшко-то едёт, мужика везет».
 Да втора-то сёстра говорит: «То мужик-от едёт, везет батюшка».
 125 А как едут они к Соловьешку да к широку́ двору,
 Да взяла ёго большая дочь да подворотину,
 А хотела убить да Илью Муромця.
 Подхватил-то старый казак да Илья Муромец да подворотину,
 Ухватил-то ей да из белых-то рук,
 130 Тут он хватил своё востро́ копье,
 А сколол-то его большую дочь.
 Говорит Соловьешко Рохманьёвич:
 «Уж вы гой еси, мои дочерья любимыя!
 Не грубите, не гневите серьдца богатырьского,
 135 Выкупайте мя да из неволушки:
 Насыпайте ёму три-то мисы красна золота,
 А три-то мисы чиста сёребра,
 Насыпайте три-то мисы меди, всё козáрочки».
 А поехал он ко городу ко Киеву,
 140 А не зашел-то он к Соловьешку в высок терем.
 А приехал в славной Киев-град,

- Ко ласкову приехал князю на широкой двор,
 Как ведь соходил-то со добра коня,
 А вязал-то коня да среди двора,
 145 Среди двора к дубову столбу да к золоту кольчу.
 Как заходит на крылечико косисчато,
 Со красна крыльця в полаты княженецькия,
 А он крест-от кладёт да по-писаному,
 А поклон-эт ведёт да по-ученому,
 150 А как бёт челом-ту князю во рученьку во правую:
 «Уж ты здраствуй, князь Владимир стольне-киевської!» —
 «Уж ты здрастуй-ко, дороднёй доброй молодець!
 Я не знаю твоёго не имени, не отчины —
 Величь тебя по имени, называть по отечесьву».
 155 А князям, боярам всё — во левую.
 «Уж ты гой еси, дороднёй доброй молодець!
 Ты садись-ко за ти столы окольния,
 А за ти жа за скатерти за бранья,
 А за кушанья за розноличния».
 160 А как сел-то Илеюшка за столы за белодубовы.
 Как-от пир идёт навесели,
 Красно-то соньчэ идёт на ёсени,
 А как красно-то соньчэ идёт ко западу,
 Ко западу идёт, ко закату.
 165 А как вси-то на пиру-ту сидят пьяны, веселы,
 Пьяны, веселы сидят, хвастают:
 А как всё богатой-от хвастат золотой казной,
 Иной-от хвастат широким двором,
 Как иной-от хвастает добрым конём,
 170 Сильн(о)й-от хвастат своей силою,
 Умной-от-то хвастат родным батюшкой,
 А разумной-от хвастат родной матушкой,
 А неразумной-от ведь хвастает родной сестрой,
 А как глупой-от хвастат молодой жоной.
 175 Как Владимир-от по гридни-то похаживат,
 А белыма-ти ручками розмахиват,
 А желтыма-ти кудрями принатряхиват.
 А как сам он говорил да таковы слова:
 «Уж у мян вси-то на пиру пьяны, веселы,
 180 Ишше вси у мян на честном хвастают,
 А как приежай-от гость сидит, нечим не хвастает.
 Уж ты шьто жо, дороднёй молодёць, нечим не хвастаёшь?» —
 «А как чим-то я буду всё ведь хвастати?
 Ише тим рази ведь я похвастаю —

- 185 Промежду заутринёй, обедней воскресеньския
Хотел-то я приехать из города из Мурома,
Из села-то приехать Карачеева.
А как ехал тут-то я путём-дорогою,
А стоит под городом Черни́-городом сила великая,
- 190 А великая сила, немалая.
Я тут побил ту силушку великую,
А приехал я ко городу Черни-городу,
А спросить у мужичков города Черни-города,
А спросить про дорожку прямоезжую.
- 195 Указали мне дорожку прямоезжую —
Ишше тридцеть лет по етой дорожочки не езжено,
Ишше было на ей три заставушки великия:
Как перьва-та застава были лёсы тёмныя да грёзы чёрныя,
Как приехал-то тут к двум заставушкам,
- 200 А сошел-то я со добра́ коня,
А лево́й рукой коня веду, право́й рукой дубьё рву,
А как дубьё-то рву да совсим с коринём.
Как я проехал тут да грёзи чёрныя да лёсы тёмныя,
А приехал к третию заставушки,
- 205 Я приехал туто к речинки Смородинки.
А сидит-то Соловьёшко Рохманович,
Да сидит-то вор-собака на девети дубах:
Я его сострéлил с девети дубов».
Тут-то закричели князи, бóяра:
- 210 «Уж ты гой еси, мужичонко приехал, задлэньшина ты, деревеньшина».
А как тут старóму казаку за беду да показалосе:
«Уж вы гой еси, бояра кособрюхия!
А седит-то у меня Соловьёшко да на добрóm кони,
На добрóm кони, у князя среди двора,
- 215 А прикован у мня ко стремену́ булатному».
Говорил-то тут Владимир-князь:
«Уж ты гой еси, дороднёй доброй молодець!
Навекú я не видал Соловьёшка Рохманьёва,
Не слыхал я ёго свисткоткú соловьиного,
- 220 А не слыхал-то я реву звериного,
А не слыхал-та я да шипоткú змеиного.
А покажи-тко-се мне Соловьёшка Рохманьёва,
А заставь ёго свистеть-реветь да по-звериному,
Шипеть ёго да по-змеиному».
- 225 Пошли они да на краснó крыльцё;
Выходили тут бояра кособрюхия
А смотреть, слушать рёву соловьиного-змеиного.

- А как говорит-то старьй казак да Илья Муромець:
 «Уж ты гой еси, Соловьёшко Рохманович!
- 230 Ты свисти-тко-се полсвисту соловьиного,
 А реви-тко-се полреву ты звериного,
 Ты шипи-тко-се полшипотку всё змеиного».
- А не послушал он да Ильи Муромця,
 Засвистел-то он во весь свист-от соловьиных,
 235 Заревел во весь-то рев звериных,
 Как зашипел он во весь-то шипоток змеиных.
 Ише мать сыра земля да потрясаласе,
 Полаты княженецьки зашаталасе,
 А как у князя резвы ножки подломилисе,
- 240 Буйна голова с плеч да подкатиласе.
 Захватил князя Илья Муромець во праву руку к себе под пазуху,
 А кнегину захватил под руку-ту всё под левую,
 А как дёржит-то их в охапочки.
 Как бояра-ти испопадали да вси ведь замертво.
- 245 А как закрычал старьй да зычным голосом:
 «Уж ты гой еси, вор-разбойник Соловей Рохманьёвич!
 Тебе полно реветь да по-звериному,
 Перестань свистеть по-соловьёному,
 Перестань шипеть да по-змеиному».
- 250 А как тут бояришка поверили, забоелисе.
 А как соходил старьй со красна крыльця,
 А отковывал-от стремена булатных,
 А отсек Соловьёшку-ту буйну голову.
 А как Соловьёшку у князя на двори да смерть кончаласе.

№ 35

- Нам не дорого не злато да чисто сёребро,
 Дорога наша любовь да молодецкая:
 Да как злато-то, сёребро минуитца,
 Дорога наша любовь не позабудитца,
 5 Да как перьва поездка да Ильи Муромца
 От славного города от Мурома
 Ко славному городу ко Киеву.
 Он уздаёт, седлает да коня доброго,
 Ён кладёт седельшко черкальское,
 10 Да постёгивал подпружинки шолковы,
 Да застёгивал пряжечки чиста золота,
 А брал с собой меч да саблю вострую

- И брал-то копье да борзомерное,
Он приковывал ко стремени булатному —
- 15 Не отковывать от города от Мурома
Да до славного города до Киева.
Лёкко, скоро скакал да на добра коня.
А как видели богатыря — сряжаитце,
Да не видели поездки богатырския,
- 20 Только видели — в чистом поли курева столбом.
Ён выехал на шоломя окатисто,
Да здрил-то, смотрел на все четыре стороны.
Да со западну видел со стороночку:
Да не грозна туча поднимаитце,
- 25 А стояла-то там сила неверная
Под славным-то городом под Чйженцем.
Говорит-то сударь да Илья Муромець:
«Да прости миня Бох да в таком греху!
Я клал-то ведь заповедь великую
- 30 Да на ту же на меч да саблю вострую,
Да на то же копье да бурзомерное,
А тепере мне сабля да нужно-надобно».
Отпадала-то сабля от стремени булатного,
Он берёт-то саблю да во белы руки,
- 35 Сам поехал во ту силу неверную.
Он рукою махнул — дак лежит улицей,
Да в другу¹ махнет — дак переулками.
Он пресек-то ведь всю силу неверную,
Сам поехал-то в город Малой Чиженец
- 40 Да ко тим мужикам да малочиженцам.
Говорят мужики да малочиженци:
«Уж ты вой еси, удалой доброй молодець!
Уж ты хошь ли у нас да царём царить,
Уж ты хошь ли у нас да седокóм сидеть?»
- 45 Отвечат им восударь да Илья Муромець:
«Не хочу я у вас да не царём царить,
Не царём я царить, не седоком сидеть.
Вы скажите мне про дорожку прямоезжую,
Да куда-то ездить в красён Киев-град».
- 50 Говорят мужики да по второй након,
Говорят-то они да по третей након.
«Не хочу я у вас ведь не царём царить,
Не хочу я у вас не седоком сидеть.
Вы скажите мне про дорожку прямоезжую,
- 55 Шьто куда-к ли мне ехать да в красён Киев-град». —

- «Уж ты вой еси, уда́лой доброй молодець!
 Да как около ехать тебе будет три года,
 А прямо-то ехать тебе три месеца.
 Да по той жа дорожки прямоезжия
- 60 А ес⟨т⟩ь ли три заставушки великия:
 Да как перьва застава — да лёсы тёмныя,
 Да втора застава — да греди чёрная,
 Да как третья застава — реченька Смородина,
 А у той же у речки да у Смородинки
- 65 У ей нет переброду да часто-мелкого
 Да нет перескоку да часто-узкого.
 У ней ес⟨т⟩ь через ей один калёнов мост
 У того ес⟨т⟩ь у моста у калёного
 Да сидит Соловей на девети дубах.
- 70 Там не конному, не пёшому проезду нет,
 Да не ясному соколу пролёту нет,
 Да по целому богáтырю с конём глотат».
 Тут немного богáтырь да розговаривал,
 Покручэ свою лошадку поворачивал.
- 75 Он поехал по дорожки да прямоезжия.
 Ай приехал ведь он да к заставушки великия,
 Да ведь где были тут греди черныя,
 Да там ли стояли да лёсы тёмныя.
 Он и сходит, восударь наш Илья Муромець,
- 80 Он и сходит, слезает да со добра́ коня,
 Он одною рукой да он коня ведет,
 Да другою рукой он ведь дубьё рвет,
 Да дубьё-ти рвет да коню мос⟨т⟩ мостит.
 Он проехал две заставушки великия
- 85 Да приехал ко третьей заставушки великия,
 Ко той же ко речки ко Смородины.
 Говорит ли государь наш Илья Муромець,
 Говорит-то ведь он да таковы речи:
 «Уж ты вой еси, речинька Смородинка!
- 90 На те нет переброду да часто-мелкого,
 Да и нету перескоку да часто-узкого.
 Да ес⟨т⟩ь через тебя один калёной мост,
 У того-то ес⟨т⟩ь у каленá моста
 А сидит Соловей на девети дубах:
- 95 Он не конному, не пешому проходу нет,
 Да не ясному соколу пролёту нет».
 Он сам говорил да таковы речи:
 «Да просьти миня Бох да в таковой вины!

- Уж я клал-то ведь заповедь великую
 100 Да на ту же на лук, каленú стрелу:
 Не отковывать от стремени булатного
 Как от славного города от Мурома
 Да до славного города до Киева;
 Ай тепере мне лук, стрела нужно-надобно».
- 105 Сам поехал ведь он ко каленú мосту,
 Заезжаёт-то он да на калёной мост.
 Засьвистел Соловей по-соловьиному,
 Заревел Соловей да по-зъвериному.
 Под богатырем конь да спотыкаитце,
 110 Ён и бьёт-то коня да по крутым бедрам:
 «Уж ты волчья ли пасть² да травяной мешок!
 Зачим скоро под богатырем да спотыкаисьсе?»
 Он берёт-то ведь лук да каленú стрелу,
 Он берёт во свои да во белы руки,
- 115 Направляет Соловейку он во правой глаз.
 Да как выстрелил он да каленú стрелу,
 Она падала Солóвьюшку во правой глаз,
 Полетел Соловей со девети дубов,
 Он и падал на матушку сыру землю —
- 120 Сыра мать-та земля да потрясаласе.
 Он берёт Соловейка да во белы руки,
 Он приковывал ко стремени булатному,
 Сам поехал ведь он да в красен Киев-град.
 Он едёт во город в красен Киев жа,
- 125 Да ехал мимо Солóвьев широкой двор.
 Как было у Соловьюшка три дочери.
 Они здрят-то ведь, смотрят во чистó полё:
 «Вон батюшко едёт да мужика везёт».
 Да вторá говорила таковы слова:
- 130 «Шьто батюшко едет да мужика везет».
 Да как третья говорит да таковы слова:
 «Да мужик-от ведь едёт, везёт батюшка,
 Он прикован ко стремени булатному».
 Они вышли на улочку настречать да Илью Муромця:
- 135 «Ты отдай нам родного нашего батюшка».
 Он немного богатырь с им'³ розговаривал.
 Он поехал ко князю да на широкой двор
 На почётной пир ко князю ко Владимиру.
 Он мечёт коня да нерозузdana,⁴
- 140 Сам идёт-то во гривню да княженецкую;
 Он крест-от кладёт да по-писаному

- Да поклон-от ведёт да по-ученому,
 Он и бьёт-то челом князю Владимиру
 Да кнегины Опраксеи да королевичьни,
 145 И кланялсэ на вси четыри стóроны:
 «Уж вы здравствуйте, вси князя да вси бóяра!»
 И руським могучим богáтырям,
 И всем полени́цям да преудáल्या,
 Да всем-то народу да православным жа.
 150 «Уж ты здрасвуй, уда́лой да доброй молодець!
 Я не знаю, тебя как именём назвать
 Да как звеличать тибя из отечества.
 Добро жаловать ко мне да хлеба-соли ис⟨т⟩ь,
 Хлеба-соли-то ис⟨т⟩ь, вина с мёдом пить!»
 155 Они все на пиру да сидят — пьют, едят,
 Да все на честном они приросхвастались:
 А иной-от хвастал да широкím двором,
 А иной ведь хвастал да золотой казнюй,
 А иной ведь тут хвастал силой богатырскою,
 160 Да иной-от хвастал да молодой жоной,
 Да безумной-от хвастал да родной сестрой.
 А один доброй молодець сидит не пьёт, не ест,
 Он не пьёт-то, не ест, ише́ ничем не хвастаёт.
 Говорит-то Владимёр стольнё-киевской:
 165 «Уж ты вой еси, уда́лой доброй молодець!
 Уж ты што жа сидишь у меня не пьёшь, не ешь,
 А не пьёшь-то, не ешь — сидишь, ничем не хвастаёшь?» —
 «Бласлови мне, Владимир-князь, слово молвити,
 Слово молвити мне-ка, да речь говóрити!»
 170 Я еду из города из Муroma.
 Я был-то под городом Чижемом,
 Я очистил дорожку к вам прямоезжую
 Да привёз я Соловья к тебе на широкой двор».
- Говорит-то Владимёр таковы речи:
 175 «Не пустым ли ты, детинушка, похваляисьсе?»
 Говорит-то Илья да таковы речи:
 «Уж ты вой еси, Владимёр-князь стольнё-киеськой!
 Ты бери-тко дружинушку хоробрую:
 Перьву голову Добрынюшку Микитича,
 180 Во вторых ты Олещеньку Поповича,
 Да пойдём мы со мной да на широкой двор
 Да смотреть Соловья прикована ко стремени».
- А пошли они Владимёр да на широкой двор,
 Говорил-то Илья наш, Илья Муромець —

- 185 Он велел Соловёю засьвистеть вполгóлосу,
Зареветь Соловёю велел он по-звериному.
Сыра мать-та земля да потрясаласе.
Задрожали у Владимёра ножки резвья,
Буйна голова с плеч да покатыласе,
190 Он падал Владимёр на сырú землúю.
Да подхватывал Добрынюшка за правú руку,
А Олёшенька подхватывал за левú руку,
Повели-то во гридню да княженецькую.
Говорил-то Владимёр-князь таковы речи:
195 «Ты просьти миня, осударь Илья Муромець,
Да просьти миня да в таковой вины».

№ 36

- А зьбирайтце Илеюшка, собруняйтце:
Он седлат-то, уздаё(т) коня доброго,
Он накладывал уздúцю всё тисьмяную,
Ай намётывал седёлышко чиркальскойё,
5 Да засьтёгивал двенадцеть вси подпружины,
Ишше те же подпружини чистого серебра,
Ай засьтёгивал двенадцеть вси съпенёчки,
Ишше те же шпенёчки красна золота,
Да не для-ради красы, ради крепосьти,
10 Ишше для-ради окрепушки богатырския,
Или для-ради приправушки молодецкия,
Ай булат-от-железо не пóтритце,
Самохиньской-о(т) шелк да у меня да не пóрвитце,
Красно золото в греди не поржавеёт.
15 Ишше клал перьву заповедь великую:
«Прикавать мне-ка палеця боёвая
Ай во том же во городи во Муроми —
Не отковывать до города до Киева».
Ишше клал втору заповедь великую:
20 Приковал-то он свою сабьлю вострую
Ай во том же во городи во Муроми —
Не отковывать до города до Киева.
Ишше клал третью заповедь великую —
Приковал-то он всю сбруду богатырскую
25 Ко тому-то ко стремени ко булатному
Ай во том-то во городи во Муроми —
Не отковывать до города до Киева.

- Только видели Илеюшку собираючись,
 Не видели поездоцьки Ильи Муромца,
 30 Только видели — во полюшки куревушка въёт.
 Да как едѣ(т)-де Илеюшка по чисту полю,
 Он и едѣ(т) ко городу да ко Чижену.
 Обступала кругом-то города Чижена
 Обступала-де кругом-то сила неверная.
- 35 Ишше стал тогды Илеюшка наворачивать
 А на ту-эту силу-орду да неверную.
 Ишше сам говорил тогды таково слово:
 «Ты просьти миня, Восподь Бо́г, во перьво́й вины:
 Приковал-то я свою да палецю боёвую
- 40 И клал-то я ведь заповедь великую
 Не отковывать до города до Киева.
 Да просьти миня, Восподь Бо́г, во второй вины:
 Приковал-то я свою-ту саблю вострую
 Ай во том я во городи во Муроми —
- 45 Не отковывать до города до Киева.
 Да просьти миня, Восподь Бо́г, во третьёй вины:
 Приковал-то я всю збрудушку богатырскую
 Ко тому я ко стремени ко булатному —
 Не отковывать до города до Киева.
- 50 Отвались ты, моя збрудушка богатырская
 От того жо ты от стремени от булатного!»
 Отвалилась вся ведь збрудушка богатырская
 От того-то-де от стремени от булатного.
 Ай берёт тогды Илеюшка саблю вострую,
- 55 Ишше стал тогды на силушку наворачивать
 Ай присек-то он тотар всих до единово,
 Не оставил он единого их на семяна
 И приехал сам во город-о(т) во Чиженской.
 Собирались мужики-ти города Чижина,
- 60 Собралисе мужики они во Божью церковь,
 Ишше сами говорили таково слово:
 «Ай кого нам ведь послал, видно, Восподи аньгела,
 Видно, нам послал Господь арханьгела
 Или руського могучого нам богатыря?»
- 65 Говорили мужики города Чижина:
 «Уж ты го́й еси, дороднёй ты доброй молодець!
 Ты поди-тко, молодець, во Чижени царем цари,
 Ты поди-тко-се во Чижени хоть купчом слови,
 Ты поди-тко-се во Чижени хошь и так живи».
- 70 Говорил жа восударь тогды Илья Муромець:

- «Не хочу у вас во Чижени я царем царить,
 Не хочу ли я во Чижени купчом жа слыть,
 Не хочу я во Чижени у вас так я жить,
 То скажите про дорожку прямоезжую,
 75 Ай куда же мьне-ка ехать в красён Киев-град?»
 Говорили мужики-ти города Чижена:
 «Ай окольня-та дорога ехать будё три года,
 Прямоезжа-та дорога ехать — три месеца.
 Ишше ес<т>ь только три заставушки великия:
 80 Ишше перьва-та заставушка — лесы тёмныя,
 Ай втора-та ведь заставушка — грязи чёрныя,
 Ишше третья ес<т>ь заставушка очунь великая —
 Ишше ес<т>ь только реченька Смородина,
 1А у реченьки ес<т>ь Солóвьюшко Рахманистой,¹
 85 Ай сидит Соловей на девети дубах.
 Ай не конному, не пешому тут проходу нет,
 Нет — не ясному-ту соколу пролёту нет,
 Ай не руському богатырю проезду нет».
 Говорил восударь тогды во второй након,
 90 Говорил восударь Илья во третей након:
 «Вы скажите, мужики города, брюшинники,
 Ай куда же мьне-ка ехать в красён Киев-град?»
 Говорили мужики ёму во второй након,
 Говорили мужики ёму во третей након:
 95 «Тут кругом ехать дорожка будё три года,
 Прямоезжая дорожка ехать — три ведь месеца.
 Только ес<т>ь три заставушки очунь великия:
 Ишше перьва заставушка — лесы тёмныя,
 Ай втора-та заставушка — греди чёрныя,
 100 Ишше третья-та заставушка очунь великая —
 Только ес<т>ь Соловеюшко Рохманистой».
 Да Илеюшки пришло тогды делать ёму нечево:
 Ай поехал по дорожки прямоезжия.
 Да приехал-де Илеюшка ко темным лесам,
 105 Сошел-то Илеюшка со добра коня,
 Ишше левой-то рукой он ведь коня ведет,
 Ишше правую рукой он дубье рвё<т>ь,
 Он дубье-то рвё<т>ь, только тут мос<т>ь мосьтит,
 Да проехал ту заставушку тёмны-дремучия,
 110 Он проехал-де ведь грязи он как черныя.
 Ай скакал скоре Илеюшка на добра коня,
 Да как едё<т> он ко реченьки ко Смородины:
 Через речку нету мелкого переброду же,

- Ище нету как ведь узкого перескоку же,
 115 Только ес⟨т⟩ь через реченьку калинов мос⟨т⟩.
 У того же ведь у мосьтика у калинова
 Ай сидел Соловеюшко Ромахнистой,
 Ай сидел Соловеюшко на девети дубах.
 Зашипел Соловеюшко по-зьмеиному,
 120 Закрычал Соловей по-богатырьскому,
 Заревел он, засъвьистел по-соловьиному —
 Ишше мать сыра земля под им потрясаласе,
 Под Илеюшкой конь под им потыкаитце.
 Он выдёрьгивал в ти пор плётку семишолокову,
 125 Ай сътегал-де он коня да по крутым бедрам:
 «Уж и волчья ты сыть да травяной мешок!
 Не слышал разъве съвисту ты соловьего,
 Не слышал ли шипотку верно зьменново,
 Не слышал разъве рёву да зьвериново,
 130 Не слышал разъве крыку-ту богатырсково?»
 Да отковывал Илеюшка тугой лук розрывчивой,
 Ай кладёт свою стрелочку калёную,
 Да ко стрелоцъки своей он приговаривал:
 «Уж и стрелочка, стрела моя калёная!
 135 Ты не падай, моя стрелочка калёная,
 Ай не на воду пади-тко-се, стрела, не на землю,
 Ай пади-тко-се Соловьёюшку, стрела, во правой глаз».
 Полетела-де ёго стрела калёная,
 Ай не на воду-ту пала она и не на землю,
 140 Только пала-де Соловьёюшку она во правой глаз.
 Полетел Соловей со девети дубов,
 Упал Соловей-от на сыру землю.
 Приковал ёго ко стремени ко булатному,
 Он повёз Соловеюшка во Киев-град.
 145 Да как еде⟨т⟩ по мосточку по калинову —
 Увидали у Соловьёюшка дочери любимыя.
 Ай больша-та говорила: «Едѣ⟨т⟩ у нас батюшко,
 Ишше батюшко-то едѣ⟨т⟩, мужика везет».
 Говорила как дочь-та середьяня:
 150 «Ишше батюшко-то еде⟨т⟩, мужика везет».
 Говорила меньша дочь да таково слово:
 «Ай мужик-от едѣт, везѣ⟨т⟩ батюшка».
 Да больша дочь ведь хватила подворотину,
 Ай середьяня-та хватила коромысьличо,
 155 Ай меньша дочь хватила да помельшко,
 Ай бежа⟨т⟩ к восударю-ту к Ильи Муромцу.

- Говорил Соловеюшко да Рохманистой:
 «Вы не троньте-тко-сь, любимыя мои дочери,
 Не гневите богатырьского ретива сердца,
 160 Толь подите вы берите телегу красна золота,
 Ай другу-ту вы берите чистого серебра,
 Ишше третью вы тените скатного жемчугу,
 Ай тените вы во город-от во Киев-град,
 Выкупайте вы отца своего, да родителя».
- 165 Да как еде(т) восударь-от Илья Муромець,
 Он ко городу еде(т) Киёву не дорогою,
 Ай во город заезжае(т) не воротами,
 Конь скакал чере(з) сътену городовую,
 Мимо ту же круглу башню наугольную,
- 170 Да как еде(т)-де ко Владимёру прямо на широкой двор,
 Он мечот коня сам среди двора,
 Не привязана-та мечот да не приказана,
 Не россёдлана он мечот, не розузdana,
 Он идё(т) тогды во-в гирню-ту княжоневьскую.
- 175 Ишше в те поры Владимёра в доми не случилось:
 Да уехал-де Владимёр-от во Божью церковь,
 Он уехал-де к обеденки к воскресеньския.
 Да Илеюшка пошол тогды в церковь во Божью же он
 Ай ко той же к обеденки к воскресеньския.
- 180 Да приходит-де Илеюшка во Божью церковь,
 Он крес(т) тогды кладет сам по-писанному,
 Ай поклон ведёт Илеюшка по-ученому,
 Ишше молитце он чудным образам,
 Ишше сам он говорил тогды таково слово:
- 185 «Уж вы здрас(т)вуйте, попы, отцы духовныя,
 Уж вы здрас(т)вуйте, народ, вси люди православныя!»
 Да глядят-де попы, отцы духовныя,
 Ай глядят-то весь народ, люди православныя, —
 Ай не знают-де дороднёго добра молодца.
- 190 Ай Владимёр-от стоял тогды во Божье церкви.
 Ай прошла-то-де обедня воскресеньская,
 Подошол-де Владимёр стольнё-киевской:
 «Уж ты здрас(т)вуй, дороднёй добрый молодец!
 Добро жаловать ко мне жа ты хлеба-соли ис(т)ь,
 195 Хлеба-соли ко мне ис(т)ь-то, вина с мёдом пить!»
 Говорил же восударь-от Илья Муромец:
 «Уж ты здрас(т)вуй, Владимёр стольнёй киевской!
 Я приехал ведь к тебе прямо на широкой двор».
- Да приехали они тогды из Божьей церкви.

- 200 И зашли они во-в гирню-ту ко Владимиру,
Ишше стали пировать они с Илеюшкой.
Собрались тогда князя, вси богатыри.
Говорил-де Владимир-от таково слово:
«Уж ты вой еси, дородней доброй молодец!
- 205 Ты какого же города, какой земли,
Ай какого сын отца ты, какой матери,
Ишше как молодца тебя именем зовут,
Ишше как звеличают тебя да из отчества?»
Говорил жо восударь тогды Илья Муромець:
- 210 «Уж я ежду от города от Мурома,
И миня-то зовут-то Илья Муромець,
Илья Муромець я ведь сын Иванович».
Говорил тогды Владимёр таково слово:
«Ты давно ты ведь из города из Мурома,
- 215 Ты куды-к ехал во город-от во Киев-град?»
Говорил же восударь тогды Илья Муромець:
«Я поехал-де из города из Мурома —
Зазвонили-де заутрени ран-воскресеньския,
Ай застал вашу обеденку воскресеньскую.
- 220 Уж я ехал по дорожки прямоезжия».
Говорили тут ведь князи, думныя бояра:
«Уж ты кой еси, Владимёр стольней киевской!
Ай не быть-де восударю-ту Ильи Муромцу,
Только быть мужиченышку ему засельшина,
- 225 Ай засельшина мужик, дурак-деревеньшина!
Ай пустым-то-де детинушка похваляйтце —
Ишшо как скоро приехал из города из Мурома.
Ведь как есть три заставушки очунь великия
Ай на той на дорожки прямоезжия:
- 230 Ай как есь ведь застава — лесы темныя,
Ай втора-та заставушка — грези чёрныя,
Только третья-та заставушка очунь великая —
Ведь как ес(т)ь Соловеюшко Рохманистой,
Ай сидит Соловей на девети дубах».
- 235 Говорил жа восударь тогды Илья Муромець:
«Уж вы вой еси, боеришка вы брюшинники!
Вы сходите-тко, подите на широкой двор:
Привезён Соловеюшко у мня Рохманистой,
Ай прикован он ко стремени булатному».
- 240 Да пошли они тогда на широкой двор;
Ай сидит Соловеюшко на добром кони,
Ай прикован он ко стремени булатному.

- Говорили тогда князи-ти вси бóяра:
 «Уж ты вой еси, Соловеюшко Рохманистой!
 245 Посьвьисти-тко, Соловей, ты по-солóвьёму,
 Пошипипи-тко-тко, Соловеюшко, по-зьмеиному,
 Поревипи-тко, Соловеюшко, по-зьвериному,
 Покричи-тко, Соловей, ты по-богатырьскому».
 Отвечал Соловеюшко Рохманистой:
 250 «Уж вы вой еси, вы князи, думныя бояра!
 Ай не ваше пью я, кушаю — не вас слушаю;
 Уж и чьё-то и пью, ем, того слушаю».
 Говорил тогда Владимёр-от стольнёй киевской:
 «Уж ты вой еси, восударь ты Илья Муромець!
 255 Ты вели-тко посьвистеть ёму по-соловьёму,
 Ай вели-тко пошипеть ёму по-зьмеиному,
 Ай вели-тко пореветь ёму по-зьвериному,
 Ай вели-тко покрычать по-богатырьскому».
 Засьвьистел Соловей тогда по-соловьёму,
 260 Заревел Соловей тогда по-зьвериному,
 Зашипел Соловеюшко по-зьмеиному,
 Закричал Соловей по-богатырьскому —
 Ай упали тогда князи вси, думны бояра,
 Ай упал тогда Владимёр стольнёй киевской.
 265 Говорил же восударь тогда Илья Муромець,
 Ишше унёл-де Соловеюшка да Рохманиста.
 Ай поверили князи-ти, думны бояре,
 Што как верно восударь-от Ильи Муромец.²
 Да во ту же де во порушку и во то время
 270 Ай пришли-де Соловея родны дочери,
 Притянули-де тележку красного золота,
 Ай другу же притянули чистаго серебра,
 Ишше третью притянули скатного жемчугу
 Да как выкупили отца они родителя.³
 275 Ай уехал Соловей в своё тёплое гнездышко,
 Ай не стал больше сидеть на девяти дубах.

№ 37

Как из славного города из Мурома,
 Из того села Корочаева,
 Как была-де поез(д)ка богатырская:
 Норяжался Илья Муромец сын Иванович
⁵ Ко стольному городу ко Киеву,

- Он тою дорогою прямоезжею,
 Котора <залегла> ровно тридцать лет,
 Через те леса Брынские,
 Через черны грязи Смоленские —
- 10 И залег ту дорогу Соловей-розбойник.
 И кладет Илья заповедь великую:
 Что проехать ту дорогу прямоезжую,
 Что залегла она ровно тридцать лет,
 Не вымать из налушна тугой лук,
- 15 Из колчона не вымоть калену стрелу.
 Берет благословение великое у отца с матерью,
 Да и только его, Илью, видели.
 Прощался со отцем, с матерью,
 И садился Илья на своего добра коня,
- 20 И выехал Илья со своего двора
 Что во те да во ш(и)роки ворота.
 А как стегал он коня да по тучным бедрам,
 А тогда конь по ним да рассержайтся,
 Ищю первую скоку скочила да ровно за пять верст,
- 25 А другого ускока и наитти не могли.
 И поехал наш Муромец через те леса да леса Брынские,
 А через те ли он грязи Смоленские.
 Какба будет Илья да во темных лесах,
 А что во тех-то лесах во Брынских
- 30 На девети дубах сидел Соловей-разбойник.
 А что слышал Соловей ту поез(д)ку богатырскую,
 И засвистал Соловей по-соловиному,
 А зашипел-то розбойник по-змеиному
 И да заревел-то он да по-звериному.
- 35 А тут под Ильей-то конь да испугался,
 И припал-то он да ко сырой земле.
 Говорил-то коню да Илья Муромец,
 А Илья Муромец да сын Иванович,
 Говорил-то он да таковы слова:
- 40 «Ох ты, волчия сыть да тровенной мешок!
 Не бывал ты в пещерох белокаменных,
 Не бывал ты, конь, да во темных лесах,
 Не слышал ты свисту соловиного,
 Не слышал ты шипу змеиного,
- 45 А того ли ты крику звериного, крику туриного?»
 Разрушает-то тут Илья заповедь великую,
 Вынимает-то он да калену стрелу,
 Да и стреляет-то он да в Соловоя-розбойника,

- И попала та стрелочка Солов(ь)ю да в правый глаз,
50 Еи полетел тут Соловьешко со сыра дуба
Комом ко матушке сырой земле.
Подхватил тут его да Илья Соловия за белы руки,
И привязал он Соловия ко той луке да ко седельным,
И проехал он да ту воровскую заставушку крепкую,
55 И под(ь)езжает-то он да ко подворию дворянскому.
И бросалась-то тут молода жена Соловиева,
Она молится да убивается:
«Ой ты ой еси, удалой доброй молодец!
Ты бери-ко у нас да золотой казны,
60 Ты бери-ко у нас, сколько тебе надобно,
А отпусти-ко се нам да Соловия-розбойника,
Не вози Соловья во Киев-град!»
А его-то дети Солов[ь]иные
Неучливо они да поговаривают,
65 Они бу(д)то¹ Илью да подзадиривают.
А тут они только Илью да видели,
Что стоял он у двора дворянского.
И стегают Илья да он добра коня по тучным бедрам,
А тут конь под ним да россержается,
70 От земли-то он да отделяется,
Так что мать сыра земля да сколыбалася,
Из озер вода да выливалася,
Быстры реченьки он да перескакивал,
А темны-то леса да промеж ног все брал.
75 Приезжает Илеюшка во Киев-град,
Среди двора княжеского
И соскочил-то он да со добра коня,
Привязал он коня ко дубову столбу,
Ко дубову столбу, ко золоту кольцу,
80 И заходил-то он во горницу во светлую,
И молился он Спасу со Пречистою,
И поклонился он князю да со княгиною
И на все четыре стороны.
У великого князя у Владимира,
85 А что у князя у Владимира,
Что идет-то у него да честной пир.
А тут много на пиру было князей и бояров,
И много было сильных могучих богатырей,
И поднесли ту(т) Илеюшке чарочку зелена вина,
90 А не великую, не малу — в полтора ведра.
Принимает Илья да единой рукой,

- Выпивает он да единым духом.
 Говорит ему ласковый Владимир-князь,
 Говорит-то ему да таковы слова:
- 95 «Ты скажи-тко-се, удалой доброй молодец, как по имени зовут тебя,
 Дак по имени тебе и можно место дать,
 А по отечеству пожаловать».
- Говорит-то Илеюшко таковы слова:
 «А ты ласковой, стольной Владимир-князь!
- 100 И ишо именем зовут меня Илья Муромец, а сын Иванович,
 И проехал я ту дорогу прямоезжую,
 Из стольного города из Мурома,
 Из того села да Корочаева».
- Говорят тут ему могучие богатыри:
- 105 «А уж ты ласковое со⟨л⟩нце, Владимир-князь⟨ь⟩,
 Что в очах-то детина завирается,
 А ише где ему проехать тою дорогою прямоезжею,
 Как залегла та дороженька ровно три⟨д⟩цать лет,
 А залег ту дороженьку Соловей-розбойник».
- 110 Говорил-то тут да Илья Муромец,
 Илья Муромец да сын Иванович:
 «Уж ты *гой*² еси, Владимир-князь!
 Посмотри мою удачу богатырскую,
 Вон привез я Соловия-разбойника
- 115 На двор к тебе!»
- А и вот пошли-то Илья Муромец
 Со князем да на широкой двор
 И посмотреть его удачу богатырскую.
 Выходил тут князь⟨ь⟩ со боярами,
- 120 И со сильными могучими богатырями:
 Самсон-богатырь Колыванович,
 Сухан-богатырь сын Деменьтьевич,
 Святогор-богатырь и Полкан другой,
 А только было у князя их тридцать молодцов.
- 125 Выходил и тут же и Илья Муромец на широкий двор
 Ко тому Соловию да ко разбойнику.
 А тут стал Илья Соловия да уговаривать:
 «Ты послушай меня, да Соловей-разбойник млад:
 Посвисти, Соловей, по-соловиному,
- 130 Пошипипи-тко-се, змей, да по-зме⟨и⟩ному,
 И зарявкой, зверь, по-звериному,
 По-звериному, по-туриному,
 А и да ты потешь-ко-се князя да со богатырями».
- А засвистал тут Соловей по-соловиному,

- 135 Оглушил он во Киеве князей и бояров.
 А зашипел-то он да по-змеиному,
 А в третье-то зарывкал он да по-туриному.
 А тут князья-то со боярами испугались,
 А на коленях по двору тут заползали
- 140 И все сильны могучие богатыри.
 И натворил он беды несносные:
 А что гостиные кони со двора да разбежались,
 А Владимир-княз(ь)³ едва живой стоит
 Со душой-то он да со княгиною Апраксеюшкой.
- 145 Говорит-то тут ласковой Владимир-княз(ь)³,
 Говорит-то он да таковы слова:
 «Ей ты ой² еси, удалой доброй молодец,
 Что Илья да ты Муромец, сын Иванович!
 Уими ты Соловья-разбойника,
- 150 Эти шутки нам не надобно».
 Говорил-то Илеюшко Соловьё-разбойнику:
 «А ты послушай меня, Соловей-разбойник!
 Не свисти-ко-се ты по-соловиному,
 И не шипи-тко-се ты да по-змеиному,
- 155 И не реви-тк(о)-се ты да по-звериному,
 Чтобы пришли в себя князь да со княгиною,
 И со теми да со боярами,
 И со могучими да со богатырями».
 Замолчал тут Соловей-разбойник.
- 160 А тогда князь со княгиною да приоправились,
 И все сильны могучи богатыри да придумались,
 И пошли-то они ко ласкову князю ко Владимиру,
 И вот пошли-то они кончать почестен пир.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ (№ 38—40)

№ 38

Илья Муромец был в поле и, когда возвращался в Киев, узнал, что там засел Идолишшо, который хотел изгнать христианскую веру. На дороге в Киев Илья встретил калику Иванишша и переоделся в его платье калическое, а ему отдал своего коня. Пришел он на двор ко князю и просит милостыни зычным голосом. Князь Владимир говорит ему: «Не проси — Идолишшо запрещает давать милостыню». Но Идолишшо сам позвал: «Поди-ка сюда, в гридню, калика». Когда Илья вошел в палаты, Идолишшо обратился к нему с вопросом: «Не знаешь ли Илью Муромца? Я о нем много слышал». — «Да, я знаю его, как сам себя». — «А много ли он хлеба, соли ест, вина пьет?» — «Да когда ест, пьет, а когда и так живет». — «Коли он такой богатырь, то я поса-

дил бы его на долонь, другую бы прижал — только бы мокренько осталось». — «А вот у нашего ¹⁰попа было коровище обжорчивое; оно много пило, ело — да и лопнуло». Это Идолишшу не понравилось, он схватил нож и бросил в Илью Муромца. Илья увернулся, и нож пролетел мимо. Тогда Илья отсек ему саблей голову, и она улетела за окошко.

№ 39

- Ай во славном было городи во Киеви,
 Ай у ласкового князя у Владимира,
 Ишше были-жили тут бояра кособрюхие.
 Насказали на Илью-ту всё на Мурамця —
- ⁵ Ай такима он словами похваляитьце:
 «Я ведь князя-та Владимира повыживу,
 Сам я седу-ту во Киёв на ево место,
 Сам я буду у его да всё князём княжить».
 Ай об этом они с князем прироспóрили.
- ¹⁰ Говорит-то князь Владимир таковы речи:
 «Прогоню тебя, Илья да Илья Мурамець,
 Прогоню тебя из славного из города из Киёва,
 Не ходи ты, Илья Мурамець, да в красён Киёв-град».
 Говорил-то тут Илья всё таковы слова:
- ¹⁵ «А ведь при́дет под тебя какá сила неверная,
 Хоть неверна-та сила бусурманьская —
 Я тебя тогда хошь из неволюшки не выруцю».
 Ай поехал Илья Мурамеч в цистó полé,
 Из цистá поля отправилсэ во город-от во Муром-то,
- ²⁰ Ай во то ли во село, село Качáрово,
 Как он жить-то ко своёму к отцю, матушки,
 Он ведь у отца живёт, у матушки,
 Он немало и немного живёт три года.
 Тут заслыше' ли Идолишшо проклятоё,
- ²⁵ Ище тот ли царйшшо всё неверноё —
 Нету, нет Ильи-та Мурамця живá три годицька.
 Ай как тут стал-то Идолишшо подумывать,
 Он подумывать стал да собиратььце тут,
 Насьбирал-то он силы всё тотарьскою,
- ³⁰ Он тотарьскою силы, бусурманьчкою,
 Насьбирал-то он ведь силу, сам отправилсэ.
 Подошла сила тотарьчка-бусурманьчкая,
 Подошла же эта силушка близёхонько
 Ко тому она ко городу ко Киеву.
- ³⁵ Тут выходит тотарин-от Идолишшо всё изь белá шатра,

- Он писал-то ёрлычкі всё скорописчаты,
 Посылает он тотарина поганого.
 Написал он в ёрлычках всё скорописцатых:
 «Я зайду, зайду, Идолишшо, во Киев-град,
 40 Я ведь выжгу-ту ведь Киев-град, Божьй церквы.
 Выбиралсэ-то шьтобы князь из полатушок:
 Я займу, займу полаты белокамянны;
 Тольки я пушшу в полаты белокамянны —
 Опраксеюшку возьму всё королевисьню,
 45 Я Владимира-та князя я поставлю-ту на кухню-ту,
 Я на кухню-ту поставлю на меня варить».
 Он тут скоро тотарин-от приходит к им,
 Он приходит тут-то тотарин на широкой двор,
 С широка двора в полаты княженецькия,
 50 Он ведь рубит, казнит у придверьницьков всё буйны головы,
 Отдаваёт ёрлычкі-то скорописчаты.
 Прочитали ёрлыки скороб, заплакали,
 Говорят-то — в ёрлычках да всё описано:
 «Выбирайсе, удаляйсе, князь, ты из полатушок,
 55 Нарезайсе ты на кухню варить поваром».
 Выбиралсэ князь Владимир стольнѣ-киецкой
 Из своих же из полатушок крутешенько,
 Ай скорешенько Владимир выбирайтце,
 Выбирайтце Владимир — сам слезами уливайтце.
 60 Занимает¹ княженевськи все полатушки,
 Хочет взять он Опраксеюшку себе в полатушку.
 Говорит-то Опраксеюшка таки речи:
 «Уж ты гой еси, Идолишо, неверной царь!
 Ты поспешь ты меня взять да во свои руки».
 65 Говорит-то ей ведь царь да таковы слова:
 «Я уважу, Опраксеюшка, ешше два деницька,
 Через два-то через дня как будешь не кнегиной ты,
 Не кнегиной будешь жить, да всё царицою».
 Розньнемогсэ-то во ту пору казак да Илья Муромець:
 70 Он не мог-то за обедом пообедати,
 Розболелось у ево всё ретиво серьцо,
 Закипела у ево всё кровь горячая.
 Говорит-то всё Илья сам таковы слова:
 «Я не знаю, отцево да незамог совсим.
 75 Не могу терьпеть жить-то у себя в доми,
 Надоть съездить, попроведать во чисто полѣ,
 Надоть съездить, попроведать в красен Киев-град».
 Он сядлал, събирал своѣго всё Белѣюшка,

- Наредил скоро своёго коня доброго,
 80 Сам садилсэ-то он скоро на добра коня,
 Он садилсэ во седельшко чиркальской,
 Он ведь резвы свои ноги в стремёна всё клал.
 Тут поехал-то Илья наш, Илья Муромец,
 Илья Муромец поехал свет Иванович.
- 85 Он приехал тут да во чисто полё,
 Изъ чиста поля поехал в красён Киёв-град,
 Он оставил-то добра коня на широком двори,
 Он пошел скоро по городу по Киеву,
 Он нашол, нашол калику перехожую,
 90 Перехожую калику, перебрóжую,
 Попросил-то у калики всё платья каличьёго.
 Он ведь дал-то ёму платье всё от радосьти,
 От радосьти скинывал калика платьичё,
 Он от радосьти платьё от великою.
- 95 Ай пошел скоро Илья тут под окошоцько,
 Под окошоцько пришол, к полатам белокамянным.
 Закрыцял же он Илья-та во всю голову,
 Ишше тем ли он ведь крýком богатырьским тут,
 Говорил-то Илья, да Илья Муромец,
 100 Илья Муромец да сам Ивановичь:
 «Ай подай-ко, князь Владимир, мне-ка милосьтинку,
 Ай подай-ко, подай милосьтинку мне спасёную,
 Ты подай, подай мне ради-то Христа Царя Небесного,
 Ради Матери Божьей Царици Богородици».
- 105 Говорит-то Илья да Илья Муромец,
 Говорит-то он, крыцит всё во второй након:
 «Ай подай ты, подай милосьтину спасёную,
 Ай подай-ко-се ты, красно мое солнышко,
 Уж ты ласковой подай да мой Владимир-князь!
- 110 Ай не дль-ради подай ты для ково-небудь,
 Ты подай-ко для Ильи, ты Ильи Мурамця,
 Ильи Мурамча подай сына Ивановичя».
 Тут скорёхонько к окошоцьку подходит князь,
 Отпират ёму окошоцько косисцято,
- 115 Говорит-то князь да таковы реци:
 «Уж ты гой еси, калика перехожая,
 Перехожа ты калика переброжая!
 Я живу-ту всё, калика, не по-прежнему,
 Не по-прежнему живу, не по-досельнёму:
- 120 Я не съмею подать милосьтинки всё спасёною,
 Не давать-то ведь царишшо всё Идолишшо

- Поминать-то он Христа Царя Небесного,
 Во вторых-то поминать да Илью Мурамця.
 Я живу-ту князь — лишилсэ я полат всё белокамянных,
 125 Ай живёт у мня поганое Идолишко
 Во моих-то во полатах белокамянных,
 Я варю-ту на ево, всё живу поваром,
 Подношу-ту я тотарину всё кушанье».
- Закрыцял-то тут Илья да во третей након:
 130 «Ты поди-ко, князь Владимир, ты ко мне выйди,
 Не увидели шьчобы царишша повара ево,
 Я скажу тебе два тайного словещюшка».
- Он скорёхонько выходит князь Владимир наш,
 Он выходит на ширóку светлу улоцьку.
 135 «Шьчо ты, красно нашо солнышко, похúдело,
 Шьчо ты, ласков наш Владимир, князь ты стольнё-киевской?
 Я ведь чуть топерь тебя признать могу».
- Говорит-то князь Владимир стольнё-киевской:
 «Я варю-ту, всё живу за повара,
 140 Похудела-то кнегина Опраксея-королевисьяна,
 Она день-от ото дня да всё ише хуже». —
 «Уж ты гой еси, моё ты красно солнышко,
 Ище ласков князь Владимир стольнё-киевской!
 Ты не мог узнать Ильи да Ильи Мурамця?»
- 145 Ведь тут падал Владимир во резвы́ ноги:
 «Ты просьти, просьти, Илья, ты виноватого!»
 Подымал скорó Илья всё князя из резвы́х он ног,
 Обнимал-то он ево своей-то ручкой правою,
 Прижимал-то князя Владимира да к ретиву́ серьцю,
 150 Человал-то он ево в уста сахарныя:
 «Не тужи-то ты теперь, да красно солнышко!
 Я тепере изь неволюшки тебя повыручу,
 Я пойду теперь к Идолишшу в полату белокамянну,
 Я пойду-ту к ёму на глаза-ти всё,
- 155 Я скажу, скажу Идолищу поганому:
 „Я пришол-то, царь, к тебе всё посмотреть тебя”».
- Говорит-то тут ведь красно нашо солнышко,
 Шьчо Владимир-от князь да стольнё-киевской:
 «Ты поди, поди к царишшу во полатушки».
- 160 Ай заходит тут Илья да во полатушки,
 Он заходит-то ведь, гóворит да таковы слова:
 «Ты поганое, сидишь, да всё Идóлишко,
 Ишше тот ли, сидишь, да царь неверной ты!
 Я пришол, пришол тебя да посмотреть теперь».

- 165 Говорит-то всё погано-то Идолишшо,
Говорит-то тут царишшо-то неверное:
«Ты смотри меня — я не гоню тебя».
Говорит-то тут Илья да Илья Мурамечь:
«Я пришол-то всё к тебе да скору весь принёс,
170 Скору весточку принес, всё весь нерадосьню:
Всё Илья-та ведь Мурамеч живёхонёк,
Ай живехонёк он, всё здоровёшенёк,
Я встретил всё ево да во чистом поли,
Он осталсэ во чистом поли поездить-то,
175 Шьчо поездить-то ёму да пополяковать,
Заутра́ хочёт приехать в красен Киев-град».
Говорит ему Идолишшо, да всё неверной царь:
«Ищё велик ли — я спрошу у тя, калика, — Илья Мурамечь?»
Говорит-то калика-та Илья Мурамечь:
170 «Илья Мурамеч-то будёт он во мой же рос<т>».
Говорит-то тут Идолишшо, выспрашивает:
«Э по многу ли ест хлеба Илья Мурамеч?»
Говорит-то калика переходящая:
«Он ведь кушат-то хлеба по единому,
175 По единому-едному он по ломтю к выти». —
«Он по многу ли ведь пьет да пива пьяного?» —
«Он ведь пьет пива пьяново всёво один пивной стакан».
Росьсмехнулсэ тут Идóлишшо поганое:
«Шьчо же, почему вы этим Ильёю на Руси-то хвастают?»
180 На долонь ево полóжу, а другой прижму —
Остаётце меж руками шьто одно́ мокрò».
Говорит-то тут калика переходящая:
«Ище ты ведь по многу ли, царь, пьешь и ешь,
Ты ведь пьёшь, ты и ешь, да всё ведь кушаёшь?» —
185 «Я-то пью-ту, я всё цяроцьку пью пива полтора ведра,
Я всё кушаю хлеба по семи пудов,
Я ведь мяса-та ем — к вьти всё быка я съем».
Говорит-то на те речи Илья Мурамеч,
Илья Мурамеч да сын Ивановичь:
190 «У моёво всё у батюшки родимого
Там была-то всё корова-та обжорьцива,
Она много пила да много ела тут —
У ей скоро ведь брюшина-та тут треснула».
Показалось-то царишу всё не в удовольствии,
195 Он хватал-то из нагáлица булатен нож,
Он кинáл-то ведь в калику переходящую.
Ай помиловал калику Спас Пречистой наш:

- Отъвернулсэ-то калика в другу сторону.
 Скиныва́л-то Илья шляпу со головушки,
 200 Он ведь ту-ту скинывал всё шляпу сорочиньскую,
 Он кина́л, кинал в Идолишша всё шляпоу,
 Он ведь кинул — угодил в тотарьску са́му голову:
 Улетел же тут тотарин из простенка вон,
 Да ведь вылетел тотарин всё на улицу.
 205 Побежал-то Илья Мурамеч скорёшенько
 Он на ту ли на ширóку, светлу улицу,
 Он рубил-то всё он тут силу тотарьскую,
 Он тотарьску-ту силу, бусурманьчкую,
 Он избил-то, изрубил силу великую.
 210 Приказал-то князь Владимир-от звонить всё в большой колокол,
 За Илью-ту петь обедни-ти с молебнами:
 «Не за меня-то молитё, за Илью за Мурамця».
 Собирал-то он поцесен пир,
 Ай почёсён собирал для Ильи да всё для Мурамча.

№ 40

- А как приехал князь Владимир в стольней Киев-град:
 Ишше всё-то ведь во Киеви не по-старому,
 Не по-старому у них, не по-прежнему
 И закрыты у них храмы Божьи да заменёныя,
 5 Все попы-отцы духовные повыведены,
¹Повезёны книги да все писемные,⁻¹
 Не слышать-то звону церьковного.
 Ише стал спрашивать да Владимир-князь:
 «Да почему-то у вас нет звону колокольного?»
 10 Ише почему-то у вас нет, не слышать петья-четыя церьковного?»
 Ише почему у вас не ходит нишша братия?»
 Ише почему не прославлят-то имени Христового?»
 Отвечает ему матушка родимая:
 «Ише как во нашом-то городе во Киеви
 15 У нас всё-то теперь да изменилосе,
 Изменили веру православную».

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК (№ 41—44)

№ 41

- Шьто на тих было горах Латыньських жа,
 Как у той же было бабы у Латынгорки,
 А как было у ей да чадо милоё,
 А как мóлодый у ей был да Подсокольник-охотничок.
- 5 А как стал-то Подсокольник на возрости,
 Как ясён-от сокол стал на вóзлети,
 Как он стал-то ездить во чистó полё на добрóm кони,
 А он пóлно стал владеть палицей тяжолою:
 Высоко-то ей мéчёт по-под нéбеса,
- 10 Он подхватывает в еднóю во правú руку.
 А не белая берёзка к земли клонитьсэ,
 А не сырой-от дуб да погибаетсэ —
 Подсокольник да рóдной матушки в ноги падаёт,
 А как просит благословеньица-то вековечнёго,
- 15 Ише навеки да нерушимого —
 А как съездить во чистó полё поляковать,
 Посмотрить-то руськи сильния могучия богáтыри.
 Как даёт ёму матушка дозволеньицё и благословеньицё,
 А даёт, она ёму наказыват:
- 20 «Ты поедёшь, ты чадо мило, во чистó полё,
 Ты наедёшь старую старыньшину:
 У ёго ведь борода седа и голова бела,
 Под им доброй конь как быть снегу белого,
 Ишше хвост-то, грива была чёрная.
- 25 Не доезжаючи соходи да со добрá коня,
 Ише бей челом ему во сыру землю да низко кланейсе».
 А пошол-то он на свой да на конюшен двор
 А седлать-то, уздать всё добрá коня,
 А наклал-то он уздицю всё тесмяную,
- 30 А на спину-ту накладывал седёлышко черкальскоё,
 А застёгивал он всё двенадцеть пряжочек,
 А ешшо застегивал он двенадцеть шпёнушков,
 Как отужинки были шелкóвья,
 А как пряжочки былí да красна золота,
- 35 А как шпёнышки были булатныя —
 Шьто не ради-то красы, да ради крепости,
 А как той-то приправы богатырьскою.
 Оседлал-то, обуздал добрá коня,
 А он скоро скакал да на добрá коня,

- 40 Как поехал-то он да во чистó полё.
 А как перьвой день ехал с утра до вечера,
 А другой-от день ехал с утра до вечера.
 А как едет он по чисту полю, розъезжайтсе,
 А как вострым копьём да забавляйтсе,
- 45 Ишше клонит вострým копьём да на святую Русь.
 Как по утра, утра было ранному,
 По восходу-ту сонця было красного,
 Как во ту пору, во то время
 А как ездил старýй казак да Илья Муромець
- 50 Со своим-ти дружинами хоробрýма.
 Выходил-то он да из бела шатра,
 А как брал-то он трубочку подзорную,
 А смотрил-то он во вси чотыре стóроны,
 А увидял он — со восточнюю стороночку
- 55 А как едет дородьнёй доброй молодець,
 А он вóстрым копьём да потешаитсе,
 Высоко его мечот да по-под нёбеса,
 А подхватыват да во правú руку,
 А как востро копьё клонит на святую Русь.
- 60 Заходил-то он да во белы́ шатры,
 А да сам он говорит да таковы речи:
 «Уж вы гой еси, мои братья мои названья!
 А как мóлодый Олëshенька Попович млад!
 А да съезди-ко да с им да поздоровайсе,
- 65 Поздоровайсе с им да поназванейсе,
 Ты спреси-ко-се у ей,¹ какого города,
 Какого отца да какой матушки».
 А как тут Олëshенька да не ослышилсэ,
 Одевал своё платье богатырьское,
- 70 А поехал к удалу добру молодцу.
 Не доехал Олëshенька до сильного могучего богáтыря,
 Устрашился тут Олëshенька Попович-от,
 Устрашилсэ ёго, убоялсэ жо —
 А сидит, бывает, на кони как сenna куча.
- 75 Не спросил Олëshенька не про родину и не про вотчину,
 Как поехал Олëshенька ко белым шатрам,
 А спрошал тут старýй казак да Илья Муромець:
 «Уж ты спросил ли, Олëshенька, у молодца?» —
 «Я не доехал до его, богáтыря,
- 80 Устрашилсэ я да убоялсэ жа,
 А как я да перед им как мала мушиця,
 Он сидит-то на добрóm кони как сenna куча».

- Говорил-то старья старыньшина Добрынюшка Микитычу:
 «Уж ты съезди-ко, Добрынюшка, во чисто поле,
 85 А спроси-тко молодца да про отечесьво,
 Ты спроси-тко у его да про отечесьво,
 А которой земли, да коего отця, да коей матушки,
 А которого отця да коей матери».
 А умел Добрынюшка съехаться да поздороваться,
 90 А не смел Добрынюшка спросить да про отечесьво,
 А не смел спросить, какой земли, какого города,
 Да какого отця да какой матушки.
 Как стёгал коня да по крутым бедрам:
 «А бежит мой доброй конь да Воронеюшко,
 95 А столь скорó летит, как стрела калёная».
 Как уехал-то Добрынюшка от Подсокольничка-охотничка,
 Он приехал ко белú шатру.
 Говорил тут старая старыньшина да Илья Муромецъ:
 «Шьто ты, Добрынюшка, умел ты съехаться,
 100 Да умел ты, Добрынюшка, с ним да поздороваться,
 А не умел ты спросить, какого города, какой земли,
 Да какого цяря ли королевича».
 Он поехал старый ко дородню добру молодцу.
 Подъезжает он ко Подсокольничку:
 105 «Уж ты здраствуй-ко, дороднёй доброй молодець!» —
 «Уж ты здраствуй-ко, дороднёй доброй молодець,
 А как руськия сильней богатырь жа!» —
 «Ты скажи-тко мне, коей земли, какого города,
 Ты скажи, какого отця, какой матери,
 110 Эли ты цяря, короля, ли королевича?»
 А кричал тут Подсокольник зычным голосом:
 «Ише скажот моя да тебе сабля вострая,
 А роскажот тебе палича тяжолая:
 Отсеку-то я тебе да буйну голову».
 115 А как тут-то старому за беду да показалосэ,
 Розьерилось его ретиво серьцо да богатырьскоё,
 Как стёгал-то добра коня да по крутым бедрам.
 А как розъехались богатыри да по чисту полю,
 А съезжались богатыри да во едно место,
 120 А ударились они палками буёвыма,
 А тимá-ти саблеми вострыма —
 У их сабельки всё-то посломилесе.
 А розъехались богатыри во второй након,
 А ударили они-ти палицеми тежолыма,
 125 Ише мать сыра земля да потресалесе,

- А в реках вода да сколыбаласе —
 Как они друг друга не ранили,
 Э как не дали² на собя раны кровавья,
 А у их ведь палици да пошорбалисе.
- 130 А розъехались богатыри да во-в третей након,
 А ударились они да копьеми-ти крепкими борзомецькими —
 Они друг друга не ранили,
 А как не дали на соби раны кровавья.
 А скоскочили они да со добрых коней,
- 135 Они начали боротисе, водитисе,
 По колен в реку, в землю втопталисе.
 А как не по Божьей-то было по милости,
 Не по Ильиной-то было учести:
 Порвалось у Подсокольника да цвѣтно платьицѣ.
- 140 А как скользнулось у старика Ильи Муромця,
 Как сдала у ёго всё правá рука,
 Подвернулась у его да ножка резвая,
 А как падал богатырь во сыру землю.
 А как сел тут Подсокольничок-охотничок да на белы груди,
- 145 Ише хочѣт спороть да казáку белы груди,
 А как хочѣт досмотрить да ретивá серьца да богатырьского.
 А как тут старый казак да испугалсэ жа,
 Ишше Господу-ту Богу всё взмолилсэ жа:
 «А ужели мне, Господи, в том-то мести смерть-то писана?»
- 150 А как вдвое-второе у Ильи-то силы прибыло,
 Да схватил-то Подсокольника да во белы руки,
 А как смѣтывал со своих белых грудей да на сыру землю,
 А как сел-то Подсокольнику да на белы груди,
 Вынимал-то из кинжáлишша булатен нож,
- 155 А хотел-то Подсокольнику спороть белы груди,
 Досмотрить у его ретивá сердцá да богатырьского.
 Как спросил у Подсокольника да про отечесьво,
 Говорил-то Подсокольник таковы речи:
 «А сидел-то я у ты да на белых грудей,
- 160 А не спрашивал у ты не роду, не отечесьва,
 А спорол бы я тебе скоро белы груди».
 А спрошал старый казак да во второй након.
 Ишше то же отвичает Подсокольничок-охотничок:
 «А не спрашивал у ты про родину, про отечесьво,
- 165 А спорол бы я скорó белы груди,
 Досмотрил бы я твоего серьца богатырьского».
 Тут-то старому да за беду да показалосе,
 Загибал-то у ёго-то платьѣ цвѣтное,

- Хочёт пороть ёго белы́ груди,
 170 Хочёт досмотрить у ёго ретивó серъцо.
 Захватил-то правóй рукой булатен нож.
 Ише тут да Подсокольникочок испугалсэ жа,
 А старому казаку да возмолилсэ жа:
 «А я вижу — у тебя голова сера³ да борода бела,
 175 Не моги моих пороть да всё белы́х грудей,
 Не смотри моёго ретивá сердца».
 А как уви́дл тут стары́й казак да на правóй руки,
 На правой руки да свой злачён перстень,
 Подымал ёго за ручки-ти за белы́я,
 180 Чёловал ёго в уста сахáрныя:
 «Уж ты гой еси, да Подсокольникочок-охотничок,
 А да той жо сын да бабы всё Латы́нгорки!
 А как я тебе — отець, да рóдной батюшко.
 Ты поедёшь да к родной своей матушки —
 185 Ты скажи от миня да ей низкóй поклон».
 Как Подсокольникочок поехал к рóдной матери.
 А стары́й казак поехал ко белú шатру,
 Он приехал ко белу шатру да сошел со добра́ коня,
 Сошел со добра, спать ведь лёг в бел шатёр.
 190 Как во ту пору приехал Подсокольникочок к своёму широку двору,
 Подъезжает он да под окошечко:
 «Уж ты гой еси, моя да родна матушка!
 Ты подай-ко мне своё⁴ вострó копьё,
 Ты подай-ко-се ко мне всё тупым коньцём».
 195 А на то матушка ёго не ослышилась,
 Подала своё вострó копьё да из окошочка.
 А как принял он копьё да за тупой конець,
 Как направил он вострым коньцём в матушку-ту в груди белы́я,
 Заколел-то Подсокольник свою родну матушку.
 200 А поехал скоро Подсокольник в чисто полё,
 Как поехал во чисто полё да ко белу шатру,
 Ко белу шатру да к Ильи Муромцю.
 Он как приехал ко белу шатру,
 Направил копьё всё востры́м коньцём,
 205 А как ткнул Ильёу Муромца да во белы́ груди,
 На грудях-то был-лёжал у ёго крест золоченныя,
 А весú тянул да полтора пуда,
 Угодил он в самой етот крест,
 Да не мог он проколоть да груди белы́я.
 210 Как от сна-то ведь стары́й казак да пробужалсэ жа,
 Со сна-то он да испугалсэ жа,

- А выскакивал-то он да из белá шатра,
 Схватил-то он Подсокольника да со добрá коня,
 Высоко-то его бросил по-под небеса.
- 215 А как падал Подсокольник о сыру землю,
 Как убилсэ Подсокольничок о сыру землю,
 А как Подсокольнику ведь смерть пришла.
 А как пришол смотреть старб́й козак да Илья Муромецъ,
 А увидял на руки да свой злочён перстень,
- 220 А как сам он говорил да такovy речи:
 «А не знато, шьто былó моё чадо:
 А хошь высоко бросил по-под небеса,
 Подхватил бы ёго да на белы́ руки,
 Не допустил бы я ёго до матушки сырой земли».
- 225 А как тут ведь Подсокольнику да смерть пришла,
 Смерть пришла, и конецъ дошол.

№ 42

- А во дáлечи, далéче во чистóм поли
 Там ведь стоял-то шатёр белой полóтьняной,
 Да во том во шатру новом полóтьняном
 Было-жило пять могуцних богáтырей:
- 5 Шьто первьой-от богáтырь — Вáнюшко, боярьской сын,
 Да второй-от — Ванька, енеральской сын,
 Да третей-от — Олешенька, поповской сын,
 Да четвёртой — Добрынюшка Никитиць млад,
 Ишше пятой-от — старая старыньшина,
- 10 Ишше старая старыньшина Илья Мурамецъ,
 Илья Мурамецъ был да свет Ивановиць.
 Пробужаитце Илья да от крепкóго сну,
 Он свежой водой ключевой умываитце,
 Тонким белым полотеньцом утираитце,
- 15 Он ведь молитце всё Спасу Пречистому
 Да Царици Небесной Богородици.
 Ён выходит на ширóку светлу улиць,
 Он берёт свою трубочку подзорную,
 Он ведь смотрит на цётыре во вси стороны:
- 20 Шьто во дáличи, далéче во чистóм поли,
 Там ведь ездит богáтырь по чисту́ полю,
 Ишше ездит по чисту́ полю, полякуёт.
 Он ведь мéцёт всё палиць тяжелую,
 Он ведь мéцёт-то палиць сорока пудов,

- 25 Он берет-то одной рукой, с коня нейдет,
 Не 'становит он своего коня доброго,
 На кони-то сидит будто сильней бугор.
 Ишше тут-то Илья Муромец приужахнулса,
 Приужахнулса, со страху прироздумалса:
- 30 «Мне кого бы послать-то во чисто полё,
 Во чисто полё послать мне, попроведати?
 Мне послать ведь разве Ванюшу боярского —
 Не простых-то родóв — роду боярского,
 Утеряёт в цистом по́ли буйну голову.
- 35 Мне послать ведь разве Ваньку иниральского —
 Ениральцького роду пришол, нежного,
 Утеряет-то в цистом поли буйну голову.
 Да послать разве Олешеньку Поповиця —
 Он ведь роду как всё поповського,
- 40 Потеряет в чистом поли буйну голову.
 Мне послать разве всё брателка крестового
 Как того ли Добрынюшку Никитича».
 Услыхает Добрынюшка таковы речи,
 Он ведь скоро выходит из белá шатра,
- 45 Он ведь скоро седлат-то своего коня доброго,
 Он седлат, всё убират коня богатырьского:
 Он двенадцеть шолкóвыхих упружинок застéгиват,
 Ише сам он коню да приговариват:
 «Уж ты шолк всё не рвись, да ты убор не гнись!»
- 50 Цо не ради красы — да ради крепости,
 Ради силы своей да богатырьския.
 Как поехал Добрынюшка во чисто полё,
 Не наехал богáтыря в чистóм поли.
 Он поехал Добрынюшка поближе ко синió морю
- 55 И увидя богáтыря всё присильнёго,
 Он скряцял ведь богáтырь',¹ во всю голову:
 «Ты постой-ко, богáтырь, сам ты мне скажись,
 Ты скажись-ко мне, богатырь ты могу́щей жа,
 Подъежай ко мне поближе, мы как съедемсе».
- 60 Как услышел богáтырь таку похвальбу,
 Поворачивает своего коня доброго,
 Как зары́снула у коничка правá нога —
 (*Задела за землю, за корешок ли*)
 Мать сыра-та земля да потрясаласе,
 Ише синёе море зволновалосе,
- 65 Из озёр, из рек вода да поливаласе.
 Ишше тут ведь Добрынюшка испугаитце,

- Подломились у Добрынюшки ножки резвья,
 Приупали у Добрынюшки рудьки белья,
 Приудрогло у Добрынюшки ретивó серцбó,
⁷⁰ Помутились у его-то оци ясныя,
 Прокатились у ёго жо горюци́ слезы:
 «Уж я сколько по цисту́ полю не езживал,
 Уж я эдакого богатыря не видывал».
 Поворащивал Добрынюшка добра́ коня
- ⁷⁵ Ко своёму-ту он да ко белу́ шатру,
 Ён поехал-то всё проць ко белу шатру.
 Как стрещят-то старыньшина Илья Муромець,
 Недосуг Ильи коня учасывать-углаживать,
 Недосуг ему двенадцеть шолковных опру́жинок застегивать.
- ⁸⁰ Ише сам говорит да таковы реци:
 «Ише мне-ка во чистом пóли смерть не писана,
 Я поеду с богатырем побратаюсь,
 Я поеду с могуцим поздороваюсь».
 Приежает Илья да во чистó полё,
- ⁸⁵ Он наехал богатыря в чистом поли́.
 А богатырь-то ездит, забавляйтце
 Он как детским-боярским забавами,
 Ише сам-то он палици приговариват:
 «Приклоню-ту свою палицю тяжолою,
- ⁹⁰ Приклоню-ту я тибя прямо на красён Киев-град,
 Как на матушку тибя, да каменну́ Москву».
 Ише те слова ведь старой ведь старыньшины
 За беду-ту ёму стали за великую:
 Приежаёт к богатырю близёхонько,
- ⁹⁵ Он ударил своей-то ведь палицей тяжолою,
 Он ударил богатырю по буйной головы.
 Как богатырь-то сидит, сидит не думает,
 Он не думает сидит-то, сам не обёрнитце,
 Не обёрнитце сидит, да не сгленёт же.
- ¹⁰⁰ Ише тут ведь Илья да призадумалсэ:
 «Разве силушка у мя уж не по-прежнему,
 Не по-прежнему сила, не по-старому?»
 Он отъехал всё за вёрсту за мерную,
 Он нашол в поли́ горюцей серой камешок,
- ¹⁰⁵ Он ударил по камешку палицей тяжолою —
 Разлетелса-то камень на мелки́ куски.
 Подъезжат опять к богатырю во второй након,
 Он ударил его по буйной головы.
 Ай богатырь-то сидит, всё не думает.

- 110 Ище тут опять Илья да отъезжает прочь,
Он ударил ведь в камень во второй након —
Разьлетелсэ ведь камешок в мелкí куски.
Приежает к богатырю во третей након,
Он ударил-то палицей по буйной головы.
- 115 Да тогда-то богатырь усмехнулса-то,
Тут не лютоё зелье разгорелосе,
Богатырьско-то сердё роскипелосе.
Говорит-то Илья Мурамецъ таковы слова:
«Уж ты гой еси, богатырь ты могуцёй же!
- 120 Уж мы съедимсе с тобой разве, ударимсе».
Они съехались с им да всё ударились,
Востры сабельки у их да поломалисе,
Востры копыця у их всё потупилисе
Всё от ихных же лат да богатырьских.
- 125 Ишше стали они да рукопашкою,
Ишше мастёр Илья-то да был боротисе,
Подкорюцил богатыря правой ножоцькой.
Ище пал-то богатырь на сыру землю,
Мать сыра земля-то потрясаласе.
- 130 Он ведь хочёт пороть да груди беляя,
Ище сам он Илья-та ведь Мурамецъ пороздумалсэ:
«Я спрошу ведь у богатыря, роспрошу про то». —
«Уж ты гой еси, дородней ты доброй молодець!
Тебе много от роду-ту тебе ес<т>ь годов?» —
- 135 «А годов-то мне от роду-ту всё двенадцеть лет». —
«Ты ведь цъей же земли да цъёго города,
Ты цъёго жо отця ездидь, да цъей матушки?»
Говорит-то дородней-от доброй молодець:
«Кабы сидел-то я у тебя да на белых грудях,
- 140 Не спросил бы я у тебя не роду, не племени,
Не спросил бы не города, отця-матушки,
Я колол бы твои-ти да всё белы груди,
Посмотрял бы твоё-то ретивó серцо».
Говорит-то Илья Мурамецъ во второй након,
- 145 Говорит-то ёму да во третей након:
«Уж ты цъей же земли да цъёго города,
Ты какого отця, какой матушки?»
Говорит-то дородней доброй молодець:
«Уж я города всё ведь я неверного,
- 150 Уж я сын-то Маринки всё Кайдаловки,
Да котора живёт во земли неверныя,
Получает она пошлину великую

- Как с того ли со князя-то со Владимира
 Шьто за ти ли за чёрны-ти его караблі.
 155 А миня она послала всё на святую Русь,
 На святую миня Русь-ту, всё в каменнѹ Москву
 Отыскать тибя, старого, седатого.
 Не дошод, она велела всё низко кланитце,
 Называть тибя велела всё рѹдным батюшком,
 160 Да дала она перстень на правѹ рукѹ».
- Как увидял-то старая старинышина,
 Он ведь свой ведь увидел всё именной перстень.
 Он со той ли со <в>'ставоцькой драгоценною,
 Он ведь брал-то его да за правѹ руку,
 165 Человал он его в уста сахарныя:
 «Как моё ты, моё цядо милоё,
 Цядо милоё моё ты, всё любимое,
 Ты ведь млáденькой мой всё Подсокольницѣк!»
 Человал он в уста-то его в сахарныя,
 170 Он ведь стал-то ёму скоро рассказывать:
 «Я ведь был-то ходил-то да по синію морю,
 Замѣтало-то миня погодушкой великою,
 Я тогда подарил перстень твоей рѹдной матушки:
 „Какого ты родишь, да тому отдай:
- 175 Хошь ты сына родишь, бывает, ясна сокола,
 Хоть ты доцьку родишь, ты красну девицю”».
 (Ознокомілисе; после его и сын родилсэ.)
 А поехали они тогда во белѹй шатѣр,
 Как на радости пили да трои сутоцьки.
 Подсокольницѣк-то ведь на ёго зло думает,
 180 Зло-то думает он, шьтобы зло бы сделати:
 «Не послушаю я матушки наказаньица,
 Ухожу я своёго-то родна батюшка!»
 Как ведь тут же Илья всё как зáспал жо,
 Как крепкім-то сном зáспал богатырьским же.
 185 Ишше взял Подсокольницѣк-от вострѹ копьѣ,
 Как направил ёму всё в ретивѹ серьцѣ.
 Сохранил ёго Господь-от, всё помиловал:
 Розлетелось копьѣ-то Ильи-то в белы груди,
 Ище был-то у ёго на шеи навешан золотой же крест,
 190 Золотой-от ведь крест был во вси груди,
 Он ведь тем же крестом от смерти всё избавилсэ,
 Он ведь взял Подсокольницѣка за жолты кудри,
 Он бросал-то его-то ведь высѹко же,
 Он ведь выше ёго-то лесу стояцѣго,

- 195 Он пониже всё облака ходящего,
 Он ведь тут-то его же не убил вовсе,
 Привезал он к своему² к добру коню:
 «Ты беги-ко, ступай-ко, конь-лошадь добрая,
 Увези Подсокольничька во своё² место,
- 200 Щёбы не ездил к нам больше во чисто полё,
 Во чисто к нам полё, щёбы в красён Киев-град.
 Не допушшу ёго до матушки славной каменной Москвы».
 Побежал-поступал-то тут ведь доброй конь,
 Прибегал-то к родимой его матушки.
- 205 Ён крычал-то скоро ведь да зысьним голосом:
 «Уж ты гой еси, матушка родимая!
 Ты родима моя матушка, любимая!
 Ты отворь-ка мне косисьцято окошочко,
 Посмотри-тко на своего цяда милого.
- 210 Ты велела ведь мне-ка старому низко кланетце,
 Ище стар-от ведь надо мной как надругалсэ-то:
 Привезал-то миня взял ко добру коню.
 Розъвежи ты миня, маменька, скорёшенько».
 Розъвязала она его скорёшенько,
- 215 Ише стала сама про то выпрашивать:
 «Уж ты было ли, цядышко, на святой Руси?»
 Он ведь взял своё-то всё востро копьё,
 Он ведь матушки-то ударил всё ведь в белу грудь.
 Ишше тут ведь она-то скоро представилась.
- 220 Ише сам-то, собака, похваляйтце:
 «Уходил-то тепереце родну матушку,
 Как тепереце мне будет воля вольная.
 Заполоню-ту все я руськия чёрны карабли,
 Изберу-ту, изымаю со караблей многих людей,
- 225 Разышшу-то тогда же Илью Мурамця,
 Отсеку я по плець ёму буйну голову».
 Как пришло-то об одну пору, прикатилосе,
 Уж и сотня чернёных-то пришло караблей,
 Захватил-то он, вси-то забрал-то,
- 230 Заполонил он народу всего да православного.
 Как приходят ёрлыцьки скоро скорописьцяты,
 Да приходят-то скоро всё во Киев-град,
 Шьто во матушку приходят в камянну Москву:
 «Захватил-то Подсокольничок чёрны карабли,
 235 Заполонил-то Подсокольничек людей добрых,
 Да матросицьков он да всих карабельшицьков».
 Как недолго тут Илья, немного он роздумыват,

Он скорёхонько-скоро да собирайтце,
 Он ведь скоро поехал тут к Подсокольницьку,
 240 Он прибил всех со старого до малого,
 Он отсек у Подсокольницька буйну голову,
 Пригонил вси чернёны-ти свои кáраблї
 Он ведь в гавань ко князю ко Владимиру.

№ 43

Да между Киёвым было, меж Черниговым,
 Да стояла заставушка — 'семь богáтырей:
 Атаманом — государь наш Илья Муромець,
 Втору голову — Добрынюшка Микитиць-от,
 5 В третью голову — Самсон да Кольвановиць,
 Во ц'етвёртых — Гаврюша-та Долгополяя,
 Да во пятых — Потанюшко был Хроменькой,
 Во шестых-то были братиця Збродóвици,
 Во седьмых-то был Олёшенька Поповиць-от.
 10 Да от той-то от заставушка — семь богáтырей,
 Да не конному, не пешому проходу нет,
 Да не ясному-ту соколу пролёту нет.
 Да на ту жа на славушку на великую
 Приежаёт дородён доброй молодець
 15 Да из той жо из земли-то из Задонския.
 Да кричал молодёць своим громким голосом:
 «Уж ты гой еси, заставушка — 'семь богáтырей!
 Ты давай-ко мне, заставушка, поединшика.
 А не дашь ты мне, да-ка, поединшика,
 20 Я убью-то ведь вас всех за единого».
 Говорил государь тогды таковы речи:
 «Да послать мне-ка Самсона-та Кольбанова —
 Он ведь силой-то силен, да неухватист был,
 Через то он потерят свою буйну голову.
 25 Да послать мне-ка Гаврюнку-то Долгополого —
 Он ведь силой-то силен, дак полбї долгї,
 Да ц'ерез то он потерят свою буйну голову.
 Да послать мне-ка Потанюшка-та Хроменькой —
 Он ведь силой-то силен, как в ногах хромой,
 30 Через то он потерят свою буйну голову.
 Да послать мне двух братицей Збродóвицей —
 Они силой-то сильни, сами забродятце,
 Через то они потеряют да буйну голову.

- Да послать мне-ка Олёшеньку Поповича —
 35 Он ведь силой-то не силён, тольке напúском смел,
 Церез то он потеряет свою буйну голову.
 Да послать мне-ка ведь брателка названого,
 Молодыя Добрынюшку Микитиця —
 Он ведь силой-то силен да как здело есть».¹
- 40 Да недолго наш Добрынюшка розговаривал,
 Лёкко, скоро скакал-то да на добра коня,
 Ише сам поехал он-то да во чисто полё.
 Выезжаёт на шóломя на окатисто,
 Он ведь здрил-смотрил на вси чётýре стóроны,
 45 Увидал-то — под одной да под стороночкóй
 Уж как ездит-то молодець, потехайтце,
 Из рецей-то да молодёць да похваляйтце:
 «Мне наехать бы руського могучёго богатыря —
 Я убил бы ёго да <в> 'место овода».
- 50 Да скричал тогды Добрынюшка громким голосом:
 «Уж ты, полно те ездить да потехатисе,
 Из речей-то тебе-ка да похвалятисе!
 Уж мы станём-ко на́ поли съезжатисе».
 Не два ясного сокола слетаитце —
- 55 Два дороднёго добра молодця съезжаитце.
 Под Добрынюшкой конь-от потыкаитце,
 Говорил тогды Добрынюшка таковы речи:
 «Уж ты конь жа, конь ты да Воронеюшко!
 Разве слышишь ты надо мной да незгодушку?»
- 60 Да гдел тогды Добрыня на доброго молодця —
 Да сидит-то молодёць да как сenna куча,
 Голова-та у ёго-то да как пивной котел,
 Да глаза-ти у ёго да как пивны чаши,
 Ише нос-от у ёго как палка дровоколья.
- 65 Говорил тогды Добрынюшка таковы речи:
 «Уж ты конь, ты мой конь да Воронеюшко!
 Уносил от пургí и от падёры
 Да удёрывал от пулечки от свинцёвья,
 Унеси миня от смерти-то от напрасныя».
- 70 Ише конь-от от земли-то де отделяйтсе,
 Выше лесу стоячёго поднимайтце,
 Да унёс он к заставушки — 'семь богатырей.
 Ницёго-то государь наш у Добрынюшки не спрашивал,
 Да лёкко, скоро скакал-то да на добра коня,
 75 Ише сам он поехал-то во чисто полё.
 Выезжаёт на шóломя на окатисто,

- Он смотрил-то на все четыре стороны,
Увидел под одной он под стороночкой
Уж как ездит-то молодец, потехайтце,
80 Из речей-то ведь молодец похваляйтце:
«Мне наехать бы русского богатыря —
Я убил бы его (в) место о́вада».
Да кричал государь тогда громким голосом:
«Уж как полно те ездить да потехатисе,
85 Из речей-то тебе да выхвалятисе!
Уж как станём мы на́ поли съезжатисе».
Не два ясного сокола сълетайтце —
Два дороднёго молодця съезжаютсе.
Да ударили богатыри саблями острыма,
90 У их сабельки-ти да пошербалисе —
Сами друг-то ведь друга они не ранили.
Да ударились тут пальцями тяжолыма,
У их палици-ти да поломалисе —
Сами друг-то ведь друга они не ранили.
95 А ударились тогда да ко́пьеми острыма,
У их копыця по яблучкам сломилисе —
Сами друг друга они-то ведь не ранили,
Они не дали ведь раны к ретиву́ сердцу.
Да скакали через гривы-ти лошадиныя,
100 Да большим-то боем да рукопашкою
Да водились богатыри трои суточки,
Они ноги втоптали да по колен в землю.
Государя-та ножоцька подломиласе,
Ише права-та ручушка окатиласе,
105 Да упал-то государь тогда на сыру землю.
Да садилсэ молодёцъ ему на белы́ груди,
Он ведь хочет спороть ёму белы́ груди.
Да змолилсэ государь да Спасу Пречистому,
Пресвятой-то Матери Божьей Богородици,
110 У ёго прибыло силы, втроё больше стало жо.
Он спехнул-то богатыря как овсяной сноп,
Ише сам он садилсэ да на белы́ груди,
Да не спрашивал не родины, не вотчины,
Да спорол у богатыря белы́ груди.
115 А потому што государю-ту было на́ поли смерть не писана.
А отправилсэ тогда он к заставушки великою,
Ише сам он говорил им таковы речи:
«Уж вы вой еси, дружиночка хоробрая!
Розъезжайтесъ вы, дружиночка, по своим местам,

120 По своим-то местам да ко своим домам.
Ише полно вам стоять заставушкой великою!»
Да розъехались богатыри по своим местам,
По своим местам, по своим домам.

№ 44

И как был-то, жил Илья да Илья да Муромец,
Ише сын-от всё Иванович.
А как он вздумал-то Илья, да Илья Муромец,
А и он ездил-то далеце во чисто полё,
5 Во чисто поле, во широкое раздольице,
Он ко заставы ездил своей богатырьскою,
А и как тут-то атаманом был Илья Муромец,
А податаманье-то был Добрынюшка Никитич млад,
А асаулом-ту же был Алешенька Поповиць млад.
10 И собиралисе могучи наши русьски богатыри
А на заставу свою да богатырьскую,
А и они роскинывали белы шатры полóтьнены,
А караул они держали да очунь крепко же,
А шшо не заехал какой в ихну заставу богатырьскую,
15 А какой чужой земли богатырь же пресильней же.
А ише в ту же пору, во то времечка
А и как наехал-то заставу премладый Подсокольничок.
И они все-то спят во белóм шатру в полотъненном,
А только же не спит у них старой-от седатой-от,
20 А как Илья-та же всё сын, да сын Иванович.
А он ставал-то по утрику, утру ранному,
И до восходу-ту ставал да сонья красново,
И умывал-то он своё да лицо белоё,
А он свежой-то водой умывал да всё ключóвою,
25 И вытирал-то своё лицо бело да белым полотеньцом же,
А и на восток он же Господу Богу молилсе же,
И скоро брал же он же в руки трубочку подзорную,
И выходил же он скоро да из белá шатра,
И он смотрял-то он заставушку богатырьскую.
30 А как у заставы-то богатырьскою ездит млáдой Подсокольничок,
А как под им-то же конь, как будто лютой зверь,
А на нём-то, на кони сидел не куча сennáя-та,
(Вот сколь тоненькой был!)
А свою палицу булатну мечóт единой рукой,
А он выше лесу-ту кинал да выше стоячего,

- 35 А выше облака кинал да всё ходячѣго,
 А другой рукой подхватывал.
 А он же с собой да¹ сам выговаривал:
 «А я верчу свою палицой да я булатною,
 А² уж я так же буду вертеть богатырем Илейкой³ Мурамцом».
- 40 ⁴И как стоял тогда⁴ старая стареньшина призадумалсе,
 И сам говорил же он всё да таковы речи:
 «Мне послать ли, послать да старому, седатому,
 Уж мне брателка послать да всё крестого,
 Не того ли же Добрынюшку Никитича?»
- 45 А пусть съездит-то в заставу богатырьскую
 И поборитисе да с тим ли со младым Подсокольничком».
 Тут ставал Добрынюшка да всё Никитич млад,
 Он ставал скорб да на резвы ноги,
 Побежал-то мытьсе да на Пучай-реку,
- 50 Он своё-то да лицо белоё,
 Лицо белоё да молодецькоё,
 Вытирал лицо он же да всё он да полотенцом же.
 Тут садилсе Добрыня на добра кóня,
 Ише брал с собой Добрынюшка да кóпье востроё,
- 55 И брал Добрынюшка да саблю же всё булатную,
 Он скакал скорб да на добра коня да богатырьского,
 Он поехал скоро ко заставы богатырьскою,
 И приезжал же он к заставы богатырьскою,
 Ко премладенькому да Подсокольничку.
- 60 И говорил Добрынюшка да млад Никитич же:
 «Уж ты ой еси, премладой Подсокольничок,
 Ты зачем к нам заехал в заставу всё да богатырьскую,
 Без позволеньица да атамана-та,
 Атамана-та да Ильи Мурамца?»
- 65 А податаманью мне, Добрынюшки Никитичу,
 Асаулу-ту Алёшеньки Поповицю
 Не кладёшь-то ёму злата же, ти сёребра».
 Поворачивал премладой Подсокольничок
 Он своего добра коня да богатырьского
- 70 На Добрынюшку же всё да на Микитиця.
 Тут сыра-та земля да потрясаласе,
 Из озёр, из рек вода да возливаласе,
 И уж тут же сидел Добрынюшка Микитич млад,
 А и как он-то увидел премладá Подсокольничка,
- 75 А⁵ и покатилисe у Добрынюшки горячи слезы из глаз,
 А и тут заплакал⁶ сам, возговóрил:
 «А мне не с этим с богатырем, не состоять будет».

- А и заворотил-то Добрынюшка своего-то добра коня,
 А и он поехал ко белу шатру полотъненому,
 80 А и он ко старому-то всё да ко седатому,
 А и ко Ильи-то он приехал да всё к Ивановичу:
 «Уж ты ой еси, мой брателко крестовой же,
 Етот богатырь-от же о́чунь, о́чунь сильнѣй-от,
 А очунь сильнѣй же он да очунь силой порато против миня ес<т>ь-то.
- 85 А у его же конь да всё ровно как лютой зверь,
 А на кони же он сидит равно как сenna куча,
 А он свою палицу булатную покинывает одино́й рукой,
 А⁷ другою рукой же всё подхватывает,
 А ише сам же с собою да приговаривает:
- 90 „Я легко верчу же своей палицой булатною,
 Я легко буду вертеть Илейку Мурамцом”».
 А тут же говорил же Илья Муромец:
 «Не послать же разве Алёшеньку Поповиця,
 И же съездить-то к заставы богатырьскою».
- 95 И говорил же тут Илья, Илья же Муромец,
 Илья Муромец да сын же всё Иванович:
 «Уж ты ой еси, Алёшенька Попович млад,
 Уж ты съезди-ко, поезжай да ко заставы богатырьскою
 И поборись-ко-се со младеньком да Подсокольничком».
- 100 Тут ставал Алёшенька же всё Попович млад,
 Он ставал скорó да на резвѣ ноги,
 А умывалсе Алёшенька свежо́ю водо́й ключевой же он,
 Вытирал своё да ли́цо бело белым полотеньцом же,
 Он садилсе скоро Алёшенька скоро да на добра коня,
- 105 На добра коня же вон да богатырьского,
 Он поехал скоро же к заставы богатырьскою,
 Ко тому премладенькому Подсокольничку,
 Он крычал-то, зычал Алёша зычным голосом:
 «Ах ты ой еси, премладенькой да Подсокольничок,
- 110 Как же ты смел заехать в нашу заставу богатырьскую,
 Атаману нашему ты Ильи Мурамцу,
 А податаманью же всё Добрынюшки Никитичу,
 Асаулу же мне, Алёшеньки Поповичу,
 Не кладите мне-ка злата же вы всё же сѣребра».
- 115 Поворащивал премладенькой Подсокольничок
 А он своѣго-то добра коня богатырьского,
 А и на Алёшеньку-ту же он всё Поповиця,
 А и тут сырая-то всё земля под нем потрясаласе,
 А из озѣр-то, из рек, вода возливаласе,
- 120 А и перепалсе тут Алёшенька Попович млад,

- И он заплакал-то Алёша горючима слезьми:
 «И сколько я же, Алёшенька млад Попович же,
 А и сколько я ко застави богатырьскою
 А я же ежживал, такого вот богатыря не видывал».
- 125 А и поворачивал Алёшенька млад Попович же
 А он своего коня же он да богатырьского
 А ко белу шатру же ко полотьнenu,
 А как ко старому атаману и ко Мурамцу,
 И приезжал-то тут Алёшенька со слезами же:
- 130 «Уж ты ой еси, же старой наш, седатой же,
 А уж Илья ты у нас, да Илья Муромець,
 Илья Муромец же сын да всё Иванович,
 А и етот богатырь-от очунь, очунь же сильней же,
 А как под им-то конь же у его да как же лютой зверь,
 135 А как он же на кони сидит, как сenna куча,
 А ише он же сам-то собой да приговариват:
 „А я легко верчу своей да палицой булатною,
 И уж я так буду вертеть Илейкой-то я Мурамцом”».
- И тогда говорил-то же старой-то, седатой-от:
- 140 «И мне-ка старому-ту, седатому заменитисе неким же,
 Мне надоть ехать самóму к заставы богатырьскою,
 И мне-ка надо поборотьсе с премладеньким с Подсокольничком».
- И выходил он скоро старой-от, седатой-от
 Изо белá шатра полотьнена,
- 145 И он же брал своего конеюшка Белеюшка,⁸
 И одевал он на sibя латы богатырьские,
 И он скакал скорó на своёго же добра коня,
 Он поехал-то скорó⁹ заставу богатырьскую,
 А и приезжал-то он к заставы богатырьскою,
- 150 А и он крычал-то, зычал свóим голосом богатырьским же:
 «Уж ты ой еси, премладенькой Подсокольничок,
 И ты зачем заехал к нам в заставу богатырьскую,
 И¹⁰ без моёго-то всё ты без приказаньица,
 А податаманья-та Добрынюшки Никитича,
- 155 Асаулу-ту Алёшеньки Поповича,
 И не кладешь ты ему много счётненькой золотой казной?»
 А и тут премладенькой тут да Подсокольничок,
 А тут же он поворачил да своего добра коня
 А богатырьского на Илью, на Илью же Мурамца,
- 160 И тут Илье-те же сын же всё да всё Иванович
 Не убоалсе, не устрошилсе же он,
 И он премладого же всё да Подсокольничка,
 И он же ехал прямо на него да на своём коне.

- Э и они друг с другом же скоро всё съезжались,
 165 А они вострыма копьями всё и билисе,
 А они ихны-ти востры ко́пьяца потупилисе,
 И потупилисе у их да все помялисе.
 И они скакали скоро на матушку на сыру землю,
 А они хватались-то друг с другóм да рукопашной бой,
- 170 А они билисе-боролисе трои сутоки,
 А они в полуколен в землю да всё стопталисе,
 А как же старой-от, седатой Илья Муромец,
 А он умел-то правой ножочкой подкорючивать,
 Подкорючил еще премла́дого Подсокольничка,
 175 Тут же падал Подсокольничок на матушку сыру́ землю.
 А как садилсе Илья Муромец на бёлы груди,
 И он хотел-то у его пороть да груди белые
 И вынимать-то же хотел у его ретивó сёрьцо,
 А и сам говорил же он ему да таковы слова:
- 180 «А уж ты ой еси, премладенькой Подсокольничок,
 Ты скажи-ко мне, да ты какого отца, матушки,
 Ише хто у тя да ес(т)ь да рóдной батюшко,
 А ише хто у тя же ес(т)ь да рóдна матушка?»
 И ответ держал премла́дой Подсокольничок:
- 185 «Я бы был бы у тя да на белы́х грудях,
 Не спросил бы я не роду всё, не племени,
 Я порол бы у тя да белы груди,
 Вынимал бы я у тя да ретиво сёрьцо».
 Говорил-то Илья да на второй же раз,
 190 Говорил же Илья да на третьей же раз,
 Ише он ему да всё не сказывал.
 Он увидел у его да на правóй груди
 Золотой-от крест-от был всё с надписью,
 Шшо написано было имя-то отечесьво.
 (*Его имя Ильи Мурамца было подписано.*)
- 195 А на правóй руки да золотой перстёнъ,
 А¹¹ с дорогима-ти со ставочками драгоценныма.
 И тут увидел Илья своё имя всё, отечесьво,
 Подымал его со матушки да со сырой земли,
 Он своим-ти да ручкам белыма,
- 200 А человал же он его в уста сахáрные,
 Называл его да чадом миленьким:
 «А чадо милоё моё да ты любимое,
 А ты из города идешь же всё из Концыря,
 От королеви едешь всё от Маринки дочери Кандальёвны,
 205 Ты поедём, моё чадо же любимое,

- Во белой же мой шатер да во полотъненой,
 Э ко своему же ты да к родну батюшку,
 А-й ко Ильи же ты да всё ко Мурамцу,
 Ты ко Мурамцу да всё к Ивановичу,
 210 И побеседуешь да с родным батюшкой,
 Во белом же шатри да во полотъненном,
 А мы поьем с тобой же водочек сладких заморских и¹² же».
 И тут они же пили, ели во белых шатрах да во полотъненных,
 Трои суточки сидели они всё беседывали,
 215 На четвёрты же суточки же он поехал же,
 Во свой же город он же всё во Концырь-от,
 И тут наказывал же и им же старой-от, седатой-от
 Королевы да целобитьцо,
 Так его-то же да родной матушки,
 220 А и как Маринки-то дочери Кандальёвны,
 И наказывал же он да чаду милому,
 Уж как милому да всё любимому,
 И как премладенькому да Подсокольничку:
 «А ты не ездидале во чистом полё,
 225 И во широкоё всё да во роздольцо,
 Ише к тем же к заставам богатырьским же,
 На какого же ты богатыря да всё навёрнишьсе,
 И положишь ты во чистом да свою буйну голову».
 (Не помню. Так вся и есть!)

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ (№ 45—47)

№ 45

- Ай во славном было городи во Киеви,
 Там ведь жил-был старая старыньшина да Илья Муромець,
 Илья Муромець был да сын Ивановиць.
 Ёму придумалось-то съездить во чистом полё,
 5 Как поехал он да позабавитьце
 Он тимá-ти ведь дворяньским забавами:
 Пострелять-то он поехал гусей, лебедей,
 Он перьнисцятых-то мелких всё он утоцек.
 Он наехал во чистом-то поли три могущего богатыря,
 10 Три того ли он, три братёлка Борисёвых:
 Во чистом-то поли они делают всё красно золото.
 Говорит-то Илья да таковы речи:
 «Уж вы гой еси, три брата три Борисёва!

- Уж вы дайте-ко вы мне да красна золота».
- 15 Говорят-то ёму братъици Борисовы:
«Тибя скоро разлуцим, стар, со белым светом».
Говорит-то казак да Илья Мурамець:
«Шьто у старого, у бедного взеть нецёго,
Взеть-то нецёго вам, всё живота ведь нет:
- 20 Только ес(т)ь у мя, у старого, всё у седатого,
Шьчо три ес(т)ь у мя три стрелки всё калёныя:
Я сътрилею ети стрелки по белым дням,
Собираю ети стрелки по тёмным ноцям,
По ноцям-то у мя стрелки как свешши горят».
- 25 Натегат скоро Илья да ведь он тугой лук,
Он спускаёт, Илья Мурамець, всё калену стрелу,
Он застрелил тут трех братъицей Борисьёвых,
Обирал-то он ведь тут злато, серебро,
А приехал-то ведь тут да в красён Киев-град,
- 30 В красён Киев-град приехал ко князю на широкое двор.
Он дарил-то тут ети подароцьки,
Подарил-то злато, серебро ведь ласковому князю со кнегиною,
Со кнегиной с Опраксеей с королевисьней.
Ишше князю-то Владимиру ети подароцьки ёму всё полюбилисе,
- 35 Он отдаривал ведь князь да всё Владимир-от,
Подарил-то ёму шубоцьку-кошулёцьку,
(В старины поестце.)
Да потянута шуба всё камцяткой мелкотравцяттой,
На Владимири-то шубка как огонь горит.
Тут ведь вси-ти бояра на его розгневались,
- 40 На того ли казака всё Илью Мурамця.
Тут бояра насказали на Илью князю Владимиру:
«Шьчо ж ты ой еси, ты красно наше солнышко Владимир-князь!
Напилсэ ведь Илья всё зелёна вина,
Он ведь ходит всё по городу по Киеву,
- 45 Он волóцит ету шубку за един рукав,
Он волóцит, сам ко шубки приговариват:
„Волоци-тко-се ты шубку за един рукав,
Ай Владимира-та-князя за жёлты кудри!
Опраксею-королевисьню я за собя возьму”».
- 50 Ишше тут-то князь Владимир пообидилсэ,
Приказал-то копать подкопы глубокия,
Шьчо глубокия пещеры ёму смёртныя,
Засадил он Илью Мурамця с добрым конём.
Тут узнала всё про ето цюдо цюдное
- 55 Молода-та ведь кнегина Опраксея-королевисьня,

- И сама она тому да приросплакалась:
 «Шьчо неладно-то Владимир дело съделал-то,
 Занапрасно посадил да Илью Мурамця.
 Насказали всё ёму бояра кособрюхия».
- 60 Подкопала она подкопы другі ёму,
 Она в роди как пешер ёму спасённых,
 Уносила всё ему книгу Евангельё,
 Присылала ёму свешш всё воскояровых,
 Шьчо сама-та пила, ела, она кушала,
- 65 Она тем же кормила Илью Мурамця,
 Она так ёго корьмила, шьчобы князь не знал.
 Ай добра коня спускали в зелёны лужка,
 В зелёны лужка спускали, в шолкову траву.
 Ай с того-то всё горя, горя великого
- 70 Тут уехало двенадцеть всё богатырей:
 В перьву голову уехал Самсон Сильния,
 Во вторых-то тут уехал Пересмяка со племянницьком,
 Тут ишше-то как уехал всё Цюрило-свет всё Плёнковиць,¹
 Да ишше-то тут уехал всё Добрынюшка Никитиць млад,
 75 Да ишше да тут уехал всё ведь Олёшенька Поповиць млад,
 Да ишше-то тут уехал всё Дунаюшко Ивановиць,
 Тут уехали богатыри.

(Не всё ведь мы их знам, да как их именём-то звать.)²

- А ишше-то с того горюшка великого
 Да убилсэ тут Добрынюшко Никитиць млад
- 80 Он о тот ли о горюцёй о сер камешок:
 «Олишили токо Илью-то всё белá свету —
 А не буду безь ёго да я на свети жить!»
 Ай прошло-то тому времени не год, не два,
 Шьто не год, не два прошло ведь, братцы, да не три года,
- 85 Шьто прошло-то тому времени, тому три мясеця,
 Шьчо прошла-то скоро вестоцька по всей земли,
 Шьчо по всей прошла земли по святоруською,
 Да дошла-то ета вестоцька до земли-то до поганья,
 Как до той ли до Орды, до Золотой земли.
- 90 Там ведь жил-то-был да всё собака Каин-царь,
 Собака Каин-то царь, то царь Калиновиць.
 Он заслушел, шьчо нет живого Ильи Мурамця,
 Подымаитьце собака ише Каин-царь,
 Ише Каин-от-царь да всё Калиновиць,
- 95 Он со тем ли со своим сынóm с любимым,
 За сынóm-то всё идет силушки всё несцётно-то:
 Идет сорок-то царей за им, царевицей,

- Идёт сорок королей, всё королевичей,
 Ай за каждым за царем, да за цяревичём,
 100 Шьчо за кажным королем, за королевичём,
 Шьчо идет-то ведь силушки по сороку всё тысяцей,
 Ай за зётём силы-то идет — да цисла-смету нет,
 За самим же за собакой царем Каином
 Идет силушки за им — да цисла-смету нет.
- 105 Тут не вёшна все вода да розьливаласе,
 Всё тотарьска-та сила-та подвигантце
 Ко тому-то всё ко городу ко Киеву,
 Ко ко ласковому князю ко Владимиру,
 Шьчо ко тем ли ко церьквам Божьим соборным,
 110 Шьчо соборным, к церьквам все богомольным,
 Шьчо ко тем цюдным крестам животворящим,
 Ай ко тем ли ко манастырям к спасёным.
 Сам выходит царь-собака из белá шатра,
 Шьчо собака-та выходит ише Каин-царь,
 115 Ише Каин ведь царь да Калинович,
 Ай выходит собака, похваляйтце.
 Подошла сила ведь за версту за мерную:
 Замогли-то продувать да ветры буйныя,
 Замогло-то пропекать да красно солнышко
- 120 От того ли всё от духу от поганого,
 От поганого от духу от тотарьского,
 От того ли всё от пару лошадиного.
 Говорит-то ведь собака ише Каин-царь,
 Ише Каин ведь царь да всё Калинович:
- 125 «Выходи-тко вы всё да три тотарина,
 Три тотарина вы всё да три поганого!
 Вы пишете вы скоре-ко мне-ка грамотку,
 Вы пишете мне-ка грамотку да всё вы руськую,
 Не пером-то вы пишете, не цернилами,
- 130 Не по белой по ербовой по бумажоцьки —
 Вы по рыту-ту пишете всё по бархату
 Дорогим-то вы пишете сухим красным золотом,
 Уж мы как ведь зайдём да в красен Киев-град».
- Ише тут ёму тотара отказалисе:
- 135 «Мы не знам, не знам писать-то, всё ты Каин-царь,
 Всё ты Каин-царь да всё Калинович!
 Не умем-то мы писать всё грамотки всё руською».
- Закрыцал-то тут собака по-зверинному,
 Засьвистел-то тут собака всё по-соловйинному:
- 140 «Уж вы гой еси, тотарева-булановя,

- Уж вы ти всё стихари всё получёвныя!
 (Писаря, знацит, по-ихному.)
- Вы пишете скоро грамоту тотарьскую,
 Ай тотарьску вы грамоту немецькую,
 Ай пишете вы про князя про Владимира:
- 145 Ай мы князя с Владимира мы кожу всё с жива съдерём,
 Опраксею-королевисьню мы всё с собой возьмём,
 Увезём-то мы всё ей да во свою землю».
 Они скоро написали ету грамотку,
 Тут пошли-то ведь скорó всё три тотарина,
- 150 Ай приходят они ко князю на широкой двор,
 С широка́ двора в полаты в белокаменны,
 Принесли-то они грамотку тотарьскую,
 Говорят-то они князю Владимиру
 Все не руським язЫ́ком-то, своим они:
- 155 «Получай-ко, князь Владимир, скору грамотку
 Ай от нашего царя, царя от Каина,
 Шьчо от Каина-царя да всё Калиновича».
 Тут как стали скоро росьпецятывать,
 Как по ихней-то всё пало по ущести.
- 160 На ту пору-ту приехал тут Олешенька всё из циста́ поля,
 Попроведать-то приехал всё он князя со кнегиною.
 Он ведь брал-то скоро грамотку рос(с)матривал,
 Он россматривал грамотку-ту, всё ведь он процитывал.
 Ишше всё-то у тотарина написано:
- 165 «Мы зайдем-то ведь мы завтра в красён Киев-град,
 В красён Киев мы град ко князю ко Владимиру,
 Мы не будём у его отсека́ть да буйной го́ловы,
 Мы ведь будём ёго муцить-то мы муками:
 У жива́ да мы ведь кожу-ту съдирать будём,
- 170 Опраксею-ту мы королевисьню мы с собой возьмём».
 Они стали-то цитать да все заплакали.
 Говорит-то князь Владимир такovy слова:
 «Уж вы вой еси, тотарява поганья!
 Вы мне дайте-ко мне строку, да трой мне сутоцки:
- 175 Отслужить-то мне обедни со молебнами,
 Со молебнами мне да с панафидами». —
 «Не дайм-то тебе строкú да на три де́ницька».
 Тут заплакало-то нашо-то да солнышко,
 Да по имени наш да всё Владимир-князь:
- 180 «У мя вси теперь в розьезди вси богатыри,
 Теперь некому стоять будёт за веру православную,
 Православному веру, за Божьи церькви,

- За Божьи-ти за церквы, за золоты кресты,
За золоты-ти кресты-ти стоеть, за князя, за кнегину-ту!»
- 185 Говорит тут Опраксея таковы речи:
«Уж ты гой еси, ты красно моё солнышко,
Ишше князь ты всё Владимир стольне-киевской!
Уж ты дай-ко ро(с)сказать, мне всё поведай-то,³
Я ноцесь мало спала, да много во сни видяла:
- 190 Как Илья-та ведь у нас будто живёхонёк,
Как живёхонёк у нас он, здоровёхонёк».
Говорит-то князь Владимир таковы слова:
«Кабы был у нас Илья кабы живёхонёк,
Не боелись бы собаки царя Каина,
- 195 Не розорил бы у нас да красна града Киева,
Не погубил бы у нас да всё Божьих церквей,
Не убил бы тогда миня, князя Владимира,
Он не вырубил тогда бы всё со старого до малого!»
Говорила Опраксея-королевисьня:
- 200 «Я скажу-ту всё тебе, правду поведаю:
Занапрасно посадил ты Илью Мурамця.
Сохранила я ёго от сьмерти от голодныя,
Я поила-то ёго, корьмила всё любым куском
Я тайком-то от тибя только, Владимир-князь.
- 205 Ты просьтишь ли теперь миня в такой вины?» —
«Тебя Бох просьтит, всё Опраксея-королевисьня!
Да пойдём-ко мы Илью звать, низко кланитце».
Ай приходят в пещеры-ти спасёныя,
Ему кланеитце князь Владимир-от низкóй поклон:
- 210 «Ты просьти миня, старая старинышина,
Уж ты славной мой казак да Илья Мурамецъ,
Илья Мурамецъ да сын Ивановиць,
Ты просьти, прости миня всё виноватого!»
Говорил-то тут Илья да Илья Мурамецъ:
- 215 «Тибя Бох простит, да красно нашо солнышко,
Тибя Бох простит, да всё Владимир-князь!
Не своим-то ты умом да дело здумал делати:
Насказали-то тебе бояра кособрюхия».
Он ведь скоро выходит из подкопóв — пешёр спасённых.
- 220 А служили всё обедни-то да со молебнами,
Со молебныма всё с панафидами
Шьчо во тих ли во Божьих церквах соборных,
Во соборных церквах да богомольных,
Шьчо у тих ли у попов, отцей соборных.
- 225 Ай приходят во полаты из Божьей церкви,

- Он садит-то всё Илью да всё за дубовой стол,
Наливает ему цяроцьку всё зеленá вина,
Зеленá-та вина цяру полтора ведра,
Он ишшэ-то наливает пива пьяного,
230 Пива пьяного ему да полтора ведра,
Он ишшэ-то наливает меду сладкого,
Мёду сладкого он да полтора ведра.
Ишше стал-то тут Илья всё поговаривать,
Шшвелились у ёго всё могуцї плещи,
235 Розыгралась-то в им силушка великая,
Всё велика-та сила богатырьская,
Он ведь скоро ведь стават всё на резвї ноги,
Он ведь скоро тут выходит всё из-за дубовá стола,
Он молилсэ-то всё тут Богу Господу,
240 Всё Царици-то Небесной Божьей Матери,
Благословлялсэ всё у князя со кнегиною.
Он как скоро выходил сам на широкой двор,
Говорил скорó таки да реци горькия,
Реци горьки говорил да всё обидилсэ:
245 «Тебе Бох тебе судья, ты нашо красно солнышко,
Красно солнышко, Владимир славной киевськой!
Розлуцил ты всё миня да со добрым конём,
Со добрым миня конём всё с Воронёюшком!»
Ай выходит на ширóку сьветлу улоцьку,
250 Он понёс только в руках одну востру саблю,
Он ишшэ понёс в руках всё палицю свою цяжолую,
Он цяжолу-ту палицю всё сорока пудов,
Он ишшэ же он понес копье всё брузаменьское.
Недалёко отошел от города от Киева:
255 Тут бежит-то всё ёго, да бежит добрый конь,
Бежит доброй ёго конь всё Воронёюшко,
Обнимат своёго ножками любимого хозяина,
Говорит своим языком целовеческим:
«Я ходил-то, всё я бегал по зеленым лужкам,
260 Всё я кушал-то траву, траву шолковую,
Уж я пил-то всё свежу воду ключовую,
Я не мог забыть любимого хозяина,
Я своёго-то всё старую старыньшину,
Я того ли всё Илью да Илью Мурамця,
265 Илью Мурамця я, сына Ивановича.
Во сегóдешной-он мне да во денёчек-от
Приоткрылась мне дорожка токо к Киеву».
Тут садилсэ доброй молодець всё на добра коня,

- Он поехал во те ли сцепны́ леса Саратовы,
 270 Изъ тёмных изъ тех лесов всё на круту горú,
 Шьчо на ту-то на круту горú на Арависькую,
 Арависькую на гóру на укатисту.
 Выезжал-то тут Илья да Илья Мурамецъ,
 Посмотрял с етой горы во трубоцьку подзорную,
 275 Хоть-то думат доброй молодець, роздумыват:
 «Этой силы на добром кони́ мне-ка будёт не обьехать,
 Как серу́-ту всё волку́ будёт не обежать».
 Помолилсэ на восток всё Богу Господу
 Он во ту ли во востоцьню всё в стороноцьку,
 280 Ко тому ли ко манастырю спасёному,
 Ко тому ли ко Онтонию, Феодóсею.
 Да поехал-то он тут да доброй молодець,
 Ишше конь-от у ёго да как сокол летит,
 Шьчо Илья-та на кони́ да всё розмахиват
 285 Он своей-то всё он палицей тяжолою,
 Он всё палицей-то бьёт-то силу, всё саблей секёт,
 Он копьём-то колет, больше конь топцет.
 Он ведь сутоцьки бил силу, други пошли,
 И други-ти пошли сутки, третьи́ пришли,
 290 Он добралсэ до само́го царя Кáлина.
 Говорит-то он ёму до таковы слова:
 «Теперь буду у собаки я кожу с жива́ сдирать,
 Отмешшу разве тебе, собака, я слово похвальнёе,
 Да не нать бы тебе, собака, всё хвалитисе,
 295 Передí-то страшать князя Владимира!
 Ты пецелил всё у мня моего красна солнышка,
 Проливал ты ведь всё у его князя горяю́и слезы,
 Ты теперице, собака, у меня в руках —
 Я не буду-ту марать свои белы́ руки
 300 О того я о поганого тотарина,
 О того ли о собаку царя Каина —
 Я приму тибя, возьму я на востро́ копьё,
 Ростопцю тибя за то возьму своим добрым конём».
 Он убил-то тут собаку царя Каина,
 305 Он убил-то у ёго сына любимого,
 Он убил-то у его зетя любимого,
 Не оставил-то он силушки на сёмяна.
 Богатыри-ти там ведь спят в шатрах, не ведают,
 Они спят в шатрах да всё не знают-то.
 310 Поехал Илья Мурамецъ во Киев-град,
 Приежаёт он ко князю ко Владимиру,

- Приезжает ведь он всё на широкой двор,
 Он ведь бросил востру саблю, не повесил ей,
 Говорит-то всё ведь он своей вострой сабли:
- 315 «Полежи ты, моя сабелька, немножецко,
 И не служат у миня да руцьки белья,
 Не могу тибя повесить-то на спичёцку.
 Я избилсо, доброй молодець, в цистом поли:
 Не пивал ведь, не едал я трои сутоцьки».
- 320 Тут услышели скороб ведь всё придверницьки,
 У ворот-то ведь да всё приворотницьки,
 Донесли-то скороб они ласковому князю всё Владимиру,
 Шьчо приехал осударь наш Илья Муромець.
 Говорили-то они князю Владимиру:
- 325 «Он приехал ведь у нас всё голоднёхонёк».
 А идёт-то скоро красно нашо солнышко,
 На широким двори у нас росьсвётило,
 Со своей-то со кнегиной с Опраксею с королевисьню.
 Как берут-то Илью да за белы руки,
- 330 Обнимаёт князь Владимир-от за шею за белу его,
 Прижимает он к своему к ретиву серьцю:
 «А ведь цим теперь-то я тебя дарить буду,
 А дарить-то всё тебя я буду, цим ударивать?
 Наградить надоть наградушкой тебя великою».
- 335 Говорит-то ведь старой казак Илья Муромець:
 «Мне не надобно твои-ти, князь, подароцьки,
 Заслужила мне-ка Опраксея-королевисьня,
 Шьчо избавила миня от сьмерти всё от скорою,
 Шьчо от сьмерти мне скорою от голодною».
- 340 Говорил-то князь Владимир таковы реци:
 «Я могу сделать тебя князем, боярином». —
 «Мне не надобно на сём свети слава сосьветная,
 Я не буду жить да на двори у тя,
 Я не буду слушать-то бояр всё кособрюхих,
- 345 Лучше буду я ездить по цисту полю».
 Сбирал-то для ево-то нашо красно солнышко,
 Ишше ласковой князь да всё Владимир-свет,
 Сбирал-то для ёго всё пир великой-от
 Ай на целую неделку поры-времени.
- 350 Шьчобы собрать-то всех могуцких богатырей,
 Шьчобы собрать-то всих князьей да шьчобы бобяров,
 Шьчобы всех простых хрисьян прожитоцьних,
 Шьчобы за здравье шчтобы ели, пили, кушали
 Не за князя шьчтобы, не за кнегину-ту —
- 355 Шьчобы за славного могуцёго богатыря.

№ 46

- Из-за моря-то было, моря синёго,
 Из-за синёго моря, из-за Чёрного
 Приходили-то чернёны бóльши кáрабли,
 Приходил-то всё да царь неверныя,
⁵ Все неверной царь Бадáн Бадáновиць
 Со своим-то со сыном с Торокáшкою,
 Со своим-то зётём с одним со любимым.
 Ай за сыном-то идёт силы сорок тысяцей,
 Идёт сорок царей, сорок царицей,
¹⁰ Идёт сорок королей да королевичей,
 И за кажным за царём идет царицей,
 И за кажным королём да королевичём
 Ише силушки идёт по сороку всё тысяцей,
 И за зятём-то идёт силы сорок тысяцей,
¹⁵ А и сорок царей идёт царицей,
 Ише сорок королей да королевичей,
 За всímá идёт по сороку тысяць.
 Сбирал-то эту силу ровно три года,
 Ровно три года силу, всё три месеця.
²⁰ Ишше сам идёт, собака, похваляйтце:
 «Я приду-то ведь как скоро всё под Киев-град,
 Отсеку же у Илейки буйну голову».
 Как приходит царишко в красён Киев-град,
 Он ведь стелет всё мосты себе дубовыя,
²⁵ Ай выходит царицо на крут бёрежок,
 Ишше тот ли Бадан да всё Бадановиць,
 Он ведь скоро выносит всё дубовой стол,
 Ишше стал-то он писать да ёрлыцьки всё скорописцята,
 Написал он на бумаги, на целóm листу:
³⁰ «Уж мы как то придём, зайдём в красён Киев-град,
 Мы Владимира да ведь стругом выстружим,
 Опраксею мы да королевисьню —
 Опраксеюшку-то я возьму в поляноцьки
 (Заполоню к себе.)
 Я возьму ей замуж за сына любимого.
³⁵ Я ведь Божьи-ти церкви на огни сожгу,
 Я святы-ти вси иконы спушшу на воду,
 Я ведь красных-то девушек да всех к себе возьму,
 Я толпáми к себе возьму да добрых мóлодцов,
 Я стадами-ти возьму да коней добрых».
⁴⁰ Говорит-то сам тотарин таковы речи:

- «Уж вы гой еси, тотара немилóсьливы!
Выходите вы ко мне да поскорéшенько,
Ишше хто из вас знат да язык руськой-от?³
Повезите скоро князю всё Владимиру».
- 45 Ай один-то тут тотарин нахвалилсэ-то,
Нахвалилсэ-то, скорó выскакивал,
Выскакивал скóро из белá шатра,
Он сутул, сам горбат, ведь наперед поклап,
Ишше синь-от кафтан, голова да как пивной котел.
- 50 Он сядлал-то ведь скоро коня-та доброго,
Он не спрашивал не мхов и не темн́ых лесов.
Всё крыцит ёму сзади царь Бадан Бадановиць:
«Заезжай-ко ты в стену не воротами,
Ц́ерез тын-то скаци да ц́ерез башни наугóльния».
- 55 Приехал тотарин на широкой двор,
Оставлял-то он добр́а коня-та среди он широка́ двора,
Сам заходит в полаты в княженеськия,
Он кинаёт скоро грамоту на круглой стол,
Поворот он держал да всё вон пошол,
- 60 Запирал у полаты двери на́крепко,
Вси полатушки-ти тут да покосилисе,
Вси окóлénки со страху поломалисе.
Он¹ ведь скоро призывает двух братьицей крестовых:
Во первь́ых зовет Добрынюшку Никитиця,
65 Во вторых зовет Алёшеньку Поповиця:
«Роспецятывайте, братьиця крестовыя,
Ёрлыцьки тотарськи скорописцяты».
Они стали тут ведь скоро росьпечатывать.
Говорит-то князь Владимир таковы реци:
- 70 «Вы ц́итайте-тко,² всё братьиця, да не утайте-ко».
Они стали ц́итать, — слезно́ заплакали:
«Эта грамотка, Владимир-князь, тебе пришла нерадосьня:
Подошел-то ведь царь-от всё Бадан Бадановиць,
Собирал-то он ведь силы ровно три года,
- 75 Он ведь сбóрал силы-то ведь с трех земель.
Он ведь просит у тебя да трéх богатырей:
Перьву голову он просит всё у тя Илейку Мурамця,
Во вторых просит Добрынюшку Никитиця,
Во третьих просит Алёшеньку Поповиця:
- 80 „Отсеку-то я ведь сам у их да буйны головы”».
Тут-то скоро Владимир одеваютце
Со своей он с Опраксей-королевисьней,
Одевают на себя всё платьё черное,

- Платьё чёрно на себя, платьё печальнѣе.
⁸⁵ А пошли-то они всё да во Божью церковь,
 А служить пошли молебны всё великия,
 Отслужили молебны во Божьей церкви.
 Тут заплакал князь Владимир горящымъ слезми:
 «Ишше все у мя богатыри розъехались!»
- ⁹⁰ А идѣт он да из Божьей церкви —
 К им настрѣю всё калика перехожая.
 Перехожая калика, переброжая.
 Кланѣлся Владимир-от калики перехожаю:
 «Ты откуль идѣшь, калика, куды путь держишь?» —
- ⁹⁵ «Я иду-ту, иду в славнои в красѣн Киев-град,
 Я ко ласковому князю ко Владимиру,
 Я спрошу-ту у тибя, всё, князь, поведаю:
 Почему ходишь в чёрном платьи в пещельнѣм-то?» —
 «Подошла ведь у нас силушка под Киев-град».
- ¹⁰⁰ Говорит-то калика перехожая:
 «Не калика ведь иду я перехожая —
 Я иду ту тибѣ старая старыньшина,
 Шьто по имени казак я Илья Муромецъ,
 Из очѣтесьва иду я сын Иванович».
- ¹⁰⁵ Ему кланялся Владимир до низкѣи земли:
 «Ты не мошь ли, Илья Муромецъ, помиловать
 Ты не ради всё миня, князя Владимира,
 Ты не ради Опраксеи-королевисъни —
 Хоть ты дль-ради Божьихъ церквей соборныхъ,
¹¹⁰ Уж ты ради манастырѣй-то хоть спасѣныхъ,
 Уж ты дль-ради сиротскихъ малыхъ детоцѣк?»
 Говорил ёму Илья всё таковы реци:
 «Отказал ты, князь Владимир, нас от Киева
 Шьчо двенадцеть-ту ведь лет нас поры-времени».
- ¹¹⁵ Тут заплакал князь Владимир горящымъ слезми,
 Поклонилсѣ он Ильи всё до низкѣи земли,
 До низкѣи ему земли, да до резвѣихъ всё ног:
 «А постой же за веру православную!»
 Тут ведь взял-то Илья Муромецъ всё князя за праву руку,
- ¹²⁰ Он княгину Опраксею за леву руку:
 «Вы не плаць-ко-се, князь да со кнегиною!
 Постою-ту я за веру православную,
 Постою я за Божьи церкви соборныя,
 За соборныя церкви богомольныя,
¹²⁵ Постою я за манастыри спасѣныя,
 Постою-ту за сирот, за вдов за бедныхъ.

- Ты да дай-ко мне-ка, красно нашо солнышко,
 Насыпай ты пёрвву мису красна золота,
 Насыпай ты вто́ру мису циста сёребра,
 130 Насыпай-ко третью мису скатна жемцюга.
 А пойдём-то ведь к царю да всё с подарками,
 Я возьму-то всё с собой князя Владимира,
 Я возьму всё Добрынюшку Никитиця,
 Мы возьмём ишше Олешеньку Поповиця,
 135 Мы пойдём-то к ёму скорó с подарками».
 Как приходят всё к царю Бадану-ту Бадановицю,
 Принесли-то ему скóро подароцьки:
 Как подносит князь Владимир пёрвву мису красна золота —
 Принимает тут тотарин все одной рукой,
 140 Он не бьёт-то всё целом за то, не кланитце.
 Подавает другу-ту мису циста сёребра —
 Всё примаёт тотарин единой рукой.
 Подаваёт третью ведь мису скатна жемцюгу —
 Берёт-то тотарин всё подароцьки.
 145 Говорит ему собака таковы реци:
 «Ты возьми-ко, да ты князь Владимир же,
 Ты прими у меня царю зеленá вина,
 Зеленá же вина царю, полтора ведра».
 Ай берет-то князь Владимир единой рукой,
 150 Выпивает князь Владимир только он один пивной стакан,
 Подаваёт эту цяроцьку всё старом-то старыньшины,
 Шьчо тому ли казаку всё Ильи Мурамцю,
 Выпивает Илья всё на единой дух.
 Шшевелились у его всё могуци плечи,
 155 Розгорелось у его да ретивó серьце,
 Лепётá (румéнец)³ же во лица перемениласе.
 Ай как говорит ведь царь Бадан Бадановиць:
 «Ты воспоежай топере, князь, во Киев-град,
 Ты оставь мне трёх могуцих богатырей:
 160 Во перьвých-то оставь да Илью Мурамця,
 Во других оставь Добрынюшку Никитиця,
 Во третьих оставь Алешеньку Поповиця.
 Сам ты запирайсе на крепки замки,
 Ты крепи-ко-се свою-ту стену городовую.
 165 Я прибью, зайду, со старого до малого».
 Ай Владимир-князь поехал со Добрынюшкой да со Олешенькой во Киев-град,
 Илья Муромецъ поехал ко Почай-реки,
 Он ведь стал-то тут двенадцеть-то богатырей розыскивать,
 Он искать-то ведь их стал по зелёным садам:

- 170 Они ездят по садам, всё забавляютце
Они всякими дворянским забавами.
Он ведь скоро крычал Илёюшка-та зычным голосом:
«Собирайтесь-ко, богатыри, в одно место,
Мы пойдём-ко скорé ко славну граду Киеву,
- 175 Мы ко ласковому князю ко Владимиру».
Ишше скоро съезжались все богатыри:
А приехал-то в перьвých Самсон всё Сильнѣй-от,
Пересмяга-то приехал со племянницьком.
(Они хоть не вси поимянно упомянуты.)⁴
А поехали ко городу ко Киеву,
- 180 Да ко ласковому князю ко Владимиру;
Отслужили обедњи с панафидами,
С панафидами обедњи, всё с молебнами.
Они стали тогда метать всё жéребьи —
Как ведь выпало Самсонушку всё Сильнѣму,
- 185 Ай Самсонушку-ту ехать во праву руку,
Пересмяги со племянницьком в леву руку,
А Ильи-то ехать Мурамцю во серёдоцьку,
А Добрынюшки-то ехать тоже шьто в серёдоцьку,
А Алёшеньки Поповицю ехать тоже в серёдку.
(По крупнóй силы.)⁵
- 190 А прогóворил-то у Ильи-света у Мурамця,
Прогóворил ёго да всё ведь доброй конь,
Прогóворил он всё язýком цѣловецеським:
«Послушай ты, мой ласковой хозяин же,
Шьчо по имени Илья да свет ты Мурамецъ,
- 195 Из очетесьва Илья да сын Ивановиць!
Ты поедёшь в серёдку в силушку тотарьскую —
У тотар-то ес(т)ь три подкопа глубоких,
В подкопах-то наставлены востры шшыки,
По бокам-то наставлены востры шшыки,
- 200 По серёдоцькам — копя брозамецькия.
Я ведь первой-от подкоп всё перёскоцю,
Другой-от ведь подкоп я перёскоцю,
А в третей-от подкоп уроню тебя я, добра молодца».
Он ведь бьёт коня да по крутым местам:
- 205 «Эка волцья ты сыть да травяной мешок!
Ты не хошь стоётъ за веру православную,
Ты не хошь слушáть любимаго хозяина!»
Он ведь бьёт коня всё по крутым бокам.
Он поехал скоро в больши подкопы глубокия.
- 210 Ай первой-от подкоп конь скоро перёскоцил,

- А другой-от подкоп скоро конь перёскоцил,
 Уронил-то во третей подкоп да Илью Мурамця.
 Набежали тут тотара всё поганьи,
 Всё опутали во путани шелковья,
 215 Шьчэ во те его варганы (на плечях надеты железа)⁶ во железныя,
 Отправляли всё к царю-то всё к неверному,
 Ко ево-то увезли ёго к белу шатру.
 Ишше сами тотара посмехаютце:
 «Ты секи-ко-се, Бадан да наш ведь царь Бадановиць,
 220 Отсеки ты у Илейки буйну голову».
 Говорит-то всё ведь царь поганой-от да всё неверной-от:
 «Вы возьмите-ко да стрелоцьки калёныя,
 Вы стреляйте-тко ёму всё во ясны оци».
 Тут ведь гóворит-от царь да таковы реци:
 225 «Послужи-тко мне, Илейко, хоць три годика».
 Говорил-то да Илья Мурамецъ:
 «Я не буду служить у тя три годицька.
 Кабы была у мня в руках тепере сабля вострая,
 Послужил бы я тебе всё по твоей шеи,
 230 По твоей-то бы шеи по тотарьскою».
 Говорит-то собака таковы реци:
 «Отсеките у нево вы буйну голову».
 Говорит-то тут Илья да свет всё Мурамецъ:
 «А у вас ведь, у тотар, какá вера неправая,
 235 Ай у нас ведь как секут да буйну голову,
 У нас на полё увозят на Куликово
 Да кладут-то буйну голову всё на колодоцьку,
 Отсекут-то тогда да буйну голову».
 Говорит-то собаки-цáрю рóдной сын
 240 Как по имени-то всё да Торокашко-то:
 «Ты спусти, ты татенько родимой мой,
 Ты спусти-ко старого да на Божью волю:
 Сединой-то ведь старой изукрасилса».
 Возмолилсэ Илья да Илья Мурамецъ
 245 Со слёзами-то Миколы всё угодьнику:
 «Прилетали-то во чистом поли мне-ка свет ангели
 Да садились они мне на могуци плечи,
 Говорили они мне, шьто во цистом поли мне съмерть не писана;
 Мне приходит-то тепере съмерть напрасная!»
 250 Тут свалились-то от Божьей скоро милости,
 Все опали-то путани шолковья,
 Отвалилосе железо всё приковано.
 Взял-то Илья Мурамецъ тотарина да за резвы ноги,

- Он ведь за́цял татаринoм помахивать:
 255 В ту ведь сторону махнёт — валитце улицей,
 Да в другу-ту махнёт — всё переулками.
 Прибежал-то у Ильи у Муромця свой Воронеюшко,⁷
 Он сaдилсэ тогда да на добрá коня,
 Они⁸ стали по чисту́ полю поезживать,
 260 Ай тотарьску-ту силу всё потаптывать.
 Исприбили тотаров до единого.
 Они били-то немало же ведь времени —
 А двенадцеть-то дней да поры-времени,
 Не пивали они да не едали-то.
- 265 Да уехал собака-царь да во своё место,
 А оставили ёму сына любимого,
 Да за то ёго не сказнили, не срубили-то —
 Он велел спустить Илью всё на Божью́ волю.
 Да уехал царь да во своё место
- 270 Не на церьнёных-то да больших кáраблях,
 На мелкíх-то всё уехал лёхких шлюпоцьках,
 Он приехал бесь прибытку во своё место.
 Тут ведь брали всё ведь их жонки,
 Брали они дубовы палоцьки
- 275 Да убили-то царя, собаку-то, неверного:
 «Розорил-то ты ведь да наши дóмы-ти,
 Оставил ты сирот да малых детоцьк!»
 Слободил-то у нас Господь Небесной Царь,
 Сохранил-то у нас многíх богáтырей,
- 280 Сохранил у нас веру православную,
 Сохранил у нас надежду царя белого,
 Сохранил у нас да всё Божью́ церьквы,
 Сохранил у нас манáстыри спасёнья,
 Сохранил у нас да книги всё церьковныя,
- 285 Сохранил у нас да щюдны светлы óбразы!
 Приежают на двор да к царю белому,
 К царю белому, ко князю ко Владимиру.
 Говорят-то они да такovy реци:
 «Не потухло у нас да красно солнышко,
- 290 Не закрыло у нас да туцьей тёмною,
 Не убили-то тотары царя белого,
 Ишше князя-та всё света Владимира!
 Ты пойдём-ко, князь Владимир, во Божью́ церьковь,
 Мы ведь петь будём молебны всё за здравие́,
- 295 Принесём-то мы хвалу Царю Небесному!»
 Приходили ведь скоро во Божью́ церьковь,

Отслужили молебны за здравие,
 За царя-та ведь да тут, за цярцю же,
 За князьей за всех да тут за бояров,
³⁰⁰ За руських сильних за могущих своих богатырей.
 Да повёлсэ-то пир у их навесели,
 Они пили зелёна вина сколько надобно,
 Без росцёту они брали золоту казну.
 Одарил их Владимир-князь да со кнегиною,
³⁰⁵ Подарил их подарками великими
 За услуги-ти ихны богатырския.

№ 47

И подымалася туча темная, грозная,
 А и грозна туча находила на морё на Черноё,
 А и как на тот ли находила на славной Киев-град,
 А и находила туча грозна на Непр-реку,
⁵ А и как на Непр-реку ту же да на ту ли заставу богатырскую,
 А и как на те ли на пороги всё на непреськие.
 И подходил-то тут царь да Кудреянко-то,
 Кудреянко-царь подходил да всё немилосьливой,
 А со он всей-то гвардией силой великою.
¹⁰ А и силы-то было гвардеи-силы много у его,
 А-й ясну соколú не облететь будёт,
 А добру молодцу будет не объехати.
 А и как ко городу-ту шел царь Кудреянко-то,
 Он ко славному-ту шел да всё ко Киеву,
¹⁵ А он ко князю-ту же шел да ко Владимиру,
 Ко Владимиру ко князю Святослаевичу.
 Ише сам-то он, собака-царь Кудреянко-то,
 А он же сам же всё да он похваляется:
 «А я теперь возьму же красен Киев-град,
²⁰ Я своей-то гвардией да своей силою,
 А вси я церкви-ти, храмы Божии огню предам,
 А ише всех-то я во Киеви повыбью их,
 А и не оставляю я ни млáдого, ни старого!»
 А и как накладывал-то царь да Кудреянко,
²⁵ А и он накладывал да калёны стрелы,
 А и он спускал-то калёны стрелоцьки во Киев-град.
 А и он стрелял-то, крепки стрелы были у их.
 А и тут же князь Владимир испугалсэ же,
 А и всё невеселой ходил да он печальной-от,

- 30 А у его-то жа во Киеви во городи
 А што богатырей не случилось, не пригодилосе.
 А и тут же князь-от Владимир скоро одевалсе он,
 Он во теплую одежду, надевал на себя,
 Ишше брал с собой да всё туриной рог,
- 35 И выходил-то князь Владимир на ту стену городобую,
 Он на ту ли-то на башню наугольную,
 А и он брал-то в руку [в] правую туриной рог,
 А и он во левую-ту рученьку струночки золоченья,
 А и он вострубил-то князь да во туриной рог.
- 40 Ай услышали-то тут ездили богатыри
 А и как по той ли-то они заставы богатырскою.
 И во первых услышали они по играшшам,
 Как у князя-та Владимира говорил-то он,
 А и зазывал-то он богатырей могучих он:
- 45 А и во первых-то он богатыря Илью Муромца,
 А во вторых-то он зазывал Добрынюшку Никитича,
 А во третьих-то звал Иванушка сына Годеновича,
 А в четвертых-то же звал Алёшеньку Поповича,
 А и он звал-то ишше Дуная сына Ивановича,
- 50 И ише́ звал-то он и Васильюшку Богуслаёвича.
 И тут слышали-то богатыри могучия,
 Они скоро-то он да скакали же
 Со белых шатров они да одевалисе,
 И они садилсе богатыри на добрых коней,
- 55 Э и они поехали ко городу ко Киеву,
 А и ко той ли они заставы богатырскою.
 Э и как приезжали они ко князю ко Владимиру,
 И как стречал-то их-то князь Владимир всё,
 Он во полаты-ти повел кнеженеськие,
- 60 А и он садил-то их за столички за окольния,
 А и он поил-то их дорогима-ти водочками,
 А и как дорогима-ти же всё же он заморьскимма,
 И угошшал-то их же ествами сахарнымма.
 А они пили-ели богатыри досьита же,
- 65 А они допьяна же они да напивалисе,
 И они попили-то же тут они, покушали.
 И говорил-то им же князь да всё Владимир-от:
 «А и уж вы ой еси, мои вы могучи русьские богатыри,
 А и я скажу-то вам же што да всё же то:
- 70 А и вы-ко съездите да всё в заставу богатырскую,
 А и как к заставы богатырскою пришел-то царь Кудреянко сам,
 Как Кудреянко-царь пришел да всё немилосьливой,

- Он поставил свои лагеря тотарския,
 А и как пришла-то с им-то сила-та же гвардея,
 75 А много-много силушки да царя Кудреянка,
 А и нельзя думушкой нельзя да всё подумати,
 А и крепким разумом нельзя да всё подумати,
 А ясному-ту соколу не облететь будет,
 А добру молодцу не объехати».
- 80 И тут говорил Илья да Илья Мурамецъ,
 А и Илья Мурамецъ же сын да всё Ивановичъ:
 «Ай уж ты ой еси, ты князь да всё Владимир же,
 Ай ты Владимир-князь же у нас да Святославиць,
 А и не тужи ты об том, тебе <Г>осподь не велел!
 85 А и тут не твоя печель же, князь Владимир же!
 А теперь нашо дело то да богатырьскоё,
 А мы теперь знам да шшо же нам да дело делати,
 Э и уж как надо всё нам да со царем с Кудреянком-то,
 С Кудреянком-то царем да всё немилосьливим.
- 90 А мы поступим-то с им да как нам надобно,
 А мы подумам-то своим умом богатырьским же».
 И говорил-то тогда да Илья Мурамецъ:
 «А и уж ой еси, мои богатыри все мógучие,
 А и мы подумам-ко, подумам своим умом же разумом,
 95 Ише как-то нам ловче да всё же ехати
 Э и за Непр-реку-ту нам да за заставу богатырьскую
 А ко тому ли ко царю да Кудреянку-ту,
 А Кудреянку-ту царю да всё немилосьливому.
 А и ты во первых-то поедем-ко, Добрынюшка Никитиць млад,
 100 А и во третьих-то ты поедем, Дунай же сын Ивановичъ,
 А и ты ише-то поедем, Иванушко сын Гонёновиць,
 А и ты ише-то жé поедем, Алёшенька Поповиць млад!»
 А и выходили-то из-за столицьков околних же,
 А они молились-то, Богу <Г>осподу же кланялись,
 105 А князю Владимиру челом били в праву рученьку
 Со княгиною Апраксеньей-королевисньей.
 А выходили они же скоро на широкой двор,
 На широкой двор же они да на княженьской-от,
 Ко своим-то они к добрым коням богатырьским же.
- 110 А они же брали-то же их за повода шелкóвия,
 Они садились на своих коней богатырьских же,
 А они брали-то с собой свои сабли вострые,
 А они же брали с собой копыща булатные,
 Они садились скоро на своих-то коней богатырьских-то,
 115 Они поехали-то скоро за Неп(р)-реку,
 На заставу-ту поехали богатырьскую,

- А ишше к тим-то лагерям-шатрам тотарьским-то,
 Ко тому ли ко царю да Кудреянку-ту.
- А и тут подъезжали-то могучи русьскі богатыри.
- ¹²⁰ Как смотрял-то тут Илья да Илья Мурамець,
 Ише Мурамець Илья да сын Ивановиць,
 А он смотрял-то, брал в рученьку да свою правую,
 А и брал он трубоцьку-ту брал да всё подзорную,
 А и он смотрял-то же во трубоцьку в подзорную,
- ¹²⁵ А и как с которой сторонушки да им же ехати,
 Э и где не мало же есь да силы-армии,
 Э и как с которой со сторонушки им ехати.
 Розглядел тогда Илья да Илья Мурамець:
 «Э и уж тут надо ехать, братцы, с правой стороночки,
- ¹³⁰ Э и надо брать-то в руки сабли вострыя,
 Э и нам рубить-то надо царя да Кудреянка же,
 Э и всего его со силой да всё со армией,
 Э и не оставлять-то да всё на сэмена!»
- А ишше тут-то же сядилисе могучи русьскі богатыри
- ¹³⁵ А и на своих-то они же скоро на добрых коней,
 Э и они брали-то в руки сабли вострые,
 А они поехали прямо в силу, в армию.
 А как Илья тоже поехал, Илья Мурамець,
 Э и он поехал-то в серёдку силы-армеи.
- ¹⁴⁰ А и как зацял-то Илья да Илья Мурамець
 А и как своей саблею-то своей же вострою помахивать,
 А как на праву-ту махнет — да лежала улица,
 А налево отмахнёт — да переулками.
 А как с левой-то с руки зацяли богатыри,
- ¹⁴⁵ А ише заце⟨л⟩ тут Иванушко сын Гоненовиць,
 А и тут зацел-то Добрынюшка Никитич млад,
 Тут же зацел-то Васильюшко Богуслаевиць,
 А и тут же зацел-то Алёшенька сын Поповиць же,
 И перебили они силу-ту всю армею,
- ¹⁵⁰ А и как того ли они царя да Кудреянка же,
 А и перебили до единого, не оставили.
 А и вси во городи во Киеви вз⟨в⟩олновалсе народ
 А и на того ли на царя да на Кудреянка же,
 Побежали за им кто кому желательнё,
- ¹⁵⁵ А хто с топорами же за им да кто с орудий же.
 А и Кудреянко-царь немилосьлив испугалсе он,
 А испугалсе он же сам, воротилсе же,
 А и воротилсе он назадь, да всё уехал от их,
 А и не могли-то они найти царя Кудреянка-та.

(Спряталсе где-то!)

КАМСКОЕ ПОБОИЩЕ (№ 48—53)

№ 48

- А к чему жо, братцы, приуныла луна небесная,
 А помолкло-то сончѣ красной?
 А подымаласе туто Литва поганая,
 Как подымалосе поганое Идóлишшо
⁵ А на тот жо на Киев-град,
 А на ласкова-то князя на Владимира.
 Собирал-то он силы сорóк царей,
 А да сóрок царей, сорок царевичей,
 А да сорок-то королей со королевичей,
¹⁰ А как сорок-то атаманов, сорок атаманышчиков.
 Под каждым-то было царём силы сорок тысяч,
 Под каждым было царевичем силы по сороку́ тысяч,
 Под каждым королём силы было по сороку тысяч,
 И под каждым королевичем силы было по сороку тысяч,
¹⁵ И под каждым-то атаманом, под атаманышчиком силы было по сороку тысяч.
 Под самим-то Идолишшем — числа-сметы не было.
 А как учул-то тут да князь Владимир жа,
 Он повесил буйну голову с могучих плеч,
 А как сам ведь говорил да таковы речи:
²⁰ «Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитич млад!
 Ты бери-тко скоро чернил, бумаг,
 Ты пиши-тко ярлыки да скорописчаты,
 А да ты пиши-тко всих руських могучих всё богатырей
 А ко мне, ко князю, всё да на почёсён пир,
²⁵ Пиши-ко ко мне на Камськоё побоишшо.
 А садись-ко-се, Добрыня, на ременчат стул,
 А пиши-то ёрлыки да скоропищяты:
 У тебя рука лёкка́ и перо востро.
 А как перьву-ту голову пиши Самсона сына Колубаёва,
³⁰ А другу-ту голову пиши Дуная сына Иванова,
 Во третьих-то пиши Святогора Гурьева,
 Святогора-то пиши да со племянником,
 А Ремянника пиши да со племянником,
 Пересмёту ты пиши да со племянником,
³⁵ Перемяку пиши да со племянником,
 А да Рóшшу, Рошшу-Рошшиби Колпак да со племянником,
 А пиши-тко двух-то брателков Петровичёв,
 А двух брателков пиши-тко ты Сбродóвичей,
 Пиши-тко-се Иванушка сына Годенова,

- 40 Пиши-ко-се Гаврила Долгополого:
Он силой-то силён, тольке полы́ долги.
А пиши-тко-се Пóтыка́ сына Иванова,
А пиши-тко-се Олёшенька Поповича:
Он хошь силой-то не си́лен, дак напúском смел».
- 45 А как написали все ёрлыки да скорописцяты,
Они скоро-то писали, запещятали.
А как гóворил-то тут сам Владимир-князь:
«Уж ты гой еси, Михайло сын Игнатъевич!
А да как-то есть у тя, Михайлушко, кóничёк малёшенёк,
- 50 А малёшенёк твой кóничёк Голубанушко, удалёшенёк.
В трои сутки ты объездей по святой Руси,
Облови-тко ты всих руських могучих богáтырей,
А не забывай ты их ни единого».
- А как брал-то Михайло ёрлыки да скорописцяты
- 55 А как в сумочку-то, в котомочку,
А как молитьсе он Спасу-то Пречистому,
Поклоняйтъсе-то Матери-то Божьей Богородици,
А прошшаитъце-то с князем со Владимиром,
А прошшаитъце-то с князем да во рученьку во правую,
- 60 Со всимá-то руськими богáтыри.
А он скоро пошел да нá свой на широкой двор,
Как седлал-то он, уздал скоро добра́ коня;
А как падал родной-то матушки да во резвы́ ноги,
А просил он благословенья ехать на святую Русь.
- 65 А давала-то ёму всё рóдна матушка да благословеньицё,
А как та жа Омельфа Тимофеёвна,
А как нáвеки давала нерушимое
А как съизъдить на святую Русь.
Выходил он, молилсэ-то Спасу Пречистому,
- 70 Поклонилсá-то Матери Божьей Богородици,
Што прошшалсэ он с своей да рóдной матушкой,
Выходил-то он да на широкой двор,
А он скоро, лёкко скакал на добра́ коня,
А да как стёгал-то коня по крутым бёдрам,
- 75 А добру́ коню да приговаривал:
«Ты бежи-тко, мой конь, скоро, как стрела калёная,
А бежи-тко скоро по чисту́ полю».
- Как не видели ёго поездки богатырьския:
Он из города поехал не воротами не широкима,
- 80 А скакал он через стену городовую,
А да через ту же башню наугольную,
А как тольке видели — во чистóм полí да куревá стоит,

- Курева стоит, да тольке столб столбит.
Он поехал скоро к Самсону Колубаёву под окошочко косисцятю,
- 85 А крычал-то своим зычным голосом:
«Уж ты гой еси, Самсон да Колыбаев жа!
А как бил челом тебе да низко кланялсэ
А как наш жо Владимир-князь да стольне-киевской,
А как звал-то он тебя да на почесён пир».
- 90 А да подавал-то он из сумочки ёрлык да скорописцятюй,
Принимал-то из окошочка Самсон да Колыбаёв сын,
А он скоро всё распечатывал, прочитывал.
А скочил-то он да на резвѣи ноги,
Ретивѣ ёго да серьдчѣ розъерилосе,
- 95 Лепетѣ в лицѣ перемениласе,
Горѣча кровь в ём да роскипеласе,
Богатырськи плечи ишшевелилисѣ.
Сам он говорит да таковы речи,
Таковы речи да таковы слова:
- 100 «Уж вы гой еси, мои слуги верныя!
А подите ко мне да на широкой двор,
Выводите моёго всё добра коня,
Надевайте-ко на его седельшко черкальскоё,
А накладывайте мои прищепи богатырськия».
- 105 А как ту слуги да не ослышились.
Как во ту пору, во то время
А приехал-то Михайлушко к Дунаю к широку двору,
А кричал он ёму да громким голосом:
«Уж ты гой еси, Сдунай сын Иванович!
- 110 Ты живѣшь — да ничего не знашь, не ведаѣшь:
А как те бѣе(т) челом да всё Владимир-князь —
А на то жо сильнѣе на Камскоё побоишшо,
А да тебя звал-то он на почесён пир,
На почесён пир всё да пива пить,
- 115 А побить-то силы всё неверныя».
Отпирал-то он окошечка немножочко,
Увидал он тут Михайла сына Игнатѣева:
«Уж ты здрастуй-ко, мой названой брат,
А названой брат да ты крестовыя!
- 120 Собирайсе ты да к нам на почесён пир, на Камскоё побоишшо».
Как поехал тут Михайлушко да по святой Руси,
А ка по́звал тут руських всих могучих всё богатырей.
А как за́чели богатыри съезжатисе,
А к Самсону съезжатисѣ на широкой двор,
- 125 Как за́чели богатыри съезжатисе —

- Как ясны соколы да всё слетатисе,
 Они скоро собрались, да не ослышались.
 Как поехали богатыри от Самсона широка́ двора,
 А как едут богатыри по чисту́ полю —
 130 Ише мать сыра земля да потрясайтесье,
 А в реках, озёрах вода да колыбається,
 А как со восточню-ту стороночку
 А не тёмная туча тучилась,
 А как тёмна туча как ведь грозная,
 135 А как туча тучилась, как бы гром гремел,
 Как бы гром гремел, да частой мелкой дождик шол.
 А как вдруг наехали тут всё богатыри,
 Они в город Киев едут не воротами да не широкима,
 А скакали через стену городовую.
 140 Как стречаёт князь Владимир со кнегиною,
 А стречаёт их-то сударь Илья Муромець,
 Как стречает их да среди двора,
 А стречает их да низко кланиться.
 Они скоро скакали со добрых коней,
 145 А как бьют челом да низко кланятсе
 Князю со кнегиною, государю Ильи Муромцю.
 Говорит-то Илья Муромець:
 «Уж вы здравствуйте, руськия могучии богатыри!
 А нам милости просим хлеба-соли покушати,
 150 А вина, пива попिति жа,
 А нам на Камское побоишшо:
 С поганьыма татарами побитисе».
 А весьма богатыри они ведь стали вёсёлы-радостны,
 А пошли они во гридни княженецкия,
 155 А как в ти в полаты в белокамянны,
 Как сядились за ти столы окольния,
 А как зачели пить-есть да веселитисе,
 Они пили, веселились трои суточки.
 Как не вёшня-та вода да розливайтисе,
 160 Не морська волна да колыбайтисе,
 А погана сила неверна ко Киеву да подвигайтисе.
 Как от того ведь пару лошадиного
 Как помолкла луна небесная.
 А приходит тут Владимир-князь:
 165 «Уж вам полно, братцы, пить — пора ехать во чисто полё,
 А да полно вам да поклаждатисе —
 Надо ехать с неверной силой управлятисе!»
 Как скричал-то тут старая старинышина Илья Муромець:

- «Мы без тебя-то знаем, без тебя ведаём!»
- 170 Тут Владимиру за беду пало, показалосе,
Он пошел-то со чесна пира, из гридни вон
Ко своей-то молодой жоны, к Опраксеи-королевишны.
Говорил тут старая старыньшина да Илья Муромецъ:
«Уж ты гой еси, Пересмёта сын Стёпанович!
- 175 Уж ты съезди-ко со своим да со племянником,
Уж ты съезди-ко в чисто поле, на шóломя окатисто,
А возьми-тко-се трубочку подзорную,
А как пересчитай-пересмечи эту силу великую,
Великую силу неверную».
- 180 Туто Пересмёта не ослышилсэ,
А да шол-то он да на широкой двор
Со своим-то он да со племянником.
(В ти пór-то богатыри да они спать легли,
Спать легли и отдóх иметь).
- 185 А садились они скоро на добрых коней,
А поехали из города не воротами и не широкима,
А скакали через ту стену да городовую,
Через высокую башню наугольную.
Они скоро выезжали на шóломя да на окатисто,
- 190 Они брали трубочки подзорныя,
Как смотрели во вси четыре стóроны —
Не могли они узреть-усмотреть коньця, не краечку
А как той-то силушки великия,
Не могли они сосчитать-сосмётать силы великия:
- 195 А как вёшня вода да розливаются,
Как морська волна да колыбаются,
Ише мать сыра земля да потресаются.
Как приехал Пересмёта ко князю на широкой двор,
Как не спитсье старья старыньшины да Ильи Муромцю,
- 200 А сречаёт их да среди двора,
Говорит-то он да таковы речи:
«Уж ты гой еси, Пересмёта сын Стёпанович!
А перéчитáл ли ты силы великия?»
Говорит-то Пересмёта сын Стёпанович да таковы речи:
- 205 «А не мог-то я пересчитать силы великия:
Всё ровно как вёшна вода розливаются,
А морська волна да колыбаются —
Как неверная сила ко городу ко Киеву заподвигаются».
А как приходил тут старая старыньшина Илья Муромецъ,
- 210 А как сам он говорил да таковы речи:
«А вам полно, братцы, спать-то, вам пора ставать,

- А пора ставать, надоть нам ведь путь смекать,
 Нам побрататься с Идолишшом надоть, поздороваться».
- А как тут богатыри да не ослышались,
 215 Они скоро ведь скакали на резвѣ ноги,
 Умывались они свежѳй водой ключѳвою,
 Утирались они да полотеньцами,
 Как молились они Спасу Пречистому,
 Поклонелись они да Матери Божьей Богородици.
- 220 Пошли-то они да на широкой двор,
 Скоро, лѳкко скакали на добрѳх коней,
 Поехали по городу по Киеву,
 Скакали через стену городовую,
 Через башню-ту да наугольнюю;
- 225 Отъезжали они подале во чистѳ поле,
 Остановили они да добрѳх коней,
 Они соходили со добрѳх коней,
 Становили они белѳ шатры полѳтъняны.
 А как ставили они крепких сторожов, да караульщиков,
- 230 А как двух-то руських могучих-то богатырей:
 А как перву голову — Гаврила Долгополого,
 А другую голову — Олѳшеньку Поповича.
 Говорит-то старик Илья Муромецъ:
 «Уж вы гой еси, два богатыря!
- 235 А как буду я вам наказ наказывать:
 Не побежат ли эти поганья татаровя —
 А как бейте их да до единого,
 Не оставейте их ни единого на сѳмяна».
- А ка(к) тут скакали богатыри да на добрѳх коней,
 240 А поехали богатыри к силы великия,
 Доезжали до той силы великия,
 А да как остановили тут добрѳх коней.
 Говорил-то Илья Муромецъ, государь, да таковы речи:
 «А кому, братцы, из нас ехать в середину-матицю
- 245 Ко тому жа ко поганому Идѳлишшу,
 А как с им поздороваться, побрататься,
 А отсѳкци ему буйна голова?»
 Говорит Самсон-то, сын Иванов, Колыбаѳевич:
 «Уж ты гой еси, сударь Илья Муромецъ!
- 250 Не кому ж-то ехать, как тебе, в силу великую
 А отсѳкци Идѳлишшу буйну голову:
 А тебе-то, Ильи Муромцю, во чистѳм поли смерть не писана».
 Говорил тут старѳй казак да Илья Муромецъ:
 «Я когда уеду как в силу великую,

- 255 Зазвенит-то моя сабля вострая,
Заскрипят-то мои плечи богатырския —
А тогда вы розъжайте по силушки великия,
А рубите ведь татар да до единого».
- Как поехал старóй-то в силушку великую,
260 А он мнёт-то всё конём силу поганую,
Он доехал до поганого Идолишша.
Говорит-то Илья Муромецъ таковы речи:
«Уж ты здравствуй-ко, поганое Идолишшо!
Я не дам тебе розорить-то города Киева,
- 265 В полон взеть князя Владимирера,
А черьквей-то Божьих под конюшни взеть,
И не дам-то розорить монастыри спасёныя».
- Тут спрошáет поганое Идолишшо:
«Уж ты гой еси, дороднёй доброй молодець!
270 Ты скажи-тко, какой есть у вас да Илья Муромецъ?» —
«Я скажу про старá козака про Илью Муромця:
Сколь я толст, велик — столь Илья велик, толст,
Ишше платье мы носим с одного плеча,
А как кушаём да из одной чаши».
- 275 Говорил тут поганое Идолишшо:
«А кабы был-то ваш слáвён Илья Муромецъ,
На долóнь бы посадил, другой — сверьху прижал,
Промежду долонями одно мокрó осталосе,
А да я-то ем хлеба по пети печей,
- 280 А вина-то пью да сороковками». —
«Уж ты гой еси, поганое Идолишшо!
У нас-то на Руси у Ивана-свешшенника
А была-то у ёго корова бурая,
Много пила-ела — у ей брюшина лопнула,
- 285 У тебя, Идолишша, скоро лопнёт жа!»
А как тут-то закрычал поганое Идолишшо:
«Уж вы гой еси, палачи да немилóслива!
А с(х)ватите мужика да со добра коня,
Отсеките-ка ёму да буйну голову».
- 290 А как то Ильи Муромцю за беду да показалосе,
Ёго серьчэ розъерилосе да розсердилосе,
Лепетá в лица да в ём переменяласе,
А горéча кровь да роскипеласе,
А как плечи ёго да шшевелилисe.
- 295 Он ведь скоро хватал саблю тяжолую,
А тяжолую, саблю вострую,
Стегал-то он добрá коня по крутым бедрам,

- Он поскóчил ёго доброй конь в силушку великую,
 А махнул-то он да саблей вострою
 300 А как сáму-то Идолишшу да в буйну голову
 А во всю-то свою силу богатырскую,
 А розсек он буйну голову вплоть до сáмого седёлышка,
 Розвалилсэ тут Идóлишшо всё нáдвоё.
 Начáл-то в силы поезживать, помахивать:
 305 А вперёд махнёт — сделает уличёй,
 А назад махнёт — да делат переулками.
 А зазвенила ёго да сабля вострая,
 Заскрипели ёго плечи богатырския.
 Услыхала тут дружина-то хоробрая,
 310 А как начели ездить, рубить по силушки великия:
 А вперёд махнут — тут ведь улицёй,
 А назад махнут — тут да переулками.
 Они коё бьют, коё конёми топчут жа,
 Они били-рубилы не множка, не мало — шестёры суточкы,
 315 Не пиваючи добры молодцы, не ёдаючи,
 Со добрых коней да не сходяючись,
 Што они прибили эту силушку да до единого.
 Утомились их всё добры кони,
 А у них да приустали всё белы руки,
 320 Они чуть сидят-то на добрых конях съезжаючись,
 Ихны добры кони идут ступью всё бродовою.¹
 Как доехали они да ко белым шатрам,
 Сходили они да со добрых коней,
 Насыпáли им ⟨п⟩шаницы белояровой,
 325 А спускали коней во чистó полё
 А шшипать-то, йисть травы муравья.
 А да как во ту пору, во то время
 Караульшиков у шатров не случилосе:
 Угонилисе они да за татарами поганыма,
 330 За тимá же за ихныма богатыри.
 Тут-то богатыри в шатры спать легли,
 Они крепко спали шестеры суточкы.
 А не спит-то 'судáрь Илья Муромець,
 Жале⟨е⟩т-то двух богатырей.
 335 А как едут богатыри да из чистá поля,
 Они едут да сами хвастают,
 Как хвастают, таковы речи говóрили:
 «А кабы была на небеса да лисьница,
 А прибили бы силу небёсную».
 340 А не спит в те пор 'судáрь Илья Муромець,

- Не спит он, так лежит, всё дело слушает,
 Выходил-то он да из белá шатра,
 Говорил-то им да таковы речи:
 «Вы немáлу себе, ребята, шуточку нашúтили.
 345 Ише как нам эта шутка с рук сойдёт?»
 А ка⟨к⟩ спят-то богáтыри, ничего не ведают.
 А прошли тут шéстёры суточки,
 А от сна старой казак да пробужайтсье,
 А выходит он да из белá шатра,
 350 А как смотрит он подалече в чистó поле:
 А как вос⟨с⟩тáлá тут вся сила поганая.
 Говорит тут старýй таковы речи:
 «Вам, братцы, полно спать, пора ставать!
 Как остала-се сила поганая,
 355 А как надоть нам с има побитисе».
 Выходили богатыри да из белóв шатров,
 А как мылисе они свежой водой ключéвою,
 Утирались они да белы полотеньцёми,
 А молилисe они Спасу Пречистому,
 360 А как Матери-то Божей Богородици.
 Они скоро, лёкко скакали на добрýх коней,
 А поехали к той силы поганья,
 А как начели рубить силу великую,
 А кого секут нáдвое,
 365 Из того рожайтсье двое жо,
 А кого секут нáтрое,
 Из того всё трое рожайтсье.
 Они перьвой день билисе с утра до вечера,
 А силы всё не убавляйтсье.
 370 Говорит-то 'сударь наш Илья Муромец:
 «Уж нам полно, братцы, битисе, живым с мёртвыма дратисе!
 Уж простит нас Господь а в такой вины?»
 Как молилисe они Спасу Пречистому,
 А тут пала вся сила поганая.
 375 А поехали в ти пóр да ко белýм шатрам,
 А Олéшенька с Гаврилом — во чистó полё,
 На вострýх копьях они скололисe.
 А приехали богáтыри да ко белýм шатрам,
 А да обирали ти шатры полóбтьняны;
 380 Роспростилисе да вси богáтыри,
 А поехали богатыри да по своим местам,
 По своим местам, к отчам, к матерям,
 А да к отчам, к матерям да к молодым жонам.

- Как старѣй казак да Добрынюшка Микитич млад,
 385 Они осталисе в чистом поли поляковать.
 А как спят-то они, по утру ранному,
 По восходу-ту соньча красного
 Как наехала баба Латынгорка на ту силу великую:
 Она мечёт на востром копыи тулова по-под небеса,
 390 А сама она мечет, приговариват:
 «Ише кто это прибил да силушку великую?
 А прибила бы я всех богатырей да до единого».
 А как ту богатырям за беду показалосе,
 Да поехал Добрынюшка к бабы Латынгорки,
 395 А ударились они да сабли вострыма —
 У их сабельки да поломалисе,
 Ударились они копьеми борзоменьскима,
 По рук копыя у них согнулисе —
 Не дали на себя раны кровавыя.
 400 Они скочили со добрых коней
 И начели боротисе.
 Не по Божьей то было всё по милости,
 Не по Добрыниной-то было учести.
 Порвалось-то у ей платье цвѣтное,
 405 А правá рука у ёго да скольёнуласе,
 А левá-то ножка у ёго да подвернуласе,
 А как падал Добрынюшка на сыру землю,
 А как села баба Латынгорка на белы груди,
 А хочёт спороть да Добрыни всё белы груди,
 410 Досмотрить Добрынина да ретивá сер⟨д⟩ця.
 Она едет своей ж⟨опой⟩ по белу лицу,
 Она едет да приговариват:
 «А целуй-ко-се мою ж⟨опу⟩ белую!»
 Как во ту пору едет старѣй казак Илья Муромецъ,
 415 Понюжál скоро добра коня,
 Доставал тут, шьтобы не спорола грудей беляя,
 Не досмотрила Добрынина ретивá сердца,
 Надъехал Илья Муромецъ на бабу Латынгорку
 Да спехнул ей со добра коня право́й ногой,
 420 Пала баба на сыру землю,
 Тут сел-то Добрыня на белы груди.
 «Уж ты гой еси, Добрынюшка Микитич млад!
 Не знаешь ты бабьей ухватки:
 Хватай бабу за пельки, пинай под гузно —
 425 Тут будет бабы рана кровавая».
 Тут-то Добрыня стал с сырой земли,

А садилсэ Добрыня на добра коня,
 Отъезжал-то Добрыня во чисто поле,
 Со того-то со стыду да со великого
 430 А втыкал он востро копьё да во сыру землю,
 Ишшо падал Добрыня на копье ретивым сердьчем,
 Тут-то Добрынюшки и смерть пришла.

№ 49

Подошло, братцы, под Киев-от сорок царей,
 Ишше сорок царей, сорок цариц,
 Ишше сорок королей, братцы,¹ королевичёв,
 Ишше сорок ятманов, подъятманиськов.
 5 А под кажным под царём было, под царицей,
 А под кажным королём, под королевичём,
 Ай под кажным под ятманом было, подъятманиськовом
 Ише силушки-то было да по сороку тысячей.
 Под самим под царицой да под Идолицой
 10 Под праву руку-то царица — сорок тысячей,
 Под леву руку царица — сорок тысячей,
 Впереди идёт царица-та сорок тысячей,
 Позади идёт царица-та сила — числа-смету нет.
 Говорил тогда поганой да Идолицы:
 15 «Ай кого жо мне послать будет в красен Киев-град
 Ай свезти мне ёрлыки-йти скорописчаты?
 Мне послать, не послать Ваську-королевича».
 Ишше Васька-королевич Идолицы любимой зять.
 Говорил тогда поганой да Идолицы:
 20 «Уж ты вой еси, ты Васька, королевич ты!
 Уж ты седи, ты Васька, ты в красен Киев-град,
 Ай свези-тко ёрлыки-йти скорописчаты».
 Ишше в те поры де Васька-то не ослышилсэ,
 Лёкко, скоро скачет он на добра коня,
 25 А поехал тогда Васька в красен Киев-град.
 Ён ко городу-ту ехал да не дорогою,
 Ай во город заезжает не воротами,
 Ай конь скачет через стену-ту городовую,
 Мимо ту же круглу башню-ту наугольную.
 30 И едѣ<т> он во гридни-то княженетския,
 И мечѣ<т> он коня сам среди двора,
 Не привязана мечѣт д'<а> не приказана,
 Не розседлана мечѣт да не розуздана,

- Сам идёт тогда во-в гирню-ту княженевскую,
 35 Отпирает Васька двери-ту на пята,
 А не ктит он своёго-та лича чёрново,
 Ён кладёт ёрлыки эти на дубовой стол.
 А берёт восударь тогда Илья Муромець,
 А зберёт ёрлыки, скоро распечатыват,
 40 А скорее того сам ведь просматриват,
 Ишше сам он говорил тогда таково слово:
 «Охти мене-чки, мене-чки,
 Охти мене-чки да тошнёхонько!
 А не вёшна ведь вода нас облелеяла,
 45 Подошло-то к нам под Киёв-от сорок царей,
 Ише сорок царей, сорок ведь цяревицей,
 Ише сорок королей, сорок королевичёв,
 Ише сорок ятманов да педъятманьченков.
 Да под кажным под царем было, под цяревицём
 50 Ише силушки-то было по сороку тысячей,
 Под самим под царишшом под Идóлишшом
 Уж силушки было — да числа-смёту нет».
 Говорил жо восударь тогда Илья Муромець:
 «Уж ты вой еси, Владимёр ты стольней-киевской!»
 55 Ай бери-тко-се свои да золоты ключи,
 Отмыкай-ко-се свои окованы ларьци,
 Насыпай-ко-се чашу красного золота,
 Ай другу жа насыпай-ко-се чистого сёребра,
 Ай третью насыпай-ко-се скатного жемчуга,
 60 Ай дари-тко-се Ваську-ту королёвиця,
 Ай проси-ко-се строку на три годика,
 Шьтобы нам во Киеви да покаеться,
 Да покаеться во Киёви нам да поправитьца».
 Ишше в те поры Владимёр-князь не ослышилсэ,
 65 Ай берёт он свои тогда золоты ключи,
 Отмыкаёт он свои окованы ларьци,
 Насыпает он ведь чашу красна золота,
 Ай другу жа насыпае(т) он чиста сёребра,
 Ише третью насыпает он скатна жемчугу,
 70 Ай дарит тогда Ваську-ту королёвиця,
 Он просит где-ка строку-ту на три годика.
 Васька дары-ти берет, им да чёлом не бьет,
 Не дават им-то строку на три годика.
 Ай просили они строку-ту на три месеца,
 75 Не давал Васька строку-ту на три месеца —
 Только дал им ведь строку-ту на двенадцать дён,

- Да уехал тогда Васька в силу-орду неверную.
 Говорил тогда восударь-от да Илья Муромець:
 «Уж ты вой еси, Добрынюшка ты Микитиць!
 80 Ты садись-ко-се, Добрыня, да на ременьчат стул.
 У тебя же, у Добрынюшки, рука лёкка,
 Ай рука у тя лёкка да и перо востро,
 Ты пиши-тко ёрлыки скоро-на-скорей,
 А пиши-тко-се дружинушку да хоробрую:
 85 Перьву голову — Самсона-та Колыбанова,
 Ай пиши-тко Светогора Первославьёва,
 Да пиши-тко-се Потанюшку-ту Хróмого,
 Ай пиши-тко-се Гаврила-та Долгополого,
 Ай пиши-тко Перемётушку да Васильева,
 90 Ай пиши-тко-се ты Рóшшу-ту Росшиби колпак,
 Ише Рошшу-ту пиши да со племянником».
- Говорил тогда восударь-от да Илья Муромець:
 «Ай кого же мы пошлем ехать по святой Руси,
 Розьнести ёрлыки эти скорописьчаты?
 95 Ай послать, не послать Михайлушка Данилова:
 У Михайлушка лошадь-та ведь малёшенька,
 Да малёшенька лошадь да удалёшенька».
- Ишше призвали Михайлушка тогда Данилова,
 Ишше сами говорили ёму таково слово:
 100 «Уж ты вой еси, Михайлушко да Данилович!
 Уж ты съезди, ты Михайлушко, по святой Руси,
 Розьвези-тко ёрлыки эти да скорописьчаты,
 Созови-тко-се дружинушку да хоробрую
 Да тому жо-де ко князю на почёсной пир,
 105 К восударю и-де к Ильи Муромцю,
 (Он перьвой населялсэ в Киев, как Соловья решал.)
 Да на грозноё зови на Камськоё побоишшо».
- Ище в те поры Михайлушко не ослышилсэ,
 Лёкко, скоро сам он скачет на добра коня,
 Ай поехал-де Михайлушко по святой Руси,
 110 Ай кричал-то он, зычал тогда зысьним голосом,
 Да во всю жа богатырьску буйну да головушку:
 «Добро жаловать, дружинушка вы хоробрая,
 Ай ко князю ко Владимиру на почесен пир,
 К восударю ко Ильи, братцы, вы как на помочь
 115 Ай на грóзно-де на Камськоё сильнэ побоишшо!»
 Да приехал-де Михайлушко тогда Даниловиць,
 Ай приехал-де Михайло-то в красён Киев-град,
 Он объездил вьсю-ту землю святоруськую,

- А приехал де Михайлушко на трéтей день,
 120 Ишше трéтьёго дня да полу́ же дня.
 Говорил тогды Владимёр стольнёй-киевской:
 «Уж ты вой еси, Добрынюшка да Микитиць!
 Ты скачи-тко-се ты скоро жо на добра́ коня,
 Поезжай-ко-се, Добрынюшка, во чисто́ полё,
 125 Сосьситай-ко-се да орду-силу неверную,
 Привези-тко-се ты сметушку в красён Киев-град».
 Ишше в те́ поры Добрынюшка не ослышилсэ,
 Лёкко, скоро скакал тогды на добра́ коня,
 Ай поехал-де Добрынюшка во чисто́ полё:
 130 Ён смотрит на орду-силу да неверную,
 Ишше сам буйной головушкой да покац'иват.
 А не мог сосьцитать орды да неверныя.
 Да приехал-де Добрынюшка в красён Киев-град,
 Он привёз — не привёз сметы в красён Киев-град,
 135 Ишше сам он говорил тогды таково слово:
 «Уж ты вой еси, Владимёр стольнёй-киевской!
 Ишше надобно бумаг, чернил три воза,
 Ай описывать орда надо три года:
 Да как этой орды-силы да неверьныя
 140 Ише ясному соколу будё не облететь
 Да во весь день-от как ведь вёшныя,
 Ишше серому-ту волку будё не обрыскать
 Ай во вьсю-ту ноченьку в осённую».
 Ише съехалась дружинушка-та хоробрая,
 145 Ай дружинушка съехалось ра́вно тридцеть душ,
 Ишше тридцеть-то было без единого,
 Сам тридцатой восударь был Илья Муромець.
 Да живёт эта дружинушка да по перьвой день,
 Ишше пьё(т) эта дружинушка она по вто́рой день,
 150 Ишше пьют они, богатыри, да по трéтей день.
 Говорили тогды князи-ти, думныя бо́яра:
 «Уж ты вой еси, Владимёр стольнёй-киевской!
 Ише пьё(т) у тя Илейка, проклаждаитце,
 Ише ратным он делом не заботитце —
 155 Ише хочё(т) изминить у нас да во Киеви».
 Говорил тогда Владимёр-от стольнёй киевской:
 «Уж ты вой есь, восударь да Илья у мня Муромець!
 Ише пьёшь у мня во Киеви, забавляисьсе,
 Ише ратным делом не заботисьсе, —
 160 Верно, хочёшь изминить у мня ты во Киеви?»
 Говорил жа восударь тогды Илья Муромець:

- «Уж ты вой еси, Владимёр стольнёй-киевської!
 Ишше не жаль мне тебя, князя, со кнегиною,
 Ишше не жаль мне бояринов да брюшников,
 165 Только жаль мне-ка во Киеви Божьих церквей,
 Только жаль мне-ка во Киёви-то бедных вдов».
 Ишше стал тогда Илеюшка собиратисе,
 Ишше стал тогда с дружинишкой собрунатисе.
 (Сбрудой богатырської; палици, сабли, то — сбруда.)
 Отправляютьце Илеюшка во чисто полё,
 170 Ай берёт он сороковочку зеленá вина,
 Ишше пива-та берёт ведь он другú бочку,
 Ишше третью-то меду сладкого.
 Ишше выехали они во чисто полё,
 Розоставили шетры они белополотьяны,
 175 Ише пьют во шетрах они по перьвой день,
 Ише пьют во шетрах они да по вто́рой день,
 Забавляютьце они, пьют сами да по третей день.
 Говорили тогда князи, думныя бо́ра:
 «Уж ты вой еси, Владимёр стольнёй киевської!
 180 Ише пьё<т> у тя Илейка-та по перьвой день,
 Ише пьё<т> у тя Илейка-та да по вто́рой день,
 Ише пьё<т> у тя Илейка и по третей день,
 Сам ратным он делом не заботитце, —
 Верно, хочё<т> изменить у нас под Киевом».
 185 Говорил тогда Владимёр стольнёй киевской:
 «Уж ты вой еси, Олешенька, ты Поповиць сын!
 Поезжай-ко-се ты, Олеша, ты во чисто полё,
 Ай скажи-тко ты восударю ты Ильи Муромцу:
 Ишше што он во шатрах пьёт, забавляитце,
 190 Ишше ратным он делом не заботитце, —
 Верно, хочё<т> изменить у нас под Киевом?»
 Ишше в те поры Олеша не ослышалсэ,
 Лёкко, скоро скакал тогда на добра́ коня,
 Да приехал-то Олеша-то ко белым шатрам,
 195 Ише сам он говорил тогда таково слово:
 «Уж ты вой есь, восударь да Илья Муромець!
 Ише пьёшь ты во чистом поли, проклаждаишьсе,
 Сам ты ратным ты делом не зоботисьсе, —
 Верно, хочёшь изменить, верно, под Киёвым».
 200 Говорил-де восударь тогда Илья Муромець:
 «Мне-ка не жаль мне вора князя Владимёра,
 И как не жаль мне бледи Опраксеи-королевишны,
 Ишше не жаль мне князёнов, бояр брюшинников,

- Только жаль мне Божьих церквей, бедных вдов.
- 205 Ай на ком ета заботушка на ком полóжона,
Ише тем ето дело будё⟨т⟩ созлáжно».
- Говорил же восударь тогды Илья Муромець:
«Уж вы вой еси, дружинушка да хоробрая!
Уж я стану вам топеречи што да наказывать,
- 210 Уж я стану вам топеречи вам наговаривать,
Да сысполните моё вы приказаньицо.
Я поеду я топере в силу-орду неверьную,
Да сысполните моё вьсё приказаньице:
Засьвистит моя когды сабья вострая,
- 215 Зазьвенит когды моя кольчуга да серебрьяна,
Заревут когды поганья да татаровя,
Вы скачите тогда-кось на добрых коней,
Поезжайте-тко в силу-орду неверьную,
Ай рубите-тко всё старого и малого,
- 220 Не оставлейте единого на сёмьяна».
- Лёкко, скоро-де Илеюшка скаче на добра коня,
Ай поехал в орду-силу неверною,
Ай едё⟨т⟩ да ко силушки, к орды неверныя.
Ай не вёшна вода тогды розьливаласе,
- 225 Ро⟨с⟩ступаласе орда-сила невер(ы)ныя,
Ише едё⟨т⟩ восударь тогды Илья Муромець,
Ише едё⟨т⟩ он к поганому Идолишшу.
Ай сидит де Идолишшо на девети стулах,
Ай сидит-то-де он будто сильней бугор,
- 230 Голова-та у ёго а будто сильней бугор,
Ай глаза у ёго будто пивны чаши,
Ише нос у ёго будто палка дравакóльняя.
Да приехал восударь к ёму Илья Муромець,
Говорил тогды поганое Идолишшо:
- 235 «Уж и здрасвуй, дородней доброй молодець!
Вы поправились во Киеви ли, покаелись,
Ли очистили дорожки в красен Киев-град,
Ли построили дворы нам постояляя,
Да устроили конюшны вы лошадиныя?»
- 240 Говорил жа восударь тогды Илья Муромець:
«Мы поправились во Киеви вси да покаелись,
Ай очистили дорожки в красен Киев-град,
Ай построили мы дома постояляя,
Ай устроили конюшны лошадиныя».
- 245 Говорил тогда поганое Идолишшо:
«Ай каков у вас ес⟨т⟩ь восударь-от да Илья Муромець?»

- Или много ли он хлеба, соли ест,
Или много ли вина он перед вы́тью пьет?»
Говорил жа восударь тогда Илья Муромецъ:
- 250 «Уж ты вой еси, поганое Идолишшо!
Уж ты <в>зглень на миня: ведь какой я — Илья:
Ишше хлеба, соли ес<т> он да умерянно,
А вина по вы́тью пьет по одной чарочки».
Говорил тогда поганое Идолишшо:
- 255 «Он мало ведь пьё<т>, сы² мало пьё<т> и кушает —
Он и мало можёт он и дествовать.
Ише хлеба я ем, дак к вы́тью по семи печей,
А вина-та я пью по се́ми ве́дёр жа».
Говорил жа восударь тогда Илья Муромецъ:
- 260 «Уж ты вой еси, поганое ты Идолишшо!
Ай была у миня у батюшка коровишшо,
По загу́менью коровишшо питалосе,
Ай на за́хлебьи³ у коровишша брюхо треснуёт,
У тибя жо, у Идолишша, скоро треснёт жа».
- 265 Говорил тогда поганое Идолишшо:
«Кабы был здесь восударь-от да Илья Муромецъ,
На долонь посадил, сверьху при́жал я —
Межь двумя межь долонями только мокро́ стало».
У Илеюшки сьрьдечушко розьерилосе,
- 270 Ай горéча-та кровь да роськипеласе,
Ай могучи ёго плечи росходилисе,
Лепётá во лица перемениласе.
Ай берет он тогда свою-ту сабьлю вострую,
Ай махнул-то своей-то сабьлей вострыя,
- 275 Отсек у Идолишша буйну́ головушку,
Да свёрьнулась голова, будто как пугвица.
Засьвисьтела тогда сабья ёго вострая,
Зазьвинела-то кольчуга-та серебрьяна,
Заревели да поганья тотаровя.
- 280 Услыхала-де дружинушка хоробрая,
Лёкко, скоро-де скачут на добрых коней,
Ай поехали в орду-силу неверную,
Да секут-то они старого и мало,во,
Не оставливают единого их на се́мяна.
- 285 Да рубилисе богатыри по перьвой день,
Не пиваючись рубились, не едаючись,
Со добрых коней они сами не сълезаючись.
Да рубилисе богатыри по вто́рой день,
Не пиваючись рубились, не едаючись,

- 290 Со добрых коней они сами не слезаючись.
 Да рублилисе богатыри по третей день,
 Не пиваючись рублились, не едаючись,
 Со добрых коней не съезаючись.
 Говорил тогды восударь-от Илья Муромецъ:
- 295 «Ай поедем мы топеречи во белы шетры,
 Ише станем мы в шатрах да отдыхать теперь».
 Во шатрах был оставлен Олешенька Поповиц сын,
 А оставлен-де Гаврило Долгополья.
 (А Васька-королевич поехал.)
- Увидал тогды Олешенька Поповиц сын,
- 300 Да поехал-де как Васька-та, королевиц сын, —
 А скакали они-де тогды на добрых коней,
 А настыгли тогды Ваську-королевицъ,
 Ай отсекли-де у Васьки да буйну головушку.
 Да как едут они ко белым шатрам,
- 305 Ише сами говорили да таково слово:
 «Ай была кабы лисьница нам на небо,
 Ай присекли мы бы силушку небесную».
 Услыхал жа восударь тогды Илья Муромецъ:
 «Уж и сукины вы дети, Олешенька Поповиц сын!
- 310 Хорошу жо вы как шуточку да нашутили,
 Ише как эта шуточка вам с рук сойдёт?»
 Да легли тогды богатыри во белы шатры.
 Ише спят они богатыри да по перьвой день,
 Ише спят они богатыри да по второу день,
- 315 Ише спят тогды богатыри сами по третей день
 Со того жа со устатку со великого.
 Да по утру-ту было, да утру очунь рано жа,
 По восходу-ту как было сонья красного
 Ише вышел-де Илеюшка изь белá шетра,
- 320 Ай гледит на орду-силу тогды неверную —
 Ай стоит сила-орда вься живехонька.
 Да 'ише сам он говорил тогды таково слово:
 «Ише хто-то-де эту шуточку, верно, да нашучивал,
 Ише надо тому шуточка отшучивать».
- 325 Да как вышла-де дружинушка из белых шатров,
 Увидал тогда Олешенька да Поповиц сын,
 Увидал тогды Гаврилушко Долгополья —
 Ай скакали-де на копя, коньци они на вострыя,
 Закололись они на копях грудью белою.
- 330 Ише тут-то им, братанушкам, да славы поют.
 Да пришло тогды дружинушки делать было нечево —

- Ай скакали-де они тогда на добрых коней,
 Ай поехали в орду-силу они неверную,
 Ише рубят-де они их всих да до единого.
 335 Ай которого как рубят они на́двое,
 Изъ того же как рожайтьце два тотарина,
 Да которого рубили да они натрое,
 Изъ того ведь как рожайтьсе три да тотарина.
 Да рубилисе богатыри они по перьвой день,
 340 Ай рубилисе богатыри они по второ́й день,
 Ай рубилисе богатыри сами по третей день,
 Не пиваючись рубили да не едаючись,
 Со добрых коней они сами не съезаючись.
 Да отъехал тогда восударь-от да Илья Муромецъ,
 345 Ай гледит-де на орду-силу тогда неверную —
 Ай лёжит-де тогда орда вся мерьтвёхонька.
 Закрычал тогда Илеюшка зычным голосом:
 «Уж вой еси, дружинушка вы хоробрая!
 Поезжайте-ко, дружина вся, по своим местам».
 350 Да поехал восударь тогда Илья-та Муромецъ,
 Ай поехал-де Добрынюшка съ им да Микитиць сын.
 Ише едут-де они сами по чисту́ полю,
 Ай наехали на ископытъ на глубокую:
 Ише ехал-де ведь сильния да богатырь тут,
 355 Ише конь и под богатырем, будто сильней лев,
 Поворачивал ископытги глубокия.
 Да как сами они едут да по чисту́ полю —
 Ишь ездит баба, белá бледь Латынгорка,
 Она трупья-ти сама на копыця помётыват,
 360 Да ко трупелям сама она приговариват:
 «Охъте, мене-чики, мене-чики теперь тошнёхонько!
 Не застала я ведь Камського сильня поббишша!
 Не застала ведь как вора да Ильи я Муромца —
 На долонь посадила, другой сверьху прижала,
 365 Межь двума между долонями только мокро́ стало».
 Услыхал жа восударь тогда Илья-та Муромецъ:
 «Уж ты вой еси, Добрынюшка ты Микитиць сын!
 Поезжай-ко-се ко бабы ты ко Латынгорки». —
 «Ай поеду я топеречи по ископытъ глубокия».
 370 Добрынюшка поехал к бабы Латынгорки,
 А Илеюшка поехал по ископти глубокия.
 Он еде(т)-де Илеюшка по чисту́ полю,
 Увидал во чистом поли бело́й шатёр,
 У шатра-та ведь стоял ведь как доброй конь,

- 375 Ише зóблѣ<т> он пшаницю-то белёярову.
 А приехал-де Илеюшка ко белú шатру,
 Ай сошел, скакал Илеюшка со добра коня,
 Сам пошел тогда Илеюшка во белóй шатер.
 Во шатри-то ведь как спал тогда доброй молодець,
- 380 Ишше спит молодёць сном богатырским.
 Говорил тогда восударь-от Илья-та Муромець:
 «Ай сонного мне убить-то, будто как мертвого —
 Ишше честь-та молодцу, не похвалба будёт».
 Ишше сам он говорил тогда таково слово:
- 385 «Ай ставай-ко-се, дороднёй ты доброй молодець,
 Ай не дль-ради спасеньиця, а съвоей главы!
 Уж мы съедимсе с тобой на поли да побратимсе —
 Кому на поли будёт нам Божья помочь?»
 Пробудилсэ дороднёй доброй молодець.
- 390 Ай скакали же они тогда на-на добрых коней,⁴
 Ишше съехались они тогда да по первой раз,
 Ай ударились они балоцеми да боёвыми,
 Только палеци в руках у их поломались —
 Они друг-то дружки сами они не ранили,
- 395 Ише не дали они раны к ретиву сердцу.
 Да как съехались богатыри во-во второй након,
 Ай ударили они сабьлеми-ти вострыма —
 Ише друг-то дружки сами они не ранили,
 Ише не дали ранушки к ретиву сердцу,
- 400 Только сабли-ти в руках у их пошорбалнсе.
 Да как съехались богатыри во третей након,
 Ай ударились ти копьема бурзуменьским —
 Они друг-то дружки сами они не ранили,
 Они не дали ранушки к ретиву сердцу,
- 405 Только копыця в чинегалишшах (*по черенкам*) свернулисе.
 Да скакали через гривы-ти лошадинья
 Да схватилисе богатыри и большим боём,
 Да большим они боём сами рукопашосьним.
 Да по Божьею было всё да по милосъти,
- 410 По Илеюшкиной было ёго по учесъти:
 Подъвернулась у молодца-та ножка правая,
 Ай ослабла у ёго тогда рука левая,
 Ише падал тогда молодець на сыру землю,
 Да Илеюшка-та сел к ёму на белы груди,
- 415 Увидал-де на руки у ёго да злачён перстень,
 Ише перстень-от увидел да он имяной жа свой,
 Ише сам он говорил ёму таково слово:

- «Ты скажись-ко-се, дороднёй ты доброй молодець,
Уж ты коёго жа города и какой земли,
420 Ай какого сын отца ты да какой матери?
Ишше как тя, молодець, всё да именём зовут,
Ишше как молодца звеличают по отечеству?»
Говорил тогды дороднёй доброй молодець:
«Ай сидел кабы ведь у тя на белых грудях,
425 Не спросил бы я ни родины и не вотчины,
Ай спорол бы я тебе груди белыя,
Досмотрил бы я твоего ретива сердца».
Говорил ёму Ильюшка во второй након,
Говорил ёму Илеюшка во третей након.
430 Говорил-то ведь дородней доброй молодець:
«Ай такого я ведь города да такой земли,
Ай такого я отца ли, я такой матери:
Миня де молодца зовут да Борисушком,
По отецесью ведь я сын королевиц же».
435 Услыхал жа восударь тогды Илья Муромець,
Ай скакал тогды Илеюшка со белых грудей,
Ай берё(т)-де молодца он да за белы руки,
Ай чёлуёт во уста-ти во сахарныя:
«Уж ты вой еси, дороднёй ты доброй молодець!
440 Ай Борис ты ведь, ты не королевиц сын,
А Борис ты, ты да как ведь Ильевич сын:
Ай была твоя когды родна матушка,
А была-де когды она заполонена,
Ише ездил ведь я, ей отполанивал,
445 Да тогда тибя, Борисушка, всё засеял жа.
Ты ведь как, Борис, мне-ка да любимой сын».
Да Борису ети как речи не в любви пришли,
Показались за досадушку за великую.
Ай Борисушко поехал к родной матери,
450 А Илеюшка поехал во чисто полё.
Да как едет-де Илеюшка по чисту полю
Ко тому жа ко Добрынюшки ко Микитицю —
У Добрынюшки ведь баба-та бледь да Латынгорка
Да как ездит по личу она гузном жо.
455 Говорил жа восударь тогды Илья Муромець:
«Уж ты вой еси, Добрынюшка да Микитиц сын!
Ай не знашь жа ты как бабьею да ухваточки:
Ай бери жа бабу за пельки да пинай под гузно —
Ишше тут жа бабы раны да кровавыя».
460 Да как толкнул Илеюшко бабу Латынгорку,

- Ишше пнул сапогом как ей по гузну,
 Да съвернуласе ведь бабушка, будто овсяной сноп.
 Ише сел тогда Добрыня к ей на белы груди,
 Розьметал, присек Добрыня на мелкы ей часьти жа,
 465 Розьметал ею бабу Латынку⁵ по чисту полю,
 Сам поехал-де Добрынюшка, куда ему путь лежит.
 Говорил жо восударь тогда Илья Муромец:
 «Ай скажу-то я, Добрынюшка, да во Киеви,
 Шьто как ездила Латынгорка по белу лицу».
- 470 Да Илеюшка поехал во белой шатёр,
 Ай Борис-от-де поехал к родной матери,
 Ише сам он говорил он таково слово:
 «Уж ты вой еси, моя же да родна матушка!
 Ай наехал я старого на чистом поли,
 475 Ай зовёт как ведь старой миня выблядком.
 Да скажи-ко мне-ка, мать, правду-исътяну,
 Королевич ли я, ли Борис младой Ильевич?»
 Говорила да ему тогда родна матушка:
 «Ишше ты ведь как, дитя, Борис не королевичъ сын:
- 480 Ай когда же я была зполонёна,
 Приехал-де восударь тогда Илья Муромец,
 Ай миня-то ведь как он отполанивал,
 Сотворила съ емь любовь как сердесьною,
 Ай в ти пор я тибя, Борисушка, засеяла.
- 485 Ише ты ведь как Борис теперь младой Ильевич».
 Да Борисушку как речи эти да не в любви пришли,
 Показались за досадушку за великую,
 Отсек он у матери буйну головушку.
 Ише сам тогда поехал во чистом поли,
- 490 Ише сам он говорил таково слово:
 «Ай наеду е(с)ли старого на чистом поли,
 Ай съсеку-де у ёго я да буйну-ту голову».
 Да как едѣ(т) Борис ко белу шатру,
 Ишше съпит тогда Илеюшка во белом шатри,
- 495 Ишше заспал он сном-то да богатырския.
 Ай соскочил-де Борис со добра коня,
 А идѣт-де как Борис во белой шатёр,
 Ише спит тогда Илеюшка забудушим сном.
 Да берѣт своё копьѣ-то вострое,
- 500 Да как хочѣт-де придать Илеюшку злой смѣртоцьки,
 Ише шарнул он в белу грудь да копьѣм вострыя.
 Да по Божьею было всё по милосъти,
 По Илеюшкиной было ему по учесъти —

- Ай Илеюшки-ка в поли смерть было не писано —
 505 Ише крест-от был на груди весу полтора пуда,
 Ише плитка-та была да серебрьяна.
 Ишшо пало да ёго да ко́пье-то да востроё,
 Ишше пало во плитку-ту, крест да серебрьяной,
 Ай согнулось-то копье-то да востроё.
 510 Ай скакал тогда Илюшка на резвы́ ноги,
 Ай хватил молодца за белы́ руки,
 Ише мечёт-де высокó ёго по-под небеса,
 Ай на белы ёго ручушки не прихватыват,
 Да убил тогды Бориса о сыру́ землю,
 515 Ише тута-де Борисушку да славбы́ поют.
 Да скакал тогды Илеюшка на добра́ коня,
 Ай поехал-де по ископыти да Добрыниной,
 Ай приехал-де Илеюшка ко синю́ морю.
 У синя́ моря лёжит-то да камень серыя,
 520 На кони́-то ведь лёжал Добрынюшка,
 Ай убилсэ Добрыня на добром кони
 Со того жо со страму-стыду с Латыньгórкину:
 Шьто как ездила баба по белу́ лицу,
 По белу́-ту лицу ездила своим гүзьнишшом.
 525 Ишше тогды восплакал Илья-та Муромецъ:
 «Уж ты вой еси, брателко да крестовья!
 Не сказал бы про тебя я да в городи Киеви».
 Да как сдялал-де колоду белодубову,
 Ай зарыл-то-де Добрынюшку во сыру землю.
 530 Сам поехал-де Илеюшка в красён Киев-град.

№ 50

- «Уж ты вой еси, Добрынюшка Микитич-от!
 У тибя, у Добрынюшки, рука лёкка́,
 Да рука-та лёкка да как перо востро́.
 Уж я буду-ту тебе, Добрынюшка, ро(с)сказывать:
 5 В перьву голову — Самсона ты Ко́лыба́нова,
 Втору голову — Дуная-та Пересла́вьёва,
 В третью голову — Гаврюшу-ту Долгополого,
 Да пиши-тко Луку Толстоременьника,
 Да обéх пиши с племёнником,
 10 Уж ты Ро́шшу пиши-тко, Рошшиби Колпак,
 Рошшиби Колпак пиши с племёнником,
 Да двух братьницей пиши-тко-сь, да двух Эбродовичей,

Да двух братицей пиши-тко-се двух Поповицей,
 Да пиши-тко-се Потанюшку-ту Хróмого,
¹⁵ Да пиши-тко-се Дюка сына Стёпанова,
 Да пиши-тко-се Матьвеюшка Петровича». ¹
 Да собиралось тут богатырей тридцеть без единого,
 Да тридцатой — государь наш Илья Муромець.

№ 51

Из-за Камьского то было Балканьского
 Выходила орда-сила неверная,
¹Со тем-то ¹со проклятым со Идóлишом.
 Подходила-то ко славну городу ко Киеву,
⁵ Ко славну князю Владимиру.
 Посылает-то зятелка любимого,
 Он по городу-ту едет не дорогою,
 А во город заезжает не воротами,
 Скачет через стену городовую.
¹⁰ Приезжает-то ко князю ко Владимиру.
 Он всходит-то во гриню княженевскую без докладику, ²
 Просит-то войну немедленно.
 Вызывает-то Илеюшку Муромца,
 Старого козака Илью Муромца:
¹⁵ «Я поил-кормил силушки сорок лет,
 А напоил-накормил-то числа-сметы нет».
 Для старого богатыря Ильи Муромца
 Князь Владимир берет чаши золотые,
 Накладывает в чашечку красна золота,
²⁰ А другу-ту накладает чиста жемчуга,
 Подносит дары-ти драгоценные.
 Он дары-ти берет — целом не бьет,
 И целом не бьет, не кланяется,
 Он дает-то строку только три денько,
²⁵ А князь Владимир просит на три месяца.
 Заводилась-то пирушечка, поцестен пир
 У того-то у славна у князя у Владимира
 На тех-то князей да думных бояров,
 На сильных на могущих на богатырей,
³⁰ На тех-то полениц да преудальные,
 На тех-то кресьянушек прожитосьных.
 Ишо вси-то на пиру сидят пьют-едят,
 Сидят пьют-едят, сидят кушают,

- ³Беленьку лебедочку рушают,³
³⁵ А князь Владимир-то сидит, он не пьет, не ест,
 Он не пьет, не ест, да он не кушает,
 Он повесил свою да буйну голову
 Ниже своих да могучих плечей.
 Он встает тогда, по гринюшки похаживает,
⁴⁰ Он желтыма кудерьцами потряхиват,
 Он тросточкой во пол да поколачивает.
 Говорит-то князь Владимир таково́ слово:
 «Уж вы зой еси, князья да думны бояра,
 Сильнии могуции богатыри,
⁴⁵ Вы да полённицы преудáлые
 И все вы кресьянушки прожитосьны,
 Што пришло-то проклятое Идолишо
 Просит-то войну у нас немедленно,
 Не дает нам строку ни на единый час.
⁵⁰ Я просил-то строку у его да на три месяца,
 Он ведь дал нам строку на три дэнецька».
 Говорил-то князь Владимир во второй након,
 Говорил-то князь Владимир во третей разок,
 А старший тулиця тут за среднего,
⁵⁵ А средний тулиця за младшего,
 А от младшего-то, малого⁴ и ответу нет.
 Говорил-то тут Илеюшка да таково слово:
 «Уж ти зой еси, Владимир стольно-киевский,
 Не моги-то моей да головы сказнить,
⁶⁰ А разреши ты мне да слово вымолвить».
 «Говори-ка ты, Илеюшка да Муромец,
 Говори-ка тебе да што надобно».
 «Не сдоим мы проклятому Идóлишшу
 Своей земли да светоруськие.
⁶⁵ Сади-ко-се Алёшеньку Поповиця на ременчат стул,
 Он пушшай-то пишет ярлыки да скорописцяты
 Ко всей земли да святоруськие,
 Тех всех сильных могуцих богатырей,
 В перьву голову Илеюшку Муромца,
⁷⁰ Во вторых-то Добрыню Никитиця,
 А в третьих-то Гришку Долгополого,
 А во четвертых-то Переметушку Васильевича,
 А в пятых-то Алёшу Поповича,⁵
 Отправлей-ко Светослава с ярлыками скорописцятими
⁷⁵ Как ко тим-то сильным могуцим богатырям.
 Он объездит всю землю светорусскою в три часа.

- Его лошадушка-то очунь ретивья,
 Реки и озера перескакиват,
 А боры и горы промеж ног берет».
- 80 Он объездил всю землю светорусскую,
 Развозил-то ярлыкí скорописцятае.
 Съехались сильнии могуции богатыри
 К тому-то ко князю ко Владимиру.
 Говорил-то Илеюшко таково слово:
- 85 «Уж вы зой еси, сильнии могуции богатыри,
 Мы поедем-то теперь на Камское побоишшо.
 Пришло-то проклято к нам Идолишше,
 Привело-то нам силушки числа-сметы нет».
 Говорил то Илеюшка во второй након:
- 90 «Уж ты зой еси, Владимир стольно-киевский,
 Свари-ко-се нам пива сороковочку,
 Отвези-ко нам в лагери полотнена».
 Там Илеюшка-то пьет и о ратном-то деле не заботится.
 Посылает князь Владимир послов своих скорых,⁶
- 95 Штоб выезжал Илеюшка в орду-силу неверную.
 Говорил-то Илеюшка таково слово:
 «Мне не жалко-то вора князя Владимира
 Со бледью с Апраксией-королевисной,
 Мне не жалко-то в Киеви Божьих церквей».
- 100 Поехал-то Илеюшка к проклятому Идóлишу
 Заезжает-то Илеюшка к проклятому Идóлишу,
 Говорит-то тут Идóлишо таково слово:
 «Уж ты зой еси, удалий добрый мóлодец,
 Ес(т)ь у вас старый казак Илья Муромец.
- 105 Я поил-то, кормил силушки ровно сорок лет,
 А напоил-то, накормил силушки числа-сметы нет.
 Какой у вас ес(т)ь Илеюшка Муромец,
 Сколько он хлеб съедат в одни сутоцкы?» —
 «Хлеба съедат в одну мýлостыну,
 110 А вина выпиват одну цетверть». —
 «А росто-доросто велико ли его?»
 А я, говорит, хлеба съедаю сорок печей,
 А вина выпиваю сороковочку».
- (Это Идолишшо говорит про себя.)
 А Илеюшка говорит: «Точно я, такой же». —
- 115 «О, я, — говорит, — если такой-то, то я
 На одну ладонь посажу, а другой
 Притену, и от Илеюшки останется
 Только мокрó однó».

- Закипела в Илеюшки-то кровь горячая,
120 Засверкала-то сабелька булатная,
Пересек-то проклятого Идóлиша
Да с правого плеча на на леву подпáзуху.
Тут скочили-то бога́тыри на добры́х коней
И начали тут бить орду-силу неверную.
- 125 Они били-то, рубили ровно три денька,
И отдоху не имели ровно шесть деньков,
А нет-то убыли орды-силы неверные.
Тут возгóворил Илеюшка-то Муромец:
«Уж вы зóй еси, сильные могуции богатыри,
- 130 Вы не ездите во орду-силу неверную,
А бейте ей по окраинкам,
А то я ссеку у вас буйны головы наместо татарина.
Они прибили-прирубили всих до единого,
Не оставили ни единого на се́мена.
- 135 Говорил-то тут Алёшенька Попович сын:
«Была бы лисница на́ небо,
Мы прибили бы всю силу небесную».
А (в)зглянули-то они да во чисто поле:
Все стоит-то сила́-орда неверная.
- 140 Тут поехали они опять да во чисто поле,
Все стоит-то сила́-орда неверная.
Тут поехали они опять да во чисто поле,
Они били-то-рубали ровно три денька.
А по Божьей-то было милости,
- 145 А по Илеюшкиной было учести,
Как попало тут на саблю знакомó лицо,
Которó-то было лицо зарублено.
Тут возговорит то Илеюшка таково́ слово:
«Уж вы зóй еси, могуции богатыри,
- 150 Мы поедем-те-то из орды-силы неверные.
Не перевоевать нам, браццы, с мертвыми».
Тогда выехали они из орды-силы неверные,⁷
Она лежит-то всё орда-сила неверная.
Они роскинули свои шатры полотнены,
- 155 Повалились отдыхать тогды́ уж.
А приехала паленница преудалая.
Она ездит тут да по чисту́ полю,
Выхваляющя она да таковы слова:
«Не застала я Камского побоишша,
- 160 Старого каза́ка Илью Муромца,
Отрубила я бы у него да буйну голову».

Говорил тут Илеюшка таково слово:

«Уш ты зой еси, Добрыня Никитин сын,

Поезжай-ко отсеки да буйну голову

165 У той-то поленницы преудалые».

Поехал тут Добрынюшка Никитин сын.

Они съехались с поленницей преудалые,

Они ударились копьями вострыма.

Тут как вылетел Добрынюшка из ⁸-седлышка черкаського,⁸

170 Упал-то он на сыру землю,

Всплыла-то поленица преудалая

Добрынюшки на белы груди,

Хоцет скрыть⁹ у его да белы груди,

Посмотрить-то его да ретива сердца.

175 Тут увидел-то Илеюшка Муромец,

Скоцил-то он на добра коня,

Скрицал-то он своим да громким голосом:

«Не тронь моего брателка любимого,

То отсеку у самой да буйну голову».

180 Как скоцила она да на добра коня,

Хотела уехать от его,

А настиг-то Илеюшка на добром кони,

А отсек-то у ей буйну голову.

Говорил то Илеюшка таково слово:

185 «Мы приедем во город славный Киевский,

Расскажу я на чесном пиру,

Што сидела-то поленница преудалая

На твоём-то задницей на белом лице».

Тут поехали они стали...

190 Тут Добрынюшка скочил на камень на мори, думал, што карабь идет, хотел уйти от стыда, убилса с конем совсем. А Илья Муромец поехал в Киев, не доехал, в воротах окаменел.

И со всеми ими што-то сделалось:

Рубят надвое, так двое делаются,

195 Рубят натрое, так трое делаются.

№ 52

Был жил-то Камское велико побоишшо,

Собиралосе сорок королей да сорок королевичей,

Ише сорок-то царей было, сорок царицей,

Ише сорок было атаманов, сорок атаманшиков,

5 И под каждым королём было силы сорок тысяцей,
 И под каждым королевичом сорок тысяцей,
 И под каждым-то царём было сорок тысячей,
 И под каждым-то царевичом было сорок тысяцей,
 И под атаманами было сорок тысяцей,

10 Под атаманшиками было сорок тысяцей.

Как от духу-ту было тотарьского
 Не пекло сонцо красное
 И не дули-то ветры буйныя,
 Красно солнышко да помрачилосье,

15 Светел месяц не светел же.

И¹ как от пару-ту от конино-лошадиного
 Мать сырая земля да потрясаласе,
 Из² озёр-то вся вода, из рек да выливаласе,
 Приближались они ко красному городу ко Киеву

20 И ко ласковому князю ко Владимиру.

Услыхал-то тут да нашо красно солнышко,
 Как Владимир-от князь да Светослаевич,
 Что приближитсе-то сила-то неверная,
 И неверна сила Камской побоишшо

25 Как ко городу славному Киеву.

У князя-та Владимира
 Как во Киеви богатырей не случилось,
 Не случилось, не пригодилосье.
 Они розъехались да по своим местам,

30 По своим местам да по своим домам,

Ко своим к отцам да ко своим родным матушкам,
 К молодым жонам да к малым деточкам.
 Одевал-то князь Владимир-от
 Он печальнѣ платьѣ чернѣ,

35 И он пошол-то в Божьи в церквы,

Он служить-то обедни с панахидами.

*(Это я слышала от своего дедушки от Гаврилы Леонтьевича,
 как он Марков[у] пел, славное там, а я слушала.)*

И служили, пели всё отцы-попы духовные,
 Во Божьих церквах служили, во соборах же,
 А и нашо красно-то же солнышко молилсе Богу ⟨Г⟩осподу,

40 И Пресветой-то он да Богородицы.

Выходил-то скорѣ да из Божьей церкви,
 И заходил-то он во грини свои княженеськие,
 Приходил-то он же во свою-ту грину княженеськую,
 И говорил же он да такovy слова:

- 45 «Уж ты ой еси, Добрынюшка Никитич млад,
У тебя, Добрынюшка, да рука лёккая,
Рука лёккая да перышко да лебединоё,
Ты пиши скорé же ты, Добрынюшка Никитич млад,
Ты пиши-ко-се скорé же ярлычки да скорописцетые,
- 50 Ты зови-ко-се могучих русьских же богатырей,
Ты ко мне ко князю ко Владимиру да на почесён пир
Как попить-пойис<т>ь же у мя да всё покушати,
Ише беленькой лебёдушки порушати,
А порушати лебёдушки, покушати,
- 55 А на Камское зло великое побоишшо побитисе.
И во первьú же голову пиши, Добрынюшка Никитич млад,
Ты пиши-ко-се богатыря Самсона сына Колыбаева да со племянником,
Ише во вторых же ты пише же Росишшу Росшиби Колпак да со племянником,
И ты ише пиши-ко Пересмяку со племянником,
- 60 Ты ише пиши Перемяку со племянником,
А ты пиши-ко-се ише старого, седатого,
Ты того ли богатыря пресильнаго,
Как Илью-ту пиши сынá Ивановича,
Ты пиши еше Святогора-то богатыря,
- 65 Ты пиши ише Васильюшка да Богуслаёвича,
Ты пиши ише Дуная сына да всё Ивановича,
Ты ише пиши-ко-се да двух же братьицей
И двух Сбродовичей-Петровичей,
Ише пиши-ко-се Иванушке сына Годеновича,³
- 70 Ты пиши-ко-се Алёшеньку сына Поповича,
Ты пиши-ко-се Ваньку сына да енералова,
Ты пиши же Ваньку сына хресьяньского,
Ты пиши-ко-се Гаврилушка да Долгополого,
Ты пиши-ко-се Чурила сына Пленковича.
(Тут быват и какой ес<т>ь, да забыла, может быть.)
- 75 И кого послать же мне съездить да трои суточки,
Розвозить же эти ярлычки да скорописцеты?
Мне послать тоже надо Михайлушка Егнатъевича,
У⁴ ёго ес<т>ь же кóничок да Голубанушко,
Очунь быстрой, очунь он же бойкой же,
- 80 Он же можот объездить трóи суточки,
Обозвать же всех могучих русьских богатырей.
Уж ты клади-ко-се, Добрынюшка Никитич млад,
Скоры ярлычки клади да скорописцети,
Уж ты в сумочку же клади во котомочку».
- 85 И как говорил тогда же всё Владимир-князь:
«Уж ты ой еси, Михайлушко Егнатъевич,

- Поезжай-ко-се ты же всё на своём на конички на Голубанушки,
 Ты бери же скоры ярлычки да скорописцеты,
 И же суночку бери скоро, котомочку,
 90 И поди скорé да на широкой двор,
 Ты бери-ко своего же коничка да Голубанушка».
- Тут пошел скорó Михайлушко да сын Егнатъевич,
 Он пошел скорó да на широкой двор,
 Ише брал-то узду скорó серебрянную,
 95 Одевал же на своего коничка да на Голубанушка,
 И он одевал на его двенадцать опружинок серебрянных,
 А как тринадцату-ту клал же ремняную
 Он не для ради красы, а ради крепости,
 Што его доброй конь не выронил,
 100 А не выронил с седёлышка с церкальского,
 Из церкальского седёлышка да богатырьского.
 Одевал Михайлушко Егнатъевич
 На сибя-то он же платьё богатырьское,
 И одевал же на сибя латы да богатырьские,
 105 Ише брал с⁵ собой да кóпье востроё,
 Ише брал с собой он сабельку булатную,
 А булатну сабельку же всё же вострую,
 Он скакал скорó на своего добра коня,
 На добра коня да богатырьского,
 110 На своёго же он на Голубанушка.
 Он поехал скоро во чисто полё,
 Во чисто полё, в широкоё в раздольцо.
 Запrieжал-то ко Самсону сыну Колыбаёву,
 Ко его ко терему да ко высокому,
 115 И ко высокому ко терему, к окошечку косисцетому,
 Он крычал-то зычал да зычным голосом,
 Э и он голосом крычал да богатырьским же,
 И⁶ подал тоже ярлычки да скорописцети,
 Поклонилсе он да низко ему:
- 120 «Уж ты еси, Самсон же сын да Колыбаев же,
 Тибя звал-то нашо красно солнышко,
 Как Владимир-князь да Светослаевич,
 На почесен пир да попировати же,
 А на Камскоё побоишшо побитисе».
- 125 Отворачивал Михайлушко да сын Егнатъевич,
 Он своёго всё добра коня да Голубанушка,
 Он поехал скоро за другима же,
 За богатыреми за могучима,
 Он их звать-то всих же всё да на почесён пир,

- 130 А на Камскоё побоишшо побитисе.
Ише скоро же Михайлушко же сын Егнатъевич,
Он объездил на своем же он на конички,
На своем же он да на Голубанушки,
Трѳи суточки же всё да всех обѳзвал он.
- 135 Ише скоро тут богатыри да снарежались,
Они скоро же да одевались,
Они скоро вси да вдруг они поехали,
Как поехали скоро ко славному ко городу,
<О>ни ко Киеву да подъезжали же,
- 140 Как сыра-та земля да потрясаласе,
Из рек, из озѳр вода да розливаласе,
Приезжали они ко терему да княженеському,
Тут встречал же их да князь Владимир Светослаѳевич,
Он встречал-то же их да низко кланелсе:
- 145 «Проходите-ко вы, дороги мои гости любимые,
Вы могучие все богатыри пресильные,
Во мою же во грину княженеськую,
За ти ли за столички дубовые,
И за те ли за скатерти за браные,
- 150 И за те ли всё за ества сахарныя,
К⁷ дораги-ти напитоккам заморским-то,
Вы попить, пойишь да у мне же всё покушати,
А на Камскоё великоё побоишшо побитисе».
Тут садились же богатыри могучие,
- 155 Как могучие богатыри пречудныя,
Вони пили, ели трѳи суточки,
(*Не порато торопились.*)
Они все-то были всё весѳлыя.
Тут приходил-то нашо красно солнышко,
Как Владимир-от Светослаѳевич:
- 160 «Уж вы ой еси, мои богатыри любимые,
Вы любимы мои же все пресильныя,
Вы же долго сидите да проклаждаитесь,
Над собой-ту же вы нечѳго всё не знаете:
Как не вѳшная вода да розливаитсе,
- 165 Как погана тотарьска сила приближаитсе,
Как ко славному городу ко Киеву».
Как приходил-то князь Владимир Светослаевич,
И говорил-то он же им да таковы слова:
«Уж вы ой еси, мои богатыри любимые,
- 170 Уж вы рыцари да всё пресильныя,
Уж вам полно сидеть да проклаждатисе,

- Вам пора же ехать, нужно собиратисе
А на Камско-то во побоишше, да приближается
Как ко городу да всё они ко Киеву».
- 175 А тут-то да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Он говорил-то князю всё же он Владимиру:
«А ты Владимир-князь да Светослаевич,
Убирайсе ты ко своей княгини Апраксеньи-то,
- 180 Апраксеньи да королевисъни,
И ты ей же да всё распоряжайсе же,
А до нас-то тебе да всё же дела нет».
А как тут они пили, ели, проклаждалисe,
Не торопилисe да они не думали.
- 185 Боле не смел-то князь Владимир боле им да сказать нечего.
А и как тут-то пришол да времечко же всё,
А и как тут-то выходил старая стариншина из-за тех столов из-за дубовых,
Ишо крест он клал по-писаному,
Он поклон-от же вёл да по-учоному,
- 190 Он молилсе же Богу ⟨Г⟩осподу да низко кланелсе,
И князю-ту Владимиру да поклонялсе же
Со Апраксеньей тоже он да королевисъней.
И тут говорил-то старец-стареньшина:
«Ише нам полно, братцы, проклаждатисе
- 195 И сидеть же пить да веселитисе,
И пора нам ехать во чисто полё
Во широкоё да во роздольице,
На Камскоё же нам да всё побоишшо,
Нам пообредатьсе надó да всё побитисе».
- 200 Говорил тогда да Илья Муромец:
«Уж ты ой еси, Самсон да сын да Колыбаёв же,
Уж мы будём-ко же мы да жéребей метать,
Кому достанитсе да рúка правая,
А кому достанитсе силы́ серёдка же».
- 205 А говорил тогда Илья, Илья же Муромец:
«Поезжай-ко, Пересчот да со племянничком,
Сосчитайте-ко вы Камскоё побоишшо,
Ише сколько силы-то ихной тотарскою».
Тут поехал Пересчот-то со племянником
- 210 И сосчитать-то силу́ неверную,
Приезжали они к силы́ поганую,
Как поганой силы́ же всё тотарскою,
Сосчитали силушку, не могли же счоту дать,
И некак нельзя да всё подумати,

- 215 Ише как всё равно вёшная грезь да подымаесе.
И назадъ же они да воротилисе,
Ко своим-то могучим русьским же богатырям,
Они ко тем ли шатрам да всё к полотъненным,
Приезжал-то Пересчот да со племянничком,
- 220 Говорил тоже им да таковы слова:
«Уж вы ой еси, Самсон да сын да Колыбаёв же,
Уж ты, Илья ты да свет Иванович,
Ише силы-то поганою тотарьскою
Нельзя никак же да всё подумати,
- 225 И никак же я тут не мог да сосчитать же всё,
И погана сила всё да подымаетсе
И как вёшная грезь да возливаетсе,
И как им никак нельзя да всё подумати».
Говорил тогда да Илья Мурамец,
- 230 Илья Мурамецъ да сын Иванович:
«Уж ты ой еси, Самсон же сын да Колыбаёв же,
Поезжай со своим любимым же племянничком,
В⁸ руки правую да поезжай в лесу,
А я поеду в⁹ серёдку в самую,
- 235 А в саму серёдку в Камское побоишшо».
Тут же стали богатыри да розъезжатисе,
<О>ни поехали во все четыре стóроны,
И поехал-то старой-от, седатой-от,
Ише тот ли Илья да свет Иванович,
- 240 Он садилсе скоро на своего-то добра коня,
На добра коня садилсе богатырьского,
И он брал в руки копыцо да своё востроё,
Они брали с сóбой сабельки же всё булатныя,
И тут зачал старой-от седатой-от,
- 245 И своей саблэй он вострою да он помахивати,
И направо, налево стал он их отмахивать,
Он рубил-то их, метал ровную да как же мог.
И тут они билисе, дрались да трои суточки,
Не едали они да не пиваючи,
- 250 И же тут же они да силушку великую,
Перебили всих тотар да до единого.
И тут они роскинули белы шатры полотънены
И заснули же¹⁰ снами богатырьским.
И тут не спал Алёшенька Попович млад,
- 255 И не спал Ванька да сын да енеральской же,
И не спал Гаврилушко да Долгополой же,
И говорили они да таковы слова:

- «Кабы был бы ¹¹-здесь бы ¹¹ столб до небó,
 Перебили бы мы всю силу поганую,
 260 А до едина ¹² бы не оставили на сéмена».
 А в ту пору же да в то же времечка,
 Ише вся силá поганая да подынуласе,
 Она подынулась óпять снова завоевала же.
 Тогда-то Алешёнька Поповиць млад,
 265 И Гаврилушко да Долгополой же,
 И Ванька же да сын да енеральской-от
 Испугалисе от страху от великого,
 Розбужали они богáтырей могучих же
 От крепкóго сна же их да богатырьского.
 270 А пробужалисе богатыр́и же все,
 Они не знают, шшо етó же сделалось,
 Ише что такó с йма тáко приключилосе.
 Они сáдились скоро на своих добрýх коней да богатырьских же,
 Они билисе-дралисе трои суточки,
 275 И они вси-то же из сил да всё повыбились,
 А как они тогда же все богáтыри
 Как подъезжали-то ко стенáм да ко каменным,
 А какой приедёт-от тут да тут же всё окаменет.

№ 53

- Из-за Камьского, из-за Уральского
 Выступала сила числа-сметы нет:
 Сорок царей и сорок цариц,
 Сорок королей и сорок королев,
 5 А на кажного царя по сорок тысячей,
 А на самого царица Идóлишша числа-сметы нет.
 Подходила сила под Киев-град,
 Становилась сила на зелёны луга.
 У царица Идóлишша был зять Васька Черный.
 10 Ехал Васька во Киев-град,
 Не путём ехал, не дорогою,
 А скакал нонь через стену городовую,
 О тую башню наугольную.
 Заезжал Васька на широкой двор,
 15 А бросал коня не приказана и не привязана,
 Бежал Васька в полаты белокаменны,
 А бросал ярлыки на дубовой стол,
 А читал ярлыки Илья Муромец.

- И говорил Илья Муромец Владимиру стольне-киевскому:
- 20 «Ты бери-тко чашу серебряну,
А насыпай чашу красным золотом,
А дари-тко Ваську Чёрного».
Васька дар берет и челом не бьет,
А приказ дёржит строжайший
- 25 Построить терема с подтерёмками,
А дворы со подъездами,
Дават сроку только на три дня,
Приказывают всё привести в препорцию.
А во Киеве богатырей не было.
- 30 Посылали богатыря взыскивать Микулушка,
У Микулушка лошабочка малёшенька,
И малёшенька и удалёшенька,
Она горы, лесы промеж ног берет,
А быстры реки перескакиват.
- 35 Собрались все богатыри во Киев-град,
А дворов с теремами не устраивали,
Собирались, сряжались трое суточки,
Брали зеленá вина семь сороковок,
А пива пьяного двенадцать сороковок,
- 40 Выезжали во чисты́ поля,
Становили белы́ шатры,
Пили, сряжались трое суточки,
Говорили во Киеве князя-бóяра:
«Что делат нам Илеюшко изменушку».
- 45 А Илеюшко отписал ярлык
Владимиру стольне-киевскому:
«Не жалко во Киеве князёй-бояр,
А только жаль во Киеве Божьих церквей,
Божьих церквей да победных вдов».
- 50 Тогда отправился Илеюшко ко Идóлишшу,
А сказал Илеюшко своим богатырям:
«Вы не ездите докуль во чисто полё,
Доколе не застучит моя сабля вострая,
А не забренчит моя кольчуга серебряная,
- 55 Не заревут тотара проклятые».
Поехал Илеюшко по Идóлишшо.
Дали Илеюшку дорожочку широкую
Доехать до самого царища Идóлишша.
Доехал Илеюшко до Идóлишша,
- 60 Обнажил свою саблю вострую,
А срубил Идóлишшу буйну голову.

- Поехал Илеюшко по чисту́ полю,
 Бил-топтал силу проклятую.
 Застонали, заревели тотара проклятые,
⁶⁵ Собрались все богатыри на чисты поля,
 Бились-рубилась трое суток,
 Избили всю силу проклятую.
 Собрались тогда все по своим шатрам,
 А на отдых повалились сутки на́ трое.
⁷⁰ Олексей-от был умом слаб, а язы́ком прост,
 Говорил Олексей: «Исприсе́кли мы всю силу неверную,
 А кабы на небо была лисница,
 Так исприсе́кли мы всю силу небесную».
 А тогда Илеюшко вышел из белá шатра,
⁷⁵ Взглянул Илеюшко во чисты поля:
 Которого секли на́двоё — из того два стоит,
 А которого секли на́трое — из того три стоит.
 Зашел Илеюшко во бе́лой шатер:
 «Нашутили мы, братцы, шуточку не малую,
⁸⁰ Которого рубили на́двое — два стоит,
 А которого рубили на́трое — три стоит».
 Тогда поехали бога́тыри во чисты поля
 Бить-топтать силу проклятую.
 Бились-топтались сутки семеры,
⁸⁵ Тогда собрались обратно ко белым шатрам —
 Олексей-богатырь на копие скололся.
*(Приехали богатыри к шатрам, думали Олексея
 во дальних местах, а он скололся на копье.)*
 Тогда разъехались богатыри по чистым полям,
 Состыгли во чистом поле Ваську Черного
 И того скололи на востро́ копье.

БУНТ ИЛЬИ МУРОМЦА ПРОТИВ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА
(№ 54—55)

№ 54

(Худо помню.)

- Ай во славном было городи во Киеви,
 Сбирал-то князь Владимир-от почесен пир,
 Ай почесен-то пир на тех-то собирал, которы — в Киеви:
 Сбирал он больше на князей да всё на бо́яр же,
⁵ Позабыл в чистом поли могу́щих он бога́тырей,

- Да он не дал им вестоцьки, скорьих гонцьёв,
 Некакого он богатыря да не почествовал.
 Как ведетьце у них всё пир навёсели,
 Ай узнал про то Илья-та как да Мурамець:
¹⁰ «Я поеду-ту топерь да в красен Киев-град,
 Я надену, братцы, шубу долгополюю,
 Назовусь-то я Никитой всё Залёшанин».
 Тут поехал Илья да Илья Мурамець,
 Илья Мурамець поехал свет Ивановиць.
- ¹⁵ Приежаёт ко городу ко Киеву,
 Ай ко ласкову князю ко Владимиру.
 Он оставил коня доброго на широкём двори,
 Сам заходит во полаты белокаменны,
 Он ведь крест-то кладёт да по-писанному,
²⁰ Он поклон-от ведёт да по-учоному:
 «Уж ты здрастуй, нашо красно моё солнышко,
 Ай ты ласковой ты Владимир наш,
 Уж ты здрастуй, Опраксея-королевисьня,
 Уж ты здрастуйте, князи вси вы бояра!»
- ²⁵ Говорит-то нашо красно-то всё солнышко,
 Ище наш-от Владимир-князь да стольне-киеськой:
 «Добро жаловать, дороднёй доброй молодець,
 Ай ко мне-то посидеть да на поцесён пир,
 Ай попить-то, поис<т>ь у мя, покушати,
³⁰ Ай ведь беленькой лебёдки порушати!»
 Ай ведь не дал князь места по уму ему,
 По уму-ту не дал места, всё по разуму:
 Не посадил ёго Владимир-от не подлё себя,
 Не посадил ево Владимир-от против себя —
- ³⁵ Посадил ево Владимир, добра молодца,
 Посадил-то ево в место не в почотноё,
 Не в почетно ево место не в большой угол,
 Посадил ево Владимир всё в посьледней стол,
 Посадил ево со малыма с ребятками,
- ⁴⁰ Со темá ли со детьми, детьми боярьскимá.
 Сам он сел-то Илья да Илья Мурамець —
 Не Ильей-то он, право, называитце,
 Называитче всё Никитушкой Залешанин —
 Ай хошь сел-то к Владимиру да за дубовой стол.
- ⁴⁵ Он не пьёт, сидит, не ест, да всё не кушаёт,
 Он ведь беленькой лебёдки не рушаёт.
 Ище князь сидит Владимир, сам поглядыват,
 Сам поглядыват, сидит, скорó рос<с>матриват.

- Говорит ёму Владимир таковы речи:
 50 «Ай же шьчо ты, наш уда́лой доброй молодець
 Шьчо по имени Никитушка Залёшанин!
 Ты не пьешь, сидишь, у меня, сидишь, не кушаёшь,
 Ишше беленькой лебедочки не рушаёшь?
 Обсадил-то я тебя ли разьве местом тут,
 55 Надсьмеялась над тобой разьве невежа-та,
 Обнесли, можот, тебя да цярко́й винною?
 Ты сидишь ты всё у нас невёсёл-от:
 Ай поту́пил оци ясны в матушку сыру землю,
 Ай во ту ли во сэреду кирпишную».
- 60 Говорит-то тут Илья да он таки реци:
 «Ты ведь сам ты сидишь, князь, за дубовы́м столом,
 Ты сидишь-то как всё с ворона́ми ты,
 Ай миня всё посадил ты с воронятами!»
 Тут Владимир-князь скакал он скоро на резвы́ ноги:
 65 «Поежай поди, уда́лой доброй молодець,
 Со моёго-ты ступай-ко со чесна́ пира,
 Ты не езди ко мне больше в красен Киев-град,
 В красён Киев-от-град не прослежай́ своего ты следочку-ту,
 Удаляйсе ты подальше из циста́ поля!»
- 70 Он скорёхонько-то доброй молодець тут собирайтце,
 Ай выскакивал он скоро из-за дубовы́х столов,
 Он прошаитце со князём со Владимиром,
 Он со той ли со кнегиной с Опраксеёй-то:
 «Тебе спасибо, ты мой ты красно солнышко,
 75 На твоём-то на чесном-то на пирú тебе!
 Не Микитушка я тя всё был Залёшанин —
 У тя тот ли был всё старая стариньшина,
 Ишше тот ли атаман да Илья Мурамецъ,
 Илья Мурамеч был да сын Ивановичь».
- 80 Говорил-то князь Владимир таковы слова:
 «Воротись ты, мой уда́лой доброй молодець,
 Уж ты руськой мой, сильней ты богатырь-от
 Ай по имени Илья ты, Илья Мурамецъ,
 Ай по батюшки-отци ты сын Ивановичь!»
- 85 Говорил ёму Илья всё таковы речи:
 «Не умел ты, князь Владимир, соколá имать,
 Не умел ты соколá имать, в руках держать,
 Не умел ты угосьтить всё добра молодца,
 Ты того меня Илью-ту светы Мурамца!
- 90 Подойдёт, бывает, к тебе сила неверная,
 Ай неверна к тебе сила, бусурманьчкая,

- Ты, тогда у тя бояра кособрюхи с ей управятце!
 Я возьму-ту, князь Владимир, я своё вострѣ копьѣ,
 Я сойму у тя полаты по окошоцька,
 95 Пусь задавит князьей да твоих бѣяров!»
 Он сказал-то он сам только не сѣделал так.
 Уежает он скорѣхонько в чисто полѣ.
 Говорит-то Владимир таковы речи:
 «Немалѹ я себе шутоцьку нашѹтил-то!
 100 Ище как мне эта шутка теперь с рук сойдѣт?»
 Посылат-то он скорѣх гонцѣв в чисто полѣ:
 «Вы скажите, вы мои, мои скорѣ гонци,
 Шьчобы ведь Илью-ту звал Добрынюшка Никитиць млад —
 Ай с Добрынюшкой у их сь Никитичом
 105 Ай полѣжона ведь заповедь великая:
 Как которой-то из их да будѣт гневатьце,
 Будет гневатьце, которой будѣт гнев держать,
 Ай другому шьчобы уговорить бы так,
 Одному шьчобы другого розговаривать».
 110 Ай приходит эта вестоцька к Добрынюшки,
 К Добрынѣчки приходит во чисто полѣ,
 Ай Добрынюшка Никитиць скоро он зовѣт ево:
 «Ты поедѣм-ко, мой брателко крестовой ты,
 Ты ко ласкову князю на поцесѣн пир,
 115 Сам ведь всех велел собрать могущих богатырей,
 Пушше всех велел он звать да Илью Муромца».
 Говорит ѣму Илья да всё таки речи:
 «Ай спасибо князю все за приглашеньицѣ!
 Я отказан уж от города от Киева,
 120 От того я от пирѹ, пирѹ чѣсноґо я,
 Я ишшѣ-то всё отказан от чиста поля.¹
 У ёго ес(т)ь-то там много бояр ес(т)ь всех,
 Ишше будут поправлятьце-то когды всё при гори.
 Я поеду во дѣлече, далече во чисто полѣ,
 125 Увезу я всих могучих все богатырей,
 Я уеду-ту, уеду не на́ день-от,
 Я не на́ день-от уеду, я не на́ два тут —
 Я уеду от ево всё на́ два гѣдичка,
 На два гѣдичка уеду поры-времени».
 130 Ай прошло-то тому времени ведь целой год,
 Наступает-то тому времени другой ведь год.
 Тут поехал всё Илья да попроведати,
 Попроведать-то поехал по чистѹ полю,
 Попроведать-то поехал-то про красѣн Киев-град,

- 135 Он ише́-то попроведа́ть всё про князя-та.
Ай про князя попроведа́ть со кнегиною:
«Каково у мя живёт там красно солнышко,
Каково у мя живёт да всё Владимир-князь
Со своей-то со кнегиной с Опраксе́й-то,
140 Ай со той ли с Опраксе́й-королевисньей?»
Он ведь еде́т, он розбе́зживат да по чисту́ полю,
Во чистом поли завидял: всё стоит-то силушка,
Шьчо стоит-то, стоит сила неверная,
Шьчо неверна-та силушка тотарская.
- 145 Шьчо выходит тут Идо́лишшо-то изь белá шатра,
Говорит-то всё Идо́лишшо таки реци:
«Ай тотары вы мои, да палачи мои,
Палачи мои, тотары, немилосливы,
Немилосливы тотары, нежалосливы!»
- 150 Выходите, понесите скору грамотку,
Понесите скору грамоту тотарскую,
Ишше те ли ёрлычка да скорописцята». —
Тут тотары все да выходили все.
Отсылаёт он с грамотой да три тотарина.
- 155 Вот приходят тотара на широкой двор,
Без доклада идут, без приказанья,
Без приказанья полаты белокамяны.
Как они тут отдают скору грамоту,
Не крестят-то своего лица поганого.
- 160 Принимает князь Владимир стольне-киевской.
В ерлычках-то скорописцятых написано:
«У тя нет, я знаю, князь, да при тебе ведь всё,
При тебе-то всё твоих да всё богатырей,
Ай богатырей-то, русских поединьшицков.
- 165 Ай подай, подай мне-ка, князь, ты поединьшицков,
Ты того подай Илью мне, Илью Мурамця.
Не подашь-то ко мне завтра поединьшицка —
Пушшай выедут ко мне всё на чисто поле,
А мы тут-то станём с има тогда битисе,
- 170 Мы ведь битье с има станём, воеватисе.
Ай не дашь ты мне да поединьшицка,
Поединьшицка, могущего богатыря —
Я зайду-то ведь к тебе всё в красен Киев-град,
Я сожгу-то все ведь церкви Божьи,
- 175 Розорю-ту у тибя монастыри спасёныя,
Из полат-то ведь князя-та Владимира повыгоню,
За жолты ёго кудри возьму повыкину,

- Ай оставлю одну в полатах-то кнегину я,
Ишше ту я Опраксею-королевисьню».
- 180 Это всё-то Илья стоит, выслушивает.
Он приехал Илья-та всё во Киев-град,
Он во Киев-град приехал на добром кони,
Он спускал-то своево да всё добра коня:
«Ты постой, постой немножко, ты мой доброй конь!»
- 185 Я пойду-схожу по городу по Киеву:
Не могу ли я найти калики перехожую,
Я возьму-ту у ево клюку всё подорожную —
Я не взял-то ведь да сабли вострою».
- Нашол-то тут да Илья Мурамецъ
- 190 Ай ту ли калику перехожую,
Перехожу калику, переброжую,
Он того богатыря да всё Иванишша,
Попросил-то у ево платья калицьёго,
Он ведь не дал ему платья калицьёго.
- 195 Он попросил-то у ево клюки всё подорожною,
Не дават ему клюки он подорожною.
Говорит-то Илья Мурамецъ таки реци:
«Не отдашь ты мне клюки — да я возьму у тя».
- Заревел-то тут калика всё Иванишшо,
- 200 Он ведь заревел, пошол, слёзами горькима,
Он кинал свою клюку всё подорожную
Он во ту ли он во матушку в сыру землю.
Тут ведь цють-то мог достать да Илья Мурамецъ,
Илья Мурамеч достать да сын Ивановиць.
- 205 Он ведь брал эту клюку да во белы руки —
Шьчо весу будёт клюка всё девяносто пуд.
Он садилсэ на своёго на добра коня,
Он поехал тепере во чисто поле,
Во чисто поле поехал ко тотарам тут.
- 210 Он ведь зачья по чисту полю поезживать,
Он ведь стал-то этой ключкой всё помахивать,
Он ведь стал-то тут тотар всё приубавливать.
Кольке ключкой тотар бьёт, вдвое конём топцёт.
Он прибил-то, прирубил да всех тотаревей,
- 215 Он прибил-то, прирубил всё до единого.
Убивал-то он Идблиша поганого,
Убивал-то он его, всё приговаривал:
«Не ходи ты, Идолишо, не езд на съвятю к нам Русь:
Тяжело видать могуцих богатырей».
- 220 Тут прибил он, прирубил силу великую,

- Не оставил-то он силы всё на сѣмяна.
Он оцистил тут своё да полѣ цистое,
Сохранил-то он тут вси да церьквы Божьи,
Сохранял он все манастыри спасѣнии,
225 Сохранял-то своего князя Владимира
Со кнегиной с Опраксеей с королевисьнёй.
Сам поехал он скоро в красѣн Киев-град
Ай искать-то всё калику-ту Иванища.
Он нашол-то ёго, встретил в славном Киеви,
230 Подавал ёму клюку всё подорожную:
«Ты бери, бери, калика ты Иванишѣ,
Ты бери, бери клюку всё подорожную.
Я поеду теперь я во чистó полѣ,
Во чистó полѣ поеду я к богатырям».
- 235 Тут приходит калика всё Иванишшо,
Он приходит ко князю под окошоцько,
Запросил-то он милосьтинку всё спасѣную:
«Ай подай ты, князь Владимир столярнѣ-киевской,
Ты подай, подай милосьтинку мне спасѣную».
- 240 Подавал-то ёму князь-от милосьтину всё спасѣную.
Говорит калика перехожая:
«Я ведь видял сѣгодняе Илью Мурамця,
Отымал у мя клюку он подорожную,
Он ведь бил-то всё моей клюкой силу тотарьскую,
245 Он убил клюкой Идолишша поганого».
- Выходил-то князь Владимир всё на улоцьку,
Он ведь брал Иванишша калику за праву руку,
Чѣловал ёго в уста в сахарныя,
Уводил-то он калику во полатушки:
250 «Не во сьни ли то тебе эдак привидялось,
Шьчо уж был у мя Илья-та он во Киеви?
Не слышал я про Илью-ту больше годика,
Всих увѣз у мя могуцых всех богатырей.
Токо правду ты сказал мне-ка всё, Иванишшо,
255 Приобцистил токо он силу тотарьскую —
Я ведь буду-ту писать я ёрлычки всё скорописцята,
Уж я буду отсылать теперь скорых гонцев,
Я ведь буду-ту тепереце звать дорогá госьтя,
Дорога-та я госьтя Илью Мурамця
- 260 Со своим-ти² с могуцима богатырями.
Напишу я ёрлыцьки им скорописцята,
Отошлю-ту я сѣвodyне всё скорых гонцев,
Розыскали-то шьчобѣ у мя да Илью Мурамця —

- Собира́л шьчобѣ́ свою-ту он дружиночку хоробрую,
 265 Шьчобы руських-то могуцих всех богатырей,
 И ко мне шьчобѣ́ приехали да пировать у мя,
 Пировать шьчобѣ́ у мя да проклаждатисе.
 Собираю́ этот пир уж не на князей, не на бояров,
 Собираю́ я на руських-то могуцих я,
 270 Шьчо на руських могучих на богатырей:
 На Илью-ту собираю́ всё на Мурамча,
 Ай на всих-то на ёго я на товаришшов».
 Тут ведь скоро гончи, скоры́ послы наехали,
 Они звали Илью да низко кланелись.
 275 Ише тут у Ильи-то отошло да ретивѣ́ серьчѣ́,
 Он ведь тут поехал веселѣхонек,
 Он повѣз-то всё своих да он товаришшов.
 Ай приехали ко городу ко Киеву,
 Шьчо ко ласковому князю ко Владимиру.
 280 Ведь стречат их тут князь на широком двори
 Со своей-то со кнегиной с Опраксѣ́й тут.
 Говорит-то Илья да Илья Мурамечь:
 «Уж ты здрастуй-ко, ты красно моё солнышко,
 Ише тот ли князь Владимир стольнѣ́-киеськой,
 285 Уж ты здрастуй, кнегина Опраксея-королевисьня!»
 Говорил-то Владимир таковы речи:
 «Уж ты здрастуй, здрастуй, атаман ты наш,
 Ешше старая ли ты да всё стариньшина,
 Да по имени Илья да съвет ты Мурамечь,
 290 Из очетесьтва да ты Ивановиць!
 Ты спасибо тебе, да Илья Мурамечь,
 Ай за силушку твою-ту за великую,
 Шьчо за вѣ́слугу твою за богатырьскую:
 Уж ты спас у мя, помиловал Божьи́ церквы,
 295 Ты ведь спас у мя, помиловал мона́стыри спасѣ́нья,
 Уж ты те ли вси съвятѣ́ мошши нетленныя
 И меня-то спас, князя, со кнегиною».
 Он берѣ́т ёго всё за праву́ руку,
 Обнимат ево своей да руцкой правою,
 300 Он челуѣ́т всё в уста ёго в сахарныя,
 Он проводит во полаты княженеския
 Он ведь всих-то ёго да всих товаришшов:
 Ай Добрынюшку ведѣ́т да всё Никитича,
 Ай Алѣшеньку ведѣ́т да всё Поповица,
 305 Он ведь всех ведѣ́т богатырей да до единого.
 Он садит-то Илью да он ведь выше всех,

Он ведь выше всех садит — да во своё место,
 Ай богатырей садит всех по своим местам.
 Сам ведь ходит со кнегиной, поклоняютце:
 310 «Уж ты ешь-ко-се, ты кушай, атаман ты наш,
 Атаман ты наш, старая старыньшина,
 Ишше тот ли ты казак да Илья Мурамец!
 Ты сидишь теперь, Илья, хоть во моём месяти,
 Во моём месяти сидишь да ты во князёвом.
 315 Ты имей-ко на пиру да ты всё бóльшину:
 Для тебя-то этот пир да собирайтце
 За твою-ту за услугу богатырьскую,
 Для твоих-то всё ведь тут да для товаришшов,
 Для товаришшов сбираю, для богатырей».
 320 Ише та-то старина да тем приконьцилась.

№ 55

Как во славном было во городи во Киеви,
 И как у ласкова у князя было у Владимира,
 И заводилсе у его почесён пир,
 И на пиру-ту с им было сидели его бояра любимыя,
 5 А всё бояре его, дворяна всё любимыя.
 И тут у Ильи-то Муромца велось с князем Владимиром,
 У их ссора шла с князём всё великая,
 Отказал Илью князь его Владимир же:
 «И не евлейсе ко мне боле да во красён Киев-град».
 10 Тут не долгоё же времечка прошло оно,
 Захотелосе старому-седатому,
 А и как тому ли всё Ильи да сыну Ивановичу,
 Попроведать да про город Киев-от
 И про князя-то Владимира,
 15 Ишше что тако у князя Владимира делантце,
 И он пошел нарядилсе Микитушкой Залёшанином,
 И што не узнал его да князь да всё Владимир же.
 Приходил-то Никитушка Залёшанин
 Он ко терему-ту всё да княженеському,
 20 И заходил-то он во грини княженеськие,
 И заходил скоро Никитушка Залёшанин,
 Где сидел князь Владимир да Святослаевич,
 Он с боярами сидел да всё с дворянами,
 И они пили-ели, сидели да веселилсе.
 25 А и тут Микитушка Залёшанин приходил же к ним,

- И он молился-то же Господу, низко кланялся,
 И он же князю-ту Владимиру поклонился же:
 «Уж ты здрастуй, здрастуй, князь Владимир Святослаёвич».
 «Уж ты здраствуй, здрастуй, Никитушка Залёшанин,
 30 И ты садись-ко-се ко мне к князю Владимиру,
 И ты попить, поисть да всё покушати,
 Ише беленькой лебёдушки порушати,
 И порушати лебёдушки, покушати».
 И говорил-то князю Владимиру
 35 Как Никитушка-то говорил Залёшанин:
 «Ты же, князь Владимир, сидишь всё с вóронами,
 А меня садишь да всё да с воронятами!»
 Ето князю Владимиру да не злюбилосе,
 Он закричал-то всё зычным своим голосом:
 40 «Уж вы ой еси, да слуги вы да княженеськие,
 Вы подите-ко зовите могучих русьских всё богáтырей,
 Чтоб убрали отсюль Микитушку Залёшанина!»
 Говорил тогда Микитушка да сын Залёшанин,
 Говорил же он князю Владимиру да таковы слова:
 45 «Уж ты ой еси же, князь Владимир же,
 Ты сидишь да всё с вóронами,
 А меня садишь, Микитушка Залёшанина, да с воронятами!»
 Говорил-то князь Владимир таковы слова:
 «Уж вы ой еси, богáтыри могучие,
 50 Вы возьмите Микитушку же выведите
 Из моей-то грины всё да княженеською».
 Тут богáтыри к Никитушки же прибежали к нему,
 Ишше стали Микитушку попехивати,
 Микитушку-ту Залёшанина попинывать,
 55 Тут же взял Микитушка Залёшанин,
 Взял богáтырей пинул одной ногой своей,
 Тут же падали богáтыри да на кирпичной пол,
 Они лежат да стать не могут всё поднятисе.
 Говорил-то князь же на третей же раз:
 60 «Уж вы ой еси, мои богáтыри пресильные,
 Вы подите-ко Никитушку же выведите вон».
 Прибежало три богáтыря,
 Ишше стали Никитушку попехивати,
 Стали Залёшанина попинывать,
 65 Они не могут его некак столконуть,
 Он стоял да не ворóхнулсе,
 С буйной головы колпак да не шевелилсе у его.
 И тут Микитушка жа всё Залёшанин,

- Он взял богатырей правой ногой да их попинывать,
70 Они падали скорó да на кирпичной пол,
И все лёжат они, стать не могут никак.
И тут приходил-то Добрынюшка Никитич млад,
Он ко князю-ту выходил к Владимиру:
«Уж ты ой еси же, нашо да красно солнышко,
75 Ты Владимир-князь да Святослаёвич,
И не шуточку же ты зашúтил же,
А и эта шуточка тебе да как же с рук сойдет.
А и это не Никитушка пришел к тебе,
Не Залéшанин у тя, сказать строгó,
80 Эта беда теперь будёт тебе да неминучая,
Ето старая же всё стареньшина,
Ишше тот ли у тя Илья да сын Иванович:
А ты тепере как етого гостя́ же будёшь звать его?
И никак его теперь да созовёшь же к тебе?»
85 И некого послать, да некому позвать,
Не послушат он теперь да некогó же он».
А и говорил тогда же князь Владимир же,
И как Владимир-князь да Святослаёвич:
«Не послать-то тебя, Добрынюшку Микитича,
90 Э и не послать-то тебя, да свет Микитича?»
И так у Добрынюшки же былó с старым же с седатым же,
С Ильей-то да сыном Мурамцом,
У их кладена была же заповедь великая,
Што старшому же будет слушать младшого,
95 Ише старшому же слушать младшого.
«И ты поезжай, Добрынюшка Микитич млад,
Ты зови-ко-се старого-седатого,
Ты ко мне, ко князю ко Владимиру,
На почесён пир да пировать ко мне,
100 И не узнал я его никак же всё,
Я (в)место Микитушку почтил вместо Залéшанина».
И тут скоро Добрынюшка Микитич млад,
Он пошел скорó на широкой двор,
Он же брал-то своего добра́ коня,
105 Он добра́ коня скоро же брал да богатырского,
Он садилсе Добрынюшка скоро же да на добра́ коня,
Он поехал далече во чистó полé,
Во чистó полé широкоё раздольицо,
Где-ка был-то старой-седатой-от,
110 Ише тот ли Илья, Илья же Мурамецъ,
Илья Мурамецъ да сын Иванович.

- Он налаживал на князя-то Владимира,
 Он на его на грины княженеськие,
 Он же клал-то стрелоцьки калёныя,
 115 Он [в] свой же он да во тяжелой лук,
 И он хотел устрелить прямо во грины княженеськие,
 И тут говорил Добрынюшка Микитиць млад:
 «Уж ты ой еси, мой брателко крестовой же,
 Уж ты старой седатой Илья Мурамецъ,
 120 Илья Мурамецъ да сын Иванович,
 И ты послушай-ко меня, братá крестового,
 Ты Добрынюшку ишше же всё Микитича:
 У нас с тобой была кладена да заповедь великая,
 Што старшому же брату слушать младшого,
 125 А ише младшему же слушать брата старшого,
 И тебе звал-то нашо красно солнышко,
 Как великий князь Владимир Святослаевич,
 На почесён пир да пировать тебя».
 Говорил тогда же Илья Муромецъ,
 130 Илья Мурамецъ да сын Иванович:
 «Ишше знал же князь Владимир кого послать,
 Кого послать да кого позвать,
 У мне наложена сечас же стрелоцка калёная
 И на князя Владимира во грину его да княженеськую».

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И РАЗБОЙНИКИ (№ 56—58)

№ 56

- Ише хто ету дорожоцьку-ту ўторил,¹
 Ише хто ету широкою-ту ўёздил?²
 Уторил ету дорожоцьку старой старик.
 В ширину ета дорожка — стрельцю-ту да перестрёлити,
 5 В глубину ета дорожка коню под шшётюцьку,
 Ише конь-от был у старого на убёл был бел,²
 Ише сам-от старой — голова-та сера³ да борода бела,
 Ише ехал ту старой по дорожоцьки
 Да наехал ко столбу-ту да ко ростанюшкам.
 10 Да на столбики было-то как написано,
 А глубокима-ти подрезами подрезано:
 «Во перьвú ехать дорожоцьку — богату быть,
 Во втору ехать дорожоцьку — жонату быть,
 Во третью ехать дорожоцьку — убиту быть».

- 15 А сидит тогда старой на добром кони,
 Розмышляет своим-то умом-разумом:
 «Я не еду в ту дорожку, где-ка богату быть:
 Да нашьто-то мне-ка старому золота казна?
 У мя нету у старого молодой жоны,
- 20 Да у мя некому тошшить будет золотой казны.
 Я не еду в ту дорожку, где-ка жонату быть:
 Да нашьто-то мне-ка старому женитисе?
 Уж как старому женитце — будет чужа корысьть.
 Я поеду в ту дорожку, где-ка убиту быть».
- 25 Уж как ехал-то старой по дорожочки,
 Да наехал на дорожки на семь станицников,
 А по-нашому по-руському семь разбойников.
 Да они хоцют старого убить, ограбити
 Да с конём-животом его розлучити хотят.
- 30 Да сидит-то ведь старой на добром кони,
 Говорил-то ведь старой таковы речи:
 «Уж вы вой еси-то, да семь станицников,
 Вы по-нашому по-руському семь разбойников!
 Вы за шьто миня хотите убить, ограбити?»
- 35 Да имениця в собой у мя не лучилосе,⁴
 Золотой у мя казны не пригодилосе.
 Токо есть у мя, у старого, один доброй конь:
 Ише конь-от ведь стоит как петсот рублей,
 Как убор-от на кони стоит целу тысячю».
- 40 Ише тут-то станицников призарило,
 Они хочут старого убить, ограбити
 Да с конём-животом его розлучити хотят.
 Говорил-то ведь старой-от таковы речи:
 «Вы за шьто миня хотите убить, ограбити
- 45 Да с конём-животом миня розлучити хотите?[?]
 Да имениця в собой у мя не лучилосе,
 Золотой-то казны у мя не пригодилосе.
 Тольке есть у мя, у старого, одна шубочка,
 Да на шубочки есть у мя три пугови:
- 50 Ише перьва-та пуговка петьсот рублей,
 Да втора-та ведь пуговка в семьсот рублей,
 Ише третья-та пуговка в челу тысячю».
 Ише тут-то станицников призарило,
 Они хочут старого убить, ограбити
- 55 Да с конём-животом его розлучити хотят.
 Да как говорил-то ведь старой таковы речи:
 «Уж вы вой еси, да семь станицников!

- И за шьто миня хочите убить, ограбити
 Да с конём-животом миня розлучити хотитѣ?
 60 Да имениця в собой у мя не лучилосе,
 Золотой у мя казны-то не пригодилосе.
 Только ес<т>ь у мя, у старого, одна суночка,
 Да во суночки ес<т>ь у мя три стрелочки:
 Ише перьва-та стрелочка восемьсот рублей,
 65 А втора-та стрелочка в целу тысяччу,
 Уж как трѣтьей-то стрелочки цены ей нет».
 Ише тут-то станичников призарило,
 Они хочут старого убить, ограбити
 Да с конём-животом ёго розлучити хотят.
 70 Да росправил тут старой как арканьщик-от
 Да накинул на всех станичников,
 Да напустил-то своёго коня доброго,
 Ише сам-то ведь стал-то ездить по чисту полю,
 Рострепал-то, розьдѣргал всех станичников.
 75 Он очистил дорожку прямоезжую.

№ 57

- Ай поехал Илья Муромецъ в чистó полѣ,
 Да поехал во чистó он полѣ попроведати,
 Попроведать, посмотреть, нет ли, не ездят ли,
 А не ездя<т> ли тотара-поединшыцъки.
 5 Ай наехал во чистóm поли единой серой камешок,
 Он наехал камешок — да всё подписано.
 «У кого эта дорожоцька уезжона,
 У кого эта широкая утоптана?
 Розъездил я дорожоцькой, всё доброй молодець
 10 Ай по имени Илья да Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ розъездил сын Ивановиць.
 Да ведь я-то теперь поеду разве во тѣмны леса,
 Во правой руки у мя дорожки приуцишшоны,
 Приуцишшоны дорожоцьки, изведаны.
 15 Я поеду-ту тепере на круты горы».
 На крутой-то на горы да там стоят белы шатры,
 Во белых-то во шатрах-то ес<т>ь-то тут сорок розбойницьков,
 Ай по-руськи-то назвать — сорок тотарьницьков,
 По-тотарьски-то назвать — сорок камышницьков.
 20 Тут ведь стал-то Илья да всё рассматривать,
 Он рассматривать-то стал, да он розглядывать,

- Говорит-то Илья да таковы слова:
 «Уж вы гой еси, тотара вы поганьи!
 Ай по-руськи-то назвать — дак вас тотарами,
 25 По-тотарьски-то назвать — дак вы камышницьки».
 Они стали из шатров да всё выскакивать,
 Шьто тотарин за тотарин выскакивать,
 Их навышло ишше сорок всё тотаровей.
 Говорят-то тотара таковы слова:
 30 «Ай ты гой еси, старой-от, седатой ты!
 Тебя скоро мы ведь розлуцим да со белым светом».
 Говорил-то им Илья да Илья Мурамецъ,
 Илья Мурамецъ да сын Ивановиць:
 «Розлуцить-то вам меня да всё ведь не за што:
 35 Тольки ес(т)ь-то у мня шубка соболиная,
 Эта стоит у мня шубоцька петсот рублей;
 Ай на шубоцьки пуговка — петьсот рублей,
 Ай друга-та у мня пуговка ведь — цела тысяця,
 Ай третья-та у мня пуговка — цены ей нет.
 40 Ай да ес(т)ь у мня, у старого, ишше перцятоцьки,
 Ай перчатоцьки у мня да красна золота —
 Подареньице у мня князя Владимира,
 Да перцятоцьки стоят всё петьсот рублей.
 А ишше у мня, у старого, да у седатого,
 45 У мня ес(т)ь ише сапожоцьки на ножоцьках,
 Ай сапожоцьки у мня тоже — петсот рублей.
 Ишше ес(т)ь у мня, у старого, седатого,
 Ишше ес(т)ь у мня перо да лебединное:
 Я достал его перо-то в середины моря синёго,
 50 Я со того-то моря синёго со славного —
 Называют это морё Окиян, да морё синёе —
 А на том-то на горюцём сером камешки.
 У мня стоит это пёрышко петьсот рублей».
 Говорят ёму тотара-ти да всё розговаривают:
 55 «Мы ведь скоро тебя, старого, седатого,
 Предаём мы тебе, старому, скору́ мы смерть,
 Отсекём-то у тебя мы буйну голову».
 Говорит-то старой таковы реци:
 «Я возьму-ту как свою да саблю вострую,
 60 Отсеку-то я у вас да буйну голову.
 Вы поездили вы по белу съвету, пограбили,
 Вы пограбили, побили людей добрых».
 Он тут скоро поехал на добром кони,
 Он отсек-то у тотар да буйны головы,

65 Он ведь взял-то у их собрал злато, серебро,
 Ай поехал-то он да в красён Киев-град,
 Он ко ласкову князю ко Владимиру.
 Он привёз-то всё да злато, серебро.
 Благодарил-то тут князь да со кнегиною.

№ 58

А как ездил старой по чисту полю,
 А как ездил он путем-дорогою,
 Да наехал он дорожку весьма широкую,
 А широкую дорожку-ту прямоезжую,
 5 Да поехал он по той дорожки прямоезжия,
 Да наехал тут три ростанюшки широкия,
 Да на тих-то на ростанях лёжал серой камешок,
 Как на том-то камню было написано,
 Да написано было, подрезано,
 10 Да подрезано было: «Хто едет в дорожку прямоезжую,
 Да тому, братцы, живу не быть,
 Да кто поедет в дорожку в правую,
 А тому, братцы, жонату быть,
 Хто в эту левую дороженьку поедет, тому богату быть».
 15 Как сидит-то старой на добром кони, приадумалсэ:
 «Мне, старому, в чистом поли смерть не писано.
 Как в праву-ту дорожку ехать — как жонату быть,
 Да нашто мне-ка, старому, женитисе?
 Как старому, братцы, женитисе — всё чужа корысть,
 20 Да пойдут от старого малы деточки,
 Захотят малы дети пить и ис(т)ь, носить цвѣтно платицѣ.
 Как и в леву-ту дорожку мне ехать — богату быть,
 А нашто мне-ка на старось-то богачесво,
 А нашто? — мне, старому, не надобно,
 25 Буду¹ золотой казны как кланетьсе.
 Я поеду в ту дорожку, да где живу не быть».
 Да как тут-то поехал в ту дорожечку прямоезжую.
 Он немного подъехал по той дорожочки
 От того жо от серого горячого от камешка,
 30 Как стрѣчалась ему стреточка немалая:
 Как стрѣчалосе ему сорок станичничков,
 Да по руському званью сорок разбойников.
 Как хотят-то старого убить-то всё, ограбити,
 Да как с конём, с животом да розлучить хотят.

- 35 Говорит-то старóй, сидит да поговариват:
 «Уж вы гой еси, сорок разбойников, сорок станишьников!
 Как вам убить-то, братцы, вам нé за шьто,
 Ише снеть-то у мя, старого, нéчего:
 У мя в собой² ведь золотой казны не было,
- 40 Тольке у мя живота — да един доброй конь,
 Еше доброй мой конь да во петсот рублѣв,
 Да как вся сбруда моя да в челу тысячѹ».
 А как тут разбойничков призарило, прибавилось,
 Да хотят-то старого убить-то, всё ограбити.
- 45 Да сидит-то старóй на добром кони, не встрѣхнитце,
 Сам потихоньку сидит, приговариват,
 Да как тут-то говорил да таковы речи:
 «Ише есь на мне шуба чёрных соболей,
 Она тольке стоит една петсот рублѣй,
- 50 Да на шубки только три-то пуговики:
 Ише перьва пугвиця в петьсот рублѣй,
 Да друга-то пуговка в целу тысячѹ,
 Третьей пугвици цѣны ей нет,
 Эта шуба — подареньцеё князя Владимира».
- 55 Да как тут разбойничков призарило,
 Да призарило-то их, прибавило,
 А как начели старого пошиньивать, подѣрьгивать,
 Как сидит-то старóй не тряхнитце, не ворóхнитце:
 «Уж вы гой еси, вы разбойники-станичники!
- 60 Да убить-то вам меня ведь нé за шьто,
 Ише, право, снеть с меня ведь нечево:
 Как и ес(т)ь-то у мя ише шляпа, подареньицеё князя всё Владимира,
 Как во шляпы ес(т)ь перышко,
 А да перо стоит единой тысячѣй».
- 65 Как зáchели они его пошинивать, потыкивать,
 Розьерилося ёго да ретивó серьцѣ,
 Как стегал-то коня да по крутым бедрам:
 «Уж ты гой еси, мой доброй конь Белеюшко!
 А хоть подынишь ты выше лесу стоёчего,
- 70 А пониже хоть облака ходечего,
 Да отскочь-ко ты от сорока разбойников».
 Как поскóчил его доброй конь выше лесу-ту стоечего,
 А пониже облака ходечего,
 Да отскакивал он во чистó полѣ.
- 75 Одёржал-то он тут добра коня Белеюшка,
 А как вынимал-то свой розрѣвчат лук,
 Он натѣгивал тетивочку шелкóвую,

- Да накладывал стрелочку калёную,
 А ко стрелочки он приговаривал:
 80 «А лети-ко, моя стрёла, во далече чисто полё,
 А как пади-ко, стрелочка, не на воду, не на землю,
 А не на воду, не на землю, не в сырой дуб,
 А пади-тко, моя стрелочка, в тот жо в самой сырой дуб,
 Росшиби-ко ёго на мелки дребезги,
 85 Ты убей розбойников да до единого».
- Полетела стрелочка во далече во чисто полё,
 Она падала не на воду, не на землю,
 Как не падала во самой во сырой дуб,
 Да рошибла ёго на мелки дребезги,
 90 Да убило розбойников до единого.
- Как очистил тут дорожку прямоезжую,
 Он поехал в свой путь, в дорожочку
 А к тому жа ко городу ко Любову,
 К своёму царю, к приятелю,
 95 Посмотреть-то захотелось своего царя Любова,
 Шьто деитьце во городи во Любви.
- А как едёт ён ко городу ко Любову,
 Да стречалась ёму калика перехожая,
 А тот же сильния великия Иванишшо.
 100 Не дошод-то калика ёму низко кланетце:
 «Уж ты здрастуй-ко, государь наш Илья Муромець!»
 Отвечаёт ёму Илья Муромець:
 «Уж ты здрастуй-ко, калика перехожая!
 Уж ты как жа миня знашь да именём зовёшь?» —
- 105 «Уж ты гой еси, осударь ты Илья Муромець!
 Как тебя не знаю — да именем зовут?
 Как я у твоёго батюшка жил во дворниках ровно тридцеть лет,
 Шьто во дворниках жил и во конюхах». —
 «Откуль ты, калика, идешь, перехожая?» —
- 110 «Я иду-то из города из Любова,
 От того-то царя Любова». —
 «Шьто деитьце во городи во Любви?» —
 «Во городи во Любви всё да не по-старому,
 Не по-старому всё да не по-прежнему:
 115 Не дают-то просить милостины спасёняя,
 А как запряшона просить милостина спасёная,
 А запряшона поминать да Илью Муромця:
 Хто ёго спомёнёт, такового рубить буйну голову.
 А царя-та Любова на царьски нет,
 120 Да царит-то тут поганое Идóлишшо,

- А как царь-от Любов на поварни старшим поваром:
Сподоблят он для поганого Идолишша кушанье».
- Говорит-то старой казак да Илья Муромецъ таковы речи:
«Уж ты гой еси, калика перехожая!
- 125 Уж ты дай ты мне своё платице каличесько
Да надени моё платье богатырьское».
- Говорит-то калика да таковы речи:
«Мне в твоём плати не подают милостины спасения».
- Говорил-то старой казак да во второй након:
- 130 «Уж ты скинь своё платье калицесько
Да надень моё платице богатырьское».
- А как говорил-то он да во третей након,
Не дават-то калика платья всё каличьского.
- А как розьерилось ёго да ретивó сердце,
135 Да бросал-то калику на сыру землю,
Скинывал-то с калики платье всё калицесько,
Надевал-то своё платье богатырьское,
А садил-то ёго да на добра коня:
«Уж ты гой еси, мой Белеюшко!
- 140 Ты не бегай ты рысью лошадиною,
Ты ходи-ко тихой ступицей бродовою,
Не уходи калики перехожого».
- А как зачал одевать платье каличесько;
У калики была шляпа сорок пуд,
- 145 А клюка-та была ёго подорожная сорок пуд.
Как пошел-то старый казак Илья Муромецъ во Любов-град,
Как заходит³ ко Любову на широкой двор,
А как спрашивает он про царя про Любова,
А да сказывают придворина про царя про Любова:
- 150 «Нонче у нас царя Любова на царьсви нет,
А царит у нас поганое Идолишшо».
- А как довели тут старую старыньшину до поварни жо,
Говорит-то Илья Муромецъ таковы речи:
«Уж ты здрастуй-ко-се, мой Любов-царь!
- 155 Я пришол к тебе да попроведать жо,
А как шьто у вас деитьце после мого бываньяца,
Ише шьто деитьце во городи во Любови?» —
«Уж ты гой еси, калика перехожая!
Я топере не царём живу — поваром,
- 160 А царит-то у нас нонче поганое сильне Идолишшо».
- Говорит-то калика перехожая:
«Посылал тебе поклон Илья Муромецъ, низко кланялсэ». —
«Уж ты гой еси, калика перехожая!

- Кабы был живой Илья Муромець,
 165 Не был я этга поваром». —
 «Ты подай-ко мне-ка милостины спасёныя
 Хошь ради Ильи Муромця».
 Хватил-то младшей повар го́ловню,
 Хотел убить калику перехожую.
- 170 Он при́знял свою клюку да подорожную,
 Стегнул его да потихошеньку,
 Отгя́л у ёго с плеч да буйну голову,
 Говорит-то калика перехожая:
 «Уж ты гой еси, Любов-царь!
- 175 Не узнал ты старого казака Ильи Муромця».
 Заплакал-то Любов-царь:
 «Я топерече не царём живу — поваром,
 Составлёю на поганого Идолишша кушаньё».
 А как пошел-то калика да из поварни вон,
- 180 Да выходит он да на новы́ сени,
 А заходит тут в полаты-ти царьския,
 Где сидит поганое Идолишшо,
 Заходит в ти полаты царьския,
 Отпираёт он двери на́ пятау,
- 185 Запираёт он двери накрепко,
 Тут полата да скольмаласе.
 Он крест-от кладёт да по-писа́ному,
 Да поклон-от ведёт да по-учёному,
 Да бьёт он челом, низко кланитце
- 190 Ише той ли царици да Белолюбихи,
 Как поганому Идолишшу челом не бьёт.
 А как тут поганое Идолишшо на стули рыга бархата
 На коленях дёржит царицю-ту Белолюбиху,
 По локоть-то дёржит руки в пазухи.
- 195 Ише сам он говорит калика таковы речи:
 «Уж ты гой еси, цариця Белолюбиха!
 Пой подай-ко мне милостину спасёную
 А как ради Христа Царя Небесного,
 А как ради старого казака да Ильи Муромця».
- 200 Говорит-то цариця Белолюбиха:
 «Уж ты гой еси, калика перехожая!
 Не дают у нас нонече милостины спасёныя,
 Не поминают старья старыньшины,
 Кто помёнёт, тому рубить буйну голову».
- 205 А как спрошал тут поганое Идолишшо:
 «Уж ты гой еси, калика перехожая!
 Да скожи-ко про своёго Илью Муромця,

- Сколь он ростом велик жа?» —
 «А сколь я велик, столь Илья велик,
 210 Ише платьё мы носим с им с одного плеча,
 А пьем мы из одной чаши». —
 «А по много ли он хлеба, соли ест,
 Да по много ли он вина, пива пьёт?» —
 «А он пива, вина пьёт да по одной чары,
 215 А хлеба, соли ест по три милостины спасёнья,
 Во третей-то милостины отстаиватьце». —
 «Я-то ем хлеба, соли по пети печей
 Да вина-та пью по сороковки жа».
 Говорил тут калика перехожая:
 220 «А как у моёго у батюшка была корова бурая:
 Она много пила, ела — у ей брюшина лопнула».
 А как тут Идолишшо розьерилосе,
 Да хватал он свой булатён нож
 Да бросал-то он в калику в перехожую.
 225 Увернулсэ-то калика за ободвёрину,
 А как тут-от нож ушол в ободверину вплоть до чёрёна.
 «Как был ваш славной Илья Муромець,
 На долонь бы посадил, другой сверху прижал,
 Меж долонеми только мокрó стало,
 230 Грезь одна осталасе».
 Да как тут Ильи за беду да показалосе,
 Ёго серьчэ да розьерилосе:
 Захватил он свою шляпу всё каличеську,
 А стегнул-то шляпой по буйной главы,
 235 А как выпало простенком Идолишшо вон на улицу,
 Тут Идолишшу смерть пришла.
 Да поставил царя Любова жить по-старому.
 А как сам пошол да во чистó полё,
 Во цистó полё да ко добру коню,
 240 Ко добру коню да калики да перехожую.
 А как едёт калика в Любов-град,
 Он чуть сидит да на добром кони,
 Ише чуть в ём душа полуднуёт.
 Да сымал-то старой со добра коня,
 245 Скинывал-то своё платьё цветное,
 Одевал-то калику да перехожого.
 Тут с каликой прошшались,
 Простились они да розостались,
 Илья Муромець поехал во чистó полё,
 250 Во чисто полё поехал ко Киеву,
 А ко ласковому князю ко Владимиру.

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА (№ 59—61)

№ 59

- Ай во городи было всё во Муроми,
 Во сели-то у нас было во Качарови,
 Там ведь был-то-жил богатой-от хресьянин-от Иван всё Тимофеевич
 Со своей-то жил с супругой с Епестеньей Олёксандровной.
- ⁵ Как не белинька березка к земли клонитцё,
 Не кудрявинька зелёна подгибаитце —
 Как дородньей доброй молодец-от падат батюшку в резвы́ ноги,
 Ай тому ли всё Ивану Тимофеёвичу,
 Родной матушке Липесътении Олёксандровны.
- ¹⁰ Говорит-то он сам да всё таки реци:
 «Уж ты гой еси, родимой ты мой батюшко
 Со родимой со моей, всё с родной матушкой!
 Благословите-ко меня вы, добра молодца,
 Вы того ли Илью да миня Мурамця,
- ¹⁵ Ишше сильнёго могучово богатыря,
 Съездить мне-ка, батюшко, в цисто полё,
 Говорят шьто мне, могуци-ти сказали мне,
 Мне сказали-то многи могуция богатыри,
 Будто ес<т>ь как во чистом поли на столбичку написано,
- ²⁰ На дубовом на столбе ведь будто наресовано:
 „Ес<т>ь нечистых три дорожки прямоезжих”».
 Тут заплакали ево чёсны́ родители:
 «Ты уедёшь — ведь убьют твою уда́лу буйну голову».
 Говорит-то Илья да Илья Мурамец,
- ²⁵ Илья Мурамец, всё как свет Ивановиць:
 «Во чистом-то поли мне смерть не написана».
 Он скоренько-то пошел да на широкой двор,
 Он сядлал-то, сряжал да тут добра́ коня,
 Надевал-то он уздицю всё серебряну,
- ³⁰ Он ведь клал-то всё седёляшко всё кипарисноё,
 (Не черкальское, а кипарисное было у него седёлышко.)
 Он садилсэ на своёго Воронёюшка.¹
 Он ведь стал-то у ево всё, доброй конь, поскакивать,
 Стал он реки и озёра промеж ног спускать,
 Все болота и озёра всё проскакивать.
- ³⁵ Приезжает он во далече в чисто полё,
 Там, в цистом поли, да там столб стоит,
 На столби-то всё было подписано,
 На дубовом всё ведь было наресовано:

- Как в перву дорожку ехать — тут богату быть,
 40 Во втору дорожку ехать — дак жонату быть,
 Ай в третью дорожку ехать — не живу не быть.
 Тут как думает Илья всё Муромеч, он прироздумыват:
 «Шьто нашьто ведь мне-ка, старому, богату быть?»
 Мне-ка, старому, богатсььво всё не надобно,
 45 Я поеду же, однако, в ту дорожоцьку».
- Приезжает по дорожки недалёко-то,
 Под одним-то тут ведь было под сырём дубом —
 Там стоит-то ведь, стоит да три розбойницька.
 Розьделили по первой они по мисы красна золота,
 50 По другой они по мисы чиста сёребра,
 По третьей они по мисы скатна жемцюгу,
 Розьделили они да всё приконьцили.
 Тут гделел-смотря Илья да Илья Мурамець:
 Он тут первого розбойника конем стоптал,
 55 Он другого-та розбойника копьем сколол,
 Он третьему-то отсек по плёци буйну голову,
 Собирал-то он к себе тут злато, сёребро.
 Тут же стал он по чисту полю розгуливать,
 Он розгуливать стал да всё розьезживать,
 60 Розьминат-то он, розьезживает добра коня.
 «Я поеду в ту дорожку, где жонату быть.
 Ай нашьто же мне-ка, старому, жонату быть?»
 Мне женитьба, старому, ведь ни к чому будёт».
- Говорит-то тут ведь сам себе, роздумыват:
 65 «Я не то, токо я съезжу, попроведаю».
- Он ведь ехал Илья Муромеч и до ночи,
 Увидал-то он в тёмном лесу огромной дом,
 Он поехал ко дому ко богатому.
 Этот дом стоит ведь убран, прироскрашон весь.
 70 Приежает он ко дому всё близёхонько,
 Привезал-то он коня своего доброго,
 Ко тому ли привезал коня-то к золоту кольцю,
 Принасыпывал пшеници белояровой.
 Тут выходит к ёму да на красно крыльце,
 75 На красно крыльце выходит красна девиця:
 «Ты-ка здрастуй-ко, дородней доброй молодець!»
 Проходи ко мне в полатушки высокия,
 У миня-то ведь дом велик всё со полатами».
- И спросил у ей Илья-та ведь свет-Мурамець:
 80 «Уж ты гой еси, душа ты красна девиця!
 Из каких ты родов, да ты всё здесь живёшь:

- Из королевських ли родов, али из княженьских?»
 Тут ответ скорó держала красна девица:
 «Не могу тебе сказать, вскорí поведати,
 85 Я тогда тебе скажу, когда я замуж за тебя пойду».
 Ай заходит он в её да всё полаты-ти,
 Она садит ёго Илью за дубовы столы,
 А пойт-то его водками всё разныма,
 Она корьмит его кушаньём да ествами сахарьныма:
 90 «Уж ты пей, кушай, жених мой наречённой ты!»
 Говорит-то тут Илья да Илья Мурамец:
 «Ты мне дай-ко-се свои-ти золоты ключи,
 Обхожу-ту я по всем твоим покоям-то,
 Я по всем твоим полатам белокамянным,
 95 Я тогда-то ведь тебя да за себя возьму».
 Пристыгает тут Илью да ноцька тёмная,
 Ноцька тёмна пристыгает, ноць осенная.
 Как лёжит девица душа красная
 Шьчо на ту ево кроваточку тисовую,
 100 Шьчо на ту ли на периночку пуховую.
 Говорит она сама всё таки реци:
 «Ты лёжись-ко-се, лежись, да ты как мой жених,
 Я сама-то всё тебя возьму, окутаю».
 Говорит-то Илья Мурамецъ таковы реци:
 105 «Повались-ко-се сама да на кроватоцьку».
 Он увидел, шьчо у ей есь злы всё помыслы:
 Уходить она желат да Илью Мурамця.
 Он немного съ ей тут всё да розговаривал,
 Захватил-то ей за девью за русу косу,
 110 Он откинул взял перину всё пуховую,
 Он кинал-то ей во погреб во глубокой-от.
 Кто не толкует — повалитьце, тот и там упал,
 Там наставлены у ей да всё востры копя,
 Нагублено там ведь много душ напрасных-то:
 115 Из худых-то ес(т)ь родов, много хороших ес(т)ь,
 Кто ведь мимо попадёт эти копя, дак тот живой сидит,
 Кто на копё-то попадёт, дак тот приконьчитцэ.
 Закрычали вси многі там люди добрыя:
 «Шьчо сама она летит, ведьма проклятая!»
 120 Ай нашол ведь Илья Мурамец да всё ключи у ей,
 Отмыкал-то он ведь дьвери всё у этой тёмници,
 Он скрыццал-то богатырьским своим голосом:
 «Тóко есь хто живой, токо живёхонёк,
 Из многіх токо из вас, всё людей добрых-то,

- 125 Вы примайте са́му ведьму на востры́ штыки».
Тут народ-то православной вси Бога прославили.
Говорит-то Илья да Илья Мурамець,
Илья Мурамеч, всё сын Иванович:
«Выходите-ко вы все на улочку,
- 130 Поежайте-ко-се вы вси да по своим селам,
По своим селам, хто и по городам».
Тут напехано у ей, выходит сорок всё царей,
Сорок царей, всё царицей,
Ай выходит сорок королей-то тут,
- 135 Сорок королей, всё королевичей,
Сорок князей, всё княжечичей,
Как да черного-простого тут народа цисла-смету нет.
Все поехали они всё по своим местам,
По своим-то по местам, разным по городам,
- 140 Да ведь тут они прирзехались.
Он обцистил ту дорожку прямоезжую.
Да поехал Илья Мурамець, да сын Ивановичь,
Он поехал в ту дорожку, где живу́ не быть.
Ай приехал, он ведь день ехал всё до́ ноци,
- 145 Он завидел Соловья сына Рахматьевича,
Шьчо сидит-то Соловей да на семи дубах,
Сам крычит-то Соловей по-соловьиному,
Сам шипит-то он, собака, по-змеинному,
Сам ревет-то он, проклятой, по-зверинному.
- 150 Приезжает ведь Илья близким-близехонько,
Он стреляет, всё он стрелоцькой калёною,
Ай ушла-то ёму стрелка всё во правой глаз,
Обошол-то Соловей кровью горячою,
Тут ведь падал Соловей Рахматович да на сырú землю,
- 155 Мать сыра-та ведь земля да потрясаласе.
Тут ведь брал ёго Илья да Илья Мурамець,
Привезал он ёго да ко добру коню,
Он повёз-то Соловья да всё Рахматьевича
Мимо свой ли-то ёго высок терём.
- 160 Тут увидела ево да доць-та старшая,
Говорит-то своей да рódной матушки:
«Наш ведь батюшко едет, мужика везёт».
Говорила ей да рódна матушка:
«Как мужик-от ведь едет, везёт батюшка».
- 165 Она кланеитце, Соловьёва молода жона,
А тому она Ильи да Ильи Мурамцю:
«Ты возьми-ко у мня мису красна золота,

- Ты возьми у меня другу хоть цїста сѣребра,
 Ты возьми у меня третю-ту скатна жемцюга». —
- 170 «Мне не надобно твое да красно золото,
 Не возьму я у тебя да цїсто сѣребро,
 Не возьму я у тебя да скатна жемцюга».
 Тут ударила-то палицѣй тяжолою —
 Палиця была у ей в сорок пуд —
- 175 Как ёго-то ведь доць да Соловьѣва-та,
 Нев(з)нацѣй она его ударила.
 Цють не пал-то доброй молодець с добра коня,
 Цють не выпал из седельшка да кипарисного.
 Как ведь он-то тут, Илья, да скоро соходил он со добра коня,
- 180 Он хватал-то свою саблю вострую,
 Он отьсек-то взял у ей да буйну голову.
 Сам поехал-то в красен Киѣв-град,
 Он повѣз-то Соловья да в красен Киѣв-град.
 Ай приехал он ко князю на широкой двор,
- 185 Да оставил Соловья-та всё Рахматьѣвича,
 Он оставил ёго на широкѣм дворе.
 Сам заходит во полаты белокамянны.
 Ай у князя у Владимира всё пир идет,
 Ишше пир-от идѣт, всё пир на радосьти.
- 190 Говорит-то тут Илья да таковы слова:
 «Уж ты гой еси, ты красн нашо солнышко,
 Ты Владимир, ты князь да славной киевской!
 Я общистил ту дорожку прямоезжую,
 Я привез-то Соловья, привѣз Рахматьѣвиця,
- 195 Мы как шьто будем теперь да над им делать-то?
 Нать отсеци у ёго да буйна голова».
 Как пошли-то тут смотреть ведь Соловеюшка Рахматьѣвича:
 Запеклисе у ево уста кровью горецѣю.
 Говорит-то князь Владимир таковы речи:
- 200 «Ты ведь спой-ко, Соловей, по-соловьинному».
 Отвечает Соловей, ему ответ держит:
 «Не твоѣ-то ведь я пью, да всё я кушаю,
 Не тебя-то ведь, князь, я буду слушати —
 Я ведь пью-то, кушаю всё Ильи Мурамця,
- 205 Я ёго-то ведь всё, я буду слушати».
 Розрывал скорѣ Илья-то у ево всё кровь горяцюю,
 Наливали ёму цяроцьку всё зелѣна вина,
 Зелѣна ёму вина всё полторы ведра,
 Выпивает Соловей Рахматьѣвич еднѣм духом.
- 210 Говорит ёму Илья ведь таковы слова:

«Токо будешь, Соловей Рахматьёвич, ты меня слушать тут,
 Я ведь буду тебя да всё поить, корьмить,
 Будём ездить заодно со мной в чистó полё,
 Сосьвисьти-ко, Соловей, да ты ведь в полсвиста,
 215 Уж ты в полсвиста свисьни по-соловьинному».
 Сосьвисьтел-то он, собака, он ведь всим свистом.
 Тут народ ведь, люди добры испугалисе,
 Испугалисе они, всё с ног попадали.
 Не можот унеть ёго всё Илья Мурамецъ —
 220 Он отьсек взял у его тут буйну голову.

№ 60

Ише жил-то был Илья да Илья Мурамецъ,
 Ише ездил Илья да по чисту́ полю,
 По широкому ездил да по роздольицу.
 Он наехал-то к трем же всё дорожечкам,
 5 И к трем наехал да ко расстанюшкам.
 У росстанюшок стояло три железных-то столбика,
 На етих столбиках было всё подписано:
 «Прямо ехать да быть-то богату быть,
 Вправо ехать да всё жонату быть,
 10 Влево ехать да всё убиту быть».
 Призадумалсе старой-от седатой-от,
 Ише тот ли богатырь, Илья Муромецъ сын Иванович:
 «Мне-ка, братцы, да во чистом-то полюшке была смерть не писана,
 Мне святыма ангелами было всё предсказано».
 15 Он же думал, сидел да на добром кони,
 На добром кони сидел да на богатырском же:
 «Я поеду разве, старой-от, седатой-от,
 Где женату да мне-ка съездить всё узнать надо,
 Я поеду попроведаю да во ту дорожочку».
 20 Тут поехал старой-от, седатой-от,
 Ехал он же не малое же время-то,
 Приезжает — королесьво стоит очунь-от прекрасное,
 Приезжал-то ко терему он королеському,
 Выходила на крыльцо да королева-то прекрасная,
 25 Она кланялась же старому-седатому низехонько:
 «Уж здрастуй-ко, здрастуй-ко, доброй молодець,
 Ты могучой, славной руськой богатырь же,
 Ты по имени Илья да сын Иванович,
 Приходи же ты ко мне в мои покои королевские».

- 30 А проводила Илью премлада́я да королевисьня
В свои-то она в полаты в королевские,
<О>на садила Илью да на диваны-ти заморски-ти да на ковры его,
На дорогие-то ковры заморские,
И ко столичку садила она да всё ко окольному,
- 35 За салфеточку садила за шелко́вую,
За шелко́вую салфеточку заморскую,
И угощала Илью она кушаньями всё сахарныма,
И дорогима-ти напитокками всё заморскимма.
Наливала ему чарочку да золоченую,
- 40 Золоченую чарочку да королевскую,
И дорогого напитокку заморского,
Подносила ему да низко кланялась:
«Уж ты могучой ты славной русьской же богатырь же,
А Илья ты да свет Иванович,
- 45 От меня же ты чарочку да кушай королевскую».
Ише брал Илья чарочку да в ручку правую,
Он не пил же чарочки да под стол же лил,
А не видела всё премлада́я да королевисьня,
Она думала, что же он выпил ей.
- 50 Наливала она чарочку да во второй же раз,
Подносила же чарочку опять да Ильи Мурамцу,
Она кланялась ему да всё низехонько:
«Уж ты кушай-ко от меня, да доброй молодець,
Ты могучой же русьской же богатырь же,
- 55 А дорогого напитокку заморского».
Принимал Илья от премладо́й королевисьны,
Принимал же он правой рученькой,
Уж он пить он не пил, всё сам под стол же лил,
Она думала, что он выпил же.
- 60 И наливала премлада́я да королевисьня
Опять чарочку свою да золоченую,
Золоченую чарочку да королевскую,
Подносила Ильи да Ильи Мурамцу.
Он брал Илья у премладо́ю да королевисьни,
- 65 А он брал же ету чарочку да во праву рученьку,
И он не пил-то дорогого напитку заморского,
А выливал же он под стол да всё до доньшка.
Не знала премлада́я да королевисьня,
А что она думала Илья да всё же пил же у ей.
- 70 И говорила тогда премлада́я королевисьня:
«И уж ты ой еси, Илья да Илья Мурамецъ,
И не желаешь ты со мной да ночку ночевати же,

- И на моей ли ты полати королевьскою,
И на моей ли ты на кроватушки на кисовую?
75 И на моей ли ты на перинушки на пуховую?»
И говорил тогда Илья-то да Илья Мурамець,
Илья Мурамець говорил да сын Иванович:
«И ты ложись-ко ты наперед, прекрасная королевисьня,
Э и на кроваточку вались да на кисовую,
80 А на периночку ложись ты на пуховую».
А премладая прекрасная королевисьня
Не ложится она на кроваточку,
На кисовую на перинушку на пуховую.
Говорила премладая королевисьня:
85 «А и ты ложись-ко-се наперед же, сам богатырь же».
Тут же брал Илья же Мурамець,
Уже брал и скоро прекрасную королевисьню,
Уже брал он в охапochку,
Он кинал ей скоро на кроваточку,
90 И на ту ли на кроваточку на кисовую,
И на периночку кинал ей на пуховую,
Полетела скоро прекрасная королевисьня,
Полетела она скоро в испод же она,
Она на те ли полетела подкопы глубокие,
95 Она на те ли полетела копя на вострые,
Там кричали, что «летит, ребята, сама прекрасная королевисьня».
Над кроватою-ту прямо весли спицьки же,
А и как весли-то ключи да золотые же,
И он же брал Илья, Илья да же Мурамець,
100 И брал он со спицьки ключи скоро золотые же,
Он пошел скоро, спускалсе по лесенкам,
И он по тем ли по калидорам пошел королевским же,
И он по лесенькам спускалсе всё в испод же он,
И нашел он тут же подкопы глубокие,
105 Он нашел тут замки заморские,
И отмыкал скоро ключами золотыма же,
И отпирал же он скоро двери же на́ пяту.
Как народу-ту сидело тут бесцисленно,
И как премладых-то сидело всё королевиейей,
110 И премладеньких сидело всё царевицейей,
А што хресьяньского народу сидело православного.
И говорил тогда же им да Илья Мурамець,
Э Илья Мурамець же говорил да сын Иванович:
«Э уж теперь вам, братцы, воля-та, воля вольная,
115 И хоть подите вы теперь домой на свою родину,

И вы берите-ко добрых коней своих же всё,
 И вы садитесь-ко на их да поезжайте же,
 И ко своим вы ко отцам да ко матушкам,
 Ко своим вы поезжайте к молодым жонам,
 120 И молодым жонам да к малым деточкам»,
 И как-от взял он тогда копыце же вострое,
 И брал он взял же в руки свою палицу булатную,
 И он отсек у прекрасной у премладою королевисьни,
 Он отсек у ей-то взял да буйну голову,
 125 Э и тогда взял он ей зажог да всё королевьво же,
 Э и не королева-та была да всё прекрасная,
 А ето была-то всё же ведьма, эмея проклятая,
 А наводила она красоту на себя прекрасную,
 И она прельшшала-то премладых-то королевией,
 130 И она премладеньких прельшшала да всё царевицей.

№ 61

А и как поехал Илья Муромец из Киева,
 А и он поехал-то ко каменю ко Латырю,
 Как к тому ли всё к колоделку к студеному.
 А и как поехал Илья Муромец к каменю ко Латырю,
 5 А и как объехал вси-ти знаменá богатырьские,
 Осмотрял-то вси дорожечки прямоезжие,
 Просмотрял-то Илья Муромец со вси четыре стороны.
 А и как увидел он приметочку очунь чудную,
 Очунь чудную приметочку, очунь дивную.
 10 А и вот поехал он на ету на приметочку:
 «Ты беги, беги, мой конь славной-от Белеюшко,
 А поскорé-то ты беги да поскорé скачи».
 А и как пеньицо-кореньицо ломаитсе,
 Ишше пыль-то ведь с дорожечки дымиласе.
 15 А и скоро приехал Илья же ко приметочки,
 А и вот приметочка была, да тут ведь столб стоял,
 А и на столби былó ведь, скажóm, подписано,
 А и вот подписано на столбички, срисовано:
 «А и во праву ехать, тут женату быть,
 20 А во леву дорожку ехать, тут богату быть,
 А во пряму-ту ехать, всё убиту быть».
 А и сидит Илья-то ведь Муромец, призадумалсе,
 Призадумалсе сидит же, призамолкнул-то,
 А и вси же думушки передумал-то,

- 25 А и все же мысли перемыслил-то:
 «Много ездил я же по темным лесам,
 По темным лесам да по крутым горам,
 Много ездил зелёненькими я лужочками,
 А и много ездил я травую да муравую-то,
- 30 А и почему я ведь на ету на дорожечку не заезживал?
 А и почему на етой чудной я не гуливал?
 Если правда на столби да есь записана,
 Если ангелы писали светы-хранители,
 То ведь надо думать, что справедливо есь.
- 35 А если мудрые люди записали-то,
 То ведь много было, скажем, верности.
 Если в омmani люди писали да оммануть хотят,
 Мне-ка не честь бѹдет да богатырьская,
 Не похвальба да молодецкая,
- 40 Что я ехал на приключениях, не доехал-то.
 Как у нас во книгах чудных-то
 А и как записано же всё у нас написано,
 А и все законы-ти, обычьи приросписаны,
 А и шшобы было всё у нас да не в омманах-то.
 (Где же у другого така склонность?)
- 45 А тебе, Белеюшко, скажу, да слово молвлю я,
 А и ты в дорожечках, в путях да мне помошничок,
 А и поедем всё же, Белеюшко,
 Где женату быть да подписали-то.
 А и мне-как ангелы-хранители сказали-то:
- 50 „А и как на тебя, Илья Муромец, судьбы же нет,
 А и как судьбы тебе-то нет да всё женитисе.
 А и как теперече приводитсе да мне женитисе”».
 А и поворачивал Илья тогда добра коня,
 Он поехал-то во правую дорожечку,
- 55 Он ехал дальнею чистою,
 Он цветами ехал всё растушшима.
 Увидел-то тут Илья да Илья Муромец,
 Тут-то зарево увидел очунь чудное.
 И поехал он, ехал, ехал он,
- 60 Увидал-то дом в садах стоит,
 И приехал он ко терему высокому,
 Тут стоял-то тут тын украшоно.
 И он стучал-то тут у ворот.
 Он раз стучал, другой раз, третей стучит.
- 65 И выходила-то девица прекрасная.

«Ты с кем живёшь?» — спросил Илья Муромец. Теремом назвать ее дом — велик весьма, а городом назвать — мал. И завел Илья Муромец коня, надавал ему пшеницы белояровой и напоил его водой медовою. И сам Илья Муромец не малó пил и ел, водочки пил заморские и ел кушанья сахарные. И хотела его повалить на кровать тисóвую, на перинушку пуховую. А он валиться не хочет. ⁷⁰ (Она была из хороших родов, а она ушла жить в этот дом, потому что не могла перетерпеть лихой мачехи.) Илья Муромец кинал ее на кроваточку тисóвую, на периночку пуховую. И упала сама она в подвалы в глубокие. И скрычали там люди: «Сама летит!» И он нашел фонарь и отомкнул погреба глубокие и зашел к ей в погреб и как хватил ее саблей вострою, а очудилась ведьма. И он велел всем взять, кому надобно, красна золота и чиста сéребра и сожог ее дом. ⁷⁵ А сам подъехал к тому столбу и переписал слова на столбу, что неправда та: ездил в правую дорожку и не был женат; что ведьма навела ету надпись своим лукасьвом!

АЛЁША ПОПОВИЧ УБИВАЕТ ТАТАРИНА (№ 62—63)

№ 62

Ай во славном-то было-то в прекрасном Острови,
 Во прекрасном-то было, славном городи,
 Там два ясного два сокола вылётыват,
 Выежают два дородня добра молодця,
⁵ Вы два руського могучого богатыря:
 Во первьих-то всё Олешенька Левонтъевич,¹
 Да Левонтъевич Олешенька Поповиць млад,
 Во вторых-то ведь крестóвой ево братёлко
 Ишше тот ли Еким да всё Ивановичь.
¹⁰ Они едут, едут братьича крестовыя,
 Они бок ведь ó бок ведь едут, плещё ó плечо,
 Нога ó ногу гуляют, стремя ó стремя,
 Да поехали они-то в три дорожки прямоезжи,
 В ту дорожочку поехали, к чистú полю,
¹⁵ Они ехали по пóлю, полю чистому,
 Нечево совсем во пóли не наехали:
 Шьчо не гуся-та они, не белой лебеди,
 Не какого они зьявря-та рысушого,
 Да рысушого зьявря, всё бегушого, —
²⁰ Только наехали два братёлка крестовыи
 Во чистóm они поли всё сер-горюць камень.
 Говорил-то Олешенька Поповиць млад,
 Шьчо Поповиць млад Олешенька Левонтъевич,
 Говорил своёмu брателку крестовому,
²⁵ Шьто крестовому он братёлку, названому,
 Ай тому ли он Екиму всё Ивановичу:

- «Уж ты гой еси, крестовой ты мой братёлко!
 Ты смотри-ко, смотри грамоту, прочитывай»,
 Он смотрял-то скоро грамотку, прочитывал,
 30 Как написана была-то грамотка словами золотыма всё.
 Говорил-то он крестовому всё братёлку
 Богатырю Алёшеньки Поповичу:
 «Прочитал я, рассмотрял всё эту грамоту,
 Всё росписаны дорожоцьки да прямоезжия:
 35 Как перва́ лежит дорожка прямоезжая,
 Шьто во тот она лежит, лежит во Муром-град,
 Как втора лежит дорожка прямоезжая,
 Шьчо во тот лёжит она Цёрнигов-град,
 Шьто третья́ лежит дорожка прямоезжая
 40 Она прямо во славён, красён Киев-град,
 Ко тому ли всё ко князю ко Владимиру». Говорил-то тут Еким да всё Ивановиць:
 «Ты подумай-ко, крестовой ты мой брателко,
 Нам куда-то теперь ехать, куда путь держать?»
 45 Говорит ему Алёшенька Левонтьевич:
 «Мы поедем, братёлко, топерече в чисто́ полё,
 Ись циста́ поля поедем в красен Киев-град». Недалече во чисто́ полё подъехали,
 Сходили добры молодци да со добрых коней,
 50 Шьчо спускали своих-то коней добрых тут,
 Шьчо спусьтили они коничков да в зеленá луга,
 Зелены́ они в луга, хоть ко Офра́к-реки. Ишше сами они ставили белы́ шатры полóбтъяны,
 Повалились во белы́ шатры да всяк во свой шатёр.
 55 Тут не съпитьце-то Алёшеньки Поповичу,
 Он не съпит, всё не съпит, сам больше так лежит.
 Пробужаице поутру он ранёшинько,
 Он свежо́й водой ключо́вой умываитьце,
 Тонким белым полотеньчом утираитьце,
 60 Он ведь молитце на восток сам Богу Господу,
 Сам пошол же в ту он сторону, всё ко Офра́к-реки.
 Тут идет к ему калика перехожая,
 Перехожа-то калика, переброжая,
 Говорит ёму калика перехожая:
 65 «Уж ты здрастуй-ко, дороднёй доброй молодець,
 Ише руськой сильнёй ты могуцей же богатырь ты!»
 Говорит-то тут Алёшенька Попович млад:
 «Уж ты здрастуй-ко, калика перехожая,
 Перехожа ты калика, переброжая!»

- 70 Удивляйтесь Алѣшенька тому диву:
 На калики-то ведь на ногах полапотьки
 Как рошшиты, всё сыплетѣны ись семи шолков,
 На калики-то всё шуба соболинная,
 Соболинная шуба, долгополая,
- 75 На головушки шляпа сарачиньская,
 Сарачиньская шляпа Земли Греческой,
 Как ведь маленъко личѣ ево да с цистым сѣребром,
 Подбородок с барадой-то у ево, увито красным золотом,
 Шѣпальга подорожная у его в руках ише в тридцетъ пуд,
- 80 Как облита у ево да съвинцѣм греческим.
 Говорил-то он таковы речи:
 «Шьчо не ты ли, доброй молодець,
 Шьчо не ты ли ведь Алѣшенька Поповиць млад?
 Я ведь шол-то как севодьне по чисту полю,
- 85 Я ведь видел-то севодьне чудо чудноѣ,
 Чудо чудноѣ севодьне, диво дивноѣ:
 Ишше еъдит по чисту полю Змеишшо всё Тугаришшо,²
 Ишѣ конь-от под им да будто зъверъ страшноѣ,
 Он ведь Змеишшо-то Тугаришшо —
- 90 Три сажѣни-то больших печатных,
 Как переносѣ ево будто палка дровоколья,
 Как ведь у ево на себе-то платьѣ было цвѣтного,
 Ише платьица на ём да на сто тысецей,
 На добром кони убор — дак цѣны нѣ было,
- 95 У коня-та ведь из ноздрей дак искры сыплютьѣ,
 Ише из роту ведь у коня дак пламя пашот тут».
 Говорил-то тут Алѣшенька Поповиць млад,
 Шьчо Поповиць млад, Алѣшенька Лявонтьѣвич:
 «Уж ты дай-ко, дай мне-ка, калика перехожая,
- 100 Перехожа ты калика, переброжая,
 Мне-ка дай-ко ты калицьѣ платьѣ цвѣтноѣ,
 Надевай-ко ты моѣ-то всё ведь платьицѣ».
 Они скоро тут с каликой-то переменилисе.
 Говорит ише калика-та Олѣшеньки Поповицю:
- 105 «Ведь крыцит ишѣ Зьмеишшо-то да во всю голову:
 „Етот где же ес(т)ь Олѣшенька Поповиць млад?
 Я его буду не битъ ево, не учити,
 Розорву ево возьму я скоро на́двоѣ”».
 Наредилсѣ он в каличьѣ платьѣ в чѣрноѣ,
- 110 Взял он в руки шепальгу подорожную.
 Он приходит ко Зьмеишшу-ту близѣхонько,
 Он крыцит ёму Зьмеишшо во всю голову —

- Мать сыра-та ведь земля да всё колыбитьце:
 «Не видал ли ты, калика перехожая,
 115 Тут не ездит ли Алёшенька Поповиць млад?»
 Говорит-то тут калика перехожая:
 «Не видал ведь я Алёшеньки Поповиця,
 Ты крыщи мне-ка, Зьмей, пушше, шьтобы слышал я,
 Нечево-то я теперь да всё не слышу ведь,
 120 Я не слышу-ту, не вижу я рецей твоих».
 Тут поверил-то Зьмеишо калики, шьто таки реци,
 Он походит-то к калики он близёхонько.
 Он ведь хлопнул шелапыгой подорожною
 Он по той ли по его-то всё по головы,
 125 Тут свалилсэ Зьмей Тугарин со добра коня.
 Он садилсэ-то ему всё на чорны груди.
 Тут Тугарин ведь ему, Зьмеишшо, взмолитсэ:
 «Уж ты гой еси, калика перехожая,
 Перехожа ты калика, переброжая!
 130 Шьчо не сам ли ты — Алёша всё Поповиць млад?
 Ты спусьти меня, спусьти да ты живого всё». —
 «Не спущу-то я тебя на свет живого тут».
 Отрубил он взял, отсек да буйну голову,
 Наредилсэ всё Тугарина да в платьё в четное.
- 135 Он садилсэ на его всё на добра коня.
 Ишше платьё у ево ведь было на сто тысецей,
 Ай убор-то у коня-та — цёны не было.
 Он поехал тут ко братёлку крестовому,
 Ай к тому ли он к Екиму-то Ивановичу.
- 140 Тут увидел ево братёлко крестовой-от,
 Он ведь думат — едет Зьмей Тугарин сам,
 Он наладил всё свою да стрелочку калёную,
 Он стрелял-то всё в Алёшеньку Поповиця,
 Он свалилсэ тут Алёшенька с добра коня.
- 145 Он отьсек взял у ево всё буйну голову,
 Отдирал-то он сь его да платьё цьветное,
 Он увидел на грудях ево да золотой-то крест:
 «Охте мне-ценько теперече тошнёшенько!
 Я убил-то своего брата крестового».
- 150 Говорил-то тут калика перехожая:
 «Ты не плачь, не плачь, Еким да ты Иванович,
 Не груби своего серьца богатырьчкого —
 У мя ес(т)ь-то ведь с собой жива вода и мёртвая,
 Оживлю тебе я братёлка крестового,
 155 Я того тебе Алёшеньку Поповиця».

- Избрызгáл-то он ведь тело всё Алёшеньки
 Шьто сбрызгáл-то ведь калика водой мёртвою,
 Поливал-то он да всё живой водой:
 Ото сну как будто молодець да пробудилсэ тут.
 160 Они сели на добрых коней, поехали,
 Как поехали они да в красен в Киев-град.
 А Алёшенька поехал на кони да на Зьмеёвом-то,
 Ай калики отдавал он своего коня.
 А приехали они да в красен Киев-град,
 165 Шьчо ко ласковому князю ко Владимиру,
 Навезьли они от Зьмея злата, сѣребра.

№ 63

- Ишше было во городи Киеви,
 Шше у ласкового князя у Владимира
 Ишше было на дворе ведь три богатыря,
 Проживали всё у князя у Владимира,
 5 Оберегатели были красну Киеву,
 Шше тому ли князю всё Владимиру,
 Опраксеи-то же были королевисни,
 Как любимой-то ведь князёвой племянѣнки,
 Ишше дúшоцьки-то были Марфы Митрѣвны.
 10 Говорил-то тут казак да Илья Мурамець,
 Илья Мурамець, казак, да сын Ивановиць:
 «Нам ведь полно этта жить в красном Киеви!
 Мы поедѣм-ко, братцы, во чистó полѣ».
 Они скоро же тут да собиралисѣ,
 15 Ишше скоро они тут да отправлялисѣ,
 Ишше садилсѣ на добрых же на своих коней,
 На своих же коней на богатырьцьких,
 Приезжали они да во чистó полѣ,
 Розоставили шатры белополóтьняны.
 20 Они стали по чистú полю поезживать —
 Нечего же во чистóм поли не наехали:
 Не гусей-то, не лебедей,
 Не пернясцятых-то мелких они утоцѣк.
 Пристыгала их-то в поли ночка тѣмная,
 25 Ночка темна пристыгала, ночь осѣнная,
 Шчо по утру-ту было, утру ранному,
 По восходу-ту было сонця красного,
 По закату-ту было луны сьветлою:

- У того ли у старого стариньшины,
30 У того ли всё у Ильи, Ильи Мурамця
Как забил-то ёго конь да правой ножоцькой
Шчо о ту ли о матушку сырú землю,
Шчо о те ли всё о камешки о серыя.
Пробужаитце Илья ведь от крепко́го сну,
35 Он свежо́й водой ключовой умываитце,
Тонким, белым полотеньцём утираитце,
Он ведь смотрит во трубочку подзорную —
Там ведь ездит тотарин на добро́м кони,
Величиной-то ведь тотарин как сильнёй бугор,
40 Он ведь ездит, собака, похваляитце:
«Я приеду же, приеду ко белым шатрам,
Отрублю я, отсеку я буйны головы,
Роскинаю, розмечу я по чисту́ полю.
Я ведь тольке боюсь же старого стариньшины,
45 Я того ли ведь Ильи да боюсь Мурамця:
Шьчо гремит-то про него слава великая,
Розошлась же эта славушка по всей земли,
Шьчо ведь силой же Илья да весьма си́льнёй есь,
Во чистом же поли ёму смерть была не писана».
50 Говорит-то тут Илья да Илья Мурамецъ:
«Поезжайте-ко вы, братцы, попроведайте.
Я пошлю разьве Алёшеньку Поповича:
Ишше сила у ёго да не против людей,
Не против будет Добрынюшки Микитича».
55 Тут ведь скоро как Алёшенька собираитце,
Как садитце он ведь всё да на добра коня.
Они съехались с тотарином, ударились —
Ишше друг друга до-болька не ранили.
Ишше съехались они да во второй же раз,
60 Победил-то тут Алёшенька Поповиць млад.
Как упал-то тут тотарин на сырú землю —
Не доехал же до города до Киева,
Не доехал же, собака, он до князя до Владимира,
Как до душоцьки ведь Марфы, Марфы Митревны.
65 И скоро же они да собиралисe,
Как поехали они да в красен Киев-град,
Шчо ко ласковому князю ко Владимиру.
Как стрецяёт князь Владимир он богатырей,
Собираёт он на радости почесён пир.
70 Повелась ведь тут да славушка великая,
Как его-то цесь-хвала да богатырьская
О том об Алёшеньки Поповице.

№ 63а

♩ = 86

1. Иш-ше бы-ло во го-ро-ди во Ки - е - ве,

2. Иш-ше бы-ло у лас-ко-во-го у Вла ди - ме - ра

< 3. Иш-ше бы-ло на дво - ре ведь три бо - га - ты - ря

4. Про-жи - ва-ли всё у кня - зя у Вла - ди - ме - ра,

5. О - бе - ре - га - те - ли бы - ли крас - ну Ки - е - ву.>

АЛЁША ПОПОВИЧ И СЕСТРА ПЕТРОВИЧЕЙ-ЗБРОДОВИЧЕЙ
(№ 64—67)

№ 64

Да во славном во городи во Киеви,
 А у ласкова князя у Владимира
 Заводиласе пирушочька, почесен пир
 Шьто на многия кнезьей, на думных бояров,
⁵ Шьто на руських могучих на богатырей,
 Шьто на тих полениц на преудалыя,
 (*Женської род, богатырици, сшибались на поединки.*)

- Шьто на тих жа на казѧков на задоньския,
 Шьто на тех жа бурлѧков на московския
 И на тех на кресьян на прожиточния.
- 10 Красно солнышко катѧтце ко западу,
 Аѧ ко западу, солнышко, ко зѧкату,
 У Владимѧра-та пир идѧт на радосьти.
 Ишше все-ти на пиру сидя пьяны весело,
 Ишше все на пиру-ту да напиваючись,
- 15 Ишше на пиру-ту да наедаючись,
 Ишше все ведь на пиру-ту да приростахстались:
 Шьто иной-от сидит хвастаѧ золотой казной,
 Шьто иной-от сидит хвастат широкѧ двором,
 Шьто иной-от сидит хвастаѧ добрым конѧм,
- 20 Сидит глупой-о хвастаѧ(т) молодой женой,
 Неразумной-о хвастаѧ(т) родной сестрой.
 Да сидело два ведь братьицей Петровицей,
 Аѧ Петровици ети братьиця Збродовици.
 Да сидят они не пьют, сами они не кушают,
- 25 Ишше беленькой лебѧдушки не рушают,
 Аѧ сидят-то они, нечим сами не хвастают.
 Да Владимир-кнезь по гривнюшки похаживает,
 Он жолтыми кудерцями сам натрясыват,
 Ишше сам говорит он таково слово:
- 30 «Ишше вси-ти на пиру у мя пьяны, вѧсѧлы,
 Уж вы вой еси, вы братьеця Петровици!
 Сидитѧ вы не пьѧтѧ, нечего не кушайте,
 Уж вы беленькой лебѧдушки не рушайте,
 Сидѧтѧ, да нечим у нас не хвастаите?»
- 35 «Уж ты вой еси, Владимѧр стольней-киевской!
 Золотой казны у нас-то да не случилось,
 Именьиця при себе не пригодилося —
 Только ес(т)ь-то ведь у нас одна любимая,
 Любима есть у нас, одна да ес(т)ь сѧстрича
- 40 Ишше та же Олѧнушка Петровна-я.
 А сидит она у нас да в задней горьници,
 Шьтобы лишняя люди еѧ не зѧздрили,
 Шьтобы красное солнышко ю не зѧпекло».
 Говорил тогда Олѧшенька Поповиць сын:
- 45 «Уж вы вой еси, вы братьиця Петровици!
 Аѧ живу с вашей Олѧнушкой будто я муж с жоной».
 Ишше тим братьям речи-ти не в любви пришли,
 Показались за досадушку за великую.
 Говорил тогда Олѧшенька Поповиць сын:

- 50 «Вы подите-тко теперече к широку́ двору,
 Закатайте-тко-се ком снегу белово,
 Ай мечите-тко Олёнушки в окóлёнку —
 Ише сами вы увидите, шьто как будё<т> делати».
- Да пошли ети братьця к широку́ двору,
 55 Закатали они ком-то да снегу белово,
 Ише кинули в стекляну свою околенику.
 Увидала-де Алёнушка Петровна-я,
 Отпирала-де окошочько косисьчато,
 Выпушшала она беленько полотёнышко.
- 60 Увидали ети братьця да родимья,
 Ише сами говорили да таково слово:
 «Уж ты вой еси, Олёнушка Петровна-я!
 Наряжай-ко-се во платьце ты во чёрное,
 Повезём-то тебя на́ полё на Кули́ково
- 65 Да съсекём-то у тебя буйну головушку».
- Говорила де Олёнушка Петровна-я:
 «Уж вы вой еси, вы братьця мои родимья!
 Да не бойтесь-ко стыду-страму вы сестрина,
 Уж вы бойтесь-ко стыду-страму вы женаина:
- 70 У большого брата живёт жона с Добрынюшкой,
 У меньшого брата жона живёт с Перемётушкой».
- (Перемёта Васильевич.)
- Ише етому брата не поверили,
 Наредили ей во платичё во чёрное,
 Ай полóжили в кореточку во тёмную,
- 75 Повезли-то ей как на́ полё на Кули́ково:
 Ай хотят у ей отсеки буйну́ да головушку.
 Да во ту же де во пору и во время
 Ай поехал-де Олешенька Поповиць сын,
 Ай кричит-то он, зычит-то зычным голосом:
- 80 «Уж вы вой еси, вы братьця Петровичи!
 Ай не троньте вы Олёнушки Петровны-я.
 Вы не бойтесь стыду-страму вы сестрина,
 Уж вы бойтесь-ко страму-стыду вы женаина:
 У большого-то жона живёт с Добрынюшкой,
- 85 У меньшого брата жона живёт с Перемётушкой —
 Ише ходим мы все трое в одны гости».
- Ише взял-то Олешенька Поповиць сын
 Ай увёз-то Олёнушку Петровну-ю.

№ 65

- Ай во славном было городи во Киеви
 Да у ласкового князя у Владимира:
 Собирал князь Владимир-от всё поцесён пир
 Ай на тех ли на своих-то князей, на бо́яров,
⁵ Он на тех ли предводителей всё на верных,
 Собирал он тут на тех на энералов-то,
 На купцей на гостей на всех на торговых,
 На всех собирал всё людей прожиточних,
 На прожиточних собирал на всех хресьянушок,
¹⁰ Потому-то был назван у хрестьян прожиточных,
 Ише назван был красным у их солнышком,
 Всё ведь ласковым назван князём Владимиром,
 По ёго-то всё назван добродетели.
 Собирал-то могущих сильних богатырей,
¹⁵ Собирал-то два братёлка два Петровиця,
 Два Петровицей, братьицей Бродовицей.
 Ишше свётёл-от день пошел ко вецёру,
 Ай поцесён-от пир идёт навёсели.
 Ишше все на пиру да напивалисе,
²⁰ Ишше все на чеснóm да наедалисе,
 Ишше все на пиру да пьяны, вёсёлы.
 Ишше красно-то нашо было солнышко,
 Ище князь-о Владимир стольне-киевской,
 Он ведь ходит-то всё сам веселёхонёк,
²⁵ Говорит-то он и сам да таковы слова:
 «Уж вы кушайте, кушайте, пейте, ешьте вы,
 Уж вы пейте и ешьте, сами хвастайте».
 А богатой-от хвастат золотой казной,
 А богатырь-от хвастат могутой-силой,
³⁰ Ище глупой-от хвастат молодой жоной,
 Ишше умной-от хвастат родным батюшкой,
 Да разумной-от хвастат родной матушкой,
 А ведь хитрой-от хвастат родной сестрицой.
 Да Владимир-князь по полатушки всё похаживат,
³⁵ Он ведь белыма руццюшками розмахиват,
 Золотыма персьнями всё сам набрякиват,
 Он русыма кудрями скорó натрякиват,
 Ишше сам-то тому всё приговариват:
 «Удивляюсь двума братицям всё Петровицям,
⁴⁰ Всё Петровичам, братицям я Бродовичам:
 Почему же вы, братица, всё не хвастайте?»

- Говорят скоро братьича таковы реци:
 «Уж ты гой еси, красно ты нашо солнышко,
 Уж и ласковой князь да ты Владимир же!
 45 Ише нецим же нам да вóвсё хвастать-то,
 Ишше тем-то ведь разве всё мы похвастам-то,
 Да своей-то похвастам родной сёстрой,
 Ише душочкой Настасьей всё Петровной-то:
 Да сидит у мня сёстрыця родимая,
 50 Как сидит она в высококом-то новом тереми.
 Ай сидит она за многима за заморьскима,
 За заморьскима сидит она за замоцьками,
 Шьчобы красно ей солнышко не запёкло,
 Шьчобы буйныи ветры да не завеели,
 55 Шьчобы народ люди добрыи не увидели,
 Шьчобы руськии могуции ей богатыри,
 Все дородьни-ти ей добры молодцы».
 Тут скорёхонько ставаёт-то на ножки дородьней доброй молодець,
 Ишше руськой-от сильней-от всё богатырь-от
 60 Шчо по имени Алёшинька всё Поповиць млад:
 «Вы не хвастайте, два братёлка два родимого,
 Два Петровиця всё вы два Бродовиця,
 Вы не хвастайте родимой-то своей сёстрыцей:
 Хошь сидит у вас за крепкима за замоцьками,
 65 Шьчо поставлены крепки-ти верны караульшицьки,
 Нечево-то про то они не знают тут —
 Я хожу-то к родимой-то к вашей сёстрици,
 Я ко душоньки к Настасьи-то всё к Петровны-то,
 Я хожу-то к ей ведь я не по белым дням,
 70 Я хожу к ей в вецёрях, в полноць да ноцьки тёмною,
 Приду, брошу комоцик я снежку белого
 Во её косесцято во окошоцько,
 Отьпират мне-ка окошоцько всё косесцято,
 Запускат миня в окошоцько потихошеньку,
 75 Шьчобы не знали вы, братьиця всё Петровичи,
 Всё Петровичи, братьиця вы Бродовици».
 Ише тут-то ведь братьицям за беду сталó,
 За надсмешоцьку велику им показалосе.
 Они брали из нагалишша всё булатен нож
 80 Да кинали в Алёшеньку в Поповиця,
 Да Алёшенька был-то ведь всё хитёр-мудёр,
 Да Поповиць-от был у нас всё догадлив он:
 Он подвинулсэ во леву-ту он стороноцьку —
 Пролетел етот ножик у ёго о руцьку правую.

- 85 Тут скакал-то старая всё стариньшина,
Ише тот ли казак да Илья Мурамець,
Илья Мурамець всё да сын Ивановиць.
Он ведь скоро говорил-то им таковы речи:
«Уж вы гой еси, братьця Петровици,
90 Вы Петровици, братьча всё Бродовичи!
Не стыдитесь стыду, стыду, братцы, сестрина,
Не пристыдили шьчобы вас молоды жоны!»
Не досиживали тут всё пиру Петровици,
Они скоро брали-то шляпы со спичецьки,
95 Они скоро молились всё Богу Господу,
Они Матери Божьей да Богородицы,
Благодарили ведь ласкова князя-то Владимира
Со кнегиной с Опраксей-то с королевисьней,
Они князям, боярам низко кланелись,
100 Енералам-то всим они, предводителям,
Они всем-то могуцим да всем богатырям.
Они только сердиты-ти были на Олешеньку Поповица.
Приежают они-то всё к широку двору,
Их стрещают ведь ихны молоды жоны,
105 Говорят они им-то всё таковы речи:
«Уж вы шьчо вы сегодне, вы братьця Петровици,
Вы Петровици, братьця всё Бродовици,
Уж вы скоро приехали со цесна пиру?»
Как молчат они всё-то, им не сказывают.
110 Они скоро дожждались тут ноцьки тёмною,
Они стали-то к сестры всё к высóку терему,
Тут ведь пришло тому-ту в ноцьку времени,
Как пришли-то ведь братьця под окошоцько,
Как кинали комоцик снэжку белого.
115 Ише тут отпират скоро Настасьюшка окошоцько:
«Я прошу-то тебя-то, Олешенька Поповиць млад,
Шьчо зайди ко мне теперь во высóк терём
Шьчо попить-то, поесть мне с тобой, покушати,
У мя кушанье севодне всё приготовлено».
120 Тут нейдет к ей в окошоцько всё Олешенька.
Говорит-то она всё таки речи:
«Поцёму осердилэ ты на меня-то всё?»
Тут ведь скоро загремели замоцьки крепкия,
Как приходят родимы 'е¹ всё братьця,
125 Ише брали они всё ей за русу косу,
Да хотят ей вести-то ей во чисто полё,
Отрубить у ей по плець хотят буйну голову.

- Уж как вывели ей братья на широкой двор,
 Да Настасьюшка слёзно всё уливайтце,
 130 Как Петровна-то плацёт, как река идет,
 Как река-та идёт да как рудей бежит,
 Во слёзах-то говорит она таковы реци:
 «Уж вы гой еси, родимы вы милы братиця!
 Не можете миня вы скоро рубить-казнить,
 135 А не можно ли миня-то всё помиловать?
 Вы не бойтесь моего-то всё стыду сестрина,
 Вы побойтесь своего-то вы стыду женина!
 Росскажу-ту я про ваших молодых ведь жон:
 Не своим-то умом его я приглашала тут,
 140 Мне дозволили ваши всё молоды жены
 Пригласить мне-ка Алёшеньку-свет Поповиця,
 Потому они велели, шьчоб я вам не сказала про их:
 Вы постоите, покарауйте у своих у молодых ведь жон —
 (Как ведь старша твоя-та любит молода жона)
- 145 Изменили вас, братицей всё Петровицей:
 Как ведь старша-та любит Цюрила-света Плёнковиця,
 Как за то ево любит — за походочку,
 Как походочка ево да очунь модная.
 А ведь младша-та любит — скажу я тебе, братёлко, —
 150 Пересьмяки-то родимого всё племянницька,
 За ухватку ево любит богатырьскую,
 За красу-ту ево любит молодецькую».
 Ише скоро про то-то всё роздёрнулось,
 (розошлось по городу)
- Как доходит до Олешеньки Поповиця,
 155 Шьчо повозят Петровици роднү сестру,
 Шьчо отсékци хотят у ей буйну голову.
 Тут пришол-то Олешенька всё Поповиць млад:
 «Не секите-ко у Настасьюшки буйну голову,
 Вы отдайте-тко Настасьюшку за миня замуж».
- 160 Они скоро ёму ниско поклонилисе:
 «Ты бери-тко, Олешенька ты Поповиць млад,
 Ты бери у нас Настасьюшку с цести, с радости,
 Ты избави от стыду-ту от великого».
 Ишше тут ведь Олешенька поехал с Настасьюшкой во Божью церковь,
 165 Принимали они-то скоро закон Божий,
 Обдержали они скоро по злату венцу,
 Да повёлсэ у их тут пир на радости,
 Посьле етого пирү домой приежают тут.
 Как уехали Петровичи во чистó полё,

- 170 Испытать они хотят своих молодых всё жон.
Они жили во пóли трои сутоцьки,
Приежают в полноць-ту ноцьки тёмною:
У большой сидит Цюрилушко всё Плёнковиць,
У меньшей сидит Пересьмякин родной племянницёк.
- 175 Говорит-то Цюрилушко таковы реци:
«Уж ты гой еси, Пересьмякин всё племянницёк!
Нам ведь полно сидеть долго, проклаждатисе!
Мы гостим ведь, сидим у их третьи сутоцьки:
Не прошла шьчобы весть, не пронеслась-то ведь
- 180 Как до тех ли Петровицей до Бродовицей.
Мы пойдём-ко домой, разье станем собиратисе».
Говорят-то всё ихны молоды жоны:
«Не приедут сёгодня наши Петровици,
Не приедут сёводне наши Бродовици».
- 185 Как Петровици-Бродовици всё во ту пору —
Проговорили у их кони язЫком человеческим:
«Вам ведь полно, Петровици, спать в белЫх шатрах!
У вас в доми всё сделалось нешчасьицё:
Изменили ваши вас-то всё молоды жонЫ,
- 190 Пригласили к себе-то дружков милых:
Во перьвЫх-то Цюрилушко госьтит Плёнковиць,
Во вторых-то госьтит Пересьмякин млад племённицёк».
Недосуг тут Петровициям розговаривать,
Они скоро-то тут да всё поехали,
- 195 Как идут-то скорó они в новы горьници.
А Цюрилушко-то всё он был хитрóй-мудрóй,
Он хитрóй-от, мудрóй все был догадливой,
Он охвоць ходить за бабами был, за девками.
Он ведь скоро брал со спицьки пуховú шляпу —
- 200 Он услышал топот всё конину,у,
Он выскакивал косисцятым всё окошоцьком,
Он бежал-то Цюрилушко всё ведь Плёнковиць,
Он оставил перцятоцьки всё шолкóвья.
Пересьмякин-от был да всё племянницёк
- 205 Молодёхонёк был ише всё глупёхонёк,
Тот сидит-то, сидит, с има розговариват.
Да пришли-то всё братьиця тут Петровици,
Да схватали дородья-та добра молодца,
Как схватали ёго-то за белЫ руки:
- 210 Богатырь-от был-то всё пресильния —
Розмётал-то всех братьицей Петровицей,
Выбегаёт на ширóку-ту светлу улоцьку.

Они брали своих-то молодых всё жон,
 Как узнали Цюрилушка по перцятоцькам —
²¹⁵ Да срубили у их взяли буйны головы.
 С того горюшка было, ведь с той круцинушки,
 Шьчо лишились ведь города, славна Києва,
 Записались во город-от во Цернилов-от,
 Они стали поживать там, всё здрастовать.

№ 66

Был у князя у Владимира почестен пир. И были все князья и были боярушка на чеснóм пиру
 и богатыри. Все там гуляли, веселисе они, пьяны они да напивалисе,

Они вси на пиру да приросхвастались:

Кто добрым конем, кто, значит, золотой казной.
⁵ А сидя<т> братица Петровици-Збродовици,
 Они сидят да призадумались
 И не пьют, не едят, и не хвастают.
 И подходит к ним да князь Владимир:
 «Уж вы что же вы, братица Петровици,
¹⁰ Не пьете, вы едите и не кушаете,
 Што вы белой лебедушки да не рушаете
 И ницим-то вы сидите да вы и не хвастаете?»
 И говорит ему младший брат:
 «А чем бы нам тебе, князь Владимир, бы похвастати?»
¹⁵ Разве мы этим мы да ерником похвастам всё.

У нас ес<т>ь-то родна сестра. Сидит она в высоком тереме и ништо про ей не знает и не веда-
 ет, и вышивает она шелками дорогима ковры разные. И за трема дверемя она решесьцятима и за
 трема замками она великима. И у нас-то некто не знает про ей, што у нас ес<т>ь сестра.

²⁰ Подходит Алёшенька Поповиць млад и говорит он йим таковы речи: «Бывал я у ей во своей
 горенки!»

Родной ей брат бросил в его ножичком, не попал он в Алёшеньку Поповиць. И говорит
 Алёшенька Поповиць млад:

«Вы приедете к своёму широку двору,
 Уж вы киньте ком белá снежка в околнку
²⁵ И тогды-то вы всё да всё увидите.
 И тогды-то вы всё про ей узнаете».

Приехали они вецерком поздно. И бросил ком снежка белого малой брат в околнку. И отпи-
 рат она околнку, отпират и приговариват:

«Ах ты Олешинька ты мой Поповиць млад!
³⁰ Не ожидала я да дорогá гостя.
 У мя кушать нонце прохолонуло всё».
 И спускат она конець полотна на улицю

(Он по полотну лазил.)

Что братица родны да розгубилисе
И выривали тогды двери с ободверинами,
35 Выхватывали сестру да за руку, за ногу
И хотят у ей отсеки буйну голову.
А замолилась ему сестра жалобно:
«Уже вы братица вы да родимыя,
Вы не бойтесь-ка стыдú да стýду сестрина,
40 А вы побойтесь-ко да стýду женина.
Ише к вашим-то к молодым женам
А ездит-то к вам да старинышина,
А старýй козак да Илья Муромецъ».
(Ише к женам-то ездит!)

Тогды приехал-то к ней Алёша Поповиць млад:
45 «Не ссеките у ей да буйну гóловы,
А ише я-то ей взамúж возьму».

Это братица родимые опешили, что «уедем мы да во чисто пóлë, а к молодым женам-то ездит Илья Муромецъ». А они боялись Ильи Муромца — вся Россиюшка!

№ 67

А и как во славном-то было в городи во Ростови-то
У того ли у попа, отца духовного
Ишше было у его да чадо милоë,
Чадо милоë-любимое Алёшенька Поповиць млад.
5 Ездил Алёшенька Попович по чистú полю,
По широкому ездил да по роздольицю
На своём добром кони да богатырьском-то.
Он заездил по чистú полю поляковать,
А серых-то уточек стрелял же всё,
10 Ише белых-то он же всё лебедушок.
Он же рыцарь-от же был очунь пресильней-от,
И пресильней Алёшенька премудрой-от.
(М⟨арфа⟩ С⟨еменовна⟩: «Ты хошь богатыря препой,
был Алёша славно русьской богатырь».)
Ише ехал Алёша мимо славной Киев-град,
Мимо то подворьицо да княженеськое.
15 Призадумалсе Алёшенька Поповиць млад:
«Што я приворотил к князю Владимиру,
На почёсен пир идёт у князя всё Владимира
Для богатырей идёт для могучих-то,
Приворочу я ко князю ко Владимиру

- 20 На почесен пир да посидеть к ему,
 Посидеть, попить-то мне да всё покушати,
 Ише разных заморских водочек попить же всё».
 Поворотил Алёшенька да своего добра коня,
 Он добра коня да богатырьского
- 25 Он ко терему да княженеському,
 Он ко тому ли ко столбу да ко точеному,
 Ко тому ли ко колечушку да золоченому.
 Он скакал скорó да со своёго со добра коня,
 Брал за повóд его да за шелкóвой-от,
- 30 Он вязал за колечушко да золочёное,
 Насыпал добру коню пшеницы белояровой,
 Сам пошел скорó во грíны кнеженеськие.
 Его встречали, Олёшеньку, послы да кнеженеськия,
 Низко кланелись Алёшеньки Поповичу:
- 35 «Уж здрастуй, здрастуй же, могуч русьской же богáтырь-от,
 Ты Олёшенька да сын Леонтьёвич
 И проходи-ко-се скорó во гринь кнеженеськие,
 А у нас у князя-та Владимира да Святослаевича
 А пиры-ти йдут да всё на радостях,
- 40 И сидят ёго да дороги гостí очу́нь же важныя,
 Э и все могучи-ти славн́и русьски богáтыри».
 Заходил Алёшенька Поповиць скоро во гринú да княженеськую,
 Он же крест-от клал да по-писаному,
 Он поклон-от же вёл да по-учоному,
- 45 Он же князю Владимиру-та чес(т)ь-ту же всё воздал да низко кланялсе,
 Он во праву-ту ёго рученьку,
 А княгине Апраксеи-королевисьни
 Он ей кланелсе во ручку в левую,
 Всем могучим-то русьским богатырям да низко кланелсе,
- 50 Ишше всё-то да чес(т)ь им воздавал же он.
 И тут князь Владимир-от да Светослаевич,
 Он садил-то Алёшеньку Поповича,
 За столы садил же он да за окольния,
 За скатерти садил за бранья,
- 55 За ествы садил его да за сахáрныя,
 За напитокки садил дорогия всё заморския
 А попить, пойс(т)ь его да всё покушати,
 А ише белою лебёдушки порушати.
 Он садилсе Алёшенька за те столы окольние,
- 60 Он за те ли за скатерти за бранья,
 Он за те ли садилсе за ествы за сахáрныя,
 Он садилсе возле своего крестового да он же брателка,

- А к могучему руськóму всё богáтырю,
 Ко тому ли ко Ильи, Ильи ко Мурамцу,
 65 А ко Мурамцу Ильи к сынú к Ивановичу.
 <О>ни сидели пили, всё же кушали,
 А ише сладки-ти водочки заморски они пили же.
 Ише все-то на пиру досыта наедались,
 На почесном допьяна да напивались.
- 70 Ише тут же они все на пíру все рoсхвастались
 А и князю-ту же всё Владимиру,
 Владимиру князю да Святослаёвичу.
 Ише умной-от сидел хвастал да родным батюшкой,
 А разумной-от сидел и хвастал рóдной матушкой,
- 75 А не умной-от сидел хвастал да молодой женой.
 А как богатыри-ти хвастали свóей силой богатырьскою,
 А кто сидели хвастали своим именьицом-богасьвицом,
 Многочётненькой они хвастали да золотой казной,
 Ише хто сидел — хвастали добрыма конями богатырьскими,
- 80 Хто сидел, братцы, хвастал своей силой богатырьскою.
 Ише князь-от Владимир всё сидел послушивал,
 Всё послушивал же князь да всё поглядывал
 На йихны рассказы, розговоры-ти да богатырьския.
 А сам же князь Владимир всё да Святослаёвич,
- 85 Он ставал скорó со стула с княженеського,
 Он пошел по гринь скоро княженеською,
 Серебреныма подковочками всё приступывал,
 Золотыма же шпорами всё набрякивал,
 Он желтыма-ти кудрями всё рoстряхивал,
- 90 Он по гринь-то да всё погуливал,
 На окольни-ти столы да сам посматривал,
 На могучих-то русьских богатырей поглядывал —
 Ише хто же чем они же хвастали?
 И подходил-то князь ко столичкам окольним-то,
- 95 Он ко тем ли ко скатертям ко бранным-то,
 Он ко тем ли ко ествам всё ко сахарным-то,
 Он ко тем ли ко водочкам заморским ли,
 Он возговорил же князь да таковы́ слова:
 «Уж вы ой еси, два брателка родимые,
- 100 А родимы два могучих русьских два богатыря,
 Уж вы два же вы братицей Петровицей,
 А Петровицей же всё Сбродовицей,
 Ише что же сидитé у мя, у князя у Владимира,
 На пиру сидитé ницим не хвастаитé
- 105 Мне же, князю всё же Владимиру,

- Владимиру же мне да Святослаёвичу.
 Ише ес(т)ь чим вам, добрым молодца́м, похвастати,
 У вас чого в доми ес(т)ь у вас хорошого?»
 Тут ставали два же брателка родимые
 110 На резвы́ ногі они да всё скорехонько,
 Они кланелись князю же Владимиру низёхонько:
 «Уж ты ой еси, же князь ты наш Владимир же,
 Ты Владимир князь да Святослаевич,
 Уж ты знашь, што у нас домы очу́нь хорошиє,
 115 У нас именица-богасьвица да много есь,
 А многосчётненькой да золотой казны,
 У нас жоны очу́нь молоды,
 Нам похвастать да добрым молодцам,
 Нам могучим да всё русьским богатырям,
 120 Мы похвастам тебе, князь Владимир же,
 Мы родимой тебе да родной сестрицой,
 Ише той ли Святославой-ту Петровисьнёй,
 А Петровисьнёй же всё Сбродовисьнёй.
 У нас хороша сестриця наша родимая,
 125 А красота у ей очу́нь прекрасная,
 А умом-то у нас она очу́нь же умная,
 Уж как хитросью у нас очу́нь прехитрая.
 А у нас у сестрици родимую никто да ей не видывал,
 А нехто да ей, нашой сестрицы, не сматривал,
 130 Ише той ли Святославы той Петровисьны,
 Красно солнышко у ей да не пекёт никак,
 Буйны ветры ей белá лица не обдули-то,
 А часты дожжички да ей да лица белого не смóчили,
 А она сидит у нас, девица, родна сестрица,
 135 Ише та ли Святослава та Петровисьня,
 Во высоко́м-ту она сидит в новом тереми.
 У нас построен-то ей терем-от высокой-от
 А на тих ли на двадцати семи же столбичках,
 Ише на тих ли столбички же точены,
 140 Ишо точены были золоченья».
 Тут заслушал князь Владимир очу́нь он от йих же всё.
 А и ишше в том пиру сидел Алёшенька Попович млад,
 Во хмелю-ту Алёшенька повыпил сидел,
 Сам возгóворил Алёша таковы слова:
 145 «Уж ты ой еси же, князь Владимир же,
 А Владимир князь же Святослаёвич,
 Ты не верь-ко-се от Петровицей Сбродовицей,
 Они неправду тебе, князю, всё же сказывают,

- А у йих же сестра всё нехорошая,
 150 Нехорошая же всё да некрасивая,
 Уж я ежду к йихной рóдной сестрицы,
 Уж я ежду к ей всё в гости, посещшаю ей,
 Еще ту ли Светославу всё Петровисьню,
 А Петровисьню да всё Сбродовисьню.
- 155 А среди-то ежду к ей да ночки тёмною,
 Я сиж у ей да до утрика до ранного,
 До восхода-та сиж у да соньця красного,
 Я лёжу у ей да на кроваточки кисовою,
 Я на той ли на периночки пуховою,
- 160 Я челую, милую йихну рóдну сестрицу,
 Ише ту ли Светославу-ту Петровисьню».
- Тут Петровицям, братьциям Сбродовицям,
 За беду палó йим да за великую,
 За досадушку же показалосе да непомерную,
- 165 Они хватали скоро <о>ни да вострой нож,
 Они кинали скоро во Алёшеньку в Поповиця:
 «А и ты не хвастай-ко, не ври да нашой сестрицой,
 А и ты любимой нашой Светославой-то Петровисьной».
- А хватал-то нож скорó да Илья Муромець,
- 170 Илья Муромець да сын Ивановиць,
 Во свою-ту он хвátал ручку правою.
 И тут Алёшеньки да за беду пало,
 Тут Поповицю да за его стало да страху-ту,
 А правой рученькой Алёшенька помахивал,
- 175 А правой ноженькой Алёшенька потаптывал:
 «Ах вы Петровици, братья Сбродовици,
 Я скажу же вам да всю да сушшу правду-ту,
 А у вас-то ес<т>ь да жоны молоды взяты,
 Молоды взяты, <о>ни сгуляли у вас же всё,
- 180 А к одной-то ездит Пересмякин-от родной племянничок,
 А к другой-то ездит Пересчота-та племянничок».
- И тут Петровицам-то, родным братьциам,
 И за беду палось да им да за великую,
 За досадушку пало да за великую,
- 185 Што обнёс-то йих Алёшенька Поповиць млад,
 Он при князи-то обнес да при Владимири.
 Со стыду-ту они всё стали да на резвьí ноги,
 А со князём со Владимиром прошшались
 <О>ни во праву рученьку,
- 190 С княгиной Опраксеньей-королевисьной во левую,
 Со могучима с богатырьми рoспрошшались

- И пошли скоро да на широкой двор,
 Они брали своих добрых коней,
 Добрый коней брали да богатырских же,
 195 <О>ни заскакали на коней скоро да богатырских-то,
 <О>ни поехали-й из города-й из Киёва,
 От князя-та поехали да от Владимира
 Ко своим они ж домам да ко своим высоким теремам,
 И ко своим-то они да к молодым жонам.
- 200 Приезжали они да ко крылечушку да ко парадному,
 А и заходили-то скоро да на новы сени,
 Отпирала скоро свои да бни комнаты:
 У одной сидел в гостях да Пересмякин-от родной племянничок,
 И у второй жоны сидел да Пересчота-та племянничок.
- 205 Заходили тут Петровици-Сбродовици
 В<о> свои они в комнаты в высокия,
 Они брали своих молодых же жон,
 Они брали-то их да за русы косы,
 Повели-то они их да на добрых коней,
- 210 На добрых коней садили на богатырских же,
 Повезли-то они их на то полё да на Куликово,
 И они отсекли у их да буйны головы,
 Захоронили их во полё на Куликово.
 (Вот сколь яры были богатыри прежде!)
- Приезжали ко терему да к родимому сестрици,
 215 Ише той ли Светославы-то Петровисьни,
 Они стучалисе у ей у дверей же,
 Не отпирала она им дверей косисцатых,
 Они брали в ручки глызку снежку белого,
 А кинали ей да всё во стеночку.
- 220 А ише тут она услышала ихна родна сестрица,
 Ише та ли Светослава всё Петровисьня,
 Отпирала двери косисьцеты,
 Увидала она двух своих да родных братицей,
 Двух Петровицей же всё Сбродовицей,
- 225 У ей ухнуло да ретиво серьцо,
 А ишо чуть ли с ног не пала же.
 А и тут ее же братица да родные
 Заходили к ей во терем-от высокой-от,
 Ей же брать хотели за русу косу
- 230 И вести хотели во чисто полё да на Куликово,
 Отрубить у ей хотели буйну голову.
 В ту же пору, в то же времечке
 Как наехал-то да Илья Мурамецъ,

- Илья Мурамецъ наехал сын Ивановиць
 235 Со Алешенькой наехал со Поповицом,
 Захватил у братицей Петровицей
 Ише ихну-ту он да родну сестрицю,
 Ише ту ли Светославу-ту Петровисьню,
 Они не дали вести ей во чисто полё,
 240 Во чисто-то полё да на Куликово.
 Говорил-то же тут да Илья Мурамец:
 «Уж вы ой еси, да вы братица всё Петровици,
 Вы Петровици, братица Сбродовици,
 Не губите-ко вы своёй рódной сестрици,
 245 Ише той ли Светославы всё Петровисьни,
 Отдавайте-ко ей за Алешеньку Поповича,
 Отдавайте-ко ей всё в замужесьво,
 Вы прошшайте ей вины да виноватою,
 Ишо у бабы волос долгой, да ум короткой бывает!»
 250 И тут же Петровици-Сбродовици
 Пожалели они да родной сестрици,
 Им же страх напал великой губить им рódну сестрицю,
 Отдавали за Олешеньку Поповиця.
 (А тут я не знаю. Дале што было, Марфа?
 Я боле не помню. Годов тридцать не пела.)

МИХАЙЛО ПОТЫК (№ 68—71)

№ 68

- Как во славном городи во Киеви
 А у ласкова князя у Владимира
 А заводилось пиrowаньё-столованьицё, почёсэн пир
 А на своих-то князей, всё на бóяр жа
 5 А на руських на могучих на богатырей,
 На купцей, гостей торговья.
 А как красно-то солнышко идет оно на ёсени,
 А почесён-от пир идет навёсели,
 А как вси-то при пиру-ту сидят пьяны-вёселы.
 10 Как Владимир-от наш по гридни своей похаживал,
 А с ножки на ножку переступывал,
 А как белыма ручка́ми розмахивал,
 А жолты́ма-ти кудрями приростряхивал.
 А как сам он говорит да таковы речи,
 15 Таковы речи да таковы слова:

- «Уж ты гой еси, старб́й да ка́зак Илья Муромецъ!
 Я пошлю съездить в прокляту́ Литву
 А к тому-ту королю ко Прус(с)кому.
 Уж ты гой еси, Добрынюшка Микитиц млад!
- 20 Уж ты съезди-ко к королю-ту к Астрийському,
 Получи-тко у ёго пошлины за три годика,
 За три годика да сорок тысячей.
 Уж ты вой еси, Михайлушко ты сын Игнатъевич!
 Уж ты съезди-ко к королю ко Лиховиньському,
- 25 К Лиховиньському к королю, ко Шведському,
 Получи-ко дани за три годика,
 А-то получи всего да сорок тысячей».
 Как ставали тут богатыри да на резв́и ноги,
 А молились они Спасу́ Пречистому,
- 30 А прошшались они со князем со Владимиром
 Да во ту же всё во рученьку во правую,
 А седлали, уздали добрых коней,
 Они скоро, лёкко скакали на добрых коней.
 Они видели-то добрых молодцов на добрых коней сежаючись —
- 35 А не видели ихной поездки богатырскойъ поезжаючись.
 Ехали из города не воротами не широкима,
 А скакали через стену городовую,
 А через високу башню наугольную.
 А только видели — в чистом-то поли курева́ стоит,
- 40 Курева стоит, да только три столба столбит.
 Они ехали перьвой день с утра до вечера,
 На второй — наехали на ростанюшки великия,
 А на ти жо на три широки дорожочки.
 Одержали они тут скоро добрых коней,
- 45 Соходили они со добрых коней,
 Розоставили-то три шатра полотняных,
 А как сами ведь в шатри они спать легли.
 А как по утру, утру раннему,
 По восходу-ту было соньча красного
- 50 А ставал-то государь да Илья Муромецъ:
 «Вам полно спать да пора ставать!
 А ведь надо нам ведь путь дёржать».
 Как от сна тут добры молодцы да пробужались,
 Выходили они да из белых шатров,
- 55 Умывались они свежо́й водой ключёвою,
 Утирались они белыми да полотеньцами,
 А молились они сами Спасу всё Пречистому.
 Говорил тут старб́й казак да Илья Муромецъ:

- «Мы положим заповедь да промежу собой:
 60 Ише хто из нас привезёт, дак нам делить-то, братцы, натрое». —
 Они клали заповедь промеж собой великую.
 Как скакали они скоро на добрых коней наступчивых,
 Они поехали да всяк в дорожички широкия.
 А как приезжае(т) тут скоро старый казак да Илья Муромець
 65 А к тому-то королю ко Прус(с)кому да на широкой двор,
 А он скоро соходил да со добра коня,
 А вязал-то коня среди двора да к дубову столбу,
 К дубову столбу да к золоту кольчу,
 А как сам он ведь пошел на нову крыльце,
 70 Со красна крыльца да на новы сени,
 А с новых сеней в полаты королевския.
 Он не кстит-то своего лица белого,
 А не поклоняйтесь поганым идолам,
 Только бьет целом во рученьку во правую
 75 А к тому жо королю ко Прусскому:
 «Уж ты здравуй-ко-се, ты Прусской король!» —
 «Уж ты здравуй-ко, дородней доброй молодець,
 Уж ты руския могучия сильний богатырь жо!
 Ты зачем ко мне приехал жа?»
 80 А послом ты ко мне послан жа,
 Ли служить ты мне приехал верой-правдою?» —
 «Не служить-то я приехал тебе верой-правдою —
 Я приехал к тебе послом послан жа
 От того жо нашего от князя Владимира
 85 Получить от тебя-то дани сорок тысячей». —
 А как тут король да не ослышилсэ,
 А берет он со спички золоты ключи,
 Отмыкал он скоро кованы ларьчи,
 Да отсчитывал он дани-пошлины за три годика да сорок тысячей.
 90 Как получил-то старый казак да Илья Муромець
 Ише ту жо дань, всё ведь пошлину.
 Как дарил ему король да всё подарочки,
 А подарочки дарил да красна золота.
 Как прошшайтсе старый казак да Илья Муромця:
 95 «Ты прошшай-ко-се, король до Земли Прусския». —
 «Ты прошшай-ко-се, дородней доброй молодець.
 Ты скажи-ко про своё отечесво —
 Ты кокого отца да кокой матери,
 Звеличь тебя по имени да по отечесву?» —
 100 «Я из города да всё из Муroma,
 Из села-то я ежду Карачёва,

- А у меня отецъ всё Иван да Тимофеич жа,
 А меня зовут да Ильёй Муромцем,
 Я служу у князя у Владимира да верой-правдой неизменою».
- 105 Провожаёт король да старьй казака Илью Муромця,
 А как с чести провожаёт ёго, с радости.
 А да как во ту пору, во то время
 А приехал Добрынюшка к королю-ту Астрийському,
 А приехал ведь к ёму да на широкой двор,
- 110 Соходил скорó да со добра коня,
 Привязал коня к дубову столбу да к золоту кольчу,
 А как сам пошел да на краснó крыльцѣ косисчато,
 Со красна крыльця да на новы сени,
 А с новых сеней в полаты королевския.
- 115 Сам приходит он в полаты королевския,
 А не ктит он своёго лич^а белого,
 А не поклоняйтесь он поганым идолам,
 Только бьёт¹ королю во-в рученьку во правую:
 «А да здрастуй-ко, король Земли Астрийския!» —
- 120 «Уж ты здрастуй-ко, дороднёй доброй молодець,
 Уж ты руския сильний могучия богатырь жо!
 А зачим ко мне приехал жа?
 Али послом послан жа,
 Али служить мне-ка верой-правдою,
- 125 Верой-правдою да неизменою?» —
 «Я приехал к тебе не служить не верою, не правдою да не неизменою —
 Я приехал к тебе да послом послан жа
 А как тим жо князём всё Владимиром
 Получить с тебя ти дани-пошлины да сорок тысячей».
- 130 А как тут король да не ослышилсэ,
 А да взял он скоро с спички да золоты ключи,
 Отмыкал он скоро кованы ларьчи,
 Отчитал-то дани-пошлины да сорок тысячей,
 Отдавал-то он Добрынюшки Микитичу:
- 135 «Уж ты гой еси, дороднёй доброй молодець!
 А как тибя звать всё по имени,
 Величь тибя да по отечесву?»
 «Миня именём зовут Добрынюшка Микитич млад,
 А по фамильи-то да сын Романович». ²
- 140 Как во ту пору, в само во то время
 А приехал-то Михайлушко к королю ко Шведьському,
 А ко Шведьському-то королю, ко Лёховиньському.
 Ён заходит к ёму на широкой двор,
 Соходил-то он да со добра коня,

- 145 Как ведь привязал коня к дубову́ столбу да к золоту кольчу,
А как сам пошел да на краснó крыльцѣ косисчато,
Как ведь он заходит в полаты королевськия,
А не кстит он своѐго лича белого,
А не поклоняйтсе поганым идолом,
- 150 Тольке бѣёт челом королю во рученьку во правую:
«Уж ты здроствуй-ко, король да Ляховиньськия,
Леховиньськия король, ты Шведьськия!» —
«Ты зачем ко мне приехал жа?»
Разе служить да верой-правдою,
- 155 Верой-правдою да неизменою?» —
«Я приехал не служить тебе не верою, не правдою —
А как я к тебе приехал послом послан жа
От того-то ведь от князя от Владимира
Получить с тебя да дани-пошлины да сорок тысячей».
- 160 А как тут король да не ослышилсэ,
А да брал он со спички золоты ключи,
Отмыкал он тут да кованы ларьчи,
Вынимал он золоту казну,
Отчитал-то дани-пошлины да сорок тысячей,
- 165 Отдавал-то он Михайлушку сыну Игнатьѣву.
Тут-то королю за беду показалосе:
А как жалко-то ёму стало золотой казны.
Говорит-то он да таковы речи:
«Уж ты гой еси, дородьней доброй молодець!
- 170 Мы зыграм-ко с тобой во пешки-шахматы.
Клади-ко-се залогом сорок тысячей,
Я кладу залогом полкоролесьва, полцярсьва своѐго».
А как тут-то Михайлушко сын Игнатьѣвич призарилсэ,
А как сел-то ведь играть во пешочки, во шашочки.
- 175 А да клал-то он дань ведь, пошлину.
Как ступал король во перьвóй након,
Выступал ведь король да во второй након.
Проиграл-то Михайлушко-то дань ведь, пошлину.
А как тут Михайлушко да обзадорилсэ,
- 180 Клал залогом всё добра́ коня да сбрую богатырськую.
А да вот короля призарило,
А как клал-то ведь залогом сорок тысячей.
Как ступал-то король да во перьвóй након,
Выходил-то король да по второй након,
- 185 На третьём наконі король Михайлушку-ту мат дает.
Проиграл-то Михайлушко добра́ коня
Со всей обрúдой богатырською.

- А как клал Михайлушко залогом буйну голову —
 А служить-то королю ведь во веки:
 190 «Ты клади-ко залогом всё добра коня,
 Я кладу свою да буйну голову во веки —
 Служить-то верой-правдою да неизменною».
 А как тут короля всё призарило.
 Как ступал-то Михайло во перьвóй након,
 195 Выступал Михайлушко да во второй након,
 На третьём наконі королю ведь мат дает.
 А как выиграл Михайлушко добра коня с обрудой богатырською.
 А как тут королю за беду показалосе,
 А как клал-то он залогу опеть сорок тысячей,
 200 А как клал-то ведь Михайлушко добра коня.
 А как начели играть во пешочки, во шашочки.
 Выступал-то Михайло во перьвóй након,
 Выступал-то Михайло во второй након,
 На третьём наконі королю ведь мат даёт,
 205 Отыграл Михайлушко да сорок тысячей.
 А как тут королю кажисе за досадушку великую:
 «А клади-тко, Михайлушко, дань-ту, пошлину,
 А кладу тебе залогом а полцярсьва жа».
 А как тут Михайлушко призарилсэ.
 210 Они начели играть во пешки-ти, во шашочки.
 А ступал-то Михайло во перьвóй након,
 Выступал-то Михайло во второй након,
 На третьём наконі королю ведь мат даёт.
 Проиграл-то король полцярсьва жа.
 215 А как жалко стало королю-ту ведь полцярсь(т)ва жа,
 А как обзадорило короля играть во пешочки, во шашочки:
 «Ты клади, Михайлушко, полцярсьва жа,
 А ведь я отдаю тебе всё царсьво жо».
 Как ступал-то Михайло во перьвóй након,
 220 А ступал-то Михайло во второй након,
 На третьём наконі королю ведь мат играл.
 А ведь проиграл король ведь царсьво жа
 А тому ведь Михайлушку Игнатъёву.
 Как говорил король да таковы реч^{чи}:
 225 «Уж ты гой еси, дороднёй доброй молодець!
 А да ты прости меня во такой вины,
 Не бери-тко моёго царсьва жа,
 А оставь миня во царсьви жа,
 Не садись ты на моё на царсьво жа.
 230 А как ес(т)ь у мя Овдотья Бела Лебедь жа —

- А отдам я тибѣ в замужесьво».
 Как выводит король Овдотью Белу Лебедь жа.
 А как тут Михайлушко обзарилсэ,
 А обзарилсэ Михайло взѣтъ собе в замужесьво.
 235 А берѣтъ ею да за белы руки,
 А челуѣтъ ей да в уста-ти в сахарныя,
 А повѣл-то Михайло Овдотью на широкой двор,
 А садил-то Овдотью на добра коня,
 Он поехал из города да не воротами,
 240 А скакал-то через стену городовую.
 А да как во ту пору, во то время
 А приехал-то старый казак да ко белым шатрам,
 А приехал Добрынюшка к белым шатрам,
 А Михайлушка-то нету у белых шатров.
 245 А как едет Михайлушко да сударь Игнатъевич,
 А ведѣтъ сам на добром кони да красну девицу.
 Соходил-то Михайло со добра коня,
 А сымал-то Михайло Овдотью со добра коня.
 А как говорил тут старая старыньшина да Илья Муромецъ:
 250 «Уж вы гой еси, да братья крестовыя-названья!
 А как станем мы исполнѣтъ свою заповѣдь великую —
 А да станем-ко мы Овдотью делить натроѣ,
 Уж мы станѣм рубить Овдотью натроѣ».
 Говорил-то Михайлушко Игнатъевич:
 255 «Уж ты гой еси, старый казак да Илья Муромецъ!
 Я не дам-то вам делить Овдотьи натроѣ,
 А не дам-то ей рубить натроѣ:
 Я Овдотьюшку возьму да за себя замуж».
 Говорил ту старья старыньшина да Илья Муромецъ:
 260 «Уж ты гой еси, Михайлушко сын Игнатъевич!
 Не жона тебе-то будѣтъ вековечья;
 Как она, она ведь всё — роду змеиною.
 Потеряшь ты за ей да буйну голову».
 А как стала тут находить да ночка темная,
 265 Повалились тут спать в шатры полотьяныя.
 Повалилсэ это спать Михайлушко с Овдотьюшкой.
 А как было всё во самой во полуночи,
 А как обернула Овдотьюшка Михайла серым волкушком,
 А спустила бегать да по чисту полю,
 270 А как убежал-то Михайло во чисту полѣ,
 А как бегал-то Михайло по чисту полю,
 Прибежал-то к Овдотьи ко белу шатру.
 Обвернула ёго да черным вороном,

- Полетел Михайлушко да по темным лесам,
 275 А летал-то Михайло по темным лесам,
 А прилетел-то Михайло ко белу шатру.
 Обвернула она Михайла белым горностаюшком,
 А спустила-ту бегать по подкореньицю,
 А как бегал Михайло по темном лесу да по подкореньицям,
 280 Прибежал Михайло ко белу шатру.
 Отвернула Михайлушка от горносталика.
 А тогда Михайлушко в шатёр спать лёг жа,
 А он крепко спал с того устаточку великого.
 А как с-по восходу-ту было соньця красного,
 285 А да по зари-то было рано-утряной,
 Выходил туту старый из белá шатра,
 А да сам он говорил да таковы речи:
 «Тебе полно спать, Михайлушко, с Овдотьюшкой,
 Пора тебе ставать да ехать ко городу ко Киеву,
 290 А ко ласкову ко князю ко Владимиру!» —
 «Уж ты гой еси, осударь наш Илья Муромець!
 Не могу я стать да головы поднять,
 А болит-то моя буйна голова,
 А не служат у мя да руки белья,
 295 А не носят меня всё ножки резвья».
 А ставал-то Михайлушко да из белá шатра,
 Одевалсэ он во платьё дорожно богатырьское.
 Говорил-то старый, государь да Илья Муромець:
 «Уж мы не повезём Овдотьи во красен Киев-град!
 300 А как не жона тебе будет любимая,
 А того жо она роду ведь змеиноного.
 А да станём-ко мы Овдотью делить натроё,
 Уж мы станём рубить Овдотью натроё».
 Говорит-то сын Михайлушко Игнатъевич:
 305 «А не дам-то я рубить Овдотьюшку натроё,
 Не оставлю я Овдотьи во чистом поли,
 Привезу я Овдотью в красен Киев-град,
 А возьму-то я да за себя заму́ж».
 А как стал-то Михайло садиться на добра коня,
 310 А не мог Михайлушко сам сесть да на добра коня,
 Посадил-то ведь Михайлушка да Илья Муромець.
 Они поехали ко городу ко Киеву,
 А ко ласкову князю да Владимиру.
 А как приехали ко городу ко Киеву,
 315 А как отдали князю да дань, да пошлину.
 А во ту пору, во то время

- Заводилась у Михайла, пошла свадьба жа,
 Как отцём-ту сел сам Владимир-князь,
 А как матерью-ту села да княгина жа,
 320 А как тысецьким-то стал казак Илья Муромець.
 А как обвенчалсэ тут Михайлушко с Овдотьюшкой,
 Повели тут Михайлушка спать укладывать
 В спальню-горницю, в светлу свѣтлицю.
 Говорил-то старый казак да Илья Муромець:
 325 «Уж ты гой еси, Михайлушко Игнатъевич!
 А как станѣт Овдотьюшка класть заповедь великую,
 Не клади ты с ей заповеди великия —
 Не лёжись-то с ей живой ведь в гроб,
 Потеряшь тут свою буйну голову».
 330 А как повалились спать Михайлушко с Овдотьюшкой,
 А старый казак — у дверей ведь слушати.
 Говорила Овдотьюшка Михайлу таковы речи:
 «Уж ты гой еси, Михайлушко Игнатъевич!
 Мы положим промеж-то заповедь великую,
 335 А великую-то, ведь немалую:
 А которой из нас да наперѣд помрѣт,
 А тому живому повалиться со мной во гроб».
 А как было во самую во полночь жа ведь,
 А как померла Овдотьюшка у Михайлушка.
 340 А да как по утру, утру ранному
 А приходит тут Михайлушко из спальнѣю,
 Говорит он старому казаку да Ильи Муромцю,
 Говорит-то он таковы речи:
 «Померла-то у меня Овдотья Лебедь Белая!»
 345 Говорил-то а старый-то казак Илья Муромець:
 «А почѣм ты клал с ей заповедь великую?
 Ише не послушал моего ты наказанья.
 А ведь жалко всё тебя, Михайлушко,
 А как жалко тебя, доброго молодца,
 350 А как руського могучого богатыря!
 Ты послушай-ко меня да во последней раз:
 Уж ты сделай-ко-се ей да гроб великия,
 Штобы в гроби было где легчи,
 Да штобы стоя стоеть да сидя сидеть.
 355 Ты возьми с собою свешши да воску ярого,
 Ты возьми с собой да саблю вострую к себе во гроб.
 Не жалея-то ты Овдотья Белой Лебеди».
 А как сделали ведь ей большой-от гроб,
 А ведь повезли Михайлушка с Овдотьей во сыру землю,

- 360 Захоронили тут Михайлушка с Овдотьюшкой.
 А задёрнул тут Илья Муромець полосой-то всё железною,
 А как стал Илья-то Муромець на гробниці ихней слушати.
 А как закатилось тут да соньчѣ красное,
 Потыхала тут заря [да] вечерняя,
- 365 А в ти поры Овдотья в гроби шшевелиласе,
 А как лютою змеёю овернуласе.
 А как тут Михайлушко да испугалса жа,
 А скакал он скоро на резвы ноги,
 Выхватил он свою саблю вострую,
- 370 А отсек змеи буйну голову,
 Ише тут Овдотьюшки ведь смерть пришла.
 Застучал-то саблей вострой в ту плиту железную.
 Услыхал старый казак да Илья Муромець,
 Отсыпал он пески, камешки, отдёрывал плиту железную,
- 375 Выпускал-то Михайлушка из гробниці вон.
 Тут Овдотьюшки конець пришол,
 Конець пришол, да старины поют,
 Старины поют да сказывают.³

№ 69

- А сбирайтце дружинушка, собруняйтце:
 Во-первьѣх, гóсударь-от Илья Муромець,
 Во-вторых, Добрынюшка Никитич млад,
 Во-третьѣх, Пóтык Михайлушко сын Иванович.
- 5 Провожат-то их Владимёр стольнёй киевской,
 Провожаёт Опраксея-королевисьня.
 Да ка⟨к⟩ здраво они едут полѣ чистое,
 Ели здраво-то едут леси тёмныя,
 Да как здраво-то едут да грязи черныя.
- 10 А приехали на шóломя на окатисто,
 Розоставили белы шатры полóтьняны,
 Да живут во шатрах они по перьвой день,
 Ай живут во шатрах они да по втóрой день,
 Ай живут во шатрах они да по трéтей день.
- 15 Говорил же восударь-от Илья Муромець:
 «Уж и полно нам жить в шатрах, забавьятисе,
 Ай пора нам розъезжаться всем нам натрое!»
 Говорил восударь тогды Илья Муромець:
 «Да поеду я, братцы, к Дюку да Степанову,
- 20 Посмотрю ли я у Дюка широка двора,

- Посмотрю я у Дюка-та рóдной матушки,
 Посмотрю ли я у Дюка да портмоёнок».
 У Дюка-та дом стоял тогда на семи верстах,
 Ишше триста столбов было да серебряных,
 25 Ай четыреста столбов было позолоченых,
 Ишше медных, железных да числа-смёту нет,
 Да как дом был крыт ёго медью козарочкой,
 Ай котора же козарка дороже красна золота,
 Да как печки-ти были его муравляны.
- 30 Ишше матушка пёкла у ёго да колачки:
 Ай колачик-от съешь — другого хочитце,
 Об третьём колачки душа бажйт.
 Да помёлышка-ти были у ей да шелкóвья.
 Говарил тогда Добрынюшка да Микитиць сын:
- 35 «Ай поеду я, Добрыня, во чистó полё,
 Привезу ли я злата, серебра несъчотнова.
 Уж мы станем делить, братцы, всё мы как натроё».
 Говорил тогда Михайлушко сын Иванович:
 «Ай поеду я, братцы, да во Большу землю,
- 40 Во Большу-ту я землю да в прокляту в Литву,
 Да поеду ко царишшу-ту ко Идóлишшу,
 Ай поеду я к ёму право сватом свататце
 Ай на душочки Овдотьюшки Белоя Лебеди,
 Да возьму ли я Овдотьюшку за себя замуж,
- 45 Ай не дам-то я делить, братцы, вам делить ёю нáтроё».
 Говорил тогда восударь-от Илья Муромець:
 «Уж ты сукин сын, Потык Михайлушко Иванович!
 Не жона жа тебе будет — змея лютая,
 Уж ты будёшь, Михайлушко, у семи съмертей,
- 50 Налетаисьсе, Михайло, ты чёрным вороном,
 Ай нарышшишьсе, Михайлушко, ты серым волком,
 Накопаисьсе, Михайлушко, горносталюшком,
 Приломашь ты о корёньё буйну́ свою головушку,
 Налёжисьсе в чистóm поли ты серым камнем».
- 55 Всё как этому Михайлушко не поваровал.
 Ай поехал-де Илёюшка к Дюку Стёпанову,
 Ай Добрынюшка поехал да во чистó полё,
 Да Михайлушко поехал да во Большу землю,
 Во Большу-ту он землю да в прокляту в Литву.
- 60 Да как здраво он ведь ехал он полё чистое,
 Ишше здраво он ведь ехал да лесы-ти тёмныя,
 Ай да ели здраво он ведь ехал да грязи-ти чёрныя.
 Ишше едѣ(т) он ко городу ко Задоньскому.

- Ай ко городу он ехал да не дорогою,
 65 Да в город заезжаё(т) он не воротами,
 Конь скакал жа через сътену да городóвую,
 Мимо ту жо круглу башонку наугóльную,
 Ишше едё(т) к королю прямо на широкой двор,
 Он мечё(т) коня сам да среди двора,
 70 Не привязана-та мечё(т) да не приказана,
 Не росседлана мечёт да не розуздана.
 Сам идет тогды во гирню-ту королевьскую,
 Отпираё(т) Михайлушко дъвери-ти на́ пята,
 Он бьё(т) чолом королю-ту земли Задонския,
 75 Ишше тут жа королевой, молодой жоне:
 «Уж и здрас(т)вуй ты, король Земли Задонския!
 Уж и здрас(т)вуй, королева, ты молода жена!»
 Говорил тогды король Земли Задонския:
 «Уж и здраствуй ты, Михайлушко сын Иванович!
 80 Ты по-старому приехал ли жить, по-прежнему,
 Во рабы ли ты приехал ко мне, в конюхи,
 И во млáды ли приехал ко мьне во ключьники,
 Ты из Киева приехал ко мьне да посланником?»
 Говорил тогды Михайлушко сын Иванович:
 85 «Не по-старому приехал жить, не по-прежнему,
 Не в рабы к тебе приехал я, не в конюхи,
 Не во млáдыя приехал я те не во ключьники,
 Из Киева приехал я не посланником —
 Да приехал я к тебе прямо сватом я свататьце
 90 Да на душоцьки Овдотьюшки Белой я Лебеди.
 Да отдай-ко-се Овдотьюшку за миня замуж».
 Говорил ёму король Земли Задонския:
 «У миня, право, Овдотьюшка просватана
 За того де за поганого за Идóлишша».
 95 Говорил ёму Михайлушко во второй након,
 Говорил ёму Михайлушко во третей након:
 «Ты отдай, право, король ёю за миня замуж!
 Уж и чес(т)ью не отдашь — я у тя ведь за боём возьму,
 Уж я силой-то возьму своей бо́атырския,
 100 Ай грозой возьму я княжоневьскою».
 Говорил ёму король-от во второй након,
 Говорил ёму король да во третей након:
 «Право, право, ведь Овдотьюшка у миня просватана,
 Ишше ко́льцеми-пёрсьнеми у нас оменянос(т)ь,
 105 Ай тебе-ка, Михайлушко, ёю не́где взять».
 Да Михайлушку ети речи не въ любви пришли,

- Показались за досадушку за великую,
 Ай ретиво ёго серцо розъерилосе,
 Ай горяча-та кровь вся в ём роскипеласе,
 110 Ай могучи ёго пъячи расходиласе,
 Лепета-та во лици перемениласе.
 Да пошел тогда Михайлушко на новы́ сени,
 Он сломил-то двенадцеть крепких замочиков,
 Ай убил-то он двенадцеть крепких стóрожов,
 115 Отпирал тогда Михайлушко двери-ти на́ пяту.
 Ай сидит-то Овдотьюшка за красёньцеми,
 Вышиваёт де она Идолишшу шириночку,
 На кобылочках сидя<т> у ей ясны соколы,
 На кобылочках сидя<т> у ей сизы голубы,
 120 По подножочкам сидя<т> у ей чёрны соболи.
 Говорил тогда Михайлушко сын Иванович:
 «Уж и здрас<т>вуй, Овдотья, ты Лебедь Белая!
 Ты поди-тко-се, Овдотьюшка, за миня заму́ж».
 Да скакала-де Овдотьюшка на резвы ноги,
 125 Ай брала она Михайлушка за белы руки,
 Цёловала во уста ево во сахáрныя,
 Ай сама же говорила таково слово:
 «Уж и ждаты мьне-ка гостя, будё<т> не дождатисе,
 Ай глядеть-то будё<т> госьтя, не догледетисе,
 130 Ай топеречи Михайлушко ко мьне сам пришол».
 Да немного-де Михайло съ ей розговариват,
 Ай берёт тогда Овдотьюшку за белы руки,
 Ай повёл-то ведь Овдотьюшку на новы́ сени,
 Со новы́х сеней повёл ёю на широкой двор,
 135 Лёкко, скоро сам скакал на-на добра коня,
 Ай Овдотьюшку садил он позади собя.
 Ище в те поры Овдотьюшка сама заплакала,
 Говорила-де она тогда таково слово:
 «Охте мьне-цьки, хте мьне-цьки, мене тошнёхонько!
 140 Ай люцькí отци-ти, люцьки матушки
 Отдавают дочерей со цесьти, со радосьти,
 Ишше мой отець-от, моя родна матушка
 Ай умели миня всё воспоить, скорьмить,
 Не умели они миня заму́ж отдать:
 145 Отдавают со великого со кроволитыца».
 Да как вышел ведь король тогда на широкой двор,
 Ишше вышла королева, молода жена:
 «Уж ты вой еси, Михайлушко сын Иванович!
 Добро жаловать ко мне ты хлеба-соли ис<т>»,

- 150 Хлеба-соли ко мне ис⟨т⟩ь, ты вина съ медом пить!»
 Говорил тогды Михайлушко сын Иванович:
 «Уж ты вой еси, король Земли Задоньския!
 На приезди ты госьтя не учостовал —
 На отъезди будё⟨т⟩ госьтя тебе не учостовать».
- 155 Да немного-де Михайлушко розговаривал,
 Ай выдёрывал он плёточку семишолкову,
 Ай стёгал-то он коня сам по крутым бёдрам,
 Поехал-де Михайлушко вон из города.
 Ишше еде⟨т⟩-де Михайлушко по чисту́ полю,
- 160 Он еде⟨т⟩ как ко реченьки ко Смородины —
 У той же-де у реченьки у Смородины
 Ай горит-то змеино тёпло гнездышко.
 Говорила-де змея, да блять-безбожница:
 «Уж ты вой еси, Михайлушко сын Иванович!
- 165 Ты сойди-тко-се, Михайлушко, со добра коня,
 Ты сними-тко со правой ноги да софьян сапог,
 Поцерьпни-тко-се свежо́й воды ключовья,
 Ты залей-ко-се змеино тёпло гнездышко.
 Ай во время я, Михайлушко, добро тебе съделаю».
- 170 Говорила-де Овдотьюшка Лебедь Белая:
 «Не сходи-тко-се, Михайлушко, со добра коня,
 Не заливай-ко-се змеинова тёпла гнездышка!
 Ай какого захотел себе добра змеи?
 Ишше разъве змея когда огнём ожгёт».
- 175 Да Михайлушко-то этому не поваровал,
 Ай сошел тогды Михайлушко со-со добра коня,
 Ишшо сънял-то ведь со правой ноги сафьян сапог,
 Почерпнул-то он съвежо́й воды ключовья,
 Ай залил тогды змеи да тёпло гнездышко.
- 180 Улетела-де змея, бьледь-безбожница.
 Лёкко, скоро-де скакал он на добра коня,
 Ай поехал-де Михайлушко, куды ёму путь лежит,
 Да приехал-де Михайлушко ко белым шатрам.
 Ишше нету восударя-та Ильи Муромца,
- 185 Ишше нету же Добрынюшки Микитица.
 Да приехал он к себе прямо во бело́й шатёр.
 Бох день тогды пронёс, Господь ночь даёт.
 Овернула Овдотьюшка тогды Михайлушка,
 Овернула да ёго она чёрным вороном,
- 190 Ай летае⟨т⟩-де Михайлушко по-по-под небеса,
 Ай далёко от шатра сам не улётыват.
 Бох ночь тогды пронёс, да Господь день даёт.

- Отвернула-де Овдотьюшка тогды Михайлушка,
 Ай лёжал тогды Михайлушко среди шатра
- 195 Со того жо со устаточку со великово.
 Бох день опять пронёс, да Восподь ночь даёт.
 Обвернула-де Михайлушка серым волком,
 Ишшо рышшот-де Михайлушко по чисту полю,
 Ай далёко от шатра сам не урыскиват.
- 200 Бох ночь опять пронёс, да Восподь день даёт.
 Отвернула-де Овдотьюшка тогды Михайлушка,
 Ай лёжит-то, съпит Михайлушко среди шатра
 Ай с того жо со устатку-ту со великого.
 Бох день опеть пронёс, Восподь ночь даёт.
- 205 Обвернула-де Михайлушка горносталяушком,
 Ай копатіце Михайло по-под корёньциём,
 Приломал свою он буйну голову.
 Восподь ночь тогды пронес, да Бох опеть день даёт.
 Отвернула-де Овдотьюшка Михайлушка,
- 210 Оввертела да ёго буйну да головушку
 Ишше тем жо полотёньшком она беленьким,
 Ишше съпит же Михайлушко тогды среди шатра.
 Да во ту же-де во пору и во то время
 Ай приехал восударь-от Илья Муромець,
- 215 Ай приехал-де Добрынюшка да Микитиц сын,
 Ай Добрынюшка привёз им золотой казны,
 Золотой казны привёз-то да им несчетно жо.
 Да приехал восударь к своёму ко белу шатру,
 У Михайлушка у бела стоит шатра свой добрый конь,
- 220 Не стречат-то-де Михайлушко сын Иванович.
 Говорил же восударь тогды Илья Муромець:
 «Уж ты вой еси, Добрынюшка ты Микитиц сын!
 Не стречаё(т) нас Михайлушко сын Иванович».
 Соскакал скорё Илеюшка со добра коня,
- 225 Ай бежит-то ко Михайлушку во белой шатёр —
 Ай лёжит тогды Михайлушко во белом шатри,
 Ай лёжит-де — приломана буйна головушка,
 Ай Овдотьюшка сидела во белом шатри.
 Да берё(т) тогды Илеюшка Михайлушка,
- 230 Ай ведёт-де Михайла к сибе во белой шатер.
 Бох день опеть пронёс, да Восподь ночь даёт.
 Ай пошол жо восударь тогды Илья Муромець,
 Он пошол да к Овдотьюшки во белой шатёр,
 Ишше лёк тогды с Овдотьюшкой почив держать.
- 235 Да лёжат они с Овдотьюшкой во белом шатри,

- Ай накинула Овдотьюшка руку-ту белую,
 Ай накинула она тогды ножку резвую,
 Досталы-де спорхонула на белы груди,
 Ишше хочё(т) ёго предать злой смёрточки.
 240 Да Илеюшки пришло тогды делать ёму нечево,
 Ай скакал тогды Илеюшка на резвы ноги,
 Ай берёт тогды Овдотьюшку за русу косу,
 Ай выдёрывал он плётчку семишолкову,
 Ай волочит-де Овдотью кругом среди шатра,
 245 Ай стегат-то своей плёткой шолковой,
 Насьтегал Овдоты, сколько ёму надобно,
 Ишше бросил Овдотью во белой шатёр.
 Сам пошел тогды ко Михайлушку ко Иванову,
 Ишше по́слал Михайлушка в шатер съ ёю опочив дёржать.
 250 Да лёжа(т) они с Михайлушком во белом шатри,
 Да боитьсе-де Михайлушко да Овдотьюшки,
 Ай боитьсе-де Овдотьюшка тогды Михайлушка.
 Ишше в те поры у их Бох ночь пронёс,
 Бох ночь тогды пронёс, да Восподь день даёт.
 255 Говорил-де восударь тогды Илья Муромець:
 «Уж ты вой еси, Добрынюшка Микитиць сын!
 Ишше полно нам ведь этта жить во белых шатрах,
 Ишше надобно нам ведь ехать в красён Киев-град».
 Лёкко, скоро сами скачут на добрых коней,
 260 Ай поехали братаны в красён Киев-град,
 Ай ко городу ехали не дорогою,
 Ай во город заезжали не воротами,
 Кони скакали через сътену городовую.
 Ишше едут ко Владимёру на широкой двор,
 265 Да стречаёт ведь князь их со кнегиною,
 Ай стречают-де они, сълёзно умываютьце.
 Говорил же восударь тогды Илья Муромець:
 «Ты о чем жа, ты Владимёр, сълёзно уливаиссье?»
 Ишше надо нам теперечи с тобой веселитисе:
 270 Ишше станём мы играть топере свадебку,
 Ишше станём мы женить теперь Михайлушка».
 Говорил тогды Владимёр стольнё-киевской:
 «Уж ты вой есь, восударь ты Илья Муромець!
 Ишше был у миня король-от Земли Турския.
 275 Ай играли съ им во пешочки, во шахматы,
 Проиграл я королю денёг сорок тысячей,
 Проиграл я двенадцеть добрых молодцов».
 Повелась-то ведь тогды у их свадебка.

- Говорила-де Овдотьюшка Лебедь Белая:
 280 «Уж ты вой еси, Михайлушко сын Иванович!
 Уж и сделаю мы с тобой крепку заповедь,
 Ай запишем мы с тобой записи великия,
 Закрепим-то мы князем Владимёром,
 Закрепим-то мы государём Ильёй Муромцом:
 285 Да которой-де у нас переди помрёт,
 Ай другому-то надобно во гроб живу лекчи». —
 Ай на ето Михайлушко согласен был.
 Записали они записи великия,
 Закрепили они князем-то Владимёром,
 290 Закрепили восударём-то Ильёй Муромцом.
 Повелась тогды у их, верно, свадебка,
 Повенчался Михайлушко сын Иванович.
 Говорил тогды Владимёр-от стольней киевской:
 «Уж ты вой еси, восударь да Илья Муромец!
 295 Ай кого жа мы пошлём ехать в град Турския
 Ко тому жа королю Земли Турския
 Ай отыгрывать денёг сорок тысячей,
 Отыграть надо двенадцеть нам добрых молодцов.
 Ишше кто у нас играть масьтёр в пешки, во шахматы?»
 300 Говорил восударь тогды Илья Муромец:
 «Ай пошлём-ко мы Михайлушка сына Иванова:
 Ишше нету такового игрока на святой Руси:
 Отыгра-то у ёго сорок тысячей,
 Отыгра-то ведь двенадцеть добрых молодцов».
 305 Говорил жа восударь тогды Илья Муромец:
 «Уж ты вой еси, Потык ты Михайлушко Иванович!
 Поезжай-ко-се ты, съезди в Землю Турския,
 Поиграй ты во пешки и во шахматы
 Ай со тим жо королём да Земли Турския,
 310 Отыграй ты у ёго денёг сорок тысячей,
 Отыграй-ко-се двенадцеть добрых молодцов».
 Да пришло тогды Михайлушку делать нечево,
 Ишше стал тогды Михайлушко собиратисе,
 Ишше ехать-де Михайлушко к королю Турскому.
 315 Лёкко, скоро он ведь скаче ⟨т⟩ на добра коня.
 Провожат-то-де Владимёр стольней киевской,
 Провожаёт государь да Илья Муромец,
 Провожаё⟨т⟩-де ёго тогды молода жона,
 Молодыя де Овдотьюшка Лебедь Белая.
 320 Только видели Михайлушка собираючись —
 Ай не видели поездочки богатырския,

- Только видели — во полюшки куревá стоит.
 Да ка⟨к⟩ здраво он ведь ехал полё чистое,
 Ишше здраво он ехал да лесы тёмныя,
 325 Ишше здраво он ведь ехал да грэзи-ти чёрныя,
 Ишше едѣ⟨т⟩ к королю-ту Земли Турскому.
 Ай ко городу он ехал не дорогою,
 Ай во город заезжал он сам не воротами,
 Конь скакал же через сътену-ту городовую,
 330 Мимо ту жа круглу башню наугольнуюю.
 Ишше едѣ⟨т⟩ к королю прямо на широкой двор,
 Он как мечѣ⟨т⟩-де коня сам среди двора,
 Не привязана-та мечѣ⟨т⟩ да не приказана,
 Не роседлана мечѣт да не розуздана.
 335 Сам идѣт тогды во гирыню-ту королев⟨ск⟩ую,
 Ишше бьѣ⟨т⟩ челом королю-ту Земли Турския:
 «Уж ты здрас⟨т⟩вуй, король же Земли Турския,
 Уж и здрас⟨т⟩вуй, королева, молода жена!»
 Говорил ёму король тогды Земьли Турския:
 340 «Уж и здрас⟨т⟩вуй ты, Потык Михайлушко Иванович!
 Ты по-старому приехал ли жить, по-прежнему?
 Во рабы ли ты приехал ко мне, в млады во конюхи,
 Ли во младыя приехал ко мне во клясьники,
 Ли из Киѣва приехал ко мне ли посланником?»
 345 Говорил тогды Михайлушко сын Иванович:
 «Не по-старому приехал жить, не по-прежнему,
 Не в рабы к тебе приехал я, не во клясьники,
 Не во младыя приехал те не во конюхи,
 Ай приехал я из Киева да посланником
 350 Ай играть с тобой во пешки-ти, во шахматы,
 Отыгрывать своих я сорок тысячей,
 Ай отыгрывать двенадцеть я добрых молодцов».
 Королю-де отказатьсе ёму тогды некогда,
 Ишше сам он говорил ёму таково слово:
 355 «Ай положим-ко, Михайлушко, заповедь великую:
 Есьли ты как поиграшь миня во пешки-шахматы,
 Ай отдам тебе, Михайло, я сорок тысячей,
 Ай отдам тебе, Михайло, добрых молодцов.
 Есьли я как поиграю тебя, да Михайлушко,
 360 Не спушшу я тебя, Михайло, в красен Киев-град».
 Да Михайлушко на ето очунь да согласной был.
 Розоставили они пешки-то, шахмата.
 Ай ступал тогды Михайлушко по перьву ступ,
 Ай ступал-то ведь король по вто́ру ступ,

- 365 Ай Михайлушко ступил тогды по третью ступ,
Заступил-то коё место самолучшоё,
На серёдки доски королю мат даёт.
Отыграл у короля-та сорок тысячей,
Отыграл-то он двенадцеть добрых молодцов.
- 370 Говорил тогды король-от Земли Турския:
«Уж ты вой еси, Михайлушко сын Иванович!
Розоставим-ко, Михайлушко, во второй након.
Ишше ты где поиграшь миня, Михайлушко,
Ай отдам тебе, Михайло, я сорок тысячей.
- 375 Ай отдам тебе двенадцеть добрых молодцов,
Ай ишше я ведь тебе друга сорок тысячей;
Есьли я как поиграю тебя, я, Михайлушко,
Не спущу тибя, Михайлушко, в красён Киев-град».
Да на ето-де Михайлушко да согласной был.
- 380 Розоставили они пешки во второй након.
Ай ступил тогды Михайлушко по перьву ступ,
Ай король-от ступил тогды по вто́ру ступ,
Ай Михайлушко ступил тогды и по третью ступ,
Зазступил-то коё место самолучшое,
- 385 На серёдки доски королю мат даёт.
Отыграл-от Михайлушко сорок тысячей,
Ишше выиграл Михайло друга сорок тысячей,
Отыграл-от он двенадцеть добрых молодцов.
Говорил тогды король-от Земли Турския:
- 390 «Уж ты вой еси, Михайлушко сын Иванович!
Розоставим-ко-се пешки во третей након.
Есьли ты как поиграшь миня, Михайлушко,
И отдам-то я тебе да как сорок тысячей,
Ишше дам тебе, Михайлушко, третьих сорок тысячей,
- 395 Я отдам тебе двенадцеть добрых молодцов,
Ишше ес(т)ь-то у миня теперь-я родима дочь,
Молодые ведь как Марфушка-королевисьня,
Ишше Марфушку я отдам тебе за тобя замуж,
Ай оставлю я тибя на съвети королем всё слыть.
- 400 Ишше я как поиграю тибя, Михайлушко,
Не спущу тибя, Михайлушко, во красен Киев-град,
Не отдам тибя, Михайлушко, со дружинушки,
Не отдам тибя, Михайлушку, сорок тысячей».
Да Михайлушку пришло тогды делать нечево,
- 405 Согласилсэ-де Михайлушко сын да Иванович.
Срозоставили они пешки-ти во третей раз.
Говорил тогды король ёму Земли Турския:

- «Ай топеречи, Михайлушко, перва́ моя жа ступ,
 Да твоя-та ведь, Михайлушко, вторая ступ».
- 410 Говорил тогды Михайлушко сын Иванович:
 «Ай неправо-де ты, король да Земли Турския!
 Ай играют-де у нас да на святой Руси
 Ай во ти жа во пешки да во шахматы:
 Ай игрок-от у нас ступает по перву ступ,
 415 Отыгрок у нас ступает да по втору ступ.
 Есьли ты как поиграл, король Земли Турския,
 Ишше съледовало тогды тебе ступать первому,
 Ишше я как поиграл тибя, король Турския,
 Ишше съледуёт ступать мне, игроку, первому».
- 420 Королю пришло тогды делать нечево.
 Ай ступал тогды Михайлушко по перву ступ,
 Ай король тогды ступал по втору ступ,
 Ай Михайлушко ступал тогды по третью ступ,
 Заступил-то коё место самолуцьшое,
 425 На серёдки королю-ту ёму мат дает.
 Обыграл тогда Михайлушко короля Земли Турския,
 Ишше выиграл тогда от ёго сорок тысячей,
 Отыграл-то он двенадцеть добрых молодцов,
 Ишше выиграл у ёго верно любимую дочь.
- 430 Ишше посрал он двенадцеть да добрых молодцов,
 Ишше послал он Владимёру сорок тысячей,
 Ай уехала дружинушка в красён Киев-град.
 Захотелосе Михайлушку да Иванову
 Посмотрить-то ёго-де Марфы-королевисьни,
 435 Увидал-то ведь Михайлушко сын Иванович —
 Пондравилась-де Марфа-королевисьня,
 Ай забыл свою Овдотьюшку Лебедь Белую,
 Да женилсэ-де на Марфы да королевисьни.
 Ай живее(т) де во городи во Турском жо.
- 440 Да во ту жо де во пору и во то время
 Померла тогды Овдотьюшка Лебедь-та Белая.
 Ай Михайлушку ведь надобно во гроб живу легци.
 Говорил жа восударь тогды Илья Муромеч:
 «Уж ты вой еси, Олёшинька Поповиц сын!
- 445 Уж ты съезди-тко во город-от во Турския,
 Ай скажи-тко-се Михайлушку Иванову,
 Померла-де у ёго верно молода жена,
 Штобы ехал-де Михайлушко в красён Киев-град».
 Ишше в те поры Олёша-та не ослышалсэ,
 450 Лёкко, скоро он ведь скаче на добра коня,

- Ай поехал-де Олѣша да к городу ко Турскому,
 Сам крычал тогды, зычал да зычьним голосом:
 «Уж ты їой еси, Потык Михайлушко Иванович!
 Померла топерь твоя у нас молода жена,
 455 Ай топере нать легчи тебе к ей живу во гроб».
 Услыхал тогды король-от Земли Турския,
 Ишше сам он говорил он таково слово:
 «Уж ты сукин сын, Потык ты Михайлушко Иванович!
 Натсьмеялсэ ты над моей любимой дочери,
 460 Не сказал-то ты, што в Киеви поже́нилсэ!»
 Говорил тогды Михайлушко сын Иванович:
 «Ишше врѣт-то всё Олѣшенька Попович сын!
 На другой, верно, придьмет в Киѣв я понадилсэ,
 Ай зовѣ(т) миня Владимѣр стольнѣ-киевской».
 465 Да Михайлушку пришло ёму делать нечево,
 Ишше стал он собираться-то ехать в красѣн Киев-град.
 Обседлал он, обуздал тогды коня доброго,
 Лѣкко, скоро сам он скаче на добра коня,
 Отправляйтсэ Михайлушко в красѣн Киев-град:
 470 Провожат да ведь ёго король земли Турския,
 Провожаёт ёго верно молода жона
 Да сама-та уливайтце, слѣзно плачитце.
 Ай простилсэ Михайлушко с молодой женой,
 Да приехал-де Михайлушко в красѣн Киев-град.
 475 Ай стрчаѣ(т) восударь тогды Илья Муромець,
 Говорил же восударь тогды Илья Муромець:
 «Померла у тя Овдотьюшка Лебедь Белая;
 Ай закон тебе лёжит, как во гроб живу́ легци».
 Да Михайлушку пришло тогды делать ёму нечево,
 480 Повалили-де Михалушка жива во гроб.
 Ишше жалко-де князё ёго Владимѣру,
 Ишше жалко восударю-ту Ильи Муромцу.
 Ишше нечого ведь им, тогды делать нечево.
 Повезьли тогды Михайлушка да на кладьбишшо,
 485 Натянули ёго обручи железныя,
 Положили-де в колоду белодубову,
 Ай зарыле-де Михайлушка во сыру землю.
 Да пришло тогды Илеюшку делать ёму нечево,
 Ай пошол тогды Илеюшка тогды во Божью церковь,
 490 Ай берѣ(т)-де он ведь книгу всё Евангельѣ,
 Он идѣ(т) со книгой Илеюшка на могилочку,
 Он читат-то он книгу-ту по перьвой раз,
 Ай прочитыват ведь книгу во вто́рой раз,

- Просматривал он книгу-ту во третей раз,
 495 Да нашол-то он в книги таково слово:
 «Слободить-де как чёловека от смерти понапрасныя».
 Розмышляет восударь тогды умом-разумом.
 Ай во ту же де во пору и во то время
 Налетела-де зьмея-та бьледь-безбожница,
 500 Ай зарылась у Михайлушка на могилочки.
 Ишше в тї поры Илеюшка дога⟨да⟩лса же,
 Да ревё⟨т⟩-де как Михайлушко во сырой земли.
 У Илеюшки тогды серьцё-то розъерилосе,
 Ай сейчас-то в ём вся кровь роскипеласе,
 505 Ай розрыл-то он Михайла да могилочку,
 Ишше выдёрнул колоду белодубову,
 Он сорвал тогды вси обручи железныя.
 Овернулась-де Овдотьюшка зьмеей лютою,
 Ишше жгё⟨т⟩ она Михайлушка да жигалами,
 510 Ишше тёнёт изь ёго кровь горячую.
 Ай едва застал — в Михайли душа полуднуёт.
 Да берё⟨т⟩ тогды Овдотьюшку за белы руки,
 Ай берё⟨т⟩ тогды Михайлушка Иванова,
 Ай повел-то их ко князю ко Владимиру.
 515 Ишше стали-де судить-то Михайлушка с Овдотьюшкой,
 Ай не могут россудить ёго с ей законно жа.
 Ишше следуё⟨т⟩ сьмерть придать Михайлушку Иванову.
 Со стороны некому тогды делать нечево,
 Приказали-де Михайлушку да Иванову
 520 Увесьти-де Овдотьюшку на добром кони,
 Ай отсеки у Овдотьи буйну голову.
 Лёкко, скоро-де Михайло скаче⟨т⟩ на добра коня,
 Ай Овдотьюшку садил он позади собя,
 Ай повёз-то Овдотьюшку во чистó полё
 525 Отрубить-то ведь у ей буйна головушка.
 Да поехал-де Михайлушко во чистó полё,
 Оввернула-де Овдотьюшка тогды Михайлушка,
 Ишше бросила Михайла в полё серым камнём,
 Ишше сама-де поехала к городу Задоньскому.
 530 А во ту же де во пору и во то время
 Лёкко, скоро-де как скачё⟨т⟩ на добра коня,
 Ай поехал-де восударь-от Илья Муромец,
 Ишше едё⟨т⟩-де Илеюшка по чисту полю,
 Ай увидел — во чистом поли лёжит серучей камень.
 535 Ишше сам он говорил таково слово:
 «Уж я колько по полю этта не еэживал,

- Ишше этого я камня не видывал,
 А не быть этга серому каменю,
 Ишше быть этта Михайлушку Иванову».
- 540 Да берё〈т〉 тогды Илеюшка сер горюч камень,
 Да берёт он на свои руки белыя,
 Высоко-то он мечё〈т〉 по-под небеса,
 Ай на белы свои рученьки не хватывал,
 Ишше пал этот серуч камень на сыру землю,
- 545 Ай рошшибсэ этот сер да горюч камень,
 Як очудилсэ из камня тогды Михайлушко.
 Посадил тогды Михайла к себе на добра коня,
 Ай поехал состыгать-то Овдотью Лебедь Белую.
 Недалёко-де состыгли до города Задоньского.
- 550 Ай не спрашивал восударь тогды Илья Муромець,
 Ай присек-то за вси часьти ею за мелкия,
 Розметал тогды Овдотьюшку по чисту полю.
 Ишше сами поехали в красён Киев-град.
 Да приехали во город-от да во Киев-град.
- 555 Говорил тогды Михайлушко сын Иванович:
 «Уж ты вой есь, восударь ты да Илья Муромец!
 Я женилсэ жа во городи во Турьския,
 А взята у мя ведь Марфа-королевич(с)ьня».
 Говорил-то восударь тогды Илья Муромець:
- 560 «Што я знаю, што женилсы во городи во Турьския,
 У того у короля жа Земли Турьския».
 Ишше стал тогды Михайлушко собиратисе
 Ишше ехать-де ко своей молодой жоны,
 Ай ко той жо-де ко Марфы-королевисьни.
- 565 Проважат ёго Владимёр со кнегиною,
 Провожаё восударь тогды Илья Муромець.
 Ай простилсэ-де Михайлушко сын Иванович
 Со тема жо со кнезemi, со боярами,
 Ай со руськима могучима со богатырьми,
- 570 Ай поехал-де Михайлушко в город Турьския.
 Ай стречаё〈т〉-де король ёго с королевою,
 Ай стречаё〈т〉 да ёго тогды молода жена,
 Молодья тогды Марфушка-королевисьня.
 Ай живут они во городи, проклаждаютце.
- 575 Получил тогды Михайлушко да насьледьсь〈т〉вие,
 Повладал-то как городом Земли Турьския.
 (И жись окончилась ево тут.)

№ 69а

♩ = 76

1. Э - во то.м(ы) же во го - ро - ди во Ки - е - ви

2. Со-би - ра-ит-це дру - жи - нуш-ка, со - бру - ня - ит - це.

№ 70

- Собираласе дружиночка хоробрая:
 В перву голову государь наш Илья Муромець,
 Во вторых-то Добрынюшка Микитич млад,
 В третью голову-ту Пóтык сын Иванович.
- ⁵ Да приехали к столбу да ко роستانюшкам.
 Говорил восударь наш Илья Муромець:
 «Уж ты вой еси, дружинюшка хоробрая!
 Я поеду ко царству-то как ко Дюкову,¹
 Привезу я золотой казны сорок тысячей».
- ¹⁰ Говорил тогды Добрынюшка Микитиць млад:
 «Я поеду-ту на тихи-ти вёшны зáводи,
 Привезу я три камешка драгоценныя».
 Говорил тогды ведь Пóтык сын Иванович²:
 «Я поеду во землю-ту, во Землю во Задóньскую,
¹⁵ Привезу-ту Марьюшку² Лебедь Белую».
 Говорил-то восударь да таковы речи:
 «Розьделю-то я золоту казну нáтрое».
 Говорил тогды Добрынюшка таковы речи:
 «Привезу-то я три камешка драгоценныя —
²⁰ Розьделю-ту ети камешки-ти нáтрое».
 Говорил-то тогды Пóтык таковы речи:
 «Привезу я ведь Марфушку Лебедь Белую —
 Я не дам вам делить-то как ей нáтрое».
 Говорил ёму восударь да таковы речи:
²⁵ «Уж ты гой еси, Потык да сын Ивановичиць!

- Не велел бы я брать-то Марфы да Лебедь Белую:
 Да не будёт тебе Марфушка молода жона,
 Уж ка⟨к⟩ будёт тебе Марфушка змея лютая,
 Уж ка⟨к⟩ будёшь у Марфушки у семи сьмертей,
 30 У семи-то сьмертей да у напрасныя».
- Да розъехалась дружиночка хоробрая.
 Да поехал восударь ко царству Дюкову,
 Да Добрынюшка поехал на тихи-ти вёшны заводи.
 Да наказывал государь-то да Илья Муромець:
- 35 «Уж ты вой еси, брателко названья!
 А ты будёшь на те на тихи вёшны заводи,
 Уж ты станёшь купатьсе на перьвóй реки,
 Да покажитце тебе да как вода лёкка,
 Как вода-та лёкка да как струя теплá.
- 40 А поплывёшь тогды, Добрынюшка, на втору реку —
 Да увидит Змея ведь с гор лютая,
 Да тибя-то тогда она водой зальёт,
 Да водой она зальёт тогды, огнем зажгёт».
- Да приехал как Добрынюшка Микитиць-от
- 45 Да на ти же на тихи вёшны заводи,
 А розъдевал он своё-то да платьё цъветноё,
 А побрёл он во ту-ту реку купатисе,
 Да показаласе Добрынюшки да вода тёплá,
 Да вода-та тёпла да как струя лёкка,
- 50 Ишше поплыл Добрынюшка да на втору́ реку.
 Увидала-то из гор да Змея лютая,
 Налетела на Добрынюшку Микитича,
 Она хоцёт Добрынюшку водой залить,
 Как водой-то залить она, огнём сжегти.
- 55 Ише мастёр был Добрынюшка в воду нырати он,
 Унырнул-то Добрынюшка на перьвóй реки,
 Он ведь выстал Добрынюшка на второй реки,
 Да у своёго у платъиця у цъветного,
 Да схватил он свою-ту да саблю вострую.
- 60 Надлетела-то Зьмея-та да как ведь лютая,
 Он махнул-то своей да саблей вострою,
 Он отсек-то у ей двенадцеть хоботов.
 Да ⟨в⟩змолилась Зьмея-та как ведь лютая:
 «Уж ты вой еси, Добрынюшка Микитиць-от!
- 65 Не секи-тко моей ты да буйной головы:
 Я ведь дам тебе-ка да как три камешка,
 Я три камешка да драгоценныя».
- Да садилсэ как Добрынюшка на Змею лютую,

- Она вынесла на гóру-ту на Сионьскую.
- 70 Ише взял-то Добрынюшка ведь камешки.
 Да (в)змолилась Зьмея-та тогды лютая:
 «Не розорей-ко-се, Добрынюшка, зьмеинога подворьиця
 Да не сожги-ко моих-то да малых детоцёк.
 Я не буду летать больше на святую Русь,
 75 Я не буду губить народу-ту православного».
 Ише етого Добрынюшка не вáруёт,³
 Он зажог взял зьмеиноё подворьицё,
 Он зажог взял всих малых детоцёк,
 Ише сам-то ведь сел на Зьмею лютую,
- 80 Приказал сьнести с горы Сионьския.
 Полетела Зьмея-то как ведь лютая
 Да снесла-то Добрынюшку на сыру землю.
 Он отсек у ей-то как ведь голову,
 Розьметал как её тело по чисту полю,
 85 Да поехал тогды он ведь в крашон Киев град.
 Ише поехал-то Потык да сын Ивановичь
 Он во ту жо во Землю-ту в Задоньскую,
 Ко тому-то королю Земли Задоньския.
 А да примал ёго король Земли Задоньския:
 90 «Уж ты здрастуй, ты Потык сын Ивановичь!
 Ты по-старому ли приехал, ты по-прежнему,
 А во ключники приехал, во замочники?»
 Отвещал-то Потык да сын Ивановичь:
 «Не по-старому приехал я, не по-прежнему,
 95 Я не в ключники приехал, не в замочники —
 Я приехал к тебе сватом свататьсе
 Я на душоцьки на Марфы Лебеди Беляя».
 Отвещал ёму король Земли Задоньския:
 «Уж ты вой еси, Потык сын Ивановичь!
- 100 Да как тут у мя ведь Марфушка просватана
 За того жо за поганого за Идóлишша.
 Да сидит у меня Марфушка в заднёй горници
 За двенадцети висучима замоцьками,
 За двенадцетью за крепкима-ти стóрожьи,
 105 Ише ткёт у меня Марфушка красёнышка,
 Забирает она платоцьки-ти красным золотом.
 На кобылоцьках сидят у ей ясны соколы,
 На набылоцьках сидят у ей сизы голоби,
 На подножоцьках сидят у ей черны соболи».
- 110 Говорил тогды Потык да сын Ивановичь:
 «Уж ты цес(т)ью не отдашь, да возьму нёцес(т)ью».

- Отвещал-то король Земли Задоньския:
 «Право, ёй-богу, Марфушка просватана».
 Ише ти ведь как речи не в любви пришли.
- 115 А пошол-то ведь как Потык на новы сени,
 Он убил-то двенадцеть да крепких сторожов,
 Он ведь прирвал-то двенадцеть да вси замочников,
 Да отпирал ведь у Марфушки двери на пята.
 Сизы голубы у ей да испугалисе,
- 120 По верхам-то у ей да розьлеталисе,
 Чёрны соболи у ей вси розбежалисе.
 Да скакала тогда Марфушка на резвы ноги
 Да сама-то говорила таковы речи:
 «Да не грело-то красно солнышко равню три года,
- 125 Да тепере праведимо высоко взошло!»
 Да обнимала-то Потыка за белу шею,
 Цёловала ёго-то в уста сахарныя.
 Уж как брал-то ведь Потык ей за праву руку,
 Да повёл-то ей Потык по новым сеням.
- 130 Да увидела ведь Марфушка Лебедь Белая —
 Да убиты двенадцеть-то крепких сторожов,
 Ише сорваны двенадцеть вси замоцники,
 Да сама говорила-то таковы речи:
 «Да умел миня батюшко спойть, скормить,
- 135 Не умел миня батюшко замуж выдати:
 Отдавашь миня не с цесыти, да как не с радосыти,
 Отдавашь ты миня да с кроволитьица».
 Да повел взял ведь Марфушку на широкой двор,
 Посадил-то ведь Марфушку на добра коня,
- 140 Ише сам-то садилсэ да переди ёю.
 Да выходит король-то Земли Задоньския,
 Ише сам он говорил-то да таковы речи:
 «Добро жаловать, Потык сын Ивановиць,
 Хлеба-соли ко мне ись да вина с медом пить!»
- 145 Отвещал-то ведь Потык сын Ивановиць:
 «На приезди ты гостя не учествовал —
 На отъезди тебе гостя не учествовать!»
 Только видели Потык-от собирайтце —
 Да не видели поездоцьки богатырьския.
- 150 Конь скакал цезез стену-ту городовую,
 Через ту же цезез башню наугольную.
 Они день-от как едут с утра до вечора,
 Состыгала тут Потыка ночка тёмная,
 Розоставил ведь Потык как белой шатёр,

- 155 Розоставил кроваточку со новѣх-то⁴ костей,
 Со новѣх-то костей да с зуба рыбьѣго,
 Да валилсэ со Марфушкой Лебедь Беляя.
 Розьсердилась-то на ёго Марфушка Лебедь Беляя,
 Обвернула ёго да чѣрным вороном,
- 160 Приказала лететь ёму по поднебесью.
 Он летал-то всю ноцьку осѣнную,
 А осѣнну-ту ноценьку до белá свету.
 Обвернула другой раз да как добрым конём,
 Да сама-то садилась как на добра коня,
- 165 Она ездила-то всю ночку осѣнную,
 До того жа он ездил до белá свету,
 Пролѣжал он весь день с утра до вец'ѣра.
 Обвернула она тогда горносталяшком,
 Приказала копатьце да под кореньицём.
- 170 Копалсэ Потык до белá свету,
 Приломал он свою да буйну голову.
 Да тогда-то овернула-то серым камешком,
 Она бросила камешок во ц'истó полѣ,
 Да сама она валилась в новой белóй шатѣр.
- 175 Да во ту-ту пору-де, как во то время
 Уж как ехал государь наш Илья Муромець,
 Ише сам говорил-то да таковы речи:
 «Ише колько в цистóm поли не ежживал,
 Уж как этого камешка не видывал».
- 180 Он ведь брал тогда камешок на белы руки
 Да метал этот камешок по поднебесью,
 Уж как выскоц'ил у камешка Потык сын Ивановиць.
 Говорил государь тогда таковы речи:
 «Ты постой-ко-се, Потык, во чистóm поли,
- 185 Я пойду-то ко Марфушки во белóй шатѣр».
 Да пришол-то ведь государь-от во белóй шатѣр,
 Повалилсэ ведь к Марфушки Лебедь Беляя.
 Да накинула Марфушка праву ногу,
 Дахватила она-то ёго право́й рукой,
- 190 Ише хоцѣт-то здушить-то осударя Илью Муромця.
 Да скакал государь тогда на резвы ножки,
 Ише брал-то ведь Марфушку за русу косу,
 Уж как вынял государь-то как три прутьшка,
 Ише начал стягать-то Марфушку Лебедь Белую.
- 195 Да <в>змолилась-то Марфушка Лебедь Беляя:
 «Уж ты вой еси, Потык сын Ивановиць!
 Я не буду теперь-то да змея лютая,

- Я ведь буду тепереци молода жона».
 Ише прѣспал государь ноць-ту да до белá сьвету.
 200 Тогда садилсь они да на добрѣх коней:
 А садил-то ведь Потык Марфушку позади себя.
 Да поехали они тогда в крашон Киев-град,
 Да наехали они на Зьмею лютую,
 А горит у ей зьмеиноѣ подворьциѣ.
 205 «Ты сойми-ко-се, Потык, да свой сафьян сапог,
 Ты залей-ко моѣ зьмеино гнѣздышко —
 Я те сделаю добро-то как великоѣ».
 Да соходил-то Потык со добрá коня,
 Скиниваѣт как свой сапог сафьянныя,
 210 Да зачѣрпыват свежѣй воды ключѣвыя,
 Да заливат он зьмеино гнѣздышко.⁵
 Да по ихному было да как по'⟨о⟩тѣзду-то,
 Да приехал во Киев король как Тульскія,⁶
 А он выиграл у Владимѣра золотой казны сорок тысячей,
 215 А он выиграл у Владимѣра двенадцеть-то ка богáтырей,
 А во ти жо во пешки он, во шахматы.
 «Уж ты гой еси, Потык да сын Ивановиць!
 После вас-то приехал король земли Тульскія,
 Он ведь вѣиграл у меня золотой казны сорок тысячей,
 220 Он ведь выиграл у мя двенадцеть-то как богáтырей.
 А тогды съезди ты, Потык да сын Ивановиць,
 Ко тому жо королю да Земли Тульскія,
 Отыграй ты золоту казну, сорок тысячей,
 Отыграй-ко-се ты двенадцеть как богáтырей».
 225 Да отправилсѣ Потык да в Землю Тульскую,
 Ко тому королю-ту да Земли Тульскія.
 Приезжал ведь Потык да сын Ивановиць,
 Ише сам говорил ёму таковы речи:
 «Уж ты вой еси, король да Земли Тульскія!
 230 Я приехал играть во пешки-ти, как во шахматы».
 Они садилсь играть с королем де Земли как Тульскія.
 Да недолго ведь Потык как отыгрывал:
 Он ведь ступь-ту ведь ступил, на другой ведь мат даѣт.
 Отыграл-то у ёго золотой казны сорок тысячей,
 235 Отыграл у ёго двенадцеть-то всих богáтырей,
 Он ведь выиграл у ёго да любимую доць,
 Да любиму-ту доць да одинакую
 Ише нá имя Овдотьюшку Лебедь Белую.
 Да поехал ведь Потык в крашон Киѣв-град.
 240 Да стречат ёго Владимѣр-от стольнѣ-киеськой,

- Да стрещяёт Опраксёя-королевичня.
 Да привозит золотой казны сорок тысячей,
 Да привозит двенадцеть да как богатырей.
 Да узнала тут Марфушка Лебедь Белая,
 245 Как сосваталсэ на Овдотьюшки Лебедь Белья,
 Да сама говорила таковы речи:
 «Мы поедём с тобой да как венцятысе,
 Мы положим таку заповедь великую:
 Да которой умрёт, другому живому во гроб легчи,
 250 Шьтобы выкопать могила трёх локот».
 Обвенцялсэ ведь Потык сын Ивановичь.
 Умёрла-то у ёго да Марфушка Лебедь Белая,
 Повалили ведь Марфушку во гроб в огромныя
 Да наверх-то ведь Потыка сына Иванова
 255 Зарывали во ту могилу-ту во глубокую.
 Да на ето государь-то как догадлив был:
 Привезал как ко гробу колокольщик-от,
 Ишше вьвёл из могилы проволоку жа.
 В ти пор скакала Марфушка Лебедь Белая,
 260 Ише зацела душить-то Потыка сына Иванова.
 Зазьвенел-то ведь медной колокольщик-от,
 Зазьвонила-то прóволока-та как железная.
 Не дозволят-то закон розрыть могилу-ту.
 Да во ту-то пору, да как во то время
 265 Налетела Зьмея да как ведь лютая,
 Она на́цяла рыть-то да как сырú землю,
 Она вырыла Потыка сына Иванова
 Да в ти пór тут же Марфушку Лебедь Белую,
 Опалила она Потыка сына Иванова,
 270 Ише будто ёго да головёнушку.
 Говорил восударь-то да Илья Муромець:
 «Ише надоть ведь сделать реинка высокая,
 Надоть съделать-то пётёлка варёная.
 Повели-то ведь Марфушку Лебедь Белую,
 275 Да повел-то ведь Потык сын Ивановичь.
 Он ведь вывел на реину высокую,
 Да хотел он сунуть ей в петёлку варёную.
 Да на ето государь-от да как догадлив был:
 Он ведь стал под реинку высокую.
 280 Она сунула Потыка сына Иванова —
 Да махнул государь-то да саблей вострою
 Да по той жо по реины высокою,
 Да упал-то ведь Потык на сырú землю.

- Да скакал-то государь-от да Илья Муромець
 285 Да на ту жа на реинку высокую,
 Он ведь сунул тут Марфушку в петёлку варёную.
 Задавилась тогда Марфушка Лебедь Белая.
 Да росклали огонь, большой пожог,
 Повалили тут ведь Марфушку Лебедь Белую,
 290 Повалили ведь Марфушку на большой пожар
 Да сожгли-то её как тело белое,
 Ише пепел как розъвеели по цисту полю.
 Говорил государь тогда таковы речи:
 «Уж ты сукин сын, Потык сын Ивановичь!»
 295 Говорил тогда я тебе таковы речи:
 „Ты не езьди во Землю-то во Задонскую,
 Не бери-тко-се ты Марфушки Лебедь Белая:
 Те не будёт Марфушка молода жона,
 Тебе будёт Марфушка змея лютая”.
 300 Поежай-ко-се теперечи к королю-то как ведь Тульскому,
 Ты возьми-тко-се Овдотьюшку Лебедь Белую». ⁷
 Да отправилсэ ведь Потык-то сын Ивановичь,
 Ише с им-то поехал государь-от да Илья Муромець,
 Да поехал Добрынюшка Микитиць-от.
 305 А приехали к королю-ту за Земли Тульския,
 Он не стал-то давать Овдотьюшки Лебедь Белая.
 Они нёцёсно взяли Овдотьюшку Лебедь Белую,
 Увезьли-то они да в крашон Киев-град.
 Повенцялсэ тогда Потык сын Ивановичь
 310 А со той же Овдотьюшкой Лебедь Белая.

№ 71

- Ай ведь было во славном городе во Киеви,
 Шьчо у ласкового князя у Владимира.
 Ай ведь было жило у его всё три богатыря,
 Три того ли всё три брателка крестового:
 5 Во перьвѣх-то жил Добрынюшка Никитиць млад,
 Во вторых-то жил Алёшенька Попович млад,
 Во третьѣх-то жил ведь Пóтык-от Михайло сын Ивановичь.
 Говорил-то князь Михайлу, всё ро(с)сказывал:
 «Поежай-ко ты, Михайлушко, в чисто полё,
 10 Уж ты молодой мой Потык, ты Михайло сын Ивановичь
 Постреляй-ко хоть ты мне да белых лебедей».
 Тут как скоро-то Михайло свет Ивановичь
 Он ведь скоро-то выходит всё из-за дубовá стола,

- Он ведь скоро-то бежит всё на конюшин двор,
 15 Он сяддал-то своево ведь коня доброго,
 Он ведь скоро тут поехал во цистó полё,
 Ишше брал-то он всё стрелоцьки калёныя.
 Он завидял всё на тихой-то на зáводи,
 Он завидял лебёдушку всё белую:
- 20 Эта беленька лебёдка — золотó перьё,
 Золото у ей перьё, крыльё серебряно,
 Голова-та усажона скатным жемцюгом.
 Воспрогóворит всё Потык-то Михайло свет Иванович:
 «Я не буду-то стрелять етой лебёдоцки,
 25 Я не буду всё ей да я кровавить-то,
 Не могу ли изымать ею живú в руки,
 Увезти мне-ка живу князю Владимиру».
 Он не мог-то поимать да ей живой в руки.
 Он ведь скоро натягаёт Потык-то Михайло сын Ивановиць,
- 30 Натягаёт он у стрелки скоро тúгой лук,
 Он ведь хоцёт пострéлить-то эту лебёдушку.
 Тут спрогóворит лебёдушка язýком человечеським:
 «Уж ты гой еси, ты Потык же Михайло сын Иванович!
 Не стреляй-ко ты миня, всё белой лебеди:
 35 Пригожусь-то я к тебе да всё во всё время».
 Тут Потык-то Михайло всё Ивановиць
 Он-то ей да пожалел да всё пострéлить-то,
 Полетела-то лебёдоцка ко Почай-реки.
*(Больша рецьюшка, где-нибудь далёко —
 в скольких старинах поётце!)*
- 40 Поехал ведь Потык-то Михайло свет Ивановиць
 Как за етой за белой вслед лебёдушкой.
 Не лебёдушка летат-то тут — Овдотья Лиходеёвна,
 Прилетела-то Овдотья на крут бéрежок,
 Розьвернулась-то Овдотья красной девицёй.
- 45 Приезжает-то ведь Потык-то Михайло свет Ивановиць,
 Обнимат она Потыка Михайла всё Ивановиця,
 Обнимает она ево всё за белú шею,
 Чёловала ево в уста в сахáрния:
 «Ты возьми, возьми-тко, Потык ты Михайло сын Иванович,
 50 Ты возьми, возьми миня Овдотьюшку-ту за сибя замуж!»
 Ишше тут-ито ведь Потык-то Михайло всё Иванович
 Ишше он ведь тут ведь всё на ей сосваталсэ.
 Тут садилсэ всё Потык-то Михайло всё Ивановиць,
 Он садилсэ на своёго коня доброго,
 Он поехал ведь Потык-то Михайло всё Ивановиць

- 55 Да поехал ведь он да в красён Киев-град,
 Ко своёму-ту ко ласковому князю ко Владимиру.
 Овернулась тут Овдотья Лиходеёвна,
 Овернулась-то она да белой лебедью,
 Овернулась — полетела-то да переди́ его.
- 60 Ишше е(д)ёт Потык-от Михайло всё Ивановиць,
 Мимо едёт Овдотьюшкин высок терем:
 Сидит-то тут Овдотья Лиходеёвна,
 Шьто сидит-то под косисьцятым окошоцьком.
 Приезжает ко князю ко Владимиру,
- 65 Он навез-то тут ёму всё гусей, лёбедей
 Да пернасцетых-то мелких утоцёк.
 Говорит-то тут ведь Потык-от Михайло всё Ивановиць:
 «Уж ты красно моё солнышко Владимир-князь,
 Ты Владимир, ты князь мой стольнё-кнецькой!
- 70 Ты сбирал-то пир да для троих для нас,
 Для троих для нас сбирал, для трёх могуццих богатырей».
 Говорит-то тут Потык-от Михайло всё Ивановиць,
 Как ведь говорит-то всё князю Владимиру:
 «Собери-ко-се ты, князь, ты пир да одному мне-ка:
- 75 Я составалсэ ведь на Овдотьи Лиходеёвны,
 Зазвонят ведь как вецерьни-ти позды сёгодни-то,
 Мы тогда пойдём с Овдотьёй с Лиходеёвной
 Во Божью-ту мы церковь пойдём венцятисе».
- (Еретиця была; говорит: «Обвинцеюсе после вецерьни».)
 Ай тому-то ведь Владимир-князь всё рад ведь был,
- 80 Он ведь рад ведь был тому, радёшенёк.
 Ишше светёл-от день пошел ко вецёру,
 Ишше красно-то солнышко пошло ко западу,
 Зазвонили тут вецерьни-ти ведь во Божьих церквах.
 Тут ведь Потык-от Михайло сын Ивановиць
- 85 Пошел-то Потык ведь свет Михайлушко в Божью церковь.
 Наредилась тут Овдотья Лиходеёвна
 Да пошла же она да во Божью церковь.
 Как ведь отслужили-то позды вецерьни-то,
 Говорил-то Потык-то Михайлушко Ивановиць,
- 90 Говорил-то всё отцам, попам соборным:
 «Повенчайте-тко вы нас с Овдотьюшкой с Лиходеёвной».
 Говорила тут Овдотья Лиходеёвна:
 «Уж ты гой еси, Потык ты Михайло всё Ивановиць!
 Мы положим разве заповедь великую:
- 95 Впереди-то мы умрём которой один однёго-то,
 Шьчобы к мёртвому живого закопать в землю».

- Положили они заповедь великую
 Перед той ли они да во Божьей церквы,
 Как при тех ли отцах, отцах духовных,
 100 Шьчо при тех ли при прицетьницьках церковных.
 Овенцялэ тут Потык-то Михайло сын Ивановиць
 С молодой-то со Овдотьей Лиходеёвной,
 Приходят они всё из Божьей церквы.
 Ише князь-от был Владимир всё радёхонёк,
 105 Всё радёхонёк был он, веселёхонёк,
 Он садит-то новобрачных, всё усаживат,
 Ишше Пóтыка Михайла всё Ивановиця
 Он со той ли со Овдотьей с Лиходеёвной,
 Он усаживал в полаты их за дубовы столы,
 110 Повёлэ тут у их всё пир навёсели.
 Они жили немного — только пólгода:
 Незамóгла-то тут Овдотья Лиходеёвна,
 Она вецёром незамогла, утром представилась.
 Тут пошол-то скоро Потык-от Михайло все Иванович,
 115 Он пошол-то тут да всё к попам соборным.
 Он съделали могилу всё большиньскую,
 Повалили Овдотьюшку всё мёртву в гроб,
 Повалили тут Потыка Михайла все Ивановиця,
 Подли бок-то поставили к ёму добра коня.
 120 Говорит-то князь Владимир таковы реци:
 «Уж вы гой еси, попы, отцы соборныя!
 Я не дам-то Михайлушка лёжить с Овдотьей Лиходеёвной,
 Повалите вы Овдотью всё одну вы в гроб,
 Положите на Овдотью полосу железную,
 125 Посадите вы Потыка Михайла со добрым конем,
 Положите вы ёму да саблю вострую.
 Уж поставлю я к могилы крепких караульшицьков».
 Закрывали ¹с могилы¹ их решетоцькой железною,
 Как ведь жолтым-то песоцьком не зарыли-то —
 130 По роспореженьицю всё ведь было по-хорошому,
 По-хорошому да всё по-хитрому,
 Всё по-хитрому былó, по-мудрому:
 Тут поставил он крепких всё караульшицьков.
 Со шести было цесов да до двенадцети.
 135 Приползала тут зьмея к Потыку Михайлу всё Ивановичу,
 Напустила тут Овдотья Лиходеёвна
 Волше(б)сьтвом она своим да зьмей-то лютых,
 Загрызьли-то у Потыка Михайла у Ивановича,
 Ай хотят они отрызьть да ручки белыя.

- 140 Он хватил тут Потык-то Михайло всё Ивановиць,
 Он хватил свою скорó востру́ сабляю,
 От отцек-то у змеёй да буйны головы.
 Забрэццяла полоса-та всё железная,
 Заскрыпела тут зубами всё Овдотья Лиходеёвна.
- 145 Перепалсэ у Потыка у Михайла у Ивановиця доброй конь,
 Он выскакиват из матушки сырой земли,
 Он выхватывал ногами своего хозяина,
 Прогóворил-то конь язЫком человецеским:
 «Притопцю возьму Овдотью Лиходеёвну!»
- 150 Притоптал-то он в земли, в гробу Овдотью Лиходеёвну,
 <В>' достали-то присек Потык-то Михайло всё Ивановиць,
 Он присек ей, прирубил взял на мелкí части:
 «Не жона была Овдотья мне-ка Лиходеёвна,
 Не жона мне-ка была — всё еретíця-та проклятая!»

ДУНАЙ ИВАНОВИЧ-СВАТ (№ 72—80)

№ 72

- Заводился у Владимира почестен пир.
 Все на пиру пьяны, веселы,
 Все на пиру напивались,
 Уж как все на пиру наедались,
 5 Уж как все на пиру приразхвастались:
 Иной-то хвастает широким двором,
 Иной-то хвастает зóлотой казной,
 Иной хвастает добрым конем,
 Глупой-то хвастает молодой женой,
 10 А неразумной похваляется родной сестрой.
 Ходит Владимир по палате белокаменной,
 Белыми руками приразмахивает,
 Сам говорит таковы речи:
 «Все у меня в городе поженены,
 15 Все красны девицы исподаваны.
 Один-то я Владимир холост хожу,
 Холост хожу — не женат слыву.
 Не знает ли кто мне обручницы,
 Обручницы мне-ка сопровтивницы,
 20 Чтобы возрастом не мала, умом сверстна,
 Белое лицо — будто белый снег,
 Ягодницы — будьто маков цвет,

- А ясны очи — как у сокола,
 Черны-то брови — как у соболя,
 25 Чтобы было кому поклониться?»
 Спрашивает Владимир во второй након:
 «Не знаете ли мне-ка обручницы,
 Обручницы мне-ка сопротивницы,
 Чтобы возрастом не мала, умом сверстна?»
 30 Из-за того стола из-за окольного,
 Из-за той из-за скамьи белодубовой
 Выходит дородний добрый молодец
 На имя Добрынюшка Никитич наш.
 Сам говорит таковы речи:
 35 «Благослови-тко-се, Владимир, слово молвити,
 Не могитко-се меня за слово скоро сказнити,
 Уж я знаю тебе обручницу,
 Обручницу знаю сопротивницу.
 Она возрастом не мала — умом сверстна,
 40 Бело лицо — будто белый снег,
 Ягодницы — будто маков цвет,
 А ясны-то очи — как у сокола,
 Черны-то брови — как у соболя,
 Уж я сам не видал, так от людей слышал.
 45 Уж я слышал от брата названого,
 От названого-от крестового —
 От сильного Дунаюшка Иванова.
 Сидит-то Дунай в темном погребе.
 Сидит-то Дунай ровно три года».
 50 Бери-тко, Добрынюшка, золоты ключи,
 Отмыкай-ко темны погребы,
 Выпускай-ко Дунаюшка на белый свет.
 У меня, право, Дунай в забытьи пришел».
 Уж берет-то Добрыня золоты ключи,
 55 Отмыкает Добрыня темны погребы.
 Сидит-то Дунай в темном погребе,
 Читает книгу Дунай Иванович.
 Сам сидучись, прирасплакался:
 «На что я Владимиру понадобился,
 60 Или хочет сказнить меня, весити?»
 Говорит-то Добрынюшка Никитич:
 «Добро жаловать ко Владимиру на почестен пир,
 На почестен хлеба-соли есть,
 Хлеба-соли есть, пива-меду пить».
 65 Выходит Дунаюшко Иванович,

- Выходит из темна погреба,
 Идут-то Дунай в палаты белокаменны,
 Идут на почесен¹ пир с Добрынюшкой Никитичем,
 Идут во гридню княженецкую.
- ⁷⁰ Зашел-то Дунай во гридню княженецкую.
 Он крест-то кладет по-писаному,
 Поклон-то ведет по-ученому,
 Бьет-то челом князю Владимиру,
 Всем русским богатырям по обычаю.
- ⁷⁵ «Садись-ко, Дунаюшко, за дубовый стол,
 За дубовой стол хлеба-соли есть».
 Садил Дуная во больше место,
 Во больше место во большой угол.
 Наливали чару зелена вина,
- ⁸⁰ Зелена вина полтора ведра,
 Другу наливали пива пьянаго,
 Пива пьянаго полтора ведра.
 Принимает вино Дунаюшко единой рукой,
 Выпивает Дунаюшко единым духом,
- ⁸⁵ Запивает Дунай пивом пьяным.
 Хмелина у Дуная в голове появилась.
 Говорит-то Володимир стольно-киевский:
 «Уж ты гой еси, Дунаюшко Иванович!
 Не слыхал ли ты мне-ка обручницы,
- ⁹⁰ Обручницы мне сопротивницы,
 Чтобы возрастом не мала, умом сверстна,
 Бело-то лице — как белый снег,
 Ягодницы-то — будто² маков цвет,
 Ясны-то очи — как у сокола,
- ⁹⁵ Черны-то брови — как у соболя,
 Чтобы было кому поклониться?»
 Говорит-то Дунаюшко Иванович:
 «Уж я знаю тебе обручницу,
 Знаю тебе сопротивницу:
- ¹⁰⁰ Есть у короля Задонскаго,
 Есть у короля две дочери.
 Перва дочь — Настасья-королевишна.
 Настасья-королевишна не тебе верста.
 Ездит во чисто поле — полякует,
- ¹⁰⁵ Сльвет паляницей преудалою.
 А есть Опракся-королевишна.
 Сидит Опракся в новой горнице,
 Чтобы буйны ветры не завяли,

- Чтобы лишни-то люди не зазрили».
- 110 Говорит-то Владимир стольно-киевский:
«Ты гой еси, Дунаюшко Иванович!
Ты бери силы, сколько надобно,
Ты бери казны, сколько надобно».
- Говорит-то Дунаюшко Иванович:
- 115 «Мне не надо твоя сила великая,
Мне не надо твоя золота казна,
Уж я с силой-то пойду — не воевать стану,
Казной твоей не торговать стану.
Уж я силой возьму богатырскою,
- 120 А грозою возьму княженецкою.
Только дай мне-ка два брателки названья,
Два названья, крестовья:
Во первых-то Добрынюшку Никитича,
Во вторых Олёшеньку³ Поповича».
- 125 Говорит-то Владимир стольно-киевский:
«Бери-тко, Дунай, что те надобно».
- Сбирается Дунай со братьями крестовыми.
Пошли да братаны на конюшен двор,
Берут-то коней своих добрых,
- 130 Уздают во уздицы во тесмянныя,
Седлают во седелечка черкасския —
Сбираются богатыри, сряжаются.
Провождает Владимир стольно-киевский,
Провождает со чести, со радости.
- 135 Поехали братаны во чисто поле,
Во чистом поле курева стоит.
Едут ко царству Задонскому,
К тому королю ко Задонскому,
Заезжают в королевство Задонское,
- 140 Въезжают к королю на широкий двор.
Они мечут коней на широком дворе,
Не привязанных мечут, не приказанных,
Не разнузданных, не расседланных.
Говорит-то Дунаюшко Иванович:
- 145 «Уж ты, брателко, Олёшенька Попович,
Останься-ко, Олёшенька, на широком дворе,
Секи-ко ты татар стараго и малаго,
Не покидай ни единого на семена».
- Пошли со Добрыней со Никитичем,
- 150 Пошли на новы сени.
Оставляет Добрынюшку Никитича.

- Сам говорит таковы речи:
«С боку на бок палата сколебається —
Секи-тко стараго и малаго,
155 Не оставляй ни одинаго на семена».
Пошел-то Дунаюшко Иванович,
Зашел в палату королевскую,
Кланяется чудным образам,
Он крест-от кладет по-писанному,
160 Поклон-от ведет по-ученому,
Челом бьет королю Задонскому:
«Здравствуй, король Земли Задонския!» —
«Здравствуй, Дунаюшко Иванович!
Ты зачем ко мне приехал,
165 Жить-служить по-старому?»
Говорит-то Дунаюшко Иванович:
«Я приехал жить к тебе не по-старому,
Не по-старому, не по-прежнему —
Я приехал к тебе сватом свататься,
170 Что на той Опракsee-королевишне,
Да на той же на Настасье-королевишне».
Говорит-то король Земли Задонския:
«Кабы была Настасья-королевишна,
На долонь бы посадила, другой сжала —
175 Меж долонями мокро стало».
Лише тут-то Дунаю на беду пало,
Горяча кровь раскипелася,
Лепота в лице перменилася.
Хватил татарина он за ноги,
180 Стал татаринoм помахивать,
Прибил всех паповей-улановей,
Всех поганных татаровей.
Вышел Дунай на новы сени,
На новых сенях все мертвы лежат.
185 Пошел-то Дунай во высок терем,
Свернул Дунай двенадцать замочиков висучиих,⁴
Он прибил тут всех крепких сторожев.
Зашел-то в горницу высокую
Ко той Опракsee-королевишне.
190 Сидит Опраксея-королевишна,
Вышивает ширинку красна золота.
Встала Опраксея на резвы ноги.
Берет-то Дунай за праву руку
Опраксею-королевишну,

- 195 Повел-то Дунаюшка Иванович.
Идет-то Опраксея-королевишна,
Идет по новым сеням.
Тут Опраксея прирасплакалась:
«Ты умел меня, батюшка, вспоить-вскормить,
200 Не умел меня, батюшко, замуж отдать,
Отдаешь ты меня не с чести, не с радости».
Выходит король Земли Задонския,
Зовет он Дунаюшка Иванова:
«Добро жаловать Дунаюшко Иванович,
205 Хлеба-соли есть, вина с медом пить».
Говорит Дунаюшко Иванович:
«На приезде гостя не учествовал,
На отъезде гостя не употчивать».⁵
Подходит Дунай ко добрым коням,
210 Садился Дунай на добра коня,
Опраксеюшку садил позади себя.
Поехали Дунаюшка Иванович,
Поехали вон из города.
Едут Дунай по чисту полю,
215 Наехали Дунай ископыть глубокую.
Говорит-то Дунаюшко Иванович:
«Ты, братец Добрынюшка Никитич,
Бери-тко Опраксею-королевишну,
Бери-тко-сь на добра коня.
220 Я поеду по ископыти глубокия».
Отдават Добрынюшке Никитичу,
Говорит: «Поезжай-ко Добрынюшка Никитич
Поезжай во красен Киев-град
Со той со Опраксеей-королевишной.
225 Я поеду по ископыти глубокия».
Еще тут братаны разъехались.
Наехал Дунаюшко паляницу преудалую,
Разъехались с паляницей преудалою.
Как ударил копьём бусорменским,
230 Вышиб паляницу преудалую —
Пала паляница на сыру землю,
Приступил-то копытом его добрый конь.
Берет паляницу за белы руки,
Садит паляницу на добра коня.
235 Поехал Дунаюшко Иванович,
Наехал Добрынюшку Никитича.
Едут ко городу ко Киеву.

1. Алексей Владимирович Марков.

2. Александр Леонтьевич Маслов.

3. Эриа Георгиевна Бородина-Морозова.

4. Анна Михайловна Астахова.

5. Жилой дом в Нижней Зимней Золотице.
Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.

6. Интерьер купеческого дома. Верхняя Зимняя Золотица.
Фотография Д. В. Агафоновой. 2010 г.

7. Могильный крест в Нижней Зимней Золотице.
Фотография Д. В. Агафоновой. 2010 г.

8. Церковь Рождества Богородицы в Верхней Зимней Золотице.
Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.

9. Обетный крест в Верхней Зимней Золотице.
Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.

10. Обетный крест в Верхней Зимней Золотице.
Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.

11. Карбас на берегу реки Золотицы.
Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.

12. Вид Верхней Зимней Золотицы.
Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.

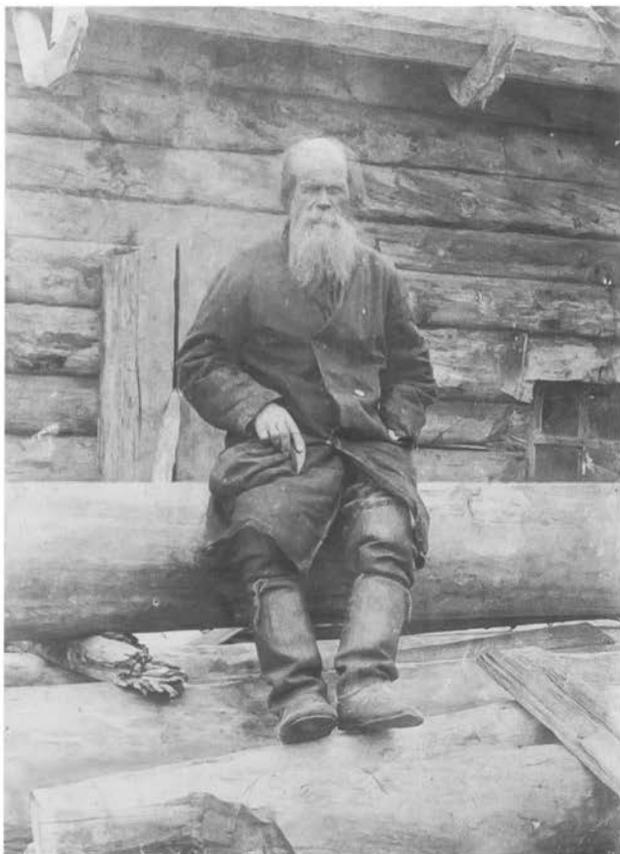
13. Гаврила Леонтьевич Крюков.
Карандашный рисунок Г. Сайботалова со старинной фотографии.

14. Аграфена Матвеевна Крюкова.
Карандашный рисунок Г. Сайботалова со старинной фотографии.

15. Марфа Семеновна и Павла Семеновна Крюковы.

16. Федор Тимофеевич Пономарев.
Фотография прислана А. В. Марковым исполнителю.

17. Семен Васильевич Крюков.

18. Гаврило Леонтьевич Крюков с внуками.

19. Пелагея Васильевна Негадова.

20. Серафима Семеновна Крюкова, Марфа Семеновна Крюкова
и Павла Семеновна Пахолова.

21. Коллективная фотография из архива М. П. Борисенковой.
В нижнем ряду вторая справа Марфа Семеновна Крюкова.

22. Крюковские кресты на кладбище в Нижней Зимней Золотце.
Фотография Д. В. Агафоновой. 2010 г.

23. Марфа Петровна Борисенкова. Внучатая племянница М. С. Крюковой.
Фотография Д. В. Агафоновой. 2010 г.

24. Рыболовные сети.
Фотография Д. В. Агафоновой. 2010 г.

25. Крыльцо дома в Верхней Зимней Золотице.
Фотография Д. В. Агафоновой. 2010 г.

26. Тоня Подозериха в Нижней Зимней Золотице.
Фотография Д. В. Агафоновой. 2010 г.

27. Вид на Нижнюю Зимнюю Золотицу.
Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.

28. Верхняя Зимняя Золотица.
Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.

29. Разрушенный карбас на берегу реки. Нижняя Зимняя Золотица.
Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.

30. Верхняя Зимняя Золотица.
Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.

31. Церковь в Нижней Зимней Золотице.
Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.

32. Вид на Нижнюю Зимнюю Золотицу (кладбище и море).
Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.

33. Кладбище в Нижней Зимней Золотице.
Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.

34. Панорама Верхней Зимней Золотицы.
Фотография Д. В. Агафоновой. 2010 г.

35. Кладбище в Нижней Зимней Золотице.
Фотография А. Ю. Балакина. 2018 г.

36. Тоня на берегу Белого моря возле Нижней Зимней Золотицы.
Фотография А. Ю. Балакина. 2018 г.

37. Резная лопаточка.
Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.

Заезжают в Киев скорошенько.
 Встречают их во Киеве,
 240 Встречают со чести, со радости:
 Встречает Владимир стольно-киевский,
 Повелось пиروваньице, почестен пир.
 Пиrowали-столовали по первой день
 И закон Божий приняли.
 245 Тут Дунаюшко обручился
 С той Настасьей-королевишной.

№ 73

Как во славном было городи во Киеви,
 А у ласкова-то князя у Владимира
 А заводилосе пиrowанье-столованьице, почесной пир
 А на всех своих-то князей, бояр жа,
 5 А на всех-то на руських могучих на богатырей,
 На купцей-то, гостей торговья,
 А на тих-то гостей, калик да переходящих.
 А как светел день-от идёт на ёсени,
 Красно солнышко идёт на всей вьшины,
 10 А почесен-от-то пир идёт навесели.
 А как вси-то на пиру сидят да пьяны, веселы,
 А как вси-то на честном сидят пьют-то, едят, хвастают:
 Как богат-от хвастат золотой казной 'сударевой,
 А иной-от фастает да широким двором,
 15 А как сильней-от хвастат да своей силою,
 А иной-от хвастат всё добрым конём,
 А как глупой-от хвастат молодой жоной,
 Неразумной-от хвастат всё родной сестрой,
 А как умной-от всё хвастат родным батюшкой,
 20 А разумной-от хвастат родной матушкой.
 Как Владимир-князь по полаты-то похаживат,
 А с ножки на ножку переступыват,
 А жолтыма-ти кудрями приростряхиват,
 А как белыма-ти ручками розмахыват,
 25 А златыма-ти перстнями принашшалкиват.
 А он сам-от говорил да таковы речи:
 «Уж вы гой еси, моя вы князья, бояра!
 А как вси у мя во Киеви поженены,
 Красны девушки замуж подаваны,
 30 А как я един-то, князь Владимир, всё холост хожу,

- Я холост хожу да нежонат слову́.
 Вы не знаите ли мне обрушници,
 А обрушници мне-ка-то супротів собя,
 Што обрушници-то мне-ка, красной девици:
³⁵ Штобы возрастом не ма́ла и умом сверстна,
 А белó лицё-то было у ей снегу белого,
 А как ясны очи были как у сокола,
 У того же со́кола как перелётного,
 Чёрны брови были у ей как у соболя чёрно́го всё сибирского,
⁴⁰ А как ягоди́ници были у ей ка-быть маков цвѣт,
 А походочка у ей была павиная,
 Тíха, крótка речь была штобы лебединая?»
 А как большóй-от князь хоронитьце за среднёго,
 А вот средней-от тулитьце всё за меньшого,
⁴⁵ А от меньшого, от бóльшого ответу нет.
 Говорит-то князь Владимир по второй након,
 А как говорил-то князь да по-в третей након:
 «Уж вы гой еси, мои да князи, бóяра,
 Уж вы руськии могучи-сильни всё богáтыри!
⁵⁰ А не знаите ли мне обрушници, да красной девици,
 Красной девици да супротів меня:
 Чтобы возрастом была не ма́ла и умом сверстна,
 А белó-то личё у ей-то было ка-быть белой снег,
 А как ясны очи были как у сокола,
⁵⁵ У того же сокола как перелётного,
 Чёрны брови были у ей как у соболя сибирского,
 А как ягоди́ници были у ей ка-быть маков цвѣт,
 А походочка была е́ павиная,
 Тиха речь-то, крótка б́ла лебединая?»
⁶⁰ Как большóй-от князь хоронитьце за среднёго,
 А как средней-от князь хоронитьце за меньшого,
 А от мѣньшого, от бóльшого ответу нет.
 Из-за то́го жо стола да всё окóльнёго,
 Из-за той жо скамеячки да белодубовой,
⁶⁵ Из-за той же ествы всё сахарныя
 А ставал-то на резв́и ноги дороднёй доброй молодець,
 А как той жо Добрынюшка Микитич млад,
 Ишше сам он говорит да таковы речи:
 «Уж ты гой еси, Владимир князь да стольнё-киевско́й!
⁷⁰ А благослови-тко мне-ка слово вымолвить,
 Ты моги меня за словó-то всё помиловать,
 А не будь меня-то не казнить, не весити,
 Не садить-то меня в тѣмну тѣмницю

- А за крепкия всё караулы жо».
- 75 Говорил-то князь да таковы речи:
«Уж ты гой еси, Добрынюшка ты Микитич млад!
Говори-тко ты, да што те надобно.
Я не буду тибя не казнить, не весити,
Не садить тебя да в тёмну тёмницу,
- 80 Я могу тебя да всё помиловать, пожаловать». —
«А как знаю-то я тебе обручницу-то, красну девицю,
Красну девицю да супротив тебя:
Она возрастом не мала и умом сверстна,
Как белó лице у ей-то — бытьто снегу белого,
- 85 А как ясны-ти очи — как у сокола,
А черны-ти брови — как у соболя сибирского,
А да ягодници у ей были как ведь маков цвѣт,
А походочька у ей павиная,
Тиха, крótка речь да лебединая.
- 90 А у того жа корóля у Лёховинського
А как есть-то у ёго две-то дочери любимыя:
А большá ёго-то дочь Настасья-королевицня,
А та есть не тебе чета, да не тебе жона —
Она ездит по чисту полю, полякуёт,
- 95 То нама ровна и нам чотá.
А меньшая дочь Опраксея-королевицня,
Она возрастом не мала и умом свёрстна,
Бело лице у ей-то — бытьто снегу белого,
А как ясны-ти очи — как у сокола,
- 100 У того же сокола как перелётного,
А черны-ти брови — как у соболя сибирського,
А походочка её была павиная,
Тиха, крótка речь да лебединая,
А да ягодници-ти у ей были как маков цвѣт.
- 105 Я не сам видал, да от людей слышал,
От того-то брата названого-крестового
А как от Дуная сына всё Иванова.
А он жил-то у короля ровнó-й двенадцеть лет:
А он три года жил у ёго всё '⟨в⟩ дворниках,
- 110 А да три года он жил у ёго во конюхах —
А как ездили они с Настасьёй во чисто полё поляковать.
А да три года-та он жил у ёго во ключниках —
А-то всё было ёму повёрёно.
А да три года-то жил-то он во стольниках,
- 115 А во стольниках-то жил, да у столов стоял,
А когда-то ёго дочери сидят кушаю⟨т⟩,

- А играл-то он во звончатѣ гусли,
Утешал-то у ёго дочери любимыя.
А как топере у тя Здунай да сидит во тёмной тёмници
120 А за крепкими замками-ти заморскими,
А за строгима-ти караулами».
Говорит-ту всё Владимир-князь да таковы слова:
«Уж ты гой еси, Добрыня всё Микитичь млад!
А бери-тко ты у мя со спички золоты ключи».
- 125 А да брал тут Добрыня, не ослышилсэ,
Ишше скоро брал да золоты ключи,
А пошол он отмыкать да тёмны тёмници,
Отмыкал он тёмну тёмницу,
Заходил-то он да в тёмну тёмницу.
- 130 А сидит Здунай среди да тёмной тёмници,
Да повесил буйну голову с могучих плеч,
А потупил очі ясны в сѣреды¹ кирпичня.
(В стену ли, в пол ли?)
- Сам проходит к Здунаю Добрынюшка близѣхонько:
«Уж ты здравствуй, брат названья-крестовыя!»
- 135 Уж как <у> видял Здунай Добрынюшку Микитыця,
Он да скоро скожил на резвы ноги,
А как бил челом во рученьку во правую:
«Уж ты здравствуй, ты мой брат крестовыя,
Крестовый ты мой брат, названья!»
- 140 А как говорит тут Добрынюшка Микитич млад:
«Уж ты гой еси, Здунай ты сын Иванович!
Мя-то выкупить-то было из неволюшки:
А как я тобой при пиру-то всё похвастал жа
Тому-то князю Владимиру —
- 145 А ты жил у короля двенадцеть лет,
Увидал у ёго Опраксею-королевицню.
Ты пойдѣм топере ко князю на почѣсѣн пир».
А как ту Здунай да не ослышилсэ,
А пошол ко князю на почѣсѣн пир,
- 150 Заходил-то он в полаты в княжѣнёцькия,
А как крест-от он кладѣт да по-писаному
Да поклон-от вѣдет да по-учѣному,
Ише бѣт челом князю Владимиру во рученьку во правую:
«Уж ты здравствуй-ко, Владимир-князь да стольно-киевской!» —
- 155 «Уж ты здравствуй-ко, Дунай да сын Иванович!
У тя милости прошу да на почѣсѣн пир.
А как ты у мя, Здунай, да в забытѣи прошол».
А садил-то Здуная во большо место,

- Во большо место, да во большой угол,
 160 Наливали Эдунаю чару зеленá вина,
 А не мáлу, не вели́ку — в полтора вёдра,
 Подавали Эдунаю сыну Иванову,
 Принималсэ Эдунай да единой́ рукой,
 Выпивал-то тут Эдунай да единым́ духом.
- 165 А как ту жа чару наливали пива хмельнёго,
 Выпивал-то он да единым́ духом.
 На закуску, на запивку — турей рог да меду сладкого.
 Как сидит Дунай, нечим не хвастает,
 А повесил он ведь буйну голову с могучих плеч,
- 170 А потупил очи ясны в сэреду кирпичную,
 А сидит он не пьёт, не ест, не хвастает.
 А как наливали вторую чару зелена вина,
 А не мáлу, не вели́ку — в полтора ведра,
 Выпивал-то он да единым́ духом.
- 175 На запивку — турей рог да мёду сладкого.
 А как тут-то Эдунай да стал поглядывать,
 А поглядывать ту зачал, поговаривать,
 А как зачал тут Дунай да стал похвастывать.
 Говорит-то князь Владимир жа:
- 180 «Уж ты гой еси, Эдунай да сын Иванович!
 Уж ты много езживал да по святой Руси,
 Уж ты много живал да в проклятой Литвы.
 А не знашь ли мне-ка всё обручници, да красной девици,
 Штобы возростом была не мáла и умом сверстна,
- 185 А белó-то лицё у ей-то было ка-быть белой снег,
 А как ясни-ти очи были как у сокола,
 У того же сокола как перелётного,
 А черны брови были как у соболя сибирьского,
 Тиха речь-то крótка б́ла лебединая,
- 190 А походочка у ей была павиная?» —
 «У того-то короля да Лёховинського,
 То я знаю, есть две дочери любимыя:
 А большá ёго-то дочь Настасья-королевичня,
 Она ездит по чисту́ полю, полякуёт —
- 195 То нам ровна́ и нам чета.
 А меньшая дочь Опраксея-королевичня,
 А та есть тебе чета да тебе жона».
 Говорит-то князь да таковы речи:
 «Привези-тко ты за меня ею́ в замужесьво,
- 200 Ты бери-тко у мня силы, сколько надобно,
 А бери ты золотой казны несчётную».

- Говорил-то Дунай князю таковы речи:
 «А нашѣто мне твоя силушка великая?»
 А как мне с силой не дратисе, не воеватисе,
 205 Мне не надобна твоя да золота казна несчѣтная:
 Ише мне твоей казной не откупатисе.
 Только дай мне-ка двух крестовыхъ братьицейъ названья:
 Какъ первѣго братъ — Добрынюшку Микитиця,
 А второго братъ — Олѣшеньку Поповиця.
 210 Привезѣм-то мы тебе Опраксею-королевицню,
 Онъ с чести не отдаст, дакъ мы боѣмъ возьмѣмъ».
 Говорил-тко князь да таковы речи:
 «А бери-тко, Дунай, да кто те надобно».
 Они брали со спичковъ пуховы шляпы,
 215 Какъ молились они Спасу Пречистому
 А да Матери-то Божьей Богородици,
 А пошли они да со чесна пира,
 Со чесна пира да на широкой двор,
 А седлали, уздали своихъ добрыхъ коней.
 220 А какъ тольке видели, какъ богатыри срежались,
 А не видели, какъ на добрыхъ коней сежаючись,
 А не видели поездки богатырския,
 Тольке видели — в чистомъ полѣ да курева́ стоит,
 Курева́ стоит, да только три столба столбит.
 225 А приехали они да к королю да на широкой двор,
 Соходили со добрыхъ коней,
 А везали коней среди двора к дубову́ столбу,
 К дубову столбу да к золотымъ кольцу.²
 Говорил-то Здунай да таковы речи:³
 230 «Уж ты гой еси, да брат ты мой крестовыя-названья!
 Ты останьсе это среди двора.
 Какъ учуѣшь — зазвенит неровно́ моя да сабля вострая,
 Заскрипят-то мои плечи богатырския —
 А тогда секи на двори, руби ты старого ихъ ведь, малого,
 235 Ни единого не оставлей королю на сѣмяна».
 А какъ заходятъ они на краснó крыльце,
 С красна́ крыльця да на новы́ сени,
 Оставляют⁴ тут Добрыню на новыхъ сеняхъ:
 «Ты останьсе, мой ты брат крестовыя,
 240 А какъ зазвенит-то моя сабля вострая,
 А ты руби, секи старого, всё ведь младого,
 Не единого королю не оставлей на сѣмена».
 А какъ пошелъ Здунай в полаты королевския,
 Заходил-то онъ в полаты королевския,

- 245 Отпирал-то он да двери на́ пятау,
 Запирал-то он да двери на́крепко —
 Што полата королеська потрясаласе,
 Ставникі в дверях да помитусились.
 Он бьёт во рученьку во правую королю да Лёховиньському:
- 250 «Уж ты здрастуй-ко, король да Лёховиньськня!» —
 «Уж ты здрастуй-ко, Здунай ты сын Иванович!
 Ты пошто ко мне приехал жа?
 А служить-то мне приехал всё по-старому, по-прежнему,
 А да той же верой, всё ведь правдою?» —
- 255 «Не служить-то я приехал те́бе не по-старому, не по-прежнему,
 Я не верой служить тебе, всё не правдою,
 Не послом-то я приехал послан жа.
 А как я приехал к тебе сватом свататьсе
 На твоей-то на любимую на дочери
- 260 А на той жо Опраксеи-королевични —
 За того жа за нашего князя Владимира,
 За Владимира да стольнѣ-киевська.
 Ты отдай-ко ёю с чести, с радости,
 Безо драки отдай да кроволитныя,
- 265 Не проливай крови напрасныя,
 Уж ты с чести не отдашь, дак мы боём возьмём,
 Той да дракой кроволитною».
 Говорил-то король да таковы речи:
 «У мя, право, Опраксеюшка просватана,
- 270 А просватана да запоручена
 За того жо вот за поганого Идóлишша.
 А у нас топерече ведетьце пир,
 У нас белья ручки исподаваны,
 Златыма перстнеми испомѣненось.
- 275 А сидит у мя Идолишшо за тима́ столами белодубыма,
 За тима за есвами да всё сахárныма».
 А как говорил Здунай да во второй након:
 «Уж ты право, король, Опраксеюшку — за князя за Владимира,
 Уж ты <с> чесьти отдай ёю, с радости,
- 280 А без драки ты отдай да кроволитныя,
 Уж ты с чесьти не отдашь, дак мы боём возьмём».
 Говорил-то Здунай да во третей након:
 «Ты отдай-ко, король, с чести, с радости,
 Без драки ты отдай да кроволитныя,
- 285 А не проливай ты чужой крови по-напрасному».
 Говорил король да таковы слова:
 «У мя, право, Опраксеюшка просватана, запоручена

- За того жо за царишша за Идолишша».
 Как стоит Здунай да призадумалсэ,
 290 А повесил буйну голову с могучих плеч,
 А потупил очи в матушку сыру землю,
 А как думал думушку да промежду собой:
 «Нам не чес(т)ь-хвала-то будёт да молодецькая,
 А не выслуга будёт у князя молодецькая,
 295 А не чець-хвала-то будёт богатырская,
 А што не привезём-то Опраксеи мы за князя всё в замужесьво!»
 Как его стало ретиво сердьцё розъерягитисе,
 А горéча кровь ёго да розгорягитисе,
 Лепетá в лици стала переменятьисе,
 300 Как у ёго сердьцё розъерилосе,
 Богатырськи плечи шшевелилисе.
 Подходил-то он да ко дубовым столам,
 А ко тому столу-то⁵ рыга бархата,
 А как толкнул поганого Идолишша во грудь-то ёму в поганую,
 305 А как падало Идолишшо со стула рыга бархата.
 Ухватил-то он ёго да за резвы ноги,
 А как начал тотарином Идолишшом по столóm помахивать,
 Ишшо сам он ёму да приговаривал:
 «А как жéловат тотарин, всё не порвитьце,
 310 Косьлив тотарин, всё не сломитьце!»
 А под дубовы-то король столы пехаитьсe,
 Чёрной шубой соболиной закрываитьсe,
 А он говорит да таковы речи:
 «Уж ты гой еси, Здунай да сын Иванович!
 315 А бери топерь Опраксею за князя за Владимира,
 А вези-тко ей да на святую Русь,
 Не губи-тко моёго народу по-напрасному».
 Как бросал-то тотарина да из белых-то рук,
 А как сам пошел в полаты к Опраксеи-королевични,
 320 А заходил-то в полату, в светлу светлицю
 А ко той жо Опраксеи-королевични.
 Как увидяла-то Здуная Опраксея-королевичня —
 А сидела-то она на стули рыга бархата,
 Вышивала-то поганому Идолишшу шириночку,
 325 А шириночку-ту вышивала красным золотом —
 Она увидяла Здуная сына Иванова,
 А скочила она на резвы ноги
 И бьёт челом Здунаю сыну Иванову:
 «Уж ты здрастуй-кэ, Здунай да сын Иванович!» —
 330 «Уж ты здрастуй, Опраксея-королевичня!

- Ты срежайсе ехать со мной на святую Русь,
 На святую Русь да ты в замужесьво
 За того-то за нашего-то князя за Владимира».
- Ту недолго Опраксея собираласе,
 335 Собралась она да покрутёшенько.
 А как брал-то Здунай-то ей за рученьку за правую,
 Выводил-то ей да на новы́ сени:
 На новы́х сенях прибито народу всё несчётною.
 А идёт она-то, ужасаитсье,
- 340 Она горькима слезами заливантьсе,
 А сама она да говорит да таковы речи:
 «А умел-то меня батюшко вспоить, вскормить, возрѳтити,
 Не умел-то меня отдать в замужесьво,
 А как с той жо чесьти отдать да с радости,
- 345 А без драки всё да кроволитныя».
- Выводил-то ей да на широкой двор,
 А садил-то он собе да на добра́ коня.
 Они⁶ скорѳ, лёкко скакали на добрых коней,
 Как из города поехали не воротами,
- 350 А скакали через стену городѳвую.
 А как едут они путѳм-дорогою,
 А наехали они на йскопеть глубокую.
 А как одѳржал-то Здунай всё добра коня,
 Уж и сам он говорит да таковы слова:
- 355 «Уж ты возьми-ко-се, Добрыня, у мня Опраксею на своѳго на добра́ коня,
 Я поеду по этой йскопыти глубокия».
- А как брал-то Добрыня Опраксею на добра коня,
 А поехали они ко городу ко Киеву,
 А ко ласкову князю ко Владимиру.
- 360 А как Здунай поехал подѳлече в чисто́ полѳ.
 А во ту пору, во то время
 Приехал Добрынюшка во красен Киев-град.
 А ко ласкову-ту князю ко Владимиру.
 А срѳчает князь всё Владимир жа,
- 365 А срѳчает среди двора.
 Как пошла⁴ у Владимира да пир навѳсели,
 Повелась у Владимира тут свадьба навесели,
 Зачал князь женитисе,
 Женитисе на Опраксеи-королевични.
- 370 А во ту пору, во то время
 А приехал Здунай да ко белѳ шатру,
 Соходил-то он со добра́ коня,
 Заходил-то он в бел шатѳр в полѳтъняной,

- Увидал — в шатри лежит да душа красна девиця,
 375 А как та же Настасья-королевичня.
 Она спит-лежит да розметаласе,
 Она крепким сном засыпала богатырским жа.
 А как повалилсэ спать Здунай да сын Ивановичь,
 А как обнимал-то Здунай да красну девицю,
 380 А от сна девиця пробуждаласе да испугаласе.
 Она скоро выскакивала из белá шатра,
 А кричала она да громким голосом:
 «Уж ты гой еси, невежа, доброй молодець!
 Ты зачем мне-ка приехал ко белú шатру,
 385 А зашол ты во белóй шатёр?
 Отчеку-то я тебе-то да буйну голову,
 Отчеку-то я да на чистóm полí!»
 Не познала она Дуная сына Иванова,
 А скакала на добрá коня.
 390 Выходил Здунай да из белá шатра,
 А садилсэ он скорó да на добрá коня,
 Как розъехались они да по чистú полю,
 А как съехались они да во едно место,
 Как ударили они да саблями вострыма,
 395 У их сабельки все да пошшербалисе —
 А как друг друга они не ранили,
 А как нé дали на собя раны кровавыя.
 А они розъехались да по второй након,
 А ударились они да палицеми тяжолыма —
 400 Они друг друга не ранили,
 А как не дали на собя раны кровавыя.
 А розъехали они да по-в третей након,
 А ударились они да кóпьеми да борзоменьскима.
 А как падала Настасья со добрá коня да из седёлышка,
 405 А как падала она да на сыру землю.
 А как соскакивал Дунай да на сыру землю,
 А как сел Настасьи на белы груди,
 Вынимал он из кинжалишша булатен нож,
 Залупал у ей-то груди белыя,
 410 Захотел-то спороть белы груди,
 Досмотрить-то у ей да ретивá сердца.
 Тут Настасья испугаласе,
 А богатырю Настасья возмолиласе:
 «Уж ты гой еси, дороднёй доброй молодець!
 415 Не пори-тко моих белых грудей,
 Не смотри-ко ты моёго ретивá сердца,

- А возьми-ко ты меня да за себя замуж,
 Уж я буду тебе да жона верная,
 А как верная — служить те буду верой-правдою».
- 420 А как брал-ставал-то он скорó да на резвѣ ноги,
 Подымат-то ей да за белы́ руки,
 За белы́ руки да за золоты́ персьни,
 Чѣловал ёю в уста сахарныя:
 «Уж ты гой еси, Настасья-королеви́чня!
- 425 Не узнала ты Эдуная сына Иванова».
 Как сажались они да на добрых коней,
 А поехали они да ко белу́ шатру,
 А приехали они да ко белу́ шатру,
 Соходили они да со добрых коней,
- 430 Насыпали коням ⟨п⟩шаницы белояровой,
 А спускали йис⟨т⟩ь травы-муравою,
 А сами в шатѣр зашли, они спать легли.
 Они спали поры-время трои суточки,
 На четвѣрты суточки от сна да пробужалисье,
- 435 А как в красѣн Киев они отправлялисье,
 А приехали ко князю на широкой двор.
 Увидал-то князь да со кнегиною,
 А увидяла Опраксея всё родну сестру.
 А как тут Эдунай-от взял Настасью за себя замуж,⁷
- 440 За себя замуж да всё в супружесьво.
 А сидят-то они на чесном пиру-ту, пьют, едят да хвастают,
 А Эдунай-от как похвастал своей силушкой:
 «А как нет из богатырей меня сильнѣ да во чистом поли,
 Дельней меня да стрелеть стрелочкой,
- 445 Той-то стрелочкой калѣною».
 Говорит-то Настасья да таковы речи:
 «Уж ты гой еси, сударь Эдунай да ты Ивановичь!
 Ты не хвастай-ко да своей силушкой:
 А как нет сильней в чистом поли да Ильи Муромця —
- 450 Ише нет ему да супротившыка.
 А как нет дельней стрелеть меня, да красной девици —
 Ты не стрѣлишь, как я стрѣлю, доброй молодець:
 Я рострѣлю на буйной главы злачѣн перстѣнь».
 «Я рострѣлю на буйной главы злачѣн перстѣнь».
- 455 А они поспорили да на чесном пиру.
 А как тут Эдунаю сыну Иванову за беду показалосе.
 А поехали они стрелеть да во чистó полѣ,
 Розъезжались они да по чисту́ полю.
 Клал-то на свою-ту буйну голову да свой злачѣн перстѣнь,

- 460 Натягала тут Настасья свой розрывчат лук,
Она клала стрелочку калёную,
Как ко стрелочки да приговариват:
«А полети моя каленá стрела далеко да во чистó полё,
А не падай моя калена не на́ воду, не на́ землю,
- 465 А не падай Дунаюшку во правой глаз,
А попади стрела Дунаюшку в злачён перстень,
Росшиби ты перстень надвоё».
Полетела стрелочка да во чистó полё,
Она падала не на́ воду, не на́ землю,
- 470 А как падала Эдунаю во злачён перстень,
А росшибла она перстень надвоё —
Не котора половинка не больше, не меньше.
Как стреляёт Эдунай Настасьюшки в злачён перстень,
А как сам он приговариват ко стрелочки калёною:
- 475 «А не падай, моя стрелочка, не на́ воду, не на́ землю,
А не на воду, не на землю, не в злачён перстень,
А пади-тко, моя стрелочка, Настасьюшки во правой глаз».
Полетела стрелочка не на воду, не на землю,
А попала Настасьюшки во правой глаз.
- 480 Падала Настасья со добра́ коня,
Мать сыра земля да потресаласе.
Приезжает-то Эдунай к Настасьюшки,
Соходит он со добра коня,
Вынимает из кинжалишша булатен нож,
- 485 А спорол Настасьи груди белья,
Досмотрил Дунай Настасьи ретивó сердце.
Как увидал в утробы два младеня жа,
Два младеня, два сына —
А как тут Эдунай брошалсэ на тот жо на булатён нож,
- 490 Заколомсэ Эдунай да на вострóm ножи,
А как тут Эдунаю с Настасьёй смерть пришла.

№ 73а

♩ = 120

1. Как во слав - ном бы - ло го - ро - де во Ки - е - ве.

№ 736

♩=180

1. Как во слав-ном бы - ло в го - ро - де во Ки - ё - ве,

2. Што у лас - ко - ва у кня - зя у Вла - ди - ми - ра

3. Со - би - рал - ся всё по - цё - се - н(ы) пир

4. А со кнезь - я - ми да всё, бо - я - ромь - я.

№ 74

Да у ласкова князя да у Владимира
 Заводилось пированье ёго, поцёсэн-от пир,
 Он на много князей жа, на многих бояров,
 Он на руських могущих на богатырей
⁵ Да на вси поленици да преудалыя.
 (На войну ездили, бабы.)
 Да Владимёр-от по полу запохаживал,
 Да он белыма руцкыма помахивал,
 Он русыма кудрями принатряхивал:
 «У мян вси были в городи испожёнены,
¹⁰ У мян красны девыци да замуж были выданы.
 Токо я один во городи холостой хожу,
 Я холост хожу себе, не женат слыву.
 Вы не знаете ли где-ка, братцы, мне обруцныци,
 Вы обруцныци где мне-ка, портомойщици¹ —

- ¹⁵ Уж возростом не мала и умом сверстна,
 У ей бело лице штобы — белой снег,
 У ей цёрны брови будто были у соболя,
 У ей очи-ти ясны будто были у сокола,
 У ей ягодници-ти были будто маков цвѣт —
- ²⁰ У того жа у соболя у сибирьского,
 У того жа у сокола перелётного?»
 Ише бóльшой за меньшого хоронитьце,
 От большóго-то, братцы, всё отъвету нет.
 Да выходит Добрыня да сын Микитиць-от
- ²⁵ Э-за того жо стола-та из-за угольнёго,
 Он со той жо скамеёцьки с белодубовой,
 Подъвигаитьце к ёму потихошенько,
 Уж он рець говори ёму помалёшенько:
 «Бласлови миня, Владимёр-от, слово вымолвить,
- ³⁰ Не моги миня за слово-то скорó сказнить,
 За одно же слово моги миня помиловать». —
 «Говори-тко, Добрынюшка, што те надобно». —
 «Уж я знаю, тебе ес(т)ь где обручница,
 Хоша сам не видал, то у людей слышал,
- ³⁵ Уж я цюл-то у брателка названого,
 Я от молода Дуная сына Иванова.
 Да сидит у тибя он да в тёмной тёмьници,
 Он за ту беду сидит, за напраслинку,
 Да сидит у тя Дунаюшко в тёмной тёмьници
- ⁴⁰ Тридцетъ лет ведь сидит, весь во мху оброс». —
 «Вы пойдите-ко, слуги да мои верныя,
 Вы берите, мои слуги, да золоты ключи,
 Отмыкайте-тко, слуги, вы тёмны жé,
 Выпускайте мне Дуная сын Иванова».
- ⁴⁵ Они брали, эти слуги, да золоты́ ключи,
 Отмыкали эти слуги тёмны тёмьници,
 Да привели они Дуная сына Иванова,
 Наливали ёму цяру да зелёна вина,
 Небольшу таку, немалу — да полтора ведра.
- ⁵⁰ Да примаитце Дунаюшко единой рукой,
 Выпивал там Дунай да единым духом.
 Наливали ёму цяру пива пьяного,
 Да примаитце Дунаюшко единой рукой,
 Выпивал-то Дунай-от единым духом.
- ⁵⁵ Они третью наливали да мёду ёму сладкого.
 Ише тут-то Дунаюшко весёлой стал,
 Он весёлой стал, позаговаривал.

Да Владимёр-кнезь по полу запохаживал,
 Уж он белыма руцьками помахивал
 60 Да русьыма кудрями да принатряхивал,
 Уж он сам говорил ёму таковы слова:
 «Уж ты вой еси, Дунай дак сын Ивановичь!
 Ты не знашь ли ты где мне-ка обруцьници,
 А обруцьници ты где мне, портомойници,
 65 Штобы возрастом не ма́ла была, умом сверстна,
 Штобы было лице́ у ей будто белой снег,
 У ей цёрны брови будто были у соболя,
 У ей оци-ти ясны — будто у сокола,
 Да походецька у ей-то штобы была павиная,
 70 У ей т́иха рець была лебединая,
 У того жа у сокола у сибирьского,
 У того жа у соболя перелётного?» —
 «Уж я жил-то во городи в Ляхивоньския,
 У того жо короля я Земли Задоньского,
 75 У ёго я три года жил во клюцьниках,
 Уж я три года жил у ёго в замочниках,
 Уж я три года жил у ёго в столарьницьках.
 Я видал-то — у ёго да есь две дощери:
 А первьá доць-от Настасья да королевисьня,
 80 Они езьдит по цисту́ полю, полякуёт,
 А полякуё(т), езьдит она розбойница,
 Да словё(т) поленицей да преудáлою
 Да стоит-то в цистом поли поединьшицьком.
 А втора доць Опраксея ес(т)ь королевисьня.
 85 Опраксеюшка тибѣ будѣт твоя рука,
 Да рука-та будѣт, твоя сьняга:
 (Какой он, такая и ес(т)ь.)
 Она возрастом не ма́ла и умом сверсна,
 У ей бело лице́ — да будто белой сьнег,
 У ей цёрныя брови — будто у соболя,
 90 У ей оци-ти ясны будто были у сокола,
 У ей ягодьници-ти — да будто маков цвѣт,
 Да походецька у ей-та была павиная,
 Тиха рѣчь-та еѣ была лебединая,
 У того жа у соболя у сибирьского,
 95 У того-та ясного сокола перелётного.
 А сидит Опраксея доць королевисьня
 За двенадцетями сидит она замоцьками,
 За тринадцетями-то крепкими сторбжеми,
 Штобы красно ей солнышко не запекло,

- 100 Штобы буйныя ветры-ти не задули,
Штобы лишни-ти люди ей не засмóтрили». —
«Поезжай-ко, Дунаюшко, скорым сватом сватайсе,
Ты бери у мя, надобно сколько силы-арьмии,
Ты возьми моей несцётной золотой казны».
- 105 Да Дунаюшко ёму да веь отъвет дёржал,
Отъвецяёт Дунай ёму сын Ивановичь:
«Мне-ка сцётной твоей не откупатисе,
Могутóй-то, силой твоей не воёватисе.
Только дай-ко три брата да три названого:
- 110 Во перьвб́их мне названого-крестового,
Уж ты вой еси,² Добрынюшку мне-ка Никитиця,
Во вторых Илэюшку славна Муромця,
Мне, во третьих Олэшеньку дай Поповиця,
Тот уж силой не силён да хуть напúском смел».
- 115 Да недолго богатыри сбиралисе:
Только видели богатырей поезжаючись —
Во цистóм-то веь полюшки курёва́ стоит,
Курёва-та стоит, да идет дым столбом —
Да не видели поездки да богатырьскою.
- 120 Они мелки озёрышка перескакивали,
Они реки-ти быстры промежь ног брали́,
Они ехали богатыри на цистóм поли,
Они к городу ехали не дорожкой,
Да во город заезжали не воротами —
- 125 Они скацют через стену городóвую,
Церез ту да нову башню треутольнюю.
Да король-от во полаты перепадáитьце,
В сундуки жо король-от замыкаитьце.
Да выходёт король-от Земли Задоньския:
- 130 «Уж ты здрастуй, Дунаюшко сын Ивановичь!
Ты пошьто ко мне приехал, жить не во ключники ли,
Не во ключники приехал, не в замочники ли,
Не в замочники ко мне, не в столарники?» —
«Я приехал к тебе жа не во ключницьки,
- 135 Я приехал к тебе-ка да не в замочники,
Я приехал ко тебе да не в столарнички.
Ко тебе жа я приехал сватом свататьце
Я на мóлодой Опраксеи доць королевисьни». —
«Право, ей-богу, у мя засватана,
- 140 Да засватана Опраксея да запоручёна
За того жа цюдíшша да за Идóлишша.
У ёго нос-о(т) как палка дровокольня,

- Да глаза-то у жениха-то как пивнѣ цѣщи,
Голова-та ёго будто сильнѣй бугор».
- 145 Во второй раз говорил, из грени вон пошол:
«Уж и цес<т>ью не дашь, то ты за буём возьмём,
Мы возьмём своей силѣй да богатырьскою,
Мы возьмём жа грозой своей княженецькою».
- Он выходит за ворота на улицу,
- 150 Ише тот жо Дунаюшко сын Ивановичь,
Говорит-то всим могуцим трём богатырям,
Говорил-то ведь он им таковы слова —
Он Добрынюшку оставил да у добра коня,
Он Илеюшку оставил да на новѣх сенях.
- 155 Он Добрыню с собой берёт за праву руку,
Уж он сам говорил таковы слова:
«Уж ты вой еси, Илья у миня славной Муромиць!
Зазьвенит у мя когда сабля вострая,
Забрецит когда моя-та сабля вострая —
- 160 Ты секи на сѣнях старого тогда, малого,
Не оставь ты единого на сѣмяна».
- Да присекли двенадцеть да крепких стѣрозов,
Обломали висуци тут да вси замки,
Да заходя к ей во гридню да княженецькую.
- 165 Она делала дельшко немалоё:
Да плела-то сидела золоты круги
Да цвѣтами-ти всякими розноличнима,
Да кругами-ти всякими розноличнима,
Да Идѣлишшу своёму она дары плела.
- 170 По кобылоцькам у ей сидя сизы голыби,
По набилоцькам у ей сидя ясны соколы,
По ставцям у ей сидели белы лебеди.
Сизы голыби у ей-то да прирозлѣтались,
Ясны соколы у ей-то да прироспѣхались.
- 175 Опраксея во полаты перепадаласе,
Красота-та в лици у ей изменяласе,
Да берѣ<т> ей Дунаюшко за праву руку,
Да ведѣ<т> ей Дунаюшко за злѣцнѣ персьни,
Да ведѣ<т> ей из гредни княженецькою.
- 180 Да заплакала Опраксея доць королевичня:
«Ты умел миня, батюшко, воспить-кормить,
Не умел миня, батюшко, замуж выдати!
Там людськи-ти отци бедны, людськи матери
Отдавают из нужды бедны, из бедности,
- 185 Отдавают из-за хлеба, из-за соли.

Ты-то, моё да соньцё красное,
 Не цёсным миня пирком давашь, с кроволитыцём».

Тогда вынёс-то король Земли Задонския,
 Ему вынёс-то мизу да красна золота,
 190 Да другую да вынёс да циста сёребра,
 Уж он третью выносит скатна жемцюгу.
 Они дары берут-то, сами цёлом не бьют,
 Да цёлом-то они не бьют да им не кланеютце:
 «Вот на приезди ты госьтя не уцёстовал —

195 На отъезди те дорогого не уцёстовать!»
 Посадит свою невесту да заруцённую,
 Посадил-то Дунаюшко на добра коня,
 На добра-та коня он позади себя,
 Закрывал свою невесту шалью шолковой,
 200 Штобы красно ей солнышко не запекло,
 Ёю буйны-ти ветры штобы не задули,
 Ей бы лишняя люди да не засмóтрили.
 Да поехали богатыри по цисту полю
 Да приехали к Владимёру стойно-киёському.

205 ³ Да выходит кнезь Владимёр да стойно-киёської,
 Да выходит на улицю потихошенько,
 Подвигаитьце к невесты да помалёшенько,
 Он и кланеитце ей низёшенько:
 «Уж ты здрастуй, невеста заруцёная!

210 Невеста ты была мне да Богом сужона,
 Ише сужена ты Богом была, ряжона,
 Ише мне ты, ты невеста была налажона.
 Уж ты здрастуй, патретнова красавиця!
 Ише в мири такóвых людей мало водитьце,
 215 А на свети негдé боле не отышшетсе». —
 «Уж ты здрастуй, Владимёр-кнезь да стойно-киёської,
 Уж ты удалой да доброй молодець!
 А не сужоной ты был мне-ка Богом, ряжонной,
 Ише Восподом Богом да приналажонной».

220 Уж он брал свою невесту за праву руку,
 Уж он вёл свою невесту да в задню горьницю,
 Надевал на ей повязку да драценную,
 На ей платьё надел-то необценённое,
 Покатил свою невесту во Божью церкву.

225 Да немало етого времени продьлилосе,
 Ише шесь тут цясов им миновалося,
 Ише всё они дело-то приконцили,
 Приехали во гредню-ту княженецкую:³

- У их пир-то пошел да всё на радость,
 230 Да на том на весельици на великия.
 Во цистом-то ведь поли мало не дым столбит,
 Да не дым-то столбит, едѣ(т) полениця преудалоя,
 Да не дым-то столбит, да не гам гамит.
 Говорит-то Владимир-кнезь стойно-киеськой:
 235 «Уж вы вой еси, сильни вы богатыри,
 Уж вы вся, мне, дружиноцька хоробрая!
 Погодите⁴ вы моёму-ту горюшку:
 А вы стретьте поленицю да преудалую
 Да съсеките, срубите до плець голову,
 240 А не допускайте до моёго вы широка двора».
 Да поехали они да во цистó полё.
 Да стоит-то Опраксея-королевишьня
 За снарядным стоит она дубовым столон,
 Да сама-то говорит ёму таковы слова:
 245 «Уж ты гой еси, Владимир-кнезь стойно-киеськой!
 Допусьти у мня родиму милу сестрицю,
 Угости-тко-се ей да сладкой водоцькой,
 Уж ты всекима дорогима ей напитками,
 Уж ты всекима дорогима ей гостиньцеми».
 250 Да в отьвет-то Владимир да стойно-киеськой
 Отьвецяё(т) он всё да молодой жоны:
⁵ «Уж ты вой еси, моя да молода жона!
 Да не ты бы говорила, кабы новой мне кто —
 На долонь бы посадил я, другой сверху прижал,
 255 Только межь долонями бы мокрò стало».⁵
 Да приехали богатыри во цистó полё,
 Ише съсекли у ей-то по плецям буйну голову,
 Роскинали, розбросали по цисту полю,
 По тому жо по роздольицю по широкому.
 260 У Владимёра пир-то пошел на радость,
 Да на том на весельици на великия.

№ 75

Ай во славном было городи во Киеви,
 Ай у ласкового князя у Владимира
 Заводилсэ-зациналсэ стол, поцесён пир
 Ай на тех ли на князьей, бояр да всё богатых,
⁵ Шьчо на тех ли на купцей-гостей торговых,
 Ай на руських на сильних на богатырей,

- На хресьян-то все на бедных, на прожитосьних.
 Ишше вси на пиру да напивалисе,
 Ишшо вси на чесном да наедалисе,
 10 Ишше вси на пиру-ту приросхвастались:
 Ай богатой-от хвастат золотой казной,
 Ай богатырь-от хвастат могуцёй силой,
 Ай ведь глупой-от хвастат молодой жоной,
 Неразумной-от хвастат родимой сестрой.
 15 Ай Владимир-князь по полатоцькам похаживат,
 С ноги на ногу ведь всё он переступыват,
 Он сапог-то о сапог сам поколачивает,
 Он ведь жолтыма кудрями принатряхиват,
 Он ведь белыма-ти ручками розмахиват,
 20 Золотыма персьнями принашшалакиват,
 Ишше сам он говорит да таковы реци:
 «Ай во Киеви во городи все у нас да добры молодцы,
 Добры молодцы-ти вси у нас поженёны,
 Красны де(в)ушки¹ вси замуж подаваны,
 25 Я холос один живу-ту, князь Владимир-от,
 Я холос-то всё живу да нежонат слыву.
 Ище хто бы мне-ка выбрал бы ²из вас бы² мне обручницу,
 Да обручницу выбрал, красну девицу,
 Шьчобы походочка у ей была павинная,
 30 Тиха речь-то бы у ей да лебединная,
 Ишше брови-ти у ей да цёрна соболя,
 Цёрна соболя шьчобы у ей сибирчкого,
 Ясны оци-ти у ей да ясна сокола,
 Ясна сокола у ей да все заморьского,
 35 Шьчобы лицико — порошки снежку белого,
 Ягодиночки в лица — да маку красного,
 Шьчобы ростом-то она была не мала и умом свёрсна,
 Шьчобы было бы кому да поклонятисе,
 Шьчобы было бы кому да покорятисе,
 40 Шьчобы было бы кого мне-ка кнегиной звать?»
 Тут как бóльшей-от хоронитце за среднёго,
 Ише средней-от хоронитце за мёньшого,
 Ай от мёньшого Владимиру ответу нет.
 Как³ в ту-ту всё пору было, во то время
 45 Тут выходит-выступает доброй молодець,
 Шьчо по имени Дунаюшко Ивановичь,
 Из-за тех ли все скамеёк белодубовых,
 Из-за тех ли из-за столов да всё дубовых,
 Из-за тех ли из-за скатертей шелковых

- 50 Тут выходит-выступает доброй молодець,
 Да по имени Дунаюшко Ивановичь.
 Наливат ёму Владимир цяроцьку все зеленá вина,
 Зелёна ёму вина все полтора ведра,
 Выпивает тут Дунай да на единой дух.
- 55 Наливает он ему все пива пьяного,
 Принимает Дунай да единой рукой,
 Выпивает Дунай да на единой дух.
 Наливает Владимир-князь да меду сладкого,
 Мёду сладкого ему да полтора ведра,
- 60 Выпивает Дунай да на единой дух.
 Ише стал тут Владимир-от выпрашивать:
 «Уж ты гой еси, Дунаюшко Ивановичь!
 Ты не знашь ли да ты мне все обручници,
 Ты обручници мне, да красной девици,
- 65 Ай походицька шьтобы была павинная,
 Тиха рець-та у ей да лебединная,
 Ай ведь брови-ти у ей да цёрна соболя,
 Ише оци-ти у ей да ясна сокола,
 Шьчобы лицико — порошки снежку белого,
- 70 Во лици у ей ведь ягодинки маку красного,
 Шьчобы было кому да покоритисе,
 Шьчобы было кому да поклонитисе,
 4-Шьчобы было⁴ кого мне-ка кнегиной звать?»
 Говорил-то тут Дунаюшко Ивановичь:
- 75 «Я ведь знаю, князь Владимир, тебе красну девицю,
 Я во том знаю во Цяхови, во Ляхови
 У того ли короля всё Ляхоминьского.
 А ведь есь его две дощери любимых:
 Да одна-та доць Настасья-королевисьня,
- 80 Полениця она все приудáлая —
 Не тебе-то та — жона, не тебе та ведь,
 А друга-то доць есь Опраксéя-королевисьня:
 Ай сидит она за тридеветь замоцьками заморьскима,
 Шьчобы красно-то ей солнышко не óпéкло,
- 85 Шьчобы буйны-ти ветры не завеели,
 Шьчобы народ ей, люди добры не увидели».
 Говорил-то Владимир-князь да стольне-киевской:
 «Ты бери-ко-се, Дунай да сын Ивановичь,
 Ты бери-ко-се у мя да золотой казны,
- 90 Ты бери-ко-се ты силы, сколько надобно».
 Говорит-то Дунай да таковы реци:
 «Уж ты зóй еси, красно наше солнышко,

- Ты Владимир ведь князь всё стольнё-киевської!
С богатой-то мне казной да не купить будет.
- ⁹⁵ Мне-ка дай только два братёлка крестового,
Мне крестового два братёлка названого:
Мне того ли Добрынюшку Никитиця,
Мне того ли Олешеньку Поповиця». Они скоро собрались, скорó поехали.
- ¹⁰⁰ Приезжают к королю всё к Ляхоминскому,
Тут ведётце у короля-та всё поцёсен пир.⁵
Ай оставил-то Добрынюшку Микитиця,
Он оставил Олешеньку Поповиця,
Оставил братицей крестовых-то,
- ¹⁰⁵ Он ведь тут у короля на широкóм двори.
Тут пришол Дунаюшко к королю-ту на ясны оци.
Говорит-то король да таковы слова:
«Добро жаловать, Дунаюшко Иванович!»
Ты пошьто же пришол, пошьто приехал к нам:
- ¹¹⁰ Ты служить-то ли ко мне по-старому,
Ай по-старому служить ко мне по-прежнему,
Или по силушкой пришол ты под меня разьве с великою,
Разьве скорым послом ты ко мне послан-то?»
Говорит ему Дунай да таковы речи:
- ¹¹⁵ «Не служить-то я к тебе да верой правдою,
Не послом-то я к тебе да пришол посланый,
Я пришол к тебе, приехал сватом свататьце
За своёго-то за красного за солнышка,
За того ли я за князя за Владимира».
- ¹²⁰ Говорил ёму король да таковы слова,⁶
Наливал-то ёму цяру зелёна вина,
Зелёна ёму вина да полтора ведра,
Выпивал Дунай да на единой дух.
Наливал ему да пива пьяного,
- ¹²⁵ Выпивал Дунай да на⁷ единой дух.
Наливал ёму меду сладкого,
Как ведь выпивал⁸ Дунай да меду сладкого.
Ише стал-то Дунаюшко все веселёхонёк.
Говорит-то он королю да второй након,
- ¹³⁰ Говорит он королю да во третей након:
«Ты отдай, отдай, король да Ляхоминской⁹ ты,
Ты отдай-ко-се свою-ту доць любимую
Ише ты ли Опраксею-королевисьню
Ты за нашего за красного за солнышка,
- ¹³⁵ За того ли все за князя за Владимира!»

- Говорит-то король да Ляхоминьския:
 «Не отдам-то Опраксеи-королевисьни:
 Опека-то он все куци все назёмныя.
 Я ишшэ слышал у вас про князя про Владимира,
 140 Белотой-то он все как котельня-та пригáрина».
 Тут не лютоё зэльё розгорелосе,
 Богатырьско-то серьцё проскрипелосе,
 Он хватил-то всё тотарина тут за ноги,
 В одну сторону махнет — валитце улицей,
 145 Шьто в другу-ту он махнет — да переулками.
 Засьвисьтел-то тут Дунаюшко во турей рог,
 Тут наехали два брателка крестовый:
 Как перьвой-от всё Добрынюшка Никитиць млад,
 Шьчо другой-от Олешенька Поповской сын.
 150 Они зачели-то бить со старого до малого.
 По подстоликам король-от все тулейтце,
 Куньей шубоцькой король все прикрываитце.
 Говорит-то Дунай да таковы реци:
 «Ты не бойсе-ко, король все Ляхоминьскыя!
 155 Не убьём-то мы тебя да зберегём мы все».
 Тут ставаёт всё король, король скорёхонько,
 Он ведь кланелсэ Дунаюшку низёхонько:
 «Уж ты гой еси, Дунай да сын Ивановичь!
 Ты бери-ко Опраксеюшку у мя да с цесьти, с радосьти,
 160 Ты оставь мне-ка силы хоть на сёмьяна».
 Тут как скоро Дунаюшко-то приступил к замкам заморьским,
 Он прибил-то все ведь крепких караульщиков,
 Притоптал-то он ведь вси замки заморьския.
 Опраксеюшка¹⁰ скоцила на резвы ноги
 165 Со того ли со стула рыта бархата:
 «Я кого-то, как кого теперь увидяла!
 Я того ли всё Дунаюшка сына Ивановичя».
 Он тут брал-то Опраксеюшку всё за праву руку,
 Он за те ли ей за перьсни за злацёныя,
 170 Он повёл-то Опраксею на широкой двор,
 Как Опраксею-королевисьню он на руках несёт,
 Ишшэ сам он по сёням-то в крови да до колен брёдет.
 Тут поехали они да в красён Киев-град,
 К тому ли ко ласковому князю ко Владимиру.
 175 Приехали они да в славной Киев-град.
 Принимали с Опраксеей-то Владимир по злату венцу,
 Как повёлсэ тут у их на радосьти поцёсэн пир,
 Да поцёсэн у их пир да тут на весь на мир,

На кнезьей у их да всё на бояров
 180 Да на сильних на могущих на богатырей,
 Тут на трёх-то всё на братицей крестовых:
 На того ли на Дунаюшка сына Ивановича,
 На того ли на Добрынюшку сына Никитиця,
 Шьчо на того ли на Олешеньку да на Поповиця.¹¹

№ 76

Ише был-то жил Дунаюшко да он не в Киеви,
 Ай не в Киеви жил, всё не в Цернигови,
 Жил во матушки, жил в славной камянной Москвы.¹
 Тут задумал Дунаюшко женитисе,
 5 Он задумал-то женитьце не у князя, все не у боярина,
 Он во той ли проклятой Литвы поганю
 У того все короля у Ляхоминьского.
 Говорил-то Дунай да таковы речи,
 Он тому ли всё Ильи да Ильи Мурамцю:
 10 «Я ведь сам-то — богатырь да я присильния —
 Я возьму себе ведь поленицю преудалую,
 Я ли ту возьму Настасью-королевисьню».
 Тут поехал скоро все Дунай у нас,
 2-Все Дунаюшко поехал сын Ивановичь,²
 15 Он поехал к королю да к Ляхоминьскому.
 В чистом поли увидел йскопы глубокия
 У того ли всё коня да богатырьского,
 Он ведь сам-то говорит да таковы речи:
 «Досмотрю я топере, хто же езьдит во чистом поли».
 20 Тут ведь езьдит всё ведь полениця приудалая
 А по имени Настасья-королевисьня.
 Они съехались с Настасьюшкой да всё ударились —
 Они друг дружку до больня не ранили.
 Они стали тут сошли все со добрых коней,
 25 Тут у Дунаюшка-та³ силушки малó стало,
 Закрыцьял-то он стару всё старинышину,
 Ай того ли он ведь старого всё Илью Мурамця:
 «Пособи ты мне-ка, братёлко крестовой мой,
 Побороть мне поленицю приудалую».
 30 Говорит-то Илья да Илья Мурамець,
 Илья Мурамець да съвет Ивановичь:
 «Шьчо не цесь эта хвала да молодецкая,
 Шьчо не выслуга эта богатырьская —

- Нам бороть-то двум могуцим всё богатырям
 35 А одну-ту поленицю преудалую».
 Опознала у Дунаюшка Настасьюшка всё золотой перьстень —
 Подарила-ту Дунаюшку ведь всё Ивановичю,
 Ай когда-то он ведь жил у их во ключьницьках.
 Говорила Настасья таковы речи:
- 40 «Уж ты гой еси, Дунай, Дунай Ивановичь!
 Ты кабы был не Дунаюшко, я тебе бы не уважила,
 Поборола бы ведь я да добра молодца,
 Досмотряла бы твоё-то ретивó серьце».
 Говорит-то Дунай всё таковы речи:
- 45 «Уж ты гой еси, Настасья-королевисьня!
 Ты поедем-ко со мной в матушку в камяннú Москву,⁴
⁵Уж мы⁵ примем с тобой да по злату веньцю».
 Говорит-то тут Настасья-королевисьня:
 «Я нейду-ту, Дунаюшко, всё я теперь да за тебя замуж,
 50 Мы поедём-ко, съездим к батюшку родимому,
 Ко тому ли королю всё к Ляхоминьскому,
 Нас просватат токо батюшко родимой мой».
⁶А приехали они⁶ к королю всё к Ляхоминьскому.
 Говорит-то Дунаюшко да таковы речи.
- 55 Говорит⁷ король Дунаю⁸ таковы речи:
 «Мне-ка хто ли нужон, дак тот и сам пришол.
 Ты пришол ко мне, дородьней доброй молодець,
 Послужить ко мне пришол ли верой-правдою,
 Верой-правдою ко мне ты неизменною,
 60 Все по-старому пришол ко мне, по-прежнему,
 Ишше все ко мне пришол ты по-досельнёму?»
 Говорит ему Дунай да сын Ивановичь:
 «Я пришол-то к тебе да не служить теперь,
 Не по-старому⁹ приехал, не по-прежнему —
 65 Я приехал к тебе да все как свататьце
 Я на душоцьки Настасьи-королевисьни.
 Ты отдай-ко-се Настасьюшку все за миня замуж,
 Увезу-ту я Настасью на съяту ей Русь,
 На съяту-ту я Русь, да в камяннú Москву».
- 70 Тут ведь говорит ёму король да таковы речи:
 «Не отдам-то я Настасьи-королевисьни:
 У мян хто тогды на королевсьви-то будёт, останитце.
 Как Владимир-от увез князь Опраксею на съяту ведь Русь.
 Ты пойди-ко ко мне жить на моё королесвьидё». —
 75 «Не отдашь ты токо мне-ка Настасьи с цесьти, с радосьти,
 Я убью у тя со старого и всех до малого.

- Как Настасья-королевисьня давно ведь мне посваталась,
 Подарила мне, дородню добру молодцу,
 Со правой-то со руки да золотой персьтень,
 80 Опраксеюшка была тогда ише глупехонька,
 Королевисьня была все молодехонька,
 Я ведь жил-то у тебя когды, король, во ключьницьках,
 Друто три года я жил у тя да все играл во гусельци,
 Утешал-то я любимых-то твоих две доцери:
 85 Я в первьых-то всё Настасью-королевисьню,
 Во вторых-то Опраксею-королевисьню,
 Я дёржал тогда Настасьюшку-ту на своих коленях богатырьских».
- Засадил-то взял Дуная в темну тёмницу.
 Говорила тут Настасья-королевисьня:
 90 «Ты подай-то, подай, батюшко, все золоты́ ключи,
 Отмкну-то я Дуная все Ивановичя,
 Я пойду-то за Дуная за ёго замуж,
 Я ведь еду со Дунаём на святую Русь,
 Я во матушку еду в камянну́ Москву».
- 95 Говорит-то король да таковы реци:
 «Ты поди, поди, Настасья-королевисьня,
 Ты без драки-то поди без кроволитною».
- Отмыкала-то она ведь скоро темну тёмницу,
 Выпускала Дуная на белой съвет,
 100 Они скоро собрались да тут поехали.
 Приежают во матушку да в камянну́ Москву,
 Принимают с Настасьёй по злату веньцу,
 Собирает Дунаюшко поцесён пир,
 Он зовет-то все князя все Владимира
- 105 Со кнегиной Опраксеёй-королевисьнёй.
 Да пиры-ти велись у их на радосты равнó полгодаку,
 Шьто во Киеви пируют, в камянно́й Москвы.
 На пиру-ту Настасьюшка росхвасталась,¹⁰
 Говорила она да таковы реци:
 110 «Уж ты гой еси, Дунай да сын Ивановичь!
 Отнеси-ко-се ты да всё злацён перьстень
 Шьчо за ту ли все за версту за мерную;
 Я ведь стрелю все из стрелоцьки калёною,
 Я росьстрелю — вы ведь свесьте мой да золотой перьстень —
- 115 Некотора полавиноцька не больше-то будёт одна другой».
- Отнесли-то ведь ей все золотой перьстень,
 Она перьстень-от тут да все росьстрелила,
 Половиноцьки-ти на весках уверили,
 Все уверили, да они съвесили,

- 120 Шьчо одна-та другой не тяжелее все, не лекце тут.
Ишше тут ведь Дунаюшку все за беду стало,
За натьсмешоцьку велику показалосе.
Он ведь хоцёт вести Настасьюшку всё во цистó полё.
Говорит ёму Настасья-королевисьня:
- 125 «Уж ты гой еси, Дунай да сын Ивановичь!
Не стрелей-ко ты меня, все не ухаживай:
У мя есь ведь во ўтробы все засеяно
Шьчо два млáдого два ясного два сокола,
Шьчо два руського могуцёго богáтыря:
- 130 По локóт-то ведь у их да руцьки в золоти,
По колен-то ведь у их да ножки в сéребри.
Ты хоть будёшь стрелять миня, Дунай да сын Ивановичь,
Ты ведь перьву-ту стрелоцьку не дóсьтрелишь,
Ты другу-ту ведь стрелоцьку перéстрелишь,
- 135 Ишше третья-та стрелка — мне-ка в ретивó сeryцё.
Ты просьти миня, Дунай да сын Ивановичь,
Ты просьти, просьти вины́ все виноватую!
У мя волóсы, у бабы, дóлги, ум корóток всё».
- 140 Он отвез-то тут Настасью далекó от города да от Москвы-то всё,
Он ведь перьву-ту стрелоцьку¹¹ не дóсьтрелил,
И другу-ту стрелоцьку перéсьтрелил,
Ай третью-ту стрелку — ей всё в ретивó сeryцё,
Он ведь скоро распорол у ей всё груди белыя,
- 145 Досмотрял у ей в утробы ясных sóколов,
Шьчо два ясного два сокола у ей в утробы-то,
Шьчо два¹² руського родилось бы могуцёго богáтыря:
По локóт-то у их руцьки в красном золоти,
По коленям у их ножки в цистом сéребри.
- 150 Как с того-то все горя Дунаюшко с великого
Он скавал себе два ножицька укладных,
Зоколосо он на ножицьках булатных,
Ишше сам-то он сказал да все таки реци:
«И лёжит-то где Настасья-королевисьня,
- 155 Тут лёжи-ко ты, Дунай да все Ивановичь,
Протеки-ко-се тут славная¹³ Дунай да рецька быстрая!»
(Говорят, тут река протекла;
где же протекет рецька!)

№ 77

Красно солнышко катится да ко западу,
 Ай да што ко западу солнышко да з́акату,
 Да Владимёра-то пир идет да на радости,
 Ай да што на многие князи и на думных б́ояров,
⁵ А да што на руських могу́щих на богáтырей,
 Ай да што на тех же полéниц на приудалыя,
 Э да што на тех же на хресьянушек о да прожитосьних.
 Ай да ишо вси-ти на пиру они сидя пьют и едят,
 А да они вси-ти на пиру они с́идят и кушают,
¹⁰ Ай да они беленьку лебедушку с́идя рушают,
 Да они вси же на пиру сидят пьяны и веселы,
 Ай да они вси же, да на пиру с́идя, расхвастались:
 И да што иной сидит хвастает широќим-от двором,
 Ай да што иной-от сидит и хвастает да доб́рым конем,
¹⁵ А да што иной-от сидит хвастает да золотой казной,
 А да што глупой сидит и хвастает молодой женой,
 Ай да што безумный сидит хвастает родной сестрой.
 А да што Владимир-князь во комнаты да похаживат,
 А да он ведь тросточкой ходит похалачиват,
²⁰ А да он ведь буйной-то головушкой да покачивает,
 А да ведь он русыма кудрями да принатряхиват,
 А да он ведь сам-то говорил да таковы слова:
 «А да уж вы гой еси, князи, вы думни б́ояры,
 А да уж гой еси, руськие могучие да богáтыри,
²⁵ И да уж вы гой еси, кресьянушки прожитошны,
 Ай да вы не знаете ли мене, братцы, да обручени́цю,
 Да был обру́чницу мне да супротивницу?
 Да еще беленько-то личико было бело снег,
 Да уж как щечки-то у ей были маков цвет,
³⁰ Да ишо ясны-ти были очи ясны, как у сокола,
 А да еще черны-то брови, как у соболя,
 А да што походе́цка была да у ей э́й пави́ная,
 А да тиха ре́ць-то была бы лебе́диная,
 А да уж возрастом была не малая, умом крепка,
³⁵ А да е́що было бы кого бы мне назвать княгиною,
 А да што княгиною назвать было, ца́рицею».

А ишо старшей хоронится за среднего,
 А да е́ще средне́е-то хоронитсё за младшего,
 А да што от младшего боярина ответа нет.
⁴⁰ А да говорил князь Владимир во второй на́кóн,
 А да што говорил Владимир да во третей на́кóн,

- А да всё ведь старшой-от хоронится за серединёго,
 А да ешо средней-от хоронится за младшего,
 А да што от младшего боярина ответа нет.
- ⁴⁵ От тут соходит-то со скамейки-то белодубовой,
 Говорил тогды удалой да доброй молодец:
 «Сблагослови-ко мне, князь Владимир, да слово вымолвить
 И благослови мне, князь Владимир, да рець говорить,
 И да не моги-ка мне за слово да головы сказнить,
⁵⁰ И да ты моги меня за слово да помиловать».
- А да говорил-то князь Владимир да таковы слова:
 «А да говори-тко-се тебе-ка што надобно». —
 «А да уж я знаю тебе да обручницу,
 Да я обручнецу тебе знаю, супротивницю.
- ⁵⁵ Да у того же короля-то земли, Земли Задонецкой,
 А да уж как есть-то у его есть это две доцери,
 Што старшу-то зовут Настасея-королевична,
 А да еше младшу-то зовут Апраксёя-королевична.
 А да Настасья-то она не твоя слегá,
⁶⁰ А да не твоя-то Настасья и не тебе вёрстнá,
 А да Опраксея она-то будет твоя слегá,
 А да што твоя она слегá и тебе вёрстна:
 А да ешо беленько-то лицо у ей — как белый снег,
 А да еше щецки те у ей — как ведь маков цвет,
⁶⁵ Да ешо ясны те очи будто у сокола,
 Еше те черны у ей брови да у соболя,
 А да походоцка-то у ей да павиная,
 А да еше реци-та у ей как лебединая,
 А да ешо возрастом не малая и умом крепка,
⁷⁰ А да ешо было можно ей назвать да княгиною,
 Ишо можно ей назвать да всё царицею».

№ 78

- Ише был князь Владимир стольно-киевский,
 А задумал князь Владимир да он женитисе,
 Сбирал-то князь Владимир ведь почесен пир,
 Созывал-то всех князей да со княгинами,
⁵ Ише всех королей да со королевами,
 Ише славных-то руських могучих богатырей.
 Сбирал-то он ведь всю да нишшу братню,
 Садил-то их да как их всех за стол:
 «Уж вы ешьте-тко, гости, пейте, кушайте,

- 10 Ше бѣлу-ту лебѣдушку уж вы рушайте!»
 Он поил-то их винами заморскима,
 А кормил-то их ведь кушаньѣм сахарным-то:
 «Ише пейте, ешьте, гости, веселитисе,
 Ише найдите мне невесту заручебную,
 15 Привезите мне-ка сѹжоную-ти, ряжоную,
 Чтобы умна-та была она, разумная,
 И тиха-та была да она смиренная,
 Штобы росту-ту была она не малого,
 А лицѣ-то бы ей бѣло — как снегу белого,
 20 Шшочки-ти у ей — как алы цветики,
 Ише брови-ти у ей — как у чѣрна соболя,
 А глаза-ти, розвесѣлы-ти глаза — как у ясного сокола,
 А руса́-та коса — ведь коса штобы до поеса,
 И походочка у ей штобы павиная,
 25 А тиха-та была речь да лебединая,
 Вот штобы было вам кого да княгиней звать».
 Ише все-то ведь гости призадумались
 И повесили они да буйны головы.
 Наливает князь Владимир им ведь чарочку зеленá вина
 30 И подносит-то ведь им да во второй након.
 Ише вси-ти на пиру да наедалисе,
 И допьянá вина да напивалисе,

(Ише пьяны, тут у них пойдет — разговору найдется.)

- Ише вси-ти на пиру да приросхвастались:
 Ише умной-от ведь хвастат рóдным батюшком,
 35 А разумной-от ведь хвастат родной матушкой,
 А богатой сидит хвастат золотой казной,
 А богатыри-ти хвастают своей силушкой,
 А глупой сидит хвастат молодой жоной,
 А неразумной-от ведь хвастат молодой сестрой.

(В книжках всё было, вот читали всё робяты, а я ведь слушала.)

- 40 А Дунай-от Иванович не пьет и не ест,
 Не пьет и не ест и он не кушает,
 Ише беленькой лебѣдушки ведь он не рушает,
 И повесил-то сидит да буйну голову.
 И подходит князь Владимир во третьей након,
 45 Наливает-то он вина всё заморьского,
 Подавает-то Дунаюцку-то во второй након:
 «Уж ты ой еси, мой брателко двоюродной,
 Двоюродной ты брателко, крестовой-от,
 Што ты сидишь да призадумалсе,
 50 И пошто да ты сидишь да запечалилсе

- И повесил-то ведь ты да буйну голову?
 И скажи-тко-се ты мне-ка, ведь названой брат,
 А не знашь ли мне да где-ка сужона?»
 Ишо ставал-то ведь Дунаюшко на резвьѣ ноги:
 55 «Уж ты ой еси, мой брателко двоюродной,
 Ты двоюродной мой брателко, крестовой-от,
 Уж ты славной-от ведь князь да славно-киевской,
 Уж я знаю, где-ка ес(т)ь да твоѣ сужона,
 Уж и сужона тебе да она ряжена.
- 60 И невеста-та твоя да заручебная.
 Как у того же короля да у Задоньского
 Ише ес(т)ь-то у его да две-то доченьки,
 И премилы его доченьки любимые.
 И перьва та Настасія-королевисьня —
- 65 Полениця-та она да преудалая,
 Ише ездит-то она да на добром кони
 И стреляет-то она да птицу-ту перластую.
 А втора-та ёго доченька любимая
 И прекрасна Апраксея-королевисьня.
- 70 Ише росту-ту она да ведь не малого,
 А как умна-та всё разумная,
 Ише тиха-та она да ведь смиренная,
 А лице-то ведь ей — как снежку белого,
 А как шшочки-ти у ей — да ишше алые,
- 75 И брови-ти у ей — да ведь как у чорна сокола,
 А руса-та ведь коса у ей — до пояса.
 И походочка у ей — да всё павиная,
 А тиха-та у ей рець — дак лебединая,
 Ишше будёт нам кого княгиной назвать.
- 80 И засватана она да за проклятого чудишша за Идолишша,
 И проклято-то чудишшо о трех головах.
 (Нынче дивуют, а прежде всё силой брали!
 У князей воровали, а то ишше у королей воровали.)
 А сидит она у его в высоком тереми,
 (Он ей посадил и замкнул невесту, посадил на семой этаж.
 Только сам ходил и отмыкал, штобы никто не мог касаться.)
 На семом-то она этажу да на высоком-то,
 За семью-то дверями за дубовыми,
 85 Замкнута замками-ти булатными.
 И стоит-то ведь у дверей семь сторожов.
 Ише шьёт она шириночку красным золотом,
 И росшивает-то ей да шитым серебром
 А проклятому чудишшу всё Идолишшу».

(Всё ему в подарок!)

⁹⁰ Проглаголил-то ведь князь да как Владимир-свет:

«Уж ты ой еси-то, Дунаюшко Иванович,
Ты двоюродной мой брателко названной-от,
Уж ты съезди-ко в царство всё во Задонское
И к тому ли королю да ко Задонскому,

⁹⁵ Привези-тко Апраксею-королевисьню».

(Похвастал — вот и поезжай!)

И выходит-то наш Дунаюшко Иванович
Из-за тех-то он столов да всё убранных-то
И пошел-то наш Дунай да на конюшен двор,

(Сейчас в отправку да и марш!)

Выбираёт он себе да лошадь добрую,

¹⁰⁰ И молоденьку лошадку не езжалую,
Надевает ей уздечеську да тесмянную,
Накладывает ей седёлышко черкальской,
И садитсе-то Дунай да на добра коня.
И поехал наш Дунай да во чисто поле.

¹⁰⁵ И несется его конь да лошадь добрая
Ише выше-то ведь лесу он стоячего
И ниже-то облака ходячего.

Сутки-ти ведь едет и други едет,
И проехал-то ведь он да много времени,

¹¹⁰ Приезжает-то во царствие Задонское.

(Уж не в нашем мести, конечно.)

Приезжает-то Дунай да к воротам да ко широким-то,
И всех-то сторожов да он ногами стоптал,

(Этих семь сторожов!)

А и семь-то он замков да все он рукой сорвал,

А и семь-то он дверей и он ногой стоптал,

¹¹⁵ И заходит-то ведь он да в светлу светлицю,

И в высоку-ту он к ей да в нову горницу,

(На седьмой этаж да он забралсе к ней. Далёко!)

И здоровалсе-то он с прекрасной Апраксией-королевисьней:

«Ты здрастуй-ко, Дунаюшко Иванович». —

*(Он, вишь, лакеём у них жил, он им кушанье подавал,
вот, вишь, она его знат.)*

«Уж ты здрастуй, Апраксея-королевисьня!

¹²⁰ Я пришел-то ведь к тебе да не в гостях гостить,

А приехал-то к тебе да сватом и свататься

Как за славного-то князя за Владимира,

За Владимира-то ведь да славна киевского».

(Надо-то петь поскладнее, а всё не выходит.)

Говорила-то ему Апраксея-королевисьня:
 125 «Уж ты ой еси, Дунай свет Иванович,
 Не могу-то я итти да во замужесьво,
 Меня засватал-то ведь батюшко за проклятого чудишша за Идóлишша,
 И проклято-то чудишшо ведь о трёх главах.
 Как поедём мы с тобой да по цýсту полю,
 130 Не уехать-то нам бóдет в славной Киев-град,
 Нам ведь встретится чудишшо-то Идолишшо
 И ссекёт-то у тебя да буйну голову».

*(Вот она ему и говорит: ну, на эдакого дядю наедешь,
 так проехать надоть!)*

Отвечает ей Дунаюшко Иванович:
 «Не страшись-ко, Апраксея-королеёвна,
 135 Попытаюсь-то я с чудишшом-то с Идóлишшом,
 Я ссеку-то у его да буйну голову».
 Поскорёхоньку она да ведь снаряжаласе,
 А круто-то она да собираласе.

*(Не порато-то спрашивалась у тетки да у мамки. Вот всё
 тепере дивуют, а прежде тоже таки люди были, по семи жон имели!)*

А выходят-то они из светлой свётлицы,
 140 Из высокой-то своей да новой горницы,
 Садятся-то они да на добра коня,
 Вот и едут-то они да по чисту полю,
 Постречалась-то им стретушка не маленька —
 Проклятоё чудишшо всё Идолишшо.

145 Ише как-то Дунаюшко Иванович не струсил-то,
 Ише как-то у его ссек да буйну голову,
(А Идóлишшо у его не мог: Дунаюшко поспешил поскорее, попереди.)

Ише пал-то ведь чудишшо на сыру землю.
 Ише мать-та земля да потресаласе.
 Зеревел-то чудишшо по-звериному,
 150 Засвистел-то ведь Идóлишшо по-соловьинуму:

*(Ише только одну голову отсек — большую,
 а на плéчах не отсек тих маленьких головушек.)*

«Уж ты ой еси, Дунаюшко Иванович,
 Не ссеки-то-се у мя да вси-то три главы».
 Как оставил-то Дунай, россердилсе на чудишша на Идолишша,
 И оставил-то его да на сырóй землi.

155 И поехали они да по цýстý полю,
 Ише ехали они да много времени,

(Не близко тутотки!)

Приезжают-то ведь они да в славной Киев-град.
 И завидел-то ведь их да князь Владимир-свет,

- И выходит-то ведь он да на широкой двор,
 160 И стрещяёт-то ведь он да дорогих гостей,
 И сымает-то Апраксенью-королевисьню со добра коня
 И целует ей в уста да во сахарные,
 И берет-то он ведь ей за праву рученьку,
 И ведет-то он ведь ей да в светлу светлицю
 165 И в высоки-ти да новы горницы,
 (Ише князь был, да не худы-ти избёнка были!)
 Он садит ей за столы да за убранные,
 На диваны-ти ведь ей да красна дерева,
 На подушечки-ти ей да ала бархату,
 Ише поит-то он ей винами заморскима,
 170 Ише кушаньями кормит ей сахарныма.
 «Уж ты ой еси, Апраксея-королевисьня,
 Я жалаю тибя взять себе в замужесьво,
 Ты поди-тко за меня да во супружесьво,
 Мы поедем-ко с тобой да во Божью церковь,
 175 Окрестись-ко-се ты в веру православную,
 (Не руська была! А Киев-то был руськой. А она была других землей.)
 А примем-ко-се да мы закон-от Божий».
 И пришли-то ведь они да в светлы светлицы
 И в высоки-ти свои да новы горницы.
 Собираёт князь Владимир тут почесён пир,
 180 Зазывает-то князьей да со княгинами,
 Ише всех-то королей да с королевами,
 Славных-то могучих он богатырей,
 Собираёт-то ведь он да нишшу братию,
 И садит-то он ведь их да как их всех за стол
 185 И поит-то их ведь винами заморскима,
 А кормит-то их кушаньём сахарным-то.
 Ише вси-ти на пиру да наедались
 И допьяна вина да напивались.
 Ише вси-то на пиру да приросхвастались.
 190 А Дунаюшко-то хвастает побольше всех:
 «Уж я жил у короля да у Задоньского,
 А в лакеях-то я был у еговых доченёк.
 Я носил-то ведь им кушанья сахарные,
 Целовал я Настасию-королевисьню.
 (Похвастал — вишь!)
 195 Полениця-та она да преудалая,
 Как поеду-то ведь я к королю да ко Задонскому,
 Привезу-то Настасию-королеёвну».
 И выходит наш Дунай из-за столов да из-за дубовых,

- И пошел-то наш Дунай да на широкой двор,
 200 Ише выбрал он себе да лошадь добрую,
 И садится вот Дунай да на добра коня,
 И поехал-то ведь он да во чисто поле.
 Ише ехал-то ведь он да много времени,
 Приезжает к королю да ко Задоньскому,
 205 И встречает его Настасья-королеевна:
 «Ише здрастуй-то, Дунай да как Ивановичь!» —
 «Уж ты здрастуй, Анастасия-королеевна!
 Я приехал-то к тебе да сватом свататься,
 Я желаю тибя взять да во супружесьво».
 210 Согласилась Настасия-королеевна,
 Порешилась-то итти к ему в замужесьво.
 Вот выходят-то они да на широкой двор,
 А садилась-то они да на добра коня,
 И поехали они да в славной Киев-град.
 215 Ише ехали они да много времечка.
 Приезжают-то они да в славной Киев-град,
 И заходят-то они да в светлы светлицы,
 Во высоки-ти свои да новы горници.
 Собирает-то ведь Дунай да как почесён пир,
 220 Зазыват-то ведь всех князей да со княгинями,
 Ише всех-то королей да с королевами,
 Ише всех-то он могучих всех богатырей,
 Ише всю-то он зовёт да нишшу братию,
 Садит-то он ведь их да как уж всех за стол,
 225 И поит-то он их винами заморским,
 Ише кормит-то он их кушаньем сахарным-то:
 «Уж вы пейте-ко-се, гости, вы ведь кушайте,
 Ише беленьку лебедушку вы рушайте».
 Ише все-то на пиру да наедались,
 230 Все допьяна вина да напивались,
 Ише все-то на пиру да приросхвастались.
 А прекрасна Настасья-королеевна
 И похвастала она да ведь сама собой:
 «Уж вы вой еси, гости все долгождания,
 235 Вы снесите-тко колечушко во чисто поле,
 (А за столько метров она велела отнести? Я забыла.)
 Понесите-тко за версту большемерную,
 Перестрелю я колечушко посередушки,
 Ише будут половиночки обе равные,
 Некоторо-то не больше и не менее».
 (Обе парны.)

- 240 Ише вышли-то они да на широкой двор
 И пошли-то ведь они да во чисто поле,
 Относили-то колечко за версту большемерную,
 Перестрелила она Настатья-королевисьня,
 Ише стрелила она да во серёдки
 245 Ише на две-то у его да половиночки —
 Некотора и не больше и не менее.
 Ише это-то Дунаюшку не пондравилось,
 Ише ссек у своей княгинушки буйну голову.

(Эта старина была в книжки у отца моего, у Василия Ефимовича Субботина была книжка и про богатырей, и про Еруслана Лазаревича. Он в праздник повалится на лавку и читает, а мы, ребята, слушаем. Нас было пять дочерей, а шестой был сын. А отец был батрак, веком ходил по людям, а опосли-то сидел на тони. А потом эти книжки попали к нам в дом. Я уже замужем была, а ребята читали Еруслана Лазаревича. Книга толстая была.)

№ 79

- А ишше все-то на пиру да наедались,
 А ишше все-то на пиру да напивались,
 А князь-от Владимир ходил по горницам,
 Он русыма кудрями принатряхивал,
 5 А белыми руками принамахивал,
 Тросточкой в пол да поколачивал.
 А говорил да таковы слова:
 «Уж вы гой еси, князья-бояра,
 Вы могучие сильные бога́тыри,
 10 Поляни́цы приуда́лые,
 Богатыри вси могучие,
 Все-те мо́лодцы спожéнены,
 Красны-ти девушки взамуж выданы,
 Только я один, князь Владимир, не женен есть.
 15 Выбирайте-тко мне в супружесьво красну де́вицу».
 Старшой-от князь хорóнится за среднего,
 А средней-от князь хорóнится за младшего,
 А от младшего ответу нет.
 (Тут до трех раз натъ петь.)
 «Уж вы ой еси, князь-бóяра,
 20 Могучие сильния бога́тыри,
 Поленици приуда́лые,
 Выбирайте мне в супружесьво красну девицу».
 (И в третей раз сказал так же.)
 Старшой-от князь хорóнится за среднего,

- А средней-от хорóнится за младшего,
 25 А от младшего ответа нет.
 Во третей раз сказал:
 «Уж вы ой еси, князья-бóяре,
 Вы могучие сильные бóзатыри,
 Поленицы приудáлые,
 30 Выбирайте мне в супружесьво красную деви́цу.
 Все-то молодцы споже́нены,
 Только я один, князь Владимир, не же́нен».
 Тут стал Дунай Иванович
 С белодубовой скамеечки,
 35 Говорил да таково словó:
 «Уж ты вой еси, князь Владимир стольно-киевский,
 Ты позволь сказать, да за слово меня моги помиловать.
 Уж я живу-то у князя у Задоньского ровно девять лет:
 Три я годика жил во дворниках,
 40 Три я годика жил во ключниках,
 Три я годика жил во стóльниках.
 У того князя было Задонского
 Две дощери было, две белых лебеди.
 Старша та дощ да поляница приудалая,
 45 А вто́ра дощ Апраксея-королевисьня —
 Вот судьба-то твоя, бóдѣ жона тебе».
 А князь ответил — говорит:
 «Уж ты вой еси, Дунай Иванович,
 Ты бери-ко у меня, сколько тебе требуется, могучей силы,
 50 Сколько тебе надобно, бери золотой казны».
 [А он ответил] слова:
 «Мне не надоть твоя могуча сила,
 Мне не надоть твоя золота казна,
 Только дай ты мне Добрынюшку Микитича».

(Только на том и кончалось. А ес<т>ь ли боле, не знаю. Уж и забыла, мню, от кого и слыхала. Пел Почешкин на страды, пели и другие, вот оно всё и скатывалось.)

№ 80

- Как во славном было во городи во Киеви,
 Как у ласкова у князя-та у Владимира
 Заводилсе у его почесён пир для всех же он,
 Приказал-то нашо красно солнышко Владимир-князь,
 5 Приказал он звать да гостей князей-бояр же всё,
 Ишше звал он всё купьцей-гостей торговых-то,

Ишше звал же он попов-отцов духовных же,
 Ишше звал-то нашо красно солнышко Владимир-князь,
 Ишше звал-то он прожитосьных хресьян-то всё,
¹⁰ И он же звал же черного пахоря — землю пахал —
 Ишше тут же всех приглашал князь Владимир же.
 Он сажил их за свои столы за окольные,
 За те ли за скатерти всё за браные,
 Всё за ества сажил их за сахарные,
¹⁵ За браги-ти всё сажил, водочки заморьские,
 Ишше белую лебедушку же рушати,
 Уж как рушати лебедушку же, кушати.
 И все-ти у князя Владимира на пиру у его,
 И вси на почесном да наедалисе,
²⁰ Ишше все они допьяна да напивалисе,
 Ишше все они на пиру, братцы, росхвастались:
 Ишше умной-от сидел хвастал да родным батюшком,
 Как разумной-от сидел хвастал да родной матушкой,
 Ишше глупой-от как сидел хвастал да всё молодой женой,
²⁵ Неразумной-от сидел хвастал да всё родной сестрой,
 Ишше богатыри-ти сидели хвастали своей силою богатырьскою,
 Как богатой-от сидел хвастал-от золотой казной,
 Кто сидел прохвастал, братцы мои, хоромами,
 Кто хвастали сидели добрыма конями.
³⁰ Ишше нашо-то красно солнышко Владимир-князь
 Он по грини по княженеською похаживал,
 Он желтыма-ти кудрями сам ростряхивал,
 Он серебряныма подковочками нежно пристукивал,
 Золотыма-ти он же шпорами сам набрякивал,
³⁵ Золотыма-ти перстнями с руки на руку перемякивал.
 Ише тут-то же нашо-то красно солнышко
 Подходил ко тем столам окольным же,
 Он ко тем ли скатертям бранным-то,
 Он возговорил им да красно солнышко,
⁴⁰ Как Владимир-князь всё да Святослаевич:
 «Уж вы гой еси, мои гости приезжия,
 Вы приезжия и гости мои да всё приглашоннии,
 А вы на пиру у мя до досыта да наедалисе,
 Уж вы на почесном у мя допьяна да напивалися,
⁴⁵ Ишше вси у мя да вы росхвастались.
 Уж вам скажу реци я всё, я вам возговорю:
 Есть же вот у нас в славном городи во Киеви
 Ишше вси у нас во городи во Киеви прижилисе,
 И хороши-ти девицы у нас замуж повыданы.

- 50 А я скажу вам рець да вам вымолвлю —
 Выбирайте-тко мне, князю Владимиру, обруцницу,
 Мне обруцницу-невесту красну дэвицу,
 А вот штобы была росту не малого,
 Штобы было мне князю кого княгиной звать,
- 55 И как бы вам кому было да поклонитисе.
 А и што походочка была у ей павиная,
 У ей речь была лебединая,
 А и у ей личико было да как порóшка снэжку белого,
 А у ей шшочки-ти были да как же маков цвет,
- 60 А и уж и брови-ти же были соболя сибирьского,
 А как глаза-ти у ей были у сокола перелетного!»
 (Вот вишь как князь Владимир выбирал невесту!)
 А и тут-то на пиру, братцы, все призамолкнули,
 А на почесном-то вси сидели, братцы, да призагунули,
 А и как старшой-от тулилсе за середнёго,
- 65 А как середнёй-от тулилсе всё за младшого,
 А как от младшого ответу ише не было.
 И говорил-то нашо красно солнышко на второй же раз:
 «И еше што же вы, братцы, вси у мя на пиру призамолкнули?»
 И ишше што же вы у мя на почесном призагунули?»
- 70 А и выбирайте мне обрусьницу-подвенесницу,
 А мне, князю-ту Владимиру мне, княгину,
 А и што личико-то было у ей как порóшка снэжку-то белово,
 А и шшочки-то у ней были как же маков цвет,
 А у ей и брови-ти же были — у соболя сибирского,
- 75 А и у ей глаза-ти были как у сокола перелетного,
 А и как у ей рець-та же была тихая лебединая,
 А как походочка у ей была же всё павиная,
 А и ише было мне жа, князю, княгиной назвать,
 А ишше было кому вам да поклонитисе!»
- 80 Ишше все же тут на пиру, братцы, празагунули,
 Ише все же на почесном призамолкнули,
 Ише старшой-от тулилсе всё за среднёго,
 А как середнёй-от тулилсе всё за младшого,
 А как от младшого, от малого ответу не было.
- 85 И э говорил-то князь Владимир им же на третей након.
 И тут из-за тех ли из-за столечка окольния
 Как ставал-то единорóдной мóлодец,
 И и как умной-от ставал-то, братцы, разумной-от,
 А и как могучой-от наш русской да всё богатырь,
- 90 А как по имени Добрынюшка Микитич млад.
 Он ставал скорó на резвы да на свои ногы,

- А он же бил чолом князю Владимиру, низко кланялсе:
 «А уж ты ой еси ты, нашо красно солнышко,
 А ты великой князь Владимир Святослаевич,
 95 Я же скажу тебе да всё поведаю,
 Я же знаю тебе невесту не во славном городи во Киеви,
 Есть у тою ли у проклятой Литвы,
 У того ли короля да Лихоминского,
 Ишше есть у его да две-то дочери любимья:
 100 А перьва доць-то есть у его Настасья-королевисьня —
 Та не тебе слегá да не тебе жона,
 А та Дунаю сыну-та [Ивановича] слегá,
 Она ему слегá да ему будёт да молода жена,
 Она полениця всё преудалая.
 105 Ишше есть-то [у] короля-те вторая дочь,
 Што вторая дочь его любимая,
 Ишше та ли Апраксенья дочь же королевисьна,
 Она тебе слегá да состоять будёт твоей да молодой жоной,
 А я не сам видал же, от людей слышал.
 110 Уж ты ой еси, да красно солнышко,
 Как Владимир-князь же всё же Святослаевич,
 Я слышал-то от своего брателка крестового,
 От того ли я Дуная сына Ивановича:
 Ишше жил-то Дунай да сын Иванович
 115 Он в проклятой Литвы да всё в неверной землi,
 У того ли короля да Лихоминьского
 При его двори на королевском-то,
 Он же три годá же жил он всё при дворниках,
 Ишше три года он служил во ключниках,
 120 И он же три годá [у] короля Лехоминьского
 Утешал-то его любимых дочерей,
 Во свои-ти во весёлые гусли-ти играл же он,
 Во гуселки играл он во золочёныя,
 При обеди-то [о]ни сидели кушали,
 125 Они ели кушанья сидели всё сахарныя,
 Они сладкия пили мёды-ти да очунь дóроги,
 И засажон у тя же, красно нашо солнышко,
 Ты Владимир-князь же Святослаевич,
 Как Дунай-от всё у тя Иванович,
 130 По-напрасному он засажон да в тёмници».
 И тут приказал же князь Владимир же,
 Он же брать-то им да золоты́ ключи
 И отмыкать-то приказал им тёмны тёмници,
 Выпускать-то Дуная сына всё Ивановича,

- 135 Он велел вести его во грину княженеськую
 И за те ли за столички да за окольные,
 И за те ли за скатерти же всё за бранья,
 И за ества садить его за сахárнья,
 За дороги-ти же водочки же всё заморския,
- 140 И приказал им чарочку же наливать ёму,
 И как Дунаю-ту сыну всё Ивановичу.
 И выпускали Дуная сына же Ивановича,
 Выпускали его из тёмницы из тёмною,
 И призаходил Дунай да сын Иванович,
- 145 Он во грини же всё да княженеськия,
 Он же крест-то клал Дунай да по-писáнному,
 Ише он поклон-от вёл Дунай да по-ученому,
 А челом-то бил князю да низко кланялсе:
 «А и уж здрастуй, здрастуй, князь нашо красно солнышко,
- 150 А и ты великой наш князь Владимир Святослаевич!»
 А и уж тогда нашо красно солнышко Владимир-князь
 А и наливал-то Дунаю сыну да всё Ивановичу,
 А и наливал же ему же чарочку же полтора ведра,
 Э и наливал-то ему же чарочку вина горьково.
- 155 А и брал-то Дунай-от сын Иванович право́й рукой,
 А и выпивал он чарочку Дунай сын Иванович за еди́ной дух.
 А и как втору-ту наливал нашо красно солнышко
 А и как великой наш князь Владимир да Святослаевич,
 А и он вторую-ту же чарочку пива сладкого.
- 160 Ише брал Дунай-от сын Иванович единой рукой,
 Выпивал же тут Дунай сын Иванович за единой дух.
 Наливал-то князь Владимир вот третью чару,
 Вот третью-ту чару дорогих водок заморских-то.
 Ишше брал Дунай чарочку единой рукой,
- 165 Выпивал же Дунай сын Иванович за единой дух.
 Ишше тогда же наш Дунай же сын Иванович,
 Ишше стал же он тогда же да всё весёлым же,
 Ише стал у нас Дунай же сын Иванович,
 Ише стал-то он же с князём да поговаривати,
- 170 Ише стал тут Дунай же сын Иванович
 Веселья-ти речи с князём поговаривати.
 Говорил-то князь Владимёр Святослаевич:
 «Уж ты ой еси, Дунай ты да сын Иванович,
 Што я тебе скажу же, речь да тебе же вымолвлю:
- 175 Ты знашь ли мене, князю Владимиру, невесты же?»
 Ишше княгину мне взять же да всё в супружесьво?
 Ишше вси у нас во славном городе во Киеви

- Ишше вси у нас да приженилисе,
Только я у вас, князь Владимир, да всё холóст хожу,
180 Я холóст хожу у вас да нежонат слыву.
Выбирай-ко мне, Дунай да сын Иванович,
Ты везде бывал во всих городах же всё,
Ты у неверных землях бывал да в проклятой в Литве,
В проклятой Литве живал да их же всих видал.
185 Ты выбирай-ко мне княгину-ту князю взять,
Ты не знашь ли мне, Дунай да сын Иванович,
Мне невесты-то князю Владимиру Святослаёвичу,
Штобы росту-ту она была мне не малого,
Што умом-то была она да всё разумная,
190 Вот разумна была — у ей походочка павиная,
У ей-то шея же была всё да лебединая,
У ей личико было как порошка-та снежку белого,
У ей шшочки были как же всё маков цвет,
У ей же брови же были как у соболя сибирского,
195 Как глаза-ти у ей были — у сокола перелетного».
Ише тут Дунай-от сын да всё Иванович:
«Уж ты ой еси, нашо ты красно же солнышко,
Ты великой князь Владимир Святослаёвич,
Уж я знаю тебе невесту-ту в проклятой в Литвы,
200 В проклятой в Литвы, в неверной земли в поганую,
У того ли я короля да Лихоминьского.
Уж я жил у его девять-то я жа годичков,
Как есь у его, у короля, да у его две дочери любимыя,
Как перввая-то дочь есь Настасья-та королевисьна,
205 Та не тебе слегá, не тебе она будёт жона,
Та же мне будет жона да она моя слегá,
Она поленица-та Настасья-та дочь королевисьна,
Поленица она же всё преудалая,
Она ездит полякуёт по чисту полю,
210 По чисту полю ездит, по широкому раздольицю.
Ишше ес[т]ь у короля да есь вторая дочь,
Как вторая у его же дочь да всё любимая,
Апраксенья-та всё же есь да королевисьня,
Ише-та тебе слегá, будет твоя жона.
215 У ей личико как порошка-та снежку белово,
У ей личико у ей да как же маков цвет,
Уж как брови-то у ей — у соболя сибирского,
Как глаза-ти всё у ней как у сокола перелётного».
Уж и говорил тогда же князь Владимир-от,
220 Говорил-то он Дунаю сыну Ивановичу:

- «Уж ты съезди-ко, Дунай ты да сын Иванович,
Ты в неверную в землю да в прокляту Литву,
Ко тому ли ты королю да Лихоминьскому,
Уж ты свататься на его же любимой дочери,
225 Как на той ли ты на Апраксеньи-то королевисьни».
Ише тут скорó Дунай да жа Иванович
Он пошел скорó же он да на широкой двор,
Ише брал он своего добра коня да богатырьсково,
Он выводил же его скорó да на улицу,
230 Он садилсе скорó же он да на добра коня,
Только видели добра мóлодца, как на коня садилсе,
Только видели добра мóлодца во чистом поли,
Во чистом поли, в широком во роздóльици,
Только куревá скúтела, только же столб стоял.
235 Ишше ехал тут Дунай да сын Иванович,
Он скоро ли, долго ли тут же поездка его,
Ише ехал-то он в неверну-ту прокляту Литву,
В прокляту Литву в неверную
Ко тому ли он королю же Лихоминьскому.
240 Приезжал скорó ко дворцу он королевьскому,
Ко тому ли к столбу да ко точёному,
Ко точёному к столбу да к золочёному.
Он скакал Дунай сын Иванович со добра коня,
Он вязал своёго добра коня богатырьского
245 Ко тому ли он ко колечушку золочёному,
Насыпал же он пшеницы ему белояровой,
Он пошел-то скоро в покои-ти в королевския,
Он не спрашивал ни придворников, ни караульнишков,
Шел мимо их, низко кланялсе.
250 Заходил-то Дунай сын Иванович
Во покои-ти королевские,
Он не кстил-то всё своего лица белого,
Королю-ту бил да низко кланялсе,
Корлеви-то ему жоны да пожилой жоны.
255 Говорил-то ему король Верхоминьской-от:
«Уж ты здрастуй, здрастуй, Дунай да сын Иванович,
Ты приехал-то ко мне, королю к Верхоминьскому,
Ты служить ко мне с верой с правдой всё по-старому?
Што по-старому же мне да всё по-прежнему?»
260 Тут возгóворил Дунай да сын Иванович:
«Уж ты ой еси, король да Верхоминьской же,
Я приехал же к тебе служить не по-старому,
Не по-старому, не по-прежнему:

- Я приехал-то к тебе да со святой Руси,
 265 Со святой Руси приехал, из славна города,
 Из славна приехал я из Киёва,
 Я от князя еду от Владимира,
 Я от красного своего же я от солнышка,
 Тут я свататься на твоей любимой дочери,
 270 На Апраксеньи-то я приехал свататьце на королевисьни,
 Ты отдай, отдай свою дочь да всё любимую,
 Как за нашего князя да всё Владимира,
 Вот Владимира же отдай да за Святослаевича».
- Говорил тогда Дунаю сыну Ивановичу
 275 Король ему, король да всё Верхоминьской-от:
 «Уж ты ой еси, Дунай да сын Иванович,
 У мне засватана она да дочь любимая,
 Ише та ли у мне Апраксенья-то королевисьня
 За поганого Идолишша за проклятого,
 280 Белы ручушки у ней да призадаваны,
 Золотыма-ти перснями да поменялисе».
- Ише говорил тогда королю Дунай же всё,
 Как Дунай-от говорил всё же Иванович:
 «Уж ты ой еси, король да Верхоминьские,
 285 Я говорю тебе не раз, не д(ы)ва же всё,
 Ты засватывай-ко свою же доць любимую
 За того ли за нашего князя всё за Владимира,
 Как за красного нашего солнышка!»
- Говорил тогда король да все Верхоминьской-от:
 290 «Уж ты ой еси, Дунай да всё Иванович,
 Ще каково-то есть у вас на святой Руси,
 На святой Руси во славном городи во Киеви —
 Как пекёт у вас красно солнышко на кучах на навозных-то!»
- Тут Дунаю-то сыну Ивановичу за беду палó,
 295 За беду пало ему да за великую,
 Што король-от Верхоминской назвал нашего красна солнышка,
 Ише загорелось у Дуная сына Ивановича,
 Разгорелось у его серьцо богатырьское,
 И расходились у Дунаюшка могучи плечи,
 300 Ише брал Дунай в руки саблю вострую.
 Ише говорил король да Верхоминьской-от:
 «У мня засажона моя доць любимая,
 Ише та ли Апраксенья-королевисьня,
 За семидесятью семью замками всё заморскима,
 305 Она сидит-то с нянюшками, с мамушками,
 А и со санныма со красными девицами,

- А и как у кажного замка да всё заморского
 И стоит по сторожу да всё по тотарину».
 Ише брал Дунай да сын Иванович,
 310 Ише брал в руки саблю же он вострую,
 Ише пошел скорб он в покои в королевские,
 Он во те ли в калидоры-ти во тёплья,
 Ише стал-то он слева направо-то помахивать,
 Он же в праву сторону махнёт — да лёжит улица,
 315 Он в левую махнёт — лежит да переулками.
 Тут наехали Идолишшо поганое,
 Как поганое Идолишшо проклятой-от,
 Он наехал скоро же да из чиста поля,
 Из широкого наехал из роздольца,
 320 Ише зачал-то же он возгóворил,
 Таковы слова же он да таковы речí:
 «Ише кто такой хочет взять мою невесту же,
 Ише Апраксенью у мя королевисьню?»
 И тут же зачали Эдунай да сын Иванович
 325 Они с поганым-то Идолишшом с проклятым же,
 Он же бой дёржать с им да воеватисе,
 Они добрыма конями тут же всё съехалисе,
 Вострыма саблями они друг на друга да всё замахивалисе,
 Ихны острия-ти сабельки да притупилисе.
 330 Ише стали добрыма-ти конями да съезжатисе,
 Ише друг на друга вострыма кóпьями,
 Ихны копыца да поломалисе,
 Ише стали битисе-боротисе,
 [О]ни скакали скоро же да со добрых коней,
 335 Они билисе-дрались да в полуколен землю да всё стоптали-то,
 Оборол Дунай да сын Иванович поганого Идолишша,
 Э и поганого Идолишша проклятого.
 Он садилсе скоро Идолишшу да на чёрны груди,
 Он спорол у его да груди черныя,
 340 Вынимал у его да ретивó серцб.
 Ише тут же Дунай да сын Ивановичь
 Он пошел скорб к покоям королевским же,
 Заходил же где была Апраксенья-королевисьня,
 Она сидела Апраксенья-королевисьня,
 345 На ковре-то сидела на рытом всё же бархати,
 Против зеркала сидела она заморьсково,
 Вышивала ширинку красным золотом,
 Красным золотом высаживала шириночку да чистым сéребром
 Она поганому Идолишшу проклятому,

- 350 И отпирал Дунай Ивановичь двери же [в] комнату,
И говорил-то он ей таковы слова:
«Уж ты ой еси, Апраксенья-королевисьня,
Ты одевайсе-ко же в платьицо в дорожное,
В дорожное в платьё же всё в тёплоё,
355 И повезу я тебя да на святую Русь,
На святую Русь да в славной Киев-град,
Я ко князю тебя да ко Владимиру,
Ко Владимиру везу да Святослаевичу».
Проговорил Дунай да сын Иванович,
360 Говорил-то он королю да Верхоминьскому:
«Уж ты ой еси, король да Верхоминьской же,
Собирай-ко дочь свою да ты любимую,
Апраксенью-ту провожай да королевисьню
На святую ты Русь да в славной Киёв ты город,
365 Ты ко князю ей ко Владимиру,
Ты ко Владимиру же ей да ко Святослаевичу,
Собирайте-ко ей да снаряжайте же,
А и вы приезжай на пиры да на весёлые,
На веселы пиры к князю ко Владимиру.
370 И как повезу ей да в славной Киев-град,
А как нас стретит же князь Владимир Святослаевич,
Ишше будёт он во соборах-то, во храмах Божьих-то
Принимать-то будут-то они с Апраксеньей-королевисьней,
И по злату венцю будут содержать да на главах своих,
375 И приезжай король да ты же с королевой своей,
С королевой да с пожилой жоной,
Ко князю ко Владимиру да на весёлой пир,
На весёлой пир да пировать же будём,
Пировать же будём за здравия князя-та да всё Владимира,
380 Со княгиной будём да с Апраксеньей-то же королевисьней!»

БОЙ ДОБРЫНИ С ДУНАЕМ (№ 81)

№ 81

Уж как было у Дунаюшка погрёжоно,
Да погрёжоно-то да было покурёжоно,
А на добрых на коничках поезжоно.
Да поехал тут Добрынюшка во чисто полё,
5 Да увидял Добрынюшка во цистом полі
Да стьит-то чёрной шатёр полётняной.

- А приехал Добрынюшка ко чёрну шатру.
 На шатри-то ведь было как написано,
 А глубокима-ти пореземи подрезано:
- 10 «Хто приедёт как ко чёрну шатру,
 А живому ведь от чёрна шатра не уехати!»
 Во чёрном шатри стояла кроваточка со новѣх¹ костей,
 Со новѣх костей да с зуба рыбьѣго,
 На кроваточки перинушка пуховая,
- 15 Одеялышко лёжало да чёрных соболей.
 У шатра-та стояла-то бочка с зелёным вином,
 Да на бочки-то чарочка золочёная,
 Да не мала, не велика — полведра вина.
 Ише взял-то Добрынюшка чароцьку золочёную,
- 20 Наливал-то ету чароцьку зелёна вина,
 Выпивал-то ету чароцьку на единой дух
 Ише для-ради красы-то да молодецкою,
 Да втору-ту наливал ради смелосьти богатырьския,
 Уж как третью наливал ради крепости богатырьския.
- 25 Хмелинушка в головѣ тогды росходиласе.
 Ети подписи тогды ёму не понравились,
 Ише подрези ёму-ту не поглянулисе,
 Ростоптал тогды взял он чёрной шатёр
 Да ласкутьѣ розьметал взял по чисту полю,
- 30 Да россек он взял бочку с зелёным вином,
 Да лёжилсэ как тогды сам на кроваточку,
 Засыпает тогды своим сном как богатырьским.
 Тогды ехал к шатру-то Дунаюшко сын Иванович,
 Закричал-то Дунай да громким голосом:
- 35 «Ишше хто-то ростоптал мой чёрной шатёр,
 Да лоскутьѣ хто-то розьметал по чисту полю,
 Да россек-то хто-то бочку с зелёным вином?» —
 Да кричал. — Да живому от чёрна шатра не уехати!»
 Услыхал тогды Добрынюшка Микитиць-от,
- 40 Да скакал-то Добрынюшка со кроваточки,
 Да скакал-то Добрынюшка на добра коня.
 Да не ясны-ти соколы слеталисе,
 А дородьни-ти молодцы съезжалисе.
 Да ударились они да саблеми вострыма —
- 45 У их сабельки-ти да поломалисе.
 Они ударились тут палицами цяжолыма,
 У их палеци-ти да поломалисе —
 Да сами друг-то друга они не ранили.
 Да ударились тогды да копьями вострыма,

- 50 У их копыця по яблущкам сломилисе —
 Они друг-то друга как не ранили,
 Они не дали раны к ретиву сердцу.
 Да скакали через гривушки лошадиныя,
 Да большим они боем, ту-да-рукопашкою
- 55 Да водилисе богатыри три суточки.
 Они ноги втоптали по колен в землю.
 Да во ту-то пору да как во то время
 Уж как ехал государь-от наш Илья Муромець,
 Да как сам-то говорил он таковы речи:
- 60 «Как неверной с неверным как ведь боритьце,
 Ише надо ехать их как притакивать.
 Ише руськой со руським как ведь боритьце,
 Ише надо ведь ехать да розговаривать.
 А как руськой с неверным да как ведь боритьце,
- 65 Надо ехать ведь руському помош дать».
 Да приехал государь к им Илья Муромець,
 Ише говорил им таковы речи:
 «Уж ты гой еси, Дунаюшко Ивановичь!
 Молодыя Добрынюшка Микитиць-от!
- 70 Вы о цём жа как тут да вы боритесь?»
 Росъцепились тогда как богатыри.
 Говорил ему Дунай да сын Ивановичь:
 «Я оставил в чистом поли чёрной шатёр.
 Ростоптал у мя Добрынюшка чёрной шатёр,
- 75 Да лоскутьё розмётал он по чисту полю.
 Да стояла у шатра боцька с зелёным вином,
 Да на боцьки была цярочька золочёная.
 Да розьсек взял он боцьку-то с зелёным вином,
 Изломал у меня чарочку золочёную».
- 80 Говорил тогда Добрынюшка таковы речи:
 «Уж ты вой есь, восударь ты наш Илья Муромець!
 Я приехал ведь к этому ко чёрну шатру,
 На шатри-то ведь было как написано
 Да глубокима-ти подрезами подрезано:
- 85 «Хто приедёт к чёрну шатру,
 Из чёрна шатра живому не уехати».
 У шатра стояла боцька золочёная,
 Ише выпил-то я из боцьки как три цярочки,
 Хмелинушка в головы у мя росходиласе.
- 90 Эти подписи-ти мне как не понравились,
 Эти подреза-ти мне не поглянулисе:
 Ростоптал ведь я взял чёрной шатёр,

- Как я лоскутьё розьметал взял по чисту́ полю,
 Я розьсек взял тогды боцьку-ту с зелёным вином,
⁹⁵ Изломал я эту чарочку золочёную».
- Говорил-то да государь-от таковы речи:
 «Уж ты гой еси, Дунаюшко Иванович!
 Ише колько я не еживал во чистом поли,
 Ише колько не рос(с)тавливал чёрных шатров,
¹⁰⁰ На шатрах-то ведь етого не подписывал
 Да глубокима-ти по́дрезами не подрезывал.
 Да хорошо-то я приехал к вам рогати вас —
 Оборол бы тя Добрынюшка Микитич-от
 Да убил бы тебя как до́ мертва».
- ¹⁰⁵ А поехали богатыри в крашон Киев град,
 Ко тому жа ко князю-ту ко Владимёру.
 Рос(с)казал государь-то да Илья Муромець
 Про того жо про Дунаюшка Иванова,
 Ише как он написал на чёрном шатри.
- ¹¹⁰ Обсудили Дунаюшка Иванова,
 Посадили Дунаюшка в тёмны по́гребы
 Да немножко, не мало — на семнадцать лет.

ДЮК СТЕПАНОВИЧ И ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ (№ 82—89)

№ 82

- Нету на силу Самсонову,
 Что того же Самсона Колыбанова,
 Нет на счастье осударя Ильи Муромца,
 На вежество Добрынюшки Никитича,
⁵ На ярость Олешеньки Поповича,
 На именье Садка — купца богатаго,
 На злату казну Дюка сына Степанова.
 Как у Дюка двор на семи верстах
 Крыт был медью зеленою,
¹⁰ Зеленою медью козарскою,
 Котора дороже красна золота.
 Круг Дюкова широка двора
 Оградушка ведена была булатная.
 По той по ограде булатныя
¹⁵ Сажены были венчики красна золота,
 Во той во ограде булатныя
 Наделаны были бойни-кузницы,

- Теплы конюшни стоялыя,
 В них стоят жеребцы неезжалые,
 20 Пьют-то, едят траву шелкóвую,
 Запивают водой свежей, ключевою.
 Во той-то ограде булатныя,
 Было триста столбов серебряных,
 Четыреста было золоченых,
 25 ¹Медных и железных
 Числа-сметы нет.¹
 Хорошо-то было у Дюка устроено:
 Крылечко у Дюка хрустальное,
 Тетивка² у Дюка позолочена,
 30 Дворцы у Дюка хрустальныя,
 Колечко у Дюка красна золота,
 Подворотенка у Дюка рыбий зуб,
 Мостики у Дюка все казёные,³
 Печки у Дюка муравлены,
 35 А топят дровами калёными,⁴
 Помёлышком пашут самошелковым,
⁵В сыту воду купают медвяную.
 Пекут-то колачики крупичаты:⁵
 Колачик съешь — другаго хочется,
 40 А <от> третьяго колачика душа бежит.⁶
 Не белинька березка к земле клонится,
⁷Уж как Дюк-от перед матушкой
 Челом бьет:⁷
 «Благослови меня, матушка родимая,
 45 Мне-ка съездити во город-от во Киев-от,
 Посмотреть мне на князя со княгинею,
 Посмотреть мне всех русских богатырей».

 Говорит ему матушка родимая:
 «Ты напьешься, Дюк, зелена вина,
 50 Во хмелю мое чадо неустройное,
 На речах мое чадышко зашибисто,
 Похвастаеть, Дюк, широким двором,
 Похвастаеть, Дюк, золотой казной».

 Говорит-то Дюк сын Степанович,
 55 Говорит во второй након:
 «Благослови-тко-се, матушка родимая,
 Съездить ко городу ко Киеву».

 Говорит ему матушка родимая:
 «Ты похвастаеть широким двором,
 60 Ты похвастаеть золотой казной,

- Ты похвастаеть родной матушкой».
 Говорит-то Дюк во третей након:
 «Благослови-тко, матушка родимая,
 Съездить ко городу ко Киеву,
 65 Посмотреть князя со княгинею,
 Русских могучих богатырей». —
 «Тебя Бог благословит, дитяtko,
 Ехать ко городу ко Киеву».
 Сбирается Дюк сын Степанович:
 70 Ведет-то лошадочку молешеньку,⁸
 Малешенька лошадочка, удалёшенька.
 Поехал Дюк сын Степанович,
 Поехал ко городу ко Киеву
 На той на лошадочке малешенькой,
 75 На малешенькой лошадочке, удалешенькой,
 Она горы и доли промеж ног берет,
 Быстры речки перескакивает.
 Заезжает во город во Киев,
 Едет Дюк к Божьей церкви,
 80 Соходит со добра коня,
 Привязывает ко злату кольцу.
 Пошел-то Дюк сын Степанович
 Во ту церковь воскресенскую.
 Служат там, читают
 85 Службу воскресенскую.
 Зашел-то Дюк сын Степанович
 Во ту церковь во Божию.
 Крест-то кладет по-писаному,
 Поклон-то ведет по-ученому.
 90 Кланяется чудным образам,
 Еще кланяется на все четыре стороны,
 Ставился во место во удаленное.
 Никто Дюка не может признати.
 Служат, поют попы церковные,
 95 Отслужили обедню воскресенскую,
 Пошли-то от обедни воскресенския.
 Пошел Владимир стольно-киевский
 Со своими русскими богатырями.
 Пошел осударь Илья Муромец,
 100 Идет осударь Илья Муромец,
 Признал он Дюка Степановича,
 Что быть-то Дюку Степановичу.
 Зовет Дюка на почестен пир,

- Зовет Дюка Степановича.
- 105 Пошли-то из Божьей церкви,
Садилась они на добрых коней,
Поехали они по городу,
Поехали они по городу по Киеву.
У них кони скаком скачут,
- 110 А у Дюка идет ступью бродоювою.
Говорит Дюк: «У меня такая лошадочки водовозныя».
А говорит осударь Илья Муромец:
«Ты не хвастай, Дюк Степанович».
Приехали ко Владимиру на широкий двор,
- 115 Заходили ко Владимиру во палаты белокаменны,
Во гридню княжескую.
Повелся у Владимира почестен пир,
Садилась-то Дюка во больше место,
Во больше место — во большой угол,
- 120 Обносят по чаре зелена вина.
Хмелина во Дюке появилась,
Сидит-то Дюк прирасхвастался,
Вот-то колачики крупичаты —
Объедает корочки верхняя,
- 125 Нижняя корочки под стол спущает:
«У вас пахнут колачики на сосенку,
У нашей у матушки
Колачик съешь — другаго хочется,
О третьем колачике душа бежит».
- 130 Говорит-то Дюк сын Степанович:
«Есть-то у меня добрых коней,
Добрых коней наступчивых,
Есть-то у меня золотой казны».
Говорят-то бояра Владимиру,
- 135 Что наехал мужик — засельщина.
Говорит-то Дюк сын Степанович:
«Еще нет у вас имения столько в Киеве —
Я ношу каждый день платъице переменное».
Говорят бояра Владимиру:
- 140 «Посадить надо его в крепость высокую!»
Говорит-то Дюк сын Степанович:
«Поезжайте ко матушке родимыя,
Берите бумага со чернилами,
Опишите мой широкой двор,
- 145 Накланяетесь вы служаночкам».
Тут поехал Михайлушко Петрович
Со Олешей с Поповичем.

- Никто за Дюка не ручается,
Поручился за Дюка Илья Муромец.
- 150 Приехали ко матушке родимья,
Заходят во палаты белокаменны.
Идут-то Дюковы служаночки:
«Здравствуй, Дюкова матушка!»
Отвечают Дюковы служаночки:
- 155 «Мы не Дюкова матушка —
Мы Дюковы служаночки».
Идут Дюковы портомойницы:
«Здравствуй, Дюкова матушка!» —
«Мы не Дюкова матушка —
- 160 Мы Дюковы портомойницы».
Идет-то Дюкова матушка:
«Здравствуйте, русские богатыри!
Где мое чадышко Дюк Степанович?»
Отвечают-то Михайлушко
- 165 Со Олешенькой Поповичем:
«Остался во городе во Киеве.
Хвастался Дюк широким двором,
Хвастает Дюк золотой казной,
Хвастает Дюк добрыми коньми».⁹
- 170 Говорит-то им матушка родимая:
«Опишите вы широкий двор».
Писали-то Михайлушко широкий двор
Что со тем Олешей Поповичем.
Не стало у них чернил со бумагою.
- 175 Говорит-то им¹⁰ матушка родимая:
«Уж ты гой еси, Михайлушко Петрович!
Свези осударю Илье Муромцу
Сапожки-обродочки
Под пяты-пяты, хоть яйцо кати,
- 180 Под носки-носки, воробей полети:
То Дюковы обродочки».
Поехали Михайлушко
С Олешенькой ко Киеву.
Приехали Михайлушко ко Владимиру,
- 185 Отвечают они Владимиру:
«Не стало-то у нас бумаги со чернилами,
Не могли описать широка двора —
Не пустым детина похваляется».
Отдают сапожки осударю Илье Муромцу.
- 190 Тут Дюк с осударем поназванились,
Поназванились, покрестовались.

№ 83

Уж как не было на силу-ту на Самсонову,
 Да на сильнёго Самсона-та Колыбáнова,
 Да на сц̑ястьё государя Ильи Муромц̑я,
 Да на вѣчьво¹ Добрынюшки Никитича,
⁵ Да на ярость-ту Олѣшеньки Поповича,
 На злату казну Садкá, купц̑я богатого,
 На строеньицѣ Дюка сына Стѣпанова.
 А у Дюка был дом-от да на сѣми вѣрстах.
 Кругом Дюкова было ведь широкá двора
¹⁰ Ведѣнá была оградушка булатная,
 Насажоны были столбиц̑ки серебряны,
 Насажоны были столбики позолóбѣны,
 Уж как медных, железных числа-смѣту нет.
 Да закрыт как ведь дом медью козаркою,
¹⁵ А котора-та медь дороже красна золота.
 Да настроены у Дюка-та были кузьници,
 Да настроены у Дюка-та были банѣчьки.
 Да не беленька берѣзка-та к земли клонитце,
 Ише Дюк-от перед матерью низко кланилсэ:
²⁰ «Ты спусьти миня, маминька, съездить в крашон Киев-град
 Посмотрить-то мне князя Владимѣра
 Да со той же с Опраксеѣй-то королевичнѣй».
 Не спущшат ёго маменька родимая:
 «Ты поедѣшь, мое ц̑ядышко ты милоѣ,
²⁵ Да напьѣсьсэ ты зелѣнá вина,
 Да во хмелю-то, мое чадышко, не устроишься,²
 Да захвасташь своим-то да широкím двором,
 Да захвасташь своею ты рóдной матушкой:
 „Уж как Дюкова-та была матушка
³⁰ Она дровц̑еми топит кипарисныма,
 Она помѣльшками пáшот да семишолковы,
 Пекѣт она колачики круписц̑яты:
 Да колач̑ик-от съешь — другого хочетца,
 А другого-та съешь — о третѣм душа бажит”».
³⁵ Да просилсэ ведь Дюк-от по второй након —
 Не спущшаёт ёго маменька родимая.
 Да просилсэ ведь Дюк-от по третѣй након —
 Да спустила ёго маменька родимая.
 Одевал тогды Дюк-от платьѣ зóлото,
⁴⁰ На коня-то — убор да как серебряной,
 Да поехал тогды Дюк-от в крашон Киев-град.

- Приехал тогда Дюк-от в крашон Киев-град,
 Да ко той же приехал да ко Божьей церквы,
 Да заходит ведь Дюк-от да во Божью церкву,
 45 Он ведь крест-от кладет да по-писаному,
 Как поклон-от ведет тогда по-ученому,
 Он ведь кланеитце чудным образам.
 Огледелись попы-ти вси, как дьяконы
 На того же на дороднього на молодца,
 50 Они петь-то, читать да помешалисе.
 Отслужили тогда-то да во Божьей церквы,
 Ише вон-то пошли да из Божьей церквы.
 Ише звал его государь-от³ на почёсной пир:
 «Добро жаловать, да Дюк-от всё Стёпанович,
 55 Хлеба, соли ко мне-ка ись да вина с мёдом пить!»
 А они приходят во гривню-ту да княженёрскую
 Да садятце за столы-ти за дубовыя.
 Да подносят винце-то, пиво стоканц⁴иками.
 А сидит-то ведь Дюк-от да сын Стёпанович,
 60 Да повесил-то свою-ту буйну голову,
 А ничим-то сидит он как не хвастаёт.
 Да ставал тогда государь-от на резвы ноги,
 Он ведь взял-то цярочку в полведра вина,
 Наливал эту цярочку зеленá вина,
 65 Подносил тогда ведь Дюку сыну Стёпанову,
 Да примал он ету чарочку единой рукой,
 Выпивал он ету чарочку на единой дух.
 Да вторую наливал ёму полтора ведра,
 Принимал-то ету чарочку единой рукой,
 70 Выпивал он ети чарочки на единой дух.
 Хмелинушка в головы тогда росходиласе,
 Он захвастал тогда своим широким двором
 Да захвастал своею родной матушкой:
 «Проживу я у вас во Киеви три годика,
 75 Ише каждой день носить стану платье сменное».
 Да некто тогда по Дюки-то не ручаютьце,
 Говорят-то ведь Дюку сыну Стёпанову:
 «Да засельшина, детина, деревеньшина!
 Уж ты пьяной напилсэ да приросхвасталсэ».
 80 Поручилсэ по Дюки-то государь-то да Илья Муромець.
 А тогда отправили ко царству Дюкову
 Описать ёго-то как именице.
 Да как жили у Дюка-та равню три года,
 Описали одны они кўзнеци с банеми.

- 85 Розьсердилась тогды Дюкова-та матушка,
Отписала ведь князю Владимиру:
«Да вы продайте-тко Киёв со Церниговым,
Вы купите бумаг-то со чернилами —
Вы тогда-то опишите моё именицё,
90 Вы спустите тогды моёго цяда милого,
Да во свой-от спустите во широкой двор».
Отпустили тогды Дюка сына Стёпанова
Да во свой-то ёго да во широкой двор,
Ко своей-то родимой да как ко матушки.

№ 84

- Да у Дюка-та двор-то да на семи вёрстах,
Кругом дому оградушка серебряна,
Ише по сту столбов-то было серебряных,
По полўтросту столбов было позолоченых,
5 Ише медных, железных да цисла-смёту нет.
Ише сорок конюх да со конюшнами,¹
Ише сорок кухароцёк² ходя<т> в гарусном,
А другá-та³ ведь⁴ сорок ходя<т> в шолковом.⁵
Ишше пецьки у Дюка были муравцяты,
10 Да помёлышка у Дюка из семи шолков.
Ише мать-та у Дюка была коласёнка,
Да пекла⁶ она у ёго колацики:
Да колацик-от съешь — другого хоцетьце.
Да другой-от съешь — третьёго душа бажит.
15 Не лесина во цистом поли шатаитьце,
Ише Дюк-от перед матюнкой ведь цёлом бьёт,
Уж он цёлом-то бьёт, опеть кланеитце:
«Благослови миня, маменька, в гости ехати
К тому мне-ка ко Киеву, славну Мурову,
20 Ко тому мне ко Владимёру славну-киеському,
Во Божью-ту мне-ка церковь да помолитисе,
Ко Восподнёму мне гробу да приложитисе,
На Дунай на реки да окупатисе,
Мне людей-то посмотреть да самому себя показать».
25 Не дават-то ему мать благословленьиця:
«При пирү-то приросхвастаисьсе, цядо милоё,
Ты своей-то несцётной золотой казной,
Ты своим-то ведь домом благодатным,
Ты бес<с>цётным⁷ своим у мня имушшесьвом».

- 30 Тут дала ведь⁴ ему мать благословленьице.
 Он поехал-то Дюкушко Стёпановице;
 Он ко городу едет не дорогою,
 Он во Киев заезжает не ворóтами,
 Скаце конь через стену-ту городóвую.
- 35 Да воехал во Киёв, славной Муром-от
 Он ко тим-то ко ранним заутриням.
 Он ко тим-то ко поздым ко обедёнкам.
 Уж он ставит-то добра́ ко́ня не привязана,
 Не привязанного ставит-то, не приказана,
- 40 Да воходит-то Дюк да во Божью церькву,
 Уж он крест-от кладёт да по-уцёному
 Да поклон-от ведё<т> да по-писа́ному,
 Становилсэ-то Дюкушко во сторóньице.
 Все-ти кне́зи, бояра да огледелисе.
- 45 Да подходит Владимёр да столно-киеськой.
 «Уж ты здрастуй, Владимёр-князь столно-киеськой!» —
 «Уж ты здрастуй, уда́лой ты доброй молодець!
 Я не знаю, как тибя-то именём назвать,
 Именём тебя назвать да из отецесва». —
- 50 «Отойди-тко-се, Владимёр-князь столно-киеськой!
 Они⁸ не⁹ то тут поют, не тебя слушают,
 Нам уж слушать велять звону колокольнёго». —
 «Уж как милосъти прошу тебя хлеба-соли ис<т>ь,
 Хлеба-соли тебя ись да винной цяры пить!»
- 55 Да Владимёр-от конь во ступь-ту бежит да лошадиною,
 Да у Дюка-та рысью всё пави́ною.
 Заводилсэ у Владимёра поцесён пир
 Да на многих князей-то, на многих бо́яров
 Да на сильних могуцих на богáтырей.
- 60 Ише все-то на пиру, сидя, пьют-едят,
 Ише все-то на цёсном да напиваютце,
 Ише все при пиру да приросхвастались:
 Ише глупой-о ведь хвастат родной матерью,
 Неразумой-о хвастат родной сёстрицей,
- 65 Да неумной которой — хвастат молодой жоной.
 Да Владимир-о по́ полу похаживат,
 Уж он¹⁰ тростоцькой в пол да поколациват,
 Да подходит ко Дюку да ко Стёпановицу:
 «Уж ты шьто же, молодець,¹¹ не пьешь-не ишь
- 70 Да неци́м-то, уда́лой-о, не забавляйся,
 Да неци́м-то, молодець, ты не похваляйсясе?
 У тебя разве нету да широки двора,

- У тебя-то разве нету да своёго села,
 У тебя разве нету да молодой жоны,
 75 У тебя разве нету да рódной матери,
 У тебя разве нету да родной сéстрици?» —
 «Да у меня-то, братцы, дом на семи вёрстах,
 Кругом домушку оградушка булатная,
 У мяя пó сту столбов-то былó серебряных,
 80 По полúтосту столбов у мяя позолочёных,
 У мяя медных-то, железных цисла-смéту нет.
 У мяя сорок конюх да со конюшнями,
 12-У мяя сорок кухар〈оцёк〉 ходя〈т в гарусном〉,
 Да друга-〈та ведь сорок ходят в шолковом〉.¹²
 85 У мяя пецьки-ти белы да всё муравцяты,
 Да помéлышка у мяя из семи шолков.
 Ише мать-та у мяя была коласёнка,
 13-Да колацик-от съешь — другога хоцитьце,
 Да другой-от съешь — третьёго душа бажит.¹³
 90 Да поедёмте, братьця, в моё село,
 Да берите-ко книг, да колько надобно,
 Да пера-то берите да со цернилами —
 Ницёго-то не описать вам моя имушшесьва».
 Да поехали ко Дюкову широку́ двору,
 95 Да на тих они поехали на сто-то лошадах,
 Они набрали пёр да со цернилами
 Да бумаги они себе по на́добью.
 Да приехали ко Дюкову широку́ двору.
 Ишше маменька у Дюка перепадаетце:
 100 «Говорила я своёму да цяду милому:
 „Ты росхвастайсьсе, дитятко, широким двором,
 Ты своим-то безцётненьким именьицём!”»
 Да стрецяют-то Дюкушка кухароцьки,
 Да здороваютце с Дюковыма кухарками:
 105 «Уж ты, здрастуйте, Дюкова рódна маменька!» —
 14-«У мяя¹⁴ не маменька, тут-то мои кухароцьки».
 Да стрецяют-то Дюковы кухароцьки,
 Да здороваютце они-то с кухароцьками:
 «Уж вы сдрастуйте-ко, Дюкова молода жона!» —
 110 «Не жона-та у меня, ише кухароцьки».
 Они стали описывать именьице,
 Да не стало у их да¹⁵ ни бумаг, ни пера,
 Ницёго-то на Дюково именьице,
 Они всё-то придёржали, не хватило ницёго.

№ 85

- Ай ведь было-жило во дальнѣм славном городи,
 Шьто во той было Корелы во богáтыя,
 Там-то жил-был ведь дороднѣй доброй молодець,
 Ише тот ли боярин Дюк Степановиць,
⁵ Ай ведь сильнѣй был могу́цей богáтырь-от.
 Ай у Дюка-та было у Степановича,
 Ише был у его да всё широкой двор,
 Ай ведь был-то у ево да всё широкой двор,
 Как широкой ево двор да на семи верстах,
¹⁰ На семи-то верстах был, да семидесети был семи столбах,
 Эти столбички-ти были столбы тóчны,
 Столбы тóчны, были позолóчны,
 Да у каждого столба всё было-то по золотому по колечушку.
 Ишше крышоцька была на доми золочёная.
¹⁵ Ай сидела-то ведь Дюкова всё рóдна маменька,
 Посажóна была у Дюка рóдна маменька,
 Ишше та вдова Омельфа Тимофеевна
 Посажóна на стули рыга бархата,
 На коври-то ево была да красна золота.
²⁰ Как в её было в полаты белокамянной
 Надьведёно же надь ей-то было красно солнышко,
 Надведёно надь ей ведь был да млад светёл месець,
 Ише зори-ти были, звезды частыя,
 Вся луна была над ей да поднебесная.
²⁵ Тут не беленька берёзка к земли клонитце,
 Ни зелёненька, кудрява выгибаитце —
 Тут дороднѣй доброй молодець да низко кланялсэ,
 Ише тот ли боярин Дюк Стёпанович,
 Ише тот ли богáтырь да приудáлой-от,
³⁰ Ко своей-то он родимой милой маменьки,
 Он к чеснóй вдовы к Омельфы к Тимофеевной:¹
 «Уж ты дай-ко мне-ка, матушка родимая,
 Уж ты дай-ко мне-ка, матушка, благословленицьё
 Мне-ка съездить-то, дородню добру молодцу,
³⁵ Мне-ка съездить-то теперь как в красѣн Киев-град,
 Мне ко ласковому князю ко Владимиру
 Посмотреть-то мне-ка князя со кнегиною,
 Посмотрять-то мне князьей да всех-то бóяр тут,
 Посмотрять мне-ка могу́щих сильнѣх богатырей».
⁴⁰ Говорит-то ему матушка родимая:
 «Уж ты гой еси, моё ты цядо милое,

- Молодой же ты Дюк да свет Стёпановиць!
 Ты поедёшь, моё дитятко, не хвастай-ко,
 Ты не хвастай-ко своим-то всё именьицём,
 45 Ты не хвастай-ко своим да широким двором,
 Ты не хвастай-ко своим многім да платьём цвьетным-то,
 Ты не хвастай-ко ухваточкой своей всё богатырьчкою,
 Ты не хвастай-ко своим-то ты добрым конём».
 Говорит-то тут ведь Дюк да Дюк Стёпановиць:
 50 «Уж ты гой еси, родима моя матушка,
 Ты честна вдова Омельфа Тимофеевна!
 На меня-то как найдут, я всё не уступлю тут им».
 Собиралсэ-то ведь молодой-от наш боярин Дюк Стёпановиць,
 Собирайтче он да всё скорёхонько.
 55 Тольки видели-то добра молодца сряжаючись —
 Не видали тут поездки богатырьскою.
 Приежает тут удалой доброй молодець,
 Ише тот ли ведь боярин Дюк Стёпановиць
 К широкú-ту двору ведь, всё князю ко Владимиру.
 60 Он приехал-то да всё во ту пору,
 Он во ту же пору приехал, всё во ту время —
 Ишше князя-та Владимира ведь дома нет:
 Шчо ушол-то князь Владимир стольнё-киеськой,
 Он ко той ушол ко ранной ко заутрени.
 65 Оставлял-то он своёго коня доброго,
 Оставлял-то он у князя всё на широкóм двори,
 Сам пошол-то во Божью церковь соборную,
 Во соборну Божью церковь богомольнюю.
 Замарал-то он сафьяны всё сапожецьки
 70 Шьчо по тем ли по москам, москам дубовым.
 Говорил-то млáдой всё боярин Дюк Стёпанович,
 Говорил-то ведь он, дак будто гром гремел:
 «Шьчо сказали про Киев-город, шьчо — хорош город —
 Уходил-то я сапожецьки сафьяны!»
 75 Приходил-то он ведь скоро во Божью церковь,
 Говорил-то ведь тут он да таковы речи:
 «Уж ты здрастуй, князь Владимир стольне-киеськой!»
 Говорит-то князь Владимир таковы реци:
 «Уж ты гой еси, ты дороднёй доброй молодець!
 80 Я не знаю-ту тепере, как тебя всё имень зовут,
 Я не знаю, звеличать как из очетесьва».
 Говорит-то тут боярин Дюк Стюпанович:
 «Я наехал-то из той ли из Корелушки богатыя,
 Ише тот ли я, богатой-от боярин я,

- 85 Я богатой-от боярин Дюк Стёпановиць.
 Благослови-ко ты меня, всё Владимир-князь,
 Мне-ка стать-то всё на крылос всё на правой-от,
 Послужить-то мне, попеть хошь мне во Киеви,
 Мне за той попеть обеднёй воскресеньскою».
- 90 Говорит-то князь Владимир таковы речи:
 «Тебя Бох благословит, да молодой боярин Дюк Стёпановиць!»
 Ай запел-то скоро, зачитал всё Дюк Степановиць —
 Божья церковь-та тут да потрясаласе,
 Всё окошоцька в Божьей-то церкви покосиласе,
- 95 Все народ-то, люди добры, с ног попадали.
 На ногах-то стоит да сам Владимир-князь,
 На ногах же он стоит, качаитце:
 За праву-ту руку дёржит всё Добрынюшка Микитич млад,
 За леву же руку дёржит-то Олешенька Попович млад.
- 100 Говорит-то князь Владимир стольнё-киевської:
 «Уж ты гой еси, дороднёй доброй молодець,
 Молодой же съвет боярин Дюк Стёпановиць!
 Тибє полно-то стоять, всё петь на крыласи!»
 Перестал-то тут ведь Дюк да свет Стёпанович.
- 105 Как отпели, отслужили службу Божью-ту,
 Говорит-то князь Владимир таковы речи:
 «Ты пойдём-ко-се, пойдём, удалой доброй молодець,
 Уж ты сильней же, могуцей руськой ты богатырь наш
 Шьчо по имени боярин Дюк Стёпановиць!
- 110 Ты пойдём-ко-се ко мне да ты ведь хлеба-соли ис<т>ь,
 Хлеба-соли ко мне ись да сладка меду пить».
 Пошол-то боярин-то богатой Дюк Стёпановиць,
 Шьчо приходит во полаты княженеськия,
 Он ведь крест-то всё кладёт да по-писанному,
- 115 Он поклон-от всё ведёт да по-учоному,
 Он ведь князю-ту Владимиру всё низко кланялсэ
 Шьчо со той ли со кнегиной Опраксеёй-королевисьней.
 Сбирал-то князь Владимир для ево поцесён пир,
 Сбирал-то всё князей да своих бояров,
- 120 Сбирал-то руських могучих всё богатырей.
 Он содил-то молодого-то боярина-та Дюка свет Стёпановича,
 Он садил-то всё его да всё к себе близко.
 Он сидит-то Дюк Стёпанович, не пьёт не ест, не кушаёт.
 2-⟨Он беленькой лебёдки не рушаёт⟩.²
- 125 Говорит-то князь Владимир стольнё-киевської:
 «Уж ты шьто ты, как дороднёй доброй молодець,
 Молодой ли ты боярин Дюк Стёпанович!

- Ты не пьёшь-то, всё не ешь сидишь, не кушаёшь,
 Уж ты беленькой лебёдушки не рушаёшь,
 130 Уж ты мёкишки-ти кушашь, корки проць откладывашь?»
 Говорит-то тут боярин Дюк Стёпановиць:
 «Уж ты гой еси, Владимир-князь да стольнё-киевской!
 Потому-то я сижу не пью, не ем, не кушаю,
 Как у вас-то ведь пецьки всё кирпишныя
 135 Да помельшко у вас ведь всё сосновоё,
 На помельшко льитё воду болотную.
 (Шьтобы не горело.)
 Я скажу тебе, да всё Владимир-князь,
 Я скажу-ту про сябя, тебе поведаю,
 Я скажу-то всё тебе я про широкой двор:
 140 Шьчо у мя-то ведь, у доброго у молодца,
 Ишше дом у мя стоит ведь на семи вёрстах,
 На семидесети у мя на семи столбах,
 Ишше каждой всё столбичок был точоной,
 Столбик точоной, каждой позолочоной,
 145 Как у кажного столба-та было всё да по колецюшку,
 По тому-то было всё по золоту колюцю.
 Ай ведь ес(т)ь у мя, у Дюка, добра молодца,
 На двори у мя да на конюшном всё
 Как живёт у мя да петьдесят да всё людей робочыих.
 150 Ишше есь у мя, у доброго у молодца,
 Ишше платыця живёт у мя да цвьетного —
 Мне носить-то будёт, добру молодцу, в году на каждой дёнецецк,
 Носить год да по три платья переменных в день.
 Ишше есь у мя, у добра-та всё молодца,
 155 Ишше крышоцька у мя да красна золота,
 Золотó у мя крылецюшко паратноё,
 Как колецюшко у двёрей золотó у мя.
 Петьдесет у мя ведь, всё у добра молодца,
 Петьдесет-то тут у мя всё портомойниць-то,
 160 Тут бельё они стирают у миня, у добра молодца.
 Ищэ ес(т)ь у мя, ишэ у добра молодца,
 Шьчо другó у мя-то петьдесят да мукосейниць-то.
 Шьчо ишше у миня, у добра молодца,
 Петьдесят всё у мя да всё колачниць-то.
 165 Шьчо у мя-то, у моей-то рóдной матушки,
 У чесной вдовы Омельфы Тимофеевны,
 Да на стули сидит она всё рыта бархата,
 На коври она сидит, на красном золоти,
 Надьведёно ведь надь ей да красно солнышко,

- 170 Надъведёно надъ ей да млад съветёл мѣсець,
 Надъведёны зори утряны да зъзвѣзды частыя,
 Вся луна надъ ей у мня всё поднебесная.
 У моей-то у родимой всё у матушки
 Ише пецьки-ти у ей были муравлёны,
- 175 Ай помольшко у ей было шолкóвое;
 На помельшко она ведъ льёт водú мѣдóвую,
 Пересыпает она под да всё тут сахаром,
 Ай колачики пекёт она круписчаты:
 Тут колачик-от съешь — другого хочитцэ,
- 180 Как другой-от скушашь — об третьём душа бажит.
 Я ищё же, доброй молодець, похвастаю:
 Как стоит-то у мня тын серебряной да позолоченой.
 Я ищё же, доброй молодець, похвастаю:
 У меня в тынú текёт река медовая,
- 185 Россыпайтецэ у речиньки всё золота руда.
 Я ищё же, доброй молодець, похвастаю:
 Не имею я коня всё переменного —
 Как наводит-то мой Бурушко всё каждой день,
 Каждой день-то он наводит, переменят шерсть переменную».
- 190 Как свѣзали тут, сковали добра молодца,
 Посадили ево в тёмницю во тёмную.
 Говорит-то князь Владимир таковы реци:
 «Уж вы гой еси, дородьни добры молодцы,
 Вы два руського могучего богатыря!
- 195 Поежай в первьых Добрынюшка Никитич млад,
 Поежай второй Олѣшенька Попович млад:
 Опишите вы всё Дюково именицѣ,
 Вы берите-ко черьнил да вы с бумагами,
 Накладите-ко вы больше — лошадиной воз».
- 200 А наклали они бумаг, цернил всё лошадиной воз,
 Как поехали они во ту славну Корелу во богатую.
 Не доехали они да всё до города,
 Увидали-то у Дюка крышу на дому его,
 Говорят-то тут они всё таковы реци:
 205 «Как горит, верно Корелушка богатая!»
 Приезжают они ко Дюку на широкой двор,
 Говорят-то всё они да промежú собой:
 «Дюк Стѣпанович, наверно, не пустым хвастат».
 Описали-то они да всё жили три мѣсяця,
- 210 Описали они только всё один конюшной двор.
 Шьчо пошли они поближе, Дюковой искать да рóдной матушки,
 Им стрѣялась-то им встрету всё им женшшина,

- Они кланелись ей всё до низкóй земли:
«Здрастуй, Дюкова ты рóдна матушка!
- 215 Ише Дюк-от тебе да всё поклон послал
Он поклон тебе послал, всё низко кланялсэ».
Говорила-то тут им всё женьшина:
«Ише ес(т)ь-то нас у Дюка до петидесят.
Я не Дюкова-та как да рóдна матушка,
- 220 Ише Дюкова я да портомойниця».
Ведь пошли они ищэ вперед,
Тут как стретилась им да дрúга женьшина,
Они кланелись всё ей до низкóй земли:
«Здрастуй, Дюкова да рóдна матушка!» —
- 225 «Я ведь Дюкова всё да мукосейница,
Ише ес(т)ь-то нас у Дюка до петидесят».
Тут пошли они да всё опять вперед,
Стретилась тут им да всё ведь женьшина,
Ишше кланелись они ей до низкóй земли:
- 230 «Здрастуй, Дюкова ты рóдна матушка!
Ише Дюк-от тебе да всё поклон послал». —
«Я не Дюкова-то всё ведь родна матушка,
Я ведь Дюкова всё ведь я коласьница».
Говорят-то тут дородьни добры молодци,
- 235 Шчо два руського могуцёго богатыря,
Как по имени Добрынюшка Микитиць млад,
А по имени Олешенька Поповиць млад:
«Уж ты гой еси, да ты всё женьшина!
Доведи-ко нас до Дюковой да рóдной матушки —
- 240 Описать нам всё в доми именицё».
Тут ведь доводила она до Дюковой до рóдной матушки,
До чеснóй вдовы Омельфы Тимофеевны,
Шчо на стули сидит да рыга бархата,
В дорогом она сидит вся в красном золоти.
- 245 Они кланелись ей всё до низкóй земли:
«Здрастуй, Дюкова ты рóдна матушка!
Ишше Дюк-от тебе да всё поклон послал,
Шчо поклон-от послал, да велел низко кланитце».
Говорит-то ево всё родна матушка:
- 250 «Как моё-то ведь всё дитятко захвасьливо,
Шьчо захвасьливо дитятко моё, всё неуступчиво.
Я про то ведь вам скажу: он не пустым хвастат».
Говорят-то тут дородьни добры молодцы:
«Мы приехали описывать его именицё».
- 255 Говорила родима ево маменька:

- «Пус(т)ь продаст-то князь Владимир стольне-киевской,
Ише Киев-от продаст пушай на бумагу-ту,
Он Чернигов пус(т)ь продаст да на чернила-та,
Тогда опишут-то, бывает, ево именищѣ,
260 Ише вдóвей-от дом да всё сиротской-от».
Они стали тут писать да всё описывать,
Они так-то всё на то они полóжились:
«Как писать-то нам ведь нать три годицька —
Не описать-то нам будёт всёго именища».
- 265 Описали-то ево всё платья цвьетноё —
Как носить-то надоть платьице всё цвьетноё,
На три года нать носить, нать на три месяца,
Кажной день носить-то по три платья переменныя.
Тут ведь они да росьмехнулисе,
270 Росьмехнулисе они, всё удивилисе,
Тут всёго они имения оступалисе:
«Шчо же хвастат доброй молодець, нас не оманиват,
Он ведь б́ылом хвастат, всё-то былью-ту».
Приезжают они-то скоро ко князю ко Владимиру,
275 Росказали всё про Дюково именищѣ.
Говорил-то князь Владимир таковы реци:
«Выпускайте вы ведь Дюка-ка из тёмной тёмници».
Говорил-то всё он Дюку таковы реци:
«Молодой ты свет боярин Дюк Стёпанович!
280 Ты просьти, просьти миня хошь виноватого,
Ты просьти-ко всё миня, князя Владимире!»
Тут садитце скоро Дюк Стёпановиць
На своёго-то он всё тут на добра́ коня.
Как ударились они с Цюрилушком всё Плёнковым
285 Шьчо о ту ли они заповедь великую.
Говорит-то всё Чурилушко всё Плёнковиць:
«У меня-то ведь у шубоцьки да ес(т)ь три пуговики —
Запоёт у этих пуговок как соловей-тиця».
Говорил-то ведь как Дюк Стёпанович:
290 «У меня-то ес(т)ь у шубоцьки да всё ведь как не пуговики —
Зарыцят у меня ведь вси зьвери рыкучия,
Запоют-то вси ведь птицы иностранныя,
Зьвеселять-то всех во городи во Киеви».
Говорит-то всё Чурило таковы речи:
295 «Уж ты гой еси, богатой ты боярин Дюк Стёпанович!
Мы поедём-ко с тобой всё на Почай-реку:
Перескоцит у которого всё конь церез Почай-реку,
У которого не перескоцит, у того нать голова всё с плець».

- Они так-то промежү собой ударились.
 300 Перескóзил-то у Дюка у Стёпановича
 Цчерез ту ли через матушку через Поцьяй-реку.
 Как Цюрилушка-та пал ведь доброй коницёк в Поцьяй-реку,
 Уронил-то Цюрилушка в Почай-реку.
 Тут стал-то боярин молодой всё Дюк Стёпановиць,
 305 Он ведь вытянул Чурила со добрым конём.
 Говорит-то тут Владимир-князь да стольнё-киевской:
 «Молодой ты наш боярин Дюк Стёпановиць!
 Шчо ты знаешь, над Цюрилом теперь сам суди,
 Ты суди-ко, Дюк да ты Стёпановиць,
 310 Ты суди у мян Чурилушка своим судом».
 Говорит-то молодой боярин Дюк Степановиць:
 «Я не буду-ту судить Чурила всё свет Плénковича,
 Я тово ли всё бабьёго угодьничка,
 Я оставлю-ту ходить его, всё жить во городи во Киеви,
 315 Я у ласкового князя у Владимира,
 Пушшай с девками он, с бабами он управляйтце!»
 А поехал молодой боярин Дюк Стёпанович,
 Роспрошшайтце со князём со Владимиром,
 Со кнегиной с Опраксёй с королевисьнёй,
 320 Роспрошшайтце с Добрынюшкой Никитичом,
 Роспрошшайтце с Олешенькой с Поповичом,
 Со всимá-ти он со руськими с могучима богатырьми.
 Уежает он к родимой к милой матушки,
 Он ко той вдовы чесной Омельфы Тимофеевны.

№ 86

- Как во той ли Корелушки богатя
 Как жил-то-был богатая богатыня,
 А как тот же Дюк сын Степановиць.
 А да широко было ёго строеньицё устроино:
 5 А строеньицё устроёно да на семи вёрстах,
 А на семи вёрстах на семидесяті семи столбах.
 Ай на углах было, построены да церьквы Божия,
 Ай таки да черьквы¹ всё Миколины.
 А кругом дому была ограда красна дерева,
 10 А красного дерева, всё² окована,
 А не сприметить³ как, не зайти к Дюку во широкой двор,
 А у конюшень были дьвери всё хрустальня.
 А да как не беленька берёзонька шатайтце,

- Да не сырой дуб да погибаитце,
 15 А не муравая трава к земли клонитце —
 Как Дюк-от Стёпанович родной матушки в ноги падаёт,
 Ай да как⁴ просит у ей благословленьица
 Как ехать в славён Киёв-град
 А да как ко⁵ ласкову князю ко Владимиру⁶
 20 Ай да посмотреть ёго князя да со кнэгиною,
 Да посмотреть всех руських могучих⁷ богатырей.
 Ай как даёт ёму матушка благословленьицо
 Ай как ехать во славён-от Киёв-град,
 А даёт ёму, наказыват:
 25 «А неровно ты, дитетко, напьёссе зелена вина,
 А ты ничем, ничим при пиру сиди, не хвастай жо,
 Ай да ты ничим не похваляйсе жа».
 А как приказал слугам верным жа
 А седлать-уздатъ добра коня наступчива.
 30 А тут слуги ёго да не ослышились,
 А как скоро седлали⁸-уздали ёго добра коня.
 Ай да как стал сын наряжатисе да собиратисе,
 А да клал он с собой подорожничков немножечко
 А как в ту же суночку-котомочку,
 35 А та была суночка да рыта бархата,
 А как лямочки были у суночки семи шёлков,
 А да как⁹ лямочки было⁹ высажины да¹⁰ скатным жемчугом,
 Посажоно было в эти лямочки по камушку да самоцветному.
 А как одеват он сам себя да ⟨в⟩ платьё четное,
 40 А платьё четное да подорожное,
 А как молитсё¹¹ он Спасу всё Пречесному,
 Ай да покланяйтце Матери Божьей да Богородици,
 Ай да прошаитце да со своей родной матушкой.
 Ай как пошёл Дюк сын да Стёпанович
 45 Ай на тот да на конюшей двор,
 А скоро Дюк скакал да на добра коня,
 А скоро он съёжал да с широка двора,
 Ай как ехал перьвой день с утра до вечёра,
 А да ехал второй день с утра до вечёра,
 50 А да на третью сутки приехал ко городу ко Киёву.
 Как скакал-то он через стену городовую,
 А через ту же башню наугольную.
 А как заежал он ко Владимиру да на широкой двор,
 А соходил-то он круто да со добра коня,
 55 А да становил коня да к дубову столбу,
 А вязал-то коня да к золоту кольцу.

- А пошёл-то он со двора да на краснó крыльцѣ,
 А со красна крыльца да на новы́ сѣни,
 А с новых сеней в полаты княженейския.
 60 Как молитсе¹¹ он Спасу всё Пречистому,
 А как Матери Божьей Богородици,
 Ай ка⟨к⟩ бьёт целом князю да со кнэгиною
 А как о ту же о рученьку о правую,
 А как князьям-бóярам всё о левую.
 65 А как садил-то Владимир гостя во большó место,
 А как наливали ёму чару зеленá вина,
 Не што не малу, не велику — в полтора вѣдра.
 А да не берёт-то чары¹² во праву́ руку,
 А да он не¹³ хочёт пить да зелена вина.
 70 А как вси тут сидят пьяны-веселы,
 А как вси-то сидят пьют, едят и кушают,
 А как почесён пир идёт у их навѣсели,
 А как вси они сидят да пьяны-вѣселы,
 А сидят-то они, всё ведь хвастают:
 75 А как богатой-от ведь хвастат золотой казной да госудáревой,
 А как иной-от хвастаёт да широкím двором,
 А как сильней-от похвастат своей силою,
 А как умной-от хвастат родным батюшком,
 А разумной-от хвастат родной матушкой,
 80 А как¹⁴ глупой-от хвастат всё родной сѣстрой,
 А неразумной-от ведь хвастаёт да молодой жоной.
 А как сидит-от Дюк Стѣпанович,¹⁵ ничим не хвастаёт.
 А как гóворил-то князь да таковы́ рецѣ:
 «А как приежой гос⟨т⟩ь сидит, не пьёт, не ес⟨т⟩, не кушаёт,
 85 А как не кушаёт, да и ничим не хвастаёт,
 Как по имени-от Дюк Стѣпанович.
 Тибѣ што разве местом я тибя óбсадил,
 Али виной чарой тибя óбнесли,
 Эли князья-бóяра над тобой да посмехаютьце?»
 90 А говорит-то тут Дюк да сын Стѣпанович:
 «Уж ты гой еси, Владимир князь да стольнѣ-киѣвськой!
 Уж ты местом миня всё не óбсадил,
 Виной чарой миня-то всё не óбнесли,
 Не князья, не бóяра не посмехаются.
 95 А как не могу я кушать вашого-то кушанья:
 А как пахнёт вашо кушаньѣ на сóсенку,
 А как на то же на сосново на помѣлышко.
 А как у мя-то родна матушка пекёт колачики:
 Э колачик-от съешь — другого хочитце,

- 100 О третьём колачики дѹшá бажйт.¹⁶
 А у мя в печки пашут¹⁷ — помельшко шёлковоё,
 Окунают в ту водѹ-то всё мѣдовую.
 А да я ишке да тим похвастаю:
 А¹⁸ да как своим да светлым платьцѣм,
- 105 Э мне не надобно не шить-кроить да платья цѣветного,
 А как будѣт мне носить на три годика,
 А ише вдвоѣ лёжит платья не шитого,
 Не шитого лёжит, кроёного.
 А как ес<т>ь у мя золотой казны несчѣтно жо».¹⁹
- 110 А да как закричали бояра кособрюхие:
 «Ай²⁰ уж ты гой²¹ еси, мужичѣнка ты приехал задвѣнцина!»²²
 А говорили князю таковы речи:
 «Уж ты вой еси, Владимир князь да стольнѣ-киевськой!» —
 «Уж вы гой еси, моя князя-бойра!
- 115 Я не буду садить госьтя приезжого,
 А да как ведь нужно посмотреть ёго именицо,
 А тогды садить ёго да <в> тѣмну тѣмницю».
 А говорил-то князь да таковы речи:
 «Уж ты гой еси, Добрынюшка Микитич млад!
- 120 Уж ты гой еси, Олѣшенька Попович млад!
 А вы берите чернил, бумаг да сколько надобно,
 Уж вы поезжайте-тко в Корелушку богатую,
 А да опишити-ка именицо Дюка сынá Стѣпанова,
 А пересчитайте-ка его золотѹ казну да осудареву».²³
- 125 А как тут брали они да пуховы шляпы,
 Как брали они много чернил, бумах,
 А проходили они да на широкой двор
 А сѣдлать-уздать да всё добрых коней.
 А говорил-то им да Дюк Стѣпанович:
- 130 «А ты гой еси, Добрынюшка Микитич млад!
 Как вы приедете в Корелу к нам в богатую,
 А найдите моѣ подворьицо-строеньицо —
 А не найти²⁴ моих дверей дворовых жа,
 А куды вам заехать на широкой двор.
- 135 А да научу да накажу вам добрым молодцам:
 А заедите как середи дома,
 А заедите к окошку косиссятому,²⁵
 А кричите-ка²⁶ громким голосом:
 „Уж ты вой еси, Дюкова да родна матушка!
- 140 А отворь-ка нам дворовы дъвери —
 А заехать-то нам к тебе да на широкой двор”».
²⁷А да она скрычала²⁷ тут всё дворяникам:

- «Уж вы дворьники мои да караульшыки!
 А да ²⁸-запусьтите-ка ²⁸ два дородьних добрых молоцов.
- 145 Да вы тут отворьте тут им да широки двёрь!».
 А как заехал Добрынюшка с Олешенькой да на широкой двор,
 А как тут Добрыня с Олешенькой удивлялисэ
 А тому строенью-ту всё Дюкову,
 А как было у ёго да всё устрояно,
 150 А устрояно да изукрашоно.
 А пошли²⁹ с широка двора на красно крыльцё косисьцятю:
 А на первьых сенях стречаёт их кухарочка,
 А да как они встечеёт,
 Они кланятся да бьют челом да низко кланятсе:
- 155 «А уж ты здрастуй, Дюкова да родна матушка!» —
 «А мы не Дюковы-то родны матушки,
 Мы просты Дюковы кухарочки».
 А на вторых сречают-ка Дюковы да всё ведь горнишьни:
 «А да уж вы здрастуй-те-ка, Дюковы да родна матушка!»
- 160 А как на трётых сенях (в)стречат да родна матушка,
 А ведёт-то во свои да светлы светлицы,
 А да садила-то она на стульё-то рыта бархату.³⁰
 «А да уж вы гой еси, дородьни добры молоцы,
 А как руськия могучих два богатыря!
- 165 А я не знаю, как вас, добрых молодцов, да именём зовут,
 А звеличить-то вас да по очечесьву,
 А да вы скажите-ко про своё имена жа и отечесьво».
 А как говорил Добрыня таковы речи:
 «А зовут миня Добрыней, по отечесьву Микитичом».
- 170 А как Олешенька говорил да таковы речи:
 «А зовут миня Олешенькой Поповичом».
 Да уж то говорила тут Дюкова да родна матушка:
 «А вы скажите-ка, где моё осталось чадо милоё,
 Э на воли живёт-то, в тёмной-то тёмници?» —
- 175 «А он не сидит-то в тёмной темници,
 А он ходит у князя в полатах³¹ княженейськия.
 А да ты скажи-ка,³² окажи,³³ да родна матушка,
 Окажи вперьво да платьё цветноё,
 А да переситать ёго да платьё цветноё,
- 180 А записать ёго в книги-то белья».
 А говорила тут Дюкова да родна маменька:
 «А уж вы гой еси, слуги мои³⁴ верныя!
 А носите-ко моёго чада платьё цветноё».
 Э говорит-то она им да таковы речи:
- 185 «А да вам чернил, бумаг не станёт жа

- Как описывать ёго да платьё ц⟨в⟩етное,
 Да весь наряд ёго да чада милого».
- А да с⟨ч⟩итали, писали ровно трои суточки —
 А на половину у их не стало чернил, бумаг.
- 190 А ка⟨к⟩ гóворил Добрыня с Олёшенькой да таковы речи:
 «А не пустым-то твоё чадо о том хвастал жа».
- А как они отказывали описывать да ⟨е⟩го-то именицо:
 «Чернил, бумаг у нас не стало жа
 А ише вдвоё-троё описать-то ес⟨т⟩ь ёго именицо,
- 195 А золотой казны ёго нам не сощитать будет.
³⁵А да как не пустым-то Дюк ведь хвасталсэ своею золотой казной.³⁵
 А да как собрать со ⟨в⟩сёго Киева золотой казной —
 А дак то не будет за ёго именицо.
 Ах ты гой еси, родна Дюкова матушка!
- 200 Не хотим с⟨ч⟩итать вашего именица,
 А как будет всё вашо с⟨ч⟩итать именицо —
 А не сошитати нам будет в три годá».
- А как содилась, собиралось дубовы столы,
 А как садила госьтей да за дубовы столы,
- 205 А как поила их, корьмила дóсыта
 А да всё поила ведь дóпяна.
 Добрынюшки с Олёшенькой кушаньё да прилюбилось жа да это
 «А да как сроду мы не кушали ³⁶такого³⁶ кушанья!»
 А как напивались, наедались дóсыта,
- 210 А да как выходили из-за тих столов да белодубовых,
 А оне молилися Спасу всё Пречистому.
 А да прошаютсе с Дюковой да родной матушкой:
 «А ты прошай-ко-се, Дюкова да родна матушка!» —
 «Вы прошайте-ка, дородьни добры молодци!»³⁷
- 215 А как вы приедете в славно Киёв-град,
 Да ³⁸ступите-ка, замол⟨в⟩ьте таковы слова:³⁸
 А штобы князь Владимир не казньил, не весил бы».
- А как поехали богатыри да с широка двора —
 А отпирали ти дьвери широкия,
- 220 А выпускали их добрых молодцов.
 А да как³⁹ поехали богатыри путём-дорогою,
 А путём едут дорогою, розговаривают:
 «А как ес⟨т⟩ь ли на свете така богатына!»
 А да как приехали ко городу Киёву
- 225 А ко ласкову князю ко Владимиру.
 А да как встречает Дюк Стёпанович да на широком двори:
 «А дак видели вы⁴⁰ мою родну матушку?» —
 «А да вона тебе да низко кланялась».

- А да как заходят ко князю в полаты княженьскии,
 230 А как молитсе оне Спасу Пречистому,
 А ⁴¹да как ⁴¹бьют челом князю Владимиру:
 «Уж ты здрастуй-ка, наш ⁴²Владимир-князь стольнѣ-киевьськой!»
 А как поспрошал к〈нязь〉 Владимир жо:
 «Уж ты гой еси, Добрынюшка Микитич млад!
 235 Ай описали вы Дюково именицо?»
 А как говорил Добрынюшко со Олѣшенька:
 «А как едну, ⁴³именья одну четверть жа:
 А как писать ёго всё, с〈ч〉итать именице —
 А не сошитать-то нам будѣт ровно в три года:
 240 А не пустым-то Дюк он хвастал о том жа.
 А да выпускай-спускай Дюка сына Стѣпанова.
 А как собрать нам ⁴⁴именье да со всёго града Киева, —
 А не собрать нам за ё〈д〉но ⁴⁵именье ⁴⁶Дюкова». ⁴⁷

№ 86а

♩ = 70 | ♪ = 140 |

1. Как во той ли Ко - ре - луш - ки бо - га - ты - я

< 2. [А] как жил - то был бо - га - та - я бо - га - ти - на

3. Тот же Дюк да сын Стѣ - па - но - виць.

4. Ши - ро - ко бы - ло ё - го стро - енъ - и - це у - стро - ё - но:

5. А стро - енъ - и - цѣ у - стро - ё - но да на се - ми вѣр - стах...>

< 81. Не - ра - зум - ной - от ведь хва - ста - ёт да мо - ло - до - й(и) жо - ной... >

< 91. - Уж ты гой е - си, Вла - ди - мер - князь да столь - нё - ки - ёв - ськой! >

№ 86б

$\text{♩} = 140$

1. Как во той во Ко - ре - луш - ки бо - га - ты - я

2. Как жил тут бо - га - та - я бо - га - ти - на

3. И - ще тот жо Дюк - от сын Стё - па - но - вич.

№ 87

Во славной в Индии в богатой
 Жила мóлода вдова Амельфа Тимофеевна,
 Было у ней да чадо милое,
 Мóлодой Дюк да свет Степанович.

⁵ Што подворьицо у Дюка было на семи верстах.

Ише сорок-то было у них калачников,
 Сорок да было у них придворничков.
 Печки-то были у них муравлени,
 Помёлышке-те были у них шелкóвыи,

- 10 Купали помельшке они в водичке они в медовою:
 Один калачик ешь — другого хочется.
 Ище платье-то цвѣтно было —
 Платья цвѣтного обценшичкам не обценить да месяцъ целой тут.
 Как задумал Дюк да сын Степанович,
- 15 Задумал ехать он во город во Киев ко князю ко Владимиру,
 Наказует ему маменька рѣдная:
 «Ты поедешь, моё чадышко родимое,
 Ты поедешь в город в стольной Киев-град
 Ты ко славному ко князю ко Владимиру —
- 20 Ты не хвастай-ко князю ты Владимиру
 Нашим нишшеским да ты именищем».
 Тут поехал да Дюк да сын Степанович,
 Он приехал-то во Киев в славной город,
 Он вязал коня ко столбу да ко точёному,
- 25 Ко колечушку да к золочёному.
 Он пошёл да во Божью церкѣвь,
 Он дороженькой да всё грязною,
 Замарал он свое платье да всё цвѣтное.
 Он зашел тут да во Божью церкѣвь,
- 30 Он поклон-то вел да по-учёному,
 Он крест-то клал да по-писаному,
 Он кланялся на все четыре стороны,
 Он смотрял на платье свое цвѣтное.
 Тут возговорили бояре кособрюхие
- 35 Князю-ту Владимиру:
 «Он приехал к нам какой-то разбойничек,
 Он убил купца-гостя торгового,
 Он снял с него да платье цвѣтное».
 Засадили Дюка в тѣмну тѣмницу,
- 40 Тут говорил-то князь Владимир стольно-киевский:
 «Уж ты ой еси, молод боярин Дюк да Степанович,
 Ишше чем ваша Индия богатая?» —
 «Уж ты ой еси, Владимир-князь,
 Не нашел я города хуже вашего Киева:
- 45 Пока шел я по городу по Киеву,
 Я запачкал, замарал да платье цвѣтное.
 Ище в нашей-то во Индии в богатою
 Не омочишь, не опачкаешь ножки негдѣ-ка тут.
 Говорят, што князь Владимир свято-киевский
- 50 Нет богаче-то во свети его —
 Ище я не хвастаю своим нищеским именищем:
 У меня высокий-то дом да на семи верстах,

- У кажных-то ворот да по сорок ключничков,
Ище сорок-то у мня да всё калашничков.
- 55 У вас у князя-то да у Владимира
Один калач-то ешь, а другой под стол бросаешь,
А у нас-то во Индии в богатою,
У моей-то у рódной маменьки
Один калачик ешь — другого хочется.
- 60 У вас помельшка да все сосновые,
У нас помельшка да все шелкóвые.
Вы купайте да в ключевóй воды,
А у моей да рódной маменьки
Купают-то да в медовóй воды.
- 65 Посылай-ко, князь Владимир стольно-киевский,
Посылай-ко-се да ты обценщикков —
Не описать да не обценить да будет три годá
Ище нашего сиротского именица».
Тут посылает князь Владимир стольно-киевской,
- 70 Посылает он обценщикков богáтырей
Обценивать да Дюково именице.
А садит Дюка да в тёмну тёмницу,
Заключил его во тюремно заключеньцо.
Поехали они ко Дюку ко Степановичу.
- 75 Как увидала тут да рódна маменька,
Ище молода вдова Амельфа Тимофеевна:
«Уж вы слуги-то мои да слуги верные,
Немалú, наверно, шуточку нашúтило
Ище моё да чадо милоё,
- 80 Ище мóлод-то Дюк да сын Степанович,
Он нахвастал сиротским нашим именицем».
Ище встречала их да рódна маменька,
Ище молода вдова Амельфа Тимофеевна,
Она встречала их да низко кланялась:
- 85 «Добро жаловать, красно солнышко Владимир-князь,
Ище на наше-то на вдове на подворьце».
Они писали, оцеляли ровно три годá —
Не могли они да оценить-описать никак.
Тогда говорил князь Владимир стольно-киевский:
- 90 Не видал-то я да и не слыхивал —
Нет богаче Индии богатою».
Тогда выпускал он Дюка сына Степановича,
Выпускал он из тёмной тёмницы,
Выдавал он в замужесьво любимую племянницу,
- 95 Ище мóлоду Забаву дочь Путятисьню

За мѳлода боярина Дюка Степановича.
 Ише пиры тогда пошли да всё на вѳсели,
 На вѳсели пошли да всё на радости,
 Пировали-столовали целой месяц тут.
¹⁰⁰ Тогда поехал Дюк да сын Степанович,
 Он поехал к рѳдной матушки,
 К молодой вдове Амельфе Тимофеевне,
 Их стрѳчала да рѳдна маменька,
 Она со радостью встречала со великою.

№ 88

Подошла Корела-та река под Индею богатою,
 Под богатую Индию да именитую.
 Ише жил-то был боярин Дюк да сын Степанович,
 А и жила-была да [его] родна матушка,
⁵ ¹А и как у Дюковой было жила-была да рѳдна матушка,¹
 Как боярина Елена Косьтентиновна.
 А и как у Дюковой было родной матушки
 Ише подворице было на семи вѳрстах,
 А на семи вѳрстах да семидесети семи столбах,
¹⁰ Ише кажной-от столбичок-от был да всё точѳной-от,
 Што точѳны столбички былѳ да позолочены.
 А и у Дюка у Стѳпановича да рѳдной матушки,
 Как Елены-то было да Косьтентиновны,
 На домах-то крышѳ были да золочѳные.
¹⁵ Как у Дюковой было родной матушки,
 Как у Елены же было Костентиновны,
 А и как именъице-богасьвице былѳ да очунь много же.
 Ишше сорок-то было у ей прислужницѳ-то,
 Как уж же сорок-то было у ей да рукомойницѳей
²⁰ А и как у Дюковой родной матушки,
 И стирали на ей да всё рубашочки,
 А на Дюка-то сынѳ боярина.
 А и сорок-то былѳ у них да всё колачницѳей,
 И пекли-то всё колачики белѳ-круписьцеты,
²⁵ А круписьцеты колачики да перьвосортные.
 А и как у Дюка-то было у Стѳпановича,
 У его-то всё рѳдной матушки,
 А и как Елены-то всё да Косьтентиновны,
 А ишо было лошадиной сбруды много-то.
³⁰ А и было у Дюка сына да всё Степановича

- Ишше былó у его на дворе текла да быстра реченька,
 Быстра реченька текла, берега былí да всё золоченыя,
 Золочены бережка, на другой стороне былí серебряныя.
 Ишше у Дюка-то было у Стёпановича,
 35 У его-то же все да рóдной матушки,
 Как у Елены-то было Косьтентиновны,
 Ишше хлебом-ти анбары были всё наполнёны.
 Как беленька не березка к земли клонитце,
 А не мурава трава да поклоняйтце,
 40 А ише боярин-от Дюк да сын Степанович
 Пред родимой своей родной матушкой да низко кланяйтце:
 «Благослови-ко меня, да родна матушка,
 Ты чесна вдова Елена Косьтентиновна,
 Мне-ка съездить-то боярину Дюку сынú Степановичу
 45 А как во славной-от во город ко Киеву,
 А ко ласкову князю к Владимиру,
 И ко Владимиру-князю да Святослаевичу.
 Посмотрять же мне-ка хотце города же Киева,
 А не сравнять ли можно с Индией богатою,
 50 Со богатой Индией да именитою».
 Говорила же Дюку рóдна матушка,
 Ише та ли всё Елена Косьтентиновна:
 «Уж ты ой еси, моё ты чадо милоё,
 Чадо милоё же ты, любимое,
 55 Ты младенькой боярин Дюк да сын Степанович,
 Ише ты же у меня да ише да очунь млáдой-от,
 Очунь молодой-от да очунь глупой-от,
 Ише ума-разума да ты не полного.
 Ты уедёшь да во славной город-от во Киев-от,
 60 Ты ко ласковому князю ко Владимиру,
 Ко Владимиру да Святослаевичу,
 И наговоришь ты всё таких речей, каких не надобно.
 И ты младенькой у мя ише всё да у мя глупенькой,
 Ты же будёшь хвастать князю ты Владимиру,
 65 Моим именицом, богасьвицом сиротским-то!
 А и ты не хвастай-ко, да млад боярин Дюк Степанович!
 И наедут ко мне да во Индию богатую,
 Во богатую во Индею да именитую,
 И пошлет-то князь Владимир мне обценщикков,
 70 Описывать будут моё сиротско имушисьво!»
 (Бабке казалось, што бедна!)
 Тут благословляла боярина да Дюка всё Степановича
 Как его же да родна матушка,

- А и как боярина Елена Косьтентиновна,
И провожала его са́мого, ему наказывала:
- 75 «А и ты не хвастай-ко, мое дитетко сердесьнё,
Ты премладой боярин Дюк да сын Степанович,
И ты своим-то именищом сиротским же.
И ты послушай-ко меня, свою да родну матушку,
Как боярину Елену Косьтентиновну».
- 80 Ише говорила Дюку да рódна матушка,
А как боярина Елена Костентиновна:
«Уж ты ой еси, мое ты чадо милоё,
Ешо ес⟨т⟩ь-то до города до Киева
Ес⟨т⟩ь же три-то заставушки великие:
(И тут пела Марфа?)
- 85 А как перьва-та заставушка великая —
Есть таки леса, леса дремучие,
Они дремучие, они очунь они темные,
Ише ти-то леса да всё они расходятся,
Они расходятце да всё надо них проехати,
- 90 Добру коню да всё надо их пробежать скорé.
А ише ес⟨т⟩ь заставушко великая —
Ес⟨т⟩ь такие горы высокие,
А гора с горой да всё расходятце,
А ишо в ту пору надо в то времячко проехать их,
- 95 Надо коню твоему да пробежать скоро.
А третья заставушка да есь великая —
Ише очунь ес⟨т⟩ь река да очунь она быстрая,
А ише бежит она да как из облака,
Нужно проехати тебе да и успеть же всё».
- 100 А и тут говорил боярин Дюк да сын Степанович
Он своей-то да родной матушки,
Как боярины Елены Косьтентиновны:
«А не страшшай меня, да родна матушка,
Я поеду — сам знаю да сам же ведаю».
- 105 Как приезжал же Дюк да сын Степанович
Он ко тем-то горам да ко высоким-то,
А гора-то с горой да разошласе тут.
Брал он в руки скорé да плёточку шелко́вую,
Он махал на Бурушку скорёшенько,
- 110 Приезжал-то Дюк-от сын да всё Степанович
Ко другой-то ко заставушки великою,
А и он ко тем-то ко лесам, лесам дремучим-то.
Ко дремучим-то лесам да все к высоким-то,
А и передо им-то, добрым молодцом Дюком сыном Степановичем,

- 115 А и во ту же пору, в то же времечка разошлись леса,
 А и как леса, леса друмучие.
 А и как стегал коня, своёго коня да богатырьского,
 Проезжал-то он втору заставушку великую.
 Проезжал-то он к третьей заставы богатырьскою,
- 120 Как ко той ли ко реченьки ко быстрою,
 (Я думаю, ко Муравленки)
 А и речка очунь быстрая, очунь широкая,
 А и она свирепа очунь, она-от великая.
 А и тут проезжал-от Дюк же-от сын да всё Степанович
 На своём добром кони да богатырьском-то,
- 125 А и он же брал в руки свою плеточку шелковую,
 А и он ударил своего добра коня да богатырьского.
 А и как зачал его доброй конь да перескакивать
 А и через реченьку-ту быструю,
 А и перескочил-то Дюка сына Степановича
- 130 Скоро-быстро-то его да доброй же конь.
 Приезжал-то Дюк же сын да всё Степанович
 А ко городу ко славному ко Киеву,
 А как ко ласкову-ту ко князю ко Владимиру,
 А ко его-то ко грини княженеською.
- 135 А и он скакал скоро-то Дюк Степанович со добра коня,
 А и со добра коня скакал с богатырьского
 Ко тому ли ко столбичку золоченому,
 Ко тому ли ко колечушку золоченому.
 А и он же привязывал своего да он добра коня
- 140 А и он ко тому ли ко колечушку золоченому,
 А и насыпал коню пшеници белояровой.
 А и он пошел скоро на крылечушко на княженейское,
 А и как стречали тут у князя у Владимира,
 А и как стречали-то его всё да караульшички,
- 145 А и как же кланялисе Дюку сыну Степановичу:
 «А ишше, ишше здрастуй, здрастуй, единородный добрый молодець!
 А и мы не знам-то, как тебя называть по имени,
 А и как по имени называть тебя, по отечесьву?»
 А и говорил тогда же им Дюк да сын Степанович,
- 150 И говорил-то им же он да всё же спрашивал:
 «А и уж вы ой еси, караульшички же княженейския,
 А ише где у вас же князь Владимир Святослаевич?»
 А и отвечали караульшички вси княженейские:
 «А и у нас нет князя Владимира Святослаевича,
- 155 А он ушел у нас по утру-ту, утру ранному,
 А и до восходу-ту ушел да сонья краснаго

- Во Божью-ту церковь он молитисе,
 А и он ко ранним-то ушел да ко заутреням
 И ко поздым-то ушел да ко обеденкам».
- 160 А и как и тут же Дюк да сын да всё Степанович,
 А и не заходил-то он во княженеськи во грини-то,
 И поворотилсе он обратно, пошел во Божью церковь,
 А и как пошел-то он по улицы же, по мостам,
 А и как во Киеви во городи грязь была да всё осённая,
- 165 А и часты-ти дождички же шли да всё очунь же они.
 И не пондравилосе Дюку сыну Степановичу,
 И он взял свою соболиную шубочку
 А и заздынул-то ей, штобы не замарать-то ей,
 А и берег-то он своих башмачиков сафьяных-то,
- 170 А и штобы не замарать-то их в грязи во грязною.
 А и сам же думат собою думушку же крепкую:
 «Што сказали — Киев-город-от хорошей-от!
 А во Киеви во городи всё нехорошое:
 А уж как мосты-ти стоят да всё простыя-ти,
- 175 А и уколачены, нечем они не обтянуты.
 А и как у меня-то же во Индеи богатою,
 А во богатою во Индии именитою,
 А и как у родимой-то у моей да рódной матушки,
 А и как у той ли всё у Елены Косьтентиновны,
- 180 А уж как мосты-ти насланы всё хорошия,
 А и как разосланы ти ковры-сукна заморские —
 А не замарать негде б́удёт башмачóк сафьяных же».
- А и приходил-то Дюк сын Степанович
 А во Божью-ту церковь да присвяшшенную,
- 185 Он же крест-от клал да по-писáнному,
 Он поклон же вел Дюк да сын Степанович да по-учоному.
 И тут огляделисе во церкви всё народ же весь,
 Как весь народ-от ти люди да всё же добрыя,
 А и вси попы-отци-ти все да всё духовные,
- 190 А и все причетнички-ти огляделисе церковные,
 А и тут же князь же всё Владимир-от смотрял стоял.
 А и подходил-то Дюк Степанович ко князю-то,
 А и он ко князю ко Владимиру Святослаевичу,
 А и он-ко брал же в рученьку его же правую,
- 195 А и он же кланялсе ли да челобитьицом.
 А и тут же спрашивал его князь да всё Владимир-от:
 «А и ты скажи-ко-се м(ы)не, да доброй мóлодецъ,
 Ишше как тибе всё по имени назвать?»
 А и как по имени назвать да по отечесву?»

- 200 И ты королевич ли наехал, царевич ли?
 А и ты из каких земель наехал да из каких же стран?»
 И говорил-то князю Владимиру Дюк Степанович:
 «Я не королевич, князь, да не царевич же,
 А и не из дальних стран и всё да не приезжих же,
- 205 А из той ли той из Индии богатою,
 Как богатою же Индии, менитою,
 Как боярины же я да Елены Косьтентиновны
 (Сын-то!)
 А и уж я Дюк же сын Стёпанович!»
 А и отходили тогда службы же церковные,
- 210 А и вси расходилисе народ да люди добрыя.
 Ише тот-от князь Владимир Святослаевич
 Ише стал звал Дюка сына Стёпановича
 И как во свой-от-то во терем княженеськой-от
 И как попить-то всё, покушати.
- 215 И тогда пошел-то к им же Дюк да сын Степанович,
 Он пошел скорó по улицам славна города,
 Он пошел с князём же всё со Владимиром.
 Заходили-то скорó во гринь княженеськие,
 И он садил-то Дюка сына всё Степановича
- 220 Он за те же все столы да за окольные,
 Он за те ли всё за скатерти за бранья,
 И за те ли-то садил за ествы сахарные,
 Как за те ли всё за питья за дороги заморские,
 И он усадил его во большó место во почесьноё.
- 225 А они сидели пили всё да и кушали,
 А и только Дюк-от сын Степанович сидел не ел, не пил,
 А и вон не ел, не пил сидел да всё не кушал-то,
 А он колачик-от мякиш ел да корку под стол бросал.
 А и тут Владимёр-князь Святослаёвич,
- 230 А и он увидал-то, заметил Дюка Степановича:
 «Што же, Дюк сын да всё Степанович,
 А и ты у мя ешь-то хлеб, мякиш-то под стол бросаешь?»
 И говорил-то тут боярин-от Дюк сын Степанович:
 «А и уж ты ой еси же, князь Владимир Святослаевич,
- 235 И што у вас-то колачики ем я всё, кушаю,
 А у вас пахнут-то колачики на серу еловую.
 А как у нас-то во Индии во богатою,
 А как у моей-то у родной матушки у Елены Косьтентиновны,
 А у ей-то колачик-от съешь — другого хочитце,
 240 А другой-от же съешь да третий с ума нейдет!
 А как у моей-то у родной матушки Елены Косьтентиновны

- А как же печки-ти у ей да всё муравлены,
 А и как помельшки да у ей у родной матушки,
 А как помельшка у ей да всё шелкóвыя.
 245 А óна мочит мóя родна матушка Елена Косьтентиновна,
 А óна мочит-то медовою водою же нá по-то!
 А и как уж ты ой еси же, князь Владимир Святослаевич,
 А у вас опечки-ти все в комнатах да всё кирпичные,
 (Уж начал хвастать-то, а мать-то не наказывала!)
 А и как кирпичныя же печки же ти, помельшка сосновыя!
 250 А уж вы мочите помельшка водою святой
 Со Дунаю-то речки быстрою.
 А и как у моей-то родной матушки
 У нас во Индеи богатою,
 А во богатою во Индеи, именитою,
 255 А у моей-то у родной матушки у Елены Косьтентиновны,
 Как у моей-то родной у матушки сорок колацьницей,
 Ай они пекут-то у ей колачики круписьцетые,
 А и пекут-то также всё да как йись хочется.
 А и как у вас-то, князь Владимир, во городи во Киеви
 260 Ай ише улици у вас да всё же грязныя,
 Как уж как грязныя же всё грязью осённою,
 А и у вас мосты-ти всё во Киеви нехорошие,
 А и замарал свою дорогую шубочку соболиную,
 Замарал я свои башмачки-ти всё сафьяные.
 265 А и как у моей-то у родимою у матушки,
 Как у Елены у Косьтентиновны, улици всё хорошия,
²Ишше-то мосты-ти у ей паланы очунь пречудныя,
 А и как обиды-ти сукнами отрочима заморьскима
 И не замарашь не то сапожечок нигде сафьянях,
 270 Заморощь негде ж шубочки соболиною.²
 А и как у вас-то всё во городи во Киеви
 Ишо дома-ти все настроили всё нехорошие.
 А и как у той ли у нас во Индеи богатою,
 Как богатою во Индеи, именитою,
 275 А и как у моей-то у родной у матушки, у Елены Косьтентиновны,
 А и как именица-богасьвица не сосчитать будёт,
 А и так же, князь же всё Владимиру, не подумати —
 А и как у моей-то родной у матушки Елены Косьтентиновны
 А одной сбруды лошадиные счету не дать будёт,
 280 А и как моих-то подвиг да всё же рыцарьских,
 А ише рыцарьских-то моих да богатырьских всё».
- А уж как тут говорили князю Владимиру,
 А и говорили тут его бояра любимые:

- «Уж ты ой еси же, наш князь Владимир же,
 285 Ты Владимир-князь же всё да Святослаевич,
 А ето наехала скоморошина йиз чистá поля,
 А он убил, я думай, короля-царя,
 А он снял с них дорогó плáтьё же цветноё,
 А он веком же етого платья не видывал,
 290 А потому, шшо он смотрít на себя, усматриват,
 А он веком его да всё не нашивал!»
 И князю-ту Владимиру за беду палó,
 За беду пало да за досадушку показалосе,
 А што пустым-то нетом наехал скоморошина
 295 Из чистá поля, расхвастался.
 И говорил-то князь Владимир таковы слова:
 «А уж вы ой еси, кого послать мне во Индею богатою?
 А во богатою во Индею именитую?
 Послать-то всё обценщикков обценить же всё,
 300 И пус(т)ь обценят-то всё его именицо-богасьвицо!»
 А говорил тогда боярин-от Дюк сын Степанович,
 И говорил же он же князю всё Владимиру:
 «Уж ты ой еси, к(ы)нязь Владимир Святослаевич,
 И не посылай-ко-се обценщикков во Индею,
 305 Как во Индею (же) да во богатою,
 А во богатою во Индею именитую,
 А не посылай-ко-се Алёшеньку Поповиця,
 Как Алёши-то Поповицю не выехать будёт,
 А он же роду-ту же всё да он попоського,
 310 А и попоського роду-ту всё завидного.
 А посылай-ко-се же ты Илью, Илью Муромца,
 А Илью Муромца же сына всё Ивановича,
 А во вторых-то посылай Добрынюшку Никитича,
 А они оценят-то, опишут ихнее именицо-богасьвицо!
 315 А уж ты ой еси же, князь да всё Владимир же,
 А на чернила ты продай город Чернигов-от,
 А на бумагу-ту продай да славной Киёв-град.
 А ты тогда-то посылай обценщикков описывать,
 А ты описывать же Индею богатую,
 320 А как богатую же Индею, именитую!»
 И тут же скоро князь Владимир посылал же он,
 А он обценщикков же Илью да Илью Муромца,
 Добрынюшку-ту всё же он Никитича,
 А во третьих-то посылал Олёшеньку Поповиця.
 325 А и тут садилсе Дюк-от сын да всё Степанович,
 Он садилсе скоро он да на ремчатой стул,

- И брал в руки скорб он перышко лебединоё,
 А и он писал-то скору грамотку скорописцету
 Он на той ли-то на беленькой бумажечки.
 (На *⟨г⟩*ербовой белой бумажечки.)
- 330 А он писал скорб своей матушки родимую
 Как Елены-то писал да Косьтентиновны,
 Скорописьцету писал он ей же грамотку,
 Описал, што видел всё во городи во Киеви.
 Он привязал свою-ту грамотку ко добру коню,
- 335 Ко добру коню своёму богатырьскому,
 И он ко тем-то к стременам да ко золоченым-то.
 А и он спускал своего добра коня да богатырьского,
 А и он спускал его домой во Индею богатою,
 А и как богатою во Индею, именитою,
- 340 А и ко родимой ко своей да родной матушки,
 Как ко той ли ко Елены Косьтентиновны.
 Побежал его да доброй конь далече же,
 И далече побежал да во чистó полё,
 А и зарыжал-то он же голосом кониным-то,
- 345 А и расставалсе со своим любимым хозяином,
 А и как со Дюком он же со Степановичем.
 И засадил тогда же князь Владимир Дюка Стёпановича
 А он во тёмную садил его во темницу,
 А и заключил его в злодеюшку заключебную.
 (Вот сколь долго! как забудут его, князя!)
- 350 И прибегал-то ёго доброй конь во Индею,
 Во богатою во Индею, именитую,
 Ко его-то родной матушки-то к Елены Косьтентиновны.
 А и как заржал-то он же голосом лошадиным-то,
 Услыхали тут же Дюковы караульшшички,
- 355 Выбегали скоро они да всё на улицу,
 Увидали-то добра коня богатырьского
 Как же Дюкова сына да всё Степановича.
 Как у коня-то увидали суночку-котомочку,
 Ише суночка-котомочка была рыта бархата,
- 360 А и дорогим-то росшита была красным золотом,
 А и россажена была ета суночка дорогим да скатным жемчугом.
 А и как тут отвязывали суночку-котомочку,
 А из суночки-то розвязывали, вынимали они,
 Вынимали скору грамотку скорописцету,
- 365 И они прочитывали грамотку скорописцету.
 Ай они пошли скоро долаживаться ко Дюковой-то родной матушки,
 А и как до Елены-то Косьтентиновны:

- «Уж ты ой еси, наша любима боярина,
Ты Елена всё у нас да Костентиновна!
- 370 Как прибежал-то из города из Киева
А ише конь-от, лошадь у нас да богатырьская.
А и как же Дюка нет у нас Степановича,
А и как у нас он посажон во тёмны темници
А и как у князя-то же всё да у Владимира
- 375 Заключили его в злодеюшку заключебную,
А и он же хвастал-то своим именицом-богасъвицом.
А и как же едут-то из города йиз Киева,
Как от князя-то да едут от Владимира,
Как обценивать твое всё именицо-богасъвицо!»
- 380 А и тут Елена-то Косьтентиновна скоро вставала она
А со той ли со кроваточки кисовою,
Она со той ли со периночки пуховою.
А и одевали ей нянюшки всё же, мамушки,
Ишше сены ей да красны девушки.
- 385 А ишше тут же говорили ей, рассказывали,
А она тяжелешенько вздохнула, сама проплакала:
«И говорила я своёму да чаду милому,
Уж я милому своему, родимому,
А и я премладому же Дюку сыну Степановичу:
- 390 „Ты поедешь во славной город Киев-от,
Ты не хвастай своим животом сиротским-то,
А то пошлет-то князь Владимир нам обценщикков,
И всё опишут нашо именицо-богасъвицо!”».
- И в ту же пору, в то время едут обценщички,
395 И они не можут-то найти Индеи богатою,
А што богатою же Индеи, именитою.
Ездят, ездят по темну лесу дремучему,
А как остановили-то своих добрых коней богатырьских-то,
А они привязали-то их ко лесиночкам-то дремучим-то,
(Уж Илья Муромець был не хитрой-то!)
- 400 А и вылезли-то на лесину они высóко-то,
И смотрели во трубочки подзорныя,
Увидали-то же они Индею богатою,
А и што богатою же Индею, именитою —
А как будто на домах пекёт да красно солнышко.
- 405 А как видно Дюк-от да сын Степанович
Пóслал скóру-ту же он да всё да скóру грамотку
Ко своей-то он да же и родной матушки,
А ко Елены-то же он да Косьтентиновны.
А и как завидели они Йиндею богатою,

- 410 А и тут приехали скоро они во Индею богатою,
 Как ко Дюку-ту ко Степановичу,
 И ко его-то они наехали к родной матушки,
 И ко Елены-то вони да Косьтентиновны,
 И ко его-то они наехали подворьицу,
- 415 И где-ка жил-то же Дюк да сын Стёпанович.
 Ишо што у Дюка-та подворьицо на семи верстах,
 И на семи верстах, на семидесяти семи столбах,
 А ише каждой же столбичок был же точеной,
 А ише точены были же да золочёные.
- 420 А на дому-ту у его крыши всё золоты́ блестят,
 А и застречали тут же Дюковы караульшички,
 И как стречало их тут да счету не дать будёт.
 А и стречали-то Дюковы всё придворнички,
 И они шли-то, заходили по тёплым каледорам-то,
- 425 А и постречали-то Дюковы всё привратницы,
 Ай они все-то принаряжены в рытом бархати.
 Уж тут кланялись обценшички Дюковой родной матушки:
 «Уж ты здрастуй-ко, здрастуй, Дюкова родна матушка!
 Ты Елена-то всё да Косьтентиновна!»
- 430 А ответили же тут Дюковы прислужницы:
 «А мы не Дюковы же всё да родны матушки —
 Уж мы Дюковы же всё да мы прислужницы!»
 И-й оны идут опять по тёплым каледорам же.
 И как постречалисе же Дюковы рукомойницы,
- 435 Много-много их же тут, да счет не дать будет.
 И они в шелку идут, всё убраны все в серебри.
 И тут же кланялись обценшички Дюковой родной матушки:
 «Уж ты здрастуй, здрастуй, Дюкова родна матушка,
 И ты Елена же всё здрастуй Косьтентиновна!»
- 440 Отвечали же тут всё да рукомойницы:
 «А и мы не Дюковы же всё да родны матушки —
 А уж мы Дюковы же всё да рукомойницы,
 А мы стирам бельё да на Дюка сына Степановича,
 На его стирам же мы да родну матушку,
- 445 А на Елену ту же мы да Косьтентиновну!»
 Тут идут опять обценшички по каледорам всё
 И постречалисе тут Дюковы колачницы,
 А идут они вси в серебру, в жемчугу,
 А они кланялись обценшички же низехонько:
- 450 «Уж ты здрастуй-ко, здрастуй, Дюкова родна матушка,
 А ты Елена же всё да Косьтентиновна!»
 Отвечали тут же Дюковы колачницы:

- «А и мы не Дюковы же всё да родны матушки —
 Уж мы Дюковы же всё да мы колачницы,
 455 А мы пекём-то про Дюка сына Степановича,
 А про его-то мы пекём да родну матушку,
 Мы Елену-ту пекём да Косьтентиновну,
 Уж мы беленьки им пекём да всё колачики».
- А и как пошли опять как вперед да всё обценшички —
 460 А и постречалась Дюкова родна матушка,
³А и как Елена-то повстречалась Косьтентиновна,³
 А и как ей двое-трое ведут под праву руку,
 А под леву-ту ведут да всё же мамушки.
 И вся во золоти идет Дюкова родна матушка,
 465 Как блестит на ей всё как да платьё цвётное,
 И тут подходили-то обценшички ко Дюковой рódной матушки,
 Как ко Елены-то они да Косьтентиновны,
 А и кланялись они ей да всё низёхонько:
 «А уж ты здрастуй-ко-се, Дюкова родна матушка,
 470 Ты Елена всё здрастуй Косьтентиновна!»
 А и говорила тогда Дюкова родна матушка:
 «Уж вы здрастуйте, мужики обценшички,
 А вы приехали ко мне во Индею богатую,
 А во богатую во Индею, именитую,
 475 А вы описывать моё именицо сиротскоё.
 А пусть князь Владимир продаст да всё Чернигов-град,
 А на бумаги-ти пусть продаст да славной Киёв-град,
 И тогда-то приезжайте всё описывайте
 И моё именицо тогда, моё богасьвицо.
 480 И вы пойдёте, мужики вы всё обценшички,
 А засадили вы моего да чада милого,
 Засадили во темницы во темные
 А вы премладого у мня Дюка Степановича.
 А за чего его засадили? Всё за правду-ту.
 485 А он же хвастал всё именицом, своим богасьвицом,
 Он князю Владимиру же сказывал же правду сушшую,
 А не поверили вы его словам же верным же.
 И вы подемте-ко я покажу своё именицо!
 А вам писать будёт три годика, не описать будёт
 490 А моего именица же моего богасьвица!»
 А и повела она обценшичков-мужиков же всё,
 А повела она к своей да золотой казны.
 А и как на том белóm на двори
 Висят бочки-сороковки всё с красным золотом,
 495 На цепочках-то весят на серебрянных,

А на другой стороны весят бочки с цистым серебром.
 А как повела она по белу двору открытому,
 А и как бежала реченька не очунь глубокая,
 А как на реченьки выливалось у их чисто серебро.
 500 А и повела тогда же Дюкова родна матушка
 Их где в избу, где-то весла сбруда лошадиная
 И от тех-то от быстрых коней богатырьских же,
 И весло, весло-то премножество — счет не дать будёт,
 И как не дать счету, не описать будёт.
 505 И она блестела ишшо сбруда вся на золоти,
 И она блестела вся на серебри.
 А и тут же повела она тут где было Дюково цветно платице,
 А и отпирала она же комнаты же высокие,
 Где как было его пла́тьё было цвётное,
 510 И как завешено же все спички, наполнено.
 И тут говорила-то обценщицкам рódна матушка,
 Как Елена говорила им Косьтентиновна:
 «А уж вы ой еси, мужики же вы обценщички,
 И поезжайте вы во славной город Киев вы,
 515 И вы скажите-ко вы же князю всё Владимиру,
 А как Владимиру же князю Святослаевичу,
 И нехорошо ему же так да всё же делать-то —
 А позасадить-то моего да чада милого,
 Чада милого моего любимого,
 520 Да рыцаря-то у мя его прехитрого,
 А у мя прехитрого у мя Дюка премудрого,
 А и как могучего же его да всё богатыря!»
 (Тут всё кончается. Боле не могу вспомнить.)

№ 89

Поехал Дюк Степанович из Индии богатою, попросил он у матери благословленица проехать в красный Киев-град, он ко ласкову князю ко Владимиру. Он приехал в красен Киев-град.

А у князя был почесен пир. Они вси на пиру напивалисе, они вси на пиру наедалисе. Посадил он Дюка Степановича повыше всех, наливал он чарочку зелена вина, зелена-то вина да полтора
 5 ведра.

И он берет-то цяроцьку во праву́ руку, и попробовал зелена вина, и поклялся-то он своей буйной головушкой, и говорит князю Владимиру: «У тебя, — говорит, — бочки сосновые, а об-
 руды вересóвые, в подвалах у тя лежат на сырой земли, не могу я пить вашего зелена вина».

И спрашивает князь Владимир его: «А у вас как в Индии богатою?»
 10 — «А у нас бочки-ти дубовые, а обручечки-ти на бочечках-то медные, а в подвалах висят на цепях».

Подали ему калашиков, он верх-то объест, а испод за окно выкинет.

И спрашивает его да князь Владимир: «Поцему ты, — говорит, — насъмехаешься?»

— «Потому я, — говорит, — насъмехаюсь: у вас помельшки сосновые, а помельшки-ти
15 хво(е)й¹ пахнут. А у нас-то помельшка шелковые. Пашут в печах шелковыми помельшками».

Отошел у его почесен пир, и князь Владимир-от советует: «Кого бы послать мне-ка в Индигу богатую списать-то Дюково именицо?»

Посылает он Добрынюшку Никитича осмотреть и описать всё именице. И поехал Добрынюшка Микитич млад. И надоехал он до Индиги богатою. Приезжает он во Индигу богатую. Ви-
20 дит на восходе красна солнышка, что Индига горит огнём вся. А надоехал² он до Индиги богатою, а крыши дорогие красна золота (он думат, что горит).

И приезжает он да на широкой двор, и поставил коня он на широкой двор, и заходит он, знает, ко Дюку Степановицю в дом. И кланяется Добрынюшка — низкой поклон.

А отвечает ему, Добрынюшке: «Я ведь не Дюкова матушка, а Дюкова кухароцька».

25 Подошел он ко другой, поклонилсе, и отвечает другая: «Я не Дюкова матушка, а Дюкова нянюшка. Удалой добрый молодець, — говорит, — я вижу ты роду ты ученого. А всем кланяться прислугам тебе, а не устоит твоя буйная головушка на плéчах. А приедет его родна матушка из церкви, тогда и кланяйся ей, тогда низко кланяйся».

Его тогда это родна матушка вот и приехала на шестёрке. Поклонилсе он Дюковой матушке,
30 и она пригласила его в свою комнату и наливает ему рюмоцьку зелена вина. Он ведь рюмоцьку-ту выпил, другой-то хочетсе, а другу-ту выпил, третью-то душа бежит. Он ведь выпил третью рюмоцьку и заснул. И спал он трои сутоцьки.

И он проспалсе, Добрынюшка, во комнаты, и позвала его Дюка Степановиця родна матушка: «Поцему ты приехал к нам в Индигу богатую?»

35 Отвечает Добрынюшка Никитиць млад: «Я приехал описать Дюка Степановиця именицо!»

А она и говорит Добрынюшке Никитицю: «Эко мое дитетко захвастиливо! Похвастило вдовиным именицом!» И повела его посмотреть Дюка Степановиця именицо. И не мог-то Добрынюшка описать его именица.

И она говорит таковы́ речй, а он не мог обценить и описать никак. И запела тогда его родима
40 мать: «Вы продайте Киёв со Черниговым и купите чернил да со бумагою, да тогда вы опишите Дюка Степановиця именицо». (Вот сколько было! Два города продать велела!). И поехал Добрынюшка во красён Киев-град, ко ласкову князю ко Владимиру. Его стретил князь Владимир его ласково и спрашивает Добрынюшку Микитиця: «Мог ли обценить его именице?» — «Не мог я обценить, описать никак!» Тогда князь Владимир усумнилсе всё, что у людей-то [с]только
45 именица накоплено.

А Дюк Степановиць стал поезжать в Индию богатою, и князь Владимир его унимать всё стал, а ему Дюк Степановиць говорит да таковы́ речй:

«По приезди-то гостя не учостовал, а на отъезди будет гостя не начостовать! Уж я еду в Индигу богатою. Ежели будет на тебя да нападеннице, — говорит он князю Владимиру, — и посылай за мной, Дюком Степановицом (как ежели война б́удёт), так я еду к тебе да на зашиточку».

(А по описям никакó мórё богатыря не держало. Он всё равно как аэроплан улётит. Они все были богатыри сильние — Ильи Муромец, Добрынюшка Микитиць, Дюк Степановиць и Алёша Поповиць. Тот хошь не сильней, зато напúском смел!).

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ И КАТЕРИНА (№ 90—97)

№ 90

- Было в славном нашем городе во Киеви,
 Ай у ласкового князя у Владимирера
 Ишше был-то у ёго богатырь-от любой-милый,
 Ишше тот ли был Цюрилушко сын Пленковиць.
⁵ Зазвонили всё, по утру было ранному,
 Как звонили-то заутреню-ту ранную,
 Ише ту ли обедню воскресеньскую.
 Тут стаёт скоро Цюрилушко, всё побужаитце,
 Он свежой водой клюцёвой умываитце,
¹⁰ В цвётно платице хорóшо нарежаитце.
 Он пошол-то молитце Богу Господу,
 Он во Божью всё церковь во соборную,
 Во соборную церковь богомольную.
 Он ведь молитце стоит да во Божьей церквы.
¹⁵ Тут приходят всё ведь маленьки ребятушка,
 Говорят они Цюрилу свету Пленковицю:
 «Тибѣ полно стоять, Цюрило, во Божьей церквы.
 Ты поди домой, Цюрило, поскорешенько.
 У тебя в домѣ, Цюрилушко свет Пленковиць,
²⁰ У тебя-то всё ведь в домьци нешшысьице,
 Как нешшысьице у тя в доми слуцилосе:
 У тя сделала измену молодá жона.
 Приехал-то всё к крылецошку ко белому,
 Ко белу-ту крыльцо-ту, всё к паратному,
²⁵ Приехал-то к твоей-то молодой жоны,
 К молодой жены Овдотьи-королевисьни,
 Приехал-то ведь всё да как нежданой гость,
 Дорогой-то ведь как гость, как старой-прежной друг,
 Старой-прежной ведь друг, да дружок миленькой.
³⁰ Уводила она ево в высóки светлы горьници,
 Они пьют-то всё сидят да проклаждаютьце,
 Сладкой водоцькой до пьяна напиваютьце».
 Как Чурило стоит Пленковиць, сам не обёрнитце,
 Как ведь молитце он Богу Господу.
³⁵ А приходят ведь скоро красны девушки,
 Становятце к Цюрилушки близехонько,
 Улыбаютьце девушки, всё посмехаютьце:
 «Ты поди, поди, Чурилушко свет Пленковиць!
 Как пришол-то к твоей-то жоны да нелюбой ведь гость,

- 40 Как тебе ведь гость немíлой, ей ведь мíлой друг».
 Как Чурилушко стоит да всё не сгля́нёт-то.
 А приходят ведь два брателка крестовый,
 Крестовы два братёлка, назва́ныи:
 Во первь́их-то Добрынюшка Никитиць млад,
 45 Во вторых-то всё Олёшенька Поповиць млад,
 Тут приходят, ёму да сами сказывают:
 «Уж ты мíлой ты наш брателко названой же,
 Ишше то же Цюрилушко свет Плёнковиць!
 Как поди-тко-се домой-то поскорёшенько:
 50 Как приехал-то к тебе ведь нелюбимой гость,
 Молодой-то жоны да ста́рой-пре́жней друг,
 Старой-прежнóй друг».
*(Не помню — Светопóлк ли Светополковиць,
 Ерусла́вь ли Еруславъевиць; тольки не Пересмяка.)*
 Ище тут-то Цюрилушко задумалса,
 Отстоял-таки обедню воскресеньскую,
 55 Ай пошел-то Цюрилушко скорёшенько.
 Ай стрецяет ёго нянюшки-ки, мамушки да на новь́их сенях.
 Ай стрецяют-то ёго всё сenny девушки.
 Говорит-то Цюрило таковы слова:
 «Уж вы гой еси, мои вы нянюшки, вы сenny девушки!
 60 Каковó-то молода наша хозяйюшка
 Безь миня-то здраствуёт Овдотья-королевисьня?»
 Отвечали ему скоро сenny девоцьки:
 «Всё во старом-то у нас Овдотья в положеньици,
 Все затёплёны свешши́ у ей с лампадами».
 65 Отьпирает он свою-ту светлу свётълицю,
 Тут сидит ёго любима милая племянёнка.
 Говорит-то он племянёнки да всё выпрашивает:
 «Ты скажи, моя любима всё племянёнка,
 Каковó-то безь меня эт(т)а¹ была Овдотья-королевисьня?»
 70 Говорила племянёнка родному дядюшки,
 Шьто тому ли Цюрилу свет Плёнковицю:
 «Уж ты гой еси, любимый милой дядюшка
 А по имени Цюрило ты ведь Плёнковиць!
 Бесь тебя она молилась Богу Господу,
 75 Все затёплёны были свешши́ с лампадами».
 Он скорёшенько пошел да в спальню в тёпую:
 А сидит-то Овдотьюшка да королевисьня,
 Наредным она сидит всё нареднёхонька,
 Весёлым она сидит всё веселёхонька.
 80 Она скоро тут ставала на резвы́ ноги,

- Она скоро бежала всё к Цюрилушку-ту Плёнковицю:
 «Ише шьто же ты, Цюрилушко свет Плёнковиць,
 Ты ушол-то долго? Я сижу соскучилась».
 Говорит-то всё Цюрило таковы реци:
- 85 «Уж ты гой еси, Овдотья-королевисьня!
 Ай какá у тебя на спицьки вёснёт шуба соболиная?» —
 «Ишше были у мя бабушки ребятушка,
 Шьто оставили ведь шубу соболинную». —
 «Уж ты гой еси, Овдотья-королевисьня!
- 90 У тя цья-то на спицьки вёснёт пуховá шляпа?» —
 «У мя были в гóстях бабушки ребятушка,
 Позабыли-то на спицьки пуховú шляпу». —
 «Ишше гой еси, Овдотья-королевисьня!
 Ты скажи-тко мне-ка правду-ту, поведай всё:
- 95 Эта цьи у тя сафьяненьки сапожоцьки?» —
 «Ишше были-то всё бабушки ребятушка
 Да оставили сапожоцьки сафьянья».
 Посмóтрил-то под кроваткой-то Цюрило Плёнковиць —
 Там лёжит-то еé да всё как мíлой друг,
- 100 Ишше милой друг как...²
 Он хватил-то со спицьки саблю вострую,
 Он отсек-то у ево да скоро буйну голову,
 Он отсек-то тоже у Овдотьи-королевисьни:
 «Уж ты сделала, Овдотья, мне изменушку!»
- 105 Сам ведь скоро пошел да на широкой двор,
 Он сядлал-то своего да коня доброго,
 Он поехал с горя-та всё во цистó полё,
 Со стыду большё поехал со великого.
 А за им-то поехал стáра всё старыньщина
- 110 Шшё по имени Илья-то всё ведь Мурамець,
 Поворотил-то он Цюрилушка все Плёнковиця:
 «Мы найдём-то как во Киеви тебе да красну девицю,
 Красну девицю тебе да мы невесту-то
 Не простого тибе роду, княженевського».
- 115 Он ведь скоро тут да всё стал женитисе,
 Брал-то он да всё у князя доць.
 А сходили всё они да во Божью церковь,
 А держали они с ей да по злату венцю.
 Он ведь взял топерь себе да жóну верную,
- 120 Жóну верную себе взял неизменную,
 Да повёлсэ-то ведь цёсен пир на радости.

№ 91

- А на вёшной на празьничёк на Троицю
 Нападала порóщиця снежку белого.
 А по той по порошици, по белú снежку
 Ише шло-прошло два брателка назв́анья,
 5 Два назв́анья брателка, крестовыя:
 Во перьв́ых-то шол Чурилушко Петрович-от,
 Во вторых-то шол Олёшенька Попович-от.
 А Чурилушко пошол-то-де к широкú двору,
 Он колотитьце у серебряна колечушка.
 10 Услыхала тут девушка-служаночка,
 Да любимая Васильёва племёнёнка,
 Отпирала окошочка немножоцько,
 Да сама говорила-то потихошенько:
 «Ише хто у нас колотитьце у колечушка?»
 15 Отвечал ей Чурилушко Петрович-от:
 «Уж ты вой еси, девушка-служаночка,
 Да любима ты Васильёва племенёнка!
 Дак у тя дома ли дедюшка родимья?»
 Отвечала ёму девушка-служаночка:
 20 «У мя нету ведь дедюшки родимого,
 Да ушол-то у мя дедюшка во Божью церькву
 Да он четья-то, пенья слушать церьковного,
 Он того жа де звону-ту колокольнёго». —
 «У тя дома ли дёдинка родимая?»
 25 Отвещала ёму девушка-служаночка:
 «У мя дома тут дединка родимая,
 Да злёжит у мя дединка в заднёй горници». —
 «Уж ты вой еси, девушка-служаночка!
 Ты поди скажи дединки родимья:
 30 „Как пришол-то к тебе да небывалый гость
 Дак ише на имя Чурилушко Петрович-от”.
 Я ведь дам тебе, девушка, три денёжки,
 Три денёжки-то дам да как три зóлотых». —
 Побежала тут девушка в заднюю горницю
 35 Да сказала тут дединки таковы речи:
 «Уж вы вой еси, дединка родимая!
 Да пришол-то какой-то к тебе-ка небывалый гость
 Ише на имя Чурилушко Петрович-от». —
 Да скакала тогда дединка на резвы ножи,
 40 А бежала тут дединка по новым сениям,
 Как отпирала тут дединка сени на пятау,

- А сама говорила-то таковы речи:
 «Да не грело-то солнышко, не съвѣтило,
 Да тепере праведимо-то высоко взошло!»
- ⁴⁵ Да обнимала Чурилушка за белú шею,
 Понабрала она Чурилушка за правú руку,
 Повела она Чурилушка в задню горьницу,
 Скинивáла у Чурилушка сибиродцьку,
 Скинивала у Чурилушка сапожочки
- ⁵⁰ Да валилась со Чурилушком на кроватьку спать.
 Да Олѣшенька пришол в тí пор во Божью церкву:
 Он ведь крест-от кладёт да по-писáному,
 Он поклон-от ведёт да по-учёному,
 Он ведь кланялсэ-то чудным образом,
- ⁵⁵ Ишше в лишшецю-ту кланялсэ Василью Перемѣтьёву.
 Его спрашивали да попы, дьяконы:
 «Ты какой-от идёшь да каким словёшь?» —
 «Я слову-ту Олѣшенькой Поповичём.
 Нас ведь шло-прошло два брателка назвáния:
- ⁶⁰ Во перьвých-то шол Чурилушко Петровиць-от,
 Во вторых-то шол я, Олѣшенько Поповиць-от.
 Как Чурилушко пошол к Васильёву широку́ двору,
 Да к Васильёвой ушол он к молодой жены.
 Я, Олѣшенько, пришол да во Божью церкву
- ⁶⁵ Как четья-та, пенья слушать церьковного,
 Я того жа ведь слушать-то звону колокольнёго». —
 Ише брал-то Васюльюшко шляпочку со спичечки,
 Ише сам-то пошол да из Божей церквы,
 А повесил свою-ту буйну голову.
- ⁷⁰ Он приходит к своему-ту широку́ двору,
 Он колотитьце за серебряно колечушко.
 Услыхала тогды девушка-служаночька,
 Да любимая Васильёва племёненька,
 А сама говорила-то таковы речи:
- ⁷⁵ «Ише хто у нас колотитьце у колечушка?»
 Говорил-то ей дедюшка родимья:
 «Отпирай-ко ты, девушка-служаночка». —
 Да скакала тут девушка на резвѣ ножки,
 Побежала тут девушка по новым сеням,
- ⁸⁰ Отпира⟨ла⟩ тут девушка двери на́ пята.
 Говорил ведь дедюшка таковы речи:
 «Уж ты вой еси, девушка-служаночка!
 Ише хто-то ведь у нас есь небывалой гос⟨т⟩ь?»
 Отвечяла ёму девушка-служаночка:

- 85 «Какой-то пришол Чурилушко Петрович-от,
Да ушол он ведь с дединкой в задню горьницю».
Отпирал тогды Васильюшко в горьници двери на́ пяту.
Завернула Чурилушка во периночку.
Говорил тогды Васильюшко таковы речи:
- 90 «Ише чья эта сибирочка на спичёчки?»
Отвечяла ёго да молода жона:
«Уж как были тут бабушкины робятушка
Да оставили у мя эфту сибирочку». —
«Ише чьи эти сапожочки под кроваточкой?»
- 95 Отвечяла ёго-то молода жона:
«Уж как были тут бабушкины робятушка
Да оставили сапожки-ти под кроваточкой».
Розьвернул тогды Васильюшко пиринушку —
Да лёжит-то Чурилушко Петрович-от.
- 100 Он ведь выхватил свою-ту саблю вострую
Да отсек у Чурила-та буйну голову.
Говорила Васильюшку молода жона:
«Соберём мы, Васильюшко, пир навёсели,
Шьто уходил у мя Чурилушка Петровича».
- 105 Ишше собрал Васильюшко пир навёсели.
Наливала она им два стоканьчика,
Наливала она да зелья смёртного,
Подносила Васильюшку Перемётъёву,
А другой-от ведь девушки-служаночки,
- 110 Да любимой-то Васильевой племёненьки.
Выпивали они-то да зельё смертноё,
Приходила им тут конччина свету белого.

№ 92

- Ай о вёшном было праздницьки во Троици,
Нападала пороха снегу белого.
Шьто по той по порошици, белу́ снегу
Шьто не беленькой-от заюшко проскакивал,
- 5 Не серой горносталюшко прорыскивал —
Туту шло-прошло два брателка крестовья,
Два крестовы прошло братьиця, названья:
Во первьих-то шол Цюрилушко Опленковиць,
Во вторых-то шол Олешенька Поповиць млад.
- 10 Как Олешенька пошол да во Божью церковь,
А Цюрилушко пошол да к широку́ двору,

- К широку́ двору пошол-от к Перемятьёву.
 Он заходит на крылецюшко прекрасной,
 Он берётъце за колецько за серебряно,
 15 Уж он дёръгат за ремёшок семишóлковой.
 Увидала ёго девушка-служаноцька,
 Как любима Перемятьёва племянница,
 Отворила окошоцька немножоцько:
 «У нас хто стоит сегодни на крылецюшки,
 20 Хто бречит стоит [в] серебряно колецюшко?» —
 «Уж ты вой еси, девушка-служаноцька,
 Ты любима Перемятьёва племянница!
 У тя в доми ли ес(т)ь дедюшка родимой твоей?» —
 «У нас нету вот ведь дедюшки родимого,
 25 Он уехал х цёсной ранной ко заутрени». —
 «У тя в доми ли ес(т)ь дединка родимая?» —
 «У нас в доми ес(т)ь дединка родимая,
 Со слёзами стоит да Богу молитце».
 Услыхала её дединка родимая,
 30 Поскорёшенько ставала со кроватоцьки,
 Покруце одевала тюфли на́ ноги,
 Поскорёшенько бежала по новым сениям,
 Потихошеньку отпирала сени на́ пятю.
 Как брала она Цюрила за белы́ руки,
 35 Обнимала (о)́на Цюрила за белу́ шею,
 Цёловала Цюрила во сахарной ус,
 Заводила Цюрила в нову горьницю.
 Как Олешенька пришол да во Божью́ церкву,
 Уж он крест-от кладёт да по-писаному,
 40 Он поклон-от ведёт да по-учёному,
 На вси стóроны цятыре поклоняитьце:
 «Уж вы здравствуйте, попы, отци духовныя,
 Уж вы здравствуйте, прецетьники церковныя!
 Уж ты здравстуй-ко, Цюрилушко Ивановиць,
 45 Уж ты здравстуй, Перемёта сын Васильёвиць!
 У тибя-то сёгдни небывалой гос(т)ь,
 Как твоей-то пожилой жоны да старо-прежной друг».
 Ишше ето Перемёты за беду́ пало,
 За велику́ ёму пало за досадушку,
 50 В ём горяця-та вся кровь да роскипеласе,
 Богатырьска ёго сила расходиласе.
 Пошол поскорёшенько да из Божьей церквы,
 Уж он падал, Перемёта, на добра́ коня.
 Приежаёт Перемёта к широку́ двору,

- 55 Он ставил коня да среди двора,
 Не приказана поставил, не привязана,
 Он заходит на крылецюшко прекрасное,
 Он беретьце за колецько за серебряно,
 Уж он дерьгат за ремешок семишолковой.
- 60 Услыхала ёго девушка-служаноцька,
 Как любима ёго была племянница,
 Отворила окошоцька немножецько:
 «У нас хто стоит тепере на крылецюшки?»
 Как заходит Перемёта на новы сени,
- 65 Он спросил у любимой у племянницы:
 «У нас [в] доми ли дединка родимая?» —
 «У нас [в] доми ес<т>ь дединка родимая». —
 «У нас хто зашол сегодни на широкой двор?»
 Как заходит Перемёта в нову горьницу,
- 70 Он вострым копьём стоит да в пол потыкиват,
 Он смелое со своей хозяйкой поговариват:
 «Это цы лёжат персцятоцьки на пецёцьки?» —
 «У нас были этта бабушкины детоцьки,
 Как оставили персцятоцьки на пецёцьки». —
- 75 «Ишше цья лёжит там шляпоцька на полоцьки?» —
 «У нас были вот бабушкины детоцьки». —
 «Цы лёжат у нас сапожки под кроватоцькой?» —
 «У нас были этта бабушкины детоцьки,
 Как оставили сапожки под кроватоцькой».
- 80 Перемёта-та стоит да среди полу,
 Он вострым копьём да в пол потыкиват,
 Ёго горяця-та кровь да росходиласе,
 На свою молоду жону да роскипеласе.
 Как соходит тут Цюрилко со кроватоцьки,
- 85 Ишше спрашиват Перемёта у Цюрилушка:
 «Ты по-старому пришол ко мне, по-прежнему?»
 Ты пришол ко мне разве во конюхи,
 Ты во конюхи пришол ко мне, во служники?»
 Цюрилушко во резвы ноги попадават:
- 90 «Ты просьти-тко меня да во перьвом греху!»
 Он просьтил тут Цюрилка во перьвом греху,
 Он цеснешенько спровадил с широка двора,
 Уж он по<д>нял востру саблю на молоду жону,
 Он сказьнил у ей да буйну голову.

№ 93

- Ай на тот же на празьник-от на вёшныя,
 Ай на вёшныя празьничек на Троицу
 Нападала тут пороха сьнегу белово.
 Што по той по порохи да по белú сьнегу
⁵ Ай не беленькой заюшко проскакивал,
 Не серой горносталюшко прорыскивал,
 Ай тут шло-то два брателка названья,
 Што названья братьця, крестовья:
 Во первы́х-то шол Чурилушко Плёнковиць,
¹⁰ Во вторых-то шол Олешенька да Поповиць сын.
 Да Чурило-то пошол к Перёмину двору,
 Ай приходит на крылечушко на прекрасное,
 Он бречит тогды колечушком серебряным.
 Услыхала тогды девушка-служаночка,
¹⁵ Ай любима Перемятьёва племяница,
 Ай любима Катеринина-та ведь ключьница.
 Говорила тогды девушка-служаночка:
 «Ишше хто же у воротиков колотитце?»
 Говорил тогды Чурило-то сын де ка Плёнкович:
²⁰ «Уж ты вой еси, девушка-служаночка!
 Уж ли в доми у тя дядюшка родимья,
 Молодыя Перемёта сын Васильевич?»
 Говорила тогды девушка-служаночка:
 «Ишше нету у нас дядюшка да родимья,
²⁵ Ай ушол-то он ко ранною ко заутрени».
 Говорил тогды Чурило-то сын Плёнковиць:
 «Или в доми ли дядинка родимая,
 Молодыя Катерина-та дочь Микулисьня?
 Уж ты вой еси, ты девушка-служаночка!
³⁰ Ты отворь-ко-се мне ворота-ти косисчаты».
 Ай сулил-то ей Чурило-то петсот рублей,
 Да на то-это девушка не согласиласе.
 Ай сулил тогды Чурило ей целу-ту тысячю,
 Ай на это тогды девушка не согласная.
³⁵ Ай сулил-то ведь лисич, кунич на кунью шубу,
 Да на это тогды девушка согласиласе.
 Побежала тогды к дядинки к родимья:
 «Уж ты вой еси, дядинка родимая!
 Ты не знашь нечого, в доми што у тя деитце:
⁴⁰ Ай пришёл-то ведь к тебе небывалой гос<т>ь,
 Небывалой к тебе гос<т>ь-то, старо-прежной друг,

- Молоды Чурило-то сын де Плёнкович».
 Запустили-де Чурилушку в задню-ту горьницу.
 Ай Олешенька пошел тогда во Божью церковь,
 45 Да приходит-де Олеша во Божью церковь,
 Он и крес<т> тогда кладё сам по-писаному,
 Ай поклон ведё Олеша по-ученому,
 Ише кланеитце он да чудным образам.
 «Уж вы здас<т>вуйте, попы, отцы духовныя,
 50 Уж вы здас<т>вуйте, народ, люди православныя!»
 Да подходит к Перемётушки близёхонько,
 Ише речь говорил сам потихошеньку:
 «Уж ты здас<т>вуй, Перемёта сын Васильевич!
 Да стои же, Перемётушка, во Божьей церквы,
 55 Уж и молисе Спасу-ту Пречистому,
 Уж и тут же ты Божьею Богородицы,
 Ай не знаешь ты, у тя в доми што ведь деитце:
 Да пришол-то ведь к твоей молодой жены,
 Ай пришол-то ведь небывалой гос<т>ь,
 60 Небывалой к ею гос<т>ь да старо-прежной друг,
 Молодыя де Чурилушко сын Плёнкович».
 Ишше эти ведь как речи ёму не в любви пришли,
 Показалось Перемётушки за досадушку великую.
 Он и крес тогда кладё да по-писаному,
 65 Ай поклон ведё Перемётушка по-учёному,
 Ишше молитце он Спасу-ту Пречистому,
 Ишше сам он говорил тогда таковó слово:
 «Вы прошшайте-тко, попы, отцы духовныя,
 Уж вы прошшайте, весь народ, люди православныя!
 70 Да пойду ли я теперче к широку двору —
 Есьли ес<т>ь у миня у молодой жоне,
 Ишше ес<т>ь ли как у ей теперь небывалой гос<т>ь,
 Небывалой у ей гось-то старопрежний друг,
 Молодыя де Чурилушко сын Плёнкович —
 75 Да съсеку я у Чурилушка буйну голову,
 Не спушшу ли я Чурилушка теперь на белой свет».
 Да пошел Перемётушка из Божьей церквы,
 Он приходит на своё крылечко на прекрасной,
 Он бречит-де колечушком серебряным.
 80 Услыхала тогда девушка-служаночка,
 Ай любима Перемятьёва племянница,
 Ай любима Катерина ведь клюсьница,
 Побежала она к дядинки к родимья:
 «Што идёт Перемётушка из Божьей церквы!»

- 85 Да идѣ〈т〉 Перемѣтушка в заднюю горьницу,
Ишше сам-то по полу да похаживат,
Он и троской как в пол своей поколачивает:
«Ишше чья эта сибирочка на грядочки?»
Говорила Катерина дочь Микулисьня:
- 90 «Ишше были этта маткины ребятушка,
Позабыли сибирочку на грядочки».
Перемѣтушка по горьници похаживат,
Он и троской де в пол сам поколачивает:
«Ишше чья эта шапочка на спичечки?» —
- 95 «Ишше были этта маткина ребятушка,
Позабыли они и шапочку на спичечки».
Перемѣтушка по горьници сам похаживат,
Он и тросточкой в пол сам поколачивает:
«Ишше чьи рукавичочки-то на спичечки?» —
- 100 «Ишше были этта маткины ребятушка,
Позабыли рукавичочки на спичечки».
Перемѣтушка по горьници сам похаживат,
Он и тросткой своей в пол поколачивает:
«Ишше чьи этта сапожки под кроваточкой?» —
- 105 «Ишше были этта маткины ребятушка,
Позабыли сапожки-ти под кроваточкой».
Перемѣтушка по горьници всё да похаживал,
Он тросью всё в пол поколачивал,
А берёт тогда перинушку пуховую,
- 110 Розьвернул эту перину-ту пуховую —
Ишше выскочил Чурило-то сын Плёнкович.
Говорил тогда Чурило сын де Плёнкович,
Ишше пал тогда Перемѣтушки во резвы ноги,
Ишше сам он говорил тогда таково слово:
- 115 «Ты просьти жа, Перемѣтушка, в таковой вины».
Говорил Перемѣтушка Васильевич:
«Уж ты вой еси, Чурило сын всё Плёнкович,
Уж я несколько тебе-то всё наказывал,
Уж я несколько тебе всё наговаривал:
- 120 „Не ходи-тко-се, Чурило, к широку двору,
Не люби-тко-се, Чурило, молодой жоны”.
Да съсеку я, у Чурила, у тя буйну головушку,
Не спушшу боле, Чурила, я тибя на белой съвет».
Да берѣ〈т〉 тогда Перемѣтушка сабью вострую,
- 125 Он отсек у Чурила-та буйну голову,
Во вторых-то де у девушки-служаночки,
Молодой жены поученьичо дал по-женьския.

№ 93а

♩ = 66

1. А и на тот же праз(и)ник - ол(ы)на вёш - ни - я,

2. А и на вёш - ни - я праз(и)ни - чек на Тро - и - цу

< 3. На - па - да-ла тут по - ро - ха сне - гу бе - ло - во.

4. Што по то_й(и)по по - ро - хи да по бе - лу сне - гу

5. А и не бе - лень - кой за - юш - ко про - ска - ки - вал...>

< 34. А - й(и)на э - то тог_ды де - вуш - ка не со - глас - на - я;

35. А - й(и)су - лил - то ведь ли - сичь, ку - ничь на кунь - ю шу - бу...>

№ 94

- Ай о вёшном было празницки о Троици
 Ай¹ нападала порошиця снегу белого.
 Ай¹ по той ли по порохи,² по белу снегу
 Шьто не белой заюшко проскакивал,
⁵ Ах не сёрой горностаюшко прорыскивал,
 Ай туды шло да прошло-то два-то братёлка,
 Ах два-то брателка прошло да два назв́анья,
 Цьто назв́аны ти братыця крестовы(я).
³Во первых-то шёл Олешенько Поповиць млад,
¹⁰ Во вторых-то цёл Цирушко да сын Плёнковиць.⁻³
 Как Цюрилушко идёт к широку двору,
 А Олешенько прошёл да во Божью церквú,
 К заутрине⁴ прошёл да Благовещеньской.
 Заходит Цюрилушко да на крылецюшко,
¹⁵ На крылецюшко Цюрилушко да на прекрасное,
 Цьто крылецико под ним да пош́аталосе,
 Вереюшка под ним вси покац́ялисe.
 Подергиват за ремишицёк семишолковой,
 Побрякиват за колецюшко за серебряно.
²⁰ Услыхала тут де(в)ушка служаноцька,
 Цьто любима Перемятина племянниця,
 Отворила окошоцько немножоцька,
 Спросила тихой рецью потихошеньку:⁵
 «Ише кто стоить у нас да на крылецюшке,
²⁵ Ише кто у нас побрякиват за колецюшко,
 Ише кто у нас подергиват за ремешецёк?» —
 «Ах ты гой еси, деушка служаноцька,
 У тя в доме ли дядюшка родимой?» —
 «У мян нету дядюшки родимого:
³⁰ Уехал⁶ он к заутрине Благовещеньской». —
 «У тя в доме ли дединка родимая твоя?» —
 «У мян в доме-то дединка родимая:
 Она стоит да со слёзами Богу молитце,
 Засвечены лонпаточки хрустальные,
³⁵ Затеплены свечи да воску ярово». —
 Услыхала тут дединка родимая,
 Одивала башмашки потихохоньку,
 Побежала скорёхонько по цястой листвице,
 Отпирала она дьвери сени на́ пятау,
⁴⁰ Брала Цюрилушка да за белы руки,

- Обнимала Цюрилушка да за белу шею,
 Целовала Цюрилушка да во сахарный ус,
 Заводила Цюрилушка да в заднюю горьницу,
 Садила Цюрилушка да за убрáной стол,
 45 Поила Цюрилушка да цяём-кофеём.
 Убоялсэ Цюрилушка да Перемётушки:
 «Он застанёт миня да во своем дому́,
 Он сказнит у меня да буйну гóлову».
 Приходит Олешенька в Божью церкву́,
 50 Ише крест-от кладёт он по-писаному,
 Он поклон-от ведёт да по-уцёному:
 «Уж вы здрас<т>вуйте, попы-отци духовныя,
 Ише здрас<т>вуйте-ка, вси прицетьники церковныя,
 Уж вы здрас<т>вуйте, вси кнэзья и бóяра,
 55 Уж вы здрас<т>вуйте, старицьки пристарелыя,
 Уж вы здрас<т>вуйте, малы детоцьки неурослыя,
 Уж ты здрас<т>вуй-ка, Перемётушка сын Васильёвиць!
 Не сказьни моей да буйны гóловы,
 Ты позволь мне-ка сказать да таковы реци:
 60 Пришёл⁷ к твоей молодой жёны
 Незваной-от гос<т>ь не чёстовам,⁸
 Пришёл к твоей жены да старо-прежной друг».
 Заходили у Перемётушки да могуци плещи́,
 Роскипелась у Перемётушки да кровь горяцяя:
 65 «Вы просьтите-ка, отци духовныя,
 Во просьтите-ка миня во перьвом греху.
 Застану я у жёны гостя нежданого,
 Я нежданого гостя, ёго незваного,
 Я сказьню у ёго да по плещь гóлову».
 70 Только видели Перемётушку да во Божьей церквы.
 Выходил-то Перемётушка из Божьей церквы,
 Только видели — садилса на добра́ коня.
 Во цисьтом поли да курёва стоит,
 Где-ка от пару от кониноного дым столбом стоит.
 75 Приежат-то Перемётушка к широку двору́,
 Оставлят он коня да не привязана,
 Заходит на крылецюшко да на прекрасноё,
 Брякат за колецюшко да за серёбряно,
 Он дёрьгат за ремещецёк да семишóлковой.
 80 Услыхала⁹ ёго да молодá жона,
 Скорехонько бежала да по новым сеням,
 Круцёхонько стрецяла да мужа верного,

- Брала она Перемётушка да за белы рукі,
Обнимала Перемётушка да за белу шею.
- 85 Перемётушка ей тут отъвет дёржал:
«Твои руцьошки сёгодня скверныя,
10- Во сёгодняшний день уста¹⁰ поганыя».
- Заходит Перемётушка да в спальню-горницю —
Лёжат у Перемётушки сапожки под кроватоцькой.
- 90 «Ох ты гой еси, моя да молодá жона!
У тя чьи сапожоцьки лёжат да под кроватоцькой?»
Не стала молода жона правды ска́зывать,
Правды ска́зывать, стала оманивать:
«У мян были то бабушкины детоцьки,
95 Оставили сапожки под кроватоцькой». —
«У тя чья шапоцька веснёт на спицецьки?»
Опять стала она ¹¹ёго оманивать:¹¹
«У мян были бабушкины детоцьки,
Оставили шапоцьку на спицецьки».
- 100 Веснёт сибироцька да церез грядоцьку.
Стал у жоны верно спрашивать:
«У тя цья веснёт сибироцька да церез грядоцьку?»
Опеть стала она ёго оманивать:
«У мян были бабушкины¹² детоцьки,
105 Оставили сибироцьку церез грядоцьку».
- Пошёл-то Перемётушка во спальню-горницю,
Застал-то Цюрилушка да на кроватушки.
Он взял свою да саблю вострую,
Сказьнил у Цюрилушки да буйну голову,
110 Рострелял свою¹³ да молоду жону —
Во перьвых-то он стрелил да в ретиво серьце,
Во вторых-то стрелил в буйну гóлову,
Отстрéлил у ей да руцьку правую,
В четвертых-то отстрелил ножку левую.
- 115 Размётал косьё да по цисту́ полю.

№ 95

- Нападала порошиця снегу белого,
Шло-то-прошло два прохожего,
Два брателка крестового.
В перьвую голову Чурилушка сын Плёнкович,
5 Втору голову — Олешенька¹ Попович.
Чурилушка шол-то к широку двору,

- К широку двору к Переметьеву.
 А Олешенька-то¹ шол во Божью церкву,
 Он крест-то кладёт по-писаному,
¹⁰ Поклон ведё по-уцёному,
 Кланяетце на все четыре стороны:
 «Здраствуйте, попы-отцы духовные,
 Прицетники церковные.
 Здравствуй, Перемёт сын Васильевич,
¹⁵ Стоишь ты во Божией церкви,²
³Пришел к твоей молодой жены долгожданный гость,
 Долгожданный гость, старо-прежний друг,
 Чурилушко Плёнковиц».
 Он и запошел из церкви Переметушка:
²⁰ «Ссеку-то я у Чурилушки гол[о]ву».³
 Пленкович заходит на крылечушко,
 Дерьгет за ремёшок семишóлковый,
 Брякает за колечушко серебряное.
 Услыхала девочка-кухарочка,
²⁵ Любима Переметьева племянница,
 Открыла окошецько немножечко:
 «Кто стоит на прекрасном на крылечушке,
 Кто дерьгает за ремешок семишóлковый,
 Кто брякает за колечушко серебряно?»
³⁰ Спрашивал⁴ Чурилушко Плёнкович:
 «Где у тебя дядюшка родимый?» —
 «Дядюшка ушел во Божью церкву,
 Ушел-то он ко ранной заутрени». —
 «А где у тебя тётенка родимая?» —
³⁵ «Тётенька у меня в задней горницы».
⁵Тут она и побежала говорить:⁵
 «Долгожданный гость да старо-прежний».⁶

(«Любовная старина», — сказала дочь (?). — Любовна-то любовна.

Я бы знала, да мне не рассказать.)

Олешенька пришол и посмеялся. Перемёт пришол. Тоже забрякал за колечушко. Они-то этого не чули. Племянница не отворила, пришла, сказала. Она тогда и спрятала, а она побежала,
⁴⁰ открыла. А у его было всё развешено, сибирочка.

- «Чья это сибирощька на спичецьке?» —
 «Были бабушкины детоцьки,
 Оставили (сибир)очку на спичецьке». —
 «Чьи это сапожоць(ки) у кр(овато)цьки?» —
⁴⁵ «Были ба(бушкин)ы детоцьки,
 Остави(ли) сапожо(цьки) у кр(овато)цьки».

Вся одежда была развешена и шляпоцька. Она всё говорила, что это ба⟨бушки⟩ны де-тоць⟨ки⟩. Она завертела его в постель. Не знаю тут, не помню, как они боролись. Он ее убил или обоих.

№ 96

- Да што о вёшном-то было праздниcke, о Троице
 И да нападала тут порошица снежку белого.
 Да што по той ли по порошице да по белú снежку
 И да шло, прошло два брателка, два названье,
 5 Ай да два названы те брателка, два крестовые,
 А да Перемятушка¹ идет да ко Божьей церквi,
 А Чурилушко² идет к Чуриловой молодой жены.
 А да што заходит Чурилушко² на крылечушко,
 А да он похватыват за ремешочик из семи шелков,
 10 Ай да он колотится Чурилушко² о колечушко.
 А да выбегает тут Авдотья да доць Микулисна:
 «А да што кто это у новых сеней у нас колотится,
 Ай да у того же у колечушка у серебряна?»
 «А да отворь-ко-се, Авдотья, доць Микулишна,
 15 А да што идет-то к тебе да небывалой гость,
 Ой да небывалой-от гость, да старой прежной друг».
 А да што заводят Пермяту во нову-то горницу,
 Она укладывает Пермятушку на кроватоцьку.
 А да как стоит у нас Чурилушко во Божьей церквi,
 20 А да што стоит-то, со слезами Богу молится.
 А да што вси это Чурилушку в глаза насмеваются:
 «Э да ишо есть у тебя, Чурилушко, у твоей да молодой жены
 А да ишо есть-то у ней да небывалой гость,
 Ай да небывалой-от гость да старой прежной друг».
 25 Ай да не дослушивал Чурилушко пенья церковного,
 Ай да ишо пуце не дослушивал звону колокольного,
 А да ишо крест-от кладет да по-писаному,
 Ай да поклон-от ведет да по-уцёному:
 «Ай да вы простите-тко, народы да православные»,
 30 Ай да вот идет-то Чурилушко к домику благодатному,
 Да он колотится Чурилушко у новых сеней,
 Э да у того же у колечушка да у серебряна,
 Ай да он подхватыват за ремешоцик из семи шелков,
 Э да выбегает тут ведь и девушка его племянница:
 35 «А да ишо кто это у новых сеней у нас колотится,
 Э да у того у колечушка серебряна?»

- «Да отворь-ко-се, любима моя племяненка,
А да ишо где твоя родима-то тётенька?»
«Да она стоит-то в своей да в спальне-горнице,
40 И она стоит-то, со слезами Богу молится».
И вот да заходит Чурилушко в свою да спальню-горницу:
«Ай да ишо чьи это сапожички лежат под кроваточкой?»
«Ой да ишо были тут бабушкины ребятушки, оставили».
«Ой да ишо чья это шапочка пятьсот рублей?»
45 «Ай да ишо были тут бабушкины ребятушки, оставили».
«Ай да ишо чья-то это шубочка черных сóболей?»
«Эй да ишо были тут бабушкины ребятушки, оставили».
И тогда вскакивал Пермята со кроваточки,
И да ишо пал-то Чурилушке во резвьí ногí:
50 «И да ты прости меня, Чурилушко, вино-виноватого,
А да што зашел-то к твоей да молодой жены».
Э да тогда выхватывал Чурилушко саблю вострую,
Ай да ишо ссек у Пермяты-то по плечи голову.
Ай да говорила тут Авдотья доць Микулисьна:
55 «А да уж мы станем собирать пир на вёселе,
Эй пир на вёселе собирать да пир на радостях».
Ай и што тут чару подносит да пива пьяного,
А што втору чару подносит да зеленá вина,
А што третью-ту чару подносит да зелья лютого.

№ 97

- Нападала порóшка снегу белого,
Как по той-то по дорожке шло два прохожих,
Два прохожих, два брата нáзванных.
Как один-то шел Алёшенька Попович,
5 А другой-то шел Чурилушка Пленкóвич.
Как Алёшенька-то шел Попович во Божью церкóвь,
Он ко той ли ко ранней ко заутрени,
А Чурилушко Пленкóвич шел к широку́ двору́,
К широку́ двору́ да Вадихмáтьеву.
10 Заходил он на нóво на крылечушко,
Он дерьгал во ремёшечек семишóлковый,
Брецял он во колечушко во серебряно.
Выбегала тут девушка служаночка,
Молодая Вадихмáтьева племяненка,
15 Выбегала она и спрашивала,
Открывала окошечко немножечко:

- «Кто дерьгат за ремёшечек семишóлковый?
Кто бречит во колечушко во серебряно?»
Тогда спрашивал Чурилушко Пленкович:
- 20 «Где твой дяденька Вадихмётей Иванович?» —
«Мой дядюшка во Божьей церкви,
Ушел ко ранней он ко заутрени». —
«А где твоя родима дёденка?» —
«Моя деденка во своей спаленки:
- 25 Затеплены лампадочки хрустальные,
Засвечены свешши да воску яровы,
Она стоит, моя дёдинка, Богу молитсе». —
«Ты поди скажи своей дёденке,
Что пришел к ей дорогой же гос<т>ь,
- 30 Дорогой к ней гос<т>ь да старо-прежной друг,
Чурилушко, — говорит, — Плёнкович». —
Тогда закрывала девушка окошечко,
Побежала к своей дёдинки во спаленку,
И тогда-то она говóрила:
- 35 «Ты поди-тко-се, родима дёденка,
Пришел к тебе старой прежной друг,
¹Старой прежной друг, ¹дорогой к тебе гос<т>ь,
Чурилушко, — говорит, — Плёнкович». —
Тут гасила лампадочки хрустальные
- 40 И гасила свешши вóску яровы,
И стречала она дорогá гостя,
Своего старого прежнего друга
Чурилушку Пленкóвича,
И вела она в свою спаленку.
- 45 Заходил-то Алёшенька Попович во Божью церкóвь,
Становилсе он против Вадихмáтья да Ивановича:
«Стоишь ты, Вадихмáтей Иванович, Богу молишьсе,
Ты не знашь, — говорит, — и не ведаешь,
Что в твоём доме деетсе —
- 50 Как к твоей да к молодой жоны
Как пришел-то к ней да старо-прежной друг,
Старо-прежной друг — дорогой к ей гос<т>ь,
Как Чурилушко-то Плёнкович». —
Тут крутёхонько собралсе
- 55 Вадихматей-то Иванович из Божьей церквы,
Как скорёхонько помчалсе к широку двору,
Заходил он на нóво на крылечушко,
Как дерьгал за ремёшек семишóлковой,
Он бречал-то во колечушко серебряно.

- 60 Выбегала тут девушка служаночка,
 Молода, — говорит, — Вадихматьева племёненька,
 Открывала окошечко немножечко,
 Говорила она таковы слова:
 «Кто, — говорит, — дерьгат за ремёшечек семишóлковой?»
- 65 Кто бречит во колечушко во серебряно?»
 Тут сказал Вадихматей Иванович:
 «Открывай-ко-се мне широки́ двери».
 Убежала тут девушка служаночка,
 Молода Вадихматьева племяненька,
- 70 Убежала она к своей дедёнке.
 Приходил Вадихматей Иванович,
 Приходил к женину спаленку,
 Приходил, он у ей и спрашивал:
 «Чьи сапожки у приступочек?» —
- 75 «А были, — говорит, — бабушкины деточки,
 Сапожки у приступочек оставили». —
 «А чья шубочка на спицецьке?» —
 «А были бабушкины деточки,
 Шубочку на спицецьке оставили». —
- 80 «А чья, — говорит, — шапочка на спицецьки?» —
 «А были бабушкины деточки
 И шапочку на спицецьке оставили». —
 «А кто у ты во мягкой во периночке?»
 Выходи-тко-се, ты² детинушка незваной гост^(т)ь,
- 85 Как незваной гость, нечóстован!
 Ты поди-тко, детинушка, на широкой двор,
 Я отрублю твою буйну голову».

(И боле всё. Верно, срубил буйну голову. Слышала от деда Федора Тимофеевича [Пономарева] и матери своей Марии Федоровны, от тетки своей Натальи Федоровны, обе ему дочери были.)

СОРОК КАЛИК (№ 98—103)

№ 98

- Собираласе дружиночка и хоробрая
 Из того жо манастиря Вальньского,
 Собиралосе сорóк калик да со каликою.
 Они брали себе суночки-котомочки-то рыта бархаты,
- 5 А как лямо́чки у сумо́чек шолко́вых,
 А как в лямо́чки было сажо́но по камню само́цветному.

- А как надевали суночки на плечи на могучия
 А да брали во правы́ руки копыица вострыя.
 Как пошли калики путём-дорогою,
 10 Выходили калики на шóломя, да на окатину,
 А к тому жо кресту всё Леванидову,
 Они помолилися кресту да приложилися,
 Они стали калики во единой крут.
 Говорил тут Касьян да немилóсливой:
 15 «Уж вы гой еси, дружиночки-то вы хоробрья!
 Уж мы выберём меж собой атамана жа,
 Уж мы выберём промеж собой податáмания».
 Как выбирали туто атаманом Касьяна немилóслива,
 А податáманьём Михайла Михайлова.
 20 А как гóворил тут атаман да немилóсливой:
 «Уж вы гой еси, дружья́-то вы хоробрая!
 А как мы положим прóмеж заповедь великую:
 А шьто нам ведь не ходить не под цярьско́й суд, не под княжеско́й,
 Али кто как из нас заплутуи́тсе ели заворуи́тсе,
 25 Не ходить-то нам под цярьско́й суд, не под князь-бояр —
 Таковáго будём судом своим судом,
 Всё своим будём судом судить да во чистóм поли:
 Во-первь́их, будём силитру жегчи на белы́х грудях,
 Во-вторых-то, будём язык тянуть из ко́ренья,
 30 А как ясны очи тянуть косицеми,
 Ретивó серьцё да промежду ребра,¹
 А тогда отсе́кци ёму руки белыя да ноги резвья,
 Вдосталí отсе́кци бу́йну голову,
 Розмётать ёго да по чисту́ полю
 35 А серы́м ёго волкам на тáсканье,
 А черны́м ворона́м на кúрканье».
 Как пошли тут калики путём-дорогою,
 А да как стречалась им стретá немалая,
 А немалая стретá, да сам Владимир-князь
 40 Со своима-ти с князёми и с боярами,
 А с могучима сильнима богáтыри.
 «Уж ты здраствуй-ко, Владимир-князь да стольнё-киевско́й,
 Со своима-ти с князьями-ти, всё бо́яры!» —
 «Уж вы здраствуй-ко, калики-гости перехо́жия!
 45 А куды у вас путь лежит, дорога-й-а?» —
 «А лежит наш путь-дорожка, во первь́их-то, в красен Киев-град —
 А да тут светым местам да помолитисе.
 А да вдóстали наша дорожка долгая,
 А как долгая дорожка, дальняя,

- 50 А да вдоста́ли ити в Ерусалим-от град —
 А как Господнему кресту да поклонитесе,
 Ко Господне́му-то гробу приложитесе,
 Как тут по святым местам да помолитесе». —
 «Вы добро́-то, калики, думайте,
- 55 А Господь-от вам даст поры и времени.
 Говорил-то Владимир таковы речи:
 «Уж вы го́й еси, калики перехо́жия!
 Уж вы спойте-тко-то, братцы, мне Еле́ньской стих:
 Навеку-ту я не слы́хал стиха Еленьско́го».
- 60 А как тут калики друг на дружку запоглядывали,
 А как суночки снесли с могучих плеч,
 Востры копы́ця потыкали да во сыру землю,
 А как суночки повесили на копы́ця,
 А как становилисе калики во единой круг,
- 65 Как запели калики стих Еле́ньския,
 А как мать сыра земля затряса́лесе да сколыбалесе,
 И в реченьки вода да сколыбалесе,
 А у князя с плеч да покати́лесе буйна го́лова́,
 Подломи́лесе у ёго да ножки резвыя.
- 70 А под правую руку подхватил да старая стары́ньшина,²
 Под леву́-ту руку подхватил Добрынюшка Микитич млад,
 За серёдо́чку-ту захватил Олёшенька Поповско́й сын.
 Говорил тут стары́й казак да Илья Муроме́ць:
 «Уж вам полно, вам братцы-калики, петь стиха Еленьско́го!
- 75 Покати́лесе у князя с плеч да буйна го́лова́,
 Подломи́лесе его да ножки резвыя».
 Перестали тут калики петь стиха Еленьско́го,
 Надевали суночки на плечи свои на могучия,
 Они брали востры копы́ця да во праву́ руку,
- 80 Как просили у князя милостины спасёныя:
 «Уж ты го́й еси, красно солнышко, ты Владимир-князь!
 Ты подай жа нам милостину спасёную
 А как ради самого Христа Небесно́го».
 Отвечает им Владимир-князь да сто́льнё-киеско́й:
- 85 «Уж вы го́й еси, калики перехо́жия!
 А подать-то у мня топере вам-то нечего,
 У мня золотой казны при себе не пригодилосе.
 Вы подите-тко топере в красен Киев-град,
 А подите ко мне да на широкой двор,
- 90 А во ти полаты княжене́цкия.
 А как примёт вас Опраксея-королеви́чня,
 А накормит вас ве́дь до́сыта,

- Напойт вас она ведь допьяна,
Она много вам подаст да золотой казны».
- 95 Как пошли-то калики путём-дорогою,
А приходят они в красён Киев-град,
А как в красён Киев-град, ко князю на широкой двор,
Заходили в ти полаты в княженевськія,
Они молилися Спасу всё Пречистому,
- 100 А как Матери-то Божьей Богородици.
А как бьют челом кнегины Опраксеи-королевичны:
«Уж ты здрастуй-ко, кнегиня Опраксея-королевичня!
Ты напой-ко нас, калик да переходя, я,
А подай ты нам-то милостину спасёную:
- 105 Приказал-то нам Владимир-князь».
А да напоила их ведь, накормила жа,
А дала им милостину спасёную,
А да как сама почивать пошла,
А да почивать пошла да в спальню горницу,
- 110 А послала тут ведь всё кухарку жа,
Приказала привести-то к себе в горницу
А того жо старшого подъятаманья.
«Ты поди-тко, Михайло Михайлович,
А зовёт тебя Опраксея-королевичня:
- 115 У ней есть с тобой наказ — наказывать».
А как тут Михайлушко да не ослышился,
А пришол-то к кнегины в спальню горницу.
А как захватила тут Опраксея-королевичня в охачку:
«Повалимсе, Михайло, спать со мной на тёмну ночь».
- 120 А не согласилсэ с ею спать на тёмну ночь,
Убежал-то он из спальнѣй вон.
А как тут Опраксеи за беду да показалосе,
За великой стыд да показалосе:
Приказала Михайлушку в кошáлечку полóжить всё златú чашу,
- 125 Из которой чары по приезду пьют.
Положили тут чару в суночку Михайлушку.
Как ставают калики тут по úтру всё по ранному,
А походят тут калики в путь-дороженьку,
А прошшаютьсе с Опраксеей с королевичней.
- 130 А да как они ушли да с широка двора,
А во ту пору, во то время приехал сам Владимир-князь,
А спросил-то той золотой чары —
А с дороги ёму выпити.
Не нашли они да той златой чаши.
- 135 Говорит тут Опраксея-королевичня:

- «Видно, у нас украли калики переходящие».
 Говорил-то Владимир таковы слова,
 А да таковы слова, да таковы речи:
 «Уж ты гой еси, Олешенька Попович жа!
 140 Состыдй-тко-се³ калик да переходящие:
 Не унесли ли моей златой чаши?»
 А как тут Олешенька да не ослышилсэ,
 А как скоро побежал да на широкой двор,
 Обуздал, оседлал добра коня,
 145 А он скоро скакал да на добра коня,
 А поехал в сугон да за каликами,
 Увидал-то калик — идут путём-дорогою:
 «Уж вы стойке-ко, воры калики переходящие!»
 Как остоелисе калики переходящие,
 150 Ише тут каликам за беду да показалосе:
 Как стёгали, толкали Олешеньку Поповича.
 А поехал Олешенька ко городу ко Киеву,
 А ко ласкову князю да ко Владимиру,
 Росказал Олешенька да про своей поступок жа.
 155 Говорил Владимир да таковы речи:
 «Уж ты гой еси, Добрынюшка Микитич млад!
 Поезжай скоро за каликами да переходящими,
 Допроси их да потихошенько».
 А поехал Добрыня путём-дорогою,
 160 А согнал он калик да на чистом поли.
 Подъезжает он ко каликам-то ближехонько,
 Говорил-то им да потихошенько:
 «Уж ты гой еси, атаман Касьян да немилосливой!
 А как не взял ли кто у нас чаши князя Владимира?»
 165 А как говорил тут Касьян да немилосливой:
 «Уж вы гой еси, моя дружья-товарышши,
 А да вси наши калики переходящие!
 А пос'〈ы〉лат посла да во второй након —
 Кто ли из вас взял да золоту чашу?»
 170 Осмотрите-ко вы суночки-котомочки».
 А как зачели сымать они суночки-котомочки с могучих плеч,
 Они стали в суночках друг к дружки всё высматривать:
 А нашли эту чарочку тут у Михайла Михайлова,
 У того жо у полуатаманья жо,
 175 А как отдали Добрынюшки злату чашу.
 Взял-то Добрынюшка злату чашу,
 Он поехал-то ко городу ко Киеву.
 А как розъдевали тут Михайлушка донага,

- А как жгли селитру-ту Михайлу на белых грудях,
 180 А тянули очи его косицами,
 Ретиво сердце промежду ребра,
 А да тут отсекли ему руки белья,
 А да как отсекли ему ножки резвья,
 А отсекли ему буйну голову,
 185 А бросили его во чистом поли.
 А как пошли тут калики переходя,
 Как послал тут Бог Господь да с неба ангела
 Оживить тут Михайлушка Михайлова,
 Шьто бы⁴ убили по-напрасному.
 190 Как будто Михайлушко от сна да пробужаитсе,
 А одел-то он своё-то платье цветное,
 А надел он суночку-котомочку на могучи плечи,
 Побежал он состыгать братьей-товарышшов:
 «Уж вы гой еси, братья-товарыши!»
 195 А пошьто меня оставили в чистом поли?»
 А как тут калики испугалисе,
 А как думали бежит да всё ведь блазник жа.
 (Мертвой.)⁵
 А они присекли его опеть намелко,
 Розьметали его во чистом поли.
 200 Как ушли калики от Михайлушка,
 А Господь-от ему послал ангела,
 А как взял-то Михайла склал да во едно место,
 А он дунул-то его Святым Духом.⁶
 А как тут-то Михайло как от сна пробудилсэ жа,
 205 А как взял свою сумку-котомочку да востро копьеце,
 А как шол он состыгать свою дружью-братьей-товарышшей,
 А кричал-то он да громким голосом.
 А как остояласе калика переходя,
 А говорил Касьян да немилосливой:
 210 «Это нам, братцы, чудо чудитьсэ.
 А не понапрасну ли мы рубили Михайла Михайлова,
 А не ложь ли кака есть от княгины-королевични?»
 А как пришол Михайлушко к товаришшам,
 Во перьвых-то падал во резвыи ноги Касьян да немилосливой:
 215 «А прости миня, Михайло, во перьвом греху,
 А прости миня, Михайлушко, да во втором греху».
 А как падали в ноги вся дружин' (а), братья-товарыши,
 А как вси калики переходя:
 «А прошшай-ко нас, Михайло, во таком греху!» —
 220 «Уж вас Бох простит да во таком греху!

Я прошшаю вас да во таком греху.
 Я терпел-то ето по-напрасному:
 А я того дела не дельывал,
 А я той златой чаши да не воровывал,
 225 Себе в суночку-котомочку не кладывал».

№ 99

А и было сорок калик да со каликою.
 Собиралисе калики всё во единой круг,
 Во единой же круг они, на зелёной луг,
 Они кóпьеця во землю всё испоставили,
 5 Они сумоцьки-котомочки исповесили,
 У их суночки-котомочки рыта бархата.
 Выбирали они да атамана-та,
 Атамана выбирали Касьяна Немилóсьлива,
 Подъатаманья — М⟨ихайлушка⟩ всё Касьяновича.
 10 Они клали-то меж собой заповедь великую,
 Да велику они заповедь, немалую:
 «Ишшѣ хто у нас ведь,¹ братцы, заворуѣт жа,
 Ишшѣ хто у нас, братцы, заплутуѣт как —
 Мы вкопа⟨е⟩м того во матушку в сыру землю,
 15 Мы вкопа⟨е⟩м тогда во матушку сыру землю по поясу,
 Уж мы будѣм судить-то, братцы, своим судом,
 Поведѣм-то мы, братцы, не под царьской суд,
 Не под царьской-от суд-от да не под княжеськой:
 Мы из рук возьмѣм, из ног-то жильѣ вытянѣм,
 20 Отсекѣм возьмѣм по плець-то мы буйну голову».
 А идут они ко городу всё ко Киеву.
 Как навстречу им, встречу всё стрецялса-то
 Как² по имени Добрынюшка Никитиць млад
 Да по имени Олѣшенька всё Поповиць млад,
 25 Да ишшѣ-то везут они с собой, с има —
 Как позади-то едет³ князь Владимир-свет.
 Они кланелись каликам до низкóй земли:
 «Вы куды пошли, калики перехожая,
 Перехожи ли калики, переброжая?»
 30 Отвечали калики-ти двум богатырям:
 «Мы пошли-то молитыце к мошшам прецистыям,
 Мы идѣм-то молитыце в Киев-манастырь,
 Мы к Онтонью, к Феодосию помолитисе,
 Во святых пещерах всим-то святым помолитисе,
 35 А оттуль-то пойдѣм в Ерусалим всё град,

- В Ерусалими-то гради тоже молитъце натъ,
 К <Г>осподню же гробу-ту приложитесе.
 И подайте нам милостинку спасёную».
- Говорил-то Добрынюшка Никитиць млад,
 40 Говорил-то Алёшенька Поповиць млад:
 «У нас нету при собе-то, калики, золотой казны,
 Подождите вы всё же князя Владимира —
 Он ведь скоро ведь к вам-то сецяс прика́титцэ».
 Приежает Владимир-князь стольнѣ-киевськой.
- 45 Они кланелись, калики, ему жо до низкѣй земли:
 «Уж ты здрастуй-ко, красно наше солнышко,
 Ты Владимир же, князь наш стольнѣ-киевськой!
 Ты подай-ко нам милостину спасёнаю».
 Подаваёт князь милостину спасёную,
- 50 Подаваёт ведь им да красна золота,
 Говорят тут калики всё перехо́жия:
 «Да спасѣт-то тебя-то как Боже <Г>осподи!»
 Говорил-то Владимир всё таковы реци:
 «Уж вы спойте-тко, калики перехо́жия,
- 55 Уж вы спойте-тко, мне да всё Елѣньской стих».
 Как запели калики всё перехо́жия,
 Перехо́жи калики, всё перебро́жия, —
 Мать сыра же земля та потресаласе,
 Под одну руку дѣржит Владимира,
- 60 Под праву́ руку дѣржит Добрынюшка Никитиць млад,
 Под леву́-ту руку дѣржит Олѣшенька Поповиць млад:
 Покатилась у Владимира с плець да буйна голова.
 Унимаёт⁴ Добрынюшка всё Никитиць млад:
 «Перестаньте⁵ петь, калики перехо́жия:
- 65 Ишше князь-от Владимир цють он жив стоит».
 Перестали петь калики всё перехо́жия.
 Говорит-то Владимир-князь стольнѣ-киевськой:
 «Вы подите, калики вы перехо́жия,
 Вы подите, калики, вы к моей-то кнегины-то,
- 70 Вы ко той ли к Опраксѣи всё королевисьни,
 Напои́т вас кнегина у мя, накормит всех
 Да подаст-то вам милостину спасёную».
 Как пошли-то калики всё перехо́жия,
 Как приходят они-то всё в красен Киев-град,
- 75 В красѣн-от град, ишше в матушку каменну́ Москву.
 Как приходят они скоро под окошоцъко,
 А запели у полат-от всё у царьскихх,
 А запели они-то славно́й Елѣньской стих.
 А увидяла⁶ Опраксея-то королевисьня,

- 80 Подавала она милостинку спасёную,
Приказала заходить-то в полаты княжененския,
Она садила калик-то всё за дубовы́ столы,
Що за те ли за скатерти всё за бранья.
Ище стали калики да всё роздеватисе,
- 85 Они стали-то <Г>осподу молитисе:
Они крест-то кладут да по-писа́ному
Да поклон-от ведут они по-учёному,
Поклоняютце они всё Спасу Пречистому
Да сядятце⁷ они да всё попить, поис<т>ь,
90 Всё попить, поис<т>ь-то они, покушати.
А отпили, отъели они, откушали,
Благодарят Опраксею всё королевисьню.
Опраксея-та тут да им все сговори́ла:
«Уж ты гой еси, Михайлушко сын Касьяновиць!
- 95 Оставайтесь-ко вы нацевать же все».
А Михайлушко был-то всё красафциком,⁸
Красота-та в ём была в лицы непомерная,
На Михайлушка царица-та все обзари́лась:
«Ты пойдём со мной, Михайлушко, во полаты княжененския:
- 100 Мне-ка надоть с тобой-то слово вымолвить».
Да Михайлушко всё он да не цюс<т>вуёт,
Как Касьяновиць он не понимает ето,
Да зовёт, думат, царица по-хорошому.
Как приходит к царици-то в спальню хорошую,
- 105 Говорит ему царица всё речи безумныя,
Всё безумныя речи да беспонятныя:
«Я прельсти́лась, Михайлушко, на твою красу».
Как зовёт она его к себе на кровать всё спать.
Тут Михайлушко всё да испугаитце,
- 110 Тут Касьяновиць всё перепада́итце,
Убежал от Опраксеи от королевисьни
Ко своей-то ко мла́дой ко дружиниушки.
(Ко каликам, — молодья были.)
Сам горяцима слезами весь обливаитце:
Он ведь молит за ей всё Бога Господа,
- 115 Он ведь Матерь Прецисту-ту Богородицу:
«Ты прости, Боже, царицу в злом помышлении,
Ты ведь в глупых рецях да в непросты́мых».
Он ведь сам-то не спит да Богу молитце.
Понёсла на ето зло-то Опраксея-королевисьня,
- 120 Подговори́ла Олешеньку всё Попови́ца:
«Принеси-ко Михайлушкову ко мне сумоцьку,
Принеси ты Касьяновица котомоцьку».

- Он ведь скоро приносил к ёю потихошеньку,
 Роспороли они сумоцьку рыта бархата,⁹
 125 Положили они-то всё золотú цяшу,
 Из которой князь Владимир всё по приезду пьёт,
 Зашивали ведь суноцьку всё иголоцькой.
 А Михайлу-ту Касьяновицю не спитце-то
 Перед великой напраслиной, изнева́гушкой.
 (В стариньí поётъце.)
- 130 «Мы пойдёмте-тко, Касьянушко Немилóсливой,
 Ишше полно спать в полатушках проклаждатисе!»
 Они скоро калики-ти всё ставали все,
 Они скоро калики-ти одевалисе,
 Они скоро калики да ропрошалисье,
 135 Со кнегиною они больше прошшалисье.
 После их наехал князь из цистá поля,
 Заискали-то тут ведь золотой цяшы,
 Из которой князь Владимир-от по приезду пьёт.
 Ищé Олёшенька да скоро сказыват,
 140 Принимает грехи-ти на свою душу:
 «Етта¹⁰ было у мня, князь, сорок калик в гостях,
 Унесли-то они, верно, твою цяшу».
 Посылал князь Владимир-от он скорых гонцев,
 Как нашли ету цяшу да у Михайлушка.
- 145 Да судить стали Михайла они своим судом:
 Закопали Михайлушка во сырú землю,
 Да вкопали Михайлушка в землю по поясу
 Да отсекли¹¹ ёго взели буйну голову,
 Прирубили-присекли всё на мелкí части.
 150 Ише сами пошли-то Богу молитисе,
 Ко тому пошли к Онтонью, всё к Феодóсею.
 Помолились они да попрошшалисье.
 Как пошли они ведь скоро да из пешшеры-то:
 «Приворотимте ко Михайлушку на могилу — нать».
- 155 А приходят к Михайлу-ту на могилу-ту —
 Да Михайло-то стоит-то всё живёхонек,
 Да живёхонек стоит он, здоровёхонек.
 (Ожил Святым Духом,¹² в ко́и пор¹² они ходили в манастырь.)
 Красота-та во лици не утераласе.
 «Уж вы шьто от миня, братцы, убежали-то?»
 160 Они стали прощатъце тут со слёзами всё.
 Говорит-то Михайлушко такovy реци:
 «Мы пойдёмте-тко, братцы, в красён Киев-от град,
 В красен-от Киёв-град пойдём, в матушку каменú Москву
 Мы не ради Опраксеи да королевисньи,

- 165 Хоть мы ради пойдёмте князя Владимира:
Розгнилась ведь Опраксеюшка-королевисьня,
За грехи-ти ведь всё же пала в гноишшо,
Как Владимир-от князь от нее отступилсэ-то:
Посмотрять-то зайдёт он — нос завязывают.
- 170 Я дуну-то на её-то на грешно́ тело».
Как приходят-то они в красён Киев град,
Ише прямо ко князю свету-Владимиру,
И Владимир стрещят их от всей радости:
«Вы не можете ли, калики, да излищить у меня,
175 Излищить-то Опраксеи всё королевисьни?»
И пришол-то Михайлушко, слёзно Богу молитце,
Он ведь дунул своим-то всё Святым Духом.
У ей свалились коросты да ведь вси от ей,
Она сделалась ведь¹³ здрава-здоровёхонька.
- 180 Наредилась она в ризы дравоценныя,
Наредиласе, сама ведь не постыдиласе,
Входит, каликам-то низко кланялась:
«Уж ты гой еси, Михайлушко Касьяновиць!
Ты просьти миня,¹⁴ в вины¹⁴ грешно виноватыя,
- 185 Ты просьти миня ише́, Михайлушко, во второй вины:
Пристыдила я твоё лицо непорочнаё,
Пристыдила я тебя-то рецьми напрасныма.
Ты просьти миня, Владимир-князь стольне-киевськой:
За Михайлушка-та я ведь пала́ во гноишшо.
- 190 Я обзарилась, Михайлушко, на твою красу».

№ 99а

♩ = 84

1. Бы - ло со - ро-к(ы) ка - лик, бы-ло со ка - ли - ко - ю.

2. Со - би - ра-ли-се ка - ли - ки да во е - ди - ной круг,

3. Во е - ди-ной круг ка - ли - ки да на зе - лё - ной луг.

№ 100

- Собиралосе вѣдь, братцы, сорок царей,¹
 Ишше сорок калик, братцы, со каликою.
 Становилисе калики на зелѣной луг,
 На зелѣной луг сами во единой круг,
⁵ Выбирали промежѹ они де атаманушка,
 Атамана выбирали с подъятаманьѣм:
 Атаманом был Михайло Михайлович сын.
 Они клали промежу заповѣдь великую,
 Ише клали они заповѣдь промежѹ собой:
¹⁰ «Ише хто-то из нас, братцы, заворуитце,
 Ише хто-то из нас, братцы, заплутуитце,
 Ише хто-то из нас, братцы, за блудом пойдѣт —
 Не ходити-то нам, братцы, не под царьскій суд,
 Не под царьскія суд-от да не под княжеской,
¹⁵ А судити-то мы будѣм промежѹ собой:
 Да рѣтиво-то серъдечушко промежу плечи,²
 А речист-от язык, братцы, тянуть тѣменѣм,
 Да жегчи-то на белѣх грудях селитрушка,
 А ломать на правом боку рѣбрьшка,
²⁰ Вдосталѣ-то отсеци буйну головушку».
 Собиралисе калики перехожая,
 Ай пошли эти калики в красѣн Киев град.
 Да настрету им Владимѣр стольнѣй-киевской,
 Ише сам говорил им таково слово:
²⁵ «Уж вы здрас(т)вуйте, калики перехожая!
 Вы откуль идѣте, калики, куда путь лежит?»
 Отъвечали-де калики перехожая:
 «Мы идѣм от креста от Клядовѣтова,
 Да пошли мы ко городу ко Киеву
³⁰ Ишше Восподу Богу помалитисе,
 Ко Восподнѣму гробу приложитисе,
 Во Ердань во рекѣ-то да покупатисе».
 Говорил тогды Владимѣр стольнѣй-киевской:
 «Уж вы вой еси, калики перехожая!
³⁵ Уж вы спойте, вы калики, да мьне-ка Елѣньской стих:
 Не слыхал я от рѣду стиху Елѣньсково».
 Становилисе калики на зелѣной луг,
 На зелѣной-от луг сами во единой круг.
 Они посохи-ти в землю испотѣкали,
⁴⁰ Они суночки-котомки исповѣсили,
 А запели-де калики стих и да Елѣньскія,

- Ишше мать сыра земля под има потресаласе.
 А упал тогды Владимир на сыру землю,
 Ишше сам он говорил им таково слово:
 45 «Уж вы вой еси, калики перехоžia!
 Ишше полно вам петь стиху да Еленьсково!»
 Перестали-де калики перехоžia.
 Говорил тогды Владимёр стольнёй-киевской:
 «Уж вы вой еси, калики перехоžia!»
 50 Золотой казны с собой у мя не случилось,
 Именьиця при мне не пригодилосе.
 Да подите вы, калики, в красён Киев-град
 Ай ко той же Опраксён-королевисьни,
 Ай просите вы милосътины спасёныя,
 55 Ай спасёныя милосътины, тружо́ныя».
 Да пошли ети калики в красён Киев-град,
 Ай Владимёр-от поехал, куда путь лёжит.
 Да пришли ети калики перехоžia,
 А пришли ети калики в красён Киев-град,
 60 Да пришли они ко гривни княженевськии,
 Ишше прося(т) они милосътины спасёныя,
 Ай спасёныя милосътины, тружо́ныя,
 Ишше для-ради Христа Царя Небесьного,
 Ишше для-ради ведь Божьею Богородицы.
 65 Услыхала Опраксеюшка-королевицья,
 А сама де говорила таково слово:
 «Добро жаловать, калики, хлеба-соли ис(т)ь,
 Хлеба-соли-то ис(т)ь-то да вина с мёдом пить!»
 Да зашли ети калики перехоžia,
 70 Ай зашли ети калики во гривню княженевськую.
 Да живут ети калики-ти по перьвой день,
 Да живут ети калики по вто́рое.
 Говорила Опраксея-та королевисьня:
 «Уж ты вой еси, Михайло ты Михайло́виць сын!»
 75 Ты пойдём ко мне во спальню-ту княжоневськую,
 Ишше спи-тко во спальни княжоневския».
 Ишше етому Михайлушко не ослышилсэ,
 Да пошол-то он спать в спальню княженевськую.
 Говорила Опраксея-королевисьня:
 80 «Уж ты вой еси, Михайло да Михайло́виць сын!»
 Сотворим-ко-се любовь со мной сердесьнюю».
 Говорил тогды Михайло-то Михайло́виць сын:
 «Ай нельзя мне сотворити любовь сердесьния —
 У нас клáдена заповедь великая,

- 85 Ише заповедь кладёна промеж́у собой:
 Ише хто-то из нас, братцы, заворуитце,
 Ише хто-то из нас, братцы, заплутуитце,
 Ише хто-то из нас-то да за блудом пойдёт —
 Не ходити-то нам будёт не под царьской суд,
 90 Не под царьския суд-от, не под княжеской,
 А судить-то мы будём всё своим судом:
 Да речист-от язык станем тянуть теменём,
 Ясны очи-ти потянём мы косичеми,
 Ай ретиво-то сердечушко промеж́у плечи,
 95 Да жегчи́ станём селитру-ту на белых грудях,
 Вдостали́ станём отсека́ть буйну головушку,
 Да оставим мы того всё во чистом поли».
 Говорила Опраксея-та во второй након,
 Говорила Опраксея-та во третей након:
 100 «Сотворим-ко-се любовь со мной сердечную».
 Отказалсэ Михайло Михайлович сын.
 Ише стали-де калики собира́тисе,
 А пошли эти калики из города из Киева.
 И во ту же во пору и во то время
 105 Положила-де Опраксея-королеви́чня
 Ко тому же ко Михайлуйшку ко Михайлову
 Ай во ту же ему во суночку, во котомочку
 Ише ту же она чашу красного золота,
 Из которой чаши Владимир по приезду пьёт,
 110 По приезду-ту пьёт, по отъезду пьёт.
 Да пошли эти калики во чисто полё.
 Да во ту же де во порушку, во то время
 Ай наехал-де Владимёр стольней-киевской.
 Ай встречает Опраксея-королеви́чня.
 115 Ише стал тогда Владимёр стольней-киевской,
 Ай спросил у '⟨О⟩праксеи-королеви́чни —
 Из которой он из чаши по приезду пьёт,
 Не нашли этой ведь чаши они негде ёю.
 Говорила Опраксея-королевисьня:
 120 «Уж ты вой еси, Владимёр стольней-киевской!
 Ишше были эта калики перехо́жия —
 Видно, взяли чашу твою они красного золота».
 Говорил тогда Владимёр стольней-киевской:
 «Уж ты вой еси, Олещенька Попови́ць сын!
 125 Поежжай-ко-се ты, съезди во чисто поле,
 Состыди-тко-се ты калик да перехо́жия,
 Не попала ли има чаша красна золота,

- И_з которой я и_з чаши по приезду пью?»
 И_шше в те поры Ол_ёша не ослышилс_я,
 130 Л_ёкко, скоро сам он скаче на добр_ом кони,
 Да поехал де Ол_ёша во чист_о пол_ё,
 Он наехал-де калик да перехо_жия,
 Он крычал, зычал тогда им зы_чьним голосом:
 «Уж вы воры, вы калики перехо_жия!
 135 Вы украли у Владим_ёра чашу красна золота,
 И_з которой де Владим_ёр по приезду п_ьёт».
 Услыхали-де калики перехо_жия,
 Становилисе калики на зел_ёной луг,
 Они на зел_ёной луг, сами во единой круг,
 140 Они копы-ти в зем_лю испотыкали,
 Они суночки, котомки исповесили,
 Да как вз_ели-де Ол_ёшу-ту за бел_ы руки,
 И_шше зтели Ол_ёшу со добр_а коня,
 Оттыка_ли Ол_ёше подштаники³
 145 И нахлопали Ол_ёше ж〈опу〉 д_окрасна.
 Да поехал-де Ол_ёша в крас_ен Киев-град,
 А_й приехал он ко князю ко Владим_еру,
 И_шше сам он говорил таково слово:
 «А_й не мог-то я состыкчи калик-то перехо_жия».
 150 Говорил тогда Владим_ёр стольн_ёй-киевской:
 «Уж ты вой еси, Добрынюшка да Микити_чь сын!
 Поезжай-ко ты, съезди во чист_о пол_ё,
 Постыди-тко-се калик да перехо_жия,
 Не попала ли им чаша красного золота?»
 155 И_ше в те поры Добрынюшка не ослышилс_я,
 Л_ёкко, скоро он вед_ь скачет на добр_а коня,
 А_й поехал Добрынюшка во чист_о пол_ё
 Да состык-то калик-то да перехо_жия,
 Он крычал, зычал каликам зыс_ьним голосом:
 160 «Уж вы стойте-тко, калики перехо_жия!
 Не попала ли вам в суночки-котомочки,
 Не попала ли вам чаша крас_ного золота,
 И_з которой де Владим_ёр по приезду п_ьёт?»
 Услыхали-де калики перехо_жия,
 165 Становилисе калики на зел_ёной луг,
 На зел_ёной луг калики во единой круг,
 И_шше копыця в_ь зем_лю испотыкали,
 И_шше суночки-котомки исповесили,
 Они стали-де искать сами промеж_у собой
 170 Во тих жа во суночках, во котомочках,

- Ай нашли как ету чашу красного золота
 У того-де Михайла Михайловиця,
 Ишше отдали чашу красного золота
 Ай тому же де Добрынюшки да Микитицю.
- 175 Ай Добрынюшка поехал в красён Киев-град,
 И привез-то он ко князю-ту да Владимиру,
 Ишше отдал он чашу красного золота.
 Ишше стали-де Михайлушка своим судом,
 Ишше судят-де Михаила Михайловиця:
- 180 Ай речист-от язык они тянут теменём,
 Ишше ясны-ти очи тянут они косичеми,
 Ай ретиво-то сердечушко промежү плечи,
 Вдостали тут селитру жгут на белых грудях,
 Вдостали-де как отсекали буйну ему головушку,
- 185 Ай оставили Михайлушка на чистом поли,
 Да пошли ети калики, куды им путь лежит.
 Недалёко ведь отошли они от Михайлушка —
 Состыгат их да Михайло Михайловиц сын,
 А крычит-то он, зычит им зычным голосом:
- 190 «Уж вы братцы-калики перехожия!
 Ай зачим меня оставили во чистом поли?»
 Услыхали-де калики перехожия,
 Становилисе калики на зелёной луг,
 На зелёной-от луг они во единой круг,
- 195 Они посохи-ти в землю испотыкали,
 Они суночки-котомочки исповесили,
 Ишше стали-де Михайлушка во второй након,
 Во второй након ведь стали ёго судить своим судом:
 Да речист-от язык они опять тянуть теменём,
- 200 Ишше ясны-ти очи тянут опять косичеми,
 Да ретиво-то сердечко тянуть они теменём,
 Они жгут-то селитру-ту на белых грудях,
 Вдостали-то отсекали буйну головушку,
 Ише сами де пошли, куды им путь лежит.
- 205 Ай состыг опять Михайлушко во второй након
 А крычит-то он, зычит им зычным голосом:
 4- «Уж вы братцы-калики перехожия!
 Ай зачим меня оставили в чистом поли?»
 Услыхали-де калики перехожия,
- 210 Становилисе калики на зелёной луг,
 На зелёной-от луг они во единой круг,
 Они посохи-ти в землю испотыкали,
 Они суночки-котомочки исповесили,

- Иише стали-де Михайлушка во третей након,
 215 Во третей након ведь стали ёго судить своим судом:
 Да речист-от язык они опять тянут тэменём,
 Иише ясны-ти очи тянут опеть косичеми,
 Да ретиво-то сердечко тянут они тэменём,
 Они жгут-то селитру-ту на белых грудях,
 220 Вдостали-то отсекали буйну головушку,
 Ише сами-де пошли, куды им путь лежит.⁴
 Да состыг-то их Михайлушко во третей након.
 Ай судили-де калики во третей након,
 Ай розьсекли, розметали его на мелки части же,
 225 Иише сами-ти пошли, куды им путь лежит.
 Да состыг-то их Михайлушко Михайлович сын:
 «Уж вы вой еси, вы братья-калики переходя!»
 Ай зачим же оставляете во чистом поли?»
 Становилисе калики на зелёной луг,
 230 На зелёной они луг стали во единой круг,
 Иише копыця-ти вь землю испотыкали,
 Они суночки-котомки исповесили,
 Иише сами говорили да таково слово:
 «Ты просьти-тко-се, Михайлушко Михайлович сын,
 235 Ты просьти-тко-се, Михайло, ты в таковой вины!»

№ 101

- Собираласе дружиночка, сорок калик,
 Уж как сорок калик-то да со каликою.
 Атаманом тут Касьян-то да сын Ивановиць,
 Подьтатаманье Михайлушко Михайлович-от.
 5 Они клали таку заповедь великую:
 «Ише хто-то из нас, братцы, заплутутьце,
 Ише хто-то из нас, братцы, заворуитьце,
 Ише хто-то из нас, братцы, за блудом пойдёт —
 Не ходить тогда ведь нам не под царской суд,
 10 Не под царской-от суд да не под княжеской,
 Ну такого человека судить своим судом:
 Ише ясны-ти оци тянуть косицеми,
 Да речистой-от язык тянуть тэменём,
 Да ретивоё сердечушко промежу плечи,
 15 Да жогчи будём селитрушку на белых грудях,
 Да отсэчки втепор да буйна голова,
 Розьметать ёго тело по чисту полю».

- Они здраво ¹идут-то¹ в полё чистоеё,
 Да пошли еги калики в Ерусáлим-град
- ²⁰ Они Господу Богу-ту помолитисе,
 Ко Господнѣму гробу-ту приложитисе,
 Во Ердань-реки-то да окупатисе.
 Им ведь стретилсэ Владимѣр на чистомъ поли,
 Скиниваѣт свою-ту шляпу пуховую:
- ²⁵ «Уж вы здрастуйте, сорок калик со каликою!» —
 «Уж ты здрастуй, наш Владимѣр да стольнѣ-киеськой!»
 Говорил-то им Владимѣр да таковы речи:
 «Уж вы вой еси, сорок калик со каликою!
 Уж вы спойте-тко мне стих Еленьския:
³⁰ Не слыхал-то я у вас стиху́ Еленьского».
- Становилисе калики во единой круг,
 Во единой круг калики-ти на зелѣной луг,
 Востры копыица в земьлю-ту испотыкали,
 Они суночки-котомочки исповесили,
- ³⁵ У их суночки-котомочки рыту бархату,
 А подсуночки у их-то де красного золота.
 Да как запели калики-то стих Еленьския,
 Уж как матушка сыра земля потряхаласе,
 Под Владимѣром конь-от подтыкаитьце,
- ⁴⁰ Да упал на коленки конь на сырú землю,
 Да упал-то Владимѣр-то со добра коня.
 Говорил тогда Владимѣр-от таковы речи:
 «Уж вы сорок калик-то да со каликою!
 Уж вам полно петь-то стих Еленьския,
⁴⁵ Не могу-ту я у вас больше слушати».
- Перестали калики петь стих Еленьския.
 Да ставал тогда Владимѣр на резвѣи ноги,
 Ише сам говорил-то таковы речи:
 «Да именья у мня в собой не случилосе,
- ⁵⁰ Золотой-то казны при мне не пригодилосе.
 Вы подите-тко-се да в крашон Киѣв-град,
 Да к моей-то вы подите к молодой жоны
 Ише нá имя к Опраксеи-ти королевисьни:
 Она заплатит ведь вам за стих Еленьския».
- ⁵⁵ Да пошли эфти калики в крашон Киев-град,
 Да приходят ко гривни-то княженѣрския,
 Они просят тут милостину спасѣную.
 Увидала-то Опраксея-королевисьня,
 Отпирала окошоч⁴ка немножочко
- ⁶⁰ [Да сама говорила потихошенько],

- Подала им ведь милостину спасёную.
 Увидала ту прекрасного податáманья
 Ише на́ имя Михайлушка Михайлóвича,
 Да сама говорила-то таковы речи:
⁶⁵ «Добро жаловать ко мне-ка хлеба-соли ис<т>ь,
 Хлеба-соли ко мне ис<т>ь да вина с мёдом пить!»
 Заходят калики во гривни-ти княженерския,
 Да садила она за столы дубовыя,
 Угошшала их да пивом пьяныя,
⁷⁰ Пивом пьяным-то их да хлебом-солью жа.
 Ише тут ити каликом начлэговать,
 Розьвела их калик вси во разны комнаты,
 Да Михайлушка увела во свою спальную,
 Да валила ёго на свою кроваточку,
⁷⁵ А сама говорила-то таковы речи:
 «Уж ты вой еси, прекрасно ты подъатáманьё!
 Сотворим мы с тобой любовь сердечную».
 Говорил ей прекрасно-то податáманьё:
 «Уж ты вой есь, Опракся ты королевисьня!
⁸⁰ Мне нельзя сотворить любовь сердечную,
 У нас клáдэна ведь заповедь великая:
 Ишше хто-то из нас, братцы-то, заворуитьце,
 Ишше хто-то из нас, братцы-то, заплутуитьце,
 Ишше хто-то из нас, братцы, за блудом пойдёт —
⁸⁵ Да не ходить тогда нам ведь не под царской суд,
 Не под царской нам суд да не под княжеской.
 Таковóго чёловека как судить своим судом:
 Ише ясны-ти очи тянуть косичеми,
 А речистой-от язык-от тянуть тэменём,
⁹⁰ Да ретивое сердечушко промежу плечьми,
 А жогчй будём селитру на белых грудях
 Да отсеки втипор-то да буйна голова,
 Розьмётать-то ёго тело по чисту полю».
 Проходила тогда ноченька осённая.
⁹⁵ Ише прóспал Михайлушко до белá съвета.
 Да ставала дружиночка хоробрая,
 Собиралась дружиночка во поход ити.
 Понесла тут Опракся ёго на сёрдочку,
 Положила ёму в суночку чашу зóлоту,
¹⁰⁰ Из которою Владимёр по приезде пьёт.
 Да не знало прекрасно-то подъатáманьё
 Ише на́ имя Михайлушко Михайлóвич-от.
 Да отравились калики-ты во чисто полé,

- Она послала тут сзади Олёшеньку Поповича:
 105 «Настыги-тко сорок калик со каликою:
 Они украли у мя чашу-ту как ведь зóлоту,
 Из которой Владимёр-от на приезде пьёт».
 Да поехал тут Олёшенька Попович-от
 Да настыг-от сорок калик со каликою,
 110 Закричал-то Олёшенька громким голосом:
 «Уж вы стойте, сорок калик со каликою,
 Уж вы воры, калики да перехожия!
 Вы пошьто-то украли у нас-то да чашу зóлоту,
 Из которой-то Владимёр по приезде пьёт?»
 115 Они снели тут Олёшеньку со добра коня,
 Да подштанники (порчóнка) снесли у Олёшеньки
 Да насékли Олёши-ти ж(опу) дóкрасна.
 Приехал-то Олёша-то в крашон Киев-град,
 Говорил-то Опраксеи-то королевични:
 120 «Они нé отдали калики мне чаши золотой,
 Да насékли мне ж(опу)-ту они дóкрасна».
 Посылат она Добрынюшку Микитиця,
 А настыг-то Добрынюшка на чистóм поли.
 Да на это Добрынюшка очесьлив был,
 125 Ише сам говорил-то таковы речи:
 «Уж вы сорок калик-то да со каликою!
 Не попала ли вам чаша-та красна золота,
 Ис которой Владимёр на приезде пьёт?»
 Становилисе калики-ти во единой крут,
 130 Во единой крут калики-ти на зелёной луг,
 Они стали смотърить во своих суноцках
 Да нашли-то ведь чашу как ведь зóлоту
 У прекрасного нашли-то да подъатáманья
 Ише на имя Михайлушка Михайлóвича.
 135 Они отдали чашу-ту красна золота
 Молодыя Добрынюшки Микитича.
 Они стали судить Михайлушка своим судóм:
 Ише ясны-ти очи тянули косичеми,
 Да ретиво-то сердечушко промежý плечи,
 140 А жогли они селитру на белых грудях,
 Да отсекали у ёго-то да буйну голову,
 Розьметали ёго тело-то по чисту полю,
 Ише сами пошли-то во чистó полё.
 Обвернулисе назад они —
 145 Да бежит-то Михайлушко Михайлóвич-от.
 Ише зачели судить они по второй закон:

- Ясны-ти очи тянули косичеми,
 Да речистой-от язык тянули те́менём,
 Да ретивоё сердечушко промежу́ плечи,
 150 А жоглі они селитру на белых грудях,
 Да отсекли втипор да буйну голову,
 Ише тело розьметали-то по чисту́ полю,
 Ише сами пошли поперёд-то по чисту полю.
 Овернулисе назад они —
 155 Да бежит-то Михайлушко Михайлович-от.
 Ише сам он говорил им таковы речи:
 «Уж ты вой еси, дружиночка, сорок калик!
 Вы напрасно меня-то как наказываите:
 Я ночёвал-то у Опраксеи-королевицни,
 160 Увела-то она во свою спальницю,
 Да валила меня на свою кроваточку,
 Да сама говорила таковы речи:
 „Уж ты вой еси, прекрасно ты подьатáманьё!
 Сотворим мы с тобой любовь сердечнюю”.
 165 А не согласилсэ я с ней сотворить любовь сердечнюю,
 Росказал свою заповедь великую.
 Понесла она миня на сёрточку,
 Положила мне-ка чашу во суночку».
- Да прошшалась с им дружиночка хоробрая,
 170 Шьто «напрасно наказали мы два раза,
 Мы не знали тоёго дела великаго».
- Как отправились калики в Ерусáлим-град,
 Они Господу Богу-ту помолились,
 Во Ёрдани в реки-ти да окупались,
 175 Ко Господньему гробу-ту приложились.

№ 102

- Собирались да снаряжались
 Иише¹ сорок калик да со каликою,
 Выбирали да промежу́ собой
 Атамана с атамánками.
- 5 Они выбрали Михайла Михайловича.
 Они копья в землю вси потыкали,
 Суночки-котомочки вси повёсили,
 Говорили да таковы слова,
 Они клали заповедь великую:
 10 «Штобы нам, братья, не заплутывáтисе,

- Штобы нам, братия, не завороватисе,
 Штобы нам, братцы, да за блудом нейти!»
 Тут пошли калики перехожия-переброжия.
 Тут настрещю каликам князь Владимир стольнѣ-киевский.
- 15 Тут они били цѣлом да низко кланялись:
 «Уж ты здрастуй, князь Владимир стольнѣ-киевский!»
 « Уж вы здрастуйте, калики перехожия,
 Перехожия калики, переброжия!
 Вы куды-то пошли да куды путь лежит?»
- 20 «Пошли ⟨Г⟩осподу Богу помолитисе,
 А к ⟨Г⟩осподню-ту гробу приложитисе,
 Во Пучай-то реки да покупатисе,
 Ишше сходим мы ко кресту да к Ледовитому».
 «Уж² вы ой еси, калики перехожия,
- 25 Уж вы спойте-тко мне стих Еленский
 Про того короля мне про Задонского».
 Они копья-то в землю потыкали,
 Суночки-ти-котомочки повесили,
 ⟨О⟩ни запели про того князя Задонского.
- 30 Потрясаласе тут мать-та сыра земля,
 † Конь-от у князя упал на колени,
 А князь-от Владимир³ свалился с добра коня:
 «Перестаньте-тко, калики перехожия,
 Петь мне тот стих Еленской
- 35 Про короля мне про Задонского.
 Не обезсудьте-тко: у мя здесь богасва не случилось,
 Золотой-то казны не пригодилосе.
 Когда вы заедете во Киев-град,
 Заходите ко мне да на широкий двор
- 40 Хлеба-та-соли йис⟨т⟩ь и мѣду с пивом пить».
 Тут и князь-от Владимир поехал,
 А калики пошли во Киев-град,
 Приходили ко княжецькому дворцу,
 Они просили милостыни спасёною.
- 45 Тут открывала косисцето окошечко
 А и та Апраксея-королевишна:
 «Добро жаловать, калики перехожия,
 Заходите ко мне да на широкий двор
 Хлеба-та-соли йис⟨т⟩ь и мѣду с пивом пить».
- 50 Тут во горьницах столы были приготовлѣны,
 Она садила калик да перехожих.
 Тут садились калики да за дубовы столы.
 Она обзарила, прельстилась

- На Михайлушка Михайловича,
 55 Увела его да в особую горьницу,
 Напоила, накормила Михайлушка Михайловича,
 Напивались-наслаждались они разныма-то напитками,
 Наслаждались разными разговорами.
 Полюбила она тут Михайлушка Михайловича,
 60 Да говорила таковы слова:
 «Уж ты вой еси, Михайло Михайлович млад,
 Сотворим-ко-се с тобой любовь сердечную».
 Он сказал ей: «Мне-то нельзя творить
 С тобой любви сердечною:
 65 У нас кладена заповедь великая».
 Во второй-от раз сказал, во третей.
 И он сказал: «Мне-ка нельзя творить с тобой любви сердечною:
 У нас кладёна заповедь великая,
 Чтобы нам, братцы, не заплутоватисе,
 70 Чтобы нам, братцам, не завороватисе,
 Чтобы нам, братии, за блудом нейти.
 Кто-то из нас заплутуетсе,
 Если кто из нас заворуетсе,
 Кто из нас да за блудом пойдёт,
 75 Шо язык-от потёнем теменём,
 А ретивó-от серъцо да промежу плечей,
 Голову будем отсекаль да во чистом поли,
 А селитру-ту жгать да на белых грудях,
 Тело-то оставим да во чистом поли».
 80 Тут выслушала Опраксея-королевисьня,
 Незаметно подыснула⁴ чару-ту красна золота
 Она в сумочку-ту в котомочку
 Как Михайлу Михайловичу.
 Тут пошли калики перехожая,
 85 Перехожая калики, переброжая.
 Во ту пору да в то время
 Приезжал князь Владимир стольно-киевский,
 Он схватилсе-то чары красна золота,
 Из которой-ту пьё⟨т⟩ по приезде,
 90 По приезде-ту пьёт, по отъезду:
 «Где моя чара красна золота?»
 Апраксея-та королевисьня
 Говорила таковы слова:
 «Тут были калики перехожая,
 95 Перехожая калики да переброжая,
 Они не взяли ли чары-то красна золота?»

- Князь-от Владимир посылаё〈т〉 Алёшеньку Поповича:
 «Поезжай-ко состыги калик перехожих,
 Ты спроси-ко, не попала ли чара красна золота?»
- 100 Поезжал тут Алёшенька Попович млад —
 Он выходит силой-ту силен, а не догадливой —
 Состыг он тут калик перехожих,
 Перехожих калик-ту, переброжих.
 «Уж вы ой еси, калики перехожие,
- 105 Не украли ли вы чары-то красна золота,
 Из которой-то князь пьё〈т〉 по отъезду,
 По отъезду-ту, по приезду?»
 Тут калики перехожия,
 Они копя-ту в землю потыкали,
- 110 Суночки-ти в землю повесили,
 У Алёшеньки подштанники сняли,
 Отпороли Алёшеньку Поповича.
 Приезжает ко князю ко Владимиру:
 «Я не мог состыгце калик да перехожих,
- 115 Перехожих да переброжих».
 Посылаёт как князь Владимир Добрыню Микитича:
 «Уж ты ой еси, Добрыня Микитич млад,
 Поезжай состыги калик перехожих,
 [Т]ы спроси, не попала ли чара-та красна золота?»
- 120 Тут поехал Добрыня Микитич млад,
 Увидал калик да перехожих:
 «Уж вы ой еси, калики перехожия,
 Перехожия, переброжия,
 Вы скажите-тко, вам не попала ли
- 125 Чарочка красна золота,
 Из которой-ту князь по приезду пьёт,
 По приезду пьёт и по отъезду-ту?»
 Они⁵ копя в землю потыкали,
 Суночки-ти, котомочки повесили,
- 130 Стали смотреть они да во суночки:
 〈О〉ни нашли чару-ту красна золота
 У Михайлушка Михайловича.
 Тогда потенули у Михайлушки язык со теменём,
 Ясны очи косицеми, ретивó серъцо промежу плещей,
- 135 Голову отсékли во чистом поли,
 Селитру-ту жгали да на белых грудях,
 Тело оставили во чистом поли.
 Сами сумочки взяли и пошли калики перехожия.
 Тут Михайло-то Михайлович исцелилсе,

- 140 Он бежал, крычал да громким голосом:
 «Вы постойте, дождитесь, калики перехожие,
 Перехожая, переброжая!»
 Дождались они Михайлушка Михайловича,
 Опять тянули-то язык теменём,
- 145 Ясны-то очи косицами,
 Ретивó серъцо промежу плечей,
 Голову отсекали во цистом поли́,
 Тело воставили во чистом поли.
 И ушли опять калики перехожая.
- 150 Тут а во второй раз исцелилсе
 Михайлушка Михайлович млад,
 Он крычал да громким голосом:
 «Уж вы ой еси, калики перехожая,
 Вы меня подождите, не оставьте-ко».
- 155 Тут они унять Михайлушка Михайловича,
 Тогда они язык тянули теменём,
 Привязали Михайлушка ко сыру дубу́,
 Уходили калики перехожая.
 Тут Михайлушка Михайлович
- 160 Вот сошел он с дерева,
 Бежал, крычал он да громким голосом:
 «Вы дождитесь меня, калики перехожая».
 Тут дождались, убоялися:
 Это чудо неизвесное!
- 165 Рассказал Михайлушка Михайлович
 Про своё-то больше несчасьицо:
 «Наверно, чару мне сунула Апраксея-королевисьня!»
 Тогда калики пошли да перехожая
 Во своей-то пути они, дорожечки.

№ 103

Собиралось сорок калик со каликою,
 А клали промежу́ собой заповедь великую:
 «Кто у нас, братцы, заворуется,
 И кто у нас, братцы, заплутуется,
 5 А кто из нас, братцы, за блудом пойдет —
 Не ходить нам, братцы, не под царский суд,
 Не под царский суд, не под княжеский,
 А судить-то мы будем, братцы, своим судом:
 Ясны-ти очи тянуть косицами,

- 10 А речистой язЫк тянуть тѣменем,
 А ретивó сердцѣ тянуть промеж двух плечей».
 Отправились калики в путь-дорожочку,
 А повстрѣчалась им стретушка великая
 Встретился Владимир стольне-киевской:
- 15 «Уж вы здравствуйте, калики перехожие!»
 «Уж ты здравствуй, Владимир стольне-киевской!»
 «Не слышал я, братцы, стиха Еленьского,
 Уж вы спойте-тко, братцы, стих Еленьские».
 Они друг на дружку стали зглядывать,
- 20 Кóпья во сырú землЮ испотЫкали,
 А сунки на копья исповесили,
 А суночки-котомки были шóлковые,
 А подсуночники были серебряные.
 Запели братцы стих Еленьские,
- 25 Мать-то сыра земля потресаласи,
 А в озѣрах вода всколебаласи,
 А копья во сырой земле пометусились,
 А с копьей сунки приобсыпались,
 У Владимира конь спотыкается,
- 30 А буйна голова с плеч покати́лася.
 Под праву руку подхватывал Добрыня Никитич,
 А под леву руку подхватывал Илья Муромец.
 «Перестаньте-тко, братцы, петь стИха Еленьского,
 Заходите, братцы, во Киев-град,
- 35 В мои полаты белокаменны».
 Был Михайлушко прекрасной красоты,
 На Михайлушка прельстилась Опраксея-королева
 И во суночку полóжила Владимира чашу красна золота.
 Пробыли во Киеве одны суточки,
- 40 Отправились калики в путь-дорожоньку.

(Больше ешо есть, да призабыла. Ещѣ слов полдесяток, как состигли с чашей.)

ИВАН ГОДИНОВИЧ (№ 104—108)

№ 104

- Заводился у Владимира почестен пир.
 Все на пиру пьяны-веселы,
 Все на пиру прирасхвастались:
 Иной-то хвастает золотой казной,
 5 Другой хвастает широким двором,

- Новой хвастает добрым конем,
 Новой хвастает сбруей лошадиною.
 Владимир ходит по гридне княженецкия,
 Белыми руками приразмахивает,
 10 Сам говорит таковы речи:
 «Уж что же ты, Иванушко, не пьешь, не ешь,
 Не пьешь ты, не ешь-не кушаешь?»
 Выходит Иванушко Годенович
 Из того из-за стола дубоваго,
 15 Сам говорит таковы речи:
 «Бласлови-тко-се¹ мне, Владимир, жениться?»
 Говорит Владимир стольно-киевский:
 «Тебя Бог бласловит,² Иван, жениться,
 Хошь ты в Киеве женись, хошь в Чернигове,
 20 Хошь у князя женись, хошь у боярина».
 Говорит-то Иванушко Годенович:
 «Не хочу я жениться во Киеве,
 Не хочу я жениться во Чернигове,
 Только дай мне-ка благословеньице великое.
 25 Есть у короля Ляховинскаго,
 Есть Овдотья Лебедь Белая.
 Сидит-то Овдотья в новой горнице,
 Чтобы буйны ветры не завяли,
 Чтобы лишни-то люди не зазрили,
 30 Бласлови¹ мне-ка туда ехать».
 «Бог бласловит,² Иванушко, жениться,
 Бери ты силы, сколько надобно,
 Бери ты золотой казны, сколько надобно».
 Говорит Иванушко Годенович:
 35 «Уж я с силой пойду — не воевать стану,
 С золотой казной — не торговать стану,
 Уж я силой своей возьму богатырскою,
 А грозой возьму княженецкою».
 Пошел-то Иванушко Годенович,
 40 Пошел-то Иван на широкой двор.
 Он берет коня, лошадь добрую.
 Поехал Иванушко из Киева.
 Провожают Ивана с чести, с радости.
 Поехал Иванушко по чисту полю.
 45 Едет Иван по чисту полю,
 Приезжает к царству Ляховинскому,
 Ко тому королю Ляховинскому.
 Заезжает Иван на широкий двор,

- Он мечет коня на широком дворе,
 50 Не приказана мечет, не привязана,
 Не разнуздана мечет, не расседлана.
 Пошел-то Иванушко Годенович,
 Зашел Иван во гридню княженицкую.
 Крестом³ кладет по-писаному,
 55 Поклон-то ведет по-учоному,
 Кланяется чудным образам.
 Бьет челом королю Ляховинскому:
 «Уж ты здравствуй, король Земли Ляховинския!»
 Отвечает король Земли Ляховинския:
 60 «Уж ты здравствуй, Иванушко Годенович!
 Зачем Иванушко приехал?
 Или приехал с данью с пошлиной,
 Или приехал послом пословать?»
 Говорит-то Иванушко Годенович:
 65 Я приехал к тебе не послом пословать,
 А приехал сватом свататься,
 Что на душечке Овдотье Лебедь Белья».
 Говорит король Земли Ляховинския:
 «У меня, право, Овдотьюшка засватана,
 70 У меня, право, запоручена
 За того короля Вахромеища».
 Говорит-то Иван во второй закон:
 «Отдай дочку за меня замуж».
 Говорит король Земли Ляховинския:
 75 «У меня дочка просватана,
 Просватана, запоручена,
 Белья ручки исподаваны,
 Злаченными перстнями не поменянос〈т〉ь».
 Говорит Иван во третьей закон.
 80 Говорит король Земли Ляховинския:
 «У меня нельзя тебе Овдотьи взять.
 Сидит Овдотья в новом тереме
 За тридевять замочками висучими,
 За тридевять сторожами крепкими».
 85 Горяча кровь в Иване раскипелася,
 Лепота в лице переменялася,
 Хватил он поганого татарина,
 Татарина хватил за ноги.
 Стал татарин помахивать:
 90 Куда махнет — там и улица,
 Отмахнет назад — переулочки.

Прибил-то всех пановей-улановей.
Пошел Иван на новы сени.
Сдернул Иван двенадцать замочиков,
95 Прибил-то двенадцать крепких сторожев.
Зашел-то во высок терем
Ко той к Овдотье Лебедь Белья.
Сидит Овдотья в новом тереме,
Вышивает Овдотья ширинку красна золота
100 Тому-то царицу Вахрамеишу.
Скакала Овдотья на резвы ноги,
Говорила Овдотья таковы речи:
«Уж мне ждать-то гостя — не дождутися,
Звать-то мне гостя — не дозватися,
105 Теперь ко мне гость сам пришел».
Берет-то Овдотью Иванушко за белы руки,
Целовал Овдотью во уста сахарные,
Повел-то Иванушко Годенович,
Повел он из того терема високаго,
110 Вывел Иван на новы сени,
На новых-то сенях все мертвы лежат.
Тут-то Овдотья прирасплакалась:
«Охти-хти мне тошнешенько!
Ты умел меня, батюшко, вспоить, вскормить,
115 Не умел меня, батюшко, замуж отдать».
Повел Иван на широкий двор.
Выходит король Земли Ляховинския:
«Добро жаловать, Иван, хлеба-соли есть,
Хлеба-соли есть, чару с медом пить!»
120 Говорит Иванушко Годенович:
«На приезде гостя не учествовал,
На отъезде гостя не учествовать».
Садился Иванушко Годенович,
Садился Иван на добра коня,
125 Овдотьюшку садил позади себя.
Поехал Иван из царства Ляховинскаго.
Едет Иван по чисту полю,
Сустигала Ивана темная ночь.
Он расставил белой шатер полотняный,
130 С Овдотьюшкой лег под белой шатер.
Тот король Земли Ляховинския
Посылает гонца скоро-наскоре
К королю Вахрамею земли поганья,
«Что был-то Иванушко Годенович,

- 135 Увез-то Овдотью Лебедь Белую.
4Господь ночь-то проносит,
Господь день дает:⁴
Спит-то Иван во белом шатре.
Немного тому времени миновалось,
- 140 Наехал поганое Идолище,
Кричит-то, рычит зычным голосом:
«Тебе полно, богатырь, спать, проклажаться,
Пора нам с тобой поборотися!»
Встает-то Иванушко Годенович,
- 145 Выходит Иван из бела шатра,
Умывается Иванушко свежей водой,
Утирается тонким полотеньшком,
Он молится Спасу Пречистому,
Матери Божьей Богородице.
- 150 Садился Иван на добра коня.
Разъехались богатыри по чисту полю,
Ударились палицами тяжелыми,
У них палицы поломалися —
Они друг друга богатыри не ранили.
- 155 Разъехались богатыри во второй након,
Ударились сабельками вострыми,
У них сабельки поцербалися —
Они друг друга богатыри не ранили.
Разъехались богатыри во третьей након,
- 160 Ударились копыцами вострыми,
У них копыца по яблокам ломалися —
Друг друга богатыри не ранили.
Скакали через гривы лошадиныя,
Брали за ремень, за подбрудное,
- 165 По колен в сыру землю втопталися.
По Иванушкову было по счастьецу,
По Иванушковой по участи:
Как у татарина ножка подвернулася,
Права ручка скользнулася.
- 170 Сшиб как Иванушко Годенович,
Сшиб татарища⁵ поганого,
Сшиб царища на сыру землю,
Сел-то царицу на черны груди.
Забыл-то Иванушко Годенович свой булатен нож,
- 175 Забыл свой булатен нож во белом шатре.
Кричит-то, зычит зычным голосом:
«Уж ты душечка, Овдотья Лебедь Белая,

- Неси-тко ты мой булатен нож,
 Забыл-то я свой булатен нож,
 180 Забыл во белом шатре!»
 Бежит-то Овдотья Лебедь Белая,
 Несет Овдотья булатен нож,
 Подошла Овдотья Лебедь Белая близехонько.
 Говорит царице Вахромеице:
 185 «Уж ты душечка, Овдотья Лебедь Белая,
 Спехни-то Ивана со моих грудей.
 За Иванушком ты будешь жить служаночкой,
 За мной будешь царицею,
 Будут те люди поклоняться».
 190 Тут Овдотья призадумалась;
 У бабы волосы долги, а ум коротенькой:
 Спехнула Иванушка Годенова.
 Скакал-то царице Вахромеице,
 Хочет у Иванушка спороть груди белые.
 195 Говорит Овдотья Лебедь Белая:
 «Уж ты гой еси, царице Вахромеице,
 Ты опутай его в опутыни шелковыя,
 Броси ты его под сырой дуб».
 Опутал Иванушка опутами шелковыми,
 200 Бросил его под сырой дуб.
 Сам лег опочив держать
 С того со устатку со великаго.
 Лишь тут-то спит царице Вахромеице
 Темну ночиньку осеннюю.
 205 Господь ночь пронесит, Господь день дает.
 Выходит Овдотья Лебедь Бела⟨я⟩⁶
 По утру раным-ранешенько,
 Увидала Овдотья: два голубя
 Сидят над Иваном Годеновым,
 210 Не два голубя сидит — два ангела.
 Говорит-то Овдотья Лебедь Белая:
 «Уж ты гой еси, царице Вахромеице!
 Уж ты выди-тко, царице, из бела шатра,
 Затяни-тко свой лук разрывистой,
 215 Подстрелико-се мне-ка голубятинку.
 Захотелось мне-ка голубятинки».
 Выходит поганое царице Вахромеице,
 Выходит из бела шатра.
 Затягивает свой лук разрывистой,
 220 Кладет стрелочку каленую.

- Спустил как свой лук разрывистой,
Полетела стрелочка каленая,
Падала царицу в груди черные,
Порола царицу груди черные.
- 225 Стоит-то Овдотьюшка Лебедь Белая,
Стоит Овдотья прираздумалась,
Тут-то Овдотья прирасплакалась:
«Ох-ти мне, ах-ти мне тошнехонько!
От того бережку откачнулась,
- 230 Ко другому бережку не прикачнулась».
Еще слышит Иванушко Годенович,
Сам говорит таковы речи:
«Уж ты душечка, Овдотья Лебедь Белая,
Ты распутай путни шелковья,
- 235 А не положу на тебя таковой вины,
Только дам поученьице по-женскому».
Лишехватила Овдотья саблю вострую,
Хочет у Ивана отсечь буйну голову.
Как тюкнула Овдотья Лебедь Белая,
- 240 Пересекла Овдотья путыни шелковья.
Скакал Иванушко на резвы ноги,
Пошел Иван ко добру коню,
Ко добру коню, ко белу шатру,
Он Овдотьюшку ведет позади себя.
- 245 Садился Иван на добра коня,
Овдотьюшку садил позади себя.
Поехал Иван по чисту полю,
Не доехавши Иван до города Киева,
Сам говорит таковы речи:
- 250 «Уж ты душечка, Овдотья Лебедь Белая!
Сойди-ко, Овдотья, со добра коня,
Разуй-ко у меня сафьян сапог,
Захотелось мне напиться».
Уж тут-то Овдотья прирасплакалась:
- 255 «Не пить-то ты хочешь — кровь пролить».
Сошла то Овдотья со добра коня,
Соходит и Иванушко Годенович.
Махнул-то Иванушко саблей вострой по белой шее,
Он отсек у Овдотьи буйну голову,
- 260 Разметал он Овдотью по чисту полю.
Пошел-то Иванушко Годенович,
Пошел Иван на Пучай-реку,
Омывать саблю вострую.

- Садился Иван на добра коня,
 265 Поехал ко городу ко Киеву.
 Заезжает во город во Киев,
 Встречают его русские богатыри.
 Во глаза Олёша насмехается:
 «Здорово женился — тебе не с кем жить!»
 270 Говорит-то Иванушко Годенович:
 «Я женил-то свою саблю вострую».

№ 105

- Как во славном было городи во Киеви,
 У ласкова князя Владимира,
 А как был-то у его почесен пир
 На своих князей, на бо́яров,
 5 А на руських-то могучих на богатырей.
 А как вси-то купци, гости торговые
 Сидят, пьют-едят, прохлаждаются.¹
 Красно солнышко идёт на есени —
 Почесён пир идет навесели,
 10 Красно солнышко идет ко западу,
 Ко западу, ко з́акату —
 Почесён пир да под конець идёт.
 Как Владимир-от князь по гридни-то похажива(т),
 А своим-ти русым кудрями приростряхиват,²
 15 А белым-ти ручками да прирозмахиват,
 А златым-ти перстнями принашшалкиват,
 А как сам ведь говорил да таковы речи,
 Таковы речи да таковы слова:
 «А как вси у мя во Киеви поженёны,
 20 Красны девушки у мя замуж подаваны,
 Как един-от доброй молодець холóст живёт,
 Он холóст живёт, да он холóст словёт,
 Как по имени Иванушко да сын Годенович.
 Ты женись-ко-се, Иванушко, да где те хочетьсе:
 25 Хошь во Киеви женись, да хошь в Чернигови,
 Хошь у князя ты женись да у боярина,
 Ай у купця-гостя ты женись да у торгового,
 Хошь у хресьянина женись да чёрнопахотна».³
 Говорил-то Иван да таковы слова:
 30 «Не хочу я у тя женитьсе не во Киеви, ни в Чернигороди,
 Не у князя же нече, не у боярина,

- Не у купця-гостя торгового,
 Не у хресьянина чернопахотна.
 А как буду я жениться в проклятой Литвы,
³⁵ У того короля да Ляховиньского
 А на той жо Овдотьи Белой Лебеди.
 Он чесью не отдаст, дак я и боём возьму,⁴
 Той дракой кроволитною».⁵ —
 «Женись-ко, где те хочетьсе».
- ⁴⁰ А как брал⁶-ставал Иван на резвы́ ноги,
 А седлал-то ён своего всё добра коня,
 Он и скоро скакал на добра коня,
 Он поехал по чисту́ полю в прокляту Литву, орду в поганую,
 Ко тому жо королю да Ляховинскому.
- ⁴⁵ Он в город едет не воротами,
 Не воротами не широкима,
 Скакал-то через стену городовую,
 Через башенку наугольную,
 Заезжал-то к королю да на широкой двор,
- ⁵⁰ Соходил-то со добра коня,
 Становил⁷ коня да среди широка́ двора,
 Среди широка двора, у⁸ дубова́ столба,
 У дубова столба,⁹ у золота кольца.
¹⁰ А как¹⁰ сам ведь пошел на краснó крыльце,
- ⁵⁵ Он не спрашивает у ворот да подворотников,
 У дверей не спрашивает да придверников.
 Заходил-то в полаты в королевския,
 А не кстил¹¹-то он своего лица́ белого,
 Не поклонялсэ он поганым идолам.
- ⁶⁰ Тольке бьет целом королю во праву́ руку:
 «Уж ты здраствуй-ко, король Земли да Лёховиньския!» —
 «Уж ты здраствуй-ко,¹² сильней могуч(и)й богатырь жа!
¹³ Ели ты приехал ко мне,¹³ послом послан жа,
 Иль служить ко мне приехал верой-правдою?»
- ⁶⁵ Говорит тут Иван да таковы речи:
 «Не послом к тебе приехал пословать,
 Не служить¹⁴ тебе приехал верой-правдою,
 Верой-правдою, неизменою —
 Я приехал к тебе сватом свататься
- ⁷⁰ На твоей же на любимую на дочери,
 На той жо на душочки Овдотьи Белой Лебеди».
- Говорит-то король да таковы речи:
 «Уж ты гой еси, дородней доброй молодець!
 Уж ты руськийи могучия богатырь жа!

- ⁷⁵ А не знаю я тебя, как именём зовут,
Величить тебя по отечесьву». —
«Как зовут меня Иваном сыном Годеновым». —
«Уж ты гой еси, Иванушко Годенович!
У мя, право, Овдотьюшка просватана,
⁸⁰ Просватана Овдотья, запоручена
Как за сильного царишша Вахрамеишша». —
Говорил-то Иванушко во второй након.
Говорит¹⁵ король да таковы речи.
Говорит Иван по третей након.
- ⁸⁵ Отвечает король да таковы речи:
«У мя, право, Овдотьюшка просватана
За того жо царишша Вахрамеишша,
У их белья-ти ручки исподаваны,
Златыма-ти перстнями поменяносе».
- ⁹⁰ Стоит-то Иван да призадумалсе,
Как¹⁶ повесил буйну голову с могучих плеч,
А потупил очи в сѣреду¹⁷ в кирпичную,
А как думат думушку велику промежду собой:
«Мне не чес(т)ь-хвала приехать в красѣн Киев-град!»
- ⁹⁵ Как ёго шевелились плечи богатырьския,
Розъерилосе ёго да ретивó сердьде,
Роскипеласе его кровь горячая,
А хватил-то¹⁸ он свою да саблю вострую,
Он как начал по столам сабелькой помахать.
- ¹⁰⁰ Заревели тут¹⁹ татаровя поганья,
А король-от под столы-ти всё пехайтсе,
Соболиной чёрной шубой закрывайтсе,
А серым котиком всё пехайтсе,
Ише сам говорит да таковы речи:
- ¹⁰⁵ «Ты не бей-ко, Иван, народу²⁰ по-напрасному,
Хушь оставь ты мне на семяна,
Ты бери-тко Овдотью с чести, с радости.
А сидит она в светлой светлици,
Во столовой новой горници
- ¹¹⁰ За девятью замками заморськима,
За крепкима караулами».
- А пошол-то Иванушка ко Овдотьи в светлу светлицю,
Приломал замки заморськия,
Убил-то сторожов до единого,
- ¹¹⁵ Отпирал-то он светлу светлицю.
А сидит-то Овдотьюшка на стули на рытом бархатном,²¹
Вышивает шириночку красным золотом,

- Ай высаживают дорогим-то мелким жемчугом.
 Как увидяла Овдотьюшка Иванушка,
 120 Она скоро скочила на резвы́ ноги,
 А брала ёго за белы́ руки,
 Человала ёго в уста сахарныя.
 «Мне-ка звать гостя, да не дозватисе,
 Мне-ка ждaть гостя, да не дождатисе,
 125 А топере сам ко мне всё приехал жо!»
 Брал-то Овдотьюшку за праву́ руку,
 Повёл-то Овдотьюшку на новы́ сени.
 А идёт Овдотья, ужахаитсье,
 А слезами она да обливайтсье:
 130 «Ай умел меня отецъ вспоить-вскормить, возрóстити,
 Не умел замуж отдать с чести, с радости!»
 Выводил-то Иванушко Овдотью на широкой двор,
 А скакал-то он на добра коня,
 А содил-то²² Овдотью позади себя.
 135 Как из города поехал не воротами не широкима,
 А скакал через ту стену да городовую,
 Через высокую башню наугольную.
 Как во чистом поле курева стоит,
 Курева стоит, стольке столб столбит.
 140 Как во ту пору, во то время
 А писал король царишшу Вахрамеишшу
 Ярлык да скорописцятый:
 «Что приехал из города из Киева дороден доброй молодець,
 А увёз у тя Овдотью Белу Лебедь жа,
 145 Как во славной-ёт Киёв-град».
 Приезжаёт²³ ко царишшу Вахрамеишшу,
 А кричал-то своим зычным голосом:
 «Уж ты гой еси, царишшо Вахрамеишшо!
 Тебе полно пить-есть да прохлаждатисе,
 150 Ты здорово женилсэ — тебе не с ким спать!
 Увёз у тя Овдотьюшку Иванушко Годенович».
 Брал-то ён ярлык да скорописчатой,
 Прочитывал, всё просматривал.
 Розъерилось ёго сердце поганое,
 155 Погано-то сердце татарської.
 Закричал он зычным голосом:
 «Уж вы гой еси, мои слуги верныя!
 Вы седлайте-тко, уздайте моего добра коня».
 Тут слуги его не ослышались,
 160 Скоро седлали добра коня.

(А во ту пору оделсэ царишишо Вахрамеишишо в платьєцѣ
военно-богатырское.)

- Одевалсэ в платьѣ богатырское,²⁴
 Выходил-то он на широкой двор,
 Он скоро, легко скакал на добра коня,
 А поехал он из города не воротами,
 165 Не воротами да не широкима,
 А скакал-то через стену городовую,
 Через високу башню наугольную.
 Он ведь едѣт по чисту полю
 Да стегат он своего кóня, лошадь добрую.
 170 Как по утру-ту, утру было ранному,
 По восходу было соньця красного
 Он наехал бел шатѣр полóтьняной,
 А в которм-то шатри спит Иванушка с Овдотьюшкой.
 Подъезжает он да ко белу шатру,
 175 А кричал он зычал да зычным голосом.
 Мать сыра земля да потрясаласе,
 Полога-то²⁵ полы розмахнулисе.
 Ото сна ведь то Иванушка пробуждайтсе,
 Выходил-то он да из белá шатра,
 180 Ай умывалсэ он свежой-то водой ключёвою,
 Утиралсэ он да белым полотёнышком,
 Да молилсэ он да Спасу-ту Пречистому,
 А как Матери жо Божей Богородици,
 Как он помолилсэ Господу Богу жа,
 185 А оделсэ он в платьѣ военно-богатырское.²⁶
 Розъезжалисе богáтыри да по чисту́ полю,
 А съезжалисе богатыри всё в одно место.
 Ай ударились они паличи-те тяжёлыма,
 Ише мать сыра земля да потрясаласе,
 190 А как сыро дубье пошаталосе —
 Они друг дружка не ранили,
 А как нѣ дали на себя раны кровавыя.
 А дак у них²⁷ паличи да пошорбалисе.²⁸
 Розъезжалисе богатыри во второй након,
 195 Ай ударились они да сабли вострыма,
 Не по Божьей то было милости,
 Не по Ивановой то было учести:
 29-Ай усек-то Вахрамеишишо²⁹ праву́ руку.
 А поехал-то он³⁰ да ко белу́ шатру.
 200 «Уж ты гой еси, Овдотья-душа белая!
 Уж ты выйди поскору́ да из белá шатра,

- Завежи³¹ ты у меня платочком праву́ руку:
 А посек-то у мня поганое царишшо Вахрамеишшо».

Тому Овдотьюшка не ослышилась,
 205 Завезала ему праву́ руку.
 А поехал Иван да во чисто́ поле,
 Ай ударились они да копьеми вострыма,
 А вострыма-ти копьеми ворзамецкима —
 Друг дружки не ранили,
 210 Не дали на собя раны кровавыя,³²
 По ру́ку у их копыця свернулисе.
 Да соскбчили они да со добрых коней,
 А схватилисе они да схваточку боротисе,
 Ай да они борются с утра до вечера,
 215 По колен в сыру землю́ втопталисe.
 Как по Божьей то было по милости,
 По Иванушкову то было учести:
 Порвалосе у него да платьё цветное,
 А сдала³³ у царишша всё правá рука,
 220 Подвернулась у его да всё левá нога,
 А бросал-то Иванушко царишша на сыру землю,
 А садилсэ-то царишшу Вахрамеишшу да на белы́ груди,
 Да хватилсэ он остра ножа булатного —
 А забыл-то он в шатри да свой булатен нож.
 225 А скричал он ей Овдотьюшки громким голосом:
 «Уж ты гой еси, Овдотья Лебедь Белая!
 Обнеси-тко скорей из шатру мой булатен нож».
 А как тут Овдотьюшка да не ослышилась:
 Принесёт-то ему булатен нож.
 230 Говорит тут царишшо Вахрамеишшо да таковы речи:
 «Уж ты гой еси, Овдотья Бела Лебедь жа!
 Не давай-ко-се Иванушку ножа булатного,
 А что было ³⁴-м не⁻³⁴ спороть моих грудей-то белья,
 А не дóсмотрит ён сердьця богатырського.
 235 А ты не ходи-тко за Иванушка в замужесьво:
 У Иванушка ведь своёго дому нет,
 А живёт он во двори у князя у Владимире,
 А ты будёшь жа у князя всё кухаркою,
 Составлеть на князя со княгиной кушаньё,
 240 А да будёшь всё на князя со княгиной шити цвѣтно платьицѣ.
 А как ты за меня заму́ж пойдёшь,
 Уж ты будешь у меня-то жить царицѣю,
 Те(б)е³⁵ князи мои, бояра будут поклонятисе,
 А как вси будут поганья татаровя кланяться до единого,

- 245 Называть будут цярцёю».
 Ай как сказано — у бабы волосы долги, ум короткой жа:
 А стянула Иванушка за русы кудри всё с грудей поганья.
 А как скочил³⁶ тут царишшо на резвы ноги,
 Сел-то Иванушки на белы груди,
- 250 А он хочет спороть ему белы груди,
 А он хочёт досмотрить всё ретива сердця.
 Говорила Овдотьюшка Белá Лебедь:
 «Не кровени-тко ты своих рук белья,
 Не смотри его ретива сердця,
- 255 Ты опутай ёго во пúтины шёлковыя,
 Привежи его к сырým дубам во тёмну ночь».
 Он опутал его в пúтины шелковыя,
 Привезал к дубам его на тёмну ночь.
 А как сами они пошли да ко белу шатру,
- 260 Ко белу шатру, дошли они во бел шатер,
 А во бел шатёр зашли, они спать легли.
 Как было по утра-ту, да утра ранному,
 По восходу-ту было да сонця красного,
 Прилетело два-то сизых голуба,
- 265 А не два-то сизых голуба прилетело, два-то ангела:
 А послал Господь берегчи Иванушка Годенова.
 А как начели голубы они воркувать по-голубиному,
 А от сна Овдотьюшка да пробуждаласе,
 Выходила-то она да из белá шатра,
- 270 Она смóтрила на тих-то сизых гóлубов,
 Она слушала да то воркованьицё,
 А да как ведь зашла она во бел шатер:
 «Уж ты гой еси, сильнё царишшо Вахрамеишшо!
 Ты ставай-ко, выходи-тко из бела шатра:
- 275 Прилетело богатыри два-то голуба.
 А сострель ты мне-ка этих сизых голубов,
 Захотелось шьто-то мне этой голубятины».
 А как тут царишшо не ослышилсэ,
 А не мыл-то своёго лича поганого,³⁷
- 280 А не кстил-то он своего лича чёрного,³⁷
 А как брал-то свой розрывчат лук,
 А³⁸ как натегивал³⁸ тетивочку шелковую,
 А накладывал он стрелочку калёную,
 Он накладывал, ко стрелки приговаривал:
- 285 «А лети моя стрела во чистó поле,
 А не падай на воду, не на землю, не в сырой дуб,
 Ты пади-ко стрела в двух сизых голубов».

- Полетела стрелочка не на́ воду, не на́ землю,
 Она падала стрела да всё во сы́рой дуб,
 290 От дуба ца́ришшу в черны́ груди поганья,
 А в поганья груди во само ретиво́ серьчѣ,
 Ведь она жо в самое да в ретиво́ серьчѣ,
 А как падал ца́ришшо на сыру землю,
 А как тут ца́ришшу Вахрамеишшу ведь смерть пришла.
 295 Тут Овдотьюшка заплакала:
 «Охти, мне тошнёшенько!
 От одного бѣрежка откачуласе,
 Ко другому бѣрежку не прикачуласе».
 А брала-то она саблю вострую,
 300 А пошла-то она ко сырым дубам,
 Ищё хочѣт Иванушку отсе́кци буйну голову.
 Отвели ти́ ангелы востру сабельку
 От Ивановой буйно́й головы,
 Тюкнула она во пу́тины шелко́вья,
 305 Отсекла Иванушка от сырых дубов.
 Скочил Иванушка на резвы́ ноги,
 Пошел-то он ко белу́ шатру,
 Ко белу шатру да ко добру́ коню.
 Убирал-то Иванушка бел шатѣр свой полѣтъняной,
 310 Он скоро скакал на добра коня,
 Садил-то Овдотьюшку да позади себя,
 Он поехал ко городу ко Киѣву.
 Как доехал он до речиньки Смородинки,
 Захотелосе ему напитисе свежо́й воды.
 315 «Ты сойди-тко-се, Овдотья, со добра коня,
 А сойми-тко-се у меня с право́й ноги сафьян сапог,
 Почерьпни-тко ты мне-ка из реченьки свежой воды напитисе:
 Этко, право, пить мне да захотелосе!» —
 «Не воды-то хочѣшь пить, да хочѣшь мою кровь пролить».
 320 Говорил-то Иван во второй након:
 «Ай сойди-тко-се, Овдотья, со добра коня,³⁹
 А сойми-тко-се с право́й ноги сафьян сапог,
 Почерьпни-тко мне-ка из реченьки свежой воды напитисе:
 Этко, право, пить мне да захотелосе!»
 325 Она говорит да таковы речи:
 «Ты не пить хочѣшь, мою ведь кровь пролить».
 Не послушала Иванушка да во второй након.
 Говорил-то Иван во-в третѣй након:
 40. «Ты сойди-тко-се, Овдотья, со добра коня,
 330 А сойми-тко у меня с право́й ноги сафьян сапог,

Почерпни-тко ты мне-ка из реченьки свежой воды ключёвою».
 Не послушала Иванушка да во-в третей након.
 «Не воды-то хочёшь пить, да хочёшь мою кровь пролить».⁻⁴⁰
 А как розъерилось у Иванушка да ретивó сердьцё,
 335 Соскочил он скоро со добра коня,
 А как сдёрывал Овдотью со добра коня,
 Как бросал Овдотью на сыру землю,
 Да отсек он Овдотьюшки праву руку:
 «А мне эта твоя правая рученька ненадобно —
 340 Обнимала⁴¹ она поганого царишша Вахрамеишша».
 Ай отсек он Овдотьюшки леву ногу:
 «Эта ножечька мне ненадобно —
 Оплетала она поганого царишша Вахрамеишша».
 Ай вдосталь у ей отрезал белы груди:
 345 «Ише эти титочьки мне ненадобно —
 А как шщупало поганое царишшо Вахрамеишшо».
 А как со правой ноги скидывал сафьян сапог,
 Напилсэ он свежой воды,
 Поехал он ко городу ко Киеву,
 350 Ай ко ⁴²-ласкову ко ⁴² князю Владимиру.
 Приезжает он к Владимиру да на широкой двор,
 А стречал его Олешенька, попоськой сын:
 «Ты здорово, ты Иванушко, женилсэ всё, да тебе не с ким спать!»
 Отвечает ему Иванушко Годенович:
 355 «Уж ты гой еси, ты брат крестовья!
 А женилась⁴³ у меня да сабля вострая,
 Обвенчаласе она у речиньки Смородинки:
 Тут я сходил Овдотьюшки буйну голову».

№ 106

Дядюшка племянницька уговаривал:
 «А пора тебе, племянницёк, женитисе».
 «Уж я рад бы, дядюшка, женитисе,
 Мне-ка нету невесты по уму-ту взять,
 5 Не у князя нету, не у боярина».
 Говорил-то ведь дядюшка племянницьку:
 «Я найду тебе невесту не в святой Руси,
 Не в святой Руси невесту, в проклятой земли
 У того ли короля Митрея Митреяновица,
 10 Ешшо ту ли Настасью Митреянову,
 Ешшо сидит она за тремя замоцьками заморськими».

Только видели молодця сряжаючись —
 Не видали уда́лого поедуци,
 Во чистом-то поли только дым дымит,
¹⁵ Дым дымит, да будто столб стоит,
 Сухо пеньице, кореньице поломалосе,
 Мать сыра-то земля да потрясаласе.
 Приежаёт уда́лой доброй молодець
 Как в ту ли во землю во неверную
²⁰ Ко тому ли королю всё к неверному,
 Еще к тому ли к Митреяну Митреяновицю.
 Он привязывал коня да к дубову́ столбу,
 К дубову́ столбу да к золоту кольцю.
 Уж восходит он сам на новы́ сени,
²⁵ На новы́ сени ступил, дак сени дыблютсье,
 Сени дыблютсье, новы́ колыблютсье.
 Отпирает полату, двери на́ пята,
 Запирает полату, двери на́крепко.
 Он не кстит своего лица́ белого,
³⁰ Не поклоняйтце́ йдо́лам поганьим,
 Как ведь бьёт королю-ту во руценьку во правую,
 Королевой во руценьку во левую,
 Он ведь всим тут тотарам низко кланялся.
 Как поддёрнул-то король Митрей Митреяновиць,
³⁵ Он принёс-то свой-от стул да рыта бархата,
 Ишше сам он говорит да таковы речи:
 «Ты садись-ко, дородней доброй молодець!»
 Ишше стул-то под им да всё сломайтце́.
 Как король-то скакал всё на резвы́ ноги:
⁴⁰ «А какой же пришол к нам со светой Руси,
 Со светой Руси приехал, с камяннóй Москвы?»
 Али вор ты пришол к нам, розбойни́цек,
 Ли сбегло́й ли к нам солдат-от государевой?
 Ты скажи-ко нам правду, всё поведай-ко,
⁴⁵ И со силушкой пришол к нам с великою?»
 Говорил-то дородней доброй молодець,
 Ишше руськой могучей богатырь наш:
 «Я не вор к вам пришол, не розбойни́цек,
 Не сбегло́й я к вам солдат государевой —
⁵⁰ Я приехал к тебе да сватом свататьсье,
 Не за людей я приехал, за себя к тебе,
 На твоей-то на любимой всё на дочери,
 А на душоцьки Настасьи-королевицьни:
 Ты отдай-ко-се Настасью Митреяновну.

- 55 Не отдашь токо без драки кроволитныя,
Я из рук у тя, из ног жильё повытяну,
Самого-то тебя стругом повишружу,
Твой рецистой язык да буду теменём тянуть».
Говорит-то король да таковы слова:
- 60 «Уж ты гой еси, дороднёй доброй молодець!
Я радёшенёк отдать бы за тебя замуж,
Да приехал царишшё из неверных земель.
Три дёнецька прошло тому времени,
Как просватана у мя Настасьюшка,
- 65 У нас белы-ти рудюшки исподаваны,
Золотыма-ти перстнями подарилсе.
Сам уехал ведь царь-от во чисто поле,
Шьто стрелять-то уехал гусей, лёбедей,
Ише мельных пернастих, мелких утоцёк.
- 70 Посадил у мя Настасью Митреяновну,
Посадил-то на стул рыга бархата,
Приказал-то вышивать шириноцьку красна золота,
Да садить-то ширинку скатным жемчугом.
Он навесил ише сорок замков
- 75 И поставил к замкам сорок караульшицьков,
Караульшицьков всё сорок татаревей».
Говорит-то дороднёй доброй молодець:
«Я не много буду с вами розговаривать,
Я не буду гледеть да на тотар-то я,
- 80 Я не буду смотреть да на крепки замки».
Говорит-то король да королевы-то,
Королевы-то, своей всё молодой жены:
«Ты бери-тко, королева, да золоты ключи,
Отмыкай-ко, королева, кованы ларьци,
- 85 Вынимайте-ко вы да золоты ключи,
Отдавай-ко дородню добру молодцу,
Ише пусь берёт королевну с чесци, с радости,
Пусь без драки берёт да кроволитныя».
Он ведь не брал ключей да во белы руки,
- 90 А отворил полату, двери на пята,
Запирал он полату со всей ярости,
Он прибил-то убил да сорок стóрожов,
Приломал-то ведь вси замки заморьския.
Как заходит в полаты белокамянны,
- 95 <И>’шше заходит к Настасьи Митреяновны.
А ставала Настасья на резвы ноги,
Поклонилась она ёму низёхонько:

- «Уж ты здраствуй, дороднёй доброй молодець!
Ты откуль же идёшь да куды путь держишь?»
- 100 Говорит-то дороднёй доброй молодець:
«Я иду-ту как, еду со святой Руси,
Со святой Руси да с каменно́й Москвы,
Я приехал на тебе всё ведь свататься.
Ты поди-тко, Настасья, за миня замуж,
105 Увезу-ту я тебя да во святую Русь,
Во святую тебя Русь да в каменну́ Москву».
Тут заплакала Настасья Митреяновна:
«Шьто умела миня матушка спорóдити,
Да умел миня батюшко шьто вспоить, вскормить,
110 Шьто вспоить, вскормить миня, возрóститъ всё,
Не умели миня да замуж выдати
Шьто без драки-то миня без кроволитня!»
Он ведь брал-то Настасьюшку за праву́ руку,
Он за те ли за перстни за злачёныя,
115 Он увёл-то ей скоро на широкой двор,
Он садил-то ведь ей да на добра́ коня
Да повёз-то ведь ей в красён Киев-град,
В красён Киев-град да в каменну́ Москву.
Они день-то едут, они другой едут,
120 Да другой-от едут, они третей едут,
Да три дёнецька ехали, три но́ченьки.
Говорит-то Настасья Митреяновна:
«Уж ты гой еси, дороднёй доброй молодець!
Ишше надоть теперь да коню <в>здох давать».
125 Он ведь скоро соходит со добра́ коня,
Он ведь ставит шатёр ново́й полóтняной.
Поволила в шатёр ново́й полóтняной,
Он ведь скоро заспал да богаты́рским сном.
А во ту пору, пору было, во то время,
130 Шьто не спит-то Настасья-королевичья,
Шьто не спит она в шатру, больше прислушиват.
Шьто наехал царишшё всё неверноё,
Закрицял-то царишшё по-престрашному,
Закрицял-то царишшё по-звериному,
135 Зашипел-то царишшё по-змеиному,
Засвистел-то царишшё по-соловьиному.
Он скорёхонько приехал ко белу́ шатру.
«Уж ты гой еси, дороднёй доброй молодець!
Ты пошьто увёз Настасью Митреяновну?»
140 Я из рук у тя, из ног жильё повытяну,

- Отсеку я у тя по плечь да буйну голову».
 А заходит он скоро во белой шатёр,
 Вынимает он скоро свой булатён нож,
 Он ведь хоцёт отсэкти буйну голову.
- 145 Тут заплакала Настасья Митреяновна:
 «Не секи-то у сонного: всё ровно будет — ты ссекёшь у мёртвого».
 Ише скоро пробужалсэ доброй молодець,
 Он ведь скоро скакал да на резвы ноги,
 Ишше стали они да тут боротисе.
- 150 Ишше бились они да боролисе,
 Не пивали они да не едали-то,
 Ишше тольке ведь времени было три денька,
 Не которой не можот оборотъ из их,
 По колен они в сыру землю втопталисе.
- 155 Поборол-то дороднёй доброй молодець,
 Как которой приехал со святой Руси.
 Ишше падал царишшэ на сыру землё,
 Мать сыра-та земля да потрясаласе.
 Закрыццал он¹ Настасью Митреяновну:
- 160 «Ты подай-ко, Настасьюшка, булатен нож,
(Ножи оставили в шатри.)
 Уж мы будем колотъ да груди беляя».
 «Не носи-тко, Настасья Митреяновна!
(Царишшо говорит.)
 Не ходи ты, Настасья, за ёго замуж,
 На святой Руси вера ес(т)ъ тежолая:
- 165 С каждой-то ноци нать умыть твоё лицё,
 Помолитсье ведь нать всё Богу Господу,
 Поклонитсье ведь нать да Божьей Матери.
 А приедёшь ты, Настасья Митреяновна,
 Тебе жить-то ведь нать да всё в кухароцьках,
- 170 Нать Владимиру вам, князю поклоняитсье,
(Он был племенник князю.)
 Сохранить-то на святой Руси нать среды, пятницы,
 Надотъ светлы Христовы воскресеньиця.
 Ты поди-ко, Настасья-королевисьня,
 Ты поди-ко, Настасья, за миня замуж.
- 175 В проклятой-то Земли у нас в Тотарською
 Как у мя-то ведь вера будет лёккая,
 Ише сам-то живу, я всё царём царю,
 А за мной-то ведь будешь жить царицею,
 Будут вси тебе, будут поклоняитсье».
- 180 Да Настасьюшка сидит да приросплакалась,

Приросплакалась сидит да приросту́жилась:
 «От того-то бѣрежку ведь я отстала-то,
 Я к другому-ту, верно, не пристала же».
 Принесла-то ёму да всё булатен нож.
¹⁸⁵ Он ведь стал-то пороть да груди белыя,
 Вынимать-то ретивó серьцо тотарської,
 Присек-то он взял его да на мелкі части.
 Ише сами поехали в красѣн Киев-град,
 В красѣн Киев-от град да в каменнú Москву,
¹⁹⁰ Они принели себе по злату веньцю,
 По злату веньцю да закон Божей-то.

№ 107

Аї да што во славном было городе во Киеве,
 Было у славного-то князя у Владимира,
 Заводилася пирушечка почестен пир
 Да ешо на многие на князи, многа бѣяры,
⁵ Што на многие могучие богатыри,
 Да што на многие казакушки Задонские.
 Да ешо все-то на пиру да напивалисе,
 Ешо все-то на честном наедалисе,
 Да ешо все-то на пиру да прирасхвастались.
¹⁰ Да што иной да сидит хвастает да широкім двором,
 Што иной сидит хвастает золотой казно́й,
 Да што иной сидит хвастает и добрым конем,
 Да ешо глупый хвастает да рѣдной матушкой,
 Да неразумный сидит хвастает родной сестрой.
¹⁵ Да ешо красно-то солнышко идет ко западу,
 Да што от запада идет ко за́кату,
 Да што у князя-то у Владимира пир идет на вѣселе,
 Да князь Владимир-то по гирнюшке похаживает,
 Да што желтыма кудрями он принатряхиват,
²⁰ Да говорит тут князь Владимир да таковы слова:
 «Да ишо все у меня на пиру да напивалисе,
 Да ишо все-то на честном да наедалисе,
 Аї да ишо все-то на пиру да прирасхвастались,
 Аї да только единой у меня добрый молодец сидит ни пьет, ни ест,
²⁵ Да он ни пьет у меня, ни ест сидит, да не кушает,
 Да ишо беленькой лебедушки у мне не рушает».
 Да говорил тут князь Владимир да таковы слова:
 «Да уж как што же ты, Иванушко Гордѣнович,

- Да ты не пьешь у меня сидишь, не кушаешь,
30 Да ишо беленькой лебедушки у меня не рушаешь.
Да разве место на пиру тебе не по́ роду,
Да разве старой над тобой да изъезжаетце,
Да разве младый да над тобой да насмехаетце,
Да разве винной-то чарой тебя обидели?»
- 35 Ай да говорил ему Иванушко да таковы слова:
«Да так уж ты гой еси, Владимир-князь да славностольские,
Да мне-ка места на пиру было по рóдины,
Да ишо старой да надо мной не изъезжаетце,
Да ишо младый надо мной не насмехаетце,
- 40 Винной чарой меня не обнесли».
Да говорит тогда Иванушко да таковы слова:
«Да уж ты гой еси, да князь Владимир да славностольские,
Благослови меня, князь Владимир, слово вымолвить,
Да не моги мне за слово буйной головушки сказнить».
- 45 Ай да говорит ему князь Владимир да таковы слова:
«Да уж ты гой еси, Иванушко Гордѣнович,
Да говори-ко-се, Иванушко, што тебе-тко надобно».
Ай да говорил ему Иванушко да таковы слова:
«Да уж ты гой еси, князь Владимир да славностольские,
- 50 Благослови мене ты, князь Владимир, да женитесе».
Ай да говорит ему князь Владимир да таковы слова:
«Да ты женись-ко-се, Иванушко, да где тебе хочется,
Да хоть во Киеве женись, хошь во Чернигове,
Да хоть во матушке женись ты во славной во Москвы».
- 55 Ай да говорит ему Иванушко да таковы слова:
«Да уж ты гой еси, князь Владимир да славностольские,
Да не хочу-то я жениться уж во Киеви,
Да не хочу-то я жениться во Чернигове,
Да не хочу-то я жениться уж во славной во Москвы».
- 60 Ай да поеду жениться во прокляту во Литву,
Да ко тому же я ко королю ко Задонские,
Да я и на душечке да Авдотьюшке Белой Лебеди».
Ай да говорит ему князь Владимир да таковы слова:
«Да уж ты гой еси, Иванушко Гордѣнович,
- 65 Да ты поди-тко-се бери да золоты ключи,
Да отмыкай-ко сундуки да ты окованы,
Да ты бери-тко-се да золотой казны, сколько тебе надобно,
Бери великое силушки, сколько тебе надобно».
Ай да говорил ему Иванушко таковы слова:
- 70 «Да уж ты гой еси, князь Владимир да славностольские,
Да мне не надобно твоя да золота казна,

Да мне не надобна твоя сила великая.
 Да золотой у меня казной да не вкупатисе,
 Да мне великою силушкой не воеватисе,
 75 Да я поеду-то жениться один-одинёхонек,
 Мне-ка честью не дадут, я возьму не́честью,
 Да так уж я тою же силушкой возьму великою,
 Да так я тою же грозой да княженецкою».
 Ай да тут не много-то Иванушко да разговаривал,
 80 Да он вставал со скамеечки белодубовой,
 Да уж он крест-то кладет да по-писаному,
 Да он поклоны-от ведет да по-ученому,
 Да он честь-то воздает на все четыре стóроны:
 «Ай да ты прощай, князь Владимир да славностольские,
 85 Да ты прощай-ко-се, княгина Апраксея-королевишна,
 Ай да вы прощайте, да все друзья, братья-товарыши».
 Ай да тут не много Иванушко разговаривал, из гíрни вон пошел.
 Ай да тут приходит Иванушко да на конюшен двор,
 Да выбирает он себе коня да лошадь добрую,
 90 Да лошадь добрую себе он, неезжалую,
 Да неезжалую лошадку, постухмяную,
 Ай да надевает он уздечку да семишóлковую,
 Дак одеваёт он седёлышко красного золота,
 Да ишо брюшницки, подбрюшницки да чиста сéребра.
 95 Да лёгко-скоро он скакал да на добра́ коня,
 Ай да не видали тут Иванушка собираючись —
 Только увидели в цистом полюшке да куревá стоит,
 Да куревá в поле стоит, да ишо дым столбом.
 Да так уж он здраво едет да лёса темные,
 100 Да уж здраво едет тут да грязи черные,
 Да он ко городу тут идёт не дорогою,
 Да он во город заезжает да не воротами.
 Ай да тут приехал Иванушко да на конюшен двор,
 Да легко-скоро он скакал да со добра́ коня,
 105 Да он кидает и коня да не привязана,
 Да не привязана коня да не приказана,
 Да он идет-то ⟨в⟩ гирню да королевскую,
 Ай дак уж он крест кладет тут по-писанному,
 Да он поклон-от ведет и по-ученому,
 110 Дак уж он честь-то воздает на все четыре стóроны:
 «Да так уж ты здравствуй-ко, король да ты Задонские,
 Да уж ты здравствуй, королева да молода жена».
 Ай да говорит ему король да таковы слова:
 «Ай да ты пошто сюда, Иванушко, приехавши?»

- 115 Али по-старому, по-прежнему ко мне во конюхи?
Да ли во младые ко мне да ты во ключники?»
Да говорит ему Иванушко да таковы слова:
«Да уж ты гой еси, король да ты Задонские,
Хоть я из Киева приехал не посланником,
- 120 Я не по-старому, по-прежнему тебе не в конюхи
А не во младые к тебе-ко я во ключники —
Ай да я приехал к тебе да сватом свататься
Да я на душечке Авдотьюшке да Белой Лебеди,
Да ты отдай-ко-ся, король, Авдотьюшку да за меня замуж».
- 125 Ай да говорит ему король да таковы слова:
«Да ведь, Иванушко, Авдотьюшка у меня просватана,
Да за того же-то да за проклятого Идóлишша,
Да за того ли за царишша Вахрамеишша».
Ай да говорил ему Иванушко во второй након:
- 130 «Да отдай-ко-ся, король, Авдотьюшку да за меня замуж».
Да говорил ему король да во второй након:
«Да ведь, Иванушко, Авдотьюшка у меня, правó, просватана
Да за того же да за проклятого Идóлишша,
Да за того же за царишша Вахрамеишша».
- 135 Да говорил ему Иванушко во третій након:
«Да отдай-ко-се, король, Авдотьюшку да за меня замуж».
Да говорит ему король да во третій након:
«Да ведь, Иванушко, Авдотьюшка у меня просватана
Да за того же-то за проклятого Идóлишша,
- 140 Да за того же царишша Вахрамеишша».
Ай да говорил ему Иванушко да таковы слова:
«Да уж ты честью мне не дашь, да возьму нечестью,
Да уж я тою же силушкой возьму великою,
Да уж я тою же грозою да княженецкою».
- 145 Да говорил ему король да таковы слова:
«Да ишо где же тебе взяти моя Авдотьюшка?
Да што сидит у меня Авдотьюшка в задней горницы,
Да за двенадцатью сидит у меня замочками,
Да за двенадцатью сидит да сторожочками».
- 150 Ай да тут не много-то Иванушко разговаривал, из гíрини вон пошел,
Ай пошел, убил-то всех двенадцать сторожочиков,
Да изломал тут все двенадцать он замочиков.
Да он заходит тут к Авдотьюшке в заднюю горницу,
Да ишо крест-то кладет он по-писа́ному,
- 155 Да он поклон-от ведет да по-ученому,
Дак уж он честь-то воздает на все четыре стороны:
«Да уж ты здравстуй-ко, Авдотьюшка Лебедь Белая».

- Ай да тут сидела-то Авдотьюшка да за красёньцами,
 Да вышивала она Идóлишшу рубашечку:
- 160 Ай да по кобылочкам у ей да ясны соколы,
 Да по набилочкам у ней да сизы голуби,
 Да по подножечкам у ней да чёрны соболи.
 Ай да говорил ей Иванушко да таковы слова:
 «Да уж ты гой еси, Авдотьюшка да Лебедь Белая,
 165 Да ты поди-тко-се, Авдотьюшка, за меня замуж».
 Ай дак тут не много-то Авдотьюшка разговаривала,
 Ай да она кинулась тут к Иванушку на белú шею.
 Да тогда брал-то ей Иванушко за белы руки,
 Ай да тут повел тогда Иванушко да по новым сениям.
- 170 Да как во ту-то пору, во то время
 Да тут расплакалась Авдотьюшка да Лебедь Белая,
 Да говорила Авдотьюшка да таковы слова:
 «Да ох тех-те-тенечки да мне тошнёхонько,
 Да как умел-то меня, батюшко, да воспоить да воскормить,
 175 Да не умел ты меня, батюшко, с честью замуж выдать».
 Ай да как во ту-то пору да во то время
 Да выходили они да во новы сени,
 Да услышали тут король да с королевою,
 Ай да говорили они да таковы слова:
- 180 «Да уж ты гой еси, Иванушко Гордёнович,
 Да ты пойдём-ко к нам попить, поесть, покушати.
 Да питенья да еденья-то к нам сахарного,
 Да ишо кушанья к нам да разнолишнёго».
 Ай да говорил тут им Иванушко да таковы слова:
- 185 «Да на приезде-то гостя не учёствовали —
 Да на отъезде-то будет не учёствовать».
 Ай да тут не много-то Иванушко разговаривал,
 Ай да легко-скоро он скакал да на добра коня,
 Да он Авдотьюшку садил да позади себя.
- 190 Да не видали тут Иванушка собираючись —
 Да только видели в чистом полюшке куревá стоит,
 Да куревá в поле стоит, да только дым столбом.
 Да уж он здраво тут едет лесé темные,
 Да уж здраво тут едет грязи черные,
- 195 Ай да пристыгает тут Иванушке темна ноченька,
 Да темна ноченька пристегла уж, ночь осённая.
 Ай да тут раскидывал Иванушка да белóй шатер,
 Да привязал он коня да ко белú шатру,
 Да надавал ему пшеницы белояровой,
- 200 Да сам с Авдотьюшкой валился да во белóй шатер,

- Да саблю вострую он клал да во серёдышек.
 Ай да Господь ночь пронес, да Господь день дает —
 Да што по утру тут было ранехонько,
 Да по восходу тут было солнышка красного,
 205 Да тут выходит Иванушка из белá шатра.
 Ай да как во ту-то пору, во то время
 Да как приехал к ему проклятое Идóлишшо,
 Да говорил-то он Иванушку да таковы слова:
 «Да так уж ты гой еси, Иванушко Гордёнович,
 210 Да ты поедем да в чисто полюшко, побрáтаемсе,
 Да нам которому достанется Авдотьюшке да Лебедь Белая».
 Ай да тут не много Иванушко разговаривал,
 Да легко-скоро он скакал да на добрá коня,
 Ай они поехали с Идóлишшом да во чистó поле.
 215 Ай да так они первое разъехались — помяли копыа булатные,
 Ай они второй-от раз ехали — вышибли у саблей по жéребью,
 Да так они третёй раз разъехались — скакали на сырú землё.
 Ай да тут по Божьей было всё по милости,
 Да по Ивановой тут было по участи:
 220 Да как во ту-то пору, во то время
 Да приослабла у Идóлишша да прáва ручушка,
 Да подломилась у Идóлишша да лёва ножечка,
 Да тут упал-то Идóлишшо на сырú землё.
 Да тогда сел к нему Иванушко на черны́ груди́,
 225 Да он хотел его спороть-то груди черные,
 Да он хотел посмотреть да ретивá сердцá —
 Ножа булатного у Иванушка не погидилосе,
 Да тут оставил Иванушко во белóm шатри.
 Ай да говорил тогда Иванушко таковы слова:
 230 «Да уж ты гой еси, Авдотьюшка да Лебедь Белая,
 Да ты поди мне принеси булатной нож,
 Уж да я спорю у его да груди черные,
 Да посмотрю я у его да ретивá сердцá.
 Да как во ту-то пору, во то время
 235 Да говорил тогда Идóлишшо да таковы слова:
 «Да уж ты гой еси, Авдотьюшка Лебедь Белая,
 Да хошь ты выйдешь, Авдотьюшка, и за ёго замúж —
 Да утро будешь-то жить да портомоечкой,¹
 Да кабы вышла ты, Авдотьюшка, да за меня замúж —
 240 Да ты была бы, Авдотьюшка, царицею».
 Ай у бабы волосы-ти долги, да у ей ум-то короткóй.
 Да тут не много-то Авдотьюшка-то разговаривала,
 Она брала тогда Иванушка за русы́ кудри́,

- Да тут упал тогда Иванушко на сырú землё,
 245 Да тогда встал Идóлишшо на резв́ы ногí,
 Да они взяли Иванушка опутали во сети семишелкóвые,
 Ай да привязали они Иванушка да ко сырú дубú.
 Ай да Господь день-от пронес, да Господь ночь дает,
 Да тут валились-то Идóлишшо с Авдотьюшкой в белóй шатер.
 250 Ай да Господь ночь ту пронес, да Господь день дает —
 Да што по утру тут было ранёхонько,
 Да по восходу тут было солнышка красного
 Да выходила тут Авдотьюшка из белá шатра.
 Да увидала да на сыром дубú голубя,
 255 Ай да говорила она царишшу да таковы слова:
 «Да уж ты гой еси, царишшо Вахрамеишшо,
 Да ты поди-тко выходи да из белá шатра,
 Да натяни-тко ты да свой честной-от лук,
 Да ты спусти-тко-се стрелоцку каленую —
 260 Да на сыром дубу сидит-от íóлубем,
 Да захотелось мне, Авдотьюшке, да голубетенки».
 Ай да тут не много-от царишшо разговаривал,
 Да выходил тут он да из белá шатра,
 Да натягает он да свой честной-от лук,
 265 Да направляет он стрелоцку каленую.
 Да разлетелась-то стрела каленая да во сырой-от дуб,
 Да от сыра-то дуба она отлетела Идóлишшу в лоб.
 Ай тогда упал да тут Идóлишшо да на сыру землю.
 Да как во ту-то пору, во то время
 270 Да тут расплакалася Авдотьюшка да Лебедь Белая,
 Да говорила она да таковы слова:
 «Да ишо охти-хти-ка мне тошнёхонько!
 Да от того-то я бережочку отъехала,
 Да до другого я бережочку не доехала».
 275 ² Да как брала она да саблю вострую,
 Она хотела у Иванушка отрубить уж буйну голову,²
 Ай попересекла сети-то семишелкóвыя,³
 Тогда встал-то Иванушко да на резв́ы ногí,
 Ай да тут пошел тогда Иванушка ко белú шатру,
 280 Да он не много тут Иванушка разговаривал,
 Да лёгко-скоро он скакал да на добр́а коня,
 Да он Авдотьюшку садил да позади себя.
 Да тут поехал Иванушко ко Пучай-реки,
 Да тут приехал Иванушка ко Пучай-реки,
 285 Да говорил тогда Иванушка таковы слова:
 «Да уж ты гой еси, Авдотья Лебедь Белая,

- Да ты поди-тко-се сойди да на сырú землю́,
Да ты сними у меня с правой ножечки да сафьян сапог,
Да почерпни-тко-се воды да ты ключёвою,
290 Да ты подай-ко-се мне, Иванушку, налитисе». ⁴
Ай да говорила ему Авдотьюшка да таковы слова:
«Да ты не хочешь напиться воды ключёвья,
Да уж ты хочешь отрубити у меня буйну голову».
Да говорил-то ей Иванушко да во второй након:
295 «Да уж ты гой еси, Авдотья Лебедь Белая,
Да ты поди-тко-се сойди да на сырú землю́,
Да ты сними у меня с правой ножечки да сафьян сапог,
Да почерпни-тко-се мне воды да ты ключёвою. ⁵
Да захотелось мне, Иванушку, што-то налитисе».
300 Ай да говорил-то ей Иванушка да во третей након:
«Ай да ты гой еси, Авдотья да Лебедь Белая,
Да ты поди-тко-се сойди да со добра коня,
Да ты сними у меня с правой ножечки да сафьян сапог,
Да почерпни-тко-се воды да ты ключёвою,
305 Да ты подай-ко мне, Иванушку, налитисе».
Да говорила Авдотьюшка да таковы слова:
«Да ты не хочешь напиться воды ключёвою,
Да уж ты хочешь отрубить у меня буйну голову».
Ай да тут не много Иванушка-то разговаривал,
310 Да лёгко-скоро он скакал да со добра коня,
Да вынимает тут Иванушко да саблю вострую,
Ой да уж он взял у ей отсек да праву ножечку:
«Да мне не надобна твоя да нога правая,
Да оплетала ты проклятого Идóлишша».
315 Да уж он взял у ей отсек ручку правую:
«Да мне не надобна твоя рука правая,
Да обнимала ты да проклятого Идóлишша».
Да уж он взял у ей отсек да груди белые:
«Да мне не надобно твои да груди белые,
320 Да прижимала ты проклятого Идóлишша».
Да так уж взял у ей отсек уста сахарные:
«Да мне не надобны твои уста сахарные,
Да целовала ты проклятого Идолишша».
Да уж он взял у ей отсек да буйну голову,
325 Да рассвистал-то ее косточки да по чисту полю́.
Ай да легко-скоро он скакал да на добра коня,
Да тут поехал Иванушка во славный Киёв-град,
Да встречали его друзья, братья-товарышши,
Ай да говорил ему Алёшенька Попович-от:
330 «Да ты здорово, брат, женился, тебе не с кем спать».

№ 108

- Красно солнышко ко западу и ко зăкату,
 То́гда у Владимира пир собираетця,
 Все бояра и хрестьяна на́ пир съехалисе,
 Все садились за дубовыя столы,
 5 Все хрестьяна и бояра повь́пили,
 Повыпили, приросхвасталисе.
 Умно́й-от хвастат добрым конём,
 А безумно́й хвастат молодой жено́й.
 А Владимир-князь по гривенке похаживает,
 10 А тросточкой по полу побрякивае<т>,
 А русыма кудрями принатряхивае<т>.
 А сидел один Иванушко Гордѣнович,
 Он не пьѣт, не ест, ничем не хвастает.
 А Владимир-¹от подходит-¹ к Иванушку:
 15 «Что же ты, Иванушко, не ²пьешь, не ешь,⁻²
 Не пьешь, не ешь, ничем не хвастаѣшь?
 Разве тебе, Иванушко, место не по вотчины,
 Старой над тобой надсмехаютце,
 А младо́й над тобой наругаетце?» —
 20 «Бла<г>ослови-ко-тко, дядюшка, слово молвити.
 Место-то мне по вотчины,
 Старой надо мной не надсмехаютце,
 А младо́й надо мной не наругаетце,
 А все-то у нас во городе поженены,
 25 А красны-ти девушки у нас повыданы». —
 «А ты женись-ко, Иванушко, где те хочетце,
 Ты бери-тко золотой казны, сколько надобно». —
 «Мне не надо-тко, дядюшка, твоя золота казна,
 А женитьця я буду у цариша Вахрамеишша
 30 На³ душечке Овдотьѣ Белой Лебеди.
 Грозностью возьму я княжецкою,
 А силоцькой возьму богатырскою». —
 Только видели Иванушка как собираетце —
 А не видели Иванушковой поездочки,
 35 Во чистом поле курева́ стоит.
 Приезжат Иванушко к царищу Вахрамеищу,
 А входит Иванушко в полаты белокаменны,
 Кланяетце Иванушко низко о землю:
 «Уж ты здравствуй-ко, царь Вахрамеишо!» —
 40 «Уж ты здравствуй-ко, Иванушко Гордѣнович,
 Ты⁴ не в рабы ли пришол ко мне, не в служение?»

- «Я не в рабы пришол и не в послушники —
 А пришол я к тебе посвататьця
 На Белой Лебеди Овдотьюшке».
- 45 «Засватано мое чадышко⁵ за царице».
 «Уж ты честию не отдашь, так возьму нечестью,
 Уж я грозность〈ю〉 возьму княжец〈кою〉,
 Уж я силою возьму бога́тырскою». —
 «А сидит моё дитятко в высоком тереме,
 50 А стоит сторожов челая чисменница,
 За замками сидит за двенадцатью».
 Пошол Иванушко, всех сторожов прибил,
 И все двенадцать замков сорвал,
 Зашол к Овдотье в терем высокие:
- 55 «Здравствуй, Овдотья Лебедь Белая!»
 «Здравствуй, Иванушко Гордёнвич!»
 Берёт Овдотью за белые руки,
 Ведёт Овдотью на широкой двор.
 Скрычала Овдотья громким голосом:
- 60 «Умел меня, батюшко, вспоить-вскормить,
 А не умел меня, батюшко, взамуж выдати!»
 То́гда садился Иванушко на добра коня
 И Овдотью садил туда же на добра коня,
 Ехали по чисту́ полю́,
- 65 Пристыгала их ночка тёмная,
 Розоставил Иванушко белой шатёр,
 Зашли в шатёр с Овдотьей Белой Лебедью.
 Наехало в сугон Идолишшо,
 Отнял Овдотью Лебедь Белую,
- 70 А опутали Иванушка в путышки шолко́вые,
 Сами зашли во белой шатёр.
 Захотелось Овдотье мяса голубино́го,
 А Идолишшо вышел стрелять сиза голуба,
 Не сиза́ голуба подстрелил — сам себя.
- 75 То́гда Овдотья вскричала зычным голосом:
 «От того-то я бе́режку отъехала,
 А до друго́го-то не доехала».
 Вышла на белу улицу, заплакала.
 То́гда Иванушко промовил Овдотью Белой Лебеди:
- 80 «Отпутай,⁶ Овдотьюшка, из путов из шолковы〈х〉,
 Я не буду не бить, не учить,
 А только дам женьско́ поученьице».
 Овдотья схватила саблю вострую,
 Хотела срубить⁷ у Иванушка буйну голову,

- 85 А попала по путушкам шелкóвым.
Отпал Иванушко от сыра дуба.
То́гда избил Иванушко Овдотью Лебедь Белую,
Во-перьвых, отрезал губы алые:
«Не надо мне твои губы алые —
90 Целовали Идолища проклятого».
Во-вторых, отрезал груди белья:
«Шшупал Идолищо проклятое за белы груд(и)».
Во-третьих, срубил буйну голову.
То́гда приехал Иванушко во Киев-град,
95 Стречали Иванушка князи-бóяра,
Проздравляли Иванушка Горденовича:
«Ты здорово женился — тебе не с кем спать». —
«А женилась моя сабля вострая».
(Больше всё.)

ДАНИЛО ЛОВЧАНИН (№ 109)

№ 109

- Было-жило во славном городи во Киеви,
Ай у ласкового князя у Владимира:
Собирал-то Владимир-князь поцесён пир
Он на всех-то на князей, бояр богатых,
5 Он на тех-то на купцей-гостей торговых.
Ише вси-ти на пиру да напивалисе,
Ише все на чёснóм да наедалисе.
Говорит-то князь Владимир да таковы реци:
«Не видали ли вы где мне красной девици,
10 Хошь вы умну мне-ка где-нибудь, разумную,
Мне-ка хочь из простого житья, не из царьского?
Мне-ка скуснѣ ведь, князю, холостому жить,
Холостому князю жить, да нежонатому».
Тут выскакавал-то един хвасьлив мужик,
15 Шьто хвасьлив мужик ведь Васько Торока́шко всё Замóренин:
«Я везде-то, князь Владимир, я везде бывал,
Я везде бывал, многіх людей видал —
Не видал я лучше-краше-то Борисушка-то князя молодой жоны:
Красота-та у ей в лиці неизреценная,
20 Не могу-ту я на ей, не мог да нагледетисе.
Ише лучше-то Борисушковой князя-та жоні на свети нет».
А Владимир-от князь да усмихаитце:

- «Шьто ты, глупой ты едакой Васька, мужик ты деревеньської жо!
Ише как можно на свети у жива мужа жону отнять?» —
- 25 «Мне немного надо, дело скоро сделаем:
Созови-тко ты Бориса на почёсэн пир,
Ай пошли-ко ты Борисушка-та на Буян-остров,
Как уходим мы Борисушка крутёхонько:
Ты вели, князь, извезать да всё шолкóв нёвод,
30 Ты возьми ёго отправь да на Буян-остров,
На Буяни-то на острови выходит всё страшóн ведь зверь,
А страшóн-от зверь выходит всё вакáнишшо». ¹
Говорит-то Владимир таковы реци:
«Вы зовите Борисушка ко мне вы князя на поцесён пир».
- 35 Они скоро Борисушка-та созвали всё на поцесён пир.
Говорит ёму Владимир таковы реци:
«Уж ты гой еси, Борис да сын Романовиць!
Ты ведь съезди-тко от меня, от князя всё Владимира,
Я наложу на тибя, Борисушко, службу великую:
40 Ай ты съездий, Борисушко, от миня на Буян-остров,
Излови-тко-се в шолков невод страшного ты зверишша всё ваканишша,
Роспори ты у его да груди серья,
Вынь-ко у его да ретивó серьцо,
Положи-ко ты на блюдо на серебряно,
45 Привези ты ко мне, князю, всё на посмотреньицё».
Как ведь тут Борисушко да не ослышилсэ,
Поскорёшенько он ведь тут домой пошел.
И пришел-то он к своей да молодой жоны:
«Уж ты гой еси, кнегина молода жона!
50 А накинул на меня ведь князь службу великую:
Посылает меня князь ведь съездить ко синю морю,
Ко тому ли ко Буяну, страшну острову,
Изловить велит зверишше всё вакáнишше,
Роспорóть велит да ёго груди серья,
55 Положить его серьцо на блюдо на серебряно,
Привезти велит князю на посмотреньицё.
А неси-тко-се, моя ты молода жена,
Ты неси-тко мне да полтора ста стрел».
Принесла-то она ёму да полтретьяста стрел.
- 60 Ише тут ведь Борисушку-ту за беду стало,
За досадушку ему всё показалосе:
«Ай не стал-то меня Бог ведь миловать,
Как Владимир-от князь меня жаловать,
Молода миня жена не стала слушати!»
- 65 Он ведь взял с собой ведь тольке полтора ста стрел,

- Он поехал скоро ко синю́ морю,
 И приехал скоро он да на Буян-остров,
 Он поставил-то ведь к морю всё шолко́в нёвод,
 Уловил-то он зверишша страшного ваканишша,
 70 Роспорол у его да груди серья,
 Вынимал-то у его да ретивó серьцё,
 Положил-то да на блюдо на серебряно,
 Он поехал домой всё веселёхонёк:
 «Шьто избавил миня ⟨Г⟩осподи и той смерти!»
- 75 А как во ту ведь пору, во то время
 Приудумал Васька Горокашко всё:
 «Уж ты дай мне-ка, Владимир-князь да стольнё-киевської,
 Уж мне дай-ко силушки да полтретьяста целовек,
 Убьём-то мы Борисушка в цистом поли́».
- 80 Ише дал ёму Владимир полтретьяста силушки,
 Да ведь стретили Борисушка-та, Васька во чистом поли.
 А стреляя Борисушко, выстрелял вси стрелоцьки,
 Он ведь вьстрелял всё стрелок полтораства же,
 Не хватило у его да больше стрелоцьк.
- 85 «Охти, мне-ценько тепере-ка тошнёшенько!
 Мне-ка ладно говорила молода жона».
 Ише тут ведь Борисушка убили всё.
 Вси ведь с_делались они тут веселёхоньки.
 Собирает князь на радости поцесён пир,
- 90 Посылаёт скоро он скоры́х послов,
 Он скоры́х послов ко Борисушку да во полатушки.
 А ведь ти послы придут, уйдут — дак и други́ придут.
 А зовут они ведь в царьской дом Борисушкову молоду жону:
 «Ты поди-тко-се ко князю ко Владимиру —
- 95 Шьто наехал-то у тя Борисушко ведь из циста́ поля».
 Говорит она им да таковы реци:
 «Не проехал бы² Борисушко-то, кабы жив он был».
 Посылаёт опеть да он ведь, князь Владимир-от,
 Посылаёт он за ей скоры́х послов,
- 100 А шьтобы скорей она шла, шьтобы не медляла.
 А приходит она во полатушки-то княженеськия,
 А во цёрном платьици пришла, сама в пецельнем-то.
 Она крест-от кладёт да по-писа́ному,
 Он⟨а⟩ поклон-от ведёт всё по-уцёному,
- 105 Она бьёт целом Владимиру во руценьку во правую,
 Князям, боярам всим она да низко кланялась.
 Ей берёт-то всё князь да за белы́ руки:
 «У тя нету Борисушка живого-то,

- Он лёжит убит всё во цистом поли.
- ¹¹⁰ Ты поедем со мной всё во Божью церковь,
Ты прими со мной, со князем, по злату винцю».
Говорит-то Борисушкова молода жона:
«А нейду-то с тобой, князь, во Божью церковь,
Не приму-ту я с тобой по золоту винцю.
- ¹¹⁵ Мне-ка дай-ко съездить строку до циста поля,
Захоронить-то у Борисушка белó тело».
Говорил-то князь Владимир славной киевської:
«Поежай-ко-се; я ведь дам тебе-то строку съездить во цистó полё,
Ай бессрочнёго-то времени, братцы, на свети нет».
- ¹²⁰ Как поехала кнегинушка Борисова,
Приворотила она во кузницю железную,
Искавала-то себе два ножицька булатныи,
Ай булатныи, два ножицька себе укладныи,
Шьто поехала тогда же во чистó полё,
- ¹²⁵ Розыскала в цистом поли тело белоё,
Предала тело ко матушки к сырой земли.
И сама-то тут у тела приросплакалась:
«Не послушал ты, Борис да князь Романовиць!
Ай тепереце меня хотят да всё похитить-то,
- ¹³⁰ Не дают-то мне топереце вдовой вдовець,
Миня насилу хоцёт князь Владимир взять-то за сибя замуж,
Овенцяць-то меня хоцёт, овинцётъце во Божьей церкви.
Не пойду-ту я замуж-от за князя за Владимира,
Я полóжу таку заповедь великую:
- ¹³⁵ Я полóжила два ножицька булатных,
Как во матушку полóжила в сыру землю,
Как полóжила-то ножицьки тупым концом во матушку в сыру землю,
Ай вострым концём себе да в ретивó серье:
«А лежит-то белó тело где Борисово,
- ¹⁴⁰ Ай лёжи же тут моё тело, кнегинино!»

ХОТЕН БЛУДОВИЧ (№ 110—111)

№ 110

Ай во славном было городи во Киеви,
Ай у ласкового князя у Владимира
Заводилось пированье-стол, поцесён пир.
Собирает-то этот пир всё не Владимир князь,
⁵ Собираёт Опраксёя-королевисьня

- Ай да тех ли на красных всё на девушек,
 Ай на тех ли на жон да жон всё мужниих,
 Ай на тех ли на вдов благоцесливных,
 Шьчо на тех ли на сирот да всё безматёрных,
 10 Ай безматёрных да всё на бедных-то.
 В перьву голову звала да князёву родну сёстру,
 Ай родну-ту сёстру всё Цясову жону,
 Другу голову звала на пир — Хотенюшка-та Блудовиця родну матушку.
 Посадили Цёсову жону ведь по родни-то ей,
 15 По родни-то ей садили во большой угол.
 Блудову-то жону садили по Хотенюшки,
 За ёво-то ли за силу богатырьскую,
 Ай садили ей подле Цясову жону,
 Подле князя-то Владимира родну сёстру.
 20 Ай сидели они да пили, кушали,
 Пили, кушали они да проклаждалисе,
 Наливала им княгина мёду сладкого,
 Подносила она им да всим по цяроцьки,
 Они скоро ставали вси да на резвы ноги,
 25 Они скоро-то брали ети цяроцьки,
 Они вси молились за царицю православную,
 Ай молили, просили Бога (Г)оспода.
 Тут ведь (в)спомнила вдова да Блудова жона,
 Как не пьёт-то она да своей цяроцьки,
 30 Да подносит она да Цясовой жоны:
 «Ты возьми, возьми у мя, да Цясова жона,
 Ты возьми-тко у мя цяроцьку в белы руки —
 Заведём-то мы с тобой дело немалое,
 Мы немало-то с тобой, дело великое,
 35 Ай велико с тобой дело — разве сватовство:
 Ты отдай-ко-се свою-ту доць любимую
 Ишше ту ли ты Чависьню Часовисьню,
 Ишше ту ли мне девицю девети братьей,
 Девети-то ведь братьей-то ли, ясных соколов,
 40 За моего-то за сына за любимого
 За того ли за Хотенюшка за Блудовиця».
 Да брала-то ету цяру Цясова жона,
 Да брала-то как в свои-ти во белы руки,
 Выливала-то ей цяроцьку в ясны оци,
 45 Обливала у ей шубку сарацыйскую,
 Обливала ведь у ей у шубки пугови:
 Да перьва-та у ей пуговка была в сто рублей,
 Ай друга-та у ей пуговка была да в целу тысяцю,

- А третей-то ведь пуговики да цѣны нѣ было.
- 50 Обливала-то у ей вси оци ясныя,
 Пристыдила-то ведь ей да прибешѣстила
 Да при всѣм-то ей пирѹ да при многѣх людях,
 Всѣ при князи-то ей, всѣ при кнегины-то,
 Обругала-то ей сына любимого,
- 55 Ай того же богатыря могуцѣго
 И того же Хотенюшка всѣ Блудовица:
 «Ай отець-то у его да всѣ был Блудишшо,
 Ишше сын-от осталсѣ всѣ уродишшо,
 Он ведь ездит по городу уродуѣт:
- 60 Ишше хто бы Хотенюшку рубашку дал,
 Ишше хто бы Хотенюшку бы подштаньницьки,
 Ишше хто бы Хотенюшка-та покормил да хлебом-солью бы,
 Покормил его обедом либо ужиною?»
 Тут заплакала горько Блудова жона,
- 65 Она сжала вси досады на желанном ретивѣм серыци.
 Тут не мог же усидеть родимой еѣ¹ брателко
 Ишше тот ли наш Владимир-князь да славной киеськой,
 Он сказал-то Цясовой жоны одно слово:
 «Уж ты глупая ты всѣ моя родна сестра,
- 70 Неразумна ты вот, моя Цясова жона!
 Немалу ты собе шутоцьку нашѹтила,
 Ишше как-то тебе шутка ета с рук сойдѣт?
 Отворотит ведь Хотенюшко тебе, сѣстра, да все насмешоцьки».
- Просидела Блудова жона уж весь же пир.
- 75 Тут ведь стали со пирѹ-ту расходитисе,
 Ишше стали со цѣсноґо ропрошшатисе,
 Ай пошла-то ту домой да Блудова жона,
 Как Хотенюшка всѣ рѣдна матушка,
 Она крест-от кладѣт да всѣ по-писанному
- 80 Да поклон-от всѣ ведѣт да по-уцѣному,
 Ропрошайтце со ласковым со князем со Владимиром
 Ай со той же со княгиной с Опраксеей-королевисьней,
 Поклоняйтце на все четыре стѣроны,
 Со всима-то она да всѣ прошайтце.
- 85 Как приходит к своѣму-ту к широку двору,
 К широку двору, крылецьку всѣ паратному.
 Да стрѣяѣт-то скорѣшенько еѹ кухароцьки,
 Отпирают-то тут крыльцѣ, дверь паратную,
 Ай стрѣяѣт ей Хотенюшко млад Блудовиць,
 90 Да стрѣяѣт ей Хотенюшко-то на новѣх снях,
 Он берѣт-то ей за руценку за правую,

- Ай ведёт-то ей в полаты белокамянны,
 Ай садит-то ей на стул всё рыга бархата,
 Розьдеват-то у ей шубу сороциньскую:
 95 «Уж ты шьто же, моя маменька родимая,
 Ты родима моя маменька любимая,
 Ты невёсёла пришла с пиру́, нерадосьня?
 Разве местом-то тибя да обсадили тут,
 Разве цяроцькой тибя да обнесли они,
 100 Ли невежа над тобой-то разве насмеялсе?»
 Говорила-то ево да рódна матушка,
 Родна матушка ево, всё Блудова жона:
 «Ай ведь местом-то миня кнегина не обсадила же,
 Ишше цяроцькой миня не обнесла она,
 105 А невежа надо мной же натсьмеялсе —
 Натсьмеялсе надо мной всё Цясовá жона:
 Я посваталась-то за тобя, да цядо милоё,
 Цядо милоё моё да ты любимое,
 На её-то на любимой всё на доцяри
 110 А на той ли на Чависьни Часóвисьни,
 Я на той ли на девіци девети братьей,
 Девети-то я братьей, всё ясных sóколов.
 Выливала мне цяроцьку она в ясны оци,
 Обругала все тибя, моё да цядо милоё,
 115 Цядо милоё, Хотеюшко ты Блудовиць». —
 «Ты не плаць-ко-се, моя ты матушка родимая,
 Ты родима моя матушка любимая!
 Не моци ты свои-ти оци ясныя:
 Отсьмею-ту я ведь ей скоро надсьмешоцьку».
 120 Он ведь скоро ставал да на резв́и ноги,
 Он ведь скоро брал со сьпицьки саблю вострую,
 Он ведь скоро-то седлал да он добра́ коня,
 Он добра́ коня седлал всё богатырьского,
 Он ведь брал с собой кóпьице циркальскоё,
 125 Он поехал по городу по Киеву
 Он ведь мимо-то её да всё окошоцько.
 Тут увидяла всё Чависьня Часóвисьня,
 Ишше та ли ведь девіця девети братьей,
 Девети братьей девиця, ясных sóколов.
 130 Ай мёталась-кинáлась во косисьцято окошоцько,
 Отпирала ведь окошоцька немножоцько,
 Шьчо крыцяла-то своим за зыцьним голосом:
 «Ишше смел ты всё, урод, на мне посвататьце!»
 Тут не лютоё-то зэльё роскипелосе,

- 135 Богатырьско-то серыцѣ розгорелосе.
 А как брал-то тут скоро своё востро́ копьѣ,
 Он ведь шарнул-то копьём всё ведь в окошоцько,
 Он немножко ей не прѣдал смерти скорыя.
 Сам поехал он скоренько во чисто́ полѣ,
- 140 Он убил-то, он убил да взял всё семь быков,
 Он извил-то, приготовил взял он семь ремней,
 Изымал-то взял-то деветь ясных со́колов,
 Привезал взял ко берѣзоцькам, ко со́сѣнкам,
 Изымал-то всех уда́лых добрых мо́лодцов,
- 145 Сам поехал-то назад да в красѣн Киев-град.
 Он приехал-то опеть к им под окошоцько:
 «Изымал-то я твоих всех ясных со́колов,
 Отсмеял я тебе всё ишшѣ натъсмешоцьку,
 Отсеку я их поеду буйны головы».
- 150 Говорит-то тут ведь Чависьня Часовисьня:
 «Ты поди-сходи, маменька, ко дядюшки,
 Ко тому сходи ко князю ко Владимиру,
 Попроси ты у его да хоть ты силы-то,
 Попроси ты ведь силы десеть тысеце́й.
- 155 Да убейте-то тогда всё уродишша престрашного,
 Да не ездил шьтобѣ по свету белому,
 По тому же он по городу по Киеву».
 Как приходит тут скоро Цясовá жена:
 «Уж ты гой еси, родимой милой братѣлко,
- 160 Уж ты милой, ты любимой всё Владимир князь!
 Мне-ка дай-ко-се ты силы десеть тысецей,
 Ты повыруци любименьких плямяницьков,
 Ты ис той же повыруци неволюшки,
 Заморит ведь нас ведь он смертью́ голодною».
- 165 Он ведь дал-то тут ей силы десеть тысеце́й.
 Ён прибил-то ету силу на единой дух,
 Некакой же она пользы всё не сделала,
 Привела только в изьян князя Владимира.
 Как пошла она просить к ёму в другой након:
- 170 «Уж ты дай мне-ка силы двадцѣть тысеце́й».
 Говорит-то князь Владимир таковы реци:
 «Уж ты глупая сестра, всё неразумная!
 Розгрубѣли вы теперь богáтыря могуцѣго.
 Мне-ка силы-то тебе-ка больше жалко дать.
- 175 Я даю́-то тебе лучше золотой казны:
 Ты вели ёму поставить-то ево востро́ копьѣ,
 Ай востро копьѣ поставить-то ему на ярой лёд».

(Когда замёрзнет, тоненькой — шьтобы больше насыпать.)

Она приходит к богатырю Хотеюшку, да низко кланялась:

«Ты поставь, поставь, Хотеюшко всё Блудовиць,

180 Ты поставь-ко-се своё-то копьё востроё,
Ты воткни-ко-се ты всё да как во ярой лёд,
Мы обсыплём тебе да красным золотом.

Уж ты выпусти ты детоцёк моих любимых

Ты из той ли из великой из неволюшки!»

185 Ай на то-то всё Хотеюшко не соглашайтце:

«А ненадоть мне-ка ваша золотá казна,

«У мя ес(т)ь казны да красна зóлота,

Оста́влено у мя у рóдного у батюшка,

Мне во веки-ти будёт не прожить-то мне,

190 И останитьце она-то от миня-то людем добрым.

Я ведь скоро же поеду во чистó полё,

Отсеку же я у их-то буйны головы».

Говорит-то князь Владимир таковы слова:

«Уж ты гой еси, сестра моя безумная!

195 Ты поди давай свою хошь доць любимую:

Не возьмёт ли он, бывает, её в супружество,

Не возьмёт ли он, бывает, её в кухароцьки».

Ведь пошла она давать свою же доць любимую:

«Ты возьми, возьми, Хотеюшко сын Блудовиць,

200 Ты возьми, возьми любиму доць в кухароцьки!»

Говорил-то Хотеюшко таки реци:

«Мне нашьто-то мне твоя-та доць безумная?»

Я возьму лучше у бедного хресьянина,

Из имениця возьму, не из богатства ей —

205 Ай лицём она хоро́ша, всё умом сверстна».

Она пала-то ёму во резвы́ ноги:

«Ты возьми, ты возьми у мян любиму доць,

Ты спусти у мян на волю ясных со́колов!»

Ай сговорила ёму матушка родимая,

210 Ай родима ёго матушка любимая:

«Ты послушай-ко миня хошь, цядо милоё,

Ты миня-то же, родиму свою матушку:

Ты возьми-тко-се, возьми ей за себя замуж,

Ты хошь для-ради возьми князя Владимира,

215 Хошь ты ради Опраксеи-королевисьни.

Ты спусти-тко-се на волю ясных со́колов:

Как они-то всё тебе не виноватая».

Он послушал всё родиму свою матушку,

Он ведь съездил скоро во чистó полё,

- 220 Он спустил-то всех на волю ясных соколов,
 Он привёз-то их с собой же в красён Киев-град.
 Он же взял тогда сестру ихну в замужество.
 А ведь съездили они тут во Божью церковь —
 Ишше тот же Хотеюшко да Блудовиць
- 225 Ай со той ли девіцей с Чависьнёй с Часовисьнёй
 Девети-то ведь братьей, ясных соколов.
 А повёлся у их тогда всё пир на радости,
 Они звали-то на пир князя Владимира,
 Они звали Опраксею-королевисьню.

№ 111

- Как было во славном городи,
 Как во славном во Киеви,
 И как у князя-то у Владимира,
 И как у Владимира Святослаёвича,
- 5 Заводилсе у князя почесён пир.
 Говорил-то князь Владимир своим-то он да кнёжеським слугам:
 «Вы поди-ко, зовите ко мне, князю, да на почесен пир,
 Во-первьых, зовите мне на пир да Часову́ жену,
 Во-вторых, зовите вы да Блудову́ жену».
- 10 Часова́ жона была князя Владимира родна сёстра,
 А Блудова́ жона была да королю сёстра.
 Тут прислуги скоро они сбиралисе,
 Они скоро-то да одевалисe,
 Пошли-то звать да Часову́ жону,
- 15 А приходили к ней в высокие да в новы горницы:
 «Уж ты ой еси же, Часова́ жена,
 Вас же звал-то нашо красно солнышко,
 Как Владимир-от же князь да Святослаёвич,
 На почесен пир попить, покушати».
- 20 А и пошли послы скорó да княженеськия,
 [О]ни пошли скорó да к Блудовой жоны,
 [О]ни ишше звали ей да Блудову́ жону
 На почесен пир ко князю ко Владимиру:
 «Уж ты, Блудова́ жона, же звал вас нашо же красно солнышко,
- 25 И Владимир-князь да Святослаёвич,
 На почесён пир да посидеть к ему».
 Ишше скоро они да сбиралисe,
 Собиралисe да одевалисe
 В дорогоё-то пла́тьё в цвётноё,

- 30 Ъ одевали на себя шубочки да соболиные,
 И пошли ко князю ко Владимиру да Святослаёвичу,
 На почесен пир скорбó подходили ко грины княженеською,
 Ко тому ли ко крылечушку да ко паратному,
 Ко тому ли ко колечушку да золочёному.
- 35 От встречали-то же их да кнѣзя Владимира да вси придворнички,
 Все придворнички стречали, караульшички,
 Проводили их во грины княженеськие.
 И сам стречал-то их нашо красно солнышко,
 Как Владимир-от да князь да Святослаевич,
- 40 Он садил-то их за дубовы́ столы,
 Он за те ли всё за скатерти за браные,
 И за те ли за ёствы сахарные,
 За дороги-ти за водочки заморския.
 И садил-то князь Владимир Часову́ жону
- 45 Возле себя же он да по праву́ руку́,
 А Блудову́ жону садил да под леву́ руку́,
 Они пили, ели да на почесном пиру,
 Ёни забавныма речами всё да розговаривали.
 Со улыбочкой со весёлою говорил-то князь Владимир Святослаёвич
- 50 Он своим-то же слугам да слугам верным же:
 «Уж вы ой еси, мои послы да княженеськие,
 Вы налейте-ко по чарочки да дорогих напитокок заморских же,
 Вы кладите-ко берите поднос да золочёной же,
 Вы по чарочки да Часовой жоны,
- 55 Часовой жоны да Блудовой жоны,
 Поднесите-ко же им по чарочки да всё заморских пив».
 Тут послы же княженеськия наливали же чарочки да золочёныя
 И подносили они да Часовой жоны,
 И подносили же чарочку да Блудовой жоны,
- 60 И низко же им да «пейте, кушайте,
 Часова́ жона да Блудова́ жона,
 А и как от князя же вы да от Владимира».
 Тут брала же чарочку да Часова́ жона,
 И брала же чарочку да Блудова́ жона.
- 65 Говорила же Блудова́ жена,
 Говорила же да таковы слова:
 «Уж ты ой еси, да Часова́ жона,
 Уж мы выпьём с тобой да полчарочки да мы да мёду сладкого.
 Мёду сладкого же всё заморьского.
- 70 И я скажу тебе, да Часова́ жона,
 Уж мы выпьём с тобой да всё по рюмочки,
 Я посватаюсь у ты да на твоей ли всё любимой дочери,

- Как на той ли я на Лебедь Белою,
 Как на Чаясни, отдай ты ей, Часовисню,
 75 Отдай взамуж за моего сына любимого,
 За того ли ты отдай да за Хотеюшка за Блудовича».
- И тут же Часовой жоны да за беду пало,
 Она взяла чарочки да золочёною,
 Дороги напитокки из ей на ей всё вылила.
 (На Блудову-ту жону, облила всю.)
- 80 Как облила у ей всю шубочку да соболиную,
 А и на шубочки у ей было же три же пуговки:
 Перва пуговка была да во пятсот рублей,
 А втора пуговка была у ей во тысяцю,
 А третьей пуговки у ей да цены не было.
- 85 А и говорила тогда да Часова жона:
 «Я не отдам-то своей же дочери любимую,
 У мня дочь-то Чаясня Часовисня да девяти братей,
 И девяти братей, могучих руських богатырей,
 А у тя же отець всё был Блудишшо-то,
- 90 А у тя сын-от Хотейшшо,
 Ишше ездит у тя вон по городу по Киеву,
 Он же ездит да всё да уродливат,
 Ишше кто бы Хотеюшку рубашку сошил,
 Ишше кто бы Хотеюшку порточки дал!»
- 95 Ише тут-то Блудовой жоны да за беду сталó,
 Что обнесла ее да чада милого,
 Чада милого и ее любимого,
 Как того ли Хотей сына Блудовича.
 А Хотей-от был же сын же Блудович,
- 100 Он богатырь же-от же был очунь пресильней-от,
 От пресильней-сильней, очунь был премудрой всё,
 И то не посидела тогда да Блудова жона,
 И она пошла с пиру от князя от Владимера,
 И благодарила князя Владимера.
- 105 И как провожал-то он, Владимер, Блудову жену,
 Провожал-то он с калидора с княженеського,
 Со крылечушка провожал ей со паратного,
 Низко кланялсе князь же всё Владимер ей,
 Спроводил же тогда князь да Блудову жону.
- 110 Приходила Блудова жена ко своему терему,
 И заходила она на крылечушко паратное,
 И она за то ли запирала колечушко золочёное.
 И стречал-то ей чадо всё же милое,
 Ишше тот ли всё Хотей да сын же Блудович,

- 115 Брал он свою матушку родимую,
 Брал он ей за бѣлы рученьки, вѣл же ей,
 И всё во комнату-ту ей да во высокия,
 Как во горници-ти вѣл да всё во новыя,
 И он садил-то свою матушку родимую
- 120 Он на ту ли на кроваточку кисѳовую,
 На перинучку садил ей на пухѳовую,
 Скинывал он со своей да с рѳдной матушки,
 Скинывал он с ней шубочку да соболиную,
 Он же вешал матушкину шубочку всё на спичечку.
- 125 Говорил-то тогда да он же рѳдной матушки,
 Говорил Хотей же всё же Блудович:
 «Уж ты ой еси, ты моя матушка родимая,
 И ты ишо пришла от князя с пиру всё не вѣсѣла?
 И не вѣсѣла пришла же всё, не радосьня?»
- 130 У те бежат-то по лицу да слезы капали,
 А и разве тебя-то князь Владимир на пиру да худо угостил?
 Разве место тебе да было да посажѳна ниже всех?
 Разве, матушка родима, какой над тобой невежа насмеялсе он?
 Ты скажи-ко мне да всю сушшую правду же,
- 135 Отмешшу я ту насмешечку великую».
 Тут заплакала его да рѳдна матушка,
 А и говорила Хотейю сыну Блѳдовичу:
 «Уж ты ой еси, моѳ ты чадо милоѳ,
 Уж ты мило чадышко всё любимѳ,
- 140 А Хотей же ты у мня же сын же Блѳдович,
 Мне-ка место у князя было всё почѳсноѳ,
 И угошшал меня да сколько мне-ка надобно,
 И некакой невежа надо мной да не насмеялсе же —
 Насмеялсе надо мной да Часовá жона,
- 145 Пристыдила меня при князи всё Владимири.
 И как послы же всё княженеськие
 Поднесли же нам по чарочки да мѳду сладкого,
 И с Часовѳй же нам да нам же вместе с ней,
 И говорила тогда же Часовѳй жене:
- 150 „Уж ты ой еси, да Часовá жона,
 Ты отдай, отдай же Чаясно Часовисню,
 Одинакую свою дочь любимую,
 За моѳго-то сына всё любимого,
 За Хотейюшка отдай да всё за Блѳдовича”.
- 155 А она облила у мня взяла мою-ту шубочку да соболиную,
 А и облила она на шубочки у мня да три же пуговики,
 А и говорила-то она мне таковы слова:

- „Не отдам я своей дочери любимую,
Уж я девяти братей да ясных соколов,
160 За твоего сына да за Хотеюшка,
А как отець-от был Блудишшо всё,
А сын-от всё Хотейшшо.
Он ездит уродует у тя по славну городу по Киеву,
Ишше хто бы Хотеюшку рубашку сошил,
165 Ишше хто бы Хотеюшку порточки дал!”».
И говорил тогда Хотеюшко сын же Блудович,
Он валил-то свою маменьку любимую,
На кисовую валил ей на кроваточку,
На пуховую перинушку,
170 А и он на те ли валил на подушечки пуховые,
А и он закутывал родну матушку одеяльшком соболиновым,
И говорил тогда Хотеюшко родной матушки:
«Уж ты матушка моя да всё родимая,
Отмешшу я ту насмешочку я Часовой жоны».
175 И он пошел скоро Хотеюшко сын же Блудович,
И он пошел скоро на широкой двор,
И брал он скоро в руки узду да всё серебрянную,
И одевал он на своего коня на богатырского,
И одевал он скоро на себя латы богатырския,
180 И одевал он на себя да платье богатырское,
И ишше брал скоро сабельку же булатную,
Ишше брал Хотеюшка с собой да копье вострое,
Он садилсе-то Хотей же сын же Блудович
Он на своего-то коня да богатырского,
185 Он поехал-то далече да во чисто поле,
Он взял убил в чистом поли девять быков всех же их,
И он снял взял с их кожу да на ремни же всё,
И тогда он ети ведь ремни же выкроил,
А и как взял он тогда поехал далече во чисто поле.
190 А там ее-то девять сынов Часовой жоны,
Они ездили по чисту полю поляковали,
И приезжал скоро Хотей же сын же Блудович,
Он же взял девять братицей родимых всё,
Он связал их взял за ремни-ти за бычие,
195 Приковал он взял к седельшку к черкальскому,
Ко своему он добру коню к богатырскому
И он повез тогда он в Киев-от ко городу
Мимо Часову жену да мимо терем ее.
Увидала тогда да Часова жона,
200 Што едет Хотеюшко да сын же Блудович,

- Он везёт-то ее девять сынов да ясных соколов,
 Они привязаны у его к своему ко добру коню.
 И тут увидела же Чаясня Часовисня
 Она своих же всё родимых девять братицей,
 205 Отпирала окошечко косисцето,
 [О]на крычала-зычала зычным голосом:
 «Уж отец же был же Блудицо,
 Ище сын-от еще Хотейцо,
 Ище ездись по городу по Киеву,
 210 Ище ездись да всё уродуешь,
 Ище кто тебе, Хотейо, рубашку сошьёт,
 Ище кто бы Хотейошку порточки дал!»
 Ище ехал Хотейошко да сын да же Блудович,
 Не глядел-то на ихной терем всё высокой-от.
 215 Тогда побежала скоро Часова жона,
 [О]на ко князю побежала ко Владимиру,
 И она заходила во грини княженеськия,
 Она падала [В]ладимеру да во резвы ноги,
 Она падала, слезами горячими обливаласе:
 220 «Уж ты князь ты наш, да красно солнышко,
 Ты Владимир же всё да Святослаевич,
 В чем я тебя да попрошу тебя,
 И пожалей-ко ты меня да родной сестрици,
 Уж ты дай-ко мне силы да всё достать моих да ясных соколов,
 225 И премладеньких моих девять да сыновей же всё
 От Хотейошка сына от Блудовича:
 И он взял моих-то девять сынов-то да ясных соколов,
 Он убил девять быков да всё во чистом поли,
 Он связал всех моих премладеньких ясных соколов,
 230 Приковал он ко седельшку зеркальскому,
 И ко своему-ту он коню да богатырьскому».
 Тогда сказал-то князь Владимир же Часовой жоны:
 «А и поди, поди к Хотейошку сыну Блудовичу,
 А ты и поди, поди да извинись-ко-се,
 235 А и ты простишь, што обругала ей по-напрасному,
 А и отдавай-ко-се свою-ту дочь любимую
 За Хотейошка отдавай за сына за Блудовича,
 Отдавай ей и скоро ей в замужество.
 А я не буду по-напрасному народа за ей губить».
 240 И тогда пошла Часова жона скоромой,
 Она пошла тогда к Хотейошку сыну Блудовичу,
 И подходила ко Хотейошкову высокому терему,
 А и ко тому ли она ко крылечушку ко паратному,

- Ко тому ли ко колечушку золочёному,
²⁴⁵ Отпирала она скорó двери косисцеты,
 Заходила-то Часовá жона во горницы високия,
 А и она кланялась Хотеюшку сыну Блúдовичу,
 Она кланялась ему да во праву ножечку:
 «Ты прости, прости мя ты, Хотеюшко,
²⁵⁰ Прости мя же, сын же всё же Блúдович,
 Што обругала тебе всё да по-напрасному.
 Ты бери, бери замúж мою дочь любимую,
 Уж как любимую Лебедь Белую,
 Уж как Чаясню бери у мя Часовисню».
²⁵⁵ Тогда сказал ей в ответ Хотеюшко сын же Блúдович:
 «Мне не надо твоя дочь да всё любимая,
 Мне не надо таку — злая така, ругачлива,
 Я найду, найду невест да кроме твоей дочери».
 И стала говорить тогда же Хотеюшку сыну Блúдовичу
²⁶⁰ Как его-то ему же да рóдна матушка:
 «И ты послушай-ко, послушай, Хотей ты сын же Блúдович,
 Ты своей ты послушай рóдной матушки,
 Ты бери, бери-ко Чаясню Часовисню,
 Ты бери ей за себе же в замужесьво
²⁶⁵ Ты прости, прости вины же всё,
 Вины-то ей да виноватою.
 Она умом ишше она да очунь млáдая,
 Ты отдай, отдай, отвяжи-ко-се девять братьёй,
 Ты отдай, отдай же да Часовóй жоны».

СУХМАН (№ 112—113)

№ 112

- Ай во славном было городи во Киеви,
 Ай у ласкового князя у Владимирера
 Тут ведь было у ево собран почесен пир,
 А поцесён-то пир всё на весь-от мир,
⁵ На князьей-то было, всё на бóяров,
 На сильних, могучиих богáтырей,
 Ишше все на пиру да напивалисе,
 Ишше вси на чесном да наедалисе,
 На пиру-ту вси сидят да они хвастают:
¹⁰ Ишше глупой-от хвастат молодой женой,
 А разумной-от хвастат рóдным батюшкой,

- Разумной-от хвастат рѳдной матушкой.
 Ай Владимир-от ведь по полатушкам похаживат,
 Ишше сам он говорит да таковы слова,
 15 Говорит своим могуцим всем богатырям:
 «Ишше шьто у мяа богатыри сидят не хвастают?
 Я спрoшу же у тибя, да доброй молодець,
 Уж ты руськой сильнейей все богатырь мой
 Ише тот ли Сухматий-свет Сухматъевич:
 20 Ты не пьешь-то у мяа, сидишь не хвастаешь?»
 Говорит-то Сухматий-свет Сухматъевич:
 «Уж ты гой еси, ты красно наше солнышко,
 Ише тот ли ты князь да все Владимир-свет!
 Я ведь тем разье тебе теперь похвастаю,
 25 Шьчо привезу я тебе лебедушку все из чиста поля,
 Я не ранену тебе, все не кровавлену,
 Привезу тебе лебедочку живу в руках». —
 «Уж ты гой еси, Сухматий свет Сухматъевич!
 Привези мне-ка лебедушку-ту завтро ты по утру мне-ка ранному».
 30 Он отходит тут скорѳ почесен пир,
 Ише вси-ти с пирѳ скоро расходятце.
 Тут выходит-то дороднейей доброй молодець
 Шьчо по имени Сухматий-свет Сухматъевич,
 Он выходит тут из-за столов-то белодубовых,
 35 Из-за тех ли из-за скатертей шолковных,
 Он ведь бьет-то цѳлом, кланеитце князю со кнегиною,
 Шьто со той ли с Опраксеей с королевиснейей.
 Он скорешенько седлат своѳго коня доброго,
 Он берет-то все ведь саблю свою вострую,
 40 Поежжаает во чистѳе полѳ доброй молодець,
 Из чиста поля на тихи все на заводи.
 Он не мок найти лебедушки да не одной негде,
 Не найти их-то да он не на заводях,
 Не на матушки не он не на Почай-реки.
 45 Приехал дороднейей доброй молодець:
 «Эко горюшко мне теперь да добру молодцу!
 Не поеду я во красен теперь в Киев-град,
 Я поеду, съезжу я теперь все ко Непре-реки».
 Приежает, свет, он ко Непре-реки:
 50 А ведь Непре-то-река течет все помутиласе,
 Проговорила она все с им языком человеческим:
 «Уж ты гой еси, дороднейей доброй молодець,
 Уж ты сильнейей богатырь со съвятой Руси,
 Ты по имени Сухматий свет Сухматъевич!

- 55 Не гледи-тко на меня, на матушку Непрэ-реку,
 Погледишь ты на меня, да ты не бойсе всё,
 Я ведь, матушка река, из силушки повышла всё:
 Там стоят-то за мной, за матушкой Непрэ-рекой,
 Стоит-то тотаровой поганных десеть тысячей.
- 60 Как поўтру-ту они да всё мосты мосьтят,
 Всё мосты́ они мосьтят, мосты калиновы:
 Они утром-то мосьтят — я ночью всё у их повырою,
 Помутилась я, матушка Непрэ-река,
 Помутилась-то всё да я избыбиласе».
- 65 Тут поехал-то дороднёй доброй молодець,
 Он за матушку поехал за Непрэ-реку́
 По тому-ту всё по мосту по калинову,
 Он ведь стал-то тотар да побивать да всё поежживать,
 Он конём их стал топтать да всё на саблю востру брать.
- 70 Как один-то был Идóлишо поганое,
 Он стрелял-то всё в дородня добра молодца,
 А в того ли-то в Сухматия Сухматьёвича,
 Он направил свою всё калену́ сътрелу,
 Он просьтрелил у ево да всё как правой бок,
- 75 Ише вышла пуля-та всё в левой бок.
 Тут ведь спал-то со добра́ коня дороднёй доброй молодець
 Ише тот ли Сухматий-свет Сухматьёвич,
 Он ведь взял-то из травы да всё сорвал листков,
 Он обкладывал листьями всё раны свои кровавыя.
- 80 Он с того-то всё ише́ с горя великого
 Он выдёрывал лесину из сырой земли,
 Он как стал-то лесиноцькой посьвистывать,
 Он ведь стал-то дубиноцькой помахивать,
 Он прибил-то ведь поганных всих тотар-то тут,
- 85 Не оставил он ведь силы всё на сёмьяна.
 Да восталось¹ дубиночки-то всё один обломочёк.
 Тут ведь скоро он садилсэ на добра́ коня,
 Приежает ко городу ко Киеву,
 Он ко ласковому князю ко Владимиру.
- 90 Ай выходит скоро князь ёго стрецять всё на широкой двор,
 Говорит-то он ёму всё таковы реци:
 «Ты привез ли мне, дороднёй доброй молодець
 А по имени Сухматий свет Сухматьёвич,
 Ты привез ли мне лебёдочку не ранену,
- 95 Ты не ранену лебёдочку, всё не крова́лену,
 Ты живу́-ту мне в руках хотел привезьти да всё не мертвую?»
 Говорит-то тут Сухматий свет Сухматьёвич:

- «Мне-ка было, моё ты красно солнышко,
Мне ведь было всё ведь тут не до лебедушки:
- 100 Подошла-то тут силушка тотарская,
Ай у матушки стоит всё у Непрэ-реки,
Ай стоёли тотар всё десеть тысецей,
Всё мосьтили мосты они калиновы,
Они утром-то мосьтят, да ночью выроёт
- 105 Ишше матушка-та всё-то уж Непрэ-река —
Вода-та всё в реки да помутиласе.
Я избил-то ведь тут поганых всех тотар-то их,
Не оставил я ведь их силбы на сёмяна».
- Ай спроговорит ведь тут да нашо красно солнышко
- 110 Как Владимир всё, князь да стольне-киечкой:
«Посадите-ко дородня добра молодца
Ай во ту ево во тёмницу во темную —
Ай пустым-то всё он хвастаёт, напрасным тут».
- Посадили-то в темницу добра молодца.
- 115 Посылат скоро Добрынюшку-ту всё ведь князь проведывать:
«Уж ты съезди-ко, Добрынюшка Никитич млад,
Съезди, съезди ты ко матушки к Непрэ-реки,
Розышши-ко, росматри да силу битую».
- А приехал Добрынюшка к Непрэ-реки —
- 120 Намошшоны тут мосты, мосты калиновы,
Ай прибита всё силушка тотарская.
Да нашол-то Добрынёчка обломочёк,
Всё обломочёк нашол этой дубиночки.
Он привез-то князю всё на посмотреньичо.
- 125 Они свесили-то ету всё дубиночку —
Потянула дубина девяносто пуд.
Говорил-то Владимир князь да стольне-киевчкой:
«Вы отмыкайте-тко подите скоро темну тёмницу —
Уж я буду Сухматя-та Сухматьёвича,
- 130 Я ведь буду-ту ево да теперь миловать,
Буду миловать ево да буду жаловать:
Надорю я ёму города да всё с посёлками».
- Отмыкали-то ево да скоро тёмну тёмницу,
Выпускают-то дородня добра молодца,
- 135 Ишше сильнёго могуцёго богатыря
Да того ли Сухматя свет Сухматьёвича.
Говорят-то ему да всё рассказывают:
«Уж ты зой еси, богатырь святоруськия
Ты по имени Сухматий свет Сухматьёвич!
- 140 Да ведь хоцёт тебя князь Владимир, хоцёт миловать,

- Хоцёт миловать тебя да хоцёт жаловать,
 Подарить-то хоцёт город всё с посёлками».
- Говорит-то тут Сухматей свет Сухматёвич:
 «Не умел миня Владимир-князь ведь жаловать!
¹⁴⁵ Я тепереце поеду во чистó полё».
- Он садилсэ тут скоро на добра́ коня,
 Он поехал скоро во чистó полё,
 Он приехал во чистó полё роскátисто,²
 Он отдернул-то листки от ран кровавых всё,
- ¹⁵⁰ Говорил-то ведь сам да таковы слова:
 «Уж ты ¿ой еси, мои раны кровавья!
 Протеки-тко-се из ран да всё Сухман-река,
 Шчо Сухман-то протеки-тко, река быстрая
 Хоть у беднаго дородня добра молодца,
- ¹⁵⁵ Хошь у руського могуцёго богатыря
 У того ли у Сухматя свет Сухматёвича!»
- Протекала тут ведь Сухман, да рецька быстрая,
 Выбегала у ёго всё кровь горячая.
 Наказал ише своёму коню доброму:
- ¹⁶⁰ «Уж ты конь, ты всё конь, моя да лошадь добрая!
 Ты не стой, не плац у тела богатырьского,
 Ты поди-ко-се, беги да куды хошь поди,
 Во луга ступай поди да во зелёныя,
 Ты питайсе-ко всё травой шелкóвою,
- ¹⁶⁵ Ходи пей-ко-се ключóву-ту съвежу́ воду
 Шьто ис той ли ты из матушки Сухмань-реки».
- Ишше тут-то ведь Сухматю свет Сухматёвицю
 Тут славы́-ти всё поют, да он представилсэ,
 Он представилсэ, тут да всё преконьцилсэ,
- ¹⁷⁰ Всё славы́ про то поют, всё в старина́х скажут.³

№ 113

- Как во городи было во Киеви
 А и как у князя у Владимирера да Святослаевича
 Зашло соньцё, всё же шло красно ко западу,
 Весёлой-от пир у князя шел навёсели.
- ⁵ Во пиру были бояра-ти, дворяне-ти
 И могучия руськия богатыри.
 Ишше все на пиру сидели дóсыта наедалисе,
 Допья́на они да напивалисе,
 Ише все они на почесном всё росхвастались:

- 10 Уж как умной-от хвастал рѳдным батюшкой,
 Как разумной-от хвастал рѳдной матушкой,
 Как неразумной-от хвастал молодой женой,
 А безумной-от хвастал сидел родной сестрой,
 А богатыри хвастали силой да богатырьскою,
- 15 А как один богатырь сидел нецѳм не хвастал-то,
 Он потупил буйну голову в кирпичной пол.
 Тут ходил-то нашо красно солнышко,
 Он по гривины ходил да княженескою,
 Он серебряныма подковочками с ножки на ножечку приступывал,
- 20 Золотыма-ти шпорами набрякивал,
 Он на право-то ухо всѳ прислушивал,
 Он жа правым глазом весело поглядывал
 На же те столы да всѳ окольня,
 Он на те ли скатерти да бранныя,
- 25 И за те ли ества сахарныя,
 И за те питьица заморския.
 Он князь Владимир Святослаѳвич
 Он же весѳлой он да всѳ поглядывал,
 Ише рѳчь же он всѳ возговѳрил:
- 30 «Уж ты ой еси, однородной доброй мѳлодец,
 И по имени Сухматий сын Сухматьевич,
 Ише что же ты, доброй мѳлодец могучой-от,
 А и ты могучой наш руськой всѳ богатырь-от,
 Ты по имени Сухматей сын Сухматьевич,
- 35 И сидишь у мня, дѳброй мѳлодец, нецѳм же ты,
 А и ты нецѳм же мне, князю Владимиру, не хвастаешь?
 То тебе ли, дѳбру мѳлодцу могучому руському богатырю,
 И разве тебе же, дѳбру мѳлодцу, похвастать разве нецѳм-то?
 И тут нецѳм же ты мне, князю Владимиру,
- 40 И нецѳм же ты мне да всѳ не хвастаешь?»
 И ставал Сухматей сын Сухматьевич
 На рѳзвы скоро он же ножочки,
 Он же кланялсе, бил челом князю всѳ Владимиру:
 «Уж ты ой еси, нашо красно солнышко,
- 45 Ты Владимир-князь да Святослаѳвич,
 Я похвастаю тебе, да дѳброй мѳлодецъ,
 Я Сухматей сын да всѳ Сухматьевич,
 Уж я привезу те лебѳдушку же белую
 Я на тихих на тих на заводах всѳ ей,
- 50 Я на тех-то ей да на Пучай-реки.
 Эта лебѳдушка есть она да очунь белая,
 Вѳчунь белая лебѳдушка, есть у ей да два же крылышка,

- Перьво крылышко у ей да всё серебрено,
А второ же крылышко в ей золочёное».
- 55 Эти слова князю Владимиру очунь полюбилесе:
«Уж ты ой еси, Сухматей сын Сухматьевич,
Ты могучей у нас сильней богатырь же,
Привезёшь мне лебёдушку белу в живых в руках,
Ета лебёдушка у тя будёт да не кровавая,
- 60 За твою ли я за [у]слугу за великую
Награжу тебя я трема городам же,
Нагружу тебя я золотой казной долюба».
А и тут ставал Сухматей сын Сухматьевич,
Выходил скорб он из тих столов из окольных же,
- 65 Он же крест-то клал да по-писанному,
А поклон он-то вел по-учёному,
Он пошел скорб он да на широкой двор,
Ише брал в руки узду да всё серебрянную,
Одевал на своего коня богатырьсково,
- 70 Одевал на себя же он платье богатырьское,
И одевал он на себя латы богатырьския,
И только видели мы добра молодца, как на коня же сел,
Только видели добра молодца, как курева скурела,
Курева скурила да только столб стоял.
- 75 Приезжал тогда Сухматей сын Сухматьевич
Ко Пучай он приезжал он к реки ко быстрою,
Он там ко тихим же да всё ко заводям,
Где-ка [о]дна плавала да лебедь же белая.
В том же в мести не случилось,
- 80 Не случилось ей, не пригодилосе.
Тут роздумалсе богатырь Сухматей сын Сухматьевич,
И что нет ей тут лебёдушки, нет же белою.
Захотелось тогда Сухматью сыну Сухматьевичу
Во тихих заводей же ехати,
- 85 Как искал он ездил лебёдушку же белую,
Он не мог ей не найти негде.
Он поехал прямо он да ко Пучай-реки,
Как Пучай-река стоит очунь мутная же,
Вся она омутиласе.
- 90 Тут возговорила Пучай-река:
«Уж ты ой еси, богатырь сын Сухматьевич,
Ты Сухматей сын Сухматьевич!»
Говорил же тут Сухматей сын Сухматьевич:
«Уж ты ой еси, Дунай ты, да речка быстрая,
- 95 Ты пошто ето очунь да помутиласе?»

- Тут проговорила Сухман-река:
 «Уж ты ой еси, богатырь Сухматей сын Сухматьевич,
 Как за мной-то речкой-то за быстрою,
 Как сила-то стоит да всё тотарьская.
- 100 Ище днём они мостят мосты-ти всё калиновыя,
 Уж и ночью-ту, река, я всё повыбыю мосты,
 Я из сил всё, река, повыбиласе».
- Тут Сухматей-от богатырь всё Сухматьевич
 Он немного доброй молодець же думал же,
- 105 Он же брал в руки плеточку шелковую,
 Он как зачал-то стегать своего добра коня,
 Ише скорый мах перескочил его добрый конь.
 Как поехал Сухматей сын Сухматьевич,
 Он приехал скоро, тут стояла сила тотарьская,
- 110 Ише сорок тысяць стояло поганых тотаровей,
 (Вот сколько!)
- Они шли скоро ко городу-то Киеву,
 Как ко ласкову ко князю ко Владимиру.
 Ише божьи церкви они хотели на дым спустить,
 И монастыри-ти они спасены розорить же всё,
- 115 Ише князя-то Владимира сгубить же хотят.
 Ише у Сухматя-то сына всё Сухматьевича
 При ём сабельки вострой не пригодилосе,
 Ише взял он ломал он дубиночку да со сырой земли,
 Ише сел он скоро да на добра коня да богатырьсково,
- 120 Ише зачал дубиночкой помахивать,
 И направо стал, налево их же всё повёртывать,
 И перебил-то их-то всих да до единого.
 Ише два тотарина поганья
 Убежали они да за рокитов куст,
- 125 Они налаживали же стрелодьки калёные
 На богатыря Сухмана на Сухматьевича.
 И попала Сухматю сыну всё Сухматьевичу
 Каленá стрела да в правой бок ему.
 Недосуг же тут Сухману Сухматьевичу
- 130 Недосуг ему много же розговаривать,
 Потекла у его да из ран да кровь кровавая.
 Он нарвал листочков всё малиновых,
 Он прикчал [к] ранам да всё к кровавым же,
 Перевязал взял он своим платочиком же беленьким.
- 135 Тут садилсе богатырь сын Сухматей всё Сухматьевич
 На добра своего коня да богатырьского,
 Недосуг ему боле искать-розыскивать

- Ишо беленькой ему лебёдушки,
Привести к к(е)нязю Владимиру,
140 Он поехал скоро он да в красён Киев-град,
Он ко грини-то поехал к княженеською,
Ко крылечушку поехал скоро к княженеському,
Й ко столбичку поехал всё к точёному,
Ко колечушку да к золочёному.
- 145 Тогда стречал его да князь Владимир же,
Он встречал-то богатыря Сухматя сына Сухматъевича,
Уж он с радости стречал его, с весельца:
«Уж ты здрастуй-здрастуй, Сухматей сын Сухматъевич,
Ты привез ли мне-ка лебёдушку же белую?»
150 Уж как беленьку лебёдушку не кровавую?
Я тогда-то буду добра мóлодца же жаловать,
Уж я буду тебя тогда миловать
Золотой казной до дóлюба!»
Тут возгóворил богатырь Сухматей сын Сухматъевич:
- 155 «Уж ты ой еси, нашо ты красно солнышко,
Ты великой князь Владимир же Святослаевич,
Не до лебёдушки же мне-ка было́ до белою —
Как за Непрѣй-то речкой быстрою стояла сила неверная,
Как неверная стояла сила, тотарьцкая,
160 Ише сорок тысячей стояло поганых всё тотаровей,
Они же шли поганья тотарова
Как во славной шли город, к Киеву,
Ише красной Киев-град розорить хотели,
Тебя, князя Владимира, во плен же взять,
- 165 Перебил я всех же их да до единого».
Тогда не поверил князь Владимир Святослаевич:
«И не может быть, неправды мне-ка сказывашь».
Приказал он засадить Сухмана сына Сухматъевича
Как во тёмну его во тёмницу,
170 Заключить его в злодейку в заключебную.
Говорил тогда Сухматей-от сын Сухматъевич:
«Уж ты ой еси, князь же всё ты Владимир Святослаевич,
Ты не веришь што моим словам же всё же вы,
Ты пошли, пошли-ко моих же брателков двух крестовых же:
- 175 Во первых пошли старого-седатого,
Как того ли ты Илью-та Мурамца,
Илью Мурамца сына Ивановича,
Во вторых пошли Добрынюшку Микитича.
Ише пусь они досмóтрят всё, доглядят же они.
- 180 Не посылай только Алёшеньку Поповича,

- А Алёшенька Попович правды не скажут же».
- Тут же скоро старой-от седатой-от,
«Уж ты ой еси, старой-седатой Илья Мурамец,
И-и сын же ты всё Иванович,
- 185 Уж ты съезди-ко далече во чисто поле,
Во чисто поле съезди во широкоё в раздольицо,
Ише к той же ты реки ко Непр-рекй,
И ты же съезди, съезди-ко,
Добрынюшка Микитич млад,
- 190 Посмотрите вы-ко, доглядите-ко,
Ише правду ли мне сказыват
Сухматей всё Сухматьёвич».
- Тут же скоро старой-от седатой-от,
Ише Илья же сын же Мурамец
- 195 И они скоро с Добрынюшкой сбиралисе,
Они брали с собой всё палици буёвые,
Они брали с собой копыца же востры богатырьские,
И садилисе скоро на добрых коней да богатырьских же,
Они сели на добрых коней да богатырьских же,
- 200 [О]ни поехали за ету реку за Непр же всё,
Увидали во чистом поли силы набито же,
Набито силушки поганой счёту-сметы нет,
Они нашли-то дубиночку, котору Сухматей сломал ей да из сырбы земли.
Ета дубиночка да вся она обломана,
- 205 И тогда же ета дубиночка же вся изломана,
Она весом-то была да девяноста пудов,
И привозили князю они да ко Владимиру
Показать ему да всё как было же.
Тогда князь Владимир поверил же.
- 210 Говорил князь Владимир Святослаёвич:
«Уж вы ой еси, послы вы княженеськие,
Вы берите-тко ключи да золотые-ко,
Отмыкайте же вы да тёмны тёмници,
Выпускайте-ко Сухматя сына же Сухматьёвича
- 215 Из той ли яго же всё же тёмной тёмнице,
Вы ведите его да добра молодца,
Как могучого руського ко мне богатыря,
Как в мою-ту во грину княженеськую,
Как ко мне, князю, ведите, ко Владимиру.
- 220 Уж я буду его, добра молодца, и жаловать,
Буду жаловать его я, миловать
За его ли всё за услугу за верную,
Уж я золотой казной дарить его долюба!»

- Тут княженеськие послы да не ослышались,
 225 Они пошли скорó выпускать Сухматъя сына Сухматъевича
 Из тёмной-то его да всё из тёмницы.
 Выходил тогда Сухматей-от сын Сухматъевич
 И говорил же он тогда да таковы слова:
 «На приезди-то у мя гостя́ да не учёстовали,
 230 На отъезди-то меня да не учёстуешь».
 Тогда выдергивал Сухматей-от сын Сухматъевич
 Из своих-то ран он листочки малиновые,
 Тогда потекла у его из ран кровь кровавая.
 Тогда возгóворил Сухматей-от сын Сухматъевич:
 235 «Протеки же тут река, да всё река Сухман же всё
 От моей крови горячою».
 Протекла тогда Сухман да речка же быстрая.

МИХАЙЛО ДАНИЛОВИЧ (№ 114—116)

№ 114

- Как во славном было городи во Киеви,
 Как у ласкова-ту князя у Владимира
 А заводилосе пированьицо, почесен пир
 На всих-то князей, на всих бояр жа,
 5 А на руських могучих всих богатырей,
 А на купцей-гостей торговых жа,
 А на всих-то калик да перехожиѣх.
 Красно солнышко идѣт на ёсени.
 А на есени почесѣн пир идѣт навеселе.
 10 Все-то на пиру пьяны, вѣселы,
 Они пьют, едят да и хвастают:
 1-А как сильный-от хвастат своей силушкой,
 А богатой-от хвастат золотой казной несчѣтною,
 А иной-от хвастат широким двором,¹
 15 А как глупой-от хвастат да всё родной сестрой,
 А неразумной-от то хвастает молодой жоной,
 А как умной-то хвастат да рóдным батюшком,
 А разумной-от хвастат ведь рóдной матушкой.
 Как тут, на пиру вси пьют-едят да кушают,
 20 А един-от доброй молодець сидит не пѣт, не ест, не кушает,
 А белóй лебѣдушки себе не рушает.
 А как Владимиr-от князь по полаты-то всё похаживат,
 Рысыма-ти кудерьцеми потряхиват,²

- Он с ножки на ножку переступыват,
 25 Бельма-ти ручками розмахивает,³
 А как сам он говорит да таковы речи:
 «А как вси на пиру, все пьяны, вёселы,
 Вси-то пьют, едят, вси хвастают,
 А един-от доброй молодець не пьёт, <не ест>»,
 30 Он повесил буйну голову с могучих плеч,
 Как по имени Игнатий сын Данилович».
 Говорил-то⁴ Владимир князь стольно-киевської таковы речи:
 5-«Уж ты гой еси, Игнатий сын Данилович!»⁵
 Ты сидишь у меня при пиру,
 35 А ничим ты сидишь, не фастаешь.⁶
 Разве местом я тебя обсадил,
 Или винной чарой тебя обнесли,
 Е<с>ли кто над тобой посмихайтьце,
 .....⁷
 40 Не по разуму тебе, не по души?»
 Отвечает⁸ Игнатий сын Данилович:
 «Мне место по отчине, по отечесву,
 Питья, кушанья мне по разуму,
 Винной чарой-то⁹ меня не обнесли,
 45 И нехто надо мной да не посмехайтьсе.
 Благослови-тка мне слово молвити,
 Не моги-ка меня за слово ни казнить, ни весити,
 Ни садить меня да в тёмну тёмницю;
 Ты моги меня-то за слово помиловать».
 50 Отвечает Владимир-князь стольне-киевської:
 «Говори-тко-се, Игнатий,¹⁰ что те надобно —
 Я не буду не казнить тебя, не весити».
 «Жил-то я у тя во Киеви шестьдесят годов,
 Я сносил-то у тя во Киеви шестьдесят воёв,
 55 А как срывочных-порывочных числа-снету¹¹ нет,
 Кабы мне нонече как душа спасти.
 Было у меня погражено-покуражено,
 А под старость лет¹² нать душа спасти,
 Душа спасти, кабы в рай спусти,
 60 Как постригтисе¹³ в старици в манастырь,¹³
 Наложить на себя скиму спасёную».
 Говорил-то Владимёр-князь¹⁴ стольнё-киевської таковы речи:¹⁴
 15-«Гой еси, Данило сын Игнатъевич,¹⁵
 А да кто у нас будет во Киеви оборанивать
 65 Шьто от той жо от Литвы, орды поганья?
 Пойдёт тут славушка великая по всей земли,

- Дойдѣт-то славушка в прокляту орду, Литву поганую,
 Взволнується тут орда, Литва поганая,
 Что во Києви богатыри пристарились.¹⁶
- 70 Постриглисе они в ризы чѣрныя,
 Надели на себя скимы спасѣнья».
 «Уж ты гой еси, Владимир-князь стольнѣ-киевскою!
 Останетьсе у мя мило чадо моѣ любимое,
 А как мѳлодый Михайлушко сын Игнатѣевич,
- 75 Он можот оборонить красѣн Киев-град.
 А как от роду ему двенадцать лет,
 Он ведь владет¹⁷ моим добрым конѣм,
 Всея моея сбруей богатырскою,
 Латы-те мои-ти ѣму не сходяться.
- 80 Он ведь скоро, лѣкко¹⁸ скачет на добра коня,
 А он ездит все по широку двору,
 Моей-то палицей да забавлѣетьце,
 Котора была палиця во сорок пуд:
 Высоко-то он ѣй мечет по-под нѣбеса,
- 85 А подхватыват во праву руку,
 Не спускат на матушку сыру землю».
¹⁹Воспроговѳрил Владимир-князь таковы речи:
 «Уж ты гой еси, Игнатий сын Данилович!¹⁹
 А я не слыхал про твою чада милаво,
- 90 Ты пришли, приведи своего-то чада милаго,
 Покажи-ко мне на посмотреньице».
 Ставал-то Игнатьюшко из-за того стола из дубового,
 Ставал-то на резвы ноги,
 Брал-то он пухову шляпу со спичечки,
- 95 А пошол-от со чисна пира, с широких полат
 Ко своѣму-то широку двору.
 Увидало его чадо²⁰ милоѣ,
 Милоѣ чадо, любимѣ,
 А срѣчает-то его среди широка двора,
- 100 Берѣт-то его за белы руки,²¹
 И челует своего родна батюшка в уста сахарныя.
 Говорит-то ему родной батюшко:
 «Уж ты гой еси, мое да чадо милоѣ!
 А поди-тко ко князю на посмотреньице на почесен пир.
- 105 . . . . . оденьсе в цвѣтно платице,
 Поди-ко ко Владимиру на широкой двор,²²
 На широкой двор на посмотреньице.
 Зайдѣшь ты в полаты княженецкыя —
 Крест-от клади по-писаному,

- 110 А поклон-от веди по-учёному,
Бей челом князю во рученьку во правую,
.....
И поклонялсе всим князьям, <всим> б́оярам.
А как руським всим могучим богатырям.²³
- 115 Садил-то Михайлушка за дубовой стол,
За питья, ества сах́арныя,
Приказал наливать да чару зеленá вина,
А не малу, не вели́ку — в полтора ведра.
Принималсе²⁴ Михайло единой́ рукой,
- 120 Выпивал он на единой́ дух,
На запивку, на закуску турей рог да мёду сладкого.
Да сидят при пиру пьяны весело.
Почесён пир да под конец пошел,²⁵
Красно солнышко идет ко западу.
- 125 Все князья, б́ояра на расход пошли
По своим домам да ко своим жёнáм.
А немного тому поры²⁶ миновалосе,
А прошла тут славушка по всей земли, по всей укра́ины,
Что во Киеви богáтыри состарились,
- 130 Состарились, ины преставились,
Ушли²⁷ к Федосию в Пешшер-мáнастырь,
Налóжили на себя да ризы чёрныя,
А надели на головы скимы-ти да все спáсёныя.
А прошла-то слава скоро в прокляту́ Литву, в орду поганую,
- 135 Тут взволновалась проклята́ Литва поганая,²⁸
Собрала тут силушку великую —
Розорить красён Киев-град,
Запленить князя Владимира, в полон забрать,
Церковь Божию по огонь спустить.²⁹
- 140 Тут подходит силушка великая,
Великая силушка поганая
Под тот Ки́ев-град.
Учу́л в те поры Михайлушко Игнатъевич,
Пошел-то просить благословеньица ко князю ко Владимиру,
- 145 Рос<с>казать про эту силушку великую,
Взеть-то его благословеньицё
А как ехать в эту силушку великую,
Прибить эту силушку до единого.
А приходит в полаты княженецькия,
- 150 Он как молитсе Спасу Пречистому,
Поклоняйтсе-то матери Божьей Богородици,
Говорит-от князю Владимиру таковы слова:

- «Уж ты здраствуй, князь Владимир стольнѣ-киевськой!
 Благослови-ко меня съездить во чистó поле с има подратися,
 155 Побить мне эту силушку великую,
 Побить мне эту силушку до единого
 Не оставить эту силушку на сѣмена».
 Отговорит-от князь Владимир таковы речи:
 «Ты молодой зобзун, ты рано всё попархивашь:
 160 Потеряшь ты свою буйну голову».
 (По-напрасному.)
 Тут-то Михайлушку за беду стало,
 За досаду показалосе,
 Его серьдче роз(ъ)ярилось, розъерилосе ретивó серьдце,
 Гореча кровь разгореласе, роскипеласе,
 165 Пошел-то он с полаты вон.
 Отпирает он двери на́ пятау,
 Запирает он двери на́крепко,
 Шьто полаты с боку на бок потрясалисе,
 Ободверины помитúсились,
 (Скривились.)
 170 Из околенок слúдочки (стекла) посыпались.
 Приходил-то скоро к себе на широкой двор,
 Скоро оседлал, уздал коня своего богатырського,
 Оседлал и обуздывал,
 Надевал на себя платьѣ богатырськое,
 175 Богатырсько платьѣ, всё военное,
 А да ти жа латы всё . . . . .
 30-Как берѣт он палицю всё тяжолую,
 А котора была весом в сорок пуд.³⁰
 И легкó-скоро скакал на добр́а коня,
 180 Поехал по городу по Киеву,
 Приворотил-то он к м́анастырь-спасѣному,
 Ко своѣму-то родну батюшку.
 Подходит он к ему на крылечечько,
 Стучит он во колечечько потихошенько.
 185 Услыхал-то у дверей да родной батюшко,
 Отпирал он двери потихошеньку да помалѣшеньку,
 Выходил он на крылѣчушко.
 А как падал-то Михайлушко во резв́и ноги,
 Просил-то благословленьиця вековечного
 190 Подратисе с поганьыма татарами,
 И побить эту силушку великую.
 Говорит-то его родной батюшко
 Игнатий-от сын Данилович:

- «Уж ты гой еси, моё чадо милоё!
 195 Я буду тебе наказ наказывать,
 Ты послушай-ко моё да наказаньице:
 Ты приедешь в силы в поганья —
 Не заезжай ты в силушку великую:
 Там накопаны у их подкопы ти широкия, глубокия.
- 200 Уж ты ездь кругом силу большій полки,
 Бей-ко-се ты съ меньших полков:
 Середины там накопаны подкопы глубокие,
 А наставлены у них там копыя вострыя,
 Востры копыя булатныя.
- 205 Потеряшь ты свою буйну голову с добрым конём».
 Роспростилсе тут Михайло с родным батюшком.
 Выезжал-то он да поехал во чистó поле,
 31- Доезжат он до силушки великия,³¹
 Он начал с краю рубить силу великую,
 210 <Меньшій полки> до единого.
 Розъерилось его сердце богатырское,
 Розгореласе кровь да горячая,
 Шевелилисе плеча богатырския,
 И забыл он наказаньице отцёвское.
- 215 Стёгал³² он коня по крутым бедрам плётч^очкой шелкóвою,
 Заезжал-то он, скакал силу великую.
 Д^оброй конь розъерилсэ,
 Скачёт он силушкой великою.
 Кого втрое конем топтал.
- 220 . . . . .
 Заезжает он во большій полки, в середину силушки,
 Наехал на эту подкопъ широкою,
 Широкою подкопъ, глубокою.
 Скакал-то его доброй конь через эту подкопъ — перескакивал,
- 225 Наехал он на другу — и другу-то перескакивал,
 Приехал он на третью жа —
 Не мог его доброй конь перескóчити.
 Падал он на кóпья на вострыя,
 А как падал-то³³ Михайлушко со добра коня,
- 230 Наскакали тут татаровя поганья,
 Опугали его во пúтины в шёлкóвья,
 34-Провели к поганому царишшу татарину,
 Приказыват ему отсекти буйну голову.³⁴
 Тут розъерилсэ да Михайло сын Игнатъевич,
- 235 Срывал-то с себя пúтины шелкóвья,
 А сватил-то он скоро свою да саблю вострую,

- Он отсека поганому царишшу буйну голову.
 Он начал ходить по силушки, пошаривать:
³⁵Куды махнёт — туды улочька,
²⁴⁰Вперёд махнёт — дак улиця,
 Назад махнёт — переулочек.³⁵
 Со . . . . билсэ он да трои суточки,
 Ни пиваючись, ни ядаючись,
 Не едаючись и не сыпаючись:
²⁴⁵Захотелосе ему да отдохнути.
³⁶Ввалился в трупья всё поганья, в татарския,³⁶
 А он спит, спал да трои суточки
 Крепким сном да богатырським.
 Как схватился его да рódной батюшко,
²⁵⁰Как брал с собой клюку да подорожную
 Игнатий сын Данилович
 Сам он говорит да таковы речи:
 «Уж не просто нет моего чада милаго,
 Нет желанного на сырой земли!
²⁵⁵Убит от поганых татаровей».
 Он походит до силушки великия,
 Взята была клюка да подорожная,
 Перемётывал трупья поганья, пересчитывал,
 Высоко мечет под небеса,
²⁶⁰Сам он приговариват:
 «Убили да уходили моего чада милаго!»
 . . . . .
 Как от сна³⁷-то в те пор³⁷ Михайло пробуждайтесь,
 Как от хмелинки доброй молодец просыпайтесь,
²⁶⁵Учул он своего батюшка,
 Скоро ставал на резвы́ ноги,
 Походил он ко своему батюшку,
 Ещэ падал ему да во резвы́ ноги.
 «Прости меня, батюшко, да во первой вины:
²⁷⁰Не послушал я твоё да наказаньице́ —
 Розъерилось мое сердце́ богатырское,
 Позабыл-то твой наказ великия».
 Пошли-то они от силушки поганья,
 Пошли-то они во красён Киев-град.³⁸
²⁷⁵Игнатий пошел в Пешшер-манастырь,
 А Михайлушко пошел к широку́ двору,
 К широку двору да к своей рódной матушки.

№ 115

- Как во славном городи было во Киѣви,
 А как у ласкова князя у Владимира,
 А заводилсѧ почесѣн пир
 А на всих князей-то ёго, на бояр жа,
⁵ На руських-то могуцѣх богатырей,
 Ай на тих же на купцѣй, госьтей торговья,
 Да на тех же на калик да перехожия.
 А как светѣл день идѣт на есени,
 А почесѣн пир идѣт навѣсели.
¹⁰ А как красно солнышко идѣт ко западу,
 А ко западу идѣ(т), ко зѧкату,
 А почесѣн пир да под конесь идѣт.
 А как вси тут сидят, пьют, едят и хвастают,
 А только един сидит, не пьѣт, не ес(т), не кушаѣт.
¹⁵ А говорил тут князь¹ Владимир таковы слова:
 «А как што ж ты у мя, Игнатьюшка,
 Не пьѣшь, сидишь, не кушаѣшь?
 А разве тебе место не по разуму,
 Или вин(н)ой чарой тибя обнесли?»
²⁰ Или кто над тобой посьмехаитце?»
 А как гѣворил Игнатий сын Данилович:
 «Уж ты вой еси, красно солнышко Владимир князь!
 Э как мне-то место всё по разуму,
 А петия и едьѣ мне всё по души,
²⁵ Э да как вин(н)ой чарой меня не обнесли,
 Да как ведь никто надо мной не посьмехаитце.
 Да как ведь жил я у тя во Киѣви да шестьдесят годов,
 А да как сносил я у тибя во Киѣви да шестьдесят боѣв,
 Как срывосьных-порывосьных цисья-смету нет.
³⁰ А как был у меня во Киѣви с молодосьти погрѣжено,
 А погрѣжоно у меня да покурѣжоно.
 А под старость мне-ка хочитце кабы душа спасти,
 А душа спасти, мне-ка в рай сполсти,
 Ай да пострицисе² в ризу чѣ(р)ную
³⁵ А да наложитъ на собя скиму спасѣную,
 А постригсите³ мне к Федосию, Антонию в Пещѣр⁴-манастырь».
- А как говорил тут всё Владимир князь:
 «Ай от ты гой еси, Егнатий сын Данилович!
 А ка кто будѣт у нас во Киѣви да оборанивать?»
⁴⁰ А как пройдѣт тут про нас слава великая,
 А што во Киеви богатыри состарились,

- А состарились богатыри, преставились,
 А да как постриглись они в ризы чёрныя,
 А надели на себя скимбы спасёныя,
⁴⁵ А как к Антонию, Федосию в Пешёр⁵-манастырь,⁶
 А как пройдёт тут славушка по всей земли,
 А по всей земли да по святой Руси:
 Во⁷ Киёви богатыри состарились, преставились.
 А как тут <в>зволнуйтце орда-Литва поганья,
⁵⁰ А да как тут розóрят, розóбьют наш Киёв-град,
 А у нас некому во Киёви да оборанивать».
 «А уж ты вой еси, Владимир князь да стольнё-киевської!
 А как останитце у мя да чадо милоё,
 А как тот же Михайлушко Игнатъевич,
⁵⁵ Э как от роду ёму двенацеть лет,
 Он ведь можот⁸ владать моим добрым конем,
 А как латы мои ему не сходятце,
 А как палецю мечет по понёбесам,
 А скоро подъежат⁹ да на добром коне,
⁶⁰ Во ту же во праву руку,
 А как палиця у мя тольке сорок пуд».
 «А уж ты вой еси, Игнатий сын Данилович!
 А не видал-то я твоёго чада милого,
 А приведи ты ко мне на почесен пир,
⁶⁵ Аñ на почесён пир мне на посмотреньицо:
 Я не видал твоёго чада милого,
 Я не видал, не слыхал, что есь у тя да чадо милоё».
 А как пошёл Игнатий со чесна пírу,
 А да как приходит к своёму широку двору.
⁷⁰ А как с<т>речаёт Михайлушко да среди двора,
 А как бьёт челом отъчу да низко кланитсе.
 «Аñ уж ты гой еси, моё да чадо милоё,
 А мило чядышко моё, любимое!
 А да ты поди-тко ко князю на посмотреньицо да на почесён пир».
⁷⁵ А как одевайтце Михайлушко да снаряжайтце,
 А как говорил-то ёму родной батюшко:
 «А как придешь ко Владимиру да светлу светлицю,
 Аñ отпирай-ко-се ты дьвери на́ пятау,
 А запирай-ко-си их всё накрепко,
⁸⁰ ¹⁰-Аñ да ты крес<т>-от клади да по-писаному,
 А поклон-от веди да по-учоному,
 Да уж ты кланейсе да на вси стороны,⁻¹⁰
 Аñ ка<к> бей челом князю Владимиру
 А да о ту же о рученьку о правую.

- 85 Сиди-тко¹¹ на пиру, ешь, пей и кушай жо».
 Да как пошёл Михайлушко да на почесён пир.
 А как заходит он да на широкой двор,
 А с широка двора да на красно крыльцё,
 А со красна крыльч^а в полату княженецськую,¹²
- 90 Отпират он дъвери на́ пятау,
 А запираёт он ведь накрепко,
 Как полата у князя потрясаласе.
 Да как крес<т> кладёт да по-писаному,
 Поклон-от ведёт да по-ученому,
- 95 А как бьёт челом князю Владимиру:
 «А да здрастуй, Владимир-князь да стольнѣ-киевської!» —
 «А уж ты здрастуй, ты Михайло сын Игнатъевич!»
 Как садил-то Михайлушка в место отьчѣвскоѣ,
 А да наливали чару Михайлу зелена вина,
- 100 Да не малу, не велику — в полтора вѣдра.
 Принимал-то Михайло единой рукой,
 А выпивал-то Михайло чару единым духом,
 На запивку, на закуску турей рог да мѣду сладкого.
 А как отошёл у князя всё почесён пир.
- 105 А как немного тому врем<е>ни ни прошло, не миновалосе,
 Да как прошла тут славушка великая
 А как по всей земли, по всей украины,
 А да прошла слава в прокляту Литву поганую.
 Да как подымайтце поганое Идóлишшо
- 110 А да те то на красён Киев-град —
 А запленить¹³ князя Владимира,
 А как Божьи¹⁴ церьквы под ¹⁵ конюшни взеть,¹⁵
 А святы-ти манастыри на дым спустыть,
 А как князя Владимира в полон забрать.
- 115 А как тужил тут князь Владимир стольнѣ-киевської.
 А как ўчул-то тут Михайлушко Игнатъевич,
 А да пошёл-то он ко князю ко Владимиру.
 А как приходит он ко князю ко Владимиру,
 Ише бьёт цолом да низко кланитце:
- 120 А уж ты вой еси, князь Владимир стольнѣ-киевської!
 Как подходит под нас сила великая поганая.
 А благослови-тко мне съездыть во чисто полѣ
 Да побить ту силушку великую».
- А как говорил Владимир князь Михайлушку:
 125 «Уж ты гой еси, молодой, зобзун, попархивать!»¹⁶
 А как тут Михайлушку да за беду да показалосе,
 Ро<с>сердилось, розгневилось ретивó серьцо,

- А да как ведь пошёл ни с радости, ни весельица.
 Отпирал он дьвери на́ пятау,
 130 А как запирал он крепко-на́крепко —
 А как обе дьверёнки да помитусились,
 А да ¹⁷-из околёнок ¹⁷ слутки посыпались. ¹⁸
 А да и приходит он на свой широкой двор,
 Да как седлал, уздад он всё добра коня,
 135 А да как накладывал узьдечу-ту тесьмяную,
 А на сыпину настилал он ведь войлучок,
 А да как на войлучок накладывал седёлышко черкальскойё,
 А да застегивал двенацать всё отужинков, ¹⁹
 А застегивал-то он двенацать пряжочок:
 140 Как пряжоч^уки те были золочёныя,
 Как стегнышки были да всё булатныя,
 А оттуженки были шелковыя,
 А ето всё не ради красы — ради крепосьти:
 Эй шёлк подьтенитця, не сорьветце,
 145 А што то не ради красы — ради крепосьти:
 А красное золото ведь не ржавеёт,
 А булат-от погнетце, сам не сломитце.
 А как собралсэ Михайлушко, снарядилсэ жа,
 А как скоро лёко скакал он на добра коня,
 150 А как поехал по городу по Киеву,
 А приворачиват к Федосию в Пешшер-монастырь
 А к своёму родну батюшку,
 Да к тому жо Игнатью всё Данилову.
 Да всё взеть-то благословленьицо да вековесьнёё,
 155 Э как на веки свои да нерушимое
 Э как съездить в чисто полё с тотарами побитисе.
 А да как приехал тут Михайлушко ко келейки,
 А как колотице он в окошоцько да потихошеньку,
 А да как ведь говорит ведь он да помалёшеньку.
 160 Как услышил тут Игнатий сын Данилович
 А как своёго чяда милого,
 А да как выходит скоро на крылечико.
 А как падал Михайлушко да во резвы ноги,
 А просил-то ёго да благословленьиця
 165 А как ехат в чисто поле с тотарами подратисе.
 А как говорит тут Игнатий сын Данилович,
 А даёт-то ёму благословленьицо на веки да нерушимое,
 А даёт да сам ёму наказыват:
 «Уж ты гой еси, моё да ч^адо милоё!
 170 Ты приедешь к той силы неверныя,

- Ты не езьди в силушку в серединушку,
 А ты бей силу ты ей всё ведь с краюшку,
 Уж ты бей силу всё меньши полки,
 А ты не езьди ты в больши полки:
 175 А там накопаны подкопы широкия, глубокия,
 А как наставлены там ведь копыя вострыя.
 Да ты хоть заедешь в больши полки
 Да перекопы перескочишь жа,
 А да дай-ко ты добру коню вздохнуть,
 180 А перескочит перекопу во второй рас,
 А тут подкопы-ти широкия, глубокия,
 А как упадёт тут ведь доброй конь,
 Он заколитце на тих копыях на вострых жа».
 Как скочил он ведь во первой након,
 185 Перескочил он подкupu широкую.
 А скакал-то ёго доброй конь да во второй након,
 Эй перескочил он втору-то подкопеть широкую, глубокую.
 Эй наехал он на третью подкупеть широкую, глубокую,
 А как сговорил-то ёму доброй конь:
 190 «Уж ты дай мне-ка, Михайлушко, добру коню вздохнуть».
 Как стёгал коня да по крутым бёдрам,
 Как скочил ёго конь да во третей након,
 А как не мог-то ёго доброй конь перескочить жа,
 А как падал на ти жа на копыця на вострыя,
 195 А закололсэ ёго доброй конь да Воронеюшко,
 А да как падал Михайлушко да со добра коня.
 А как наскакали тут погановя тотаровя,
 А да как вопутали во путани шолковья,
 А повели ёго к поганому Идолишшу.
 200 А как говорило ёму поганое Идолишшо:
 «Уж ты гой еси, молодой да доброй молодесць!
 А поди ко мне служить да верой-правдою,
 А верой-правдою да не изьменою»,
 «Уж ты гой еси, поганое Идолишшо!
 205 Не хочу у тебя служить ни верою, ни правдою.
 Как бы я был всё на воли жа,
 Послужила бы у мня тибе да сабля вострая».
 Говорит²⁰ тут поганое Идолишшо:
 «Уж вы палачи мои немилосливы!
 210 Осеките-ка Михайлу, доброму молодцу, да буйну голову».
 А как разьверилось у Михайла да ретиво серьцо.
 Как махал-то своима руками-ти белыма,
 Как розорвал-то на себе вси путины шолковья,

- А да скóчил он на резвы ноги,
 215 А да хватил-то свою саблю вострую,
 А да отчек тут поганому Идолишшу да буйну голову.
 А как начал Михайлушко по силушки похаживать,
 Вострой сабелькой своей помахивать;
 А как перёд махнёт — падёт их ведь уличей,
 220 Назадь-ту отмахнет, то делат переулками.
 Ей как билсэ-дралсэ с има шesьтеры ровны сутосцьки,
 А как прибил-то всих тотар да до единого.
 А как устали у Михайла руки белья,
 А не носят ёго больше ноги резвья,
 225 А как повалилсэ тут же в трупля-ти поганья,
 А как спал он немножко, немало — шesьтеры-то сутоцьки.
 А как сватилсэ²¹ ёго родной батюшко
 А как тот же Игнатий сын Данилович:
 «А долж(н)о²² быть, нету живого чада милого,
 230 А убили тут погановя тотаровя.
 А кабы знал я всё это, ведал тут,
 Не спустил бы ехать чада да во чисто полё,
 А да съездил я, подралса бы с поганыма татарами». ²³
 Как выходит Игнатий на чисто полё,
 235 А ко ти же туловя поганья.
 А идёт-то он ужасшаитце, ²⁴
 А как горькима слезами убливантце.
 Высоко-то мечёт туловья да по поднёбесам.
 Как от сна Михайлушко да пробужаитце,
 240 С того же устаточку великого да просыпаитце,
 А ²⁵ да стаёт-²⁵-то скоро на резвы ноги,
 А как смотрит-гледит по силушки великия:
 Как увидел-то, ходит старичишша да в платьи чёрныя.
 Он пошел-то к своёму родну батюшку:
 245 «А просьти-ко миня, батюшко, да в перьвой вины!
 А как не послушал твоёго наказаньица,
 А уходил-то твоёго коня Воронеюшка!»
 А как прощшал-то отець в таковой вине:
 «Ты не делай впредь да таково дело.
 250 А как где же возьмешь ты топерича добра коня?
 А да ты поди-тко-ко таперь да на Ефрат-реку:
 Ей там ес(т)ь один коничок невелик собой,
 А хоть маленькой Голубанушко, удалёнкой».
 А как брал-то он свою узду тесьмяную,
 255 А да брал-то он с собой седельшко черкальскойё,
 А да пошол-то Михайло на Ефрат-реку,

А увидел тут дорожоцьку широкую,
 А становился он всё под сырой дуб.
 А как по утра было по-ранному,
 260 А как бежит-то впереди доброй конь Голубанушко.
 А как выскакивал Михайлушко из-под сыра дуба,
 А как испугалсэ ёго доброй конь,
 Ей как падал на колени на сыру землю,
 А захватил Михайлушко за гриву лошадиную,
 265 А право́й рукой держит добра коня,
 А лево́й рукой накладыват узьдечю всё тесьмяную.
 А как оседлал-то, обуздал добра коня,
 А как скакал скоро, лёко на добра коня,
 А как²⁶ горы, долы он да промеж ног берёт,
 270 Как скачёт да с горы на́ гору,
 А он поехал ко городу ко Киёву.
 А как приехал Михайло ко своёму широку двору.

№ 116

А во славном было городи во Киеви,
 Там ведь жил-то сильнёй могуцёй богатырь-от.
 Ишше было-то у ево да цядо милоё,
 Цядо мило у Данилушка, любимое
 5 Ишше на́ имя Михайлушко Даниловиць.
 Он и стал-то Михайлушко ходить по улоцьки,
 Он играть-то стал да всё с ребятками:
 Он за рученьку возьмёт, дак руцьку выдерьнёт,
 Он за ножоцьку возьмёт, дак ножку выдерьнёт,
 10 Он за голову возьмёт, дак голова-та проць.
 Тут многі-ти люди всё стали обидитьце:
 «Уж ты гой еси, Данило сын Игнатъёвиць!
 Не спускай-ко ты Михайла на светлу улицю:
 Он ведь много прибил у нас малых детоцёк».
 15 Говорит-то Данилушко таковы речи:
 «Не грубите вы серьця всё богатырьского».
 Говорит-то Данилушко всё Игнатъёвиць:
 «Ты послушай-ко, моё ты да цядо милоё,
 Молодой ты Михайлушко свет Даниловиць:
 20 Я оставляю тебе-то да всё добра коня,
 Я добра коня тебе-то всё богатырьского,
 Я оставляю, Михайлушко, копьё вострое,
 Копьё вóстро, Михайлушко, брузамецькоё,

- Я оставлю всё палицю тяжолую,
 25 Я оставлю свою тебе саблю вострую,
 Я оставлю ведь плётоцьку шолкову,
 Я оставлю-то латы-то богатырьския.
 Я ведь сам пойду, Михайлушко, всё дүшү спасать,
 Я прошусь пойду со князём да со Владимиром,
 30 Я прошусь с Опраксеей-то с королевисьней».
- Как приходит Данило-то всё Игнатьёвиць,
 Он ведь кланеитце всим придверницькам,
 У ворот-то стоят — он всим придворотницькам:
 «Допустите до красного миня солнышка,
 35 Всё до ласкова-то князя всё до Владимира».
- Да заходит в палаты-те гряновитыя,
 Он ведь крест-от кладёт-то всё по-писанному,
 Он поклон-от ведёт да всё по-уценому,
 Он ведь князю-ту Владимиру низко кланялсэ,
 40 Он кнегины-то Опраксеи-королевисьни.
- Он ведь пал всё князю Владимиру во резвьі ноги:
 «Отпусти ты миня, моё красно солнышко,
 Уж ты на́ имя ты князь да свет Владимир жа,
 Мне сходить всё ко Онтонию, к Феодóсею,
 45 Мне сходить-то там Богу всё помолитисе,
 Ко святым к ихным мошшам мне-ка приложитисе,
 Мне спасти-то теперь надоть душа грешная:
 Уж я много ведь пролил крови напрасною,
 Уж я много убил-то сильниих могуциих,
 50 Уж я сильниих могуциих богатырей».
- Да ушол-то Данило-от сын Игнатьёвиць,
 Он спасать ушол свою да душу грешную.
 Приказал он своёму-ту цяду милому,
 Молодому Михайлушку всё Даниловицю:
 55 «Подойдёт, бывает, Михайло, сила тотарьская,
 Уж ты бей-ко-се силу да по краям силу,
 Не заезжай-ко-се в серёдку, в силу тотарьскую».
- Да прошло тому времени всё полгода.
 Тут подходит под Киёв-град всё силушка:
 60 Во первьіх-то подходит король фрянцуския,
 Во вторых-то подходит король швецькия.
 Ишше тут все богатыри собирависе,
 На поцесён-от пир они съежалисе.
 Посылают тут скоро за Михайлушком,
 65 За Михайлушком всё да за Даниловицем.
 Наряжаитце Михайлушко в платьё цвѣтноё

- Да приходит ко князю всё на поцёсён пир,
 Он ведь бьёт-то князю-ту целом, низко кланялсэ
 Он с кнегиной-то с Опраксеей-королевисьней.
- ⁷⁰ Да садил-то князь Михайлушка во большó место,
 Во большóе во место ишше подле себя.
 Ище вси-ти сидят богатыри пьют-едят,
 Ище пьют-едят сидят они, сами хвастают.
 А Михайлушко сидит-то один не пьёт, не ест,
- ⁷⁵ Он не пьёт сидит, не ест, он сидит не кушаёт,
 Он ведь беленькой лебёдушки не рушаёт.
 Говорит-то князь Владимир-от таковы речи:
 «Уж ты што сидишь, Михайло ты свет Даниловиць,
 Ты не пьёшь, ты не ешь, ты у мня не кушаешь,
- ⁸⁰ Уж ты беленькой лебёдушки всё не рушаёшь?»
 Говорил-то Михайлушко таковы речи:
 «Я сижу хоть, сижу-то я на цёснóм пиру,
 Шшвелились мои-ти плечи могуция,
 Розгорелось моё-то да ретивó серьцо,
- ⁸⁵ Роскипелось у мня серьцо богатырьскоё.
 Мне дай-ко ты, князь, да волю вольнюю
 Мне-ка съездить впереди всих во цистó полё,
 Мне попробовать побить-то силы татарскою».
 Говорил-то князь Владимир-свет:
- ⁹⁰ «Поежай-ко-се, Михайлушко Даниловиць!
 Тибе Бог благословит побить силу тотарскую».
 Выходил скоро Михайлушко да на конюшен двор,
 Он седдал-то, сряжал да всё добра коня,
 Он ведь батюшкова коня богатырьского,
- ⁹⁵ Надевал скоро латы-ти богатырьския,
 Он берёт свою палицю всё тяжолую,
 Он заходит в полатушки во родительски,
 Помолилсэ-то он всё Спасу Пречистому,
 Ишше Матери Бóжьей-то Богородици,
- ¹⁰⁰ Роспростилсэ с родимой-то своей матушкой.
 Да поехал Михайлушко на добром кони,
 Да Михайлушко поехал сам молодёхонёк:
 Ишше от роду ёму только семнадцать лет.
 Говорила ёму матушка родимая:
- ¹⁰⁵ «Уж ты съзей-ко к батюшку родимому
 Ты к тому ли ко Данилу-ту ко Игнатъёвицю».
 Не послушал наказу-ту рóдной матушки:
 «Не поеду я прошшатыце-то с рóдным батюшком,
 Я поеду скорё да во чистó полё,

- 110 Постою поеду я лучше за Божьи церкви,
 Постою-ту я за князя-та за Владимира,
 Постою я за всю веру-ту православную».
 Он ведь бил-то Михайлушко день до вецёра,
 Заежаёт в серёдку в силу тотарскую,
- 115 Он ведь бьёт своево-то всё коня доброго,
 Он ведь бил-то коня да приговаривал:
 «Ты поди-ко силу топци, да мой доброй конь,
 Я копьём колю, да ты в ногах топци».
 У тотар-то было всё у хитрых,
- 120 У поганных-то было, всё-то было у мудрых:
 Они выкопали подкоп страшной глубокой-от.
 Да упал-то Михайлушко во глубок подкóп.
 Как увидял родимой-от ёго батюшко,
 Он увидял с крутой-то горы высокою,
- 125 От того ли от манастыря от спасёного —
 Подошла ему силушка под Киев-град,
 Ишу цёрному ворону будёт не облететь —
 «Как Михайлушку, моёму цяду, будёт не объехать!»
 А не мог-то утерпеть да всё Данилушко:
- 130 «Я пойду-ту подсоблю силу побить Михайлушку».
 Он приходит по силушки тут скорёхонько,
 Он и взял-то тотарина за резвыи ноги,
 Он ведь стал тут тотарином помахивать,
 Показалось ему да тут ведь лёкко в руках,
- 135 Ен ведь выдернул берёзку-ту всё взял с коренём,
 Он ведь стал этой берёзоцькой всё помахивать,
 Он прибил-то ведь всю силу тотарскую,
 Розошолсэ ко подкопу глубокому.
 Тут лёжит-то Михайлушко со добрым конём.
- 140 Он вытянул Михайлушка со добрым конём:
 «Уж ты гой еси, Михайлушко мой Даниловиць!
 Не могло-то утерпеть всё серьцо родительско».
 Как поехал Михайлушко, стал поезживать
 На добром-то кони да их порубливать,
- 145 Изрубил, избил поганных всех тотар-то он.
 Он ведь пал-то да батюшку во резвыи ноги:
 «Ты прости миня, батюшко, виноватого!
 Не послушал я твоёго ведь наказаньиця,
 Я заехал во силу-ту во крупну-ту я,
- 150 Я упал-то да во подкоп во глубокия.
 Ты ищэ во другой вины прости миня:
 Не послушал-то родимой своей матушки».

- Роспростилсэ Данилушко с цядом с милым,
 С цядом с милым Данилушко, всё любимым,
 155 Он наложил на ёго всё благословеньице.
 Да поехал-то Данило свет Игнатьёвице,
 Он поехал в манастырь да он душу спасать.
 Он отправил-то своёго цяда милого
 Он во Киев-град ко князю всё Владимиру.
 160 Приобцистил Михайло силу тотарскую.
 Он приехал ко князю всё ко Владимиру,
 Он ведь только да бил да одни сутоцьки.
 Да Михайлушко едет всё во Киев-град,
 А богатыри поехали из Киёва,
 165 Приежают ёму-ту встречу богатыри.
 Говорил-то Михайлушко всё Даниловице:
 «Воротитесь, богатыри, вы со мной вместиах,
 Мы поедемте, братцы, да в красён Киев-град
 Мы ко ласкову князю да ко Владимиру.
 170 Приобил, приобцистил силушку фрянциоскую,
 Я ишше же прибил силу ведь шведьскую».
 Приежает ко князю-ту ко Владимиру,
 Приежает он прямо всё на широкой двор.
 Как стрецят-то ведь князь ёго с кнегиною:
 175 «Уж мы цим тебя, Михайлушко, мы дарить будём,
 Ишше цим тебя, Даниловице, будём жаловать
 По твоей-то поступоцьки богатырьскою,
 По твоей-то заслуги всё по великою,
 По твоей-то по храбрости, всё по смелости?»
 180 Хоть у князя женись, да хоть у боярина,
 У купця хоть женись ты, гостя торгового».
 Говорил-то Михайлушко он таки реци:
 «Я не буду женитьце да не у князя я,
 Не хоцю-то я взять всё у боярина.
 185 Я желяю-то век ездить по цисту полю,
 Сохранять-то буду я церьквы соборныа,
 Всё соборныа церьквы я богомольниа,
 Сохранять буду спасёны-ти всё манастыри,
 Я стоеть буду за веру всё православную,
 190 Сохранять-то буду князя всё со кнегиною,
 Ише вси-ти родá буду я княжеськи».
 Это слово Владимиру любо показалосе,
 Собираёт для Михайлушка он поцесён пир,
 Он поцесён-от пир да всё на весь на мир,
 195 Он зовёт всех со старого и до малого,

Он зовёт всех князьям, бояр, богатых людей,
 Приглашает он бедных да не отказыват,
 Щобы этот да пир был на память всим,
 За великую услугушку за Михайлову.

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ И БАТЫГА (№ 117—119)

№ 117

Как шло-то два тура возле синё морё,
 Как два тура да златорогия,
 А как поплыли туры да на Буян-остров.
 А как шли-то туры по Буян-острову,
⁵ Да как тут настречу им турица да златорогая,
 Златорогая турица да одношорстная:
 «Уж вы здравствуйте, туры да златорогия,
 Златорогия туры да одношорстныя!
 Да откуль идьтё, да откуль путь лежит?» —
¹⁰ «Мы идём-то, идём да со съвятой Руси,
 Со съвятой-то Руси, из города из Киева
 Да от ласкова князя да от Владимира». —
 «Ише што эт' ноньче деитьце во Киеви?» —
 «Да во Киеви у нас да не по-старому,
¹⁵ Не по-старому да не по-прежнему:
 Как ходит народ да в платьи чёрном же,
 В чёрном платьици ходит, в пёчальнём же.
 Как подошла тут силушка великая,
 Подошел тут сам Кудревáнко-царь
²⁰ А как со любимым с зятём всё со КЫршиком,
 А под зятём силы сорок тысячей,
 А под самим цярём сто тысячей.
 Да хотят розьбить, разорить красен Киев-град,
 Ише Божьи церьквы на конюшни взять,
²⁵ Ише манастири спасёныя на дым спустить,
 А князя со кнегиною в полон ведь взеть.
 Да как мы видели ише чудо чудное,
 Уж мы видели ише диво дивноё:
 Как Пресвьята-та да Богородица
³⁰ Вышла из церьквы из соборныя,
 На рúках вынесла книгу всё Евангельё,
 Она вышла на быстру реку,
 Она села на горячэй серой камешок».

- А как во ту пору, во то время
 35 Да богатырей в Киеви не случилось,
 Не случилось их, не пригодилося:
 Да уехали они да по своим местам,
 По своим местам, к отцям, к ма́терьям,
 К отця' <м>, к ма́терьям да к молодым жона́м.
- 40 Как во ту пору, во то время
 Да приходит ко Владимиру калика-та переходяя.
 Он молитыце тут Спасу всё Пречистому,
 Поклоняйтце князю да Владимиру:
 «Уж ты здрастуй-ко, Владимир князь киеской!
 45 Ты о чём ходишь невесел, нерадостён?
 Да повесил буйну голову с могучих плеч.
 Не тужи ты, не печалуйсе:
 А как ес<т>ь у тебя во Киеви Васька горька пьяница,
 Ише пьёт в кабаки вино безпрóсно жо.
- 50 Он можот поехать во чистó полё,
 Он можот побить силушку великую».
 Да он скоро надевал шубу чёрных sóболей,
 Надевал-то шапку, черну му́рванку,
 Побежал он от ца́ря на большой кабак.¹
- 55 Лёжит-то Васька Пьяница на печи кабачния,
 На печи лёжит кабачния, на кирпичния.
 «Уж ты здрастуй-ко, Васька Пьяница!» —
 «Уж ты здрастуй-ко, Владимир князь стольне-киевской!»
 Говорит Владимир-князь да таковы речи:
- 60 «Уж ты гой еси, Васька да горька пьяница!
 Ты вино-то пьёшь, ничего не знашь, не ведаёшь».
 Говорит-то Васька таковы речи:
 «Ише óхте мне тошнёшенько!
 Да болит-то моя буйна го́лова,
- 65 Горит-то, горит да ретивó серьцо́,
 Да не служат мои да ручки белыя,
 Да не носят меня да ножки резвыя:
 Да как нечим Васьки всё оправитьце,
 Ише нечим Васьки опохмелитьце».
 70 Говорит-то князь да таковы речи:
 «Уж ты гой еси, чумак, ты чёловальник жа!
 Наливай-ко ты Васьки зеленá вина,
 Шьтобы Васьки да оправитьце,
 А оправитьце Васьки да опохмелитьце».
 75 Наливал-то Васьки чару зеленá вина,
 Да не ма́лу, не велику — полтора ведра,

- Подавал же Васьки на печку жа.
 Принима'⟨л⟩-то Васька да единой ей рукой,
 Выпивал-то Васька единым духом,
 80 На запивку пива хмельного,
 На закуску мёда сладкого.
 Говорил-то Васька таковы речи:
 «Уж и óхте менé тошнэшенько!
 Да болит-то, болит моя буйна голова,
 85 Да горит-то, горит да ретивó серьцѣ:
 Нечим мне-ка оправитьце,
 Нечим мне-ка опохмелитьце».
 Говорил-то Владимир таковы речи:
 «Наливай-ко, чёловальник, втору чару зеленá вина,
 90 Подавай-ко Васьки, горькой пьяници».
 Принимал-то Васька единой рукой,
 Выпивал-то Васька единым духом,
 На запивку турей рог да пива хмельного,
 На закуску ему мёду сладкого.
 95 Ише сел-то Васька на печку на кабацкую,
 Как зачал Васька с князём поговаривать,
 Ише зачал Васька с князём розговаривать:
 «Уж ты гой еси, Владимир-князь, красно солнышко!
 Нет-то у меня тепереча добра коня
 100 И нету у меня сбруды богатырськии,
 Сбруды нету лошадиною:
 Как сбруда у мя пропита в петсот рублей,
 Да как платьцѣ военно в челу тысячю,
 И нету у мя не сабли вострыя,
 105 И нету паличи чажолою,
 И нету у меня копья да борзоминьского —
 Да как пропито всё чёловальнику».
 Говорил князь Владимир таковы слова:
 «Уж ты гой еси, чумак, чёловальник жа!
 110 Да отдай ты Васьки скоро добра коня,
 Да отдай ему ты безьденежьнѣ,
 Ты безьденежьнѣ да бескопеечнѣ».
 Как отдавал чёловальник всё безьденежьнѣ,
 Безденежьнѣ да бескопеечнѣ.
 115 Говорил-то он да таковы речи:
 «Да болит-то, болит моя буйна голова,
 Да горит-то, горит да ретивó серьцб,
 Да не носят мя да ножки резвья:
 Как нечим мне-ка всё оправитьце,

- 120 Ише нечим мне-ка опохмелитьце».
 Говорил-то князь Васьки да таковы слова:
 «Уж ты пей-ко, Васька, сколько хочитьце».
 Начедил он меру зеленá вина,
 Да не мáлу, не велику — в полтора ведра.
- 125 Выпивал-то Васька единым духом,
 Запивал он пивом хмельним жа
 Да закусывал он мёдом сладким жо,
 Как сам он надевал жо на себя платьё военноё,
 Да военно платьё, богатырскоё.
- 130 Он пошел, седлал, уздал всё добра коня,
 Оседлал он, обуздал коня доброго,
 Он брал-то палицю тяжолую,
 Он скоро-лёкко скакал на добра коня,
 Он поехал во силушку великую,
- 135 Ише в то во чисто полё.
 Приежаёт в силушку великую,
 Приежаёт он ко белым шатрам,²
 Приежал он-то да ко белым шатрам,
 Ко тому жа царю Кудреванку жа.
- 140 Как сам он говорит да таковы речи:
 «Уж ты гой еси, Кудреванко-царь!
 Я не дам-то тебе розьбить, розорить да красен Киев-град,
 Я не дам тебе взеть Божьи черькви да под конюшны жа,
 Да не дам-то я тебе манастьири на дым спусьтить,
- 145 Да не дам-то я князя в плен со кнегиною.
 Да вам дам тольке обирать кнезей, бояр жа:
 Обирайте их жо именьице,
 Обирайте у их золоту казну».
 А как согласилсэ на то да Кудреванко-царь.
- 150 Да поехали в красен Киев-град,
 Обирали тут кнезей, бояр,
 Повезли именьице из города обозами,
 Вывозили именьице во чисто полё,
 Во чисто полё да ко белым шатрам,
- 155 Да приехали ко белым шатрам.
 Да просил-то Васька у их такова паю —
 Не дают-то Васьки да такова паю.³
 Да просил-то Васька у их полу-паю —
 Не дают-то Васьки всё полу-паю.
- 160 Да просил-то Васька една треть паю —
 Не дают-то Васьки и треть паю.
 Как просил-то Васька тольке одной четверти —

- Не дают-то Васьки одной четверти.
 А как говорил тут Кудреванко-князь:
 165 «Уж вы гой еси, мои тотаровья!
 А как при делах-то Васька перьвой был,
 А при делу-ту Васька посьледней стал.
 Вы нема́лу себе шуточку шутите,
 Ише как вам эта шутка с рук сойдёт?»
 170 Как сидит-то Васька на добром кони, думу думает,
 Думу думает да совет советуёт.
 А как его серьцё стало розьерятысе,
 Лепетá в лици стала да переменятысе,
 А как розьерилось ёго да ретивó серьцó,
 175 Роськипелась в ём кровь горячая,
 Да хватил-то он свою паличу тяжолую,
 Он на́чал по силушки поезживать,
 Цяжолой палицёй помахивать:
 А как вперёд махнёт, дак делат улицёй,
 180 Да назад оборотитыце — переулками.
 Он рубил силушку великую,
 А он бил и конём топтал,
 Он тут по силушки поезживал
 Да прибил, прирубил всю ту силушку великую,
 185 А Кудреванка-царя живá спусьтил
 Со любимым зётём всё со КЫршиком.
 А как повёз он назад именицё, живот-от ведь,
 Да повёз он обозами
 Да ко князю ко Владимиру на широкой двор.
 190 Стречáёт его Владимир-князь:
 «Уж ты здраствуй, здраво, Васька Пьяниця!» —
 «Уж ты здраствуй-ко, Владимир стольно-киеськой!»
 Говорит-то Васька да такovy речи:
 «Да бери-тко ты, Владимир-князь, моё богачесьво,
 195 Да богачесьво, платьё цвьетноё,
 Платьё цвьетноё бери да золоту казну». —
 «Уж ты гой еси, Васька горька пьяниця!
 Ты бери сам да золотú казну
 Да проживай ей, да сколько можошь жа». —
 200 «Мне не надобно эта золота казна —
 Да не надоть берекчи мне-ка,
 Не берекчи, не хранити жа.
 Ты куды тут хошь — дарить-роздаривать.
 Тольке дай ты мне волю пить безденежно,
 205 Ише в кажном кабаки бескопеешно».
- «Уж ты пей-ко-се, Васька, вина, сколько хочитьце!»

№ 117а

$\text{♩} = 72$ [$\text{♩} = 216$]

1. Как шло - то два ту - ра да во - зле си - нё мо - рё;

2. Да на - встре - чу ту - ри - ца зла - то - шор - стна - я,

3. Зла - то - шор - стна - я, ту - ри - ца зла - то - ро - га - я.

№ 1176

$\text{♩} = 112$

1. А как во сла - ном го - ро - де во Ки - е - ве,

2. Как у лас - ко - ва кня - зя у Вла - ди - ме - ра

3. Как из Ки - е - ва бо - га - ты - ри по - вы - ез - жа - ли

< 4. По сво - им мес - там ко от - цам, ма - те - рям,

5. Да ко сво - им да мо - ло - дым жо - нам,

6. Да ко ма - лень - ким да ко де - точь - кам. >

№ 118

- А как во славном городе во Киеви,
 Как у ласкова князя у Владимира,
 Как из Киева богатыри повыехали
 По своим местам, ко отцам, матерям,
 5 Да ко своим да молодым жонам,
 Да ко маленьким да ко деточькам.
 Как видели во городи чудо чудное,
 Чудо чудное да диво дивное:
 Как вышла да из того манастиря спасёного,
 10 Как вышла Пресвятая Богородица,
 Она ль на руках вынесла книгу Евангелиё.
 Вышла она да на быстру реку,
 И села она на серой на камешок,
 И стала как читать книгу что Евангельё.
 15 Как ходит царь да призадумалсе,
 Призадумалсе царь да приросплакалсе.
 А как о ту пору, о то время
 Да кричал да Кудреванко-царь:
 «Уж вы еси, татаровя-улановя!
 20 Уж кто из вас умет по-русьски разговаривать?
 Вы¹ подите ко князю послом пословать,
 А снесите-тко ярлык скорописцятый».
 А как выходит татарин, не мал собой,
 Сам он говорит да таковы слова:
 25 «Я могу по-русьски да розговаривать,
 Да я могу по-русьски всё розсказывать».
 Да подавал Кудреванко скоро ярлык скорописцятый,
 Да как поехал ко городу ко Киеву
 Да ко ласковому князю ко Владимиру.

- 30 Да заходит он во полаты княженецкия,
 Да не кстит он своёго лица поганого,
 Да не бьет челом князю Владимиру,
 А подават ярлык да скорописцятай.
 А как князь Владимир да роспецятывал,
 35 Роспецятывал ёго да просматривал.
 Говорил-то татарин таковы речи:
 «Уж ты Владимир князь да стольно-киевськёй!
 Ты не бойсе устраху² Кудреванка-та!»
 А во ту пору, во то время
 40 Да пришел-то калика перехожия.³
 Говорил-то князю да все Владимиру:
 «Ты о чем, Владимир-князь, всё печалишьс〈я〉?» —
 «Да ты всё калика перехожая,
 Да калика перехожая, да калика переброжая,
 45 Как пришла силушка под город под наш великая,
 Да пришел под нас Кудреванко-царь
 Со любимым со этим сокыршиком,⁴
 Хотят наш разорить нам Киев-град,
 Да как меня князя с кнегиною в полон забрать,
 50 Да как черквы Божии под конюшни взять,
 А монастыри спасены на дым спустить».
 А говорит тут калика да таковы речи:
 «Уж ты еси красно солнышко Владимир-князь,
 Как ес〈т〉ь у тя во Киеви да Васька горька пьяница,
 55 Он не уехал да во свое место,
 А да как пьет он вино да все запоем».
 «А где жа этот Васька горька пьяница?»²
 «А и в нове большем кабаки
 И лёжит он на печки да на кабачкия,
 60 На кабачкия печки на кирпичния».⁵

№ 119

Как во славном было во городи,
 Во славном же было всё во Киеви,
 И жил-то-был да князь Владимир стольнё-киевський,
 А и стал-то князь Ладимер,
 5 Стал же он престарости,
 А он пре старости же был же всё, пре древности,
 Буйна го́лова у князя была да при седины стала,
 Ретивó серьцó же было у его пре скорбести.

- Ише у князя Владимира же всё могучи русьски же вси богатыри
10 Они уехали из города из Киёва,
Они оставили князя без всякой его да без зашшиты же,
А они уехали да ко своим к отцѣм да к своѣм матушкам,
Ко своим же они да к молодым жонам
И к малым детоцькам.
- 15 И тут прошла же та же слава всё великая,
А и по всей-то пошла да по святой Рѹси,
А прошла слава до неверных городов,
До того ли города же всё арабского.
И тут же царь ардабский скоро услышал же он,
20 Шшо во городи во славном Киеви
Все могучи-ти русьски богатори уехали,
А оставили побросили князя Владимира
Безо всякой его да всё да без зашшиты же,
Отправляя царь арабской царишшо Грубиянишшо
- 25 Он же черны же кáрабли заморские,
Он грузил же орудью всё же крепкую,
Он-то отправляя премладых карабельшшичков
А и премладых арабских всё матросичков.
И как князь Владимир-от да Светослаёвич
- 30 Он ставал-то скорó по утра-ту ранному,
До восходу-ту ставал да красна солнышка,
Водевалсе он в платьё же во цвѣтное,
Во цвѣтно платьё да княженеськóе.
Он же брал-то скоро в руки свою трубочку да золоченую,
35 Золочёную трубочку да княженеськую,
Он пошол-то потихонёчку¹ на ту ли стену городóвую,
Он на ту ли на башню наугóльнью,
Он смотрял во трубочку во вси чотыре стороны,
А пушше смотрял же во свою, во гавань княженеськую,
- 40 Где его же стояли чорны карабли.
А он увидел во гавани кнеженеськóю
А как стоят-то, пришли чорны кáрабли,
А чорны карабли пришли же всё заморские,
А он смотрял-то во трубочку в подзóрную,
- 45 Не мог признать-то, какого знамя
Да из какого рода.
А сам призадумалсе да князь да припечалилсе:
«Узреньицо,² у князя, стало не по-старому,
Не по-старому же стало у мне да не по-прежнему,
- 50 Я не могу признать знамена в караблях да всё в заморьских же».
Он пошол скорёхонько со стеночки да городóвую,

- Он пошел же всё да потихохонько,
 Он спускался по ступенёкам да потихохонько,
 Он держался за перилочки да золочёные,
 55 Приходил вон в терем же да княженеськие,
 Он говорил своим послáм да княженеським же:
 «Уж вы ой еси, послы да княженеськия,
 Вы подите-ко ищите Ваську горьку пьяницу,
 Вы найдите-зыщите его по княжеським всё кабакам же я,
 60 Приводите Ваську вы да горьку пьяницу
 Вы ко мне, да князю Владимиру, да в светлу светлицю».
 А послы княженеськия да не ослышались,
 Они скоро побежали искать да Ваську горьку пьяницу,
 Они нашли-то Ваську горьку пьяницу:
 65 Под углом лёжал-то Васька горька пьяница,
 Без вниманьца лежал он, без и чувшица
 Со своима со товаришшами любимыма,
 А со Косьтёй лежал да он, со Ванькою.
 А ише послы же княжеськи его розбужали-то
 70 От крепка сына-то его да розбужали же:
 «А какой Васька ты же горька пьяница,
 Ты ставай скоро да на рэзвы ноги,
 Тибя звал-то нашо красно солнышко,
 Как Владимир же князь же Светослаёвич.
 75 Ты подём, подём скоро же к князю ко Владимиру».
 А ише тут-то Васька горька пьяница
 Ставал же он скорехонько,
 Говорил же он же всё да таковы рэчи:
 «Уж вы ой еси, послы да кнеженеськия,
 80 Уж я рад итти же к князю же ко Владимиру,
 У меня, у Васьки горькой пьяницы же, нет на плéчах всё рубашочки,
 У мня нет³ на сибе да всё подштанничков,
 У мня нет на сибе же брюк же всё,
 У мня нету же на ножочках сапожочек же всё сафьянных же,
 85 Мне-ка стыдно князю Владимиру да показатисе».
 Тут послы же княженеськи скоро назадъ пошли
 Они ко князю-ту Владимиру с ответом же,
 Приходили ко князю ко Владимиру:
 «Уж ты ой еси, же князь Владимир Светослаевич,
 90 Ише Васька горька пьяница лежит же в кабаку же он.
 На плéцях у Васьки горькой пьяницы
 У его же нет же на плéчах всё рубашочки,
 У его нет-ка подштанничков,
 У него нет же не брюк да не сопжочёк,

- 95 Показаться к тебе ему же совестно».
 Говорил же князь Владимир им же таковы слова:
 «Уж вы ой еси, послы да княженеськия,
 Вы берите-ко со спички ключи золотые же,
 Отмыкайте мои вы кладовы да княженеськия,
 100 Вы берите-тко же пла́тьё дорогоё цвётноё,
 И оденьте Ваську горьку пьяницу,
 Выбирайте вы сапожочки да всё сафьянныя,
 Вы сафьянныя сапóжечки да са́молучшие,
 Принесите же скоро к ему, одевайте его,
 105 И ведите его ко мне скорей его».
 Тут пошли послы да княженеськие,
 Они пошли да всё же скоро они,
 Понесли одежды Васьки горькой пьяницы,
 А как одевали скоро Ваську горьку пьяницу.
 110 Они скоро его одели в пла́тьё цвётноё,
 Повели скорó ко князю да ко Владимиру.
 А ише тут-то стрéчал князь Владимир-от да Светослаёвич,
 Он стрéчал-то Ваську горьку пьяницу,
 И кланелсе он Васьки горькой пьяницы:
 115 «Уж ты здрастуй-ко, ты Василей свет Иванович,
 Проходи же ты ко мне ко князю ко Владимиру,
 Во мои же во грины княженеськие,
 Посидеть же, попить со мной с князём всё, покушати».
 Заходил-то скорó же Васька горька пьяница,
 120 Он во грины же всё да княженеськие,
 Садилсе за столицки точенья,
 За точенья да всё дубовыя,
 И за белы скатерти же всё за браныя,
 А за ествы́ же всё да за сахарныя,
 125 Говорил тогда же всё князь да всё Владимир же да Светослаёвич:
 «Уж ты ой еси, Василей ты же свет Иванович,
 Ты подём-ко со мной на ту стену́ да городовую,
 А на ту ли на башню наугольнюю,
 Ко моей-то ко гавани да кнеженеськую.
 130 Как пришло-то же три да черных кáрабля,
 Э три чорных же карабли заморския,
 Я не мог узнать да знамя из какого города,
 У мня зреньице, у князя, стало не по-старому,
 Не по-старому же стало, не по-прежнему».
 135 Тут пошел же скоро с им же Васька горька пьяница
 На ту ли на стену́ городóвую,
 А на ту ли на башню наугольнюю,

- Он же заскакивал да поскорёхоньку.
 Князь Владимир оставалсе же да позади же всё,
 140 Брал же трубочку в руки же княженеську,
 А княженеську трубочку да золоченую,
 Он смотрел-то на кáрабли на черные,
 На ти ли на караблѣ же всё заморские,
 Он узнал-то же Васька горька пьяница
 145 Ишо это знамя же всё арабскоѣ
 Из того ли из города арабского,
 От того ли царишша Вохрамеишша.
 Ише как-то на кáраблях народу нет некого,
 Они всё же сидят да проклаждаются.
 150 Говорил тогда же Васька горька пьяница:
 «Уж ты ой еси же, нашо красно солнышко,
 Ише Владимир-князь же всё да Светослаёвич,
 Мне-ка надо ехать на ти карабли на арабския,
 Ко тем ли карабельшшичкам арабским же,
 155 Нужно поговорить с имá же всё же мне».
 Говорил тогда же князь Владимир же:
 «Уж ты ой еси, Василей ты же свет Иванович,
 Уж бери моих тих бояр да всё любимых же,
 Ты бери мою шлюбочку да кнежеськую,
 160 Ты бери-ти весельица да всё серебрянные,
 Вы берите-ко да поезжайте-ко».
 Говорил тогда Васька горька пьяница:
 «Мне не надо, князь Владимир, твоих бояр да кособрюхих же,
 У мне есь у мне два моих товаришша любимыя,
 165 Один Костя, второй Ваня же,
 Я же их возьму да и с има же всё поеду же,
 И тогда же я сам схóжу да за имá же всё». —
 «Ты подёшь, Василей же да свет Иванович,
 А ты поскоре ходи, да поскоре же всё,
 170 Надо дело да всё доделати».
 Тогда пошел скоро Васька горька пьяница
 Он ко княжеському да всё⁴ к кобáку же,
 Он нашóл своих дружьей да он Костю же, Ваню же,
 И привёл скорó же к князю ко Владимиру,
 175 Садилсь во шлюбочку да княженеськую,
 Костя с Ваней сел во весьлица передняя,
 А же Васька горька пьяница да на корму же сел,
 На корму садилсе, брал же руль да золоченой князев-от.
 Он поправлявал рулём, скорó да приезжали же,
 180 И ко тем же кораблям к арабским же,

- У карблей-то нет некого, всё же глухо же,
 Закрычал же Васька горька пьяница
 Он же голосом кричал же всё арабским же:
 «Ах вы карбельщички, матросички арабские,
 185 Што пришли во гавань княженеськую
 Без всякого вы без спросу без князёвского,
 Ише хто же вам да всё приказывал?
 Вы сходите-ко с карблей же всё с арабских же,
 Вас же требовал же князь же всё Владимир всё да Светослаёвич,
 190 Ише хочёт посмотреть вас, премладых карбельшичков,
 И премладеньких же всё вас матросиков,
 И арабских же вас могучих пресильных всё богатырей,
 Ише хотце узнать ему же всё, поведати,
 Вашей силой-то же всё арабскою,
 195 Как побрататце с его же всё с богатыреми,
 У его нет у кнезя всё же его богатырей,
 Во городи во Киеве да не случилось,
 Не случилось же,⁵ не пригодилося».
- Тут арабские же карбельщички
 200 Они очунь⁶ же всё обрадовались,
 Они скоро же скакали со черных же карблей,
 Они во шлюпочки скакали во дубовые,
 И поехали ко пристани да княженеською.
 Приезжали ко пристани кнеженеською,
 205 Они выскакивали на пристань-ту скорехонько,
 Они бежали на гору-ту быстрехонько.
 Тут Васька же горька пьяница:
 «Уж вы ой еси, арабские да карбельщички,
 Вы позвольте-ко со мною всё побрататсье,
 210 А побрататсье да поборотисе,
 Уж мы силою да всё попробовати.
 Вы пресильния арабския богатыри,
 Я же не богатырь — Васька горька пьяница,
 У мне силы же нет во мне да богатырьскою,
 215 Мня же вы да поборотите,
 Мне не стать с вами будёт да не поправитце».
- Он хватал же йих да одной рукой,
 Он бросал йих на матушку да на сыру зёмлю,
 Они падали, лёжат и стать не могут никак.
 220 Он хватал другого, третьёго, четвертого,
 И хватал-то их да до десяточка,
 И бросал их, кинал да сколько мог же всё.
 Как арабские карбельщички да испугалисе,

- На убѣг от Васьки горькой пьяницы,
225 На убѣг убежали они пешком же от него,
И бросили свои карабли арабския,
Со грузом со всей они же всё,
Со орудіей всё они оставили со крепкою,
И убежали в город-от в орабской-от,
230 Ко своёму ко царишшу Грубиянишшу.
Говорил тогда же Васька горька пьяница,
Он же князю-ту же всё Владимиру,
Ему ума-та князю в голову да всё давал же он:
«Уж ты ой еси, же нашо красно солнышко,
235 Ты Владимир же князь да Светослаёвич,
Нужно нам же скоро дело делати,
Нужно выгружать с караблей орудью крепкую,
Как на ту ли нам стену городовую,
На ту ли на башню наугольную,
240 Арабской царишшо Грубиянишшо,
Он пойдет, проклятой, на тибя, на красной Киёв-град,
Он узнат, что теперь нет у тя богатырей».
И как прибежали его премладья да карабельшшички,
Затоптал царишшо Грубиянишшо,
245 Закрычал-тоже голосом немилосливым:
«Ах проклятыя вы собаки, всё негожия,
Вы посланы были да в красён Киёв-град,
Не лёжать, не спать посланы, да дело делати.
Уж я же клал-грузил вам же орудь крепкую,
250 А вас нешто же всё делё да всё не сделалось,
Уж вы проспали, прокляты вы собаки всё негожия».
Приказал тогда царишшо Грубиянишшо
Налаживать караблей же флот же всё
И грузить-то орудю же всё крепкую,
255 И же сам пошел да на черных караблях заморьских же,
Он с орудией пошел же всё со крепкою,
Красной Киев-город хотел весь же головней сожегчи,
И пошли скоро из города из арабского,
Ише шли по морю, морю Хвалыньскому,
260 Увидали они да славной Киев-град.
В ту пору же, во то же времечке
Ише Васька же горька пьяница
Он стоял на той ли на стеночки да городовою,
Он на той ли на башни наугольнёю
265 И смотрял-то стоял во трубочку в подозорную
И караулил царя всё арабского,

- Того ли царишша Грубиянишша,
 Не сходил же он со той башни всё да наугольнёю.
 Ише стрелял царишшо Грубиянишшо
 270 Они крепкой орудией да во славной Киев-град.
 А Васька горька пьяница просматривал
 Он во трубочку же всё подзорною,
 На котором шол царишшо Грубиянишшо,
 Он налаживал орудю саму лучшую,
 275 Само лучшая, котора была крепкая,
 Он улаживал, примеривал
 Да устрелить царишша Грубиянишша.
 Угодил-то, устрелил да прям в его царя,
 Ише падал царишшо Вахрамеишшо,
 280 Ише тут-то ему да смерть случиласе.
 И брал Васька же горька пьяница второе ружьё,
 Второ(е) ружьё да очунь было крепкое,
 Устрелил-то взял-то он да на чёрном карабли,
 Много-много народу всё тут скинуло,
 285 Чорной карабь же всё ко дну ушол.
 Он опять же брал да он третьей ружьёй,
 И он стрелял опять да чорной карабель,
 Устрелил-то взял опять арабских как народа карабельшичков,
 А тут карабли тут вси ко дну ушли.
 290 Перестрелял же Васька горька пьяница,
 Как убил-то всех арабских да народа же,
 Оцистил Васька горька пьяница,
 Он зашшил же красной Киев-град.
 Тут же князь Владимир ему да низко кланялсе:
 295 «Уж ты ой еси, Василей свет Иванович,
 Заходи ко мне во гринь княженеськие,
 Да попить, поисть же всё, покушати
 И белой лебёдушки же всё порушати».
 И тут князь Владимир скоро собирал же всё почесён пир,
 300 Для того ли Васьки для горькой пьяницы,
 Он садил его да во большо место:
 «Уж ты кушай, ешь, да доброй молодец,
 Ты по имени Василей свет Иванович,
 Ты пречудной, прехитрой, мудрой все богатырь же,
 305 Оставайсе-ко, Василей ты же свет Иванович,
 У миня же будь ты всё во городи во Киеви,
 Сохраняй меня, князя Владимира,
 Оставляю я тебе да всё своё же княжесьво».
 Тогда говорил же Василей свет Иванович:

- 310 «Уж ты ой еси же, красно солнышко,
Ты Владимир-князь же Светославич,
Я нейду, нейду кнѣжить в красѣн Киѣв-град,
У мене было у моего рѣдна батюшка,
У его именице-богасъвицо да сколько надобно,
315 Некуды ушло оно да некуда же всё,
Я был малѣшенѣк тогда да был глупѣшенѣк.
А кѣгда отдал мя-ко рѣдной батюшка,
Он учитце-то на славны острова же всё да Милитрійския,
К прихитрым-премудрым учителям,
320 Я училсе, они меня учили же,
Прихитрой-то всё же миня грамотки,
Я в ученицы же был очунь же хитрой же,
Мне ученицо давалось очунь скорое,
Научили⁷ мѣня они да хитростям всё же мудростям,
325 И же всё не научили всё образованьяцу, всё же рыцарьскому.
Я осталсе от батюшка да всё молодѣшенѣк,
Молодѣшенѣк осталсе я, глупѣшенѣк,
Моѣ богасъвицо-именицо добры люди всё разнѣсили,
И добры лѣуди были у моего же батюшка да богатырьския,
330 Всё принадлежность была ведь да вся же рыцарьска,
Все у мя украли да унесли же у мене,
Я осталсе теперь же сиротинушкой,
И с той печали, с того горя пью я зелено вино,
Не могу скрепить я ретива серьца».

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ И НОВГОРОДЦЫ (№ 120)

№ 120

- Ишше было в славном городи в Новигѣроди,¹
Ай там жил-то ведь был да всё богатой князь,
Ай б(огатой) ведь к(нязь) все Богусланушко,
Ай была у ево всё молода жона,
5 Ишше та ли кнегина да Овдотья свет Васильѣвна.
Ай не славилсѣ князь, скѣрѣб представилсѣ,
Оставалась у ево да всё малѣ семья,
Все малѣ семья, Овдотья всё Васильѣвна,
Оставалось у ево всё цядо милоѣ,
10 Все цядо милоѣ, Василей Богуславъевич.
Ишше стал-то В(асилей) Б(огуславъевич),
Ишше стал у нас Васильюшко семи годов,

- Отдалá ёго родима ёво матушка
 Отдалá ево во школу уцить грамоты.
- 15 Как ведь скоро Васильюшко да научилсэ-то,
 Ишше стал он на улоцьку похаживать,
 Он дворяньскимá забавами да забавляйтце:
 Малых деточок на улки пообíживать,
 Он ведь голову возьмет — да голова тут прочь,
- 20 Он ведь зá руку, зá ногу — нога тут проць.
 Он ведь тут, Василей Богослаевич,
 Он ведь много убивал да малых деточок.
 Говорят-то всѣ многí да люди добрыя,
 Тут ведь стали мужики-новгородцý собирайтсе,
- 25 Они стали к Овдотьюшки ходить, ругать-ту все.
 Вот уходит Васильюшко опять на улочку,
 Говорят-то мужики новгородския:
 «Мы лишим-вершím тебя, Василей, с своей-то буйной гóловой,
 Отсекем у тя по плéць мы буйну голову».
- 30 Тут задумалсэ Василей Бо́гуславъевич,
 Он пошол-то тут ведь скоро к рóдной матушки,
 Он повесил буйну голову с могучих плéць.
 Говорит-то тут ёму всѣ рóдна матушка,
 Ишше та ли всѣ вдова Овдотья свет Васильевна:
- 35 «Уж ты шьчо же ты, мое да цядо милоё!
 Молодой ты мой Василей Бо́гуславъевич,
 Ты не вѣсёл-то идёшь, Васильюшко, ко мне нерадосьнё?»
 «Уж ты зóй еси, матушка родимая,
 Тут хотят миня 'зымать-то мужики новгороцьския,
- 40 Отрубить они мою всѣ буйну голову».
 Говорила ёму матушка родимая,
 Ишше та вдова Овдотья свет Васильевна:
 «Уж ты зóй еси, мое да чадо милоё,
 Цядо милоё моё, да ты любимоё,
- 45 Молодой ты мой Василей Бо́гуславъевич,
 Собирай себе дружиночку всѣ храбрую,
 Выбирай себе дружиноцьку протів себя,
 А против себя дружинушку хорóбрую».
 Говорил-то ей Василий Бо́гуславъевич:
- 50 «Соберу-ту я пир на широкóм двори,
 Я налью-то ведь цяру зелёна вина,
 Зелёна-та вíна цяру полтора ведра».
 Наливат² скоро чарочку-ту зелёна вина,
 Зелёна вина цяру полтора ведра,
- 55 Сам садитце во полату белокамянну

- Ай на тот ли он на стул всё рыга бархата,
 Он ведь пишёт ёрлыцьки да скорописцяты,
 Отсылаёт ёрлыки да всё по городу,
 Собирались-то дружиноцька штобы хоробрая.
- 60 Тут приходит к ёму да на широкой двор
 Во первьых-то приходит к ёму Потанюшка всё Хроменькой,
 Тут-то брал Потанюшка цярочку левой рукой,
 (Он еще сказал, чтобы левой рукой, могут ли кто
 чару это здынять?)
- Выпивает ету цярочку он на единой дух.
 Тут ведь брал-то Василей Богуславьевич,
- 65 Он ведь брал-то в свои руки богатырьския,
 Он ведь брал-то тут да³ все как черной вяз,
 Он ведь хлопал-клёскал вязом Потанюшку да по резвым ногам,
 Ай Потанюшка стоит, стоит — не трэхнитце,
 Он не трэхнитце стоит да не зворонитце.
- 70 Тут как брал его Василей Богуславьевич
 За праву-ту его да всё за рученьку:
 «Приходи-ко-се, Потанюшка ты Хроменькой
 Приходи в мои полаты белокамянны,
 Уж ты будь мне-ка дружиночкой хороброю,
- 75 Ай садись ты за мои-ти дубовы столы,
 Ты за те садись за скатерти за бранья,
 Ты за те садись за ес(т)вы за сахарныя,
 Уж ты пей-ко, ты ешь да всё ты кушай-ко».
 Сам пошел-то опять да на широкой двор,
- 80 Наливает опять цярку полтора ведра,
 Полтора-та ведра да зелена вина,
 Тут идет опят(ь) к ёму всё на широкой двор,
 Тут идет-то всё дружина к ёму храбрая,
 Ай идет-то по имени Косьтя Новоторженин.
- 85 Он берет-то ету цярочку левой рукой,
 Выпивал-то ету чарочку всё на единой дух.
 Тут хватал-то Василей Богуславьевич
 Он хватал-то в белы руки богатырьския
 С широка-то двора да всё он черной вяз,
- 90 Он ударил Косьтю всё по буйной ево головы,
 Ай стоит-то ведь Косьтя, не думает.
 (Не болько,⁴ кажет.)
- Говорит-то Василей Боуславьевич:
 «Уж ты зой еси, Косьтя Новоторженин,
 Уж ты будь мне-ка дружиночкой хороброю,
- 95 Проходи в мои полаты белокамянны,
 Пей ты, ешь у меня садись-ко, кушай-ко

- За мои-ти столы садись дубовыя
 Ты за скатерти да всё за браныя
 Всё за ес⟨т⟩вы за мои да за сахарныя».
- 100 Тут проходит Косьтя Новотóрженин,
 Оставайтѣце Василей на широкóм двори,
 Наполняёт-наливаёт чарочку опеть он зеленým вином,
 Тут приходит опеть к ему дружиночка всё храбрая
 Ище тот ли Данилушко сутол-горбат,
- 105 Он сутол, он горбат, всё наперед поклап,
 Выпивал⁵ он дяроцьку всё на единой дух.
 Он того Василей Богуславъевич
 Он не пробуёт ево всё могучóй силы,
 Он не бил, не пробовал да всё чорным вязом:
- 110 «Проходи ты ко мне, Данилушко, в полаты белокамянны,
 Уж ты будь мне-ка дружиночкой хороброю,
 Ты попей поди, поешь у мя, покушай-ко,
 Ты садись-ко за мои-ти дубовы столы,
 Шьчо за браныя мои-ти белы скатерти,
- 115 Уж ты пей-ко, ешь да у мя кушай-ко
 Ты как те ли мои ес⟨т⟩вы сахарныя». ⁶
 Тут услышил Василей Богуславъевич,
 Шьчо сбирайтѣце у князя-та новогорóдцького,
 Сбирайтѣце пир, да всё на весь ведь мир:
- 120 Шьчо на тех ли на князей всё на богатых,
 Да на тех ли мужиков новгородських,
 Собирает пир да всё судить-то, да они всё присуживать
 Ай того ли Васильюшка да Богуславъевича.
 (*Набил, вишь, ребят.*)
- Да услышал про это богатýрь наш всё пресильней-от,
- 125 Да могуцýй богатýрь наш доброй молодець,
 Ешше⁷ тот ли свет-Васильюшко наш Бо́гуславъевич.
 Всё на пир-то ведь Василья тут не пóзвали.
 Говорит-то Василей Богуславъевич
 Он своей-то всё родимой своей матушки,
- 130 Он ли той ли Овдоты-свет Васильёвны:
 «Уж ты зóй еси, родима моя матушка,
 Пожила вдова Овдотыя свет Васильёвна!
 Я пойду разве ко князю на почёсэн пир,
 Поведу-ту я свою дружинушку хоробрую».
- 135 Говорит-то Василью рóдна матушка:
 «Уж ты зóй еси, Василей Богуславъевич!
 Ишше как ты пойдёшь, дак ты ведь нёзван-то:
 Шьчо незваному, Васильюшко, скажу тебе, ведь гостью всё ведь места нет».

- Тут не слушат Василей Бо́гуславъевич,
 140 Он не слушат родимую свою матушку,
 Он ведь скоро тут да наряжаитце
 Со своей-то дружиночкой со храброю,
 Со трёмá-ти ведь со руськима могуцима богáтырями:
 Со первьým-то⁸ со Потанюшкой со Хроменьким,
 145 Со вторым-то со Косьтей с Новоторженином,
 Со третьým-то со Данилушком с Горбатеньким.
 Они скоро пошли-то всё ко князю-ту новгородському,
 (Имя тяжолое — не помню.)
 Как ведь тут они пришли-то тут скорёхонько.
 Он ведь не спрашивает Васильюшко всё Бо́гославъевич
 150 Он у двéрей-то да всё придверьницъков,
 У ворот-то да всё ведь приворотъницъков,
 Он заходит в полаты княженеськия,
 Он ведь кланеитце князю всё новгородскому.
 Он заносит свою-ту ножку правую
 Церез ту ли скамейку белодубову,
 155 Он садитце⁹-то скоро за дубовой стол,
 Он садит свою дружиначку хоробрую,
 Упехáл-то из-за стола многих людей добрых,
 Ише тех ли мужиков новогорóцкíих,
 Он выпéхивал их всё на новы сени.
 160 Тут народ-то, люди дóбры испугалисе,
 По домам-то ох¹⁰ ведь много розьбегалосе.
 Да назадь опеть на пир да собиралисе.
 Они стали сидеть да всё посиживать,
 Во съмиреньици сидят да всё как пьют, едят.
 165 Говорит-то тут князь новгородцъкия:
 «Уж вы шьто-то сидите, да вы богáтыри,
 Вы не цим, сидите, у мня не хвастайте?»
 Говорит-то тут Косьтя Новоторженин:
 «Уж и тем-то разье я похвастаю:
 170 Я осталсэ всё от батюшка родимого,
 Я осталсэ от батюшка малёхонёк,
 Я малёхонёк осталсэ, зеленёхонёк».
 Воспрогóворит Василей Бо́гуславъевич:
 «Я уж тем-то разье я похвастаю:
 175 О своей-то я о буйном о головушки,
 Я ударюсь с вами, мужики новгородьския,
 Ай ударюсь я с вами о велик залог,
 О велик-то я залог — свою богатёрьску-ту ли я о буйну голову —
 Пробиваю я свою вам буйну голову».

- 180 Говорят-то мужики новгородския:
 «Мы по ўтру-ту станём, утру ранному,
 Привести тебя, Василей Богуславъевич,
 Привести тебя шьчобы нам ко Непрэ-реки.
 Приведем тебя да мы к Непрэ-реки,
- 185 К тому-то мы мосту, мосту дубовому,
 Отсекём у тя по плець-то богатырьску буйну голову.
 Ты не будёшь убивать-то всё многіх хоть людей добрых».
 Тут пошел-то скоро с пиру Васильюшко,
 Ай ведь тот у нас Василей Богуславъевич,
- 190 Он повесил-то свою-ту буйну голову,
 Ай повесил головушку с могуцих плець,
 Запечалилсэ, пошел, сам закручинилсэ.
 Ай приходит к родимой своей матушки,
 Ай ко той ли Овдотьи-свет Васильевны,
- 195 Со своей-то с дружиноцькой с хороброю.
 Говорит-то ёму всё рódна матушка:
 «Уж ты шьто же, ты моё да цядо милоё,
 Цядо милое моё, цядо любимое,
 Молодой ты мой Василий Богуславъевич!
- 200 Ты ведь шьчо у мян пришол всё запечалилсэ?
 «Уж ты зой еси, матушка родимая,
 А по имени Овдотья свет Васильевна!
 Ишше как то мне-ка не печалитьце?
 Я ударилсэ ведь на пиру-ту всё
- 205 Я сь тимá-то с мужиками всё ново(го)родьскимá,
 Я пробил-то им свою-ту богатырьску голову:
 Увести хотят меня да ко Непрэ-реки,
 Ко тому ли всё миня мосту дубовому,
 Отрубить хотят, отсеки всё мою-ту богатырьску буйну голову».
- 210 Посадила ёго матушка родимая
 Да во ту ли ёго клетку во железную,
 Шьчо за те ёво замки крепки заморьския,
 За заморьския замоцьки за железныя,
 Припирала-то ёго ишше чернѣм вязом.
- 215 Как ведь тут-то пришло-то утро ранное,
 Приходили мужики новгородския.¹¹
 Тут ведь собирались мужики новгородския
 Ко Васильюшкову всё к широкú двору:
 «Выходи-ко ты, Василей Богуславъевич!
- 220 Поведём мы тебя к матушки к Непрэ-реки,
 Ко тому мы тебя мóсту ко дубовому:
 Нам охвота всё отсеки-то твоя-та буйна голова,

- Богатырьска-та твоя да всё головушка».
 Тут Василей сын Богуславъёвиць
- 225 Он ведь крепко спит своим сном богатырьским.
 Шьчо пошло-то ¹²-то ведь ¹² время на другі сутки,
 Тут ведь он всё спит, не пробужаитце.
 Тут ёго-то всё родима ёго матушка,
 Ишше та вдова Овдотья-свет Васильёвна,
- 230 Тут берёт-то, насыпает она мису красна золота,
 Шьчо другу-ту насыпает циста сёребра,
 Да третью-ту насыпает скатна жемцюг.
 Да пошла она ведь ¹³ всё к князю с подарками.
 Шьчо приходит ко князю-ту новгородчкому,
- 235 Не примаает ведь князь отъ ей подарочёк:
 «Не беру ведь у тебя я красна золота,
 Не возьму я у тебя да чьсто сёребро,
 Мне не надобно твой да всё скатноё жемцюг —
 Мне подай только своёго ты сына любимого,
- 240 Молодого мне Василья Бо́усла́вьёвича».
 Как пошла-то бедна вдовушка, слезно́ расплакалась.
 Как приходит она да на чистó полё,
 Роскина́ла-розбросала золото, сёребро,
 Россыпа́ла она свой да дорогóй жемцюг
- 245 По тому ли она по полю чистому.
 Шьчо сама-та говорила таковы реци:
 «Мне не дорого теперь да красно золото,
 Мне не дорого теперь мне цисто сёребро,
 Не желаю я теперь да скатна жемцюга —
- 250 Дорогó у мня моё мне цядо милое:
 Мне-ка жаль ёго ухватки богатырьскою,
 Мне-ка жаль его удалой буйной го́ловы,
 Мне-ка жаль-то ведь рожо́ного мне дитятка,
 Молодого ¹⁴ всё Василья-та да Богуславъёвича!»
- 255 Как приходит она всё на широкой двор —
 На широком-то двори ведь ходят по колен в крови.
 Поступила тут ево дружиночка хоробрая,
 Они бьют всё мужиков новгородских.
 Тут нашло ведь мужиков всё перевáлами:
- 260 «Мы зайдём ведь ко Васильюшку да Бо́усла́вьёвичу,
 Мы зайдём скорó к ёму мы на широкой двор,
 Оберём мы у ево да да золото, сёребро,
 Отъсекём мы у ево да буйну го́лову».
 Услыхали ¹⁵ тут их красны девушки,
- 265 Молоды́-ти ведь всё ихны кухароцьки,

- Ише ти ли Васильёвы все портомойници —
 Полоскали Васильюшковы все белы, тонки рубашочки.
 Как котора на Васильюшка стирала-то рубашочки,
 Как хватила она все корымысло тут,
 270 Она стала коромыслом все пошалкивать —
 Шьчо убила она силушки да целу¹⁶ сотню-ту,
 Ай Потанюшка убил да до пети он сот,
 Ише Косьтя Новоторженин убил да до шести же сот,
 Ай Данилушко убил да целу¹⁸ тысящу.
- 275 Ай бежит-то тут Васильюшкова портомойница,
 Тут откинула¹⁷ от дверей она черной вяз,
 Отомкнула-то замоцьки-ти скоро заморьския,
 Отпирала она клеть крепку железную,
 Говорит она сама да слезно плачитце:
 280 «Уж ты сладка,¹⁸ ты сналивна наша ягодка,
 Молодой ты наш хозяин, свет-Василей Богуславъевич!
 Шьчо ты долго у нас спишь, ты не пробудисьсе —
 Уж ты спишь у нас, Василей, трои сутоцьки!
 Шьчо твоя-та ведь дружиночка хоробрая
- 285 Они бродят на широком двори в крови-то до коленей все».
 Тут ставал скоро Василей Богуславъевич
 На свои-ти он на ножицьки на богатырьския,
 Тут хватал-то все Василей Богуславъевич
 Во свои-ти белы рущюшки да в богатырьския,
 290 Он хватал-то, все ведь брал да тут ведь черной вяз,
 Он ведь стал-то все вязом да тем поигрывать,
 Как народа, людей добрых стал вязом черным пошалкивать:
 Он на праву-ту руку махнёт — свалитце улица,
 Он на леву отмахнёт — все переулками.
- 295 Он¹⁹ прибил-то силу всю новгородскую.
 Он приходит тут да ко Непре, к реки —
 Больше бить-то ведь Василью стало некого.
 У Непре-то, у реки-то был да все дубовой мост,
 Тут стрещалсэ Василью на мосту-ту все ему ведь тут,
 300 Ише тот ли стретилсэ-то ему крестовой его братёлко.
 Говорит²⁰ ему Василей Богуславъевич:
 «Тебя черт²¹ ведь-то несёт, брата крестового!
 Ты идешь во ту пору, когда ненадобно:
 Мы играм-то ведь севодне головами все,
 305 Не жалем своих головушек мы богатырьских».
 Говорит ему крестовой его братёлко:
 «Молодой ты знать Василей Богуславъевич!
 Ты порато со мной шибко зашибаисьсе.

- Ты училсэ-то когды ты в школе грамоте,
 310 Над тобой-то, кажись, был тогда большім ведь я,
 Ты, Василей Бо́гославъевичъ, ты был тогда да всё меньшím ты мне,
 Я учил тебя к грамоте Господнѣю».
 Во руках несёт крестовой его брателко
 Ише ту ли шепалыгу подорожную,
 315 Шепалыга подорожна будёт всё ведь двесъти пуд.
 Он ударил Василью в буйну голову
 Он ведь той ли шепалугой²² подорожною.
(На дорогу эдаку взял!)
 Ай ведь тут-то богатырьское серъцо розгорелосе,
 Как хватал-то ведь Василей Богуславъевич
 320 Шепалыгу у ево да всё левой рукой,
 Вырывал из рук у брателка крестового,
 Он ударил тут братёлка по буйной гóловы.
 Тут²³ славы-ти поют ведь брателку крестовому.
 Шьчо славы ёму поют, во многих старинах скажут.
(Врака, всё-таки в одной!)
 325 Подошел опять по мóсту по дубовому,
 Тут идёт ёму настрету хрёсной ёго батюшко,
 Хрёсной батюшко ево да свет Дивянишшо.
 Ай²⁴ он гóворит Василей Бо́гуславъевич:
 «Тебя чорт-от несёт, да хрёсной ты мой батюшко,
 330 Водяной тебя несёт, да всё не вóвремя!»
 Говорил ёму крестóвой ёго батюшко:
 «Молодой, ишше Василей Бо́гуславъевич!
 Не по себе-то ты теперь да дело делаёшь».
 Говорит-то Василей Богославъевич:
 335 «Уж ты зóй еси, родимой хрёсной батюшко!
 Я севодньне играю головами всё мужицьима,
 Всё мужицьима играю я, новогорóцькима,
 Не пропускаю головы и богатырьскою».
 У ево-то всё у хрёсного да отца-батюшка
 340 Ай на гóловы надет наместо шляпы большой колокол,
 А потянёт этот колокол пудов о тысецю.²⁵
 Как в руки-то язык да всё петьсот пудов.
 Погледел-то тут Василей-от на крестового на батюшка,
 Он ударил ёго шепалыгой-то по этому по колоколу —
 345 Розьлетелсэ ведь колокол на мелки дрéбезги,²⁶
 Тут прошла-то шепалыга-та его всё буйну голову.
 «Ай убил я ведь, верно, крестового же отца, хрёсного!»
 Ай крестового-то братёлка-та ишше мёртвого попиныват.
 Тут приходят к Овдотьи всё к Васильёвны

- 350 Ише ти ли женьшины новгородския
 Под косисцято к ей да под окошоцько.²⁷
 Услыхал скорó Василей Бо́уславъевич,
 Он ведь скóро овращáлсэ к рóдной матушки,
 Ище к той ли к Овдотьи свет к Васильёвны.
- 355 Как налим-то круг ведь камешка всё овиваитьце,
 Как Василей Богославъевич к матушки ведь всё он лашшитце,
 Он ведь падат своей матушки в резвьí ноги,
 Он-то просит у ей родительска благословленьиця:
 «Уж ты дай-ко мне-ка, матушка родимая,
- 360 Мне-ка дай-ко ты родительско бла́гословленьицё
 Мне-ка съездить-то, матушка, в Ерусалим всё град:
 Я ведь нагрешил я много хоть со малых лет,
 Убивал много народу православного,
 Убивал много хресьяньских малых детушок,
- 365 Убил-то я своёго хрёсна батюшка,
 Я убил-то крестового своёго брателка —
 Ише хрёсному моёму был родимой сын.
 Мне-ка надобно в грехах да попрошшатисе,
 Ко съвято-то мне святыни помолитисе,
- 370 Ко съвятым мошшам нетленным приложитисе,
 Во Ердань мне-ка реки да окупатисе,
 Мне увидеть ведь надоть свято озёро,
 Откуль выпала матушка Ердань-река,
 Мне сходить-то нать ведь, съездить на съвяту гору,
- 375 Приобразилсэ, на горú-ту, где Исус Христос,
 Где Исус-от Христос да где небесной царь:
 Там ведь ес(т)ь-то, скажут, стоит церьквá соборная,
 Там соборная церьквá всё Приображеньская,
 А двенадцеть есь во цerkвы тут ведь крылосов,²⁸
- 380 Там ведь есь-то, скажут, камень Латырь есь,
 Ишше Латырь-от камень-от святой-от всё,
 Установил-то наш Исус Христос, небесной царь,
 Шьчо на том-то кáмню веру православную,
 Написал-то он на том камни́ всё книгу Голубинную
- 385 Со двенадцетью он всё ведь со апостолами».
 Говорит ёму родима ёго матушка:
 «Ты пойдёшь токо, моё ты цядо милоё,
 Молодой же мой Василей Бо́уславъевич,
 Ты пойдёшь токо на дело на хорошоё,
- 390 Я ведь дам тебе крепко́ родительско бла́гословленьицё:
 Изменишь токо, Василей Бо́уславъевичь,
 Ты <и>'зьменишь токо своё да слово крепкоё,

- Тóко будёшь кого бить-то по дороги православного —
 Богáтыря ты, хошь и не богáтыря,
 395 Не неси-то тебя матушка тогда сыра земля!»
 Она скоро благословила своёго тут цяда милого.
 Они²⁹ скоро ведь³⁰ поехали да на чернёных кáраблях.
 Они шли-то тут времени немало жо:
 Ай ведь шли они времени окол месяца,
 400 Ай пришли-то они ко Ерусалиму-ту, к святу́ граду.
 Да завидял-то Васильюшко всё силу бусурманьскую —
 А стоит-то силушка под Ерусалимом всё под городом.
 Он не бил-то этой силушки да бусурманьскою.
 Он доходит, доступает по своим делам,
 405 По своим-то по делам — Бо́гу молитисе,
 Шьчо во тот ли светой в Ерусалим он град,
 Он съвятой-то всё съвятыни-то всё мо́литце,
 Во тяжкíх-то он грехах Бо́гу прошшаитьце,
 Ко святым мошшам нетленным всё прило́жилсэ,
 410 Заказны поёт обедни с панафидами,
 С панафидами, всё со молебнами:
 Поминать своёго он родного батюшка,
 Молит Бо́га за свою-ту родну матушку,
 За себя-то он всё за Василья Бо́гославьёвича,
 415 Он дават-то всё отцам, попам соборным,
 Он несчётно-то дават да золоту казну;
 Он ведь молит за дружинушку хоробрую —
 Он несчётно же дават да золотой казны.
 Ай отправились они всё ко Ёрдан-реки,
 420 Ко Ердан-то ко реки, ко Львину-ту³¹ святому озеру.
 Как ведь тут-то стали во Ердан-реки купатисе
 Со своей-то он с хороброю дружиноцькой.
 Говорила ёму-ту рóдна матушка:
 «Не купайсе ты, Василей Бо́гославьёвич,
 425 Не купайсе-ко нагим во матушки Ердан-реки:
 Только на́гим-то купалсэ сам Исус Христос,
 Сам Исус Христос купалсэ, наш небесной царь».
 Не послушал он наказу рóдной матушки,
 Ише той вдовы Овдотьи всё Васильёвны —
 430 Окупалсэ он в Ёрдан-реки нагим-то всё,
 Шьто нагим-то окупалсэ, без рубашоцьки,
 Как ёго-то все дружиночка хоробрая
 Окупались-то они да все в рубашоцьках.
 Ай поехали они ко каменю ко Лáтырю —
 435 Ай лёжит-то голова всё богатырьская.

- Он ведь брал-то эту голову попинывал,
 Он ведь стал-то эту голову побрасывать.
 Говорит-то голова всё богатырьская:
 «Не пинай меня ты, Васильюшко всё Бо́гуславъевичь,
 440 Не пинай ты мою голову всё богатырьскую!
 А не перескóчить тебе будет через Латынь-камень:
 Ты первóй-от раз, Василей Бо́гуславъевич,
 Перескóцишь через камень во первóй након,
 Перескóцишь через камень во второй након,
 445 Не перескóчить тебе накону трéтьего —
 Ты убьёсьсе, Васильюшко, о этот кáмешок.
 Не бывать-то тебе будёт, Василей Бо́гуславъевич,
 Не бывати тебе будёт-то ведь на Св́ятой горы,
 Шьчо во той тебе во церьквы всё Преображеньскою,
 450 Не видать тебе уж той будёт церьквы соборною,
 Тебе соборною церьквы, богомольнёю,
 Не видать тебе будёт двенадцеть всё престолов всех,
 Не видать буде, Василей ты да Бо́гуславъевич,
 Ай двенадцеть-то тебе престолов-то, двенадцеть крылосов».
 455 Говорит тут Василей таковы слова:
 «Ай ты крепко спишь — тебе всё во снях видитце!»
 Перескóдил перьвой раз Василей Бо́гуславъевичь,
 Перескóдил Васильюшко церес камень во второй након,
 Ай в третей-от након упал о этот Латырь, все о камень-от,
 460 Он убилсэ тут да всё до смерти-то,
 Ай убилсэ наш Василей Бо́гуславъевич.
 Ишше тут Васильюшку славы́ поют,
 Шьчо славы́ ёму поют да старины́ скажут.
 (Убавишь или прибавишь — таковы́е про́кляты.)

САДКО СОСТЯЗАЕТСЯ С НОВГОРОДОМ (№ 121—123)

№ 121

- Ише́ был-жил Садко́ новгородц́кня.
 Он ведь сделал всё гусельци яровц́яты.
 Он из хитрых же Садко́ да был хитёр-мудёр.
 Ён ходил-то всё играл да всё ко озёру,
 5 Он ведь день ходил-играл, да он другой¹ играл.
 Выплывала царица Белорыбица:
 «Уж ты гой еси, Садко́ новгородския!
 Ты сходи-ко-се во лавочки торговья,

- Ты купи-ко-се, купи да всё разнѣх шелков,
 10 Извьязи-ко-се ты всё да ты шолкѣв нѣвод,
 Замеци-ко-се ты в это Цюдо-озѣро,
 Я пошлю-то золотых тебе три рыбинки»,²
 Он³ ведь скоро сходил⁴ в лавки торговья.
 Он ведь скоро мѣтал да всё шолкѣв нѣвод,
 15 Изловил-то он да эти рыбинки.
 Говорит ёму царица Белорыбица:
 5-«Ты поди-тко-се тепере бейсе всё с купцеми⁶ о велик заклад,⁵
 Выбивай⁷ у их три лавоцьки с товарами заморьскима,
 Ай скажи, шьто „уловлю-то золотых я вам три рыбинки”».
 20 Пробегали купци да в свои лавоцьки,
 Обценили⁸ у ево да перьву рыбинку,
 Перьву рыбинку-ту обценили⁸ ведь во сто рублей,
 Другу рыбинку-то обценили⁸ целу⁹ тысяцю,
 Третью рыбинки тут ведь цены¹⁰ нѣ было.
 25 Ай пробили¹¹ все ведь лавки с товаром разным,
 А пробили три цѣрнѣных своих кáраблей,
 Ай¹² оттово ли-то¹² Садко-купец богатой стал.
 Он пошол-то на чѣрных всё на кáраблях,
 Торговать-то он пошол да всё ведь в разны гóрода,
 30 Торговал-то он ходил да всё как с прибылью.
 Он пошол-то опеть да во второй након.
 Ишше вси-ти он⟨и⟩¹³ кáрабли по морю как да соколѣ летят,
 Ай Садкóськой-от карáбь как ведь на якорю стоит,
 А пошли его цѣрнѣны многи кáрабли.
 35 Ай Садкó-купец по кáраблю похаживат,
 Ведь¹⁴ беленькима ручками розмахиват,
 Золотыма-ти персьнями принабрякиват,
 Он белыма-ти пальцями принашшакиват,
 Он жолтыма всё кудрями принатрясыват,
 40 Он ведь сам всё говорил да та⟨ковы⟩ реци:
 «Ишше кольки по синю морю не хаживал —
 Я морьскому цáрю дани-пошлины не плацивал,
 Вы спускайте-ко, мои млады матросики,
 Вы спускайте-тко-се боцьку с красным золотом,
 45 А другú боцьку спускайте с цистым сѣребрóm».
 Ишше эти боцьки-то всё поверьх воды несёт.
 Да¹⁵ сказал-то Садкó-купец новгороцькия:
 «Не берёт у нас морьской цярь дани-пошлины.
 Уж вы делайте, матросицьки, вы жѣребьи,
 50 Ай собе-то делайте вы жеребьи дубовья,
 Ай ведь мне-ка сделайте вы жѣребей да красна дерева».

- Ише все ведь жеребьи поверх воды плывут,
 Ай Садкосько(й) жеребей да ко дну каменём.
 Уряжалсэ¹⁵ в дорогó своё да в платьё цвѣтнёе,
 55 Он садилсэ-то во белу модну шляпоцьку,
 Он ведь брал-то себе да всё ведь гусельци,
 Он ведь гусельци себе да звоньцяты́ они,
 Он садилса во ету скоро шляпоцьку,
 Ай он стал ведь во гусельци поигрывать:
 60 «Вы прошшайте-тко, мои млады матрѳсицьки!»
 Полетел у Садка червѣн карабъ да как во крѣльици,
 Перестыг-то всё чернѣных цюжих караблей.
 Как Садко-то не поспел взглянуть да на чернѣн карабъ,
 Утянала всё ёго царица Белорыбица,
 65 Ай приводила ево всё к царю ко морьскому-ту:
 «Ты бери-ко-се, бери же ты, морьской ведь царь,
 Ты бери-ко-се Садка, купця новгороцького,
 Ты бери-ко-се ево на трои сутоцьки,
 Засади его играть да в звоньцяты́ гусли».
 70 Говорит же царь морьской да таковы реци:
 «Я сижу-ту ведь, Садко новгороцькой же,
 Уж я жду тибя ровнó три годицька.
 Поиграй-ко-се во гусельци звоньцятя,
 Ты утешь миня, царя всё со царицою».
 75 Заиграл-то всё Садка новгороцькия,
 Заплясали-то же царь всё со царицою,
 Ведь плясали они всё во синѣм морі.
 А играет ведь он да целы сутоцьки,
 А играет-то он да всё другі сутки,
 80 Да играет-то он да третьи сутоцьки.
 Как¹⁵ ведь приходит к ёму Микола всё Можайськой-от:
 «Тибѣ полно играть, Садко новгороцькия!
 Ты прирви возьми свои да звоньцяты́ гусли:
 На синѣм-то ведь мори сдѣлалась большá погодушка
 85 Да от той ли от пляски-то царя с царицою,
 Ише много изгубило людей добрых,
 Ише много ведь погубло чернѣных караблей,
 И того большѣ погубло всё мелкіх судов».
 Приломали-то взели¹⁶ звоньцяты́ гусли.
 90 Говорил-то тут да ёму всё ведь царь морьской:
 «Я ведь цим тибя, Садка-купця, подарствую,
 Я ведь цим-то всё тибя дарить буду, ударивать?»
 Говорил яму Садко новгороцькия:
 «Покажи-тко мне своих да тридцѣть красных деушок».

- 95 Рос⟨с⟩казал ёму Никола всё Можайския:
 «Ты бери-тко-се Настасью всё царевну-ту.
 Он наредит-то тебе всё тридцеть девушек,
 Он наредит-то ведь в платьице всих в парноё,
 Всех-то в парно-то их в платье, всех в однакоё,
- 100 Посадит он всё Настасью-ту царевну-ту.
 Посадит-то ей да всё в серёдки-то,
 У Настасьи-то ведь оци¹⁷ ясна сокола,
 Ишше брови-ти у ей да черна соболя,
 Уж ты ту смотри, Садко, купець новгородския,
- 105 Уж ты ту бери да за себя замуж.
 Хоть¹⁵ жалеть будёт ведь царь да своей доцери,
 Не бери ты больше некакой новой.
 Приказал-то¹⁵ наредитьце всё морьской ведь царь
 Ишше всим-то им в однако платье цвѣтноё.
- 110 Замечает Садко новгороцькой-от:
 «Шьто мне взеть будёт Настасью-то получше всех».
 Они вси-то сидят будто парнѣхоньки,
 А Настасья потянула руцьку правую
 Да мигнула Сад-купцю да черным глазиком,
- 115 Он ведь тут-то скоро догадаитьце,
 Говорит-то он скорó всё царю морьскому-ту:
 «Мне вот та же моя да Богом сужона».
 Тут ведь царь-от стоит да испугантьце:
 «Не своим ты, Садко, умом, верно, наказаной,
- 120 Не отдам я за тебя свою-ту доць любимую:
 Ай у мя-то Настасьюшки-то матушка была со съвятой Руси,
 Со съвятой была Руси ведь матушка, из каменной Москвы».
 Тут ставала Настасья на резвы ноги,
 Говорила царю всё таковы реци:
- 125 «Уж ты гой еси, батюшко любимой мой!
 Не розлуци же ты миня с Садком, купцем богатыим,
 Отдавай-ко-се миня ты с цести, с радости,
 Дай ты мне-ка же приданым три-то карабля чернёных,
 Нагрузи-ко товарами да дорогима всё:
- 130 Ты один карабь грузи-ко красным золотом,
 Ты другой карабь грузи-ко цистым серебром,
 Ты третей карабь грузи камёнём драгоценным».
 Ишше тут царь просватывал свою любиму доць,
 Нагрузил ёму ведь вси чернёны три-то карабля:
- 135 Ишше перьвой карабь да с красным золотом,
 Да другой же карабь да с цистым серебром,
 А третей карабь с камёнём драгоценным,

- Спроводил-то он Садка-купця да с цести, с радости.
 Ай выходит Садко новгородькия,
 140 А выходит Садко да на синё морё,
 На синё-то морё, морё Хвальиньскоё,
 Ишше дал ему Господь Бог по́ветерь способную,
 Им способную поветерь, уносную.
 Они скоро же приходят во Новой-град,
 145 Он ведь скоро¹⁸ все обстыг вси цернёны свои кáрабли,
 Он ведь скоро выгружал товары-ти заморьския,
 Он ведь скоро делал Миколы-то да всё Можайському,
 Делал он Божью церковь,
 Он ведь Божью-ту церкву богомольнею
 150 А тому ли-то Миколы всё Можайському.

№ 122

- Да как хвалитце Содкó, похваляитце Содкó
¹Во инí гради¹ товары вси повыкупить
 Да на черлены на кáрабли да повываивить.
 Да пошол Содкó на двенадцети караблях,
 5 Он приходит во гавань карабельнюю
 Ай ко той жо ко пристали лодейныя.
 Да по перьвой день товары все повыкупил,
 На черлёныя на кáрабляи повываивил.
 Да на вто́рой день товаров больше старого нашло,
 10 Ай по вто́рой день товары все повыкупил,
 А на черлены на кáрабляи повываивил.
 Да на трéтей день товаров больше старого пришло,
 А по третей день товаров всех повыкупить не мог,
 Да на черлёны на кáрабляи повываивить не мог.
 15 Да пришол Содкó на двена́дцеть карабля́х,
 Да назад-ту он пошол на шесть́и карабля́х.
 Ишше вьшол Содкó на синее на морё,
 Ишше все карабли как будто соколы летят,
 Ай Содкóвой ведь карабль да некуды ведь нейдёт,
 20 Некуды он нейдёт да на одном мести стоит.
 Ай Садкó-купецъ по кáраблю похаживаёт,
 Он жолтыма кудерце́ми натряхиваёт,
 Ишше сам он говорил да таковóе словó:
 «Уж ты вой еси, дружинушка хоробрая моя,
 25 Ишше те же мои да водолашшички!
 Вы скачите-тко вы скоро вы во синее во морё,

- Вы смотрите-тко вы скоро под черьлёным караблём:
 Ишше наш-от карабль не на мели ли стоит,
 Не на мели ли стоит, не на луду ли нашол,
 30 Не на луду ли нашол не на подводную?»
 Ай скакали как дружина во синее во морё,
 А смотрели они скоро под черьлёным караблём,
 Ишше сами говорили таково ёму словó:
 «Ишше наш-от карабль не на мели он стоит,
 35 Не на мели он стоит, не на луду он нашол,
 Не на луду он нашол не на подводную».
 Да Содкó-купецъ по кáраблю похаживае⟨т⟩,
 Он и жолтыма кудерьцеми натрясывае⟨т⟩:
 «Уж вы вой еси, дружинушка хоробрая моя!
 40 Вы скачите-тко, дружинушка, во шляпочку,
 Поезжайте-тко, дружина, во темные во леса,
 Вы срубите-тко по жеребью по тавáлженому.
 Верно, ес⟨т⟩ь у нас на кáрабли пригрешной человек,
 Отсеките-ко по жеребью тавáлженому».
 45 Ишше в те поры дружинушка не ослышилась ево,
 Ай скакали они скоро ведь во шляпочку,
 Ай поехала дружина во темныя во леса,
 Они секыли как по жеребью тавáлженому,
 Ай метали они жеребьей во синее во морё.
 50 Ишше вси-ти жеребья да будто гоголи пловут,
 Ай Содкóвой-от жеребь ко дну каменём пошол,
 Ко дну каменём пошол да он нигде-то не выстáл.
 Пришло Содкú да с карабля-та соходить,
 С карабля-та соходить да на дошшочку соходить.
 55 Соходил Содкó да на дошшóчку,
 Сошол Содко да на дошшочёчку.
 Ай карáбель-от пошол, да будто сокол полетел.
 Заснул Содко да на дошшочóчки,
 Пробудилсэ Содко да у морского у царя.
 60 Говорил-то ёму да ведь морской-от царь:
 «Уж ты вой еси, Содко-купецъ, богатой человек!
 Уж ты ко́лико ты по́ морю не хаживал,
 Ишше мне-то ведь царю дани не плачивал.
 Ты бери-тко-се, Содко, у мня сужону себе,
 65 У м⟨е⟩ня сужону себе, да себе ряжоную».
 Ай сидела у царя за зыбой бабушка,
 Говорила-де Содку да таково ёму словó:
 «Приведёт тебе царь ишше полк девиць —
 Не бери-тко-се из того полку невесты себе.

- 70 Приведёт тебе полк да второй-то девиць —
 Не бери-тко-се с полку да себе сужоную.
 Приведёт тебе полк-от третей девиць,
 Идёт сзади как девушка Чернавушка,
 Ай Чёрнавушка идёт да Шолудьявушка —
- 75 Ты бери-тко-се да себе сужоную,
 Собе сужоную да себе ряжоную».
 Привел ёму царь верно полк ёму девиць.
 «Ише нету мне-ка своей сужоной».
 Ише привёл ёму полк да второй девиць:
- 80 «Ишше нет-то мне здесь да себе сужоной».
 Да привёл ёму полк да третей да девиць.
 Идёт сзади девушка, идёт Чернавушка,
 А Чернавушка идёт да Шолудьявушка-я.
 Говорил тогда Содко-купец, богатой человек:
- 85 «Вот мне сужоная да моя ряжоная».
 Ишше лёг Содко на кроваточку,
 На кроваточку лёг с девушкой с Чёрнавушкой,
 Заснул Содко да на кроваточки.
 Пробудилсэ Содко у быстрой реченьки:
- 90 Ай стоят во реченьки черьлёны карабли,
 Черьлёны карабли купця богатого, ёго.

№ 122а

♩ = 66

1. А как хва - лит - це Сот - ко, да по - хва - ля - ит - це Сот - ко

2. Во и - ни гра - ди то - ва - ры все по - вы - ку - пить

3. Да на чер - ля - ны на ка - раб(и)ли по - вы - ста - вить.

4. Да по - шо - л(ы) Со - т(ы) - ко да на две - над - цел(и) ка - раб - лей.

5. Да на перь - вой день то - ва - ры все по - вы - ку - ^з пил

6. Да на чер - ля - ны на ка - раб(и)ли по - вы - ста - ^з вил.

№ 123

- Бывал-живал Садко-купецъ богатяя.
 А как и'⟨з⟩-за того-то моря синего
 Да пришёл-то он ко славному ко городу ко Киеву.
 Ай сидел-то Садко при чесном пиру,
⁵ А как пил-то, ел, сидел, хвастал жа:
 «Я¹ сколько по морю-морю не хаживал,
 Я морьскому царю пошлину не плачивал».
 А тут² хвастал-то во Киеви товарушки повыкупить,
 Свои-ти трицеть караблей повыгрузить.
¹⁰ А как заутра во Киеви товарушка вдвоё-то прибыло,
 На вторы-ти сутки вдвоё-втроё навезли,
 А на третьи сутки ише³ больше старого преставили.
 Ай нагрузил он свои цёрны карабли
 Разноличныма-то всякими товарами.⁴
¹⁵ Да как потянула ёму поветерь тиха способная,
 Да как⁵ отправилсэ Садко да во синё морё,
 Во синё морё да во своё место.
 Как та земля⁶ ⁷-да спотаиласе,⁷
 Ихна-та земля здремениласе.⁸
²⁰ Как Садкоськой-от карабъ некуды нейдёт,
 А инны-ти карабли как соколы летят.
 Как купецъ Садко по палубы похаживат,
 А как он с ножку на ножку переступывал,
 А как сам ведь говорил таковы речи да таковы слова:

- 25 «А уж вы слуги, слуги мои верныя,
От вы водолащики мои молóдыя!
Да сходите-тко в синё морё,
Ай во синё морё да под чернён карабь:
А не на луды-то⁹ стоит мой чёрный карабь не на подводныя?»
- 30 А как тут слуги да не ослышались,
А скинывали оне своё платьё чьветноё,
А скакали они во синё морё,
Ай во синё морё да под чернён кара(бь),¹⁰
Ай выставали¹¹ они на другом боку,
- 35 Ай выходили они да на чернён карабь,
Сами говорили таковы слова:
«Уж ты гой еси, Садко-купець богатыя!
А как не на луды стоит наш чернён карабь не на подводныя».
А как гóворил Садко-купець богатыя:
- 40 «Ай уж вы гой еси, слуги мои верныя!
А да как, должно быть, держит морьской царь,
Ай как просит он да виноватого.
От вы слуги мои верныя!
Вы¹² делайте-ка по жеребью да по белодубову».
- 45 Ай как тут слуги да не ослышались,
Ай как делали они по жéребью.
«А вы мечите-ка ети жребьи ведь на воду».
Они сделали по жéребью,
Как бросали жеребьи ведь на воду.
- 50 А как ины-ти жеребьи поверьх воды пловут,
А как Садкоськой-от пошел ко дну камёнём.
А¹³ как гóворил Садко купець богатыя:
«Вы спускайте лёхку шляпоцку».
Ай как брал он с собой золоты гусельки розрывчаты,¹⁴
- 55 А да как ведь садилсэ в лёхку шляпоцку,
А как он прошшаитце, сам слёзами обливаитце:
«Вы прошшайте-ка, прошшайте мои слуги верныя!»
А как прошшались его слуги верныя:
«А ты прошшай-ка наш, Садко купець богатыя!»
- 60 А как Садкоськой-от карабь как сокол полител.
А ка зáспал тут Садко купець богатыя
А во той жа во легонькой во шляпоцкы.
А как¹⁵ пробужаитце купець богатыя,
А сидит-то у морьского царя за дубовым столом косисьчатым.¹⁶
- 65 А да как спрашиват Садка купця богатого:
«Уж ты, Садко-купець богатыя!
А ты жонат живёшь, али холос(т) словёшь?»

А да ты возьми жа у мня девушки красныя:
 Есь-то у мня-то три девушки хорошия,
⁷⁰ Одна-то есь то красна девица Чернавочка». —
 «Да как ту-ту возьму за себя замуж,
 Ай уйду-то я да во своё местó».

А как тут Садко за столом да засыпаитце,
 А как от сна ведь он да пробужаитце —
⁷⁵ Ай сидит-то в доме у себя¹⁷
 За темá столама¹⁸ белодубова
 Как с той жа девушкой Чернаушкой,
 А да они пьют, едят, всё ведь кушают.
 А во ту пору пришли ёго да чёрны карабли,
⁸⁰ А да они идут не съ цесьти, не¹⁹ с радостью,
 А не здымают флаков на маштах²⁰ жа,
 Тольке держат флаков в пол-мачтах жа.
 А да как стречал Садко свои да чёрны кáрабли
 Как ²¹-со своею²¹ с молодой женой.
 (Шабаш.)

ГЛЕБ ВОЛОДЬЕВИЧ (№ 124—126)

№ 124

А как падала погодушка да со синя моря,
 А со синя морюшка с Корсúньского
 А со дожджами-ти, с туманами.
 А в ту-ту погоду в синёмóрьскую
⁵ Заносила тут неволя три чернёных три-то кáрабля
 Шьто под тот под славён городок под Кóрсунь жа,
 А во ту-то всё во гавань всё в Корсúньскую.
 А во том-то городи во Кóрсуни
 Не цяря-то не было, не цяревича,
¹⁰ А не короля-то не было и не королевича,
 Как не князя не было и не княжёвича.
 Тут жила-была Маринка дочь Колдáёвна,
 Она бледь, еретиця была, безбожьница.
 Они как ведь в гавани заходили — брала пошлину,
¹⁵ Паруса ронили — брала пошлину,
 Якори-ти бросали — брала пошлину,
 Шлюпки нá воду спускали — брала пошлину,
 А как в шлюпочки садилась — брала пошлину,
 А к мосту проставали — мостовú брала,

- 20 А как по мосту шли — да мостову брала,
 Как в таможду заходили — не протаможила.
 (Не прописала.)
 Набирала она дани-пошлины не множку, не мало — сорок тысячей.
 А да взяла она трой рукавочки,
 Что да ти трой рукавочки, трой перчаточки.
- 25 А как эти перчаточки а не сшиты были, не вязаны,
 А вышиваны-ти были красным золотом,
 А высаживаны дорогим-то скатным жемчугом,
 А как всажено было каменьё самоцветноё.
 А как перьвы-ти перчатки во петьсот рублей,
- 30 А други-ти перчатки в целу тысячю,
 А как третьим перчаткам цены не было.
 Везяны эти перчатки '⟨в⟩ подареньице
 А тому жо ведь князю все Володьёму.
 Отбирала эти чёрны карабли она начисто,
- 35 Розгонила она трёх младых карабельщичков
 А как с тих с чёрных с трёх-то карабелей,
 Она ставила своих да крепких сторожов.
 А как карабельщички ходят по городу по Корсуню,
 Они думают-то думушку за единую,
- 40 За едину-ту думу промежду собой.
 А да што купили они чернил, бумага,
 А писали они да ёрлыки-ти скорописчаты
 Шьто тому жо князю Глебову Володьёму:
 «Уж ты гой, ты князь да Глеб ты сын Володьёвич!
- 45 Уж как падала погодушка со синя моря,
 Заметало нас под тот жо городок под Корсынь жа.
 А во том жо было городи во Корсыни
 Не царя не было, не цяревича,
 Не короля-то не было и не королевича,
- 50 А не князя не было и не кнежевича.
 Как кнежила Маринка дочь Кайдаловна,
 Она бледь, еретиця была, безбожьница.
 А мы как ведь в гавань заходили — брала с нас ведь пошлины,
 А ведь как паруса ронили — брала пошлину,
- 55 Якори-ти бросали — брала пошлину,
 Шлюпки на воду спускали — брала пошлину,
 Уж мы в шлюпочки садились — брала с нас ведь пошлину,
 А как к плоту приставали — плотово брала,
 А ведь как по мосту шли — дак мостово брала,
- 60 А в таможду заходили — не протаможила,
 Да взяла она дани-пошлины сорок тысячей,

- А взяла у нас трои перчаточки —
 Везёны́ были тебе, да князю, в подареньице:
 А как перьвы-ти перчатки во петьсот рублей,
 65 А вторы-ти перчатки в целу тысячю,
 А третьим перчаткам цены не́ было».
- Они скоро писали, запечатали,
 Отослали князю Глебову Волóдьёву.
 А тут скоро пришли ёрлыки к ёму,
 70 Он их скоро роспецятывал, просматривал.
 Как его же серьдцо было неуступчиво,
 Розьёрилось ёго серьцо богатырскоё.
 А он скоро брал свою-то золоту трубу розрывчату,
 Выходил-то скоро на краснó крыльчэ косисчато,
- 75 Он крычал-то, зычал зычным голосом,
 Зычным голосом да во всю голову:
 «Уж вы гой еси, дружины мои хоробрыя!
 Уж вы скоро седлайте, уздайте добрых коней,
 Уж вы скоро, лёкко скачите на добрых коней,
 80 Выезжайте вы скорó да на чистó полё».
- А как услышала ёго дружья-братья-товарышши,
 Они скоро-то добрых коней да собирали жо,
 Выседлали, уздали '(о)ни добрых коней,
 Да скоро садились на добрых коней,
 85 А из города поехали не воротами,
 Не воротами-то ехали, не широкима,
 А скакали через стену городóвую.
 Выезжала-се дружина на чистó полё,
 А как съехалось дружины тридцеть тысячей.
- 90 Выезжал-то князь Глеб сударь Волóдьевич
 Со своей дружиночками хоробрыма,
 Прибирал он дружью-ту, дружины всё хоробрыя,
 Шьтобы были всё да одного росту,
 А да голос к голосу да волос к волосу.
- 95 А из тридцеть тысяч тольке выбрал триста добрых мóлодцов,
 Их-то голос к голосу да волос к волосу:
 «Уж вы поедемте, дружина моя хоробрая,
 А ко тому-ту славну городу ко Кóрсыню,
 А ко той жо-ти Марины дочери Кайдаловны,
 100 А ко той Маринки, еретици, бледи, всё безбожьници».
- А как садились они скоро на добрых коней,
 А поехали они путём-дорогою.
 Как доехали они до города до Кóрсыня,
 Становил-то Глеб своёго добра коня:

- 105 «Уж вы гой еси, дружина моя хоробрая!
Соходите вы скорó ведь со добрѣх коней,
Становите вы шатры полóбтняны,
А да спите-тко, лёжите во белѣх шатрах,
А дѣржите караулы крепкия и строгия.
- 110 Уж вы слушайте — неровнó-то зазвенит да моя сабля,
Заскрипят да мои плечи богатырськия —
Поезжайте-тко ко городу ко Корсыню,
А скачите вы через стену городóвую,
Уж вы бейте-ко по городу старого и малого,
- 115 Не единого не оставейте вы на сѣмѣна.
Я как поеду топерече ко городу ко Корсыню,
К той Маринки дочери Кайдаловны».
Подъезжаёт Глеб под стену-ту
Да под ту жа башню наугольную,
- 120 Закричал-то он да зычным голосом:
«Уж ты гой еси, Маринка дочь Кайдаловна!
А зачем ты обралá у мя да чѣрны кáрабли,
Ты зачем жа у мя сгонила с караблѣй моих трѣх-то карабельшиков,
А нашто поставила да своих караульшиков?»
- 125 Услыхала Маринка дочь Кайдаловна,
Скоро ей седлали, уздали всё добрá коня,
Выезжала она на ту же стену городóвую:
«Здрастуй-ко, Глеб ты князь да сын Волóдьевич!» —
«Уж ты здрастуй-ко, Маринка дочь Кайдаловна!
- 130 А зачем ты у мя взяла мои-то три-то кáрабля,
А сгонила моих трѣх-то карабельшичков со кáраблѣй?» —
«Уж ты гой еси, ты князь да сын Володьевич!
Я отдам тебе три чернёных три-то кáрабля,
А да только отгони-тко три мои загадки хитромудрыя —
- 135 Я отдам тебе-то три чернёных кáрабли». —
«Только загадывай ты загадки хитромудрыя,
А как буду я твои загадочки отгадывать». —
«А как перьва-та у мя загадка хитромудрая:
Ише шьто же в лете бело, да в зимы зѣлено?»
- 140 Говорит-то Глеб да таковы речи:
«Не хитра твоя мудрá загадка хитромудрая,
А твоей глупѣ загадки на свети нет:
А как в лети-то белó — Господь хлеб даёт,
А в зимы-то зеленó да тут ведь ель цвѣтѣт». —
- 145 «А загону тебе втору загадку хитромудрую:
А да шьто без кореньиця ростѣт да без лыж кататьце?» —
«Без кореньиця растут белы снеги,

- А без лыж-то катятыце быстры́ ручьи». —
 «Загану тебе третью загадку хитромудрую:
- 150 А как есть у вас да в камянной́ Москвы,
 В камянной́ Москвы да есть мясна гора,
 А на той на мясной горы да кипарис растёт,
 А на той париси-дереви сокол сидит». —
 «Уж ты гой еси, Маринка дочь Кайдаловна!
- 155 Нехитра твоя загадка хитромудрая,
 А твоей загадочки глупе́ на свети нет:
 Как мясна-та гора — да мой ведь доброй конь,
 Кипарисо дерево — мое седельшко,
 А ка(к) соловей¹ сидит, то — я уда́лой доброй молодець». —
- 160 «Я топерече отсыплю от ворот да пески, камешки,
 А сама-то я, красна́ деви́ця, за тебя заму́ж иду». —
 Как поехала Маринка с той стены да белокамянной,
 Приезжала к собе да на широкой двор,
 Наливала чару зеленá вина да в полтора ведра,
- 165 А да насыпала в чару зелья лютого,
 Выезжала на ту жо стену городóвую,
 Подавала Глебушку она чару зелена вина:
 «Уж ты на-тко на приезд-от чару зелена вина!»
 А как приниматься-то Глеб да единой рукой,
- 170 Ише хочёт он пить да зелена вина,
 А поткнулсэ ёго конь на ножочку на правую,
 А сплескал-то чару зелена вина
 А да за́ тою да гриву лошадиную.
 Загорелась у добра́ коня да грива лошадиная.
- 175 А как ту да Глеб испугалсэ жа,
 А бросал-то чару на сыру землю,
 Ише как тут мать сыра земля да загореласе.
 А как розъерилось ёго серъцо богатырськоё,
 А стегал он добра́ коня да по крутым бёдрам,
- 180 Как поскачит ёго конь во всю-ту прыть да лошадиную,
 А как скакал с прыти ёго доброй конь да через стену городóвую,
 А сустиг-то² ей Маринку среди двора,
 А отсек тут ей, Маринки, буйну голову,
 А как тут Маринки и смерть пришла,
- 185 Смерть пришла ей да среди двора.

№ 125

- Там ведь был-то-жил князь да во Новё-граде,
Там-то жил-то ведь как князь да Глеб Володьевич.
Он задумал-то Глеб да сын Волóдьёвиць,
Он задумал всё дельшко немалоё,
⁵ Он немало ведь дельшко, великоё:
Нагрузить своих три чорного три кáрабля
Дорогима всё разныма товарами.
Он ведь скоро нагрузил да чёрны кáрабли,
Потянула-то им пóветерь способная,
¹⁰ Ай способна им поветерь, уносная.
Он ведь ставил на чернёны на три кáрабля
Всех он разных-то млáдых карабельшиков.
Они — каждой карабельшик знал всё свой карабѣ.
Как пошли-то вот они, скоро отправились,
¹⁵ Да пошли-то они всё за синё солонó морё,
Солонó-то всё морё, морё Арапскоё.
Ай во ту ли пору былó, во то время,
Помешалась-то у их да ихна пóветерь,
Приутихло всё у их ветѣр способноё,
²⁰ Ай ведь пали-потянули ветры буйныя.
Он со вси пал со чотыре со вси стóроны:
Со востосьню-ту пал ведь он, со западну,
Он со севѣрну-ту пал, ведь он со летнюю,
Пали ети ветры, всё пог(о)да ли.
²⁵ Замётало-забросало эти кáрабли
Как во ту ли-то во землю во тотарьскую,
Во тотарьскую во землю, во Арапьскую,
Шьчо ко той ли к еретици, ко розбойници,
Шьчо ко той ли ко Маринки ко Кайдáловки.
³⁰ Она тут-то забрала черьнёны-ти вси кáрабли,
Якоря-то они спускали в воду — брала пошлину,
Ай мосты они мосьтили — мостовó брала;
Засадилa всех у их млáдых матросицьков,
На волóу тольке спусьтила трѣх-то карабельшицьков.
³⁵ Ети ходят карабельшицьки до сьлѣзно плацют же,
Сьлѣзно плачут-то они да думу думают,
Думу думают они, думу единую.
Говорят-то они да всё в одно слово:
«Нам-то сколько будѣт этта всё ходить по городу?»
⁴⁰ Нать писать-то ведь князю Глебу-ту Волóдьёвичу,
Написать-то ведь нать нам скоро грамотка».

- Написали-то они да скору грамотку,
 Он¹ ведь то ёму пишот про товары всё:
 «Ишше были дорогí у нас перцяточки,
 45 Дороги были перцятки ись семи шолков —
 Она всё у нас взяла да всё отóбрала.
 Своёму она берёт эту всё пошлину,
 Своёму-то скоплят она да золоту казну
 Ай тому ли она другу, другу милому,
 50 Дружку милому дарит-то она пошлину, любимому,
 Ай тому ли она старой-то старыньшины,
 Ай по имени она да Ильи Мурамцю,
 Ильи Мурамцю она, сыну Ивановичу».
 Тут ведь всё они да росьписали тут,
 55 Описали своёму князю любимому:
 «Заморить она ведь хоцёт всё сьмертью голодною,
 Ище тех она ²-нашла да ² всё матросицьков,
 Тут она-то нас-то, добрых молодцов, не посадила нас
 Хошь не дóсыта она да нас пойт, кормит».
 60 Нанимали, посылали всё скорб́их гонцей,
 Ай скорб́их они гоньцёв, шьтобы скорёхонько,
 Они тех-то всё послов, да послов верных,
 Послов верных они, всё неизьменных,
 Да они ведь говорят да таковы слова:
 65 «Вы приедите к ему, князю, скорёхонько —
 Он не мешкал шьчоб́и да князь не день, не два,
 Шьчо не день-то он, не два, шьчобы не по́лцясá».
 Приежали-то тут они скорб́и послы.
 Ай во ту ведь пору да князь-от Глеб Володьевич
 70 Он сидит-то за столом да сидит кушаёт,
 Сидит кушат за столом, сидит обедаёт.
 Недосуг-то тут князю дообедывать,
 Приказал-то им сёдлат да он добра́ коня,
 Он добра́ коня сядлат всё богатырьцького,
 75 Хорошо-то он велел коня да учесать да всё уладити.
 Он двенадцеть-ту шелкóвых опружинок засьтёгивал
 Да не ради красы, я ради крепосьти,
 Для своей-то я для силы богатырьскою.
 Приговаривал-то князь да Глеб Володьевич:
 80 «Ты уклад ты мой не гнись, да ты убор не рвьись,
 Ты не ржавей, не темней да красно золото!»
 Поежал-то он скоро, приговаривал:
 «Ты беги, беги, скаци скорó, мой доброй конь,
 Ты мой доброй конь да богатырьской мой».

- 85 Тут приехал-то князь-от Глеб да свет Володьёвиць
 Он ко той ли еретици, всё безбожници,
 Он ко той ли ко Маринки ко Кайдаловки.
 Увидала-то Маринка всё Кайдаловка,
 Ишше та всё еретиця всё безбожница,
- 90 Она зло-то всё несла на Глеба-та Володьёвича,
 Потому она-то несла да всё ведь думала —
 За ёго-то ей хотелось замуж выйти всё,
 Замуж выйти ей хотелось, во супружесътво.
 Приежат-то князь да ко её всё к широку́ двору,
- 95 Он крыцял-то своим да зысьним голосом,
 Зысьним голосом своим да во всю голову,
 Ишше тот ли богатырь князь всё Глеб да свет Володьёвич,
 Он ведь тут скоро крыцял да во второй након:
 «Уж ты гой еси, ты еретиця, ты безбожница,
- 100 Уж ты та ли Маринка ты Кайдаловка!
 Ты подай, подай мои да чёрны карабли,
 Ты подай, подай мои товары все ведь разныя,
 Ты подай-ко-се, Маринка, ты моих-то всё матросиков,
 Подай трёх-то ты моих же младых карабельшиков».
- 105 Я во ту пору Маринка умываитьце,
 Хорошо она да нарежаитьце:
 «Ты возьми-ко-се, ты Глеб да всё Володьёвиць,
 Ты возьми, возьми меня да всё в замужесъво —
 Я отдам тогда чернёны твои карабли,
- 110 Я отдам-то трёх твоих я карабельшиков,
 Я отдам-то всё твоих, твоих матросиков».
 Говорил-то тут Глеб да сын Володьёвич:
 «Мне не надоть, еретиця ты, безбожница,
 Ишше та ли Маринка ты Кайдаловка —
- 115 Не отдам тебе я цёрны карабли,
 Не отдам тебе младых всё карабельшицьков». —
 «Загану́-то я тебе, князь, шесть загадок хитромудрых,
 Ты отгадашь мои загадки хитромудрыя —
 Я тогда-то я тебе да всё отдам твоё».
- 120 Говорит-то ишше Глеб да сын Володьёвич:
 «Отгану́ твои загадки хитромудрыя;
 Говори-ко про загадки, всё мне сказывай». —
 «Шьчо перьва́-то загадка хитромудрая:
 Ишше краше-то съвету, съвету белого?»
- 125 Шьчо другá-та ес(т)ь загадка хитромудрая:
 Ище выше-то лесу, лесу темного?
 Шьчо третья́-то ес(т)ь загадка хитромудрая:

- Бес кореньиця она да всё случантце?
 Ай цетвьёрта ес⟨т⟩ь загадка хитромудрая:
- 130 Ишше цяшшэ, цяшше лесу, лесу цястого?
 Как ишше ведь ес⟨т⟩ь-то пята всё загадочка:
 Бе⟨э⟩ замоцьков-то ише же ес⟨т⟩ь загадоцька?
 Да ишше-то ес⟨т⟩ь у нас хитра́ загадочка:
 Шьчо у вас-то это ес⟨т⟩ь да на съвятой Руси?
- 135 У тебя, князь, это ес⟨т⟩ь у широка́ двора
 Ай стоит-то высока́ гора, великая,
 На горе-то есь ведь кипарис росьтёт всё дерево,
 Как на дереви-то есь да тут сокол сидит,
 Как сокол-от сидит, да он висём сидит».
- 140 Говорит-то ведь ей да князь-от всё таки реци:
 «Ах ты, дура, еретиця, всё безбожниця!
 Не хитры́ твои загадки хитромудрыя:
 Шьчо перьва́-та всё загадка хитромудрая —
 Ишше крашше ведь съвету красно солнышко,
- 145 Ишше вышше-то лесу млад съветёл мессець,
 Ишше цяшше-то лесу зьзвезды Божьи-ти,
 Без кореньиця падут ведь снёжки белыя,
 Бе⟨э⟩ замочков-то течут да речки быстрыя,
 А гора-то у нас ес⟨т⟩ь на съвятой Руси,
- 150 Ай гора-то — мой-то богатырьской доброй конь,
 Кипарисно-то деревце́ — мое да всё седельшко,
 Ай седельшко мое да на добром кони,
 Да сокол-то ведь сидит — ведь я же, доброй молодець,
 Я ведь руськой сильней-от могуцей всё богатырь-от,
- 155 Ишше тот ли я князь да Глеб Володьевич.
 Ты отдай теперь мои ведь чёрны карабли».
 Отдала она ему скоро-крутешенько,
 Всё крутешенько она да ему всё ёго,
 Выпускала-то всих-то млáдых карабельшицьков,
- 160 Выпускала всих-то млáденьких матросиков,
 Шьчо сама-то говорила таковы слова,
 Как стояла на крыльци́ паратном всё,
 Она кланялась ему всё до низкóй земли:
 «Добро жаловать, ты Глеб да сын Володьевич,
- 165 Ты ко мне-то ты в полаты белокаянны,
 Шьчо попить-то ты, поис⟨т⟩ь со мной, покушати!
 Хоть ты нейдешь ко мне да во полатушки,
 Ты возьми, возьми у мяя хоть золоту́ цярку,
 Ты возьми-ко у мяя-то, у девици душой красною,
- 170 Возьми, душенька князь да Глеб Володьевич!

- Мы тогда-то ведь с тобой будём прошшатисе,
 Мы тогда же с тобой будём роставатисе».
 Он хотел-то взеть-то у ей золоту цярку в белы́ руки,
 Тут ведь доброй ёго конь забил в землю право́й ногой,
 175 Он сплёска́л-то у ево стокан в право́й руки;
 Загорела тут матушка сыра земля,
 Загорела тут грива лошадинная.
 Он хватал скорó свою-ту саблю вострую,
 Он отсек-то, отрубил да у ей голову.
 180 Они вырубили всех со старого до малого,
 Не оставили они силы́ на сёмяна.
 Тут они-то обирали у ей всё красно золото,
 Они со́брали у ей, да всё подóбрали,
 Уходили на съвяту-ту Русь, да ишше в Нóвгóрод,
 185 Поживать-то они стали всё по-старому,
 Всё по-старому стали, всё по-прежнему,
 Всё по-прежнему стали, по-хорошому.

№ 126

- А как во матушки было в каменной Москве
 Жил-то-был князь Глеб Володьевич,
 И отправлял-то князь да Глеб да сын Володьёвич
 Он черны кáрабли же всё да он заморские,
 5 За то отправлял премладеньких да карабельщиков
 И премладеньких-то отправлял матросичков
 И за дорогима-ти товарами заморскима,
 И они походили-то его да черни кáрабли
 И за дорогима товарами заморскима.
 10 И как шли-то они по морю Хвалыньскому,
 Ише падала погодушка немалая,
 И зачало у йих да паруса же рвать белы полотьнены,
 Паруса же рвать да карабли ломать,
 Заметало их же погодушкой же великою
 15 Их же в тот же город во Концырь-от.
 В том же в городи во Концыри не корол короллил, не царь царил —
 Королила-та, царила Маринка блядь-безбожница,
 (Уж так пел Ганя Крюков, так и я пою,
 старинных слов не выкинешь.)
 И блядь-безбожница да дочь Кандальёвка.
 Закинали́ они скоро на воду́ якоря булатные,
 20 Спускали шлюпочки дубовыя.

- Забрала у них Маринка блядь-безбожница
 Дороги же ихны карабли заморскии.
 А за караблї брала с их дани-пошлины,
 За караблї брала дани-пошлины да сорок тысяцей,
 (Вот сколько залупила!)
- ²⁵ За якоря булатные брала дани-пошлины да сорок тысяцей,
 За шлюпочки дубовы брала дани-пошлины,
 И за премладеньких карабельшичков да брала сорок тысяцей,
 И за премладеньких матросичков да брала сорок тысяцей.
 Отобрала у их же карабли заморские
- ³⁰ С дорогима-ти с товарами заморскима
 И засадила премладеньких же карабельшшичков
 Во тюрьмы-то засадила заключебныя,
 Она морила их да смерти же всё голодною.
 Тут садилесе премладые да карабельшшички
- ³⁵ На ремчаты стулочки да они скорёхонько,
 И же брали в руки перышка да лебединья,
 Они писали же грамотку да скорописцету,
 [О]ни во матушку во славну в каменну Москву,
 Своему-ту князю всё любимому,
- ⁴⁰ А любимому кынязю Глебу сыну всё Володьевичу:
 «Уж ты ой еси, наш князь любимой же,
 Уж ты Глеб же сын же всё Володьевич,
 Мы же шли же по морю, морю Хвалыньскому,
 Ише падала погодушка очунь великая,
- ⁴⁵ А как зачело у нас рвать бели-ти паруса полотънены,
 И ломать же стало у нас да чёрны караблї заморские,
 Закинало нас же в тот город во Концырь-от.
 А и в том городи во Концыри не король королїл,
 Не король королїл же всё, не царь царил —
- ⁵⁰ И царила-королила же Маринка блядь-безбожница,
 А безбожница Маринка дочь Кандальёвна
 Отобрала же у нас да вси же караблї заморьские
 С дорогима же товарами заморьскима,
 Как везёны-те ко князи Глебу сыну всё Володьевичу,
- ⁵⁵ В подареньице тебе же всё трой перчаточки,
 Эти перчаточки же были у нас же очунь дороги,
 И из семи шолков же были разных же,
 Они росшиты же были красным золотом,
 Россажоны дорогим были да скатным жемчугом,
- ⁶⁰ Во серёдошки было по дорогомому камешку да драгоценному,
 Этим камешкам да цены не было,
 Цены не было, было да не обложено.

- Отобрала у нас же Маринка блядь-безбожница,
 Как безбожница дочь Кандадьевна,
 65 Она за чёрны карабли же всё заморьския
 С нас брала она да дани-пошлины,
 По сороку же брала да она тысяцей,
 И же с нас, мы по горы пройдем, брала да сорок тысяцей,
 А она с якорей брала с булатных по сороку тысяцей,
 70 Со шилюпочёк с дубовых брала сорок тысяцей.
 Засадил она же нас да в тёмны тёмницы,
 Заключила же нас в злодеюшку в заключебную,
 И морит же нас она же смертью всё голодную».
 Тут же князь Глебу сыну же Володьевич
 75 Принимал же он скоро грамотку да скорописцету,
 Он читал скоро же, быстро прочитывал,
 Побежал-брал в руки же туриной руг,
 Брал с собой же он всё туриной рог,
 А туриной же был у ей золочёной же.
 80 Побежал он скоро, князь же Глеб да сын Володьевич,
 Он на ту ли на стеночку да городовую,
 Он на ту ли на башню наугольною,
 Он во перьвой раз трубил да во туриной рог —
 Его храбрая дружиночка от крепка сна да пробужаласе,
 85 Во второй-от раз трубил да во туриной рог —
 Его храбрая дружиночка скоро да одеваласе,
 Скоро одевалась в платьё в бохатырьскоё,
 В богатырьские платьё одевали они, латы да богатырьские,
 Они брали скоро копыца же вострыя,
 90 Ишо брали они да сабли вострыя,
 Поскакали скоро они во матушку да в каменну Москву,
 Ко своёму князю любимому,
 И ко князю ко Глебу сыну же Володьевичу.
 Приезжали ко его к дому да княженеському,
 95 Ко тому ли ко крылечушку да ко точёному,
 Ко тим ко перилышкам да ко золоченым,
 Как стречал-то их да князь да Глеб же сын Володьевич,
 А он низко же им да всё же князь Глеб да сын Володьевич
 Он же кланялсе дружиночки же храброю:
 100 «Уж вы ой еси, дружиночка моя же храбрая,
 Уж вы храбрая моя да очунь верная!»
 1-И одевалсе князь же Глеб да сын Володьевич,
 Скинывал с себя дорогоё платьё цветноё,
 Одевал же на себя да богатырьскоё,
 105 И одевал же он на себя латы да богатырьские,¹

- Поезжал-то князь да сын Володѣвич,
 И наказывал же он дружиночки хороброю:
 «Уж я буду во городи во Концыри,
 У той ли у Маринки дочери Кандальѣвки,
 110 Я перьвой раз струблю да во туриной рог —
 Вы же скоро от крепка сна пробужайтесе,
 Во второй струблю — да одевайтесь
 Во своё же вы платье богатырьскоё,
 А во третей я раз срублю да во туриной рог —
 115 Уж наскакивайте да в город во Концырь-от,
 Вы рубите-бейте до старого, до малого,
 Не оставляйте же их же всё на сѣмена».
 И он садилсе же, князь да Глеб же сын Володьѣвич,
 На своего коня да богатырьсково,
 120 И же брал с собой копыци же востроё,
 И же брал с собой же саблю вострую,
 И поехал скорó в славной в Концырь-город,
 Где царила Маринка же да блядь-безбожница.
 А подъезжали скоро ко городу ко Концырю,
 125 А ише тут же оставлял свою же он друженочку хоробрую,
 Оставлял же их он же да во чѣстом пóли,
 Во широком же всё в роздольици,
 Во белых шатрах же всё полотъненных,
 А поехал же князь да Глеб Володьѣвич,
 130 Он во город-от поехал же во Концырь-от,
 Где царила-королила же Маринка блядь-бежбожница,
 И Маринка же дочь Кандальѣвка.
 А и приувидала же Маринка блядь-безбожница,
 Ише едѣт князь же Глеб да сын Володьѣвич,
 135 Выходила на крылечушко да королевскоё,
 Отперлась во перильшки да золочѣныя,
 Золочѣныя были, точѣные,
 Брала в руки же трубочку да золочѣную,
 Она смотряла же во чистó полѣ,
 140 Ише едѣт князь же Глеб да сын Володьѣвич,
 Он же едѣт на своём кони да богатырьском-то,
 А у его же конь да очунь быстро бежит.
 Приезжал ко крылечушку да королевскому
 И он ко терему же всё да королевскому,
 145 Ко той-то к Маринки дочери Кандальѣвки,
 Ише кланелась Маринка дочь Кандальѣвка:
 «Уж ты здрастуй, князь же Глеб да сын Володьѣвич!» —
 «Уж ты здрастуй, здрастуй, блядь Маринка дочь Кандальѣвка».

(М. С. Крюкова: «Что ты, что ты, неужели сразу ругаться стал. Разве князь не знал, каки обычи были у кнезей? Ничего ты не знаешь, а поёшь. Она со стены подавала, а не из терема. Он еще с ней разговаривал, как с барышней, ише замуж хотел брать, а только потом заерил, как его ему подала». П(авла) С(еменовна) вспомнила: «Когда князь поехал, то говорил дру-
жиночке.»)

- И тут говорил-то князь же Глеб да сын Володьевич
- 150 Он Маринки дочери же всё Кандальёвки:
«Ах ты, Маринка же блядь-безбожница,
Ты зачем у мне отобрала двенадцеть караблей заморьских же?
С дорогима же товарами заморьскима?
Мне везёны, князю Глебу сыну же Володьевичу,
- 155 Трои перчаточки же мне да в подареньицо.
Ети перчаточки же очунь были дороги,
Из семи-то шолков разных заморьских-то,
Эти перчаточки росшиты были красным золотом,
Россажоны были дорогим да скатным жемчугом,
- 160 И посажено было по дорогомому камешкому да драгоценному,
Драгоценному было, бесценному,
И цены тоже ему же всё же не было,
Цены не было же всё да не обложено.
Ты зачем, Маринка же ты блядь-безбожница,
- 165 Убрала мои карабли, товары да всё заморьские,
Ты брала с миня да дани-пошлины,
Дани-пошлины брала да сорок тысяцей,
За якоря булатныя брала да сорок тысяцей,
Ты за шлюпки мои брала да сорок тысяцей,
- 170 За премладеньких карабельшичок брала да дани-пошлины,
А сорок же брала же с их да с их же тысяць же,
Засадил моих премладых карабельшичков,
И премладеньких моих же всё матросичков
Во темные же ты их да всё во темницы,
- 175 Заключила во ту ли во злодеюшку да заключебную
И моришь же их же всё смертью голодною?»
Говорила же тут Маринка дочь Кандальёвка:
«Уж ты ой еси же, князь да Глеб же сын Володьевич,
Отгадай-ко ты у мя да три хитрых мудрых загадочек,
- 180 Отгадаешь же мойи же ты загадочки,
Я отдам тебе же все да чорны карабли заморские
С дорогима-то товарами заморскима,
Я отдам тебе тройи перчаточки,
Которы везёны тебе да в подарочки,
- 185 И я выпущу твоих премладеньких же карабельшичков,
Уж я выпущу твоих премладеньких матросичков,

- Я тогда же за тебя же, князь же Глеб да сын Володьевич,
 Я тогда же сама за тебя взамуш иду,
 Отгадай-ко, князь же Глеб же сын Володьевич:
 190 Ишо у вас во матушке да в каменной Москве
 Краше свету есь да краше свету есь?» —
 «Не хитра́-мудра́, — да говорил тогда,
 Говорил-то князь же Глеб да сын Володьевич.
 Не хитра́-мудра твоя же всё загадочка:
 195 У нас во славной матушки да в каменной Москве
 Краше свету у нас да красно солнышко». —
 «Ише втора загадочка:
 Да што же выше лесу же?» —
 «А у нас во славной матушки да в каменной Москве
 200 Светет светел месяц-от». —
 «А что же ²чашше лесу-ту?»²
 А что же чашше лесу-ту?» —
 «А у нас во славной матушке да в каменной Москве
 Свѣтет светѣл месец³-от,
 205 Чашше лесу да часты звездочки».

(Мама покоена иногдась тоже смешается и бежит к Марфе, а Марков за ней. «Что, Марфушка, дидетко, я тут смешалась, — спрашивает. — Александр Владимирович, помоги». А Марков: «Разбери, М⟨арфа⟩ С⟨еменовна⟩. А Марфа их и рассудит. А я забыла, ты вставь, где надо.)

- «А без замочков у вас во славной матушке во каменной Москве?» —
 «Не хитра да мудра, да Маринка блядь-безбожница,
 Не хитра-мудра твоя же всё загадочка:
 А и у нас во матушки же в каменной Москве
 210 А Дунай, а Непр-река да очунь быстрая».
 А и говорила тут ⁴Маринка дочь Кандальевна:⁴
 «Уж ты князь да Глеб Володьевич,
 Я теперь же за тебя да я замуж иду».
 И выносила Маринка дочь Кандальевна,
 215 И выносила она чарочку золочёную.
*(Марфа Семеновна: Эрна Георгиев⟨на⟩, у ей не выйдет по-моему.
 П⟨авла⟩ С⟨еменовна⟩: У тебе своё, а ⟨у⟩ меня своё.)*
 Наливала дорогого напитокку заморьского,
 Подносила Глебу́ сыну́ Володѣвичу:
 «Выпей, выкушай ты, князь да Глеб да сын Володьевич,
 Оть миня же напитокку да всё заморьского».
 220 Ише брал же князь же Глеб да сын Володьевич,
 Он же брал-то своей рученькой же правою,
 Он хотел же пить да из чарочки да золочёною,

- Дорогого напитокку да всё заморьского.
Его доброй-от же конь да богатырьской-от
- 225 Взял потолокнул своей да ножкой правою
Как его-то чарочку да золочёную,
Он же вылил же из чарочки на матушку да на сыру землю,
Сырая земля да загорела же
От того напитокка да вси заморьского.
- 230 Тогда розгорелось князя Глеба сына всё Володьевича,
Розгорелось у его да ретивó сердце,
Розходилисе у его да могúчи плéчи,
А могучíи плечíи же всё да богатырьские,
Он же брал скорó в руки сабельку же вострую,
- 235 Он же отсек у Маринки дочери Кандальёвны,
Вот отсек у ей да буйну голову.
Он струбил же тут скоро да во туриной рог —
Его дружиночка же всё храбрая
Вот с крепка же сна скоро да пробудиласе.
- 240 Во второй же раз струбил же он да во туриной рог —
Она скорó же одеваласе
Во своё же она плáтье богатырьскиё.
Во третьей же раз струбил же князь да Глеб Володьевич —
И скоро его дружиночка наскакивала
- 245 На добрых конях же всё да богатырьских же.
Она рубила во городи во Концыри,
Она до старого рубила и до младого,
Не оставили же они же всё на сéмена.
Вот тогда же князь да Глеб да сын Володьевич,
- 250 Он пошел скорó во те во темницы во тёмныя
И во те ли злодеюшки да заключебныя,
Он топтал-ломал да скоро двери же,
Выпускал своих премладеньких да карабельшичков,
Выпускал же он премладеньких матросичков,
- 255 Отправляя же он чёрны карабли,
Чёрны карабли с товарами заморьскима,
Он во славну матушку же в каменну Москву.
А сам поехал же своей с дружиночкой,
Он с хороброю да во чистó полё,
- 260 Во широкоё поехал да во роздольицо,
Они ко славной ко матушки,
Да в каменну Москву.

КОЗАРИН (№ 127—132)

№ 127

- Ише было-жило у короля девѣтъ сынов,
 Зародиласе у короля десята доць
 Ише душоцька Настасья-королевисьня.
 После того-то зародилсэ у их всё десятой сын
- ⁵ Ише на́ имя Михайло-королевиць сын.
 А отец Михайлушка, ни мать не вóзлюбил,
 Рóдны братьиця ёго невознавидели,
 Захотели Михайлушка конём стоптать,
 Захотели Михайлушка копьём сколоть.
- ¹⁰ А увидяла родима ёго сѣстрица,
 Ише та ли Настасья-королевисьня,
 Да брала она Михайлушка да на белы́ руки,
 Уносила Михайлушка в свои палаты белы-камянны,
 Ай поила, кормила, ёго рóсьтила.
- ¹⁵ Ише стал у ей Михайлушко двенадцеть лет,
 Ише стал-то Михайлушко у ей выпрашивать:
 «Уж ты гой еси, девиця душа красная!
 У меня ес(т)ь ли на роду-то рóдной батюшко,
 У меня ес(т)ь ли на свету на белом рóдна матушка,
- ²⁰ Ишше есь ли у меня да рóдны братьиця,
 Ишше есь ли у меня да родны сѣстрици?»
 Как спрөгóворит Настасья-королевисьня:
 «Уж ты гой еси, Михайлушко Петровиць млад!
 Ише ес(т)ь-то у тебя на свети родной батюшко,
- ²⁵ Ише тот ли король да Коромыслов Пѣтр,
 Ише ес(т)ь-то у тебя на свети рóдна матушка,
 Ише ес(т)ь у тебя на свети деветь братьицей,
 Ише е у тя, десятой-от — ты, да млад есѣн сокóл,
 И сестриць-то у тибя да только я одна,
- ³⁰ Тольке я одна Настасья-королевисьня,
 Королевисьня-та я ише́ Петровна же.
 А как ты-то родилсэ когда малѣшенек,
 На родинушках тебе было пошúцѣно:
 Рóдѣн батюшко-то с матушкой тебя невознавидели,
- ³⁵ А хотели тибя, Михайлушко, придать тебя к смѣртí ко скорыя,
 А хотели тибя, Михайлушко, свиньям отдать.
 А увидяла ведь я да всё сама тибя,
 А брала-то тибя да на белы́ руки,
 Уносила тибя в полаты я да всё высокия,

- 40 Я поила тебя, корьмила всё как росьтила».
 Тут ведь пал ей Михайлушко в резвь́и ноги:
 «Уж ты мила моя сестриця любимая,
 Молода моя Настасья-королевисьня!
 Ты умела миня от смерти всё избавити,
- 45 Ты умела миня да всё спойть-скормить, возросьтити всё —
 Попрошу об цём, тебе я поконаюсе:
 Ты поди сходи-ко к батюшку к родимому,
 Ты проси поди у батюшка мне-ка добра коня,
 Ты проси поди у батюшка-то мне да сабли вострою,
- 50 Ты проси поди у батюшка да копыя вострого,
 Ты проси поди седельшка чиркальского,
 Ты проси поди у батюшка всё сбруи богатырьския».
 Тут Настасья-королевисьня всё не ослышилась,
 Она скоро приходит к рóдну батюшку,
- 55 Пала батюшку Настасьюшка в резвь́и ногі:
 «Дай-ко, батюшко, ты мне да всё добра коня,
 Мне добра ты коня всё богатырьского,
 Дай ты, батюшко, ты мне да всё востра копыя,
 Всё востра-та копыя да брозаменьского,
- 60 Дай ты, батюшко, седельшка чиркальского,
 Дай ты палици мне, батюшко, цяжолою,
 Дай ты всю же мне-ка сбрую богатырьскую».
 Говорит-то батюшко Настасьи таковы реци:
 «Уж ты гой еси, Настасья-королевисьня!
- 65 Как кому у тя, Настасья, всё конём владеть:
 Ишше некому владеть всей сбруей богатырьскою». —
 «У мя есь ведь возрóшшон милой-от родимой брátёлко
 Ишше мóлодый Михайло-королевиць млад:
 Я ёго от смерти всё избавила,
- 70 На своих я на белых руках возросьтила».
 Говорит король Настасьи-королевисьни:
 «Ты когда была, Настасья, доць мне-ка любимая,
 Уж ты сделалась ноне доць постылая».
 Ай пришла-то Настасья, приросплакалась,
- 75 Рóдну брателку своёму пророзжалилась:
 «Не дават-то батюшко, Михайлушко, тебе добра коня,
 Не дават тебе ведь батюшко да богатырьского!»
 Говорит-то Михайло таковы реци:
 «Ты не плаць-ко-се, родима моя сестрица,
- 80 Молода же ты Настасья-королевисьня!
 Я пойду схожу ко батюшку всё на широкой двор,
 Я возьму же коня все самолучшого».

- Он ведь взял коня да самолучшого,
Самолучшого коня да богатырьского,
85 Он поехал скоро с широка́ двора,
Не поехал он да не воротами —
Цѣреэ тын скакал да ёго доброй конь.
А поехал Михайлушко в чистó полё,
Во чистóм-то поли да куревá стоит,
90 Курева-то стоит да дым столбом валит.
А приехал Михайлушко в цистó полё,
Он ведь ездил по цисту́ полю, поляковал,
Он ведь ездил не много-не мало — целой месець-от,
Нецёго не мог наехать во чистóм поли,
95 Он не старого не мог, да всё не малого,
Не богáтыря не мог, не полени́ци преудáल्या.
(Женьской род, богатырици были в старо время;
ездили в мужьськом платьи — в старинах названо.)
Придумалось ёму же съезьдить на круту́ горú,
На круту гору приехал он да во темны́ леса.
Там услышил он, да ведь как шум шумит,
100 А как шум шумит, да ише гам гамит.
Он подалса немножко по тёмным лесам —
Во тёмном-то лесу всё три розбойника,
Три розбойника да они дел делáт:
(Именье, — награбили где-то.)
На перьвой-от пай кладут да красно золото,
105 На другой-от пай кладут до цисто сѣребро,
На третей-от пай кладут да красну девицю.
А как перьвой-от тотарин всё спроговóрит:
«Ты не плаць, не плаць, деви́ця душа красная,
Ты не плаць, не плаць, Настасья-королевисьня!»
110 Ты на мой-от, деви́ця, пай достанисьсе —
Увезу-то я тебе во землю во неверную,
Я ведь буду корьмить тибя ведь всё да кобылятиной».
Ай заплакала деви́ця пушше старого:
«Заплели у мя ко́су да на святой Руси,
115 Росьплетут у мя ко́су да в проклятой Литвы!»
А другой-от тотарин да спроговóрил:
«Ты не плаць, не плаць, деви́ця душа красная!
Ай на мой-от ты ведь пай да как достанисьсе —
Отсекú у тя по плець я буйну голову».
120 А третей-от розбойник-от спроговóрит:
«Увезу, тебя, деви́ця, во своё место,
Я поить-кормить тебя буду белым хлебом,

- Я поить-то тебя буду сладкой водой мёдовою».
 Говорит-то Михайлушко да такovy реци:
- 125 «Уж ты гой еси, да всё разбойницьки!
 Уж вы дайте-тко-се мне-ка хошь вы пólпая,
 А хошь не дава́йте да мне-ка злата-сéребра,
 Уж вы дайте-ка мне хошь красну деви́цю».
 Говорят-то тут ёму да всё разбойницьки:
- 130 «Не да⟨д⟩им-то ты тебе не злата и не сéребра,
 Не да⟨д⟩им-то мы тебе да красной деви́ци».
 Он ведь перьвого розбойника конём стоптал,
 Он ведь дру́того розбойника копьём сколол,
 Он третьёго-то розбойника да всё на волю́ спустил.
 (*Которой хотел поить-кормить.*)
- 135 Посадил он деви́цю на добра́ коня,
 На добра́-та коня да впереди себя,
 Он повёз-то деви́цю на святу́ю Русь.
 Он ведь стал-то у ей да всё выпрашивать:
 «Ты скажи, скажи, деви́ця душа красная:
- 140 Ты како́го ты роду, како́й племени,
 Ты како́й же земли, како́го города?» —
 «Уж я роду-ту ведь всё да королевського,
 Уж я доць-то всё Петру да Коромы́слову». —
 «Я ведь тоже роду королевського,
- 145 Я ведь тоже сын Петру да Коромы́слову». —
 «Как спасибо же тебе, да рóдной брателко!
 Ты пови́руцил миня да из неволюшки». —
 «А спасибо тебе всё же, рóдна сéстриця,
 Ты Настасья же свет королевисня!
- 150 Ты споила миня, скорьмила всё малёхонького,
 А твоё-то мне добро ведь наперёд зашло.
 Повезу-ту я теперь тибя да к рóдну батюшку».
 Повёз-то он ведь ей да в королевсьво-то,
 Он приехал к батюшку-ту под косисьято окошоцько,
- 155 Он скры́чал-то своим ведь зычьним голосом:
 «Уж ты гой еси, король да Коромы́слов Пётр!
 Да была ли у тибя да рóдна доць твоя?»
 Отвечаёт-от король ёму скорёхонько:
 «Как была-то у меня ведь доць родимая,
- 160 Молода у мня Настасья-королевисня». —
 «Ишше был ли у тибя да рóдной дитятко,
 Как Михайлушко у тя да млад Петрови́дь-от?»
 От Михайлушка король да отпирайтце:
 «Ты бери-тко у меня да злата-сéребра,

- 165 Ты поставь-ко своё да ты вострѣ копьё,
 Ты во матушку поставь да во сыру землю,
 Я обсыплю тебе копьё-то красным золотом».
 Говорит-то Михайло таковы слова:
 «Не признашь токо своё да цяда милого,
 170 Молодого-то Михайла-королевиця —
 Не отдам токо твою тибѣ любиму доць».
 Отпирал король окошецько косисьцято:
 «А ведь был у мня на роду Михайлушко,
 А Михайлушко-то был у мня Петровиць млад.
 175 Возлюблю теперь Михайлушка я пушше всех,
 Посажу теперь Михайла на своё место,
 На своё-то я на место королевськое,
 Отдаваю Михайлушку-ту всю державу королевськую,
 Шьто повыручил у мня-то доць любимую,
 180 Ише ту ли да Настасью-королевисьню».

№ 128

- Ише был же король Петр Коромьслов-от.
 Да была-то у ёго да доць любимая,
 Шьчо единая дочь была любимая,
 Ишше душочка Настасья-королевисьня.
 5 А ведь было у ёго да деветь сынов,
 Ише деветь сынов было, ясных соколов.
 Да было зародилось-то десято цядо милоё,
 Ише мѳлодой Козарушка всё Петровиць-млад.
 На родинушках Козариных было пошущёно,
 (Попорьцено — волшебные люди.)
 10 На родиночках Козарушки попорьтили:
 Отець ёго, мать не возлюбили,
 Рѳдны братьича его невознавидели,
 Да хотели Козарушку всё конём стоптать,
 Да хотели Козарушку всё копьём сколоть,
 15 Понесли-то Козарина всё свиньям отдать,
 Да увидяла сестриця всё из окошоцька,
 Ише та ли Настасья-та королевисьня,
 Отънимала Козарина всё у нянюшок,
 Отънимала Козарина всё у бабушок,
 20 Говорила сама им таковы слова:
 «Вы не сказывайте родному всё вы батюшку,
 Вы берите у мня много злата, сѳребра».

- Она стала Козарушку всё покармливать,
 Она стала Козарушку все порáшшивать.
- 25 У ей скоро Козарин да скоро вырос тут.
 По полаты-то Козарушка похаживат,
 С ноги нá ногу Козарушка поступыват,
 Ище сам он говорит всё таковы реци:
 «Уж ты вой еси, молода сесьтриця моя,
- 30 Уж ты душенька Настасья-королевисьня!
 Да спусьти-тко на ширóку миня на улочку
 Поиграть мне со маленькима ребятками,
 Мне повыврвать у их из рук руцьки белыя,
 Мне повывдергать из¹ ножьки-ти у их резвья,
- 35 Оторвать у новóго с плець буйна голова».
 Говорит ёму Настасьюшка таковы слова:
 «Не дозволю, Козарушка, идти на улоцьку,
 Изобидишь многíх ты малых детушок,
 Будёшь много сълезить-то отцей, матушок».
- 40 Как проходит тому време-то — одны сутоцьки,
 Говорит опять Козарушка таковы реци:
 «Не хоцю сидеть, сестриця, в полатах белокамянных,
 Ты спусьти-тко поиграть миня всё с ребятками.
 Роскажи мне-ка, сесьтрицюшка, не утай про то:
- 45 Ище ес(т)ь ли у мenea-то рóдён батюшко,
 Ище ес(т)ь ли у меня-то рóдна матушка?»
 Говорила родима ему сесьтриця-та:
 «У тя есь на роду-ту родной батюшко,
 Ище есь у тя, Козарин, родной батюшко —
- 50 Ище тот же король-то Пётр-от же.
 На родинушках они тибя не возлúбили,
 Да хотели, Козарушка, тибя конём стоптать,
 Да хотели, Козарушка, тибя копьём сколоть,
 Да хотели Козарушку съвиньям отдать». —
- 55 «Дак скажи-ко, сесьтриця, видно, я видь — королевськой сын?»
 «Королевськой ты сын, мне родной брателко». —
 «Я не буду сидеть в полатах белокамянных,
 Посмотрю я пойду народа, людей многиих,
 Людей многих, народу, православных.
- 60 Хоть не спустишь меня, сестриця родимая —
 Я отвóрю окошоцько косисцято».
 А ведь скоро она выпускаат волёй,
 Выпускаат ёго крылецюшком паратным,
 Шьто сама она Козарушки наказыват:
- 65 «Ты недолго ходи, Козарушка Петровиць млад,

- Шьчобы детушки тибя не избидели».
 Говорит-то Козарин таковы слова:
 «У тя нет ли, сесьтриця, палици тяжолою,
 Шьто така, шьчобы была мне сорока пудов,
 70 Я на улоцьки с ребятками управлюсь тут».
 Тут заплакала Настасья-королевисьня:
 «Немалу я теперь шутоцьку нащўтила!
 Я спусьтила Козарушку по белў сьвету,
 Он убьёт теперь во городи много малых детоцьк».
 75 Он приходит к ребяткам, к малым детоцькам,
 Все ребятушка тому стоят, удивляютьце,
 Дорогому-то ёго всё платью цьветному.
 Он ведь стал-то с ребятками всё поигрывать.
 Как ведь мудрой-от которой, всё подальше проць,
 80 Он подальше проць всё подвигаитце,
 А разумной-от которой, всё выпрашиват:
 «Ты скажи, скажи, дороднёй ты млáдой доброй молодець:
 Ишше как-то зовут тибя по имени,
 Зьвеличать-то тибя ведь как по отечесьву».
 85 Отвечаёт Козарушка всё ребятушкам:
 «Как зовут миня Козарушка, королевськой сын,
 Я живу-ту с Настасьей с королевсьнёй».
 Тут ребятушка скоро все росьсмехнулисє:
 «Да какой-то пришол, бродяга деревеньская —
 90 Называитце всё сыном королевським».
 Ише тут ведь Козарушки за бедў стало,
 За надсмешоцьку велику показалосє,
 Он выдёрьгиват плётоцьку шолкóвую,
 Он ведь стал-то плётоцькой в их побрасывать,
 95 Он ведь зá руку возьмёт — руку проць ведь оторвёт,
 Он ведь зá ногу возьмёт — ногу он ведь оторвёт,
 Он за гóлову возьмёт — голова и проць летит.
 Он прибил-то ребятоцьк полсотни всех.
 Да приходят к королю они под окошоцько:
 100 «Обирай ты всё, король, Козарушку всё королевиця».
 Говорит-то король всё таковы реци:
 «Навекў я Козарушку всё не видывал,
 Про Козарушку ведь я ведь не слыхал никак».
 Да пошол скоро Козарушко к рóдной сесьтрици,
 105 Ишше к той ли Настасьи-королевисьни:
 «Ты пойди проси у батюшка мне добрá коня,
 Ты пойди проси, Настасьюшка, копьа вострого,
 Ты поди проси ты сабельки мне-ка востроку,

- Ты проси мене-ка палици богатырьскою».
- 110 Говорила Настасьюшка Козарушки:
 «Были матушки, отци² теперь под окошоцьком —
 Твой ведь батюшко отьпёрсэ всё от Козарушки,
 Он некак тебе не признаваитце».
- Тут немного Козарушка розговаривал.
- 115 Он ведь скоро бежал-то на широкой двор,
 С широка двора бежал всё во конюшну-ту,
 Он седлал-то себе скоро добра коня,
 Всё добра сибѣ коня-то всё богатырьского,
 Он ведь скоро брал себе палицю тяжолую,
- 120 Он ведь брал себе седёлышко черкальское,
 Надевал ведь на коня узду цесьмяную.
 Он садилсэ тут скоро на добра коня,
 На добра коня садилсэ на богатырьского,
 Да поехал Козарушко куда Бох велит,
- 125 Куда Бох ёму велит, куда глаза глядят.
 Запустывал ёго-то всё ведь доброй конь,
 Запустывал он в ту ли дорожку, во чисто полѣ.
 Посьле ёго было посьле бываньиця
 Истопили Настасьюшки парну банёцьку,
- 130 Уцёсала головушку рódна матушка,
 Уплёла-то у ей она трубцяту косу,
 Овивала у ей она красным золотом,
 Усадила у ей она скатным жемцюгом.
 Говорила ей матушка родимая:
- 135 «Не ходи-ко, Настасьюшка, светлой улоцькой,
 Ты поди-ко, Настасьюшка, широким двором».
- Не послышала наказу рódной матушки,
 Да пошла она Настасьюшка светлой улочкой.
 Налетело три ворона, всё три кáркуна,
- 140 Похватили Настасью-королевисьню,
 Унесли ей на гóру-ту Арависькую
 Да хотели Настасьюшки срубить у ей буйну голову.
 Как во ту ведь пору было, во тó время
 Не есён-то сокол скорó пролётывал,
- 145 Как дородньей-то молодець наехал тут
 Да по имени Козарушка, королевськой сын.
 Он прибил, притоптал-то всё тотар тут всих,
 Сам у девици стал выпрашивать,
 А девиця-та плацёт, как река текёт,
- 150 Ише красна возрыдает, как руцья шумят:
 «Как вецёр у мня матушка на съвятой Руси,

На съвятой Руси головушку у мяя учёсала,
 Заплёла она мою трубчату косу,
 Овивала у мяя она красным золотом,
 155 Пересыпала у мяя она скатным жемцюгом.
 Ище была-то ведь я-то королевська доць.
 А ведь было у короля на съвети много всех:
 А ведь было у ёго деветь сынов, ясных соколов,
 Да родилсэ у ёго всё было десятой сын,
 160 Ише тот ли Козарышко Петровиць млад.
 На роду было Козарушки попорцяно:
 Как отець ёго, мать невознавидели.
 Я поила Козарушку до возросту,
 Да Козарушка у мяя богатырь всё примогучня,
 165 Из неволи бы Козарушка миня выручил!»
 Соходил тут Козарушко со добра коня,
 Он ведь брал-то Настасьюшку за белы руки,
 Он ведь падал сесътрици во резвы ноги:
 «Ты оть смерти, сесътриця, миня избавила,
 170 Как моё-то добро к тебе назад пришло:
 Ише я тибя, сесътрицюшка, повиручил,
 Я избавил тибя смерти напрасныя».
 Приежают к королю прямо на широкой двор,
 Как стрецят король всё Настасьюшку,
 175 Всё Настасьюшку стрецят свою королевисьню,
 Не признаёт Козару-ту королевиця.
 Он ведь стал у Настасьи король выспрашивать:
 «Ты скажи-ко-се, моя ты дочь любимая,
 Скажи, душенька Настасья свет королевисьня,
 180 Это хто с тобой приехал, какой же богатырь сильней:
 Я могу-то ёго-то скоро пожаловать
 За ёго за добро-то за великое,
 Могу дать ёму город всё с посёлками».
 Говорит-то Настасьюшка таковы речи:
 185 «Уж ты гой еси, батюшко любимой мой!
 Ты имешь миня за доць, Настасью-королевисьню,
 Поциташь токо миня всё за родимую,
 Я скажу-то про молодца, тебе поведаю
 Я про сильнёго могущёго про богатыря,
 190 Про того тебе Козарушку, сына милого».
 Тут как брал ёго король скоро за праву руку,
 Человал ёго король в уста в сахарныя,
 Обнимал ёго король своей право́й рукой:
 «Я приму теперь Козарушку за родна сына,

195 Благословлю теперь Козарину королевство всё
 Я за выслугу ёго за богатырьскую.
 У мя будёт Козарушка королём <в>'сё жить,
 Ище будёт владеть всим королесъвицём,
 Ишше вси будут ёму пушшай поклоняютце».

№ 129

На роду-ту Козарушка попорьтили:
 Отец с матерью Петровиця не злюбилы,
 Отсылалы Козарушка ко бабушки,
 Да ко бабушки Петровиця, к задворёнки.
 5 Не велели корьмить хлебом круписцятым,
 Не велели поить водой медовья,
 Да велели корьмить хлебом гнилым жа всё,
 Да велели поить водой со ржавчинки.
 Уж как тих рецей бабушка не варуёт,
 10 Да корьмила Козарушка хлебом круписцятым,
 Да поила Петровиця водой медовья.
 Ише стал наш Козарушко петі-ш<ес>ти лет,
 Ише стал-то по улочки похаживать,
 Ише с малыма ребятушками поигрывать.
 15 Ёго дразнят тут маленьки ребятушка:
 «Не прямого ты отця, не прямой матушки,
 Ишше всё ты ведь ходишь, чужой выблядок!»
 Ишше как эти речи не в любви пришли.
 Он которого ухватит как ведь за руку —
 20 Оторвёт у того да он праву руку;
 Он которого ухватит как ведь за ногу —
 Оторвёт у того он праву ногу.
 Ише сам пошел в ти пор да как ко бабушки,
 Ише сам говорил ей таковы речи:
 25 «Уж ты гой еси, бабушка-задворёнка!
 Ты скажи-тко-се мне, да кто у мя отець ведь, мать:
 Миня дразнят тут маленьки ребятушка,
 Да зовут-то меня всё как выблядком».
 Говорила ёму бабушка-задворёнка:
 30 «Уж ты вой еси, Козарушко Петровиць-от!
 У тя отець ведь-то — Пётр да Коромысловиць,
 Ише матушка — Петрова-та молода жона».
 Говорил-то Козарушко таковы речи:
 «Уж ты вой еси, ты бабушка-задворёнка!

- 35 Напеки-тко-сё мне подорожьничков,
Уж ты дай мне шляпочку равню тридцеть пуд,
Уж ты дай-ко мне ключёчку равню сорок пуд».
Напекла ёму бабушка подорожьничков,
Да дала ёму бабушка тут шляпочку,
- 40 А дала ёму бабушка ведь ключёчку.
Да пошел наш Козарушко искать батюшка.
Да приходит Козарушко в ту деревёнку,
Да играют на улоцьки маленьки ребятушка.
Он ведь спрашивал да как у маленьких ребятушок:
- 45 «Ише где-то Петрово как подворьницё?»
Отвели ёму ребятушка подворьницё.
Да скричал-то Козарушко громким голосом:
«Уж ты вой еси, Пётр да Коромысловиць!
Не бывало ли у тя да чадышко милоё
- 50 Ише на имя Козарушко Петровичь-от?»
Да избёнка у Петра вся пошаталасе,
Ставники-ти (*стойки у окна*) у ёго вси покосилисе.
Отвецял-то Пётр да Коромысловиць:
«Не бывало у нас такó чадо милоё».
- 55 Да ведь проць пошел Козарушко Петровиць-от,
Покатились по белú лицу горючй слёзы.
Да пошел-то Козарушко во чистó полё,
Розоставил белóй шатёр полóтьняной,
Да валилсэ он сам во белóй шатёр.
- 60 Да выходит в полноць-ту из белá шатра:
Услыхал-то в чистóм поли деветь гóлосов —
Там ведь плакала в чистом поли красна девиця:
«Да коса, ты коса, да моя русая!
Да плели тебя, коса, да на святой Руси,
- 65 Росплетут тебя, коса, да в проклятой Литвы.
Кабы был у мя ведь брателко Козарушко,
Он не дал тут поганым тотарам-то на поруганьё».
Ише óбрал Козарушко белóй шатёр,
Ише сам побежал-то да во чистó полё,
- 70 Он избил-то всих да семь¹ розбойников,
Ише отнял у их свою да как родnú сёстру.
Ише сами пошли они ко батюшку,
Ко тому жо Петру-ту Коромыслову.
Приходят ко ёго-то да ко подворьницю,
- 75 Да скричал тогда Козарушко громким голосом:
«Уж ты вой еси, Пётр да Коромысловиць!
Не бывало ли у тя-то да цядо милоё

Ише на́ имя тут Марфушка Лебедь Белая?»
 Да выскакивал Пётр тогда на улицу
 80 Со своей-то он да с молодой жоной:
 «Да бывало у мя тако чадо милоё
 Ише на́ имя тут Марфушка Петровна-та».
 Ише брал он ведь Марфушку за праву́ руку
 Да повёл-то ведь Марфушку в свою горьницу,
 85 Ише тут же пригласил да Козарушка Петровица.

№ 130

Отець с матушкой Коза́рушку не злю́били,
 На роду-ту Козарушку попорьтили.
 Ише стал-то Козарушка-та петі-ш(ес)ти лет,¹
 (шти годов.)
 Он стал-то на улочку побэгивать,
 5 Он со малыма ребятушками стал поигрывать.
 Задрозьнили Козарушка ребятушки:
 «Не прямого ты отця, не прямой матери!»
 Кого за́ руку хватит — да руку выдерьнё(т),
 Кого за ногу хватит — да ножку выставит,
 10 За живот-от перехватит — да живота лишит.
 Да пошел-то Козарушко ко бабушки:
 «Уж ты вой еси, бабушка родимая!
 Я прямого ли отця да прямой матери?» —
 «Ты прямого отця-та да прямой матери:
 15 У тя был жа Пет(р) отець Коромысловиць,
 У тя мать была Петриха Коромыслиха».
 «Напеки жа мне-ка, бабушка, подорожьницьков:
 Я пойду жа на тихи мелки заводи
 Пострелеть гусей да белых лебедей,
 20 Ише тих же пернастых малых утоцёк».
 А идёт-то Козара да по цисту́ полю,
 По тому иде(т) роздолью да по широкому,
 Ише стретилось ёму цюдо страшное,
 Цюдо страшное стретилось, ужасное:
 25 У ёго нос-от как палка дровоколья,
 А глаза у ёго будто пивны́ цяшы,
 Голова у ёго жа будто сильней бугор.
 Ише спрашиват-то цюдышко ето страшное:
 «Ты вой еси, уда́лой ты доброй молодець!
 30 Ты не знашь ли Козары где Петровица?»

- Уж он сколь-то велик да сколь широк?» —
 «Да сколь я-то велик да сколь я широк,
 Ише столь-то Козарушка-та велик и широк». —
 «Он по много ли Козара да к выги-хлеба ест?» —
 35 «Уж он ест по три милостины». —
 «Уж и много ли Козарушко зеленá-та вина пьё⟨т⟩?» —
 «Зелена-та вина пьё⟨т⟩ по три рюмоцьки». —
 «Ваш немудрой Козарушко Петровиць-от!
 Я ишшу-то ёго да ровно шесть лет,
 40 Да прошла про ёго слава великая
 По всей земли, по всей вокра́инки.
 Уж я хлеба-та ем да по семи пецей,
 Зелена-та пью-то по три сороковоцьки». —
 У Козарушки серьцё да роскипелосе,
 45 Да могуция плечи да расходилисе,
 Лебёда² ёго в лица вся переменяласе,
 Да хватил-то он цюдишша со добра́ коня
 Да зашиб-то цюдишша о мать сыру землю.
 Да тогда он зговорил: «Слава Восподу,
 50 Слава Восподу Христу-ту Цярю Небёсному,
 Той же Матери Божьёй да Богородици!
 Мне-ка пріслал-то Бог да коня доброго,
 Мне ише прислал-то Бог саблю вострую,
 Мне тогда прислал-то Бог жа копьё булатное».
 55 А тогда розоставил да он шатёр белой,
 Он шатёр-от белой-то полóтьняной.
 На зори тогды было да рано утряной,
 На выкáти-то было соньця красного,
 Да во тих во горах-то да во Пешшорьскихях,
 60 Да приплакиват Козарушку Петровица,
 Там живёт-то родима ёго сёстрица,
 Унесла ⟨е⟩ё змея да семиглавая:
 «Кабы был у мя брателко Козарушка,
 У мя не были змеины да дити маленьки,
 65 Они не ссали мои да груди белья!»
 Да поехал во горы да во Пешшорьския,
 Он присек-то Козарушка Петровиць-от
 Уж он всих-то змеиных малых детоцёк,
 Роскинал, розбросал-то их по цисту́ полю,
 70 По тому по роздолью да по широкому,
 Посадил сестру-ту да на добра коня,
 На добра-та коня он позади себя,
 Да приехал к отцю да к родной матери,

- Он и к тим-то полатам да к белым камянным,
 75 Да крыцит-то Козарушка громким голосом —
 Вся полата у их пошаталасе,
 Ставникі в окнах побуту́сились.³
 (Косы́ сделались.)
 Да крыцял-то Козарушка звонким голосом:
 «Уж ты гой еси, Пет дак Коромысловиць!
 80 У тя было ли цядышко любимое,
 Да из мо́лодых Коза́ра да сын Петровиць-от?»⁴
 Да была ли ваша доць-та да прилюбимая?» —
 «Да была-то одна доць-та у нас любимая». —
 «Я привез вашу доць-та да вам любимую». —
 85 «Вы отдайте-тко доць мне-ка любимую». —
 «Вы обсыпте мою-ту саблю золотом,
 Я тогда-то отдам вам дочь любимую».
 Тогда отдал доць-ту ихну любименьку,
 Да приехал Козарушка ко бабушки.

№ 131

- А как жил-то-был князь Михайло Коромыслов-то.
 А да ёго молода княгина чада всё спородила,
 А спородила она, на хлеб не приняла,
 А как отдала ёго всё бабушки-задворенки,
 5 А велела поить-кормить¹ гнилым хлебом с гнежиною,
 (Дерево гниет, дак вот то класть в хлеб-от.)
 А поить-кормить² водой болотною со ржавчиной.
 А как того-то бабушка не поваровала,³
 А как поила-кормила Козарушка белым хлебом круписчатым,
 А да поила свежей водой мёдовой.
 10 А да как тут стал Козарушко пети-шти⁴ лет.
 А как зачал Козарушко ходить на улошку,
 А играть с малыма ребятками, боротися,
 А как малы-ти ребята двадцети пети годков —
 А да не стало у Козарушко да поединщичка,
 (А да как ведь он мечет со крутой.)
 15 А как мастёр ведь был Козарушко со крутой метать.
 Да как зачали дразнить Козарушка Петровича:
 «Уж ты гой еси, Коза́рушко!
 Не своя очечка наживы заугольнею,
 А не оча-то нет у тя, родной матушки».
 20 Да как пошел Козарушко к своей бабушки,

- Приходит невесел, нерадосен:
 «А уж гой еси ты, моя бабушка любимая, родимая!
 А уж ес(т)ь ли у мня родной отець, родна матушка?»
 «А как ес(т)ь⁵ у тя отець, родна матушка,
 25 А как на свет-та тебя породили, на хлеб не приняли». —
 На роду над ей было получено ⁶и сужоно,⁶
 На свет его спородили — на хлеб не приняли.
 А как пошел тут Козарушко ко князю к Пётру к Петровичу,
 А как приходит он ко князю Петру Петровичу Коромыслову:
 30 «Уж ты гой еси, князь Петр да Коромыслов!
 Было ли на веку у тя да чадо милое?»
 Как отвечаёт да князь Коромыслов-от:
 «А да на веку да не было⁷ чада милого».
 Да пошел-то Козарушка да из полаты вон,
 35 Он приходит ко своей родной бабушки
 Да говорит да таковы речи:
 «А уж ты, бабушка моя любимая!
 Испеки-то мне завтра да подорожничков,
 А да как пойду заутра по чисту полю далече».
 40 А как стала да бабушка по утру по раннему,
 Испекла-то ёму колачиков немножечко.
 А как склал-то⁸ он во сумочку-котомочку,
 Ай да надел-то он на свои плечи на могучия.
 А как у той⁹-то у бабушки у задворянки
 45 Была ключка подорожная,
 А весу-то она была только сорок пуд.
 А как брал-то он её да во праву руку,
 Пошел-то он да во чисто полё,
 А идет-то он по чисту поли,
 50 А увидел-то во чистом поле богатыря да на добром кони,
 А да как подходит¹⁰ к тому богатырю —
 А не руськой тут-то будит богатырь жа,
 А поганое всё ездило да Идóлишшё.
 А да как сходил тут Козарушко да во ино место,
 55 А как спроговорит поганое Идолишшо:
 «Уж вы гой еси, калика переходящая!
 А скажи-тко мне про своего Козарушка Петровича:
 А ка(к) сколько Козарушко ростом велик?»
 А как говорит тут Козарушко Петрович-то:
 60 «Я скажу тебе про Козарушку Петровича:
 А сколь я велик, столь и Козарушко ростом велик». —
 «Ты скажи-тко-се, по много ли хлеба-соли ест?» —
 «А как ест-от наш Козарушко по три колачика».

- Как говорил тут поганое Идолишшо таковы речи:
- 65 «Кабы был-то славной богатырь Козарушко,
 На долонь бы я посадил, другой сверху прижал,
 А между долонями одно мокро осталосé».
- А как тут Козарушке да за остуду показалосе,
 Да как розъерилосе¹¹ да ён серъце в ем богатырскоё,
- 70 А да раскипеласе¹² в ём кровь горячая,
 Лепотá да в лице перемениласе.
 А да как <в>здымал¹³ он свою клюку да подорожную,
 А да бил он Идолишша по буйной главы,
 А рошшиб тое голову да вплоть до мозгу,
- 75 А как ухватил-то он правой рукой добра коня,
 А как сымал с ёго да платьё богатырскоё,
 А надевал-то на свои плечи богатырскиё,
 А как взял у ёго да паличу тяжолую,
 Отобрал у его да саблю вострую,
- 80 А как взял у его копъё да долгомерное,
 А да скоро-лёкко скакал на Идолишша на¹⁴ коня,
 А как начал Козарушка поезживать по чисту полю да на добром кони.
 А да как по утру ездит Козарушка по ранному,
 А учул-то¹⁵ в сыром бору,¹⁵ во частом лесу
- 85 Восплакалась красна девица.
 Как не бела-та лебёдушка воскíкала,
 А как красная девича да слёзно плачитце.
 А да как подъёжаёт Козарушка да ко белу шатру,
 Ко белу шатру да на добром кони.
- 90 А как первой-от татарин говорил да таковы речи:
 «Ты не плачь, не плачь, да красна девича!
 Кабы при делу мне досталасе,¹⁶
 А да в жеребью ты мне-ка всё выпала,
 И увез бы я тебя да во свои места,
- 95 Во свои места да во свои сёла,
 Ай да стал бы я поить-корьмить гиблым хлебом с нишиною,
 А поить ту стал свежой водой болотною со ржавчиной,
 А вдостали¹⁷ отсек бы те буйну голову».
- А как второй-от татарин да таковы речи:
- 100 «А да увёз бы я да во¹⁸ своё село,
 Свое село, в жеребьё кабы мне пала,
 А взял бы я тебя в замужесъво,
 А ка<к> стал корьмить мясом да кобылятиной,
 Достали отсек бы те буйну голову».
- 105 А третей-от татарин говорил да таковы речи:
 «Кабы мне в жеребьё ты, девича, досталасе,¹⁹

- Ай увёз бы я да во свое село,
 Я и взял бы я в замужесь(т)во,²⁰
 Я бы стал бы корьмить белым хлебом круписьцятим,
 110 Поить свежой водой медовою.
 А вдостали тут тибя да взял в замужесьво».
 А сидит Козарушко да на добром кони, всё ведь слушает.
 А она плачитце, красная девича:
 «Ты коса моя русая!
 115 Ай вечёр ты в бани парилась,
 Ай поутру ты в плёнй попаласе!»
 Ай как сидит Козарушка на добром кони, ведь слушает:
 Ай первого тотарина копьём сколол,
 А другого-то тотарина конём стоптал,
 120 А как третьёго тотарина жива спусьтил.
 А соходил²¹-то он да со добра коня,
 А да сошёл скоро с добра коня.
 А заходил-то он в белой шатёр полотьянной,
 А как брал-то красну девичу да за белы руки:
 125 «Уж ты гой еси, да красна девича!
 А ка(к) ты скажи, какого отча да какой матери?»
 «А отець у мя князь Петр-от Коромыслович».
 «А как было у его да чадо милое?»
 А и говорила красна девича:
 130 «Как было чадо у ёго да милое,
 Как молодой Козарушко Петрович жа,
 Ка(к) была-то я, одна да красна девича».
 «А да знашь ли ты Козарушку Петровича?»
 «Как ли я не знаю Козарушки Петровица?»²²
 135 А как ведь он мне родной брателко.
 Как на роду ему у отча с матерью было пошучено.²³
 А на свет она ёго спородила,
 На²⁴ хлеб ёго она не приняла,
 А о(т)дала ёго ви(о)дитця²⁵ бабушки-задворёнки,
 140 Да велела корьмить хлебом с гникиною,
 А да²⁶ как поить свежой водой болотною со ржавчиной.
 А так-то бабушка не поваровала,
 А да поила-корьмила белым хлебом круписьчатим,
 Поила свежой водой медовою».
 145 А да садил-то Козарушко сестру да на добра коня,
 Как повёз он во свое село да к отчу, к матери,
 А как привёз он к ёму к широку двору,
 Повёл-то ей в светлы светлицы,
 В ти жа полаты княженевския:

- 150 «Уж ты на-тко, Петр Коромыслович!
 А ты бери-тко тебе привез любиму дочь.
 А да ты примай Козарушку, да чадо милого».
 А говорил тут Пет⟨р⟩ да Коромыслов жа:
 «А на веку у меня не бывало чадо милое».

№ 132

- Как во славном было во городи Коромыслови
 Ише жил-то был князь да Пет[р] Коромыслов-от.
 А и у его-то было чадышко же милоё,
 Уж как милое чадышко нелюбимое,
 5 И на роду-то былó к(ы)нязю Петру Коромыслову,
 И на родах-то ему, да братцѣи, пошучоно,
 И не залюбил-то он своего да чада милого,
 А он того ли-то Козарушку сына Петровиця,
 И он не залюбил-то, приказал своим-то он слугам верным-то,
 10 И отвести-то как Козарушку Петровиця
 А и как ко бабушки отдать да всё задворенки,
 И приказал-то князь же Пёт[р] да Коромыслов-от
 А и не кормить его, не поить его хлебом же солью же,
 А и заморить его смертью голодною.
 15 И скоро слуги-ти кнеженеськие снесли Козарушку,
 Они Козарушку Петровиця к бабушке-задворенке,
 И как наказывал им же князь Пет[р] Коромыслов-от.
 И тут как была-то у Петра князя Коромыслова,
 У его да дочь любимая,
 20 А ише та ли же Настасья дочь Петровна-та,
 А и как Настасья-та Петровна, она ходила-то ко бабушки-задворѣнки,
 А она Козарушки Петровицю носила же,
 А уж как носила ему-ту кушанья же разныя,
 А и как кормила-то, поила, што сама ела.
 25 И говорила-то она же бабушки-задворенки:
 «Уж ты пой, корми же, бабушка-задворенка,
 А у меня-то ты Козарушку Петровиця».
 А и тут поила-то, кормила бабушка-задворенка,
 А и наблюдала-то она Козарушку Петровиця,
 30 Ише стал тут Козарушка ростеть-матереть,
 А ише стал тут же Козарушка Петрович млад,
 А он по улочки-то стал он ходить поигрывать,
 Он со маленькими с деточками поигривати,
 А ише зачали же деточки маленьки ребяточке,

- 35 А ише зачали Козарушку Петровиця,
Ише зачали Козарушку укорять его:
«У тя нету, Козарушка, да не роду же всё
Родного у тя да всё же батюшка,
И родимою у тибя всё же матушки,
- 40 И ты найдённой заугольш на улици.
(*Поедешь прежде на пожню, дедушко и запоёт
в карбўсочке, пока мы едем.*)
И тут Козарушки же всё Петровицю
Ети же слова ёму не пондравились.
Он ко́го хватит за руку — у того рука же прочь,
Кого хватит за ногу — у того нога же прочь,
- 45 И кого пехнёт — тот и же встать никак не мог.
Ише тут же стали на Козарушку же жаловаться
И тому ли князю Пётру Коромыслову,
Што етого чтоб не было Козарушки,
Што во нашем же всё во городи а в Коромыслови,
- 50 А в по что нас всех же он уродами же сделает.
Ише тут же Пёт[р] же князь да Коромыслов же,
И приказал же он скорó Козарушки Петровичу,
Не ходил што же он да всё на улицу,
Не играл же со ребяточками с маленькими всё на улочки,
- 55 И не губил же их да не урёдивал.
Э¹ и тут узнала-то его да родна сёстрица,
Ише та ли же Настасья доць Петровисьня,
И пошла она ко бабушки-задворёнки,
Попроведати да про Козарушку Петровиця,
- 60 Ише што Козарушка Петрович млад.
Приходила она скорó же к ёму же,
И тут говорил-то ей же всё Козарушка,
Говорил же всё да млад Петрович же:
«Уж ты ой еси, моя ты родимая да мила сёстрица,
- 65 Уж Настасья ты же свет же всё Петровисьня,
О чём я тебя да попрошу же всё,
И попрошу у тя же я да всё поведаю,
Уж ты же дай-ко мне, сестрица ты родимая,
Ты Настасья же дочь да всё Петровна,
- 70 Уж ты дай-ко мне да коня да богатырьского,
Богатырьского коня дай мне да очунь быстрого,
Уж ты дай-ко мне, сестрица ты родимая,
Уж ты дай-ко мне да сбруду всё да лошадиную,
Уж ты дай-ко мне, сестрица же родимая,
- 75 Ты Настасья же да дочь Петровна же,

- Ты мне копы́цо дай да богаты́рскоё,
 Уж ты дай-ко мне, сестрица же родимая,
 Уж ты Настасья ты дочь да всё Петровна же,
 Мне-ка сабельку же дай да мне-ка же всё булатную».
- 80 И говорила Козарушки да рódна сестри́ця,
 Ише та ли же Настасья дочь Петровисьяна:
 «Уж и дам я те, брателко родимой мой,
 Ты Козарушко у мне да ты Петровиць-свет,
 Уж я дам тебе коня да самолучшого,
- 85 И прикажу отдать своим же конюхам любимым же,
 Уж я дам тебе всю же сброду лошадиную,
 Лошадину сброду всё тебе да богаты́рскую,
 Ёше всю я принадлежность тебе да богаты́рскую,
 Уж я дам тебе да копы́цо же вострое,
- 90 Уж я дам тебе да саблю булатную,
 И провожу я тибя сама да как те надобно,
 Во чисто полё в широкоё в раздольицо,
 Обучайсе ты поезкам всё да рыцарским».
 И тут пошел Козарушка да млад Петровиць же,
- 95 Со своей же он со родимой со сестрицою,
 Со Настасьею со Петровною,
 Они ко батюшкову ко высокому ко терему,
 Оставляла его да рódна сестри́ца
 У крылечушка да кнеженеского.
- 100 И говорила она своим да слугам верным же:
 «Не отганивайте у мне Козарушки,
 Вы Козарушки у мне же всё Петровиця,
 Он же пус(т)ь стоит да до миня же всё».
 [О]на пошла скорó да на широкой двор,
- 105 Ко своим же она ко конюхом:
 «Уж вы ой еси, вы конюхи же милые,
 Вы дайте налаживайте коня же лошадь богаты́рскую,
 Уж што была она очунь статна, очунь быстрая,
 И² отдавайте сброду всю да лошадиную,
- 110 Што же сброда была очунь хорошая,
 А хорóша очунь была же она крепкая,
 И подайте-ко седельшко церкальскоё,
 Ише то седельшко былó да не простое же,
 И было седельшко же всё серебряннóе,
- 115 А же пряжки у седельшка были да золотые же».
 Ише скоро конюхи ее любимые
 И тут же слов ее да не ослышились,
 Они быстро же всё же дело делали,

- Они брали узду скорó серебрянную,
 120 А по́вод-то же был да из семи шелков,
 И тут повели они скорó на улицу.
 Ише сама Настасья дочь кнежевисьня
 Она сама за ийма очунь быстро всё усматривала,
 Они выводили ко́ня всё на улицу,
 125 Ко тому Козарушки Петровицю.
 Подавали ему скорó да ко́ня доброго,
 Ко́ня богатырьсково за повод-от да семишелковой,
 Брал Козарушка коня за по́вод правой рученькой,
 Да подавали ему платьё да богатырьскоё,
 130 ³Подавали ему да латы богатырьские³
 Тут садилсе Козарушка Петровиць млад,
 Он садилсе скоро на коня да богатырьского,
 Он благодарил свою да рóдну сéстрицу,
 Он Настасью-ту доць Петровисьню,
 135 Што она сделала ему как же надобно.
 Роспрошшале же он да с рóдной сéстрицой,
 Со Настасьей да со Петровисьнёй,
 Провожала его да рóдна сéстриця,
 Ише та ли Настасья доць Петровна же,
 140 Заезжал он ко бабушки-задворёнки,
 Роспрошшале же с бабушкой-задворёнкой,
 Провожала его же бабушка-задворенка,
 Провожала она да слезно плакала,
 Она плакала, горючимá-ти слезьми да уливаласе:
 145 «Уж ты ой еси, Козарушка же млад Петровиць сын,
 Ты-ка будо-ка тоже сын да не кнеженьской же,
 Позаришьсе ездить всё да по белú свету́».
 И поехал тут Козарушка да во цýсто полё,
 Во широкоё поехал во раздольцо,
 150 Обучатьсе-то поезкам всё да богатырьским же.
 В ту же пору, в то же было же во времечко,
 Как пошла-то Настасья дочь кнежевисьня
 Во мыльню она да жарку банёчку,
 Она со нянюшками же пошла, с мамушками,
 155 Она шла во своём саду прекрасном же.
 В ту же по́ру же, в то же времечко
 Как наехало же тут да три тотарина,
 Же три тотарина поганных всё проклятых-то,
 [О]ни схватили да кне́жинá дитя,
 160 Ише ту ли Настасью доць Петровисьню,
 Ей схватили скоро-быстро за белы́ рúки,

- Унесли-то ей да они да своих добрых коней,
 Увозили же ей далече во чисто поле,
 Во широкое же ей да во роздольцо,
 165 Во белые шатры же все да во тотарские,
 И посадили ей да между себя да во середки же.
 Иише стали вони же дель делить,
 Мез собой-ту зачали же жеребей метать:
 «И кому же ты из нас, да красна девица,
 170 Ты кому ты в жеребью же нам же выпадешь».
 Ише первой-от тотарин говорил же он:
 «Увезу я тебя, да красна девица,
 Я во свое место да во свою тибя же все на родину,
 Я же буду тебя кормить-поить да кобылятиной,
 175 А поить-то буду со болот водой».
 А как другой-от тотарин говорил да таковы слова:
 «Уж ты ой еси же, красна девица,
 Ты в делу же мне да все достанишься,
 А в жеребью же ты да все же выпадешь,
 180 Увезу я тебя да во свое место,
 На свою я в Неверию в поганую,
 Во погану Неверию же все в тотарскую,
 И отсеку я у тя да буйну голову».
 А третей же тотарин говорил же все:
 185 «Уж ты мне-то, девица, ты достанишься,
 А ты в делу же мне да ты да все повыпадешь,
 Увезу я тебя да во свое место,
 На свою же увезу я на неверну землю,
 А я в неверную землю все в тотарскую.
 190 Я увезу тебя, да красна девица,
 Я возьму тебя да за себя взамуж,
 А я же буду тя кормить да белым хлебом все круписцетым,
 А круписцетым же хлебом первосортным же,
 А я поить же тя буду да медовой водой».
 195 А ише в пору, в то же времечка
 А и наезжал же тут Козарушка Петровиць-от,
 И от же сидела Настасья доць Петровисьня,
 А и она сидела во белом шатру в тотарском же,
 Она плакала да заливалася:
 200 «Уж бы был бы у мня мой брателко родимой-от,
 Был бы у мня здесь Козарушка Петровиць-от,
 Не сидела бы же я да Лебедь Белая
⁴Во белом шатру да во тотарском-от⁴
 И я не сидела бы да красна девица

- 205 Под началом поганных-то да всё тотаровеи,
Кабы был бы у мя здесь брателко же мой родимой-от,
Ише тот ли богатырь всё могучой-от,
Как Козарушка у мя да всё Петровиць млад,
Не взяли меня бы красной дэвицы в плен.
- 210 Я сегоднешной денёчик свету белого
Не умыто у мя да ли́цо бёлоё
А у нянюшок у мя да всё у мамушок,
Всё у сенных же да красных девушок,
Не учосана у мя да буйна гóлова,
- 215 Не заплетёна модна у мне да трубцетá косá
Дорогима-ти да сэмишóлковыма алыма ленточками,
И не я сижу, да красна дэвица,
А княжинó дитя Настасья доць Петровисьня,
Не пересы́пана моя да трубцята коса
- 220 Дорогим-то у мне да скатным жемцьюгом».
В ту же пору же, в то же времечка
Как не ясной-от со́кол всё вылетывал,
Не удалой-от доброй мóлодець
На добром кони да всё же едёт-то,
- 225 Как могучой-от и славной богатырь-от,
Ише тот ли Козарушка же всё Петровиць млад.
Подъезжал-то он да ко белу шатру,
Ко белу шатру да всё да он к тотарьскому.
Услыхали же тут татарове поганья,
- 230 Ише едёт богатырь святорусьской-от,
А под им же под богатырём да лошадь очунь быстрая,
Он поехал же к им скорó да ко белым шатрам,
Ко белым шатрам да всё полотъненным.
Тут выскакивали три же всё разбойничка,
- 235 Ише три же тут татарова поганья,
Он одного тотарина копьём стоптал,
А второго тотарина мечом ссек,
А третьёго тотарина в живых спустил,
Которой хотел увести да во своё место,
- 240 На неверну землю да всё в тотарьскую,
Он хотел поить и кормить белым хлебом круписыцетым,
И круписцетым хлебом да первосортным же,
И поить ей хотел да медовой водой.
Он в живых спустил его: «Да ты поди да во свое место,
- 245 Во свою же во Неверию в тотарьскую».
И то́гда заходил он во бело́й шатёр в тотарьской же.
Ише брал он свою да рóдну сэстрицу,

- Ишу ту ли Настасью доць Петровисьню,
 Он же брал ей скорó да за белы ручки,
 250 Он повёл ей скорó да из бела шáтра,
 И с того шатра повёл да из тотарьского,
 Он садил же скорó сибe да на добра коня,
 На добра коня садил да богатырьского,
 Ише сам садилсе возле ей же всё,
 255 Возле родиму же свою милу сестрицю,
 Возле Настасью же всё Петровну-ту,
 Говорил же тогда Козарушка Петрович млад:
 «Уж ты ой еси, моя сестрица ты любимая,
 Ты княжнó дитя Настасья дочь Петровна же,
 260 А куда вести да красну дэвицу?»
 А говорила и Козарушки да княжнó дитя,
 Как Настасья же всё Петровна же:
 «Ты вези-ко же, мой ты брателко родимой мой,
 Ты Козарушка же всё Петрович млад,
 265 Ты вези меня ко терему да княженеському,
 Ко родителю же ты к моёмu рóдну батюшку,
 Ко Петру же князю всё да Коромыслову.
 Я скажу же своему да рóдну батюшку,
 Я же князю же Пётру Коромыслову:
 270 „У тя было ли на роду да чадо милоё,
 Чадо милоё — твоё же всё любимое,
 Ише у мне ли же мой да рóдной брателко,
 Ише был ли на роду да рóдной брателко,
 Как Козарушка да всё Петровиц млад?»»
 275 И приезжал Козарушка ко терему да кнеженеському,
 Он кричал-то зычал да голосом же богатырьским же:
 «Уж ты ой еси же, князь да Пет[р] да Коромыслов же,
 У тя был ли на веку да чадо милоё,
 Чадо милоё же всё любимое,
 280 Как Козарушка да сын Петрович млад?»
 Отпирал-то князь да Пёт[р] да Коромыслов-от
 Он окошечко да всё косисцето,
 Отвечал, шшо «не было у мя на роду да чада милого,
 Как Козарушки у мя да всё Петровиц!» —
 285 «А была ли у тя да дочь любимая,
 Ише та ли Настасья доць Петровисьня?» —
 «У мя была-то доць Настасья доць Петровисьня». —
 «А была она да ты бери ей себе нá руки». —
 Брал-то же князь свою-ту дочь любимую,
 290 Ише ту ли Настасью доць Петровисьню,

- За белы-ти ей ручки белыя.
 Говорил тогда Козарушка Петрович млад:
 «Уж ты ой еси же, князь же Пёт[р] да Коромыслов же,
 У тя же не было твоего да чада милого,
 295 Я воткну своё да кóпье востроё
 Я во матушку же всё да во сыру́ землю,
 Ты насыпь это копыцо да наполни всё же золотом».
 А он вниманьице да некакого не брал же,
 Отпиралсе, ишло «у мня его же не́ было.
 300 Я оставлю свое княжесьво на свою я дочь любимую,
 Я на ту ли Настасью же Петровну же,
 Я тебя никак не могу же взять».
 Говорила тогда княже́на Настасья дочь Петровна-та:
 «Уж ты ой еси, мой батюшко родимой князь,
 305 Уж ты Пет[р] же да Коромыслов же,
 Ише как же у тя не́ было да чадо милоё,
 Как любимой мой же брателко Козарушко Петрович млад.
 Он же спас меня от гибели от смёртною,
 Он от тех-то татаровей от поганных же».
 310 Говорил-то тогда князь-от Пёт[р] Коромыслов же:
 «Уж ты ой еси, мо́я ты дочь любимая,
 А и уж кне́жно ты дитя Настасья Петровна же,
 Поделисе ты имени́цом богасьви́цом,
 Воля твоя же, Настасья доць Петровна же,
 315 А на тебя я всё княжесьво да оставлю же,
 А ты дели сама да как тебе же надо-то».

СОЛОМАН И ВАСИЛИЙ ОКУЛОВИЧ (№ 133—135)

№ 133

- Во Цареграде служил Соломон-царь,
 В Новеграде служил прекрасный царь Василий Окулович.
 Не было на силу Самсона Колыбанова,
 Не было на сметку осударя Ильи Муромца,
 5 На вежество Добрынюшки Никитича,
 На ярость Олёши Поповича,
 На золоту казну Дюка Степанова,
 На богатство Садка, купца богатаго,
 На хитрость, на мудрость Соломона Окульева,
 10 На красоту Василья царя Окульева.
 Заводился у Окульева почестен пир

- На многих пановей-улановей,
На злых, проклятых татаровей,
Все на пиру сидят пьяны, веселы.
- 15 Василий-царь по горнице похаживает,
Желтыми кудрями потряхивает,
Сам говорит таковы речи:
«Уж вы гой еси, панове-уланове!
Все у нас в городе испоженены,
- 20 Красны девицы исподаваны,
Один я, Василий-царь, холост хожу,
Холост хожу, не женат слыву.
Не знает ли мне кто обручницы,
Обручницы мне, сопротивницы:
- 25 Чтобы бело лице — как белый снег,
Ягодницы — будто маков цвет,
Ясны-то очи — будто у сокола,
У того у сокола перелетного,
Брови у ней — как у соболя,
- 30 Того соболя сибирского,
1Чтоб возрастом не мала,
Умом сверстна,¹
Чтоб было кому поклониться,
Было кого чтоб назвать царицею?»
- 35 Большой хоронится за средняго,
А средний хоронится за малаго,
А от малаго татарина ответу нет.
Говорит Василий-царь во второй закон.
Говорит Василий во третий закон.
- 40 Все большой хоронится за средняго,
Средний хоронится за меньшаго,
А от меньшаго татарина ответу нет.
Из-за того из стола из-за окольного,
Со той со скамейки белодубовой
- 45 Выходил удалый добрый молодец
По прозванью Василий Пустоволосович,
Младый Василий Таракашков сын.
Подходит Василий к царю близехонько,
Сам говорит потихохоньку:
- 50 «Прекрасный царь Василий Окульевич!
Благослови мне, Василий, слово молвить,
Не моги-ко меня за слово скоро сказнити,
А скорее того, чтобы повесити».
Говорит царь Василий Окульевич:

- 55 «Говори, Василий, что те надобно».
 Говорит Василий Пустоволосович:
 «Я знаю тебе обручницу,
 Обручницу знаю, сопротивницу:
 Бело лице — будто белый снег,
 60 Ягодницы — будто маков цвет,
 Ясны очи — будто у сокола,
 Того сокола перелетного,
 Черныя брови — будто у соболя,
 Того соболя сибирскаго,
 65 Ростом не мала и умом сверстна.
 Есть кому поклониться,
 Есть ²-кого назвать и ² царицею.
 Есть у царя Соломона,
 Есть у него молода жена —
 70 Молодая царица Соломонида».
 Говорит царь Василий Окульевич:
 «Ты как можешь у жива мужа жену отнять?»
 Говорит Василий Пустоволосович:
 «Ты гой еси, Василий Окульевич!
 75 Плохо у жива мужа жену отнять:
³Дай-ко-се ты мне три корабля,
 Три червленьих,³
 Нагрузи их товарами заморскими:
 Первой нагрузи красным золотом,
 80 Другой нагрузи чистым серебром,
 Третий скатным жемчугом,
 Наклади еще напитков будущих.
 Пойду я, Василий, во святую Русь,
 Привезу тебе царицу Соломониду».
 85 Эти речи царю во любви пришли,
 Во любви пришли, очень поглянулись.
 Дал ему три корабля, три червленяя,
 Нагрузил их товарами заморскими:
 Первый нагрузил красным золотом,
 90 Второй нагрузил чистым серебром,
 Третий нагрузил скатным жемчугом,
 Наклад напитков будущих.
 Пошел тогда Василий на святую Русь.
 Приходит во гавань корабельную,
 95 В гавань заходит — платит пошлину,
 Якорь кладет — платит пошлину,
 Парус ронит — платит пошлину,

- Берет он подарочки великие.
Что во ту пору, во то время
- 100 Соломóна дома не случилось:
Уехал во иностранныя гóроды
Собирать дани-пошлины
За те двенадцать годов вышедших.
Взявши он подарочки великие,
- 105 Идет он к царице Соломониде.
Отворяет Василий двери на⁴ пята,
Не кстит свово лица чернаго,
Не кланяется чудным óбразам,
Бьет челом царице Соломóниде:
- 110 «Здравствуй, царица Соломóнида!»
Говорит царица Соломонида:
«Здравствуй, Василий Пустоволосович!
Зачем пришел, что просишь ты?»
Говорит Василий Пустоволосович:
- 115 «Уж ты гой еси, царица Соломонида!
Я пришел к тебе с подарками великими».
Подает царице Соломóниде
Те подарочки великие.
Принимала царица Соломóнида
- 120 Те подарочки великие.
«Уж ты гой еси, царица Соломóнида!
Добро жаловать ко мне на червлен корабль,
Оценить мои товары заморские,
Чего мои корабли будут стоить?»
- 125 Говорила царица Соломонида:
«Поди, Василий, к себе на червлен корабль,
Буду я к тебе на червлен корабль:
Посмотрю твоих товаров заморских».
Пошел Василий на червлен корабль.
- 130 Пошла царица Соломóнида
К Василию на червлен корабль.
Бьет челом Василий царице Соломóниде:
«Здравствуй, царица Соломóнида!»
Бьет челом в каюту корабельную.
- 135 Заходит царица Соломóнида
В ту каюту корабельну,
Напоил тут царицу Соломóниду
Теми напитками забыдущими.
Заспала тут царица Соломóнида
- 140 В той каюте корабельныя.

- Выходит Василий из каюты корабельныя
 На ту палубу дубовую:
 «Уж ты гой еси, дружинишка добрая!
 Отсеките якори булатныя,
 145 Распушайте парусы полотняны!»
 В ту пору дружина не ослышалась:
 Отсекла она якори булатные,
 Развивала парусы полотняны,
 Пошли из гавани корабельныя.
 150 Падала поветерь способная,
 Выходит Василий на сине море,
 И Русска⟨я⟩ Земля потаилася,
 А Неверна⟨я⟩ Земля возвременилася.
 Пробудилась царица Соломонида,
 155 Сама говорила таковы речи:
 «Уж ты гой еси, Василий Пустоволосович!
 Ты куда меня везешь, куда повез?»
 Говорит Василий Пустоволосович:
 «Уж ты гой еси, царица Соломонида!
 160 Везу тебя к царю Василию Окульеву,
 Везу тебя за него замуж».
 Приходит Василий Пустоволосович
 Во ту во гавань корабельную,
 Кладет Василий якори булатные,
 165 Подвил парусы полотняны,
 Выдернул флаги шелковые.
 Увидел Василий царь Окульевич
 Те свои три корабля червленья,
 Пошел встречать Василий царь Окульевич
 170 Что того же Василия Пустоволосова.
 Увидал он царицу Соломониду,
 Берет он ее за белы руки,
 Целует в уста сахарные,
 Повел в палату белокаменну.
 175 У Василия повелся тогда почестен пир
 Со того со веселья со великаго.
 Во ту пору, во то время
 Приезжает Соломон царь Давидович
 Во те же палаты белокаменны,
 180 Не встречает его царица Соломонида.
 Говорит Соломон царь Давыдович:
 «Уж вы здравствуйте, князи, бояри!
 Уж вы гой еси, князи, бояра,

Что же не встречает меня молода жена,
185 Разве больна она у меня находится,
Или ее в доме не случилось?»
Говорили тогда князи-бояри:
«Уж ты гой еси, Соломон царь Давыдович,
Приходил к нам Василий Пустоволосович,
190 Приходил он на трех кораблях червленых,
Увез твою царицу Соломóниду
К тому царю Василию Окульеву,
Повез к Василью за него замуж».
Эти ему речи не в любви пришли,
195 Показались за досаду за великую.
Стал тогда Соломон собираться,
Стал он со дружиной собрунятися.
Собрал он дружину хоробрую,
Собрал тридцать без единого,
200 Сам был тридцатый.
Отправились они сухим путем.
Ехать надо было три года,
Переехали они в три месяца,
Не доехали они до Новгорода,
205 Становились они во чистом поле,
Расставили они белы шатры.
Говорил-то им Соломон царь Давыдович:
«Уж вы гой еси, дружина храбрая!
Я вам стану что наказывать,
210 Исполните вы мое наказание:
Пойду я калекой перехожею,
Ко тому царю Василию Окульеву,
Просить я милостыни спасенья
Для-ради Царя Христа Небесного.
215 Только слушайте мое наказание:
Я заиграю во дудочку во медную —
Хватайте вы тогда коней добрых.
Заиграю во дудочку в серебряну —
Седлайте вы коней добрых.
220 Заиграю во дудочку во золоту —
Тогда скачите на добрых коней,
Тогда рубите старого и малаго,
Не покидайте ни единого на семена».
Тогда пошел Соломон царь Давыдович
225 Тою калекою перехожею.
Приходит ко гридни княженецкия,

- Кричит зычным голосом,
Просит милостыни спасенныя
Для-ради Христа Царя Небеснаго.
230 Окульева тогда дома не случилось.
Услышала царица Соломонида,
Сама говорила таковы речи:
«Не калека пришел со святой Руси,
Пришел-то Соломон царь Давыдович.
235 Добро жаловать ко мне, Соломон,
Хлеба-соли есть, пива-меду пить».
Пошел Соломон царь Давыдович
Во ту во спальну во царевую,
Сидят, пьют, прохлажаются.
240 Во ту пору, во то время
Приехал Василий царь Окульевич.
Говорит царица Соломонида:
«Ты Соломон царь Давыдович!
Куда я тебя укрою?»
245 Есть у меня да окован сундук,
Ложись-ко-се ты в окован сундук,
Не увидит тебя Василий царь Окульевич».
Лег-то Соломон во кован сундук,
Замкнула его царица Соломонида.
250 Приходит Василий царь Окульевич,
Стали пить-есть, прохлажатися.
Говорит царица Соломонида:
«Сказали про Соломона на святой Руси,
Что на святой Руси Соломон хитер-мудер,
255 А теперь Соломона глупее нет,
Лежит он в сундуке кованом».
Говорит Василий царь Окульевич:
«Уж ты гой еси, царица Соломонида!
Выпущай-ко Соломона Давыдова,
260 Ссеку я у него буйну голову».
Отмыкала царица Соломонида окован сундук,
Скакал Соломон на резвы ноги,
Берет Окульева за белы руки,
Сам говорит таковы речи:
265 «У нас на Руси не секут царей.
Сделай ты реину высокую,
Повесь на ней три петельки великия:
Первую петельку варовую,
5-Вторую липову,

- 270 А третью шелковую». ⁵
Говорит царица Соломонида:
«Ты гой еси, Василий царь Окульевич,
Пора тебе на Соломона указ чинить,
Пора ему голову сказнить:
- 275 Отойдет он хитростью и мудростью». ⁵
Говорил Василий царь Окульевич:
«Теперь Соломон у меня в руках». ⁵
Стали делать реину высокую,
Повесили три петельки великия:
- 280 Первую петельку варовую,
⁵Вторую липову,
Третью шелковую. ⁵
Повели Соломона на реину высокую
Со той со славой со великою.
- 285 Говорил-то Соломон царь Давидович:
«Уж вы гой еси, народы православные!
Воротитесь вы, панове-уланове,
Соломонова смерть страшна будет». ⁵
Мудрой-то народ воротилися,
- 290 А глупой народ вперед идет.
Говорит Соломон во второй након:
«Воротитесь, панове-уланове,
Соломонова смерть страшна будет». ⁵
Мудрый-то народ воротилися,
- 295 А глупый-то вперед идет.
Говорить Соломон во третей након:
«Воротитесь вы, панове-уланове,
Соломону смерть страшна будет». ⁵
Мудрый-то народ воротилися,
- 300 А глупой-то вперед идет.
Пришли ко реине высокия,
Ступил Соломон на перву ступень,
Сам говорит таковы речи:
«Благослови, Василий-царь,
- 305 Поиграть во дудочку во медную,
Царя с царицей приутешити,
А мне край смерти взвеселитися». ⁵
Говорит Василий царь Окульевич:
«Играй-ко, Соломон, сколько те надобно».
- 310 Говорит царица Соломонида:
«Пора тебе, Соломону, указ чинить,
Указ чинить — голова сказнить:

- Отойдет он хитростью и мудростью».
 Говорит Василий царь Окульевич:
 315 «Теперь Соломон у меня в руках».

Заиграл во дудочку во медную,
 Услыхала дружинушка хоробрая,
 Седлали-нуздали коней добрых.
 Ступил Соломон на втору ступень:
 320 «Благослови, Василий-царь,
 Сыграть во дудочку во серебряну,
 Тебя с царицей приутешити,
 А мне по край смерти взвеселитися».

«Играй-ко, Соломон, сколько те надобно».
- 325 Говорит царица Соломонида:
 «Пора Соломону указ чинить,
 Указ чинить — голова сказнить:
 Отойдет он хитростью и мудреностью».
 Говорит Василий царь Окульевич:
 330 «Теперь Соломон у меня в руках».

Заиграл во дудочку серебряну,
 Услыхала дружинушка хоробрая,
 Легко скачет на добрых коней.
 Вступил Соломон на третью ступень:
 335 «Благослови, Василий-царь,
 Сыграть во дудочку в золоту». —
 «Играй, Соломон, сколько те надобно».
- Говорила царица Соломонида:
 «Пора Соломону указ чинить,
 340 Пора ему голову сказнить:
 Отойдет он хитростью и мудростью».
 Говорит Василий царь Окульевич:
 «Теперь Соломон у меня в руках».

Заиграл во дудочку во золоту,
 345 Услыхала дружинушка хоробрая,
 Секут старáго и малáго.
 Берет Соломон Василья за белы руки,
 Кладет Окульева во петельку шелковую,
 А царицу Соломониду в варовую,
 350 А Василья^б во липову —
 Пускай виснет, а не давится.
 Вот тем дело окончилось.

№ 134

Во Царигради-то жил прекрасной царь Иван Окульевич,
 А в Ерусалиме жил Соломан-царь премудрый
 (сын Давыдович.)

Собирал-то прекрасной царь Иван Окульевич почесен пир
 На кнезей-то своих, всё на бояр жа.

5 А до как вси-то на пиру да пьяны, веселы,
 А да сидят, пьют, едят да хвастают.

А прекрасной царь Иван Окульевич по полаты похаживат,
 А русыма-ти кудрями приростряхиват,
 А златыма-ти перстнями принашшалакиват,

10 А как сам он говорит таковы слова да таковы речи:
 «А как вси у мя в Царигради поженены,
 Красны девушки у мя заму́ж подаваны,
 А как я един-от царь холóст хожу,
 А да я холóст хожу да не жонат слову.

15 ¹А не знает ли кто у мя¹ обручници да красной девици,
 Красной девици да супротів миня —
 Штобы возростом не ма́ла и умом сверс⟨т⟩на,
 А бело́ личё у ей кабы было снегу белого,

20 Чёрны брови — как у соболя сибирьского,
 А походка была павина, крótка речь была бы лебединая?»
 Как из-за того стола окольнёго

А ставал тут на резвѣи ноги дороднёй доброй молодець,
 А как тот жо Васька Тороканов Пустоволодьевич.²

25 Он подходит-то к царю близёхонько да поклоняйтсе низёхонько,
 Говорил-то он да таковы речи:

«Благослови-тко-се, прекрасной царь Иван Окульевич, мнѣ-ка словó сказать,
 Не моги меня за слово ка́знить, меня весити».

«Говори-тко-се, тебе-ка што те надобно —

30 Не буду не садить, не весити».

«Как я знаю т⟨е⟩бе обручницу да супротів тобя,
 Супротів тобя да хошь не красну девицю:

А как ес⟨т⟩ь в Ерусалими-гради у царя царица Соломáниха,

А как столь она прекрасна — такой красоты нигде на свети нет».

35 Говорил тут прекрасной царь Иван Окульевич:

«Уж ты гой еси, Васька Тороканов Пустоволодьевич!

Ишше как можно у живá мужа жона отнять?»

«Не хитрó-мудрó жона отнѣть:

Только дай мне-ка чёрной кáрабель,

40 Привезу-то я царицу тебе Соломаниху

- А со разныма со товарами».
 Как давал ёму-то чёрной карабель,
 Нагрузил ёго товары розноличнима.
 Как пошол-то Васька Тороканов Пустоволодьевич,
 45 А приходит он в тот же Ерусалим-от-град,
 А приходит, приезжает в Ерусалим-от-град,
 А во ту пору царя Солóмана-та в доме не случилось.
 А да ходит Васька, торгуёт товарами, по городу.
 А увидяла царица Солóмина:
 50 «Уж ты гой еси, дороднёй доброй молодець!
 А продай-ка мне товару-ту, какой мне-ка ведь надомно».
 Говорит-то Васька таковы речи:
 «А приезжай ко мне на чёрной карабель,
 Покажу тебе товары цярськия».
 55 А ушол-то Васька на чёрной карабель.
 А приехала царица Соломаниха,
 А да сам он приказал: «Как взойдёт царица Соломаниха да на чернён карабь,
 Выпускайте вы вязки, мечите на́ воду,
 Роспускайте паруса белы полóтьняны».
 60 А зашла тут царица в каюту в карабельную
 Выбирать товары, каки надобно.
 Отвязали тут да вязки да тут верёвки жа,
 А метали веревки на́ воду,
 А поднели паруса тонки полóтьняны,
 65 А пошли они да во синё морё.
 Закачалсэ их да чёрной карабель.
 Ишше тут-то говорит царица Соломаниха:
 «А как што у ты качеётся да чёрной карабель?»
 Говорит Васька Тороканов Пустоволодьевич:
 70 «Это он всё качаитьсе со старого,
 А не можот он да остоётисе».
 А да как набрала она товаров розноличния,
 А как выходила тут из каюты вон на палубу —
 Не увидяла она да всё своей земли:
 75 «Охти, мне топерече тошнёшенько!
 Я куды топерече деваюсе?»
 Говорит-то Васька Торокан Пустоволодьевич:
 «Ты молчи-тко-се, прекрасная царица Соломаниха!
 Я везу-то тебя за прекрасного царя Ивана Окульёва».
 80 А да как приходит он во Царь-от-град,
 А стречат тут царь Иван Окульевич,
 А берёт-то ей да за белы руки,
 Челуёт ей в уста сахарныя,

- А повёл в свои полаты белокаменны.
- 85 Как во ту пору, во то время
А приехал царь Солóман из чистá поля,
А спросал-то он у своих придворников:
«А как где моя цярiця Соломаниха?» —
«Уж ты гой еси, Соломан царь премудрыя!
- 90 Как пришол-то из Цярiя-града-то Васька Торокан Пустоволодьевич,
А увёз твою царицю Соломаниху
За прекрасного цярiя Ивана Окульёва».
А как скоро он да брал свою да золоту трубу,
Выходил-то на крыльцё косисчато,
- 95 А кричал он в трубочку-ту золочёную:
«Уж вы гой еси, дружина-й-а хоробрая!
Уж вы оседлайте своих добрых коней».
А как дружина не ослышилась,
А седлали, уздали добрых коней,
- 100 А скакали они да на добрых коней,
А поехали они к Царю-граду,
Да к прекрасному царю Ивану Окульёву
Отымать цярiци Соломанихи.
А да как приехали-то ко Царю-граду,
- 105 Оставлял-то он, Солóман, всё добра коня,
Как ведь сам им говорил да таковы слова:
«Уж вы гой еси, дружины мои хоробрыя!
Составляйте белы шатры полóтьняны,
А караулы ставьте крепкия, всё ведь верныя.
- 110 Как заиграю я в звончаты гусли во перьвой раз,
А да как заиграю во второй након,
А скочите вы всё на добрых коней,
Поезжайте вы во Царь-от-град,
Заиграю токо в третей након,
- 115 А тогда рубите и старого, и малого,
А хватайте прекрасного Ивана всё Окульёва,
А да хватайте вы Ваську Тороканова,
А цярiцю-ту я ведь сам сдёржу».
Как приехал тут Соломан-царь к Ивану Окульёву на широкой двор,
- 120 Заходил-то он да на краснó крыльцё.
А да как стречала цярiця Соломаниха:
«Уж ты здрастуй-ко, Солóман царь премудрой жа!
А прости меня да во перьвой вины:
А увёз меня неволей Васька Торокан Пустоволодьевич».
- 125 Она начела поить, кормить царя Соломана,
А во ту пору наехал прекрасной царь Иван Окульёвич.

- «Куды я топере спречусь жа?»
 А как стоит тут у ей высок сундук:
 «А замкну-то я тебя топерече в высок сундук».
- 130 Повалилсэ царь Соломан в сундук-от жа.
 А стречала она, цярцця, Ивана-то Окульёва:
 «Уж ты гой еси, душочка мой, прекрасной царь Иван Окульёвич!
 Шьто сказали — царь Соломан хитёр-мудёр,
 А сидит-то он под гу́зном под бабьим жо!» —
- 135 «Отмыкай-ко-се да ты сундук-от жа,
 Выпускай-ко-се царя Соломана».
 Отмыкала она замочки-ти заморськия,
 Отпирала она кова́н сундук,
 Выпускала царя Солóмана.
- 140 «Уж ты здрастуй-ко, премудрой царь Соломан жа!»
 «Уж ты здрастуй-ко, прекрасной царь Иван Окульёвич!
 А зачим жо ты у мя увёз да м(о)лоду жену?» —
 «Как не я увёз, да Васька Тороканов жа».
 Говорит-то ёго молода жона:
- 145 «Уж ты гой еси, прекрасной царь Иван Окульёвич!
 Отсеки царю Соломану да буйну голову:
 Отойдёт-то царь Соломан своей хитростью».
 Говорит прекрасной царь Иван Окульёвич:
 «Мне рубить-то головы у ёго ведь не за што:
- 150 Некакого навеку́ лиха́ не делал жа».
 Говорил тут ведь царь Соломан жа:
 «Уж ты гой еси, прекрасной царь Иван Окульёвич!
 Не руби-тко мне-ка с плеч да буйной головы,
 А как сделай-ко мне-ка высокой рей
- 155 Да повесь-ко на рей три-то пётёлки:
 А как перьву петелку сделай-ко-сь липовую,
 А другу-ту петелку сделай всё варóвую,
 (*Варовá называитьсе.*)
 А третью-ту петелку сделай ты шолкóвую.
 А [в] липову-ту мне полóжить буйну голову,
- 160 А белы́ руки полóжить в петелку варовую,
 А резвы́ ноги полóжить в петелку в шолкóвую».
 А да как приказал да сделать всё высокой рей,
 А да всё сделать три-то пётёлки,
 А да повестил прекрасной царь палачей да немилóсливых:
- 165 «А ведите-ко царя Соломана да на высокой рей».
 А как повели царя Солóмана,
 А позади идёт прекрасной царь Иван Окульёвич с цярццёй Соломанихой
 А как с Васькой да с Торокановым,

- А со всего народ граду сбегайтсье
 170 А смотреть смерти царя Соломана.
 А как приходил-то царь ко рею всё высокому,
 А как хочет ступать да на перьвú ступень,
 Ишше сам он, царь Соломан, говорит да таковы речи:
 «Уж ты гой еси, прекрасной царь Иван Окульёвич!
- 175 А позволь-ко мне зыграть, на перьвой ступени поиграть да попотешитсье,
 А во ти жа поиграть да в звончат́и гусли».
 Говорит-то царь Соломан таковы речи,
 А как говорила цариця Соломаниха:
 «Не давай царю Соломану в звончат́и гусли:
 180 Отойдёт-то царь Солóман своей-то хитросью-ту, мудростью».
 «А да тут где же отойти царю Соломану?»
 А топерече-то я, царь Соломан, всё у вас в руках».
 Заиграл тут в звончат́и гусли,
 Услыхали тут дружиночки в чистóм поли,
- 185 Они скоро обирали белы́ шатры полóтьняны,
 А да как поехали к Царю-гра́ду жа.
 Заступал Соломан-царь да на втору ступень:
 «Уж позволь-ко, прекрасной царь Иван Окульёвич, да зыграть во второй након,
 Мне потешить собя и тебя со царицею».
- 190 Говорит тут да цариця Соломаниха:
 «Не давай ты ёму играть да в звончат́и гусли:
 Отойдёт-то царь Соломан своей хитросью-ту, мудростью,
 А как царь Соломан был весьма хитёр».
 Говорил тут всё Иван Окульёвич:
- 195 «Играй-ко, царь Соломан, скольке надомно».
 Как тут заиграл-то во второй након,
 Заезжали ти-то молодцы во Царь-от-град,
 А скакали через стену городóвую.
 А да как обступать-то царю Соломану на третью ступень,
- 200 Сам он говорит да таковы речи
 (Позади идет прекрасной царь Иван Окульёвич,
 А по бокам идут палачи да немилóсливы),
 Говорил тут Соломан-царь премудрыя:
 «Ты позволь-ко мне сыграть в последнёй раз,
- 205 А мне-ка тебя, царя, потешити».
 Говорит цариця Соломаниха:
 «Не давай играть царю Соломану». —
 «А как где жа ёму отойти да своей хитростью?»
 А играй, царь Соломан, скольке тебе надобно».
- 210 А как заиграл-то царь Солóман во-в третей након,
 Наскакала его дружиночка хоробрая.

- Как топерече играт да приговариват,
 А царю с цярицей наговариват:
 «Не видать вам смерти царя Соломана!»
²¹⁵ Во первьѣх схватила Ваську Тороканова,
 Во вторых схватила прекрасного царя Ивана Окульѣва,
 А царицю он, Соломан, сам в руках держил.
 А как клали Ваську Тороканова в петлю липѡвую,
 А царицю клали всё в варѡвую,
²²⁰ Как царя Ивана Окульѣва в шолкѡвую,
 А да тут им всим трѣм смерть пришла.

№ 135

- Было-то в Ерусалими, в славном гради-то,
 Там ведь жил-то премудрой-от Солѡман-царь
 Со прекрасной жил царицой Солѡманѡихой.
 Жили они да много времени.
⁵ Поежаёт царь Солѡман, всё премудрой царь,
 Поежает собирать он дани-пошлины,
 Сбѡрять пошлину поехал прошлогѡднюю —
 Шьчо за те ли всё за годицьки за прошлыя,
 Аѡ за прошлы-то годы, прошлогѡдныи.
¹⁰ Говорит прекрасна тут царица Солѡманѡиха:
 «Ты не езьди, царь Солѡман, сбѡрять пошлины,
 Сбѡрять пошлину не езьди прошлогѡдную —
 Этга прѡдѣт Васька Торокашко сын Замѡренин,
 Увезѣт у тя царицу Солѡманѡиху.
¹⁵ Приходил-то он два раза — ты всё дома был»
 (*От двух царей: Кудриянишша, ли от Грубиянишша,
 другой — Идѡлишо.*)¹
 Он не слушат царицы Солѡманѡихи,
 Он скорѣхонько в дорожку отпраляитце,
 Отпраляитце в дорожку всё полгодака.
 Аѡ прошла-то эта вестоцька да прокатиласе,
²⁰ До того жо прошла вѣсть до Царя-гѡрода.
 Аѡ во ту-ту порѡ былѡ, во то время,
 Сбѡираёт прекрасной царь Иван Нѡкульѣвиць,
 Сбѡирает он пир на весь он мир:
 Сбѡирает на князьей да на бояр своих,
²⁵ Сбѡирает на хресьян на всех прожитѡсьних,
 (*Хорошо живут.*)
 На прожитѡсьних хресьянушок, на бедных тут.

- Ишше все-то на пиру тут напивалисе,
 Ишше все же на чеснóм да наедалисе,
 На пиру-ту скоро все да стали хвастати:
- 30 Ишше глупой-от хвастат молодой женой,
 Неразумной-от хвастат всё родной сестрой,
 Ай ведь умной-от хвастат рóдным батюшком,
 Шьчо разумной-от хвастат рóдной матушкой.
 Ай прекрасной-от царь Иван Никúльевич
- 35 Он по полатушкам да тут похаживат,
 Он похаживат, сам всё усмехаитце,
 Он ведь жолтыма кудрями принатрясыват,
 Он ведь белыма руками прирозмахиват,
 Золотыма он персьнями принабрякиват,
- 40 Говорит прекрасной царь Иван Никúльевич:
 «Уж вы гой еси, князи мои, бóяра,
 Все купци вы, все мои госьти торговья,
 Все хресьянушки да все прожитоцьни,
 Вы прожитосьни все, да нóвы бедныи!
- 45 Роскажите мне вы, всю правду поведайте:
 Ай у нас-то в Царí-градí все молодци поженёны,
 Ишше красны-ти девушки замúж подаваны.
 Я един живу, прекрасной царь Иван Микульевич,
 Холост-от живу да не жонат слыву.
- 50 Мне-ка кто бы из вас выбрал бы обручницу,
 Мне обручницу бы выбрал супротív меня:
 Шьчобы лицико — порошки снежку белого,
 Ай походочка у ей была павíнная,
 Тíха рець у ей была да лебединная,
- 55 Брови-ти у ей да чёрна соболя,
 Ишше оци-ти у ей да ясна сокола,
 Ясна сокола у ей да перелётного,
 Перелётного сокола, заморьского».
 Ишше старшой-от хоронитце за средьнёго,
- 60 Ишше средьней-от хоронитце за мёньшого,
 И от мёньшого прекрасному царю ответу нет.
 Говорит-то Васька Торокашко сын Замóренин:
 «Я не знаю-ту тебе, прекрасной царь Иван Микульевич».
 Ишше говорит-то Торокашко сын Заморенин:
- 65 «Я ведь кольки не бывал по разным гóродам,
 Ай по руським бывал и по неверным я,
 Я видал, видал везде да красных девушек,
 Не видал лудьшэ царици Соломанихи.
 Уж ты гой еси, прекрасной ты царь Иван Микульевич!

- 70 Красота-та у вас съ ей будёт однакая,
 Друг на дружку вы ведь съ ей похожня».
 Тут ведь говорит прекрасной царь Иван Никульёвиць:
 «Уж ты Васька Торокашко сын Заморенин!
 Это ес(т)ь ли где теперь таки права?»
- 75 Говоришь ты ведь всё реци безумныя:
 Как ведь можно у жива мужа жону отнять?»
 Говорил-то Васька Торокашко сын Заморенин:
 «Мне нехитро это дело мне-ка съделати —
 Увесьти-то мне царицу Соломаниху».
- 80 Говорит-то прекрасной царь Иван Микульевич:
 «А бери-ко ты у мя да золотой казны,
 Ты достань, достань царицу Соломаниху».
 Говорит-то Васька таковы слова:
 «Уж ты гой еси, прекрасной царь Иван Микульевич!
- 85 Нагрузи-ко мне ты три карабля чернёных
 Со тимá ли со товарами заморьскимá.
 Я пойду-ту к ей да всё в Ерусалим я град,
 Увезу-ту без царя-та без Солóмана».
 Тут грузил ёму прекрасной царь Иван Микульёвич,
- 90 Он грузил, грузил чернёны скоро карабли.
 А пошол-то Васька Торокашко сын Заморенин.
 Он подходит ко святóму-ту к Ерусалим-граду,
 Он вымастыват мосточки красна дерева,
 Росьтилает он сукна одинцовыя
- 95 Он от цёрных-то от караблей вплоть до дворьца до царьского.
 Он приходит к царици к Соломанихи:
 «Уж ты здрастуй-ко, царица Соломаниха!
 Я пришол, пришол к тебе на чёрных караблях,
 Ты съними поди у мя товары всё заморьскии,
- 100 Всё заморскии товары всяки-разныя,
 Забирай ты с нас ише, бери да дань всю, пошлину».
 Тут ведь скоро царица нарежаласе,
 Ай пошла она к Васьки на церён карабь.
 Заходила к ёму да на церён карабь.
- 105 На карабли-то ево было изукрашноно:
 Ай каюты на карабли всё красна дерева,
 Красна дерева всё да красна золота.
 Тут зашла-то цариця Соломаниха
 На тот на Васьки на церён карабь,
- 110 Во ту ли во каюту во хрустальнюю,
 Загледелась на товары всё на разныя,
 На разны-ти на вси она шóлки разныя,

- Ише різны были шолки всё заморския.
 Ай во ту пору былó, во то время
- 115 Он ведь сказал-то всё младеньким матросицькам:
 «Оставлейте-ко мосты вси красна дерева,
 Отплавляйте-тко из гавани царя Соломана,
 Увезёмте мы царицу Соломаниху —
 Ай награду мы полуцим всё великую
- 120 От того-то мы царя всё от прекрасного». —
 Ай повёз-то тут царицу Соломаниху,
 Он увёз, увёз царицу Соломаниху.
 Он приходит, привозит ко царю прекрасному,
 Ко тому ли ко Ивану-ту Никульевичу.
- 125 Ай привозит царицу Соломаниху,
 Роспускат-то он скорó флаки шолковья.
 Тут стрещят-то их прекрасной царь Иван Микульевичь,
 Он стречаёт-то их да от всей радости,
 Собирает он пир да тут на радости,
- 130 Повелось-стало у их пированьице, поцесён пир.
 Тут ведь жили они да всё тут пожили.
 Ай прошло-то тому времени полгода,
 Тут наехал-то из земель из дальних-то
 Ай премудрой-то Соломан-царь.
- 135 Говорят-то ёму нянюшки да сены девушки:
 «Нет у нас царицы Соломанихи:
 Ай увёз-то ей Васька Торокашко всё Заморенин,
 Он увёз-то к царю прекрасному,
 Ко тому ли-то к Ивану-ту Микульевичу».
- 140 Тут недолго царь Соломан розговаривал,
 Ай он брал-то двух братицей крестовых-то:
 Ай перьвого-то Добрынюшку Никитича,
 Ай другого брал Олешеньку Поповиця,
 Ай поехал-то Соломан-царь, отправилсэ.
- 145 Приезжает Соломан-царь, премудрой он,
 Приезжает он да к Царю-ту-граду,
 Оставляет своих братицей крестовых-то
 Ай за той ли за сътенной их городовой.
 Тут пошол-то сам он, наредилсэ всё каликою,
- 150 Он сказал-то двум братицям крестовым:
 «Ай как будёт, быват, мне-ка неволюшка,
 Я взыграю вам, братиця, во туреи рог —
 Наежайте-ко тогда вы в Царь-от-град,
 Вы рубите-ко со старого до малого».
- 155 Наредилсэ-то, пошол каликой перехожою,

- Перехожою каликой, переброжою,
 Он пришол-то к царицы под окошоцько,
 Закрыцял-то он у ей да под окошоцьком:
 «Уж ты гой еси, прекрасная царица Соломаниха!
 160 Ты подай-ко мне-ка милостину всё спасёную,
 Ты не ради-то калики перехожою,
 Перехожою калики, переброжою,
 Уж ты для-ради подай царя Соломана,
 Ты Соломана царя да всё премудрого».
- 165 Отпирала окошоцько скорó косисьцято,
 Ай бежала на ширóку светлу улицю,
 Тут признала она ёго, увидела:
 Не калика-та ходит перехожая,
 Перехожая калика, переброжая,
- 170 Тут ведь ходит-то Соломан царь премудрой-от.
 Тут брала она царя да за праву́ руку
 Да вела ёго в полаты белокамянны,
 Говорила-то она царю Соломану,
 Шьчо Соломану-царю она премудрому:
- 175 «Ай премудрой ты царь у мя, Соломан ты!
 Ты попей-ко сядь, поешь, теперь покушай-ко.
 У мя нет теперь в доми прекрасного:
 Он уехал, царь прекрасной, за охвотами».
- Он поел у ей, попил сел, покушал тут.
- 180 Заперла ево царица Соломаниха,
 Заперла-то всё в сундук да во платно́й ево.
 Тут приехал-то прекрасной царь Иван Микульёвич,
 Он приехал у ей всё со охвотами,
 Он навёз-то тут ей да гусей, лёбедей,
- 185 Он перна́сьцятых-то беленьких всё утоцёк.
 Ишше тут царица розговариват:
 «Уж ты душенька, прекрасной царь Иван Микульёвич!
 Уж мы сёдём-ко с тобой пить, ес(т)ь, всё кушати».
- Они сели-то пить, ес(т)ь с ей, всё всё кушати.
- 190 Говорит-то тут царица Соломаниха:
 «Ай ты гой еси, прекрасной душоцька ты царь Иван Микульёвич!
 Ты везде ездил, гулял, да ничего не знашь.
 Я и дома была, цариця-та прекрасная,
 Я ведь дома-то была, да много видела:
- 195 У мя ес(т)ь-то ведь в госьтях всё небывало́й гос(т)ь,
 Небывало́й у мя гос(т)ь да всё нежданой-от —
 Не ждала ево, совсем об ём не думала».
- Говорит прекрасной царь Иван Микульёвиць:

- «Уж ты шьто севодьне, царица, не с ума шалишь?»
 200 Говорит-то тут царица Соломаниха:
 «Уж ты душенька, прекрасной царь Иван Микульёвич!
 Я скажу-то про то тебе, тебе поведаю,
 Про того скажу царя тебе премудрого:
 Шьчо сказали — царь Соломан — он хитёр-мудёр,
 205 Ишше сидет он у мня да в сундуки запёрт,
 .....».²
 Говорит-то прекрасной царь Иван Микульёвиць:
 «Ты ведь врешь теперь, царица Соломаниха!»
 Отпирала она сундук, да всё показыват,
 Говорит ёму цариця Соломаниха:
 210 «Уж ты душоцька, прекрасной царь Иван Микульёвиць!
 Не оставляй царя Соломана до ўтра ты —
 Отойдёт он у тебя всё своей мудросью».
 Говорит-то царь прекрасной Иван Микульёвиць:
 «Ай тепере царь Соломан, он в моих руках».
 215 Говорит-то царь Соломан таковы реци:
 «Уж ты гой еси, прекрасной ты царь Иван Микульёвиць!
 Цим тебе рубить моя-та буйна голова,
 Уж ты завтра отсекешь да буйну голову —
 Шьчо увидят все народ, да люди добрыя».
 220 Говорит царю цариця Соломаниха:
 «Отруби ты, отьсеки да буйну голову».
 Говорит-то Соломан царь премудрой-от:
 «Ты прекрасной мой царь Иван Микульёвиць!
 Ты возьми-ко завтра сьделай ты высокой рей,
 225 Ты к рею-ту к тому сьделай возьми лисёнку,
 Ты повесь возьми да всё три пётёлки:
 Шьчо перьвú-ту повесь петёлку шолковую,
 Ай другú-ту повесь петёлку варóвую,
 Ай третью ты повесь петёлку всё липову».
 230 Тут прекрасной царь Иван Микульёвиць
 Он ведь рад-то был тому, шьчо ёму царь сказал.
 Говорит ёму цариця Соломаниха:
 «Ты прекрасной мой царь Иван Микульёвиць!
 Ты сьвяжи хошь в пútани шолковья,
 235 Не оставь ты так царя да всё Соломана —
 Измудрítьце своей мудросью, он своей хитросью».
 Он связал-то тут царя Соломана,
 Замыкал-то за замочки его крепкия.
 Он стаёт в утрях, по ўтру-ту по ранному,
 240 Он ведь делаёт скоро тут высокой рей,

- К высокóму делат рéю всё он лísницю,
 Он повесил три пётёлки, вси разные:
 Он перьвú-ту всё петёлку шолкóвую,
 Он другу-ту ведь петёлку варóвую,
 245 Он третью-ту ведь петёлку он липову.
 Повели они царя, царя премудрого,
 Ай премудрого царя да всё Соломана.
 На перьвú-ту на приступочку-ступеньку приздынúлисе,
 Говорит-то тут Соломан царь премудрой-от:
 250 «Ты прекрасной ты царь Иван Микульёвич!
 Уж ты дай мне-ка взыграть-то всё во тóурей рог,
 Ты иди-ко со мной сам, веди царицю Соломаниху:
 Я потешу, поиграю, всё тебя, царя с царицою».
 На другú-ту ступеньку они вышли тут.
 255 Он зыграл опеть во дутоцьку, во турей рог,
 Он играет, сам да приговариват:
 «Я потешу-то их, всё я царя да со царицою —
 Мне векóм больше царицу не видать будёт».
 Говорит-то цариця всё царю прекрасному:
 260 «Уж ты весь скорé царя Соломана:
 Отойдёт он от тебя да своей хитросью».
 Говорит-то царь Соломан всё премудрия,
 Говорит-то всем народу, людям добрым тут:
 «Уж вы гой еси, народ, вси люди добрия!
 265 Вы которы вы умны, дак подите проць,
 Не смотрите вы царя да всё Соломана,
 Его-то ведь смерть будёт престрашная».
 Он зыграл-то в третей након да всё во турей рог.
 Тут наехала его дружиноцька хоробрая,
 270 Шьчо два того ли всё два брателка крестового,
 Два крестового два братёлка названого:
 Ишше тот ли Добрынюшка Никитиць млад,
 Ишше тот ли Алёшенька Поповиць млад.
 Говорит-то царь Соломан-свет премудрой-от:
 275 «Налетели у мя гуси со съвятой Русй,
 Со съвятой у мя Руси, съ Ерусалима, славна города,
 Шьчо клюют у мя пшеницю белоярову».
 Говорит-то царица Соломаниха:
 «Ты прекрасной мой царь Иван Микульёвич!
 280 Отойдёт ведь царь Соломан своей хитросью».
 Тут во ту ли пору, скоро во то время
 Тут два ясного два сокола пролётыват —
 Приежает два дородья добра молодца,

- Шьчо два руського могучого богатыря:
 285 Шьчо перьвой-от Добрынюшка Никитиць млад,
 Ай другой-от Олешенька Поповиць млад.
 Ай приходят они скорó к рею высокому,
 По Соломанову было тут распоряженьицю.
 Приказал-то он как им дело делать-то:
 290 «В перьву петёлку шолкóвую положьте вы,
 Шьчо положьте вы прекрасного царя Ивана Микутьёвича.
 Я за то ёго полóжу в петёлку в шолкóвую,
 Ай шьчобы пришла-то ёму скоро сьмерть —
 Он не бил меня вперед, да оставлял он всё».
 295 Ай царицю Соломаниху полóжили во петёлку,
 Ей во ту ли во петёлку варóвую.
 Ешше Ваську Торокашку — всё во липову.
 Тут ведь всех они всё злых людей приконьцили.
 Ай поехали они, скоро отправились
 300 Шьчо во тот ли они в Ерусалим-от град.
 Они стали поживать да там всё здраствовать,
 Всё по-старому они стали да жить, по-прежнему.

КОМИЧЕСКИЙ ЭПОС (№ 136—140)

№ 136

- Старина-та сказать да старика¹ связать,
 Старика, братцы, связать да со старухою,
 Ише это, бра⟨т⟩цы, чюдышко не цюдное,
 Ише ес⟨т⟩ь-то, бра⟨т⟩цы, чюдышко цюднэ того:
 5 Шьто по морю, морю да жорнова несэ⟨т⟩,
 Ише три-то снохи да жорнова делят.
 Ише это, бра⟨т⟩цы, цюдышко не цюдное,
 Ише ес⟨т⟩ь-то, бра⟨т⟩цы, цюдышко цюднэ того:
 Шьто по синёму-ту морю как овин несет,
 10 Да овин-о⟨т⟩² горит да со соломою.
 Ише это цюдо,³ бра⟨т⟩цы, нецюдное
 Ише ес⟨т⟩ь-то, бра⟨т⟩цы, цюдышко цюднэ того:
 По поднебесью-ту, бра⟨т⟩цы, как медведь летит,
 Да коротеньками⁴ ножками погудывать,
 15 Да коротеньким хвостём своим поправляивать.
 Ише это, бра⟨т⟩цы, цюдышко не цюдное:⁵
 Да свинья-та в дубу, бра⟨т⟩цы, гнездо сьвила.
 Ише это, бра⟨т⟩цы, цюдышко не цюдное,⁵
 Да гнездо-то сьвила да детей принёсла.

№ 136а

♩ = 160

1. Ста - ри - на - та ска - зать да ста - ри - ка свя - зать,

2. Ста - ри - ка - та свя - зать да со ста - ру - хо - ю.

№ 137

Сказали, братци, — по цисту́ полю карабь бежит,
 Карабельшицьки на караблики побéгают,
 Они рудьками, ножками роботають.
 Ише это, братци, цюдо — не́ цюдо,
⁵ Я видал ише цюдышко цюдне́ того:
 Сказали, братци, — по поднебезью медведь летит,
 Уж он ножками, лапками помахиват,
 Он коротеньким хвостиком поправливат.
 Ише это, братци, цюдо — не́ цюдо,
¹⁰ Я видал ише цюдышко цюдне́ того:
 Ише жонки-ти, девки бежат с ухватами,
 Ише маленьки ребята бежат с подóлами.
 Ише это, братци, цюдо — не́ цюдо.

№ 138

Как было во городи во Туеме,¹
 А как не было у их да предводителя,
 Как ни князя не было, ни княжевича,
 А князи́ли-то невестки-то, невесточки.
⁵ Как у их промеж собой да грех пошёл,
 А грех пошёл да² брань пошла:
 А они буёвыма пáлками — мутовками,
 А как вострыма ко́пьеми и ухватамы,
 А чажольыма³ палицеми — всё лопатамы.

- ¹⁰ А как кашицю они обневолили,
 Кислы⁴-ти шти да⁵ у ход пошли.
 А да промеж^у собой они росхвастались:
 А как бы этот был кисель с пресным молоком,
 А как мы бы с ним поправились, побр^атались.⁶

№ 139

- Ай как сказали,¹ братцы, сын на матушки поехал жа.
 Да как ту мать родн^у запр^ег под корень,
 А молоду жону запряг пр^исьтяжью.
 Как родну матушку посьтегиват,
⁵ Посьтегиват да понюживат,
 А молу(о)ду² жон^у свою поддяживат.
 Ай как сказали, брат(ь)ци, на синём мори овин горит да со мекиною.
 А сказали,¹ братцы, по чисту полю караб^ь бежит,
 А карабль-то — паруса вверьх^у,
¹⁰ А да сказали, братьци, он да со матросами.
 Ай как сказали, братьци, кобыла белку лаяла,
 А³ ро(с)ширя глаза, глаза выпучил.⁴
 А как сказали, братьци, на ел^и свинья гнездо съвила,
 А гнездо свила да и малых детей сь ели свела.
¹⁵ А сказали, братьци, на ели была мохавка чухариной хвос(т).
 А как, братци, по понебесью⁵ медведь летит,
 Он ножками и лапками помахиват,
 А как коротеньким своим хвостиком поправливат.

№ 140

- Это что-то было чудышко чудесное:
 По поднебесью медведь летат.
 Он широкима лапками помахивал,
 А коротеньким хвостиком поправливал.
⁵ А ишо-то было чудышко чудесное:
 По синю морю жернова несет,
 А по чисту полю караб^ь идет.

ПРИЛОЖЕНИЕ (№ 141—143)

№ 141

- Ай было во городи во Киеви,
 Ай у ласкового князя у Владимира:
 Цясто посешшал, приежал же к ёму
 Молодой боярин Дюк Степановиць,
⁵ Жил же у князя у Владимира,
 Жил на двори равню полгода.
 Придумалось Дюку Стёпановичу,
 А тому же богатою богатыни,
 Съездить ёму же всё на родину
¹⁰ Ко своей к родимой ко матушки.
 Жил он у матушки два года.
 Не беленька берёзка к земли клонитце,
 Ишше наш-от ведь Дюк, Дюк Стёпановиць
 Падал ведь матушки в резвы ноги:
¹⁵ «Ай же ты, родима моя матушка,
 Чесна вдова Омельфа Тимофеевна!
 Дай-ко-се мне благословеньиця
 Съездить же мне, богатою богатыни,
 Тому же ли Дюку Стёпановичу».
- ²⁰ Говорила ему родна матушка:
 «Бо́г благословит, цядо милоё,
 Мо́лодой боярин Дюк Стёпановиць!
 Ты у князя женись, хошь у боярина,
 У купця же женись хошь у торгового».
- ²⁵ Говорит же боярин Дюк Стёпановиць:
 «Ай же ты, родима моя матушка
 Не чесна вдова Омельфа Тимофеевна!
 Ес<т>ь у меня невеста принасмотреная,
 Ес<т>ь у меня всё повыбраная,
³⁰ Шьчо во том у мня во славном городи во Киеви,
 У ласкового князя у Владимира —
 Милая любимая племяненка,
 Душоцька Марфа, Марфа Митревна».
- ³⁵ Того же коня богатырьцького,
 Надевают ему дорогой убор
 И сядят они Дюка на добра коня,
 Резвы-ти ножки в стремена кладут,
 Провожают-то Дюка Стёпановиця.

- 40 Поеха'⟨л⟩ ли боярин Дюк Стёпановиць,
 Видели ведь молодця ведь сядучись —
 Не видели дородного поедучись,
 Тольке у Дюка курёва стоит,
 Курёва же стоит, да дым столбом валит.
- 45 ¹Ище матушка сыру землю потребало,¹
 Быстрыя рецьки сколыхалисе,
 Синее море сколыбалосе,
 Леса-ти дремучи щевелилисе.
 Ай во ту же-то было ночку тёмную,
- 50 Марфушки-то чудной сон привидялос:
 Находит туця, туця грозная
 С ту ли со встоцьную стороноцьку,
 Надошла эта туця, туця тёмная
 На тот ли дворець она князёвой.
- 55 Тёмная-та туця россыпаласе:
 Выпали ис туци ветры буйныя,
 Выпали ис туци дожи частыя,
 Розогрело, распекло же красно солнышко.
 Марфушка скоро пробужаитце,
- 60 Горюцима слезами уливаитце.
 И приходит к ей дядюшко родимой-от,
 Ласковой Владимир стольнё-киевской,
 И скоро отпирал двери на пята.
 Сидит она на стули рыта бархата,
- 65 Горюцима слезами уливаитце.
 Входит Опракся-королевисьня,
 Увидела Марфу-ту Митревну...²
 Как приходит к ей Опракся-королевисьня,
 Как приходит к ей, ко Марфы, Марфы Митрѣвны,
- 70 Говорит же она скоро таковы реци:
 «Шьчо ты, душоцька же Марфа, Марфа Митрѣвна,
 Приуплаканы у тибя всё очи ясныя?»
 Говорит же её дядюшка родимой-от,
 Как родимой её дядюшка любимой-от,
- 75 Ишше ласковой Владимир стольнё-киевской:
 «Ты скажи-ко, скажи, Марфа, сушшу правду мне,
 Уж ты цем же, Марфушка, нездорова ты?» —
 «Уж ты гой еси, дядюшка родимой мой,
 Ты родимой мой дядюшка, любимой мой,
- 80 Ишше ласковой Владимир стольнё-киевской!
 Как здоровьице у мя оно по-старому,
 Все по-старому здоровьице, по-прежнему.

- Тольке видяла я ведь, дядюшка, всё цюдной сон,
Ишше цюдной сон я видяла, ведь дивной он:
- 85 Надошло-то бутто туця, туця грозная
Как со ту ли со востоцьною стороноцьку:
Россыпалась, росходилась туця грозная
Шьчо над нашим над дворьцом да княженеським».
- Ише князь сидит Владимир призадумалсэ,
90 Он повесил буйну голову
Со своих же он повесил с могуцїх плейей,
Прокатилисе из глаз да горюцї слёзы:
«Уж ты душоцька ты Марфа, Марфа Митрѣвна,
Ты любима же моя да ты племянѣнка!
- 95 Как какой же приѣдет неприятель к нам,
Приведѣт у нас в победу красѣн Киев град,
Розорит меня, князя, со кнегиною».
- Опраксея-то стоит да умылѣитце:
«Не тужи-ко-се, моѣ ты красно солнышко,
100 Ишше ласковой Владимир князь да стольне-киевской,
Этот сон-от перед Марфушкой самой передвядялсэ:
Как приедѣт на ей да жених свататце,
Как приедѣт на ей со съвятой Руси:
Ише буйны-ти ветры — он ведь сам на двор,
- 105 Ише цясты-ти дѣжжи — твои слёзы есь,
Красным сонцѣм обогрело — тибѣ к радосьти,
Как обрадуѣт тибя да большой радосью.
Ишше где-то ес(т)ь у нас богатая богатына,
Молодой же ведь боярин Дюк Стѣпановиць!
- 110 Не бывал же он у нас равнѣ два года,
Не писал же он нам да скорой грамотки».
- Не успѣли же они да слова вымолвить,
Слово вымолвить они да реци выполнить —
Ишше едѣт же богатырь-от скорѣм гонцѣм,
- 115 Тут бежит скоро Олѣшенька ведь с вестоцькой:
«Уж ты зѣй еси, ты красно наше солнышко!
Как приехал к нам да ишше гос(т)ь на двор,
Шьчо незваной-от у нас да нежданой-от,
Как из той ли из Иньдии богатыя,
- 120 Молодой же боярин Дюк Стѣпановиць».
- Недосуг же тут Владимиру россиживать,
Недосуг-то ёму долго розговор весьти.
Он ведь скоро-то (в)стрецял ведь Дюка Стѣпановиця,
Он берѣт его за рученьку за правую,
- 125 Он ведѣт ёго в полаты княженеськия,

- Шьчо во те ли во гридьны столовые.
 Говорит же ишше молодой боярин-от,
 Ишше тот ли у нас да Дюк Стёпановиць:
 «Не сажусь-то я к тебе, да всё Владимир-князь,
 130 Ты ведь дашь токо³ подарок дорогой ведь свой,
 Тогда сяду я к тебе на стул же твой,
 Я на стул же сяду твой да рыта бархата,
 Ты отдашь токо любимую племянёнку,
 Ты отдашь-то токо Марфу, Марфу Митрѣвну,
 135 Ты отдашь же токо Марфу за миня замуж».
 Говорил-то тут ведь красно нашо солнышко,
 Ишше ласковой Владимир стольнѣ-киевской:
 «Ты бери-ко, бери, Дюк да Дюк Стёпановиць,
 Ты бери-ко у мня Марфу с цесьти, с радосьти».
 140 Шьчо приходит к ею дядюшка родимой-от,
 Ишше ласковой Владимир стольнѣ-киевской:
 «Уж ты душоцька моя да Марфа Митрѣвна!
 Ты поди-ко-се, поди да ты в замужество,
 За молодого-то всё поди боярина,
 145 За того ли поди Дюка за Стёпановиця».
 Стала Марфушка ему да поклониласе:
 «Как спасибо тебе, дяденька родимой мой,
 Уж ты ласковой Владимир стольнѣ-киевской!
 Ты умел же меня, дядюшка, спойть, скорьмить»,
 150 Ты умел же меня, дядюшка, замуж выдать-то
 Шьчо без драки же миня без кроволитною,
 На съвяту-ту миня Русь — не за тотарина».
 Уредили Марфу скоро в дорогó платьѣ,
 В дорого-то платьѣ ей, да платьѣ цъветной:
 155 Как ценить-то будѣт платьѣ — не обценить будѣт.
 Как повёл же ей ведь дяденька родимой-от,
 Как за ту же брал за рученьку за правую,
 Как привёл-то он ведь к Дюку Стёпановицю:
 «Уж ты гой еси, боярин Дюк Стёпановиць!
 160 Ты бери-ко, бери Марфу с цесьти, с радосьти».
 Подавал-то скоро Дюк да Дюк Стёпановиць
 Обруцьяльнѣй он перьстень-от со ставкой драгоценною:
 Как достат-то этот перьстень издалёка был,
 Со того ли был со острова Буянова,
 165 Подареньицѣ ведь было короля-та всё,
 Как того ли короля да всё ѣрманьского,
 Подарѣно было матушки родимую,
 Как цесною вдовы Омельфы Тимофеёвны.

- Приходили мудреци, люди премудрыя,
 170 Не могли-то обценить — как цены не было.
 Как ведь стали они скоро отправлятися
 Шьчо во ту ли ведь во Индею боґатую.
 Провожал-то ей брателко крестовой-от,
 Шьчо крестовой-от брателко, названой-от,
 175 Ишше тот же Добрынюшка Никитиць млад,
 Провожал-то ей ведь старая стареньшина,
 Ишше тот ли ей Илья да Илья Мурамець,
 Илья Мурамець да всё Ивановиць.
 Шо завидели-то Индею боґатую:
 180 Ишше крыши-ти у их да как огонь горят,
 Как у Дюка-та ведь крыша была красна золота,
 Кругом дому-ту текла река медо́вая,
 Как бежала-то ведь тут да золота руда.
 У их вёлсэ-то тут всё пир навесели,
 185 Они пили, проклаждались трои сутоцьки.
 Позабыла наша Марфа, Марфа Митревна,
 Позабыла же она да красен Киев-град,
 Позабыла же ведь дядюшку любимого,
 Ишше ласкового князя всё Владимира,
 190 Позабыла свою тётеньку любимую,
 Ишше ту ли Опраксею-королевисьню,
 Позабыла всех своих крестовых братьицей.
 Хорошо же ей житьё да прилюбилосе:
 Ишше много-то у Дюка злата, сёребра,
 195 Ишше много-то у Дюка платья цвьетного,
 Ишше много-то у Дюка нянюшок-то, мамушок,
 Ишше больше же того да сенных деушок.
 Как пошла-то ихна жись очунь счастливая.

№ 141а

♩ = 86

1. Ай бы - ло во го - ро - де во Ки - е - ве

2. Ай у лас - ко - ва кня - зя у Вла - ди - ме - ра:

3. А и час - то по - се - шал, про - ез - жал же ке - му

4. Мо - ло - дой бо - я - рин Дюк Сте - па - но - виць.

< 5. Жил же у кня - зя у Вла - ди - ме - ра,

6. Жил на дво - ри рав - но пол - го - да. >

< 30. Шьчо во том у мя во слав - ном го - ро - ди во Ки - е - ви... >

< 68. Как при - хо - дит к ей О - прак - се - я - ко - ро - ле - вись - ня,

69. Как при - хо - дит к ей, ко Мар - фы, Мар - фы Мит - рёв - ны.

70. Го - во - рит же о - на ско - ро та - ко - вы ре - ци:

71. "Шьчо ты, ду - шочь - ка же Мар-фа, Мар - фа Мит - рёв - на,

72. При - у - пла - ка - ны у ти - бя всё о - чи яс - ны - я?"

73. Го - во - рит же е - ё дя - дюш - ка ро - ди - мой - от... >

< 90. Он по - ве - сил буй - ну го - ло - ву... >

№ 142

На роду Козарушка попортили:

Отец с маминькой Козарушка не злѳубили,

Отвезли оне Козарушка ко бабушки,

Ко той ли ко бабушки-задворѳенки.

⁵ Не велели корьмить хлебом кропишьцятым,

Не велели поить водой медовой,

⟨○⟩ не велели кормить хлебом ржаницьцятым,

⟨○⟩ не велели поить водой со ржавциной.

Их бабушка тут да не послушала,

¹⁰ Ише стала корьмить хлебом круписьцятым,

Що стала поить водой медовою.

Ише стал у ей Козарушка пети годов,

Ише стал-то Козарушка на улоцьку похаживать,

Со малыма ребяткамы поигрывать.

¹⁵ Що стали ребетюшки подразьнивать,

Що стали Козарушка дразнить да цѳюжим выблядком.

Що тут Козарушку да за бѳеду палѳ,

За бѳеду палѳ да за великую,

За досадушку палѳ не за малую.

- 20 Он приходит-то к бабушки к задворёнки:
 «Ох ты гой еси, бабушка-задворёнка!
 Я спрошу тебя, бабушка-задворёнка,
 Есть ли у меня на роду да родной батюшко,
 У меня ес⟨ть⟩ ли на роду да родна матушка?» —
- 25 «Ой гой еси, дитятко Козарушко,
 У тя ес⟨т⟩ь на роду да родной батюшко,
 У тя ес⟨т⟩ь на роду родна матушка:
 Ты отьця Петра да Коромыслова,
 Уж ты матери Опраксеи-королевисьни».
- 30 Как пошёл-то дитятко на улоцьку да во второй након,
 Опеть с робятками поигрывать.
 Стали ёго ребятушка подразньивать,
 Ише стали звать ёго да щюжим выблядком.
 Он которого хватит за руку — выдернёт,
- 35 Он которого трехнёт — да из плечь шею выставит.
 Приходит-то Козарушко ко бабушки:
 «Спеки ты, бабушка, да подорожницьков,
 Я пойду-ка искать отьця с матушкой». —
 «Ох ты гой еси, дитятко Козарушко,
- 40 Ты пойдёшь искать-то отця с матушкой —
 Не найти тебе родного отьця с матушкой:
 Ес⟨т⟩ь да три заставушки великия —
 Перьва-то застава — да река огняна,
 Ото востоку стоит река да запада,
- 45 Ото востоку стоит река до запада.
 Втора-то заставушка — горы вьсоки,
 Втора-то заставушка — горы вьсоки,
 От земли-то стоят оне дó неба.
 Третья-то заставушка — да лесы тёмныя,
- 50 Третья-то заставушка — да лесы тёмныя,
 От земли стоят влоть дó неба».¹

№ 143

На роду Козарушка попортили:
 Отець с матерью Козарушка не возлюбилы,
 Отвезли Козарушка к бабушки-задворенки:
 «Уж ты ой еси, бабушка-задворенка,
 5 Уж ты пой-ко, корми хлебём ржаницатым,
 А и пой Козарушка водой со ржавчиной».
 Тут не слушала бабушка-задворенка,

- Она кормила Козарушка хлебом крупицатым,
А кормила Козарушка водой медовою.
- ¹⁰ Тут запобегивал Козарушко на улочку,
Ён поигрывал с ребятами,
Стал шуточки-ти шутить не малые,
Он не малые — великие,
Какого парня схватит за руку — рука прочь,
- ¹⁵ А какого схватит за ногу — нога пырочь,
Какого схватит за голову — и голова прочь,
Посередки схватит — так живота лишит.
Заходили тут к бабушке-задворенке:
«Уж ты ой еси, бабушка-задворенка,
- ²⁰ Не спускай Козарушка на улочку,
Он шутит-то шуточки да не малые:
Какóго пареня схватит за руку — рука п(ы)рочь,
Кого схватит за ногу — и нога п(ы)рочь,
Какого схватит за голову — голова п(ы)рочь,
- ²⁵ А посередки схватит — так живота лишит».
- (Она ли вся, она ли была така коротка, не знай.)*

КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТАМ БЫЛИН

(№ 1—143)

В комментариях все сюжетные группы старин включают преамбулы, содержащие сведения о месте записи¹ бытования сюжета, характеристику редакций, версий и вариантов.

Каждая запись содержит ссылку на источник публикации или архив, в котором хранится полевая запись; название, под которым она записана или впервые опубликована; основные паспортные данные (собираатель, дата и место записи, сведения об исполнителе), а также дополнительные (от кого был усвоен данный текст, особенности его полевой фиксации и др.). Если текст публикуется по машинописи, это отмечено в скобках.

Каждая запись сопровождается текстологическими примечаниями, включая примечания собирателей, которые выделены квадратными скобками. Звездочками отделены сюжетные комментарии, характеризующие особенности данного варианта. Фрагменты цитируемых текстов выделены курсивом.

ВОЛХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ (№ 1)

Эта редкая былина — одна из самых древних в русском эпосе. Единичные ее варианты записаны в большинстве севернорусских регионов, однако значительная часть текстов восходит не к устным, а к печатным первоисточникам. С книгой связаны и обе золотицкие былины, записанные на Зимнем берегу от Аграфены и Марфы Крюковых.

№ 1

РО РГБ, ф. 160, п. 9, ед. хр. 1, л. 42 об.—48. Оpubл.: ББ, № 51 «Волх Святославьевич (Все-славьевич)»; БСДС, № 51.

Зап. А. В. Марковым 29 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

В ББ перед текстом примечание собирателя: «⟨Переняла⟩ от покрученников, приходивших в Золотицу с Мезенского берега».

Номера строк в п. з. проставлены чернилами.

¹ По административному делению деревни Нижняя и Верхняя Золотица до 1929 г. относились к Золотицкой волости Архангельского уезда Архангельской губернии, в 1929—1936 гг. — к Приморскому району Северного края, после 1936 г. — к Приморскому району Архангельской области. В паспорте записи во избежание повторов фиксируется только название населенного пункта.

Примечания: ¹ Далее в п. з. зачеркнуто как в. ² В п. з. чернилами исправлено из *полосы*. ³ Далее в п. з. три строки перечеркнуты чернилами; в ББ отсутствуют строки: *Ай не пелёнай ты миня, матушка родимая, // Ты во ти ли пелёны миня шолкóвые, // Шьчо во ти ли во пояса все золочоныя*. ⁴ Далее в п. з. зачеркнуто *злоторогиим*. ⁵ В п. з. зачеркнуто *все*, сверху написано *стал*. ⁶ Далее в п. з. следует строка 74, здесь печатается согласно исправленной в п. з. нумерации строк. ⁷ Под строкой зачеркнуто чернилами (*или сто? пудов*), далее примечание собирателя: «ср. ст. 16». ⁸ В п. з. исправлено из *палиця тяжола*. ⁹⁻⁹ Тут *ведь* зачеркнуто карандашом, сверху вставлено *ведь*. ¹⁰⁻¹⁰ В п. з. слова вставлены сверху. ¹¹ Перед *под* в п. з. зачеркнуто *во*. ¹² Далее в п. з. зачеркнуто *то*, в *злоторогиим* вставлено *и*. ¹³ В п. з. слово вставлено сверху. ¹⁴ В п. з. в начале стиха зачеркнуто *Тут*. ¹⁵ Далее в п. з. зачеркнуто *то*. ¹⁶ В п. з. исправлено из *у их*. ¹⁷ В п. з. чернилами исправлено из *туту*, внизу приписка (*член при местоимении!*). ¹⁸ Далее в п. з. зачеркнуто *ведь*. ¹⁹ В п. з. слово вставлено сверху. ²⁰⁻²⁰ Далее в п. з. вставлено сверху и зачеркнуто *то*. ²¹⁻²¹ Далее в п. з. *маленьким все мурашочиком*. [Во второй раз певича пропела: *Овернулсэ-то он маленьким всё мурашочиком*. — ББ, с. 260]. ²² В п. з. зачеркнуто *у*, исправлено на *ю*. ²³ Далее в п. з. зачеркнуто *да*.

* * *

Вариант А. Крюковой восходит к тексту из сборника Кириши Данилова (№ 6), который был перепечатан в хрестоматии А. Оксенова «Народная поэзия» (Оксенов, с. 7). Исполнительница ввела в него ряд необязательных повторов и несущественных дополнений (ст. 16, 22—27, 41, 44—45, 161, 176—179 и др.). В начале произведения дана краткая характеристика отцу героя, отсутствующая в уральском сборнике. Волх собирает *силушку с трех земель, с трех городов*; прибыв в *город Индейский*, его дружинники *остоялись во темных лесах*. Изменены некоторые эпические числа, а также отчество главного героя — *Святославъевич* вместо *Всеславъевича* (видимо, под влиянием былины «Вольга и Микула» кижского сказителя Т. Рябинина, известной в семье Крюковых). Некоторые новации сказительницы не поддаются логическому осмыслению (*разошлись турки, олени по темным лесам*; в оригинале — *туры да олени за горы пошли*; *Волх овернулсэ волком серым-то, (<...> оленем злоторогиим* и начал *имать соболей, куниц и лисиц*). Не вписываются в рамки фольклорной традиции и некоторые вычурные словосочетания (*принадлежность богатырская, зело вострб копыё, ко военным славным оружиям, отыскал в стены место пблого*).

СВЯТОГОР И ИЛЬЯ МУРОМЕЦ (№ 2)

Почти все известные варианты сюжета зафиксированы в прозаическом виде. Как правило, все переказы сюжета включают две центральные сцены — встреча Святогора с Ильей Муромцем и примерка гроба Святогором. В разных традициях варианты отличаются некоторыми деталями и мелкими подробностями, которые ввел сказитель в текст.

О Святогоре в эпосе сохранилось два сюжета о гибели богатыря, часто в прозаических пересказах. Согласно первому сюжету, Святогор едет по *чисту полю*, ищет применения своей неземной силе. Он хочет найти земную тягу или кольцо, схватившись за которое можно было бы перевернуть землю. Такой поединок близок к мотиву вызова на бой небесной силы богатырями в былине «Камское побоище». Земля принимает вызов, но Святогор видит перед собой не кольцо или тягу, а маленькую *сумочку переметную*, в которой заключена сила земли. Иногда эту сумочку кладет на землю таинственный старец, проезжий добрый молодец или Микула Селянникович. Святогор поднять ее не может. Он по колена уходит в землю, кровь вместо пота течет по его лицу. Тут же или в горах богатырь умирает.

Согласно второму сюжету, Святогор встречается в поле с Ильей Муромцем и, посчитав удары его палицы за комариные укусы, сажает Илью с конем в карман. Святогор конь не может нести двух бога-

тырей, и Святогор, вытащив Илью, братается с ним. Вдвоем они едут в горы (Араратские, на Елеонскую), где видят гроб. Илье он велик, а Святогор, примерив его себе, остается в гробу навсегда.

«Былины о Святогоре могли сложиться в пору хождений, паломничества к святым местам и отразить русские раннехристианские переживания» (Новичкова, с. 347—348).

№ 2

ББ, № 66; БСДС, № 66.

Зап. А. В. Марковым 29 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 77 лет.

Перед текстом примечания собирателя: «Слышал в с. Койде, лет 60 тому назад» и далее: «Почти дословная передача рассказа Крюкова, который говорил, что в Койде о Святогоре *пели* длинную старину; но в его памяти уцелел лишь этот эпизод».

* * *

Краткий пересказ центрального эпизода былины о смерти Святогора, записанный от Г. Л. Крюкова, содержит стандартные детали и подробности, зафиксированные собирателями в разных районах Русского Севера. Подобный эпизод присутствует в кулойском прозаическом пересказе былины (СБ 6, № 1), с той лишь разницей, что Илья «не примеряет» гроб на себя. Эта деталь есть в мезенском прозаическом пересказе былины (СБ 3, № 5).

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ЗМЕЙ (№ 3—6)

Бытование эпических песен о Добрыне-змееборце зафиксировано собирателями в разных областях России — от Западного Поморья до Алтая и Восточной Сибири. Региональные редакции сюжета отличаются наличием ряда оригинальных деталей и формул, присущих записям из того или иного ареала. На Зимнем берегу записано 6 вариантов былины, два из них исполнил Г. Крюков, причем повторная запись существенно отличается от первоначальной, а М. Крюкова разделила классическую двухчастную старину на два самостоятельных произведения; оба они восходят к печатным источникам. В золотицких текстах эпическим противником Добрыни является *змея поганая*, а не Змей; богатырь сталкивается с ней, вызвавшись привезти для князя Владимира и княгини Апраксии *свежей ключевой воды* из Пучай-реки. Не исключено, что этот мотив навеян волшебными сказками, поскольку княжеская чета надеется омолодиться, умывшись чудодейственной водой. Похищение змеей княжеской племянницы присутствует не во всех вариантах, а популярное в других регионах ее имя *Завава Пуцятична* встречается только в былинах Аграфены и Марфы Крюковых, которые испытали влияние книжных прототекстов. Влияние печатных источников просматривается и в некоторых эпизодах повторной записи от Г. Крюкова, что не свойственно этому сказителю. Некоторые золотицкие певцы соединяли данную былинку с другими эпическими песнями.

№ 3

РО РГБ, ф. 160, п. 9, ед. хр. 3, л. 27 об.—34. Опубл.: ББ, № 73 «Добрыня и Змея»; БСДС, № 73.

Зап. А. В. Марковым 22 августа 1898 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 77 лет.

В ББ перед текстом примечание собирателя: «Напечатана в ИОРЯС. Т 4, кн. 2. С. 682».

Нумерация строк в п. з. отсутствует.

Примечания: ¹В п. з. слово пропущено; в ББ восстановлено. ²В п. з. слово вставлено сверху. ³В п. з. *ручками*, ч зачеркнуто чернилами. ⁴⁻⁴В п. з. строка находится дважды — ошибочно после ст. 39, чернилами заключена в скобки. ⁵Далее в п. з. зачеркнуто *и*. ⁶В п. з. в начале стиха зачеркнуто *А как*. ⁷В п. з. чернилами исправлено из *Амельфа*. ⁸Далее в п. з. зачеркнуто *да*. ⁹В п. з. чернилами *и* исправлено на *е*. ¹⁰⁻¹⁰В п. з. строка написана в три строки с исправлениями. Приводится согласно исправленному варианту. ¹¹В п. з. в начале стиха зачеркнуто *А*. ¹²⁻¹²В п. з. исправлено из *все*. ¹³⁻¹³В п. з. строка вписана между строк. Следующие две строки приписаны в нижнем поле, здесь помещены согласно порядку строк в ББ. ¹⁴⁻¹⁴В п. з. слова вставлены сверху, далее зачеркнуто *он*. ¹⁵В п. з. исправлено из *ключевую*. ¹⁶В п. з. слово вставлено сверху. ¹⁷В п. з. слово вставлено сверху. ¹⁸В п. з. исправлено из *волхвовали*. ¹⁹⁻¹⁹В п. з. строка приписана на нижнем поле, здесь помещена согласно порядку строк в ББ. ²⁰⁻²⁰В п. з. исправлено из *же мне*. ²¹[Здесь певец замылся и не докончил стиха — ББ, с. 377]. ²²В п. з. исправлено из *стречала*. ²³В п. з. слово вставлено сверху. ²⁴⁻²⁴В п. з. слова вставлены сверху. ²⁵[Т. е. не поверил змеиным словам (?). У Кир. V, 97 *не побаровал* объяснено: не обратил внимания, не внял. Ср. там же, I, 81, ст. 151 *не веруёт* — ББ, с. 379]. ²⁶В п. з. исправлено из *змеи*.

* * *

Первая по времени запись этой старины от Г. Крюкова — лучший золотицкий вариант сюжета. Он безупречно структурирован, богат чеканными эпическими формулами и оригинальными словосочетаниями, в том числе построенными на метафорических образах. *Добрыня нахмурил чёрну шляпу на ясны очи; Самому мне доброму молодцу во хмелю-то захлыснуло; А как мастёр был Добрынюшка нырком ходить, / Как горазд-то был Микитич всё поныривать; А да назади лиха тебе не делала, / Иише впредь тебе лиха не сделаю; Вспорхнула змея со сырой земли; А как чуть-то в ей душа полуднуёт* (то же в былине Ф. Пономарева «Михайло Потык» — № 69); см. также ст. 71—81, 114—138, 229—237 и др. Текст богат нестандартными элементами содержательного характера. Князь Владимир хочет, чтобы кто-то из богатырей съездил на Пучай-реку за *свежей-то водой ключевою*, умывшись которой он с княгиней сможет *помолодиться*. Когда это обещает сделать Добрыня, князь велит писать *записи великия*, {...} *чтобы завтра Добрыня не попетилсе* (то же в старине Ф. Пономарева — № 69). После похищения змеей княжеской племянницы киевляне *ходят в платье черном, во печальнём же* (аналогичная деталь есть в тексте А. Крюковой — № 4). Сказитель уподоблял змею человеку: она живет в *высоком тереме*, который Добрыня сжигает в финале былины. Из-за явного пропуска нескольких стихов неясно, почему змея говорит: *«Как волхвы-ти волхвали — проволхвалисе»*; при повторной записи сказитель дополнил эту фразу, касающуюся предсказания гибели змеи от руки Добрыни (№ 5).

№ 4

РО РГБ, ф. 160, п. 9, ед. хр. 2, л. 4 об.—8. Оpubл.: ББ, № 5 «Добрыня и змея»; БСДС, № 5.

Зап. А. В. Марковым, 17 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Перед текстом примечание исполнительницы: «〈Переняла〉 у матери покойной, тому назад годов шесть умершей». Там же примечание собирателя: «протяжно».

Номера строк в п. з. проставлены чернилами.

Примечания: ¹В п. з. слово вставлено сверху. ²В п. з. поверх слова чернилами знак вопроса. ³В п. з. зачеркнуто *то*, далее в этом стихе оно вставлено сверху. ⁴[Вм. *задушу* — ББ, с. 61]. ⁵В п. з. исправлено

из 'на. ⁶В п. з. снизу чернилами зачеркнуто *побрасывать*. ⁷В п. з. слово вставлено снизу. ⁸В п. з. далее зачеркнуто карандашом *мне*. ⁹В п. з. слово вставлено сверху. ¹⁰В п. з. слово вставлено сверху. ¹¹[*Может быть, описка, вм. дворян?*].

* * *

Вариант А. Крюковой относится к редакции сюжета, распространенной на Терском берегу Белого моря, откуда сказительница родом. В нем содержатся типичные для этого района мотивы и детали. Добрыня нарушает материнский наказ не заплывать на Пучай-реке за третью струю; летящая змея, как и в ряде прионежских вариантов, ассоциируется с грозой; герой укрощает ее с помощью *плёточки шолковой*, забравшись на *серой горюць камешок*. Место князя Владимира в былине Крюковой занял *православной царь да Петр-от Первой жо, родной дядюшка Добрыни*; в одном из фрагментов он назван также *аньператором*. Отдельные детали певича позаимствовала из былин сказителей Зимнего берега, куда она вышла замуж. Петр Первый поручает богатырю *привезти-то с Почай-реки свежей воды* (...) *да всё ключёвою*, чтобы он с женой Катериной мог ею *помолодиться*; после похищения змеей царской племянницы киевляне ходят в траурном платье (ср. с одним из вариантов Г. Крюкова — № 11). Как и другие члены семьи Крюковых, Аграфена Матвеевна назвала коня Добрыни *Воронюшкой*. Некоторые не характерные для архангельско-беломорских записей былины элементы связаны с книгой. Это — имя царской племянницы *Забавы дочь Пуятисья*; жалоба Добрыни на свою участь, в частности его пожелание родиться деревом, под которым съезжались бы русские богатыри (этот уникальный мотив восходит к семейной традиции прионежских сказителей Рябининых). Показательно включение в традиционную эпическую формулу местных реалий: *ишше мастёр был Добрынюшка нырком ходить*, (...) *да по-сёмужью*.

№ 5

РО РГБ, ф. 160, п. 3, ед. хр. 15, л. 16 об.—26 об. Оpubл.: БСДС, № 135 «[Добрыня и Змея]. Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича».

Зап. Б. А. Богословским летом 1901 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 1822 г. р.

Нумерация строк в п. з. отсутствует.

Примечания: ¹В п. з. исправлено из *цисто*. ²В п. з. *тут валил*. Публикуем по аналогии со следующими стихами. ³В п. з. *отвалил-от*. ⁴В п. з. чернилами исправлено из *мина*. ⁵В п. з. исправлено из *чъветноё*. ⁶В п. з. исправлено из *не*. ⁷В п. з. в начале стиха зачеркнуто *как*. ⁸⁻⁸В п. з. исправлено из *ускакал*. ⁹В п. з. *руськи*, под строкой карандашом обведено в овал *рущейки*. ¹⁰В п. з. около слова знак вопроса. ¹¹В п. з. слово вставлено сверху. ¹²В п. з. далее зачеркнуто *ведь*. ¹³В п. з. слово вставлено сверху.

* * *

Повторная запись этой былины сделана Б. А. Богословским через 3 года после первоначальной (ср. № 3). В отличие от двух других случаев дублирования эпических песен Г. Крюкова («Михайло Данилович» — № 114 и «Василий Игнатъевич и Батыга» — № 117), более поздний текст существенно отличается от того, что зафиксировал А. В. Марков. Безупречный вариант старины о Добрыне-змеборце Г. Крюков заменил на рыхлое по композиции, не всегда логичное по содержанию и традиционное по оформлению произведение, к тому же представляющее собой ничем не мотивированную контаминацию сюжетов «Добрыня и Змей» и «Добрыня и Алёша». Сказитель путал или отождествлял разные географические реалии (*Святую землю и прокляту Литву поганую, Дунай-реку и Почай-реку* — см. ст. 8—9, 19—21). Доб-

рыня выезжает во чисто полё подалече без какой-либо конкретной цели, князь Владимир и его племянница в тексте не упоминаются. Змею богатырь одолевает, ударив ее серым камешком, от нее получает цветное платье, оружие и коня *Воронюшка*. Видимо, сказитель воспринимал это слово как нарицательное обозначение масти животного, а не имя собственное. Из первого варианта Г. Крюков использовал лишь несколько небольших по объему формул и точнее воспроизвел монолог змеи об ошибочном предсказании ее гибели (ст. 39—48). Во втором сюжете некоторые ключевые эпизоды, видимо, связаны с книгой. Сам Г. Крюков был неграмотным, но усвоить эти элементы он мог при посредничестве грамотных членов семьи, эпическое знание которых во многом было predetermined печатными источниками. В данном тексте не имеет параллелей в местной традиции способ получения Добрыней сведений о том, что его жена *идёт в замужество* (богатырь просыпается от того, что его конь бьет копытом во сыру землю, будит хозяина и сообщает ему о готовящейся в Киеве свадьбе). Эти подробности характерны для пудожских модификаций сюжета. Переодетый каликой Добрыня сообщает не узнавшей его матери о том, что он *вчорашинёго дни* разъехался с ее сыном; данный мотив типичен для записей этой былины, сделанных в Кижях. Конфликт Добрыни с Алёшей Поповичем в финале произведения и язвительная реплика Ильи Муромца в адрес Алеши: «*Да как я был не тебе чёта, не тебе равна, // А сидел-то у меня Добрыня на белых грудях...*» встречается в текстах ряда мезенских сказителей (СБ 4, № 34, 58 и др.). Узнавание Добрыни по игре на гусях на свадебном пиру обычно для многих архангельско-беломорских записей былины, но в тексте Г. Крюкова в этом даже нет необходимости, поскольку переодетый каликой богатырь открыто обвиняет свою жену в том, что она не исполнила его *наказаньця*. Формула *Здорово ты, Олёшенька, женился, — тебе не с ким спать!* типична для северо-восточных регионов России.

№ 6

ММБ-1, № 12 «Добрыня и Змея. Неудавшаяся женитьба Алеши»; БСДС, № 151.

Зап. А. В. Марковым летом 1901 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Федора Тимофеевича Пономарева, 70—71 г.

* * *

Этот текст — самая сложная по структуре эпическая песня в репертуаре Ф. Т. Пономарева. Она насыщена редкими и художественно выразительными стереотипными элементами (развернутые описания пира у князя Владимира и поездки по чистому полю в ст. 1—21 и 137—144 с использованием ряда типичных для местной традиции словосочетаний; постоянных эпитетов и формул: *думные бóяра; змея-безбожница; На речах у мяя, Добрынюшка, ты зашибчивой, // На делах ты, Добрыня, неуступчивой; Показалосе Добрынюшки — струя мелка <...> да как вода легка; лепета-та в лицу переменяласе; да одва у ей душа в тели полуднуёт; повымерли де богатыри, поскимились; Ты здраво жо женилсэ — тебе будё не с ким спать!* Уникально описание места калического на княжеском пиру — переодетый паломником Добрыня *становитце во место-то во калическо, <...> к приступки ко придворныя* (видимо, имеется в виду вход из сеней в хозяйственный двор). Сказитель включил в свое произведение несколько оригинальных элементов. Согласившись выполнить поручение князя Владимира, богатырь вместе с ним оформляет *записи великия*, закрепляющие этот договор. Уезжая на Пучай-реку на двенадцать лет, он велит матери и жене по истечении этого срока печь *поминки вековесьния*; мать отговаривает его от поездки, ссылаясь на то, что в это опасное место не смел ездить даже его покойный отец. Несомненные стилистические достоинства старины Пономарева причудливо сочетаются с ее композиционными и содержательными недочетами. Необычен наказ героя Настасье в случае его долгого отсутствия выходить замуж за Алешу Поповича. Два сюжета о Добрыне соединены механически; во второй части произведения сказитель не упомянул ни добы-

тую для князя ключевую воду, ни освобожденную Добрыней его племянницу. Не изображено и ее похищение — богатырь услышал плач девушки, позаимствованный из былины о Козарине и его сестре (ст. 203—217). Переодетый каликой Добрыня заявляет матери о смерти ее сына, чего нет ни в одном другом варианте этой старины; иногда эту весть приносят Алеша Попович или князь Владимир. Выразителен пронизанный лиризмом заключительный монолог Катерины, жены героя: *Да не грело красно солнышко двенадцать лет, // Да тепере праведимо высоко взошло...* (ст. 362—365).

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ (№ 7)

Несмотря на сравнительно небольшое количество записей, этот сюжет зафиксирован собирателями в разных регионах — от Прионежья и Печоры до Поволжья и Алтая. Сюжетная схема былины стабильна, расхождения касаются состава русского посольства в иноземное царство и роли его участников.

№ 7

РО РГБ, ф. 160, п. 9, ед. хр. 6, л. 1—5 об. «Батый», «Дунай (Василий Казимирович)». Опубл.: БСДС, № 138.

Зап. Б. А. Богословским летом 1901 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 1822 г. р.

В п. з. перед текстом примечание собирателя чернилами: «Мезенская старина». Номера строк в п. з. проставлены карандашом позднее.

Примечания: ¹В п. з. слово вставлено сверху. ²В п. з. *пейду* (вероятно, описка). ³В п. з. *красных* (вероятно, недослышано). ⁴В п. з. слово вставлено сверху. ⁵⁻⁵В п. з. карандашом исправлено из *Набрали*. ⁶В п. з. карандашом исправлено из *Они*. ⁷В п. з. слово вставлено сверху. ⁸Так в п. з. (возможно, описка). ⁹В п. з. над словом между *а* и *т* карандашом вставлено (*л*). ¹⁰⁻¹⁰В п. з. слова вставлены сверху. ¹¹В п. з. исправлено из *А да ли*. ¹²В п. з. далее короткое слово карандашом (нрзб) предположительно *твоей*. ¹³⁻¹³В п. з. *старого*, ниже пояснение чернилами (*старой год?*). ¹⁴В п. з. чернилами исправлено из *чисто*. ¹⁵В п. з. слово вставлено сверху. ¹⁶В п. з. исправлено из *чисто*. ¹⁷В п. з. красным карандашом исправлено из *Батырина*. ¹⁸В п. з. далее *в* зачеркнуто чернилами. ¹⁹В п. з. далее зачеркнуто *ти*. ²⁰В п. з. чернилами исправлено из *их*.

* * *

Г. Крюков — единственный золотицкий сказитель, от которого записана эта сравнительно редкая былина. Он не во всем следовал традиции. Русское посольство к царю Батыю / Батырину возглавляет не Василий Казимирович, а Дунай; его сопровождает не только Добрыня Никитич, но и Михайлушко Игнатъевич — главный герой старины «Михайло Данилович», которая входила в репертуар Крюкова (см. № 114). Князь Владимир не ищет добровольцев для этой поездки, как в других записях былины, а сам назначает Дуная главой посольства. Киевские богатыри сразу отказываются везти *в прокляту Литву* {...} *пошлины* {...} *за три годика, удалых добрых молодцов, красных девушек*, а намереваются вражеского царя сделать данником князя Владимира. В тексте опущены традиционные состязания в борьбе и стрельбе из лука — русские богатыри предъявляют Батыю жесткий ультиматум и истребляют его отборных воинов. Сказитель продемонстрировал в этой старине высокий уровень исполнительского мастерства, охотно использовал свои излюбленные эпические стереотипы (см. ст. 5—6, 9—14, 33—38, 48—55, 71—72 и др.). Некоторые оригинальные подробности сближают его текст с былинами в записях И. Ф. Розанова

(ст. 10, 130). Необычна концовка произведения: князь Владимир, обычно не отличающийся щедростью, одаривает богатырей за верную службу соболиными шубами и шапочками-мурванками с перьями орла орловича.

№ 7а

НЗБ, № 16. Зап. на слух А. Л. Масловым летом 1901 г.: с Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 77 лет. Нотный образец опубликован А. Л. Масловым в следующей редакции:

♩ = 112

1. Да как у лас - ко - ва у кня - зя у Вла - ди - ме - ра

2. [А] за - во - ди - лось пи - ро - ва - ны - це, по - чес - тён пир.

Вариант:

ПОЕДИНОК ДОБРЫНИ НИКИТИЧА С ИЛЬЕЙ МУРОМЦЕМ (№ 8—15)

Большинство исследователей былин не без оснований считают этот сюжет сравнительно поздним но-вообразованием, связанным с потребностью дополнить эпические биографии наиболее популярных богатырей и рассказать слушателям о том, как они познакомились друг с другом. В пользу этой точки зрения свидетельствует тот факт, что данный сюжет по ряду параметров не вписывается в рамки русского эпоса. Илья Муромец — *старый казак, осударь* — живет не в Киеве, а в Муроме, что противоречит его былинной биографии, согласно которой сразу после исцеления он переезжает в Киев. В поединке с юным Добрыней он часто терпит поражение, что не соответствует устоявшейся в былинах «табели о рангах». Даже проиграв поединок своему сопернику, Илья Муромец, вопреки эпическому канону, получает статус старшего крестового брата. Обычно в таких случаях старшинство отдается победителю (см., например, былинную пудожского сказителя И. Фепопова «Добрыня и Змей» — СБ 16, № 41, ст. 111—112). Сюжетная схема этой старины в записях с Зимнего берега устойчива, различия касаются факультативных деталей и развязки. В одних вариантах верх в поединке берет Илья Муромец, в других — Добрыня Никитич; в старине И. Е. Точилова сначала побеждает Добрыня, а потом — Илья Муромец (возможно, под влиянием сюжета «Илья Муромец и Сокольник», воздействие которого просматривается и в других фрагментах этого текста). В большинстве золотицких записей мать Добрыни знает Илью Муромца, потому что когда-то жила в его семье (или опознает прославленного богатыря *по поступке / по пѣзду*). Добрыня обычно ведет себя заносчиво, что не характерно для его общепризнанного «вежества». Еще до встречи с Ильей он объявляет,

что *еще нету-ту мне-ка поединщычька*. В былине А. Крюковой мать богатыря так характеризует своего сына: «*Цядышко у мя-то неуступчиво*». В тексте И. Е. Точилова типичные для золотицкой редакции сюжета элементы переплетаются с нетрадиционными вставками.

№ 8

Ефименко, № 1 «Старина про Добрыню Никитича и Илью Муромца»; Т.—М., отд. 2, № 15.

Зап. И. Ф. Розановым: с. Верхняя Зимняя Золотица — исполнитель неизвестен. По предположению А. В. Маркова, старина могла быть записана от Ф. Т. Пономарева (БСДС, с. 410). Запись была выполнена не с голоса, а с пересказа. У Ефименко примечание: «Поются они протяжно» (Ефименко, с. 10).

Примечания: ¹В Т.—М. это одна строка. ²⁻²В Т.—М. строка поделена на две (деление — после *Муромец*). ³В Т.—М. *казак(а)*, у Ефименко *козак(а)*. ⁴В Т.—М. слово пропущено. ⁵В Т.—М. это одна строка. ⁶В Т.—М. строка сопровождается комментарием: «*Кричит-то, кричит зычным голосом?*», который отсутствует у Ефименко. ⁷В Т.—М. строка снабжена комментарием: «*Цынгалище булатен-нож*», который отсутствует у Ефименко.

* * *

Текст записан священником И. Розановым в Верхней Зимней Золотице примерно за тридцать лет до первой поездки в этот край А. В. Маркова. Собиратель-самоучка не указал имя / имена исполнителя / исполнителей. По мнению Н. Г. Комелиной, им мог быть один из учителей верхнезолотицкого сказителя И. Прыгунова — Аверьян, Андрей Викулович Седунов или Олин (*Комелина Н. Г. О первых записях былин на Зимнем берегу Белого моря: Иоанн Розанов как собиратель фольклора // Рябининские чтения-2007: Материалы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 315*). Однако результаты текстологического анализа заставляют усомниться в справедливости этого утверждения. С большой долей вероятности можно полагать, что все шесть старин были записаны И. Розановым от одного певца (правда, скорее всего, под диктовку) — об этом свидетельствуют единство исполнительской манеры, совпадение редких или уникальных деталей и формул. А. В. Марков отметил, что все шесть былин из собрания Розанова были известны Федору Тимофеевичу Пономареву из Верхней Зимней Золотицы, но сам он записал только две из них: «Поединок Добрыни с Ильей Муромцем» и «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Особого внимания заслуживает свидетельство собирателя о знакомстве Розанова с Пономаревым. «Лет 25 тому назад он (Пономарев. — Ред.) служил старостой при Верхне-Золотицкой церкви и, будучи большим приятелем покойному священнику Ивану Розанову, нередко пел ему „былины“ (так он один называл старины, очевидно усвоив это название от священника); наверное, и записывал Розанов от него» (БСДС, с. 410). Сравнение двух старин, зафиксированных как Розановым, так и Марковым, подтверждает это предположение. По содержанию, композиции все верхнезолотицкие варианты комментируемой эпической песни довольно близки, но совпадений на уровне нестандартных мини-формул и оборотов речи больше всего именно в былине Пономарева и в записи Розанова. От зычного крика Ильи Муромца *сыра земля потрясалася* и т. д.; Добрыня выезжает на *шеломья окатисто*, высоко подбрасывает свою *палицу боёвую* и *подхватывает / прихватывает* ее на руки; Илья Муромец говорит ему: «*Тебе полно, богатырь, ездить, потешатисе, нам пора с тобой потягаться!*»; Илья именуется не только *старым казаком*, но и *осударем / восударем*. Формулу Доселева *Рязань слободой слыла...* Пономарев использовал не только в зачине произведения, но и в его середине (то же в публикуемом варианте). Небольшие разноречия обнаруживаются в финалах былин Пономарева, Прыгунова и в записи Розанова, но старина первого сказителя все же ближе к розановской, нежели текст

его земляка. В первой по времени записи после примирения богатыри отправляются к матери Добрыни, у Пономарева — сначала едут к ней, а затем в Киев, а у Прыгунова — сразу в Киев, где их принимает князь Владимир. (Подробнее об этом см.: Новиков-2013. С. 211—222).

№ 9

РО РГБ, ф. 160, п. 9, ед. хр. 3, л. 34—38 об. Опубл.: ББ, № 71 «Бой Добрыни с Ильей Муромцем»; БСДС, № 71.

Зап. А. В. Марковым 22 августа 1898 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 77 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «Напечатана с замечаниями профессора В. Ф. Миллера в ИОРЯС. Т. 4. Кн. 2. С. 664» (ББ, с. 364).

Нумерация строк в п. э. отсутствует.

Примечания: ¹В п. э. исправлено из *Никитушка*, далее вставлено сверху *сын*. ²⁻²В п. э. это одна строка. ³В п. э. исправлено из *Никитушка*. ⁴Слово вставлено сверху. ⁵Комментарий исполнителя. ⁶В п. э. исправлено из *Добрынюшка*. ⁷В ББ *добраго*. ⁸В п. э. слово вставлено сверху. ⁹В п. э. слово вставлено сверху. ¹⁰В п. э. далее чернилами зачеркнута строка *Застегивал двенадцать пряжечок*. ¹¹В п. э. зачеркнуто *А*. ¹²В п. э. *конёт*. ¹³В п. э. далее зачеркнуто *-ко*. ¹⁴В п. э. эта строка разделена на две. ¹⁵[Вместо *е (есть)?* — ББ, с. 366]. ¹⁶⁻¹⁶В п. э. эта и предыдущая строки перепутаны местами, проставлены номера. ¹⁷Далее в п. э. зачеркнуто *да*. ¹⁸В п. э. далее зачеркнуто *к Илье*. ¹⁹В п. э. исправлено из *ужели*. ²⁰В п. э. исправлено из *у тебя отечесьва*. ²¹⁻²¹В п. э. слова вставлены сверху. ²²В п. э. в начале стиха зачеркнуто *Тут*. ²³⁻²³В п. э. слова вставлены сверху. ²⁴В ББ *крестового*. ²⁵В п. э. далее текст отсутствует. В настоящем издании ст. 183—201 приводим по ББ.

* * *

В содержательном плане вариант Г. Крюкова обычен для золотицкой традиции. Некоторые отклонения от нее связаны с перенесением отдельных мотивов из других эпических песен. В описании поединка богатырей использованы мотивы из сюжета «Илья Муромец и Сокольник» (сначала верх берет Добрыня, но когда *старый казак* вспомнил, что ему *в чистом поли смерть не писана*, у него *силы вдвое-втрое прибыло* и т. д.). Мать Добрыни вспоминает, что в молодости она *училася у матери Ильи Муромца*, а он *тогда не мог ходить на резвых ногах и сидел (...)* *на печки на кирпичятой* (перенесение из былины об исцелении этого богатыря). Г. Крюков использовал ряд довольно редких формул: *Добрыня мастёр был (...)* *крутой с носка спускать* (этот борцовский прием упоминается также в старинах Пономарева, Прыгунова и в записи И. Розанова — № 10); он *скоро, легко скакал на добра коня; все дворяньскима утехами да забавлятьсе*; на вопрос Ильи о роде-племени Добрыня высокомерно отвечает: «*А когда скажот тебя моя палица тяжолая, а когды тебе секу да буйну голюву*».

№ 10

ББ, № 108 «Бой Добрыни с Ильей Муромцем»; БСДС, № 108.

Зап. А. В. Марковым 21 июня 1899 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Ивана Прокопьевича Прыгунова, 57 лет.

Примечания: ¹⁻¹В БСДС *Охте то-мне*. ²В БСДС *съехались*. ³В БСДС *коленям*. ⁴В БСДС *молодец*.

* * *

Типичный образец местной редакции сюжета, особенно близкий к вариантам, записанным в родной деревне сказителя — Верхней Зимней Золотице (№ 3, 4). Относится к той группе архангельско-беломорских текстов, в которых Добрыня заносчиво хвастает своей силой, поединок завершается его победой, хотя он потом и просит прощения у Ильи за то, что *посидел* у него *на белых грудях*. Побратавшись со своим недавним соперником, юный богатырь называет его *вторым отцом* (этой детали нет в других записях данной эпической песни).

№ 11

ББ, № 46 «Бой Добрыни с Ильей Муромцем»; БСДС, № 46.

Зап. А. В. Марковым 26 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «⟨Переняла⟩ у свекра Василия Леонтьевича».

Примечания: ¹В БСДС *любимое*. ²[Очевидно, силы]. ³[Илья].

* * *

В основном придерживаясь традиционной сюжетной схемы этой былины, А. Крюкова в ряде случаев изменила мотивировку поступков Ильи Муромца. Он оказывается двоюродным дядей Добрыни (ст. 67—77), мать велит сыну при встрече с дядей низко кланяться ему (ст. 120—122 — заимствование из сюжета «Илья Муромец и Сокольник»). В ст. 23—50 подробно описывается, как он получил свою необыкновенную силу; здесь использованы кардинально переработанные мотивы из «Исцеления Ильи Муромца» (богатырь *ишше* ⟨...⟩ *не силён был*; он встретил двух юношей, которые напоили его чудодейственным пивом и т. д. — далее по традиционной схеме). Юноши не только наделили героя огромной силой, но и снабдили его оружием, а на плечах написали, что ему *во чистом поли смерть была не написана*. Этот эпизод восходит к фольклорным источникам, но подробности повествования, скорее всего, являются плодом фантазии сказительницы. Она и в других частях своего произведения охотно использовала заимствования из разных былинных сюжетов. Илья узнает Добрыню по золоченому перстню, о котором говорила мать юного богатыря; на Добрыню перенесена типовая характеристика Алеши Поповича (*он ведь силой не силен, всё напúском смел*). В ст. 133—145 Илья Муромец в Киеве познакомился и *покрестовался* сразу со многими богатырями, что необычно для русского эпоса, тем более что среди его названных братьев оказались такие персонажи, как *Цюрилушка Пленкович*, *Перетьсьмяка* ⟨...⟩ *со племянником*, *Ванька*, *генеральской сын*, с которыми судьба старого казака пересекается лишь в отдельных вариантах былины «Камское побоище», не входившей в репертуар А. Крюковой. В стилистическом плане певича также иногда отступала от традиции (см. ст. 7—12, 42, 64—80, 104 и др.).

№ 12

ММБ-1, № 11 «Бой Добрыни с Ильей Муромцем»; БСДС, № 150.

Зап. А. В. Марковым летом 1901 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Федора Тимофеевича Пономарева, 1829 г. р.

Примечания: ¹[Т. е. рамы скривились]. ²[Т. е. крутой холм]. ³Явно пропуск строки, по логике сначала у богатырей должны сломаться копья.

* * *

Один из лучших образцов верхнезолотицкой обработки сюжета, близкий к варианту И. Прыгунова и к записи И. Розанова (№ 10). Ф. Т. Пономарев умело оперировал эпическими стереотипами, использовал целый ряд нестандартных элементов, редко встречающихся в архангельско-беломорских записях. К ним относятся формулы *Снес де Микита шестьдесят боёв, // Иише срывосьних, урывосьних цисла-смёту нет* (ср. ст. 6—7 в тексте Е. Субботиной — № 15 и ст. 52—53 в старине Г. Крюкова «Михайло Данилович» — № 114); *Иишо мастёр Микитич в крутой метать* (о борцовском приеме — характерная деталь золотицкой редакции сюжета); *стал <...> Илеюшка собирагисе, <...> собрунгисе; Здраво-то ехал поле чистое, // И здорово-то ехал лесы тёмная, <...> грязя чёрная*. Мать Добрыни просит Илью Муромца быть снисходительным к ее *зашибчивому, неуступчивому* сыну; богатыри называют друг друга *братанами*. Как и в большинстве других золотицких записей, в поединке верх берет Добрыня Никитич, но, узнав *восударя* Илью Муромца, просит прощения за то, что сидел у него *на белых грядях*.

№ 12а

НЗБ, № 11. Зап. на фонограф А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским летом 1901 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Федора Тимофеевича Пономарева, 1829 г. р. Нотировка А. Л. Маслова. Образец опубликован А. Л. Масловым в следующей редакции:

♩ = 84

1. Как до-се-ле-ва Ре - за-нь-то да сло - бо - дой слы - ла,

2. Иш-ше но-не-че Ре - за - нюш-ка сло - ве го - ро - дом.

3. Да-й во той ли во Ре - за - нюш - ки, во го - ро - ди...

№ 13

РО ИРЛИ, р. V, кол. 72, п. 1, ед. хр. 15, л. 1—3. Оpubл.: БПЗБ, № 142 «Добрыня и Илья».

Зап. В. П. Чужимовым в сентябре 1934 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Ивана Егоровича Точилова, 45 лет.

В БПЗБ текст опубликован по рукописи, хранящейся в ГЛМ (КП 50715/9, ф. 9, ед. хр. 1). В настоящем издании публикуется по беловому автографу. Существует также машинописный текст: РО ИРЛИ, р. V, кол. 72, п. 2, ед. хр. 9, 4 л. Он представляет собой машинопись с правкой разными чер-

нилами (возможно, правка не собирателя). В машинописном тексте не поняты простые слова, например *лалица*.

В конце ркп. примечание исполнителя: «Слышал, когда было 12—13 лет, от матери — Точиловой Анны Терентьевны».

Примечания: ¹В ркп. далее *Он ведь шуточки* зачеркнуто. ²В ркп. далее стих пропущен.

* * *

По поводу текста И. Е. Тчилова А. М. Астахова писала следующее: «В отличие от других золотских вариантов не Илья Муромец прослышал о силе молодого Добрыни, ищет с ним встречи, а Добрыня сам едет искать приключения (то же у Кривополеновой). Наблюдаются припоминания отдельных мотивов и из других былин («Три поездки Ильи Муромца», былина о Соловье-разбойнике, «Добрыня и Дунай»). Все это говорит о том, что четкого знания сюжета о бое Добрыни с Ильей у И. Е. Тчилова не было» (БПЗБ, с. 572). Некоторые оригинальные детали, видимо, являются индивидуальными новациями исполнителя. На столбах у развилки дорог *богатыри расписывались. Добрынюшка расписался, поехал. Илья Муромец заявляет, что является отцом Добрыни, тот проверяет эти сведения у матери и вторично сражается с тем же противником. В первом поединке верх берет молодой богатырь, во втором Добрынюшка выпал из седлышка черкасского, но бой завершается примирением соперников. В основном выдерживая стихотворный строй, Тчилов несколько раз переходил на прозаический пересказ отдельных эпизодов.*

№ 14

РГАЛИ, ф. 1519, оп. 1, ед. хр. 78, л. 3—28; ГЛМ, ф. 55, ед. хр. 53 (маш.) «Как Добрыня Микиць постречался с Ильей Мурамцом». Оpubл.: БПЗБ, № 99.

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 31 августа 1938 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Павлы Семеновны Пахоловой, 59 лет.

* * *

А. М. Астахова справедливо отметила зависимость былины П. Пахоловой от текстов старших представителей семьи Крюковых — Аграфены Матвеевны и Марфы Семеновны (БПЗБ, с. 558). Прежде всего это проявилось в комплексе мотивов, связанных со службой матери Добрыни в доме Ильи Муромца, получением в награду от его родителей золотого перстня, послужившего одной из примет в финальной сцене узнавания Добрыни (ст. 95—114, 183—186). Некоторые эпизоды являются плодом импровизации П. Пахоловой (ст. 19—36, 218—260) или механическими перенесениями из других былинных сюжетов (заповедь богатырей *слушать старшему же младшого, а младшому слушать брата же старшего* восходит к прионежским редакциям «Ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром»). В борцовском поединке верх сразу берет Илья, но затем, вопреки обыкновению, он узнает Добрыню сразу по трем приметам: золотому кресту *на правой груди* (?), *раковинке родимой* (родинке) *на белой груди* и золотому перстню, на котором подписано имя и *отчество* богатыря. Развернутая постпозиция тоже не имеет аналогов в других записях этой эпической песни — соперники мирятся, Илья Муромец целый месяц гостит в доме Добрыни и обучает его *как по силам поез(д)кам всё богатырьским, <...> как боротисе да не с приятелеми*.

№ 15

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 378—379. Опубл.: БПЗБ, № 133 «Про Добрыню Микитича [Бой Добрыни с Ильей Муромцем]».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 26 декабря 1944 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Елизаветы Васильевны Субботиной, 59 лет.

Примечания: ¹В п. з. явно ошибочно *нѣ*.

* * *

А. М. Астахова: «Самый краткий из всех вариантов сюжета о бое Ильи Муромца с Добрыней, записанных в обеих деревнях Зимней Золотицы. (...) В тексте имеются (...) нарушения традиции: похвальба Ильи Муромца при известии о силе и удали молодого богатыря, искажающая образ Ильи Муромца (ст. 22—24), и неожиданный ответ Ильи Добрыне, что он не помнит отца с матерью» (БПЗБ, с. 569). Его угроза *прихлопнуть* соперника ладонью позаимствована из сюжета «Илья Муромец и Идолище». Неожиданная деталь использована в характеристике юного богатыря: он *на тело был силен* (не силен²), *только был он увёртнóй*, что позволило ему взять верх в поединке с более опытным противником. Редкая формула *Микитушка Микулич млад (...)* а *снарядов-то снёс шестьдесят, // А срывочных-то (...)* числа-смету нет сближает былинку Е. Субботиной с текстом Ф. Пономарева (№ 12) и стариной Г. Крюкова «Михайло Данилович» (№ 114). Оригинален эпитет *вострбуесто крылечушко* (ст. 31), а в описание поединка богатырей включено не свойственное былинному лексикону слово: *из седлов они посыпались*. Помирившись с Ильей Муромцем, Добрыня-победитель называет его старшим крестовым братом, сознавая, что это противоречит эпическому канону (*Хошь я сидел у тя на белых грудях, // Ты пушишай мой старший брат, // Я буду младшой твой*).

ИДОЛИЩЕ СВАТАЕТ ПЛЕМЯННИЦУ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

(№ 16—18)

Основной ареал бытования этой былины — Архангельско-Беломорский край. По мнению большинства исследователей, данный сюжет — сравнительно позднее образование, в котором широко использованы мотивы волшебных сказок. От классических старин он отличается относительной пассивностью киевских богатырей и активной ролью невесты (дочери или племянницы князя Владимира), поступки которой во многом определяют развитие действия. Прославленные эпические герои являются лишь исполнителями ее хитроумных замыслов. Золотицкие былины отличаются от текстов, записанных в соседних районах, тем, что в них Идолище является женихом и сам участвует в сватовстве, в то время как в других регионах он добывает невесту для своего господина — *царица Вахрамееца, Гремина, Василия Турецкого* и др.

№ 16

ББ, № 79 «Идолище сватается за племянницу князя Владимира»; БСДС, № 79.

Зап. А. В. Марковым 14 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 77 лет.

Примечания: ¹В ББ после слова — (*sic!*). ²[Так называются в памятниках древней письменности эфиопяне. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка. Муре — не что иное, как мавры, Мауги].³ [Вместо *гредьшь?*].

* * *

Вариант Г. Крюкова — лучшая запись этой былины, сделанная на Зимнем берегу. В нем наиболее полно представлены оригинальные элементы местной модификации сюжета; некоторые формулы и подробности повествования уникальны. *Поганое Идолишио* и его подданные приплывают на кораблях из-за *Карьского моря*, *Арапского* (эти гидронимы упомянуты также Ф. Пономаревым из Верхней Зимней Золотицы — № 18). *Добрыня* и *Михайлушка Игнатъев* созывают девушек *на девью плачь*; второй персонаж является главным героем былины Крюкова «Михайло Данилович» (сюжет «Михайло Игнатъевич» — см. № 114) и упоминается в его старине «Дунай» (сюжет «Добрыня и Василий Казимирович» с заменой имени главного героя — № 7). Выразительно оформлена негативная оценка поведения Идолища: *ест он, тотарин, по-звериному, пьет он да по-скотиному*. Редкие эпические формулы использованы для описания самочувствия Марфы, которую Идолище захватил (...) *в охачку (А да чуть под им жива лежит, душа в тели полднуёт; ср. ст. 511 в былине Ф. Пономарева «Михайло Потык» — № 69), и изображения плавания кораблей по морю (Как Руськая земля да потаиласе, как поганая земля да замениласе). Имя и отчество невесты Марфа Дмитрёвна совпадают с былиной А. Крюковой, а отчество — с вариантом Ф. Пономарева (Олёнушка Митревна). Описание внешнего облика жениха вложено в уста самого Идолища — редкий в русском эпосе случай своеобразного «автопортрета» (ст. 19—22).*

№ 17

ББ, № 49 «Идолище сватается за племянницу князя Владимира»; БСДС, № 49.

Зап. А. В. Марковым 5 июля 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «⟨Переняла⟩ у свекра Василия Леонтьевича».

Примечания: ¹[Приказ Идолища посланным татарам]. ²В ББ после слова помета (*sic!*). ³[Т. е. собираюсь в путь]. ⁴[Во второй раз Крюкова пропела *докўль*].

* * *

Пространная былина А. Крюковой не относится к числу лучших ее старин. Она в полтора-два раза превосходит по объему варианты ее земляков Г. Крюкова и Ф. Пономарева, но содержит лишь основные сюжетобразующие элементы. Оригинальные мотивы и образы, отмеченные в комментариях к текстам других золотницких певцов, сказительница не использовала и, видимо, просто их не знала. Больше половины ее текста приходится на долю импровизационных по характеру развернутых цитат из свадебных причитаний и плачей, многословных монологов князя Владимира и его племянницы, тирад собственного сочинения, не имеющих ничего общего с поэтикой фольклорных произведений (ст. 80—90, 114—130, 135—143, 151—163, 180—188, 190—215, 226—228, 251—281, 301—314). Отступления от традиционного эпического канона нередко сопровождаются модернизацией лексикона, перенесением нормативных ударений (*посещчал часто, ходил к ей родный дядюшка, палата хрустальная, ведь писать-то Дунаюшко всё мастер он, // Ай легко-то он держит в своей правой руки // Он ведь то ли перо да лебединой // Всю матросицьки у его да все выпыпали, // Ай выпыпали матросы, обнемели вси и т. п.*).

№ 18

ММБ-1, № 14 «Идолище сватается за племянницу князя Владимира»; БСДС, № 153.

Зап. А. В. Марковым летом 1901 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Федора Тимофеевича Пономарева, 1829 г. р.

* * *

Текст принадлежит к тому же изводу сюжета, что и вариант Г. Крюкова (№ 16), но уступает ему по объему и насыщенности нестандартными элементами. Только эти два сказителя упомянули *Карьское*, *Арапское* (море). Как и в записях из соседних регионов, племянница князя Владимира соглашается выйти замуж за Идолице, чтобы не подвергать смертельной опасности киевлян (у А. Крюковой этой детали нет); оба сказителя упомянули *потерявшуюся* во время плавания Русскую землю. Невесту сопровождают не только Добрыня Никитич и Алеша Попович, но и *Перемётушко Васильев*. Во всех трех золотицких текстах племянница князя Владимира просит дать ей в качестве приданого три корабля, груженные хмельными напитками. В тексте Пономарева встречаются детали, отсутствующие у его земляков. Добрыня плывет к кораблям Идолица в шляпке; ему не сразу удается убить это чудовище; в финальном эпизоде использована сравнительно редкая формула *Отлетела голова, как будто пугвица*.

№ 18а

НЗБ, № 14. Зап. на фонограф А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским летом 1901 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Федора Тимофеевича Пономарева, 1829 г. р. Нотировка А. Л. Маслова. Образец опубликован А. Л. Масловым в следующей редакции:

♩ = 168

1. А из - за Ка - рьско - го, из - за А - ра - пь - ско - го

2. При - хо - ди - ло три ка - раб_ля, три че - рь - ля - ны,

3. При - хо - ди - л - де по - га - но - е И - до - лиш - шо.

Публикация сопровождается комментарием А. Л. Маслова: «Дальше повторяется почти точно напев, заключенный в репризах».

ДОБРЫНЯ И АЛЁША (№ 19—24)

Несмотря на довольно большое количество записей (9 вариантов, с учетом контаминированных текстов Ф. Пономарева и Г. Крюкова), былина о неудавшейся женитьбе Алеши Поповича не относилась на Зимнем берегу к разряду лучших эпических песен. Отчасти это связано с тем, что от лучших золотицких

сказителей (Г. Крюков, Ф. Пономарев) записаны контаминированные тексты («Добрыня и Змей» + «Добрыня и Алёша»), в которых второй сюжет изложен схематично. Отчасти невысокий художественный уровень местных вариантов объясняется тем, что больше половины их восходит к печатным источникам и почти не связано с устной традицией Зимнего берега (былины Аграфены и Марфы Крюковых, Павлы Пахоловой, Пелагеи Негадовой и отчасти Гаврилы Крюкова). Если не учитывать заимствования из книг, то набор нестандартных элементов в золотицких записях «Добрыни и Алёши» оказывается довольно скромным. В них основное внимание сосредоточено на событиях, происходящих в Киеве. За исключением контаминаций с «Добрыней и Змеем», не рассказывается о том, что делает Добрыня в отъезде, редко описываются подробности сватовства Алёши Поповича к Настасье, отсутствует драматичная сцена узнавания героя матерью. Как и в местной редакции сюжета «Добрыня и Змей», богатырю поручают съездить на Пучай-реку и привезти оттуда свежей ключевой воды. Князь и княгиня, умывшись чудодейственной водой, надеются омолодиться. В «Добрыне и Алёше» герой иногда должен добыть и *младые* (молодильные) яблоки (варианты Т. Точилова, А. Бурой и А. Лыткиной). Видимо, золотицкие певцы сравнительно недавно позаимствовали этот зачин из волшебных сказок, поскольку в соседних регионах, где бытовали близкие по содержанию редакции «Добрыни и Алёши», такое начало отсутствует, а в записях с Зимнего берега ни вода, ни молодильные яблоки в дальнейшем не упоминаются, т. е. с сюжетным действием не связаны. Отправляясь в опасную поездку, Добрыня наказывает матери и жене поминать его, если он не возвратится в назначенный срок. На свадебный пир он является в наряде калики перехожей. В некоторых текстах Настасья узнает переодетого мужа по игре на гуслях. В конце былины назревает стычка Добрыни и Алёши, их мирит Илья Муромец. Заимствуя чужеродные детали из печатных источников или из других фольклорных сюжетов, сказители не всегда согласовывали их друг с другом, не реализовывали до конца некоторые сюжетные мотивы. В былинах Т. Точилова, А. Бурой и А. Лыткиной Добрыня перед отъездом из дома велит жене принести определенное количество стрел, она приносит больше заказанного, что вызывает неудовольствие мужа. Это — механическое перенесение из нижегородской редакции былины «Данило Ловчанин» (Кир., III, с. 28 и 32), в которой данный мотив органично вплетается в сюжетную канву — вскоре богатырю не хватит стрел в бою с подосланными князем Владимиром убийцами. К развитию действия в «Добрыне и Алёше» данный эпизод не имеет никакого отношения — в дальнейшем стрелы не упоминаются. Ничем не мотивированы противоречащие общерусской традиции элементы: Добрыня позволяет жене по истечении оговоренного срока выйти замуж за Алёшу Поповича (варианты Ф. Пономарева, А. Бурой и А. Лыткиной); не узнавший матерью в наряде калики, он сообщает ей о смерти сына; в былинке А. Крюковой эту ложную весть приносит князь Владимир, он заявляет также, что собственноручно похоронил Добрыню (ср. с одним из мезенских текстов, в котором эти лживые речи вложены в уста Алёши Поповича — СБ 6, № 41).

№ 19

РО РГБ, ф. 160, п. 9, ед. хр. 2, л. 19—20. Оpubл.: ББ, № 6 «Неудавшаяся женитьба Алёши»; БСДС, № 6.

Зап. А. В. Марковым 17 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

В п. з. перед текстом примечание собирателя: «⟨Переняла⟩ от матери и дяди».

Номера строк в п. з. проставлены чернилами.

Примечания: ¹В п. з. над словом зачеркнутые чернилами ударения. ²В п. з. чернилами исправлено *Настасьишко*; далее вставлено сверху *все*. ³В п. з. чернилами исправлено из *пристреляна*. ⁴В п. з. далее чернилами зачеркнуто *все*. ⁵[Т. е. невежа]. ⁶Здесь п. з. текст обрывается, дальнейший текст печатается по ББ.

* * *

В композиционном плане вариант повторяет былинную прионежскую сказителя А. Чукова (Гильф. II, № 149), воспроизведенную в хрестоматии А. Оксенова «Народная поэзия» (Оксенов, с. 60), экземпляром которой был в доме Крюковых. Эта книга — не единственный источник эпического знания для А. Крюковой, поскольку ряд оригинальных деталей ее текста восходит к былинам других сказителей Прионежья и Поволжья. О предстоящей свадьбе Добрыня узнает от своего коня, который *забил ножкой правую* и разбудил хозяина; богатырь объясняет матери, почему в трудном походе так изменилась его внешность, — эти мотивы обычны в пудожских редакциях сюжета (см. СБ 16, № 80 и др.). Упоминание родимого пятна на ноге, единственной приметы, по которой мать узнает своего сына, — оригинальная деталь двух поволжских вариантов в сборнике П. В. Киреевского (Кир. II, с. 4 и 14). Крюковой не всегда удавалось согласовать мотивы и подробности, позаимствованные из разных источников. Стремление богатыря быть признанным матерью не вяжется с его заявлением: *мы недавно с Добрынюшкой прирозъехались* (в былинне Чукова, откуда взята эта фраза, герой называет себя другом Добрыни). Некоторые дополнения бытового и психологического характера связаны с традицией Архангельско-Беломорского края. Как и в ряде других золотицких текстов, перед отъездом из дома богатырь велит заказывать *панафиды по мне великия, служить по мне обедни да всё поминальни*. Князь Владимир говорит, что видел труп Добрыни и *яво предал всё ко сырой земли* (в старине Т. Точилова слух о собственной гибели и погребении распространяет сам Добрыня — № 21; ср. с одним из мезенских вариантов, в котором эти действия приписаны Алеше Поповичу — СБ 3, № 41). В финальной сцене герой *кинал-то в Олёшеньку всё булатён нож*, крестовых братьев разнимает Илья Муромец. За исключением этих элементов былина А. Крюковой полностью совпадает со сводным текстом, который неоднократно переиздавался И. Д. Сытиным (Русские народные былины: Добрыня Никитич: По сборникам Кириши Данилова, Киреевского, Рыбникова и Гильфердинга / Сост. В. и Л. Р.-н. М., 1894). Это относится и к отмеченным выше логическим неувязкам. Сказительница не всегда оставалась в рамках фольклорного лексикона (*враки, рюмоцька* и др.), временами переходила с формульного стиля на тирады импровизационного характера (ст. 26—27, 51, 92) или сочиняла некое подобие былинных стереотипов (*Тут не соболина шубоцька прошумела, // Как сафьяны-ти сапожицьки проскръпели; Тебе полно спать, любимый мой хозяин же; Не моци-ко ты своёго-то лица белого, // Лица белого своёго ты пристарого* и т. п.). В зачине былины некстати упомянут священный камень Латырь — *Добрыня поезжает ко камню ко Латырю, ко тому ли кружалу всё государеву*. Заявление матери героя о том, что он не похож на ее сына, противоречит контексту — *Добрыня скрывает свое истинное имя: Мы недавно с Добрынюшкой прирозъехались*.

№ 20

РО РГБ, ф. 160, п. 9, ед. хр. 3, л. 16 об.—19 об. Оpubл.: ББ, № 112 «Неудавшаяся женитьба Алешки»; БСДС, 112.

Зап. А. В. Марковым 24 июня 1899 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Анны Пудовны Бурой, 40 лет, и Анны Ивановны Лыткиной, 38 лет.

Номера строк в п. з. проставлены чернилами.

Примечания: ¹В п. з. исправлено из *то*. ²В п. з. исправлено из *да*. ³[Т. е. *твоей*; ср. примеч. к с. 63, 197, 227 — ББ, с. 554]. ⁴⁻⁴В п. з. исправлено из *Ише*, далее вставлено сверху *то*. ⁵[Так как Илья (ст. 8) играет здесь роль князя Владимира, то можно думать, что в оригинале этого пересказа он выступал в качестве свата Алешки — ББ, с. 555]. ⁶[Ср. № 109, ст. 111 — Там же]. ⁷В п. з. чернилами исправлено из раздельного *е то* знаком объединения. ⁸[Т. е. здесь, у Добрыни в доме. См. с. 22 — Там же]. ⁹[Новобрачных — Там же].

* * *

Небольшая по объёму былина А. Бурой и А. Лыткиной содержит большинство элементов, характерных для местной редакции сюжета. Добрыня должен *принести-то холодной ключевой воды* {...} *да молодых яблук*; он велит жене рассылать по церквям и монастырям поминания, если он не возвратится в назначенное время; заявляет не узнавшей его матери о мнимой смерти ее сына; на свадебный пир отправляется, переодевшись *каликкой перехожей*. Как и в былинах Ф. Пономарева и Т. Точилова (№ 21), богатырь наказывает жене в случае его отсутствия через 12 лет выходить замуж за Алёшу Поповича. Оригинальна построенная на анафоре формула *Разъве хто тя укорил да молодой женой, // Разъве хто ты попрекнул своей родной матерью?* Удачно использована цитата из причитаний в ст. 36. «Обе женщины пели мне вместе также похоронные и свадебные причитания («пла́щи»)», — отмечал А. В. Марков (ББ, с. 497). Избыточным выглядит запрет матери пить воду из *Пуцьяй-реки*: в ходе дальнейшего повествования он не реализуется. Заимствование из сюжета «Данила Ловчанин» в ст. 41—52 (жена приносит Добрыне четырёхстрел вместо трехсот и объясняет ему, что *при времени понадобится каленá стрела, // Ты за стрелку бы дал всё пятьсот рубей, // Ты пятьсот рублей дал, да тебе негде взять*) тоже не влияет на развитие действия. Аналогичный эпизод есть в былине односельчанина сказительниц Т. Точилова (№ 17). Не исключено, что оба текста родственны по происхождению; первоисточником данного мотива является одна из нижегородских старин в сборнике П. В. Киреевского (Кир. III, с. 28, 32). Заметим, что Т. Точиллов был знаком с изданиями былин (БПЗБ, с. 485).

№ 20а

НЗБ, № 41. Зап. на фонограф А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским летом 1901 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Анны Ивановны Лыткиной, 40 лет. Нотировка А. Л. Маслова. Образец опубликован А. Л. Масловым в следующей редакции:

♩ = 96

1. Ай у лас - ко - ва кня - зя - та у Вла - ди - ме - ра

2. За_води_лось пи - ро - ва - ньи - цё, по - че - сён пир.

№ 21

РО ИРЛИ, р. V, кол. 90, п. 6, ед. хр. 30, л. 2—3 об. Оpubл.: БПЗБ, № 160 «[Добрыня Никитич и Алёша Попович]».

Текст записан Т. Е. Точилловым (1881 г. р., постоянный житель Верхней Зимней Золотицы) и прислан в письме, адресованном А. М. Астаховой. Дата по штемпелю: «29.10.37».

С 1938 г. в адрес А. М. Астаховой стали поступать письма от Т. Е. Точилова с записями былин. Всего он переслал четыре текста былин в следующем порядке: «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Калин-царь», «Исцеление Ильи Муромца» и уже в середине 1939 г. — «Добрыня в отъезде». Кроме того, были присланы три сказки («Про Катигорошка», «Про Конька-горбунка», «О серебряном блюдечке и наливном яблочке») и обширная, в 256 тетрадных страниц, автобиография, которую он назвал в письме «былиной из своей жизни» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 90, п. 6, ед. хр. 26—29).

К письму была приложена сопроводительная записка следующего содержания: «Сопровождается при сем одна старина по получении настоящего письма прошу сообщите. Я сомневаюсь, что оно не дойдет до вас». Былина записана сплошным текстом без разделения на строки. При публикации соблюдается разделение, предложенное в БПЗБ.

Примечания: ¹Строка вписана позднее. ²В ркп. далее зачеркнуто *Хоронил я* (начало ст. 96).

* * *

А. М. Астахова: «Текст восходит к варианту, записанному А. В. Марковым в Верхней Золотице от А. П. Бурой и А. И. Лыткиной (№ 16; ББ, № 112), повторяя точно всю композицию и все своеобразные детали. В частности, повторяет и необычный наказ Добрыни жене не идти спустя 12 лет ни за кого, а идти за Алешу Поповича (ББ, с. 555). Таким образом, традиционный острый конфликт (нарушение женой наказа Добрыни под давлением «высоких сватов», князя Владимира и княгини Апраксии) исчезает, остается только вина Алешы Поповича, принесшего обманную весть о гибели Добрыни. В соответствии с таким построением сюжета отсутствует суровая расправа Добрыни с Алешей, а также укор князю, который, как и в тексте сборника Маркова, никакого участия в интриге не принимает. Сохраняется только насмешка Добрыни в адрес Алешы Поповича, что ему „женильба не издавалась”» (БПЗБ, с. 577).

Вся заключительная сцена передана кратко и обедненно. Обращает на себя внимание лишь следующая деталь: главная роль в узнавании женой Добрыни своего мужа принадлежит игре на гусях (ББ, № 112; БПЗБ, № 133). Вариант содержит многие детали и формулы, свойственные золотицкой традиции. Добрыня едет на Пучай-реку за живой водой и *младыми яблоками* для князя Владимира и его жены; поручить ему эту миссию советует Алеша Попович. Не узнавший матерью после длительного похода герой заявляет, что похоронил погибшего на чужбине Добрыню (то же в былине А. Крюковой, но в ней эту весть приносит князь Владимир; ср. с одним из мезенских текстов — СБ 3, № 41). На свадебный пир богатырь приходит в наряде калики. С другими записями, сделанными на Зимнем берегу, старину Точилова сближают наказ Добрыни через 12 лет рассылать по церквам и монастырям *золоту казну* и поминать его *душу грешную*; разрешение Настасье выходить замуж за Алешу Поповича (ср. варианты Ф. Пономарева, А. Бурой и А. Лыткиной — № 14, 20); переодевание Добрыни в платье калики перехожей и формула *Тебя кто укорил да молодой женой, // Или кто попрекнул да родной матерью?* (ср. с былиной А. Бурой и А. Лыткиной).

№ 22

БПЗБ, № 98 «Как женился Добрынюшка Микитич млад [Добрыня и Эмей, женильба Добрыни, Добрыня в отъезде]».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 4 сентября 1938 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Павлы Семеновны Пахоловой, 59 лет.

Примечания: ¹[Обмолвка сказительницы — великою].

* * *

Текст содержит все книжные по происхождению элементы, отмеченные в былине А. Крюковой, матери сказительницы (см. коммент. к № 15), а также ряд оригинальных мотивов, зависимых от других записей из регионов, географически удаленных от Зимнего берега. Это пожелание Добрыни родиться *прекрасным чистым деревом*, которое стояло бы *без шевелимости* и служило местом сбора русских богатырей (ст. 559—566; ср. с былинами Т. Рябина и его потомков из Кижей — Рыбн., № 8 и др.); характерный для пудожской традиции диалог богатыря с матерью о его изменившейся внешности (ст. 761—780); богатырский конь, который будит своего хозяина и сообщает ему о готовящейся свадьбе Алеши Поповича и Настасьи (ст. 820—844 — в обоих случаях ср. СБ 16, № 80 и др.); обращение Добрыни к коню с просьбой поскорее доставить его домой (ст. 781—784). Не свойственные архангельско-беломорской традиции формулы в ст. 651, 659—662, 720—724 восходят к обонежским редакциям сюжета (эпитет *бабий* {...} *пересмешник*, прикрепившийся к имени Алеши Поповича; формула быстротекущего времени — правда, сильно искаженная, и др.). Сюжет «Добрыня и Настасья» по содержанию и стилю близок к варианту П. Калинина с Пудожского берега (СБ 16, № 164), даже в факультативных деталях повествования он отличается от родственного по происхождению текста А. Чукова, записанного от соседа Калинина. Многие словосочетания и тирады П. Пахоловой, неумело стилизованные под народную поэзию, не имеют ничего общего с фольклорным стилем (они *бой держали со змеёю*, *ишше Добрынюшка же был да очунь же млáдой он*; *ишше брать-то мне тебя да всё не под линию*; *я желаю ее взять за себя взамуж*; *и князь Владимир не знат, не понимал ницего*; *лада милая, моя любимая*; *пред тобой я дела да не исполнила* и др.). С местной традицией связана лишь одна несущественная подробность повествования: Добрыня сражается со змеей, а не со Змеем, как в других редакциях сюжета.

№ 23

ГЛМ, ф. 55, ед. хр. 50 «Про Добрыню Никитиця» (маш.). Опубл.: БПЗБ, № 122 «Про Добрынюшку Никитиця».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 14 сентября 1938 г.: г. Архангельск — от Пелагеи Васильевны Негадовой, 34 лет.

* * *

А. М. Астахова: «Как и все былины П. В. Негадовой, эта отмечена некоторой лаконичностью в передаче отдельных эпизодов при сохранении традиционной композиции сюжета. Сама Негадова ведет свой вариант от былины А. М. Крюковой (ББ, № 6): „Это от бабушки ише всё. Ейная память”. Однако ряд характерных деталей варианта Аграфены Матвеевны не вошел в былинку Негадовой. Так, в ней нет ложного сообщения князя Владимира, что будто бы он сам разведал о гибели Добрыни и даже лично предал его тело сырой земле, — это перекладывает вину в обмане с Алеши Поповича на князя Владимира (у Негадовой обманную весть привозит Алеша, и лишь по его просьбе князь Владимир отправляется к матери и жене Добрыни сватом). Нет и роли в последней сцене Ильи Муромца, удерживающего Добрыню от убийства крестового брата, — эпизод, воспринятый Марфой Крюковой и сохраненный в обоих ее вариантах (Марк., № 62; Крюк. I, № 28), у Негадовой Добрыня рубит Алеше голову за ложную весть, привезенную его матери, что является необычной развязкой в данном сюжете. Различны и мотивировки запрета выходить замуж за Алешу Поповича (у А. М. Крюковой оба богатыря положили заповедь не делать друг другу зла, у Негадовой — более традиционная мотивировка: Алеша «бабий просмешничек»). Свообразно и необычно у Негадовой поручение, возлагаемое на Добрыню князем Владимиром (съездить в Литву и отрубить голову поганому Идолищу).

Все эти отступления от текста А. М. Крюковой имеются и в соответствующей части сводной былины матери П. В. Негадовой (БПЗБ, № 98 и коммент. к тексту)» (БПЗБ, с. 567).

Текст беден эпическими формулами. Ряд деталей связан с былинами прионежских сказителей А. Чукова и П. Калинина (Гильф. I, № 5 и Гильф. II, № 149) — диалог Добрыни с Алешей в финальной сцене и др., к варианту Т. Рябинина из Кижей (Рыбн., № 8) восходят ст. 77, 86—88. Как и в пудожских записях, весть о готовящейся в Киеве свадьбе Алеши Поповича и Настасьи богатырю сообщает его конь, разбудивший хозяина ударом копыта о землю. Одна из формул восходит к традиции Зимнего берега (описание поведения князя Владимира на пиру в ст. 13—17), в другом случае обычная для золотицких вариантов деталь механически включена в обонежскую редакцию сюжета (Настасья на пиру называет Добрыню *каликкой перехожим*, хотя он переоделся в *платье скомороцкое*, как в записях из бывшей Олонецкой губернии). Не традиционны полученное богатырем задание (съездить в Литву, убить там поганое Идолище), упоминание о том, что Алеша Попович посылает князя Владимира свататься к Настасье, и развязка былины (убийство Добрыней своего названного брата-соперника). Видимо, эти подробности сочинены П. Негадовой. Ст. 32—39 представляют собой переосмысление одного из эпизодов чуковско-калининской редакции сюжета «Добрыня Никитич и Змей».

№ 24

РО ИРЛИ, кол. 146, п. 19, л. 391 об.—387 об. (п. з.); л. 399—402 (бел. ркп.) «Про Добрыню Микитича». Опул.: БПЗБ, № 134 «[Добрынюшка Микитич] Добрыня и Алеша».

Зап. Э. Г. Бородинной-Морозовой в 1943 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Елизаветы Васильевны Субботиной, 59 лет.

В п. з. примечание исполнительницы: «Пела наша мама Ирина Васильевна Пономарёва, Ирinya».

Особенность п. з. в дописывании отдельных слов карандашом. Так, практически везде имя Добрыни Микитича во время записи отмечалось как Д. М., позднее было дописано.

Примечания: ¹В п. з. исправлено из *говорил*. ²В п. з. исправлено из *нам*. ³В п. з. в начале стиха зачеркнуто *Нет*. ⁴В п. з. в слове вставлено з. ⁵В п. з. внизу строки в скобках пояснение: *не бросай*. ⁶В п. з. далее зачеркнута строка *Росставались то с Д М*. ⁷В п. з. в начале стиха зачеркнуто *Выпивал кал*. ⁸В п. з. слово написано дважды, второй раз вычеркнуто.

* * *

Былина Е. Субботиной полностью укладывается в рамки местной редакции сюжета. По поручению князя Владимира Добрыня едет на Пучай-реку за *холодной ключевой водой*, которой хотят умыться князь и княгиня. Алеша Попович сватается к Настасье, но *подсватывает ей* и князь Владимир. Лживые вести о гибели Добрыни распространяет Алеша, что не свойственно золотицким вариантам этой старины. Добрыня отправляется на свадебный пир своей жены, переодевшись в *платье калики перехожей*. В тексте немало нестандартных деталей и подробностей. Из другого сюжета (вероятнее всего, из «Чурилы и Катерины») позаимствовано описание Настасьи, которая спешно выбегает из дома *без башмачиков в одних чулочках, а без платья в одной рубашечке*. О готовящейся в Киеве свадьбе героя предупреждает конь, споткнувшийся на бегу. Видимо, эта деталь перенесена из баллады «Мать князя Михайла губит его жену»; в пудожских модификациях сюжета картина несколько иная: конь бьет копытом в землю, будит богатыря и сообщает ему о готовящейся свадьбе. Мать Добрыни подозревает, что калика, попросивший у нее *звончатый гусли*, может их не вернуть, и берет в качестве залога его *крест животворящий*. Оригинально мотивируется двукратное поднесение паломнику чары с вином — первой чарой только *язык омочило, серье не облило*. С духовной жизнью поморов-старообрядцев связано заявление переодетого паломником богатыря о том, что он и Добрыня жили *⟨...⟩ в пустыни ровно три года*.

ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА (№ 25—32)

Сюжет об исцелении Ильи Муромца входит в число самых популярных на Зимнем берегу эпических песен, однако ни один из местных вариантов не может считаться эталонным. От трех сказителей записаны прозаические пересказы, все остальные тексты схематичны по содержанию и невыразительны в художественном плане, изобилуют прозаизмами и целыми фрагментами, в которых лишь имитируется стихотворный строй и формульный стиль. Вероятнее всего, они генетически связаны с прозаическими вариантами былины и сказками об Илье Муромце, которые массовыми тиражами публиковались на рубеже XIX и XX столетий, или же являются индивидуальными стилизациями «под фольклор» некоторых сказителей. В золотицких вариантах практически нет оригинальных элементов, не известных по записям из других районов России. Как правило, в них отсутствуют наказ калик перехожих выздоровевшему богатырю, напутствие родителей отъезжающему в Киев сыну; не рассказывается о том, как он помогает отцу в полевых работах (лишь в пересказе Г. Крюкова можно усмотреть косвенный намек на последний мотив); не изображается прощание Ильи Муромца с родителями. Их отсутствие дома мотивируется по-разному: они уходят в поле на работу, на сенокос (*пожню*), расчищают лес под будущую пашню. В трех вариантах о родителях героя в начале былины ничего не говорится. Странники исцеляют богатыря-сидня с помощью воды, пива или вина; *хлеб — дар Божий*, часто фигурирующий в печорских текстах, в золотицких записях не упоминается. В былинах Аграфены Крюковой и ее дочерей немало индивидуальных новаций. Некоторые из них были усвоены ее старшими дочерьми и внучкой.

№ 25

ББ, № 67 «Исцеление Ильи Муромца»; БСДС, № 67.

Зап. А. В. Марковым 15 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 77 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «Это, по словам Крюкова, не старина, а *росказ*, который помещен в книгах, но слышал он его от золотицких стариков».

* * *

Пространный пересказ Г. Л. Крюкова — самый полный золотицкий вариант этого сюжета. В нем рассказывается о приобретении *шолудивого* жеребенка, которого Илья выращивает, катая его в трех рогах. Это единственная сделанная на Зимнем берегу запись былины, в которой показано, как богатырь впервые продемонстрировал свою огромную силу на крестьянской пашне (*дубье-то рвёт из матушки сырой земли, со всим с коренем*). Если учесть, что отец героя отправился поле *чистить*, а *ломать дубье из матушки из сырой земли*, то становится ясно, что здесь речь идет о подготовке *чищенки* (участка леса, расчищенного под посевы, — СБ 2, с. 629). На Русском Севере подсечное земледелие культивировалось вплоть до начала XX в.

№ 26

ББ, № 91 «Исцеление Ильи Муромца»; БСДС, № 91.

Зап. А. В. Марковым 21 июня 1899 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Федора Тимофеевича Пономарева, 70—71 г.

Перед текстом примечание собирателя: «Изложение рассказа Пономарева, который говорил, что он сам слышал это от стариков *росказью*».

Примечания: [Реминисценция из былины о первой поездке Ильи; см. пересказ Пономарева в Т.—М., II, 9].

* * *

В кратком пересказе сюжета сказитель припомнил отдельные детали, связанные с исцелением Ильи Муромца прохожими странниками. Пономарев сохранил традиционный мотив уменьшения избыточной силы, упомянул о хранящихся в Киеве мощах богатыря. Демонстрируя свою необыкновенную силу, Илья *выворотил и отнес на сторону огромный камень* (ср. с близкими по характеру мотивами в ряде других записей — он *сдвигает* гору в Оку или *запруживает* реку вырванными с корнями дубами — Кир. I, с. XXXIII; Рыбн., № 52 и др.).

№ 27

ББ, № 42 «Исцеление Ильи Муромца»; БСДС, № 42.

Зап. А. В. Марковым 3 июля 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «⟨Переняла⟩ у свекра Василия Леонтьевича» и следующее: «Я спрашивал у А. М. Крюковой, не рассказывал ли это словами ее свекор, но она уверяла меня, что он пел голосом, как старину. Подобную старину она слышала и в Чаваньге, но из той ничего не запомнила».

* * *

В содержательном плане былина А. Крюковой не выходит за рамки местной модификации сюжета, однако набор ключевых эпизодов в ней сравнительно беден. Аграфена Матвеевна включила в свое произведение перечисление трех рос — *Иваньскою, Петровскою и Ильинскою*, в которых богатырь должен *катать* своего жеребенка; эту деталь от нее усвоили потомки сказительницы. То же можно сказать о необычном имени матери Ильи Муромца — *Епистенья Олѣксандровна*. Внучка А. Крюковой Пелагея Негадова (№ 32) переняла у бабушки книжную по происхождению деталь — исцелив богатыря, *калики* пропали из поля зрения (*не завидял тут да они проць ушли* → *тут калики перехожего не очудилось*; первоисточник — текст Л. Богданова из Кижей, Рыбн., № 52: ... *тут калики потерялися*). Аналогичную подробность использовал Т. Точилон (№ 29). Большой объем публикуемого текста (около 400 стихов) во многом объясняется обилием необязательных подробностей, часто не связанных с фольклорной традицией (ст. 49—51, 143—146, 156—159 и др.), детализированных описаний (ст. 8—15, 296—306 и др.), развернутых повторов (ст. 29—155 и 182—234). Как и во многих других своих эпических песнях, А. Крюкова нередко сочиняла отдельные мотивы и формулы (герой, крестьянский сын, подает каликам *золотую казну*; странники придумывают для него прозвище *Илья Мурамецъ*; он подносит им *пиво сладкое, отвечал, смело ответ держал, он ведь шол-то всё да по-учёному, всю покорность держат да Ильи Муромцу* и т. п.). Сказительница не смогла четко сформулировать стихи, связанные с мастью коня Ильи Муромца: *Жеребёноцька купить да шьчыбы серого, // Шьчыбы серого купить да на манер всё белого*. В Киеве герой братается сразу с девятью русскими богатырями, что противоречит эпическому канону; их перечень почти полностью совпадает с тем, что приведен в финале старины А. Крюковой «Поединок Добрыни Никитича с Ильей Муромцем» (№ 11). *Атаманом большим, распорядителем назначают старого казака, поскольку ему не написана-то смерть да во чистом поли*.

№ 28

РО ИРЛИ, р. V, кол. 90, п. 4, ед. хр. 17, л. 7—12 об. Оpubл.: БПЗБ, № 145 «Илья Муромец». Зап. А. М. Астаховой в июле 1937 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Анны Васильевны Бронниковой, 80 лет.

Примечание собирателя о характере исполнения: «И⟨лья⟩ М⟨уродец⟩ исцеление и Сол⟨ovej⟩ Разб⟨ойник⟩ тоже может только рассказом».

Примечания: ¹В п. з. исправлено из *Во городе Муроме в селе Карачаре сидел седунном 30 лет.*
²В п. з. знаком перестановки исправлено из *Илеюшка срядилса.*

* * *

Подробный анализ текста А. В. Бронниковой содержится в комментарии А. М. Астаховой: «Публикуемый пересказ былины восходит к лубочному тексту, который подписывался под восемью картинками, изображавшими эпизоды исцеления, встречи с разбойниками, освобождения Чернигова, победы над Соловьем-разбойником, покушения на жизнь Ильи дочери Соловья, свиста Соловья в палатах князя Владимира, встречи Ильи и Добрыни с каликой, освобождения Киева от Идолища (см. тексты № 15—25 — Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков : Памятники русского фольклора. М.; Л., 1960).

Кроме общей композиции, текст близок к лубочному по построению и деталям указанных эпизодов, иногда точно передавая формулировки лубка (ср. наказ родителей, выражение «стала рвать стрела на коую сажень землю», изображение пути к Соловью, обращение Соловья к зятям и многое другое). Сама А. В. Бронникова отметила происхождение своего текста от лубка: „У отца была картина, и все было списано, было печатно, и я выучила. «Илья Муромец и Идолишшо» тоже на картины была”.

Однако имеются и некоторые отступления от лубочного текста, которые обусловлены, с одной стороны, забыванием исполнительницей отдельных мест (например, предложение устрешенными разбойниками не казны, а быть у них «царем», передача эпизода освобождения города одной лишь фразой, перестановка эпизодов в сцене встречи с семьей Соловья — в лубочном тексте сперва дано обращение разбойника к зятям, потом уж покушение дочери, что логичнее), с другой стороны, тем, что А. В. Бронникова слышала, а может быть, и читала те же эпизоды в других версиях и редакциях. Это касается главным образом эпизода исцеления: в лубке самый эпизод совершенно не развернут, кратко говорится, что Илья сидел сиднем тридцать лет, но вот стал „ходить на ногах крепко и ощутил в себе силу великую”. А. В. Бронникова включает в свой рассказ приход калик, получение Илейей силы от вина и пива (с традиционным повторением — в первый раз Илья получает излишек силы, во второй раз сила сбавляется наполовину), приход Ильи к родителям на пожню (но без эпизода помощи родителей). В рассказ о встрече с Соловьем Бронникова вставила традиционный упрек Ильи коню, споткнувшемуся от свиста Соловья. В сцену расправы с Соловьем-разбойником внесена отсутствующая в лубке деталь — Илья убивает Соловья „столетним дубом” — деталь, вообще необычная для данной сцены и возникшая у Бронниковой как припоминание расправы Ильи или другого богатыря с врагом из какой-нибудь другой былины. В остальном текст Бронниковой очень точно следует за лубком» (БПЗБ, с. 573).

Сказанное выше в полной мере относится и к третьему сюжету — «Илья Муромец и Идолище», вошедшему в состав контаминированного произведения Бронниковой.

№ 29

РО ИРЛИ, р. V, кол. 90, п. 6, ед. хр. 25, л. 5—5 об. Оpubл.: БПЗБ, № 159 «[Илья Муромец, исцеление и выезд на подвиги]».

Самозапись текста, присланная Т. Е. Точиловым (см. коммент. № 17). Как и в других текстах, присланных Т. Е. Точиловым А. М. Астаховой, в этом тексте нет разделения на стихи. Мы придерживаемся деления, предложенного в БПЗБ. В тексте встречаются отдельные описки, которые затем были исправлены Точиловым.

Примечания: ¹Слово вставлено позднее.

* * *

А. М. Астахова: «Текст представляет собой контаминацию былины об исцелении Ильи Муромца с рассказом о первом его подвиге. Но вопреки общерусской традиции, в которой сюжет об исцелении объединяется обычно с былинной об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, здесь он присоединен к встрече Ильи в поле с чужеземным богатырем. Былина осталась незаконченной, по словам Точилова, вследствие нехватки у него бумаги. Но после посылки ему тетрадей Точиллов прислал еще былинку о Добрыне и Алеше, три сказки и автобиографию («былинку из своей жизни»), а данный же текст так и остался незаконченным.

В завершенной части на сюжет исцеления Т. Е. Точиллов следует традиционной композиции: родители Ильи-седуна уходят на работу, прохожие калики исцеляют Илью и наделяют его силой при помощи чары вина, которую по их просьбе приносит им Илья, и которую они ему «отворачивают». Илья Муромец по совету калик выхаживает себе богатырского коня. Сохранен и эпизод повторного подношения чары с целью уменьшить первоначально полученную Ильей чрезмерную силу. Но обычный эпизод помощи Ильи родителям в их крестьянской работе отсутствует» (БПЗБ, с. 576).

Оригинальный эпитет использовал сказитель для обозначения парализованного героя — *Илеюшка-наседуха*. Исцеление Ильи он приурочил к церковному празднику Троицы, в преддверии которого родители богатыря наварили *пива пьяного*. Некоторые детали и формулы комментируемого текста, видимо, восходят к книгам, любителем которых был Т. Точиллов. Илья отказывается дать каликам милостыню, ссылаясь на свою болезнь (*Не могу я, братцы, со постели встать*), калика упрекает его в обмане (ср. вариант из Симбирской губернии — Кир. I, с. 1); после исцеления героя *скрылисе калики переходя* (то же в былинах А. Крюковой и ее внучки П. Негадовой — № 23; первоисточник — вариант кижского сказителя Л. Богданова — Рыбн., № 52). В ряде эпических песен, записанных на Кенозере, Северном Урале и в других областях, встречается формула *А тут конь-то под ним да рассержается, // От земли-то он да отделяется / отрывается* (Гильф. III, № 302; КД, № 49 и др.).

№ 30

РО ИРЛИ, р. V, ф. 146, п. 19, л. 528—528 об. (черн.), 722—723 (бел.). Опубл.: БПЗБ, № 126 «[Исцеление Ильи Муромца]».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой в августе 1939 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Анны Васильевны Стрелковой, 73 лет.

В п. з. перед текстом примечание собирателя: «Также ее надо петь на тот же мотив, что и № 2 „А как приехал князь Владимир в стольней Киев-град”».

Примечания: ¹В п. з. далее зачеркнуто *да*. ²⁻²В п. з. исправлено из *Говорил-то ведь*.

* * *

А. М. Астахова: «Содержание текста ограничено только самим эпизодом исцеления, которому придана завершенность (отсутствуют обычные в сюжете помощь Ильи Муромца в крестьянской работе родителям — о них вообще не упоминается, добывание богатырского коня).

По словам А. Стрелковой, она слышала былинку от мужа, Филарета Ефимовича Стрелкова, который „из книжек их (былины) читал”.

Мотив — Илья Муромец лежал во гноищи — известен был и другим сказителям Зимней Золотицы (ББ, № 91 — изложение рассказа Ф. Т. Пономарева)» (БПЗБ, с. 568).

Илью Муромца исцеляет один *нишишой странничок*, а не трое калик перехожих, как в большинстве золотицких записей этой былины. Отсутствие родителей в доме объясняется тем, что они ушли *во Божью церкву*. Не характерно для былинного лексикона словосочетание *белые полы*.

№ 31

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 856 об.—853 об. «Про Илью Муромца, как он был, жил и родился». Оpubл.: БПЗБ, № 92.

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 7 сентября 1939 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Павлы Семеновны Пахоловой, 1879 г. р.

В п. з. в конце текста комментарий исполнительницы: «Слыхала от старых, старых стариков, не знаю, от деда Гаврилы или от Василия, только от своих от тех».

* * *

А. М. Астахова довольно подробно охарактеризовала старину П. Пахоловой: «Былина о первой поездке Ильи Муромца в соединении с рассказом об исцелении. В этой первой части имеются отдельные детали, несколько сближающие текст с вариантом Аграфены Матвеевны Крюковой об исцелении (ББ, № 42): имя матери Ильи (у Крюковой — Епестенья Олександровна), выкатывание жеребенка в трех рощах — Ивановской, Петровской, Ильинской. Но многое и отличает (у Пахоловой нет наказа калик о коне, нет предсказания о том, что смерть на бою Илье не писана, <...> объединения двух сюжетов у Крюковой нет). С былинной о Соловье-разбойнике тоже наблюдается некоторая переключка <...>, но в целом текст Пахоловой не восходит непосредственно к былинке матери. <...> Илью укоряют только бояре, конфликта с самим князем по существу нет.

П. С. Пахолова не помнила точно, от кого именно она усвоила былинку, говорила, что от кого-то из стариков в семье отца» (БПЗБ, с. 554—555).

Необычно объясняется отлучка родителей Ильи Муромца из дома: *Убирали хлебы они да годовы запасы*. Калики перехожие ассоциируются с ангелами (ст. 26), они исцеляют богатыря-сидня с помощью *пива сладкого* (этот нестандартный и неточный по содержанию эпитет П. Пахолова позаимствовала у матери). Для семейной традиции Крюковых характерна кличка богатырского коня — *Белеюшко*. Сюжет, посвященный первой поездке Ильи Муромца, связан с вариантом А. Крюковой (№ 59) в меньшей степени. Некоторые его элементы зависимы от былины пудожанина Н. Прохорова (СБ 17, № 191), перепечатанной в хрестоматии А. Оксенова (Оксенов, с. 27). Богатырь отказывается отпустить Соловья-разбойника за выкуп, привезенный его дочерями; во дворце князя Владимира он предлагает поднести своему пленнику *зелена вина да полтора ведра*, поскольку у того *запеклись уста <...> кровью*. С былинной из сборника Кириши Данилова (№ 49) текст Пахоловой сближает упоминание *лесов Брыньских*. Певица дополнила традиционный сюжет мотивами собственного сочинения, переименовала ряд эпических стереотипов.

О Соловье-разбойнике, который *караул держит* на дороге в Киев, Илью предупреждает отец (в других записях он узнает об этом от жителей освобожденного им города или читает соответствующую надпись на придорожном камне / столбе); жена Соловья-разбойника ошибочно полагает, что это ее муж везет пленника, а не наоборот (обычно подобное мнение высказывает одна из дочерей). Пахолова допустила явные отступления от традиции, изображая столкновения богатыря с эпическими противниками. Илья пускает стрелу в дуб, от которого она *розлетеласе* в правый глаз Соловья-разбойника. Одна из его дочерей покушается на богатыря, тоже стреляя в него из лука (в других записях — опускает на него чугунную подворотню). В публикуемом тексте немало стихов и целых тирад, которые можно интерпретировать как индивидуальное творчество, неудачные стилизации былинных стереотипов (ст. 94—104, 117—119, 127—129, 137—138, 142—149, 193—198, 301—303, 347—349, 376—385).

№ 32

ГЛМ, ф. 55, ед. хр. 49 «Про Илью Муромца» (маш.). Опубл.: БПЗБ, № 121.

Зап. Э. Г. Бородной-Морозовой 13 сентября 1938 г.: г. Архангельск — от Пелаген Васильевны Негадовой, 34 лет.

* * *

А. М. Астахова: «Текст представляет собой контаминацию двух сюжетов — об исцелении Ильи Муромца и о победе его над Соловьем-разбойником. Оба сюжета полузабыты, это подтверждается и ремаркой самой исполнительницы. В особенности разрушен 2-й сюжет, в передаче которого исчезли все характерные и широко известные детали (гнездо Соловья на дубах, его устрашающий свист, от которого спотыкается конь Ильи, Илья в подворье Соловья и другие), и позабыто даже имя самого врага. Сама исполнительница, сказав былинку, заметила: „...уже очень нескладно у меня вышло”.

Но, как и в других былинах, сообщенных П. В. Негадовой, содержание передано, хотя и обедненно и почти конспективно, но в логической последовательности эпизодов. <...>

По словам Негадовой, она слышала былинку от бабушки, Аграфены Матвеевны, и действительно, некоторые детали первой части несомненно восходят к ее тексту, записанному в 1899 г. (Марк., № 42). Ср. самое начало, наименование работы, на которую ушел отец Ильи, „тяжелой работушкой” (стихи 21—22 у Крюковой и 25 у Негадовой), одинаковое выхаживание жеребенка путем выкатывания его в росах Ивановской, Ильинской и Петровской (стихи 35—39 у Негадовой, 135—140, 222—225 и 253—256 у Крюковой), указание на цвет коня (серый жеребенок у Крюковой, Сереюшко у Негадовой)» (БПЗБ, с. 566—567).

Краткая ремарка о внезапном исчезновении странника (*тут калики перехожего не очудилось*), вероятнее всего, навеяна текстом кижанина Л. Богданова (Рыбн., № 52), который был перепечатан в хрестоматии А. Оксенова «Народная поэзия» (Оксенов, с. 16), откуда его усвоили старшие члены семьи Крюковых — Аграфена Матвеевна и Марфа Семеновна. В былинке П. Негадовой просматривается влияние сказочной традиции (надпись на развилке дорог в ст. 45—48 отличается от эпического варианта аналогичного предсказания; дорогу на Киев перекрыл не Соловей-разбойник, а *поганый Змей*).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК (№ 33—37)

Практически во всех регионах России былина о первой поездке Ильи Муромца, наряду с «Добрыней и Алёшей», является самой популярной эпической песней. В репертуаре сказителей Зимнего берега она занимала более скромное место (9 вариантов с учетом контаминированных текстов, пять из них генетически связаны с печатными источниками). И в содержательном, и в стилистическом плане местная обработка сюжета гораздо беднее записей из других былинных ареалов. В ней конспективно рассказывается об освобождении Ильей Муромцем осажденного врагами русского города, о преодолении богатырем застав на пути в Киев и о его столкновении с родственниками Соловья-разбойника. Вопреки общерусской традиции, в двух самых полных золотицких вариантах Илья отпускает Соловья-разбойника, а в одном судьба эпического противника остается неизвестной. Для местной редакции сюжета характерен ряд нестандартных деталей и формул. Во всех четырех устных по происхождению текстах богатырь уничтожает *силу неверную*, осадившую русский город *Чиженец / Чижен*; в трех былинах его жители уподобляют своего спасителя ангелу или архангелу. Видимо, этот мотив в старину был распространен достаточно широко, поскольку он зафиксирован собирателями в таких удаленных от Поморья географических пунктах, как Рагнозеро на Пудогге (СБ 17, № 206, 207 и др.) и Алтайский край (Гул., № 11). Путь в Киев герою преграждают три заставы, но об их преодолении сказано предельно скупо. Как и в соседних регионах, расстояние измеряется не количеством верст, а временем, которое необходимо для его преодоления. Изображая нападение дочерей Соловья-разбойника на Илью Муромца, два сказителя использовали пародийные мотивы (ср. некоторые кулойские тексты — СБ 6, № 16, 18 и др.).

№ 33

Ефименко, № 5 «Старина про Илью Муромца»; Т.—М., отд. 2, № 5 «Илья Муромец и Соловей-разбойник».

Зап. И. Ф. Розановым в конце 1860—начале 1870-х гг.: д. Верхняя Зимняя Золотица — исполнитель неизвестен.

Примечания: ¹В Т.—М. предлог пропущен. ²В Т.—М. коммент.: *калиновый*. ³В Т.—М. коммент.: *пролету?* ⁴У Ефименко *гнездышко* (видимо, опечатка). ⁵В Т.—М. — *крест-от*.

* * *

Этот вариант — самая ранняя запись былины, сделанная на Зимнем берегу священником И. Ф. Розановым от сказителя, имя которого осталось неизвестным. Текстологический анализ позволяет предположить, что исполнителем мог быть житель д. Верхняя Зимняя Золотица Ф. Пономарев или его непосредственный учитель (подробнее см. об этом коммент. к № 3 «Поединок Добрыни с Ильей Муромцем»). Удельный вес совпадений в тексте этого певца с одноименной былинной в собрании Розанова менее значителен, нежели в соответствующей паре вариантов «Поединка Добрыни с Ильей». Они принадлежат к одной модификации сюжета, но заметных расхождений между ними, в том числе и композиционных, гораздо больше, нежели в предыдущей старине. Пономарев использовал целый ряд эпических стереотипов, отсутствующих в рукописи Розанова. Это описание седлания коня и сборов богатыря в поездку; наговор Ильи Муромца на стрелу, которую он пускает в Соловья-разбойника; формула *конь скакал через стену городовую, мимо ту же круглу башню наугольнюю*. Илья Муромец не застал дома князя Владимира, который ушел *во Божью церкву* (видимо, это заимствование из старины о Дюке Степановиче). Недоверие богатыря, рассказавшему о своей поездке, выражает князь Владимир, а не его подданные. Почти все эти элементы обычны для золотицкой традиции, в них нет лишь двух последних деталей. Нестандартные элементы

есть и в записи Розанова. Герой выезжает из Муромца под колокольный звон, созывающий прихожан на *честну раннюю заутреню*; дочь Соловья-разбойника радуется, что отец везет пленника на *съеденье малым деточкам*. (Ср. с вариантом Ф. Седунова, в котором Соловей-разбойник *по целому богатырю с конем глотат* — № 35). Архаичное слово включено в финальную сцену: отпуская Соловья-разбойника на волю, богатырь *берет с него роту* (клятву) *великую* больше не заниматься разбоем. В словоупотреблении прослеживаются и другие разноречия. В розановском тексте — *палица тяжелая*, у Пономарева — *боёвая*; см. также *поехал* (...) *в силу неверную* — *стал на силушку наворачивать*; *князи-бояри* — *князи, думные бояре*; *по тучным бедрам* — *по крутым бедрам*; *возите* — *тените телеги*; *грядня княженецкая* — *гирня*; Соловей-разбойник *сидит на семи дубах* — *на девяти дубах*. О влиянии соседней кулойской традиции свидетельствует оригинальный мотив пародийного характера, который использовали оба верхнезолотицких сказителя: увидев Илью Муромца, дочери Соловья-разбойника пытаются отбить своего отца, вооружившись коромыслом, помелом и т. п. (ср. СБ 6, № 16, 18, 20, 21). И все же приведенных фактов недостаточно, чтобы считать верхнезолотицкие тексты записанными от разных исполнителей. Во-первых, почти все различия факультативны, на них могло сказаться «личное настроение минуты: иногда певец употребит одни из своих обычных выражений и форм, иногда другие», как справедливо отмечал один из лучших знатоков эпической традиции П. Н. Рыбников (Рыбн., I, с. 73). Во-вторых, И. Ф. Розанов, собиратель-самоучка, в отличие от профессионального фольклориста А. В. Маркова явно записывал былины не с пения, а под диктовку, что не могло не сказаться на их словесной структуре. В-третьих, изменения в текстах могли быть вызваны большим временным промежутком (более 30 лет) между первой и второй фиксацией старин того же сказителя. Наконец, в пользу возможной записи от одного певца свидетельствует использование в обеих старинах одних и тех же географических названий, «общих мест» и стилистических оборотов. Илья Муромец освобождает от *силы неверной* город *Чиженец / Чижен*; этот топоним встречается также в текстах верхнезолотицкого певца Ф. Седунова (№ 35) и Г. Крюкова из Нижней Зимней Золотицы (№ 34). На пути к речке Смородинке богатырь преодолевает три заставы, он приковывает Соловья-разбойника к *стремени булатному*. Неожиданное избавление от вражеского нашествия жители города воспринимает как вмешательство небесных сил: *Нам ведь послал, видно, Восподи аньгела, (...) арханьгела*. Как указано в преамбуле, это не новация золотицких сказителей, а традиционный мотив, встречающийся в былине Г. Крюкова (№ 34), а также в записях из Прионежья и Алтайского края. В обоих вариантах необычен финал повествования: Илья Муромец отпускает Соловья-разбойника за выкуп, привезенный его детьми. В одной из пинежских записей развязка такая же, но выкуп не упоминается (СБ 7, № 10). В других текстах Илья неизменно отказывается щадить своего противника. Совокупность приведенных фактов делает вполне правдоподобным предположение о том, что И. Ф. Розанов записал все 6 былин, включая комментируемый текст, от Ф. Т. Пономарева или его непосредственного предшественника, у которого он учился сказительскому мастерству. (Подробнее см. об этом: Новиков-2013, с. 211—222).

№ 34

ББ, № 68 «Первая поездка Ильи Муромца»; БСДС, № 68.

Зап. А. В. Марковым 15 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 77 лет.

Примечания: ¹[Вместо *засвистел-то*]. ²[Вместо *сыть*].

* * *

От Г. Л. Крюкова записан типичный образец местной редакции сюжета. По содержанию и стилю он особенно близок к записи И. Ф. Розанова и к былине Ф. Т. Пономарева (№ 33). Их сближает наличие целого ряда оригинальных мотивов, редко встречающихся в других записях этой старины. Илья Муромец

освобождает от вражеской силы великой город *Чѣженецъ*. Судя по тому, что это название дублируется (*Черни-город* — ст. 28—30), оно появилось в былине сравнительно поздно как замена традиционного топонима *Чернигов*, зафиксированного в разных областях России. Благодарные горожане отождествляют своего спасителя с ангелом, посланным самим Господом. В тексте использованы типовые для золотицкой, или шире, — архангельско-беломорской — традиции формулы: *А левой рукой-то он коня ведёт, // А правой рукой дубье рвет да ведь с коренём, // С коренём рвёт да ведь мост мостит; Лёкко скакал да на добра коня; А как бьёт челом-ту князю в рученьку во правую; Ише мать сыра земля да потрѣсала-се, // Сыро дубьѣ да пошаталосе*. От свиста Соловья-разбойника князь Владимир не может устоять на ногах, его поддерживают под руки богатыри (ср. с записью И. Розанова — № 29). Характерны для данного региона и некоторые нестандартные постоянные эпитеты (*старая старыньшина* — об Илье Муромце, *медь всё козарочка, столы окольния, бояре кособрюхи*).

№ 35

ББ, № 107 «Первая поездка Ильи Муромца»; БСДС, № 107.

Зап. А. В. Марковым 20 июня 1899 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Федора Парфеновича Седунова, 60 лет.

Примечания: ¹[Сторону]. ²[См. примеч. 2 к с. 348 (вместо *сыть*)]. ³[Вместо *с има*]. ⁴[С этого места Седунов плохо знал старину и допел ее до конца только с помощью нескольких крестьян, которые ему подсказывали почти каждый стих. Более всех ему помогал Кизил (Иезекииль) Андреевич Лыткин, брат довольно известной сказательницы (см. с. 24, № 7). От последнего я слышал, между прочим, предание о том, что *Илья Муромец в Киеви сидит на коні с саблѣй*].

* * *

Сказитель строго придерживался местной редакции сюжета, используя большинство типичных для нее элементов. Илья Муромец нарушает обет не применять на пути в Киев боевое оружие, прикованное ко *стремени булатному*; он освобождает от вражеской осады город *Чижинецъ / Малой Чижинецъ*; отказывается от предложения горожан *царём царить, (...)* *седокѣм сидеть*; по дороге в Киев *мос<т> мостит* из вырванных с корнями дубов; преодолевает *три заставушки великие*, охарактеризованные в традиционном стиле. Как и в записи И. Розанова и в варианте Г. Крюкова (№ 29), киевские богатыри подхватывают под руки князя Владимира, который не может устоять на ногах от свиста Соловья-разбойника. Оригинален лирический по характеру запев былины (ст. 1—4), чуть ли не дословно совпадающий с аналогичными вступлениями в старине «Илья Муромец и разбойники» лучшего кулойского певца Е. Садкова (СБ 6, № 30) и в тексте «Трех поездок Ильи Муромца» мезенского певца Е. Рассолова (СБ 4, № 107). Соловей-разбойник питается тем, что *по целому богатырю с конем глотат* (ср. с близкой по тематике формулой в записи Розанова: дочь разбойника радуется, что отец везет пленника *на съеденье малым деточкам*). В тексте приведен диалог богатыря с дочерьми его эпического противника, но об их нападении на него не говорится. Недоверие герою, рассказавшему о своей победе над Соловьем-разбойником, высказывает князь Владимир, а не его подданные. Повествование прерывается неожиданно, без традиционной казни Соловья-разбойника Ильей Муромцем. Ф. Седунов использовал целый ряд характерных для местной традиции сравнительно редких лексем и словосочетаний: *восударь да Илья Муромецъ, красѣн Киев-град, мечѣт коня да не розуздана, хвастал <на пиру> да широкім двором, говорит (...)* *таковы речи, гривна <вм. гридни> да княженецкая*, а также обычное для былин из северо-восточных регионов Европейского Севера России измерение расстояния не верстами, а временем, необходимым для его преодоления.

№ 36

ММБ-1, № 10 «Первая поездка Ильи Муромца»; БСДС, № 149.

Зап. А. В. Марковым летом 1901 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Федора Тимофеевича Пономарева, 1829 г. р.

Примечания: ¹[Во второй раз певец пропел так: «Дальше есь Соловеюшко да Рохманистой»]. ²В ММБ-1 *Мурвмеч* (видимо, опечатка). ³[По словам певца, деньги эти были положены в монастырь].

* * *

Основные особенности данного варианта охарактеризованы в комментарии к верхнезолотицкой записи И. Розанова (№ 29). Дополнительно можно отметить еще несколько не столь существенных подробностей, отличающих былинку Пономарева от розановской старины. Перед отъездом в Киев Илья Муромец приковывает не копье, а *палицу боёвую, сабью вострую, всю сброду богатырскую*; чтобы отковать их, он произносит заклинание (ст. 50—53), чего нет ни в одном другом тексте. Оригинально дополнена формула, характеризующая речку Смородину: *Через речку нету мелкого переброду же, // Ище нету как ведь узкого перескоку же*.

№ 37

РО ИРЛИ, р. V, кол. 90, п. 6, ед. хр. 25, л. 2—3 «Старина». Опубл.: БПЗБ, № 161 «[Илья Муромец и Соловей-разбойник]».

Самозапись Т. Е. Точилова, присланная в письме к А. М. Астаховой из д. Нижняя Зимняя Золотица в 1937 г.

Текст былины с заглавием «Старина» прислан в письме с запиской: «Сопроводительная. Сопровождается при сем три старины. Первые две полные, а третья немного не вся, не хватило бумаги. По получении настоящего письма прошу уведомить меня. С приветом к вам сказитель Точилон Т. Е.».

Примечания: ¹В ркп. *бу(д)то*. ²В ркп. *гой*; в БПЗБ — *ой*.

* * *

А. М. Астахова: «Публикуемый вариант является воспроизведением текста сборника Кириши Данилова „Первая поездка Ильи Муромца в Киев” (КД, № 49) с некоторыми добавлениями, пропусками и изменениями внутри стихов (перестановкой слов, вставками слов и частиц, выправляющих ритм стиха, и т. п.). Сильно сокращена сцена в подворье Соловья-разбойника — выпущены стихи 58—89 текста Кириши, пропущено и еще несколько отдельных стихов. Вставлено традиционное описание скачки коня — стихи 70—75 публикуемого варианта, прибавлен весь конец, начиная с 152-го стиха. Некоторые стихи превращены в два или даже в три стиха путем повторов с подхватами. (...) Происхождение варианта неизвестно. По сообщению В. П. Чужимова, который познакомился с исполнителем в 1934 г., Тит Егорович имел обыкновение записывать былинные тексты. Точное следование порядку стихов былины Кириши Данилова заставляет предполагать, что когда-то Точилон переписал текст сборника Кириши к себе в тетрадь, но, переписывая, менял построение стихов, выпускал и вставлял стихи и отдельные слова на основе хорошо известной ему былинной традиции. Добавленные в конце 13 стихов не имеют соответствия в других известных нам вариантах былины и, видимо, принадлежат самому Точилону» (БПЗБ, с. 576—577).

Вмешательство Точилова в прототекст, в частности, проявилось в том, что он опустил сцену столкновения Ильи Муромца с зятями Соловья-разбойника, заменил некоторые слова более знакомыми ему лексемами (*по изотчеству* → *по отчеству*, *Сухан-богатырь сын Домантьевич* → ... *Дементьевич*, *накурил он беды* → *натворил...* и т. п.).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ (№ 38—40)

Этот сюжет занимает скромное место в эпическом репертуаре Зимнего берега. Единственный полноценный вариант исполнил Г. Крюков, да и то в составе контаминированного произведения. Тексты Аграфены и Марфы Крюковых зависимы от книжных источников, от Ф. Пономарева записан прозаический пересказ сюжета, а от А. Стрелковой — небольшой по объему фрагмент, сюжетная принадлежность которого не поддается однозначному определению. Характерных особенностей в местных записях немного: Идолище запрещает в Киеве / Любове просить *милостину спасёную*; в некоторых текстах правитель города вынужден исполнять унизительные для него обязанности повара.

№ 38

ББ, № 92 «Илья Муромец и Идолище»; БСДС, № 92.

Зап. А. В. Марковым 21 июня 1899 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Федора Тимофеевича Пономарева, 70—71 г.

Примечания: ¹[Изложение рассказа исполнителя, который сам слышал его в прозаическом изложении, но в форме старины не слышал].

* * *

Краткий пересказ былины, записанный от Ф. Пономарева, отдельные детали которого типичны для местной эпической традиции. Илья переодевается в платье калики *Иванища*; в захваченном Идолищем Киеве запрещено давать милостину. Не совсем логична расправа Ильи с противником — богатырь *отсек ему саблей голову*, хотя не должен иметь боевого оружия, так как переоделся в наряд нищего странника. Стилистические особенности текста связаны с тем, что это не запись под диктовку сказителя, а изложение собирателем его пересказа.

№ 39

ББ, № 43 «Илья Муромец в изгнании и Идолище»; БСДС, № 43.

Зап. А. В. Марковым 1 июля 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «⟨Переняла⟩ у свекра Василия Леонтьевича».

Примечания: ¹[*Идолище*].

* * *

Мотивы и образы «Ильи и Идолища» использованы А. Крюковой в двух былинах. Данный вариант, целиком посвященный борьбе богатыря с Идолищем, частично восходит к золотицкой модификации сюжета, дополненной нетрадиционными сценами собственного сочинения. Используя типовой мотив клеветы

бояр *кособрюхих* на Илью Муромца, А. Крюкова построила повествование на конфликте князя Владимира со *старым казаком*, которого он изгнал из Киева. Связанные с этим сцены не имеют ничего общего со старинами о ссоре Ильи Муромца с Владимиром — они состоят из импровизационных по характеру описаний и монологов (ст. 3—21). Это же можно сказать о жалобах похудевшего от переживаний князя Владимира неузнанному им Илье Муромцу о постигшей его участи и об утешениях богатыря (ст. 115—156), об угрозах Идолища, названного сказительницей *тотарином*, разграбить Киев и *поставить* князя Владимира *на кухню* {...} *на меня варить*. Этот мотив от Аграфены Матвеевны, видимо, усвоил и по-своему дополнил Гаврила Крюков (№ 34). В стилистическом плане комментируемый текст не соответствует привычным стандартам народной поэзии. В нем почти нет эпических стереотипов, доминируют не устойчивые формулы, как в большинстве старин Г. Крюкова или Ф. Пономарева, а обычные, не всегда логичные по содержанию разговорные конструкции (*выбирайсе, удаляйсе, князь, ты ис полатушек, она* (княгиня Апраксия) *день-от ото дня да всё ище хуже, показалось-то царишу всё не в удовольствии* и т. п.). А. Крюкова заявила собирателям, будто оба варианта былины она переняла у свекра Василия Леонтьевича, но вряд ли это соответствует действительности. Вторая ее старина (№ 54) генетически восходит к старине Т. Рябинина из Кижей (Рыбн., № 6), перепечатанной А. Оксеновым в хрестоматии «Народная поэзия» (Оксенов, с. 36). Эту книгу получила в подарок от местного священника дочь сказительницы Павла Пахолова незадолго до приезда в Зимнюю Золотицу А. В. Маркова, а Василий Леонтьевич умер за четыре года до этого. В обоих произведениях действуют одни и те же персонажи, но обнаруживаются явные расхождения. В комментируемом тексте калика *от радости* отдает Илье Муромцу свою одежду, во втором — подробно описана его стычка с богатырем.

№ 40

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 527—528. Оpubл.: БПЗБ, № 128 «[Отрывок из былины Илья Муромец и Идолище]».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой в августе 1939 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Анны Васильевны Стрелковой, 73 лет.

Примечания: ¹⁻¹В БПЗБ строка пропущена.

* * *

Фрагмент, записанный от А. Стрелковой, в сюжетном отношении не поддается точному определению. А. М. Астахова писала об этом отрывке: «В записях из Зимней Золотицы и из других мест аналогичных текстов нет. О том, что в Киеве (или в Царьграде) всё не по-старому и что запрещено просить милостыню именем Христа, обычно сообщает Илья в былине об Идолище Поганом калика переходящая (Марк., № 69; Крюк. I, с. 120).

«Исполнительница сослалась на Семена Васильевича Крюкова, от которого она якобы слыхала данный вариант на совместных полевых работах: „Пропевал, когда страдали в Травном ручьи“» (БПЗБ, с. 568).

В тексте упоминается мать князя Владимира, не известная по другим записям русского эпоса.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК (№ 41—44)

Из 5 вариантов «Ильи и Сокольника», записанных на Зимнем берегу, только былины Г. Л. Крюкова и В. И. Чекалева полностью восходят к устной традиции. Тексты А. М. и М. С. Крюковых и П. С. Пахоловой в большей или меньшей степени связаны с печатными источниками, причем не только с

хрестоматией А. Оксенова (Оксенов, с. 38), которая в их семье была основным источником эпического знания (исключая Г. Крюкова, носителя устной традиции Зимнего берега). Кроме его старины, в которой кратко сообщается о рождении сына у бабы *Латынгорки*, все золотицкие тексты начинаются с описания богатырской заставы под Киевом. Эпического противника все сказители, за исключением В. Чекалева, именовали *Подсокольником*. В описании поединка Ильи Муромца с Подсокольником певцы нередко использовали формулу *по колен в землю втоптались*. В былинах представителей семейства Крюковых, как и в ряде других архангельско-беломорских записей, богатырь узнает своего сына по именному кольцу.

№ 41

ББ, № 70 «Бой Ильи Муромца с сыном»; БСДС, № 70.

Зап. А. В. Марковым 15 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 77 лет.

Примечания: ¹В ББ далее в скобках знак вопроса. ²В ББ *дари* (видимо, опечатка). Ср. ст. 133. ³Ср. примеч. 3 к № 56. ⁴В ББ *воё* (вероятно, опечатка).

* * *

Г. Л. Крюков — единственный золотицкий сказитель, который в начале произведения упомянул мать Подсокольника *бабу Латынгорку*; в записях от его земляков доминирует другой, тоже традиционный зачин — подробное описание богатырской заставы на границах эпической Руси. В тексте немало нестандартных деталей и формул, которые редко встречаются в былинах Зимнего берега. Илья Муромец именуется *старой старыншиной* (эпитет, характерный для семейной традиции Крюковых), его сын — «*Подсокольничком-охотничком*»; во время поединка соперники *по колен (...)* *в землю втоптались* — то же в старинах В. Чекалева и П. Пахоловой — № 43, 44; кличка богатырского коня — *Воронешко*; он *скоро летит, как стрела калёная*. Илья узнает сына по своему *злачёному перстню*; Подсокольник убивает мать, предложив ей подать ему копье тупым концом. Редкие формулы использованы для обозначения агрессивных намерений Подсокольника (он *клонит вострым копьём да на святую Русь*) и сравнения Добрыни с противником (*мала мушца — сenna куча*). В финале былины сказитель допустил небольшую неточность: увидев на руке убитого противника свой именной перстень, Илья сожалеет о трагической гибели сына (ст. 218—226), хотя уже видел и опознал кольцо во время поединка (ст. 177—178).

№ 42

ББ, № 4 «Бой Ильи Муромца с сыном»; БСДС, № 4.

Зап. А. В. Марковым 16 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «(Переняла) у дяди Ефима».

Примечания: ¹[Вместо *богатырю*]. ²[Т. е. его, Подсокольника].

* * *

Текст заметно отличается от золотицкой редакции сюжета и содержит ряд деталей и формул, известных по двум почти идентичным вариантам из сборника П. В. Киреевского, один из которых (Кир. I, с. 46) был перепечатан в хрестоматии А. Оксенова «Народная поэзия» (Оксенов, с. 38). В них совпадают

или очень близки: упоминание среди стоящих на заставе богатырей *Ванюшки, боярского сына*; монолог Добрыни, удивленного внешним видом противника, — ст. 72—73; гиперболизированное описание силы *нахвальщика — земля потрясалась, из озер, рек вода выливалась* (первая часть формулы встречается и в золотичких вариантах, вторая не известна местной традиции) и др. Во второй половине былины действие развивается необычно, в ней немало существенных отклонений от традиции. Илья бьет противника палицей по голове, тот не оборачивается; богатырь проверяет свою силу на камне и т. д. (ст. 94—115). Возможно, эта сцена включена А. М. Крюковой в произведение под влиянием сюжета «Добрыня и Настасья» или «Святогор и Илья Муромец» (Марфе, старшей дочери исполнительницы, обе эти старины были известны), но не исключено и воздействие оригинальной редакции сюжета «Илья и Сокольник», записанной от пудожанина Н. Прохорова (СБ 17, № 230). Далее, вопреки логике, рассказывается о том, как соперники меряются силой с использованием разных видов боевого оружия, причем на этот раз Илья не только оказывается достойным противником чужеземного богатыря, но и берет над ним верх (ст. 125—129). В семантическом плане это избыточный и нелогичный повтор. Подобное дублирование встречается и в других сегментах текста. Агрессивные намерения Подсокольника иллюстрируются такой формулой: *Приклоню-ту свою палицу тяжолую <...> на красён Киев-град, как на матушку <...> да каменну Москву*. Победив соперника, Илья Муромец узнает о его роде-племени, а потом еще раз убеждается в том, что это — его сын, увидев на его руке *свой <...> именной перстень*. Финальные сцены явно сочинены А. Крюковой, стремившейся связать свою былинку с сюжетом «Глеб Володьевич», входившим в ее эпический репертуар (Илья еще раз побеждает Подсокольника, срубает ему голову и освобождает захваченные им русские корабли).

№ 43

П. з. сохранилась фрагментарно (ст. 19—40): РО РГБ, ф. 160, п. 9, ед. хр. 3, л. 1 об. Оpubл.: ББ, № 98 «Илья Муромец на заставе»; БСДС, № 98.

Зап. А. В. Марковым 22 июня 1899 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Власа Ивановича Чекалева, 59 лет.

Примечания: [(Умеет), как сделать честь? Ср. в Песнях Киреевского, IV, 13: «Знает (Добрыня), как богатырю честь отдать»].

* * *

Краткий вариант архангельско-беломорской редакции сюжета. Противник Ильи Муромца *дородён доброй молодец <...> из земли-то из Задоньския* так и не назван по имени, что не свойственно русским эпическим песням. В былине нет обычной сцены узнавания, ничего не говорится о родственных связях главных персонажей, конец повествования скомкан. Сказитель использовал целый ряд типовых для местной традиции подробностей повествования: *лёкко, скоро скакал-то да на добра коня, шоломя окатисто, они ноги втоптали да по колен в землю*; выразительна портретная характеристика вражеского наездника (ст. 60—65). Оригинальны обращение Добрыни к коню с просьбой *унести его от смерти от напрасныя*; сравнение богатыря с оводом; конь Добрыни назван *Воронешком*. Илья Муромец, догадавшись о неудачной попытке своего названного брата помериться силами с чужеземцем, не спрашивает его об этом и сам отправляется навстречу врагу.

№ 44

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 867—878—872 об. Оpubл.: БПЗБ, № 93 «Младой Подсокольничок».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 3 сентября 1939 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Павлы Семеновны Пахоловой, 60 лет.

Перед текстом примечание исполнительницы: «Слышала от мамушки родимой. Боле не помню. Так вся и есть!».

Примечания: ¹В п. з. слово вставлено сверху. ²В п. з. далее зачеркнуто я. ³В п. з. исправлено из Ильёй. ⁴⁻⁴В п. з. зачеркнуто *И тогда говорил-то*. ⁵В п. з. в начале стиха зачеркнуто *И*. ⁶В п. з. в слове *заплакал* вставлено сверху *ы*; в БПЗБ вставка не отражена. ⁷В п. з. в начале стиха зачеркнуто *Один*. ⁸В п. з. и БПЗБ имя коня дано со строчной буквы, хотя в других фрагментах с прописной. ⁹В п. з. далее вставлено и зачеркнуто *в*. Вставка была выполнена позднее, так как на месте пропуска стояло многоточие; в БПЗБ предлог есть. ¹⁰В п. з. далее зачеркнуто *ты*. ¹¹В п. з. далее зачеркнуто *но*. ¹²В п. з. слово вставлено позднее; в БПЗБ вставка не отражена.

* * *

Текст во многом близок к варианту Марфы Крюковой, старшей сестры исполнительницы, отличаясь от него большей степенью зависимости от книжных источников и меньшим удельным весом индивидуальных привнесений. Певица использовала мотивы и формулы архангельских вариантов из сборника П. В. Киреевского (Кир. I, с. 46; IV, с. 6), которые отсутствуют в былине ее матери (№ 38). Видимо, этот сюжет был известен Пахоловой не только по хрестоматии А. Оксенова (Оксенов, с. 38), но и по сборнику В. Авенариуса (Ав., с. 218). Об этом, в частности, свидетельствует необычный порядок выезда богатырей против Подсокольника (сначала Добрыня, затем Алеша Попович — то же у А. Крюковой, № 38). С вариантом А. Крюковой данный текст сближает также оригинальная подробность в описании борцовского поединка (Илья *умел-то правой ножкой подкорючивать*, благодаря чему сразу одержал победу над противником, что не характерно для данного сюжета) — узнавание сына по именному золотому кресту *с надписью, написано было имя всё, отечесъво* (почему-то крест висит на правой груди). С былинной Аграфены Матвеевны совпадают необычное имя матери Подсокольника — *Маринка дочь Кайдальевна* и другие детали, позаимствованные из сюжета «Глеб Володьевич» (ст. 201, 220). Конь Ильи, как и в ряде других старин Крюковых, назван *Белеюшком*. В данном тексте, так же как и в одной из записей из Архангельского уезда (Кир. IV, с. 12), употреблена редкая формула хвастовства Подсокольника: *А я лёкко верчу своей да палицей булатною, // И уж я так буду вертеть Илейкой-то и Муромцом*. Заключительные эпизоды не традиционны, видимо, Пахолова позаимствовала их у матери.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ (№ 45—47)

Былины об отражении вражеского нашествия на Киев русскими богатырями под руководством Ильи Муромца записывались на Зимнем берегу 6 раз, однако все они частично связаны не с местной фольклорной традицией, а с книгами. Аграфена Крюкова и ее старшая дочь Марфа исполнили по две разные версии сюжета, которые они позаимствовали из хрестоматии А. Оксенова «Народная поэзия», дополнив их некоторыми подробностями из других печатных источников; Т. Точилов заучил старину из сборника Кириши Данилова, а текст П. Пахоловой представляет собой индивидуальную композицию с включением ряда традиционных мотивов из разных былин. О множественности источников этих произведений свидетельствует варьирование имен царей, возглавляющих вражеское войско: *Калин, Каин, Кудреванко, Баттай, Бадан*.

№ 45

ББ, № 2 «Илья Муромец и Калин»; БСДС, № 2.

Зап. А. В. Марковым 19 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «⟨Переняла⟩ у него же ⟨у дяди Ефима⟩».

Примечания: ¹[В былинах А. М. Крюковой Чурило обладает совершенно особенным обликом].

²Прозаическая вставка исполнительницы, чтобы сократить перечисление всех богатырей. ³[т перед т перешло в й].

* * *

Былина мозаична по составу. А. Крюкова использовала ряд мотивов и формул, типичных для золотницкой традиции, включила в повествование ключевые мотивы из баллады «Молодец и казна монастырская» и старины «Илья Муромец и разбойники» (ст. 11—28), некоторые эпизоды собственного сочинения (самоубийство Добрыни — ст. 87—92, заключительные сцены и диалоги). Эпизод с подаренной князем Владимиром шубой, которую богатырь таскает за *един рукав*, близок к одной из алтайских публикаций С. Гуляева (Гул., № 36); наименование ее «*кошулюю*» в старых записях встречается только в кенозерских и пудожских вариантах «Трех поездок Ильи Муромца» и в некоторых былинах с Терского берега, родины А. Крюковой. С вариантом пудожанина Т. Романова и ряда других сказителей совпадает переосмысленное имя татарского царя (*Каин* вместо традиционного *Калина*). Некоторые нестандартные детали (описание вражеского нашествия на Русь в ст. 93—122, отчество вражеского предводителя *Калинович*) восходят к тексту из сборника Кириши Данилова (КД, № 25), перепечатанному в хрестоматии А. Оксенова «Народная поэзия» (Оксенов, с. 147). Из быliny об Илье Муромце и Сокольнике, записанной в Архангельском уезде (Кир. IV, с. 12), позаимствовано упоминание о *дворянских забавах* героя. С печатными источниками связаны не характерные для северо-русской эпической традиции топонимы *степи* ⟨...⟩ *Саратовы*, *гора Араратская*. Некоторые эпизоды и детали, вероятнее всего, сочинены сказительницей: по приказу князя Владимира Илью Муромца *засадил* в глубокие *пещеры* ⟨...⟩ *смёртны* вместе с *добрым конём* (ст. 51—53); рассказ о том, как по велению *Каина-царя* его подданные пишут ультимативное послание князю Владимиру (*грамоту тотарьскую*, ⟨...⟩ *немецкую* — ст. 125—148); сцена примирения князя Владимира с выпущенным из заточения Ильей Муромцем (ст. 207—218); обращение богатыря к *вострой сабле* с жалобой на свою усталость (ст. 313—319) и т. п. Как и во многих других старинах А. Крюковой, повествование завершается многословной постпозицией: князь Владимир рассыпается в комплиментах своему спасителю, хочет его щедро наградить, обещает впредь не слушать наветов *бояр кособрюхи* и пр. С народной эпической поэзией эти сцены и монологи не имеют ничего общего. Это же можно сказать о некоторых псевдофольклорных лексических оборотах, смысл которых порой трудно понять (богатырь одной стрелой убивает трех *братьев Борисовых*; на *Владимири-то шупка* как *огонь горит*; *тут уехали богатыри* — *не всё ведь мы их*; после освобождения Ильи Муромца из темницы его конь *обнимат* своего *ножками любимого хозяина*).

№ 46

ББ, № 3 «Илья Муромец и Бадан (Батый)»; БСДС, № 3.

Зап. А. В. Марковым 18 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «⟨Переняла⟩ у дяди Ефима и матери».

Примечания: ¹[Т. е. князь Владимир]. ²В ББ *ц(ч)итайте-тко*. ³Комментарий исполнительницы. ⁴Прозаическая вставка исполнительницы, чтобы не перечислять всех богатырей по имени. ⁵Прозаический комментарий исполнительницы. ⁶Комментарий исполнительницы. ⁷Конь Ильи назван здесь Воронюшко, в других вариантах обычно Белеюшко, а у Добрыни Воронюшко. ⁸[Т. е. богатыри].

* * *

Вторая версия былины А. Крюковой о татарском нашествии тоже связана с печатным источником — другим текстом из хрестоматии Оксенова (Оксенов, с. 139; первоисточник — Кир. IV, с. 38, Архангельский уезд). По количеству книжных элементов этот вариант значительно превосходит предыдущий. Важнейшие сходжения с указанной публикацией — вражеское войско приплывает к Киеву на кораблях; имя неверного царя *Бадан Бадановиць* (в оригинале — *Батый Батыевич*); формула *собирал-то эту силу ровно три года, <...> всё три месяца*; упоминание траурных одежд, которые надели князь Владимир и княгиня Апраксия после получения вражеского ультиматума; упрек богатыря коню, который не хочет *стоять за веру православную*; обещание Ильи Муромца Бадану *послужить по его шее саблей востроу. Грамоту, содержащую требования татар, читает не сам князь Владимир, а богатыри Добрыня Никитич и Алеша Попович* (эта деталь иногда встречается и в других архангельско-беломорских записях). Перед битвой с врагами киевские богатыри *мечут <...> жеребьи*, кому какое место занять в боевых порядках русской дружины. Как и в одном из алтайских вариантов (Гул., Прилож. № 1), сын татарского царя предлагает отпустить *на Божью волю* изукрашенного сединой Илью Муромца, за что в финале былины богатырь щадит его (ст. 340—344, 367—369). Некоторые подробности повествования связаны с традицией Зимнего берега (эпитет «старая старынишина» — об Илье Муромце; кличка богатырского коня *Воронюшко*; формула *лепета же во лицу переменялесе*). Не имеет аналогов в других записях былин описание казни *Бадана* — его убивают *дубовыми палочьками* разъяренные жонки погибших на Руси татарских воинов (ст. 274—278). Иногда А. Крюкова употребляла алогичные выражения (от резких телодвижений татарского посла *вси околени со страху поломалисе*; *царь поганый* велит своим подданным стрелять из лука *во ясны очи* связанному Илье Муромцу). Отступления от традиции наблюдаются и в словоупотреблении (татары ставят *остры шшыки <штыки>* в вырытых ими подкопах; киевский князь Владимир именуется также *белым царем* — ст. 288).

№ 47

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 340—345 (маш.). Оpubл.: БПЗБ, № 97 «Про царя Кудрянка». Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 14 октября 1940 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Павлы Семеновны Пахоловой, 1879 г. р.

* * *

А. М. Астахова: «Текст примыкает к традиционным былинам об иноземном нашествии, но развивает сюжет без обычного конфликта богатырей с князем Владимиром и с боярами. Последние и совсем не упоминаются. Точно так построенного сюжета мы не встречаем ни в ранних, ни в поздних записях, но начальная часть былины совпадает в основных эпизодах, деталях и даже в словесной ткани с началом былины М. С. Крюковой „Кудрянка, ведь он же царь немилосливый”. Ср.: имя вражеского царя, его эпитет — немилосливый, наименование его войска „гвардией”, указание, что оно перешло Непрь-реку, что князь стал невесел и печален, что богатырей в это время „не случилось, не пригодилося”, наконец своеобразный эпизод — созывание князем Владимиром богатырей в туриный рог с башни (Крюк. II, с. 152—153). Но

затем варианты расходятся: текст Марфы Крюковой развернут как сюжет о Ваське-пьянице, Пахолова же строит вторую часть по образцу тех былин, которые изображают бой Ильи Муромца вместе с другими богатырями со всей силой вражеского царя («Камское побоище», «Илья Муромец и Калин-царь»)» (БПЗБ, с. 557).

Текст примыкает к группе эпических песен об отражении вражеского нашествия на Киев, но из-за обилия индивидуальных привнесений и аморфности содержания не поддается точной сюжетной идентификации. В перечень богатырей, участвующих в разгроме вражеской *силы-армии*, включены персонажи новеллистических по характеру сюжетов (*Иванушко сын Годинович* и *Васильюшко Богуслаёвич*). Сказительница порой испытывала затруднения в формировании былинных стихов (*А я скажу-те вам же што да всё же то, Побежали за им кто кому желательнѣ, // А хто с топорами же за им да кто с орудий же* и т. п.), употребляла чуждые фольклорному лексикону слова (*Кудреванко со свой гвардией силой великою приходит на пороги всё на Непреськие; князь Владимир теплую одежду одевал на себя; нам ловче да всё же ехати; во Киеви взволновалсе народ, поехали <...> к тим-то лагерям-шатрам татарским-то* и т. п.). В ст. 75—79 традиционное описание вражеского нашествия неудачно дополнено подробностями собственного сочинения (о многочисленном татарском войске сказано: *А и крепким разумом нельзя да всё подумати* и т. д.). Вопреки традиции, инициатор и предводитель нашествия Кудреванко бежал из-под Киева, так что его не могли найти.

КАМСКОЕ ПОБОИЩЕ (№ 48—53)

Местные версии достаточно известного на Севере сюжета — позднего происхождения. Известно 7 вариантов сюжета, из них 3 в ранней записи Маркова и 4 в поздних записях, последний зафиксирован в репертуаре М. С. Крюковой (входит в том 9).

№ 48

ББ, № 81 «Камское побоище»; БСДС, № 81.

Зап. А. В. Марковым 12 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 77 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «Напечатано с моей заметкой в „Юбилейном сборнике в честь В. Ф. Миллера“, под ред. Янчука, с. 150—162».

Примечание: ¹[По объяснению певца, тихим шагом].

* * *

Вариант Г. Л. Крюкова не имеет непосредственного книжного влияния. Включает песенные формулы: *Они скоро ведь скакали на резвы ноги, // Умывалисе они свежой водой ключевой, // Утиралисе они да полотенъцами, // Как молились они Спасу Пречистому, // Поклонелисе они да матери Божьей Богородици*. Концовка носит эротический характер и сопряжена со смертью Добрыни от унижения мужской чести и достоинства бабой Латынгоркой.

№ 49

ББ, № 94 «Камское побоище»; БСДС, № 94.

Зап. А. В. Марковым 21 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Федора Тимофеевича Пономарева, 70—71 г.

Примечания: ¹[Пономарев пел эту былинку с передышкой в этом месте, посреди стиха]. ²В ББ после слова в скобках знак вопроса. ³[Вместо *захлевыи*]. ⁴[См. примеч. к ст. 3]. ⁵Вместо *Латынгорку* (вероятно, ошибка исполнителя или дефект при издании). ⁶[Конечно, вместо *на камени*].

* * *

В былине Ф. Т. Пономарева по сравнению с текстом Г. Л. Крюкова в первой части содержится довольно большой фрагмент навета и клеветы бояр на Илью в попытке рассорить князя и богатыря. Возможно, он заимствован из былинны № 54. В комментируемом тексте *на копья упали* от страха перед ожившей неверной силой и закололись Алеша Попович и Гаврила Долгополый (ст. 325 — 330; ср. у Г. Л. Крюкова такого эпизода нет, там копьем закалывается Добрыня от потери чести). Описание боя Ильи Муромца с добрым молодцем явно заимствовано из сюжета «Илья Муромец и Сокольник». В версии Пономарева в то время как Илья борется с сыном Борисом, баба Латынгорка победила Добрыню, и Илья застаёт унижение Добрыни (*Да как ездит по личу она гўзном жо*). В конце сюжета Илья после убийства сына едет к *синю морю* и находит тело Добрыни, который совершил самоубийство от унижения.

№ 50

ББ, № 104 «Камское побоище (Отрывок)»; БСДС, № 104.

Зап. А. В. Марковым 22 июня 1899 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Власа Ивановича Чекалева, 59 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «Чекалев знает всю старину, но я не успел записать ее целиком. Когда он рассказывал ее содержание, я заметил некоторые особенности в перечислении богатырей и потому записал это перечисление, — как всегда, с пения».

Примечание: ¹[Его Илья посылает созвать дружину].

* * *

Текст в основных чертах соответствует местной традиции.

№ 51

РО ИРЛИ, р. V, кол. 72, п. 1, ед. хр. 17 (бел. ркп.). Оpubл.: БПЗБ, № 141 «Камско побоишшо».

Зап. В. П. Чужимовым в августе 1934 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Ивана Егоровича Точилова, 45 лет.

В БПЗБ текст напечатан по белой рукописи В. П. Чужимова (ГЛМ, п. 9, № 9). В полевой записи были места, по-видимому, трудные для прочтения, и в белой записи они дописаны позднее (в рукописи ГЛМ дописано другими чернилами, в РО ИРЛИ видны точки).

В ркп. комментарий исполнителя: «Выучился лет тридцать назад, у Авдотьи Гавриловны Бурой, с которой сидел на тоні, от Вас(илия) Гр(игорьевича) Стрелкова».

Примечания: ¹⁻¹Стих дописан позднее. ²В ркп. комментарий: «Забыл строчку». В БПЗБ примечание: «Сказитель жалуется, что здесь забыл (никак не могу слова схватить)» — БПЗБ, с. 459. ³⁻³Исправлено из *Он не пьет, не ест да он не кушает* (ошибка при копировании п. з.). ⁴Слово вставлено позднее. ⁵[Дальше не помнит, всех — 30!]. ⁶Слово вставлено позднее. ⁷Далее строка написана второй раз и зачеркнута. ⁸⁻⁸Слова переставлены местами, правильный порядок показан цифрами. ⁹Исправлено из *спороть*.

* * *

А. М. Астахова отмечает, что «данный текст сохранил в центральной части встречу Ильи Муромца с Идолищем и известный диалог с ним, а в конце — эпизод боя Добрыни и Ильи Муромца с бабой Латынгоркой (в данном тексте с «поленицей преудалою») и гибель Добрыни после перенесенного им позора поражения. Оба ранних золотичских варианта (№ 48, 49) содержат эти эпизоды, но в текст Точилова внесены своеобразные детали: Добрыня убивается о камень случайно, приняв его за корабль, на котором хотел бежать; богатыри не могут одолеть ожившей неверной силы и гибнут. В основной своей части текст Точилова ближе к варианту Ф. Т. Пономарева (№ 49), чем Гаврилы Крюкова (№ 48); с ним объединяют его выделение роли Ильи Муромца (именно он, а не князь Владимир дает распоряжение собрать богатырей) и яркий социальный мотив (ср. у Точилова слова Ильи: «Мне не жалко-то вора князя Владимира» и т. д. — ст. 95 и след., у Пономарева: «Ишше не жаль мне тебя, князя, со кнегиною, // Ишше не жаль мне бояринов да брюшников»). Но текст Точилова значительно короче (у Пономарева 530 стихов).

За исключением самого конца, несколько смятого, публикуемый текст выдержан в хорошем эпическом стиле» (БПЗБ, с. 572).

№ 52

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 467 об.—458 (фрагмент п. з.). Опубл.: БПЗБ, № 96 «Камское побоишко».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 28 августа 1939 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Павлы Семеновны Пахоловой, 60 лет.

В п. з. комментарий исполнительницы: «Слыхала маленька от деда Гаврила».

Примечания: ¹В п. з. далее карандашом зачеркнуто *от*. ²В п. з. исправлено из *Изо*. ³В п. з. *Гоненовича* (ошибка исполнительницы). ⁴В п. з. карандашом исправлено из *О*. ⁵В п. з. карандашом исправлено из *со*. ⁶В п. з. в начале стиха зачеркнуто *Уж*. ⁷Предлог вставлен сверху. ⁸В п. з. в начале стиха зачеркнуто *пр*. ⁹В п. з. карандашом исправлено из *все*. ¹⁰Слово вставлено сверху. ¹¹⁻¹¹В п. з. слова вставлены сверху. ¹²В п. з. карандашом исправлено из *едину*.

* * *

А. М. Астахова дает подробный комментарий к этому тексту: «В 1900-е годы на Зимнем берегу были записаны А. В. Марковым всего 2 полных варианта и один короткий отрывок „Камского побоища“, из них один вариант (№ 81) — в Нижней Зимней Золотице от Гаврилы Леонтьевича Крюкова. К этому варианту и восходит публикуемая былина, на что указывала и сама исполнительница. Но вариант ее значительно короче (у Г. Л. Крюкова — 432 стиха) главным образом за счет выключения: 1) присоединенного у Крюкова к основному сюжету эпизода боя Добрыни и Ильи Муромца с бабой Латынгоркой (Марк., с. 443, ст. 386—432) и 2) вставленного в среднюю часть былины диалога и столкновения Ильи Муромца с Идолищем Поганым (Марк., с. 440—441, ст. 261—303). Оба этих эпизода имеются и в другом золотичском варианте из д. Верхняя Золотица от Ф. Т. Пономарева (Марк., с. 443), а эпизод боя с Латынгоркой сохранен и старшей сестрой Павлы Семеновны — Марфой Семеновной (Крюк. I, № 34), тоже перенявшей былинку от Гаврилы Крюкова.

Выключение указанных эпизодов сделало вариант П. С. Пахоловой более стройным и целенаправленным, но конец былины в известной мере снижает ее героическое звучание, изображая гибель всех богатырей (окаменение их) в бою с вновь ожившей из-за похвальбы трех богатырей силой — в большинстве

былин типа Камского побоища (см. библиографию сюжета: Аст. 2, с. 753) изображена гибель только самих похваставшихся богатырей, остальные во главе с Ильей Муромцем одолевают и ожившее вражеское войско» (БПЗБ, с. 556—557).

Стабильной можно считать формулу нападения и выезда на побоище богатырей, встречающуюся во всех вариантах: *Ише как всё равно вёшина грезь да подымаесе.*

Данный текст включен в указатель сюжетов Ю. А. Новикова условно. От других записей популярного в Зимней Золотице «Камского побоища» он отличается содержанием финальной сцены и развязкой; здесь слышны отголоски записи Л. Мея (богатыри из сил повыбились, поехали по стенам каменным, какой придет, <...> всё каменеет). В местной редакции сюжета развязка иная: киевские богатыри одерживают очередную победу, лишь иногда гибнут два хвастуна, бросившие вызов силе небесной.

№ 53

БПЗБ, № 143 «[Камское побоище]».

Зап. А. М. Астаховой в июле 1937 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Анны Васильевны Бронниковой, 80 лет.

* * *

А. М. Астахова так комментирует эту былинку: «Текст Бронниковой близок к варианту Ф. Т. Пономарева из Верхней Зимней Золотицы (Марк., № 94) в основной его части — повествовании о Камском побоище; присоединения же к концу былины встречи и боя Ильи с сыном, а Добрыни с бабой Латынгоркой, как это видим у Пономарева, в публикуемом варианте нет. Но и основная часть значительно сокращена, опущены многие детали и описательные места: наказ Идолища послу; пересказ Ильей содержания ярлыка; перечисление богатырей, которых следует созвать на бой; отправление Добрыни на разведку; посылка князем Владимиром Олеси к богатырям, расположившимся в поле, с упреком в промедлении. Нет и диалога Ильи и Идолища, перенесенного золотицкими исполнителями из былины „Илья Муромец и Идолище” (см. обе марковские записи). Таким образом, и данный текст, подобно варианту П. С. Пахоловой, более сосредоточен на основном событии. Отсутствие побочных эпизодов делает его динамичным. При всей своей краткости сюжет отличается четкостью построения: в нем, как и в тексте Пономарева, имеется яркий социальный мотив — князья-бояре обвиняют Илью Муромца в измене, а Илья говорит, что ему не жаль князей-бояр, а жаль в Киеве Божьих церквей и бедных вдов. (У Пономарева сказано еще, что ему, Илье, не жаль и князя с княгиней: Марк., № 94, ст. 162—166 и 200—206).

Мелкие своеобразные черты данного текста: слов „из-за Уральского” нет у Пономарева и в другом золотицком варианте, очевидно, притянуты осмыслением „Камского”, как наименования места, откуда выступает вражеская сила (см. начальный стих); наименования Васьки, посла татарского, „Черным” тоже нет в других вариантах, но у Пономарева в изображении прихода Васьки в палаты князя Владимира имеется деталь: „А не кстит он своего-та лича черново”, — очевидно, от этой традиционной детали (грудь врага — черная, лицо — черное и т. д.) и произошло отмеченное наименование Васьки; на созыв богатырей послан вместо Михайлушки (см. оба варианта Маркова, а также: Крюк. I, № 34) Микулушка; похваляется и затем закалывается один Олеша Попович (в других вариантах — Олеша и Гаврила Долгополый)» (БПЗБ, с. 572—573).

В данном варианте отсутствует сцена гибели Добрыни.

БУНТ ИЛЬИ МУРОМЦА ПРОТИВ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА (№ 54—55)

Все три золотицких варианта этого сюжета записаны от Аграфены Крюковой и ее старших дочерей — Марфы Крюковой и Павлы Пахоловой. Генетически они не связаны с устной традицией Зимнего берега, так как восходят к контаминированному тексту, опубликованному в хрестоматии А. Оксенова «Народная поэзия» (Оксенов, с. 44).

№ 54

ББ, № 44 «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром»; БСДС, № 44.

Зап. А. В. Марковым 3 июля 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «(Переняла) у свекра Василия Леонтьевича».

Примечания: ¹[Т. е. я не стану биться за Киев в поле; поэтому уеду и увезу богатырей (ст. 125)].
²[Т. е. с его (Ильи)].

* * *

Текст восходит к двум фольклорным вариантам, которые А. Оксенов механически объединил в одно произведение (Оксенов, с. 44), — к оригинальной архангельской версии сюжета «Никита Залешанин» (Кир. IV, с. 46) и к былинам пудожанина Н. Прохорова (СБ 17, № 266) и Т. Рябина из Кижей (Гильф. II, № 76). Ключевые мотивы и формулы в ст. 10—12, 31—40, 61—63, 76—79 восходят к архангельскому первоисточнику, ст. 103—109 — к прионежскому. Целый ряд нестандартных элементов не укладывается в рамки фольклорной традиции. Илья Муромец предсказывает князю Владимиру, что в минуту опасности бояре кособрюхие не спасут его от силы неверной (ст. 85—92); он угрожает снять копьем полаты по окошецька, задавить князьей да твоих бояров (ст. 93—95). Об убийстве Идолища князь узнает из рассказа калики Иванища (ст. 235—245); в финале былины он предлагает Илье Муромцу занять его место (ст. 313—315). Значительные по объему фрагменты комментируемого текста являются индивидуальными новациями сказительницы, которая использовала типовые былинные детали и формулы (ст. 44—59, 115—129, 161—175, 207—219, 246—305).

№ 55

РГАЛИ, ф. 1519, оп. 1, ед. хр. 78, л. 30—42; ГЛМ, ф. 55, ед. хр. 54 (маш.). Опубл.: БПЗБ, № 95 «Микитушка Залешанин».

Зап. Э. Г. Бородинной-Морозовой 31 августа 1938 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Павлы Семеновны Пахоловой, 1879 г. р.

* * *

А. М. Астахова: «Сюжет о столкновении с князем Владимиром Ильи Муромца, пришедшего на пир под именем Никиты Залешанина, не узнанного князем и им не „учествованного“, записан был Марковым всего в одном варианте от А. М. Крюковой. При этом вариант контаминирован с былиной о нашествии на Киев татар под предводительством Идолища, своеобразно претворившей некоторые мотивы былины об Илье Муромце и Идолище. Сама Аграфена Матвеевна, указав Маркову, что былину она восприняла от свекра, Василия Леонтьевича, призналась, что помнит ее „худо“. Однако первая часть былины — конф-

ликт Ильи-Никиты Залешанина с князем — отмечена четкой композицией и большой социальной остротой.

У П. С. Пахоловой, так же как и у ее сестры Марфы (Крюк. I, № 5), сюжет оформлен как самостоятельная былина. По общей композиции и отдельным мотивам она близка к материнскому варианту, но отличается от него развернутой картиной тщетных попыток насильно вывести Никиту вон (в записи от Аграфены Матвеевны этого эпизода нет) и указанием на намерение Ильи Муромца спустить стрелу в князя Владимира. Оба этих эпизода имеются и в былине М. С. Крюковой, а первый передан близко к варианту середины XIX в. из Онежского уезда бывш. Архангельской губ. (Кир. IV, с. 46), входившему в хрестоматию Оксенова, которая имела в семье Крюковых и оказала, как известно, большое влияние на тексты Аграфены Михайловны и Марфы Семеновны (см.: Русский былинный эпос на Севере, с. 294). От других сказителей былина записана не была, и вопрос, принадлежит ли она старой традиции Зимнего берега или была воспринята в семье Крюковых из книги, остается открытым.

Мотив угрозы пустить стрелу в князя Владимира встречаем в пудожском варианте Никифора Прохорова (Гильф. I, № 47), он принадлежит, таким образом, к общерусской традиции былин о бунте Ильи Муромца против князя Владимира» (БПЗБ, с. 556).

Как и варианты Аграфены и Марфы Крюковых, матери и старшей сестры исполнительницы, былина восходит к хрестоматии А. Оксенова «Народная поэзия» (Оксенов, с. 44), в которой соединены два текста — архангельская версия «Никита Заолешанин» (Кир. IV, с. 46) и былина пудожанина Н. Прохорова (СБ 17, № 266). П. Пахолова точнее своих родственниц воспроизвела печатный прототекст, в частности, описала безуспешные попытки киевских богатырей вывести Илью Муромца из *гривны княженевския*. Особенно близки к оригиналу ст. 11—15, 17, 34—37, 41—42, 62—66, 68—71, 91—95, 129—134. Повествование начинается с рассказа о ссоре князя Владимира с Ильей Муромцем, который отсутствует в хрестоматии, но использован Аграфеной и Марфой Крюковыми. Правда, обида богатыря на хозяина пира, который *сидит всё с воронами*, а его сажает *с воронятами*, не мотивирована — в тексте не говорится, куда именно князь Владимир посадил *Никитушку Залешанина*. Некоторые эпические стереотипы обычны для золотицкой былинной традиции (ст. 76—77, 81).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И РАЗБОЙНИКИ (№ 56—58)

Старина о столкновении Ильи Муромца с разбойниками устойчива по композиции, региональные ее обработки различаются лишь несущественными деталями. Немногочисленные золотицкие варианты в основном примыкают к записям из соседних регионов, все они завершаются истреблением разбойников. Характерное для архангельско-беломорской традиции живописное описание дороги, по которой едет богатырь, кратко представлено только в былине В. Чекалева. Расправа с разбойниками изображается по-разному: Илья срубает им головы; *раздереживает* их, накинув аркан *на всех станичъников*; или стреляет в дуб, разлетевшиеся щепки которого убивают его противников.

№ 56

ББ, № 97 «Илья Муромец и разбойники»; БСДС, № 97.

Зап. А. В. Марковым 22 июня 1899 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Власа Ивановича Чекалева, 45 лет.

Примечания: ¹В ББ *ўторик*, предположительно опечатка. ²В ББ *был был*, предположительно опечатка или оговорка исполнителя. ³В БСДС *седа*, С. Н. Азбелев считает это опечаткой. ⁴В ББ *луч(у)ило се*.

* * *

В небольшом по объему тексте, оставаясь в рамках традиционной для Зимнего берега сюжетной схемы, В. Чекалев использовал некоторые былинные формулы, не известные по записям от его земляков. Зачин, выдержанный в вопросно-ответной форме, содержит эпическую характеристику не только дороги, по которой едет Илья Муромец, но и богатырского коня и его седого хозяина (ст. 1—7). Размышления богатыря у придорожного столба с надписью обычны для местной редакции сюжета. Слово *станисьники*, как и в большинстве других районов Архангельско-Беломорского края, осознается сказителем как иностранное (ст. 32—33). Илья Муромец трижды перечисляет свои ценности, иронически заявляя, что *меньица с собой у мя не <с>лучилосе* (ст. 34—66). Реакция разбойников на эти слова такова же, как и в старине Г. Крюкова (№ 36): *ище тут-то станицьников призарило*. В былине описан необычный для русского эпоса способ расправы с врагами — Илья Муромец накинул на них *арканьцик-от* и *рострепал-то*, *роздергал* всех станицьников. Аркан упоминается только в описании охоты на опасного зверя в некоторых редакциях былины «Данило Ловчанин».

№ 57

ББ, № 45 «Илья Муромец и разбойники»; БСДС, № 45.

Зап. А. В. Марковым 4 июля 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «А. М. Крюкова переняла эту старину у дочери Павлы специально для того, чтобы сообщить мне; а Павла Семеновна в свою очередь выучила старину у деда Василия Леонтьевича».

* * *

По сравнению с № 56 представляет другую версию сюжета.

Краткий вариант А. Крюковой содержит лишь некоторые типичные для этого сюжета элементы. Подобно ряду других сказителей из Архангельско-Беломорского края, певица относила разбойников к чуждому этносу, отождествляя их с татарами (*По русськи-то назватъ — сорок тотарницьков*, // *По-тотарьски-то назватъ — сорок комышницьков*). В ряде случаев сказительница отступала от традиции. В числе наиболее дорогих вещей Ильи Муромца оказались *перцятюцьки <...> красна золота — подареньице князя Владимира*. В этом перечне фигурирует также *перо да лебединое* — Аграфена Матвеевна пропустила упоминание шляпы, которую оно украшало (см. ст. 62—64 в варианте Г. Крюкова — № 36). В финале былины Илья едет в Киев, что тоже необычно для этого сюжета, который большинство исполнителей не включали в киевский цикл эпических песен. Разбойники располагаются *во белых шатрах*, чего нет в других записях этой старины (как и в сюжете «Три поездки Ильи Муромца», разбойники встречают богатыря на дороге).

№ 58

ББ, № 69 «Илья Муромец, разбойники и Идолище»; БСДС, № 69.

Зап. А. В. Марковым 28 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 77 лет.

Примечания: ¹[Вместо *будут?*]. ²В БСДС *С собой*. ³В ББ *захочит* (вероятно, опечатка).

* * *

Сюжет старины представляет собой контаминацию из двух самостоятельных сюжетных линий «Илья и разбойники», «Илья и Идолище поганое». Во втором сюжете Илья освобождает от Идолища не Киев и князя Владимира, а царя города Любова (так называемая цареградская версия). Несколько необычно развивается здесь сцена встречи Ильи с каликой, у которого он силой отбирает одежду, чтобы неузнанным явиться в Любов.

От Г. Л. Крюкова записана необычная комбинация сюжетов: «Илья Муромец и разбойники» + «Илья и Идолище». Они соединены механически, поэтому не исключено, что сказитель сделал это по собственной инициативе. Первый сюжет органично вписывается в рамки местной традиции. Об этом свидетельствуют типовая формула *сорок станичников, по-русьскому званью сорок розбойников*; упоминание о том, что дорогая шуба Ильи Муромца — *подареньице князя Владимира* (эти детали есть в тексте А. Крюковой — № 57). Конь Ильи Муромца назван *Белеюшком*, что характерно для семейной традиции Крюковых. Формула *тут розбойников призарило* использована для того, чтобы описать реакцию грабителей, узнавших, сколько стоят пуговицы на шубе богатыря (то же в старине В. И. Чекалева — № 56). Второй сюжет тоже выдержан в традиционном духе, но содержит некоторые нестандартные мотивы. Действие происходит в *городе Любове*, в котором правит *царь Любов* (ср. с отчеством царя *Константина Боголюбовича* в некоторых архангельских текстах так называемой цареградской версии этого сюжета — Кир. IV, с. 5 и др.). Видимо, влиянием одного из вариантов А. М. Крюковой (№ 39) объясняется унижительная для царя должность *старшего повара*, слуги Идолища (ст. 119—122, 177—178). Столкновение Ильи Муромца с младшим поваром и его убийство — скорее всего, индивидуальная новация Г. Крюкова, как и заявление калики о том, что он *ровно тридцать лет* служил дворником у отца богатыря (крестьянина по происхождению). Оригинально мотивируется нежелание калики поменяться платьем с Илей Муромцем: *Мне в твоём платье не подают милостины спасёныя*. Другие нестандартные элементы старины Крюкова изредка встречаются в записях из севернорусских регионов. Идолище запрещает *просить милостину спасённую* и поминать Илью Муромца (ср. № 38 — Ф. Т. Пономарев; № 39 — А. М. Крюкова; СБ 7, № 14 — Пинега; Кир. IV, с. 18 — Архангельский уезд). От могучего удара богатыря Идолище *выпало простенком* (...) *вон на улицу* (ср. № 39); *калика чуть сидит да на добром кони, ише чуть в ём душа полднуёт* (ср. № 6, 69 — Ф. Пономарев; КД, № 50 и др.); Илья Муромец именуется *старой старыньшиной*.

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА (№ 59—61)

На Зимнем берегу не зафиксировано ни одного полноценного текста былины о трех поездках Ильи Муромца. Все четыре варианта записаны от членов семьи Крюковых. Традиционный сюжет представлен в них лишь второй поездкой богатыря (в ту дорожку, *где женату быть*), причем в этой части все тексты в большей или меньшей степени зависимы от записей из бывшей Олонецкой губернии. Аграфена и Марфа Крюковы заменили традиционный рассказ о кладе, который Илья Муромец добывает из-под огромного камня, балладой «Молодец и казна монастырская», прикрепившейся к имени главного героя. Только в былине А. Крюковой описаны три поездки богатыря, но во время последней он сражается не со станичниками, а с Соловьем-разбойником. В стилистическом отношении все золотицкие записи этого сюжета заметно уступают привычным стандартам севернорусской былинной традиции.

№ 59

ББ, № 1 «Три поездки Ильи Муромца»; БСДС, № 1.

Зап. А. В. Марковым 30 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «⟨Переняла⟩ у дяди Ефима».

Примечание: ¹Здесь снова имя коня — *Воронюшко*.

* * *

А. Крюкова не придерживалась общепринятой очередности поездок Ильи Муромца — сначала он отправляется в ту дорожку, где богаты быть, а в конце по третьей — где не живу быть. О содержании надписи на придорожном столбе богатырь еще до отъезда из дома узнает из рассказов многих могущих богатырей (ст. 17—21). От традиционного сюжета сохранено развернутое описание второй поездки героя, в первой ключевой эпизод — добывание клада из-под огромного камня — заменен балладой «Молодец и казна монастырская», прикрепившейся к имени Ильи Муромца. В заключительной части рассказывается не о стычке богатыря со *станицей* из сорока разбойников, а о его победе над Соловьем-разбойником. Во второй части немало индивидуальных новаций (красавица не хочет рассказывать о своем роде-племени до тех пор, пока Илья Муромец не возьмет ее замуж — ст. 80—85; она заботливо окутывает своего жениха; в глубоком погребе под кроватью наставлены у ей да всё востры колья, в живых остаются только те женихи, кто мимо попадет — ст. 109—117 и др.). Обнаруживаются также близкие параллели к варианту выгозерца Ф. Никитина (Гильф. II, № 171) — все три дорожки именуются *прямоезжими*; когда королева-обманщица проваливается в погреб, пострадавшие от ее коварства молодцы *рычат* (т. е. кричат): *Сама летит, ведьма проклятая!*; как в некоторых пудожских записях (СБ 17, № 279 и др.), упоминаются *ключи золоты* от погребов. В заключительных эпизодах, восходящих к сюжету «Илья Муромец и Соловей-разбойник», тоже немало отклонений от традиции. Не младшая дочь, как обычно, а жена Соловья-разбойника правильно определяет, что ее мужа, привязанного к коню, везет его противник; она же пытается убить богатыря *палицёй тяжолою* (ст. 158—181); в финале былины Илья Муромец предлагает своему врагу компромисс — *ездить заодно со мною в чисто поле*, если Соловей будет во всем его слушаться (ст. 310—313). В тексте немало слов и выражений, чуждых фольклорному стилю или семантически несовместимых друг с другом (*убьют твою удалу буйну голову; говорят, што мне, могуци-ти сказали мне; увидел ⟨...⟩ огромной дом; у ей ес⟨т⟩ь злы всё помыслы; хто не толкует — повалитце, тот и там упал; тут напёхано ⟨...⟩ сорок царей, всё царевицей и т. п.*).

№ 60

БПЗБ, № 94 «Поездка Ильи Муромца во чисто поле».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 10 сентября 1939 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Павлы Семеновны Пахоловой, 1879 г. р.

* * *

Текст представляет собой сказовое изложение второй части традиционного сюжета, который на Зимнем берегу записывался только от представителей семейства Крюковых. Повествование переведено в бытовой план, перегружено подробностями собственного сочинения. Некоторые детали и формулы сближают былины П. Пахоловой и ее матери, А. Крюковой (№ 50): *у премладой королевисьны в подкопах постав-*

лены копья вострые; упоминаются ключи золотые, которыми Илья отмыкает подземелье и выпускает томлящихся там пленников (деталь, свойственная пудожским записям, — СБ 17, № 279 и др.). Как и в большинстве других старин П. Пахоловой, в данном тексте немало отступлений от традиционного былинного лексикона (*колидоры* <...> *королевские, народу-ту сидело тут бесчисленно*). Сказительница злоупотребляла использованием слова *заморский*, превратив его в универсальный идеализирующий эпитет (*заморские диваны, ...ковры, ...салфеточки, ...напиточки, ...замки*). Верная своей исполнительской манере, П. Пахолова нередко отступала от традиции, давая волю своей фантазии: *У росстанюшок стояло три железных-то столбика с надписями* (обычно один столб или придорожный камень); прочитав надписи, Илья Муромец едет в ту дорогу, где жонату быть (обычно он отправляется по самой опасной дороге — где убиту быть); в тереме коварной королевы Илья Муромец трижды выливает под стол поднесенную ему чару с вином (видимо, навеяно волшебными сказками). Впрочем, некоторые нестандартные подробности Пахолова могла усвоить у своей матери, которая тоже не всегда твердо придерживалась традиционного эпического стиля.

№ 61

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 18.5, л. 62 об.—54 об. (п. з.), 48—51 (бел.). Опубл.: БПЗБ, № 117 «Поездка Ильи Муромца».

Зап. Э. Г. Бородинной-Морозовой 30 августа 1948 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Серафимы Семеновны Крюковой, 58 лет.

* * *

А. М. Астахова по поводу этой записи отметила следующее: «Текст Серафимы Крюковой и в его стихотворной части, и в прозаическом пересказе примыкает по основным мотивам и композиции к соответствующей части вариантов матери и старшей сестры Марфы. От последней Серафима Крюкова заимствовала придуманное, очевидно, самой Марфой Семеновной объяснение уединенной жизни коварной красавицы уходом ее от преследований злой мачехи. От сестры Марфы Серафима усвоила и самый стиль эпического сказа: нагнетание деталей и подчас утомительное многословие (см. размышления Ильи Муромца у камня с надписью и описание поездки), а также отдельные излюбленные Марфой Крюковой выражения: примечка „очунь чудная, очунь дивная“, „как пеньицо-кореньицо ламается“, „мудрые люди“, наименование коня Ильи „Белеюшком“ — последнее, впрочем, принадлежит вообще традиции семьи Крюковых» (БПЗБ, с. 565).

В самостоятельную былинную историю оформлен рассказ о второй поездке Ильи Муромца, в тексте имеются те же книжные по происхождению элементы, что и в варианте М. Крюковой. В частности, использована формула *Теремом назвать ее дом — велик весьма, а городом назвать — мал* (ср. записи от пудожан А. Сорокина и И. Фепопова — СБ 17, № 279, 282 и др.); когда богатырь бросает хозяйку на подложную кровать и она улетает в подземелье, сидящие там обманутые женихи кричат: *Сама летит!* (ср. вариант Ф. Никитина с Выгозера — Гильф. II, № 171); в финале произведения Илья Муромец сжигает дом королевы (то же в варианте А. Сорокина). В тексте (и в его стихотворной, и в прозаической части) встречаются отступления от традиционного былинного лексикона (*увидел он примечку очень чудную; я ехал на приключениях; ведьма навела эту надпись своим лукасьвом*), неудачно сформированные строки (ст. 23, 29, 34, 55—56).

АЛЁША ПОПОВИЧ УБИВАЕТ ТАТАРИНА (№ 62—63)

Известный сюжет в других традициях, но в золотицкой — только в репертуаре А. М. Крюковой. Сюжет близок к былине «Илья Муромец и Идолище». Сохранились записи былины на Печоре (СБ 1, № 15, 16), Мезени (СБ 4, № 109), Пинеге (СБ 7, № 46, 47, 48), Пудогe (СБ 17, № 300—305). Былина входила в репертуар исполнителей старшего поколения.

№ 62

ББ, № 47 «Алеша, переодевшись каликою, убивает Тугарина»; БСДС, № 47.

Зап. А. В. Марковым 30 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «〈Переняла〉 у свекра Василия Леонтьевича».

Примечания: ¹[По словам Крюковой, только в этой старине Алёша называется по отчеству]. ²[Сначала Крюкова пропела *зрыданишишо*, потом поправилась].

* * *

Текст зависим от книжных источников; имеются незначительные отклонения от первой части варианта из сборника КД, перепечатанной в хрестоматии Оксенова (Оксенов, с. 126). Алеша Попович назван *Левонтьевичем* — перенесение из былины Чукова «Добрыня и змей», помещенной в этой же книге. Используются некоторые общеэпические стереотипы: *шуба соболиная, долгополая, шляпа сарачинская земли греческой* и др. — их источником могла быть как книга, так и устная традиция. В одном случае можно определенно говорить о влиянии эпической традиции Зимнего берега: в описании внешности Тугарина есть характерное для золотицких былин сравнение: *Как переносьё ево будто палка дровокольная*. Необычно описание лаптей, в котором буквально понят и неудачно дополнен метафорический образ из сборника КД (*личико унизано красным золотом; подбородок с бородой-то, у ево увито красным золотом*); вероятнее всего, это домысел исполнительницы. О восприятии книжного текста на слух (читал кто-то из грамотных дочерей) свидетельствует искажение названия города в первом стихе: *Во славном прекрасном Острове* (в оригинале *Из славного Ростова красна города*).

Распространенный мотив переодевания при встрече богатыря с каликой здесь развит до сказочного сюжетного хода. Присутствует известная и часто встречающаяся в текстах А. М. Крюковой песенная формула (ст. 57—60): *Пробужаице поўтру он ранёшинько, // Он свежбй водой ключовой умываицьце, // Тонким белым полотеньчом утираицьце, // Он ведь молитце на всток сам Богу Господу*.

№ 63

ММБ-1, № 6 «Алеша Попович убивает татарина»; БСДС, № 129.

Зап. А. В. Марковым летом 1901 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 1854 г. р.

Перед текстом примечание собирателя: «...переняла у дочери Марфы, которая в свою очередь заучила от работника Ортемия, родом из Мезенского края. № 6 пропет золотицким голосом».

* * *

Сюжет позднего происхождения. В отличие от варианта М. С. Крюковой дополнен формульными вставками исторической песни: *Пробужаице Илья ведь от крепкого сну; // Он свежой водой ключовой умываице, // Тонким, белым полотенъём утираице.*

№ 63а

НЗБ, № 6. Зап. на слух А. Л. Масловым летом 1901 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 1854 г. р. Нотный образец опубликован А. Л. Масловым в следующей редакции:

♩ = 86

1. Иш-ше бы-ло во го-ро-ди во Ки-е-ве,

2. Иш-ше бы-ло у лас-ко-во-го у Вла-ди-ме-ра...

АЛЁША ПОПОВИЧ И СЕСТРА ПЕТРОВИЧЕЙ-ЗБРОДОВИЧЕЙ (№ 64—67)

Распространенный сюжет в репертуаре всех поколений золотицких сказителей: Ф. Т. Пономарева (№ 64), А. М. Крюковой (возможно, «терский» извод, но близкий к золотицкому — № 65), Г. Л. Крюкова (отдельной записи нет, но есть указания исполнителей, что былинку выучили от него), Г. М. Плакуева (№ 66) и П. С. Пахоловой (№ 67). На Пинеге зафиксировано самое большое количество записей — 13 (СБ 7, № 49—59, 172—174). Однако на Мезени (СБ 4, № 110 — начало, фрагмент) и Печоре (СБ 2, № 117) сделано по одной записи, былина входила в «терский» репертуар А. М. Крюковой (№ 65); на Кулое не зафиксирована. Можно предполагать, что все известные тексты восходят к одной редакции или прототексту: конфликт заключается в том, что на пиру у князя Владимира Алеша Попович оскорбляет честь семьи братьев Петровичей-Збродовичей, рассказывая о своей тайной связи с их сестрой (конфликт архетипичен для родового сознания). Тем не менее на позднее происхождение былины указывает ее балладный характер: в центре повествования в разных версиях былины лежит обличение в супружеской неверности жен братьев.

Имя сестры братьев имеет варианты: Алёна (наиболее распространенное), Елена (Пинеге), Анна (Пинеге), Анастасия (Печора, № 65), Святослава (№ 67).

Концовка сюжета имеет несколько версий.

№ 64

ББ, № 93 «Алеша и сестра Збродовичей»; БСДС, № 93.

Зап. А. В. Марковым 21 июня 1899 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Федора Тимофеевича Пономарева, 70—71 г.

* * *

Текст Ф. Т. Пономарева представляет полную и цельную золотицкую версию сюжета. Любовниками жен братьев Петровичей названы *Добрынюшка* и *Перемётушка*. Сюжет завершается спасением Алены от гнева братьев за поруганную семейную честь, предложением взять в жены и подтверждением слов о супружеской неверности жен братьев.

Упоминание Куликова поля как места казни сестры следует считать своего рода поэтическим анахронизмом.

№ 65

ББ, № 7 «Алеша и сестра Бродовичей»; БСДС, № 7.

Зап. А. В. Марковым 26 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «⟨Переняла⟩ у дяди Ефима».

Примечание: ¹[Вместо *её*, т. е. *ея*].

* * *

Версия сюжета с Терского берега близка к записям Зимнего берега.

Ситуация пира и похвалы богатырей. Формула *А ведь хитрой-от хвастат родной сестрицой* явно расходится с содержанием былины. На вопрос князя: «Удивляюсь двума братьицам всё Петровицям, // Всё Петровичам, братьичам я Бродовичам: // Почему же вы, братьица, всё не хвастайте? — ответ братьев напоминает своеобразное величание невесты: *Да своей-то похвастан родной сестрой, // Ище душошкой Настасьей всё Петровной-то: // Да сидит у меня сёстрыца родимая, // Как сидит она в высоко-то новом тереме. // Ай сидит она за многима за заморьскима, // За заморьскима сидит она за замоцьками, // Шьчобы красно ей солнышко не запёкло, // Шьчобы буйныи ветры да не завели, // Шьчобы народ люди добрыи не увидели, // Шьчобы руськии могуци ей богатыри, // Все дородьни-ти ей добры молодцы.*

Повторяющаяся деталь во всех вариантах Зимнего берега (и даже на Пинеге) — Алеша Попович вызывает свою любовницу, бросая снежным комочком в окно.

В отличие от варианта Пономарева у А. М. Крюковой появляется фигура Ильи Муромца в качестве заступника Алеши. Иначе разворачивается повествование, когда братья приходят наказать сестру. Она рассказывает, что жены помогли ей пригласить к себе Алешу Поповича, чтобы сестра не выдала братьям их любовников Чурилу Пленковича (*Как за то ево любит — за походочку, // Как походочка ево да очунь модная*) и племянника Пересмяки (*За ухватку ево любит богатырьскую, // За красу-ту ево любит молодецькую*). Алеша Попович спасает Настасью и везет ее в церковь, братья на три дня остаются в чистом поле, после чего едут домой (*Проговорили у их кони языком человеческим: // «Вам ведь полно, Петровици, спать в белых шатрах! // У вас в доми всё сделалось нещасицьё: // Изменили ваши вас-то всё молоды жоны, // Пригласили к себе-то дружков милых — сказочная деталь, заимствованная из других былин*) и застают своих жен с любовниками. Братья казнят жен и от стыда отправляются служить из Киева в Чернигов. Таким образом, концовка сюжета представляет другую версию по сравнению с прочими известными вариантами, возможно — придумана самой сказительницей.

№ 66

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 576—589 (п. з.), 720—729 (бел. ркп.). Опул.: БПЗБ, № 148 «Петровици-Сбродовици».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 20 октября 1940 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Григория Михайловича Плакуева, 72 лет.

Прозаический вариант Г. М. Плакуева в некоторых местах передан былинным стихом. Возможное деление на строки предложено составителями.

* * *

В коментарии А. М. Астаховой отмечено: «По словам Плакуева, эту былинну „пел на голосах Гаврило Крюков” (Марковым не записана). Слышал он ее и от Ф. Т. Пономарева: „Пчошкин пел покойник. Она на голосах-то красивая”» (БПЗБ, с. 574).

Золотицкий вариант былины о сестре Петровицей-Сбродовицей, пересказанный прозой, имеет традиционную композицию, включающую мотив неверности жен (своеобразная черта золотицких вариантов, ср. № 64, 65), но передан очень кратко. Как справедливо замечает А. М. Астахова, необычным является упоминание об Илье Муромце как любовнике жен Петровицей-Сбродовицей (ср. № 64). В записанных А. В. Марковым в 1900-е гг. вариантах имена любовников неустойчивы: в одном это Чурила и Пересмякин племянник, в другом — Добрыня и Перемет. Перенесение этой роли на Илью Муромца говорит об известном «снижении» эпического образа Ильи (см. БПЗБ, с. 574).

№ 67

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 903—919. Опул.: БПЗБ, № 108 «Петровици-Сбродовици».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 27 сентября 1940 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Павлы Семеновны Пахоловой, 1879 г. р.

Примечание исполнительницы: «Слышала от дедушка Гаврила и от мамы».

* * *

Вариант П. С. Пахоловой представляет собой контаминацию из разных былин. Зачином является вставка — выезд богатыря Алеши Поповича поляковать в чистое поле, здесь же сообщается, что Алеша родом из Ростова, сын попа (приводится отчество Алеши — *Леонтьевич*).

На княжеском пиру он оказывается проездом (проезжая мимо Киева), проезд богатыря и описание пира складываются из типовых формульных ситуаций.

В разговоре с князем братья Петровици при описании своей сестры опираются на формулы и фразы, характерные для величания невесты (ст. 124—140), а также для песенных корильных текстов, в которых содержатся отрицательные характеристики невесты (ст. 148—160).

Концовка варианта П. С. Пахоловой практически совпадает с вариантом А. М. Крюковой: Илья Муромец приходит на помощь Алеше и предотвращает угрозу от братьев Петровицей, только любовниками жен выступают племянник *Пересмяки* и племянник *Пересчота*, которых братья застают в гостях у своих жен. В наказание братья казнят жен на Куликовом поле, а сестру отдают за Алешу. Таким образом, вариант П. Пахоловой является особой индивидуальной версией сюжета, основанного на контаминации из других местных вариантов и формульных вставках из разных эпических сюжетов, которые не имеют непосредственного отношения к основному (балладному) конфликту былины.

МИХАЙЛО ПОТЫК (№ 68—71)

Былина «Михайло Потык» имеет три части: отправление героя с поручением, встреча с невестой и брак с ней (первая часть); смерть жены и выполнение брачного договора (*кто вперед умрет — с тем живому вместе лечь*) и оживление жены (вторая часть); колдовство над Михаилом Потыком, которое совершает жена-обманщица, и расправа с нею героя (третья часть). В зависимости от местной традиции и желания сказителей эти части по-разному комбинируются, мотивы опускаются или видоизменяются (см.: Новичкова, с. 342). В беломорских вариантах сюжет ограничен первой и второй частью: после оборотничества еретицы Марьи в могиле, едва не задушившей Михаила, Илья приходит ему на помощь и богатыри убивают Марью.

Былина представлена четырьмя текстами в трех сюжетных версиях: условно «нижнезолотицкой» (Г. Л. Крюков), «верхнезолотицкой» (Ф. Т. Пономарев, В. И. Чекалев) и «книжной» (А. М. Крюкова). В поздних записях местная устная традиция не отражена. Ключевой темой сюжета является гибель жены Потыка — змеи — и чудесное спасение героя благодаря своим крестовым братьям, богатырям. Сюжет распространен в общерусской традиции, но имеет разные версии развития в контексте местного эпического репертуара.

№ 68

ББ, № 74 «Михайло (Потык)»; БСДС, № 74.

Зап. А. В. Марковым 14 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 77 лет.

Примечания: ¹[Челом]. ²[Вместо *Романовича*. Ср. в летописях: князь Всеволод Мстиславич Романовича (ПСРЛ, X, с. 77) и т. п.]. ³[Последние три стиха певец добавил словами].

* * *

Текст Г. Л. Крюкова представляет собой полную версию сюжета, в которой отразились все основные формульные темы и традиционные эпические мотивы. Повествование начинается с характерного для золотицкой традиции формульной темы княжеского пира, на котором богатыри Илья Муромец, Добрыня Никитич и Михайло Потык получают наказ собрать дани и пошлины с чужеземных королей, и далее действие развивается по известному сценарию: богатырский выезд из Киева, договоренность богатырей о разделе добычи. Очевидно индивидуальное или местное вмешательство в ход событий самого сказителя. Важной сценой в сюжете является игра в шахматы Михайла Потыка с королем Лиховиньським, Шведським. Король проигрывает все царство и откупается только тем, что за царство отдает в жены Потыку Овдотью, Лебедь Белую. Эпизод игры в шахматы изобилует разными психологическими нюансами, которые переживают игроки, и это также занимает самого сказителя. Некоторые формульные темы и стилистические клише, встречающиеся в тексте былины, являются постоянными для стилистики и других текстов золотицкого сказителя. Здесь же встречается довольно редкое именование Добрыни: *Миня именём зовут Никитушка Микитиц млад, // А по фамильи-то да сын Романович*.

№ 69

ММБ-1, № 13 «Потык»; БСДС, № 152.

Зап. А. В. Марковым летом 1901 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Федора Тимофеевича Пономарева, 1829 г. р.

Перед текстом примечание собирателя: «Пономарев перенял у покойного старика Петра Алексеевича, слышавшего былину в деревне Ниже, близ Мезени».

* * *

Текст Ф. Т. Пономарева — мастерски сложенная композиция второй версии сюжета. Включены реминисценции из других былин. Например, отъезд Ильи Муромца в Дюкову вотчину (ст. 19—33 — реминисценция былины «Дюк Степанович и Чурила Пленкович»); это детально разработанная версия эпизода, когда Потык увозит просватанную за Идолища дочь короля Задонского Овдотью и живет с ней в шатре в чистом поле. Каждую ночь Овдотья превращает его в разных животных и птиц (волк, ворон, конь, горноста и др.). Столь же детально представлена сюжетная схема игры в шахматы с королем Турским (ст. 274—277 — мотив проигрыша в шахматы князем Владимиром королю Турскому; ст. 295—314 — посылка Потыка отыграть княжеский долг; ст. 350—360 — обсуждение условий игры, ставки на кон, ст. 360—367 — ход игры и выигрыш первой партии и т. д.). Потык не только отыгрывает проигрыш князя Владимира, но и выигрывает его дочь Марфу и женится на ней, будучи уже женат на Овдотье. В сюжете появляется мотив двоеженства.

Вариант Ф. Т. Пономарева второй версии сюжета, как и вариант первой версии (Г. Л. Крюкова) представляют собой наиболее полные в традиционном смысле и творчески осмысленные образцы. Обе версии совпадают сюжетно только в ключевых моментах развития повествования.

№ 69а

НЗБ, № 13. Зап. на фонограф А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским летом 1901 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Федора Тимофеевича Пономарева, 1829 г. р. Нотировка А. Л. Маслова. Образец опубликован А. Л. Масловым в следующей редакции:

♩ = 76

1. Э - во то - м же во го - ро - ди Ки - е - ви

2. Со - би - ра - ит - це дру - жи - нуш - ка, со - бру - ня - ит - це.

Вступительный элемент, предворяющий повествование в первом мелостихе, оговаривается примечанием А. Л. Маслова: «Для запева в 1-й раз».

№ 70

ББ, № 100 «Потык»; БСДС, № 100.

Зап. А. В. Марковым 21 июня 1899 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Власа Ивановича Чекалева, 59 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «Начало этой былины Чекалев пел вместе с Ф. А. Седуновым. См. список сказателей, с. 24».

Примечания: ¹[Ср. № 101, ст. 81]. ²[Вместо *Марфушку*]. ³[См. с. 379, примеч. (примеч. 25 к № 3 наст. изд.)]. ⁴[См. примеч. к № 99, ст. 12 (примеч. 1 к № 81 наст. изд.)]. ⁵[Ст. 203—211 Чекалев припомнил и вставил в это место при рассказе о смерти Марфы (ст. 252)]. ⁶[*Турский, турецкий*]. ⁷[Сказатель уже позабыл о том, что Потык еще раньше привез Овдотью].

* * *

Текст Чекалева представляет условно выделяемую верхнезолотицкую версию сюжета, которую исполнял Ф. Т. Пономарев (№ 69), состоит из нескольких вставных эпизодов из других былин: «Добрыня Никитич и Змей», «Дунай Иванович-сват». Разными именами названа героиня: вместо Овдотьи здесь Марфа, а Овдотья в качестве положительной героини появляется в заключительной части. Игра в шахматы вначале затевается в Киеве королем Тульским (правильно *Турским*) с князем Владимиром, который проигрывает королю сорок тысяч золотой казны и 12 богатырей. Потык отыгрывает проигрыш и получает Овдотью в награду, женится на ней после казни Марфы-лютой змеи. Стилистически настоящий текст беден традиционными эпическими приемами, ритмически неустойчив.

№ 71

ББ, № 8 «Потык»; БСДС, № 8.

Зап. А. В. Марковым 19 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «У родственников переняла еще маленькой девочкой». Там же комментарий исполнительницы: «Забыла; не знаю, могу ли спеть».

Примечание: ¹⁻¹[*В могилы?*].

* * *

Необычно краткий для А. М. Крюковой текст, ни к одной из золотицких версий прямого отношения не имеет. Все повествование связано только с кульминационной сценой сюжета — избавления от Авдотьи Лиходеевны, имя которой не упоминается в других местных сюжетах, и спасения Потыка.

Вплоть до описания борьбы Потыка со змеей исполнительница близко к тексту повторила былинную версию из сборника КД, перепечатанную Оксеновым (Оксенов, с. 75). Финальные сцены связаны с золотицкой традицией: в змею превращается сама Авдотья Лиходеевна, богатырь расправляется с ней. Некоторые мотивы очевидно придуманы А. М. Крюковой: конь *ногами выхватил* своего хозяина и затоптал его коварную жену.

В ст. 10—11 описана ситуация, близкая к былинной «Сухман»; в ст. 30—49 — явно книжная реминисценция из пушкинской «Сказки о царе Салтане». Стиль былины также явно книжного происхождения.

ДУНАЙ ИВАНОВИЧ-СВАТ (№ 72—80)

Былина «Дунай-сват» — одна из самых популярных в Архангельско-Беломорском крае эпических песен. Она зафиксирована под разными названиями: «Старина про Владимирову свадьбу», «Дунай», «Дунай сватает невесту князю Владимиру», «Женитьба Дуная», «Как женился князь Владимир» («Как князь Владимир женился»). 6 вариантов данного сюжета записано от сказителей Нижней Золотицы, в том числе

2 — от А. М. Крюковой (она разделила былину на два самостоятельных произведения — о женитьбе князя Владимира и о женитьбе Дуная; по ее словам, они были усвоены ею в молодости на Терском берегу) и 3 — от сказителей Верхней Золотицы (включая запись И. Ф. Розанова).

Видимо, до начала собирательской деятельности бытование данной старины на Зимнем берегу «подпитывали» другие сюжеты, в которых важную роль играл этот богатырь («Бой Добрыни с Дунаем» и «Дунай и Настасья» — баллада «Молодец и королевна» с заменой безымянного героя былинным богатырем). К концу XIX столетия обе эпические песни практически были забыты местными сказителями — первая записана только от В. И. Чекалева (№ 81), а отголоски второй иногда просматриваются в сюжете «Дунай-сват» (ретроспективные припоминания о прежней службе богатыря в королевстве отца Настасьи). Да и былина о сватовстве Дуная сохранилась в усеченном виде — во многих текстах рассказывается лишь о женитьбе князя Владимира, а вторая часть традиционного сюжета излагается схематично либо вообще отсутствует. Вместе с тем в единственном записанном здесь варианте «Добрыни и Василия Казимировича» главного героя заменил Дунай (№ 7), что свидетельствует о былой популярности этого персонажа.

По композиции золотицкие записи не выходят за рамки общерусской модификации сюжета. Немногочисленные отступления от нее чаще всего связаны с индивидуальными новациями исполнителей. В финале былины Дунай, как правило, сознательно убивает свою жену (или ее казнят по приказу князя Владимира); о реке, которая протекла от крови богатыря, говорится только в варианте А. Крюковой; не исключено, что эту деталь она позаимствовала из книг (при посредничестве грамотных членов семьи).

№ 72

Ефименко, № 2 «Старина про Владимирову свадьбу»; Т.—М., отд. 2, № 32.

Зап. И. Ф. Розановым: с. Верхняя Зимняя Золотица — исполнитель неизвестен.

Примечания: ¹В Т.—М. *почестен*. ²В Т.—М. *будьто*. ³В Т.—М. *Алешеньку*. ⁴В Т.—М. *висячицх*. ⁵В Т.—М. *употчивать*.

* * *

Самая ранняя по времени фиксация этого сюжета на Зимнем берегу; имя исполнителя собирателем не отмечено. Вероятнее всего, текст записан И. Ф. Розановым от Ф. Т. Пономарева или его непосредственного предшественника, о чем свидетельствует близость целого ряда элементов со старинами этого сказителя в записях А. В. Маркова и Б. А. Богословского. (Подробнее см. коммент. к № 8 — «Поединок Добрыни с Ильей Муромцем».) Данный вариант принадлежит к тому же изводу, что и былины Г. Крюкова и М. Точиловой (№ 73, 74). С ними совпадают оригинальные формулы *Сам не видел — от людей слышал*; *Не моги-тко меня за слово скоро сказнिति*; *...из-за стола окольного (...угольнёго)*; упрек Апраксии своему отцу, который не сумел выдать ее замуж *с чести, с радости*. Невеста вышивает свадебные дары для Идолища. С былиной Г. Крюкова комментируемый текст сближают также указание на то, что Дунай посажен князем *в темный погреб* и некоторые типовые детали в формуле хвастовства, отсутствующие у Точиловой. В отличие от старины Крюкова Дунай едет свататься не в *королевство Лёховинское*, а в *королевство Задонское* (то же в ряде старин других певцов с Зимнего берега). Отдельные подробности схожи в данном тексте с былиной П. Пахоловой.

Некоторые оригинальные лексические элементы записи Розанова отсутствуют в других золотицких старинах (*братаны*; *на имя Добрынюшка Никитич наш*; *пановья-улановья*; уникальная формула *У меня Дунай в забытыи пришел*). Заходя в княжеские палаты, герой *бьет челом всем русским богатырям по обычаю*. Во время поединка с *паляницей* конь Дуная *приступил* ее ногой. Видимо, случайной ого-

воркой сказителя можно объяснить тот факт, что богатырь сватает за князя Владимира сразу двух дочерей Задонского короля.

Вторая часть сюжета, посвященная отношениям Дуная и Настасьи, представлена лишь стяженной сценой их поединка и кратким упоминанием об их браке.

№ 73

ББ, № 75 «Дунай»; БСДС, № 75.

Зап. А. В. Марковым 13—14 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 77 лет.

Примечания: ¹[Середа — пол]. ²В ББ в конце стиха помета (*sic*). ³[Конечно, Алеше]. ⁴В ББ после слова помета (*sic*). ⁵[Вместо *стулу-то*, ср. ст. 304]. ⁶[Богатыри]. ⁷[Следующий за сим конец старины Крюков пропел на другой день, когда я ему напомнил, что, как он сам говорил раньше, Дунай убил свою жену].

* * *

Наиболее полный золотицкий вариант «Дуная». По содержанию и стилю он близок к тексту, записанному И. Ф. Розановым в Верхней Золотице, в меньшей степени — к старине М. Точиловой (№ 74); некоторые нестандартные детали и подробности у Г. Крюкова позаимствовала П. Пахолова. Важнейшие сходства с ними отмечены в комментариях к № 72, 80. В комментируемом тексте Идолище играет гораздо более активную роль, нежели в записи Розанова (именно для него Апраксия вышивает *шириночку* красным золотом; Дунай избивает *Лёховиньского короля*, помахая *поганым Идолищем*). Оригинальны противопоставление дочерей чужеземного короля в монологе Дуная: Настасья — *то нам равна и нам чета*, а Апраксия — *тобе (князю Владимиру) чета да тебе жена*, а также описание поездки трех богатырей: *в чистом поле да куревá стоит; <...> да только три столба столбит*. Сказитель использовал ряд других сравнительно редких эпических формул (звон сабли *вострой* как сигнал крестовым братьям для истребления воинов *Лёховиньского короля*, описание его трусливого поведения при обострении ситуации в ст. 311—312 и др.). Г. Крюков подробно изложил причину конфликта между Дунаем и Настасьей, но при этом использовал необычную развязку — Настасья стреляет из лука в перстень, который положили на голову ее мужа, а богатырь не только сознательно убивает свою жену, но и произносит соответствующий наговор на стрелу (ст. 474—477). Стилистика былины соответствует эпической традиции.

№ 73а

ББ, ноты (на нумерованных страницах) «Дунай Иванович». Зап. на слух В. В. Пасхаловым в г. Москве — от Алексея Владимировича Маркова, разучившего мелодию былины в экспедиции с пения Гаврилы Леонтьевича Крюкова (с. Нижняя Зимняя Золотица). Нотный образец предложен В. В. Пасхаловым в следующей редакции:

 ♪=120

1. Как во слав - ном бы - ло го - де во Ки - е - ве.

Публикацию напева А. В. Марков сопровождает следующим комментарием: «Напевом былины о Дунае Крюков исполнял также и некоторые другие былины, к сожалению, не отмеченные мною при записи».

№ 73б

ФА ФВ 3046.01. Зап. на фонограф неизвестным собирателем в г. Москве — от Алексея Владимировича Маркова, разучившего мелодию былины в экспедиции с пения Гаврилы Леонтьевича Крюкова (с. Нижняя Зимняя Золотица). Нотировка Ю. И. Марченко.

Осторожное предположение о том, что на фонографическом цилиндре могла сохраниться запись, выполненная в экспедиции 1901 г. от Г. Л. Крюкова (БСДС, с. 29), не подтвердилось.

№ 74

ББ, № 109 «Дунай»; БСДС, № 109.

Зап. А. В. Марковым 23 июня 1899 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Марии Сергеевны Точиловой, 60 лет.

Примечания: ¹[Вместо *сопротивницы*]. ²[Ср. № 112, ст. 78]. ³[Ст. 205—228 представляют собою, несомненно, сочинение самой сказательницы]. ⁴[*Пригодитесь? помогите* (ги=ди)?]. ⁵⁻⁵[Слова эти должна была бы говорить поленица Настасья Дунаю].

* * *

Вариант по содержанию и стилю примыкает к записи И. Ф. Розанова и к былине Г. Крюкова (№ 72, 73), заметно уступая им в художественном плане. Певица опустила многие выразительные формулы, коренным образом изменила содержание второй части сюжета (нет рассказа о поединке Дуная и Настасьи, не описывается их состязание в стрельбе из лука и т. п.; князь Владимир посылает богатырей против сестры своей жены, и те срубают ей голову). Удачное дополнение к старинам земляков — выдержанный в традиционном стиле отсутствующий у них гротескный портрет Идолища в ст. 141—144. Подробнее рассказывается о том, как Дунай служил у короля Задонского. По мнению А. Н. Власова, в былине обнаруживаются заимствования из других фольклорных жанров преимущественно женского репертуара — цитаты из опевадных и величальных песен и хоровой причети. В тексте немало искажений и словосочетаний, чуждых былинному лексикону (*башня треугольная* вместо *наугольной*; *сокола сибирского*, *〈...〉 соболя перелетного* — ст. 71—72; *стол угольный*, *шаль шолковая*; князь Владимир ищет себе *обручьницу*, *〈...〉 портомойницу* и др.).

№ 75

РО РГБ, ф. 160, п. 9, ед. хр. 1, л. 16 об.—20 об. Оpubл.: ББ, № 9 «Дунай сватает невесту князю Владимиру»; БСДС, № 9.

Зап. А. В. Марковым 27 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

В ББ перед текстом примечание собирателя: «〈Переняла〉 у матери».

Номера стихов в п. з. проставлены чернилами.

Примечания: ¹В п. з. скобки проставлены после написания слова. ²⁻²В п. з. слова вставлены сверху. ³В п. з. *Тут как*. ⁴⁻⁴В п. з. *Щобы //ло*, над строкой чернилами знак вопроса. Публикуем по ББ. ⁵С этой строки в п. з. нарушена нумерация строк. ⁶[Сказательница в первый раз пропустила слова короля, но потом

пропела их по усиленной моей просьбе]. ⁷В п. з. исправлено из за. ⁸В п. з. чернилами исправлено из *попи-вал.* ⁹В п. з. чернилами исправлено из *ляхминьской.* ¹⁰В п. з. в начале стиха зачеркнуто *Он ведь.* ¹¹[А. М. Крюкова говорила, что в Золотице Егория поют за стих и совершенно иначе].

* * *

А. М. Крюкова, видимо, по собственной инициативе разделила сложную по композиции былинку «Дунай-сват» на два самостоятельных произведения — о женитьбе князя Владимира и о браке Дуная Ивановича (см. следующий текст). Обе старины она относила к числу сюжетов, усвоенных ею в молодости на Терском берегу. Привести достаточно веские аргументы в пользу этого утверждения затруднительно, поскольку и в Западном, и в Восточном Поморье былина о Дунае-свате бытовала в одной и той же редакции. Однако некоторые нестандартные подробности сближают обе былины Крюковой не с записями с Терского берега, а с традициями восточных регионов Архангельско-Беломорского края. Это — упоминание *Цяхова (Шахова)* и *Ляхова*; реки, которая протекла от крови Дуная; формула *...сапог-то о сапог <...> поколачиват.* Как и в большинстве золотицких текстов, Дунай сам вызывается добыть невесту для князя Владимира, он присутствует на пиру, а не заключен в погреб. Услышав предложение Дуная-свата, *Ляхоминский король* раздражается бранью в адрес князя Владимира. Эта деталь отсутствует в других записях с Зимнего берега, но нередко фиксировалась в соседних районах. Описывая расправу богатыря с *караульщиками*, А. Крюкова использовала редкую формулу: *он по сёням-то в крови да до колен бредёт.* В целом демонстрируя уверенное владение былинным стихом, однажды сказительница сбилась с привычного ритма: *Не тебе-то та — жона, не тебе та ведь.*

№ 76

РО РГБ, ф. 160, п. 9, ед. хр. 1, л. 12—13 об., 15—16 об. Опубл.: ББ, № 10 «Женитьба Дуная»; БСДС, № 10.

Зап. А. В. Марковым 27 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

В ББ перед текстом примечание собирателя: «〈Переняла〉 у дяди Ефима».

Номера строк в п. з. проставлены чернилами.

Примечания: ¹[Ср. № 36, ст. 17 и след.]. ²⁻²В п. з. стих разбит на два. ³В п. з. исправлено из *Настасьюшка*, сверху вставлено *та.* ⁴[Сначала сказительница пропела *со мной да в красен Киев-град*, но потом поправилась]. ⁵⁻⁵Слова вставлены сверху. ⁶⁻⁶В п. з. исправлено из *Они приехали.* ⁷В п. з. в начале стиха зачеркнуто *Да.* ⁸В п. з. исправлено из *да.* ⁹В п. з. слово частично дописано чернилами. ¹⁰В п. з. чернилами исправлено из *росхаталась*, помечено (*по предыдущему*). ¹¹В п. з. слово частично дописано сверху. ¹²В ББ *дво.* ¹³В п. з. далее зачеркнуто *да.*

* * *

Вторая часть сюжета «Дунай-сват» в исполнении А. М. Крюковой связана с устной фольклорной традицией гораздо слабее, нежели первая (см. предыдущий текст). Сказительница включила в былинку отдельные тирады и целые эпизоды собственного сочинения, не всегда логичные по содержанию. Дунай живет не в Киеве, а в Москве, после свадьбы молодожены по полгода пируют в этих городах. Во время поединка героя с Настасьей в чистом поле почему-то оказывается Илья Муромец, но, согласно неписаному эпическому этикету, он отказывается помочь ему в борьбе с *поляницей*. Развязка этого поединка перене-

сена из сюжета «Илья Муромец и Сокольник» — Настасья узнает поверженного ею богатыря по перстню, который она когда-то ему подарила. Ретроспективное указание на прежние отношения между персонажами характерно для эпической традиции Терского берега, родины А. М. Крюковой (там неоднократно записывался сюжет «Дунай и Настасья-королевична», который на Зимнем берегу собирателями не обнаружен). Своей меткостью в стрельбе из лука хвастает не Дунай, как обычно, а его жена. Индивидуальными новациями сказительницы являются длительные переговоры героя с Настасьей, а затем и с ее отцом, заключение богатыря в темницу и последующее его освобождение.

№ 77

РО ИРЛИ, р. V, кол. 90, п. 6, № 11, л. 15—17. Оpubл.: БПЗБ, № 150 «Дунай».

Зап. И. М. Колесницкой и М. А. Шнеерсон 13 июля 1937 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Натальи Федоровны Поповой, 73 лет.

* * *

Комментарий А. М. Астаховой: «Текст представляет традиционное начало былины о женитьбе князя Владимира, развернутое в хорошем эпическом стиле. Но вопреки золотицкой традиции, по которой о подходящей для князя невесте говорят Добрыня Никитич или Дунай (Марк., 75 и 109), здесь выступает безымянный „удалой да доброй молодец”» (БПЗБ, с. 577).

Целый ряд сравнительно редких словосочетаний и поэтических формул (ст. 4, 13, 16—17, 23, 26—27, 28—34) совпадает с былиной, записанной И. Ф. Розановым на родине сказительницы, вероятнее всего — от Ф. Пономарева, отца Н. Поповой (см. комментарий к № 72).

№ 78

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 528—537—529 об. (п. з.); л. 713—721 (бел. рkp.). Оpubл.: БПЗБ, № 127 «Как князь Владимир женился».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой в августе 1939 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Анны Васильевны Стрелковой, 73 лет.

* * *

Вариант А. Стрелковой подробно охарактеризован А. М. Астаховой: «Текст представляет обычное построение былины „Дунай” из двух частей: 1) женитьба князя Владимира и 2) женитьба самого Дуная. Но в той и другой части имеются значительные отступления от традиции. В первой части: Дунай оказывается двоюродным братом князя Владимира; Дунай едет в королевство Задонское один и сразу же по приезде идет к Апраксии; сцены с отказом короля нет, отец Апраксии вообще не упоминается; сохранив золотицкую черту — помолвку Апраксии с Идолищем, но, опустив участие короля, Стрелкова излагает дело так, будто Дунай уже знает об этой помолвке; образ Идолища напоминает Соловья-разбойника (ст. 149, 150). Во второй части: Дунай не на обратном пути в Киев встречает Настасью, а едет к ней свататься, уже после того как привозит Апраксию в Киев, где на пиру похваляется, что он привезет Настасью себе в жены; традиционного боя с Настасьей нет; на пиру после женитьбы хвастает не Дунай, а сама Настасья; о сыновьях во чреве Настасьи речи нет. Характер отступлений от традиционной сюжетной схемы говорит о явном забывании былины исполнительницей.

А. В. Стрелкова ссылалась на какую-то „книжку про богатырей”, которая находилась у ее отца, Василия Ефимовича Субботина, и где была и данная былина: „Книга толстая была” (БПЗБ, с. 568).

Обращает на себя внимание обилие ремарок исполнительницы. А. Стрелкова использовала некоторые мотивы и образы, характерные для местной эпической традиции. Это формула хвастовства *молодой жоной*, *(...) молодой сестрой*; описание расправы Дуная со стражниками, охраняющими невесту; упоминание *короля Задонского, проклятого чудища всё Идóлишиша*, за которого просватана Апраксея-королевична; *шириночка красна золота*, которую она шьет для этого жениха. В тексте встречаются перенесения из других былинных сюжетов (ст. 149—150 — «Илья Муромец и Соловей-разбойник», ст. 191—195 — «Дунай и Настасья»), из волшебных сказок (ст. 83—85). Исполнительница нередко выходила за рамки фольклорного лексикона, вводя в свой вариант модернизмы и ненатуральные словосочетания: *невеста заручебная, птица перластая, лошадь добрая, сутки-ти ведь едёт, диваны красна дерева, подушечки ала бархату*. Некоторые тирады не имеют ничего общего с традицией и неумело стилизованы под былинный стих (ст. 16—18, 47—55, 119—132, 134—136, 143—146, 204—211).

№ 79

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 389—392. Оpubл.: БПЗБ, № 135 «Как женился князь Владимир».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 5 мая 1943 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Елизаветы Васильевны Субботиной, 59 лет.

* * *

А. М. Астахова дает следующую характеристику этому тексту: «Начало былины о Дунае, но без обычной вступительной части, изображающей пир и похвалбу пирующих. Отсутствует также и традиционный образ желаемой невесты. В отличие от большинства золотицких вариантов выступает в ответ на вопрос князя Владимира о невесте не Добрыня, ссылающийся на Дуная, а сразу же сам Дунай. Упоминание князя Задонского вместо короля Литовского или Ляховинского встречается в традиции Зимнего берега (Марк., № 109; БПЗБ, № 127)» (БПЗБ, с. 570).

Дунай-сват, как обычно, отказывается от *могучей силы* и просит поехать с ним только Добрыню (без Алеши Поповича, как в других золотицких текстах).

№ 80

РГАЛИ, ф. 1519, оп. 1, ед. хр. 78, л. 48 об.—13 об.; БПЗБ, № 102 «Как женился князь Владимир».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 4 сентября 1938 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Павлы Семеновны Пахоловой, 1879 г. р.

* * *

А. М. Астахова: «Текст представляет первую часть былины „Дунай“ (добывание Дунаем невесты для князя Владимира), которой придан завершённый вид. Как отдельная законченная былина передавалась эта часть (только о женитьбе князя Владимира) в семье Крюковых и раньше. См. вариант Аграфены Матвеевны (Марк., № 9), с которым у Пахоловой есть переключки в отдельных мотивах, вплоть до текстуальных совпадений в формулировках, не встречающихся в других золотицких вариантах:

У А. М. Крюковой

У П. С. Пахоловой

В описании пира:

Шьчо на тех ли на купцѣй-гостей торговых,
 .....
 На хресьян-то всё на бедных, на прожитосьних.
 (Ст. 5—7).

Ишше звал он всё купцѣй-гостей торговых-то,
 .....
 Ишше звал-то он прожитосьних хресьян-то всё,
 И он же звал же черного пахоря — землю пахал.
 (Ст. 6, 9—10).

В описании красоты невесты:

Шьчобы лицико — порошки снежку белого.
 (Ст. 35).

А и у ей личико было да как порошка снежку белого.
 (Ст. 58).

В бранном отзыве короля Лихоминского о князе Владимире:

Опекат-то он всё куци всё назёмныя.
 (Ст. 138).

Как пекёт у вас красно солнышко на кучах на навоз-
 ных-то.
 (Ст. 294).

Впрочем, все отмеченные выражения Павла Семеновна могла перенять не непосредственно от матери, а от старшей сестры, которая их сохранила (Крюк. I, № 44, ст. 6—7, 356, 595—596). По общей же композиции текст П. С. Пахоловой отходит от варианта матери, который несколько отстает от традиционного для зимнезолотицких вариантов построения сюжета (возможно, что на этот раз Аграфена Матвеевна правильно указала свой источник — былину матери, т. е. традицию Терского берега). Текст же Пахоловой сохраняет традиционную для Зимней Золотицы структуру былины: на подходящую невесту для князя указывает Добрыня, ссылаясь на Дуная, Дунай оказывается заключенным несправедливо в темницу; главный мотив отказа короля выдать дочь за князя Владимира тот, что она помолвлена с Идолищем, и, прежде чем увезти Апраксию, Дунай бьется с Идолищем и убивает его. Так построен и вариант Гаврилы Леонтьевича Крюкова (Марк., № 75), от которого, по словам Павлы Семеновны, она и усвоила данную былину.

Но у Гаврилы Крюкова есть и вторая часть, которую Пахолова не сохранила. Она сама сказала, исполнив былину, что „не порато” ее помнит, и что дед „может и более пропевал”. На то, что источником была полная, из двух частей былина, указывает сохраненное при упоминании Добрыней о старшей дочери короля „Настасьи-королевисьни” указание: „А та Дунаю сыну-та [Ивановичу] слегá, // Она ему слегá да ему будёт да молода жена”.

Позабыто Пахоловой также, что Дунай едет сватать Апраксию с Добрыней Никитичем и Алешей Поповичем (в некоторых золотицких вариантах и с Ильей Муромцем), — в тексте П. С. Пахоловой Дунай едет один» (БПЗБ, с. 559—560).

Дополнительно можно отметить еще одно схождение со стариной Г. Л. Крюкова: Апраксия *высаживает* для Идолища ширинку красным золотом <...> да чистым серебром. А с былиной матери совпадает бранный отзыв короля Ляхоминьского о князе Владимире (ст. 293). Видимо, благодаря знакомству с летописными источниками, певица упомянула слегка искаженное, но исторически достоверное отчество киевского князя Владимира, крестителя Руси — *Святославич* (ст. 40, 94 и др.) и назвала его *великим князем* (ст. 150, 158 и др.), использовала обращение на «Вы» (ст. 179). Исполняя это произведение, П. С. Пахолова часто грешила многословием, избыточными подробностями и повторами, в том числе и троекратными. Некоторые тирады и сцены сочинены сказительницей и не соответствуют нормам былинной стилистики. Отступления от традиции прослеживаются и в лексиконе Пахоловой (*похвастал* <...> *хоромами*, *вино горькое*, *единородной молодец*, *покои королевские*, *пожилой жоны*, *против зеркала* <...> *заморского* и др.).

БОЙ ДОБРЫНИ С ДУНАЕМ (№ 81)

Один из немногочисленных былинных сюжетов, в котором рассказывается о поединке русских богатырей; почти все его варианты записаны в северо-восточных районах бывшей Архангельской губернии. За пределами этого ареала собиратели зафиксировали эту старину как вступление к былине «Добрыня и Алеша» с заменой Дуная Алешей Поповичем (Пудоба — варианты Н. Прохорова и его преемников — СБ 16, № 82, 93, 94 и др.). На Зимнем берегу эта эпическая песня записана только от В. И. Чекалева.

№ 81

ББ, № 99 «Бой Добрыни с Дунаем»; БСДС, № 99.

Зап. А. В. Марковым 22 июня 1899 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Власа Ивановича Чекалева, 59 лет.

Примечание: ¹[Слоновых].

* * *

Редкий вариант быliny. Сказитель воспроизвел типовую сюжетную схему, использовал богатый арсенал эпических стереотипов, последовательно соблюдая тождество повторяющихся формул. Особенно часто он прибегает к синонимичным повторам (ст. 1—2, 8—9, 26—27, 57 и др.). В. И. Чекалеву принадлежат одно из самых развернутых описаний шатра Дуная (ст. 5—18) и выразительная формула раздумий Илья Муромца о том, как ему поступить с участниками поединка (ст. 59—65). Некоторые детали певец не сумел органично включить в свое повествование. Судя по содержанию быliny, Добрыня и Дунай не знакомы друг с другом, но Илья Муромец обоих богатырей называет по имени (ст. 68—69). Неуместно упоминание черных шатров, которые *рос(с)тавливал* Илья (ст. 98—101). В лучших вариантах этой быliny Дунай получает черный шатер в награду за службу иноземному королю; Добрыня упрекает его: *Наши, <...> руськи <...> не ставят <...> черных шатров* (акцентируется обычная для эпических песен семантическая оппозиция «белый—черный» — см. СБ 4, № 142 и др.; СБ 6, № 53 и др.).

ДЮК СТЕПАНОВИЧ И ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ (№ 82—89)

Былина о Дюке Степановиче относится к числу самых популярных на Зимнем берегу. Однако по своему художественному уровню, сложности композиции, насыщенности текстов нестандартными эпическими стереотипами местные записи заметно уступают лучшим вариантам из бывшей Олонецкой губернии. В золотичских старинах отсутствуют драматичные описания поездки героя из Галича в Киев (родной город Дюка в них вообще не упоминается), преодоления им трех застав, встречи с Ильей Муромцем. Нет в них большинства оригинальных подробностей, характеризующих *Индею богатую* (десятки надвратных икон в тереме Дюка; висящие на цепях и *гогочушие* на ветру бочки с вином; стеклянные половицы, под которыми *играют разноцветные рыбки*; *подсолнечник*, который слуги несут над матерью героя, и ковры, расстилаемые перед ней на улицах; *метельщики и лопатники*, убирающие городские улицы, и др.). Состязания с Чурилой Пленковичем изображаются только в книжном по происхождению варианте А. Крюковой. В то же время местные певцы использовали некоторые редкие детали, отмеченные на Зимнем берегу и в отдельных вариантах из Мезенско-Кулойского края, в других регионах они отсутствуют. Это — уникальный запев с перечислением богатырей, носителей идеальных качеств, напоминающий аналогичный по содержанию монолог матери Добрыни в ряде прионежских старин; развернутое описание двора Дюка Степановича на

семи верстах, на семидесяти семи столбах; оригинальное изображение поездки на конях (*У них кони скоком скачут, // А у Дюка идет ступью бродовою*); громогласное пение Дюка в церкви, от которого все присутствующие валятся с ног.

№ 82

Ефименко, № 4 «Про Дюка Степанова»; Т.—М., отд. 2, № 49.

Зап. И. Ф. Розановым в конце 60-х—начале 70-х гг. XIX в.: с. Верхняя Зимняя Золотица — исполнитель неизвестен.

Примечания: ¹В Т.—М. это одна строка. ²В Т.—М. после слова в скобках знак вопроса. ³В Т.—М. после слова в скобках знак вопроса. ⁴В Т.—М. примечание: *кленовыми?* ⁵⁻⁵В Т.—М. строки переставлены местами. ⁶В Т.—М. после слова в скобках знак вопроса. ⁷⁻⁷В Т.—М. это одна строка. ⁸В Т.—М. *малешеньку*. ⁹В Т.—М. *конями*. ¹⁰В Т.—М. слово пропущено.

* * *

Первая по времени запись этого сюжета на Зимнем берегу, имя сказителя И. Ф. Розановым не указано. Внетекстовые данные и некоторые стилистические особенности позволяют предположить, что былина записана в д. Верхняя Зимняя Золотица от Ф. Т. Пономарева или его непосредственного предшественника (см. коммент. к № 8 «Поединок Добрыни Никитича с Ильей Муромцем»). Данный вариант содержит большинство нестандартных деталей и формул, характерных для местной эпической традиции, особенно близок он к старине В. И. Чекалева (№ 83). В запеве (ст. 1—7) перечисляются русские богатыри, носители идеальных качеств (ср. с некоторыми мезенско-кулойскими записями — СБ 4, № 145—146; СБ 6, № 60, 62). Эта формула близка к монологу матери Добрыни в прионежских былинах об этом богатыре (ответ на жалобу сына на свою участь — СБ 16, № 78, 80 и др.); зафиксирована она и в одном из кенозерских вариантов «Дюка» (Гильф. III, № 243), так что в прошлом этот стереотип вполне мог быть общеэпическим, свойственным нескольким былинным сюжетам. Сказитель упоминает *медь козарскую, которая дороже золота, хвостовство широким двором*; называет Илью Муромца *осударем* и подчеркивает, что именно этот богатырь поручился за Дюка Степановича. Все эти элементы есть и в былине В. И. Чекалева. Иногда собиратели при записи допускали неточности. Так, в комментируемом тексте говорится, что в усадьбе Дюка *наделаны бойни-кузницы* (ст. 17); в старине Чекалева их по созвучию заменили *кузницы, баночки* (№ 83, ст. 16—17). Есть *огрехи* и в записи И. Ф. Розанова: *Колачик съешь, другого хочется, // А третьего колачика душа бежит* (вм. *бажит* — «желает», «хочет» — Даль, т. 1, с. 37); *Дворцы у Дюка хрустальные, <...> // Мостики у Дюка всё кажёные* (вм. *калёные / калиновы?*); *Печки у Дюка муравлены, // А топят дровамы калеными* (вм. *калиновыми?*), *// Помёлышком пашут самошелковым* (вм. *семишелковым*).

Параллели к другим редким словосочетаниям обнаруживаются в записях из соседних регионов. Когда Дюк поехал с киевлянами из церкви, *у них кони скаком скачут, // А у Дюка идет ступью бродовою* (ср. СБ 4, № 143 — Мезень). Сказитель дополнил эту формулу насмешливым отзывом героя о киевских конях: *У меня такая лошадошки водовозная. Мать Дюка дарит Илье Муромцу сапожки обродочки* (ср. с одним колымским и печорскими текстами, в которых мать героя передает Илье в подарок *перчаточки, Дюковы домашняя* — СБ 1, № 138, 141 и др.; РЭПС, № 32).

№ 83

ББ, № 101 «Дюк»; БСДС, № 101.

Зап. А. В. Марковым 22 июня 1899 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Власа Ивановича Чекалева, 59 лет.

Примечания: ¹[*Вежство*]. ²[*Остережешься, устоишь?* Ср. с. 108, ст. 251: *неуступчиво* (№ 85 наст. изд.)]. ³[*Илья Муромец* вместо князя Владимира].

* * *

Краткий вариант В. И. Чекалева принадлежит к той же версии сюжета, что и более пространная былина, записанная в его родной деревне И. Ф. Розановым (№ 82). В них чуть ли не дословно совпадают запевы, описание *строевница* Дюка Степановича, поручительство Ильи Муромца за молодого богатыря и некоторые другие нестандартные подробности. Сопоставление этих старин позволяет выявить допущенную А. В. Марковым неточность (*кузницы*, <...> *банёчки*, *кузнеци с банями* вместо *бойни-кузницы*, как в рукописи И. Ф. Розанова). Отклонение от стандарта просматривается и в словосочетании *во гривню-то да княжерскую* (вм. *гридню*); ср. близкие типичные для Ф. Пономарева искажения в других его былинах: *посол Идолища сам идёт тогда во-в гривню-ту княжевскую* — № 49 «Камское побоище» и др. Дополнительное совпадение в этих текстах, изредка встречающееся в записях из Архангельско-Беломорского края, — *попы-дьяконы, оглядевшись на приездего молодца, петь-то, читать да помешалисе*.

№ 84

ОР РГБ, ф. 160, п. 9, ед. хр. 3, л. 9 об.—12. Оpubл.: ББ, № 113 «Дюк»; БСДС, № 113.

Зап. А. В. Марковым 23 июня 1899 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Анны Пудовны Бурой, 40 лет, и Анны Ивановны Лыткиной, 38 лет.

Примечания: ¹В п. з. исправлено из *конюхами*. ²В п. з. исправлено из *кухаручек*. ³В п. з. чернилами исправлено из *то*. ⁴В п. з. слово вставлено чернилами. ⁵В п. з. далее две строки *Ише сорок кухароуёк ходя<т> в га<русном>* // *Да другá-та ведь сорок в шолковом* перечеркнуты чернилами. ⁶В п. з. далее сверху вставлено и зачеркнуто *то*. ⁷В п. з. карандашом исправлено из *безцветным*. ⁸В п. з. исправлено из *Ани*. ⁹В п. з. слово вставлено сверху. ¹⁰В п. з. далее синим карандашом зачеркнуто *в*. ¹¹В п. з. далее карандашом зачеркнуто *сидишь*. ¹²⁻¹²Недописанные в п. з. слова и фрагменты слов восстановлены по аналогии со ст. 7—8 и согласно ББ (с. 83—84). ¹³⁻¹³Недописанные в п. з. строки восстановлены по аналогии со ст. 13—14 и согласно ББ (с. 88—89). ¹⁴⁻¹⁴В п. з. исправлено из *Я не*. ¹⁵В п. з. слово вставлено сверху.

* * *

Этот текст — запись от второго поколения золотицких сказителей. Зачин не упущен, но текст сокращен.

№ 85

ББ, № 15 «Дюк»; БСДС, № 15.

Зап. А. В. Марковым 29 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «<Переняла> у матери, которая „век пела“ эту старину».

Примечания: ¹[Сначала сказательница пропела *Елены Косьтентиновны*, но потом поправилась].
²⁻²В ББ, по всей видимости, пропуск строки. Строка восстановлена согласно БСДС.

* * *

Былина А. М. Крюковой содержит некоторые элементы местной традиции: громогласное пение богатыря в церкви, от которого не могут устоять на ногах все присутствующие; оригинальные подробности в описании *широкого двора* его матери и др. Однако основу произведения составляет вариант прионежского сказителя А. Чукова, опубликованный в хрестоматии А. Оксенова «Народная поэзия», которая имела в доме Крюковых (Оксенов, с. 87). Композиционно, а порой и текстуально близки к нему следующие элементы: герой не застаёт дома князя Владимира и идет в церковь по грязным мостовым Киева, что вызывает его неудовольствие (ст. 57—74); эпизод с калачами и похвальба Дюка (ст. 126—180), мена масти конем богатыря (ст. 188—189). Из былины олонецкого певца позаимствованы невольная ошибка княжеских послов, принявших блеск позолоченной крыши за пожар (ст. 202—205), перепрыгивание на конях через Пучай-реку и другие состязания Дюка с Чурилой, иронические насмешки богатыря над своим соперником (ст. 284—316). Некоторые мотивы и формулы перекликаются с вариантами других сказителей Прионежья и Кенозера: посланцы князя Владимира описывают у галицкого боярина не только конскую сбрую, но и кладовые с платьем, конюшни и др. Как и многие другие старины А. М. Крюковой, комментируемый текст не отличается художественным совершенством. Певца нередко тяготела к многословным тирадам, избыточным повторам (см., например, ст. 150—153, 265—268 и др.); неудачно компоновала отдельные стихи, которые не имеют ничего общего с классическим формульным стилем (ст. 122, 147—149, 177, 188—200, 211—212, 269—271, 273); использовала не былинную лексику (*запоёт у этих пуговок как соловей-тиця, запоют-то вси ведь птицы иностранныя* и т. п.). Сказательница по недосмотру «выдала» секрет Дюка Степановича, вложив в его уста характеристику коня: *Каждой день-то он наводит, переменяет шерсть переменную* (по условиям состязания соперники каждый день должны приезжать на *переменных* конях).

№ 86

ОР РГБ, ф. 160, п. 3, ед. хр. 14, л. 9 об.—20 «Дюк Степанович» (загл. чернилами). Опубл.: ММБ-1, № 18; БСДС, № 140.

Зап. Б. А. Богословским летом 1901 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 1822 г. р.

Нумерация строк в п. з. отсутствует. Исправления в п. з. сделаны карандашом.

Примечания: ¹В п. з. исправлено из *церьквы*. ²В п. з. исправлено из *вся*. ³В п. з. исправлено из *спримтил*. ⁴В п. з. далее зачеркнуто второе *как*. ⁵В п. з. исправлено из *у*. ⁶В п. з. исправлено из *Владимиру*. ⁷В п. з. исправлено из *могущих*. ⁸В п. з. слово вставлено сверху. ⁹⁻⁹В п. з. слова вставлены сверху. ¹⁰В п. з. исправлено из *по*. ¹¹В п. з. исправлено из *молитце*. ¹²В п. з. исправлено из *цярю*. ¹³В п. з. слово вставлено сверху со знаком вопроса и обведено. ¹⁴В п. з. слово вставлено сверху. ¹⁵В п. з. исправлено из *Стёпановиць*. ¹⁶[Бажить — стремиться, любить. — ММБ-1, с. 90]. ¹⁷[Пахать — мести. — ММБ-1, с. 90]. ¹⁸В п. з. слово вставлено сверху. ¹⁹В п. з. исправлено из *же*. ²⁰В п. з. слово вставлено сверху. ²¹В п. з. исправлено из *вой*. ²²[Вместо *задвинщина* — по ту сторону реки Двины. — ММБ-1, с. 91]. ²³В п. з. слово подчеркнуто синим карандашом, рядом знак вопроса. ²⁴В п. з. далее зачеркнуто *у вас*. ²⁵[*Косыщатому* — с наличниками. — ММБ-1, с. 91]. ²⁶В п. з. исправлено из *криците*. ²⁷⁻²⁷В п. з. *А да у нас крычала*. ²⁸⁻²⁸В п. з. *запустите* как. ²⁹В п. з. далее зачеркнуто *они*. ³⁰В п. з. исправлено из *бархата*. ³¹В п. з. исправлено из *полаты*. ³²В п. з. *скажи* как. ³³В п. з. исправлено из *укажи*. ³⁴В п. з. слово подчеркнуто си-

ним карандашом. ³⁵⁻³⁵В ММБ-1 строка разбита на две (*А да как не пустым-то Дюк ведь хвастался // Своею золотой казной*). ³⁶⁻³⁶В п. з. над *так* написано *да это // го*; в ММБ-1 *да того-то кушанья*; в БСДС *да этокого кушанья*; в п. з. далее зачеркнуто *да*. ³⁷В п. з. исправлено из *молодцы*. ³⁸⁻³⁸В п. з. слова подчеркнуты синим карандашом, рядом знак вопроса. ³⁹В п. з. слово вставлено сверху. ⁴⁰В п. з. слово вставлено сверху. ⁴¹⁻⁴¹В п. з. исправлено из *дак*. ⁴²В п. з. слово вставлено сверху. ⁴³В п. з. чернилами исправлено из *ену*. ⁴⁴В п. з. слово вставлено сверху. ⁴⁵В п. з. исправлено из *всёго*. ⁴⁶В п. з. зачеркнуто *и золоту казну*. ⁴⁷В п. з. исправлено из *Дюкову*.

* * *

Традиционный вариант, в котором содержатся характерные для Зимнего берега элементы этого сюжета (ст. 5—6, 76, 79—80). Похвальба Дюка тем, что у него имеются большие запасы *не шитого*, ⟨...⟩ *кроёного платья цветного*, переключается с аналогичным заявлением героя в ряде прионежских записей «Ставра Гоудиновича» (В. Щеголенок — Рыбн., № 76 и др.); на Зимнем берегу только Г. Л. Крюков использовал выразительные описания *суночки-котомочки*, которую богатырь берет с собой, выезжая из дома (ст. 32—38), а также приветствия князю *со кнегиною* (*бьёт целом* ⟨...⟩ *о рученьку о правую*) и князьям-боярам *всё о правую*. Оригинальная формула (в *подворьцо-строеньцо не найти моих дверей* — ст. 131—134), видимо, заимствована из волшебных сказок, она встречается в некоторых севернорусских вариантах былины «Данило Ловчанин» (СБ 6, № 85, 91 — Кулой и др.).

№ 86а

НЗБ № 18а. Зап. на слух А. Л. Масловым летом 1901 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 1822 г. р. Нотный образец опубликован А. Л. Масловым в следующей редакции:

♩ = 70 | ♩ = 140 |

1. Как во той ли Ко - ре - луш - ки бо - га - ты - я...

№ 866

НЗБ, № 186. Зап. на фонограф А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским летом 1901 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 1822 г. р. Нотировка А. Л. Маслова. Образец опубликован А. Л. Масловым в следующей редакции:

♩ = 70 [♩ = 140]

1. Как во той во Ко - ре - лушки бо - га - ты - я

2. Как жил тут бо - га - та - я бо - га - ти - на

3. И - ше тот жо Дюк - от сын Стё - па - но - вич.

№ 87

БПЗБ, № 123 «Про Дюка сына Степановича».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 13—14 сентября 1938 г.: г. Архангельск — от Пелагеи Васильевны Негадовой, 34 лет.

* * *

Фрагментарный текст П. В. Негадовой, внучки А. М. Крюковой, в основном повторяет былинку П. С. Пахоловой, матери исполнительницы, генетически связанную с обонежской традицией (см. коммент. к № 88). С золотицкой редакцией сюжета его сближают всего несколько формул — краткое описание *подворья* Дюка Степановича (ст. 5—7), противопоставление *индийских* калачей киевским (общерусский элемент — ст. 60—64) и постоянный эпитет *бояре кособрюхие*, свойственный старинам из всего Архангельско-Беломорского края (ст. 34). Нетрадиционная развязка (Дюк женится на племяннице князя Владимира), видимо, навеяна сочиненной М. С. Крюковой «Женитьбой Дюка Степановича» (Прилож., № 140). Характеризуя комментируемый текст, А. М. Астахова отметила следующие его особенности: «Подобно другим былинам П. В. Негадовой, и данный вариант, развивая основные мотивы, сильно сокращает повествование и приводит к обеднению былины. В данном тексте это сказывается особенно сильно: состязание с Чурилой совершенно исключено, нет сцены пира, а сопоставление Киева с Индией Дюк делает уже в церкви и касается только чистоты Киева и качества калачиков, эпизод проверки рассказа Дюка не развернут, дан схематично, в пяти стихах (86—90). Сама исполнительница ведет свою былинку от трех

сказительниц семьи Крюковых: „Тетя Марфа пропевала, только она длинно очень, часть от ней пошло, часть от бабушки (Аграфены Матвеевны. — Ред.), а часть от мамы (Павлы Семеновны. — Ред.). Мать тоже пропевала”» (БПЗБ, с. 567).

№ 88

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 407—453—452 об. Опубл.: БПЗБ, № 105 «Дюк».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 25—29 сентября 1940 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Павлы Семеновны Пахоловой, 1879 г. р.

В п. з. комментарий исполнительницы: «Слышала от деда, от покойничка, от Василия Леонтевича, он много знал у нас, дед Василий. Я маленька была да худо помню, а Марфа-то больша была, она боле запомнила. Я бы зимой больше училась, да припоминала, да все бы и спела, а я не училась».

Примечания: ¹В БПЗБ строка пропущена. ²В БПЗБ строки пропущены. ³В БПЗБ строка пропущена.

* * *

Вариант через книгу генетически связан с прионежской эпической традицией. С былинами сказителей Дмитриевой и Калинина его сближает упоминание *быстрой реченьки* с золочеными и серебряными берегами. Особенно много сходжений с текстом А. Чукова. Это — недоверие киевских бояр, которые подозревают Дюка в обмане: в город якобы *наехала скоморощина из чиста поля* (у Чукова — *детина-залешанин*), ограбившая знатного путника; в *Индеи богатой* конь Дюка Степановича своим ржаньем (*голосом лошадиным-то*) привлекает внимание *караульшищиков* (у Чукова — матери богатыря). Одну из оригинальных деталей старины прионежского певца Пахолова упростила: посланцы князя Владимира просто констатируют факт, что *как будто на домах пекёт да красно солнышко* (у Чукова они принимают за пожар сверкающие на солнце золоченые крыши *Индии богатой*). Вместо висящих на цепях бочек с вином в данном тексте фигурируют *бочки с чистым серебром*. *Корела* из эпического иноземного царства превратилась в реку, которая *подошла* (...) *под Индею богатую* (ст. 1—2). В былинне встречаются неудачно скомпонованные строки и целые фрагменты (ст. 265—267, 274—276, 282—286, 510—512 и др.).

№ 89

РО ИРЛИ, кол. 146, п. 19, л. 569—575 (п. з.), л. 724—727 (бел. ркп.). Опубл.: БПЗБ, № 147 «Дюк Степанович».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 20 октября 1940 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Григория Михайловича Плакуева, 72 лет.

В п. з. комментарий исполнителя: «Слышал от дяди Гаврилы от Крюкова. У М. (арфы) С. (еменовны) дедки-то (вот как сейчас бригады) тех они с нами в одном звене были. А в прежно время звено — сорок душ. Сидели на тони. У Семена Крюкова судов не было, он все сидел с нами на тони и рыбачил. А жили сытно, хорошо, потому что семья у них была урослая, работали все. А судна-ти уж дети себе настроили».

Примечания: ¹В БПЗБ *тиной*. ²В БПЗБ *подъезжает*.

* * *

Текст пересказан прозой, однако исполнитель сохраняет былинную фразеологию: *из Индии богатою; в красный Киев-град; ко ласкову князю ко Владимиру; берет-то цяроцьку во праву руку; Добрынюшка Микитич млад; на восходе красна солнышка* и т. д. В некоторых случаях сохранен былинный

ритм: *Они вси на пиру напивалисе, // они вси на пиру наедалисе; наливал он чарочку зелена вина, // зелена-то вина да полтора ведра; У тебя, — говорит, — боченки сосновые, // а обруцы вересóвые // в подвалах у тя лежат на сырой земли, // не могу я пить вашего зелена вина; А у нас боченки-ти дубовые, // а обручечьки-ти на бочечьках-то медные, // а в подвалах висят на цепях.*

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ И КАТЕРИНА (№ 90—97)

Эта былина пользовалась довольно большой популярностью на Зимнем берегу; как и в других областях России, большинство ее вариантов (8 из 10) записано от женщин. За исключением старин Аграфены и Марфы Крюковых, все они принадлежат к одной версии сюжета. В отличие от большинства других регионов записи с Зимнего берега не отличаются обилием развернутых описаний, иносказательных и метафорических образов, невелики по объему. Тем не менее в них содержится целый ряд нестандартных элементов, позволяющих выделять особую золотицкую модификацию этого сюжета. Главная героиня в ней либо не названа по имени, либо носит разные имена; традиционное для других эпических ареалов имя *Катерина* использовал только Ф. Т. Пономарев (№ 93). Почти все исполнители называли Чурилу *старо-прежним другом* его любовницы, иногда предыстория их взаимоотношений получает более подробное освещение. В золотицких текстах служанка (обычно — племянница обманутого мужа) принимает сторону любовников, в то время как в записях из других районов она нередко доносит хозяину об их тайной встрече. В местной модификации сюжета роль доносчика отведена крестовому брату Чурилы Алеше Поповичу, который едет в церковь и там сообщает *Перемётушке* об измене его жены. Развязка в золотицких вариантах варьируется — обманутый муж казнит обоих любовников; срубает голову жене, но щадит Чурилу; убивает соперника, а жене *поученьичо дает*. Нередко он казнит и служанку, пытавшуюся покрыть свою хозяйку. В двух текстах жена мстит мужу, напоив его *зельем смертным*. Несмотря на трагические финалы, в некоторых текстах находится место для юмористических сцен и подробностей (испуганный Чурила прячется от ревнивого мужа под кроватью, любовница заворачивает его в перину).

№ 90

ББ, № 19 «Чурило и Авдотья (Чурило и неверная жена)»; БСДС, № 19.

Зап. А. В. Марковым 18 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «⟨Переняла⟩ у матери, дяди Ефима и крестного отца».

Примечания: ¹[Вместо *э́тта* — здесь]. ²Далее, по всей видимости, следовало забытое исполнительницей имя (см. БСДС, с. 807).

* * *

А. М. Крюкова связывала эту свою былинку с эпической традицией Терского берега. Однако настаивает тот факт, что на родине сказительницы данный сюжет собирателями не зафиксирован, а в комментируемом тексте встречаются специфические элементы, свойственные записям с Зимнего берега. Любовник характеризуется как *старой прежней друг (Овдотьи-королевисьни)*; о визите к ней любовника обманутому мужу в числе других «доброжелателей» сообщают Добрыня Никитич и Алеша Попович; Илья Муромец назван *старой старынщиной*; служанка приходится племянницей хозяину и при этом явно принимает сторону его жены. Однако этих элементов недостаточно, для того чтобы причислить комментируемый текст к золотицкой обработке сюжета. В нем доминируют мотивы и формулы, являющиеся пло-

дом индивидуального творчества А. М. Крюковой и не имеющие аналогов в других записях былины. В ее старине Чурила и обманутый муж поменялись ролями; о свидании любовников Чуриле доносят не только его крестовые братья Добрыня Никитич и Алеша Попович, но и *маленьки ребятушки, красны девушки; милой друг* прячется от хозяина под кроватью; расправившись с Овдотьей, ее муж по совету Ильи Муромца находит себе новую невесту *не простого (...)* роду, княженевского. Сказительница охотно использовала рифмы, особенно глагольные (ст. 8—10, 31—32, 78—79). Некоторые лексемы и словосочетания в этом тексте не гармонируют с традиционным былинным стилем (*У тя сделала измену молода жона; сены девушки; всё во старом-то у нас Овдотья в положеньици; ты ушол-то долго? я сижу соскуцилась; со стыду больше поехал со великого*). Создается впечатление, что эта старина не входила в активный репертуар Аграфены Крюковой, не повлияла на былины ее дочерей и была спета специально для записи.

№ 91

ББ, № 103 «Чурило и неверная жена»; БСДС, № 103.

Зап. А. В. Марковым 22 июня 1899 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Власа Ивановича Чекалева, 59 лет.

* * *

Обычный для местной традиции вариант, в котором содержатся почти все указанные в преамбуле нестандартные элементы золотицкой обработки сюжета. Чекалев был одним из тех певцов, в былине которого Чурило подкупает служанку, склоняя ее на свою сторону (ср. № 93), а Авдотья прячет любовника, заворачивая его в перину (то же в № 93 и 95). В финальной сцене она подносит *Василью Преметьёву стоканьчик* с отравленным питьем (то же в № 95; неудачная попытка отравить мужа встречается также в одной из пинежских старин — СБ 7, № 63). В зачине былины подчеркивается, что *порóшица снежку белого* выпала в неурочное время — *на празничёк на Троицу* (то же в большинстве других вариантов, записанных на Зимнем берегу; аналогичные природные аномалии изредка подчеркивались певцами из разных областей России). Алеша Попович сообщает о свидании любовников не обманутому мужу, как обычно, а *попам и дяконам*. Уникальная формула вложена в уста героини: *Да не грело-то солнышко, не свётило, // Да тепере праведимо-то высоко взошло!*

№ 92

ББ, № 87 «Чурило и неверная жена»; БСДС, № 87.

Зап. А. В. Марковым 28 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Анны Ивановны Васильевой, 56 лет.

* * *

Типичный образец золотицкой модификации сюжета, в котором использованы многие специфические ее элементы. Оригинальная формула *целовала Цюрила во сахарный ус* встречается также в былине Д. А. Поповой из этой же деревни (№ 94). Дополнительное внимание к предыстории взаимоотношений любовников привлекает вопрос *Перемёта*, адресованный Чуриле: *Ты по-старому пришол ко мне, по-прежнему?* (перенесение из сюжета «Дунай Иванович-сват»).

№ 93

ММБ-1, № 15 «Чурило и неверная жена»; БСДС, № 154.

Зап. А. В. Марковым летом 1901 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Федора Тимофеевича Пономарева, 70—71 г.

* * *

По содержанию и стилю вариант Ф. Т. Пономарева примыкает к другим золотицким записям былины, особенно близок он к старине В. И. Чекалева (№ 91). Кроме других сходжений, обычных для местной традиции, их тексты сближают необычный эпитет *крылечушко прекрасное*, вопрос служанки *Ишше хто же у воротиков колотитце?* (ср. с зачином балладной версии сюжета, популярной в Прионежье, — С.—Ч., № 151 и др.), попытка Чурилы подкупить служанку (у Пономарева она превращается в развернутую сцену торга — ст. 28—36). В былинах сказителей-земляков жена Перемёта прячет любовника в *перинушку пуховую*. Некоторые нестандартные формулы комментируемого текста схожи с записями из Мезенско-Кулойского края. Это — описание следов зайца и горностая на свежевыпавшей *порохе сънегу белово*, укор Перемёта Чуриле, которому он давно не советовал ходить к его жене. Ф. Т. Пономарев — единственный золотицкий сказитель, называвший героиню *Катериной*.

№ 93а

НЗБ, № 15. Зап. на слух А. Л. Масловым летом 1901 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Федора Тимофеевича Пономарева, 70—71 г. Нотный образец опубликован А. Л. Масловым в следующей редакции:

♩ = 66

1. А и на тот же пра-зь-ник о-т на вёш - ни - я,

2. А и на вёш - ни - я пра-зь-ни - чёк на Тро - и - цу.

Вариант.

№ 94

ОР РГБ, ф. 160, п. 3, ед. хр. 14, л. 1 об.—5 «Чурило и неверная жена» (загл. чернилами). Опубл.: БСДС, № 145.

Зап. Б. А. Богословский летом 1901 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Дарьи Андреевны Поповой, 45 лет.

Основные исправления в п. з. сделаны карандашом.

Примечания: ¹В п. з. слово вставлено сверху. ²В п. з. далее зачеркнуто *да*. ³⁻³В п. з. строки написаны сбоку, звездочкой обозначено место вставки. ⁴В п. з. исправлено из *заутрене*. ⁵В п. з. исправлено из *потехошиньку*. ⁶В п. з. в начале стиха чернилами зачеркнуто *Он*. ⁷В п. з. в начале стиха зачеркнуто *Как*. ⁸В п. з. исправлено из *цёстовам*. ⁹В п. з. вставкой исправлено из *слыхала*. ¹⁰⁻¹⁰В п. з. исправлено из *Твои уста сёгодняшние*. ¹¹⁻¹¹В п. з. исправлено из *сказывать*. ¹²Слово вставлено сверху. ¹³В п. з. в начале стиха зачеркнуто *Как свою-то*.

* * *

В основном не выходя за рамки местной версии сюжета, Д. А. Попова использовала некоторые сравнительно редкие словосочетания: *ремшоцёк семишолковый* (то же в № 95—97); *сахарный ус* (то же в № 92). Формула *Твои рудьошки сёгодня скверныя, // По сёгодняшний день уста поганья* заимствована из сюжета редкой баллады «Князь Роман и Марья Юрьевна» (см., например, Гр. II, № 421 — Мезень).

№ 95

РО ИРЛИ, р. V, кол. 90, п. 4, ед. хр. 11, л. 6—9. Опубл.: БПЗБ, № 151 «Чурило Плёнкович».

Зап. А. М. Астаховой летом 1937 г.: д. Верхняя Зимняя Золотица — от Натальи Федоровны Поповой (дочери Ф. Т. Пономарева), 73 лет.

Примечания: ¹В п. з. исправлено из *Алёшенька*. ²В п. з. далее зачеркнуто *Он посмеял*. ³⁻³В п. з. строки вставлены. ⁴В п. з. далее зачеркнуто *Иван*. ⁵В п. з. строка заключена в скобки. ⁶В п. з. далее зачеркнуто *Чьи эти сапог*.

* * *

А. М. Астахова так комментирует эту старину: «Полузабытый и обедненный текст: в стихотворной форме переданы только начало и часть диалога мужа и жены, остальное кратко пересказано, забыт конец. Но сохранены характерные черты золотицкой традиции: об измене мужу сообщает Алеша Попович, служанка — племянница обманутого мужа, но она помогает неверной жене; присутствие чужих вещей мотивируется занесением их детьми» (БПЗБ, с. 574). По композиции и стилю вариант восходит к былинке Ф. Т. Пономарева, отца исполнительницы (№ 93). Эпитет *ремшок семишолковый* совпадает с № 94, 96, 97, а словосочетание *прекрасное крылечушко* и образ завернутого в постель Чурилы — с родственными по происхождению старинами В. И. Чекалева и Ф. Т. Пономарева (№ 91, 93).

№ 96

РО ИРЛИ, р. V, кол. 90, п. 6, ед. хр. 11, л. 18—20. Опубл.: БПЗБ, № 153 «Чурило».

Зап. И. М. Колесницкой и М. А. Шнеерсон 28 июля 1937 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Ирины Захаровны Седуновой, возраст не указан.

Примечания: ¹[В соответствии с дальнейшим здесь следует читать: Чурилушко. — БПЗБ, с. 476].
²[Следует читать: Перемятушка. См. комментарий. — БПЗБ, с. 476].

* * *

Как отмечает А. М. Астахова, публикуемый текст частично смыкается с былинной А. М. Крюковой, усвоенной ею на Терском берегу (№ 90; подробнее см.: БПЗБ, с. 575). Однако в нем имеются и некоторые элементы, характерные для золотицкой модификации сюжета. Это зачин с описанием не вовремя выпавшего снега, эпитеты *ремишочик из семи шелков, старой-прежней друг* и некоторые другие детали повествования.

№ 97

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 581—593. Опубл.: БПЗБ, № 157 «Чурилушка Пленкович и Вадихматьева жена».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 10 июня 1945 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Серафимы Яковлевны Седуновой, 62 лет.

Примечания: ¹⁻¹В БПЗБ фрагмент пропущен. ²В БПЗБ слово пропущено.

* * *

А. М. Астахова подробно охарактеризовала этот вариант: «Текст Седуновой сохранил характерные черты зимнезолотицкой обработки сюжета: в него введена роль Алеши Поповича, который и доносит обманутому мужу об измене его жены; служанка — племянница мужа, но она заодно с женой (в данном варианте это еще более подчеркивается — при возвращении мужа она спешит предупредить неверную жену); жена объясняет присутствие вещей Чурилы занесением их бабушкиными детьми. Сохранены и отдельные детали зимнезолотицких вариантов: „ремешок семишолоковый“, за который „дергать“ Чурилу, а затем и муж, разговор служанки с Чурилой и с возвратившимся дядюшкой через „окошечко“, которое она открывает „немножечко“, указание на одновременное прохождение по дорожке Чурилы и Алеши, двух братьев „крестовых“, „названных“» и др. Особенно близок данный текст по композиции и словесной ткани к варианту № 87 сборника Маркова (см. также: Марк., № 103; Марк.-Богосл., I, с. 80).

Текст Серафимы Седуновой короче и варианта Пономарева, и других зимнезолотицких вариантов. В нем нет подробного описания встречи Чурилы неверной женой ⟨...⟩ и прихода Алеши Поповича в церковь ⟨...⟩, нет подкупа Чурилой служанки и монолога обманутого мужа в церкви, нет описания расправы с Чурилой. Более кратко переданы и другие эпизоды» (БПЗБ, с. 576).

СОРОК КАЛИК (№ 98—103)

На Зимнем берегу, как и в соседнем Мезенско-Кулойском крае, былина о сорока каликах принадлежала к числу самых популярных эпических песен и отличалась высокой композиционно-стилистической стабильностью. Во всех золотицких текстах подробно описана встреча князя Владимира с паломниками и громогласное пение ими *Еленьского стиха*, от которого князь валится с ног или падает с коня. Правда, в отличие от кулойских записей не подчеркивается, что калики поют *вполкрыка*. Так же обстоятельно рассказывается о настойчивых попытках похотливой княгини Апраксии соблазнить *подъатаманья* Михаи-

ла Михайловича и о жестокой казни героя, заподозренного соратниками в нарушении заповеди великой. Две последние сцены, как правило, неоднократно повторяются, а традиционный набор эпических наказаний (*ясны очи тянуть косицеми* и т. д.) дополняется еще одним — *селитру жегчи на белых грудях*. Как и в соседних регионах, иногда изображаются выборы *атамана* и *податаманья*, при этом иногда упоминается *Касьян немилосливый*, который в других районах бытования этого сюжета является главным героем старины. Финал былины в золотицких записях скомкан: о коварстве княгини Апраксии Михайло кратко сообщает только в варианте В. И. Чекалева, калики сами догадываются об этом в былине Г. Л. Крюкова. Оживление казненного Михайла Михайловича обычно не изображается или трактуется как чудо, связанное с вмешательством высших сил. Дальнейшая судьба княгини-обманщицы (ее тяжелая болезнь и чудесное исцеление Михайлом Михайловичем) в местной обработке сюжета не прослеживается, исключение составляют связанные с текстом Кириши Данилова варианты Аграфены и Марфы Крюковых.

№ 98

ББ, № 82 «Сорок калик со каликою»; БСДС, № 82.

Зап. А. В. Марковым 15 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 77 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «Одна старуха из Нижней Золотицы называла эту старину *Еленьским стихом*».

Примечания: ¹[Винит. множ.]. ²[Обычное прозвание Ильи Муромца в былинах Г. Л. Крюкова и А. М. Крюковой]. ³[Вместо *состыги*, догони]. ⁴В ББ после слова в скобках знак вопроса ⁵[См. словарь]. ⁶[Ср. ст. 177 (№ 99 наст. изд.)].

* * *

Вариант Г. Л. Крюкова типичен для местной традиции и по основным параметрам примыкает к былинам Ф. Т. Пономарева и В. И. Чекалева (№ 100, 101). В нем описаны выборы *атамана* калик *Касьяна Немилослива* и *подъатаманья Михайла Михайловича*; упоминается сжигание селитры на груди нарушителя заповеди великой; оглушенного громким пением калик князя Владимира подхватывают под руки не только Добрыня Никитич и Алеша Попович, как в других золотицких текстах, но и *старая старыньшина* (так многие певцы с Зимнего берега называли Илью Муромца). Некоторые детали редко встречаются в золотицких записях былины. Алеша Попович не скрывает от князя, что рассерженные паломники поколотили его (то же в старине В. И. Чекалева); княгиня Апраксия велит Алеше догнать калик перехожих (то же в варианте Ф. Т. Пономарева); Михайло Михайлович отказывается от любовной связи с княгиней и убегает из ее спальни (то же в былине А. М. Крюковой (№ 99), только в комментируемом тексте Апраксия не сама зазывает Михайла в спальню, а поручает сделать это кухарке). Г. Л. Крюков — единственный золотицкий певец, который упомянул *монастырь Валыньский*.

№ 99

ОР РГБ, ф. 160, п. 9, ед. хр. 2, л. 8—8 об., 10—13 (без загл.). Опубл.: ББ, № 22 «Сорок калик со каликою»; БСДС, № 22.

Зап. А. В. Марковым 17 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

В п. з. перед текстом примечания собирателя: «〈Переняла〉 у матери и дядюшки» и о характере исполнения: «протяжно».

Нумерация строк в п. з. сделана чернилами.

Примечания: ¹В п. з. слово вставлено сверху. ²В п. з. исправлено из *Иише*. ³В п. з. далее зачеркнуто *все*. ⁴В п. з. исправлено из *Вынимают*. ⁵В п. з. далее зачеркнуто *вы*. ⁶В п. з. исправлено из *увидела*. ⁷В п. з. чернилами исправлено из *садитце*, около исправленной буквы знак вопроса. ⁸В п. з. исправлено из *красавциком*. ⁹В п. з. далее сбой в нумерации, затем исправлен. ¹⁰В п. з. исправлено из *Етто*. ¹¹В п. з. далее зачеркнуто *у*. ¹²⁻¹²В п. з. под словами пояснение чернилами *в то время как*. ¹³В п. з. слово вставлено сверху. ¹⁴⁻¹⁴В п. з. вставлено сверху.

* * *

Сказительница отнесла эту эпическую песню к числу былин, усвоенных ею в молодости на Терском берегу. Однако, как и во многих других случаях, эта информация вызывает обоснованные сомнения. В тексте А. М. Крюковой нет специфических особенностей той модификации сюжета, которая была зафиксирована на ее родине. В то же время он содержит целый ряд нестандартных элементов, характерных для традиции Зимнего берега, а вся заключительная часть произведения, как и в былине Марфы Крюковой, зависима от варианта, опубликованного в сборнике КД (№ 24), с которым сказительница при посредничестве грамотных дочерей могла познакомиться по хрестоматии А. Оксенова «Народная поэзия» (Оксенов, с. 202). Золотицкая обработка в публикуемом тексте представлена в усеченном виде. В основном это детали и формулы, близкие к варианту Г. Л. Крюкова (№ 98): во время пения каликами *Еленьского стиха* князя Владимира поддерживают под руки Добрыня Никитич и Алеша Попович; напуганный домогательствами княгини Апраксии *Михайлушко Касьянович* убегает из ее спальни. Сопровождающие князя Владимира Добрыня и Алеша оказывают паломникам особые знаки внимания — *кланелись каликам до низкой земли*; аналогичный мотив имеется в былине В. И. Чекалева — при встрече с ними сам князь Владимир *скиниваёт свою-ту шляпу пуховую* (№ 101). Исполнительница включила в свою старину нетрадиционный мотив: князь Владимир дает каликам *милостину спасённую* (обычно он отсылает их за наградой к княгине Апраксии); в Киеве паломники опять поют *славной Еленьской стих*. В ст. 74—75 словосочетания *красен Киев град* и *матушка каменна Москва* употреблены как синонимы. Рассказ о том, как Апраксия и Алеша Попович подкладывают золотую чашу князя Владимира в котомку Михайла Касьяновича, а потом зашивают ее, и финальные сцены чудесного оживления героя, болезни княгини и ее исцеления от *Святого Духа*, которым на нее дунул Михайло (ст. 155—190), генетически восходят к былине из сборника КД (№ 24), перепечатанной в хрестоматии А. Оксенова «Народная поэзия» (Оксенов, с. 200). В ряде эпизодов А. М. Крюкова импровизировала, не всегда удачно komponуя отдельные стихи и целые фрагменты (ст. 95—97, 100—108, 111—120, 183—190).

№ 99а

НЗБ, № 21. Зап. на фонограф А. В. Марковым и А. Л. Масловым летом 1901 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет. Нотировка А. Л. Маслова. Образец опубликован А. Л. Масловым в следующей редакции:

♩ = 84

1. Бы - ло со - ро - к ка - лик, бы - ло со ка - ли - ко - ю.

2. Со - би - ра - ли - се ка - ли - ки да во е - ди - ной круг,

3. Во е - ди - ной круг ка - ли - ки да на зе - лё - ной луг.

№ 100

ББ, № 96 «Сорок калик со каликою»; БСДС, № 96.

Зап. А. В. Марковым 21 июня 1899 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Федора Тимофеевича Пономарева, 70 или 71 г.

Примечания: ¹[Машинальное заимствование из былины № 94, ст. 1]. См. № 49 наст. изд. ²[Винит. множ.]. ³[Местное название штанов]. ⁴⁻⁴[Повторяются ст. 189—204]. В наст. изд. фрагмент дан курсивом, с заменой слова *второй* словом *третьей*.

* * *

Вариант Ф. Т. Пономарева содержит практически все указанные в преамбуле специфические элементы золотицкой обработки сюжета, в том числе выборы *атамана* (...) с *подъатаманьём*; многократное описание казни Михайла Михайловича его соратниками и др. Оригинальны некоторые второстепенные подробности повествования: *Опракся-королевисьня* уводит Михайла в *спальню княженевскую*, а позднее вводит Алеше Поповичу догнать калик переходящих и *состыдить* их, обвинив в воровстве; как и в былине В. И. Чекалева (№ 101), описывается наказание каликами спесивого Алешки Поповича, а он, вернувшись в Киев, скрывает это, заявляя, что не смог на коне догнать идущих пешком богомольцев (то же в старине Е. В. Субботиной — № 102). Типовой постоянный эпитет *милостина спасённая* дополнен ещё одним оригинальным определением — *тружбоная*. В одном случае сказитель допустил искажение: традиционный *крест Леванидов* превратился у него в *Клядовитов*.

№ 101

ББ, № 105 «Сорок калик со каликою»; БСДС, № 105.

Зап. А. В. Марковым 22 июня 1899 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Власа Ивановича Чекалева, 59 лет.

Примечание: ¹⁻¹[Искажено из *здравствовал* в значении *проехал*].

* * *

Былина В. И. Чекалева, как и большинство других его эпических песен, по всем основным параметрам примыкает к варианту его старшего по возрасту земляка и, возможно, непосредственного учителя Ф. Т. Пономарева (№ 100). Однако текст этого певца в подробностях повествования полнее пономаревского. В нем упоминаются *атаман* калик переходжих *Касьян Иванович*, *Ерусалим-град* как конечный пункт их паломничества, подробнее описаны их *суночки-котомочки* (ст. 34—36); *Михайлушко Михайлович* рассказывает о том, как княгиня Апраксия пыталась склонить его к любовной связи (ст. 157—168), чего нет в других золотицких записях этой старины. Алеша Попович не пытается скрыть свою неудачу в стычке с паломниками, которые унизили его достоинство (ст. 120—121). Сказитель опустил сцену возвращения князя Владимира в Киев из поездки и обнаружения пропажи золотой чаши — погоню за каликами организывает княгиня Апраксия. В публикуемом тексте отсутствуют некоторые подробности, использованные Пономаревым (в частности, эпитет *милостина тружобная*), вместо четырех раз казнь Михайла описана только дважды.

№ 102

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 396—402—391 об. Оpubл.: БПЗБ, № 137 «Сорок калик со каликою».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 12 мая 1943 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Елизаветы Васильевны Субботиной, 59 лет.

Примечания: ¹В п. з. *ише*. ²В п. з. в начале стиха зачеркнуто *Ой*. ³В п. з. далее зачеркнуто *упал*. ⁴В п. з. *кодусунула* (вероятно, описка), печатается согласно БПЗБ. ⁵В п. з. в начале стиха зачеркнуто *Они суночки*.

* * *

По содержанию текст примыкает к другим золотицким записям этой былины. Е. В. Субботина использовала целый ряд характерных для местной модификации сюжета элементов (выборы *атамана* с *атаманками*; упоминание среди изощренных способов казни горящей селитры; унижительная порка Алеши Поповича каликами; троекратное наказание Михайла Михайловича, заподозренного в нарушении *заповеди великой*, и др.). Как и в былине односельчанина сказительницы Ф. Пономарева (№ 100), Алеша Попович обманывает князя Владимира, заявляя, будто он не смог *состыгце* паломников. Исцеление Михайла Михайловича ничем не мотивировано. В публикуемом тексте чеканные эпические формулы соседствуют с откровенными прозаизмами (ст. 31, 36, 41, 57—58, 67, 111, 139 и др.). Заменены или искажены некоторые географические названия и былинные стереотипы (калики идут к *Пучай-реки*, *ко кресту да к Ледовитому* — вместо *Леванидова*; они поют *стих Еленской про того короля* {...} *про Задонского*); переосмыслена традиционная характеристика Алеши Поповича (*он* {...} *силой силён, а недогадливой*).

№ 103

РО ИРЛИ, р. V, кол. 90, п. 4, ед. хр. 17, л. 1—2 (фрагмент п. з.: ст. 16—40). Оpubл.: БПЗБ, № 146 «Сорок калик».

Зап. А. М. Астаховой в июле 1937 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Анны Васильевны Бронниковой, 80 лет.

В п. з. комментарий исполнительницы: «Пели всё промежду собою».

Первые 15 строк публикуются по БПЗБ.

* * *

А. М. Астахова, характеризуя текст А. В. Бронниковой, отметила следующее: «Традиционное начало былины. Эпизод прельщения Михаила Апраксией не развернут, и потому непонятен ее поступок — прятание в сумку калики золотой чаши» (БПЗБ, с. 573). Как и в старинах Гаврилы и Аграфены Крюковых (№ 98, 99), во время пения каликами *Еленьского стиха* князь Владимир не может усидеть на коне и его подхватывают под руки Илья Муромец, Алеша Попович и Добрыня Никитич.

ИВАН ГОДИНОВИЧ (№ 104—108)

Бытовавшая на Зимнем берегу редакция старины об Иване Годиновиче типична для эпических традиций Архангельско-Беломорского края. Главный герой обычно приходится племянником князю Владимиру. Его соперника *царица Вахрамеица* некоторые сказители заменяли или отождествляли с *Идолищем поганым*, что можно связывать с восприятием слова *Идолище* как нарицательного имени существительного. Невеста живет в *Задонском* или в *Ляховинском* королевстве, но в зачине былины в записях из других областей России нередко упоминается город Чернигов, в котором богатырь находит свою суженую. Она поначалу благосклонно относится к сватовству Ивана Годиновича; в былине Г. Л. Крюкова даже перевязывает его рану, полученную в бою с соперником, но потом принимает сторону *Вахрамеица* и даже после его смерти пытается умертвить русского богатыря. Некоторые оригинальные детали золотицких текстов не встречаются в записях из других регионов или же зафиксированы только в соседних районах. Увозя невесту в Киев, Иван Годинович сажает ее на коня позади себя; Авдотья вышивает *ширинку / рубашечку для Вахрамеица / Идолища*; в большинстве вариантов использован архаичный мотив казни неверной невесты у воды. Киевляне насмеваются над неудавшимся сватовством героя: *Ты здорово женился — тебе не с кем спать*, он отвечает цитатой из старинных солдатских песен: *А женилась у меня да сабля вострая, // Обвенчалась она у речиньки Смородинки*. В лучших золотицких вариантах спасению богатыря способствуют превратившиеся в голубей ангелы: выстрел по ним из лука оказывается роковым для *Вахрамеица*. В большинстве текстов встречаются перенесения отдельных мотивов из близкой по тематике былины «Дунай Иванович-сват». В тексте А. М. Крюковой немало деталей и формул, характерных для ее родины — Терского берега, но они дополняются пространными импровизационными вставками, сочиненными сказительницей.

№ 104

Ефименко, № 3 «Старина про Иванушко Годенова»; Т.—М., отд. 2, № 44.

Зап. И. Ф. Розановым в конце 60-х—начале 70-х гг. XIX в.: с. Верхняя Зимняя Золотица — исполнитель неизвестен.

Примечания: ¹В Т.—М. *благослови*. ²В Т.—М. *благословит*. ³В Т.—М. *крест-от*. ⁴⁻⁴В Т.—М. это одна строка. ⁵В Т.—М. *татарина*. ⁶В Т.—М. *белая*.

* * *

Первая по времени запись этой былины. Имя исполнителя собиратель не указал, но многие стилистические стереотипы свидетельствуют в пользу того, что им мог быть Ф. Т. Пономарев или его непосредственный предшественник (см. коммент. к № 8 «Поединок Добрыни с Ильей Муромцем»). По содержанию и художественному оформлению текст близок к лучшим золотицким вариантам «Ивана Годиновича»

(№ 105 — Г. Л. Крюков; № 107 — П. В. Онуфриева); в нем имеются почти все отмеченные в преамбуле особенности местной обработки сюжета. Во всех трех текстах близки диалоги Ивана Гоудиновича с князем Владимиром и с отцом невесты, изображаются те же поступки Авдотьи *Белой Лебеди*, совпадают подробности описания ее убийства; в финалах произведений использованы те же ироничные реплики по поводу неудавшейся женитьбы героя. С былинной Г. Л. Крюкова публикуемый текст сближают также формулы *говорит таковы речи* (а не *слова*, как у большинства других певцов); использование популярной пословицы *У бабы волосы долги, а ум коротенькой*; нескрываемая радость невесты по поводу сватовства Ивана Гоудиновича: *Уж мне ждать-то гостя, не дождаются, // Звать-то мне гостя, не дозватися, // Теперь ко мне гость сам пришел*.

В текстах этих земляков совпадают и некоторые редкие лексемы (*Авдотья засватана, запоручена за того короля Вахрамещца*; желая убить русского богатыря, она *тукнула саблей по путыням шелковым*, которыми он был привязан к дубу). С былинной П. В. Онуфриевой в данном тексте совпадают хвастовство на пиру *широким двором* и редкая формула *Господь ночь проносит, Господь день дает*. В записи И. Ф. Розанова обнаруживается наибольшее количество заимствований из близкого по тематике сюжета «Дунай Иванович-сват» (см. ст. 27—29, 31—33, 35—38, 49—51).

№ 105

ОР РГБ, ф. 160, п. 8, ед. хр. 6, л. 2—10. Опубл.: ББ, № 78 «Иван Гоудинович»; БСДС, № 78.

Зап. А. В. Марковым 23 августа 1898 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 76 лет.

В п. з. перед текстом примечание собирателя: «...перенял былины от стариков еще мальчиком». В ББ примечание: «Напечатана в ИОРЯС Имп. Академии наук. Т. 4, кн. 2. С. 695» (ББ, с. 414).

Нумерация строк в п. з. отсутствует.

Примечания: ¹В п. з. далее зачеркнута строка *Как Владимир-от князь по*. ²В п. з. исправлено из *ростряхиват*. ³В п. з. исправлено из *чёрнопахотного*. ⁴В п. з. строка вписана между строк. ⁵В п. з. строка написана внизу страницы, звездочкой отмечено место вставки. ⁶В п. з. слово вставлено сверху. ⁷В п. з. исправлено из *Привязал*. ⁸В п. з. исправлено из *да у*. ⁹В п. з. далее зачеркнута *да*. ¹⁰⁻¹⁰В п. з. слова вставлены сверху. ¹¹[Т. е. *крестил*. — ББ, с. 415]. ¹²В п. з. исправлено из *-ка*. ¹³⁻¹³В п. з. исправлено из *Аль послом ко мне приехал*. ¹⁴В п. з. далее зачеркнута *к*. ¹⁵В п. з. далее зачеркнута *тут*. ¹⁶В п. з. слово вставлено сверху. ¹⁷[Середа — пол. — ББ, с. 416]. ¹⁸В п. з. слово вставлено сверху. ¹⁹В п. з. далее заключено в скобки *завизжали*, в ББ примечание: вариант (ББ, с. 416). ²⁰В п. з. далее зачеркнута *у мя*. ²¹[Вместо *рыта бархата*. — ББ, с. 417]. ²²В п. з. исправлено из *садил-то*. ²³[Конечно, посланный короля. — ББ, с. 418]. ²⁴В п. з. далее зачеркнута строка *Он скоро легко*. ²⁵В п. з. исправлено из *-те*. ²⁶В п. з. далее зачеркнута строка *А да съехались*. ²⁷В п. з. слово вставлено сверху. ²⁸[*Пощербались*, т. е. зазубрились; это выражение должно было бы относиться к саблям. — ББ, с. 419]. ²⁹⁻²⁹В п. з. исправлено из *Отсекнул у царишиша; Вахрамешшу* исправлено из *Вахрамешшиша*; в ББ *Вахрамешш*. ³⁰[*Иван*. — ББ, с. 419]. ³¹В п. з. исправлено из *Увяжи*. ³²В п. з. строка вставлена между строк. ³³[Т. е. *подалась?*]. ³⁴⁻³⁴В п. з. чернилами исправлено из *мне*. ³⁵В п. з. слово вставлено сверху. ³⁶В п. з. исправлено из *сочит*. ³⁷[Эти эпитеты, очевидно, переставлены певцом. — ББ, с. 421]. ³⁸⁻³⁸В п. з. слова вставлены сверху. ³⁹В п. з. далее *и пр*. Ст. 322—324 восстановлены по аналогии с предыдущими ст. 315—318 и согласно ББ. ⁴⁰⁻⁴⁰В п. з. строки пропущены, восстановлены по аналогии с предыдущими и согласно ББ. ⁴¹В п. з. далее зачеркнута *эта рученька*. ⁴²⁻⁴²В п. з. исправлено из *ласковому*. ⁴³В п. з. далее зачеркнута *все*.

* * *

Былина Г. Л. Крюкова — один из лучших золотицких вариантов «Ивана Годиновича». По содержанию и стилистическому оформлению она чрезвычайно близка к записи И. Ф. Розанова из соседней деревни Верхняя Зимняя Золотица и, возможно, восходит к тому же источнику (см. коммент. к № 104). Расхождения касаются отдельных подробностей повествования и ряда факультативных деталей. Г. Л. Крюков использовал некоторые нестандартные элементы. Это — формула *Как повесил буйну голову с могучих плеч, // А потупил очи в середу кирпичнюю*; поведение испуганного короля *Ляховиньского, который под столы-ти всё пехайтсье, // Соболиной черной шубой закрывайтсье, // А серым котиком всё пехайтсье*. Один из эпизодов, видимо, является индивидуальной новацией сказителя. Во время поединка *Вахрамеешо усек Ивану Годиновичу праву руку*, богатырь попросил Авдотью перевязать ему рану, что она и сделала. Сторону *поганого царшиша* она приняла только после его настойчивых уговоров и обещания ей статуса царицы.

№ 106

ББ, № 14 «Настасья Митреяновна (Иван Годинович)»; БСДС, № 14.

Зап. А. В. Марковым 16 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «⟨Переняла⟩ у старика-соседа Ефрема, умершего, когда еще А. М. Крюкова была девочкой».

Примечание: ¹[Молодец].

* * *

Былина А. М. Крюковой по большинству параметров примыкает к записям, сделанным на Терском берегу, где сказительница родилась и выросла. С ними совпадают имена невесты героя (*Настасья Митреяновна*) и ее отца (*король Митрей Митреянович*); князь Владимир и соперники по именам не названы: *дядюшка, дородней доброй молодець, ⟨...⟩* который приехал со святой Руси, *царишиё из неверных земель*. В тексте отождествляются Киев и Москва (ст. 188—189). В зачине произведения *дядюшка племянницька* уговаривает жениться. Обручившись с Настасьей, *царище* отправляется на охоту. Возмутившись дерзким поведением русского богатыря, король *Митрей* обзывает его *вором, разбойником, сбеглым солдатом государевым*. По дороге в Киев невеста просит коню *⟨в⟩здох давать*. Она удерживает своего первого жениха от вероломного убийства спящего богатыря (ст. 138—146), а *царишиё* пытается доказать ей преимущества своей *лёккой веры*. В золотицких записях эти детали и формулы отсутствуют. Ст. 133—136 заимствованы из сюжета «Илья Муромец и Соловей-разбойник». В старине А. М. Крюковой немало строк и целых фрагментов, являющихся плодами ее личного творчества. Под богатырем ломается стул, который ему *поддёрнул* Митрей; традиционную для Терского берега угрозу *повытянуть жильё из рук и ног* произносит не только *царишиё из неверных земель*, но и главный герой былины (ст. 56—58); его соперник приказывает Настасье вышивать *шириноцьку красна золота*. Некоторые строки скомпонованы так неудачно, что трудно понять их смысл (ст. 90—91, 146, 171). Финал поединка эпических противников в тексте не описан, что противоречит канону эпических песен; отсутствует также рассказ об освобождении героя, но связанная с этим реплика Настасьи сохранилась (*От того-то бережку ведь я отстала-то, // Я к другому-ту, верно, не пристала же*). Влияние золотицкой былинной традиции в публикуемом тексте не просматривается.

№ 107

РО ИРЛИ, р. V, кол. 90, п. 6, ед. хр. 11, л. 2—7 (бел. ркп.). Опубл.: БПЗБ, № 139 «Иван Гордѣнович».

Зап. И. М. Колесницкой и М. А. Шнеерсон в июле 1937 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Парасковьи Васильевны Онуфриевой, 68 лет.

Примечания: ¹В ркп. далее зачеркнута строка *Ай у бабы волосы ти долги. Да ей ум-то короткѡй.* ²⁻²В ркп. строки переставлены местами, очередность помечена цифрами. ³В ркп. далее зачеркнута строка *Тогда упал-то Иванушко на сыру землю.* ⁴В ркп. исправлено из *напитися.* ⁵В ркп. слово отмечено звездочкой, но комментарий к нему нет.

* * *

Эту запись подробно охарактеризовала А. М. Астахова: «Текст представляет прекрасно сохранившийся традиционный тип былины в той же редакции, что и вариант Г. Л. Крюкова (ББ, № 78). Имеются некоторые отличия от текста Крюкова: значительно более развернуто начало, систематически проведена троичность (Иван три раза просит короля отдать за него Авдотью, в конце три раза велит Авдотье дать ему напиток); но нет некоторых деталей, имеющих у Крюкова: письма короля Вахрамеишшу об увозе Иваном Авдотьи, ранения Ивана в первом бою.

В том же году эту былинку от П. В. Онуфриевой записала Р. С. Липец (...), а в декабре 1944 г. былина снова была записана Э. Г. Бородиной-Морозовой. Сравнение всех вариантов показывает исключительную устойчивость текста» (БПЗБ, с. 571).

Дополнительно можно отметить, что исполнительница воспринимала словосочетания *царишше Вахрамеишше* и *проклятое Идолишше* как синонимы (ст. 126—127), заменила *грядню королевскую* — *гирней* (ст. 127), одну из формул позаимствовала из старины «Дунай Иванович-сват» (ст. 114—116). Благоклонное отношение Авдотьи к сватовству русского богатыря проявилось в том, что она *кинулась тут к Иванушку на белѡ шею*. Многие эпизоды и формулы отличаются стилистической отточенностью, обилием выразительных деталей (например, ст. 28—34, 56—62, 72—78, 87—102). Как и в верхнезолотицкой записи И. Ф. Розанова (№ 104), в тексте использована редкая формула *Да Господь ночь пронес, да Господь день дает*; она встречается также в ряде старин Ф. Т. Пономарева (№ 6, 69 — «Добрыня Никитич и Змей», «Михайло Потык» и др.), которого Онуфриева считала своим учителем.

№ 108

РО ИРЛИ, р. V, кол. 90, п. 4, ед. хр. 17, л. 2—7 (бел. ркп.). Опубл.: БПЗБ, № 144 «Иван Гордѣнович».

Зап. А. М. Астаховой в июле 1937 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Анны Васильевны Бронниковой, 80 лет.

Примечания: ¹Слова вставлены сверху. ²В ркп. исправлено из *хвастаешь.* ³В ркп. в начале стиха зачеркнуто *Уж я.* ⁴В ркп. далее зачеркнуто *в.* ⁵В ркп. далее зачеркнуто *милое за Идолишшо.* ⁶В ркп. в начале стиха зачеркнуто *Ты.* ⁷В ркп. исправлено из *зарубить.*

* * *

А. В. Бронникова сбивчиво, опустив целый ряд традиционных элементов, *пословесно* изложила основные эпизоды местной модификации сюжета. Соперник *Ивана Гордѣновича* назван *Идолишшом*, а его обычное имя «*царишше Вахрамеишшо*» прикрепилось к образу отца невесты. Исполнительница исполь-

зовала некоторые не характерные для былин лексические средства (*раб, чадышко, чисменица* — т. е. множество). Заключительные «эпизоды Бронникова передала конспективно, не закончив былины и признавшись, что „призабыла”» (БПЗБ, с. 573). Показательно в этом плане изображение поединка Ивана Годиновича с Идолицем: *Наехало в сугон Идóлишио, // Отнял Овдотью Лебедь Белую, // А спутали Иванушка в путышки шелкóвые*. Оригинальна формула *Разве (...) старой над тобой насмехаитце, // А младой над тобой наругаецет?* Как и Ф. Т. Пономарев в ряде эпических песен (№ 100; ББ, № 96 «Сорок калик» и др.), Бронникова заменила старинное слово *гридня* — *гривенкой*.

ДАНИЛО ЛОВЧАНИН (№ 109)

Былина сравнительно редкая, но бытовала она в большинстве регионов европейской части России (исключения — бывшая Олонецкая губерния и Западное Поморье). Ее сюжет по ряду важнейших параметров примыкает к волшебным сказкам. Собиратели зафиксировали две версии финала этой эпической песни: в большинстве областей доминирует трагическая развязка, но на Кулое, где этот сюжет пользовался особой популярностью, почти все варианты завершаются благополучно для главного героя. Единственный золотицкий текст относится к первой группе старин.

№ 109

ББ, № 48 «Князь Борис Романович (Данило Ловчанин)»; БСДС, № 48.

Зап. А. В. Марковым 16 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «⟨Переняла⟩ у свекра Василя Леонтьевича».

Примечания: ¹[Очевидно, кабан]. ²[Мимо своего дома — к князю].

* * *

Вариант А. М. Крюковой принадлежит к первой версии сюжета, завершающейся гибелью главного героя; необычно его имя — *Борисушко*. Содержание былины изложено достаточно полно, но некоторые нестандартные детали, вероятнее всего, сочинены сказительницей. *Скорые послы* обманывают жену убитого главного героя, заявляя, что он *из цистá поля* поехал прямо к князю Владимиру; узнав о его гибели, она *приворотила (...) во кузницу железню, исковала-то себе ножицьки булатныи*. За исключением некоторых вариантов «Исцеления Ильи Муромца», эпические герои, а тем более женщины, никогда этого не делают. В то же время А. М. Крюкова пропустила важный элемент повествования: героиня не объясняет мужу, почему она принесла *полтретьяста стрел* вместо заказанных им полутора сотен. Целый ряд словосочетаний, стихов и тирад импровизационного характера лишь имитируют фольклорный стиль (*хвасьлив мужик; красота-та у ей в лицу неизреценная; уходим (т. е. уьем) мы Борисушка крутёхонько; Буян, страшный остров; шьтобы не медлила*, см. также ст. 9—21, 42—45, 92, 128—133 и др.). Вряд ли А. М. Крюкова при повторной записи смогла бы близко к тексту воспроизвести эти фрагменты своей былины.

ХОТЕН БЛУДОВИЧ (№ 110—111)

Золотицкие варианты этой старины записаны от А. М. Крюковой и П. С. Пахоловой. По композиции они примыкают к другим севернорусским текстам, некоторые детали сближают их с традицией Западного Поморья. Оригинальные элементы текста А. М. Крюковой, скорее всего, являются индивидуальными новациями сказительницы.

№ 110

ББ, № 20 «Хотен»; БДС, № 20.

Зап. А. В. Марковым 18 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «⟨Переняла⟩ у соседа Ефрема, старика, умершего, когда еще А. М. Крюкова была девочкой».

Примечания: ¹[Часовой жены].

* * *

А. М. Крюкова сосредоточила свое внимание на нескольких ключевых эпизодах былины, дополнив их сценами собственного сочинения. Ссора матерей Хотена и его невесты происходит на пиру, который специально для женщин устроила *Опракся-королевисьня*. Исполнительницу не смутило, что среди гостей оказался князь Владимир (ст. 67—68). Подобный пир в былине о Ставре Годиновиче описан пудожским сказителем А. Сорокиным (СБ 18(1), № 421). Князь играет важную роль в развитии действия — предрекает своей сестре, *Цясовой жоны* серьезные неприятности в связи с оскорблением матери богатыря, позднее дает ей *силы двадцать тысячей*, советует откупиться от Хотена, а затем — выдать за него замуж *Чависьню Часовисьню*. Братья невесты в тексте только упоминаются, столкновение героя с ними не изображается. В тексте доминируют не эпические стереотипы, а описания и монологи, сочиненные А. М. Крюковой и не имеющие отношения к традиционной былинной стилистике (ст. 9—10, 14—19, 24—28, 46—49, 51—56, 60—73 и др.). Это в полной мере относится и к лексическим средствам, использованным сказительницей (*подиштаньницьки*; *сжала вси досады на желанном ретивом серьци*; *стрецяё ⟨...⟩ ею кухароцьки*; *привела тольки в изьян князя Владимира* и т. п.).

№ 111

БПЗБ, № 106 «Про Хотешка Блудовича».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 30 августа 1938 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Павлы Семеновны Пахоловой, 1879 г. р.

* * *

Текст П. С. Пахоловой, который является четвертым золотицким вариантом былины «Хотен Блудович» (два других записаны от М. С. Крюковой), подробно охарактеризован А. М. Астаховой: «Он ⟨текст⟩, как и варианты М. С. Крюковой, восходит к тексту матери, и это подтверждает и сама исполнительница: „Эта старина матушкина Аграфены Матвеевны. Она всё пряла да вязала да всё пела. От ей слыхала”».

Текст сохраняет в основном композицию материнского текста, являющегося одной из наиболее ярких и интересных обработок сюжета, и ряд его своеобразных мотивов: мотив социального неравенства — насмешки Часовой жены над бедностью Хотя, ухаживание Хотя за оскорбленной на пиру матерью, связывание сыновей Часовой жены бычьими ремнями, обращение Часовой жены за защитой к князю Владимиру, его совет помириться и отдать дочь за Хотя. Вместе с тем Пахолова выпускает отдельные детали (например, упоминание о свадебном пире) и вносит новые: включены в конце повествования насмешки над Хотеем самой девушки (возможно, перенято от старшей сестры, которая вставила этот эпизод под влиянием баллады о Домне, — в тексте матери девушка только выражает негодование, что Хотей посмел посвататься); Хотей, захватив в плен сыновей Часовой жены, не привязывает их к дереву, а ведет их связанными по Киеву, мимо окон Часовой жены (этим усилен оскорбительный характер мести Хотя). За исключением несколько растянутой сцены в доме Часовой жены по ее возвращении с пира (ст. 110—174), текст Пахоловой отмечен чертами хорошего эпического стиля» (БПЗБ, с. 561—562).

СУХМАН (№ 112—113)

Эта сравнительно редкая былина, завершающаяся трагической гибелью главного героя, зафиксирована собирателями в разных областях России. Ее сюжет положен в основу средневековой «Повести о Сухане». Все три золотичских варианта записаны в семье Крюковых, генетически все они связаны с книжным источником.

№ 112

ОР РГБ, ф. 160, п. 9, ед. хр. 1, л. 2—3 об. (начиная со ст. 86). Опубл.: ББ, № 11 «Сухматий (Сухан)»; БСДС, № 11.

Зап. А. В. Марковым 27 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Ст. 1—85 публикуются по ББ.

Примечания: ¹В п. з. далее зачеркнуто в. ²Смешано с *шеломем окатистым* — ББ, с. 90]. ³В ББ после текста комментарий исполнителя (в п. з. отсутствует) *Думаю, не все спела, где все запомнить!* (ББ, с. 90).

* * *

Ориентируясь на вариант Шальского лодочника с Пудоги (СБ 18(1), № 476), опубликованный в хрестоматии А. Оксенова «Народная поэзия» (Оксенов, с. 11), А. М. Крюкова изменила некоторые несущественные детали прототекста: татарское войско насчитывает не сорок, а десять тысяч человек; богатырь переезжает через реку *по мосту калинову*, а не перепрыгивает через нее на коне; врагов он топчет конем и *на саблю берет*; вместо маковых листочков обкладывает рану *листочками из травы* и др.). Некоторые отклонения от прототекста более радикальны: стрелу в Сухмана пускает *Идолище поганое*, происходит это до битвы героя с вражеским войском; явно сочинен певичей наказ умирающего богатыря коню. Немногочисленные дополнения Крюковой не улучшают эту великолепную былинку, а, скорее, напротив — снижают ее художественный уровень. Избыточны многословные описания ухода Сухмантия с княжеского пира (ст. 34—37), подробности его диалога с Непрой-рекой (ст. 52—56), развернутая постпозиция, в которой герой разговаривает с Сухман-рекой и призывает своего коня не плакать *у тела богатырского* (ст. 153—168). Ничем не обосновано нападение Идолища (заменившего трех татар) на Сухмантия до начала его битвы с вражеским войском.

№ 113

ГЛМ, кп 50715 / 55 / 52, л. 1—11. Опубл.: БПЗБ, № 101 «Старина про Сухмана сына Сухматьевича».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 28 августа 1938 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Павлы Семеновны Пахоловой, 1879 г. р.

* * *

Вариант П. С. Пахоловой, как и былины ее матери А. М. Крюковой и старшей сестры М. С. Крюковой, через книгу (Оксенов, с. 11) восходит к старине Шальского лодочника с Пудоги (СБ 18(1), № 476). Отклонения от прототекста касаются второстепенных деталей. В былинку включено заимствованное из сказок описание лебедушки; из «Дюка Степановича и Чурилы Пленковича» перенесен отвод Алеши Поповича, который, по словам Сухмана, *не скажет правды; маковые листочки заменены листочками малиновыми*. Киевского князя *Владимира Святослаевича* сказительница называла *красным солнышком и великим князем*. Описывая место битвы богатыря с татарами, певица назвала сразу три реки — *Пучай, Дунай и Сухман* (ст. 90—96), не упомянув при этом традиционную *Непру-реку* (она фигурирует в другом эпизоде — см. ст. 200). Как и в других своих текстах, Пахолова нередко злоупотребляла многословными описаниями, избыточными подробностями (ст. 19—29, 56—62, 136—139, 171—181, 195—199 и др.).

МИХАЙЛО ДАНИЛОВИЧ (№ 114—116)

Былина о богатыре-малолетке Михайле Даниловиче на Зимнем берегу записывалась на рубеже XIX и XX столетий, в более поздние времена собирателям не удалось ее зафиксировать. Местная обработка сюжета близка к лучшим кулойским вариантам, но не содержит каких-либо оригинальных деталей и формул, не известных по записям из других регионов. В старине А. М. Крюковой, которую она связывала с эпической традицией Терского берега, нет никаких знаковых сходжений, которые подтверждали бы это явление: по большинству параметров она примыкает к другим золотицким вариантам и, скорее всего, была усвоена певицей уже после замужества.

№ 114

ОР РГБ, ф. 160, п. 9, ед. хр. 3, л. 20 об.—27. Опубл.: ББ, № 76 «Михайло Игнатъевич (Данилович)»; БСДС, № 76.

Зап. А. В. Марковым 22 августа 1898 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 76 лет.

В ББ перед текстом примечание собирателя: «Эту старину я записал с рассказа певца, потом исправлял по его пению; поэтому в записи оказались некоторые пропуски. Она напечатана в ИОРЯС Имп. АН. Т. 4, кн. 2. С. 712» (ББ, с. 401).

В ББ некоторые строки и фрагменты строк пропущены (обозначены отточиями). Текст публикуется согласно п. з., недостающие в п. з. строки восстановлены по ББ. Исправления на полях и между строк п. з., варианты стихов (видимо, сделанные при второй фиксации) отражены в примечаниях собирателя в ББ и приводятся здесь.

Нумерация строк в п. з. отсутствует.

Примечания: ¹⁻¹В п. з. строки переставлены, порядок указан цифрами. ²В п. з. карандашом исправлено из *поростряхиват*. ³В п. з. карандашом исправлено из *помахивает*. ⁴В п. з. далее зачеркнуто князь. ⁵⁻⁵В п. з. в начале строки *Уж*, далее текст отсутствует, восстановлено по ББ. ⁶В п. з. строка написана внизу страницы. ⁷В п. з. и в ББ строка пропущена, далее отточием обозначены аналогичные случаи. ⁸В п. з. над словом написано *Говори<т>*. ⁹В п. з. *ты* (вероятно, описка). ¹⁰В п. з. далее зачеркнуто *с<ын> Д<анилович>*. ¹¹[Вместо *смету*; *н* вместо *м* — под влиянием следующего слова, начинающегося звуком *н* (*нет*) — ББ, с. 402]. ¹²[Вариант: *Кабы мне нонече* — ББ, с. 403]. ¹³⁻¹³В п. з. слова *к Федосию в Пешшер-мáнастырь* написаны сверху. ¹⁴⁻¹⁴В п. з. слова *стольно-киевської* написаны сверху. ¹⁵⁻¹⁵В п. з. строка заключена в скобки. [В пении этот стих был пропущен певцом — ББ, с. 403]. ¹⁶В ББ далее отсутствующая в п. з. строка: *Пристарилсь да представилсь*. ¹⁷В ББ *можот владеть*. ¹⁸В п. з. чернилами исправлено из *лѣзко*. ¹⁹⁻¹⁹В п. з. строки переставлены, порядок указан цифрами. ²⁰В п. з. карандашом исправлено из *цáдо*. ²¹В п. з. далее приписано позже *челует свое*. ²²[Вариант: *на почесен пир* — ББ, с. 404]. ²³В п. з. строка (вероятно, ошибочно) написана после следующей. ²⁴В п. з. чернилами исправлено из *Принилсе*. ²⁵В п. з. внизу страницы *Как садилсе да Михайло во место чарськое* [Вариант: *Как садилсэ Михайло во место чарськое* — ББ, с. 404]. ²⁶В п. з. карандашом исправлено из *время*. ²⁷В п. з. над словом написано *Постриглись*; в ББ опубликовано вместо слова в п. з. ²⁸В п. з. далее вписана строка *Подымалсе тут король Литовської* [Вариант: *Подымалсэ тут король Литовської* — ББ, с. 405]. ²⁹В п. з. далее зачеркнут комментарий исполнительницы (*выжегчи*). ³⁰⁻³⁰В п. з. строки написаны внизу страницы, место восстановлено по ББ. ³¹⁻³¹В п. з. над строкой вписаны поправки, дающие вариант строки: *Заезжат он в силушку великую*. ³²В п. з. внизу страницы *Как стѣгал*. ³³В п. з. карандашом исправлено из *Пал-то*. ³⁴⁻³⁴[Вариант: *Повели к королю Литовському: // «Молодой шишок, рано попорхивал! // Поди-тко ко мне в услуженьицѣ; // Не пойдешь — я отсеку те буйну голову»*]. ³⁵⁻³⁵[Вариант: *И как рубит их до единого; // Прибил их до единого; // Не спустил-то их на семена ни единого*]. ³⁶⁻³⁶[Вариант: *Повалилсэ меж ти-то трупья всё поганья* — ББ, с. 408]. ³⁷⁻³⁷В п. з. слова заключены в скобки. ³⁸В п. з. после текста вариант строк *А заехал в силушку великую; // Уходил-то я твово добра коня Воронюшка. // Как пошли они ко городу ко Киеву // Ко ласкову-ту князю Владимиру*.

* * *

В первой по времени записи этой былины от Г. Л. Крюкова А. В. Маркову не удалось без пропусков зафиксировать ее текст (см. ст. 37—39, 105, 112, 176 и др.). Композиционная схема произведения близка к повторной записи 1901 г., но в ней появились дополнительные детали и подробности, которые позволили сделать более яркими некоторые эпические стереотипы (см. коммент. к № 115). Г. Л. Крюков почему-то употребил два варианта имени отца главного героя — *Игнатий сын Данилович* и *Данило сын Игнатъевич* (ст. 31, 41, 63 и др.). Сказитель не выходил за рамки традиционной для северо-восточных районов сюжетной схемы, используя ряд обычных для этого ареала нестандартных элементов (подробности в описании княжеского пира; постоянные формулы *говорит да таковы речи*, а не *слова*; *не моги-ка меня за слово ни казнить, ни весити* и др.). Некоторые детали и формулы варианта Крюкова не встречаются в других записях этой эпической песни. Например, *Игнатий Данилович* говорит князю Владимиру: *Жил-то я у тя во Киеви шестьдесят годов, // Я носил-то у тя во Киеви шестьдесят воѣв*. Оригинальны также другие элементы старины Крюкова: *Что во Киеви богатыри пристарелись; Красно солнышко идѣт ко западу, // Все князья, бѣяра на расход пошли // По своим домам да ко своим жѣнам*.

Выразительны описания подбрасывания юным богатырем сорокапудовой палицы (ст. 80—84), шатающихся палат и помитусившихся дверей, которые он запирает (...) *накрепко* (ст. 167—169). Формула *ты, молодой зобзун, ты рано всё попархиваешь*, видимо, перенесена из сюжета «Василий Буслаев и новгородцы».

№ 115

ОР РГБ, ф. 160, п. 3, ед. хр. 15, л. 4—14 об. «Михайло Игнатъевич» (загл. чернилами). Опубл.: БННЗ, № 43 «Михайло Игнатъевич (Данилович)»; БСДС, № 136 «Михайло Игнатъевич (Данилович)».

Зап. Б. А. Богословским летом 1901 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 1822 г. р.

Нумерация строк в п. з. отсутствует.

Примечания: ¹В п. з. в слове карандашом исправлено з на с. ²В п. з. карандашом исправлено из *пострисисе*. ³В п. з. карандашом исправлено из *постриктисе*. ⁴В п. з. в слове зачеркнуто чернилами *щ*, над ним чернилами написано и зачеркнуто *ши*; в ББ *Пешшор*. ⁵В п. з. чернилами исправлено из *Пещёр*. ⁶В п. з. чернилами исправлено из *монастырь*. ⁷В п. з. в начале строки зачеркнуто *А да как*. ⁸В п. з. слово неразборчиво; подчеркнуто чернилами, рядом знак вопроса, печатается согласно ББ. ⁹В п. з. карандашом исправлено из *поди ежат*. ¹⁰⁻¹⁰В п. з. строки помещены после ст. 89 — вероятно, ошибка исполнителя. ¹¹В п. з. карандашом исправлено из *Да как*. ¹²В п. з. далее *А как заходил Михайло на краснó крыльцё, // А со красна крыльця в полату княженейскую*. ¹³В п. з. карандашом исправлено из *заплели*. ¹⁴В п. з. карандашом исправлено из *Божьей*. ¹⁵⁻¹⁵В п. з. карандашом исправлено из *конюшней жить*. ¹⁶[Т. е. *ты молод, птенец, чтобы летать* — БННЗ, с. 106]. ¹⁷⁻¹⁷В п. з. неразборчиво, (вероятно, описка), печатается согласно БННЗ. ¹⁸[Стойки скривились, из рам слюда посыпалась — БННЗ, с. 106]. ¹⁹[Вместо *отужинок*; отужина — подпруга — БННЗ, с. 107]. ²⁰В п. з. вначале строки зачеркнуто *А как*. ²¹[Т. е. *спохватился* — БННЗ, с. 109]. ²²В п. з. *доу¹жо*. ²³В п. з. карандашом исправлено из *татарыма*. ²⁴В п. з. вставкой исправлено из *жасаитце*. ²⁵В п. з. карандашом исправлено из *достаёт*. ²⁶В п. з. далее карандашом зачеркнуто с.

* * *

Через три года после первой записи этой былины от Г. Л. Крюкова (см. № 114) ее повторно зафиксировал Б. А. Богословский. Сказитель заметно улучшил качество своего текста, изменив или добавив целый ряд важных деталей и формул. Отец главного героя назван *Игнатием Даниловичем* (имя *Данило Игнатъевич*, фигурировавшее в записи А. В. Маркова наряду с ним, опущено); указан возраст юного богатыря (*Как от роду ему двенадцать лет*); на пиру князь Владимир сажает его *в место отчѣвскоё*; вражеское войско возглавляет популярный в золотицких старинах этнический противник — *поганой Идолишишо*. Сказитель описал, как погиб конь Михайла Игнатъевича *Воронюшко* и как отец помог юному богатырю добыть ему замену — коня *Голубанушко* (их клички традиционны для семьи Крюковых, но сам эпизод с конями — очевидная новация исполнителя).

№ 116

ББ, № 12 «Михайло Данилович»; БСДС, № 12.

Зап. А. В. Марковым 18 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «⟨Переняла⟩ у матери».

* * *

Как отмечалось в преамбуле, результаты текстологического анализа не подтверждают заявления А. М. Крюковой о том, будто она усвоила эту старину на своей родине — на Терском берегу. С записями из этого региона нет более или менее существенных сходжений, с ними совпадают только типовые элемен-

ты, общие для всего Архангельско-Беломорского края и Терского берега. Былина по содержанию и стилистическому оформлению далеко не всегда соответствует традиционным образцам русской эпической поэзии. Она изобилует импровизационными по характеру вставками, в которых имитируется былинный стиль (ст. 55—58, 110—112, 114—121, 132—137 и др.). Развернутая постпозиция (ст. 178—199) полностью сочинена А. М. Крюковой (*Михайлушко* возвращается в Киев, докладывает князю Владимиру о своей победе над врагами, тот обещает ему щедрую награду за подвиг, даже предлагает жениться и т. д.). Вопреки традиции, перед битвой с татарами Михайло Данилович отказывается получить благословение отца, хотя его просит об этом *матушка родимая*. Сказительница использовала некоторые формулы, восходящие к другим былинным сюжетам (описание *шутков* с малыми детьми в ст. 6—10 позаимствовано из старины «Василий Буслаев и новгородцы», избиение вражеского войска вырванной с корнями березой в ст. 135—137 навеяно соответствующим эпизодом из «Сухмана» или старины о первой поездке Ильи Муромца). Былинный Киев осаждают *король французския* и *король швецкия* — персонажи, не свойственные русскому эпосу (впрочем, их воинов певича назвала *татарами*). Отступления от былинных канонов просматриваются и в других случаях (*на светлу улицу; мне дай-ко ты, князь, да волю вольною; воротитесь, богатыри, вы со мной вмestях; я желаю-то век ездить по цисту полю* и др.).

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ И БАТЫГА (№ 117—119)

Эта популярная на Русском Севере былина в репертуаре сказителей Зимнего берега занимала скромное место и была записана только от членов семьи Крюковых, от Г. Л. Крюкова — дважды. Все три текста далеки от лучших эпических стандартов, и не случайно последующие поколения золотицких певцов эту старину не усвоили. Г. Л. Крюков изложил основные эпизоды архангельско-беломорской версии сюжета, но опустил некоторые важные ее элементы, а П. С. Пахолова использовала лишь отдельные традиционные мотивы и подробности, включив в свой текст множество фрагментов собственного сочинения, качество которых оставляет желать лучшего.

№ 117

ББ, № 77 «Василий (Игнатъевич), пьяница»; БСДС, № 77.

Зап. А. В. Марковым 30 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 77 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «Перенял у старика Мухи, родом с верхнего течения Мезени, умершего более 20 лет тому назад».

Примечания: ¹[Кабак от царя, т. е. *царев*]. ²{До сих пор Крюков пел «на мезёнської голос» довольно скоро, но далее он переменял напев, на мою просьбу сказывать помедленнее}. ³[Т. е. пая, равного их паю].

* * *

Данная старина не принадлежит к числу лучших эпических песен Г. Л. Крюкова. В ней пропущены или существенно переосмыслены некоторые важные мотивы. Из *соборной церкви* выходит не *красна девица*, в которой турица опознает Богородицу, а сама дева Мария; не рассказывается о временном союзе *Васьки-пьяницы* с вражеским царем, и лишь из монолога *Кудреванки* можно предположить, что такой сговор имел место. О том, где можно найти человека, способного защитить Киев от вражеского нашествия, князю Владимиру сообщает *калика-та переходящая*. Князь лично разыскивает богатыря в кабаке и застав-

ллет чумака, чёловальника <...> безъденежнё да бескопёчьнё вернуть ему заложенного коня и оружие. Необычна развязка былины: помня о заступничестве *Кудреванки-царя*, герой отпускает живым его с зятем со *Кыршиком*. Эти отступления от традиционной сюжетной схемы, видимо, предопределены индивидуальными новациями сказителя.

№ 117а

НЗБ, № 37. Зап. на фонограф А. В. Марковым и А. Л. Масловым летом 1901 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 77 лет. Нотировка А. Л. Маслова. Образец опубликован А. Л. Масловым в следующей редакции:

♩. = 72

1. Как шло - то два ту - ра да во - зле си - нё мо - рё;

2. Да на - втре - чу ту - ри - ца зла - то шор - стна - я,

3. Зла - то - шор - стна - я, ту - ри - ца зла - то - ро - га - я.

№ 117б

НЗБ, № 38. Зап. на слух А. Л. Масловым летом 1901 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 77 лет. Нотный образец опубликован А. Л. Масловым в следующей редакции:

♩. = 112

1. А как во сла - вном го - ро - де во Ки - е - ве,

2. Как у ла - ско - ва кня - зя у Вла - ди - ме - ра

3. Как из Ки - е - ва бо - га - ты - ри по - вы - ез - жа - ли.

По замечанию певшего, этот напев заимствован у мезенца ("мезеньской голос").

№ 118

ОР РГБ, ф. 160, п. 3, ед. хр. 15, л. 14 об.—16 «Василий (Игнатъевич), пьяница», «Кудреванко-царь». Оpubл.: БСДС, № 141.

Зап. Б. А. Богословским летом 1901 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 1822 г. р.

Нумерация строк в п. з. отсутствует.

Примечания: ¹В п. з. в начале стиха чернилами в скобки заключено *Она*. ²В п. з. чернилами знаком объединения исправлено из *у страху*. ³В п. з. после строки отчеркнуто красным карандашом, пометка д.с.п. ⁴В п. з. далее помета — (*sic!*). ⁵[См. № 77 (№ 117 наст. изд.)].

* * *

Начало былины, повторно записанное через два года после первой встречи сказителя с собирателем, свидетельствует о том, что Г. Л. Крюков не выработал стабильного текста этого произведения, как это было в большинстве других случаев. Отсутствует диалог турицы с *турами златорогими*; выходящую из монастыря Богородицу видят не они, а люди, но смысл этого видения как предвестника беды не расшифровывается. *Кудреванко-царь*, как и в ряде других севернорусских записей былин об отражении вражеского нашествия, посылает в Киев татарина, который *умеет по-русьски разговаривать* (обычно языковой барьер в эпосе не учитывается). По словам калик переходящих, *Васька горька пьяница* (...) *уехал да во свое место, // А да как пьет вино да все запоем*.

№ 119

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 479—508—507 об. Оpubл.: БПЗБ, № 100 «Васька да горька пьяница».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 13 августа 1939 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Павлы Семеновны Пахоловой, 1879 г. р.

В п. з. комментарий исполнительницы: «Слышала от своих дедушков от Гаврила и от Василия Крюковых».

Примечания: ¹В БПЗБ *потихошеньку*. ²В БПЗБ *Ужли [у мя]*. ³В БПЗБ слово пропущено. ⁴В БПЗБ слово пропущено. ⁵В БПЗБ слово пропущено. ⁶В БПЗБ *скоро*. ⁷В БПЗБ *Не учили*.

* * *

А. М. Астахова подчеркнула нетрадиционный характер старины П. С. Пахоловой: «Хотя исполнительница и сослалась на своих дедов Василия Леонтьевича и Гаврилу Леонтьевича, от которых якобы усвоила былинку, но вариант о Василии-пьянице, записанный от Гаврилы Леонтьевича (Марк., № 77), совсем иной, развивает традиционный сюжет в его северо-восточной версии. Васька-пьяница, оберегая Киев и князя Владимира от врага, допускает ограбление ими князей-бояр, а затем, обделенный врагами, побивает их и отдает князю Владимиру „в золотую казну“ все ими награбленное.

Единственное, что сближает оба варианта, это сам образ богатыря-пьяницы, его имя и сцена одевания в кабаке пропившего всю одежду богатыря. Однако и эта сцена в деталях отлична от традиционной: князь Владимир не идет сам в кабак, а посылает слуг, платье выдается из кладовых князя, а не из заклада целовальникам, сцены опохмеливания нет» (БПЗБ, с. 558).

В комментируемом тексте поражает стилистическая «всеядность» исполнительницы и отсутствие художественного вкуса в выборе лексических средств. Она охотно вводила в свой текст понятия, слова и выражения, чуждые не только стилистике народной поэзии, но и разговорному языку крестьян. На Киев наступает войско *арабского царюшиша Грубиянишиша*; князь Владимир *потихохонько* спускается *со стеночки да городовую*, держась *за перилочки золоченые*; *Васька горькой пьяница* сетует, что у него *нет на плечах всё рубашочки, // У мя на себе да всё подштанничков, // У мя нет на себе же брюк же всё*; он *голосом кричал всё арабским же* (видимо, имеется в виду арабский язык, которому завсегда кабаков мог обучиться в молодости *на славных островах всё да Милитрийских*, где он получил *образованьице всё же рыцарское*). Героя сопровождают его соратники *Костя с Ваней*, не известные по другим записям этого сюжета. В благодарность за спасение Киева князь Владимир готов уступить свой трон *пречудному, прехитрому, мудрому же бога́тырю*, но тот учтиво отказывается от этой милости. В тексте неоднократно упоминаются *черные же корабли заморские*, на которых прибывают к Киеву захватчики (видимо, навеяно одной из архангельских былин о татарском нашествии на Русь — Кир. IV, с. 38).

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ И НОВГОРОДЦЫ (№ 120)

На Зимнем берегу, как и на соседнем Кулое, собиратели не обнаружили никаких следов бытования этой классической новгородской былины, хотя жители обоих регионов считали себя прямыми потомками древних новгородцев. Оба записанных в Нижней Зимней Золотице контаминированных текста Аграфены и Марфы Крюковых (текст М. Крюковой войдет в т. 9) генетически восходят к старинам Колодозерского старика с Пудоги (первая часть былины) и из сборника КД (вторая часть).

№ 120

ОР РГБ, ф. 160, п. 9, ед. хр. 1, л. 31 об.—42 об. Опубл.: ББ, № 52 «Василий Богуславьевич»; БСДС, № 52.

Зап. А. В. Марковым 29 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

В п. з. перед текстом примечание собирателя: «Пели и в Чаваньге, но как — не помнит (выучилась здесь, в Золотице). С Мезенского берега приходили покрученники».

Номера строк в п. з. проставлены чернилами.

Примечания: ¹В п. з. исправлено из *Цернигови*. ²В п. з. в начале стиха чернилами заключено в скобки [*Как ведь тут-то он*], приписано *пропустить*. ³В п. з. слово вставлено сверху. ⁴В п. з. слово написано неразборчиво. ⁵В п. з. в начале стиха чернилами заключено в скобки [*Тут ведь он-то*], приписано *выпустить*. ⁶В п. з. далее чернилами зачеркнут комментарий исполнительницы (*Ребята играют, твердят: Я — Васильюшко Богославъевич, я — И〈ля〉 М〈уромец〉. Особ〈енно〉 II*). ⁷В п. з. исправлено из *Ише*. ⁸В п. з. слово вставлено сверху, зачеркнуто и восстановлено. ⁹В п. з. *садитѹје*. ¹⁰[*Вместо их?* — ББ, с. 265]. ¹¹В п. з. далее зачеркнут комментарий исполнительницы (*Шепалугой дралсэ двести пул*). ¹²⁻¹²В п. з. слова вставлены сверху. ¹³В п. з. слово вставлено сверху. ¹⁴В п. з. в начале стиха чернилами заключено в скобки [*Мне-ка*], приписано *выпустить*. ¹⁵В п. з. синим карандашом заключено в скобки (*Тут ведь они ведь все да*), приписано *пропустить*. ¹⁶В п. з. *цјелу*. ¹⁷В п. з. далее зачеркнуто *она*. ¹⁸В п. з. чернилами исправлено из *сладко*. ¹⁹В п. з. далее чернилами заключено в скобки (*-то*), надписано *проп〈устить〉*. ²⁰В п. з. в начале стиха чернилами заключено в скобки и зачеркнуто (*Он ведь стретилсэ*). ²¹В п. з. далее зачеркнуто *-то*. ²²В п. з. чернилами исправлено из *шепалыгу*; под словом чернилами написано *см. выше*. ²³В п. з. в начале стиха зачеркнуто *Ай*. ²⁴В п. з. исправлено из *Ой*. ²⁵В п. з. приписано (*в. десеть сот*); [*Певица слышала также о десеть сот — ББ, с. 269*]. ²⁶В п. з. чернилами исправлено из *дребезки*. ²⁷В п. з. далее зачеркнут комментарий исполнительницы: *Род Крюковых — от новгородѹца, все поминают, шьто шли сюда из Н〈овгорода〉*. [*Здесь сказительница прервала пение и стала рассказывать о том, что население Золотицы вышло из Новгорода; когда она снова стала петь, то, вероятно, позабыла, на чем остановилась, и потому пропустила то место, как женщины упростили Авдотью унять сына — ББ, с. 270*]. ²⁸В п. з. приписано ниже *двенадцать престолов*; *см. ниже 〈ст.〉 455*. ²⁹В п. з. далее зачеркнуто *ведь*. ³⁰В п. з. слово вставлено сверху. ³¹В п. з. под словом приписано *или Льбину*; в ББ *Льбину*. [*Певица слышала также ко Львину-ту; ср. № 53, ст. 84 — ББ, с. 271*].

* * *

Контаминированная былина А. М. Крюковой генетически связана со сводным текстом из хрестоматии А. Оксенова (Оксенов, с. 99), в котором соединены старины «Василий Буслаев и новгородцы» Колодозерского старика (СБ 18(1), № 509 — Пудога) и «Поездка Василия Буслаева в Иерусалим» из сборника КД. В первой части произведения исполнительница с большой точностью воспроизвела прототекст, внося в него незначительные изменения. Третий член дружины Василия назван *Данилушкой* вместо *Хомушки Горбатенького*, а для его характеристики использованы стихи из баллады «Дмитрий и Домна»; в эпическую песню введены художественные образы причитаний (ст. 281—284); заменены отдельные слова — *черный вяз* вместо *черленого*; *пожила вдова* вместо *честной*; *мелкие дребезги* вместо *ножевых череньев* и др. Сохранены почти все уникальные элементы пудожского варианта (мать Василия разбрасывает *злато, серебро*, которые у нее в знак примирения с Василием отказался принять новгородский князь; на мосту богатырь убивает не только своего крестного отца, но и крестового брата, выговаривая обоим: *Тебя чорт-от несёт*; здесь Крюкова добавила еще одну фразу: *водяной тебя несёт*). В тексте встречаются и другие отклонения от старины пудожского певца. Новгородцев вызывает на бой Костя Новоторженин, а не Василий Буслаев, как в прототексте и в других вариантах былины; *клетка железная*, в которой мать заперла богатыря, заменена крестьянской *клетью*; крестный отец назван *Дивянишишом*, а не *старцем Пилигримишем*; вместо *Волхова* фигурирует *Непра-река*.

Вторая часть произведения восходит к былине из сборника Кирши Данилова (№ 19), дополненной отдельными мотивами из старины Шальского лодочника (СБ 18(1), № 523 — Пудога), но А. М. Крюкова гораздо чаще, нежели в первом сюжете, отступала от книжных прототекстов. Опущен целый ряд оригинальных деталей и формул, диалог богатыря с *бабой залесной* частично сокращен, частично заменен наказом матери Василию перед его отъездом из Новгорода (ст. 424—427). Видимо, незнакомая певце

рыба *вьюн* заменена привычным *налимом* (ст. 356). В развернутых монологах героя и *головы богатырской* (ст. 439—455) отдельные мотивы из вариантов КД и Шальского лодочника даны вперемежку, осложнены дополнительными подробностями о христианских святынях, известными А. М. Крюковой по каким-то иным источникам (дед сказительницы был церковным старостой, а в его доме было много книг религиозного содержания — см. ББ, с. 27).

САДКО СОСТЯЗАЕТСЯ С НОВГОРОДОМ (№ 121—123)

Былина о Садко («Садко состязается с Новгородом» + «Садко в подводном царстве») записана на Зимнем берегу от четырех сказителей, однако два текста (Аграфены и Марфы Крюковых) восходят к печатным источникам, а еще два (Гаврилы Крюкова и Федора Пономарева) представляют собой схематичное изложение двух основных эпизодов из трех, связанных с именем этого персонажа (нет рассказа о том, как Садко разбогател). Объем обоих устных по происхождению вариантов не превышает 100 стихов, они не содержат оригинальных элементов, неизвестных по записям из других регионов. Текст М. Крюковой войдет в т. 9.

№ 121

ОР РГБ, ф. 160, п. 9, ед. хр. 2, л. 13—16 об. Оpubл.: ББ, № 21 «Садко»; БСДС, № 21.

Зап. А. В. Марковым 17 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

В п. з. примечание собирателя: «Дома слыхала от дяди Ефима».

Номера строк в п. з. проставлены чернилами.

Примечания: ¹В п. з. слово чернилами вписано сверху. ²В п. з. под строкой примечание собирателя: «Перед некоторыми стихами сказительница прибавляла ай». ³В п. з. чернилами исправлено из *Ты*. ⁴В п. з. чернилами исправлено из *сходи*. ⁵⁻⁵В п. з. строка соотносена с написанным выше вариантом *Пробивайсе ты ведь все с купцѣми, бейсе об заклад с има*. ⁶В п. з. чернилами исправлено из *купцами*. ⁷В п. з. далее зачеркнуто *косо*. ⁸В п. з. *обцѣнили* (*ј* вставлен позже). ⁹В п. з. *цѣлу* (*ј* вставлен позже). ¹⁰В п. з. *цѣны* (*ј* вставлен позже). ¹¹В п. з. далее зачеркнуто *ведь*. ¹²⁻¹²В п. з. чернилами исправлено из *отдавал-то три рыбки*. ¹³В п. з. слово чернилами заключено в скобки. ¹⁴В п. з. в начале стиха зачеркнуто *Он*. ¹⁵В п. з. в начале стиха зачеркнуто *Ай*. ¹⁶[Садко и Никола? — ББ, с. 137]. ¹⁷В п. з. исправлено из *брови*. ¹⁸В п. з. слово вставлено сверху.

* * *

Если отвлечься от индивидуальных новаций, в частности от сказочных мотивов, использованных А. М. Крюковой в конце былины, то выявляется несомненная связь ее варианта с классическим текстом пудожанина А. Сорокина (СБ 18(1), № 525), который был перепечатан в хрестоматии А. Оксенова «Народная поэзия» (Оксенов, с. 112). Это сходство отметили составители сборника НБ. Зависимость от сорокинской редакции особенно заметна в первой части произведения: Садко — бедный гусяр, зарабатывающий на хлеб своим искусством; его обогащение мотивируется чудесным даром *царицы Белорыбицы*, заменившей традиционного морского царя. Подобная мотивировка крайне редка. К былине пудожского певца восходят также описания внезапной остановки корабля в открытом море, попыток откупиться от морского царя бочками с золотом и серебром, пляски морского царя и ее губительных для мореходов последствий, вмешательства Миколы Можайского (ст. 41—45, 56—57, 75—89). А. М. Крюкова включила в свое произведение некоторые характерные для местной традиции элементы (ст. 35—39 — характеристика поведения хозяина пира, обычно князя Владимира, перенесенная на Садко; упоминание *поветери способной*,

⟨...⟩ уносной; эпитет *звонцяты гусли* вместо *гуслей яровчатых*). Заменены некоторые имена собственные (*Цюдо-о́зеро* вместо *Ильмень-озера*; *царица Белорыбица* вместо *морского царя*; дочь названа *Настасьей*, а не *Чернавушкой*). Ее подмигивание как знак Садко для узнавания (ст. 112—117) — обычная деталь ряда волшебных сказок, героям которых надо выделить свою суженую в толпе одинаково одетых девушек. Обычно безымянное *синё море* названо *Хвалыньским* (то же в былине А. М. Крюковой «Глеб Володьевич», № 125); в былине фигурирует *бела модна шлюпочка*.

№ 122

ББ, № 95 «Содко»; БСДС, № 95.

Зап. А. В. Марковым 21 июня 1899 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Федора Тимофеевича Пономарева, 70—71 г.

Перед текстом комментариев собирателя: «По словам Пономарева, эта старина поется особенным веселым напевом. Ее удалой напев напоминает „Ах вы сени“».

Примечания: ¹⁻¹[Вместо *во Нови-гради*; название города принято за простое определение, и прилагательное *новой* заменено тождественным по значению словом *иной* (см. словарь). Ср. в «Песнях» Рыбникова (III, 251 (Рыбн. Т. 2. С. 383)) в былине о новгородском госте Терентии «*Поди-сходи на иной город*»].

* * *

Стяженный вариант сводной былины, содержащий второй и третий эпизоды (спор с новгородцами по поводу покупки всех товаров в городе и «Садко в подводном царстве»). Как и Г. Л. Крюков (№ 123), Ф. Т. Пономарев кратко описал метание жребиев; отметил, что после этого герой уснул и проснулся у *морского царя*. Там за *зыбкой бабушка* подсказывает Садко, как ему выбраться на белый свет; судя по всему, *девушка Чернавушка да Шолудьявушка* является воплощением *быстрой реченьки* (ср. варианты пудожанина А. Сорокина — СБ 18(1), № 525 и Кириши Данилова — КД, № 47). Любопытно естественное для поморов-профессиональных мореходов упоминание *водолашишков*, которые должны определить, не сел ли корабль на *луду* (мель).

№ 122а

НЗБ, № 40. Зап. на фонограф А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским летом 1901 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Федора Тимофеевича Пономарева, 70—71 г. Нотировка А. Л. Маслова. Образец опубликован А. Л. Масловым в следующей редакции:

♩ = 66

1. А как хва-лит - це Сот - ко, да по - хва - ля - ит - це Сот - ко

2. Во и - ни гра - ди то - ва - ры все по - вы - ку - пить

3. Да на чер-ля - ны на ка - ра-бь - ли по - вы - ста - вить.

4. Да по - шо - л Со - т - ко да на две - над - це - ти ка - раб - лей.

5. Да на перь-вой день то - ва - ры все по - вы - ку - пил

6. Да на чер-ля - ны на ка - ра-бь - ли по - вы - ста - вил.

№ 123

ОР РГБ, ф. 160, п. 9, ед. хр. 6, л. 6—8 об. «Садко». Опул. ММБ-1, № 17 «Садко»; БСДС, № 139.

Зап. Б. А. Богословским летом 1901 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 1822 г. р.

Номера строк в п. з. проставлены карандашом.

Примечания: ¹В п. з. исправлено из *А я ведь*. ²Слово вставлено сверху. ³В п. з. исправлено из *ишше*. ⁴В п. з. чернилами исправлено из *товарамы*. ⁵В п. з. далее чернилами зачеркнуто второе *как*. ⁶В п. з. исправлено из *земля*. ⁷⁻⁷В п. з. чернилами исправлено из *стала таиласе*. ⁸[Т. е. *вспременилася*, заменилась — ММБ-1, с. 87]. ⁹[*Луда* — выдающийся из воды плоский камень — ММБ-1, с. 87]. ¹⁰В п. з. слово позднее написано чернилами. ¹¹[*Выставать* — подниматься из воды]. ¹²В п. з. в начале стиха зачеркнуто *А да как*. ¹³В п. з. далее зачеркнуто *да*. ¹⁴[Вместо *яровчаты* — яворовые — ММБ-1, с. 87]. ¹⁵В п. з. далее зачеркнуто *вси*. ¹⁶[*Косящатый* — из струганных досок — ММБ-1, с. 88]. ¹⁷В п. з. чернилами исправлено из *собе*. ¹⁸В п. з. чернилами исправлено из *столами*. ¹⁹В п. з. чернилами исправлено из *ни*. ²⁰В п. з. чернилами исправлено из *мачтах*; слово подчеркнуто синим карандашом, рядом знак вопроса. ²¹⁻²¹В п. з. слова подчеркнуты синим карандашом, рядом знак вопроса (вероятно, из-за неразборчивого написания).

* * *

По словам сказителя, он перенял эту былинку у Ф. Т. Пономарева из соседней деревни Верхняя Зимняя Золотица (см. № 122). И действительно, по содержанию, композиции, а во многих фрагментах и по стилю их варианты очень близки. Некоторые детали Г. Л. Крюков изменил: действие приурочено к городу

Киеву; в тексте использованы отдельные формулы, характерные для Архангельско-Беломорского края, которых нет в былине Пономарева (*Как та земля да спотаиласе, // Ихна-та земля здремениласе*; но этот эпический стереотип входил в художественный арсенал Пономарева — см. его былину о сватовстве Идолица — № 18, ст. 66—67; Садко обещает во Киёви товарушки повикупить, // *Свои-ти трицеть кораблей повигрузить* — ср. с печорской версией этого сюжета). В подводный мир герой опускается, используя *лѣхку шлюпочку*. Необычен финал произведения: Садко женится на *девице Чернавочке*.

ГЛЕБ ВОЛОДЬЕВИЧ (№ 124—126)

Редкая былины о Глебе Володьевиче найдена собирателями только на Зимнем берегу (4 варианта, все — в семье Крюковых) и на Мезени (СБ 4, № 195 — сказитель М. Антонов); небольшой фрагмент, по содержанию близкий к началу этой старины, записан на Северном Кавказе от терской казачки (Мил., № 80). Имена собственные во всех вариантах и описание осады Корсуни дружиной Глеба / Льва Володьевича в мезенском тексте сближают данную эпическую песню с летописными сказаниями о походах на исторический Херсонес русских князей в 988 и 1077 гг. и в меньшей степени — с повестью об осаде Пскова польским королем Стефаном Баторием в 1581 г. (подробнее см.: Новиков-2000, с. 16—22). Таким образом, несмотря на важную роль художественного вымысла, этот сюжет оказывается тесно связанным с реальной историей средневековой Руси. В отличие от мезенского текста в золотицких старинах акцент переносится с осады города на отгадывание *хитромудрых* загадок Маринки (в былине М. Антонова они лишь дополняют ключевые батальные сцены). Их количество варьируется от трех до шести, почти все они оригинальны и не вошли в состав сводного сборника произведений этого жанра (Загадки / Подгот. В. В. Митрофанова. Л., 1968); некоторые из них позаимствованы из песен-загадок. Ситуативная обусловленность загадок о самом Глебе Володьевиче и Маринке Кайдальевне, о подземных ходах, по которым в город поступают разнообразные припасы (в мезенском варианте), их тесная связь с сюжетом произведения позволяют предположить, что сложены они создателями этой эпической песни. Во всех пяти архангельско-беломорских ее текстах после успешного отгадывания загадок Маринка предлагает Глебу Володьевичу жениться на ней. Однако вряд ли это можно трактовать как предвадебное испытание жениха, поскольку в финале всех вариантов она пытается отравить русского князя. В художественном плане среди золотицких записей выделится старина Г. Л. Крюкова, былины его родственниц изобилуют многословными описаниями, растянутыми диалогами и монологами, импровизационными вставками.

№ 124

ББ, № 80 «Князь Глеб Володьевич»; БСДС, № 80.

Зап. А. В. Марковым 15 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 77 лет.

Примечания: ¹Оговорка певца: *соловей* вместо *сокола* (ср. ст. 153). ²[Князь].

* * *

Вариант Г. Л. Крюкова, безусловно, лучший среди золотицких записей «Глеба Володьевича». Он безупречен по композиции, содержит целый ряд выразительных эпических формул, в том числе повторяющихся (ст. 14—37, 45—66, 81—87, 110—111, 121—125). Г. Л. Крюков — единственный из золотицких певцов, который использовал исторически точное древнерусское название Херсонеса — *Корсунь*. Только одно упущение сказителя — дружинники Глеба Володьевича, которых он так тщательно отбирал перед по-

ходом (ст. 90—96), в финале былины даже не упоминаются. Видимо, в тексте предшественника, как и в мезенской старине (СБ 3—5, № 195), изображалось массовое избиение защитников Корсуня, но Крюков опустил эту сцену. Город, в котором правит главный герой былины, не назван, но, судя по одной из загадок, это должна быть каменна Москва (см. ст. 150).

№ 125

ББ, № 50 «Князь Глеб Володьевич»; БСДС, № 50.

Зап. А. В. Марковым 4 июля 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «⟨Переняла⟩ у свекра Василия Леонтьевича».

Примечания: ¹[Один из корабельщиков]. ²⁻²[Может быть, так А. М. Крюкова сократила ради стиха слова наших младых].

* * *

А. М. Крюкова изложила основные эпизоды местной редакции сюжета, дополнив их сценами собственного сочинения. Главный герой является новгородским князем, что соответствует реальным событиям, связанным с осадой Херсонеса-Корсуни в 1077 г. Несмотря на то что Маринка предлагает Глебу Володьевичу жениться на ней, в тексте упоминается ее *друг милый* — *старой-то старыньшина* ⟨...⟩ *Илья Муромец*. Это — не случайная оговорка певицы и не следствие неудачной импровизации. Этот же персонаж и сын любовников *Борис-королевич* (но почему-то *Иванович*, а не *Ильич*) фигурирует в старине Марфы Крюковой. Кто из сказителей был инициатором этой ничем не мотивированной и противоречащей образу *старого казака* новации, сказать трудно. В публикуемом тексте немало других отступлений от традиции. Действие происходит в *земле Арапской*, город *Корсунь* (или *Консырь*) не упоминается. Маринка загадывает Глебу Володьевичу шесть загадок, почти все они отличаются от тех, что использовал в своей былине Г. Л. Крюков, а некоторые заимствованы из лирических песен-загадок. Между тем Аграфена Матвеевна заявила А. В. Маркову, что усвоила это произведение от свекра Василия Леонтьевича, с которым в одном доме Гаврила Крюков прожил до 62 лет (ББ, с. 292 и 780). Русское войско в тексте не упоминается. В стилистическом плане комментируемая старина является одной из самых слабых в репертуаре А. М. Крюковой. В ней много избыточных подробностей повествования, импровизационных по характеру фрагментов, ничем не мотивированных лексических повторов (ст. 9—15, 18—27, 46—50, 57—59, 65—68, 75, 80—81, 90—93, 139 и др.).

№ 126

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 311—321. Оpubл.: БПЗБ, № 107 «Глеб да сын Володьевич».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 28 августа 1939 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Павлы Семеновны Пахоловой, 1879 г. р.

В п. з. комментарий исполнительницы: «Слыхала от деда Гаврилы Леонтьевича, как он пел Маркову Алексею Владимирович⟨у⟩, на граммофон списывали его голос; он шавкал, немолодой уж был. Пропоеный голос был у деда Гани, а он шавкал».

Во время исполнения присутствовала сестра Павлы Семеновны Пахоловой — Марфа Семеновна Крюкова. Она часто перебивала исполнение, вставляя свои комментарии. При первой публикации эти диалоги сказителей были пропущены. Однако некоторые реплики М. С. Крюковой влияли на исполнение:

Павла Семеновна припоминала подсказанные сестрой эпизоды. Текст публикуется с учетом позднее вставленных недостающих строк.

Примечания: ¹⁻¹Исполнительница вспомнила эти строки позже; в БПЗБ — ст. 115—118. ²⁻²В п. з. исправлено из *выше лесу же*. ³В п. з. далее зачеркнуто *млад.* ⁴⁻⁴В п. з. исправлено из *Глеб да сын Володьевич: не хитра*.

* * *

Сказительница заявила, что переняла эту старину у Г. Л. Крюкова (БПЗБ, с. 562). И действительно, основные эпизоды ее былины совпадают с текстом Крюкова (№ 124), но они содержатся и в других золотицких записях «Глеба Володьевича». В то же время некоторые нетрадиционные элементы скорее всего, являются индивидуальными новациями П. С. Пахоловой. Город *Корсунь* превратился в *Концырь-то*; все три загадки Маринки отличаются от тех, что она загадывает в былине Г. Л. Крюкова, и совпадают с загадками из старины А. М. Крюковой (№ 125). Наказ Глеба Володьевича дружине и расправа с жителями *Концыря* (ст. 104—114 и 235—246) перенесены из сюжета «Соломан и Василий Окулович» (у Г. Л. Крюкова эти эпизоды отсутствуют). В ст. 207—208 отразилось незнание сказительницей «эпической географии» (*А у нас в матушки же каменной Москве // А Дунай, а Непра-река да очушь быстрая*). Как и Аграфена Матвеевна, Павла Семеновна перенасытила некоторые фрагменты подробностями (ст. 41—73, 157—164, 247—260).

КОЗАРИН (№ 127—132)

Былина о Козарине — одна из самых популярных в Архангельско-Беломорском крае; на Зимнем берегу записано девять вариантов от восьми сказителей. А. М. Крюкова исполнила два разных текста, оба примыкают к старинам с Терского берега, ее родины. В этих вариантах упоминаются девять братьев невесты, сказительница вложила в уста героя формулу *А твоё-то мне добро ведь наперёд зашло* (освобождение девушки от татар осмысляется героем как благодарность за ее участие в его судьбе). К текстам А. М. Крюковой примыкает старина П. С. Пахоловой, которая позаимствовала у матери целый ряд нестандартных деталей. Как и в соседних регионах, большинство золотицких былин начинается чеканной формулой *На роду / родинах Козарина попортили*; богатыря еще младенцем отдают *бабушке-задворенке* (в обоих вариантах А. М. Крюковой его воспитывает старшая сестра). Ни в одном из текстов не описывается встреча Козарина с вещим вороном, который сообщает ему о татарах и русской полонянке; действие в них не приурочено к Киеву, лишь иногда под влиянием имени отца героя *Петра Коромыслова* упоминается *город Коромыслов*. В местной модификации сюжета нет даже намек на возможность инцеста; в ряде вариантов отсутствует драматичная сцена узнавания родственников, поскольку в плаче сестра упоминает брата как ее потенциального избавителя, а он слушает ее причитание. Иногда не описывается и похищение девушки татарами (в одном варианте — *змеей семиглавой*). В некоторых текстах Козарин не щадит даже третьего татарина, который обещал девушке-полонянке достойную судьбу. В развязке былины нет единообразия: в одних старинах отец мирится с опальным сыном, в других откупается от него *златом-серебром*, в третьих *отпирается* от него.

№ 127

ББ, № 17 «Михайло Петрович (Козарин)»; БСДС, № 17.

Зап. А. В. Марковым 16 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «〈Переняла〉 у матери».

* * *

От А. М. Крюковой записано два варианта этой былины; они принадлежат к той редакции сюжета, которая бытовала на Терском берегу, но в деталях повествования лишь частично совпадают друг с другом. В отличие от золотицких вариантов невзлюбившие героя родственники хотят *Михайлушка конём стоптать*, ⟨...⟩ *копьем сколоть* (+ *свиньям отдать* в другом варианте А. М. Крюковой). Отвергнутого родителями *Михайла Петровича* кормит и *росытит* его старшая сестра Настасья-королевична, а не *бабушка-задворенка*. Некоторые детали имеются только в этом тексте и отсутствуют в другом варианте Крюковой. Уникальна реплика короля Петра Коромыслова, заподозрившего свою дочь в пособничестве Михайле: *Ты когда была, Настасья, доць мне-ка любимая, // Уж ты сделалась ноне доць постылая*. Настасью похищают *три разбойника-татарина*; двоих из них богатырь убил, а третьего, обещавшего кормить его сестру *белым хлебом* и *поить* ⟨...⟩ *сладкой водой медовой*, ⟨...⟩ *на волю спустил*. Отец героя сначала отказывается признать его своим сыном, но, опасаясь потерять Настасью, смягчает свою позицию и даже обещает *посадить Михайла на своё место* ⟨...⟩ *королевской*. Как и в былине Г. Л. Крюкова (№ 131), богатырь расспрашивает освобожденную девушку о ее родственниках.

№ 128

ББ, № 16 «Козарушка (Козарин)»; БСДС, № 16.

Зап. А. В. Марковым 26 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «⟨Переняла⟩ у старушки Прасковьи Ивановны, умершей лет 30 тому назад».

Примечания: ¹[Вероятно, здесь сказательница выпустила неприличное слово]. ²[Убитых Козарушкой детей].

* * *

Второй вариант былины, записанный от А. М. Крюковой, частично смыкается с первоначальным (см. коммент. к № 127), что подтверждает его связь с эпической традицией Терского берега. Но эти тексты явно восходят к разным первоисточникам. В комментируемой былине лишь вскользь говорится о похищении Настасьи, причем уносят ее *на горушку Арависьскую* три ворона, которые позднее осмысляются как татары. Нет их диалога о дальнейшей судьбе пленницы. В своем плаче она упоминает младшего брата *Козарушка Петровича*, который мог бы ее выручить, что делает излишними расспросы о ее роде-племени. Освободив сестру, богатырь убивает всех ее похитителей. О своем происхождении он узнает от нее. В финале былины в благодарность за спасение дочери отец богатыря уступает ему королевский трон.

№ 129

ББ, № 102 «Козарушко (Козарин)»; БСДС, № 102.

Зап. А. В. Марковым 22 июня 1899 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Власа Ивановича Чекалева, 59 лет.

Примечания: ¹[Ср. № 97, ст. 27 (№ 56 наст. изд.)].

* * *

Стяженный текст В. И. Чекалева обычен для местной традиции. В нем не изображается похищение татарами сестры Козарина *Марфушки Петровны*, нет и их диалога о ее будущей судьбе. Повествование завершается примирением отца с сыном. Первую часть сюжета сказитель изложил подробнее, нежели ключевые сцены, связанные с похищением сестры богатыря и ее освобождением.

№ 130

ББ, № 110 «Козарушко (Козарин)»; БСДС, № 110.

Зап. А. В. Марковым 23 июня 1899 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Марии Сергеевны Точиловой, 60 лет.

Примечания: ¹[Около пяти-шести лет]. ²[Лепета, румянец]. ³[Вместо *помитусились*; см. это слово в словаре]. ⁴[По словам сказательницы, отец отвечал ему, что — не было].

* * *

В небольшом по объему тексте М. С. Точиловой переплетаются элементы местной модификации сюжета и эпизоды, заимствованные из других произведений. Зачин старины и завязка конфликта между героем и его родственниками традиционны, но затем сказательница включила в свой текст мотивы из былины «Илья Муромец и Идолище» (ст. 23—48). Такая же вставка есть в тексте Г. Л. Крюкова из Нижней Зимней Золотицы (№ 131, ст. 49—81). Богатырского коня и боевое оружие герой добывает в качестве трофеев после победы над *цудом страшным*. Видимо, под влиянием волшебных сказок сестру Козарина похищает *змея да семиглавая*. Освобождая девушку, *Козарушка* (...) *присек* (...) *змеиных малых детоуёк*, а змея-похитительница в былине больше не упоминается. Так и не помирившись с родителями, богатырь потребовал, чтобы они обсыпали его саблю золотом.

№ 131

ОР РГБ, ф. 160, п. 3, ед. хр. 14, л. 20—24 об.; п. 3, ед. хр. 15, л. 2—3 «Козарушко». Оpubл.: БСДС, № 137.

Зап. Б. А. Богословским летом 1901 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 1822 г. р.

Нумерация строк в п. з. отсутствует.

Примечания: ¹В п. з. слово вставлено сверху. ²В п. з. исправлено из *чистой*. ³В п. з. слово подчеркнуто синим карандашом, рядом знак вопроса. *Не поваровала* — не послушалась. ⁴В п. з. далее (*шести?*). ⁵В п. з. исправлено из *есть*. ⁶⁻⁶В п. з. слова вставлены сверху. ⁷В п. з. далее чернилами зачеркнуто *-от*. ⁸В п. з. исправлено из *стал-то*. ⁹В п. з. исправлено из *тут*. ¹⁰В п. з. далее зачеркнуто *тут да*. ¹¹В п. з. чернилами исправлено из *розьярилосе*. ¹²В п. з. исправлено из *русьская*. ¹³В п. з. чернилами исправлено из *вдымал*. ¹⁴В п. з. далее чернилами зачеркнуто *добра*. ¹⁵⁻¹⁵В п. з. слова вставлены сверху. ¹⁶В п. з. чернилами исправлено из *досталося*. ¹⁷В п. з. чернилами исправлено из *остали*. ¹⁸В п. з. слово вставлено сверху. ¹⁹В п. з. чернилами исправлено из *осталасе*. ²⁰В п. з. на полях карандашом *выпустил*. ²¹В п. з. исправлено из *заходил-то*. ²²В п. з. далее зачеркнуто *А да как я*. ²³В п. з. исправлено из *подшучено*. ²⁴В п. з. в начале стиха зачеркнуто *А на роду*. ²⁵В п. з. над первым и надписано о и знак вопроса. ²⁶В п. з. исправлено из *дак*.

* * *

Г. Л. Крюков исполнил классический вариант золотицкой редакции сюжета, используя большинство указанных в преамбуле ее специфических элементов. Отвергнутого родителями Козарина воспитывает бабушка-задворенка. Похищение сестры татарами не описано, но чеканными формулами представлены их монологи о судьбе полонянки, расправа с двумя похитителями, финальный диалог богатыря с отцом, отказавшимся принять его в родную семью. В ряде эпизодов сказитель обогатил свое произведение оригинальными поэтическими образами (*а на свет она его спородила, на хлеб ёго она не приняла; лепотá да в лице перемениласе; вода болотная со ржавчиной, гиблый хлеб с нишиною*). Как и М. С. Точилова (№ 130), Г. Л. Крюков включил в свою старину популярный на Зимнем берегу эпизод столкновения богатыря с Идолищем и подчеркнул, что победитель воспользовался конем и оружием поверженного противника (ст. 48—80).

№ 132

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 815—822—822 об.—812 об. Опубл.: БПЗБ, № 110 «Козарушка Петровиць».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 3 сентября 1939 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Павлы Семеновны Пахоловой, 1879 г. р.

В п. з. комментарий исполнительницы: «〈Слышала〉 от дедушка от Василия от Леонтьевича, от родного дедушка. Как мы ехали на пожню, так и пел от дома до пожни».

Нумерация строк в п. з. отсутствует.

Примечания: ¹В п. з. далее зачеркнуто *не*. ²В п. з. далее зачеркнуто *она*. ³⁻³В БПЗБ строка пропущена. ⁴⁻⁴В БПЗБ ошибочно опубликовано *Ише тот ли богатырь всё могушой-от*.

* * *

Пространная былина П. С. Пахоловой перегружена необязательными повторами, избыточными подробностями и фрагментами собственного сочинения (ст. 34—40, 64—79, 106—115, 144—149, 156—165, 205—219 и др.). В содержательном плане текст представляет собой комбинацию эпизодов и мотивов, сближающих его с обоими вариантами матери исполнительницы (№ 127, 128). В былинах А. М. Крюковой Козарина воспитывает его старшая сестра, в других золотицких записях — бабушка-задворенка. Пахолова оригинально соединила эти мотивы: отец отправляет постылого сына к бабушке, но Настасья ходит к старушке и кормит своего малолетнего брата. Нестандартна и развязка быliny. В текстах А. М. Крюковой отец мирится с сыном, у П. С. Пахоловой он оставляет право выбора за дочерью, позволяя ей поделиться с Козарином *именьцом-богасъвицом*. С повторной записью от А. М. Крюковой частично смыкается плач Настасьи (ст. 196—219), отсутствующий в ее первом варианте, описание расправы Козарина с похитителями сестры (ст. 231—237), ее освобождения (ст. 245—255), диалог богатыря с отцом и его требование обсыпать копье золотом. Некоторые оригинальные подробности, видимо, являются индивидуальными новациями певицы (название татарской страны *Неверия поганая*, словосочетания *принадлежность* 〈...〉 *богатырская*, *поезд* 〈д〉 *ки рыцарские*, *модна* 〈...〉 *трубцята коса*).

СОЛОМАН И ВАСИЛИЙ ОКУЛОВИЧ (№ 133—135)

Эта былина бытовала почти во всех районах Русского Севера, но не пользовалась особой популярностью. На Зимнем берегу она записана от четырех сказителей. М. С. Крюкова, кроме традиционной стари-

ны о похищении жены библейского царя, использовала всю ее первую часть в начале эпической песни «Князь Роман Иванович», представляющей собой своеобразный симбиоз «Царя Соломана» с балладой «Князь Роман и Марья Юрьевна», дополненный сценой узнавания супругов по обручальному кольцу из «Добрыни и Алеши». В художественном плане золотицкие записи былины о царе Соломане уступают лучшим вариантам из других регионов. В них отсутствует большинство метафорических иносказаний, вещей сон Соломаниды, ее недвусмысленный намек: *На царе сижу, с царем говорю* (лишь в былине А. М. Крюковой она насмехается над своим бывшим мужем, заявляя, что он *сидит под гузном под бабьим жо*), иносказательный разговор о колесах, которые *черт несёт (...)* на казнь на смертную. Другие эпизоды и формулы, характерные для этого сюжета, содержатся практически во всех золотицких записях. Их «эпическая география» не отличается стабильностью: Соломан живет то в Царьграде, то в Иерусалиме, Василий Окулович / Иван Микульевич — в Царьграде или в Новгороде. *Василия Торокашкова сына* три сказителя из четырех называли *Пустоволодьевичем / Пустоволосовичем / Володьевичем* (вероятно, под влиянием бытовавшей на Зимнем берегу старины «Глеб Володьевич»). Независимо от места жительства царь Соломан всегда осознается певцами как русский человек (видимо, здесь проявляется общая для былин тенденция считать «положительных» персонажей «своими» в этническом отношении).

№ 133

Ефименко, № 6 «Старина про Василья Окульева»; Т.—М., отд. 2, № 67.

Зап. И. Ф. Розановым: с. Верхняя Зимняя Золотица — от неизвестного сказителя.

Примечания: ¹В Т.—М. это одна строка. ²⁻²В Т.—М. *кого и назвать*. ³⁻³В Т.—М. это одна строка. ⁴В Т.—М. в. ⁵⁻⁵В Т.—М. *Вторую (петельку) липову, // А третью (петельку) шелковую*. ⁶В Т.—М. далее *Пустоволосовича*.

* * *

Былина записана И. Ф. Розановым, вероятнее всего, от Ф. Т. Пономарева или его непосредственного предшественника (см. коммент. к № 8 «Поединок Добрыни с Ильей Муромцем»). Кроме других аргументов в пользу такого предположения свидетельствуют имеющиеся в данном тексте редкие мини-формулы, характерные для исполнительской манеры Ф. Т. Пономарева (*панове-уланове, говорил таковы речи, из-за стола окольного, стал он с дружиной собрунятися*). Прозвище *Василия Торокашкова сына — Пустоволосович* — видимо, связано с антропонимом *Пустоволодьевич* в былинах Крюковых (№ 124, 125 — заимствование из старины «Глеб Володьевич»). Василий Окулович *служит* в Новгороде (в других золотицких вариантах — в Царьграде), что не вяжется с осмыслением его царства как *неверной земли* (ст. 151), населенной *злыми проклятыми татарами* (ст. 13, 36), однако его жителей Соломан называет *народами православными* (ст. 284). Сам он правит в *Царьграде*. Приспешник Василия Окуловича *Василий Пустоволосович* приезжает на Русь (ст. 81, 91), в палатах Соломана ведет себя как иноверец (*не кстит своо лица черного, не кланяется чудным образом*). Сказитель использовал целый ряд нестандартных мотивов и формул, редких или вообще отсутствующих в других золотицких вариантах. Это — перечисление в зачине богатырей, наделенных идеальными качествами разного рода (ст. 3—10: *Не было на силу (равного) Самсона Кольбановича и т. д.*; ср. варианты «Дюка» — № 82 и др.); детальное описание подготовки судов к плаванию; действий корабельщиков в чужой гавани и по прибытии на родину; формулы *И Русска Земля потахлася, // А Неверная Земля возвременилася; Пора тебе на Соломана указ чинить, // Пора ему голову сказнить*. В финальной сцене Соломан *кладет Василия Пустоволосовича во петельку во липову*, приговаривая при этом: *Пускай виснет, а не давится*. В отличие от *Василия Пустоволосовича* Соломан с дружиной отправляется в царство своего соперника *сухим путем* (ср. один из

мезенских вариантов — СБ 3—5, № 210); перед казнью он по очереди играет в три дудочки — медную, серебряную и золотую (обычно трубит в рог, подавая сигнал своей дружине). Обилие оригинальных элементов, чеканность и выразительность поэтического языка делают комментируемый вариант одним из лучших в Архангельско-Беломорском крае.

№ 134

ББ, № 83 «Соломан и Иван (Василий) Окульевич»; БСДС, № 83.

Зап. А. В. Марковым 15 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 77 лет.

Примечания: ¹[Во второй раз Крюков пропел: *А да вы не знаете ли мне*]. ²[Вместо *Пустоволосьевич*, под влиянием имени Глеба Володьевича (№ 80) (№ 124 наст. изд.)].

* * *

Вариант Г. Л. Крюкова по объему, по насыщенности оригинальными элементами и художественному уровню уступает записи И. Ф. Розанова. В нем отсутствуют некоторые нестандартные детали и формулы, отмеченные в комментарии к предыдущему тексту. В то же время сказитель использовал ряд эпических стереотипов, которых нет в былинах его земляков. Это — уникальная подробность в портретной характеристике идеальной невесты (*кротка речь была бы лебединая*); вопрос Соломаниды о том, почему качается корабль, и лживый ответ ее похитителя (ст. 68—71); стремление царя Ивана Окульевича не выглядеть записным злодеем (он отказывается рубить голову сопернику, заявляя, что тот *никакого навеку лихя не делал жа*; оправдывает похищение *Соломанихи* тем, что это сделал не он, а *Васька Тороканов*).

№ 135

ББ, № 23 «Соломан и Иван Никульевич (Окульевич)»; БСДС, № 23.

Зап. А. В. Марковым 2 июля 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Перед текстом примечание собирателя: «⟨Переняла⟩ у дяди Ефима».

Примечания: ¹[См. № 18, 49 (№ 17 наст. изд.)]. ²По мнению С. Н. Азбелева, «опущена неприличная строка» (БСДС, с. 805).

* * *

В основном не отступая от обычной сюжетной схемы былины, использовав немало эпических стереотипов, А. М. Крюкова порой искажала традиционные былинные формулы (ст. 8—9, 10—15) или давала волю своей фантазии, нарушая каноны народной поэзии (ст. 70—71, 74, 95, 101, 105, 138—139, 298). *Васька Торокашко* предстает в этом произведении как «профессиональный» похититель чужих жен (он уже приходил-то ⟨...⟩ два раза — *ты всё дома был*, — говорит *Соломаниха* своему мужу). Отправляясь выручать похищенную жену, герой берет с собой не дружину, как в других вариантах этой старины, а *Добрыню Никитича* и *Алешу Поповича* (ст. 140—143). Как и в верхнезолотицкой записи И. Ф. Розанова, обреченный на казнь царь Соломан предлагает людям *добрым* уйти домой, поскольку его *смерть будет престрашная*. Русских богатырей, своих крестовых братьев, которые начали истреблять подданных *Ивана Микульевича*, он уподобляет прилетевшим с Руси птицам, клюющим *пшеницю белоярову* (то же в былине Марфы Крюковой).

КОМИЧЕСКИЙ ЭПОС (№ 136—140)

Все тексты небылиц Зимнего берега, кроме № 138, являются вариантами или фрагментами известного сюжета, который встречается на Мезени (фрагмент СБ 5, № 344) и Кулое (СБ 6, № 108).

№ 136

ОР РГБ, ф. 160, п. 9, ед. хр. 3, л. 9 об. «Погудка, но старина». Опубл.: ББ, № 116 «Небылица»; БСДС, № 116.

Зап. А. В. Марковым 23 июня 1899 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Анны Пудовны Бурой, 40 лет, и Анны Ивановны Лыткиной, 38 лет.

Номера строк в п. з. проставлены чернилами.

Примечания: ¹В п. з. над словом зачеркнуто *коней*. ²В п. з. исправлено из *от*. ³В п. з. далее и *пр*. Строки восстановлены по аналогии со ст. 3—4, 7—8. ⁴[Прилагательное с кратким окончанием (бесчленным) — ББ, с. 564]. ⁵В п. з. далее — (I стих(а)).

* * *

Публикуемый текст содержит дополнительные сюжетные вставки.

№ 136а

НЗБ, № 42. Зап. на фонограф А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским летом 1901 г.: с. Верхняя Зимняя Золотица — от Анны Ивановны Лыткиной, 38 лет. Нотировка А. Л. Маслова. Образец опубликован А. Л. Масловым в следующей редакции:

 = 160

1. Ста - ри - на - та ска - зать да ста - ри - ка свя - зать,

2. Ста - ри - ка - та свя - зать да со ста - ру - хо - ю.

№ 137

ББ, № 88 «Небылица (старина)»; БСДС, № 88.

Зап. А. В. Марковым 28 июня 1899 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Анны Ивановны Васильевой, 56 лет.

* * *

В других публикуемых вариантах нет ст. 10—12.

№ 138

ОР РГБ, ф. 160, п. 9, ед. хр. 6, л. 5 об.—6 «Шутовá старинá». Оpubл.: БСДС, № 142.

Зап. Б. А. Богословским летом 1901 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 1822 г. р.

Номера строк в п. э. проставлены карандашом.

Примечания: ¹В п. э. неразборчиво; в БСДС *Тúеси*. ²В п. э. далее зачеркнуто *на*. ³В п. э. исправлено из *тяжолымы*. ⁴В п. э. исправлено из *кисляя*. ⁵В п. э. далее чернилами вставлено *на* (вероятно, ошибка при чтении п. э., так как *уход* в п. э. одним словом). ⁶По мнению С. Н. Азбелева, «вместо *поратились*, т. е. повоевали» (БСДС, с. 808).

* * *

Публикуемый текст встречается в традициях соседних регионов.

№ 139

ОР РГБ, ф. 160, п. 9, ед. хр. 6, л. 9—9 об. «Нибыйцю». Оpubл.: БСДС, № 143.

Зап. Б. А. Богословским летом 1901 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 1822 г. р.

Номера строк в п. э. проставлены карандашом.

Примечания: ¹В п. э. красным карандашом исправлено из *скали*. ²В п. э. над вторым о красным карандашом надписан *ъ*. ³В п. э. далее зачеркнуто *да*. ⁴Вероятно, ошибка собирателя: *выпучив*. ⁵В п. э. исправлено из *поднебесью*.

* * *

В других публикуемых вариантах нет ст. 1—6, 12—15 (кроме № 136).

№ 140

БПЗБ, № 149 «[Небылица]».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 20 октября 1940 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Григория Михайловича Плакуева, 72 лет.

* * *

Фрагмент более распространенного варианта (ср. № 136). А. М. Астахова опубликовала подробный комментарий исполнителя к этому тексту: «Спев отрывок, исполнитель прибавил: „А, быват, и больше было. А я больше не помню. А после, как еропланы залетели, мы и вспомнили, как Василий Крюков пел про медведя. А жернова-ти теперя мины!“» (БПЗБ, с. 574).

ПРИЛОЖЕНИЕ (№ 141—143)

№ 141

ММБ-1, № 7 «Женитьба Дюка Степановича»; БСДС, № 130.

Зап. А. В. Марковым летом 1901 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 1854 г. р.

Примечания: ¹[Сначала певица пропела *Ишше матушка сыра земля сколыбаласе*]. ²[До сих пор певица пела былинку напевом Терского берега, а далее стала петь «на золотицкий голос»]. ³[Токо — если].

№ 141а

НЗБ, № 7. Зап. на слух А. Л. Масловым летом 1901 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Аграфены Матвеевны Крюковой, 1854 г. р. Нотный образец опубликован А. Л. Масловым в следующей редакции:

♩ = 86

1. Ай бы - ло во го - ро - де во Ки - е - ве,

2. Мо - ло - дой бо - я - рин Дюк Сте - па - но - виць

3. Ай у лас - ко - ва кня - зя у Вла - ди - ми - ра

4. А и час - то по - се - шал, про - ез - жал же ке - му.

Напев этой былины — из Чаванги (на Терском берегу), как сообщила сказительница; вторую половину былины сказительница пела на другой напев, который, как она говорила, «больше растягивается»:

В начале нотной записи допущена случайная последовательность мелостихов. Составители настоящего издания предлагают исправление, которое больше согласуется с опубликованным поэтическим текстом (БРМЭ. № 32, с. 189; коммент. № 32, с. 539):

 = 86

1. Ай бы - ло во го - ро - де во Ки - е - ве

2. Ай у лас - ко - ва кня - зя у Вла - ди - ме - ра,

3. Мо - ло - дой бо - я - рин Дюк Сте - па - но - виць

<4. А и час - то по - се - шал, про - ез - жал же ке - му.>

Со стиха 68-го:

68. Как при - ходит к ей О - прак - се - я - ко - ро - ле - вись - ня,

69. Как при - ходит к ей, ко Мар - фы, Мар - фы Ми - трёв - ны,

70. Го - во - рит же о - на ско - ро да та - ко - вы ре - ци...

Публикация сопровождается следующим комментарием: «Исполнялась былина на два напева: одно-стиховый краткий, затем (с 69-го стиха) — распевный, распевно-декламационного характера, с эпизодическим включением первого. Сказительница называла первый напев „терским” (якобы характерным для былин Терского берега), а второй — „золотицким”. Второй напев А. Л. Маслов приводит в качестве варианта без подтекстовки, рядом с основной нотной публикацией первого напева. Вариант подтекстован нами с 68-го стиха.

Обращает на себя внимание, что вторая половина „золотицкого” напева является почти буквальным повторением „терского” и сказительнице не составляло труда переходить от одного напева к другому» (БРМЭ, с. 539, коммент. 32).

В настоящем издании первые четыре мелостиха приведены в соответствие с поэтическим текстом былинного зачина.

№ 142

ОР РГБ, ф. 160, п. 3, ед. хр. 14, л. 7 об.—9 «Козарин» (загл. чернилами). Оpubл.: БСДС, № 144.

Зап. Б. А. Богословским летом 1901 г.: с. Нижняя Зимняя Золотица — от Дарьи Андреевны Поповой, 45 лет.

Примечания: ¹В БСДС помета: «Конца не помнит» (с. 795).

* * *

Комментируемый текст — начало старины о Козарине. Воспитывает героя бабушка-задворёнка (как и во многих других золотицких вариантах, за исключением текстов А. М. Крюковой), она же открывает ему правду о его происхождении и рассказывает, как отыскать родителей.

№ 143

РО ИРЛИ, р. V, кол. 146, п. 19, л. 387—389. Оpubл.: БПЗБ, № 136 «Козарушка».

Зап. Э. Г. Бородиной-Морозовой 12 мая 1943 г.: д. Нижняя Зимняя Золотица — от Елизаветы Васильевны Субботиной, 59 лет.

В конце текста комментарий исполнительницы: «Пел свёкор Вас(илий) Еф(имович) Субб(отин). А я не помню, как тебе и сказать — слыхала и от дедушка своего, и от матери покойной коды».

* * *

Вариант Е. В. Субботиной, по словам А. М. Астаховой, это «самое начало былины о Козарине. Оно близко к соответствующей части варианта сборника Маркова, № 102 (запись от В. И. Чекалева из Верхней Золотицы), отличается от него отсутствием мотивировки „шуточек” Козарушки (у Чекалева его дразнят «маленькие ребятушки» незаконным происхождением)» (БПЗБ, с. 570).

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. В. МАРКОВ

БЫЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ НА ЗИМНЕМ БЕРЕГУ БЕЛОГО МОРЯ*

В августе 1898 г. мне пришлось провести несколько дней в селе Зимней Золотице, на восточном берегу Белого моря. Счастливый случай свел меня здесь с хорошим «сказателем», крестьянином Крюковым, от которого в короткое время я записал 5 прекрасных былин.¹ Из разговоров с крестьянами я узнал, что в Золотице можно найти несколько мастеров и мастериц «сказывать старины». Я тогда же решил еще раз посетить это село, чтобы записать все былины, какие там найдутся. В июне 1899 г., отправляясь на север, я думал начать свои разыскания в двух селах Зимней Золотицы (Нижняя и Верхняя), а затем съездить на Терский берег и в Мезень, так как я располагал достаточным временем — около 1 месяца. Но в Золотице оказалась такая богатая жатва по части собирания былин, что я принужден был ограничить район своей поездки одной Золотицкой волостью. Основываясь на своих личных наблюдениях, я постараюсь дать некоторое понятие о положении былевого эпоса на нашем крайнем севере; но предварительно я укажу на географическое распространение былин в Архангельской и отчасти Вологодской губерниях, пользуясь как тем, что известно по этому вопросу в литературе, так и сведениями, добытыми мною у крестьян во время двух поездок.

Начну с крайнего северо-запада. По словам золотицких стариков, на Мурмане не поют старин, потому что колонистов там немного, а приезжим молодым промышленникам, без отдыха работающим целое лето, совершенно нет времени распевать длинные и протяжные старины. Известный путешественник С. В. Максимов в своем «Годе на севере» (Ч. 1, гл. VIII, по 3-му изд. (СПб., 1871). С. 210) приводит разговор в партии мурманских промышленников, представляющий прекрасную иллюстрацию к свидетельству золотицких крестьян.

«Вечор ... Гришутка... нам насказал бывальщин... Так это тебе пел, да все по-церковному, и ко всякому-то слову склад прибирал:... Князь Роман Митриевич млад простился со своей киягиней... и поехал... немчов донимать: „что, мол, вы теперича подать перестали платить? Мне, говорит, и то, и сё, — деньги надо, немча некрещеная. Поганый, мол, вы народ, и разговоров терять не хочу с вами!” И как нет его дома год, нет другой. Схватили его что ли? — Гришутка-то, вишь, не знает. — Вот теперича сожительница его и выходит это на крылец и видит, — бежит из-за моря из-за синя три черных три карабля. Она, вишь, и заплакала, да так складно и жалостливо».

Итак, в 1856 г. один из мурманских покрученников пел среди промышленников былинку о князе Романе и жене его Марье Юрьевне (в моих записях № 18); но товарищам его показалось очень удивитель-

* Статья А. В. Маркова воспроизведена по изданию: ББ. С. 1—26.

¹ Они были изданы с замечаниями проф. В. Ф. Миллера (ИОРЯС. 1899. Т. 4, кн. 2) и перепечатываются здесь.

ным, как он «ко всякому-то слову склад прибирал»; они даже не знают, что такое он поет, и называют его старины «бывальщинами». Очевидно, в 50-х годах редко можно было услышать былин на Мурмане.

Относительно Терского берега я слышал от золотицких крестьян, что там поют старины везде, кроме села Поноя. Это мне показалось весьма загадочным;² но потом дело случайно разъяснилось. На пароходе я встретился с несколькими понойскими жителями, которых по одежде нельзя было бы отличить от богатых подмосковных крестьян; прислушиваясь к их разговору, я заметил, что и говор их почти не отличается от московского. Тут же один крестьянин мне сообщил, что предки русского населения Поноя³ переселились из «Москвы», т. е. из центральной России. Перенявши у местного населения некоторые «бывальщины» (сказки реального, не фантастического содержания), названия ветров и кое-какие особенности языка,⁴ московские выходцы не изменили своей этнографической физиономии и даже не научились местным старинам. Начиная с Пялицы былины известны на всем протяжении Терского берега. 42 из записанных мною старин (№ 1—41, 89) принесены в Золотицу из сел: Пялицы, Чапомы, Стрельиы, Тётрины, Чаваньги, Кузомени; в Кузомени же большею частью проживает замечательная певица былин, слепая Маремьяна Ефимовна Немчинова; по временам она бывает и в других селах Терского берега: в Вёрзуге, в Чаваньге.

Терский берег непосредственно примыкает к так называемому Поморью, простирающемуся от с. Кандалакши до г. Онеги.⁵ Здесь также, по словам золотицких крестьян, поют старины. Действительно, две былины записаны г. Максимовым в Калгалакше;⁶ в Кемском же уезде выучил несколько былин один из олонецких сказителей Никитин (Гильфердинг. Онежские былины, биография XXXI); в одной былине из Олонецкой губернии (Там же. № 103 = Рыбников. Т. 1. С. 398 и след.) вместо новгородцев играют роль «мужики городо-кемские»; вероятно, эта былина зашла в Заонежье также из Поморья. В записях А. Д. Григорьева читатель найдет старины из сел: Колежмы, Нюхчи и из деревни Каменихи, близ г. Онеги. В Онеге и ее окрестностях в 50-х годах записывали былины Верещагин и священник Ивановский.⁷

На всем протяжении Летнего берега до сих пор не было записано ни одной былины; но на Зимнем берегу оказался весьма богатый и разнообразный эпический репертуар. Здесь, в с. Зимней Золотице еще раньше меня, в 60-х годах записывал былины священник Розанов.⁸ Окрестности города Мезени и все течение реки того же имени считаются в Золотице главным средоточием старин. Я могу указать и на прямые

² Крестьяне объясняли это тем, что в Поное и его окрестностях живет обрусевшая «лопь».

³ Понойский погост с лопарским населением существовал еще в XVI веке (ЗРГО. 1889. Т. 2. С. 650, 672).

⁴ Вот подмеченные мною слова и формы: новóй (иной), нать (надо), ишшэ (ещё), правед, кэбовать или кóйбовать (колдовать, предсказывать — о лопарских колдунах); окончания твор. мн. имен прилагательных -ма вм. -ми. Оканья почти не заметно.

⁵ Г. Максимов («Год на севере», по 3-му изд. СПб., 1871. С. 277 и др.) ограничивает Поморье пространством от Онеги до Кеми, а берег от Кеми до Кандалакши называет Корельским. Последнего названия мне нигде не приходилось слышать. В Золотице и на Терском берегу про Корелу слышали только в былине о Дюке, и не знают, что это за страна. В Золотице определяют Поморье так, как я указал; изредка назовут поморкой и «терчанку».

⁶ Кир. V. С. 92, 96. Может быть, одна из них ведет свое происхождение с Топозера, озера, находящегося в Кемском уезде. Г. Максимов сообщает (Живая старина. 1897. Т. 7, вып. 1. С. 52): «Старуха с Топозера, распевавшая мне былины в деревушке Поньгаме, на берегу Белого моря... жалобится: нудно ей в лад попадать; сказывает, что память у нее стала — как решето» (Одна песня об Иване Грозном записана им от старухи Архангельской губ. — Кир. VI. С. 119—120). Описывая свой путь из Кеми в Кереть, тот же исследователь (Год на севере. Ч. 1, гл. VI; по 3-му изд. С. 144) говорит: «Под воскресенье ... на среду и пятницу по вечерам ... песня ... и то только на настойчивый спрос и просьбу, заменяется плаксиво выпеваемой стариной про Егорья-света Храбра, про Романа Митриевича млада, про царя Ивана Грозного, про сон Богородицы и про другое прочее; но зато уже таких старин нигде, кроме севера, не услышишь». В другом месте (с. 97) г. Максимов называет «божественными старинами» вообще стихи, «что калики переходящие по ярморкам поют».

⁷ Кир. I. С. 52, 86; II. С. 11; III. С. 41, 58; IV. С. 49, 72.

⁸ Т.—М. Отд. 2. С. 9, 60, 115, 172, 246, 283.

факты, подтверждающие такой взгляд: несколько старин, записанных мною, занесены в Золотицу из села Койды, на Мезенском берегу, и из местностей, лежащих вверх по течению Мезени; в с. Долгая Щель, по словам золотицких стариков, есть замечательный сказатель⁹ Федор Антонович Широкий; в городе Мезени 4 былины записаны г. Никольским.¹⁰ Таким образом, былины распространены почти по всему побережью Белого моря и Мезенского залива.

Есть у меня также некоторые сведения относительно существования былин по северным рекам. От золотицких крестьян я узнал о том, что старины поют по всему течению р. Мезени и по р. Пинеге,¹¹ а один крестьянин Сольвычегодского у. Вологодской губ. сообщил мне, что в селе Верхней Тойме (на р. Двине) и в окрестных селениях былины еще поются стариками. В соседнем уезде Архангельской губернии — Шенкурском,¹² былины были известны в 40-х и 50-х годах: здесь было записано 16 номеров Борисовым, Харитоновым и Кузьмищевым. Правда, относительно семи былин Харитонova, помещенных в 4-м вып. «Песен» Киреевского (С. 1—49, 51—52), сказано, что они записаны в Архангельском уезде; но ввиду того что 1) одна из этих былин (С. 6) записана в другой раз Кузьмищевым и напечатана с пометкою «Архангельск. губ., Шенкурского уезда» (Кир. I. С. 46), что 2) две другие записи (Кир. II. С. 83; VI. С. 132—143) обоих собирателей оказались тождественными и что 3) все песни Харитонova, кроме указанных 7 былин, помечены Шенкурском или Шенкурским уездом (Кир. II. С. 45, 67; III. С. 81; V. С. 3; VI. С. 98, 156), — нужно думать, пометка «Архангельский уезд» ошибочно поставлена, вместо — «Архангельская губерния». Нам неизвестно, как называли былины певцы Шенкурского уезда, сообщавшие их корреспондентам Киреевского; но один крестьянин, записывавший в Шенкурске народные сказания для Борисова, называл «побывальщинками» не только сказки, но и былины об Илье Муромце и Соловье Разбойнике, о Калине,¹³ и притом не пел их, а «сказывал» словами. Вероятно, в Двинском бассейне былины не очень распространены. Экспедиции Географического общества удалось записать на всем протяжении Двины только одну былину.¹⁴ Один крестьянин из Тотемского уезда, которому приходилось не раз проехать всю Двину, до Архангельска, говорил мне, что только однажды он слышал, как кто-то пел об Илье Муромце из села Карачарова; но сказки о богатырях и песни об Ермаке ему приходилось слышать нередко. Былин не поют и в устье Двины, например, в деревне Исаковой Горе, через которую я проезжал; не знают их и на о. Мудьюге, лежащем в Двинской губе, о чем мне сообщили в Золотице. Из этого очерка распространения былин в Архангельской губернии можно заключить, что в будущем должно рассчитывать на новые ценные находки лишь в некоторых местностях этой губернии: на Терском берегу, в Поморье, на Мезенском берегу и по рекам Мезени и Пинеге.¹⁵

⁹ Певцов былин называют 1) сказателями в Олонецкой губ. (в Мелентьевской волости Каргопольского у. рассказателями называют сказочников; былины там не известны); 2) сказателями в Золотице, 3) посказателями в Якутской области (Этнографическое обозрение. 1896. Кн. 29. С. 74). На Терском берегу для них нет особого термина. В старину сказателями назывались проповедники, как видно из начальной фразы слова Кирилла Туровского: «Велика учителя и мудра сказателя требует церкви на украшение праздника» (Памятники российской словесности XII века, изданные К. Калайдовичем. М., 1821. С. 18); в таком же смысле встречается это слово в одном приказе 1652 г. царя Алексея Михайловича, где упоминаются «духовные богословцы и сказатели Писания божественного» (Пыпин А. Н. История русской литературы. СПб., 1895. Т. 2. С. 364, примеч.). См. также: Срезневский, слова: *гусль* и *казатель*.

¹⁰ Т.—М. Отд. 2. С. 22, 102, 179, 255.

¹¹ Одну былину из Пинежского у. читатель найдет в записи: Гр. II. № 6.

¹² От села Верхней Тоймы до Шенкурска по прямому направлению около 105 верст.

¹³ См.: Этнографическое обозрение. 1897. Кн. 35. С. 131; ср.: Кир. I. С. 77.

¹⁴ В Тотемском у.: Истомин и Ляпунов (ПРН-1899).

¹⁵ Но во всяком случае утверждение г. Истомина, будто «в Арханг. губ. былина — явление редкое» (ПРН-1894. С. XIII), не имеет за собою никаких оснований.

Мои записи обнимают собою две местности, резко отличающиеся одна от другой по характеру своего населения: Зимний берег и Терский. И золотицкие крестьяне, и А. М. Крюкова, «терчанка», у которой я записывал старины (ее биография под цифрой I), согласно признают эту разницу. Население Зимнего берега отличается отважностью, презрением к опасностям морского плавания и звероловных промыслов; на Белом море известно, что «нет старательнее золотицкого народа — промышленный народ»; вместе с тем он отличается открытым обращением, резкой, бойкой речью и чужд всякой застенчивости. Терчаны (сужу о них по отзывам золотицких крестьян и А. М. Крюковой), наоборот, не любят опасных и рискованных предприятий, например, не ездят на Мурман и на далекий зимний промысел морских зверей, а ловят их только у Терского берега; не занимаются торговлею с Норвегией; семгу предпочитают ловить больше на реках, чем на море. По характеру они отличаются терпеливостью, сосредоточенностью и мягкостью в обращении как в семье, так и в народе.¹⁶ Есть значительная разница и в говоре крестьян Терского и Зимнего берега. Все это указывает на то, что колонизация этих местностей шла в разных направлениях; всего естественнее думать, что население Терского берега явилось туда из Поморья, а Зимний берег был населен переселенцами с р. Двины. Такое предположение объясняло бы и разницу эпического достояния этих двух местностей, обнаруживающуюся как в сюжетах старин, так и в приемах творчества. Не имея возможности останавливаться на мелких приемах описаний, я рассмотрю только былинные репертуары Терского берега (№ 1—41, 89) и Зимней Золотицы (остальные номера).

Репертуар первого района примыкает ближайшим образом к репертуару Поморья. И там и здесь мы находим: 1) Три поездки Ильи Муромца; 2) Бой Ильи Муромца с сыном; 3) Неудавшуюся женитьбу Алеши; 4) Дуная; 5) Туров; 6) Козарина; 7) Князя Романа с Марьей Юрьевной; 8) Михайлу Даниловича; 9) Хотена; 10) Садка (см. у г. Григорьева биографию XIV); 11) Егория Храброго; 12) Онику-воина; 13) Братьев-разбойников с их сестрой; 14) Вдову с ее дочерью и сыновьями-корабельщиками; 15) Князя, княгиню и стариц; 16) Мать князя Михайлы; 17) Князя Дмитрия с его невестой Домной; 18) Смерть царицы (Настасьи Романовны); 19) Кострюка;¹⁷ 20) Ивана Грозного с его сыном;¹⁸ особенно сильно связывает эти два района присутствие и в том и в другом 5 редких старин (5—7, 14, 18), неизвестных в Олонецкой губернии.

От терско-поморского репертуара былин весьма отличается былинный репертуар местностей, лежащих на восток от Белого моря, — на Зимнем берегу, на побережье, прилегающем к Мезенскому заливу, и по течению Мезени. Все эти места объединяются в один былинный район благодаря постоянному сношению их жителей между собой. Нередко крестьяне Зимнего берега, промышляя морских зверей, встречаются с мезенскими промышленниками у о. Моржовца и на западном берегу полуострова Канина; в Золотицу приходят работники с р. Мезени, а золотицкая молодежь ходит в покруты на Мезенский берег. Отсюда является обмен былинами. Так, золотицкий сказатель Крюков (III) несколько былин выучил, когда нанимался покрученником в с. Койду, на Мезенском берегу, а некоторые былины перенял у крестьян, приходивших покрученниками в Золотицу с верхнего течения Мезени; от других «мезенцев» перенимали старины покойный брат Крюкова и его внука (II). Репертуар этого района — назовем его Задвинским —

¹⁶ Г. Максимов («Год на севере», по 3-му изд. С. 266) так характеризует «добрый и приветливый народ Терского берега»: «Стоит только обокраденному мужичку заявить о пропаже в церкви после обедни, — вор или вынужденный обстоятельствами похититель непременно скажется. Доверчиво смотрят все терские, откровенно высказывают все свое сокровенное... Гостеприимство и угощения доведены здесь до крайней степени добродушия».

¹⁷ Записи этой старины из Поморья см.: Кир. VI. С. 116, 120.

¹⁸ К этому числу можно присоединить старины олонецкого сказителя Никитина, который, как упомянуто выше, выучил часть своего репертуара в Поморье. Все его старины, кроме Ивана Гостиного сына (7), известны А. М. Крюковой. В таком случае к перечню старин, общих Поморью и Терскому берегу, должно прибавить 21. Первую поездку Ильи Муромца (у Крюковой в составе Трех поездок, № 1), 22. Илью Муромца с Калином, 23. Сорок калек со калкою и 24. Горе.

представляет особенно много сюжетов, неизвестных в Олонецкой губ., — таковых оказывается 13 из 37 сюжетов,¹⁹ содержащихся в моих записях. По сравнению с олонецким и сибирским репертуарами, репертуар Задвинского района занимает промежуточное место в том отношении, что ему известны как былины, входящие в олонецкий репертуар, но неизвестные в Сибири,²⁰ так и наоборот, входящие в сибирский репертуар, но неизвестные в Олонецкой губернии.²¹ С другой стороны, 10 былин, не известных ни одному из этих двух репертуаров,²² позволяют выделить Задвинский район в особую самостоятельную область.

Обращаясь к состоянию былевого эпоса в обследованных мною двух селах Зимней Золотицы.²³ Прежде всего я постараюсь уяснить причины, способствовавшие сохранению там весьма значительного количества былин.

Первым необходимым условием процветания былевой поэзии является досуг. Для того чтобы пропеть только одну былинку, требуется нередко час, два и более времени; но ведь запоминается она не сразу, нужно ее прослушать раза 3; между тем хорошие сказатели знают по несколько десятков старин. Сколько же надо потратить времени, чтобы овладеть таким обширным репертуаром? Действительно, у золотицких крестьян много свободного времени и притом такого, которое нечем заполнить. На лето многие крестьяне уезжают ловить семгу в промысловые избушки, рассеянные по берегу моря в нескольких верстах одна от другой, и живут совершенно изолированно по трое, иногда даже без женщин. Сидя по несколько часов сряду в ожидании улова, промышленники имеют возможность перенять друг у друга громадный запас старин, «сказывание» которых разнообразит их невольный скучный досуг. Лучшие три сказателя, прослушанные мною: Крюков, Пономарев и Чекалев, с детских лет занимаются ловлею семги на море; последний прямо говорил, что он перенял старины на тонях. На тонях же А. М. Крюкова слушала старины у своего двоюродного брата (см. № 26 и 38). Зимние промыслы также оставляют свободное время для пения старин. Крюков большую часть своего репертуара заучил в то время, когда он, сначала в качестве работника, а потом — самостоятельного члена артели, промыслял морских зверей. Сами крестьяне говорили мне, что старины чаще всего услышишь на промыслах, причем к указанным выше занятиям они прибавляли охоту на зверей, когда охотники, обыкновенно двое, отправляются на неделю или на две в лес и там живут в избушках. Дома же старины можно услышать только от женщин, и то большею частью постом. Как выше упомянуто, течение Мезени в Золотице считается главным центром былинного местонахождения. На мой вопрос, чем объяснить такое богатство старин в этой глухой стороне, один старик сказал, что там население редкое, а мест для рыбной ловли очень много, и промышленникам приходится проводить долгое время вдали от дома, в избах, разбросанных на большом расстоянии одна от другой по берегу моря и около озер.

¹⁹ К этому числу надо прибавить старину о Горе и загадочную былинку о сыне Чурилушка Перемётковича и Опраксеи Коромысловны, которые мне не удалось записать (см. ниже список сказателей).

²⁰ Илья Муромец и царь Любов, Ссора Ильи с князем, Бой Добрыни с поленицей и женитьба на ней, Бой Добрыни с Дунаем, Святогор и Илья, Горе, Соломан и Василий Окульевич.

²¹ Илья Муромец и разбойники (отдельно от поездок), Бой Алеши, переодетого каликой, с Тугарином, Алеша освобождает из плена сестру, Козарин.

²² Бой Добрыни с Илей Муромцем, Бой Добрыни и Алеши с татаринном, Женитьба Добрыни (№ 72), Идолще сватается за племянницу князя Владимира, Князь Глеб Володьевич, Князь Борис Романович, Камское побоище, Илья Муромец и Мамай, Алеша и сестра Збродовичей, Купцова дочь и царь.

²³ Поселение на р. Золотице возникло не ранее XVI века. Книга Большого Чертежа, упоминающая «град Пустоезеро», основанный в 1499 г., не указывает ни одного поселения на всем протяжении Зимнего берега (ЗРГО. 1877. Т. 7. С. 203—204, 232); но возможно, что села Золотицы не было и в XVI—XVII веках, так как Книга составлена на основании грамот именно этого времени. По преданиям крестьян, Золотицу основали «новгородцы», которые переселялись туда «отовсюль»; некоторые семьи выводят своих родоначальников из Новгорода и с берегов Двины.

Уже Гильфердинг²⁴ указал, что занятия некоторыми ремеслами способствует распространению былин, так как дают время для их пения. Это мнение подтверждается и моими наблюдениями. Правда, из опрошенных мною сказателей только один, Чекалев, серьезно занимается сапожным ремеслом; но что касается сказательниц, то они все рукодельничают: большинство из них работает на ткацком станке (дочери Крюковой, Точилова и др.), а самая лучшая сказательница А. М. Крюкова²⁵ постоянно занимается сучением бичевки и плетением из них сетей. Впрочем, она не пренебрегает и хозяйством, а также рыбной ловлей, которую вообще золотицкие женщины занимают наряду с мужчинами.

Вторым условием сохранения былин в населении является малое развитие в нем грамотности, которая, расширяя умственный горизонт и возбуждая новые интересы, отвлекает внимание от несложных эпических памятников старины. Действительно, в Золотице до сих пор обучение в школах очень мало распространено, а в старину, когда не было еще школ, единственными проводниками грамотности были два скита: Игнатьевский и Онуфриевский, находящиеся в 60 и 100 верстах от Золотицы и разоренные в конце царствования Николая I. В этих скитах училось (конечно, самым примитивным образом; ср. рукопись старины под № 90) очень немного народа, так как учившиеся должны были жить там несколько лет подряд. Из 11 лиц, прослушанных мною, грамотными оказались плохие сказатель и сказательница — Седунов и Литкина, и только одна порядочная певица Марфа Крюкова, внучка покойного знаменитого сказателя Василия Леонтьевича Крюкова, который также умел читать и писать, выучившись грамоте в Онуфриевском скиту.

Третьим важным условием сохранения былин должно быть присутствие интереса к этим памятникам старины, не заглушаемого животрепещущими событиями или распространением более интересных форм поэтического творчества. И в этом отношении посещенная мною местность соединяет в себе все элементы, благоприятные для сохранения традиционного эпоса. Занесенное судьбою на крайний север, население беломорского побережья всегда жило вдали от политических и культурных центров и, конечно, не могло принимать близко к сердцу их жизнь, отголоски которой доходили до него медленно и в слабой степени.²⁶ Даже теперь, с улучшением путей сообщения, с устройством почты и телеграфа на значительной части пространства, отделяющего Зимний и Терский берег от Москвы и Петербурга, даже теперь всероссийские новости доносятся до Белого моря не скоро и не производят большого впечатления на крестьян; прежде северяне, очевидно, были отчуждены от центров еще в большей степени. В центральной России Москва, задавая тон поэтическому творчеству, выработала исторические песни, которые могли заменить собою старые былины; на Дону и на Урале казачья жизнь, полная тревожений, также давала пищу для новых форм эпоса. Но на крайний север из этих новинок проникла самая незначительная часть,²⁷ и население довольствовалось старым, вынесенным из Новгородской земли эпосом, только слегка применяя его к своей природе и своему быту.

Наконец, четвертым условием сохранения былевой поэзии должно быть сочувствие ее идеалам и понимание ее типов. В этом отношении северный крестьянин был поставлен в особенно благоприятные условия. Живя вдали от крепостного права, он, по прекрасному выражению Гильфердинга (Онежские былины, по 2-му изд. С. 7), «не терял сочувствия к идеалам свободной силы, воспеваемым в старинных рапсодиях. Напротив того, — продолжает тот же исследователь, — что могло бы остаться сродного в типе эпического богатыря человеку, чувствующему себя рабом?» Если приглядеться к крестьянину Зимнего берега, то окажется, что ему должен быть понятен тип независимого «эпического богатыря», так как он ни перед кем не «чувствует себя рабом». Отношение золотицких крестьян к заезжему горожанину совсем не то, что от-

²⁴ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. 2-е изд. СПб., 1894. Т. I. С. 17—8, 23.

²⁵ Ее 60 старин заключают в себе, по моему счету, около 10 300 стихов.

²⁶ Особенно это относится к Зимнему и Терскому берегу, население которых не ездит на Мурман., откуда обыкновенно идут новые песни и новые моды.

²⁷ Количество записанных мною московских и казачьих исторических песен (10 пересказов), сравнительно с количеством других старин, совершенно ничтожно.

ношение нашего мужика к барину. Они относятся к человеку высшего сословия, как к равному, — не унижаются перед ним, но не откажутся и охранить его интересы, в случае покушения на них со стороны других, хотя бы своих же односельчан. При встрече они слегка кивнут ему головою, не снимая шапки, и назовут его так же, как своего крестьянина, — «молодцом» или «мужиком», но ни в каком случае не баринном, потому что это слово им даже неизвестно.

Некоторые сведения, собранные мною, позволяют предполагать, что старинные скиты также играли роль в хранении и распространении нашего эпоса; но говорить об этом положительно я не решаюсь, так как сам я не был ни в одном из таких скитов. Документально мне известно, что в Онуфриевском скиту пели много духовных стихов, между прочим и Голубиную книгу (№ 53), которая считается за старину. Одна учившаяся там старуха, среди рукописей которой я нашел несколько стихов, а также старину об осаде Соловецкого монастыря, писанную около 1814 г. (№ 90), говорила мне, что в кельях пели и про князя Владимира. Покойный сказатель Василий Крюков (о нем см. в биографии II) и хорошая сказательница Точилова (X) выучили некоторые старины в том же скиту; к сожалению, мне неизвестно, какие именно старины и от кого они переняли. Может быть, серьезные и благочестивые сюжеты действительно пользовались популярностью в некоторых северных чисто национальных скитах, которые допускали в свои кельи народные стихи и старины, в противоположность официальной церковности,²⁸ бывшей большею частью суровой гонительницей как христианских легенд, признанных ею апокрифическими, так в особенности и народной поэзии.

Теперь я перехожу к современному состоянию былинной традиции в Зимней Золотице. Старины здесь поются как мужчинами, так и женщинами: насколько я мог узнать, в обоих селах можно найти 11 сказателей и 13 сказательниц,²⁹ так что число женщин-певиц превышает число мужчин; мне пришлось записывать старины также более у крестьянок, чем у крестьян: первых оказывается 6, а последних — 5, причем первые знают не менее старин, чем вторые. Самый обширный репертуар оказался также у женщины, правда, родом с Терского берега, А. М. Крюковой. В распределении сюжетов трудно указать какую-нибудь разницу между ладами: скорее, разница в этом отношении существует между лицами, обладающими более и менее обширным репертуаром, а именно: первые не любят коротких, а также общеизвестных старин. Старины поются большею частью пожилыми людьми от 40 до 60 лет, но заучивают их обыкновенно еще в детском возрасте. Так, обе Крюковы, мать и дочь, начали перенимать старины с 8—9 лет; А. М. Крюкова до 18 лет, когда она жила на Терском берегу, заучила 41 старину, а с 18 до 45 лет — только 19; Васильева заучивала старины девочкой лет 10; в молодости, именно, лет 17, перенимал старины и замечательный сказатель Гаврило Крюков.

Такой способ передачи старин от одного поколения к другому объясняет сравнительную сохранность, в какой донесли до нас золотицкие сказатели старые былины: он сокращал количество звеньев, связывающих современные тексты с более ранними, так как наиболее важные изменения в них совершались, очевидно, при передаче. Другой факт, объясняющий архаичность записанных мною старин, это — почтение, с которым относятся сказатели к содержанию их. А. М. Крюкова прямо говорила, что проклят будет тот, кто позволит себе прибавить или убавить что-нибудь в содержании старин. Уважение крестьян к старинам и сказателям настолько известно, что я не считаю нужным на нем останавливаться; отмечу только тот факт, что крестьяне считают знание былин признаком талантливости и как бы образованности. Один старик говорил о себе и нескольких других крестьянах, не знавших былин: «Вот, мы никуда не годимся, ничему не учились; никакого проку в нас нет».³⁰

²⁸ Противоположность эта всего яснее видна из того обстоятельства, что закрытие северных скитов состоялось в эпоху провозглашения известных принципов: самодержавия, православия и народности.

²⁹ Список певцов, от которых старин не записано, помещен в конце статьи.

³⁰ Оригинальное мнение существует относительно происхождения старин: А. М. Крюкова слышала на Терском берегу поверие, будто «затюрёмщики укладывают старины и сказки; им скучно сидеть, — от скуки им и станет приноситься».

Отношение к содержанию рассказа сказателей и других крестьян, слушателей, — двоякого рода: с одной стороны, они хотят показать вам как образованному человеку, что не верят всему, что поется в старине, и самый процесс пения называют враньем: «он много тебе наврет!»; но, с другой стороны, во время сказывания старин у них срываются с языка замечания, показывающие, с каким доверием они относятся к их содержанию. Когда один сказатель пел о том, что Соловей-разбойник глотает по целому богатырю с конем (№ 107), слушатели заметили: «кака пасть!», по поводу того, что Илья направил стрелу в правый глаз Соловья, послышалось замечание: «небольша меточка». Чудесные свойства богатырей обыкновенно объясняются тем, что они были не такой народ, как теперешние люди, — ели, пили, спали, дрались не по-нашему. Несколько критическое отношение к содержанию старин я заметил только у А. М. Крюковой; но и она не доверяет лишь некоторым частностям, в общем признавая достоверным содержание не только старин, но отчасти и сказок. Так, она недоверчиво отнеслась к рассказу старины, что из крови Дуная протекла река (№ 10). Иногда для нее является только сомнение в правде того, что она поет. Например, относительно того, что Егорью Храброму выпал конь из тучи (№ 24), она вопросительно заметила: «врака́ поется»; но когда я передавал ей рассказ Пономарева, что конь выпал Илье Муромцу (№ 91), она стала утверждать, что, как всем известно, конь выпал Егорью. Иногда она весьма основательно критикует текст своих же старин. Пропевши о том, что крестового брата Василия Богуславьевича «во многих старинах скажут» (№ 52), она отвергнула эту подробность: «врака́, всё-таки в одной». Относительно старины о шведской войне при Екатерине II (№ 41) она заметила, что врака́, будто царица была в Москве; она царила в Петербурге.

По обилию сказателей и разнообразию былинных сюжетов обследованная мною местность принадлежит к выдающимся. Кажется, нигде не было найдено такого множества старин на сравнительно небольшом пространстве поселений. В двух селах Зимней Золотицы, заключающих в себе около 170 дворов, можно найти, как я указал выше, не менее 24 сказателей и сказательниц; таким образом, одно из таких лиц приходится дворов на 7. Некоторые былинные герои пользуются такой популярностью, что дети, как говорила А. М. Крюкова, называют себя в играх их именами: «я — Васильюшко Богуславьевич, я — Илья Муромец». Несмотря на это, есть признаки, указывающие на недолговечность былинной традиции. По словам 77-летнего сказателя Крюкова, в старину сказателей было больше; тогда только и забавы было, что слушать старины да биться кулачным боем. Теперь же они понемногу выводятся: младшее поколение более любит читать или слушать сказки и повести. Я могу указать только 3—4 сказательниц, которым менее 30 лет; большинство же певцов и певиц — люди пожилые.

Передача старин от одного поколения к другому в Золотице, как везде, где сохранились былины, совершенно случайна. Не только нет людей, которые специально занимались бы сказываньем старин и этим снискивали себе пропитание, но и в записанных мною текстах нет следов, указывающих на профессиональных певцов. Если сказатель обращается к своим слушателям, то называет их «братцами»; про себя он говорит обыкновенно в единственном числе:

Ай мне спеть, мне-ка старинушку старинную (№ 37);

или:

Старине скажу конец, — больше нечего мне спеть (№ 28).

К былине он приступает обыкновенно просто, без прелюдий; если же и вносится в некоторых переказах прибаутка, то она не имеет никакого отношения к личности певца или певицы. Так, Бурая начинает старину о князе, княгине и старицах (№ 115) следующим началом «погудки», известной ей и в отдельном виде (№ 116):

Старину-то сказать да старика связать,
Старика, братцы, связать да со старухою.

Еще это ведь чудо, братцы, — не́ чудо;
Еще есть-то как чудышко чудней того.

Но Васильева, а также Крюкова (№ 30) с Терского берега рассказывают эту старину без прибаутки. Весьма распространенная прибаутка,³¹ в которой певцы, выражая почтение своим слушателям, говорят, что им не дорого угощение, а дорога беседа, состоящая из добрых и умных людей, — в северной переделке совершенно изменяет смысл комплимента слушателям и в былине о первой поездке Ильи Муромца (№ 107) является в таком виде:

Нам не дорого ни золото да чисто серебро,
Дорога наша любовь да молодецкая:
Да как золото-то, серебро минуется —
Дорога наша любовь не позабудется.³²

И эту прибаутку прибавляют к былине посредственный сказатель Ф. Седунов (VIII) и Н. А. Лыткина (см. список сказателей, 7); лучшие же сказатели: Крюков (№ 68) и Пономарев³³ непосредственно приступают к содержанию старины:

А как первая была поездка Ильи Муромца
А из Муромы до Киева
и проч.

Только одну прибаутку, прибавленную к старине А. М. Крюковой об убийстве Иваном Грозным своего сына (№ 37), можно считать унаследованной истари на том основании, что она существует почти в тех же выражениях и в других вариантах этой старины. Вот эта прибаутка:

Ай мне спеть, мне-ка старинушку старинную,
Что старинную, старинушку бывалую,
Про того ли спеть царя, царя московского,
Про Ивана-та спеть все про Васильевича.

Начало этой прибаутки показывает, что старина поется сказателем для себя; между тем как из записки той же старины в Новгородской или Пермской губерниях³⁴ видно, что там старина когда-то пелась несколькими лицами по приказанию хозяина:

Прикажи, господи,³⁵ нам старину сказать.

Присутствие традиционных прибауток в былинах указывает на среду профессиональных певцов — скоморохов и калик, от которых они перешли к крестьянам некоторых губерний. Но население Зимнего и Терского берега не могло непосредственно перенять старины ни от скоморохов, которые, конечно, не заходили на крайний север России, ни от калик, которые хотя бывают зимою на Зимнем берегу, но поют только духовные стихи, да и тех, по словам крестьян, знают немного.

³¹ Ею начинаются одна белорусская колядка (Этнографическое обозрение. 1885. № 2. С. 28 = Лобода. С. 99 = Владимирова. С. 85), несколько былин (Кир. I. С. 19, 20, 31) и песня о московском пожаре (Кир. VII. С. 31; Прилож. С. 126—127; СМОМПК. 1893. Вып. 15. С. 82; ПРН-1899. С. 171).

³² Подобная прибаутка встречается в двух песнях из Архангельской губернии: в одном отрывке из якобы свадебной песни у Истомина и Ляпунова: ПРН-1899. С. 126, и в рождественской обрядовой песне у Ефименко: Вып. 2. С. 95. № 2.

³³ Его пересказ помещен у Тихонравова и Миллера: Т.—М. Отд. II. С. 9.

³⁴ Кир. VI. С. 66; ср.: Гильф. II. № 129, ст. 7—10.

³⁵ В подлиннике «Господи»; но, очевидно, это — обращение к господину, хозяину; может быть, здесь пропущено и под влиянием следующего «нам».

Как известно, в текстах былин весьма заметно личное влияние, вносимое певцом. Влияние это сказывается, между прочим, в складе стиха. Прослушанные мною сказатели настолько свыклись с обычным былинным размером, что вносят его и в такие старины, которые, как видно из других вариантов, были сложены совсем другим размером. Особенно это заметно в старинах А. М. Крюковой, которая пела былинным складом старины о Кострюке (№ 36), о Голубиной книге (№ 53), о матери и дочери в татарском плену (№ 57), о взятии Казани (№ 58), похоронах Сеньки Разина (№ 59) и рождении Петра I (начало № 60); таким же складом пел о Кострюке (№ 106, вторая половина) Чекалев, между тем как Крюков сохранял в этой старине (№ 85) ее оригинальный скомороший размер. Насколько легко сказатели переделывают всякий размер на обычный былинный лад, показывает следующий случай. После того как репертуар двух сказательниц, певших мне старины вместе, Бурой и Лыткиной (XI), уже истощился, они, желая получить еще гонорар, своим обычным былинным напевом запели следующее:

Из-за гор-то, да гор да крутых, высокѣх,
 Из-за лесу-то, лесу тѣмного,
 Из-за тѣмненького-то лесу дрѣмуцѣго
 Выбѣгаѣт-то конь, да лошадь добрая,
 Лошадь добренькая была неезжалая,
 Неезжалая лошадоцька постухмѣнная,³⁶
 Да слуга-та моя, братцы, праворучная...

И таким складом они провели всю эту песню, весьма известную в Золотице, но обладающую другим размером:

Из-за гор-то, гор высокиих,
 Из-за лесу, лесу темного,
 Из-за темного, дремучего
 Выбѣгает конь, добра лошадь
 и пр.³⁷

Подобным же образом в качестве старины они хотели спеть мне песню: «У отца было три сына любимые»,³⁸ но я отказался ее записать, зная, что это — рекрутская лирическая песня и потому не может претендовать на название старины.

Личность певца проявляется также в том, что он, запомнивши в одной старине известный факт, например, личность, географическое название, оригинальный эпитет, эпический прием описания переносит этот факт в другую старину, а иногда и в целый ряд старин, что конечно облегчает ему их запоминание. Перенесение является особенно удобным при сходстве положений, в которых оказывается переносимый факт. Таким образом вырабатываются известные типы человека, города, реки, утвари и т. п. Приведу несколько примеров таких перенесений, обуславливающих собою выработку типических былинных героев. Васька Торокашка Заморянин представляет тип помощника властителя, насильно добывающего себе жену. В репертуаре А. М. Крюковой он исполняет следующие поручения: 1) увозит жену Соломана для царя Василия Окульевича (№ 23), 2) похищает жену князя Романа для царицы Грубиянища (№ 18), 3) в качестве посла приходит от Идолища и требует у князя Владимира его племянницу замуж за своего господина (№ 49), 4) в качестве помощника деспота, ищущего себе жену, губит князя Бориса и старается достать Владимиру жену убитого (№ 48). Торокашко является также в былине об Илье Муромце и Бадане (№ 3), но уже в другой обстановке, и потому певица не называет его здесь ни Васькой, ни Заморянином.

³⁶ По объяснению певиц, послушная.

³⁷ Варианты: Соболевский. С. 278—295.

³⁸ Варианты: Якушкин. С. 99; Варенцов. Песни. С. 189; «Утро» (1859 г.). С. 193; Терещенко. Вып. 2. С. 405; СПНТСЭК. С. 8; Довнар-Запольский. С. 126. № 546.

Подобным же образом царице Грубиянице (Диоклетиан) из старины об Егорье Храбром (№ 24) перенесен в старину о князе Романе (№ 18). Маринка Кайдаловка в былине о князе Глебе Володьевиче (№ 50) является любовницей Ильи Муромца; отсюда она со всеми своими атрибутами перенесена в былинку о бое Ильи с сыном (№ 4); поэтому оказалось, что мать Подсокольника берет громадную пошлину с кораблей князя Владимира, а сам Подсокольник захватывает сотню русских судов с корабельщиками и матросами. В старинах Г. Л. Крюкова распространенным типом насильника является Идблеще: он завладевает Царьградом (№ 69), подступает к Киеву с громадным войском (№ 81), пытается насильно взять замуж племянницу Владимира (№ 79) и, наконец, является соперником Дуная (№ 75), претендуя на руку его невесты. Особенно оригинален тип князя, который женится девятиста лет отроду. Сказательница Васильева (см. ее биографию IV) знает старину о князе Михайле, который женился девятиста лет; в былине о Дунае его соперник князь Данило Белый сватается на дочери Задонского короля, и Даниле оказывается тоже 90 лет.

Конечно, выработка подобных типов происходила в устах не одного только сказателя, от которого записаны старины, но и его предшественников. Некоторые типы распространены в целом былинном районе, а такие прочно установившиеся типы, как города Киев и Чернигов, реки Непра и Пучай, Леванидов крест, Алатырь-камень, князь Владимир, Опраксия, наконец, типы главных богатырей, пользуются известностью почти везде, где существуют былины.³⁹

Мне остается сказать о том, насколько черты местной природы и быта отразились на записанных мною старинах. Прежде всего в сказателях сейчас же видно приморских жителей, прекрасно знакомых с мореплаванием и интересующихся всем, что касается моря. Во многих старинах⁴⁰ описывается плавание кораблей по морю. Корабли отошли от берега; потянула способная, уносная поветерь (попутный ветер); затем пали ветры со всех четырех сторон: восточной, западной, северной и летной (местные названия); корабли метало туда и сюда и наконец занесло в гавань. Подробно описывается причаливание к берегу: корабельщики (капитаны) смотрят в подзорные трубы; матросы распускают флаги, роняют и подвигают паруса, спускают якоря и белые модные шляпки, в которые садятся мореплаватели; затем они направляются к лодейной пристани, пристают к плоту, идут по мосту в таможеню, где их протаможивают, или, что то же, берут с них пошлину. При отчаливании корабля поднимают булатные якоря, выпускают вязки (канаты), бросают их на воду, развивают полотняные паруса; затем корабль начинает покачиваться, являются белые гребни волн, которые «будто белые лебеди взлетывают»; наконец, скрывается берег:

А как русская земля да потаилася,
Как поганая земля да заменилася.

Часто описывается внутренность корабля: каюты красного дерева, палуба; упоминается груз, состоящий из шелковых, атласных и бархатных материй и разных мехов. На кораблях являются кроме матросов, над которыми начальствует корабельщик, также и водолазы. В двух старинах упоминается Окиян-море — обычное в Золотице название Ледовитого океана: 1) Илья Муромец достал лебединое перо в середине славного синего моря, которое называют «Окиян-море» (№ 45); 2) в Голубиной книге (№ 53) говорится, что, когда всплеснется Магуй-птица, Окиян-море взволнуется и начинает пружить (опрокидывать) гостинные (купеческие) корабли с заморскими товарами.

³⁹ Мне кажется, что детальное изучение эпических типов, являющихся у отдельных сказателей, а также в известных географических районах, прольет свет и на выработку теперь вполне установившихся типов и исключит из ведения науки туманные параллели, приводившиеся в качестве причин заключения целого ряда былин в киевской цикле, вроде объединения Руси под властью Москвы (*Халанский М.* Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1885. Заключение).

⁴⁰ № 3, 4, 18, 21, 23, 28, 49, 50, 65, 79, 80, 83, 95.

Северная природа не так ярко проглядывает в старинах. Но все-таки есть прямые указания на крайний север; так, упоминается Карское море (№ 79); два пересказа былины о Чуриле (№ 87 и 103), начинающиеся словами:

Ай о вешнем было праздничке о Троице,
Нападала пороха снегу белого,

ясно указывают на широты, под которыми они были записаны: в конце мая, когда большею частью приходится празднование Троицына дня, в Золотице нередко идет снег. Природа севера оставила несколько следов в былинных описаниях, сравнениях и лирических отступлениях. Так, татарин, подъезжая к Киеву, не спрашивает ни мхов, ни лесов (№ 3); конь Ильи Муромца перескакивает через болота и озера (№ 1); сестра Алеши Поповича (№ 64), рассуждая, куда делось ее счастье, рисует довольно яркую картину победы Ледовитого океана:

Ты в темном лесу ли, лесе заблудилося,
Во жидких ли мхах где, во болотах-то,
Во приглубистых тихих озёрах-то?

Вследствие того, что северный сказатель никак не может представить себе совершенно «чистое» поле, без деревьев, является сравнение:

Не лесина в чистом поле шатается;

богатырь едет по «чистому полю», но оно наполнено валежником, как и всякий северный лес:

Сухо пеньице, кореньице поломалося (№ 14).

Так как сказатель не имеет ни малейшего представления о степи, то немудрено, если он поет о «степных лесах Саратовых» (№ 2).

В некоторых старинах отразились особенности северного промыслового быта. Всю жизнь имея дело с морскими зверями, сказатель вводит обстановку звероловных промыслов даже в такие старины, где она вовсе не идет к делу. Князя Бориса (№ 48) послали на остров Буян убить кабана, который, подобно морским зверям, выходит из моря; Борис поставил у моря невод, изловил зверя и убил его так, как беломорские промышленники убивают тюленей или белух. Чтобы объяснить тяжесть шляпы, принадлежавшей сестре Кострюка (№ 106) и весившей 30 пудов, сказатель говорит, что в нее было вделано кутило,⁴¹ тяжесть которого ему, конечно, хорошо известна. В старинах отразились также семужий и другие рыбные промыслы. Сейчас же видно рыболова в авторе таких сравнений:

Еще мастер был Добрыня нырком ходить,
Он нырком мастер ходить да по-сёмужьи (№ 5);

или:

Как налим-то вкрут ведь камешка все обвивается,
Как Василий Богуславьевич к матушке ведь все он ластится (№ 52).

Обстановка охотничьих промыслов является в старине о князе Романе (№ 18), жена которого, встретив в лесу полесника (охотника), прячется за угол, из чего видно, что в лесу была промысловая изба, вроде тех, какие разбросаны по всему побережью Белого моря. У полесника есть «подорожники», т. е. разное печенье, взятое им на время охоты; подобным образом Козарушка (№ 102, 110), отправляясь на заводу стрелять птиц, запасается подорожниками, как и всякий золотицкий охотник.

⁴¹ Орудие, которым убивают крупных морских зверей.

Следов бытовых особенностей, отличающих жизнь крестьян Зимнего берега, немного. Упоминается о езде на санях летом, которая действительно применяется в Золотице, когда к месту назначения нельзя проехать водным путем, Идóлище (№ 49), собираясь в дорогу, говорит: «я в сани сажусь» (дело происходит летом). Есть указания и на домашнюю обстановку; например, когда богатырь подъезжает к дому, находящееся там лицо всегда «отпирает окошечка немножечко» (№ 71, 108 и др.); это объясняется тем, что в Золотице окна всегда привязывают шнурком, чтобы их не разбило сильным морским ветром, и настежь отворить их нельзя. Очень часто (№ 14, 20, 52, 56, 78) встречается название кухарки в смысле вообще служанки,⁴² потому что в Золотице всякая домашняя работница называется кухаркой. В двух старинах находим указания и на свадебные обряды с терминологией, взятой из обыденной жизни золотицких крестьян. Говорится о «смотренье» невесты, происходящем накануне венчания, причем она называется «зарученою»; упоминается также «девья плачь», или «девий стол» за день до «смотренья» (№ 6, 49, 79).

Таким образом, на старых былинах, зашедших с юга на Белое море, видна печать довольно сильной северной переработки, совершавшейся путем применения традиционных рассказов к местной обстановке и местным интересам. Это указывает на свежесть и жизненность былинной традиции на Белом море. Былины не сошли еще здесь на степень мертвых обломков прошлого; население, по крайней мере в лице пожилых крестьян, не утратило пока интереса к старинам и уважения к сказателям, которым принадлежит честь быть, пожалуй, последними хранителями русского национального эпоса.

При выборе старин для записывания я руководился такими соображениями: 1) мне хотелось представить по возможности полный репертуар золотицких сказателей; поэтому я не пренебрегал и такими старинами, которые известны в нескольких десятках пересказов, например, Братья-разбойники и их сестра, Кострюк; 2) я старался записывать в большем количестве вариантов редкие старины, каковы: Алеша и сестра Эбродовичей, Михайло Данилович, Козарушка, Бой Добрыни с Ильей Муромцем, 40 калик со каликою, Садко, или старины, доселе не бывшие в печати. На этих основаниях я записал и несколько старин в прозаической передаче. Конечно, приходилось иногда сообразоваться с временем и наклонностями певцов, которые не всегда были готовы петь старины. Так, мне не удалось записать у М. С. Крюковой старин о Волхе Святославьевиче, о Борисе и Глебе (духовный стих); у Г. Л. Крюкова — о Козарушке; у Пономарева — о Потыке, о смерти жены Грозного; у Бурой — о Камском побоище; из чекалевского пересказа той же старины я успел записать только отрывок (№ 104). С некоторыми сказателями и сказательницами мне даже не пришлось познакомиться или вследствие их отлучки из Золотицы, или вследствие нежелания их сообщать мне старины.

Я привожу здесь список таких лиц со скудными сведениями о них, которые мне удалось получить.

Сказатели Нижней Золотицы:

1) Александра Титанова (т. е. Татионовна) Голубина, женщина лет 30, племянница Г. С. Прыгунова (№ 8), знает Голубиную книгу.

2) Павла Семеновна Крюкова, дочь А. М. Крюковой, девушка 22 лет (см. биографию I), знает довольно много старин, перенявши их у своего деда, но совестится их петь. У нее переняла мать № 45 и 57.

3) Дарья Андреевна Попова, вдова лет 45, знает старины: а) про сына Цюрилушка Перемётковица и Опракsei Коромысловны, б) как Цюрило ходил к Пересьмякиной жене, в) как муж уехал на сторону, купил платье...⁴³ но петь их отказалась, несмотря на двукратную мою просьбу.

4) Любава (Любовь) Павловна Попова, девушка 26 лет, дочь предыдущей сказательницы, выучила две старины у своей матери: а) и в); в 1899 г. нанималась на лето в работницы в другом селе.

5) Василий Федорович Онуфриев (прозвище Оружьев), хороший песельник, но знает и старины.

⁴² В вариантах тех же былин, записанных в других местностях, является служанка, казачиха, работница, холопка, портомойница; но нигде не упоминается кухарка.

⁴³ Это — старина о Горе; см., например: Соболевский. С. 514, 521.

6) Филарет Ефимович Стрелков — летом 1899 г. уезжал в Норвегию закупать треску; у него переняла А. М. Крюкова № 56.

Сказатели Верхней Золотицы:

7) Настасья Андреевна Лыткина, женщина лет 45, знает старины: а) «нам не дорого не золото» (Первая поездка Ильи Муромца), б) «как старой женитце собиралсэ, наехал сер горюч камень» (Илья Муромец и разбойники); в) Бой Добрыни с Дунаем (ср. № 99), г) Дюк, д) Иван Гоудинович, е) Чюрилушка, ж) «Ондрей девеноста лет» (Князь, княгиня и старицы), з) Небылица. Ее брат помогал Седунову петь старину № 107. Она спела мне несколько свадебных «плачей», но старины ей петь не хотелось.

8) Дорим Ивойлович (Доримендонт Иоилевич) Пономарев, старик 80 лет, отказался петь старины, сославшись на свою старость.

9) Григорий Степанович Прыгунов (прозв. Пáвозков), дядя Голубиной (1), старик 72 лет — замечательный певец старинных песен; прежде он знал несколько старин, но теперь может спеть только одну: Чурило и жена Перемёты.

10) Иван Васильевич Спилов — уехал на тону ловить семгу.

11) Федор Антипьевич Седунов, крестьянин лет 50, живет в работниках, при мне уехал ловить семгу; он помогал Чекалеву петь № 100.

12) Малафей (Малахия) Васильевич Точилон.

13) Марья Степановна — считается хорошей сказательницей, но петь мне старины отказалась.

14) Настасья Семеновна — знает Небылицу и другие старины, но в хлопотах по хозяйству не нашла времени спеть их мне.

Роспись дней, в которые записаны старины**

Год	Месяц	Число	№ старин
<i>Нижняя Золотица</i>			
1898	Август	22	76, 73, 71
—	—	23	78, 84, 72
—	—	24	90
1899	Июнь	12	81
—	—	13	75
—	—	14	74, 79
—	—	15	80, 82, 70, 66, 68, 83
—	—	16	14, 4, 29, 17, 48, 35, 40
—	—	17	5, 22, 21, 31, 6
—	—	18	19, 3, 12, 18, 20
—	—	19	30, 2, 8
<i>Верхняя Золотица</i>			
1899	Июнь	20	107
—	—	21	108, 94, 96, 93, 95, 91, 92, 100
—	—	22	103, 101, 99, 102, 97, 98, 104, 105, 106
—	—	23	110, 109, 111, 114, 115, 116, 113
—	—	24	112
<i>Нижняя Золотица</i>			
1899	Июнь	26	36, 7, 46, 16
—	—	27	56, 11, 25, 53, 33, 10, 9, 24

Продолжение таблицы

Год	Месяц	Число	№ старин
1899	Июнь	28	87, 88, 85, 67, 69
—	—	29	52, 51, 61, 65, 15
—	—	30	77, 86, 47, 37, 27, 13, 1
—	Июль	1	60, 34, 32, 43, 62
—	—	2	59, 41, 63, 64, 54, 55, 57, 23
—	—	3	42, 44, 26, 38
—	—	4	89, 45, 50, 28
—	—	5	39, 58, 49

** Оформление таблицы приведено в соответствие с современными правилами.

Относительно передачи местного говора в моих записях следует отметить, что я избегал затруднять типографию и читателя пестротой транскрипции.⁴⁴

⁴⁴ Опущено следующее далее конкретное изложение собирателем его правил передачи текстов.

Л. Л. ВАСИЛЬЕВ

ЯЗЫК «БЕЛОМОРСКИХ БЫЛИН»*

«Беломорские былины» (Москва, 1901), записанные г. А. Марковым с соблюдением особенностей говора, представляют большой интерес не только для историка словесности, но и для лингвиста. О качестве записей скажем словами Вс. Миллера: «Уже в первую свою этнографическую поездку в Архангельскую губернию в 1898 г. г. Марков отправился на работу вполне подготовленным этнографом-филологом с полным знанием всего нашего былинного инвентаря и с практическим умением записывать народные песни вполне научно, с соблюдением особенностей говора и склада стиха. Эти свойства его записей я мог отметить, издав с моими замечаниями (Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Академии наук. Вып. 42) первые пять былин, привезенных им из Зимней Золотицы. Той же отчетливостью и добросовестностью записи отличаются все былины настоящего сборника. Лучших записей былин, не исключая и записей Гильфердинга, мы не имеем, и это одно уже составляет немалое достоинство «Беломорских былин» (Предисловие. IX—X). Мы, со своей стороны, добавим, что те немногие недостатки записей в отношении языка, с которыми нам пришлось встретиться при изучении говора (а они неизбежно должны были явиться, так как все-таки главное внимание собирателя было обращено не на язык), вполне искупаются отсутствием предвзятых взглядов (о замеченных нами недостатках см. § 3. I, примеч.; § 10; § 12, примеч.; § 15, примеч.; § 18).

Записи сделаны от разных лиц в двух селах Зимней Золотицы (Нижней и Верхней). Резкой разницы в говоре между этими селами нами не отмечено; зато есть некоторые отличия в говоре отдельных лиц, не совпадающие с различием места (о них см. § 2.1; § 3.1, после примеч.; § 3. III и IV; § 5; § 10.1 и II; § 14, § 20, после примеч. 1; § 21.1.1; § 24). В общем перед нами, без сомнения, потомок древнего новгородского говора с меню **ц** и **ч**, с произношением иногда древнего **ѣ** как **и** и отсутствием употребления у вм. **в**, и наоборот. «По преданиям крестьян, — сообщает г. А. Марков, — Золотицу основали „новгородцы“, которые переселились туда „отовсюль“; некоторые семьи выводят своих родоначальников из Новгорода и с берегов Двины» (Беломорские былины. С. 8).

---

* Текст воспроизводится по изданию: Васильев Л. Язык «Беломорских былин». СПб., 1903 (Отд. оттиск из Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Академии наук. 1902. Т. 7, кн. 4). Орфография и пунктуация, включая примеры, приведены в соответствии с современными правилами.

Фонетика

Гласные

§ 1. Древнее **ѣ**. I. Обычным заместителем древнего **ѣ** является звук ряда **е**.

II. Звук **и** вм. древнего **ѣ** правильно находится: 1) в окончании местн. пад. слов муж. и средн. родов с твердой основой (под ударением, так и без него): *во городи, во снѣ, во сели, вскори* и др.; 2) в твор. пад. ед. ч. и в косв. пад. мн. ч. местоимений с твердой основой: *совсим, у всих, у тих, надо всима, съ тима, на всих* при им. пад. *вси, ти* (рядом с этими формами в записях часто встречаются и формы с **ѣ**); в обоих случаях появление звука **и** на месте **ѣ** обязано мягким основам (**и** вм. **ѣ** в местн. пад. не зависело от конечного открытого слога, потому что в других случаях, где не было места для аналогии, **ѣ** перешел в **е**, ср.: *везде, после, подле, мне, тебе* и др.); влияние оказали мягкие основы (а не наоборот), потому что из двух форм естественно должна была поддаться влиянию та, в которой звук находился в переходном состоянии (ср. *мену ѣ, и, е* в древних новг(ородских) пам(ятниках), указывающую на близость звука **ѣ**, **и** к **е**, и к **и**), и именно в сторону того звука, который находился во влияемой форме; 3) далее, звук **и** вм. древнего **ѣ** наблюдается в слоге под ударением в словах: *лѣсьница* 23.241, 81.338, 94.306; *лѣсьнку* 23.225; *ись* (всегда; дважды отмечено перед **и** присутствие **ј**: *йсь* 75.430, *йсь* 8.32; но: *ем, ешь*, однажды лишь: *не ишь* 113.69); *сѣзьдѣть* 81.68; *дѣти* 110.64; *добродѣтели* 7.13; *ко мни ись* 33.80;** здесь из древнего **ѣ** выделился более небный элемент **и**, вероятно, благодаря соседним мягким согласным; однако встретилось однажды *захотѣлось* 86; 4) звук **и** на месте древнего **ѣ** является в слоге без ударения, особенно перед мягким согласным (чаще несколько, чем **и** из древнего **е** в этом же положении, о последнем см. § 3. II): *сѣдѣньцо* 5.93; *нацидил* 42.75; *дѣтей* 5.118, 52.113; *мѣзѣньца* 57.30; *проминею* 18.283; *изминѣть* 94.155, 160; *поминѣлись* 72.99; *овинѣтьце* 42.132; *овинѣли* 18.275; *овинѣялсѣ* 105.44; *по злату винѣю* 48.111; *одѣялышко* 99.15; *сѣтрилею* 2.22; *излицѣть* 22.174; *отвѣчѣет* 70.163, 71.91; *скрипила* 34.56; *розѣвѣжаѣтьсе* 71.105; *усмихаѣтъ* 48.22 (древнее **и**?); *подли* 8.119 (только однажды); *обиѣтъ* (неопр. накл.) 12.11; *пообидѣлсѣ* 2.50 (впрочем, о последнем см. подстрочное примеч. к § 2).

III. Звук **я** на месте древнего **ѣ** под ударением наблюдается крайне редко: *три мясеѣ* 2.85, 65.283; *здѣлѣл* 94.528; *к сѣбя* 18.288; *посмотрѣть* при *посмотрѣть* явилось благодаря возникшему фонетически чередованию **я** и **е** (из **я**) перед мягким слогом в одних и тех же словах (о нем см. § 2.1), откуда уже *посмотрѣл* 4.143. В слоге без ударения звук **я** вм. древнего **ѣ** — *запряѣшона* 69.116; *сѣдѣть* (или здесь в корне древнее **е**?) Об этом слове см. еще § 4, после II) и, вероятно, в окончании род. пад. ед. ч. жен. рода и им.-вин. пад. мн. ч. всех родов членных имен прилагательных: *из-за той же ествѣ сахарныѣ* 75.65; *ковры новыѣ* 18.117; *реѣи горькѣя* 2.243; *копѣя вострыѣ* 76.200 и др. (звук **е** в этих формах очень редок: *пѣсьни разныѣ* 65.118; *бояра кособрѣхѣ* 43.8; *сукна заморскѣ* 65.197; *расѣтьнѣя всѣ садовыѣ* 61.106 и нек. др.).

§ 2. Древнее **я**. I. В слоге под ударением на месте древнего **я** наблюдается звук ряда **е**, но только перед следующим мягким согласным.

Примеры: *сѣдѣ* 23.176; *сѣдѣм* 23.188 (*откуда сѣду* 43.7, 61.42); *дѣдѣшка* 49.62, 103.8; *дѣдинка* 87.26; *нарѣдѣть* 21.97; *блѣть* 94.358; *опѣть*; *зѣть* 37.139; *дѣтетѣя* 111.33, 100 (часто в неопр. накл.); *стоѣть* 12.189; *вѣлѣчѣть* 74.137; *изѣвинѣтѣсе* 60.295; *овинѣтьце* 48.138; *составлѣть* 78.242; *затоплѣти* 110.10 и др.; *споменѣшь* 54.46; *зглѣнѣт* 4.99; *пѣнѣнѣцѣй* 86; *хрѣсьнѣнскѣй* 111.115; *грѣзи* 68.68; *есѣнь* 16.144; *прѣсьтъ* 56.11; *пѣцѣлил* 6.172; *обруцѣльнѣй* 18.262; *обруцѣльнѣя* 62.227; *венчѣльнѣя* 62.227; *в пѣцѣльнѣм* 3.98; *взѣли* 7.215; *стоѣли* 11.102; *забоѣлисе* 68.250; *овинѣли* 18.295; *поминѣлись* 72.99; *поклѣ-*

** Примеры автор приводит по изданию: Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. М., 1901. Первая цифра означает номер былины, вторая — номер строки.

нелисе 81.219; стречели 73.68; ёиця 53.111; стрелей 10.126; сътрилею 2.22; составлею 69.178; оставлейте 23.116, 75.235; преставлѣитце 35.26; забавлеетьце 7.82; тулѣитце 9.151; разорей 40.116; стречют 68.49; качѣетьсе 83.68; Карачѣево 67; (в твор. пад. мн. ч.) князѣми 82.40; купцеми 21.17; царѣми 53.20; конѣми 81.313; перстнеми 75.274; ходеуѣго 36.185; стоечего 73.232; горець 31.41; спречусь 83.127; мѣкишки 15.130; трѣхнитце 52.68; застегивал 68.9 и др. (в племеньницю 79.81); пленникомъ 104.9; только в говоре Точиловой и Бурой находим формы с е: кнезь 109.58; кнѣзи 113.44; у кнезюшки 115.18.

II. В слогѣ без ударения е вм. я появляется не только перед мягким согласным, но также и перед твердым.

1) Перед мягким согласным: пети; десети; гледеть; наредил 43.79; попетилсѧ 73.41; росьтени 42.63; росьпѣнѣшенок 49.329; кнезей; цестѣхонько 56.185; пощестлѣвит 65.96; несчастливая 64.128; зацѣлѣсь 53.38; розъѣрятисе 75.296; брежит 87.20; забрецяла 8.143; евлюсь 56.100; мекиною 64.158; деветь; десеть; тридеветь 49.15; двенадцеть; семнадцеть; памети 53.54; петьдесять 15.149; заморенин 48.15; новоторженин 52.84; уцести 2.159; кланейсе 42.299; кланейтце 42.79; калика перехожея 112.99; завели 7.54; покаелись 94.241; зѧчели 9.150; тысеця; тысецьким 18.293; месеу, заеци 89.2 (в твор. пад. мн. ч.); кунѣцями 31.63; лисицеми 33.63; птицеми 33.64; дровцеми 101.30; полотеньцеми 81.358; банеми 1018.4; братьеми 46.129; богѧтыреми 46.134; сторожеми 109.98 (време-то 16.46).

Примечание. Возвратное местоимение -ся обыкновенно звучит как -се: потресаласе, женитисе и др.; сохранение звука я наблюдается после отвердевшего с в фомах прош. вр.: садилса и др. (довольно часто) и после отвердевшего ц в 3-м л. ед. и мн. ч. и в неопр. накл.: случитца 61.19; минутца 107.3; вопрятца 61.51 (редко). О -ся см. еще § 4. I; 14. 1.

2) Перед твердым согласным: светой 14.40; петсотъ; шетры 94.174; шетру 64.82; звонъцеты 21.89; наредным 19.78; травеной 62.346; потенули 24.179; росьтенулисѧ 42.67; камена Москва; извежать 48.29; привезал 31.77; Резань 108.2; потресаласе 22.58; слегу 41.23; натегать 2.25; мекку 79.191; тяжелой; нарежайсе 43.555; распорежайсе 60.158; срежаисѧсь 5.37; розвежи 4.13; кнежила 80.51; кнежно 29.46; тежкими 40.73; свешишенику 60.243 и нек. др.; Светополк (С. 128, примеч.); Светославѣвич 51.8; дитетко 5.32; пернасцетых 8.66; косисѧцетым 62.3; круписѧцетым 64.168; кланелсѧ 9.157, 24.188; каелса 39.61; вынел 71.147; отьнел 62.447; начела 83.125; людем 20.190; родителем дат. пад. 61.119 и нек. др.

Начало перехода я в е в слогѣ под ударением следует отнести ко времени после отвердения шипящих ж и ш. В самом деле на столько отмеченных нами случаев ни одного не пришлось после ж и ш; наоборот, можно привести много примеров, свидетельствующих о его сохранении в этом положении: рожайтѧсь 81.365; пробужайтце 4.12, провожайт 74.106; прослежай 44.68; соглашайтце 20.185; спрошайт 81.268 и др. В слогѣ же без ударения этот переход начался, вероятно, раньше отвердения шипящих: шетра, новоторженин, строжѧми (ср. уже в Мин(ѧях) 1095 г.: шетание 022.027; шетаниа 035; въждедая 0201; соуграженин 0220). В услышел 4.60, 41.7; слышѧли 30.13, 49.29 (чаще с ш: услышил 5.15, 17.99, 46.21, 52.117 и др.); не переход я в е (откуда ш), а результат влияния, с одной стороны, основы настоящего времени¹ (ср. уже в Лавр(ѧнтѧевской) лет(ѧписи) с ш: слышивѧ, слышишиа), а с другой — глаголов вроде кланелсѧ, начел, каелсѧ и т. п.

Звук е из я иногда разделяет судьбу древнего е в неударном слогѣ и переходит в ш: при книзи-то 20.53; кланилсѧ 101.19.

¹ Что влияние основы настоящего времени на другие формы глагола в русском языке замечается, легко убедиться из случаев, отмеченных А. И. Соболевским в уральских песнях: выпадил, выезжал, собиралися (Опыт русской диалектологии. Вып. I. С. 43). Может быть, и в обидилсѧ звук ш вм. е (=ш) такого же происхождения.

§ 3. Древнее *е*. I. В слоге под ударением перед мягким согласным древнее *е* сохраняется, а перед твердым на его месте наблюдается *ё*, напр.: *замёрзнет* (С. 134, примеч.); *зачерьпыват* 100.210; *дёргат* 87.15; *убьёсьсе* 52.447; *гнётьсе*; *ведётьсе*; *назывёмсе* 71.179; *чёстую* 60.306; *хрёсной* 52.327; *смёртоцьки* 94.500; *осённая*, *вёшна* 2.105; *ишолкой* 51.176; *тёшиа* 57.4; *нёвод* 21.10; с *нёба* 68.46 и др. Это первоначальное отношение в значительной степени нарушается аналогией и не только в сторону звука *ё*, но также и *е*: 1) в 3 л. ед. ч. является не только *вьётсе* 24.105; *остаётсе* 43.191 и др., но и *зовет* 41.92; *идёт* 60.167; *пойдёт* 96.12; *приедёт* 95.69, 70.72; *даёт* 65.80; *пьёт* 96.109, 136; *хочёт* 81.409; исключительно *течёт* 11.50, 24.104, 38.90, 59.28, 29 (при *текёт* 15.184) и нек. др.; 2) слова *денёцек* 2.226; *конёцек* 42.269 под влиянием *денёк*, *конёк*, у *ёй* 109.170 под влиянием *той*; наоборот, *плётку* под влиянием *плеть*; 3) в суффиксе *-ешеньк*: *низёшенько* 58.73; *глупёшенька* 49.267; *веселёшенька* 60.193; *удалёшенька* 94.97; *радёшенька* 60.192; *малёшенька* 42.266 и др. (рядом: *здоровёшеньк* 43.172; *радешёнёк* 42.236; *малешёнёк* 81.50; *крутешёнёк* 50.157 и др.) звук *ё* обязан своим появлением формам *малёхонёк* 52.172; *веселёхонёк* 49.280; *зеленёхонёк* 52.173; *тошнёхонёк* 94.43 и др., а не одним редким *потихошеньку* 22.123; 4) звук *ё* вм. *е* наблюдается в словах: *крылёчушко* 76.184; *колёчушко*, *сердечушко* и рядом *крылецюшко* 19.23; *сердечюшко* 105.90; *словецюшко* 60.171 и др.; наоборот *е* вм. *ё* в словах: *полотёнышко* 93.59; *номельюшко* 113.86; исключительно *пёрышко* 45.54, 64.27, 69.63 и рядом *седёлышко* 81.103; *полотёнышко* 78.184; *помёлышко* 15.135; *рёбрышко* 96.19 (не было ли какого-либо взаимного влияния между словами первой и второй категории?); 5) в словах *чёрной*, *тёмной*, *почётной* (рядом столь же часто и со звуком *ё*) звук *е* явился не столько под влиянием *черен*, *темен*, *почесен* (для *тёмный* также и *темныця*), сколько под влиянием возникшего фонетически чередования *е* и *ё* в неударных слогах тех же слов *тёмной* и *темной*, *чётной* и *честной*; 6) только под последним влиянием в словах *калёная стрела*, *вода ключёвая*, *зелёной луг*, *лёкко*, *мёртвой* (рядом и формы с *ё*), ср. *калёна стрела* и *каленá стрела* и т. д.

Такое чередование *е* и *ё* в ударном слоге, возникавшее каждый раз при особых специальных условиях, подкрепляемое чередованием *е* и *ё* в неударных слогах, создало в сознании говорящих стремление к чередованию вообще *ё* и *е*, а между прочим и под ударением; благодаря этому явились такие формы с *ё*, которые объяснить специальными условиями, как это мы делали выше, не всегда возможно, например, *мёду* 194.72, *слез* 25.5; *слёзы* (под влиянием *слезá*, при *слёзá?*); *привёз* 5.158; *перевёз* 18.182; *трёх* 42.253, 53.126 (в следующих словах может быть церковное произношение): *наречённй* 1.90; *обруценную* 18.282; *спасённой*, *учёной* и нек. др.

Примечание. Вероятно, некоторые из всех приведенных нами случаев на *е* вм. *ё* — простые описки; видеть же во всех случаях описки мы не сочли себя вправе; очень жаль, что наблюдатель нигде не обмолвился словом об этом явлении и не разрешил наши сомнения.

Звук *ё* в слоге под ударением иногда проникает на место древнего (**ѣ**): *телёга* 85.16, 17 (в говоре старика Крюкова, у других *телега* 36.29), *гнёздышко* 100.206; *её* 22.170, 65.80 (обычно *её*).

II. Перед мягким согласным в неударном слоге на месте древнего *е* наблюдатель довольно часто отмечает **н**; при этом в слоге непосредственно перед ударением несколько реже, чем в других положениях: 1) в слоге перед ударением: *прилитела* 5.87; *живитё* 19.198; *лытё* 15.136; *завьвинела* 94.278; *пиринушку* 103.98; *змяя* 5.87, 112.37; *змишняя* 5.92; *хрисьянина* 6.22; *воскрисеньця* 14.172; *жимцюжинку* 37.156; *силитру* 82.28; *иниральскаго* 4.35; формы *миня*, *тибя*, *сибя*, *тибе*, *сибе* чередуются с формами с *е*; 2) в слоге вообще неударном: а) очень часто во 2-м л. мн. ч. и в формах 2-го и 3-го л. ед. ч. (в последних лишь тогда, когда к ним примыкает возвратное местоимение *-ся*, удерживающее мягкость предыдущего согласного или делающее его полумягким): *будите*, *знаите*, *хвастайте*, *давайте*, *срежаисьсе*, *достанисьсе*; *заливайтсе*, *плачитсе*, *порвитсе*; *сьедимсе*, *прогуляимсе*, *повенчаимсе* и др.; б) довольно часто в суффиксе *-еньк*: *Алёшинька*, *речинька*, *тёшинька*, *белинька*, *кудрявинька*, *ранёшинько* и нек. др.; в) очень редко в суффиксе *-ечьк* (см. о нем еще несколько ниже): *на душицьки* 79.80; *в дорожичьки*

74.63; 3) в словах: *каминь, коринь, с коринём* 68.84; *заутриня* (часто); *Муромиць* 109.157; *во даличи* 4.20. Вероятно, звук *е* без ударения перед мягким согласным произносится очень близко к звуку *и*, а иногда даже и переходит в него. Вследствие этой близости к *и*, он слышался наблюдателю на месте *и*: *палеци* 68.34; *палеци* 94.393; *кузнеци* 101.84; *братьеца* 93.31; *копьеца* 22.4; *седит* (вряд ли древнее *е* из **ѣ**); *сидетэ* 93.34 и нек. др. По той же причине сами говорящие иногда восстанавливали его неправильно, если слово употреблялось с ударением на разных слогах; напр.: *мы пели-то, ели* 112.79 (ср. *пóпели* 61.87). Отметим *мизёнъника* 57.80 рядом *мезинчика* 57.39. Наконец, перед мягким согласным очень часто по аналогии находится звук **ѣ**: а) в им. пад. ед. ч. прилагательных муж. рода: *горюцѣй, дороднѣй, среднѣй* и др. (*е* — всегда в именах притяжательных прилагательных: *турей рог, вдовей, девей стол* 112.88; *закон Божей...* 14.191); б) в твор. пад. ед. ч. слов жен. рода: *волѣй, саблѣй, туцѣй, утицѣй, девицѣй, палицѣй* и др.; в) в суффиксе *-ѣвичь* и *-ѣвна*: *Никутьѣвиць* 23.221; *Васильѣвиць* 33, 12; *Тимофѣвиць* 42.19; *Ондрѣвна* 19.12 и др.; г) в суффиксе *-ечьк* (почти постоянно): *банѣцька, душоцька, ножоцька, печоцька, струёчка, неделёчка, натъсмешоцька, шашочка, пешочка, дорожочка, дочоцька, пряжочька, окошочко* и др.; д) очень редко в суффиксе *-еньк*: *милёнкой* 19.29. Совершенно особняком стоит **ѣ** вм. *е* в словах: *на сѣми вѣрстах* 101.8, *в пѣчальнѣм* 77.17.

III. Перед твердым согласным в слоге без ударения на месте древнего *е* замечается чередование звуков *е* и **ѣ**. 1) В слоге перед ударением: *мѣдовую* 15.176 и *медовая* 15.184; *цѣтыре* 4.19 и *четыре* 42.325; *зелѣна вина* и *зелена вина*; *жолтѣ кудри* и *желты кудри*, *уцѣсала* 16.180 и *учесать* 50.75; *нѣсла* и *не-сла*; *пѣкла* и *пекла*; *лѣжать* и *лежать*; *дѣржать* и *держать*; *поцѣму* и *поцему*; *ѣго* и *его*; *сѣводне* и *сегодне* и др. Если формы с таким колебанием звуков *е* и **ѣ** находятся в близкой связи с формами, которые имеют звук ряда *е* перед мягким согласным, тогда замечается или полное вытеснение звука **ѣ** звуком *е*, или же явное предпочтение второго первому. Так, у глаголов с корневым *е* в 1-м л. ед. ч. и 3-м л. мн. ч. наблюдатель не отметил ни одного раза звука **ѣ**, наоборот, всегда: *беру—берут*; *везу—везут*; *веду—ведут*; *несу—несут*; *реву* 38.50—*ревут* 38.64; *роплетут* 17.115; *нарекут* 34.52 (но: *сдѣржу* 83.118). У слов средн. рода с корневым *е* замечается только предпочтение звука *е*: так, в словах *село* и *перо* не отмечено ни разу **ѣ** (наоборот, даже под ударением *е*: *пѣр* 113.96; *пѣрышко*); в словах *чело* и *бедро* встречается **ѣ**, хотя и реже, чем *е*. Интересно, что в словах жен. рода, на первый взгляд схожих со словами среднего рода, звуки **ѣ** и *е* чередуются без явного перевеса того или другого: *жона* и *жена*; *чота* и *чета*; *сѣстра* и *сестра*; *слѣза* и *слеza*; *вѣрста* и *верста*; так и в других падежах; различие, по нашему мнению, объясняется именно отсутствием у слов жен. рода форм с мягким согласным: дат. и местн. пад. ед. ч. у них оканчивается на *-ы*, между тем как у слов средн. рода местн. пад. имеет *-и*. 2) В слоге вообще без ударения: *целовеческимъ* 2.258 и *цѣловецьскимъ* 3.194; *в цѣловеки* 53.43; *человал* 4.165, 56.153 и *цѣловала* 6.160; *чѣловал* 44.250 (*е* вм. **ѣ** здесь древнее); *брателко* и *братѣлко*; *озера* и *озѣру*; *шестеры* и *шестѣры*; *погреб* и *погрѣб* (в словах с полногласием только однажды встретился звук **ѣ**: *до черѣна* 69.229; обыкновенно *е*: *середу, терем, дерево* и др.). В окончаниях и суффиксальных слогах звук **ѣ**, поддерживаемый аналогией, преобладает над *е*: а) в им. и вин. пад. ед. ч. средн. рода: *соньцо, полѣ, несчасьѣ* (реже *серьце*); *синѣ* и др.; б) в твор. пад. ед. ч. слов муж. и средн. рода: *затѣм, коренѣм, полотеньюм* и др.; в) в род. пад. мн. ч. муж. рода: *сторожов, змеѣнышов* и др.; г) в род., дат. и местн. пад. ед. ч. прилагательных муж. и средн. рода: *среднѣго, хорошому; в пецельнѣм* и др.; д) в глагольных окончаниях: *хвастаѣшь, уедѣшь; будѣт, можот* (по аналогии *зленѣтце* 18.151); *седѣмъ, скажом, обсыплѣм* и др.; е) в суффиксе *-ен* прилагательных: *чудѣн, славѣн, доволѣн, родѣн, красѣн, есѣн* и др.; ж) в суффиксе *-ек*: *обломочѣк, жеребеночок, вну-чоцѣк, веселѣхонѣк, живѣхонек, малѣшенѣк, утоцѣк, скамѣек, нянюшок, бабушок* и др.; з) в страдат. части: *поженѣны, нагонѣно, уторѣно, точоны, затеплѣны, возрошишон* и др. (*повелѣному* 42.246; *велѣно*; здесь *е* вм. **ѣ** древнее).

Иногда вместо *е* и **ѣ** перед твердым согласным наблюдатель отмечает звук *и*: *со чисна пира* 76.95; *конюшин* 8.14; *проигрывает* 56.204; *приводители* 58.54; *положина* 6.25 (влияние *положит*?) ; это до

некоторой степени определяет звук *е*, чередующийся с *ё*, и заставляет считать его закрытым *е*. Вероятно, на почве этой близости звука *е* к *и* произошла замена звука *и* через *е* в неударном слого перед твердым согласным: *выберай* 114.15 (не без влияния, может быть, звука *р*); часто *не* вм. *ни*: *для ково-небудь* 43.110; *неково* 62.178; *некакой пользы* 20.167; *некому* 62.161; *некуды* 95.19; *некотора* 10.115 и др. (замена *и* через *е* облегчалась здесь уже готовым отрицанием *не*); *наресовано* 1.20; *прему* 64.187; *пехать* чаще, чем *пихать* (под влиянием *пехнуть*?); *исътену* 65.151 (в *сеноти* 56.252); здесь же упомянем *каленов мост* 107.67. Интересно *и* вм. *е* (=есть): *он и в доме?* 71.90.

Примечание. Звук *ё* вм. *и* в форме *выходёт* 109.129 — по аналогии.

О взаимном отношении звуков *е* и *ё* перед твердым согласным в неударном слого следует думать, что здесь мы имеем дело не с остатками древнего *е*, не перешедшего почему-то в *ё*, а новым *е*, развившимся из *ё*. Так, формы *тольке*, *стольке*, *скольке*, *кольке* ясно указывают, что *е* — из *ё*: происхождение их из *только* и др. невозможно объяснить без промежуточной ступени *толькё* и др.; далее, в говоре дочки Крюковой, у которой особенно часто *е* вм. *ё* (молодое поколение?), наблюдается это *е* вм. *ё* в форме члена — от после мягких согласных: *царь-эт* 60.204; *богатыр-эт* 61 (часто; рядом: *богатырь-от* 61.115); *богатырской-эт* 61.75; *престрашной-эт* 61.116; *милой-эт* 61.129; *железной-эт* 61.190; *великой-эт* 61.205; *крестовой-эт* 61.236; *старой-эт* 62.76; *младой-эт* 62.283; *второй-эт* 63.4; *неверной-эт* 65.183 (и, вероятно, по аналогии после твердого согласного: *поклон-эт* 68.149; *Петр-эт* 60.205, 206, 214). Закон, превративший *ё* в *е* в неударных слогах, по всей вероятности, был тот же, который превратил *и* в *е* в том же положении.

IV. В открытом слого форм, которые не имели родственных в твердом склонении, звук *е* находится по древнему: 1) в сравн. степени: *выше*, *больше*, *сильнее* и т. п.; 2) в окончании 2-го л. мн. числа *-те*; 3) в частице *-че*: *теперече*, *нынече* и нек. др. Однако и здесь есть основания думать, что звук *е* — не продолжатель древнего *е*, а прошел через ступень звука *ё* или *я*; через второе — правильное, потому что в нашем говоре звук *е* в известных положениях переходил не в *ё*, а в *я*, и, между прочим, как раз в открытом слого, где не было аналогий для возникновения звука *ё*, напр.: *скоребя* 78.230; *теперича* 77.99; *татаровя* 76.225; *тотарева-булановя* 21.40 (ср. также *а* вм. *я* из *е* после твердой согласной, заимствованной по аналогии из других падежей: *баяра*, *тотара*, *хресьяна*). Кстати, заметим, что конечное новое *е* (из *ё* и *я*) иногда переходит в *и*: *скольки*, *кольки*, *стольки*;² *теперечи* 94.209; *рушайти* 93.33. Кроме конечного открытого слога древнее *е* перешло в *я* и после шипящих в слого, за которым следовал слог с узким гласным: *жалеть* (ср. *желею* 52.250); *жалезны* 111. 39; *пианицю* 94.3 (с отпадением *п*: *шаницу* 75.429, 81.324), *жаребьё* 64.146 (в говоре Бурой вм. *а* дважды отмечено *о*: *жонитьба* 112.120; *жолеть* 115.16).

§ 4. Качество звуков *а* и *о* после твердых и мягких согласных. Эти звуки в слогах под ударением не смешиваются (в слове *карабель* — перенос ударения). В слого же без ударения в записях отмечено довольно значительное количество случаев *а* (*я*) вм. *о* (*ё*), и наоборот.

I. После твердой согласной: 1) *а* вм. *о*: *полавину* 42.211; *полавиноцьки* 10.115; *полавиночку* 42.196, 208; *ласкутьё* 99.29; *росматри* 19.118; *скаци* 3.54; *з барадой* 47.28; *искавала* 48.122; *скавал* 10.151; *проматаласе* 115.34; *палаты* 12.36; *жалаю* 61.123, 62.435, 65.133; *помалитисе* 96.30; *начьлеговать* 105.71; *Авдотьи* 52.195; *Алёнушка* 93.57; *салдатов* 40.40, 119; *патретнова* 109.213; *малодець* 11.45; *кароля* 41.73; *нацевать* 22.95; *дравакольня* 94.232; *Мурамець*; *Иванавичь* 75.441; *дружиначку* 52.157; *лицо непорочнаё* 22.186; *милостину спасёнаю* 22.48; *неуглажаной* 63.107; *приезжай-от* 68.181; *доселева* 71.1, 108.1; *на крыласи* 15.103 (*сарачиньскую* 42.229 и рядом: *сорочинскую* 43.210); в энклитической частице *-жа* (довольно часто) при *-жо* и *-же*. Кроме этого, отмечено несколько случаев *-аво*, *-аю* в окончании род. и им. прилагательных, которые, может быть, описки; напр.: *храбраво* 24.34, 62.205; *беднаво*

² Возможно, что эти формы ведут свое начало от древних *кольки*, *скольки* и др.

11.154 и нек. др.; 2) **о** в м. а: *строй-от* 45.30; *зоботисьсе* 94.198; *дрожающиа* 62.240; *похвалятьсе* 72.70; *поклонялса* 81.70; *загону* 80.145; *отгони* 80.189; *кокого* 74.98; *кокой* 74.98; *стовают* 27.180; *подовают* 41.19; *ско жи* 69.208; *поволилса* 14.127; *надорю* 11.132; *содил* 15.121, 78.137; *поленция преудалоя* 109.232; *содержоно*; в отвердевшем после твердого л возвратном местоимении: *заколоса* 10.152; *россыпалса* 18.18; *родилса* 34.63; *решалса* 56.238; *изьбилса* 2.818 (при более частом на -са и обыкновенном на -са); (в дат. пад. мн. ч.): *деточком* 28.14; *идолом* 74.149; *к анбаром* 30.27; *образом* 64.121, 79.87, 103.54 (однако ср. по *столбм* 75 306; *темным лесом* 59.6); *овода* 98.49, при *овада* 98.82, и всегда *ласков*.

II. После мягкой согласной: 1) **я** в м. ё: *стягать* 100.194; *везяны* 79.32; *обнясла* 20.104; *цясны родители* 42.284; *цятыре* 87.41; *вчарасе* (с. 319, примеч.); *колясом* 24.154; *яво* 6.57; *яму* 21.93; *Лявонтьёвич* 47.98; *с кораблям* 49.301; *попорцяно* 16.161; *возьлюбяной* 52.140; *умерянно* 94.252; *утрянной* (часто); *огняной*; *скамаячки* 75.64; *правядны* 32.11; 2) **ё** в м. я: *свёзали* 15.190; *потрёсала-се* 68.93; *кнёжным* 29.73; *ёрлык, кланёлса* 3.93; *косисцётому* 46.57; вероятно, **ё** в м. обычного **я** в нечленных именах прилаг. (очень редко; о них см. § 26) на *всихъ-то каликъ да перехожієхъ* 76.7; *любимой* род. пад.

Все эти случаи прежде всего свидетельствуют об известной степени близости звуков **о** (ё) и **а** (я) в слоге без ударения, заставлявшей наблюдателя писать один звук вместо другого. Приняв же во внимание почти полное отсутствие звука **у** в м. **о** (а в говоре Аграфены Крюковой их совсем нет, см., впрочем, § 5), можно с уверенностью говорить о значительности звука **о** в слоге без ударения. Наконец, эта близость звуков **а** и **о**, подкрепляемая аналогией родственных образований, заставляла иногда переходить **а** в **о** и **о** в **а**; так, в словах *довать*, *стовать* позволительно видеть именно звук **о**, явившийся в м. **а** под влиянием массы глаголов на -*овать* (ср. замену суффикса -*ив* суффиксом -*ов* в глаголе *почовать* 61.38, 64.60, 53.102, 58.5 и др.); тоже следует сказать и об **о** в словах *дорить*, *содить*, *волить*, где **о** под влиянием многочисленных глаголов вроде *носить*, *возить*, *водить* и т. п. (ср. влияние последних на первые в акающих говорах и возникновение **о** в первых под ударением, но по другим причинам); в причастиях *умерянный*, *возьлюбяной*, *попорцяно*, *углажаной*, звук **а** под влиянием причастий вроде *пристреляно*, *давано*, *сватано* и др. Смещение звуков **я** и **ё** (т. е. после мягких согласных) вызывалось иногда и тем, что оба звука чередовались с **е**; так, *цясной* являлось потому, что при *кнежной* было *княжной*; *кнёжной* являлось потому, что при *чесной* было *чёсной* и т. д. Изредка в чередование со звуками **я** и **ё** вступало то **е**, которое получалось из древнего **ѣ**; так, при *седлатъ* чаще *сядлатъ* (впрочем, может быть, здесь в корне древнее **е**, см. § 1. III) и даже *сѣдлатъ* 50.73; такого же происхождения *звѣзда* 84.5, *вѣдра* род. пад. 75.161; *не ѣдаючи* 81.315; часто *увидял*, даже *медляла* 48.100 (ср. во влияемых формах не только *кланялсѣ*, *кланелсѣ*, но и *кланилсѣ* 101.19). Здесь же отметим **я** на месте древнего **е** перед мягким согласным: на *доцѣри* 20.109 и **я** в м. **е** из **и**: *исътяну* 94.476. Наконец, чтобы покончить со звуками **а** и **о**, укажем, что близостью этих звуков в неударных слогах объясняется одинаковая судьба их, т. е. переход в **е**.

Примечание 1. В окончании род. пад. ед. ч. членных имен прилагательных и местоимений ни разу не отмечено **а** в м. **о**; исключение представляет наречие *доселева* (дважды). Случай *свешша ведь воску ярова* 37.79, 60.182 сюда не подходит, так как *воску ярова* — не два слова, а одно сложное, ср. *свешша-та воскоярова* 37.44; *свешшѣ всё воскояровых* 2.68.

Примечание 2. Употребление частиц **-ка** и **-ко** точно разграничено и свидетельствует об их различном происхождении: **-ко** употребляется при глаголе, а **-ка** при имени и местоимении. Исключения редки: *вы дай-те-ка* 17.128; *не тужи-ка ты* 32.45; *поди-те-ка* 35.86.

§ 5. Звук **у** в неударных слогах обыкновенно смешивается с другими звуками; только в слове *голубь* слышится неясно: *голуби* 100.108; *голыби* 109.170, 174; однажды *Козарышко* 16.160 при обыкновенном *Козарушко* 16; *потыхала* 74.363, 84.7, 81, может быть, форма особого образования, и звук **ы** в ней

из у. Вместо **о** звук **у** появляется очень редко; всегда в словах *яблук* 98.96, 112.16 и др.; *войлук* 68.78, 71.38 и др. (этих слов в говоре Аграфены Крюковой не встретилось); изредка *Мурум* 68.19; *Мурумець*; однажды *воркувать* 78.271; *Пучай-реку* 64.9; *хушь оставь ты* 78.109; *да хуть напуском смель* 109.119. На месте **е** всегда в слове *очунь*. Звук **ы** вм. **у** в *быть-то* 75.84, 98 нефонетического происхождения. Случаи **й** не свидетельствуют о существовании в говоре неслогового **у** (**у** старика Крюкова: *й мя* 68.179; *й ей* 75.39; *й нас* 82.136; *й ёго* 74.21, 75.110, 89.45 и нек. др.): это — простое сокращение гласных по требованию стиха, доходящее до полного исчезновения звука, ср. у него же: *ягодъници* 75.40 и *ягодъници* 75.57 или у других: *ужною* 20.68 и *ужнать* 60.224; *однакоё* 21.99; *можётё* 22.174; *сийжй* 35.47; *заприцьтала* 27.68; *должите* 62.313 и др. Интереснее случай: *умеците-ко скоро нёвод* 31.130, но и он допускает объяснение (другая приставка).

§ 6. Звук **ы** без ударения слышится неясно в словах: *ископоть* 61.4, 62.29; *ископеть* 75.351 (дат. пад.: по *ископти* 94.371; может быть, издревле здесь было **ѣ?**); *во серёдоши* 27.63 (ср. в *серёдыши* 27.35). На месте безударного **о** он появляется в твор. пад. ед. ч. именного склонения по аналогии склонения сложного: *лесымъ тёмным же* 68.65; *под Киёвым* 94.199, 98.1; *меж Черниговым* 98.1. Звук **ы** вм. **ѣ** всегда в корне **-стиг**: *состыгла* 51.100, *обстыг* 21.145; *пристыгаёт* 1.97 и др.; дважды — в слове *безутьшино* 37.107, 144 (от **ы** после **р** см. § 13). Наконец, **ы** вм. ожидаемого **о** наблюдается иногда в им. пад. ед. ч. членных имен прилагательных муж. рода: *старый казак* (часто); *мóлодой*; *грозный-от царь*; *второй отец* 108.184.

Примечание. В основе настоящего времени глаголов *плыть* 103.57, *словёт*, *слыть* перед **в** звук **о** сохраняется по древнему: *слову* 75.31, 83.14, 103.58; *словёшь* 78.22, 108.2; *слови* 68.58; *попловёшь* 100.40; *пловут* 95.50; написания с **ы** вроде *слыву* 109.12; *пльвут* 21.52 и др., вероятно, обусловлены правописанием литературного языка.

§ 7. Древние глухие. Относительно их можно только заметить, что они иногда выпадают там, где в литературном языке проясняются, и наоборот: напр., *пугвиця* 69.51; *ссут* 73.257; *ссали* 110.65; *всток* и др., *отмешу* (всегда); *жогли* 105.140; *возели* 114.68; *сошил* 29.82; *соходит* и др. Однажды наблюдатель отметил краткое **ы** на месте древнего **ѣ**: *неверыйная* 94.225.

§ 8. Слоговая ассимиляция гласных. Рядом с формами *топере*, *ребята* часто встречаются ассимилированные *тепере*, *ребята*. Может быть, в таком же отношении находятся формы *тебе*, *себе* к формам *тобе*, *собе*.

§ 9. Стяжение гласных. I. Сочетание **-ае** стягивается в **а**; наблюдается только у глаголов с основой на **-ае** (очень часто): *здумашь*, *кушаешь*, *знаешь*, *отгадаешь*, *набираешь*; *хвастат*, *выскакиват*, *выдерживат*, *седлат*, *быват*, *опекат*, *зазыват*, *кинат*; *поведам*, *похвастам*, *вкопам*, *не знам*, *играм*; также и после мягкого согласного: *потеряешь*, *сподоблят*, *проздравлят*, *переменят* и др. Во 2-м лице мн. ч. стяжения **-ае** не наблюдается; также не бывает стяжения, если к глагольной форме примыкает возвратное местоимение. Следовательно, **а** оказался неспособным ассимилировать закрытый звук **е**, находящийся перед мягким или полумягким согласным. Если же бывает иногда сокращение этих форм, то происходит через переход **и** (из **е**) в краткое **й** (может быть, **і** или даже **ј**): *сватайтъце* 48.166; *сватайтсе* 79.98; *розъезжайтсье* 70.43; *не хвастайте* 7.41; *кушайте* 93.32; *думайте* 82.54 (изъяв. накл.); может быть, последнее является исключительно в речи мерной (ср. сказанное в § 5).

II. Сочетание **-ао**, получившееся после выпадения **г** (см. § 20. III), стягивается в **-а**: *драценную* 109.222; *бласлови* 107.168, 109.29.

III. Сочетание **-ее** (из древнего **-ѣе**, **-ее** и **-яе**) стягивается в **е**: 1) в формах сравнит. степени: *сильне*, *чудне*, *глупе* и др.; 2) в суффиксе для обозначения отчества у женщин: *Тимофевичья* 108.59; 3) в глагольных формах: *имешь* 17.124; *посъпешь* 43.64; *жалет* 36.154; *жалем* 52.306 (ср. в этом же § п. I); *клетце* (3 л. ед. ч.) 4.210.

IV. Сочетание *-её* стягивается в *о*: *Митрёвна* 49.253.

V. Для стяжения сочетания *-ое* только два примера, и при этом различных: *ко своему* 73.50; *от двора* *свэго* 111.82.

Согласные

§ 10. Мена *ц* и *ч* и свистящих с шипящими. I. Звуки *ц* и *ч* в нашем говоре меняются, но не у всех одинаково. Так, например, в говоре Аграфены Крюковой почти исключительно частое *ц* вм. *ч* (в связи с этим — *росцёт* 56.29; *сцитаю* 32.39; *бехцяная* 56.272; *сцепи* 26.19; *сцепны* 2.269; *с чещи* 13.87; *отцек* 8.142; а также частое *-сьнэй изь- цьнэй*); *ч* вм. *ц* редко: а) в словах *челуёт*, *человал*, *четное* 47.134 (но: *церковь*, *целый*, *цена*); б) раз 20 в последнем слоге слова: *братыча* 7.90; *собрайтче* 15.54; *купча* 27.13; *новогорочкой* 52.235 и т. п. Наоборот, в говоре старика Крюкова встречаются *ч* вм. *ц* и очень редко *ц* вм. *ч*: *запечатал* 81.46; *целом* 74.74; *скоцил* 75.136 и нек. др. (в связи с этим — *отчеку* 75.385; *чещь-хвала* 75.393; *с чещи* 72.87; отсутствие *-сьнэй*). Далее, у Аграфены Крюковой звуки *ц* и *ч* далеко не всегда мягки³ и наблюдателю иногда приходилось после *ч* писать *ы* и *э*: *робочых* 15.149; *очыишать* 18.14; *луччэ* 63.63; особенно часто отвердевшим отмечен звук *ц* вместе с предыдущим *т*: *двенадцэт* 6.9; *тринадцэтом* 6.127; *прикатитцэ* 22.48; *приужахнитцэ* 58.21 и др. (ни одного раза *-тця*, всегда *-тца*); рядом, пожалуй, даже чаще наблюдатель отмечает особенную мягкость звука *ц*: *останитце* 10.72 («мягкость звука *ц* в сочетании с *е* пришлось отметить акутом: *це*» (Бел. был. С. 26)); *розсыпатце* 15.185; *молитьце* 28.23 и др.; в написаниях *дыблутьсе* 14.25; *женитьсе* 18.206 и т. п., может быть, выразилось неумение наблюдателя изобразить именно особенно мягкое *ц*, в котором, как известно, выделяется свистящий элемент.

Строго говоря, мены свистящих с шипящими в нашем говоре нет. Однако у Аграфены Крюковой дважды отмечено *з* вм. *ж*: *дорозоцька* 45.7; *на том зо* 45.52; а у старика Крюкова — дважды *ш* вм. *с*: *брошалсэ* 75.488; *шел* 71.156 и однажды *ж* вм. *з*: *ближохонько* 32.161 (ср. обратную мену *ц* и *ч* в их говорах). У Чекалева — всегда *крашон Киев град* 99.105, 100.85 и др.

§ 11. Заместители двойных мягких *жж* и *шш* литературного языка. На месте двойных мягких *жж* и *шш* являются обыкновенно твердые двойные *жж* и *шш* или просто *ж* и *ш*. Первые (*жж* и *шш*) правильно являются после гласного с ударением: а) *поежживать*, *поежжано*, *прямоежжая*, *сьежжу*, *дожжик* 5.84 и др.; б) *порашиивать* 16.24; *лашиит* 41.90; *отыишетсе* 109.215; *возроишон* 17.67; *намоишоны* 11.120; *приуишишоны* 45.13; *первоишикомъ* 18.175; *прикашиицьки* 56.73; *вололашиички* 95.25; *к даришшу* 18.90; *змиишио* 47.87; *вострепёишиитце* 52.114; *цяишэ* 50.13; *тёишиньки* 27.20; *завидуишшой* 63.135; *загрэбушишия* 63.137; *настояишшой* 18.270; *суишшу* 18.268; *животворяишиим* 2.111 и др. Исключения очень редки: *еживал* 99.98; *тёишнюку* 36.42; *пуше* 49.184; *рысушого* 47.18; *бегушого* 47.19. В других положениях двойные могут упрощаться: а) *приежает*, *подъежай*, *поежали* (реже *поежжётъ*) и др.; б) *прошусь* 12.29; *роспрошусь* 61.247; *попрошаюсь* 56.56; *прошаитце* 20.84; *пушай* 15.257; *ишите* 49.81; *пошалкивашь* 52.271; *страшать* 2.295; *в шепу* 24.155; *ише*, *рошибла* 69.89; *деттиша* 27.35; *идолишо* 11.70; *карабельшицьков* 4.236; *поединицька* 5.14; *супротивицька* 75.449; *женьшины* 52.351; *портемойищици* 109.14; *оврашалсэ* 52.295; *пешеры* 2.52 (рядом *розыишии* 11.118; *про-*

³ Должно принять во внимание, что Аграфена Крюкова родом не из Золотнцы, а с Терского берега; про ее говор г. Марков замечает: «Хотя она уже 27 лет живет в Золотице, но в говоре ее заметно довольно много особенностей: она не так ясно выговаривает безударное *о*, как золотицкие уроженцы; в некоторых случаях не заменяет *я* поср. *е*; большей частью произносит *Владимир* вм. *Владимер*; нередко в родительном падеже прилагательных вместо *-ошо* и *-ешо* выговаривает *-ово* и *-ево*; в суффиксах прилагательных удваивает *е*, напр. *соболиной*; иногда чвакает; *ц* произносит не совсем мягко, *щ* (*шиш*) — не совсем широко, и пр.» (Бел. был. С. 30).

ишатьце 12.108; пушшай 15.316) и др. Сохранение двойных шипящих после гласного с ударением стоит в связи с удвоением в том же положении простых согласных: павинная, лебединная, змиинная, лошадинная, соболинная и др. и даже тех же шипящих: краише 50.144; вышше 50.145. Здесь безусловно мы имеем дело с влиянием гласного звука с ударением, который или вызывал удвоение согласных, или сохранял уже имеющееся. С другой стороны, упрощение двойных шипящих в других положениях в нашем говоре не стоит особняком, ср. в из **вв** (**бв**), **м** из **мм** (**бм**): овинил 56.226; овивала 16.132; овинцели 18.295; оврати 60.140 и нек. др.; оманиват 15.272; оманы 10.83. Здесь же упомянем: очево 65.147, бе-з-амоуцьков 50.132, 148.

Изредка вместо твердого двойного **шш** (или **ш**) наблюдается мягкое **шш**: зверишшя 48.69; царишшя 14.132—136; пушшай 37.116; ешшя 43.66; дважды даже **шч**: посещчалъ 49.23; ишчя 65.42. Такое мягкое **шч** вполне правильно наблюдается при сложении с предлогами и приставками (-из, -с, -раз и др.) слов, начинающихся с **ч**: нешчасьце 7.88; рошчытаю 56.175 (ср. такое **шч** в местоимении шьчо), откуда через ассимиляцию второй части первой мягкое двойное **шш**: нешшясьце 19.20; ишше 19.110.

§ 12. Простые шипящие **ж** и **ш** обыкновенно тверды; однако перед мягким **н** после шипящих (**ж**) наблюдатель иногда пишет **ь**: безбожьница 80.152; прислужницы 56.147; подорожьничков 102.35; подорожьницьков 110.17 и нек. др.; довольно часто отмечают мягкость звука **ш**, явившегося из **ч** перед **н**: кирпичною 42.59; востошню 42.274; Никулишня 6.47 и др., а также перед **т** в местоимении шьто. Из мягких согласных перед шипящими отвердело только одно **р**: дёржать. О твердом **н** в суффиксе **-ьн** после шипящих см. § 17.1.

Примечание. Как понимать написание **жө**: жёлтыма 21.39; жёлты 63.87; можёт 94.256 (однажды такое **ө** после **ц**: зворонитцө 52.69), считать ли его обозначением мягкости шипящего или обозначением какого-либо особого гласного звука, мы отказываемся; наблюдателю не мешало бы, вводя знак **о**, оговориться.

§ 13. Плавный **р** перед мягкими согласными мягок: горьница, борья, ларьци, кормить и др.; перед твердыми, исключая губные и гортанные, перед которыми сохраняется древняя мягкость, тверд: орла, корм; но: горькой и др.

Этот особенностью звука **р** объясняется судьба древнего сочетания **-ър**: передь мягкими согласными и губными с гортанными звук **р** мягок и **е** сохраняется: черьнил, выдерьнёт, замёрьнет, перьстень, заперьлись; верьба, перьвой, серьп, почерьпнул; верьх, повьдерьгать, церьковь (случаи вроде вёрх 65.18; обёрнитце 4.99, 100 — единичные исключения; впрочем, всегда пошорбались); перед другими твердыми согласными **р** тверд и звук **е** перешел в **ё**: цёрт, мёртвой, четвёртой, запёрт, цёрной, дёрнуть, овёртываться, смёртной, свёрсна, вёрста, одношорстной, дёржать и др.

Перед гласными вместо мягкого **р** иногда встречается твердый: крыком 43.98; скрыцял 17.155; проскрыпели 6.33; товаришш; старыньшина (эпитет Ильи Муромца); нырал 73.147; поньрывать 73.162; нырати 100.55; подковырывал 36.125; загрэбушшя 63.137; троугольню 109.126 (ср. обратно в заимствованных словах: гряновитыя 12.96, фрянцуския 12.60; но: прынц 62.262).

§ 14. Плавный **л** весьма устойчив в своей древней твердости и мягкости (ср. **л** в лит. языке); только в эпитите стольно-киевской в говоре некоторых лиц, напр. у Бурой, **л** твердо: стольно-киеской 113.45, 46; ср. у других стойно-киеской 108.139; вероятно, этот эпитет не всем был понятен, а потому и мог видоизменяться нефонетически; однажды: похвалба 94.383. Наблюдатель ни разу не отметил немягкости **л** в таких случаях, как: наполнить, молвить, молчи, волчья и т. п. (ср. частое кормить; надь Цюрилом 15.308; отьсек 1.181; росьтилает 23.94 и т. п.). В связи с этой устойчивостью находится и та ассимилирующая сила, которой обладает этот звук. 1) Твердое **л** делает твердым следующее древнее мягкое **с**: покклонилсэ; сосваталсэ; повалилса; задумалса; кланялся (-са реже, чем -сэ); закололсо 10.152 (редко; примеры см. § 4.1. 2); 2) Мягкое **л** делает мягким следующее твердое **н** в суффиксе **-ьн**: сильнйй (под-

робнее об этом и примеры см. § 17.2). Мягкое л (и только оно одно) делает мягким следующее твердое ж: *тольке, скольки, стольке* (об е, и см. § 3. III и IV); *сабелькеми* 108.91. О губных перед мягким л см. следующий §.

§ 15. Губные. В записях очень редко отмечается мягкость губных перед следующим мягким согласным; перед ж же наблюдатель отмечает иногда сравнительную их твердость буквою ъ вместо ь: *убъён* 9.155; *бабъёго* 15.313; *прибъю* 49.106; *дубъё* 107.82; *сыновъей* 27.7; *пъю* 1.202; *пъетё* 93.82; *пъёт* 94.248; *пъяны* 93.30; *копъё* 94.509, 107.31; *копъя* 17.50 (ср. *обсыпте* 110.86; исключения вроде *объездил* 94.118 единичны), и последнее обстоятельство является подтверждением того, что отсутствие ь после губных перед мягкими согласными в записях не случайно. Только перед одним мягким л мягкость губных бросалась в глаза наблюдателю, и он ее довольно часто отмечает: обыкновенно в слове *земля*, часто в слове *сабля*; другие примеры: *оживлю* 31.71; *граблявить* 59.19, 20; *корабли* 95.11, 14; *оставляйте* 96.228 и нек. др. Впрочем, это смягчение губных не проходит для них даром: губной м, неспособный к особенной мягкости, переходит в носовой же звук, но зубной н, который может быть и особенно мягким, и твердым: *по всей зеньли* 24.13; губное же о выпадает, что объясняется склонностью этого звука к исчезновению при неудобных для его существования условиях (см. § 20.II): *некровалену* 19.95.⁴ Отметим здесь, на наш взгляд, интересное: *ко трупелям* (вероятно, из *трупьям*: «*Она трупья-ти сама на копыця помётыват, Да ко трупелям сама она приговариват*» 94.359, 360). Кроме л, мягкость губного б отмечается часто перед р в слове *серебряный*. Твердость губных такова, что под ее влиянием не отвердевают предыдущие согласные: *возьму*; в *назьму* 30.30; *письмо, весьма, свадьба, ведьма, женитьбы, серьп* и др. (впрочем: *свадба* 65.174; *женитбы* 60.50), а перед отвердевшим губным звук е не перешел в ё: *волшебной, молебны, царевна, княжевна* 64.194; *заручевой, стихари всё получевныя* 2.141 (некоторые из случаев, может быть, заимствования из церковного языка); ср. *почотной, хребётной, несцётной, смёртной, чётной, одношорстной* и др. Интересно, что звук м перед родственным н отвердел настолько, что е перешло в ё: *тёмной, назёмныя* 9.138 (о *тёмной* см. § 3.I. 5). Приняв во внимание все вышесказанное, можно думать, что губные в говоре являются звуками средними, что между твердым и мягким нет особой разницы; на этой лишь почве оказалось возможно появление таких случаев, как: *помолышко* 15.75 вместо *помёлышко*.

Примечание. О качестве конечных губных записи не дают никаких положительных данных; судя по твердому б в слове *голубь*: *голуба* 78.268; *голубов* 78.274, можно думать, что на месте древних мягких губных иногда (а может быть, всегда?) слышатся твердые.

§ 16. Свистящие. Относительно твердости и мягкости этих звуков следует заметить следующее. Мягкое с возвратного местоимения ассимилировало себе шипящий звук ш во 2-м л. ед. ч.: *срезаишьсе, достанисьсе, боишьсе, пробудисьсе* и др.; ср. также *муськой*. Об отвердении с после л см. § 14.1; о смягчении н после с из ц см. § 17.3. Смягчение свистящего в после мягкого л в слове *пользи* 59.14 мнимое: здесь, вероятно, мы имеем дело с русской формой. Мягкость звука с в суффиксах *-ьств*, *-ьск* новая; интересно ее происхождение. При обыкновенных условиях перед самостоятельно твердым с мягкий согласный отвердевает, напр.: *петсот*; тут же звук с (а иногда и сочетание ст, если т не выпадало между с и в, см. о последнем § 20.I. б) был тверд не самостоятельно, а постольку, поскольку эта твердость передавалась от следующего твердого согласного — губного или гортанного; но ни тот ни другой согласный во время борьбы твердого с с предыдущим мягким согласным не мог оказать поддержки звуку с (или сочетанию ст) в сохранении твердости (ср. их неспособность к отвердению предыдущих согласных), и все сочетание согласных перед ними сделалось мягким.

⁴ Ср. отмеченное А. И. Соболевским в новгородских памятниках отсутствие е перед мягким л (Рус. фил. лог. вестн. 1886. № 4).

§ 17. Носовой **и** в суффиксе **-ьн**. 1) Звук **и** в этом суффиксе после твердых согласных бывает тверд, а после мягких мягок. Примеры: после шипящих **ж** и **ш** звук **и** тверд: *вёшной*, *лишной*, *конюшна*, *сегоднёшной*, *прежной*, *нижней* и др. 2) После мягкого **л** звук **и** мягок: *похвальнёе* 2.293; *наугольня* 3.54; *вольня* 4.222; *печальнёе* 3.84, *сильнёй* 3.177; *поминальни* 6.15; *богомольня* 3.124; *богомольню* 13.10; *корабельню* 79.179; *котельня* 9.140; *стольнё-киевської*; *дальня* 5.92; *хрустальню* 18.76; *довольне* 42.50; *стальнёй* 56.14; *хмельнёго* 42.189; *до больня* 10.23 и др. 3) После **ц** и мягкого **с** из **ц** звук **и** мягок: *прожитоцьни* 23.43; *скуцьнэ* 34.21; *зыцьним* 3.172; *бессроцьнёго* 41.91; *востоцьню* 58.11; *владыцьнёй* 111.85 и др.; *кирписьнёй*; *троёсутосьнёй* 31.37; *скусьнэ* 42.12; *прожитосьнёй*; *бесстросьнёго* 33.78; *сердесьнёю* 46.104; *востосьню* 50.22; *на осьню ставку* 56.312; *королевисьня*; *песьнёй-отъ столб* 112.95 и др. 4) После **ч** звук **и** мягок: *вековечья* 74.261; *бескопечнэ* 71.111 и нек. др. (**ш** из **ч**, сохраняя довольно часто мягкость, унаследованную от **ч**, сочетается обыкновенно с твердым суффиксом, ср. § 12). Смягчение и отверждение звука **и** в этом суффиксе, завися, безусловно, от предыдущей мягкой или твердой согласной, облегчалось в значительной степени тем, что в языке издревле было два вида этого суффикса (твердый и мягкий), и, по нашему мнению, здесь происходил известного рода подбор: мягкие согласные, стремясь иметь возле себя мягкие же, стали сочетаться с мягким видом суффикса, а твердые — с твердым. После других согласных замечается довольно частое несовпадение с литературным языком, напр.: *дороднёй* (всегда); *нерадосьнёй*, *непопутнёму* 37.63; *правосланёго* 79.83; наоборот, *прошлогодной*, *осённой*, *раной* 15.64, 52.216; *летню* 50.53; *поздному* 60.29; *безотна* 49.162 и др. В новообразованиях после гортанных — твердый вид суффикса, напр.: *верхное*, и всегда в местоимении *ихной*, *ихна*, *ихно*.

§ 18. Звонкие и глухие согласные. Наш говор принадлежит к числу тех многочисленных великорусских говоров, которые не сохранили звонких согласных перед глухими и в конце слов: а) *ниско* 2.207; *уского* 107.66; *горас-то* 108.20; *дорошкою* 108.36; *друг друшки* 108.89; *повестки* 31.37; *слатким* 31.38; *потходит* 49.42; *шупку* 20.45; *красафциком* 22.96; *лекце* 10.120; *лекчи* 61.90; *состык-то* 96.158 (ср. переход глухих в звонкие перед звонкими: *з дороги* 82.133; *з зелёну* 55.12; *з Добрынюшки* 44.110; *з богатырям* 44.234; интересен случай — *по поднебезью* 88.6 и др.); б) *назатъ* и нек. др. Эта особенность в записях отмечена слабо.

§ 19. Слоговая ассимиляция согласных. Предвзятие шепелявости наблюдается часто в слове *тяжолой*: *цяжолой* или *чяжолой*; *цесьмяню* 16.121; *чечас* 85.74; *Путячисьню* 5.153; *очетесьво* 42.342 (нередко, вероятно, из *очечесьво*).

§ 20. Выпадение и отпадение согласных. I. Звук **т** при стечении трех и более согласных, находясь на последнем месте, стремится к исчезновению: 1) в сложных звуках **ц** и **ч** перед **т** и **н** и после **ш** и **с**: *шьто*, *востошьной*, *коласьница*, *роосьиталась* 18.101; *соосьитай* 94.125; *нешьясьицэ* 19.20; *ише* 19.110 (из *шьчо*); 2) в группе **-стн**: *персьни*, *несчастной*, *хресьник*, *свёрсна*, *чесной*, *нерадосьня* и др. (ср. *празник*); 3) в группе **-стл**: *хвасьлив*, *жалосьлив*, *коосьлив*, *милосьлив* и др.; 4) в группе **-стј**: *ишасьицо*, *мудросью*, *хресьянина*, *горсьём* и др.; 5) в группе **-стк** (отмечен один случай): *по москам* 15.70; 6) в группе **-ств**: *царсьво*, *очетесьво*, *мужесьво*, *имушисесьво*, *богатысьво*, *королесьвицэ*, *удовольсьвие*, *есва*, *цюсвует* 22.101; *здасвуј* 94.235, 107.150; *здасвујте* 96.25.

Примечание 1. В глаголе *здравствовать* чаще выпадает **в**: *здрастуй* 1.76, 44.21 и др.; *здраствовать* 23.301, однажды в глаголе *дествовать* 94.256; думается, что здесь неудобное для произношения сочетание **-ств** переходило в более удобное **-ст** не фонетически, а по образу уже существующих в говоре глаголов вроде *чэстую* 60.306; *чэствовал* 44.7; *цүэствовать* 109.195; ср. древнерусские *властвовать*, *повествовать* и др.

В конце слов звук **т** отпадает после звука **с**: *крес*, *рос*, *мос*, *холос*, *покамес*; *гось*, *весь*, *цесь*, *шесь*, *хябрось*, *жись* 54.4; *есь*, *пусь*, *сесь* и др.

Кроме этого, отсутствие звука **т** в конце слов наблюдается после гласных: 1) в 3-м л. ед. числа (после **ё**—**е**; ни разу после **и** вроде *ходи*); 2) в 3-м л. мн. ч. (редко; после **у** и **а**) и 3) в форме члена **-от**. Интерес-

но, что отсутствие **т** у глаголов сопровождается в говоре того же лица отсутствием **т** и у члена (так это наблюдается в говоре Ф. Пономарева, М. Точиловой и А. Бурой; у других только sporadически); возникает вопрос, не фонетическое ли это явление, тем более что в обоих случаях (если принять во внимание у глаголов только единственное число) условия одинаковые: отсутствие **т** после звука **о—е**. Примеры: 1) в 3-м л. ед. числа: у старика Крюкова (у которого отсутствия **т** в члене не отмечено) редко: *стречае* 85.42; *бьё челом* 81.111; *зовё тебя* 84.32 (два последних примера сомнительны); у Ф. П.: *хвастаё* 93.17, 21; *хвастае* 93.20; *мечё* 94.31; *насыпаё* 94.68; *хочё* 94.155, 184, 191; *скаче* 94.221, 96.130; *будё* 94.140, 142, 206; *зоблё* 94.375; *берё* 94.437; *едё* 94.30, 226, 493; *пьё* 94.155, 180, 255; *похаживаё* 95.37; *натрсываё* 95.38; *будё делати* (сомнит.) 93.53; у М. Т.: *едё* 109.232; *берё* 109.177; *ведё* 109.178; *отъвецяё* 109.251; *полякуё* 109.81; *выдерньё* 110.8; *пьё* 110.36; *идё* 110.22; *хвораё* 11.53; *немогаё* 11.54₄; *стрецё* 111.66; у А. Б.: *выпиваё* 112.112; *скацё* 113.34; *ведё* 113.42; 2) в 3-м л. мн. числа у Аграфены Крюковой: *не ездя-ли тотара* 45.4; у старика Крюкова: *буду* 69.25; *кушаю* 75.116; у Ф. П.: *сидя* 93.13; у М. Т.: *сидя* 109.170; у А. Б.: *сидя* 113.60; *ходя* 113.7, 8; 3) в форме члена **-от**: у Аграфены Крюковой: *князь-о* 7.23; *крест-о* (сомнит.) 49.147; у Ф. П.: *глупой-о* 93.20; *неразумной-о* 93.21; у М. Т.: *князь-ё* 111.4; *кнезь-е* 111.13, 41; *нос-о* 109.142; у А. Б.: *год-о* 114.11, 5; 115.8; *шум-о* 114.29; *шатёр-о* 114.24; *овин-о* 116.10; *Владимёр-о* 113.66; *глупой-о* 113.63; *удалой-о* 113.70; *неразумной-о* 113.64; *малой-о* 114.37.

II. Звук **в** выпадает: 1) изредка между гласными: *пра(в)ославной* 56.298; *де(в)ушки* 9.24, 87.60; *херуимскую* 24.159, 36.61; 2) обыкновенно перед свистящими (перед **с**, перейдя, вероятно, предварительно в **ф**): а) в приставке **-вз** (часто): *зыграть*, *звеличать*, *зволноваласе*, *звидоваться*, *здох*, *змолиться*, *незгодушка*, *зыграть*; *сколыбаться*, *споминать* и др.; б) в отдельных словах: *садник* 34.41, 56.45; *си* 58.65; *сё* 17.197; в) перед суффиксами **-ьств**, **-ьск**: *здраствовать*; *почувствовала* 61.138; *лукаства* 18.84; *королесью*; *москоськой*, *киеськой*, *Садкоськой* и др. Об исчезновении **в** перед **л** см. § 15.

III. Между гласными, кроме **в**, выпадают также звонкие **д** и **н**: *еёт* 8.60; *даим* 17.130, 79.58; *кнеина* 62.113; *кнеине* 65.25 (ср. также: *бласлови*, *драцунный*, о них см. § 9.II); звук **г** отпадает еще в начале слов перед гласными: *Осподь*, *осударь*, *ой еси*, *ербовой*, *енералов* и нек. др.

Примечание 2. О качестве звука **г** наблюдатель замечает: «Я обозначал посредством **г** дыхательный звук, который золотицкие крестьяне и А. М. Крюкова выговаривают близко к малорусскому произношению» (С. 26 (езде?)).

IV. Звук **х** отпадает перед **ф**: *фастаёшь* 76.35; *фастаётъ* 75.14; *сватите* 81.288; *сватиль* 76.231 (**в=ф?**); ср. *хфастат* 75.17.

Примечание 3. Звук **х** имеет некоторое стремление переходить в **ф**: *панафиды* 29.59, но и *панахидами* 6.44.

V. Звук **п** отпадает перед **т** и **ш**: *Соловей-тиця* 15.288; *шаницы* 75.429, 81.324.

VI. Звук **л** отпадает в слове *карапъ* 49.231 и др. (или **л**, вокализируясь, даёт *карабель* 83.39; ср. вокализацию и в слове *казнь* и проникновение основы-казен в другие падежи: *бес казени* 35.68; вероятно, по образу *камень—каменя*).

VII. Звук **р** выпадает в слове *къстить*.

§ 21. Вставка и приставка согласных. I. Вставляется между гласными (часто на месте исчезнувшего **г**) и приставляется (только перед **о**) звук **в**: 1) в род. пад. ед. ч. местоимений и членных имен прилагательных (у первых чаще): *ёво*, *тово*, *чево*, *ково*, *севодъне*, *моёво* и др.; *бедново* 6.72; *сладково* 18.261; *пьяново* 43.187; *сильнёво* 59.50; *несчастново* 62.180; *синево* 65.1; *белово* 93.51; *черново* 94.36; *малово* 94.283 (эта особенность встречается часто у Аграфены Крюковой, реже у ее дочери и Ф. Пономарева; у других ее почти нет); 2) в отдельных словах: *каравульщик* 56.247, 49.12; *Леванидову* 82.11; *дрвоуенно* 49.39 и нек. др.; 3) *вострота*; *Волексей* 40.21; *по всей вокраинки* 110.41; *по вотцины* 112.25; *восталось* 11.86; *вослышилсэ* 73.42; *вой еси*; *Восподу* 110.50; *восударскому* 36.202; *восударь* 94.435 и нек. др.

Примечание. Вставка **в**, точнее **ф**, в местоимении *этот* не фонетического характера: *эти* 61.214; *эфту* 65.229, 103.93; *эфти* 105.55. Отметим здесь: *охвота*, *охвочь*.

II. Звуки **д** и **т** вставляются перед **р** после свистящих и **н**: *здрил* 107.22; *заздрили* 93.42; *здрят* 107.127; *повыздрела* 38.38; *строк*; *страму* 93.73; *пондравитьсе*. Отметим отсутствие вставочного **т**: *за строгима-ти караулами* 75.121.

§ 22. Появление одних согласных вместо других по аналогии. 1) Звук **н** вместо **д**: а) в глаголе *ки-нать*, *киньвать* под влиянием формы *кинуть*; б) в *кажной* под влиянием суффикса **-ьн**. 2) Несмягченный согласный вместо смягченного в спряжении глаголов: *секи*, *текёт* 15.184 (обыкновенно *течёт*, и потому *течут* 50.148), *пекёшь*, *зажёт* и др.: интересно *победять* 42.148. 3) Звук **т** вместо **д** в *дутоцьку* 23.255; звук **с** вместо **ст** в *поцесён*; звук **с** вместо **ц** в *коласёнка* 113.11; твердое **т** вместо мягкого в *пято-нышко* 6.108, все эти звуки явились под влиянием форм, где они возникали фонетически: *дутка*, *поцес-ной*, *коласьница*, *пятно*. 4) Почти полное вытеснение звука **н** звуком **ј** в склонении местоимения *он*: не только *от ево*, *к ёму*, *под им*, *об ём*, *до их* и др., но и *в ём*, *с его*, *сь ею*, *в их* и др.: **ј** проникает довольно часто и в им. пад. ед. ч. муж. рода: *ён* 4.205, 20.66, 77.41, 94.26, 107.110 и др. 5) Так как суффикс **-ьск** с предыдущим зубным звучит в говоре как **-цьк**, **-чьк** (*солдацькия* 38.54; *швецькой* 41.41; *новогородькому* 52.235 и др.), а с другой стороны, в говоре также в суффиксальном слоге установилось фонетически чередование звуков **ц**, **ч** и **с** (мы имеем в виду: **-цьнёй**, **-чнёй**, **-сьнёй**), то рядом с формами: *Смолянського* 24.19; *Иваньского* 42.138; *тотарьской* 43.29; *киеськой* 20.67 и др. явились формы: *Смолянцькою* 43.29; *Иваньцькою* 42.223; *богатырьцькою* 15.47; *сибирцькою* 9.32; *киецькой* 8.69 и др. 6) Мягкое **л** вместо твердого: *лэжись-ко-се* 1.102, *лэжилсэ* 99.81 под влиянием глагола *лежать*. 7) Звук **н** вместо **м** в слове *суночка* (часто), вероятно, под влиянием глагола *сунуть*, т. е. *суночка* — такая вещь, в которую можно сунуть что-либо, спрятать. 8) Интересна вставка **в** в словах: *звychал да звychным голосом* для усиления, а может быть, и для восстановления представления о звучности.⁵ 9) Звук **п** вместо **б** в слове: *опнемели вси* 49.328 (ср. фонетический переход **б** в **м** перед **н** в *надомно* 28.9, 83.51, 95), надо думать, явился под влиянием слова *пень*; ср. наши слова для выражения удивления: *остолбенеть*, *окаменеть*.

Морфология

§ 23. Особенности в склонении существительных муж. и средн. рода.

1) В местн. пад. ед. ч. окончание **-у** распространяется на уменьшительные и не имеет в этом случае на себе ударения: *на столбичку* 1.19; *на годицьку* 46.9; *на перьстецьку* 46.80; *на том ножицьку* 33.93. 2) Древняя форма род. пад. мн. ч. муж. рода встречается крайне редко: а) обыкновенно в выражении: *сорок пуд* 69.145; *двести пуд* 51.75, 47.79 и др.; б) от основ на согласный всегда в слове *локоть*: *сорока локот* 53.73, 100.250 и др., и однажды *дён* 94.76; слова с мягкой основой принимают окончания **-ёв** или **-ей**, при этом нет строгого разграничения между словами, принимающими то и другое окончание: с одной стороны, *купцей* (почти постоянно); *гонцей* 50.60 при обыкн. *гонцов*; *отцей* 2.224, 16.39, 49.208 при более частом *отцов*; *братьей* 82.93 и др. при редком *братьев* 79.116; с другой — *рублёв* 69.41 при обыкн. *рублей*; *королевицёв* 94.3, 47; *Петровичёв* 81.37 при обыкн. **-ичей**; *сторожов* 100.116 и др.; *детёнышов* 73.262, *змеёнышов* и др.; в слова средн. рода окончание **-ов** проникает редко: *сукнов* 18.88. 3) В дат. пад. мн. ч. изредка — древнее окончание **-ом**: *по столóm* 75.306; *по темным лесóm* 59.6 (ср. **-ом** без ударения § 4.1. 2). 4) Встречается также древний твор. пад.: *со своима-ти с князьями*, *всё бóяры* 82.43; *с бояры* 73.290; *со всима-ти руськими богáтыри* 81.60; *своима большима хоботы* 73.272; *товары розно-*

⁵ Ср. подобное явление в литературном языке. Со словом *слизкий*, где для усиления представления скользкости вставляется звук **к** из *скользкий*: *склизкий*; встречается у Пушкина (*могилы склизкия*), у Гоголя и других писателей.

личнима 83.43 (отметим: *паличи-те тежѣлыма* 78.191). 5) В местн. пад. мн. ч. сохраняется древняя мягкость согласного (только в наречиях): *вместях*; *во снях* 18.16; *в утрях* 23.239; *я хожу к ей вецѣрях* 7.70 (а также по аналогии: *в головах* 38.8).

Примечание. В им. и вин. пад. мн. ч. окончание *-а* изредка проникает в нечлен. имена прилагательные: *в зелена лука* 47.51; *полога-то полы размухнулесе* 78.180.

§ 24. Особенности в склонении существительных жен. рода. 1) Род., дат., местн. пад. ед. ч. слов с твердой основой оканчиваются на *-ы* (*у сестры*, *к жоны*, *в головы*), а с мягкой — на *-и*. Только в говоре молодой Крюковой как в твердом, так и в мягком склонении встречаются формы на *-е* (пишется **ѣ**): *у жене* 61.173; *у реке* 62.186; *с руке* 61.101; *из комнате* 65.93; *у берѣзеньке*; *без дани-пошине* 65.51; *до земле* 65.181; *к жоне* 62.158; *по всей земле* 65.180; *в семье* 62.161 (рядом: *для зимы* 65.15; *во той вины* 62.451 и др.). Что здесь мы имеем дело не с описками наблюдателя в сторону литературного языка, свидетельствуют, помимо род. пад., также **ѣ** в склонении основ на *-ь*: *по той-то он путе-дороженьке* 61.29; *кроватье-то* дат. пад. 61.35. Интересно также **ѣ** (*-е*) в им. и вин. пад. мн. ч.: *мамке-то* 65.14; *в его высоке комнате* 65.125. 2) В род. пад. мн. ч. отметим: *из земѣл* 23.133; *песѣн* 65.89 (ср. частое *сажоне* 24.164, 79.53 и др.).

Примечание. Вместо суффикса *-ыня* (=древнее *-ыни*) наблюдается суффикс *-ина*: *кнегина*; *милостина*; *манашины* 58.91, 30.8; 57.42; *баярины* 51.5 (*свет-судариня* 31.12, 81).

§ 25. Встречаются членные формы женского отчества: *к Омельфы Тимофеевной* 15.31; *Олёнушка Петровна* 93.40, 57; *Оленушки Петровныя* 93.81; *Олёнушку Петровную* и нек. др.: их следует сопоставлять с древними: *именьм Варвару Гюргевою Олекшиниця* (1 Новгородская летопись, 170 (дочь Георгия Алексеевича)); *Святослав ожени внука своего Давыда Олговича Игоревною* (Ипатьевская летопись, 449). Присоединим сюда же: *Уж ты гой еси, ты Софья-царевна-я!* 32.9; *королевой* дат. пад. 14.32; ср.: Ипатьевская летопись, 484: *брата королевое*. Менее ясны для нас случаи: *А куды у вас путь лежит дорога-я* 52.45; *дружина-я хоробрая* 83.96; *поднести мне калики винну цяру-ю* 112.103.

§ 26. Нестяженные формы членных имен прилагательных. Эти формы встречаются довольно часто, но обыкновенно в конце стиха (ср. сохранение окончания неопр. накл. *-ти* в этом же положении, см. § 31.1): *пивом пьяным* 18.141; *людей добрых* 5.125; *могущих богатырей* 36.51; *от поганных татаровей* 76.250; *попам соборным* 8.90; *в сълёзах горючих* 49.158 и др. Так как в им. и вин. пад. мн. ч. рядом с окончанием на *-ыя*, *-ия* (*заморскии товары* 23.100; *тотара всё поганыи* 3.214 и др.) употребляется окончание *-ыя*, *-ия* (чаще): *волки серыя* 29.64; *реци горькия* 2.243; *плечи могуция* 12.83 и др. (а изредка также *-ые*, *-ие*: *песни разные* 65.118, см. о них § 1.III), то подобное чередование могло проникать и в другие падежи: *сном да богатырским* 79.193, 99.32; *домом благодатным прецистыям* 29.31; *к полатам королевским* 94.380 (о *ѣ* вместо *я* в форме *перехожиѣх* см. § 4.II. 2).

Примечание. Не совсем ясно для нас происхождение форм им. пад. ед. ч. муж. рода на *-ыя*, *-ия*, являющихся по отношению к формам на *-ой*, *-ей* как бы нестяженными (встречаются часто): *сильныя да богатырь* 94.354; *под царьския суд-от* 96.14; *грознныя цярь* 84.20; *Леховиньския король* 74.152; *лук тугия-ти* 62.35; *А тот же сильныя великия Иванишио* 69.99; *А я буду меньшия брат* 71.182 и мн. др.

§ 27. Творительный падеж мн. ч. местоимений оканчивается на *-ма*: *има*, *тима*, *всима* (ср. *межь двума* 94.268; *со трѣма* 52.148) и др. В связи с этим находится окончание того же падежа *-ма* членных имен прилагательных: *жолтыма кудрями*, *замоцьками заморьским* и др. (ср. однажды встретившийся твор. пад. мн. ч. нечленного имени прилагательного: *коротеньками ножками* 116.14).

Примечание. Очень редко это окончание переходит в дат. пад.: *има* 96.127; *то нама ровна* 75.95; *каликам перехожима* 67 (ср. *двума братыцяма* 7.39).

§ 28. Личные и возвратное местоимения в род. пад. ед. ч. оканчиваются на *-я*: *меня, тебя, себя* (изредка на *-е*: *прикажу я тебе казнити* 40.30; *я пошлю тебе съездить в Почай-реку* 5.21; *как тебе ведь, доброй молодець, да звать по имени* 42.341; *тибе Бог благословит* 5.63, 12.91; *я тебе водой залью* 5.88). Формы на *-я*, вероятно, обязаны своим появлением энклитическим местоимениям *мя, тя, ся*, которые, вытесняемые первыми (*тя* еще встречается довольно часто, а *мя* уже очень редко: *мя-то* 75.142; *у мя* 76.73; заместителем его является форма *меня*), передали им не только свои синтаксические функции, но также и морфологическое окончание. Форма дат. и местн. пад. *те* явилась под влиянием *тебе* из *ти*: *ише те накажу* 112.61; *служить те буду верой-правдою* 75.418; *шьто те надобно; на те нет переброду* 107.90 (однажды: *у те ум ведь глуп* 5.129). Помимо форм *тебя, себя* встречаются также формы *тобя, собя*, явившиеся под влиянием чередования форм *тебе* и *тобе, себе* и *собе* (о последних см. § 8).

§ 29. Член употребляется довольно часто и имеет формы *-от, -та, -то, -ту, -ти*. Форма *-то* употребляется чаще других и заметно вытесняет другие. Из остальных первая обыкновенно сопровождает слова муж. рода в им. и вин. пад. ед. ч.: *гром-от, ишше русской-от, сильней-от всё богатырь-от* 7.59 и др.; очень редко — слова жен. рода с основой на *-ь*: *доць-от* 109.79 (о ее видоизменениях в *-эт* см. § 3.III, а в *-о, -э* см. § 20.I). Форма *-ти* сочетается обыкновенно с им.-вин. и твор. пад. мн. числа: *глаза-ти, ноги-ти, толпами-ти* 3.38, *жолтыма-ти кудрями* и др. (в других падежах мн. ч. *-то*: *товаров-то* 18.78; *въ горах-то* 110.59; *ис худых-то есь родов* 1.115 и др.). В употреблении остальных форм замечается склонность к соблюдению гармонии гласных, т. е. если слово оканчивается на *-а*, то предпочитается форма *-та*: *красота-та, с горя-та, тотара-та, леса-та*; если на *-о*, то *-то*: *село-то, ёго-то*; если на *-у*, то *-ту*: *на моголу-ту, к князю-ту, на листу-ту* и т. д.

Примечание. Наблюдатель раза четыре старается дать понять, что член употребляется и перед словом, к которому относится: *как от-пир идёт на вёсели* 68.161; *Ай как тут от-нож ушол* 69.226; *А ударили они ти-палицеми тежолыма* 70.129; *отвечает от-король ёму* 17.158.

§ 30. Числительное *один* употребляется иногда в членной форме: *под одним* 1.47; *с одним* 3.7, 56.221; *одны сутоцьки* 16.40; *в одны гости* 93.86; *в одных цюлоциках* 115.54 и нек. др. (ср. изредка: *к тым-то полатам* 72.84).

§ 31. Особенности в спряжении глаголов. 1) В неопределенном наклонении глаголов на *-чи* восстанавливается перед окончанием иногда корневая согласная, причем окончание *-чи* сменяется иногда более обычным *-ти*: *берекчи, отсеки, легчи, жегчи, пострикичи, состыкчи, отсеки, сжегчи, постригтисе*. Неопр. накл. на *-ти* употребляется довольно часто, но обыкновенно в конце стиха (ср. сказанное в § 26). Отметим форму *иттить* 35.45. 2) Форма *мне-ка хотьце* 112.92 вряд ли фонетически из *хочетьце*; думается, что она обязана своим появлением форме *хошь* (*ты не хошь стоеть за веру православную* 3.207) и стала для нее третьим лицом; форма *хочь* 65.52, 48.11 употребляется только в качестве наречия. Отметим форму *ты мошь ли* 36.178. 3) Форма повелит. накл. *съездий* 48.40; *объездий* 81.51 явилась под влиянием таких глаголов, как *кланятьце*, с которыми глагол *ездить* вследствие фонетических изменений первых совпал в неопр. накл. и в наст. врем., исключая первое лицо (в лит. яз. и оно образовалось по типу *кланяться*: *ездию*). 4) Отметим суффикс *-т* вместо *-н* в страд. прич. прош. врем.: *достато было* 64.28; *а не знато, шьто...* 70.221.

§ 32. Наречие. Рядом с формами *когда, тогда, сюда* употребляются *когда, тогда, куды, туды*. Отметим формы: *отовсюль, откуль, докуль, оттуль*; *шьто куда-к-ли мне ехать да красён Киев-град* 107.55.

§ 33. Замечается удвоение предлогов: *во-в рученьку* 74.118; *во-в ту пору* 111.40; *во-во второй након* 94.396; *во-в гирню-ту* 94.34; *со-с того со стыду* 105.70.

Синтаксис

§ 34. Согласование по смыслу. 1) При слове *народ* определение и сказуемое обыкновенно стоят во мн. числе: *ай погинули народ вси православныя* 32.10; *тут народ-то православной вси Бога прославили* 1.126; *надевали тот народ* 37.84; *ужахнулись народ вси, зъдивовалисе* 41.102; *как народ-от ходят* 73.206 и др. 2) При местоимениях *кто, никто* сказуемое довольно часто стоит во мн. числе: *ели тебя хто обнесли да винной цярю* 112.26; *ише цярочкой меня не обнесьли нехто* 36.101; *никто князю ответа не держали* 62.141; *тут нехто иеня ведь всё не перевозят тут* 59.31 и нек. др.

§ 35. Согласование членных имен прилагательных. I. Согласование их со словами женского рода в ед. числе находится почти в полном расстройстве, так что форма одного падежа имени прилагательного (исключая им. и вин. пад., о чем см. ниже) очень часто согласуется с другим падежом имени существительного. Так: 1) форма род. пад. прилагательного может согласоваться: а) с дат. пад. существительного: *ко царици благоверныя* 35.61; *к смерти ко скорыя* 17.35; *ко обедыни воскресеньския* 33.7 и др.; б) с твор. пад. существительного: *своёй-то саблей вострыя* 94.274; в) с местн. пад. существительного: *на печи лёжит кабачния на кирпичния* 77.56; *на любимая на дощери* 36.26; *в земли неверныя* 4.151 и др.; 2) форма твор. пад. прилагательного может согласоваться: а) с род. пад. существительного: *от скорой ево смерти от напрасноу* 37.103; *без драки кроволитноу* 49.102; *от смерти мне скороу от голодноу* 2.339; *у либимую ее да всё у дощери* 34.60; *из стрелоцьки калёноу* 10.113 и др.; б) с дат. пад. существительного: *к заставушки великою* 98.116; *к змеи лютоу* 5.150; *ко грамоте Господнёю* 52.313; *по Божью было всё да по милости* 94.409 и др.; в) с местн. пад. существительного: *на твоей-то на любимой на дочери* 75.259; *во первой росы катая всё во Иваньскоу* 42.138; *на волюшки на вольнёу* 59.48. Одной из причин такого смешения было, без сомнения, совпадение сокращенной формы род. и твор. пад. с формой дат. и местн. падежа в одной форме на *-ой*; поэтому-то форма вин. пад., не сокращавшаяся в форму на *-ой*, уцелела от смешения и только иногда вместо нее употребляется схожая с ней по конечному гласному форма твор. пад.: *буйною голову* 89.36; *церкву богомольнею* 21.149; *в подзорною трубочку* 28.31; *на прекрасною киновию* 90.23.

Примечание. Ср. форму твор. пад. *ею* в значении род., дат., вин. и местн. падежей: *преди ею* 100.140; *к ею* 22.123; *берёт ею* 74.235, *при ею* 79.151 и др. (посредствующим звеном была форма *ей*: *у ей* 70.66; *к ей* 56.225; *сь ей* 56.186; *про ей* 49.17 и др.).

II. При именах существительных муж. и средн. рода заслуживает внимания согласование членных имен прилагательных в том случае, если вторым определением являются числительные *два* и *три*: помимо обыкновенного им. пад. мн. ч. (напр.: *два братёлка крестовыи* 47.20; *три камешка драгоценныя* 100.12 и др.) или род. пад. мн. ч. (напр.: *два-то сизых голуба* 78.286; *три цернёных своих караблей* 21.26 и др.) определение довольно часто стоит в род. пад. ед. ч.: *два братёлка два родимого* 7.61; *вы два руського могучого богатыря* 15.194; *два ясного сокола* 98.59, 23.281; *шьчо два того-ли всё два брателка крестового, два крестового два братёлка названого* 23.270, 271; *два младого два цяревича* 35.6; *два дороднёго добра молодця* 98.55; *три того ли всё три брателка крестового* 8.4; *дай-ко три брата да три названого* 109.109; *три черного три карабля* 49.36, 50.6; *три тотарина вы всё три поганого* 2.126 и нек. др.; *два тайного словецюшка* 43.132; *на дошшочки несёт да всё два детишиша, их два детишиша несёт два малого* 28.35. Надо полагать, что подобное явление развилось по аналогии с выражениями, где определением являлось имя прилагательное в нечленной форме (а нечленные имена прилагательные сохранились в нашем говоре в качестве определений); *два дородня добра молодця* 23.283, и как скоро древние им. падежи двойств. числа стали пониматься говорящими за род. падеж ед. ч., то это понимание перенеслось и на те выражения, где определением являлось членное имя прилагательное.

Дважды вместо дат. пад. ед. ч. в качестве определения встретился местн. пад.: *старом-то старыньшины* 3.151; *по темном лесу да по подкореньцям* 74.279.

§ 36. Встречаются остатки древнего род. пад. после неопред. накл. (=древнему супину): *пойду искать дому батюшкова* 34.101; *ушла садов полоть* 67; и *пошла то тут одна она всё жита жать* 56.15.

§ 37. Творительный падеж: а) места: он *выскакивал косисцятым всё окошоцьком* 7.201; *заходи ты прямо всё ко мне крыльцём паратным жо* 56.138; он *из города поехал не воротами* 73.133, 74.36 и др. (часто): *попадите й вы зайдите дровяным-то в стену окошком* 40.90, 91; б) орудия: *заежай-ко-се добрым конем на широкой двор* 46.65; *повезли именьицё из города обозами* 77.152; в) при глаголе *заботиться*: *ише ратным делом не заботисьсе* 94.159.

Примечание. Иногда вместо твор. пад. при глаголах *жить*, *быть* употребляется оборот *жить*, *быть* за кого: как *пасут они скоты*, за *пастухов живут* 24.203; *живу за повара* 43.139; князь *Владимёр будёт у миня за свата-та* 64.188.

§ 38. I. Предлоги-наречия *мимо*, *возле*, *подле*, а также предлог *с* (последний на вопрос *откуда?*) после себя обыкновенно имеют по старинному вин. пад.: *возле синё морё* 77.1; *возле мой дворець* 65.60; *мимо ехали Соловтево высокоё подворьицё* 68.120; *а пошла она ведь мимо кузьницю железную* 33.79; *мимо ту же кругу башню-ту* 94.29; *мимо-то ее да всё окошецько* 20.126; *садили ей подле Цясову жону* 20.181; *подле башню городовую* 13.16 и нек. др.: *со ту ли со востоцьню-ту со стороноцьку* 24.180; *да со западну видели со стороноцьку* 107.23; 63.24 и др.

II. После предлога *по* для обозначения места вместо вин. пад. — родительный: *срубить по плець голову* 112.38; они *втоптали ноги да по колено в землю* 98.102; *по локот-то у тебя ведь руцьки в золоти*; *по колен-то у тибя-то ножки в серебри* 24.55, 56; *по рук копьа у них согнулисe* 81.398.

§ 39. Слово *путь* имеет стремление перейти в слова жен. рода: *путь-ту мне способную* 18.147; *путь широкая* 42.359; *по той-то он путе-дорожиньке* 61.29 (но: *лежит наш путь-дорожка* 82.46). Здесь же отметим: *во ту время* 15.61; *ты какого ты роду, какой племени* 17.140.

§ 40. Именительный падеж и именительный падеж с неопределенным наклоением при словах *надо*, *надоть*, *надобно* и им подобных по древнему. 1) Им. пад.: *а мне эта твоя рученька не надобно* 78.343; *мне-ка надобно своя-то родна матушка* 28.89; *мне надобно на сём свети слава сосьветная* 2.242; *а не надоть мне-ка ваша золота казна* 20.186; *а тепере мне лук, стрела нужно-надобно* 107.101; *а бери-тко, Дунай, кто те надобно* 75.213; *мне не надоть дороги твои подароцьки* 29.89, 2.336. 2) Им. пад. с неопр. накл.: *мне спасти-то теперь надоть душа грешная* 12.47; *нать отсецки у ёго да буйна голова* 1.196; *описывать орда надо три года* 94.138; *ише надо тому шуточка отшучивать* 94.324; *а под старость лет нать душа спасти* 76.57; *оставить нать своя вера крешшоная* 49.211; *написать-то ведь нать нам скоро грамотка* 50.41.

Примечание. В других случаях им. пад. с неопр. накл. употребляется редко: *шьтобы выкопать могила трёх локоть* 100.250; *только с тем спускал, что положить-то тотарину заповедь великая* 63.169; *цим тебе рубить моя-та буйна голова* 23.217; *спусти-тко миня поиграть*; *оторвать у новόго с плець буйна голова* 16.35.

§ 41. Интересен древний оборот: *перевёз-то он ей да стал невидимо* 18.182; *вдруг-то стал-то чёрной ворон-от невидимо* 63.166.

§ 42. После глагола *видеть* сохраняется древний причастный оборот: *только видели молодця бога-тыря поезжаючись* 109.116; *тольке видели молодця сражаючись, не видели удалого поедуци* 14.11.

§ 43. При страдательном обороте действующее лицо стоит часто в род. пад. с предлогом *у*, причем в литературном языке мы бы употребили действительный оборот: *а не скольки у ей шито, вдвое плакано* 30.47; *мне-ка строго-то оставлёно приказаньицё у твоёго у родного всё у батюшка* 34.30, 31; *у насъ белы-ти руцюшки исподаваны* 14.65; *у кого эта дорозоцька уежжона* 45.7; *у нас белыя ручки исподаваны, златыми перстнеми испомененось* 75.274 (ср. также 78.91); *у ей столько не молёно, сколько плакано, самого князя Ондreja у ей дожданось* 115.58 (формы *испомененось*, *дожданось* для литературного языка совершенно невозможны).

§ 44. Иногда встречается описательное повелительное наклонение с помощью глагола мочь (по древнему): *не можете миня вы скоро рубить-казнить 7.134; не моги моих пороть да всё белых грудей 70.175; не моги меня казнить, моги помиловать 73.81* и нек. др. Отметим: *а седи ты до нас, неше-велимой будь 42.28*.

§ 45. Встретился несколько раз правильно употребленный plusquamperfectum (помимо частого в начале былин *жил-был 1.3; 5.1; 8.4; 10.1; 50.1; 51.2; 80.12; 108.3* и др.): *у тебя была брала не ис простых родов 56.134; я ведь был-то ходил-то да по синю морю 4.171; да было зародилось-то десято цядо милоё 16.7; ай Морянин-от Моряночку миня слушал был 27.92; а когда уехал был Добрынюшка Никитич млад — тому времени прошло да три годочька 62.278, 279*.

В. П. ЧУЖИМОВ

НАРОДНОПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО В С. ЗИМНЯЯ ЗОЛОТИЦА¹

Летом 1934 г. мною была совершена поездка в с. Зимнюю Золотицу на Зимнем берегу Белого моря для собирания произведений народного творчества. Местность эта была выбрана мною совместно с сотрудником фольклорной секции И(нститута) а(нтропологии и) э(тнографии) Ак(адемии) наук СССР А. М. Астаховой по тем соображениям, что здесь раньше до революции производились записи былин, а после Октябрьской революции поверочных повторных обследований не было.

Каждый фольклорист-собираатель, отправляясь в район обследования, должен отчетливо наметить себе план работы и решить следующие главные вопросы: 1) что он будет собирать, т. е. какие виды и жанры худож(ественного) творчества и в каком объеме, все или некоторые, какие именно; 2) объем распространения записей, т. е. будут ли записи или регистрация производиться сплошь у всего населения, или у отдельных наилучших исполнителей и творцов худож(ественного) фольклора, или у единичных мастеров, уже известных собирателям; 3) степень активности самого собирателя в фольклорной жизни данной местности, т. е. ограничится ли он пассивным наблюдательством или прибегнет к экспериментации над жизнью фольклорных произведений или стимулированию к созданию новых произведений народного творчества.

Предварительное ознакомление с ранее собранным в Зимней Золотице материалом, а также некоторые другие обстоятельства привели меня к постановке своей задачи в следующем виде (по крайней мере на ближайшее время).

1) Произвести запись преимущественно былин, проверив сохранность и видоизменения их у сказителей, отмеченных еще до революции, и отыскать, если есть, новых исполнителей.

2) Составить себе представление о жизни других видов народного творчества путем обследования наиболее известных в районе его исполнителей, т(ак) к(ак) сплошное обследование оказывалось явно недоступным для одного лица и за такой короткий промежуток времени, какой был в моем распоряжении.

3) Отыскать новые виды фольклора советской тематики и оформления, причем предполагалось, что подобные произведения всего легче найти в качестве устных рассказов, преданий, легенд, частушек и т. п.

Подобный план имел крупные недостатки: т(ак) к(ак), с одной стороны, излишне ограничивал меня рамками проверки уже собранного дореволюционными фольклористами, с другой — излишне расплывал внимание по всем видам фольклора и, наконец, отнимал силы и время для выполнения самой главной задачи — отыскания новых видов фольклора, советского фольклора и стимулирования к созданию таких (задача эта не оставялась, но ставилась не на первое место).

---

¹ ГЛМ, ФА, инв. № 9/9. В. П. Чужимов. 6422/1. Авт. 15 л. Народнопоэтическое творчество в с. Зимняя Золотица. Авт. [после 1934 до 1939 г.]. Текст статьи публикуется впервые, воспроизводится по рукописи ГЛМ. Орфография и пунктуация приведены в соответствии с современными правилами, раскрыты сокращения, внесены изменения в оформление рубрик.

В первые же дни своей работы на месте я познакомился с выдающимся художником в области былевой традиции и творчества — Марфой Семеновной Крюковой, у которой обнаружил громадный запас былинного репертуара. Но это не внесло решительных изменений в направление и характер моей работы, что было также крупной ошибкой организационного, а соответственно, и теоретического порядка.

Тем не менее сделанные мною наблюдения и записи имеют, по-моему, некоторое значение для уяснения процессов сохранения и творчества различных видов народной поэзии, а также для осмысления художественной деятельности наиболее значительного явления в нем за последние годы — творчества М. С. Крюковой.

За время с 6/VIII по 6/IX 34 г. мною были опрошены 47 лиц, у которых можно было бы найти знание былин и других видов устного народного творчества, а также наведены справки о всех сказителях, у которых записывал А. В. Марков в 1899—1901 гг., и их потомстве. Материал, записанный за это время, по жанрам распределяется следующим образом: 1) былин — 39 номеров; 2) сказок — 21 номер; 3) причитаний свадебных — 8 номеров; 4) частушек — 55 номеров; 5) песен — 62 номера; 6) духовных стихов — 4 номера. Суммарная характеристика исполнителей и краткая историческая справка о местности дана мною во вступительной заметке к публикации былин в № 2—3 «Советского фольклора» («Новые записи былин в Поморье»). Здесь приведу небольшой обзор по жанрам и исполнителям.

I. **Советский фольклор**, т. е. устные рассказы и предания из эпохи Гражданской войны и социалистического строительства найдены были мною в форме небольших повествований о различных лицах и эпизодах недавнего прошлого, бытующих уже как некоторая устойчивая устная форма и передающихся от одного лица к другому. Подобные исторические предания советской эпохи я записал от Сем(ена) Евд(окимовича) Бабина и Ив(ана) Ег(оровича) Точилова, причем у первого, прекрасного сказочника, они приобрели своеобразную фантастическую расцветку, тогда как у второго более сжаты и реалистичны. Довольно значительный злободневный материал дают частушки. Творческие способности² М. С. Крюковой в области традиционного былевого эпоса открывались мне постепенно, поэтому, быть может, мною и не было сделано попыток к стимулированию у нее былинного творчества на советскую тематику, что выпало на долю уже позднейшим собирателям.

II. Хороший³ песенный репертуар, преимущественно песни любовные и семейно-бытовые песни, отчасти т(ак) наз(ываемый) романс я нашел у 1) Александры и 2) Евдокии Онуфриевых из Нижней Золотицы. Обрядовая и старинная песня хорошо представлена в исполнении 3) Марфы Ефимовны Пономаревой из Нижней Золотицы и 4) у Александры Васильевны Прыгуновой из Верхней Зимней Золотицы.

III. **Частушки**, поющиеся на распространенный мотив, известный от Архангельска до Курска, записаны были мною в колхозной бригаде, на «пóжнях».

IV. **Причитания** свадебного цикла довольно распространены. Хорошо исполняет, по отзывам местного населения, М. С. Крюкова. Предложения об исполнении слышал я и от других женщин. Хорошо их исполнила Бурая Татьяна Пудовна 69 лет из Верхней Золотицы. По отзывам А. В. Маркова, она должна была бы знать былины от своей сестры Анны Пудовны, от которой он записывал былины. Однако мне она отказалась исполнять, ссылаясь на незнание.

V. **Сказки** представляли наиболее распространенный и общедоступный жанр, имевший массу исполнителей. Рассказывание сказок — обычное занятие в часы досуга как у взрослых, так и у детей. Сказку рассказывают на «пóжнях» в дурную погоду или перед сном, на тóнях в промысловых избушках, на кораблях Госзверпрома. Надо сказать, что в то время, в 1934 г., главная популярность 1) М. С. Крюковой строилась именно на ее сказочном репертуаре, который пользовался вниманием в обеих деревнях, на тонях, на

² Зачеркнуто возможности

³ Зачеркнуто богатый

ночевках на тракте. Другим известным сказочником являлся 2) Семен Евдокимович Бабин, бригадир колхозной бригады. Он знает массу прибауток, присказок, но в рассказывании сказок их не употребляет. В его же исполнении я слышал местные исторические предания из эпохи Гражданской войны. Во время рассказывания сказок он прерывает свою речь юмористическими ремарками, отвечает на реплики слушателей и т. п. Удалось записать от него только три сказки волшебного-фантастического характера: «Безручка-незнайка» (Андρ(еев)-Аарне № 706, 532); «Деревянный орел» (№ 575); «Солдат и царская дочь» (№ 854). От него перенимает сказки молодежь: сын его 3) Василий Семенович Бабин и его товарищ 4) Игнатий Федорович Маракүшин: «Вёхорь Вёхоревич» (№ 301). Сатирическая и авантюрная сказка хорошо рассказывается 5) Степаном Тимофеевичем Черемхиным, от которого записаны «Нерассказанный сон» (№ 725); «Ваня-вор» («Сокровища Рампниты» (?) № 950, 1525а); «Два брата Тула и Базанта» (№ 567, 5066); «Про попа» («Попов работник»); То же («Карп Сутулов», «Лутоня»); «Чудесные предметы» (№ 560); «Икона» («Вий» № 307). 6) Федор Тимофеевич Попов относится совершенно скептически к сказкам, как к выдумке. Но зато он мастерски рассказывает книжные повести позднейшей формации и местные золотицкие и архангельские предания: «Про Ракчеева» (пересказ семейной истории Аракчеева: его женитьба на крепостной женщине, убийство ее и т. п.); «Купец Соснин» (местное архангельское предание о вынужденной зимовке промышленников на необитаемом острове в Ледовитом океане); «Корняев». От него же записаны были менее оформленного характера: про попытку англичан высадить десант в Зимней Золотице в 1854 г. и предания о Степане Разине, также песня «Казнь Степана Разина» («Точно море в час прибоя»). 7) Хорошо рассказывает сказку для детей Наталья Тимофеевна Попова, урожд. Пономарева, дочь былинщика Тим(офея) Фед(оровича) Пономарева («Царевна лягушка») (как на хороших сказочников указывали еще: Гавр(ило) Бурый и Седунов Андρ(ей) Викуль-ев(ич)).

VI. **Былины.** Предварительное до поездки ознакомление с былинным материалом из Зимней Золотицы и смежных районов давало картину исключительно интересную во многих отношениях.

Еще, вероятно, до 70-х гг. XIX в. здесь были произведены записи Розановым и Никольским (см. Ефименко «Этнографические материалы по Архангельской губ(ернии)»). Былины, особенно из Мезени, записанные Никольским, отличаются: 1) наличием уникальных, не встречающихся в других районах сюжетов («Бой Ильи и Добрыни», «Женитьба Добрыни», «Глеб Володьевич» и т. п.); 2) свободным отношением сказителей к сюжетам, частым *стяжением* двух и нескольких былин в одну, причем подобная контаминация носит не механический, а творческий характер, приближаясь к *своду* нескольких былинных сюжетов в один, при одновременном широком использовании каких-то книжных источников.

Такова, напр(имер), былина об Алеше Поповиче и Илье Муромце (записанная в Мезени), представляющая сложную контаминацию сюжетов о бое Ильи с сыном, Ильи с Добрыней, фрагменты былинных мотивов из семейной жизни⁴ Ильи Муромца, отголоски наконец «Богатырского слова» («Сказание о 7 киевских богатырях, как ходили на Царьград»).

Позднейшие записи А. В. Маркова в 1899—1900 гг., а потом его же совместно с Масловым и Богословским еще более усиливали впечатление исключительного своеобразия местного былинного творчества, на что указывало:

1) наличие в одном только пункте, в одной деревне 24 былинных исполнителей — такого обилия былинщиков из одной местности не знал до этого ни один район;

2) чрезвычайно богатый репертуар отдельных исполнителей, из которых особенно выделялось мастерство Аграфены Матвеевны Крюковой, знавшей больше 60 номеров былин — количество, совершенно неизвестное другим исполнителям (лучшие сказители Онежского, Пинежского и др. районов знали 15—25 былин);

⁴ Зачеркнуто биографии

3) рядом с количественным размахом творчество Агр(афены) Матв(еевны) Крюковой и отчасти тогда уже ее дочери Марфы Семеновны отличалось: а) свободным отношением к стиху, былинному тексту (что, б(ыть) м(ожет), и стояло в связи с обилием сохраняемых сюжетов), б) внесением в былинный репертуар⁵ произведений другого жанра, особенно сказки и исторической песни; таковы, напр(имер), в записях 1899—1901 гг. — «Ждан-царевич», «Купеческая дочь и царь», «Шведская война», «Семейная жизнь Петра I».

Использование сказочных сюжетов в былине, былинное оформление исторической песни в отдельных случаях имело место в записях из Онежского края и в Печорских былинах, но в Беломорских былинах подобное явление становилось почти закономерностью, мимо чего совершенно прошли без внимания дореволюционные фольклористы.

Эти особенности былинного мастерства подтвердились в той или иной форме и в моих наблюдениях 1934 г. Но вследствие недостатков организационно-методологического порядка я не смог сделать и более широких выводов, которые заново бы перестроили уже расшатанное традиционное представление о былевом эпосе. В общем, в количественном отношении: во-первых, былинное мастерство района как будто бы ослабело, уменьшилось количество былинщиков, т(ак) ск(азать), «нижней и средней квалификации», но зато, во-вторых, оказались налицо выдающиеся мастера былинного исполнения и творчества, как напр(имер), М. С. Крюкова. С качественной же стороны материал оказался особенно любопытным, представляя картину своеобразного видоизменения былин и широкого размаха былинного мастерства (новые былины: «Гарвес», переход сказки в былинку: «Иван крестьянский сын» и т. п.). Недостаток времени и слабая теоретическо-организационная подготовка не дали мне возможности записать от М. С. Крюковой былины уже новой советской тематики, чем окончательно было бы утверждено первенство этого района как выдающегося по количественному и качественному признаку среди других областей РСФСР.

А. В. Марковым в 1899—1901 гг. были зарегистрированы 24 былинщика, из них подверглись записи 11 человек, преимущественно из зажиточного слоя деревни.

Во время поездки 1934 г. я никого из сказителей, за исключением М. и П. Крюковых, зарегистрированных или обследованных Марковым, не застал. Однако сохранились лица, унаследовавшие материал старых былинщиков или воспринявшие его от других лиц, не зарегистрированных Марковым. Сопоставляя свои наблюдения с записями, произведенными Марковым, находим, (что) сохранилось знание былин:

I. От Федора Тимофеевича Пономарева осталась дочь его 1) Наталья Федоровна Попова, знающая былины, но с трудом соглашающаяся на записи. Кроме того, кое-что помнит племянник его 2) Денис Павлович Бурый, не упомянутый у Маркова.

II. От Аграфены Матвеевны Крюковой, Гаврилы и Василия Леонтьевичей Крюковых остались дочери А(графены) М(атвеевны): 1) Марфа Семеновна и 2) Павла Семеновна. Марфа Семеновна сохранила и приумножила богатый былинный запас, доставшийся от матери и деда. Павла Семеновна, несомненно, знает былины, о чем указывал Марков; мне она также говорила, что знает былины, но петь их отказать.

III. От Точиловой Марьи Сергеевны остался ее племянник 1) Иван Егорович Точилон, усвоивший знание былин, однако не от Марьи Сергеевны Точиловой, а от матери и товарищей по работе.

Кроме Натальи Федоровны Поповой, Марфы Семеновны Крюковой, Ивана Егоровича Точилова, Дениса Павловича Бурого, лиц, перенявших былины от сказителей, обследованных Марковым, былины знает 1) Тит Егорович Точилон, перенявший их от Дмитрия Федоровича Лыткина, живущего в Инцах.

Не сохранили знания былин нижеследующие лица, лично мною опрошенные или обследованные по справкам через других лиц:

⁵ В ркп. далее зачеркнуто былинной переработкой

1) От Аграфены Матвеевны Крюковой и Василия и Гаврилы Леонтьевича Крюковых — дочь Агр(афены) Матв(еевны)⁶ — Серафима Семеновна Крюкова, живущая в Верхней Золотице.

2) От Фед(ора) Тимоф(еевича) Пономарева — сыновья: Александр Федорович и Василий Федорович, живущие в Верхней З(имней) Золотице.

3) От Власа Ив(ановича) Чекалева — дочери: Анна Власовна Бурая, Анна Власовна Шумилова, Марья Власовна Точилова, живущие в Верхней З(имней) Золотице.

4) От Бурой Анны Пудовны — сестры: Татьяна Пудовна, отказавшаяся исполнять былины, но хорошо исполнявшая плачи; Наталья Пудовна Точилова и сын Ан(ны) Пудовны Иван Павлович Бурый; все в Верхней З(имней) Золотице.

5) От Лыткиной Анны Ивановны, исполнявшей былины вместе с Бурой Анной Пудовной, — сын Константин Васильевич Бурый, живущий в Инцах.

6) От Седунова Федора Парфеновича — сын Андрей Федорович Седунов и внук Иван Андреевич, живущие в Верхней З(имней) Золотице.

7) От Прыгунова Ивана Прокофьевича — дочь Прасковья Ив(ановна) Прыгунова, живущая в Кегозере.

8) От Марьи Сергеевны Точиловой — племянники: Илья Егорович, жив(ущий) в Верхней З(имней) Золотице, и Михаил Егорович, живущ(ий) в Шалыге.

9) От Голубиной Александры Титовны — сын Василий Федорович Голубин, жив(ущий) в Нижней З(имней) Золотице.

10) От Поповой Дарьи Андреевны — дочь ее, Любовь Павловна, живущая в Архангельске.

11) От Лыткиной Настасьи Андреевны — сын Иван Федорович Лыткин и дочь Марфа Федоровна Пономарева, сообщившая песни.

12) От Спинова Ив(ана) Вас(ильевича) — сыновья: Гаврил Ив(анович), Семен Ив(анович), Михаил Ив(анович), живущие в Верхней З(имней) Золотице.

13) От Точилова Малафея Васильевича — сын Иван Малафеевич, живущий на озерах.

О нижеследующих лицах, точнее об их потомстве, сведений установить не удалось: Василий Федорович Онуфриев, Тимофей Сергеевич Стрелков, Дорм(идонт) Ив(анович) Пономарев, Григ(орий) Степ(анович) Прыгунов, Фед(ор) Ант(онович) Седунов.

Т(аким) обр(азом), кроме Марфы Семеновны Крюковой, былины мною были записаны от Натальи Федоровны Поповой, Дениса Павл(овича) Бурого, Ивана Егоровича Точилова и Тита Егоровича Точилова. Степень сохранности текста у них различная — от забвения и распада его в побывальщину до творческого переоформления и разрастания.

1) Денис Павлович Бурый, 70 лет, рабочий рыболовческого хозяйства. Знание былин усвоил от дяди, Федора Тимофеевича Пономарева. Он страстный любитель местной старины и исторических преданий; былин никогда до записи не исполнял в широком кругу, а лишь слушал и пропевал про себя. От него были записаны: 1. «Камьско побоишшо»; 2. «Исцеленье Ильи Муромца и бой с Соловьем-разбойником»; 3. «Бой Ильи Муромца с Добрыней Никитичем». Он пытался петь былины, но не смог. Текста былин полностью не знает, от стихов скоро переходит к устному рассказу, который преобладает над стихами. От него же были записаны местные предания и легенды: 1. «Наживальщик и Оника» (вариант «Оника и смерть»); 2. «Монастырская гора» (в Нижней З(имней) Золотице); 3. «Самсоново озеро».

2) Иван Егорович Точилон, лет 45, грамотный, рабочий в рыбартели, раньше был батраком, матросом и т. п. От него записаны: 1. «Камьско побоишшо», перенята от работницы Евдокии Гавриловны Бурой во время рыболовного сезона; 2. «Бой Ильи Муромца и Добрыни Никитича» (сконтаминированный с боем Ильи и Подсокольника: Добрыня оказывается сыном Ильи), перенял от матери Анны Афанасьев-

⁶ Вычеркнуто имя П. С. Пахоловой.

ны Точиловой; 3. «Отбитие англичан от Соловецкого монастыря в 1854 г.» — историческая солдатская песня, слышанная до революции в монастыре; 4. Песня «Здунай», исполнялась раньше в качестве величальной для судовладельцев после окончания постройки судна. Иван Егорович Точилон текст былин забывает, но не в такой мере, как Денис Павлович Бурый. Прозаические отрывки по количеству гораздо меньше стиховых. Стих Ив(ан) Ег(орович) вспоминает с трудом, но обязательно добивается точной его передачи, как слышал, т. е. относится к нему приблизительно так же, как мы относимся к тексту короткой хоровой песни или романса, избегая импровизации. Тексты он довольно хорошо исполняет в пении. К былине он относится с любовью и интересом, но петь стесняется.

3) Наталья Федоровна Попова, дочь Федора Тимоф(еевича) Пономарева, 50 лет. Исполнять былины отказывалась, ссылаясь на то, что «грех». Исполняет сказки и былины для детей. Удалось записать только одну очень распространенную былинно-балладу «Моряночка». Сохранность текста хорошая, исполнение совершенно свободное.

4) Тит Егорович Точилон, 40 лет, грамотный единоличник. От него записаны: 1. «Добрыня и Аляша» («Добрыня на свадьбе жены»); 2. «Женитьба Владимира». Исполняет он их в пении совершенно свободно, сохранность стиха такая же, как у Натальи Федоровны Поповой, тексты былин несколько укорочены и психологизированы по содержанию. Исполняет он былины самому себе, как лирическую песню, б(ольшей) ч(астью) во время рыбной ловли. Перенял былины от Лыткина Дмитрия Федоровича из Инцов, у которого был работником. Былинные тексты он записывает, но записей своих он не показал. Кроме сказанных мне знает еще: 3. «Бой Ильи Муромца с Соловьем-разбойником»; 4. «Святогор и Илья Муромец»; 5. «Садко».

5) Марфа Семеновна Крюкова. А. В. Марков о ее исполнении отзывается так: «Напевы и текст неустойчивы и страдают отсутствием определенного размера; подчас казалось, что в данный момент она сочиняет старину и укладывает ее в первый попавшийся напев, б(ыть) м(ожет), ею сочиненный или заимствованный из другой былины». То, что Марков считал недостатком в исполнении М. С. Крюковой, оказалось той силой, на основе которой была сломана косность былинной традиции и вместо «исполнения» получилось творческое видоизменение былин, а в дальнейшем на основе богатейшего былинного запаса — создание новых советских былин и сказаний. О творческих способностях Марфы Семеновны я услышал еще на пароходе на пути из Архангельска в Зимнюю Золотицу. На нее же все указывали в один голос как на прекрасную сочинительницу, но при этом подчеркивалось гл(авным) обр(азом) ее умение выступать с плачами и мастерство сказочницы. Былинами ее местное население, видимо, мало интересовалось; такое же отношение я встретил и в семье.

При первой же записи былин 7/VIII 1934 г. («Князь Михайло») я был сразу же поражен размером текста, свободным отношением к стихотворному размеру, детальностью бытовой разработки, психологизацией мотивировки действия, которые развернулись передо мною. Эта былина была, по словам М. С. Крюковой, ее любимым произведением. В замечаниях при исполнении она подчеркивала, что несчастья, обрушившиеся на жену князя Михайлы, объясняются тем, что она была «роду простого». В пении она переходила от одного размера к другому, чередуя былинный напев с напевом духовных стихов, а в заключительных стихах переходя на причет. Повесть, духовный стих, песня-баллада, причитание, былина — вот те жанровые стихии, из которых соткано это произведение, причем все это сделано таким образом, что былина все же явно преобладает над всем, выступает как организующее начало и в результате получается нечто: 1) единое, 2) новое, своеобразное.

Вначале я не стеснял Марфу Семеновну выбором темы, предоставляя ей самой устанавливать порядок следования былинных сюжетов. Впоследствии из-за недостатка времени я стремился исчерпать ее репертуар гл(авным) обр(азом) 1) относительно репертуара Агр(афены) Матв(еевны) Крюковой и Гавр(илы) Леонтьев(ича) Крюкова, 2) отбирая преимущественно историко-героические сюжеты. Тем не менее окончательное слово всегда принадлежало М. С. Крюковой. Помещаю список записанных мною

тогда были в том порядке, в кот(ором) следовали записи, с указанием количества стихов или листов и местопребывания рукописи.

- 1) «Князь Михайло и его жена» (924 стиха), напечатана в «Советском фольклоре». № 2—3.
- 2) «Соловей Будимирович» (ок(оло) 1500 ст(ихов)), утеряна.
- 3) «Глеб Володьевич» (ок(оло) 400 ст(ихов)), утеряна.
- 4) «Вольга Святославевич» (ок(оло) 150 ст(ихов)), передана проф. Ник(олаю) Петр(овичу) Андрееву.
- 5) «Марута Богуслаевна» (не окончена), утеряна.
- 6) «Святогор и Илья Муромец» (ок(оло) 400 ст(ихов)), утеряна.
- 7) «Ссора Ильи Муромца с Владимиром» (Калин-царь) (ок(оло) 500 ст(ихов)), утеряна.
- 8) «Добрыня и Змей», утеряна.
- 9) «Вахрамей и Марфа Митревна» (ок(оло) 600 ст(ихов)), утеряна.
- 10) «Исцеление Ильи Муромца и бой его с Добрыней» (ок(оло) 500 ст(ихов)), утеряна.
- 11) «Бой Ильи Муромца с Подсокольниковым» (ок(оло) 300 ст(ихов)), утеряна.
- 12) «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (ок(оло) 300 ст(ихов)), утеряна.
- 13) «Василий Буслаевич» (ок(оло) 500 ст(ихов)), утеряна.
- 14) «Инок и смерть», дух(овный) стих (ок(оло) 50 ст(ихов)), утеряна.
- 15) «Василий пьяница» (ок(оло) 500 ст(ихов)), утеряна.
- 16) «Захар Чернышов», истор(ическая) песня (ок(оло) 150 ст(ихов)), передана А. Лозановой, сотр(уднице) И(нститута) а(нтропологии и) эт(нографии).
- 17) «Муж-разбойник», песня, утеряна.
- 18) «Женитьба Добрыни» (ок(оло) 600 ст(ихов)), утеряна.
- 19) «Добрыня и Алеша» (ок(оло) 500 ст(ихов)), утеряна.
- 20) «Михайло Игнатьевич» (ок(оло) 400 ст(ихов)), утеряна.
- 21) «Иванушко Гоненович» (ок(оло) 300 ст(ихов)), утеряна.
- 22) «Сорок калик со каликою» (ок(оло) 300 ст(ихов)), утеряна.
- 23) «Соломон и Иван Микульевич» (869 ст(ихов)), пересылается.
- 24) «Гарвес» (2165 ст(ихов)), напечатана в «Советском фольклоре». № 2—3.
- 25) «Стих о смерти», духовный стих, утеряна.
- 26) «Моряночка» (234 ст(иха)), пересылается, копия есть в архиве фольклорной секции И(нститута) а(нтропологии и) эт(нографии).
- 27) «Орсенко» (680 стих(ов)), пересылается.
- 28) «Осада Соловецкого монастыря в 1668 году» (504 ст(иха)), пересылается.
- 29) «Отбитие англичан от Соловецкого монастыря» (52 ст(иха)), пересылается.
- 30) «Три поездки Ильи Муромца» (547 ст(ихов)), пересылается.
- 31) «Женитьба Владимира» (1389 ст(ихов)), пересылается.
- 32) «Садко» (834 ст(иха)), пересылается.
- 33) «Иван-крестьянский сын», сказка-былина, пересылается.
- 34) «Алеша Попович и братья Збродовичи» (240 ст(ихов)), пересылается.
- 35) «Алеша Попович и сестра. Бой с Идолищем» (387 ст(ихов)), пересылается.
- 36) «Турицы» (96 ст(ихов)), пересылается.
- 37) «Оника-воин», дух(овный) стих (139 ст(ихов)), пересылается.
- 38) «Ногай-птица», сказка, пересылается.

Кроме того, были прослушаны: «Муромская легенда» («Сказание о Петре и Февронии»), «Битва русских с кабардинцами», фрагменты из «Александрини».

Общую, далеко не исчерпывающую характеристику мастерства М. С. Крюковой в области былинного эпоса дала А. М. Астахова в вводных замечаниях к публикации былин в «Советском фольклоре». № 2—3.

Не касаясь новых видов творчества Крюковой, суммируем некоторые предварительные итоги из наблюдений над былинами, сказками и песнями Крюковой.

1. В былинах преобладает бытовой и психологический жанр над героическим. Это проявляется:
  - а) в преобладании былин новеллистического типа над воинскими;
  - б) в воинских, героических былинах преобладают преимущественно былины, в основе которых лежат, собственно, семейно-бытовые сюжеты: «Женитьба Владимира», «Глеб Володьевич», «Вахрамей и Марфа Митревна» и т. п.;
  - в) героические былины с семейно-бытовым сюжетным стержнем, а также т(ак) наз(ываемые) былины-новеллы являются и наиболее разработанными по размерам и в деталях. Напр(имер): «Женитьба Владимира» — 1389 стихов, «Соловей Будимирович» — 1500 стихов, в то время как «Вольга Святославич» — 150 стихов, «Бой Ильи с Подсокольников» — около 300 стихов и т. д. Песни-баллады, превращаясь в былины с психологически-бытовым содержанием, разрастаются до больших произведений, напр(имер) былина «О князе Михайле и жене» — 964 стиха. Последнее явление встречается, напр(имер), не всегда и, напр(имер) «Моряночка», обычно короткая баллада-былина так и остается на уровне 230 стихов, то же «Алеша и братья Эбродовиичи» — 240 стихов.
2. В тех случаях, когда сюжет подвергается разрастанию и детализации, в былине проявляются следующие характерные особенности, идущие в том же плане психологизма и бытовизма:
  - а) былина увеличивается до очень больших размеров, почти неизвестных прежним былинщикам: «Соловей Будимирович» — 1500 стихов, «Женитьба Владимира» — 1389 ст(ихов), Гарвес — 2165 ст(ихов);
  - б) развитие действия осложняется несущественными событиями (встречи, приветствия, отдых, пиры и т. п.), замедляющими движение рассказа (см., напр(имер), «Женитьба Владимира»);
  - в) наряду с этим усиливаются элементы тщательных развернутых детальных описаний обстановки, портрета и т. п. и психологической мотивизации поступков героев (см. такие былины, как «Женитьба Владимира», — тщательно разработанный портрет Апраксеи; «Князь Михайло» — психологизация образа жены князя Михайла). Получается, в сущности, уже не былина-новелла, а былина-повесть — жанр, близкий к поэме, к роману в стихах.
3. Другая черта, сопутствующая бытовизации и психологизации былинного репертуара и отдельных былин, — включение в былинную авантюрно-романтического сюжета (с сохранением в тексте былины тех же черт бытового и психологического расцветивания сюжета и образов). Ярким примером может служить «Гарвес», а также «Женитьба Пересмякина племянника», «Глеб Володьевич» и т. п. Явление это отмечалось и раньше, у других сказителей.
4. Отметим наиболее существенную черту у М. С. Крюковой, обусловившую дальнейшее ее движение в направлении к самостоятельному творчеству. Это — свободное отношение к фольклорной традиции, широкое использование многообразных форм ее для создания новых произведений, сперва в рамках старой былины, а затем новой советской былины-поэмы. Разнообразные проявления в этой области сводятся к следующему:
  - а) свободное отношение к напеву и стиху; напев не прикрепляется к сюжету, вообще он делается несущественным, хотя сохраняет значение как организующее начало стиха. Стих делается свободным, М. С. Крюкова не вспоминает стих, а сочиняет, стих перестает быть традиционной формулой, а становится средством построения сюжета и образа;

б) свободное отношение к былинной тематике и сюжетам вместе с широким включением фольклорных жанров и их переработкой в былинку; М(арфа) С(еменовна) берет не обязательно былинку, можно взять сказку, можно и непосредственно вычитанный из книги рассказ, а затем уже это перерабатывается в своеобразную былинную повесть.

Подобные явления для русского былевого эпоса не случайность. Уже установились и стали традиционными сюжеты книжного происхождения:

- 1) старой формации из древней литературы, (такие) как апокрифы, жития (см. «Соломан и Иван Микульевич», «Сорок калик со каликою», «Михайло Игнатъевич» и др.);
- 2) более поздней — авантюрно-романтической — «Женитьба Пересмякина племянника»; в беломорских былинах и у М. С. Крюковой это особенно проявляется;
- 3) точно так же не новость былинная переработка исторической песни и предания («Михаил Скопин»; «Бутман» у Агр(афены) Матв(еевны) Крюковой — «Шведская война», «Семейная жизнь Петра I» и т. п.);
- 4) встречались и раньше отдельные переработки сказок в былинку. У Агр(афены) Матв(еевны) — «Ждан-царевич», «Купеческая дочь и царь». Для Марфы Семеновны особенно характерно включение в былинку пересказов книжных сюжетов и широкое использование сказки и плача.

Записывая от нее сказку «Иван крестьянский сын», я скоро заметил, что М. С. Крюкова переходит от прозаического рассказывания к стихотворному, ритмическому. Я обратил ее внимание на это, она ответила, что так ей удобнее говорить, и вот в результате получилась сказка-былина. В стихи она облакала даже бытовой разговор со мною.

При записывании былины о «Князе Михайле» М(арфа) Сем(еменовна) Крюкова нечувствительно переходила к форме д(уховного) стиха и плача.

При всем этом доминирует над всеми привлекаемыми жанрами все же былинный жанр в его сказовом оформлении.

Обычно старая фольклористика утверждала, что 1) былина, деградируя, переходит в побывальщину и сказку и что 2) потеря чувства былинного традиционного стиха — признак упадка былины. На примере М. С. Крюковой можно утверждать обратное: 1) она сказку, плач, рассказ превращает в былинку, 2) свободное отношение к традиционным формам сюжета, жанра и стиха становится средством для нового расцвета нового жанра, близкого к былине. Во всяком случае ни о каком упадке былины не может быть и речи, дело идет как раз о новом подъеме и расцвете былинного творчества.

Огромный запас, усвоенный фольклорной и смежной традициями, с одной стороны, и смелое свободное использование ее для создания нового, с другой — вот две основные силы, поставившие М. С. Крюкову в ряды выдающихся мастеров устного народного творчества. Переключение ее на современную советскую тематику составило дальнейший этап на пути ее развития. В этом отношении главнейшие заслуги принадлежат последующим собирателям и исследователям ее творчества, работавшим по записыванию былин и сказаний и помогавшим ей в оформлении ее в подлинного народного поэта.

Заканчивая этот маленький очерк, я хочу только обратиться ко всем собирателям и исследователям с призывом не ограничиваться культивированием творчества М. С. Крюковой, а обратить свое внимание и на другие районы нашего Советского Союза, на других певцов, былинщиков, сказочников, из которых могут в ближайшее же время создаться первоклассные художники слова и поэты в области сказок, былин, народных поэм и т. п.

А. М. АСТАХОВА, Э. Г. БОРОДИНА-МОРОЗОВА,
Н. П. КОЛПАКОВА, Н. К. МИТРОПОЛЬСКАЯ

БЫЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ ПЕЧОРЫ И ЗИМНЕГО БЕРЕГА В ПОСЛЕДНЕЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЕ (РАЗДЕЛ 5)*

Подобно Печоре, Зимний берег в качестве одного из главнейших очагов былинного сказительства на Севере был открыт в 1900-е гг. Правда, первые записи эпоса здесь были сделаны еще раньше, в 70-е гг. XIX в. И. Розановым и опубликованы в «Материалах» П. С. Ефименко,¹ но их было всего несколько,² и Зимний берег как хранитель богатого эпического наследия стал известен лишь после опубликования «Беломорских былин».³

Зимний берег — это восточное побережье Белого моря. В северной части его, там, где начинается горло Белого моря, соединяющее это море с Баренцевым, находится село Зимняя Золотица, состоящее из двух поселков, на расстоянии примерно 8 км один от другого: Нижняя Золотица — у самого моря при впадении в него речки Золотицы и Верхняя Золотица — выше по речке.

Поселения эти возникли не ранее XVI в. и были основаны, как и селения средней Печоры, выходцами из новгородских земель. Книга Большого Чертежа, упоминающая «град Пустоезеро», основанный в 1499 г., не указывает ни одного поселения на всем протяжении Зимнего берега (Записки Русского Географического общества. Т. 7. С. 203—204, 232). Отмечая это, А. В. Марков пишет: «... возможно, что села Золотицы не было и в XVI—XVII вв., так как Книга составлена на основании грамот именно этого времени. По преданиям крестьян, Золотицу основали „новгородцы“, которые переселялись туда „отовсюль“; некоторые семьи выводят своих родоначальников из Новгорода и с берегов Двины».⁴ Эти предания сохранились и до нашего времени. Так, сказительница Марфа Семеновна Крюкова вела свой род от прапрадеда Михайла Крюкова, пришедшего на Зимний берег из Новгорода с промысловой артелью и поселившегося в Золотице навсегда.⁵

О Золотице как новгородском поселении пишет и П. С. Ефименко: «Нынешние жители Золотицы, потомки новгородцев... поселились сюда или сами для промысла дорогих пушных и морских зверей, или переселены сюда для той же цели новгородскими боярами, как крепостные, или, всего вероятнее, предки зо-

* Фрагмент статьи воспроизводится по изданию: Былины Печоры и Зимнего берега : (Новые записи) / АН СССР; Ин-т рус. яз. (Пушкинский Дом). М.; Л., 1961. С. 9—43.

¹ Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1877—1878 (в дальнейшем: Ефименко).

² Былины в записи Вл. Розанова перепечатаны, см.: Тихонравов Н. С., Миллер В. Ф. Русские былины старой и новой записи. М., 1894. Отд. II. № 5, 15, 32, 49, 67 и № 44. С. 283.

³ Марков А. В. Беломорские былины. М., 1901 (в дальнейшем: Марков).

⁴ Марков. С. 8, сн. 5.

⁵ Марфа Крюкова. На Зимнем берегу, у моря Белого. Зап. летом 1939 г. Э. Бородина-Морозова. Архангельск, 1940. Гл. I (в дальнейшем: Марфа Крюкова).

лотичан убежали из Новгорода на Зимний берег, потому что не захотели покориться власти князей московских».⁶

Местоположение Зимней Золотицы определило основной характер хозяйственной деятельности жителей — рыбный и зверобойный промыслы, что продолжает вместе с животноводством составлять главное содержание местных коллективных хозяйств. Этот характер деятельности золотичан, а также удаленность Золотицы от культурных центров⁷ обусловили многие своеобразные черты быта и народной поэтической и музыкальной культуры, в частности, длительное живое бытование здесь героического эпоса.⁸

Когда московский студент А. В. Марков в 1898 г. впервые приехал в Золотицу записывать былины, его поразило обилие былинных сюжетов и число сказителей. В первый свой приезд Марков записал всего пять былин у сказителя Гаврилы Леонтьевича Крюкова, но уже в следующем 1899 г. он произвел записи всех остальных былин, вошедших в его сборник «Беломорские былины».⁹ В 1901 г. А. В. Марков еще раз побывал на Зимнем берегу совместно с А. Л. Масловым и Б. А. Богословским, главным образом для того, чтобы записать на фонограф напевы золотичских былин (а также других песенных жанров). Собираателями тогда же было дополнительно записано 15 былинных текстов.¹⁰

Всего в те годы в Золотице было записано 90 собственно былин, 11 баллад, около 25 переложенных в былинную форму сказок, лубочных повестей, исторических песен и духовных стихов, а также несколько небылиц и пародий. Уже тогда выявилась характерная для Золотицы тенденция — перекладывать в былины сюжеты других жанров и создавать новые эпические произведения по мотивам былин и сказок, тенденция, которая нашла столь гипертрофированное выражение в последующем творчестве Марфы Крюковой. Весь этот количественно большой, разнообразный и сложный по своему составу репертуар записан был от сравнительно небольшого числа сказителей (11). Но А. В. Марковым был составлен еще список тех сказителей, от которых ему по разным обстоятельствам не удалось записать былины. Таковых оказалось 13. Уже приведенные цифровые данные свидетельствуют о богатой и получившей широкое распространение в Золотице эпической традиции на грани двух веков, особенно если мы учтем, что в двух селах Золотицы насчитывалось тогда всего около 170 дворов. А. В. Марков отметил самое живое еще бытование эпоса в повседневной жизни золотичан.¹¹

Большинство эпических произведений разнородного характера (примерно около трех четвертей) было записано в семье сказителей Крюковых. Для записи пели: Гаврила Леонтьевич Крюков (1824—1913), невестка его покойного брата Аграфена Матвеевна Крюкова (1855—1921) и ее старшая дочь Марфа Семеновна Крюкова (1876—1952). Тогда же Марков установил, что и вторая дочь Аграфены Матвеевны, Павла Семеновна Крюкова (1879—1946), знала много былин, «перенявши их от своего деда». Собиратель указывает, что Аграфена Матвеевна даже переняла от дочери Павлы две былины: «Илья Муромец и разбойники» и «Мать и дочь в татарском плену».¹² Однако Маркову не удалось записать от Павлы Крюковой ни одной старины. По словам Маркова, П. С. Крюкова (в замужестве Пахолова) тогда постеснялась их петь собирателю.¹³

⁶ Ефименко. Ч. 1. С. 10.

⁷ Связь Золотицы с Архангельском и сейчас затруднена, поддерживается летом только водным путем — частыми рейсами парохода, зимой — санным путем по берегу или вдоль берега.

⁸ См. об этом: Марков. С. 7—12; Труды Музыкально-этнографической комиссии. М., 1905. Т. 1. С. 7—8 (в дальнейшем: Труды комиссии).

⁹ См.: Марков. С. 25: «Роспись дней, в которые записаны старины».

¹⁰ Труды комиссии. С. 31—94.

¹¹ Марков. С. 8—23.

¹² Там же. С. 23, былины № 45 и 57.

¹³ Впоследствии П. С. Пахолова так и не вспомнила этих былин.

Марков также отметил, что свекор Аграфены Матвеевны, Василий Леонтьевич Крюков (1817—1895), знал былины, но его А. В. Марков уже не застал в живых. Память об этом сказителе сохранилась и через пятьдесят лет после его смерти. Г. М. Плакуев из Нижней Золотицы (1868—1945) вспоминал о Василии Леонтьевиче как о самом замечательном сказителе, которого он слышал в дни своей молодости. «Все они хорошо пели, — говорил он о Крюковых, — и Гаврило, и Василий, и сын его Семен Васильевич».

Былинный репертуар рода Крюковых не только обширен, но и сложен по своему составу. Особенно это следует отнести ко второму и третьему поколению сказителей этого рода. Старики Крюковы — Василий Леонтьевич и Гаврило Леонтьевич — целиком принадлежали к исконной традиции Зимнего берега. С появлением в семье Крюковых «терчанки» Аграфены Матвеевны был внесен в эту семью весь запас старин, усвоенных ею на родине. В сказительстве Аграфены Матвеевны скрестились, таким образом, традиция, привезенная ею с Терского берега, и местная, усвоенная ею от стариков Крюковых. Обладая большим даром импровизации, Аграфена Матвеевна вносила также в перенятые ею былины новые, придуманные ею подробности, по-иному пересказывая отдельные эпизоды, а также охотно перекладывала в былинную форму исторические песни и сказочные сюжеты. Вместе с тем в ее былинном творчестве явственно влияние книжных источников, сказавшееся, может быть, еще на родине, но главным образом, по-видимому, уже в семье Крюковых: дочери Аграфены Матвеевны — Марфа и Павла, с самого раннего детства перенимавшие у матери и дедов былинное мастерство, иногда пересказывали матери былины, вычитанные из книг.¹⁴

Дальнейшая судьба столь живой еще в 1900-е гг. эпической традиции Зимнего берега в течение 30 с лишним лет оставалась неизвестной. Только в 1934 г. по совету А. М. Астаховой поехал в Золотицу аспирант Ленинградского государственного университета В. П. Чужимов. Тогда-то и обнаружилось, что старшая дочь Аграфены Крюковой Марфа Семеновна, от которой А. В. Марков в свое время записал 7 былин, владеет почти всем сюжетным составом русского героического эпоса и пересказывает былины чрезвычайно своеобразно, развертывая традиционное содержание новыми эпизодами, традиционные эпизоды — дополнительными деталями.¹⁵ В. П. Чужимов не мог исчерпать в свою поездку всего былинного репертуара М. С. Крюковой, но записал от нее довольно большое число былин.¹⁶

Вслед за Чужимовым, когда оказалось, что по болезни он не сможет продолжить начатую им работу, от М. С. Крюковой в 1937—1939 гг. был записан весь ее эпический репертуар вместе с целым рядом новых стихотворных повествований, которые она в это же время стала складывать.¹⁷

¹⁴ А. В. Марков говорил в свое время С. Шамбинаго, что он видел в семье Крюковых печатный сборник былин (*Шамбинаго С. Песни времени Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914. С. 126*). Впоследствии выяснилось, что это была хрестоматия А. Оксенова «Народная поэзия». О книжных истоках некоторых былин А. М. Крюковой см.: *Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948. С. 290, 320—322* (в дальнейшем: Астахова. 1948).

¹⁵ См. первый отклик на записи В. П. Чужимова: *Астахова А. М. 1) К новым записям былин в Поморье // Советский фольклор: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1936. № 2—3; 2) Беломорская сказительница М. С. Крюкова (Там же. М.; Л., 1939. № 6).*

¹⁶ Сколько — точно неизвестно. В Рукописное хранилище Фольклорной комиссии Института этнографии В. П. Чужимовым было передано вскоре по возвращении 10 былин (хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, р. V, кол. № 90). Две из них были опубликованы (*Советский фольклор. № 2—3*). Часть записей пропала в студенческом общежитии во время тяжелого заболевания собирателя. В 1939 г. собиратель прислал некоторые сохранившиеся у него записи в Гос. Литературный музей вместе с очерком «Народнопоэтическое творчество в с. Зимняя Золотица» (Гос. Лит. музей, инв. № 9, п. 1) (в дальнейшем: Чужимов. Очерк).

¹⁷ Запись былин производили А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова и Р. С. Липец. Опубликованы два тома записей Э. Г. Бородиной-Морозовой и Р. С. Липец (Былины М. С. Крюковой / Изд. Гос. лит. музея. М., 1939. Т. 1; М., 1941. Т. 2). Записи А. М. Астаховой находятся в Архиве Рукописного отдела Пушкинского Дома, р. V, кол. № 90.

Работа с М. С. Крюковой, хотя в какой-то мере и отодвинула на второй план задачу всестороннего обследования судеб золотичкой традиции, однако совсем не сняла ее. В. П. Чужимов опросил 47 лиц, у которых можно было ожидать найти знание былин и других видов народного творчества, а также навел справки о всех сказителях, у которых записывал А. В. Марков, и об их потомстве.¹⁸ Попутно с записью былин от М. С. Крюковой он записал еще несколько (не больше 6—8) былин от 4 сказителей. Из этих записей сохранились только две, которые мы и публикуем в настоящем издании (№ 141, 142), но о качестве всех записанных им текстов имеется общее суждение собирателя: «Степень сохранности текста у них различная, от забвения и распада его в побывальщину до творческого переоформления и разрастания».¹⁹

Дальнейшие наблюдения над состоянием былинной традиции в Золотице и записи былин от других сказителей, помимо Марфы Крюковой, производились участниками экспедиций Фольклорной комиссии Института этнографии Академии наук СССР в 1937 г. и Государственного литературного музея в том же году, а затем Э. Г. Бородиной-Морозовой, приезжавшей в Золотицу на короткие сроки в 1938, 1939 и в конце 1940-х гг., а во время Великой Отечественной войны прожившей в Золотице более двух лет (с конца 1942 до середины 1945 г.).

За все это время от 15 сказителей Золотицы (исключая Марфу Крюкову) записано около 50 текстов былин традиционного эпоса, несколько прозаических пересказов былинных сюжетов, некоторое количество переложенных былинным складом сказок и исторических песен. Своим огромным репертуаром выделилась Павла Семеновна Пахолова, младшая сестра Марфы Крюковой. От нее записано 34 текста, в том числе 19 былин классического репертуара.

Однако при таком количественно значительном материале из двух небольших деревень Золотицы, население которых по сравнению с временем работы Маркова еще несколько поредело (по данным 1934 г. здесь было 148 домохозяйств), бытового значения былина на Зимнем берегу уже не имела. Она по преимуществу лишь удерживалась в памяти отдельных сказителей в различной степени сохранности и художественного качества и главным образом среди лиц, принадлежащих к роду Крюковых или связанных родством и дружескими узами с видным сказителем времени А. В. Маркова — Федором Тимофеевичем Пономаревым (по уличному прозвищу Почошкиным)²⁰ из Верхней Золотицы. Эти две традиции — Крюковых и Пономарева — оказались наиболее долговечными. Но былины постепенно уже забывались, так как исполнялись очень редко, а преимущественно напевались «для себя» отдельными любителями. Сказители уже не «пропевали» старин на тони, как это было несколько десятилетий назад, когда, по словам очевидцев, рыбаки брали с собою на тоню сказителя и платили ему полный пай; сказительницы уже не пели старин во время «избомытья»; уже не собирались вместе коротать вечера и ночи за слушанием былин, как это бывало в прошлом, по воспоминаниям золотичан, — теперь охотнее слушали сказки, нежели былины.

Выявить такое значительное число сказителей и записать от них былины несомненно помогла работа фольклористов с М. С. Крюковой и вообще проявленный советскими фольклористами в середине и конце 30-х гг. интерес к народному творчеству Зимней Золотицы. В 1937 г. дважды — сперва к участницам экспедиции Института этнографии, затем к участницам экспедиции Гос. литературного музея — приходила сказительница П. В. Онуфриева и просила записать ее старины.²¹ Летом 1938 г. в Зимнюю Золотицу из

¹⁸ В своем очерке В. П. Чужимов сообщает, у кого из родственников марковских сказителей сохранилось знание былин, у кого из сказителей не осталось наследников.

¹⁹ Чужимов. Очерк.

²⁰ Брат отца Ф. Т. Пономарева сильно картавил и звал Тимофея Пономарева вместо Тимошка — Почошка. Прозвище это утвердилось за Тимофеем Пономаревым, вследствие чего и его сын Федор стал прозываться Почошкиным. См.: Марков. С. 473, примеч.

²¹ Записи от нее, произведенные Р. С. Липец, опубликованы в сб.: Славянский фольклор: Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян. М., 1951. С. 211—219. Записи И. М. Колесницкой и М. А. Шнейерсон вошли в настоящее издание (№ 139, 140).

Мурманска приехала погостить к дочери сестра П. В. Онуфриевой — Анна Васильевна Стрелкова. Она плохо помнила былины, но ей очень хотелось, чтобы и ее старины были записаны. Она зашла в гости к М. С. Крюковой, когда у той находилась Э. Г. Бородина-Морозова, но не сказала, зачем пришла. А на другое утро уехала на пароходе через Архангельск в Мурманск. И на «брюге», откуда уходили карбасы на пароход, П. В. Онуфриева упрекнула собирательницу: «Отчего ты не записывала старины у Анны Васильевны?» — «А я не знала, что Анна Васильевна пропевает старины», — сказала Э. Г. Бородина-Морозова. «А ты спросила бы», — заметила П. В. Онуфриева. После этого, списавшись с внуком А. В. Стрелковой, собирательница летом 1939 г. снова встретилась с Анной Васильевной в Золотице и записала от нее былины.

Безусловно самым большим достижением собирательских работ по эпосу в Золотице в 30—40-е гг. явилась запись былин от Павлы Семеновны Пахоловой. Как нам известно, уже Марков знал, что Павла Крюкова, которой было тогда всего 20 лет, умеет петь былины, но «совестится». Начиная с 1934 г. все советские фольклористы, работавшие в Зимней Золотице, поочередно пытались «разговорить» Павлу Семеновну Пахолову. В. П. Чужимов пишет в своем очерке: «Павла Семеновна несомненно знает былины, о чем указывал Марков; мне она также говорила, что знает былины, но петь их отказалась».²² На вопрос Э. Г. Бородиной-Морозовой, какие она помнит былины, Павла Семеновна внешне очень искренне и даже убедительно ответила, что позабыла все, что пропевала когда-то. Впоследствии оказалось, что главную роль в упорном отказывании Пахоловой петь былины играла ее скромность, убеждение, что ей «против Марфы не спеть». Однако интерес Пахоловой к былинному творчеству все же проявлялся в том, что она иногда приходила послушать, как пела для записи М. С. Крюкова. И только в 1938 г., когда дети Пахоловой стали подробно рассказывать о том, какие старины им в детстве пела мать, Павла Семеновна пропела Э. Г. Бородиной-Морозовой для записи 9 былин и стих о Егории Храбром, а позднее и все остальные былины и баллады, включенные в настоящее издание.

Вслед за П. С. Пахоловой расхрабрилась и самая младшая дочь Аграфены Матвеевны, Серафима Семеновна, долго не соглашавшаяся петь: «А я не хочу плести: я не знаю, как с коньца (т. е. сначала. — Ред.) зачеть и цим кончать дела!» — говорила она. И вот в 1948 г. с помощью и при подсказке Марфы Семеновны Серафима Крюкова спела для записи одну былинку и три баллады, но крайне беспомощно.

Не скоро согласилась петь старины и старшая дочь П. С. Пахоловой, жившая в Архангельске, Пелагея Васильевна Негадова. Только после того как собирательница рассказала ей, что записывала былины у ее матери, П. В. Негадова с трудом вспомнила пять былин. Негадова уехала из Золотицы в двадцатилетнем возрасте и больше туда не возвращалась, а потому и неудивительно, что былины у нее короткие и плохо сохранились. Однако Негадова как раз принадлежала к тем сказителям, которые иногда любили для себя напевать былины (об этом рассказывал ее муж).

Так постепенно, шаг за шагом, выявлялись лица, хранящие в своей памяти еще довольно значительные остатки беломорской эпической традиции. При случайной встрече и разговоре золотичане вспоминали, кто, в какой семье и когда «пропевал старины» и кто помнит их и по сей день. Но все сходилось на одном: больше всех и лучше всех знает былины М. С. Крюкова. «У нас в Золотице никого нет против тётки Марфы», — убежденно высказалась дочь П. С. Пахоловой Маруся.

Интересно отношение ко всей этой работе по записи былин самой Марфы Семеновны Крюковой. В 1937 г. нельзя было при ней и заикнуться о знании былин кем-либо из золотичан. Записывать былины от других сказителей приходилось украдкой от нее. Этим отчасти и объясняется, что записей былин в 1937 г. от рядовых исполнителей сделано было мало. Когда в 1938 г. началась запись от Пахоловой, М. С. Крюкова, постоянно присутствуя при записи, настороженно и даже, можно сказать, ревниво внимала тому, что пела ее сестра. Но постепенно она по-хорошему заинтересовалась работой. Когда в 1939 г.

²² Чужимов. Очерк.

производилась запись от А. В. Стрелковой, Марфа Семеновна не отходила от сказительницы, когда та пела былины. Марфе Семеновне, бывало, и нужно, например, выйти на кухню, а она не идет, потому что интересно послушать: «Не по правды поет Анна Васильевна, — говорила она, — и не жаль, каждой поет, как умеет». Ревности такой, как было, когда пела Павла Семеновна, теперь уже не замечалось. Марфа Семеновна даже мечтала: «Хорошо бы все старины Павлы Семеновны, Анны Васильевны и Поли (П. В. Негадовой. — Ред.) скласть в одно место и вышла бы тоненька как книжка».

Во время исполнения былин Павлой Семеновной не раз затевался спор между сестрами, как правильнее спеть то или иное место былины. При этом Пахолова, хотя и признавала приоритет старшей сестры в былинном сказительстве, отстаивала свое право на самостоятельность. Сама Марфа Семеновна все же одобряла искусство сестры: «Павла-то новó и знала, новó и дородно пропоет». Что касается исполнения былин Серафимой, то она вообще ее как сказительницу всерьез не принимала.

Кроме указаний на то, что сказитель слышал или перенял былин у кого-либо из Крюковых, постоянно приходилось слышать имя сказителя Федора Тимофеевича Пономарева или «деда Почошкина». Сказитель Г. М. Плакуев вспоминал: «А у Почошкина тоже голос хороший был. Я раньше всё в лес ходил охотником, и зайдешь к нему на тонь. У него керосинник горит, не лампа, а он лежит на лавке в избушке и поет. Всё поет старины... Как Гаврило Крюков или Почошкин пели, так любо слушать».²³

Из четырех сыновей Ф. Т. Пономарева никто былин не пел, сказительницей стала только его дочь Наталья Федоровна, по мужу Попова (см. № 150—152 и заметку о ней). Н. Ф. Попова («слепая Наталья») скончалась в 1940 г. Из ее детей никто былин не сказывал, а внуки все переехали в Архангельск и поселились там. После похорон ее муж признался, что он, как умел, скрывал от приезжих, что жена поет былины. Он боялся, что ее, как и М. С. Крюкову, также пригласят в Москву, и она будет разъезжать по всей стране.

Две небольшие былины (№ 157, 158) и много сказок помнила внучка Ф. Т. Пономарева — Серафима Яковлевна Седунова.

Но влияние Почошкина выходило далеко за пределы его семьи. Марфа Семеновна, чутко относившаяся к стилевым особенностям исполнявшихся былин, противопоставляла «школу» Пономарева крюковской «школе». Когда Пахолова пела старину «Как женился Добрынюшка Микитич млад», соединив в одну былинку три («Добрыня и Змей», «Женитьба Добрыни» и «Неудавшаяся женитьба Алешки»), М. С. Крюкова возмутилась и упрекала младшую сестру в том, что та поет «по-пчошкински»: «Никто в нашей природы так не пропевал», — говорила она.

Новые материалы включают яркие свидетельства известной уже нам большой роли книги в эпической традиции Золотицы конца XIX и начала XX в. Почти все сказители Золотицы, независимо от того, грамотные они или неграмотные, говорили о том, что они видели «в прежнее время» книги и картины про богатырей. «Раньше книги дешевы были», — рассказывал Г. М. Плакуев. «В новых семьях в Золотице были книги про богатырей». Были они и у самого Плакуева, и он давал их иногда своим односельчанам. Между прочим, Марфе Семеновне Плакуев потом перестал давать: «Она много у меня похитила книг про богатырей. Унесет и ничего боле».²⁴ Сама Марфа Семеновна вначале скрывала свое знание былин из книг и противопоставляла «правду» устной традиции книжной «вракэ». Когда однажды у нее с Павлой разгорелся спор, было ли перечисление городов в обещании князя Владимира наградить Сохматия за его услугу, и Марфа укорила сестру, что она все путает («то города у Волха были»), а Павла возразила, что она не путает, «еще в книге читала», Марфа рассердилась: «Ничего в книге по правды не было, всё вракá, мезеньци пели по-другому» (мезенская традиция для Марфы Семеновны всегда служила непреложным авторитетом). Впоследствии же она перестала «стесняться» своего знакомства с печатными изданиями и при-

²³ Запись Э. Г. Бородиной-Морозовой.

²⁴ Запись Э. Г. Бородиной-Морозовой.

знавалась, что в молодости читала былины «в книгах». Когда же в 1940 г. во время юбилея Марфы Семеновны академик Ю. М. Соколов показал сказительнице книгу А. Оксенова «Народная поэзия», она обрадовалась ей, как родному и близкому человеку. В свете вопроса о роли книги в сказительстве Золотицы характерен факт непосредственного восхождения двух былин из четырех, присланных сказителем Т. Е. Точиловым, к сборнику Кириши Данилова (см. подробно об этом в заметке о Точилове и в комментарии к былине № 161).

Однако сопоставление новых записей с публикациями Ефименко и Маркова говорит о том, что к сказителям третьего поколения (кроме Марфы Крюковой) былины перешли в основном по устной традиции. Многие из них подтверждают отмеченные уже в литературе особенности золотицких обработок.²⁵

Импровизационный метод Аграфены Матвеевны Крюковой, так утрированный старшей ее дочерью Марфой, в меньшей степени сказался в творчестве второй дочери Павлы. Ее тексты довольно близки к записям, произведенным в свое время Марковым от Аграфены Крюковой и других сказителей Золотицы. И там, где П. С. Пахолова под влиянием М. С. Крюковой пыталась на манер сестры сложить что-то свое («Пир у князя Владимира», «Марута Богуслаевна»), попытки ее кончались обычно неудачно. Но все же влияние М. С. Крюковой сказалось и в усвоении некоторых сюжетов, и в перенимании своеобразной фразеологии Марфы Семеновны.

В сюжетном составе эпического репертуара Зимней Золотицы в промежутки между собирательскими работами 1900-х гг. и последнего двадцатипятилетия произошли заметные изменения. Круг сюжетов сильно сузился (репертуар Марфы Крюковой, конечно, в счет не идет). Из 54 сюжетов, зарегистрированных записями Маркова, у сказителей окружения М. С. Крюковой сохранилось лишь 26. Забылись такие былины классического репертуара, как Илья Муромец и Калин-царь, Илья и Идолище, Потык, Соловей Будимирович, Василий Игнатъев, Садко, Василий Буслаев и нек. др. Наиболее устойчивыми оказались: Илья Муромец и Соловей-разбойник, Камское побоище, Иван Гоудинович, а из баллад — Братья-разбойники и сестра (по-золотицкому Моряночка). Но оказалось и несколько новых сюжетов, не записанных ранее (5 былин и 2 отрывка). Некоторые из них явно идут от М. С. Крюковой. Таковы у Пахоловой «Про царя Кудреянка», «Васька да горька пьяница», «Марута Богуслаевна» (№ 97, 100, 116), с некоторыми изменениями, внесенными самой исполнительницей (см. комментарий к этим былинам), другие представляют или новообразование, принадлежащее определенному сказителю или его учителям («Про Еруслана Лазаревича», № 129 — А. В. Стрелковой), или сюжет, усвоенный из какого-то книжного источника, если не самой исполнительницей, то кем-либо в семье Крюковых уже после Маркова («Про петуха и лисицу», № 115 — П. С. Пахоловой).

²⁵ Астахова. 1948. С. 357—361.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Алексей Владимирович Марков.
2. Анна Михайловна Астахова.
3. Эрна Георгиевна Бородина-Морозова.
4. Александр Леонтьевич Маслов.
5. Жилой дом в Нижней Зимней Золотице. Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.
6. Интерьер купеческого дома. Верхняя Зимняя Золотица. Фотография Д. В. Агафоновой. 2010 г.
7. Могильный крест в Нижней Зимней Золотице. Фотография Д. В. Агафоновой. 2010 г.
8. Церковь Рождества Богородицы в Верхней Зимней Золотице. Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.
9. Обетный крест в Верхней Зимней Золотице. Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.
10. Обетный крест в Верхней Зимней Золотице. Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.
11. Карбас на берегу р. Золотицы. Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.
12. Вид Верхней Зимней Золотицы. Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.
13. Гаврило Леонтьевич Крюков. Карандашный рисунок со старинной фотографии Г. Сайботалова. РО ИРЛИ, р. V, кол. 106, п. 1, № 226.
14. Аграфена Матвеевна Крюкова. Карандашный рисунок со старинной фотографии Г. Сайботалова. РО ИРЛИ, р. V, кол. 106, п. 1, № 227.
15. Марфа Семеновна и Павла Семеновна Крюковы.
16. Федор Тимофеевич Пономарев. Фотография прислана А. В. Марковым исполнителю.
17. Семен Васильевич Крюков. РО ИРЛИ, р. V, кол. 106, п. 1, № 238.
18. Гаврила Леонтьевич Крюков с внуками. РО ИРЛИ, р. V, кол. 106, п. 1, № 239.
19. Пелагея Васильевна Негадова. РО ИРЛИ, р. V, кол. 106, п. 1, № 243.
20. Серафима Семеновна Крюкова, Марфа Семеновна Крюкова и Павла Семеновна Пахолова. РО ИРЛИ, р. V, кол. 106, п. 1, № 245.
21. Коллективная фотография из архива М. П. Борисенковой. В нижнем ряду вторая справа Марфа Семеновна Крюкова.
22. Крюковские кресты на кладбище в Нижней Зимней Золотице. Фотография Д. В. Агафоновой. 2010 г.
23. Марфа Петровна Борисенкова, внучатая племянница Марфы Семеновны Крюковой. Фотография Д. В. Агафоновой. 2010 г.
24. Рыболовные сети. Фотография Д. В. Агафоновой. 2010 г.
25. Крыльцо дома в Верхней Зимней Золотице. Фотография Д. В. Агафоновой. 2010 г.

26. Тоня Подозериха в Нижней Зимней Золотице. Фотография Д. В. Агафоновой. 2010 г.
27. Вид на Нижнюю Зимнюю Золотицу. Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.
28. Верхняя Зимняя Золотица. Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.
29. Разрушенный карбас на берегу реки. Нижняя Зимняя Золотица. Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.
30. Верхняя Зимняя Золотица. Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.
31. Церковь в Нижней Зимней Золотице. Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.
32. Вид на Нижнюю Зимнюю Золотицу (кладбище и море). Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.
33. Кладбище в Нижней Зимней Золотице. Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.
34. Панорама Верхней Зимней Золотицы. Фотография Д. В. Агафоновой. 2010 г.
35. Кладбище в Нижней Зимней Золотице. Фотография А. Ю. Балакина. 2018 г.
36. Тоня на берегу Белого моря возле Нижней Зимней Золотицы. Фотография А. Ю. Балакина. 2018 г.
37. Резная лопаточка. Фотография А. Ю. Балакина. 2007 г.
38. Рукопись А. В. Маркова. РГБ, ф. 160.
39. Рукопись В. П. Чужимова. ГЛМ, ф. 6422, № 9.
40. Рукопись А. М. Астаховой. РО ИРЛИ, р. V, кол. 90, п. 6.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

(Публикации, архивы)

- Ав. — Книга былин : Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии / Сост. В. П. Авенариус. 8-е изд. М., 1912.
- Азб. — *Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.
- Аст. 1 — Былины Севера. Т. 1 / Зап., вступ. статья, коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938.
- Аст. 2 — Былины Севера. Т. 2 / Подгот. текста, коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1951.
- ББ — Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.
- Бернштам—Лапин — Бернштам Т. А., Лапин В. А. Виноградье — песня обряд // *Русский Север : Проблемы этнографии и фольклора.* Л., 1981. С. 3—109.
- БЗП — Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1960.
- БННЗ — Былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. проф. В. Ф. Миллера, при ближайшем участии Е. Н. Елеонской, А. В. Маркова. М., 1908.
- БПЗБ — Былины Печоры и Зимнего берега : (Новые записи) / Изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л., 1961.
- БРМЭ — Былины : Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М., 1981.
- БСДС — Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. СПб., 2002.
- Васильева — *Васильева Е. Е.* Композиция однострочных эпических напевов по собранию А. Д. Григорьева // *Проблемы музыкальной науки : Сб. статей.* М., 1979. Вып. 4. С. 145—163.
- Гильф. I—III — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. М.; Л., 1949. Т. 1; М.; Л., 1950. Т. 2; М.; Л., 1951. Т. 3.
- Гиппиус — *Гиппиус Е. В.* Былинные напевы семьи Рябининых // *Вопросы этномузыкального знания.* М., 2013. Вып. 4(5). С. 13—39.
- Гр. I—III — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1900 гг. С напевами, записанными посредством фонографа. Т. 1, ч. 1: Поморье; Ч. 2: Пинега. СПб., 1904; Т. 2: Кулой. Со списком собственных имен в 1, 2 и 3 т. Прага, 1939; Т. 3: Мезень. С картой распространения старин на Крайнем Севере Европейской России. СПб., 1910 (переизд.: *Григорьев А. Д.* Архангельские былины и исторические песни / Под ред. А. А. Горелова. СПб., 2002—2003. Т. 1—3 (Полн. собр. русских былин)).

- ДиА — Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М., 1974.
- Ефименко — Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко. Ч. 2: Народная словесность // Изв. ИОЛЕАЭ. М., 1878. Т. 30, вып. 2 (Тр. этногр. отд. Кн. 5).
- ИМ — Илья Муромец / Подгот. текстов, статья, коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1958.
- Карнаухова — Сказки и предания Северного края / Зап., вступ. статья, коммент. И. В. Карнауховой. М.; Л., 1934.
- ИП 13—16 — Исторические песни XIII—XVI вв. / Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский; Отв. ред. Б. Н. Путилов. М.; Л., 1960.
- ИП 17 — Исторические песни XVII в. / Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев; Отв. ред. Б. Н. Путилов. М.; Л., 1966.
- КД — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е изд., доп. / Подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. М., 1977.
- Кир. I—X — Песни, собранные П. В. Киреевским / Изд. О-вом любителей российской словесности. М., 1860. Вып. 1; 1861. Вып. 2; 1861. Вып. 3; 1862. Вып. 4 (2-е изд. М., 1879); 1863. Вып. 5; 1864. Вып. 6; 1868. Вып. 7; 1870. Вып. 8; 1872. Вып. 9; 1874. Вып. 10.
- Крюк. I, II — Былины М. С. Крюковой / Зап., коммент. Э. Бородина, Р. Липец; Вводн. статья Р. Липец; Ред., предисл. Ю. Соколова. [Т. 1]. М., 1939; Т. 2. М., 1941.
- Линевский — Сказитель Ф. А. Конашков / Подгот. текстов, вводн. статья, коммент. А. М. Линевского; Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948.
- ММБ-1 — Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. 1: Зимний берег Белого моря. Волость Зимняя Золотица // Тр. Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе ИОЛЕАЭ. М., 1906. Т. 1 (Изв. ИОЛЕАЭ. Т. 113. Тр. Этнографического отдела. Т. 15).
- ММБ-2 — Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Ч. 2: Терский берег Белого моря // Тр. Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе ИОЛЕАЭ. М., 1911. Т. 2 (Изв. ИОЛЕАЭ. Т. 114. Тр. Этнографического отдела. Т. 16).
- НБ — Новгородские былины / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. СПб., 1978.
- НЗБ — Напевы с Зимней Золотицы (Архангельской губ. Зимний берег Белого моря) : К материалам, собранным А. Марковым, А. Масловым и Б. Богословским // ММБ-1. С. 147—157.
- НТБ — Напевы Терского берега Белого моря // ММБ-2. 13 нумеров. страниц нот между с. 116—117.
- Никифоров—Пропп — Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961.
- Новиков-1984 — Новиков Ю. А. Проблема варианта и региональных традиций в изучении русских былин // Русская литература. 1984. № 4. С. 85—99.
- Новиков-1985 — Новиков Ю. А. Источник эпического знания — книга // Науч. тр. высш. школы Литовской ССР: Литература. XXVII (2). Фольклористический сб. Вильнюс, 1985. С. 12—31.
- Новиков-2000 — Новиков Ю. А. Сказитель и былинная традиция. СПб., 2000.
- Новиков-2001 — Новиков Ю. А. Былина и книга : Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов. 2-е изд., доп. СПб., 2001.

- Новиков-2009 — Динамика эпического канона : Из текстологических наблюдений над былинами. Вильнюс, 2009.
- Новиков-2013 — Новиков Ю. А. Эпический мир и способы его художественного воплощения : (Из текстологических наблюдений над былинами). Вильнюс, 2013.
- Новичкова — Новичкова Т. А. Михайло Потык сын Иванович // Энциклопедия литературных героев : Русский фольклор и древнерусская литература. М., 1998. С. 341—343.
- Маслов — Маслов А. Л. Былины, их происхождение, ритмический и мелодический склад. С муз. прилож. / Исслед. А. Л. Маслова // Тр. Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе ИОЛЕАЭ. М., 1911. Т. 2 (Изв. ИОЛЕАЭ. Т. 114; Тр. Этногр. отд. Т. 16). С. 299—323. 9 нумеров. страниц нот между с. 328—329.
- Оксенов — Народная поэзия : Былины, песни, духовные стихи / Сост. А. Оксенов. М., 1894.
- ПРН-1894 — Песни русского народа / Собр. в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году / Зап. слова Ф. М. Истомина, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894.
- ПРН-1899 — Песни русского народа / Собр. в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году / Зап. слова Ф. М. Истомина, напевы С. М. Ляпунов. СПб., 1899.
- Пропп—Путилов — Былины : В 2 т. // Подгот. текста, вступ. статья, коммент. В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова. М., 1958.
- Рыбн. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: [Ч. 1—4] / Сост. П. Н. Рыбников; Предисл. П. Бессонова, Д. Хомякова. М., 1861—1867 (переизд.: Песни, собранные Н. П. Рыбниковым. Петрозаводск, 1989—1991. Т. 1—3).
- РЭПС — Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, Т. С. Шенталинская (Сер. «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»). Новосибирск, 1991.
- СБ 1, 2 — Свод русского фольклора : Былины : В 25 т. Т. 1—2: Былины Печоры / Изд. подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова; Отв. ред. А. А. Горелов. СПб.; М., 2001.
- СБ 3—5 — Свод русского фольклора : Былины : В 25 т. Т. 3—5: Былины Мезени / Изд. подгот. А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ф. М. Селиванов; Сюжетный коммент. Ю. А. Новикова; Отв. ред. А. А. Горелов. СПб.; М., 2003—2006.
- СБ 6 — Свод русского фольклора : Былины : В 25 т. Т. 6: Былины Кулоя / Изд. подгот. Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов; Отв. ред. А. А. Горелов. СПб.; М., 2011.
- СБ 7 — Свод русского фольклора : Былины : В 25 т. Т. 7: Былины Пинеги / Изд. подгот. Т. Г. Иванова, А. Ю. Кастров, М. В. Рейли; Отв. ред. А. А. Горелов. СПб.; М., 2012.
- СБ 16—18 (1, 2) — Свод русского фольклора : Былины : В 25 т. Т. 16—18 (1, 2): Былины Пудогы / Изд. подгот. В. И. Жекулина, В. И. Еремина, Т. А. Новичкова, Ю. А. Новиков, М. Н. Власова, А. Н. Розов, А. Ю. Кастров, А. В. Осипов, Е. И. Якубовская; Отв. ред. А. А. Горелов. СПб.; М., 2013—2016.
- С.—Ч. — Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова; Подгот. текстов к печати, примеч., словарь В. Чичерова. М., 1948.
- Т.—М. — Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова, В. Ф. Миллера. М., 1894.
- АТ — The types of the folktale : A classification and bibliographie : Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen / Transl., enlarged S. Thompson. 2nd rev. Helsinki, 1961 (Folklore fellow communications, № 184).

Периодические издания

- ЗРГО — Записки Русского географического общества.
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук.
 СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
 ТОДРА — Труды Отдела древнерусской литературы.

Учреждения, архивы

- ИОЛЕАЭ — Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете
 РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук
 ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
 ГЛМ — Государственный Литературный музей (в настоящее время — Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля)
 МФ ФА — Фонд магнитофонных записей Фонограммархива ИРЛИ
 ФВ ФА — Фонд фоноваликов (фонографических цилиндров) Фонограммархива ИРЛИ

Кроме общеупотребительных и библиографических сокращений в комментариях использованы следующие:

бел. рkp.	— беловая рукопись	прилож.	— приложение
ед. хр.	— единица хранения	р.	— разряд; река
зап.	— записано	рkp.	— рукопись
кол.	— коллекция	соб.	— собиратель
маш.	— машинопись	сост.	— составитель
п.	— папка	с/с	— сельский совет
п. з.	— полевая запись	ст.	— стих

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	
А. Н. Власов. Эпическая традиция Зимнего берега Белого моря	
Т. Г. Иванова. К истории Зимнего берега	
Н. Г. Комелина. История собирания былин Зимнего берега Белого моря	
Ю. И. Марченко. Напевы былин Зимнего берега	
Н. Г. Комелина. Проблемы текстологии былин Зимнего берега Белого моря	
А. Б. Бильдюг, Н. Г. Комелина. Рукописная книжность Зимнего берега Белого моря	149

ТЕКСТЫ БЫЛИН

ВОЛХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ (№ 1)	158
СВЯТОГОР И ИЛЬЯ МУРОМЕЦ (№ 2)	163
ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ЗМЕЙ (№ 3—6)	163
ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ (№ 7—7а)	189
ПОЕДИНОК ДОБРЫНИ НИКИТИЧА С ИЛЬЕЙ МУРОМЦЕМ (№ 8—15)	194
ИДОЛИЩЕ СВАТАЕТ ПЛЕМЯННИЦУ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА (№ 16—18а)	224
ДОБРЫНЯ И АЛЁША (№ 19—24)	241
ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА (№ 25—32)	286
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК (№ 33—37)	314
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ (№ 38—40)	339
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК (№ 41—44)	346
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ (№ 45—47)	365
КАМСКОЕ ПОБОИЩЕ (№ 48—53)	385
БУНТ ИЛЬИ МУРОМЦА ПРОТИВ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА (№ 54—55)	421
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И РАЗБОЙНИКИ (№ 56—58)	432

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА (59—61)	442
АЛЁША ПОПОВИЧ УБИВАЕТ ТАТАРИНА (№ 62—63а)	452
АЛЁША ПОПОВИЧ И СЕСТРА ПЕТРОВИЧЕЙ-ЗБРОДОВИЧЕЙ (№ 64—67)	458
МИХАЙЛО ПОТЫК (№ 68—71)	473
ДУНАЙ ИВАНОВИЧ-СВАТ (№ 72—80)	507
БОЙ ДОБРЫНИ С ДУНАЕМ (№ 81)	558
ДЮК СТЕПАНОВИЧ И ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ (№ 82—89а)	561
ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ И КАТЕРИНА (№ 90—97)	602
СОРОК КАЛИК (№ 98—103)	621
ИВАН ГОДИНОВИЧ (№ 104—108)	646
ДАНИЛО ЛОВЧАНИН (№ 109)	676
ХОТЕН БЛУДОВИЧ (№ 110—111)	679
СУХМАН (№ 112—113)	691
МИХАЙЛО ДАНИЛОВИЧ (№ 114—116)	701
ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ И БАТЫГА (№ 117—119)	719
ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ И НОВГОРОДЦЫ (№ 120)	734
САДКО СОСТЯЗАЕТСЯ С НОВГОРОДОМ (№ 121—123)	745
ГЛЕБ ВОЛОДЬЕВИЧ (№ 124—126)	754
КОЗАРИН (№ 127—132)	770
СОЛОМАН И ВАСИЛИЙ ОКУЛОВИЧ (№ 133—135)	794
КОМИЧЕСКИЙ ЭПОС (№ 136—140)	815
ПРИЛОЖЕНИЕ (№ 141—143)	818
КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТАМ БЫЛИН (№ 1—143)	827

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>А. В. Марков.</i> Былинная традиция на Зимнем берегу Белого моря	938
<i>Л. Л. Васильев.</i> Язык «Беломорских былин»	953
<i>В. П. Чужимов.</i> Народнопоэтическое творчество в с. Зимняя Золотица	972
<i>А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова и др.</i> Былинная традиция Печоры и Зимнего берега в последнее двадцатипятилетие (Раздел 5)	981
Список иллюстраций	988
Условные сокращения	990

Научное издание

СВОД РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

СЕРИЯ «БЫЛИНЫ

В 25 ТОМАХ»

БЫЛИНЫ ЗИМНЕГО БЕРЕГА БЕЛОГО МОРЯ

Том 8

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук*

Редактор издательства *А. И. Строева*
Художник *П. Э. Палей*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Н. И. Журавлева, Л. Д. Колосова,*
А. К. Рудзик и И. В. Смирнова
Компьютерная верстка *Т. Н. Поповой*

Подписано к печати 13.12.2018. Формат 84 × 108 $\frac{1}{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура Академическая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 107.5.
Уч.-изд. л. 70.4. Тираж 300 экз. Тип. зак. № 31

Издатель: Санкт-Петербургский филиал
ФГУП «Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Адрес для корреспонденции:
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
naukaspb.com

Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-038245-9

9785020382459

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины с отделами «Книга—почтой»

- 119192 Москва, Мичуринский проспект, 12, корп. 1;
(код 495) 932-78-01
Сайт: <http://LitRAS.ru/>; e-mail: okb@LitRAS.ru
- 199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1;
(код 812) 328-38-12; e-mail: naukaspb1@yandex.ru

Магазины «Академкнига» с указанием букинистических отделов

- 660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45;
(код 3912) 27-03-90; akademkniga@bk.ru
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
(код 499) 124-55-00 (Бук. отдел)
- 119192 Москва, Мичуринский проспект, 12;
(код 495) 932-74-79 (Бук. отдел)
- 101000 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8, строение 4;
(код 495) 624-72-19
- 142290 Пушкино Московской обл., МКР «В», 1;
(код 49677) 3-38-80
- 191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57;
(код 812) 273-13-98; academkniga.spb@bk.ru
(Бук. отдел)

Коммерческий отдел, Москва

Телефон для оптовых покупателей: (код 499) 143-84-24

Сайт: <http://LitRAS.ru/>

E-mail: info@LitRAS.ru

Отдел логистики, телефон: (код 495) 932-74-71

Факс: (код 499) 143-84-24

ДЛЯ ЗАМЕТОК

